

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2018. 50(4)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Волгоград, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны,
Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Редакционный совет:

Д. Даровец (г. Венеция, Италия)

П. Джозефсон (г. Вотервиль, США)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

С. Ф. Фоминых (г. Томск, Россия)

Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель – International Network Center for Fundamental and Applied Research, США

Издатель – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Словакия

Адрес для писем:

831 04, Словакия, г. Братислава – Нове Место,
ул. Стара Вайнорска, 1367/4

Подписано в печать 01.12.2018 г.

Формат 21 × 29,7/4.

Заказ № 55.

Тел.: 8(918)201-97-19
E-mail: bylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: <http://ejournal52.com>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:

Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография из серии «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2018. 50(4)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (VOLGOGRAD, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

S. F. FOMINYKH (TOMSK, RUSSIA)

P. JOSEPHSON (WATERTVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Publisher – International Network Center for Fundamental and Applied Research, USA
Co-publisher – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Slovak Republic

Postal Address:

1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava –
Nove Mesto, 831 04

Approved for printing 1.12.2018

Order № 55.

Tel.: 8(918)201-97-19
E-mail: bylyegody@sutr.ru
Website: <http://ejournal52.com>

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo from the series «The views of the Russian Empire»

C O N T E N T S

ARTICLES

Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries A.A. Cherkasov, V.G. Ivantsov, M. Šmigel', S.N. Bratanovskii	1334
Early Muslims in the Tomsk Ob Region: Hypotheses and Discussions E.V. Vodyasov, O.V. Zaitceva	1347
Mountaineers and Cossacks of the North Caucasus in the History of Russia's Time of Troubles of the late XVI – early XVII centuries A.A. Kudrjavcev	1354
Evolution of Kalmyk Law into a Combined Law System of the Russian Government in the 17th – 18th centuries K.N. Maksimov	1366
Handicraft Activities in the Life-Support System Structure of the Siberian Village of the XVII– XVIII centuries (according to the Archaeological Materials of the Omsk Irtysh Region) L.V. Tataurova	1376
The Relations between the Kalmyks and the Peoples of the North Caucasus in the Context of Military-Political Contacts in the middle of the 17th century V.T. Tepkeev, G.M. Borlikov	1388
Transformation of Caste Consciousness of Siberian Gypsies in XVIII – at the beginning of XX centuries as a Factor of Their Cultural Socialization O.N. Naumenko, E.A. Naumenko	1397
Sacral Geography of Priirtysh Region in the Works of Russian Researchers M. Rakhimov, N. Shayakhmetov, K. Battalov	1406
From the History of the Study of Ancient and Medieval History of the Lower Volga Region in the XVIII – XIX centuries A.S. Skripkin	1417
The Formation of Primary Education in Eastern Siberia: the Example of Shushenskaya Volost V.G. Sedel'nikov, V.N. Tuguzhekova, N.J. Artamonova, V.N. Asochakova	1427
Integration of Kalmyks into the Russian Society of the XVIII century and Relations of Kalmyks, Russians and Other Ethnos during the Existence of the Kalmyk Khanate within Russian Empire (based on Unpublished Materials stored in the National Archives of the Kalmyk Republic) B.K. Salaev, D.A. Suseeva, T.S. Esenova, N.S. Dzhambinova	1436
The Role of Marine Fisheries Research Expeditions of the 18th–19th centuries in Establishing Russian Political and Legal Presence in the Arctic K.S. Zaikov, A.A. Cherkasov, G. Tianming, N.V. Loukacheva	1456
S.N. Glinka and His Works on the History of the Armenian People in Russian And Armenian Historiography S.M. Sayadov	1471
„Do They All Perform Their Service Dutifully, and Can We Rely on Them in Future?": Methods and Techniques of Manpower Recruitment in Russia In the 1780-1790-ies (by the Example of the Central Urals) A. Plate	1483
The Tactics and Strategy of General G.Kh. Zass in the Caucasus G. Rajović, D.O. Ezhevski, A.G. Vazeroва, M. Trailovic	1492

Ethno-Cultural Aspects of the Russian-British Rivalry in Turkestan in the XIX century K.E. Mamutova, A.V. Kostromitskaya, E.V. Kryzhko, P.I. Pashkovsky	1499
Socio-Economic Situation and Legal Status of Georgian Jews in the XVIII century N. Ter-Oganov	1507
«Deputative Missions» of the Kazakh Khans, Sultans and Family Governs in the Court of the Russian Emperors in the first half of the 19th century Y.A. Lysenko	1518
The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research S.I. Degtyarev, V.M. Zavhorodnia, L.G. Polyakova	1530
A Reflection of the Process of Learning of Russian Liberalism of the Sixth Century in Contemporary Researches (Analytical Review of the Historiography of Russian Liberalism) R.A. Arslanov, E.V. Linkova, E.A. Solovyev	1538
The Schism in Decembrist Movement M.S. Belousov	1552
Sanitary Provision in the Caucasus during the Russian-Persian War of 1826–1828 I.A. Ermachkov, L.A. Koroleva, N.V. Svechnikova, J. Gut	1566
Distance and Distance Chiefs of the Kazakhs of the Orenburg Province (1830–1860) G.S. Sultangalieva, Z.K. Dyussebekova	1575
Perspectives of Russian Grain Exports in 1846 (based on the Printed Output of the Imperial Agricultural Society of Southern Russia and the Imperial Free Economy Society) V.N. Borisenko, O.Yu. Plenkov, E.G. Shchemeleva, Y.I. Kuznetsova	1584
«Vladikavkaz Diocesan Lists» and as a Source on the History of Public Life in the Terek Region in the second half of the XIX – early XX centuries S. Khubulova, B. Koibaev, Z. Sosranova, Al. Tsarikaev	1592
"The Resources of Cold" in Economic and Socio-Cultural Practices of Rural Communities of Yakutia. The second half of XIX – early XX centuries A. Suleymanov	1601
Formation of the System of School Education of the Kazakh Society of Central Kazakhstan in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries B.T. Tuleuova, L.K. Shotbakova, G.M. Smagulova	1612
Rion Rowing Flotilla of 1854–1856: Pages of History V.B. Karataev, S.I. Adinyaev, S.F. Artemova	1625
The Choice of the Way to the Future: to the History of the Don and Orenburg Cossack Hosts as Polygons for Military and Economic Reforms in 1860–1870 A.Y. Peretyatko	1632
Merchants' Hotel Businesses as a Part of Urban Everyday Life in the Towns of the Orenburg Governorate during the Post-Reform Period K.A. Abdrakhmanov	1644
"Other Slavs": Images of "Western Slavdom" in the Views of Russian National-Conservative Panslavists in the 70s–80s of the XIX century A.A. Linchenko	1656
"Resettlement Fact" – As Seen by the Eyes of Peasants (adapted from Peasants' Letters): Latter half of XIX – early XX centuries Y.V. Putilina, V.N. Cherepanova, I.A. Filippova, V.S. Molchanova	1666

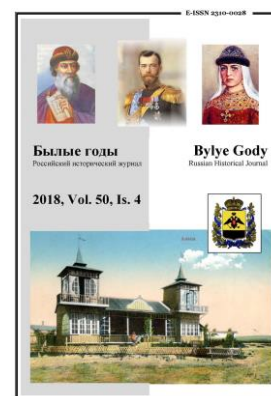
The History of the Russian Region in the Context of Regional Geography (Popular Scientific Geographical Literature of the late 19 – early 20 centuries about Don) N.A. Mininkov, L.V. Mininkova	1674
On Certain Questions Concerning Education in Jadidist Schools in the Kazakh Steppe (the late 19th – the beginning of the 20th centuries) K.M. Murzakhodzhayev, Z.M. Tulibayeva	1684
The Development of Butter Production in the Regions of Western Siberia at the beginning of the 20th century P.A. Sungurov	1695
The System of Cossack Land Ownership and Land Use and Its Reformation in the Early Twentieth Century V.P. Trut	1703
The Issues of Defense, Internal Governance and the Status of the Chinese Eastern Railway in Government Policy at the beginning of the 20th century D.G. Yanchenko	1712
Russian Conservatism of the beginning of the 20 th century: Between Dogma, Illusion and Reality K.N. Tarasov, E.Yu. Mokerova, E.N. Nemchaninova, E.V. Bykova	1725
On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905 A.M. Mamadaliev, A.V. Venkov, N.V. Miku, A. Médico	1734
The Liberal Intelligentsia between the Autocracy and the Revolution: I.V. Baev on the Crisis of Power in Russia in 1917 S.V. Darchieva, A.V. Darchiev	1744
The Centenary of the Great Upheavals in the Mirror of the Latest Russian Historiography A.Yu. Dvornichenko, A.E. Kotov	1752
Hundred Years of 1917 in Russia: Lessons of History and Present Day V.I. Goldin	1766
Strategy of Economic Adaptation of Unauthorized Migrants in the Altai Region during the Period of Stolypin Reforms V.N. Razgon	1774
Russian Historical Journal “Bylye Gody” publications for 2018	1784

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1334-1346. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1334
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

ARTICLES

Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, b, *}, Vladimir G. Ivantsov ^c, Michal Šmigel ^d, Sergei N. Bratanovskii ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^d Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

^e Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article analyses the process of transformation of the institution of the slave trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries. There were used as materials a variety of sources and special literature on various aspects of the research topic.

The authors came to the conclusion that the slave trade in the Caucasus had its own characteristics and stages determined by the development of the historical process with a significant role of external factors. So, in the period of influence of Byzantium the slavery in the Caucasus with its components was relatively undeveloped. The situation has changed fundamentally with the fall of Byzantium, after which a stream of slaves flooded from the Caucasus into the Ottoman Empire.

The development of the slave trade in the Caucasus has had the undeniable negative consequences: as a result, the export to slave markets of the best in their qualities of men, women and children; the initiation of feudal strife and the organization of raids to capture prisoners. However, the slave trade has become an important economic component in the relationship of the Ottoman Empire with the highlanders of the Caucasus and their political orientation towards Istanbul.

Keywords: slave trade, Caucasus, Byzantium, Ottoman Empire, Georgia, Crimea, Egypt, caucasian place names.

1. Введение

История работорговли на Кавказе может быть разделена на три хронологических этапа: первый – IV–XV вв., второй – XVI–XVIII вв. и третий – XIX в. Такое разделение на этапы связано с интенсивностью работорговли в регионе и как следствие наличием присущих только данному этапу исторических источников¹.

* Corresponding author

E-mail addresses: sochio03@rambler.ru (A.A. Cherkasov), michal.smigel@umb.sk (M. Smigel)

¹ Однако будет несправедливо не отметить наличие и других периодизаций кавказской работорговли. Так, например, Т.А. Дзуганов выделяет три основных этапа в истории черкесской работорговли, которые условно обозначает как «Византийский» – с IV по XII вв., «Латинский» – с XIII по XV вв. и «Турецкий» – с XVI по начало 1860-х гг. По его мнению, такая этапизация связана с позицией изменений в геополитической ситуации в Черноморском регионе и сменой доминирующих держав (Дзуганов: 2015: 17).

Первый этап, в сравнении с последующим временем, характеризуется незначительным развитием специфического промысла кавказских горцев – захватом пленных на собственной территории с целью последующей продажи на невольничьих рынках Ближнего Востока. В этот период определяющей причиной потерь населения являлись даже не их продажа в портах Западного Кавказа, а гибель и угон людей в результате вторжения в регион различных завоевателей. Во второй половине XIII века кавказские народы испытали тяготы монголо-татарского завоевания. В конце XIV – начале XV вв. Закавказье подверглось вторжению и разграблению войсками среднеазиатского эмира Тимура (Тамерлана).

Монголо-татары захватывали большое количество пленников. Однако их экономика не нуждалась в значительном количестве рабочих рук. В основном в плен брались ремесленники (их отправляли на строительные работы), образованные люди (их знания использовали по назначению), женщины (для пополнения гаремов и как служанки) и также дети. Только часть рабов-мужчин использовалась в качестве пастухов и земледельцев, большинство становилось слугами, потому что такой массы рабов татаро-монголам было ни к чему, вначале многие за ненужностью были просто убиты. Позднее их начали продавать. Процветающая работорговля приносила большой доход (Бахтин, 2012: 38).

Следует отметить, что вторжения на Кавказ соседей-завоевателей продолжались и в последующем. В XVI–XVIII вв. ареной борьбы между Персией и Турцией стало Закавказье. Тяжелый урон в этом понесла распавшаяся на независимые царства христианская Грузия. Так, в результате походов войск персидского шаха Аббаса I в первой четверти XVII в. только в Кахетии погибло 100 тыс. человек, а 200 тыс. было угнано в Персию. Отторжение Турцией территорий Юго-Западного Кавказа сопровождалось насилием и продажей в рабство многих жителей края (Отечественная история, 1994: 644).

Начало второго этапа работорговли было связано с падением Византии, которая на протяжении почти одной тысячи лет оказывала цивилизационное влияние на Кавказ и имела союзниками Грузию, Абхазию и Сирию. Падение Византийской империи в 1453 г. под ударами турок-сельджуков и создание Османской империи предопределили глобальные изменения на Кавказе, усиление ее позиций в горских обществах привели к расцвету работорговли. Повсеместно на берегу Черного моря создаются работорговые рынки, с которых в значительных масштабах перепродаются пленники и рабы.

На третьем этапе идет постепенное угасание масштабов работорговли и, в конечном счете, ее прекращение, что было связано с появлением на Кавказе нового игрока – Российской империи.

До третьего этапа, судя по источникам, рабы на Кавказе стояли вне норм обычного права горцев – адатов (История народов, 1988: 109). В связи с этим владельцы рабов имели право на их продажу, при этом разделяя семьи, и даже на жизнь рабов. С установлением у горских народов законов и порядков Российской империи владельцы рабов были лишены права личного распоряжения их судьбой, а убийство раба было приравнено к уголовному преступлению.

После Андрианопольского мира 1829 г. Северный Кавказ становится зоной внутренней политики России и работорговля на Черноморском побережье была официально запрещена. Однако контрабандная торговля при негласной поддержке Турции еще долго продолжалась. Ограничению контрабанды живым товаром способствовало крейсирование с 1830-х гг. русских военных кораблей вдоль восточного берега Черного моря.

Важнейшими факторами прекращения работорговли стало завершение Кавказской войны, исход причерноморских народов Северо-Западного Кавказа в Турцию, осуществление Россией программы крупных политико-административных и экономических преобразований в крае.

В статье ставится задача проанализировать особенности и обусловленность этапов работорговли, выявить роль внешних факторов, в первую очередь Османской империи, в стимулировании работорговли, выяснить материальную заинтересованность в продаже рабов, специфику и механизмы работорговли и ее последствия.

2. Материалы и методы

Материалами для написания статьи послужили документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация), опубликованные документы в Актах Кавказской археографической комиссии, а также научные публикации из современной периодической печати.

Методологическую основу историко-сравнительного исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ рабовладельческих явлений в развитии и контексте исторической обстановки. В ходе работы применялись общенаучные методы: логический, классификационный, метод факторного анализа и др., а также такие специальные методы исследования, как сравнительный, статистический и типологический.

3. Результаты

Ограниченный институт рабства и работорговли в Византии ввиду ее долгого влияния на Кавказе не являлся фактором, способствующим развитию рабства у кавказских горцев.

Источники свидетельствуют, что рабы в Византии использовались как домашние слуги, в ремесленном производстве и в сельском хозяйстве. Они выполняли в основном неквалифицированную работу, за исключением рабов в богатейших семьях. В тех случаях, когда в больших хозяйствах имелась необходимость в людях отдельных профессий, не приобретали новых рабов, а обучали уже имевшихся. Многие из домашних рабов получали волю по завещанию или при уходе хозяина в монастырь, при этом бывшие рабы могли продолжать оставаться в хозяйстве и трудиться уже на себя (Браунинг, 1958: 41, 43).

Рабство в сельском хозяйстве Византии не было определяющим, так как большинство земель обрабатывали арендаторы-парики и наемные рабочие (Браунинг, 1958: 46–47). После 1100 года в отношении к военнопленным происходят изменения. Многие источники свидетельствуют, что их расселяли на землях в качестве уплачивающих дань крестьян и воинов, а не продавали как рабов. В это время четко обозначился процесс сокращения рабского труда.

Источниками рабства в Византии были естественный прирост, война и работорговля.

Естественный прирост был обусловлен постепенным облегчением заключения брака у рабов, что способствовало естественному приросту в их семьях. При этом семейные рабы, как правило, не подлежали разлучению. Помимо этого, рабов часто отпускали на свободу, не редки были браки между рабами и свободными. Следует отметить, что естественный источник пополнения рабов был наименьшим в Византии.

Война. Военнопленные повсеместно являлись собственностью тех, кто взял их в плен. Часть военнопленных поступала в собственность императора, но основная масса – военачальникам и младшим командирам.

Что касается **работорговли**, то известно о функционировании невольничьего рынка в Константинополе. Подобно многим другим видам импорта, рабы, ввозимые на территорию империи в порядке торговли, облагались налогом в размере 5 % их стоимости. Имелись три главных источника работорговли: Италия, Болгария и Южная Русь.

Уже в IX веке византийские города Италии были центрами оживленной торговли рабами как с Византией, так и с арабским миром. Например, проданные в рабство моравскими властями ученики Кирилла и Мефодия попали к еврейскому торговцу рабами в Венеции, у которого они были куплены и отпущены на волю агентом Василия I. Этот и другие примеры свидетельствуют, что рынки рабов в Италии получали свой товар со всех концов Западной, Центральной и Северной Европы, так как там имелся избыток людских ресурсов на протяжении большей части средневековья. После утраты в 1071 г. византийских владений в Южной Италии Венеция и Пиза стали главными центрами, через которые проходила торговля рабами.

Болгарское царство являлось, по-видимому, одним из главных поставщиков рабов, ввозимых в Византию в IX–X вв. Эти рабы, однако, сами не были болгарами и поступали из более отдаленных стран. У южнославянских народов в ранний период их истории рабы не находили широкого использования. Рабы представляли собой небольшую потребительскую стоимость и для болгар. Но вскоре они поняли, что рабы имеют высокую меновую стоимость, и с начала X в. болгары стали активно заниматься транзитной работорговлей. Византийские пленные экспортировались или в Западную Европу, или в арабские страны. После разгрома болгарского государства византийцами в начале XI в. сообщения о болгарских работорговцах встречаются реже, а о рабах-болгарах – чаще.

Другие восточноевропейские народы также пытались играть роль поставщиков рабов в Византийскую империю. Арабские и византийские источники сообщают, что венгры продавали в Византию как своих собственных подданных славянского происхождения, так и болгарских пленных в обмен на золото, шелковые ткани и другие товары.

Начиная с X столетия, имеется немало сведений о русских работорговцах в Константинополе. Русско-византийский договор 911 года говорит о русских торговцах, прибывающих в Константинополь «с рабами, по-видимому предназначенными для продажи». О русских работорговцах в Константинополе специально упоминает и договор 944 года. Кроме того, рабы из Руси часто проходили через руки печенегов, половцев, кипчаков и других степных кочевых народов, а также благодаря посредничеству жителей Крымского полуострова (Браунинг, 1958: 48–52).

В начале XII века, после Долобского съезда (1103), половцы были вытеснены Святополком Изяславичем и Владимиром Мономахом на Кавказ, за Волгу и Дон. На Кавказе половцы поступили на службу к грузинскому царю Давиду Строителю. Они помогли очистить Грузию от турок-сельджуков, составляя ядро грузинской армии (Surguladze, 2015: 60–122).

В это время уже происходили изменения в характере торговли в восточном Средиземноморье, начало которого было положено предоставлением Венеции торговых привилегий в 992 г. и договором Мануила I с генуэзцами в 1169 г. По сути дела Византия передала им выгодную черноморскую торговлю. Торговцы не сидели только в портах, ожидая товар из внутренних областей. В начале XII в. «греко-готские» купцы начали появляться даже далеко на севере, к примеру в Новгороде.

Экономической основой широкого движения рабов из Северной Европы в Византию было то, что стоимость их возрастала при их перевозке, во-первых, в район с более высоким уровнем производства, во-вторых, в район, настолько удаленный от их родных мест, что не было необходимости охранять раба или заковывать его в цепи, чтобы он не убежал. Именно этот второй момент объясняет, почему так редко упоминаются болгарские рабы в Константинополе, пока существовало болгарское государство и его войско время от времени появлялось у стен самого города.

Рабами, принадлежащими государству, становились и лица, осужденные за некоторые преступления; они использовались в рудниках, каменоломнях и на других тяжелых работах. У нас нет данных об их численности. Нет также оснований полагать, что они продавались государством другим собственникам. Поскольку рабы подобного типа существовали также в соседних государствах, таких, как Болгария, рабы-каторжники могли попадать в Византию и из-за границы при посредстве работорговцев. Дополнительными источниками были и продажа в рабство самого себя или продажа детей в случае крайней бедности, т.е. когда голод или война отнимала у них все другие средства к существованию, например, в византийской Болгарии, позже в Черкесии и в других местах (Браунинг, 1958: 53–54).

Как уже отмечалось, работорговлю вначале вели венецианцы (X–XII вв.), затем генуэзцы (XIII–XV вв.), снова венецианцы (XV–XVII вв.) и с конца XVII века работорговля перешла к туркам. Очевидно, что генуэзцы и венецианцы ревниво оберегали свою монополию на этот вид коммерции, приносивший значительную прибыль. Так, каждый рейс с невольниками приносил работорговцу 400–500% прибыли, а в начале XV в. только пошлины с вывоза рабов составляли в Венецианской республике 50 тыс. дукатов в год, это не говоря уже о коммерческой выгоде (Seeräuberei, 1940: 32).

В XIII веке существовала монополия каффинских генуэзцев на работорговлю в бассейне Черного моря, то есть скупать рабов на побережье и вдоль речных торговых мест мог кто угодно, но после товар доставлялся в Каффу (Феодосию) и перепродавался генуэзцам, единственным, кто имел лицензию на вывоз рабов, в том числе в страны Средиземного моря (Возгин, 2011: 92).

В XIV–XV вв. одним из главных источников поступления рабов на рынки Западной Европы и Египта был Циркумпонтийский регион, откуда рабы вывозились через Каффу, Тану (Азов) и Перу (Галата). Ограниченное значение имели другие генуэзские фактории Северного и Восточного Средиземноморья, а также крупнейший эмпорий Понта – Трапезунд. Именно в Трапезунде производилась покупка и погрузка рабов-черкесов (Quirini-Popławska, 1998: 165). Оживление работорговли было связано с целым рядом обстоятельств, среди которых увеличение спроса на рабов как в Европе, так и в мамлюкском Египте и Леванте. Итальянцы быстро вытеснили египетских купцов, закупавших рабов в Крыму и вывозивших их через Константинополь, и стали хозяевами положения. Из Таны, Сухуми и Трапезунда генуэзцы и венецианцы отправлялись в земли Орды или мелких феодальных князей Западного Кавказа для приобретения рабов.

Согласно С.П. Карпову, который исследовал картулярии венецианских нотариусов и проанализировал этнический состав рабов, в конце XIV – начале XV вв. (1381–1408 гг.) в Генуе рабы черноморского происхождения составляли 80,7 % из общего состава рабов, а внутри этой группы преобладали татары – 79,3 %, черкесы – 8,9 %, русские – 6,7 %, абхазы – 1,5 %, аланы и мингрелы. В дальнейшем в Генуе рабы черноморского региона составляли 85 % (в первой четверти XV в.) и 91 % (в середине XV в.). Удельный вес татар за этот период понизился с 63% до 20% и также черкесов – соответственно с 28 % до 20 %. Количество русских рабов, напротив, возросло с 20 % до 41,6 %.

В Венеции во второй половине XIV – в первой половине XV вв. также преобладали татаро-монгольские рабы. Рабы кавказского происхождения (черкесы, абхазы, аланы, грузины, мингрелы) значительно уступают им по численности и при этом систематически упоминаются лишь с XV в.

Во Флоренции во второй половине XIV в. 75,75 % из общего состава рабов составляли татары, 8,4 % – греки, 3,6 % – русские, 2,2 % – турки, 1,4 % – боснийцы или словенцы, 1,1 % – черкесы, 0,3 % – критяне и 6,2 % – «сарацины».

В Южной Италии в XIV–XV вв. среди рабов, происходивших из бассейна Черного моря, преобладали главным образом татары и впоследствии черкесы при малочисленности абхазов и мингрелов (Карпов, 1982: 197). В Кандии – столице Крита – объектами сделок, наряду с мужчинами, были в основном женщины: турчанки, татарки, гречанки, русинки, аланки, куманки (Quirini-Popławska, 1998: 165).

В Тане – центре работорговли на Азовском море – в 1350–1360-е годы татаро-монголы составляли 84 %, черкесы – 11 %, аланы – 3 %, русские – 2 %, евреи – 0,5 %. Хотя известно, что в конце XIV – начале XV вв. начинает снижаться общее число татарских рабов, они в тот период продолжали оставаться важнейшей этнической группой среди рабского населения Италии и ее факторий.

В конце XIV – начале XV вв. на рынках в Трапезунде составляли рабы с Западного Кавказа 72,7 % (этнический состав рабов: черкесы – 37,5 %, мингрелы – 37,5 %, аланы и абхазы по 12,5 %), а 27,3 % составляли вместе взятые татары, греки и евреи (Карпов, 1982: 196, 198).

Сравнение приведенных данных наглядно иллюстрирует тот факт, что в Трапезунде «кавказские» рабы представлены значительно больше, чем в Италии и факториях Северного Причерноморья. Это показатель того, что экспорт татар осуществлялся через Каффу, Тану и фактории Крыма (минуя Трапезунд). С другой стороны, Трапезунд служил эмпорием для Западного

Кавказа, связи с которым были обширны. Поэтому в нем и представлены гораздо чаще такие этнические группы, как черкесы, мингрелы, аланы и абхазы (Карпов, 1982: 198–199). Вопрос все же состоит в другом: в какой степени народы Западного Кавказа (и особенно черкесы) принимали участие в этой работорговле?

Прежде всего следует подчеркнуть, что экономика Черкесии, в силу своего натурального характера, не зависела от использования труда рабов и, вероятно, не стимулировала местную работорговлю. По-видимому, рабы здесь не находили широкого использования и велась, в основном, транзитная работорговля (аналогично южнославянским народам в ранний период их истории). Как свидетельствуют источники, уже к X в. ведущей отраслью экономики адыгских народов было пашенное земледелие. Довольно развитым было скотоводство и ремесло. Сведений об участии в работорговле непосредственно черкесов либо других кавказских народов не имеется, и вряд ли найдется, принимая во внимание монополию генуэзцев и венецианцев на процветающую торговлю рабами в бассейне Черного моря.

По мнению Т.А. Дзуганова, с XIII века черкесы только адаптируют некоторые механизмы черноморской работорговли, речь идет о рекрутинге черкесов в мамлюкскую гвардию египетского султаната при посредничестве генуэзских и венецианских купцов (Дзуганов, 2015: 17–18).

По данным некоторых авторов, дешевле всего ценились татары (поступали на рынки Европы в наибольшем количестве, потому и цена на них была относительно небольшой). Дороже всего ценились русские женщины, а затем черкешенки (Лучицкий, 1886: 19–20).

Если говорить о соотношении полов, то тут проявляется значительное различие между работорговлей в Египет и работорговлей в Европу, что объясняется тем обстоятельством, что в Западной Европе, как правило, гораздо шире использовались рабыни, главным образом в качестве домашней прислуги, а рабы продавались на Восток. В ремесле и сельском хозяйстве Северной Италии рабы использовались мало, даже после убыли рабочих рук в результате пандемии чумы, прошедшей в середине XIV века. Поэтому преобладание рабов – мужчин в фактории – показатель их экспорта на рынки Востока (Карпов, 1982: 200). В этом периоде значительный спрос на рабов требовали византийские, сирийские и египетские плантации сахарного тростника. Рост потребления сахара в Европе (с XII века) вызвал значительное увеличение плантаций в восточном Средиземноморье. Венецианские и генуэзские торговцы в то время не только владели плантациями «медоносной травы» в Леванте, но и создавали новые на Кипре, Сицилии и на Крите (Křížová, 2013: 36).

В середине XIV века экономическая роль рабства в Европе усилилась, что, в свою очередь, углубило экономическую стагнацию и ускорило социальные перемены XIV–XV вв. В дальнейшем экспансия турок-сельджуков временно отрезала поставку рабов из бассейна Черного моря, а образование Османской империи работорговлю снова возобновило.

Как отмечалось выше, **на втором этапе положение с работорговлей на Кавказе** резко изменилось. Причины – падение Византийской империи, распад Грузинского царства и, как следствие, резкая активизация геополитических устремлений сложившейся Османской империи на территории Кавказа.

Причины активизации Османской империи находились в ее духовных практиках. Каждый год мусульмане должны были собирать войска и идти войной против неверных, так как священная война понималась как долг каждого мусульманина. Ш. Летурно в своем исследовании «Эволюция рабства» отмечал, что ислам учил при объявлении войны какому-нибудь народу, ему предлагалось на выбор одно из трех: 1) присоединиться к религии Магомета, и тогда все останется по старому; 2) покориться и платить дань; 3) принять вызов, рискуя тем, что, в случае поражения, мужчины будут преданы смерти..., а женщины и дети будут обращены в рабство (Летурно, 1897: 193–194).

Вначале, после падения Византии, Османская империя заимствовала практику поселения бывших пленников на землю для ее обработки. Однако это продолжалось сравнительно недолго, и в 1530-х гг. эта практика была отменена (Новичев, 1978: 67).

Усиление влияния Османской империи на Западном Кавказе осуществлялось по следующим направлениям: расширение здесь турецкой торговли; интенсивное мореплавание вдоль кавказских берегов, ничем не ограниченное вплоть до екатерининского времени; целенаправленная деятельность среди горцев турецких эмиссаров; создание поселений (колоний) турок в Батуми, Ахалцихе, Поты, Суджук-Кале, Анапе, где содержались турецкие гарнизоны, и превращение их в центры работорговли.

В XV веке поток рабов из Крыма направлялся на центральный работорговый турецкий рынок Ясыр-пазар, который находился в Стамбуле. Однако к концу XVII в. таких мест стало больше – Синоп и Трапезунд (кроме Стамбула). Появились новые рынки в Персии и Индии, которые также обслуживались османскими работорговцами (Noord en Oost Tartarie, 1692: 382–383).

Взросший спрос в Османской империи на невольников для собственных хозяйственных и военных нужд, для гаремов, а также для вывоза в Египет и другие порты Леванта, породил широкое распространение промысла охоты на людей в среде горских народов Кавказа.

Кавказские племена разделились на составные части – охотников и добычу. Изначально это определялось тем, где они жили – в непроходимых горах или на доступных местах. Но со временем это различие исчезло. Приручаемые с детства к ловле людей, горцы так сроднились с этим выгодным

ремеслом, что принесли его в собственные ущелья. Возвращаясь с охоты в чужом краю, они ставили ловушку соседу, крали его детей, продавали собственных. Выгодная и легкая торговля невольниками порождала всеобщую лень, тунеядство и способствовала развитию хищничества, во время которого добывались пленные (Тенгинский полк, 1900: 191). Как отмечает Е.И. Иноземцева, большинство так называемого «живого товара» на Кавказе составляли пленники, как правило, христиане (Inozemtseva, 2017: 37).

Войска египетских мамлюков и багдадских гюрджей были укомплектованы кавказскими невольниками. Первоначально янычары Турции имели такое же происхождение. Все белые невольники Персии и Турции вывозились с Кавказа. Турецкие гаремы были наполнены кавказскими женщинами (Фадеев, 1860: 17).

В Египте был большой спрос на молодых и хорошо сложенных пленников для пополнения войска Деев, называемого мамлюками; в Константинополе и Леванте продают лиц женского пола для гаремов знатных людей по высокой цене, а остальных пленников и пленниц, которые похуже лицом и не так стройны телом, покупают для домашней работы.

В Египте при покупке пленников наблюдался следующий разбор по нациям: черкес, абхаз, мингрелец, грузин, русский, поляк, венгр, немец и др. Судя по качествам силы, красоты и стройности в теле, ценились в порядке очередности следующие кавказские типы: черкес, мингрелец, грузин, абхаз (Броневский, 1823: 311).

Среди женщин самыми красивыми считались черкешенки. Мамлюки предпочитали покупать себе жен из белых пленниц своей родины.

Интересные материалы о работорговле на Кавказе оставил посетивший Закавказье в 1672–1673 гг. путешественник Ж. Шарден, который проживал в Мингрелии в это время.

Жан Шарден обратил внимание на демографические процессы в Мингрельском княжестве. В частности он отмечал, что население Мингрелии в 1672 г. составляло около 20 тыс. человек, а 30 лет назад оно составляло около 80 тыс. Причинами такого резкого сокращения населения были, по его мнению, войны и работорговля (Путешествие Шардена, 1902: 35).

Жак Шарден отмечал, что с давних времен из Мингрелии вывозилось по 12 тыс. человек обоего пола, из них около 3 тыс. в Константинополь (Путешествие Шардена, 1902: 35). К 1670-м гг. экспорт рабов из Мингрелии составлял около 7–8 тыс. человек (Путешествие Шардена, 1902: 101). Об объемах ежегодных торговых сношений Мингрелии свидетельствуют такие цифры, приведенные Шарденом: несколько десятков кораблей из Константинополя и Каффы и более 60 фелюг из более близких портов Гониэ (вероятно Генуя – Авт.), Ириссы и Трапезунда (Путешествие Шардена, 1902: 35). Важно отметить, что не только рабов вывозили с данной территории, но рабы были самым выгодным товаром благодаря высокой стоимости.

Помимо работорговли, с Кавказа вывозились рабы в качестве дани. Так, имеретинский царь выплачивал Турции в качестве дани ежегодно по 80 человек обоего пола в возрасте от 10 до 20 лет; гурийский князь отправлял по 46 детей (Путешествие Шардена, 1902: 35).

Весьма интересным представляется описание невольничьего рынка в Мингрелии, сделанное Ж. Шарденом. Судно, на котором прибыл Шарден в Мингрелию, пристало в гавани, где на рейде стояло уже 7 кораблей, то есть речь могла идти об оживленных торговых связях: «В 100 шагах от берега лежит площадь длиной в 250 шагов и шириною в 50 шагов, которая является главным рынком в Мингрелии. Посреди проходит улица, по обеим сторонам которой расположены 200 маленьких хижин, сделанных из скрепленных между собой ветвей деревьев. Каждый купец занимает одну хижину: в ней он и спит, и держит такой товар, который может быть продан в два-три дня. Те же товары, которые уже проданы или нет надежды тотчас же сбыть, для большей безопасности хранятся на кораблях... На рынке ничего не было найдено, кроме скованных рабов и дюжины лучников – таможенных надсмотрщиков» (Путешествие Шардена, 1902: 103). Важно отметить, что на рынке в удобной для торговли гавани ничего, кроме невольников, не продавали!

В 1672 г. Жан Шарден стал свидетелем вторжения турок и гурийцев на территорию Мингрелии. Когда мингрельский князь пригласил для защиты от вторжения своих соседей абхазцев и взял с них клятву, что они не будут грабить мингрельцев..., абхазцы начали разорять и жечь территорию Мингрелии. Когда беженцы достигли невольничьего рынка, в гавани были приняты меры предосторожности, капитаны судов спустили для охраны рынка по две пушки и провели всю ночь около орудий (Путешествие Шардена, 1902: 104). На следующий день торговцы осуществили эвакуацию на суда и сделали это весьма предусмотрительно, так как вечером того же дня весь рынок был предан огню абхазцами.

В ходе набега абхазцы увели 1,2 тыс. мингрельцев в плен (Путешествие Шардена, 1902: 111). Наличие в Абхазии такого количества пленников должно было обрушить цены на рабов, поэтому капитан работоргового судна, на котором прибыл Шарден в Мингрелию, заявил, что он едет торговать в Абхазию (Путешествие Шардена, 1902: 104). Война в Мингрелии доставляла купцам выгоду, так как абхазцы приносили на продажу свою добычу.

Торговля велась не только на невольничьем рынке, но и на кораблях. Так, Шарден отмечал, что «однажды на наш корабль пришел знатный абхазец в сопровождении прислуги..., они привели трех

рабов и разную добычу. Среди принесенных вещей была риза с образа, все из серебра. Я спросил у них, куда они дели образ, они ответили, что оставили его в церкви...» ([Путешествие Шардена, 1902: 108](#)).

Шарден в своем повествовании оставил и несколько штрихов к картине жизни на работорговом корабле: «каждый вечер невольников приковывали друг к другу попарно и даже мальчиков, а по утрам цепи снимались» ([Путешествие Шардена, 1902: 107](#)). К тому моменту, как Шарден покинул корабль, на нем уже было 40 невольников. Представляют интерес цены на рабов: «капитан, турецкие купцы и христиане (имеются ввиду греки – Авт.) выменяли их на оружие, платье и другие товары, оценивая последние в два раза дороже, чем купили сами. Мужчины в возрасте от 25 до 40 лет обошлись им по 15 эю, а те, кто был старше, по 8–10 эю. Красивые девушки от 13 до 18 лет шли по 20 эю, другие – дешевле; женщины – по 12, а дети по 3–4 эю. Один греческий купец купил женщину с грудным ребенком» ([Путешествие Шардена, 1902: 108](#)). Описывая купленную греком женщину, Ж. Шарден отмечал: «Женщина была 25 лет с восхитительными чертами белого, как снег, лица. Я никогда не видел более красивой груди, более нежной шеи, имеющих один ровный белый цвет. Эта красивая женщина одновременно возбуждала и желание, и страдание» ([Путешествие Шардена, 1902: 108](#)).

О психологическом состоянии невольников Ж. Шарден писал: «Меня в высшей степени удивляло, что эти несчастные создания не были убиты своим тяжелым положением и даже, казалось, не чувствовали его. Как только они были куплены, с них тотчас же сняли покрывавшие их лохмотья и одели в новое белье и платье, заставив работать. Мужчин и мальчиков употребляли для работы на корабле, а женщин и девушек заставляли шить. Казалось, они были довольны одеждой и пищей, которую им давали, но работа была для них большим трудом, и их часто палкой принуждали к ней» ([Путешествие Шардена, 1902: 108](#)).

В первой половине XVIII в. крупным центром работорговли продолжал оставаться вассально зависимый от Стамбула Крым. Помимо потока пленных из южнорусских и украинских земель, продаваемых в Турцию, большим спросом пользовались рабы с Кавказа. Крымские купцы отправлялись в Черкесию, Грузию, абазинские племена, к калмыкам для приобретения рабов в обмен на привозимые ими товары и увозились в Каффу (современная Феодосия) для последующей продажи как внутри Крымского полуострова, так и в Турцию. Часть черкесов, в виде дани, получал крымский хан. Пейсонель отмечал, что в работорговле наибольшим спросом пользовались жители Черкесии, особенно женщины. «Женщины этой страны (Черкесии) самые красивые и пленительные из всех, какие только могут быть в мире. Очаровательность их фигуры и естественность грации приводят в восторг. Мужчины почти все рослые и хорошо сложены. Черкесские женщины одни только разделяют ложе с турецким султаном и татарскими князьями. Крымские вельможи имеют наложницами только черкешенок. Примесь этой прекрасной крови много способствовала смягчению безобразия татарского типа и, наконец, совсем искоренила эти истинные подобию обезьян, напоминающие китайцев своими маленькими узкими глазами, сплюснутыми носами, замечаемыми еще у всех ногайцев, не смешавшихся с черкешенками» ([Пейсонель, 1927: 12](#)).

Помимо черноморского побережья, работорговля получает развитие на Северо-Восточном Кавказе, где ее центрами стали кумыцкие селения Эндерей и Аксай. Сюда везли живой товар из всего Дагестана, Чечни, Ингушетии, Кабарды, из других мест ([История народов, 1988: 78](#)). Покупателями являлись местные купцы, а также проживавшие здесь торговцы Стамбула и Анапы. Доходы от такой посреднической торговли были велики ([Броневский, 1823: 1999](#)).

Основу продаваемых рабов составляли лица четырех национальностей: черкесы, грузины, калмыки, абхазцы. По данным М. Пейсонеля, наиболее большим спросом пользовались рабы из черкесов. Он же отмечал, что «грузины составляли второй класс рабов; женщины их красивы, но толсты и не грациозны.

Они не обладают такой деликатностью, какая свойственна черкешенкам. Мужчины крепки и здоровы. Турецкие султаны некогда брали в жены как грузинок, так и черкешенок; но рассказывают, что один султан, проведя ночь с грузинкой, спросил ее, светает ли? Она ответила, что до утра недалеко, потому что она чувствовала потребность, которая всегда являлась у нее к утру в один и тот же час. Султан, рассерженный неприличием такого ответа, тотчас же прогнал ее. Несколько дней спустя, он предложил тот же самый вопрос черкешенке, которая заняла место грузинки. Черкешенка ответила, что заря наступила, так как она чувствовала уже, что утренний зефир развеивал ее волосы. Великий монарх был так удовлетворен этим ответом, что поклялся, что как у него самого, так и его наследников будут допускаться к ложу только черкешенки ([Пейсонель, 1927: 12](#)).

Далее Пейсонель сообщает, что черкесы платят дань татарскому хану определенным числом рабов, которых этот властелин посылает в Стамбул султану. Султан награждает этими рабами окружающих его лиц и турецких офицеров, являющихся ко двору с поручениями от оттоманского министра.

Рабы представляют собою товар, цены на который колебались более чем значительно. Все: возраст, начиная с детского, различные цели, для которых рабы предназначаются, пол, красота, стройность, знания, физическая сила, состояние здоровья – совокупность всех этих параметров определяла цену раба, которая, по оценке М. Пейсонеля, колебалась от 60 до 5–6 тысяч пиастров ([Пейсонель, 1927: 13](#)). По всей вероятности, речь идет о продаже раба в самой Турции.

В фундаментальном труде «История народов Северного Кавказа» приводятся следующие цены на рабов в русских серебряных рублях. У адыгов (черкесов) стоимость девушки или женщины колебалась обычно от 200 до 800 руб. серебром. За продажу девушки, предназначенной в гарем, платили от 800 до 1500 руб. серебром. Цена при покупке мальчика на турецком рынке была в пределах от 200 до 500 руб. серебром (История народов, 1988: 109). В то же время фиксировались случаи и более высокой стоимости за девушку. Так, в 1834 г. администрация Черноморского казачьего войска выкупила у черкесов захваченную в плен при разграблении хутора казачью девицу Пелагею Дроздову. Стоимость девицы составила 1774 (одна тысяча семьсот семьдесят четыре) рубля! (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 851. Л. 1). Это максимальная стоимость за пленника, известная нам, который был продан в Черкесии в XIX веке! Для сравнения, капитан русской армии в это время получал 300 рублей в год (Cherkasov et al., 2014: 68). Очевидно, что в Стамбуле перекупщики-работорговцы в несколько раз поднимали стоимость своего товара.

Следует иметь в виду, что соотношение турецкого пиастра к русскому рублю серебром было следующим: в середине XVIII века 1 пиастр приравнялся максимально к 75 копейкам. Если произвести перерасчет 6 тыс. пиастров в рубли, то получим цифру в 4,5 тыс. сер. рублей. Таким образом, суммы, названные Пейсонелем, мы считаем вполне правдоподобными.

По правилам того времени евреям и христианам, какой бы национальности они ни были, запрещалось покупать рабов из числа черкесов и абазов, потому что они считались магометанами (Пейсонель, 1927: 13).

В работорговле учитывались и этнические особенности живого товара. Так, в середине XVIII века торговля рабами в Абхазии была очень выгодна для их покупателей ввиду очень низких продажных цен. Главный контингент рабов здесь состоял из людей, попавших к беям в плен во время междоусобиц и взаимных нападений, которые почти никогда не прекращались в этой стране. У работорговцев порода людей Абхазии считалась гораздо хуже, чем Черкесии, и поэтому за раба абаза дают только половину того, что предлагается обыкновенно за рабов из Черкесии (Пейсонель, 1927: 30).

Есть основание считать, что именно невысокая цена на рабов из Абхазии имела следствием вывоз турками большого количества абхазских женщин, в первую очередь красивых. В результате к середине XIX века их осталось очень мало (Народы России, 1879: 368).

Вопрос о количестве вывозимых с Кавказа рабов до сих пор остается открытым. Приводимые данные существенно отличаются, да и не могут соотноситься по времени и территориально. Так, И.Ф. Бларамберг приводит такую цифру: до принятия Грузии в состав России ежегодная численность рабов, продаваемых туркам в портах восточного побережья Черного моря, оценивается в 3 тыс. человек (Бларамберг, 1834: 362). По всей вероятности, И.Ф. Бларамберг имел в виду только Картли-Кахетинское царство, и то цифра эта не учитывала захваченных лезгинами в Грузии пленников.

Помимо этого, из Черкесии в год вывозилось до 4 тыс. невольников (Шамиль, 1953: 127). Вывозили невольников также абхазы, мингрельцы, гурийцы. Нам представляется, что только в мирное время, то есть без учета пленников, захваченных в набегах, на Черноморском побережье могло продаваться от 10 до 12 тыс. человек. При этом количество продаваемых людей из века в век сокращалось. В качестве примера можем привести Абхазское княжество, где во внутренних областях из-за работорговли было по 4,4 человека в семье, а на соседней территории Самурзакани, где работорговля была запрещена, – 6,2 (Cherkasov et al., 2016: 61).

Несколько слов необходимо сказать и о правовом статусе раба. Рабы, происходившие от пленников, не имели никаких прав – ни личных, ни имущественных. Рабыни могли иметь только временного мужа. Рабов могли иметь и крестьяне. Время и труд раба принадлежали его владельцу (Бобровский, 1893: 27). Следует отметить, случалось, что «дряхлах» рабов черкесы отпускали на волю. Так, в мае 1798 г. черкесы освободили из рабства двух рабов: 77-летнего поляка Павла Бодва и 89-летнего армянина Мартина Арикелова (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 379. Л. 150б.). По всей вероятности, пользы в хозяйстве от этих людей уже не было.

С начала XIX века (третий этап) российское правительство предпринимает шаги для пресечения работорговли на Кавказе. В 1804 г. оно обнародовало постановление, категорически запрещавшее работорговлю на Черноморском побережье, а также на других невольничьих рынках Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Предпринятые меры значительно сократили, но окончательно не ликвидировали работорговлю (История народов, 1988: 78–79).

Генерал Р. Фадеев писал, что принятие Грузии под русскую власть положило конец работорговле, но не сразу. Чтобы очистить Закавказье от лезгинских банд, необходимо было истреблять их в течение 15 лет (Фадеев, 1860: 18). Отметим, что первым офицером российской императорской армии, погибшим в начавшейся Кавказской войны, стал штабс-капитан Кабардинского мушкетерского полка Габуадзе. Это произошло 15 августа 1802 года при нападении лезгин на пост Чикаани (Сборник сведений, 1901: 3).

До 1828 г. крепость Анапа оставалась за Турцией и продолжала быть транзитным пунктом работорговли. В это время так выглядел невольничий караван в описании Броневского: «...скованных пленников по два вместе за одну руку приводят большими конвоями через земли чеченские, ингушевские и черкесские скрытными дорогами мимо российских караулов до Анапы. Прежде такие

караваны отправлялись также через Куманскую и Кубанскую степь в Крым и оттуда в Константинополь. Ныне сим путем перевозить пленников строго запрещено со стороны Российского правительства. Женщинам дают лошадей и имеют за ними особенный присмотр, а прочих пленников ведут пеших и кормят досыта, чтобы в дороге не ослабли. Из Джар лезгины проводят пленников через Грузию также скрытыми дорогами по горам и лесам в Ахальцихи и оттуда далее в Черноморские пристани Батум и Потти. Но дабы умножить добычу похищением грузинских жителей, разделяются на малые отряды; одни провожают пленных, другие имеют в предмете новые поиски, стараясь, однако же, возвратиться в Джары того же лета или до наступления глубокой осени» (Броневский, 1823: 313–314).

Цена за раба в 100–200 рублей была настолько велика для горца, что заставляла идти на разные хитрости для завладения человеком. Нередко отец сам продавал своих детей иногда и для того, чтобы не украли их у него соседи, в особенности этого стоило опасаться, если его дети статны и красивы. Однако продажа крестьян помещиками и отцами своих детей не была основным источником пополнения рабов.

Основными источниками пополнения пленных были:

1. **Внутренние войны**, которые происходили из-за межплеменных распрей, а также распрей между разными коленами одного общества. В отмщение за нанесенную обиду обычаем были позволены взаимные набеги с захватом людей и скотины. Такая домашняя война доставляла множество пленников, из которых знатные и богатые выкупались родственниками, а остальные отправлялись на продажу или оставались в качестве рабов для домашней работы, в своем большинстве в качестве пастухов.

2. **Набеги** предпринимались специально в христианские земли, чаще всего в Грузию. Для горских народов главный предмет набега – пленники. Зона деятельности – вдоль Кавказской линии, а также в российские пределы. В плен чаще захватывались отдельные путники или работающие на полях крестьяне. В случае пленения жертве завязывали глаза или накидывали на голову кожаный мешок (шулук), чтобы пленник не смог увидеть тех мест, через которые его будут проводить, предупреждая, таким образом, возможность побега. В Мингрелии и Гурии сами князья и помещики производили торг пленниками, которых захватывали в результате внутренних войн или продавая собственных рабов. В Имеретии запрещение царя Соломона I продавать пленников имело силу, а в Грузии не дешево доставалась добыча после установления там русского военного присутствия. В то же время набеги в Черкесии были обычным делом. Так, в декабре 1850 г. абадзехи напали на аул мирных черкесов и увели более 60 человек с целью продать их туркам (Ivantsov et al., 2017: 874).

3. **Похищение** людей в мирное время у своих соседей или знакомых почиталось за доблесть для горского наездника, главное, чтобы подвиги его оставались в тайне, в противном случае была неизбежна его гибель (Броневский, 1823: 309–310).

Этими тремя способами комплектовалось большое количество невольников, которые доставляются на невольничьи рынки в Анапу, Кодос, Изгаур, Сухум-Кале, Потти и Батум. Находящиеся там турецкие купцы нагружают ими свои корабли и отправляются в Константинополь, а потом в Египт и в Левант.

В июне 1810 г. русским корветом «Крым» недалеко от Геленжан-кале было захвачено турецкое работорговое судно с 66 пленниками на борту. Среди пленников было 15 русских, 41 абазинец и 10 черкесов. Средний возраст пленников составлял 14,9 года (для мужчин – 13,8, а для женщин – 16,6 года) (Cherkasov et al., 2017: 856).

В ноябре 1841 года другой из таких торговых кораблей был захвачен шхуной Черноморского флота. На судне оказалось 148 человек, из них горцев мужского пола – 28 человек, женского – 17, девиц – 48, детей мужского пола – 5, детей женского пола – 32 (АКАК, 9: 524).

С начала XIX века активный захват пленников на территории Черноморского казачьего войска стали осуществлять черкесы. На протяжении длительного времени русская администрация была вынуждена выкупать или обменивать своих сограждан и тем самым, сама того не желая, поддерживать работорговые отношения в регионе (Rajović et al., 2017; Rajović et al., 2018). Ю.Ю. Клычников отмечал, что существовала целая отработанная технология похищения людей на русской стороне. Так, посещая казачьи станицы, горцы старались разузнать благосостояние той или иной семьи, чтобы при похищении установить размеры выкупа. В него включалась и стоимость содержания невольника, причем не только пища, но и «амортизация» кандалов, в которые он был закован. К пленнику относились как к ценному товару (Klychnikov, 2017: 44).

Несмотря на включение Абхазского княжества в состав Российской империи, владетельный князь Михаил Шервашидзе, который осуществлял гражданское управление в княжестве, и в 1840-е гг. продолжал заниматься выгодной работорговлей с турками. Абхазский князь в год продавал не менее 400 мальчиков и девочек, что составляло в то время около 1 % населения (Cherkasov et al., 2017a: 70).

На протяжении всей Кавказской войны работорговля продолжалась контрабандно. Однако были и другие варианты доставки «живого товара». Так, имеются данные о том, что джигеты доставляли рабов на невольничьи рынки официально под предлогом паломничества мусульман в Мекку (Documents and materials, 2016: 119). Для того чтобы иметь представление о степени желания торговать «живым товаром» у племени джигетов, необходимо привести такой яркий пример. В мае

1852 года русской администрацией предпринимались инициативы по склонению джигетов к прекращению войны. Джигеты выставили два требования, одним из которых было право свободного вывоза девушек на продажу в Турцию (Cherkasov et al., 2015).

Последний завершающий удар по работорговле на Черном море был нанесен в самом конце Кавказской войны, когда племена, занимавшиеся работорговлей, покинули причерноморское побережье. С этого момента с отдаленных уголков Кавказа вести караваны рабов стало просто некуда, в результате население на Кавказе стало искать альтернативные грабежам и захвату пленников варианты заработка.

4. Заключение

Исследование позволяет выделить три этапа эволюции работорговли на Кавказе, которые отличаются масштабами торговли живым товаром. После падения Византии и возросшего влияния Османской империи в регионе с Кавказа буквально хлынул поток рабов, продаваемых на невольничьих рынках Черноморского побережья. Рост работорговли был обусловлен возросшим спросом на живой товар на внешних рынках, в первую очередь турецком. Спрос привел к росту цен на рабов и стимулировал на Кавказе развитие промысла охоты на людей с использованием различных приемов и способов их получения исключительно с целью последующей продажи.

Работорговля на Кавказе имела для горских обществ и христианских народов самые отрицательные последствия: вывоз лучших по своим качествам мужчин, женщин, а также детей. Стремление получить как можно больше живого товара инициировало междоусобицы племен, организацию набегов и похищений с целью захвата пленных. Подобная практика нанесла огромный демографический, экономический, моральный урон Кавказу.

Вместе с тем работорговля стала своеобразной экономической составляющей во взаимоотношениях Османской империи с горцами Кавказа, обусловившей стимулирование работорговли, а также политическую ориентацию на Стамбул.

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках Государственного задания Минобрнауки РФ – проект № 33.2830.2017/4.6.

Литература

- АКАК, 9 – Акты Кавказской археографической комиссии. В 13 т. Т. 9. Тифлис, 1876.
- Бахтин, 2012 – Бахтин А.Г. Плен и рабство в период монгольского завоевания и в Золотой Орде по восточным источникам // *Вестник Марийского государственного университета*. 2012. № 10. С. 31–38.
- Бларамберг, 1834 – Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Санкт-Петербург, 1834.
- Бобровский, 1893 – Бобровский П.О. Кубанский егерский корпус 1786–1796 гг. Санкт-Петербург, 1893.
- Браунинг, 1958 – Браунинг Р. Рабство в Византийской империи (600–1200 гг.) // *Византийский временник*. 1958. Т. 14 (39). С. 38–55.
- Броневский, 1823 – Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2 ч. Ч. 2. Москва, 1823.
- Возгрин, 2011 – Возгрин В.Е. Рабство в странах Черного моря (позднее Средневековье – Новое время) // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия История*. 2011. № 3. С. 90–100.
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
- Дзуганов – Дзуганов Т.А. Особенности и характер черкесской работорговли в XIII–XV вв. / *Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX вв.: направления и динамика интеграционных процессов. Сборник научных статей по материалам региональной научной интернет-конференции*. Нальчик, 2015. С. 16–28.
- История народов, 1988 – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988.
- Карпов, 1982 – Карпов С.П. Венецианская работорговля в Трапезунде (конец XIV – начало XV в.) // *Византийские очерки*. М., 1982. С. 191–207.
- Летурно, 1897 – Летурно Ш. Эволюция рабства. Москва, 1897.
- Лучицкий, 1886 – Лучицкий И. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. Киев, 1886.
- Народы России, 1879 – Народы России. В 8 т. Т. 4. Санкт-Петербург, 1879.
- Новичев, 1978 – Новичев А.Д. Рабство в Османской империи в Средние века // *Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества*. Вып. 2. Ленинград, 1978. С. 55–72.
- Отечественная история, 1994 – Отечественная история: Энциклопедия в 5 т. Т. 1. М., 1994.
- Пейсонель, 1927 – Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 гг. Краснодар, 1927.
- Путешествие Шардена, 1902 – Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. Тифлис, 1902.

Сборник сведений, 1901 – Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. / Сост. А.Л. Гизетти. Тифлис, 1901.

Тенгинский полк, 1900 – Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846 гг. / Сост. поруч. Ракович. Тифлис, 1900.

Фадеев, 1860 – *Фадеев Р.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.

Шамиль, 1953 – Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси, 1953.

Cherkasov et al., 2014 – *Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V.* (2014). The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict // *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 2014. 8(3): 64-72.

Cherkasov et al., 2015 – *Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S.* Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years) // *Bylye Gody*. 2015. (4). 38: 888-893.

Cherkasov et al., 2016 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S.* Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 53-66.

Cherkasov et al., 2017 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The List of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the Early 19th century // *Annales Ser. hist. sociol.* 2017. 27 (4): 851-864.

Cherkasov et al., 2017a – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research // *Bylye Gody*. 2017. 43(1): 68–85.

Documents and materials, 2016 – Documents and materials, 2016 – Documents and materials on the History of Jigetiya Spanning the Period from 1750 to 1868 (A collection of documentary materials) / Under the editorship of A.A. Cherkasov. Sochi: Academic Publishing House Researcher, 2016.

Inozemtseva, 2017 – *Inozemtseva E.I.* To the Issue of the Concepts and Terms of the Slavery Institution in the Late Medieval Dagestan // *Slavery: Theory and Practice*, 2017, 2(1): 31-41.

Ivantsov et al., 2017 – *Ivantsov V.G., Cherkasov A.A., Smigel M., Valleau A.* The Policy of the Caucasian Authorities Regarding the Mountaineers of Circassia who fled to the Russian Side (1815–1861) // *Bylye Gody*. 2017. 45(3): 871-877.

Klychnikov, 2017 – *Klychnikov Yu.Yu.* The Factor of Slave Trade in the Russian Politics in the Northern Caucasus // *Slavery: Theory and Practice*, 2017, 2(1): 42-51.

Křížová, 2013 – *Křížová M.* Otroctví v Novém světě od 15. do 19. století. Praha, 2013.

Rajović et al., 2017 – *Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.* The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I // *Bylye Gody*. 2017. 46(4). pp. 1261-1274.

Rajović et al., 2018 – *Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.* The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part II // *Bylye Gody*. 2018. 47(1). pp. 153-160.

Seeräuberei, 1940 – Seeräuberei im Mittelmeer. Dunkle Blätter europäischer Geschichte von Otto Eck. München-Berlin, 1940.

Surguladze, 2015 – *Surguladze M.* A Christian Coalition: The Georgian King David IV in the Struggle against the Seljuk Turks (the Late 11th and Early 12th Centuries) // *Crusader*. 2015. Vol.(2). Is. 2. pp. 60-122.

Noord en Oost Tartarie, 1692 – Noord en Oost Tartarie, ofte bondigh ontwerp van eenige dir landen en volken, zo als voormaels bekend zyn geweest... beschreven, getekent en in't licht gegeven door Nicolaes Witsen. Amsterdam. 1692. Bl. 382-383.

Quirini-Popławska, 1998 – *Quirini-Popławska D.* Niektóre aspekty niewolnictwa w Republice Weneckiej XIV i XV wieku // *Niewolnictwo i niewolnicy w Europie od starożytności po czasy nowożytne*. Kraków. 1998. S. 155-172.

References

АКАК, 9 – Акты Кавказской археологической комиссии [Acts of the Caucasian Archeographic Commission]. V 13 t. T. 9. Tiflis, 1876.

Bakhtin, 2012 – *Bakhtin A.G.* (2012). Plen i rabstvo v period mongol'skogo zavoevaniya i v Zolotoi Orde po vostochnym istochnikam [Captivity and slavery in the period of the Mongol conquest and in the Golden Horde according to Eastern sources]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 10. pp. 31–38. [in Russian]

Blaramberg, 1834 – *Blaramberg I.F.* (1834). Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza [Historical, topographical, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus]. Sankt-Peterburg. [in Russian]

Bobrovskii, 1893 – *Bobrovskii P.O.* (1893). Kubanskii egerskii korpus 1786–1796 gg. [Kuban Chasseurs Corps]. Sankt-Peterburg. [in Russian]

Brauning, 1958 – *Brauning R.* (1958). Rabstvo v Vizantiiskoi imperii (600–1200 gg.) [Slavery in the Byzantine Empire (600–1200)]. *Vizantiiskii vremennik*. T. 14 (39). pp. 38–55. [in Russian]

- [Bronevskii, 1823](#) – *Bronevskii S.* (1823). Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze [The latest geographical and historical news about the Caucasus]. V 2 ch. Ch. 2. Moskva. [in Russian]
- [Vozgrin, 2011](#) – *Vozgrin V.E.* (2011). Rabstvo v stranakh Chernogo morya (pozdnee Srednevekov'e – Novoe vremya) [Slavery in the Black Sea countries (later Medieval – New time)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. № 3. pp. 90–100. [in Russian]
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [State archive of the Krasnodar Krai].
- [Dzuganov, 2015](#) – *Dzuganov T.A.* (2015). Osobennosti i kharakter cherkesskoi rabotorgovli v XIII–XV vv. [Features and nature of the Circassian slave trade in the XIII – XV centuries]. *Sotsial'no-politicheskoe i kul'turnoe prostranstvo Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza v XVI – nachale XX vv.: napravleniya i dinamika integratsionnykh protsessov. Sbornik nauchnykh statei po materialam regional'noi nauchnoi internet-konferentsii*. Nal'chik. pp. 16–28. [in Russian]
- [Istoriya narodov, 1988](#) – *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.)* [History of the peoples of the North Caucasus (the end of the XVIII century – 1917)]. M., 1988.
- [Karpov, 1982](#) – *Karpov S.P.* (1982). Venetsianskaya rabotorgovlya v Trapezunde (konets XIV – nachalo XV v.) [Venetian slave trade in Trapezund (late XIV - early XV century)]. *Vizantiiskie ocherki*. M. pp. 191–207.
- [Luchitskii, 1886](#) – *Luchitskii I.* (1886). Rabstvo i russkie raby vo Florentsii v XIV i XV vv. [Slavery and Russian slaves in Florence in the 14th and 15th centuries]. Kiev. [in Russian]
- [Narody Rossii, 1879](#) – *Narody Rossii* [Peoples of Russia]. V 8 t. T. 4. Sankt-Peterburg, 1879.
- [Novichev, 1978](#) – *Novichev A.D.* (1978). Rabstvo v Osmanskoi imperii v Srednike veka [Slavery in the Ottoman Empire in the Middle of the Century]. *Problemy sotsial'noi struktury i ideologii srednevekovogo obshchestva*. Vyp. 2. Leningrad. pp. 55–72. [in Russian]
- [Otechestvennaya istoriya, 1994](#) – *Otechestvennaya istoriya* [National history]: Entsiklopediya v 5 t. T. 1. M., 1994. [in Russian]
- [Peisonel', 1927](#) – *Peisonel' M.* (1927). Issledovanie trgovli na cherkessko-abkhazskom beregu Chernogo morya v 1750–1762 gg. [Study of trade on the Circassian-Abkhaz Black Sea coast in 1750–1762]. Krasnodar. [in Russian]
- [Puteshestvie Shardeny, 1902](#) – *Puteshestvie Shardeny po Zakavkaz'yu v 1672–1673 gg.* [Chardin's journey through the Caucasus in 1672–1673]. Tiflis, 1902. [in Russian]
- [Sbornik svedenii, 1901](#) – *Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremya voyn Kavkazskogo-gorskoi, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae 1801–1885 gg.* [Collection of information on the losses of the Caucasian troops during the wars of the caucasian-gore, persian, turkish and in the Trans-Caspian region in 1801-1858]. Sost. A.L. Gizetti. Tiflis, 1901. [in Russian]
- [Tenginskii polk, 1900](#) – *Tenginskii polk na Kavkaze. 1819–1846 gg.* [Tengin Regiment in the Caucasus. 1819–1846]. Sost. poruch. Rakovich. Tiflis, 1900. [in Russian]
- [Fadeev, 1860](#) – *Fadeev R.* (1860). Shest'desyat let Kavkazskoi voyny [Sixty Years of the Caucasian War]. Tiflis. [in Russian]
- [Shamil', 1953](#) – *Shamil'* – stavlennik sultanskoi Turtsii i angliiskikh kolonizatorov [Shamil – a protege of sultan Turkey and British colonialists]. *Sbornik dokumental'nykh materialov*. Tbilisi, 1953.
- [Cherkasov et al., 2014](#) – *Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V.* (2014). The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict. *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 8(3): 64-72.
- [Cherkasov et al., 2015](#) – *Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S.* (2015). Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years). *Bylye Gody*. (4). 38: 888-893.
- [Cherkasov et al., 2016](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S.* (2016). Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years. *Bylye Gody*. 39(1): 53-66.
- [Cherkasov et al., 2017](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2017). The List of Captives from the Turkish Vessel Belifite as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the Early 19th century. *Annales Ser. hist. sociol.* 27 (4): 851-864.
- [Cherkasov et al., 2017a](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2017). The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research. *Bylye Gody*. 43(1): 68–85.
- [Documents and materials, 2016](#) – *Documents and materials, 2016* – Documents and materials on the History of Jigetiya Spanning the Period from 1750 to 1868 (A collection of documentary materials). Under the editorship of A.A. Cherkasov. Sochi: Academic Publishing House Researcher, 2016.
- [Inozemtseva, 2017](#) – *Inozemtseva E.I.* (2017). To the Issue of the Concepts and Terms of the Slavery Institution in the Late Medieval Dagestan. *Slavery: Theory and Practice*, 2(1): 31-41.
- [Ivantsov et al., 2017](#) – *Ivantsov V.G., Cherkasov A.A., Smigel M., Valleau A.* (2017). The Policy of the Caucasian Authorities Regarding the Mountaineers of Circassia who fled to the Russian Side (1815–1861). *Bylye Gody*. 45(3): 871-877.
- [Klychnikov, 2017](#) – *Klychnikov Yu.Yu.* (2017). The Factor of Slave Trade in the Russian Politics in the Northern Caucasus. *Slavery: Theory and Practice*, 2(1): 42-51.
- [Křížová, 2013](#) – *Křížová M.* (2013). Otroctví v Novém světě od 15. do 19. století. Praha.

[Rajović et al., 2017](#) – *Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.* (2017). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I. *Bylye Gody*. 46(4). pp. 1261-1274.

[Rajović et al., 2018](#) – *Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.* (2018). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part II. *Bylye Gody*. 47(1). pp. 153-160.

[Seeräuberei, 1940](#) – *Seeräuberei im Mittelmeer. Dunkle Blätter europäischer Geschichte von Otto Eck.* München-Berlin, 1940.

[Surguladze, 2015](#) – *Surguladze M.* (2015). A Christian Coalition: The Georgian King David IV in the Struggle against the Seljuk Turks (the Late 11th and Early 12th Centuries). *Crusader*. Vol.(2). Is. 2. pp. 60-122.

[Noord en Oost Tartarie, 1692](#) – *Noord en Oost Tartarie, ofte bondigh ontwerp van eenige dir landen en volken, zo als voormaels bekend zyn geweest... beschreven, getekent en in't licht gegeven door Nicolaes Witsen.* Amsterdam. 1692. Bl. 382-383.

[Quirini-Popławska, 1998](#) – *Quirini-Popławska D.* (1998). Niektóre aspekty niewolnictwa w Republice Weneckiej XIV i XV wieku // *Niewolnictwo i niewolnicy w Europie od starożytności po czasy nowożytnie.* Kraków. 1998. pp. 155-172.

Эволюция института работорговли на Кавказе в IV–XIX вв.

Александр Черкасов ^{a, b, *}, Владимир Иванцов ^c, Михал Шмигель ^d, Сергей Братановский ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

^d Университет Матейя Бела, Банска Быстрица, Словакия

^e Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется процесс трансформации института работорговли на Кавказе в IV–XIX вв. Материалами для подготовки статьи послужили разнообразные источники, а также специальная литература, посвященная различным аспектам темы исследования.

Авторы приходят к выводу, что работорговля на Кавказе имела свои особенности и этапы, определяемые развитием здесь исторического процесса при значительной роли внешних факторов. Так, в период влияния Византии рабство на Кавказе с его составляющими было сравнительно не развито. Ситуация принципиально изменилась с падением Византии, после чего с Кавказа в Османскую империю хлынул поток рабов.

Развитие работорговли на Кавказе имело безусловные отрицательные последствия: как итог – вывоз на невольничьи рынки лучших по своим качествам мужчин, женщин, а также детей; инициирование феодальных междоусобиц и организация набегов с целью захвата пленных. Вместе с тем работорговля стала важной экономической составляющей во взаимоотношениях Османской империи с горцами Кавказа и их политической ориентацией на Стамбул.

Ключевые слова: работорговля, Кавказ, Византия, Османская империя, Грузия, Крым, Египет, кавказские топонимы.

* Корреспондирующий автор

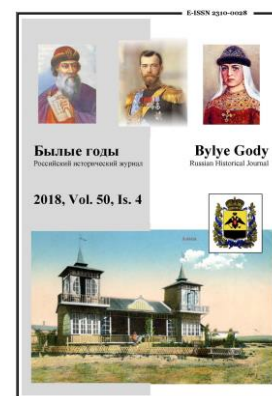
Адреса электронной почты: sochio03@rambler.ru (А.А. Черкасов),
michal.smigel@umb.sk (М. Шмигель)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1347-1353. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1347
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Early Muslims in the Tomsk Ob Region: Hypotheses and Discussions

Evgeny V. Vodyasov^{a, *}, Olga V. Zaitceva^a

^aTomsk State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to a debated issue of when Islam was introduced to Western Siberia. It discusses the methods used to identify Muslim burials, their chronology, and the reasons behind the emergence of Islam in the Tomsk Ob region in the thirteenth to the fifteenth centuries. So far, the archaeological sources available do not allow us narrow down the period in which this happened. At the two burial sites dated to this period, namely Astrakhandtsevskoe and Shaitan-II, there are burials formed according to the Muslim tradition (with adherence to the Qiblah direction and with no inventory), as well as the ones where either the head of the deceased is turned towards Mecca or there is no accompanying inventory found). We hypothesise that Islam came to the Tomsk Ob region through Muslim merchants who were involved in missionary activities.

Keywords: Tomsk Ob region, 13th – 15th centuries, Muslim burials.

1. Введение

Определение времени появления ислама в Западной Сибири и выявление ранних мусульманских памятников формируют отдельную исследовательскую проблему, решение которой во многом лежит на плечах археологии из-за слабой освещенности событий на этой территории письменными источниками. В наших предыдущих статьях, используя статистический анализ погребального обряда могильников Томского Приобья, мы выявили ранние погребения XIII–XV вв. с признаками мусульманской обрядности на курганных могильниках Астраханцевский и Шайтан-II, находящихся на самом юге Томской области (Зайцева, Водясов, 2013; Zaitceva, Vodyasov, 2014; Водясов, Зайцева, 2014). В этих некрополях есть захоронения, совершенные по мусульманскому канону (безынвентарные с соблюдением киблы), и захоронения, где зафиксированы либо доворот лица умершего в сторону Мекки, либо отсутствие сопровождающего инвентаря.

После публикации итогов наших исследований С.Ф. Татауров и М.А. Корусенко вступили с нами в дискуссию и проявили скептическое отношение к полученным нами выводам (Татауров, 2015; Tataurov, Korusenko, 2015). Одна из статей С.Ф. Татаурова прямо называлась «Археологические мифы о распространении ислама в Западной Сибири» (Татауров, 2015). Естественно, мы не можем не обратить внимания на критику в свой адрес и попробуем дать на нее развернутый ответ. Мы хотим также выразить признательность оппонентам за интерес к нашим работам, и нас искренне радует тот факт, что в сибирской археологии еще есть место живому научному спору.

2. Обсуждение

Все высказанные оппонентами сомнения в правомерности выдвинутой нами гипотезы о появлении мусульманских погребений в Томском Приобье в XIII–XV вв. можно разделить на три основных блока вопросов: о методике выявления мусульманских погребений, хронологии этих погребений, причинах появления ислама в Томском Приобье в XIII–XV вв. и дальнейших исторических судьбах первых мусульман.

* Corresponding author

E-mail addresses: vodyasov_ev@mail.ru (E.V. Vodyasov), snori76@mail.ru (O.V. Zaitceva)

Вопрос о методике выявления исламских погребений

Вопрос о корректности применяемой методики выделения мусульманских захоронений – самая важная часть дискуссии, поскольку если выявленные нами мусульманские погребения таковыми не являются, то все остальные вопросы становятся просто бессмысленными. Необходимо отметить, что методика, которую мы использовали при выявлении исламских погребений и которая почему-то вызывает скептическое отношение у С.Ф. Татаурова и М.А. Корусенко, разработана достаточно давно и не нами, на что в наших статьях имеются все соответствующие историографические ссылки. В качестве устойчивых признаков погребений, совершенных по мусульманскому обряду, признаются всего два – отсутствие в погребении сопроводительного инвентаря и обращение лица покойного в сторону Мекки. Данная методика, основанная на статистическом анализе и корреляции двух важнейших признаков мусульманского обряда, зарекомендовала себя как эффективный инструмент выявления мусульманских погребений в различных средневековых некрополях Евразии (Кызласов, 1963; Халикова, 1986; Васильев, 2007; Amirov, 2010; Измайлов, 2016; Хабдулина, 2016). Более того, считается, что только эти два признака характерны и для всей исламской ойкумены, при большой вариативности всех прочих (Смирнов, 1997: 123–124; Peterson, 2013). Таким образом, вопрос о корректности методики выявления мусульманских погребений, по сути, нужно было адресовать не нам, или не только нам, и логично дальше было бы усомниться и в выводах всех наших предшественников. Собственно, все новшество, которое мы себе позволили, – это применение давно существующей методики к материалу, к которому до этого ее никто не применял, и получение весьма неожиданных, в том числе и для нас самих, результатов, на которые и последовала достаточно эмоциональная реакция наших оппонентов.

Интересно также, что ранее, в 2009 г., была высказана гипотеза о появлении погребений, совершенных по мусульманскому обряду в XIV–XV вв., в значительно более северных, чем Томское Приобье, широтах, а именно в Сургутском Приобье (Карачаров, Ражев, 2009). Несмотря на то, что эта работа присутствует в списке литературы наших оппонентов, удивительно, что дискуссия ведется ими исключительно по поводу материалов Томского Приобья (Tataurov, Korusenko, 2015).

Астраханцевский могильник XIII–XV вв., который наши оппоненты постоянно ошибочно именуют Астраханским, продемонстрировал классическую картину начального распространения ислама. Около половины его погребений имело черты мусульманского обряда. При этом всего 7 захоронений совершены по мусульманскому погребальному канону: умершие лежат головой на юго-восток, череп повернут налево, погребальный инвентарь и украшения костюма отсутствуют. В остальных погребениях присутствует небольшое количество инвентаря при соблюдении киблы или же инвентарь отсутствует, но кибла не соблюдена (Зайцева, Водясов, 2013: 135–136).

Безусловно, признаков мусульманского обряда было значительно больше, но практически все они не оставляют археологических следов. Так, ни одного надмогильного сооружения на археологических могильниках Томского Приобья не сохранилось, а найденные фрагменты не позволяют реконструировать их первоначальный вид. Большинство действий участников похорон во время церемонии также археологически не читается, поэтому справедливо высказывание В.Д. Васильева, специалиста в области изучения ислама Золотой Орды, о том, что кроме отсутствия вещей и соблюдения киблы, мы не можем назвать ни одного признака, твердо определяющего то или иное захоронение как мусульманское (Васильев, 2007: 38).

Хотя здесь, на наш взгляд, можно добавить еще два дополнительных (косвенных) признака, которые могут указывать на мусульманский обряд вкуче с озвученными выше. Иногда методами полевой антропологии по взаиморасположению скелетных элементов в могиле можно проследить наличие савана, в которое было завернуто тело (Зайцева, Ражев, 2007: 87–88). На могильнике Шайтан-II это прослежено в погребении 2 кургана 7. В ходе погребального обряда тело умершей было положено на спину с вытянутыми вдоль корпуса руками (кисти были плотно прижаты ладонями к бедрам) и выпрямленными ногами. Затем покойная была плотно обернута мягкими погребальными пеленами, о чем свидетельствует сжатое зафиксированное положение конечностей: элементы рук прижаты к костям корпуса, берцовые кости вплотную придвинуты друг к другу. Саван полностью окутывал умершую с образованием сплошного «кокона».

Второй косвенный признак связан с положением рук. Пеленание и доворот спеленатого саваном тела в некоторых случаях могут привести к тому, что одна из рук будет вытянута вдоль туловища, другая – окажется на тазу (Васильев, 2007: 38). Интересно, что на Астраханцевском могильнике такое положение рук зафиксировано в 5 погребениях (3 случая – левая рука вдоль тела, правая на тазу; 2 случая – правая рука вдоль тела, левая на тазу), и во всех этих погребениях соблюдена кибла – умершие лежат головой на юго-восток, лица обращены влево – в сторону Мекки. В данных случаях положение рук и «следы» савана можно рассматривать как дополнительные аргументы исламской принадлежности погребений. Нужно также отдавать себе отчет в том, что таких случаев могло быть и больше, но качество фиксации положения скелетных элементов и планов погребений далеко не всегда позволяют нам провести необходимый анализ.

Мы не можем согласиться с С.Ф. Татауровым и М.А. Корусенко, что строгость нашего анализа заменена допущениями, лишь «приближающими» выводы к стандарту мусульманского погребения (Tataurov, Korusenko, 2015: 800). Наоборот, мы считаем, что отклонение от канона (наличие

инвентаря с киблой либо его отсутствие без соблюдения киблы) является важным признаком начального проникновения ислама. Местные обычаи, без сомнения, влияли на практику ислама, если не затрагивали существа канонических требований (Васильев, 2007: 106).

Ситуация так называемого «биритуализма», вызвавшая непонимание и критику со стороны С.Ф. Татаурова и М.А. Корусенко и названная ими допущениями, заменившими строгость анализа, по сути, характерна для населения любого региона на начальном этапе принятия новой религии. По данным Е.А. Халиковой, на территории Булгарии «классический» обряд выработался не сразу, а в течение определенного времени, но и после его становления встречаются вариации этого канона (Халикова, 1986). В Казахстане, в некрополе Бозок XIII–XIV вв., особенно выделяется тщательностью постройки мусульманский мавзолей № 1, где с умершим положили оружие и конскую узду (Хабдулина, 2016: 95). В целом, в погребениях Золотой Орды в 281 случае (15,4 %) зафиксирован инвентарь в могилах, при этом 176 захоронений содержат всего 1–3 предмета (Васильев, 2007: 110). Подобная малочисленность инвентаря в погребениях с соблюдением киблы характерна и для Томского Приобья как в XIII–XV вв., так и в более позднюю эпоху XVI–XVII вв., о чем говорят материалы могильника «Тоянов городок» (Зайцева, Водясов, 2013: 136).

Наличие погребального инвентаря или украшений исследователи объясняют по-разному. В.Д. Васильев видит в этом языческие погребальные традиции (Васильев, 2007: 110). И.Л. Измайлов полагает, что находки вещей в погребениях, особенно на раннем этапе внедрения исламской обрядности (не только в Поволжье, но и вообще в исламской ойкумене), являются местной особенностью мусульманской джаназы, а не свидетельством «пережитков» язычества. К тому же категорического запрета на помещение вещей в могилу нет ни хадисах, ни в шариате, ни в более поздних установлениях и трактовках (Измайлов, 2016: 79).

Наши оппоненты также высказали методическую претензию, связанную с перечнем могильников, использованных нами в анализе. С.Ф. Татауров и М.А. Корусенко пишут: «Необходимо отметить, что уже в следующей публикации, в 2014 г., О.В. Зайцева и Е.В. Водясов удалили сведения могильника «Тоянов городок» из списка памятников, отобранных для анализа, а взамен стали рассматривать данные раскопок могильника Шайтан II. ... В связи с этим возникает вопрос к авторам о корректности привлечения тех или иных материалов и их методологических и методических подходах» (Tataurov, Korusenko, 2015: 800). Если бы авторы внимательно прочитали нашу статью «Распространение ислама на северо-восточной периферии Золотой Орды в свете новых археологических данных» (Zaitceva, Vodyasov, 2014), то легко бы поняли, почему мы не рассматривали в этой публикации материалы могильника «Тоянов городок». Упомянутый памятник находится в Нижнем Притомье напротив г. Томска, и в нем, действительно, есть мусульманские погребения. Однако могильник датируется XVI–XVII вв. и не может быть рассмотрен как ранний памятник распространения ислама, к тому же на северо-восточной периферии Золотой Орды, поскольку относится к совершенно другой исторической эпохе. Именно по этим причинам в статье мы анализировали только два могильника в Верхнем Приобье (Астраханцевский и Шайтан-II), где нами выявлены мусульманские погребения золотоордынского периода. Но больше удивляет другое. С.Ф. Татауров и М.А. Корусенко на той же странице, процитированной выше, пишут буквально следующее: «В переписке М.П. Грязнова и А.П. Дульзона ставится вопрос об общей датировке погребальных комплексов (имеется в виду могильник «Тоянов городок» – курсив наш) и авторы останавливаются на XVI–XVII вв. Тем самым могильник выпадает из интересующего нас времени – XIII–XIV вв.» (Tataurov, Korusenko, 2015: 800). То есть авторы сами ответили на свой же вопрос.

Хронология ранних исламских погребений Томского Приобья

С.Ф. Татауров и М.А. Корусенко, ссылаясь на наши работы, утверждают, что мы датировем появление ислама в Томском Приобье XIII в. (Tataurov, Korusenko, 2015: 800). Однако ни в одной из наших статей не приведена столь конкретная дата.

Могильник Шайтан-II датируется в широких рамках XIII–XV вв. н.э. (Zaitceva, Vodyasov, 2014: 505). С хронологией Астраханцевского могильника все несколько сложнее. Он включен автором раскопок Л.М. Плетневой в круг памятников басандайской культуры XI–XIV вв. и датирован ею XIII–XIV вв., и возможно XV веком (Плетнева, 1997: 116).

Для нашей темы важно, что Л.М. Плетневой выделен на Астраханцевском могильнике комплекс вещей XIII–XIV вв. (Плетнева, 1997: 115–116). Это вроде бы позволяет нам датировать курганы, в которых под одной насыпью находились погребения с таким комплексом предметов и безынвентарные погребения с признаками исламской погребальной обрядности XIII–XIV вв., что мы и сделали в одной из своих работ (Водясов, Зайцева, 2014). Однако закономерно встает вопрос об уже упомянутом «возможном» XV веке. Есть все основания полагать, что такая верхняя дата Астраханцевского могильника определена Л.М. Плетневой исключительно интуитивно, по крайней мере никаких других оснований не приведено. XV век вообще выпадает из культурно-хронологической схемы Томского Приобья: памятники развитого Средневековья датируются XI–XIV вв. (басандайская культура), а позднего – относятся к XVI–XVII вв. (связываются с различными группами «томских» татар). Проблеме «темного века» в археологии Томского Приобья специально посвящена недавно вышедшая статья Е.В. Барсукова (Барсуков, 2016). Осложняет хронологический анализ и не раз отмеченная специалистами унификация материальной культуры в монгольское

время. Радиоуглеродные даты ни для одного из 78 исследованных на Астраханцевском могильнике погребений получены не были. На могильнике Шайтан-II для двух курганов получены радиоуглеродные даты, укладывающиеся с учетом калибровки в рамки XIV – середины XV вв. Для нас важно, что одна из этих дат получена для кургана 8, в котором находилось безынвентарное погребение с соблюдением киблы (Zaitceva, Vodyasov, 2014: 505).

Если суммировать все вышесказанное, то при определении хронологии появления ислама в Томском Приобье пока мы можем взвешенно апеллировать только к широкому хронологическому диапазону XIII–XV вв. Сузить дату может позволить возобновление полевых исследований могильников Астраханцевский и Шайтан-II и получение серии репрезентативных дат для безынвентарных погребений с соблюдением киблы.

Причины появления ислама в Томском Приобье и исторические судьбы первых мусульман

С.Ф. Татауров и М.А. Корусенко считают, что наша гипотеза выстроена без учета исторических реалий региона, и задают нам вопрос: как они (мусульмане) попали на территорию Томского Приобья и, главное, какова их дальнейшая судьба? (Tataurov, Korusenko, 2015: 800). К сожалению, авторы невнимательно прочли одну из наших статей, где как раз подробно рассмотрены исторические реалии и пути проникновения ислама в Томское Приобье (Zaitceva, Vodyasov, 2014). Мы полагаем, что локальное проникновение ислама в Томское Приобье произошло через мусульманских купцов, контролировавших торговлю во времена Золотой Орды и имевших свои фактории на торговых путях. Оба могильника возникли на караванном пути в месте переправы через реку Обь, именуемом в исторических источниках «Бухарским мостом». Мы не видим смысла повторять здесь все подробности и аргументы, уже изложенные нами в специальной статье. Дополним только, что о наличии мусульманских торговых факторий на северной периферии Золотой Орды пишут многие исследователи (Кызласов, 1963; Худяков, 2011; Ярков, 2010). Историкам известно об активной миссионерской деятельности поволжских и среднеазиатских купцов в Южной Сибири (Ярков, 2010: 131–132). Это подтверждается и археологическими источниками. Например, мусульманское кладбище XIII–XIV вв. существовало в урочище Саадак-Терек в долине реки Хемчик. На могильнике раскопаны безынвентарные погребения, совершенные в подбое. Для умерших характерна северо-западная ориентация с доворотом лица в сторону Мекки (Кызласов, 1963). Интересно, что общим для могильников Астраханцевский, Шайтан-II и Саадак-Терек является использование в некоторых случаях железных скоб для скрепления досок гроба, что является характерной чертой для золотоордынского времени (Vodyasov, Zaitceva, 2015). Как известно, шариат не запрещает хоронить в гробу, при этом хоронить в гробах принято мусульман, умерших насильственной смертью (Васильев, 2007: 36).

Естественно, мы отдаем себе отчет, что наличие мусульманского кладбища в Туве не доказывает появление ислама в это же время на берегах Оби в Западной Сибири. Данный пример, скорее, призван подчеркнуть саму возможность сценария точечного «чересполосного» проникновения исламских традиций в Сибирь. Л.Р. Кызласов живописно сравнил небольшую группу мусульман-купцов, оставивших кладбище в урочище Саадак-Терек, с «изолированным островком» в среде местного населения» (Кызласов, 1963: 207).

С.Ф. Татауров справедливо называет количество мусульманских погребений на Астраханцевском курганном могильнике Томского Приобья «ничтожно малым» (Tataurov, 2015: 47). Как раз именно потому, что группы мусульманских купцов являлись небольшим и «изолированным островком», а влияние ислама было невелико, количество выявленных исламских погребений уступает доминирующим подкурганным захоронениям с разнообразным инвентарем.

С.Ф. Татауров и М.А. Корусенко задают нам также вполне закономерный вопрос о дальнейшей судьбе ранних мусульман на территории Томского Приобья (Tataurov, Korusenko, 2015: 800). Мы уже писали о том, что пока могильники Астраханцевский и Шайтан-II являются единственными некрополями, свидетельствующими о появлении ислама в Томском Приобье в XIII–XV вв. Другие крупные и хорошо исследованные могильники развитого Средневековья (Басандайский и Усть-Малокиргизский) не несут ни малейших признаков исламской обрядности. Археологические источники и анализ погребального обряда населения Томского Приобья в XIII–XV вв. показывают, что ни о каком массовом распространении ислама в этот период говорить нельзя. Мы имеем дело с локальным и, вероятно, «одноактовым» появлением исламской погребальной традиции, которая в регионе не утвердилась, а массовое распространение ислама приходится на более поздние исторические периоды. В этом ключе показательны сведения, полученные Ф.И. Таббертом в 1721 г. в таежном Причулымье: «Здесь снова был знающий татарин, который утверждал, что чулымские татары из людей хана Кучума. В прежние времена у них была басурманская вера, но они ее утратили, сначала осели в месте слияния рек Чулым и Кия, но были изгнаны киргизами и перекочевали сюда» (Мессершмидт, 2012: 19). Возможно, нечто подобное случилось и с первыми неопитами ислама на Шайтанском средневековом комплексе. Распространение ислама в Сибири проходило не линейно и не одноактно. Массовая волна прихода ислама в Томское Приобье приходится только на XVII–XVIII вв., что хорошо прослеживается и исторически, и археологически (Водясов, Зайцева, 2015).

3. Заключение

Наши оппоненты считают, что «только наличие религиозной общины и связанных с ее деятельностью храмовых, сакральных и погребальных комплексов может быть неопровержимым свидетельством распространения религии в регионе» (Tataurov, Korusenko, 2015: 805). Дело в том, что наличие религиозной общины как раз и прослеживается в нашем случае в погребальных памятниках. С храмовыми комплексами все значительно сложнее. Постройки Шайтанского археологического комплекса, где, по нашему мнению, обитали люди, оставившие могильники Астраханцевский и Шайтан-II, практически не исследованы. Надо отдавать также отчет и в том, что сооружение каменной мечети в условиях Томского Приобья того времени просто невозможно. Каким образом можно археологически идентифицировать деревянные постройки как культовые – вопрос открытый.

Мы солидарны с мнением С.Ф. Татаурова и С.Н. Корусенко о том, что игнорирование исторических источников, особенно арабоязычных, недопустимо (Tataurov, Korusenko, 2015: 804). Проблема только в том, что нам пока не известны арабоязычные источники, проливающие свет на исторические процессы в Томском Приобье в XIII–XV вв. Если они будут выявлены и переведены, то это действительно может очень помочь в исследуемом вопросе.

Скептическое отношение С.Ф. Татаурова и М.А. Корусенко к выделению ранних памятников ислама в Томском Приобье в XIII–XV вв., на наш взгляд, больше построено на эмоциях, чем на строгом научном подходе. Особенно удивляет недоверие наших оппонентов к методике выявления исламских захоронений. Они даже делают вывод, согласно которому безынвентарность и соблюдение киблы не являются достаточным основанием относить археологические комплексы к мусульманским (Tataurov, 2015: 47; Tataurov, Korusenko, 2015: 800).

Если следовать такой логике, то можно отрицать наличие мусульманских погребений не только в Западной Сибири, но и в центральных регионах Золотой Орды даже после официального принятия ислама, потому что и там мы находим подобные вариации погребального канона. В заключение нашей дискуссии мы хотим в свою очередь задать коллегам вопросы: «Как много Вы сможете назвать ранних исламских могильников в любом регионе Золотой Орды, где этих допущений нет и все погребения без исключения строго соответствуют мусульманскому погребальному канону? Даже если такие примеры есть, являются ли они характерными для раннего периода распространения ислама?»

4. Благодарности

Данное научное исследование (№8.1.27.2018) выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Литература

Барсуков, 2016 – Барсуков Е.В. «Темный век» средневековой археологии Томского Приобья: результаты изучения постройки XV в. на городище Шайтан III // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 5 (43). С. 33–39.

Васильев, 2007 – Васильев В.Д. Ислам в Золотой Орде (историко-археологическое исследование). Астрахань, 2007. 170 с.

Водясов, Зайцева, 2014 – Водясов Е.В., Зайцева О.В. Время появления ислама в Томском Приобье по археологическим данным // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. Институт археологии Академии наук Республики Татарстан, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Институт археологии Российской академии наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Институт истории материальной культуры Российской академии наук. 2014. С. 368–370.

Водясов, Зайцева, 2015 – Водясов Е.В., Зайцева О.В. Мусульманские некрополи XVII–XIX вв. в окрестностях Томска // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2015. № 1 (33). С. 125–131.

Зайцева, Водясов, 2013 – Зайцева О.В., Водясов Е.В. Признаки мусульманской погребальной обрядности в Обь-Томском междуречье // *Вестник Томского государственного университета. История*. № 3 (23). 2013. С. 134–137.

Зайцева, Ражев, 2007 – Зайцева О.В. Ражев Д.И. Возможности реконструкции особенностей первоначального размещения тела в погребениях по обряду ингумации // *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 302. С. 84–89.

Измайлов, 2016 – Измайлов И.Л. Археология и ислам в Среднем Поволжье в X – первой трети XIII вв.: опыт комплексного анализа // *Поволжская археология*. № 2 (16). 2016. С. 68–92.

Карачаров, Ражев, 2009 – Карачаров К.Г., Ражев Д.И. Мусульмане на севере Западной Сибири в позднем Средневековье в свете новейших исследований // *Форум «Идель–Алтай». Материалы 1 Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тезисы докладов*. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 116–118.

Кызласов, 1963 – Кызласов Л.Р. Памятник мусульманского Средневековья в Туве // *Советская археология*. № 2. 1963. С. 203–210.

Мессершмидт, 2012 – Мессершмидт Д.Г. Дневники. Томск–Абакан–Красноярск. 1721–1722. Научно-популярное издание. Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2012. 160 с.

- Плетнева, 1997 – Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.
- Смирнов, 1997 – Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 279 с.
- Татауров, 2015 – Татауров С.Ф. Археологические мифы о распространении ислама в Западной Сибири // *Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов*. Барнаул; Омск: Изд. дом «Наука», 2015. С. 45–49.
- Хабдулина, 2016 – Хабдулина М.К. Раннемусульманские погребения некрополя городища Бозок // *Диалог степной и городской культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы 7 Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова*. Казань; Ялта; Кишинев, 2016. С. 94–96.
- Халикова, 1986 – Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 160 с.
- Худяков, 2011 – Худяков Ю.С. Контакты тюркских и монгольских кочевников с народами таежных районов Сибири в эпоху развитого Средневековья // *Уральский исторический вестник*. 2011. № 2. С. 88–94.
- Ярков, 2010 – Ярков А.П. К вопросу о месте ислама в Южной Сибири в раннее Средневековье // *Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: Сборник статей*. Барнаул: Азбука, 2010. С. 126–139.
- Amirov, 2010 – Amirov S. Archaeological aspects of Early Islamic period in Khorezm // *Archaeologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag GmbH, 2010. P. 59–66.
- Petersen, 2013 – Petersen A. The Archaeology of Death and Burial in the Islamic World // *The Oxford Handbook of the Archaeology of Death and Burial*. 2013. pp. 241–257.
- Tataurov, Korusenko, 2015 – Tataurov S.F., Korusenko M.A. The History of Islam in Western Siberia: Interdisciplinary Approach to Chronology and Periodization // *Bylye Gody*. Vol. 38. Is. 4. 2015. pp. 798–807.
- Vodyasov, Zaitceva, 2015 – Vodyasov E.V., Zaitceva O.V. Medieval Burials in Coffins at the area of Tomsk Ob Region: A Local Phenomenon or a “Mongol Trace”? // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 36. Is. 2. pp. 229–237.
- Zaitceva, Vodyasov, 2014 – Zaitceva O.V., Vodyasov E.V. Spread of Islam in the North-Eastern Periphery of the Golden Horde in the Light // *Bylye Gody*. 2014. № 34 (4). pp. 504–509.

References

- Barsukov, 2016 – Barsukov E.V. (2016). «Temnyj vek» srednevekovoj arheologii Tomskogo Priob'ja: rezul'taty izuchenija postrojki XV v. na gorodishhe Shajtan III ["The Dark Age" of the medieval archeology of the Tomsk Ob region: the results of a study of the construction of the 15th century on the hillfort Shaitan III]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. № 5 (43), pp. 33–39. [in Russian]
- Vasiliev, 2007 – Vasiliev V.D. (2007). Islam v Zolotoi Orde (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie) [Islam in the Golden Horde (historical and archaeological research)]. Astrakhan'. 170 p. [in Russian]
- Vodyasov, Zaitceva, 2014 – Vodyasov E.V., Zaitceva O.V. (2014) Vremja pojavlenija islama v Tomskom Priob'e po arheologicheskim dannym [The time of the appearance of Islam in the Tomsk Ob region by archeological data]. *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s#ezda v Kazani. Institut arheologii Akademii nauk Respubliki Tatarstan, Kazanskij (Privolzhskij) Federal'nyj universitet, Institut arheologii Rossijskoj akademii nauk, Institut arheologii i jetnografii Sibirskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk, Institut istorii material'noj kul'tury Rossijskoj akademii nauk*, pp. 368–370. [in Russian]
- Vodyasov, Zaitseva, 2015 – Vodyasov E.V., Zaitseva O.V. (2015). Musul'manskije nekropoli XVII–XIX vv. v okrestnostyakh g. Tomsk [Muslim necropolises of the XVII–XIX centuries in the vicinity of Tomsk]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*, № 1 (33), pp. 125–131. [in Russian]
- Zaitceva, Vodyasov, 2013 – Zaitceva O.V., Vodyasov E.V. (2013). Priznaki musul'manskoj pogrebal'noi obryadnosti v Ob'-Tomskom mezhdurech'e [Features of muslim burial rite in Ob Tomsk region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*, № 3 (23), pp. 134–137. [in Russian]
- Zaitceva, Razhev, 2007 – Zaitceva O.V., Razhev D.I. (2007). Vozmozhnosti rekonstrukcii osobennostej pervonachal'nogo razmeshhenija tela v pogrebenijah po obrjadu ingumacii [Possibilities for reconstructing the features of the initial body placement in burials according to the ritual of Ingumation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 302, pp. 84–89. [in Russian]
- Izmailov, 2016 – Izmailov I.L. (2016). Arkheologiya i islam v Srednem Povolzh'e v X – pervoi treti XIII v.: opyt kompleksnogo analiza [Archeology and Islam in the Middle Volga region in the X – first third of the XIII century: experience of complex analysis]. *Povolzhskaya arkheologiya*, № 2 (16), pp. 68–92. [in Russian]
- Karacharov, Razhev, 2009 – Karacharov K.G., Razhev D.I. (2009). Musul'mane na severe Zapadnoj Sibiri v pozdnem srednevekov'e v svete novejsih issledovanij [Muslims in the north of Western Siberia in the late Middle Ages in the light of the latest research]. *Forum «Idel'-Altaj». Materialy I mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoj arheologii evrazijskih stepej. Tezisy dokladov*. Kazan': Institut istorii AN RT, pp. 116–118. [in Russian]
- Kyzlasov, 1963 – Kyzlasov L.R. (1963). Pamyatnik musul'manskogo Srednevekov'ya v Tuve [Site of the Muslim Middle Ages in Tuva]. *Sovetskaya arkheologiya*, № 2, pp. 203–210. [in Russian]

- Messerschmidt, 2012** – *Messerschmidt D.G.* (2012). Dnevniki. Tomsk-Abakan-Krasnojarsk. 1721-1722. [The Diaries. Tomsk-Abakan-Krasnoyarsk. 1721-722]. Nauchno-populjarnoe izdanie. Abakan: OOO «Kooperativ «Zhurnalist». 160 p. [in Russian]
- Pletneva, 1997** – *Pletneva L.M.* (1997). Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.e. (po arkheologicheskim istochnikam) [Tomsk Ob River in the beginning of the 2nd millennium AD (according to archaeological sources)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. 350 p. [in Russian]
- Smirnov, 1997** – *Smirnov Ju.A.* (1997). Labirint: Morfologija prednamerenogo pogrebenija. Issledovanie, teksty, slovar' [Labyrinth: Morphology of intentional burial. Study, texts, dictionary]. M.: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN. 279 p. [in Russian]
- Tataurov, 2015** – *Tataurov S.F.* (2015). Arheologicheskie mify o rasprostranении islama v Zapadnoj Sibiri [Archaeological myths about the spread of Islam in Western Siberia]. *Integracija arheologicheskikh i jetnograficheskikh issledovanij: sbornik nauchnyh trudov*. Barnaul; Omsk: Izd. dom «Nauka», pp. 45-49. [in Russian]
- Khabdulina, 2016** – *Khabdulina M.K.* (2016). Rannemusul'manskije pogrebenija nekropolja gorodishcha Bozok [Early Muslim burial of the necropolis of the town of Bozok]. *Dialog stepnoi i gorodskoi kul'tur na Evrazijskom prostranstve. Istoricheskaja geografiya Zolotoi Ordy. Materialy Sed'moi Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchenoi pamyati G.A. Fedorova-Davydova*. Kazan'; Yalta; Kishinev, pp. 94-96. [in Russian]
- Khalikova, 1986** – *Khalikova E.A.* (1986). Musul'manskije nekropoli Volzhskoi Bulgarii X – nachala XIII v. [Muslim necropolises of the Volga Bulgaria X – the beginning of the XIII century]. Kazan': Izd-vo KGU. 160 p. [in Russian]
- Hudjakov, 2011** – *Hudjakov Ju.S.* (2011). Kontakty tjurkskikh i mongol'skikh kochevnikov s narodami taezhnyh rajonov Sibiri v jepohu razvitogo srednevekov'ja [Contacts of the Turkic and Mongolian nomads with the peoples of the taiga regions of Siberia in the era of the developed Middle Ages]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, № 2, pp. 88-94. [in Russian]
- Jarkov, 2010** – *Jarkov A.P.* (2010). K voprosu o meste islama v Juzhnoj Sibiri v rannee srednevekov'e [On the question of the place of Islam in Southern Siberia in the early Middle Ages]. *Mirovozzrenie naselenija Juzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v istoricheskoi retrospektive: sbornik statej*. Barnaul: Azbuka, pp. 126-139. [in Russian]
- Amirov, 2010** – *Amirov S.* (2010). Archaeological aspects of Early Islamic period in Khorezm. *Archaeologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag GmbH, pp. 59-66.
- Petersen, 2013** – *Petersen A.* (2013). The Archaeology of Death and Burial in the Islamic World. *The Oxford Handbook of the Archaeology of Death and Burial*, pp. 241-257.
- Tataurov, Korusenko, 2015** – *Tataurov S.F., Korusenko M.A.* (2015). The History of Islam in Western Siberia: Interdisciplinary Approach to Chronology and Periodization. *Bylye Gody*, Vol. 38. Is. 4, pp. 798-807. [in Russian]
- Vodyasov, Zaitceva, 2015** – *Vodyasov E.V., Zaitceva O.V.* (2015). Medieval Burials in Coffins at the area of Tomsk Ob Region: A Local Phenomenon or a “Mongol Trace”? *Bylye Gody*, Vol. 36. Is. 2, pp. 229-237. [in Russian]

Первые мусульмане в Томском Приобье: гипотезы и дискуссии

Евгений Вячеславович Водясов^{a, *}, Ольга Викторовна Зайцева^a

^a Томский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена дискуссионному вопросу о времени появления ислама на территории Западной Сибири. В статье рассмотрены вопросы о методике выявления мусульманских погребений, их хронологии и причинах появления ислама в Томском Приобье в XIII–XV вв. Пока археологические источники не позволяют сузить дату этого события. В двух некрополях XIII–XV вв. – Астраханцевском и Шайтан-II – есть захоронения, совершенные по мусульманскому канону (безынвентарные с соблюдением киблы), и захоронения, где зафиксированы либо доворот лица умершего в сторону Мекки, либо отсутствие сопровождающего инвентаря. Высказана гипотеза о локальном проникновении ислама в Томское Приобье через мусульманских купцов, ведущих и миссионерскую деятельность.

Ключевые слова: Томское Приобье, XIII–XV вв., мусульманские погребения.

* Корреспондирующий автор

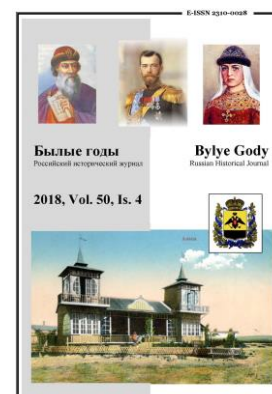
Адреса электронной почты: vodiasov_ev@mail.ru (Е.В. Водясов), snori76@mail.ru (О.В. Зайцева)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1354-1365. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1354
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Mountaineers and Cossacks of the North Caucasus in the History of Russia's Time of Troubles of the late XVI – early XVII centuries

Aleksandr A. Kudrjavcev ^{a, *}

^aNorth-Caucasus Federal University, Russian Federation

Abstract

The death of Ivan the terrible and the accession to the Russian throne of first his son Fyodor Ivanovich, and then Boris Godunov, did not make significant changes in Russian policy in the Caucasus. Moscow continued to support the tsars of Eastern Georgia, and its diplomatic ties with the rulers of Transcaucasia were involved in the highlanders and Cossacks of the North Caucasus. In its geopolitical plans of the Imperial administration relied on the Terek Cossacks and the mountaineers of the Northwest Caucasus, seeking at the same time military and political measures to attract shamkhalov Tarkovsky, which controlled the territory of the Caspian region R. Sulak to the river Ullu-tea. The latter were the main allies of the Crimean khanate and Turkey. In this, one of the most difficult in the history of Russia in the periods of end of the XVI – early XVII centuries, when actively brewing, and then came the development of a deep crisis of the time of Troubles, when the Russian government particularly acute was the question of the state and its territorial integrity, the highlanders and the Cossacks of the North Caucasus was among the supporters of the legitimate government and supported the Royal Governor on the Terek and Astrakhan. Later, after the accession to the throne of Mikhail Fedorovich, they unanimously sided with the new Russian dynasty, which refused to support the self-styled contenders for the Russian throne. However, at the beginning of the XVII century, in the midst of turmoil in the central regions of the state, the Terek Cossacks, unlike the Grebensky Cossacks, along with significant masses of the don, Zaporozhye, Volga, Yaitsky Cossacks, were involved in the turbulent events of the Russian state of this time and actively participated in the Russian turmoil, leaving a bright trace in the historical events of this period. The attempt of ataman Zarutsky and Marina Mnishek at the final stage of the troubles to raise a rebellion in the South of Russia did not find support from the Cossacks and mountaineers of the North Caucasus, who came to defend the Romanov dynasty.

Keywords: Cossacks, highlanders, turmoil, revolt, crisis, impostors, intervention, North Caucasus unity.

1. Введение

Период конца XVI – начала XVII вв. ознаменовался в истории развития Русского государства глубоким всеобщим кризисом, получившим в исторической литературе весьма емкое название Смутного времени. В этот сложный период Московское царство и его правители столкнулись с целым рядом серьезных проблем социально-экономического, военно-политического, административно-территориального и династического характера, которые поставили под вопрос само существование централизованного Русского государства.

Впервые с эпохи феодальной раздробленности и освобождения от монгольской зависимости Россия оказалась перед реальной угрозой утраты своей национальной государственности и территориальной целостности.

В советской историографии важнейшие исторические процессы Смутного времени освещались с классовых антифеодальных позиций, где основное внимание уделялось сословным

* Corresponding author

E-mail addresses: kaao210@yandex.ru (A.A. Kudrjavcev)

антиправительственным выступлениям и борьбе народных масс с иностранной интервенцией и польско-литовскими ставленниками – «самозванцами», претендовавшими на московский престол.

При изучении этой актуальной проблемы в постсоветский период многие ее аспекты исследуются с новых методологических позиций, с привлечением новых источников и методов их анализа.

Вопросы целенаправленных контактов и взаимоотношений северокавказских горцев, терского и гребенского казачества с московской властью, а также роль населения Северного Кавказа во всероссийской Смуте, рассмотренной в контексте региональных подходов к проблеме, еще не служили предметом специального исследования и представляют значительный интерес для изучения истории народов Северного Кавказа и Прикаспия XVI–XVII вв. и их связей с Россией этого периода.

В контексте регионального аспекта исследуемой проблемы большой интерес и важность приобретает исторический опыт, полученный в результате изучения причин, характера и путей ликвидации «Великой смуты» в России конца XVI – начала XVII вв. Через призму этого опыта можно и нужно рассматривать важнейшие события конца XX – начала XXI вв., ознаменовавшиеся в истории России новым глубоким кризисом, приведшим к распаду СССР и возникновению новой мощной евразийской державы – Российской Федерации, перед которой вновь стоит целый ряд глобальных вопросов, связанных с ее существованием и устойчивым развитием как единого, многонационального, демократического государства.

В этой связи исторический опыт преодоления «Великой смуты» через всеобщее народное единение и консолидацию всех патриотических сил является весьма актуальным и чрезвычайно важным для становления и устойчивого развития нового Российского государства – Российской Федерации.

2. Материалы и методы

При исследовании проблемы, посвященной периоду Смутного времени в истории народов Северного Кавказа конца XVI – начала XVII вв., наиболее значимыми и важными выступили сведения русских летописей XVI–XVII вв. (ПСРЛ. Т. 13), материалы русско-дагестанских отношений (Русско-дагестанские отношения в XVII вв. – первой четверти XVIII вв.), кабардино-русских отношений (Кабардино-русские отношения), опубликованные документы, отчеты, материалы и карты известных дипломатов, путешественников, купцов и торговых агентов, посетивших или использовавших данные о территориях и народах Северного Кавказа XVI–XVII вв. (Антоний Дженкинсон, Артур Эдуардс, Адам Олеарий, Иван Нащокин и Иван Леонтьев, Самуил Фрич, Иоган Гарольд, Федор Котов и др.). Важным источником явились исторические, статистические, военные описания российских офицеров, побывавших в регионе (Иоганн Бларамберг), и уникальные материалы раритетных изданий Департамента генерального штаба (Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани), а также данные Кавказского военно-исторического музея (Колосовская, 2017: 168).

Проблема взаимоотношений и участия горцев и казаков Северного Кавказа в военно-политических событиях и исторических реалиях России периода Смутного времени исследуется автором впервые, но взаимоотношения России с народами региона, быт, обычаи и нравы северокавказских горцев, гребенских и терских казаков широко освещались как в дореволюционных исторических сочинениях (Белокуров, 1889; Бутков, 1869; Потто, 1912; Ногмов, 1968 и др.), так и в советской (Кушева, 1963; История народов..., 1988 и др.) и постсоветской историографии (Гордин, 2000; Дегоев, 2003; Cherkasov et al., 2015; История многовекового содружества: к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007 и др.).

Проблемы взаимоотношений горцев и казаков Северного Кавказа с Русским государством в XVI – первой четверти XVIII вв. исследовались автором статьи в целом ряде научных публикаций (20), получивших положительные отзывы зарубежных и отечественных специалистов, а также успешно озвучены в докладах на международных и всероссийских конференциях.

Методы. В представленной статье особое значение придается принципу историзма, важнейшей составляющей которого является признание независимости и уважительного отношения к прошлому (Чубарьян, 2014: 150). В рамках этого принципа исследуются взаимоотношения горцев и казачества Северного Кавказа с центральной властью Московского государства в конце XVI – начале XVII вв., их участие и роль в исторических событиях в России периода Смутного времени.

В работе использованы известные и широко применяемые в исторических исследованиях историко-генеалогический и историко-ситуационный методы, позволяющие на основе исторических фактов и событий осветить различные военно-политические и этно-социальные аспекты взаимодействия и конфликтов, возникавших на Северном Кавказе в эпоху Великой смуты, проанализировать их причины и влияние на ход исторического развития России конца XVI – начала XVII вв. Новым аспектом этого исследования стало использование региональных подходов к изучению истории и специфики событий Смутного времени на Северном Кавказе.

Одновременно предпринята попытка применения и новой, неоклассической модели исследования, ориентированной на синтез социальной и культурной истории, макро- и микроанализ, при использовании междисциплинарного подхода (Репина, 2008: 10–11).

3. Обсуждение

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовались в российской историографии сильно возросшим вниманием специалистов к периоду Смутного времени, отмеченным весьма обширным количеством монографий, посвященных событиям русской истории конца XVI – начала XVII вв. В целом ряде публикаций авторы, опираясь на новые и уже известные источники, представили современные подходы и оценки событий периода Смуты и высказали новые суждения о персональных характеристиках их главных участников.

Основными новыми тенденциями и предметом обсуждения в современной исторической науке, посвященной Смутному времени, стали стремление отойти от устоявшихся классических трактовок изучаемого периода; переоценка персоналий известных участников событий этого времени; региональный подход к изучению целого ряда аспектов истории Смутного времени, а также стремление рассматривать события на широком общеевропейском историческом фоне.

Одной из исторических площадок обмена разноплановых научных мнений по проблемам Смутного времени выступают «Мининские чтения» и публикуемые в Нижнем Новгороде научные сборники по данной проблеме.

Среди значительного числа публикаций, посвященных проблемам Смутного времени, можно отметить монографии В.Н. Козлякова «Смута в России. XVII век», И.О. Тюменцева «Смута в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II», В. Ульяновского «Смутное время», а также труды В.Г. Ананьева, А.В. Беликова, Е.И. Кобзаревой, Г.М. Коваленко, Д.В. Лисейцева, Н.В. Рыбалко, А.А. Селина и др.

4. Результаты

В правлении Ивана Грозного Московское царство значительно раздвинуло свои территории на юг и на восток, были разгромлены и включены в его состав Казанское и Астраханское ханства, началось освоение богатейших территорий Сибири и очень важного для торговых отношений с Закавказьем и Ближним Востоком Северного Кавказа и Прикаспия (Кудрявцев, 2016: 75–77).

Наследовавший русский престол сын Ивана Грозного Федор Иванович (1584–1598 гг.), а затем Борис Годунов (1598–1605 гг.) в основном продолжили политику Ивана Грозного, активно поддерживая дипломатические контакты с Грузией и укрепляя русское влияние в низовьях Терека и Волги (Кудрявцев, 2016а: 570). Одновременно Россия стремилась привлечь на свою сторону адыго-кабардинских правителей на Северо-Западном Кавказе и шамхалов Тарковских – на Северо-Восточном.

Обстановка на южных рубежах России и на Северном Кавказе в конце XVI в. была очень сложная. После блистательной победы князя М.И. Воротынского, разгромившего в 1572 году огромное 120-тысячное конное войско крымского хана Девлет-Гирея (Карамзин, 2002: 722), систематические набеги и грабежи Крымского ханства на пограничные русские территории и владения союзных России северокавказских правителей на довольно длительный период прекратились.

Однако с конца XVI века южные княжества Московского царства вновь стали весьма часто подвергаться набегам и разграблениям крымских татар. Начавшиеся сношения России с Грузией были весьма негативно восприняты Турцией, которая к концу XVI века доминировала как в Закавказье, так и на многих территориях Северного Кавказа. Султан и великий визирь не напрасно напоминали московскому царю о русских крепостях и казаках на Северо-Восточном Кавказе, видя в них главную опору распространения влияния России в регионе (Кудрявцев, 2015: 85). «Султан не велит хану тревожить России, буде царь сведет с Дону казаков своих и разрушит четыре новых крепости, основанных им на берегах сей реки и Терека, чтобы преграждать нам путь к Дербенту» (Карамзин, 2002: 819).

Стремясь обезопасить очень важную для турок трассу, связывавшую Азов и Дербент, т.е. военно-стратегический и торговый путь из Приазовья и Причерноморья в Прикаспий, султан поручил крымскому царевичу Мурад-Гирею возвести на Тереке мощную крепость, которая должна была обеспечить туркам «проход к Железным Вратам» т.е. Дербенту.

Для противодействия турецким планам царь приказал «образовать из Терской окраины особое самостоятельное воеводство, с сильным опорным пунктом» (Потто, 1991: 47). Для этого из Астрахани на Терек были отправлены стрельцы и казаки под командованием боярина Бурцева и келаря Протасьева. «Они выбрали удобное место в Тюменском владении Кабардинского князя Данклиша, давнего присяжника Московских государей, и там, у самого устья Терека, поставили крепость и при ней воеводский город» (Потто, 1991: 47). Посетивший в 1623 г. Терки московский купец Федор Котов оставил подробное описание города, который, по его данным, «стоит над рекою над Тюменкою на низком месте, а храмы, и ряды, и дворы в городе, а против города за рекою слободы – великие черкасская слобода да окотская» (Петровский, 1907: 78).

Возведение в конце XVI в. мощной крепости в одном из стратегически важных мест Северного Кавказа значительно укрепило влияние России в регионе и усилило позиции кабардинских и ногайских правителей, выступавших на стороне Московского государства (Кудрявцев, 2015: 85).

О весьма значительном авторитете России у целого ряда влиятельных северокавказских правителей может свидетельствовать активное участие последних в охране русского посольства, направленного в Грузию по просьбе ее царя Александра. Помимо трехсот пеших стрельцов и пятидесяти терских конных казаков, московское посольство во главе с князем Звенигородским сопровождали «уздени Ших-Мурзы, князя Алкаса, Аварского хана и других кабардинских князей, вызвавшихся служить послам охраной и проводниками» (Потто, 1991: 53).

Одним из главных союзников крымского хана и турецкого султана на Северном Кавказе выступал шамхал Тарковский, который пытался ослабить влияние России в регионе, совершая набеги на казачьи городки и на союзных Москве кабардинских князей.

Так, Будаи-шамхал активно поддерживал кабардинского князя Пшеапшокова, воевавшего с союзником Московского государства Темрюком, правда, после гибели Будаи-шамхала в Кабарде его преемник пошел на уступки русским, направил посла «с великими поминки» в Москву и согласился с возвращением русской крепости на р. Койсу – Сулак (ПСРЛ, 1965: 313, 322; Веселовский, 1890: 27, 43).

В период нахождения посольства Звенигородского в Грузии войска шамхала с отрядами горцев совершили нападение на владения царя Александра, которое, хотя и было, по его словам, отбито грузинскими азнаурами, но дало повод Александру настойчиво просить русского царя наказать шамхала и послать против него «большую рать» русскую, взять Тарки и посадить на престол шамхальский Крым-шамхала, являвшегося сватом грузинского царевича Юрия.

Поход против шамхала Тарковского был назначен на весну 1594 года, и для участия в нем было собрано «тысяча доброконных» терских и гребенских казаков, тысяча казаков волжских и пятьсот яицких, а также около двух с половиной тысяч стрельцов. Командовать отрядом, общее количество которого достигало пяти тысяч, был назначен князь Андрей Иванович Хворостинин.

Однако, заняв Тарки, русские войска были вынуждены бездействовать, ожидая «прибытия грузинской рати», обещанной грузинским царем, а вместе с ней свата кахетинского царевича Юрия Крым-шамхала, которого Александр собирался «посадить на шамхальство».

Это ожидание дорого обошлось экспедиции Хворостинина, так как шамхал, получив помощь от других горских правителей Дагестана, смог полностью заблокировать русские войска в Тарках и лишил их подвоза продовольствия, вооружения, резервов.

Было решено прорваться обратно на Терек, для чего русские войска ночью без боя покинули Тарки, но сбились в темноте с дороги и попали в болотистую местность устья реки Озень, где утром были обнаружены и разгромлены отрядами горцев.

Русская летопись так сообщает об этом поражении Хворостинина на Северо-Восточном Кавказе: «В Тарках нам поставить град не дали. Пришед многие люди шавкальские, кумыки и черкасы, и учниша бой; и на том бою государевых людей побили, яко с три тысячи» (Белокуров, 1889: 251–253).

Несмотря на поражение князя Хворостинина в походе на Тарки, авторитет России на Северном Кавказе оставался весьма значительным, и многие кабардинские князья, а также ряд правителей Дагестана продолжали ориентироваться на Москву, где на смену династии Рюриковичей на престол взошел Борис Годунов. Согласно данным дипломатических документов 1600 года, среди «вновь прибылых» в Московское государство земель упомянуты «Черкесская земля и Абазы», а позднее, уже Михаилу Федоровичу, присягнули западные черкесы и темиргоевцы (КРО, 1957: 224, 265–266).

К началу XVII в. Русское государство уже находилось на пороге тяжелых испытаний, когда вопрос стоял не столько о военных успехах Москвы в Ливонской войне или на Кавказе, сколько о сохранении государственности и территориальной целостности России.

В 1601 году Россию охватил страшный голод, с которым царь и его окружение не могли справиться (Соловьев, 2005: 281). Попытки накормить народ из царских и государственных зернохранилищ не увенчались успехом, так как перекупщики обманом и силой захватывали зерно, а потом перепродавали его по баснословным ценам.

В народе все больший размах получала молва о появлении царевича Дмитрия, и эти слухи будоражили и волновали все слои русского общества, а вскоре «беглый диакон, чудесное орудия гнева небесного, под именем царя российского, готовился предать Россию, с ее величием и православием, в добычу иезуитам и ляхам!» (Карамзин, 2002: 875).

Московское государство, занятое внутренними проблемами и постоянными столкновениями то с польскими, то с шведскими интервентами, вынуждено было держать основные военные силы на западной границе и не могло уделять должного внимания кавказским делам. Однако Борис Годунов, встревоженный усилением влияния Турции на Восточном и Северном Кавказе, стремился укрепить позиции России в регионе, поддерживая дружественных ей северокавказских правителей, прежде всего среди адыго-кабардинских князей и дагестанских владетелей, находившихся в оппозиции шамхалу Тарковскому. Одновременно сохранялись связи с кахетинскими царями, искавшими покровительства у христианских правителей Москвы.

Русское правительство пыталось договориться и с шамхалом, который выступал одним из главных проводников политики турецких султанов и крымских ханов на Северо-Восточном Кавказе, но дипломатические усилия России не дали положительных результатов. Шамхал, вслед за

крымским ханом, требовал снести русскую крепость на границе его владений в низовьях р. Койсу и отказывался гарантировать безопасность Грузии от набегов горцев ([Русско-дагестанские..., 1958: 36](#)).

Однако в связи с обострением междоусобных противоречий в окружении шамхала в 1602–1603 годах Россию решили поддерживать зависимые от шамхала, но находившиеся в оппозиции к нему кумыкские правители: кафыркумукский владетель Сурхай Тарковский и Султан-Махмуд Эндереувский, приславшие к Борису Годунову своих послов ([История народов..., 1988: 342](#)).

Положение самого шамхала в Дагестане в этот период было довольно шатким, так как он вел жестокую междоусобную борьбу со своим наследником Крым-шамхалом, который, в противовес шамхалу Тарковскому, ориентировался не на Турцию, а на Россию. Он находился в родственных отношениях с грузинским царем Александром и надеялся на его помощь в борьбе за шамхальский престол. Грузинские послы в Москве, желая подтолкнуть Бориса Годунова к новому походу на Тарки, сообщали о лояльности Крым-шамхала Грузии и России и о поддержке его многими горскими владетелями: «Крым-шамхал с нами в любви и дружбе: и кумыцкая земля половина с ним стоит» ([Белокуров, 1889: 253, 255](#)). С целью защиты Грузии от набегов шамхала и ослабления турецкого влияния в регионе грузинский царь настойчиво просил Годунова послать против шамхала «большую рать с вогненным боем», захватить его резиденцию Тарки и «под царскую руку привести» ([Белокуров, 1889: 255–256](#)).

В этот период отмечено обострение обстановки в Закавказье, где шах Аббас I стремился вернуть утраченные Ираном позиции и отвоевать захваченные во второй половине XVI века Турцией территории на Восточном и Северо-Восточном Кавказе, включая Шемаху, Баку, Дербент, являвшихся в этот период крупнейшими торгово-экономическими центрами Закавказья ([Английские путешественники..., 1937: 194](#)). В тяжелое для Персии время кризиса и военных неудач шах даже предлагал уступить эти территории России в обмен на союз против турок. Правда, Русское государство, к которому персидские правители проявляли большой интерес ([Английские путешественники..., 1937: 211, 221, 227](#)), должно было само отвоевать эти важнейшие области Восточного и Северо-Восточного Кавказа у Османской империи, в то время «одной из сильнейших держав тогдашнего мира». Это заставляло московских правителей избегать открытых противостояний как с Турцией, так и с Ираном, поручая русским дипломатам «всячески избегать опасных ситуаций» ([Ткаченко, Колосовская, 2009: 11](#)).

Турецкий султан прилагал все усилия, чтобы сохранить турецкие завоевания на Северо-Восточном и Восточном Кавказе, подталкивая своих вассалов в Крыму и на Северном Кавказе – крымского хана и тарковского шамхала – к вытеснению московских стрельцов и терских казаков с Терека и захвату Астрахани. Уничтожение русских крепостей в низовьях Койсу, Терека, Сунжи и восстановление турецкого владычества в низовьях Волги позволило бы туркам контролировать всю волжско-каспийскую торговлю.

Стремясь защитить южные рубежи государства и сохранить влияние России на Северном Кавказе, было решено предпринять новый поход против шамхала, разгром которого имел важное значение для укрепления позиций Московского царства в Прикаспийском Дагестане и Грузии.

Новый поход в Дагестан состоялся в 1604–1605 гг. под руководством воеводы И.М. Бутурлина и начался он весьма успешно. Русские войска овладели важными пунктами в предгорьях Северного Дагестана – Эндерей и Теплые Воды, заложили укрепление на озере Тузлук вблизи Тарков. Как и во время предшествовавшего похода Хворостинина, была занята резиденция шамхала Тарки, где стали возводиться русские укрепления, названные Новым Городом.

Лишив горцев возможности добывать на озере Тузлук соль, а также селитру и серу, необходимые для производства пороха, Бутурлин сделал ошибку и решил зимовать в Тарках, чтобы продолжить военные действия против шамхала весной, но вскоре в войсках стало не хватать провианта. Острый дефицит продовольствия заставил Бутурлина разделить свой отряд на две части, одну из которых он отправил на зимовку в Астрахань и на Терек, что, однако, не спасло оставшихся в Тарках от голода.

Вскоре оставшийся отряд Бутурлина был окружен в Тарках отрядами горцев численностью до 20 тысяч. Русские войска оказались в тяжелом положении. Бутурлин пытался договориться с шамхалом Султан-Муттом, «чтоб его выпустить на Терек здорово».

Но заключенный Бутурлиным и Султан-Муттом договор о мирном отходе русских был нарушен последним, и во время ночной стоянки горцы совершили неожиданное нападение на отряд Бутурлина, основная часть которого погибла в тяжелом сражении. Несмотря на большие потери, которые понесли и отряды шамхала, нападавшими были сожжены русские укрепления в Прикаспии: Сунженский и Койсинский остроги, что, несомненно, сказалось на российском влиянии на Северо-Восточном Кавказе. Острый кризис и противоречия периода Смутного времени, охватившие Московское государство в начале XVII века, не позволили укрепить русское влияние на Северо-Восточном Кавказе и Западном Прикаспии, реальную власть над которыми Россия получила лишь после Персидского похода Петра I в 1722 г. ([Кудрявцев, 2013b: 280](#)).

Между тем геополитическая обстановка на Кавказе изменилась и усиление персидского давления на северокавказских горцев привело к переориентации ряда дагестанских правителей на Москву. Так, в 1610 г., в один из самых сложных периодов в истории Русского государства, «шертовали» на верность

московскому царю тарковские владетели Гирей Сурхаев и Ильдар Сурхаев, а также прибывшие с ними к терскому воеводе «семь князей и мурз. Среди них Алибек Казикумухский, Мехти Аварский, Сурхай Карабудахкентский и др.» (История народов..., 1988: 342–343).

Это способствовало повышению авторитета России в регионе, вследствие чего горцы Северного Кавказа значительно сократили свои набеги на территории гребенского и терского казачества, на русские городки и укрепления. Так, например, уже после неудачного похода Бутурлина в 1604–1605 гг. тарковский правитель Гирей «шертовал» перед терским воеводой и «обязался честно служить России» и выполнять указания «терских воевод» (История народов... 1988: 342).

Однако негативные процессы, определявшие специфику развития Русского государства в период Смутного времени, в значительной мере отразились и на ситуации на Северном Кавказе, на настроениях и действиях обитателей этого беспокойного региона.

Тяжелые годы Смутного времени, наполненные народными волнениями, бунтами, грабежами и безвластием, оказались весьма привлекательными для основной массы донского, терского, волжского, яицкого и других казачьих сообществ. Идеи интронизации воскресшего «законного царя» и щедрые посулы «самозванцев» в период Великой смуты нашли широкий отклик во всех слоях русского общества этой бурной поры. Эта идея была охотно воспринята «казачьей вольницей», которая приняла в ней активное участие и выступала как зачинщицей беспорядков и мятежей, так и жертвой «Великой смуты». «В смуте шла борьба не только политическая и национальная, но и общественная» (Платонов, 1917: 356).

Первыми из казачьих сообществ на политическую арену Смутного времени вышли донские и запорожские казаки, оказавшие поддержку самозванцу, а значительно позднее к смуте примкнули и терские.

В то время, когда Донское и Запорожское казачества уже присоединилось к Лжедмитрию, перешедшему границу Русского государства осенью 1604 г. и собиравшему в Путивле войско для похода на Москву, терские и гребенские казаки еще верно служили Борису Годунову (Кудрявцев, 2015: 85). Они вместе с русскими войсками под командованием Ивана Бутурлина воевали с шамхалом и штурмовали его резиденцию Тарки. Весьма пассивное участие в первые годы XVII в. терского и гребенского казачеств в военно-политических событиях и бунтах Смутного времени дало основание некоторым историкам даже предполагать, что первое было еще не очень многочисленно, а второе – вообще отсутствовало, и «что гребенские казаки, и только они одни, остались в стороне от бурных движений Смутного времени» (Попко, 2001: 61).

Однако подобные предположения не соответствуют историческим реалиям, а относительно пассивное участие терцев и гребенцов в драматических событиях общероссийского кризиса имело совсем другие причины. В отличие от других казачьих сообществ, например донских казаков, которые «не знали и знать не хотели хлебопашества» и даже «бичами забивали тех из казаков, которые брались за соху» (Попко, 2001: 61), гребенские казаки имели семьи, занимались сельским хозяйством, пахали землю и разводили скот, о чем есть уникальные сведения в отчетах иностранных ученых-минерологов Самуила Фрича и Иогана Гарольда (Кудрявцев, 2013а: 153). Эти иностранцы, находившиеся на русской службе, были направлены в начале правления Михаила Романова на Северный Кавказ для поиска серебряных и медных руд, в которых очень нуждалась царская казна. Они оказались первыми из западноевропейцев, побывавшими во многих районах Малой Кабарды, правители которой ориентировались на Русское государство (Бларамберг, 1999: 197; Броневский, 1823: 91–92), а также в «городках» гребенских казаков (Кудрявцев, 2015: 86–87). Князь Владимир Щербатов, являвшийся Терским воеводой, поручил гребенским казакам сопровождать европейских ученых, что позволило им ознакомиться с повседневной жизнью гребенцов в их «городках», которые отличались от прочих казаков своим образом жизни, хозяйственной деятельностью, «домовитостью и культурным развитием». «Казаки сеяли просо и кукурузу, занимались насаждением тутовых деревьев и виноградной лозы», а жены их ткали «сукна и галуны» (Потто, 1991: 78). Тогда как в это время, например, донские, волжские и терские казаки семей не заводили, «не хотели знать хлебопашества и даже побивали тех, кто этим занимался» (Потто, 1991: 78). Именно угроза набегов горцев и необходимость защиты домов и своих семей заставила гребенских казаков «сидеть по домам», а не участвовать в смуте, но они активно проявили себя в событиях конца XVI – начала XVII вв., показав свою верность Московскому государству.

В это время положение на южных окраинах государства было очень тревожным и усугублялось еще и конфронтацией Бориса Годунова с донским казачеством. Главная причина царского гнева была связана с возросшим бегством крепостных крестьян на Дон и отказом казаков выдавать их царским воеводам: «С Дона выдачи нет». В ответ царь приказал своим воеводам «ни с Дону, ни на Дон никого, ни с чем не пускать; а появятся казаки в каком-либо городе, ловить их и сажать по тюрьмам» (Потто, 1991: 67). Следует отметить, что это сильно осложняло положение казаков, так как в Московском государстве «вынесение приговора, освобождение из тюрем виноватых в преступлениях с XVII в., за редким исключением, производилось центральной властью» (Глазьев, 2013: 223).

Агрессивная, негибкая политика центральной власти и кризисная обстановка в стране не могли не повлиять на антиправительственные настроения в среде Донского казачества, имевшего большое влияния на Волжское, Яицкое, Запорожское, Терское казачьи сообщества. Это способствовало тому,

что, когда на волнах общего недовольства и бунтов появилась фигура первого самозванца Дмитрия, донские атаманы в числе первых предложили ему свои услуги, пообещав поддержку и других казачьих сообществ.

Осенью 1604 года, когда самозванец перешел границу Русского государства и обосновался в Путивле, где стал собирать сторонников и рассылать по всей Руси «царские» грамоты, к нему в числе первых прибыли четыре тысячи донских казаков, а чуть позднее запорожские казаки, но гребенские и терские казаки, в отличие от первых, в это время продолжали отстаивать интересы Русского государства на Северо-Восточном Кавказе. Они ожесточенно сражались в предгорьях Дагестана, штурмуя с царскими воеводами Тарки и отступая с тяжелыми потерями по безводным степям Северного Прикаспия. Однако вскоре ситуация на юге России изменилась не в пользу законных московских государей, и в Астрахани, и на Тереке активизировались сторонники Лжедмитрия. Смерть Годунова и всенародный бунт в Москве, открывший путь на царский престол самозванцу Дмитрию с его невестой Мариной Мнишек, сопровождаемой польскими войсками, изменил обстановку во всей стране, в том числе и на Северном Кавказе. Города и царские воеводы стали спешно присягать Лжедмитрию, в их числе оказались «и Астрахань, и Терки», которые наряду с другими «были в воровстве и крест целовали вору разстриге». Свою преданность и признание законности новой власти решил показать и терский воевода Петр Головин, который с поздравлениями отправил к самозванцу в Москву в конце 1605 года северокавказских послов: кабардинского князя Санчалая Янглычева и Батай-мурзу. Они поздравляли «воскресшего» Дмитрия «на государствах» и были приняты им очень милостиво. Новоявленный московский царь отозвался с похвалой за прежнюю службу и борьбу с шамхалом, «хотя де они ходили и по Борисову (Годунов – А.К.) велению, но только нашим же государствам прибавления и расширения искали» (Потто, 1991: 68). Лжедмитрий пожаловал северокавказских послов дарами и деньгами, а также разрешил им приобрести металлические доспехи и оружие «на себя и своих людей». Денежное довольствие было выдано и их узденям, после чего посольство вернулось в Терки. Гребенцы, озабоченные безопасностью своих семей и необходимостью в это смутное время защищать от набегов шамхала и крымского хана свои «городки», уклонились от активного участия в событиях. Терцы же сначала не хотели вмешиваться в происходившие события и идти в Россию не намеревались, а решили искать удачу в Закавказье. Они «задумали сначала идти за Куру, опустошить турецкие области...», не без основания предполагая, что в случае неудачного похода смогут найти «покровительство у персидского шаха», воевавшего с Турцией (Кудрявцев, 2016а: 571). Однако, проанализировав ситуацию, казаки отвергли первоначальный план и решили, что легче и выгоднее найти или выдвинуть из своей среды нового царя – самозванца. Они полагали, что в случае успеха он обогатит их и предоставит значительные государственные льготы, подобные тем, которые уже получили донские и запорожские казаки от Лжедмитрия. Осуществляя задуманный план, терские казаки, возглавляемые атаманом Федором Бодыриным, стали распускать везде слухи о царевиче Петре, сыне царя Федора Ивановича, которого Борис Годунов не смог умертвить и который теперь заявил свои «законные» права на царский престол. Очень скоро в соответствии с распространившимся слухом появился и сам царевич Петр, выдвинутый из терских казаков. Эта идея оказалась столь привлекательной, что появилось сразу два царевича Петра Федоровича: один из них терский казак Илейко из Муррома, другой – терский казак Дмитрий из Астрахани. Последний сильно сомневался в своих «царских» достоинствах, и после совещаний и долгих раздумий Дмитрий решил отказаться от претензий на царский трон, мотивируя свой отказ отсутствием знаний о «царских обычаях» и дворцовом этикете. Триста терских казаков, возглавляемые атаманом Федором Бодыриным, собравшиеся на совещание, решили, что царевичем Петром будет казак Илейко Коровин.

Узнав об этом, терский воевода пришел в ужас от столь «знаменательной» казачьей идеи, но все усилия немногочисленной царской администрации в Терках во главе с воеводой Головиным отговорить казаков от их затей не увенчались успехом. Эту сомнительную идею казаков неожиданно поддержал войсковой атаман Гаврила Пан, которому Федор Бодырин представил самозваного царевича. Войсковой атаман принял претендента на царский престол с почетом и «выразил готовность войска поддержать его». Воевода Петр Головин, опасаясь гнева московских властей, пытался уговорить казаков выдать ему новоявленного царевича, «как явного смутьяна», но терцы и не подумали подчиняться его приказу. Головин приложил все усилия для того, чтобы отговорить терских казаков от намеченного ими похода, к которому они спешно готовили струги. Однако ни приводимые им убедительные аргументы о необходимости защиты границы, ни угрозы царского гнева и расправы не смогли убедить казаков остаться (РДО, 1958: 31). Весной 1606 года внушительное казачье войско, включавшее около четырех тысяч терцев, отплыло в Астрахань, а потом, минуя город, не пожелавший их принять, направилось вверх по Волге. По пути казаки оповещали всех, что они идут с «подлинным» царем в Москву с целью вернуть ему «законный престол». В Свяяжске, однако, казаки узнали о народном бунте в Москве, об убийстве Лжедмитрия и гибели его польского отряда, а главное, об избрании новым царем Василия Шуйского. Обсудив сложившуюся ситуацию и возможные дальнейшие действия, терцы весьма прагматично решили остановить свой «праведный» поход на Москву и направиться на Дон, куда их активно приглашали донские казаки. Вскоре на Дон к терским казакам прибыли посланцы Ивана Болотникова, которые сообщили, что последний предлагает

терцам примкнуть к нему и вместе с «царевичем Петром» идти на Москву. Это приглашение было с радостью принято терскими казаками, и весной 1607 года они выступили в новый поход. Однако он оказался на этот раз весьма неудачным и закончился для терских казаков очень трагично. Передовой отряд повстанцев Болотникова, куда вошло и около двух тысяч терских казаков, был разбит войсками Шуйского, захватившими «пять тысяч пленных, артиллерию и обозы» мятежников. Около 1700 терских казаков, не желая сдаваться, продолжали стойко сражаться с царскими войсками и отбивались два дня, героически решив «помереть, а не отдаться живыми». На третий день, когда кончился порох, большинство казаков было убито, а захваченные в плен казнены.

Печально сложилась и судьба самозваного «царевича» – терского казака Илейко Коровина – Лжепетра, захваченного в плен вместе с Болотниковым в Туле войсками Шуйского после длительной осады города и повешенного недалеко от Москвы. По приказу Шуйского около двух тысяч терских казаков, взятых в плен в Туле, вместе с другими участниками восстания были отпущены на свободу. Но освобожденные казаки воспользовались предоставленной им свободой весьма опрометчиво и втянулись в очередную авантюру, примкнув к новому Лжедмитрию. Мятежная и очень заманчивая идея коронации новоявленных царей и самозванцев еще не изжила себя и в казачьей среде. В многочисленных вольных «городках» и «юртах» продолжали появляться Лжепетры: здесь объявилось уже восемь детей Федора Ивановича, в одной только Астрахани их было трое. Однако разоренная и разграбленная Россия уже пресытилась и смертельно устала от смуты и бесчинств иностранных интервентов и самозванцев самых разных званий и мастей. Запрос на смуту и «хорошего царя» исчерпал себя в российском обществе и потерял актуальность. Начиналась новая эпоха и постепенное возрождение России, а на русский престол взошла династия Романовых. Беспорядки и отголоски мятежа еще имели место на южных окраинах государства, и прежде всего на Северном Кавказе, куда бежали последние цари-самозванцы. В этот, завершавшийся период Смутного времени, Астрахань и Терки снова оказались в центре событий. Сюда летом 1613 года направился с Мариной Мнишек и ее сыном Иваном еще один претендент на российский престол, атаман Иван Заруцкий, надеявшийся найти поддержку у волжского и терского казачества. И. Заруцкий был одним из первых членов «воровской думы» (Тюменцов, 1996: 403), а после ее ликвидации активно искал очередного претендента на московский престол. С появлением нового самозванца Заруцкий «явился к Лжедмитрию II с отрядом казаков и, как прежде, стал боярином – главой Казачьего приказа» (Тюменцов, 1996: 417). Позднее, после ожесточенной двухдневной битвы с царскими войсками под Воронежем, он бежал на Юг с остатками своего отряда. Заруцкий, мечтавший о царском троне, на который он собирался посадить малолетнего сына Марины Мнишек Ивана, выдаваемого им за сына царя Дмитрия Ивановича, надеялся привлечь на свою сторону казаков и горцев Северного Кавказа. Атаман Заруцкий, собравший вокруг себя около трех тысяч «самого разного сброду», распустил слух, что уходит на Дон, а сам неожиданно появился на Нижней Волге и захватил Астрахань. Но ни северокавказские феодальные владетели, ни основная масса волжского и терского казачества не поддержали мятежников, несмотря на щедрые обещания и посулы Заруцкого, рассылаемые в грамотах от имени «царевича» Ивана. Один из перехваченных гонцов Заруцкого Михаил Черный признался, что «послан поднять кабардинских князей и черкес идти на Русь войною», но эти надежды самозванцев не оправдались. Более того, донские атаманы обратились с воззванием «к великому и славному рыцарскому Терскому, Волжскому и Яицкому войску и всех рек, господам атаманам и казакам» стать «за природного царя и самодержца Михаила Федоровича...». Этот призыв нашел широкий отклик во всех казачьих сообществах, что закрыло дорогу на Терек, Яик и Дон атаману Заруцкому с Мариной Мнишек и ее сыном Иваном – претендентом на русский престол.

После захвата Астрахани Заруцким казаки из верхневолжских станиц, поддерживавшие обращение донцов, не отозвались на призыв Заруцкого примкнуть к нему. Лишь часть казаков из нижних станиц, расположенных в непосредственной близости от Астрахани, поддержала мятежников. На помощь к отряду Заруцкого прибыло около пятисот человек во главе с атаманом Верзигую. Несмотря на угрозы и посулы Заруцкого, астраханский воевода князь Хворостинин отказался признать малолетнего сына Марины Мнишек – «Ивашку» – внуком Ивана Грозного и был «казнен со многими людьми». У мятежного атамана и его окружения были обширные планы борьбы с московской властью: «они убили астраханского воеводу Хворостинина, склонили на свою сторону ногайских татар и затевали широкое дело: вооружить против Руси персидского шаха Аббаса, втянуть в войну Турцию, поднять волжских казаков» (Костомаров, 1993: 686). Однако православное духовенство полностью поддержало Михаила Федоровича Романова и активно призывало народ «отстать от вора Заруцкого, от лютерки ворухи Маринки и ее воренка» (Потто, 1991: 74).

Атаман Заруцкий и «царевич» Иван быстро теряли популярность у народа Астрахани и у основной массы волжских казаков. Не нашли они поддержки и терского и гребенского казачества. Предпринятая Заруцким попытка захватить и доставить в Астрахань терского воеводу Головина, который твердо стоял за признание царя Михаила Федоровича Романова, не увенчалась успехом, так как терские и гребенские казаки отказались его выдать. Сильное недовольство Заруцким и Мариной Мнишек активизировало сопротивление населения Астрахани и заставило астраханцев обратиться за помощью в Терки к поддерживавшим Романова казакам и стрельцам. Воевода Головин послал в Астрахань гребенских и терских казаков и семьсот стрельцов под командой сотника Хохлова, а князь

Санчале́й Янгли́чев – отряд горцев, которые помогли жителям очистить город от сторонников Заруцкого. «Хохлов прибыл в Астрахань, и все жители при звоне колоколов целовали крест царю Михаилу» (Костомаров, 1993: 687). Заруцкий сначала пытался обороняться в астраханском кремле, но, видя всеобщее возмущение и решимость народа Астрахани и терских казаков штурмовать кремль, 12 мая с остатками своего отряда численностью около 1000 человек бежал на кораблях в море (Потто, 1991: 75). В море отряд Заруцкого был достигнут Хохловым, потопившим 60 стругов мятежников. Дальнейшее преследование разгромленного отряда Заруцкого и Марины Мнишек с сыном продолжали уже подошедшие к Астрахани царские войска, которые 25 июня 1614 года, после схватки на Медвежьем острове, пленили Заруцкого и Марину с сыном, выданных казаками (Соловьев, 2005: 317). Их отправили в Москву, где сын Марины Мнишек и атаман Заруцкий были казнены, а сама Марина заточена в монастырь, где она вскоре скончалась.

5. Заключение

Исследование исторических событий конца XVI – начала XVII вв. на Северном Кавказе свидетельствует, что в этот важный и судьбоносный для России период, известный как Смутное время, не только центральные территории Русского государства, но и далекие южные области Северного Кавказа и Прикаспия оказались самым тесным образом связаны с «Великой смутой». Северокавказские горцы, терское и гребенское казачество, как и другие казачьи сообщества России, в конце XVI – начале XVII вв. оказались вовлечены в бурные события Смутного времени и оставили заметный след в истории Московского государства этого периода.

В переломный период российской истории, когда в процессе глубокого общероссийского кризиса московский престол оказался в руках иностранных ставленников и интервентов, казаки и горцы Северного Кавказа, вовлеченные в бунты и беспорядки на раннем этапе Смуты, затем поддержавшие идею возрождения российской государственности, выступили в поддержку новой русской династии против всевозможных самозванцев и авантюристов, искавших опору на юге России.

Отмечая заслуги казачества в борьбе с самозванцами и в поддержке центральной власти, Михаил Федорович реабилитировал основную часть казаков, «которые нам служат», а «воровских казаков, которые бродят шайками», повелел не называть казаками, чтобы не бесчестить остальных казаков.

В 1614 году в Москву к Михаилу Федоровичу прибыл Томулдук – посланец одного из ярых противников Москвы на Северо-Восточном Кавказе шамхала Тарковского – Гирея, который привез царю сообщение, что «Гирей – князь за свою братию и за детьми... великому государю шertz учинил ему, Гирею, великому государю служить во веки» (РДО, 1958: 40). Большой вклад в развитие отношений Русского государства с горцами и казаками Северного Кавказа внес Санчале́й Янгли́чев, который активно содействовал признанию авторитета России целым рядом протурецки настроенных феодальных владетелей Кабарды и Дагестана, в том числе таких, как князь Шолох Таусултанов, Казый Пшеапшоков, Айдаровы и др. Заслуги Санчалея были отмечены Михаилом Романовым, вручившим ему в 1615 году в Москве царскую грамоту с признанием его старшим князем над «черкасами и окачанами».

Литература

Английские путешественники..., 1937 – Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Пер. с англ. Ю.В. Готье. Л.: ОГИЗ, 1937. 308 с.

Белокуров, 1889 – Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М.: Университетская типография, 1889. Вып. 1. (1578–1616 гг.). 715 с.

Бларамберг, 1999 – Бларамберг Иоганн. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Перев. с франц. и коммент. И.М. Назаровой. Нальчик: Издат. центр «Эль-Фа», 1999. 405 с.

Броневский, 1823 – Броневский С. Исторические известия о Кавказе. М.: Типография С. Селивановского, 1823. 465 с.

Веселовский, 1890 – Веселовский Н.И. Памятник дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Под. ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1890. Т. 1. 916 с.

Глазьев, 2013 – Глазьев В.Н. Власть и общество на Юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности // От Древней Руси к Российской Федерации: История российской государственности. СПб.: Алетейя, 2013. 768 с.

История народов..., 1988 – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 544 с.

Карамзин, 2002 – Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Изд-во Эксмо, 2002. 1024 с.

Колосовская, 2017 – Колосовская Т.А. Кавказский военно-исторический музей: от сохранения памяти к забвению // Вопросы истории. 2017 № 9. 176 с.

Костомаров, 1993 – Костомаров Н.И. Господство дома Св. Владимира. М.: Военное издательство, 1993. 767 с.

КРО, 1957 – Кабардино-русские отношения. М.: «Эль-Фа», 1957. Т. 1. 476 с.

[Кудрявцев, 2013a](#) – *Кудрявцев А.А.* Первый Романов в истории взаимоотношений России с народами Северного Кавказа (к 400-летию династии Романовых) // *Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия.* Краснодар: Традиция, 2013a. 332 с.

[Кудрявцев, 2013b](#) – *Кудрявцев А.А.* Пути становления российской государственности на Северном Кавказе // *От древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности / Под общ. редакцией В.А. Садовниченко.* СПб.: Алетейя, 2013b. 768 с.

[Кудрявцев, 2015](#) – *Кудрявцев А.А.* Специфика формирования и историческая роль гребенского и терского казачества на раннем этапе развития // *Гуманитарные и юридические исследования.* Научно-теоретический журнал. Ставрополь: Изд-во СКФУ. Вып. № 4. 2015. 188 с.

[Кудрявцев, 2016](#) – *Кудрявцев Е.А.* Волжско-Каспийская трасса Великого шелкового пути и ее значение в развитии торговых и культурных связей Русского государства с народами Северного Кавказа // *Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристических дестинаций на Северном Кавказе: Материалы Международной научно-практической конференции (Ставрополь 28–29 сентября 2015 г.).* Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. 177 с.

[Кудрявцев, 2016a](#) – *Кудрявцев А.А.* Московское государство и Крым в исторических судьбах народов Северного Кавказа во второй половине XVI века // *Былые годы.* 2016. № 3. С. 565–574.

[Петровский, 1907](#) – *Петровский М.П.* Хождение на Восток Ф.А. Котова в первой четверти XVII в. Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук, 1907. 61 с.

[Платонов, 1917](#) – *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. Издание 10-е. Петроград: Сенатская типография, 1917. 838 с.

[Попко, 2001](#) – *Попко И.Д.* Терские казаки со стародавних времен. Гребенское войско. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2001. 526 с.

[Потто, 1912](#) – *Потто В.А.* Два века Терского Казачества (1577–1801). Владикавказ: Электротпечатная Типография Терского Областного Правления, 1912. 383 с.

[ПСРЛ, 1957](#) – Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1965. Т. 13. 240 с.

[РДО, 1958](#) – Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. Махачкала, Дагкнигоиздат, 1958. 336 с.

[Репина, 2008](#) – *Репина Л.П.* Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М.: Изд. дом ГУВШЭ, 2008. 32 с.

[Соловьев, 2005](#) – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 1024 с.

[Ткаченко, Колосовская, 2009](#) – *Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А.* Военно-политическая история Северного Кавказа XVI – XIX вв.: факты, события, люди. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. 291 с.

[Тюменцев, 1996](#) – *Тюменцев И.О.* Органы государственного управления в Тушине в 1608–1610 гг. // *Средневековая и новая Россия.* СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. 821 с.

[Чубарьян, 2014](#) – Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.

[Cherkasov et al., 2015](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The Daily Life and Morals of Circassian Society: A Historical-Comparative Investigation based on sources from the period between the Mid-16th and the First Half of the 19th centuries // *Brukenenthal. Acta Musei.* 2015. X(1): 73-88.

References

[Anglijskie puteshestvenniki..., 1937](#) – *Anglijskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI v.* Per. s angl. YU. V. Got'e. [English travelers in the Moscow state in the XVI century]. L.: OGIZ, 1937. 308 p. [in Russian]

[Belokurov, 1889](#) – *Belokurov S.A.* (1889). Snosheniya Rossii s Kavkazom. [Relations between Russia and the Caucasus]. M.: Universitetskaya tipografiya. Вып. 1. (1578-1616 gg.). 715 p. [in Russian]

[Blaramberg, 1999](#) – *Blaramberg Iogann* (1999). Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, ehtnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza [Historical, topographic, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus]. Perv. s. franc. i komment. I. M. Nazarovoj. Nal'chik: Izdat.centri «EHL'-Fa». 405 p. [in Russian]

[Bronevskij, 1823](#) – *Bronevskij S.* (1823). Istoricheskie izvestiya o Kavkaze [Historical news about the Caucasus.]. M.: Tipografiya S. Selivanovskogo. 465 p. [in Russian]

[Chubar'yan, 2014](#) – *Chubar'yan A.O.* (2014). Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar' / Отв. ред. А. О. Чубар'ян. М.: Изд-во "Аквилон"? 576 p.

[Glaz'ev, 2013](#) – *Glaz'ev V.N.* (2013). Vlast' i obshchestvo na YUge Rossii v XVII v.: protivodejstvie ugovnoj prestupnosti [Power and society in the South of Russia in the XVIII century: combating criminal offense]. *От Древней Руси к Российской Федерации: История российской государственности.* СПб.: Алетейя. 768 p. [in Russian]

[Istoriya narodov..., 1988](#) – *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshih vremen do konca XVIII v.* [History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century.]. M.: Nauka, 1988. 544 p. [in Russian]

[Karamzin, 2002](#) – *Karamzin N.M.* (2002). Istoriya gosudarstva Rossijskogo [History of the Russian state]. M.: Изд-во ЕНkсмо. 1024 p. [in Russian]

- [Kolosovskaya, 2017](#) – *Kolosovskaya T.A.* (2017). Kavkazskij voenno-istoricheskij muzej: ot sohraneniya pamyati k zabveniyu. *Voprosy istorii*. №9. 176 p.
- [Kostomarov, 1993](#) – *Kostomarov N.I.* (1993). Gospodstvo doma Sv. Vladimira [The domination of the house of St. Vladimir]. M.: Voennoe izdatel'stvo. 767 p. [in Russian]
- [KRO, 1957](#) – Kabardino-russkie otnosheniya [Kabardino-Russian relations]. M.: «EhI'-Fa», 1957. T. 1. 476 p. [in Russian]
- [Kudryavcev, 2013a](#) – *Kudryavcev A.A.* (2013). Pervyj romanov v istorii vzaimootnoshenij Rossii s narodami Severnogo Kavkaza (k 400-letiyu dinastii Romanovyh) [The first Romanov in the history of relations between Russia and the peoples of the North Caucasus (on the 400th anniversary of the Romanov dynasty)]. *Lichnost'. Obshchestvo. Gosudarstvo: problemy razvitiya i vzaimodejstviya*. Krasnodar: Tradiciya. 332 p. [in Russian]
- [Kudryavcev, 2013b](#) – *Kudryavcev A.A.* (2013). Puti stanovleniya rossijskoj gosudarstvennosti na Severnom Kavkaze [Ways of formation of Russian statehood in the North Caucasus]. *Ot drevnej Rusi k Rossijskoj Federacii: istoriya rossijskoj gosudarstvennosti*. Pod obshch. Redakciej V.A. Sadovnichego. SPb.: Aletejya. 768 p. [in Russian]
- [Kudryavcev, 2015](#) – *Kudryavcev A.A.* (2015). Specifika formirovaniya i istoricheskaya rol' grebenskogo i terskogo kazachestva na rannem ehtape razvitiya [The Specifics of the formation and the historical role of the Grebensky and Terek Cossacks at an early stage of development]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. Nauchno-teoreticheskij zhurnal*. Vyp.№4. Izd-vo SKFU. 188 p. [in Russian]
- [Kudryavcev, 2016](#) – *Kudryavcev A.A.* (2016). Moskovskoe gosudarstvo i Krym v istoricheskikh sud'bah narodov Severnogo Kavkaza vo vtoroj polovine XVI veka [Moscow state and Crimea in the historical fate of the peoples of the North Caucasus in the second half of the XVI century]. *Bylye Gody*. №3. pp. 565-574. [in Russian]
- [Kudryavcev, 2016](#) – *Kudryavcev E.A.* (2016). Volzhsko-Kaspijskaya trassa Velikogo shelkovogo puti i ee znachenie v razvitiij torgovyh i kul'turnyh svyazej Russkogo gosudarstva s narodami Severnogo Kavkaza. [Volga-Caspian route of the great silk road and its importance in the development of trade and cultural relations of the Russian state with the peoples of the North Caucasus]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turisticheskikh destinacij na Severnom Kavkaze: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Stavropol' 28-29 sentyabrya 2015 g.)*. Stavropol': Izd-vo Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 177 p. [in Russian]
- [Petrovskij, 1907](#) – *Petrovskij M.P.* (1907). Hozhdenie na Vostok F.A. Kotova v pervoj chetverti XVII v. [Walking to the East F. A. Kotov in the first quarter of the XVII century]. Sankt-Peterburg: Imp. Akad. nauk. 61 p. [in Russian]
- [Platonov, 1917](#) – *Platonov S.F.* (1917). Lekcii po russkoj istorii [Lectures on Russian history]. Izdanie 10-e. Petrograd: Senatskaya tipografiya. 838 p. [in Russian]
- [Popko, 2001](#) – *Popko I.D.* (2001). Terskie kazaki so starodavnih vremen. Grebenskoe vojsko [Terek Cossacks since ancient times. Fucking army]. *Nal'chik: Izd. Cent «EhI'-Fa»*. 526 p. [in Russian]
- [Potto, 1912](#) – *Potto V.A.* (1912). Dva veka Terskogo Kazachestva (1577-1801). [Two centuries of Terek Cossacks (1577-1801)]. Vladikavkaz: Ehlektropechatnaya Tipografiya Terskago Oblastnogo Pravleniya. 383 p. [in Russian]
- [PSRL, 1957](#) – Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian Chronicles]. M.: Izd-vo «Nauka», 1965. T. 13. 240 p. [in Russian]
- [RDO, 1958](#) – Russko-dagestanskije otnosheniya v XVII – pervoj chetverti XVIIIv. [Russian-Dagestan relations in XVII – the first quarter of XVIII century]. Mahachkala, Dagknigoizdat, 1958. 336 p. [in Russian]
- [Repina, 2008](#) – *Repina L.P.* (2008). Novye issledovatel'skie strategii rossijskoj i mirovoj istoriografii. M. Izd. Dom GUVSHE. 32 p.
- [Solov'ev, 2005](#) – *Solov'ev S.M.* (2005). Istoriya Rossii s drevnejshih vremen [History of Russia since ancient times]. M.: Izd-vo EHksmo. 1024 p. [in Russian]
- [Tkachenko, Kolosovskaya, 2009](#) – *Tkachenko D.S., Kolosovskaya T.A.* (2009). Voennno-politicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza XVI – XIX vv.: fakty, sobytiya, lyudi [Military and political history of the North Caucasus of XVI-XIX centuries: facts, events, people]. Stavropol': Izd-vo SGU. 291 p. [in Russian]
- [Tyumencev, 1996](#) – *Tyumencev I.O.* (1996). Organy gosudarstvennogo upravleniya v Tushine v 1608 – 1610 gg. [Tyumentsev the government in Tushino in 1608 – 1610]. *Srednevekovaya i novaya Rossiya*. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 821 p. [in Russian]
- [Veselovskij, 1890](#) – *Veselovskij I.* (1890). Pamyatnik diplomaticheskikh i torgovyh snoshenij Moskovskoj Rusi s Persiej [Monument of diplomatic and trade relations of Moscow Russia with Persia]. Pod red. N.I. Veselovskogo. SPb. T. 1. 916 p. [in Russian]
- [Cherkasov et al., 2015](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2015). The Daily Life and Morals of Circassian Society: A Historical-Comparative Investigation based on sources from the period between the Mid-16th and the First Half of the 19th centuries. *Brukenthal. Acta Musei*. X(1): 73-88.

Горцы и казачество Северного Кавказа в истории Смутного времени России конца XVI – начала XVII вв.Александр Абакарович Кудрявцев ^{а, *}^а Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Кончина Ивана Грозного и вступление на русский престол сначала его сына Федора Ивановича, а затем Бориса Годунова не внесли существенных изменений в политику России на Кавказе. Москва продолжала поддерживать царей Восточной Грузии, и в ее дипломатические связи с правителями Закавказья оказались вовлечены горцы и казаки Северного Кавказа. В своих геополитических планах накануне Смутного времени царская администрация опиралась на Терское казачество и горцев Северо-Западного Кавказа, стремясь одновременно военными и политическими мерами привлечь на свою сторону шамхалов Тарковских, контролировавших территории Прикаспия от р. Сулак до р. Уллу-чай. Последние выступали главными союзниками Крымского ханства и Турции. В этот, один из самых сложных в истории России периодов конца XVI – начала XVII вв., когда активно назревал, а затем получил развитие глубокий кризис Смутного времени и когда перед Русским государством с особой остротой стоял вопрос о ее государственной и территориальной целостности, горцы и казаки Северного Кавказа оказались в числе сторонников законной власти на местах и поддержали царских воевод на Тереке и в Астрахани. Позднее, после вступления на престол Михаила Федоровича, они единодушно встали на сторону новой русской династии, отказавшись поддержать самозванных претендентов на русский престол. Однако в начале XVII в., в разгар смуты в центральных областях государства, терские казаки, в отличие от Гребенского казачества, наряду с значительными массами донского, запорожского, волжского, яицкого казачества, оказались вовлечены в бурные события Русского государства этого времени и активно участвовали в российской смуте, оставив яркий след в исторических событиях этого периода. Попытка атамана Заруцкого и Марины Мнишек на завершающем этапе Смуты поднять мятеж на Юге России и захватить московский престол не нашла поддержки у казаков и горцев Северного Кавказа, выступивших на защиту династии Романовых.

Ключевые слова: казаки, горцы, смута, кризис, самозванцы, интервенция, северокавказское единение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kaa0210@yandex.ru (А.А. Кудрявцев)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1366-1375. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1366
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Evolution of Kalmyk Law into a Combined Law System of the Russian Government in the 17th – 18th centuries

Konstantin N. Maksimov ^{a, *}

^a Kalmyk State University, Russian Federation

Abstract

The article is about long process of voluntary participation of the Kalmyk people to the Russian subordination instead of the recognized day (August 9, 1609), for almost half a century, Russia and Kalmyk people been developing mutual relations, pursuing mutually beneficial conditions for integration.

In beginning of the foundation in 17th century with the problems of developing official mutual relationship and introducing Kalmyk, people to the composition of Russia became the basic policy of Russia, in Siberia concerned to the external policy of the southeastern direction. For this questions about Kalmyk people were considered and resolved by the care and higher authorities of the state government of Russia – the kings higher council, the Poland depiction, the issues of foreign policy, the order of the Kazan Castle, the land management on the eastern borders of the country, as well as territorial administrative administrations.

The first half of the 17th century is the active period of contacts of the Kalmyk people with Russia with regarding to receive the territory for permanent settlement and establishing relations on the principles of sovereignty. Russian administration, at the early stage of the war, brought forward the conditions of the bringing the Kalmyk people in the Russian Federation military service based on a military-political alliance, if they were unable to pay the money launderers (publishers) and the payment of a certain date, defending the interests of both sides. Because of the flexible national policy of Russia, this long stage ended in the seventeenth century with the incarceration of the Kalmyk State in the composition of the Russian State in the real state of political autonomy with elements of the international law. In condition of transforming autocracy to “absolute Kalmyk autonomic kingdom”, turning to united Russian system, continuously changing legal state, which resulted the reformation in the first half of the 18th century. The Kalmyk government reduced the status of political autonomy and acquired administrative autonomy.

Keywords: Russian government, tsar, kalmyks, Kalmyk khanate, khan, mutual relationship, military political union, military service, voluntary subordination, taking part in wars.

1. Введение

Появление ойратов (калмыков) на исторической арене связано с включением их Чингис-ханом в начале XIII в. в состав Монгольского государства. Они, участвуя в его завоевательных походах, занимали в нем прочное, привилегированное положение. После крушения Монгольской империи они вели активную борьбу с переменным успехом за гегемонию в Монголии.

В результате политического кризиса и ряда военных неудач, борьбы монголов и ойратов на рубеже XVI–XVII веков последние оказались вытесненными за пределы Монголии (за линию Алтайских гор) и откочевали на запад. Ойраты заняли территорию: на юго-востоке – до озера Баркуль, вплоть до границ владений Алтын-хана и сопредельных княжеств восточного Туркестана. Двигаясь отдельными группами, ойраты вышли к Семиречью и границам Бухарского ханства, а большая группа дербетов и торгутов достигла степные районы Южной Сибири, ставшие после

* Corresponding author

E-mail addresses: tsagadam@mail.ru (K.N. Maksimov)

разгрома Сибирского ханства владениями Российского государства. Они, ведя оживленную торговлю с племенами Сибири, целенаправленно двигались в направлении степей Западной Сибири.

Ойраты (калмыки) вторглись в пределы Сибири, когда Россия переживала беспокойные и сложные времена, вызванные экономическим и политическим кризисами, разразившейся Смутой. В это чрезвычайно трудное для российского государства время калмыки начали искать пути сближения с ним. Несмотря на непростую обстановку в стране, царская администрация проявила интерес к прибывающему воинственному народу, ведущему кочевнический образ жизни и хозяйствования, располагающему огромным количеством скота. Обе стороны, преследуя взаимовыгодные интересы, на протяжении почти полувека устанавливали различные формы связи (торговые, официальные контакты с местными и центральными властями), договорные взаимоотношения на определенных этапах продвижения калмыков в глубь России. Благодаря гибкой политике царской администрации, начатый процесс в начале XVII в. по введению калмыков на правовой основе в состав государства, завершился к середине XVII в. добровольным принятием калмыками российского подданства.

Калмыцкое ханство до середины XVIII в. находилось в статусе политической автономии. Однако в результате централизации и бюрократизации управления оно постепенно было введено в единоуправляемую систему государства уже в статусе административной автономии.

2. Материалы и методы

Основную источниковую базу статьи составили материалы нормативного, правового характера, опубликованные в документальных сборниках. Помимо этого, использованы переписка, отписки воевод сибирских городов. Правовые документы различных видов по происхождению и содержанию – шерти (договоры), именные царские грамоты, исходившие из Посольского приказа, Приказа Казанского дворца, именные указы царя воеводам, приговоры Боярской думы и др. – содержат сведения не только о политике царской администрации по правовому введению калмыков в состав государства, но и о причинах миграции калмыков, о взаимоотношениях их с сибирскими племенами, Кучумовичами, местными властями. Эти источники позволили проследить поэтапное введение, начиная с первого десятилетия и до начала 60-х годов XVII в., калмыков на принципах добровольности правовым путем в состав Российского государства.

Большую группу источников составили законодательные акты, опубликованные в полном собрании законов Российской империи, письменные шерти первой половины XVIII в., Высочайшие указы, жалованные грамоты, рескрипты верховных властей, решения Сената. Они позволили изучить правовой статус Калмыцкого ханства и его правителя в условиях утверждения абсолютизма, политику царской администрации по реформированию управления, введению калмыцкого народа в единоуправляемую систему государства. В этих источниках имеются ценные сведения об участии калмыков в войнах России, которые ей пришлось вести в XVIII в., защите южных рубежей государства. Помимо того, эти источники официального характера позволяют вникнуть в суть причины откочевки калмыков в 1771 г. в Джунгарию.

При изучении данной темы автор руководствовался основополагающим методологическим ориентиром научного познания исторического процесса как сложного, многомерного. Отрешение от идеологического влияния, стереотипа упрощенного освещения добровольного принятия калмыками российского подданства, позволило с позиций концепционных изменений показать данный процесс как длительный, проходивший с учетом интересов обеих сторон, в контексте объективного исторического развития России, интегрирования кочевников-калмыков в общероссийскую правовую систему и административного управления. При исследовании темы были использованы историко-системные методы, а также методы познания, опирающиеся на принципы историзма, объективности и всестороннего подхода. При использовании исторических источников применялись методы источниковедческого и компаративного анализа.

3. Обсуждение

Проблеме вхождения калмыков в состав Российского государства посвящена значительная литература. В ранних трудах историков миграция ойратов (калмыков) в пределы России рассматривалась как военное вторжение с целью захвата территории и образования своего государства. Впервые идея об экспансии калмыков была высказана в работе Н.Я. Бичурина ([Бичурин \(Иакинф\), 1991](#)). Его мнение о завоевательных целях калмыков получило отражение в трудах востоковедов-синологов ([Позднеев, 1866](#); [Чонов, 2006](#); [Гурий \(Степанов\), 1915](#) и др.). В связи с этим ими значительное внимание уделялось столкновениям калмыков с русскими, а заключение шерти рассматривалось как попытка урегулировать взаимоотношения лишь на определенных этапах. А шертные записи, принятые в середине XVII в., они считали вынужденной мерой со стороны России с целью привлечения калмыков к войне. Тем самым добровольное вхождение калмыков в состав России ими трактовалось как самовольное вторжение и движение по ее территории и вынужденное признание де-факто Россией. Другая группа авторов ([Митиров, 1998](#); [Цюрюмов, 2007](#); [Тепкеев, 2014](#) и др.), придерживаясь иной точки зрения в вопросе о появлении ойратов в пределах Сибири

(политический и экономический кризис), близка к мнениям предыдущих историков в вопросах заключения промежуточных в середине XVII в. шертных записей.

В отличие от указанных позиций иной концептуальный подход к проблеме вхождения калмыков в состав России у других авторов ([Эрдниев, 1985](#); [Трепавлов, 2007](#); [История Калмыкии с древнейших времен до наших дней, 2009](#) и др.): как мирный поиск отдельными группами ойратов ареала обитания, где не исключались мелкие столкновения. Появление их в Сибири и установление официальных контактов с местными властями свидетельствовали о мирных намерениях калмыков, и соответственно царской администрацией было воспринято адекватно. Устные и письменные шерты рассматриваются как заключение взаимовыгодного партнерства на определенных этапах, когда обе стороны, сохраняя статус-кво, вступают во взаимоотношения без юридических последствий ([Трепавлов, 2007: 137](#)).

Сложный вопрос о правовом статусе Калмыцкого ханства и его правителя, о деформировании его в литературе не получил достаточного освещения. Первоначальная идея о трансформации правового статуса Калмыцкого ханства от политической к административной автономии принадлежит автору этой статьи ([Максимов, 2002: 74, 112](#)). Историк А.В. Цюрюмов принял в докторской диссертации данную концепцию, однако это он не отметил в своем исследовании.

4. Результаты

Русско-калмыцкие отношения начали развиваться с момента появления ойратов (калмыков) в пределах Сибири. Уже в начале XVII в. калмыки устанавливали официальные контакты с сибирскими воеводами, которые строго руководствовались в вопросах политики по отношению к кочевникам-калмыкам указаниями двух органов государственного управления – Приказа Казанского дворца и Посольского приказа. Эти ведомства сыграли активную роль в интегрировании калмыков в состав России. Посольским приказом впервые была организована и проведена в 1608 г. на высшем уровне аудиенция калмыцкой делегации у царя Василия Шуйского. По результатам встречи и проведенных переговоров Посольского приказа, сибирских воевод с представителями калмыцких улусов в августе 1609 г. были приняты две именные царские грамоты, санкционировавшие правовое введение калмыков в состав России ([Материалы по истории..., 1959: 37–38](#)).

Однако после низложения В. Шуйского, и в кратковременный период правления «Семибоярщины», и в условиях активной фазы Смуты калмыцкие проблемы на высшем уровне не рассматривались.

Возобновление взаимоотношений России с калмыками стало возможным с избранием Земским собором в феврале 1613 г. на царский престол Михаила Федоровича Романова. Общественно-политическая, государственная обстановка в стране, временно нарушенная поводом Смуты, стала входить в свои берега. Новый царь прежде всего обратил внимание на территориальное укрепление Российского государства, в том числе и Сибири. Молодой царь Михаил Федорович Романов проявил активность в решении вопросов введения калмыков в состав государства. В декабре 1616 г. на заседании Боярской думы царь «указал», а бояре «приговорили»: «...приводить их (калмыков) под государеву руку» ([Материалы по истории..., 1959: 55](#)). А в 1618 и 1620 гг. следующим шагом в политике этого направления явилось вручение Посольским приказом тайшам дербетского и чоросского улусов жалованных именных царских грамот, закрепляющих факт их нахождения под покровительством России. Аналогичные грамоты, по результатам рассмотрения Боярской думой докладов воевод Тобольска и Уфы, получили в начале 1621 г. уже тайши хошутского и торгутского улусов. В них конкретно оговаривались условия нахождения калмыков «под государевой рукою» – «на непослушников наших, куда вам наше царское повеление будет, со своими ратными людьми ходить», – отвечавшие интересам России, особенно на том этапе упрочения государства.

В отличие от начального периода, когда калмыки в отношении поддержки Кучумовичей проявляли сдержанность, в 1620–1630-х годах они активно стали приближать, устанавливать династические связи между отдельными тайшами и сибирскими царевичами, помогать им в борьбе с русскими властями, башкирами, ногайцами ([Трепавлов, 2012: 83–98](#)). Здесь калмыки преследовали политические и экономические цели – оказание давления на воевод, получение даров от царевичей от разграбленного ими ясачного населения Западной Сибири.

В это же время отдельные группы калмыков, передвигавшиеся на северо-запад, стали вторгаться и занимать пастбища, зверовые и рыболовные угодья в Тюменском уезде, под Тобольском, Уфой и по реке Эмбе, что привело к серьезному конфликту с башкирами и ногайцами. Посольский приказ, внимательно следя за миграцией калмыков, анализируя их намерение, в июле 1630 г. докладывал царю и святейшему государю патриарху Филарету Никитичу о нормализации взаимоотношений с калмыками. Царем было дано Посольскому приказу указание вести прежнюю политику по отношению калмыкам – мирным путем вводить их в состав России ([Материалы по истории..., 1959: 148, 155–158, 173–174](#)).

В начале 1630-х годов торгутский тайша Хо-Орлюк со своим улусом достиг Яика и, вытеснив Больших ногаев, расположился на его правом берегу. Торгутский улус, находясь на «астраханской стороне», не проявляя агрессивных намерений, стал осваивать территорию для кочевий до самой Камыш-Самары. Россия, учитывая неуклонное соблюдение калмыками договорных обязательств по

защите ее интересов, а также сложную военную обстановку на юго-западе страны, в середине 1650-х годов предпринимает меры по принятию новых нормативных документов (шерти), закрепляющих русско-калмыцкие отношения.

4 февраля 1655 г. делегация торгутского тайши Дайчина (сына Хо-Орлюка), фактически главного правителя приуральских и приволжских калмыцких улусов, подписала шертную запись (первый письменный документ), по которой калмыки, обязуясь “быть в российском подданстве”, практически приобретали покровительство, поскольку сохраняли самостоятельность и самоуправление. Но основные условия шертных обязательств носили военно-политический характер, отражавший особенность положения Калмыцкого ханства в этот период в составе России – под покровительством, но в преддверии юридического подданства. При этом царская администрация официально решила самую главную проблему Калмыцкого ханства, экономика которого базировалась на кочевом образе жизни населения, – территориальный вопрос, ареал постоянного обитания – “по Волге по ногайской стороне, и по Ахтубе, и по Белужью или близко наших городов...” (Кичиков, 1966: 102).

Тем временем крымский хан и персидский шах попытались помешать закреплению калмыков в составе России и склонить их на свою сторону. Обеспокоенная царская администрация, стремясь предотвратить возможное сближение калмыков с недружественными государствами России, ускорила правовое оформление положения де-факто калмыков в составе России. Она потребовала от калмыцких тайшей заключить новую шерти. Новый договор от 30 марта 1657 г., подписанный Мончаком, сыном Дайчина, принципиально изменил взаимоотношение России с калмыками. Этот документ, имевший юридическую силу, окончательно установил – “быть (калмыкам) в вечном подданстве и послушанье”.

Верховная власть России, с одобрением признав факт правового оформления добровольного вхождения калмыков в состав государства, официально от имени государя Алексея Михайловича грамотой Посольского приказа от 6 июля 1657 г. уточнила территорию для кочевий калмыков: “... им летом кочевать от Астрахани вверх по Волге по обе стороны, и на перевозках бы их нигде не задерживали, а зимой бы им кочевать в Мочагах” (по побережью Каспийского моря), а также предоставила им ряд льгот, в том числе беспощинную торговлю в городах Поволжья. Основной обязанностью калмыков, несмотря на статус подданных, по-прежнему являлось только участие в войнах.

Калмыцкое ханство, оформив де-юре факт принятия российского подданства, взяло обязательство не вступать в сношения “с турецким салтаном и с крымским царем нам, тайшам, и детям нашим, и улусным нашим калмыкам и в соединенье не быть”. Тем самым фактически оно лишилось имевшихся элементов международного права, т.е. статуса правосубъектности во внешних сношениях. Но царская администрация сохранила Калмыцкое ханство в статусе политической автономии.

Калмыцкое ханство, находясь де-юре в составе России, не состояло в ее правовом пространстве. Поэтому в последующие годы (приняты две шерти в 1661 г.) потребовалось уточнить, внести коррективы в положения, определявшие взаимоотношения ханства с центральными властями, особенно по военным вопросам с учетом нестабильной международной обстановки.

Помимо этого, в связи с продолжавшейся войной со Швецией, Польшей, притязанием Турции на Азов, проявлением агрессивности Крымского ханства на юго-востоке страны складывалось тревожное положение. В этой ситуации царская администрация принимает ряд экстренных мер по мобилизации военных ресурсов страны, в том числе и Калмыцкого ханства.

В целях привлечения калмыков к участию в войне на южных рубежах, а также для вручения хану поручения дипломатического характера царя Алексея Михайловича в феврале 1661 г. к тайше Дайчину прибыл думный дьяк Посольского приказа И.С. Горохов. Он передал ему царский указ срочно направить крымскому хану официального представителя Калмыцкого ханства с поручением потребовать от крымского хана, “чтобы он отстал от польского короля и помочи ему не чинил”, а если крымский хан не отстанет и не прекратит военные действия против России, пригрозить, “что калмыки будут воевать крымские юрты” (Соловьев, 1991: 555). Обязательства тайши Дайчина по выполнению поручений царя были оформлены 8 июня того же года шертной записью, в составлении которой приняли участие И.С. Горохов и князь Каспулат Муцалович Черкасский – уполномоченный по военным делам от царской администрации при тайше.

Таким образом, к этому времени полностью завершается почти полувековой процесс правового введения Россией калмыков в свое подданство. Помимо шертных записей 1655, 1657 гг., были приняты еще две в 1661 г., уточнившие и закрепившие статус Калмыцкого ханства, основанный на принципах самостоятельности и самоуправления, а также определены условия взаимоотношений. Верные своим обязательствам и в соответствии со своим новым положением калмыки активно включились в борьбу с врагами России, защищая ее интересы, суверенитет. Но неожиданно в конце 1661 г. царская администрация в очередной раз решила привести калмыцких тайшей к заключению новых договорных обязательств. В историографии имеются две точки зрения на причины столь внезапного и ускоренного принятия шерти от калмыков. Первая – необходимость привлечения калмыков к военным действиям (История Калмыкии..., 2009: 355; Тепкеев, 2012: 291–292), вторая – столкновения калмыков с башкирами, чувашами и марийцами (Очерки истории..., 1967: 121;

Цюрюмов, 2007: 109). Не отвергая этих причин, следует заметить, что в начале 60-х годов XVII в. в калмыцком обществе произошла смена лидера. Этот процесс царской администрацией был замечен своевременно, и было принято решение с новым руководителем ханства уточнить и окончательно оформить вопросы взаимоотношения.

Военные и дипломатические события 1661 г. показали возрастающую роль тайши Мончака. Фактически все крупные калмыцкие феодалы объединились вокруг него. Дайчин стал сдавать свои позиции, и его роль в политической жизни калмыцкого общества почти сошла на нет. В 1661 г. он практически самоустранился от управления ханством в связи с возрастом, о чем сам свидетельствовал И.С. Горохову: “Мончак сам владелец, а я стар, и улусные люди прочат Мончака” (Соловьев, 1991: 556).

Тайша Мончак в присутствии думного дьяка И.С. Горохова, ногайских, едисанских, ембулуцких, малисбашских, келечнчинских мурз, кочевавших вместе с калмыками, и калмыцких тайшей 9 декабря 1661 г. перед астраханским воеводой, князем Г.С. Черкасским, уполномоченным центральной власти России по делам организации вооруженных сил юго-востока страны, клятвенно присягнул от своего имени, отца и племянников царю Алексею Михайловичу быть “в вечном подданстве и в послушанье”, верой и правдой служить ему, “Великого Государя с изменники и непослушники битись до смерти”, по его велению на недругов “войною ходить” (ПСЗ, т. 1, 1830: 561–563). На окончательное решение Калмыцкого ханства юридически закрепить подданство и остаться в составе России, по всей вероятности, повлияло и формировавшееся на протяжении полувека, как отмечал В.О. Ключевский, чувство национального единства с народами России и сознания внешних опасностей, необходимости бороться с ними сообща (Ключевский, 1989: 307).

В этом правовом документе подтверждался институт уполномоченных (посыльщиков) обеих сторон – царской администрации и Калмыкии, введенный шертью 1655 г. для поддержания связей и согласования сотрудничества по вопросам политического и военного характера. Кроме того, для обеспечения постоянной связи, координации действий при Посольском приказе был образован Калмыцкий приказ на правах государственного органа территориального управления. Руководство приказом было возложено на боярина князя В.Г. Ромодановского, ранее служившего астраханским воеводой, и думного дьяка И.С. Горохова, талантливого дипломата.

В шертной записи 1655 г. уже отсутствовал такой рычаг воздействия на соблюдение договоров, как аманатство (выдача заложников). Но были найдены весьма эффективные юридические способы, обеспечивающие выполнение договорных условий. Калмыцкое ханство высшими органами государственной власти России получило признание как этнополитическое образование, которое подкреплялось вручением хану атрибутики власти. Кроме того, правитель Калмыцкого ханства и его близкие родственники включались в централизованную бюрократическую систему административного управления России как штатные государственные чиновники, подчиненные представителям высшей власти.

Таким образом, Калмыцкое ханство, окончательно в середине XVII в. юридически закрепив факт добровольного вхождения в состав Российского государства, официально в соответствии с российскими законами (Российское законодательство..., 1985: 171) обретя обширную территорию (по обоим берегам Волги от Астрахани до Царицына и Самары, степи Придонья) обитания, пригодную для ведения кочевнического хозяйства, к концу 20-х годов XVIII в. достигло наивысшего расцвета. В этом велика заслуга хана Аюки, вступившего по праву наследника в управление ханством в 1669 г. и правившего им более 50 лет. За эти годы Калмыцкое ханство получило признание не только в России, но и в монголоязычном мире.

Калмыцкое ханство под руководством Аюки активно участвовало в защите южных рубежей Российского государства. В необходимых случаях Петр I возлагал на хана ответственные поручения. В частности, в марте 1697 г. царь, отбывая на полтора года за границу в составе так называемого Великого посольства, управление государством, как известно, доверил близким, знатнейшим государственным деятелям: боярину Л.К. Нарышкину, князьям Б.А. Голицыну, Федору Ромодановскому и П.И. Прозоровскому. А охрану юго-восточных границ государства официально поручил хану Аюке, но под контролем Бориса Алексеевича Голицына (Платонов, 1992: 223; Беликов, 1965: 50).

Одним из крупных вкладов Калмыцкого ханства в конце XVII в. явилось участие в борьбе России за выход к Черному морю, во взятии Азова и в закреплении его на южных рубежах как русской крепости (Беликов, 1965: 48; Пашков, 1997: 356–357; Венков, 2009: 273, 305, 308).

В первой четверти XVIII в. калмыки активно участвовали в Северной войне, приведшей к утверждению России на берегах Балтийского моря, а также в войне с Турцией и Персией – укреплению южных границ Российского государства. В эти исторические военные события Калмыцкое ханство, возглавляемое Аюкой, внесло свой определенный вклад. Вскоре после войны с Персией, в феврале 1724 г., умер Аюка, правивший Калмыцким ханством более полувека.

С его смертью царская администрация, воспользовавшись междоусобной борьбой за власть в Калмыцком ханстве, взяла решительный курс на изменение его статуса. Преследовалась цель в условиях перехода к абсолютизму начать поэтапное введение его в единоуправляемую систему государства. Первый шаг был сделан учреждением в феврале 1725 г. Высочайшим указом императрицы Екатерины I новой должности – “наместника” Калмыцкого ханства, назначаемого

высшей властью государства. Одновременно была предпринята попытка изменить традиционно существовавший порядок наследования власти.

Отныне назначение наместника в Калмыцком ханстве и присвоение ему ханского титула стало прерогативой царской администрации. Поэтому Церен-Дондук, сын Аюки, назначенный в 1725 г. наместником, лишь через шесть лет получил титул хана в соответствии с Жалованной грамотой императрицы Анны Иоанновны, но в положении уже “верного, послушного подданного” (ПСЗ, т. 8, 1833: 383). В том же году (1731) Сенат, лишив внешнеполитические полномочия Калмыцкого ханства, ограничил его статус до субъекта внутреннего территориального самоуправления. В решении Сената не говорилось даже о Калмыцком ханстве, носителем национального суверенитета выступал сам народ. В нем отмечалось, что “калмыцкий народ, состоя в подданстве Российской державы, без воли Российского правительства ничего сам собою делать не может...” (Бичурин, 1991: 96).

В результате предпринятых мер царским правительством по корректировке статуса Калмыцкого ханства и его правителя в течение десяти лет (1725–1735 гг.) был осуществлен перевод ханства от политической автономии с элементами субъекта международного права к административной автономии. Завершающим штрихом в этом процессе стало отрешение высочайшим указом императрицы Анны Иоанновны в марте 1735 г. Церен-Дондука от должности хана.

Введение калмыков в единоуправляемую систему Российского государства окончательно состоялось в конце 1741 г., когда Елизавета Петровна, наделив астраханского губернатора В.Н. Татищева полномочиями по управлению калмыцким народом, назначила правителем калмыцкого народа Дондук-Даши в качестве наместника, который находился в этом статусе более 17 лет. Его положение, практически лишенное самостоятельности в управлении местными делами, видно из письма, датированного им в 1745 г. на имя астраханского губернатора Д.Ф. Еропкина. Дондук-Даши писал: “...Хотя я над своими и командир, однако ж без вашего позволения собою ничего сделать не могу” (Пальмов, 1992: 50–56).

С принципиального изменения правового статуса Калмыцкого ханства несение военной службы, участие калмыков в войнах основывается уже не на договорных принципах, а является обязанностью подданных. Это изменившееся положение было четко отражено в Грамоте Анны Иоанновны от 3 марта 1737 г., данной при возведении Дондук-Омбо в ранг хана. В ней подчеркивалось: “...Всемиловнейше жалую тебя, подданного нашего, и учреждаем ханом Калмыкии..., и по указу нашему будет тебе объявлять и говорить о походе в Крым...” (ПСЗ, т. 10, 1835: 61, 62). При этом следует отметить одну особенность: несение военной службы калмыками не являлось гражданской обязанностью. Калмыцкое ханство, учитывая очередность, определенные критерии мобилизуемых мужчин, должно было выставлять только требуемое количество конницы для участия в войнах России. Так, на фронт Русско-турецкой войны (1768–1774 гг.) были выставлены два корпуса калмыцкой конницы общей численностью до 40 тысяч всадников (Беликов, 1965: 88–96).

С восшествием на царский трон Екатерина II и ее администрация, уловив сепаратистские настроения верхушки Калмыцкого ханства, предприняли ряд мер в соответствии с «Наставлением» от 21 апреля 1764 г. по укреплению власти и повышению роли правителя калмыцкого народа. Но в отличие от губернатора власть наместника ограничивалась коллегиальным органом – “общенародным Калмыцким правительством” – Зарго, входившим в систему государственных органов Российского государства.

Проведенные реформы в период утверждения абсолютизма с целью введения Калмыцкого ханства в единоуправляемую систему России привели к принципиальному деформированию его правового статуса. Фактически оно было приравнено к окраинной провинции, высшие должностные его лица – к государственным чиновникам. Калмыкия к концу 60-х годов XVIII столетия была включена в централизованную бюрократическую систему управления России.

К этому же времени в результате свободной и организованной крестьянской и помещичьей колонизации земель Поволжья значительно сократилась территория калмыцких кочевий, что привело к ухудшению экономического состояния калмыцкого народа, а также с появлением поселений украинских и русских крестьян, казацких – изменению социокультурной среды. Екатерина II, понимая, что все эти обстоятельства вкупе могут привести к обострению политической обстановки в ханстве, усилению тенденций сепаратизма, потребовала от военных и государственных чиновников внимательного подхода к калмыцким делам, правителю ханства. Об этом четко было сказано в ее высочайшей грамоте от 15 января 1769 г., направленной генерал-майору И.Ф. де Медему, начальнику Моздокской линии, которому присоединялась 20-тысячная калмыцкая конница для участия в боевых действиях на Кубани против подданных Турции татар (Русский архив..., 1915: 169–176, 182).

Однако генерал де Медема не прислушался к наставлениям императрицы, и в результате возникших разногласий между ним и наместником Убаши, последний осенью 1770 г. снял свое войско с театра предстоящих военных операций и ушел на Волгу. Здесь он в течение трех месяцев провел подготовку к откочевке, и в начале января 1771 г. три четверти калмыцких улусов двинулись в Джунгарию, бывшую свою историческую территорию, но с середины XVIII в. ставшую китайской провинцией.

Предпринятые меры царской администрацией по задержанию и возвращению калмыков оказались безуспешными. Учитывая уход значительной части калмыков (более 30 тыс. кибиток

(семей), осталось всего менее 12 тыс.) из пределов России, на заседании Совета при высочайшем дворе с участием императрицы Екатерины II было принято решение об упразднении Калмыцкого ханства. В соответствии с вердиктом Совета Екатерина II указом от 19 октября 1771 г. ликвидировала Калмыцкое ханство как свершившийся факт самоликвидации. Так завершилась почти 130-летняя история Калмыцкого ханства в составе Российского государства.

5. Заключение

Таким образом, ойраты (калмыки), войдя в конце XVI – начале XVII вв. в пределы территории Сибири, где позиции России еще не были упрочены, придерживались политики нейтралитета и взаимовыгодных отношений с сибирскими воеводствами. В процессе движения в северо-западном направлении калмыки преследовали жизненно важную цель – выбор постоянного местообитания, пригодного для кочевнического хозяйства. В связи с этим они, ведя оживленную торговлю, вступали в официальные контакты с местными властями и представителями центральных территориального и внешнеполитического ведомств России. В результате высшими властями Российского государства была определена политика по правовому инкорпорированию Калмыцкого ханства в состав России. Этот процесс, развиваясь во взаимовыгодных условиях, завершился к середине XVII в. добровольным принятием калмыками российского подданства.

В период утверждения абсолютизма Калмыцкое ханство, имевшее статус политической автономии с элементами международного права, трансформируется в единоподчиняемую систему России, что привело к деформации его правового положения до административной автономии. В последней четверти XVIII в. в результате объективных и субъективных факторов значительная часть калмыков откочевала в пределы Китая. Тем самым национальная государственность калмыков в форме ханства была самоликвидирована. Этот факт получил законодательное утверждение 19 октября 1771 г. указом императрицы Екатерины II.

Оставшаяся часть калмыков была инкорпорирована в состав Астраханской губернии и, несмотря на иноэтническое окружение, оказалась в благоприятной социокультурной среде, общем экономическом, историческом, геополитическом пространстве России. Калмыки, открыв в начале XVII в. новую страницу в своей летописи в общей истории народов России, продолжили ее и после откочевки большей части в Джунгарию, бывшую свою историческую родину.

Литература

- Беликов, 1965** – Беликов Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX в.). Элиста, 1965. 179 с.
- Бичурин (Иакинф), 1991** – Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834; изд. 2-е. Элиста, 1991. 128 с.
- Венков, 2009** – Венков А.В. Азовское сидение. Героическая оборона Азова в 1637–1642 гг. М., 2009. 320 с.
- Гурий (Степанов), 1915** – Гурий (Степанов А.И.). Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Т. 1. Ч. 1: Калмыки. Казань, 1915. 254 с.
- История Калмыкии..., 2009** – История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3-х т. Элиста, 2009. Т. 1. 848 с.
- Кичиков, 1966** – Кичиков М.Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование калмыцкого государства в составе России. Элиста, 1966. 152 с.
- Ключевский, 1989** – Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. VI. Специальные курсы. М., 1989. 476 с.
- Максимов, 2002** – Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX в.). М., 2002. 524 с.
- Материалы по истории...** – Материалы по истории русско-монгольских отношений. Русско-монгольские отношения: Сборник документов. 1607–1636 гг. М., 1959. 351 с.
- Митиров, 1998** – Митиров А.Г. Ойраты – калмыки: века и поколения. Элиста, 1998. 384 с.
- Очерки истории..., 1967** – Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. 479 с.
- Пальмов, 1992** – Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Изд. 2-е. Элиста, 1992. 137 с.
- Пашков, 1997** – Пашков Б.Г. Русь – Россия – Российская империя: хроника правлений и событий. 862–1917 гг. Изд. 2-е. М., 1997. 640 с.
- Платонов, 1992** – Платонов С.Ф. Учебник русской истории. Для средней школы. Курс систематический. В 2 ч. М., 1992. 400 с.
- Позднеев, 1866** – Позднеев А.М. Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. 1866. 244 с.
- ПСЗ, 1830** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. 48 т.: т. 1. 1649–1675. 1830.
- ПСЗ, 1833** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. 48 т. Т. 8. 1728–1732. 1833.

- [ПСЗ, 1835](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. 48 т. Т. 10. 1737–1739. 1835.
- [Российское законодательство...](#) – Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 3. Акты Земских соборов. М., 1985. 512 с.
- [Русский архив](#) – Русский архив. 1915. Вып. 6. М., 1915.
- [Соловьев, 1991](#) – *Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. Книга VI. История России с древнейших времен. Тома 11–12. М., 1991. 671 с.
- [Тепкеев, 2012](#) – *Тепкеев В.Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII в. Элиста, 2012. 376 с.
- [Тепкеев, 2014](#) – *Тепкеев В.Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII в.: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2014. 448 с.
- [Трепавлов, 2007](#) – *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV С. XVIII вв. М., 2007. 255 с.
- [Трепавлов, 2012](#) – *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. 231 с.
- [Цюрюмов, 2007](#) – *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007. 464 с.
- [Чонов, 2006](#) – *Чонов Е.* Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 г. СПб., 1914; изд. 2-е. Элиста, 2006. 142 с.
- [Эрдниева, 1985](#) – *Эрдниева У.Э.* Историческое значение добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России // *Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение. Сборник научных трудов.* Элиста, 1985. С. 5–22.

References

- [Belikov, 1965](#) – *Belikov T.I.* (1965). Kalmyki v borbe za nezavisimost nashej Rodiny (XVII – nachalo XIX v.) [Kalmyks in the struggle for the independence of our country (XVII century – beginning of XIX century)]. Elista. 179 p. [in Russian]
- [Bichurin \(Iakinf\), 1991](#) – *Bichurin N.Ja. (Iakinf)* (1991). Istoricheskoe obozrenie oiratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyachego vremeni. [Historical review of Oirats or Kalmyks from the XV century to the present time]. SPb., 1834. 2nd edition. Elista: Kalmytskoe kn. izdat. 128 p. [in Russian]
- [Venkov, 2009](#) – *Venkov A.V.* (2009). Azovskoe sidenie. Geroicheseskaya oborona Azova v 1637–1642 gg. [Azov blockade. Heroic defense of Azov in 1637–1642]. M. 320 p. [in Russian]
- [Gury \(Stepanov\), 1915](#) – *Gury (Stepanov A.I.)*. Essays on the history of the spread of Christianity among the Mongolian tribes. T. 1, Part 1: Kalmyks. Kazan, 1915. 254 p.
- [Istoriya Kalmykii..., 2009](#) – *Istoriya Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei: V 3-h t.* [History of Kalmykia from ancient times to the present day: in 3 volumes]. Elista, 2009. Vol. 1, 848 p. [in Russian]
- [Kichikov, 1966](#) – *Kichikov M.L.* (1966). Istoricheskie korni drushby russkogo i kalmytskogo narodov. Obrazovanie kalmytskogo gosudarstva v sostave Rossii [Historical roots of friendship between Russian and Kalmyk peoples. Formation of Kalmyk state in Russia]. Elista. 152 p. [in Russian]
- [Kluchevskij, 1989](#) – *Kluchevskij V.O.* (1989). Sochineniya: V 9 t. N. VI. Spezialnye kursy [Works: In 9 vol. Vol. VI. Special course] M. 476 p. [in Russian]
- [Maksimov, 2002](#) – *Maksimov K.N.* (2002). Kalmykiya v natsional'noj politike, sisteme vlasti i upravleniya Rossii (XVII – XX v.) [Kalmykia in the national policy, system of power and management of Russia (XVII – XX centuries)]. M. 524 p. [in Russian]
- [Materialy po istorii..., 1959](#) – *Materialy po istorii russko-mongol'skikh otnoshenij. Russko-mongol'skie otnosheniya: Sbornik dokumentov* [Materials on the history of Russian-Mongolian relations. Russian-Mongolian relations: Collection of documents. 1607-1636]. M., 1959, 351 p.
- [Mitirov, 1998](#) – *Mitirov A.G.* (1998). Oiraty – kalmyki: veka i pokoleniya [Oirats-Kalmyks: centuries and generations]. Elista. 384 p. [in Russian]
- [Ocherki istorii..., 1967](#) – *Ocherki istorii Kalmytskoj ASSR. Dooktyabrskij period* [Essays on the history of the Kalmyk ASSR. Pre-October period] M. 479 p. [in Russian]
- [Pal'mov, 1992](#) – *Pal'mov N.N.* (1992). Ocherk istorii kalmytskogo naroda za vremya ego prebyvaniya v predelakh Rossii. Izd. 2-e [Essay on the history of the Kalmyk people during his stay within Russia. Ed. 2.]. Elista. 137 p. [in Russian]
- [Pashkov, 1997](#) – *Pashkov B.G.* (1997). Rus' – Rossiya – Rossiiskaya imperiya: Khronika pravlenij i sobytij. 862-1917 gg. [Rus – Russia – Russian Empire: Chronicle of the Board and events. 862-1917. 2nd edition]. M. 640 p. [in Russian]
- [Platonov, 1992](#) – *Platonov S.F.* (1992). Uchebnik russkoj istorii. V 2 ch. [Textbook of Russian history. In 2 parts.]. M. 400 p. [in Russian]
- [PSZ, 1830](#) – *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda* [Full collection of laws of the Russian Empire: The first collection: from 1649 to December 12, 1825]. SPb., 1830, in 48 vol.: vol. 1, 1649 – 1675. 1830. [in Russian]

PSZ, 1833 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoj imperii: Sobranie pervoe: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda [Full collection of laws of the Russian Empire: The first collection: from 1649 to December 12, 1825]. SPb., 1830, in 48 vol.: vol. 8, 1728 – 1732. 1833. [in Russian]

PSZ, 1835 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoj imperii: Sobranie pervoe: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda [Full collection of laws of the Russian Empire: The first collection: from 1649 to December 12, 1825]. SPb., 1830, in 48 vol.: vol. 10, 1737 – 1739. 1835. [in Russian]

Rossiiskoe zakonodatel'stvo... – Rossiiskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov. V devyati tomakh. T. 3. Akty Zemskikh soborov [Russian legislation of X-XX centuries. In nine volumes. Vol. 3. Acts of the provincial councils]. M., 1985, 512 p. [in Russian]

Russkij arkhiv – Russkij arkhiv. 1915 [Russian archive. 1915. Issue.6]. M., 1915. [in Russian]

Solov'ev, 1991 – *Solov'ev S.M.* (1991). Sochineniya. V 18 kn. Kniga VI. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. Toma 11 – 12 [Compositions. In 18 books. Book VI. History of Russia since ancient times. Volumes 11 – 12]. M. 671 p. [in Russian]

Tepkeev, 2012 – *Tepkeev V.T.* (2012). Kalmyki v Severnom Prikaspii vo vtoroi treti XVII veka [Kalmyks in the Northern Caspian in the second third of the XVII century]. Elista. 376 p. [in Russian]

Tepkeev, 2014 – *Tepkeev V.T.* (2014). Kalmyki v Severnom Prikaspii vo vtoroi treti XVII veka: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii [Kalmyks in the Northern Caspian in the second third of the XVII century: problems of political relations]. Elista. 448 p. [in Russian]

Trepavlov, 2007 – *Trepavlov V.V.* (2007). "Belyj tsar": obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV – XVIII vv. ["White tsar": the image of the monarch and the idea of citizenship among the peoples of Russia XV – XVIII centuries] M. 255 p. [in Russian]

Trepavlov, 2012 – *Trepavlov V.V.* (2012). Sibirskij yurt posle Ermaka: Kuchum I Kuchumovichi v bor'be za revansh [Siberian Yurt after Yermak: Kuchum and Kucukovic in the fight for revanche]. M. 231 p. [in Russian]

Chonov, 2006 – *Chonov E.* (2006). Kalmyki v russkoj armii XVII v., XVIII v. i 1812 god: ocherk, stat'i, biografiya. 2-e izdanie [Kalmyks in the Russian army of XVII century, XVIII century and 1812: essay, articles, biography. SPb., 1914. 2nd edition]. Elista. 142 p. [in Russian]

Tsyuryumov, 2007 – *Tsyuryumov A.V.* (2007). Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenij [Kalmyk khanate in Russia: problems of political relations]. Elista. 464 p. [in Russian]

Erdniev, 1985 – *Erdniev U.E.* (1985). Istoricheskoe znachenie dobrovol'nogo vkhozheniya kalmytskogo naroda v sostav Rossii // Dobrovol'noe vkhozhenie kalmytskogo naroda v sostav Rossii: istoricheskie korni i znachenie [The historical significance of the Kalmyk people's voluntary joining Russia]. *Voluntary entry of the Kalmyk people into Russia: historical roots and significance.* Elista. pp. 5-22. [in Russian]

Основные этапы правового введения калмыков в единоуправляемую систему Российского государства в XVII–XVIII веках

Константин Николаевич Максимов ^{a, *}

^a Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Российская Федерация

Аннотация. В статье, в отличие от принятой даты (9 августа 1609 г.) вхождения калмыков в состав Российского государства, рассматривается длительный процесс добровольного принятия калмыками российского подданства. На протяжении почти полувека Россия и калмыки, развивая взаимоотношения, вели поиски взаимовыгодных условий для интеграции.

С установлением в начале XVII в. официальных контактов проблемы развития взаимоотношений и введения калмыков в состав России, при всем своеобразии, стали основным звеном политики России в Сибири, внешней политики юго-восточного направления. Поэтому калмыцкие вопросы рассматривались и решались царем и высшими органами государственной власти России – Боярской думой, Посольским приказом, ведавшим вопросами внешней политики, Приказом Казанского дворца, осуществлявшим управление землями на восточных границах страны, а также территориальными административными управлениями.

Первую половину XVII в. следует отнести к активному периоду контактов калмыков с Россией с целью получения территории для постоянного местообитания и установления отношений на принципах суверенитета. Если царская администрация на раннем этапе выдвигала условия нахождения калмыков в составе России – выдачу аманатов (заложников) и выплату определенной дани, позднее главным условием становится военная служба, основанная на военно-политическом союзе, отвечающем интересам обеих сторон. Этот длительный этап, благодаря гибкой национальной

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tsagadam@mail.ru (К.Н. Максимов)

политике России, завершился в середине XVII в. правовым инкорпорированием Калмыцкого ханства в состав Российского государства в статусе политической автономии с элементами субъекта международного права. В условиях перехода самодержавия к абсолютизму Калмыцкое ханство вводится в единоуправляемую систему России, постепенно вносятся изменения в его правовой статус. В результате проведенных реформ в первой половине XVIII в. Калмыцкое ханство утратило статус политической автономии и приобрело черты административной автономии.

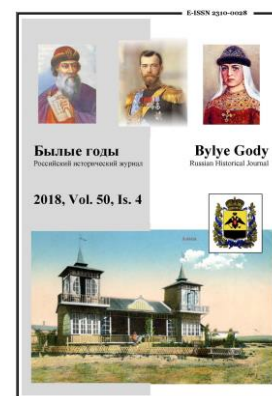
Ключевые слова: российское государство, царь, калмыки, Калмыцкое ханство, хан, взаимоотношение, военно-политический союз, военная служба, добровольное подданство, участие в войнах.

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1376-1387. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1376
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Handicraft Activities in the Life-Support System Structure of the Siberian Village of the XVII–XVIII centuries (according to the Archaeological Materials of the Omsk Irtysh Region)

Larisa V. Tataurova ^{a, b, *}

^a Laboratory of archaeological and ethnographic studies of Western Siberia or TSU, Russian Federation

^b Laboratory of archeology, ethnography and museology of Institute of archaeology and ethnography SB RAS, Russian Federation

Abstract

In the period of XVII-XVIII centuries in Western Siberia system of settlement structures around the cities and stockade towns had been formed. Villages were founded by service men from military garrisons, who were obliged to farm as well. The consequence of those processes was formation of the population's historical ecology, which included life support system. The system's main elements were settlements and dwellings, food and costume sets. Their existence as final products, which provided the existence and development of human groups, was connected with functioning of various household crafts. Those handicrafts produced means of production and materials necessary for house construction, cooking and clothes making. Market economy based on specialized handicraft trade working for sale was only founding in that period. Despite a mention in written sources about artisans' presence in the cities, their production organization did not go beyond the domestic craft.

The author obtained archaeological materials during the excavations of Russian settlements of XVII-XVIII centuries in the Omsk Irtysh Region. The materials with results of interdisciplinary research allowed author to approach the reconstruction of handicraft occupations of the rural population and analyze their role in the formation of the basic elements of the life support system. On the base of archaeological collections of the rural settlements Anan'ino and Izyuk was considered forging, pottery, shoemaking, bone carving, cooperage, and weaving, spinning production. The methods of knitting with bone needles were also reconstructed. Author revealed role of domestic made items among the goods brought "from Russia" and made for sale by proficient.

Keywords: Russian of Siberia, archeology, village, domestic handicraft, reconstruction, life support, Modern times.

1. Введение

В системе жизнеобеспечения любого этноса ремесленные занятия по их значимости в обеспечении витальных потребностей человека занимают важное место. Большинство из них обслуживает создание средств производства для всех направлений хозяйственной деятельности, потому что для каждого из ее видов необходим соответствующий набор орудий труда, качество и производительность которых зависит от мастерства их создателей. Основные компоненты системы жизнеобеспечения – поселения, жилища, костюм и пища ([Культура жизнеобеспечения и этнос, 1983: 55](#)) – в конечном виде формируются в процессе специализированной коллективной деятельности людей, направленной на нужды социума, к которому они принадлежат. В этом плане выделяется пища (конечный продукт для трапезы), приготовление которой чаще не связано с коллективным трудом. Однако для получения ингредиентов блюд, приборов для приготовления (кухонной посуды,

* Corresponding author

E-mail addresses: li-sa65@mail.ru (L.V. Tataurova)

утвари, теплотехнических устройств) и употребления (столовая посуда и приборы) требуется трудовой опыт, навыки и умения различных специалистов.

Все вышесказанное в первую очередь относится к ремесленному производству в домашних условиях, направленному на удовлетворение потребностей семьи как ячейки общества, соседей и односельчан. В дальнейшем развитие технологий и их специализация приводят к выделению ремесла в самостоятельную отрасль.

В период формирования деревень в Западной Сибири (XVII в.) домашние ремесленные занятия, наряду с обеспечением продуктами питания, были основными элементами в структуре системы жизнеобеспечения. Связано это с тем, что ремесленное производство, ориентированное на обслуживание заказов и рыночную торговлю, только складывалось, а поступление товаров из Руси не обеспечивало в полном объеме потребности сибирского населения.

2. Материалы и методы

После постройки в 1594 г. Тары с начала XVII в. вблизи города служилыми людьми из его гарнизона основывается сеть деревень и сел, предназначенных для заведения пашни (Татаурова, Крих, 2015: 479, 480; Крих, 2012: 137). Многие из этих населенных пунктов на сегодняшний день фиксируются как археологические памятники. Материалом, на котором построено настоящее исследование, послужили археологические коллекции, полученные автором в результате изучения поселенческих комплексов русского населения Ананьино-I и Изюк-I (Тарский и Большереченский районы Омской области) (Татаурова и др., 2014: 175–178).

Анализ культурных слоев поселений и представительного собрания предметов различного назначения, зафиксированных в процессе раскопок, проведенные палеозоологические, карпологические, палинологические и другие естественнонаучные изыскания позволили выйти на реконструкцию практически всех элементов систем жизнеобеспечения населения этих деревень.

Цель работы – на основе методов, используемых археологами (типологического, сравнительно-исторического, этноархеологического и др.), и результатов междисциплинарных исследований реконструировать структуру ремесел, функционировавших как домашнее производство, в системе жизнеобеспечения сельского населения Омского Прииртышья в XVII–XVIII вв.

3. Обсуждение и результаты

Для работы и развития основных составляющих системы жизнеобеспечения русского населения в условиях формирования его исторической экологии и поселенческих структур требовались специалисты, способные обеспечить односельчан средствами производства для постройки жилищ, успешного ведения хозяйственной деятельности, направленной на получение продуктов питания и изготовление различной утвари для приготовления и приема пищи. Для производства отдельных компонентов костюмных комплексов (костюм включает одежду, обувь, аксессуары и пр. Подробнее см.: Богомолов, 2012: 31–63) необходимы ткани из шерстяного и растительного сырья, кожа разных сортов; для зимней одежды – мех.

Исходя из этого, к ремесленным домашним занятиям, свидетельства которых фиксируются в археологическом материале, можно отнести кузнечное, керамическое, сапожное, косторезное и бондарное производства, прядение и ткачество, вязание, вышивку.

Кузнечное ремесло. Из культурных слоев поселений получена представительная коллекция предметов из железа, необходимых для различных нужд: в строительстве, домашнем быте, промышленной деятельности, ремесленных занятиях и пр. По технологическим признакам и качеству их можно разделить на ремесленные, выполненные в специализированных мастерских (или привезенные из Руси) и приобретенные жителями деревень на рынке, и изделия, изготовленные в деревенских кузницах. Результаты металлографического анализа, проведенного Н.М. Зиняковым, показали, что на Изюке около 27 % продукции производилось деревенскими кузнецами. В ассортимент входили приборы для освещения жилищ – светцы, обувные подковки, строительные и сапожные гвозди, кольца для крепления косы на косовище и др. (Зиняков, 2005: 283, 284, 288). По материалам Ананьино этот перечень можно дополнить строительной чертой (приспособление для разметки пазов в бревнах), скобяными изделиями, выполненными из неравномерно науглероженной стали: ручки, скобы, запорные крючки, шарнирные навесы и др. (Зиняков, 2017: 431, 433). Кроме изготовления необходимого инвентаря, деревенские кузнецы занимались починкой покупных инструментов.

Одним из распространенных домашних производств было керамическое. Керамика – самая массовая находка в памятниках. Ассортимент продукции включал посуду, пряслица, грузила, игрушки, с XVIII в. – кирпич. Его анализ позволил сделать типологию русской посуды и описать технологию керамического производства (Татаурова и др., 2014: 207–218; Татаурова, 2015). В результате выделено четыре уровня гончарного ремесла, три из них относятся к домашнему. Первый – производство посуды методами скульптурной лепки с использованием поворотного столика (РФК-1 по А.А. Бобринскому, 1978: 27), направленное на удовлетворение потребностей своей семьи и родственников. Второй уровень – изготовление посуды скульптурной лепкой с применением ручного гончарного круга для окончательного оформления форм сосудов и обработки поверхностей

(РФК-2, РФК-3 РФК-4 по А.А. Бобринскому, 1978: 27). Посуда предназначалась для нужд семьи гончара, его родственников и односельчан, иногда реализовывалась в соседних селениях. Третий уровень гончарного ремесла – это частичное изготовление посуды на гончарном круге (РФК-5, РФК-6 по А.А. Бобринскому, 1978: 27) и реализация ее как среди односельчан и жителей соседних деревень, так и на рынке. Четвертый уровень – изготовление посуды на гончарном круге (РФК-7 по А.А. Бобринскому, 1978: 27) – характеризует специализированные мастерские, работавшие на рынок.

Как правило, посуда из археологических коллекций относится к первым трем уровням гончарного производства, изготовлена в домашних условиях и обожжена в русской печи.

Домашний характер гончарного ремесла второго и третьего уровней сохранился в Омском Прииртышье до середины XX в., что прослеживается по архивным и этнографическим материалам. По письменным источникам в четырех волостях Тарского округа в конце XIX в. «крестьяне изготавливали сами грубую глиняную посуду» (Тара в XVI–XIX веках, 2014: 161). По этнографическим материалам, собранным автором, посуду для собственных нужд жители близлежащих к изучаемым археологическим памятникам деревень делали вплоть до Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (МАЭ ОмГУ, 1996).

Керамическое производство обслуживало как минимум пять элементов системы жизнеобеспечения. Из основных – это получение продуктов питания, например, для добычи рыбы использовали глиняные грузила; приготовление и употребление пищи (посуда); получение сырья (нитей) для изготовления деталей костюма (пряслица, о них речь пойдет ниже); обустройство жилищ – теплотехнические устройства (печи), первоначально глинобитные, с XVIII в. с кирпичными трубами (Татаурова, 2011). А также оно обслуживало «вторичную жизнеобеспечивающую систему» (Культура жизнеобеспечения и этнос, 1983: 55), к которой можно отнести предметы для гигиены – глиняные рукомойники, детские игрушки и др.

По массовости археологических находок на третьем месте стоит *кожевенно-сапожное производство*. В основном оно направлено на изготовление составляющих костюмного комплекса: обуви, поясов, а также ременных наборов для снаряжения лошадей и других упряжных животных.

Археологическая коллекция русской кожаной обуви из поселений Омского Прииртышья является на сегодняшний день одной из самых представительных в Западной Сибири (с памятников Ананьино-I получено 282 экз., Изюк-I – 565 экз.). По количеству и качеству она уступает подобным собраниям из городов Мангазеи и Тары, однако является единственной, полно отражающей эту часть костюма сельского населения региона в XVII–XVIII вв.

Анализ коллекции позволил выделить 10 типов кожаной обуви, которую носило сельское население, проследить технологические приемы ее создания и период бытования каждого типа. На данный момент опубликованы реконструкции четырех типов: тип 1 – коты (Богомолов, Татаурова, 2017: 20–22) и тип 2 – чирки (Богомолов, Татаурова, 2014: 7–18); тип 3 – женские башмаки на низком или среднем каблуке (Татаурова, Богомолов, 2018); тип 10 – женские туфли на высоком каблуке (Татаурова, Богомолов, 2016: 112–116). Обувь первого и второго типов составляет 60 % всей коллекции.

Сапожное ремесло, требовавшее более профессионального и специализированного подхода, в большей степени представлено в городах (Богомолов, Татауров, 2010; Черная, 2015; Осипов, Черная, 2016; Осипов и др., 2017). Однако городское ремесло развивалось медленно и длительное время сохраняло уровень домашнего производства, потому что основными специалистами были служилые люди. Сырьем для изготовления обуви и других изделий из кожи служили шкуры домашних животных. Анализ археологических материалов показал, что обувь шили из разных по качеству кож теленка: опоека, выростка, полукожаника; подошвы делали из кож бычка, бугая, бычины (Татаурова, Богомолов, 2016: 109–117). По данным письменных источников, в 1720 г. в Таре из 113 ремесленников было 13 «чеботников», 5 кожевников, а в 1763 г. из 199 ремесленников уже 98 имели отношение к этому занятию: 50 сапожников, 39 кожевников, 9 сыромятников (Тара в XVI–XIX вв., 2014: 103, 122). Вероятно, изготовленную городскими «чеботниками» обувь жители деревень покупали на рынке Тары и сельских ярмарках, но для ее ремонта и пошива простых форм в деревнях были свои умельцы. На это указывают следы починок обуви, малое количество обувных подошв, которые использовали вторично и многочисленные мелкие обрезки кожи, найденные в культурных слоях. Кроме того, получена коллекция конструктивных деталей обуви – подковок и супинаторов, а также набор инструментов и приспособлений, использующихся для ее пошива и ремонта: ножи, шилья, ножницы, берестяные шаблоны (Рисунок 1).

Рис. 1. Инструменты и приспособления для сапожного ремесла
1–3 – ножи со специфической формой лезвия; 4, 5 – ножницы; 6 – остря шильев, в т.ч. специально изогнутое для получения сквозных отверстий для швов; 7, 8 (вверху) – шаблон-лекало; 8 – стельки. 1–6 – железо, 7, 8 – береста. Фото Л.В. Татауровой.

Продукция косторезного ремесла широко и разнообразно представлена в археологических коллекциях поселений. Она предназначалась для различных видов хозяйственной деятельности, связанной с получением продуктов питания, и использовалась как аксессуары в костюмных комплексах. В качестве сырья употреблялись кость и рог. Большая часть предметов изготовлена в домашних условиях.

К аксессуарам костюма относятся роговые гребни и расчески (Рисунок 2, 1–2).

Рис. 2. Продукция косторезного ремесла
1–5 – детали костюма: 1, 2 – гребни; 3, 4 – пуговицы; 5 – половинка пряжки.
6 – головка курительной трубки из рога. 7 – навершие ножа. 8 – пясик.
9–12 – предметы для рыболовства – наконечники остроги. 13 – накладка.
14–24 – охотничий инвентарь: 14–21 – наконечники стрел;
22–24 – насторожки капканов. 25–26 – инструменты для плетения – кочетыки. Фото Л.В. Татауровой.

Судя по художественному оформлению некоторых экземпляров, они созданы в ремесленной мастерской и, вероятно, приобретены жителями деревень на ярмарке или рынке в г. Таре, в 1763 г. в городе работало 7 ремесленников-гребенщиков (Тара в XVI–XIX веках, 2014: 126). К покупным изделиям, попавшим в д. Изюк вместе с одеждой, можно отнести костяные пуговицы (Рисунок 2, 3,

4). Все остальные изделия из кости и рога изготавливались по мере необходимости деревенскими мастерами. К ним относится костяная ременная пряжка (Рисунок 2, 5), половинка которой найдена в культурном слое Ананьино, головка курительной трубки из рога лося с Изюка (Рисунок 2, 6), навершие ножа из Ананьино (Рисунок 2, 7), накладка или деталь украшения (Рисунок 2, 13).

Большая часть костяных предметов предназначена для использования в хозяйстве. Это наконечники для остроги (кроме костяных, на памятниках есть коллекция железных), преимущественно с поселения Ананьино-I (Рисунок 2, 9–12), кочетыки для вязания сетей и развязывания узлов (Рисунок 2, 25, 26); набор наконечников стрел разных размеров и форм для охоты на промысловых животных и птиц (Рисунок 2, 14–21), насторожки капканов (Рисунок 2, 22–24). Интересен предмет из кости – пясик, используемый для стреноживания лошадей (Рисунок 2, 8). Аналогичный найден в г. Мангазее и относится исследователями к предметам аборигенной культуры (Визгалов, Пархимович, 2008: 285, рисунок 169).

Еще одним распространенным инструментом из кости, предназначенным для изготовления элементов одежды, были костяные иглы с отверстием на конце (Рисунок 3, 1–9).

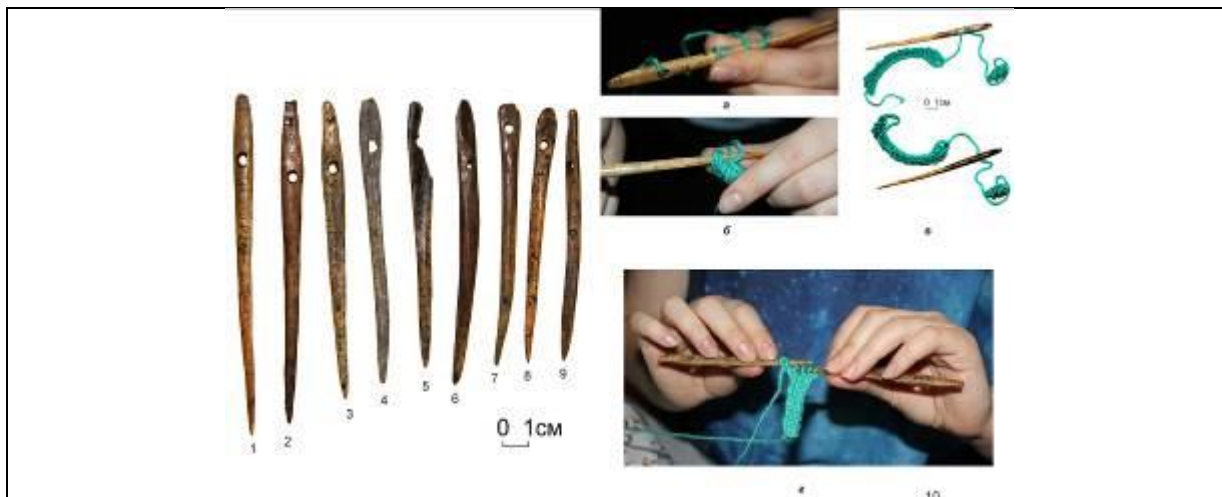

Рис. 3. Набор костяных игл для вязания и реконструкция способов их использования 1–9 – коллекция целых экземпляров игл из памятников Изюк-I и Ананьино-I. 10 – реконструкция использования костяных игл: а–в – вязание одной иглой; г – вязание двумя иглами. Фото Л.В. Татауровой.

В литературе подобные изделия зачастую относят к предметам для вязания и ремонта сетей (Археология севернорусской деревни, 2008: 238; Визгалов, Пархимович, 2008: 86, 250, рисунок 134/6, 7; и др.). Авторы новых раскопок Мангазеи (Визгалов, Пархимович, 2008: 86) относят такие иглы к изделиям, предназначенным для изготовления рыболовных снастей, ссылаясь на аналогичные предметы, опубликованные в книге М.И. Белова, О.В. Овсянникова, В.Ф. Старкова (Белов и др., 1981: 143, 144), и археологические материалы памятников Древней Руси (Древняя Русь, 1985: 228, 242, табл. 90–10). Однако в этих публикациях представлены совсем другие изделия, действительно использовавшиеся для плетения сетей и их ремонта.

В коллекции памятников Омского Прииртышья имеется более 30 костяных игл целых и частей. По определениям палеозоологов, их изготавливали, в том числе, из малой берцовой кости свиньи. Способ вязания одной иглой известен с VII в., и, несмотря на свою древность, имеет популярность и сегодня. На это указывают многочисленные сайты в Интернете с мастер-классами по обучению (см., например, <https://www.youtube.com/watch?v=EcuUqeKQZ5Q>, <https://www.youtube.com/watch?v=Y-LwR2DZ1YM>, дата обращения 13.02.2017, и др.). Проведенные автором реконструкции процесса вязания с использованием одной иглы доказали ее назначение (Рисунок 3, 10–а–в). Связанные иглой чулки, носки, рукавицы не распускаются при порыве нити и, вероятно, долго носятся. Даже вышедшие из употребления вещи использовали для изготовления стелек для обуви, о чем свидетельствуют находки в Тарской крепости в культурном слое XVII в. чулка и стельки, изготовленной из шерстяного изделия, связанного иглой (Глушкова и др., 2016: 95, 98, рис. 6, 7). С помощью двух костяных игл можно вязать так же, как на спицах (Рисунок 3, 10–г).

Развитие сельского хозяйства, и прежде всего животноводства (Явшева и др., 2008: 356–367), способствовало изготовлению тканых и вязаных изделий из шерсти домашних животных – овец и коз. Вязали варежки, чулки, носки, опояски, шнурки. В культурных слоях поселений Омского Прииртышья найдены фрагменты шерстяных изделий и нити, лоскуты шерстяной саржевой ткани и предметы, необходимые для прядения и вязания (Рисунок 4, 6, 7).

Для прядения шерсти использовали веретена с пряслицами. Эти приспособления на Руси известны с середины X в. и представляют, судя по находкам в древнерусских городах, гладкую сигарообразную удлиненную деревянную палочку длиной 25–30 см. Веретено использовалось с пряслицем, которое насаживали на один из концов (Колчин, 1985: 267, 293, рис.108/ 23–25,27; Археология севернорусской деревни, 2008: 258, 259). По данным этнографии, выделяют пряслица низовые, которые надевали на веретено снизу, и верховые (Лебедева, 1956: 482).

Деревянные веретена обнаружены в культурном слое Мангазеи, но без пряслиц, хотя их наличие упоминается (Белов и др., 1981: 34, таблица 28). Культурные слои сельских памятников Омского Прииртышья в силу своей структуры плохо сохраняют изделия из органических материалов. Лишь один предмет, найденный на памятнике Ананьино-I, можно отнести к веретену. Это прямая палочка с одним заостренным концом длиной 24 см, диаметром 1 см (Рисунок 4, 5). Длина мангазейских веретен 19–22 см, они утолщены в средней части и имеют бородку (Белов и др., 1981: 34, табл. 28–3, 4). Веретена использовали не только для прядения шерсти, но и растительных волокон.

В отличие от Мангазеи на Омских памятниках получена коллекция пряслиц (Рисунок 4, 1–5). На сегодняшний день известно 11 предметов. Несмотря на то, что они зафиксированы на разных памятниках, большая часть имеет практически одинаковую форму и размеры. Это битрапециевидные (ребристые – по Н.И. Лебедевой (Лебедева, 1956: 482)) изделия с четким ребром диаметром 4–5 см, высотой 3–3,5 см, весом от 40 до 64 г. Лишь три пряслица отличались по форме (рис. 4, 3–5).

Рис. 4. Приспособления для прядения и рукоделия. Образцы археологических тканей. 1–4 – пряслица; 5 – веретено с пряслицем. 6, 7 – фрагменты вязаного изделия и шерстяной саржевой ткани. 8 – швейные иглы; 9 – реконструкция использования игольника. 1–4 – глина, 5 – дерево, глина; 6, 7 – шерсть; 8 – железо; 9 – железо, кость. Фото Л.В. Татауровой.

Археологические материалы древнерусских городов и севернорусской деревни X–XIII вв. содержат пряслица, изготовленные из разных материалов: камня, глины, кости, металла (Колчин, 1985: 267, 293; Археология севернорусской деревни, 2008: 258, 259). Информация о размерах представлена для деревенских находок: каменные – диаметром 1,8–2,7 см, высотой 0,7–1,8 см, как констатируют авторы, они не отличались от древнерусских; глиняные – диаметром 2,1–2,5 см; известняковые – 4,0–4,5 см (Археология севернорусской деревни, 2008: 258). По мнению Н.И. Лебедевой, глиняные пряслица на Руси стали делать с XIII в. (1956: 483), сведений об их размерах исследовательница не приводит. Сибирские пряслица крупнее по размерам. Отсутствие камня в Омском Прииртышье определило наиболее доступный для их изготовления материал – глину.

Хорошо развитым, вероятно, было и ткачество. Археология дает косвенные данные наличия этого ремесла – фрагменты текстиля, анализ которых позволяет делать выводы о домашнем изготовлении определенных видов тканей: холста и шерстяных (Глушкова, 2008: 311, 312). Определения археологического текстиля из погребального комплекса Изюк-I сформировали мнение

о преобладании тканей из растительного сырья, хотя использовали для погребальных одежд и шерстяные (Глушкова, 2008: 330). Кроме «погребального текстиля» на поселении найдены лоскуты шерстяной саржи (Рисунок 4, 7).

Ткани в домашних условиях ткали на горизонтальном станке с бердом и педалями или на горизонтальном станке с педалями и жестко закрепленным ремизным аппаратом (Глушкова, 2008: 331). Такие станки традиционны для русских и хорошо описаны в этнографической литературе (Лебедева, 1956: 459–540). Детали ткацкого станка найдены в 2018 г. в культурном слое Ананьино.

Бондарное производство и изготовление деревянной посуды также было неотъемлемой частью деревенского ремесла. Особенности культурных слоев сельских поселений не способствовали сохранности деревянных изделий, особенно посуды. Но она зафиксирована в культурных горизонтах Тары и представлена мисками, тарелками, ложками (Татаурова и др., 2014: 166, 167, 172, 173, 255, рис. 52). По архивным материалам, в 1763 г. в Таре 93 человека занимались обработкой дерева, среди них были и посудники (Тара в XVI–XIX веках, 2014: 126). Лучше сохранились свидетельства бондарного ремесла как в коллекции города Тары (Тара в XVI–XIX веках, 2014: 165, 166, 252, рис. 49), так и материалах сельских поселений. Это клепки от различных емкостей и инструменты: скобели, стамески (Рисунок 5). Предметы были полифункциональные и применялись также в обработке дерева для строительства.

Рис. 5. Инструменты для обработки дерева
1, 3 – скобели; 2 – стамеска. 1–3 – железо. Фото Л.В. Татауровой.

По материалам раскопок Новгорода и других памятников в европейской части России деревянная точеная и бондарная посуда известна уже в слоях VIII в. (Розенфельдт, 1997: 42–46). В Сибирь деревянная посуда и способы ее изготовления, как и гончарное производство, пришли вместе с русскими переселенцами уже в готовом виде. Так как потребности в такой посуде, как и глиняной, были постоянными, в каждой деревне имелись такие умельцы.

Традиционными женскими домашними занятиями были вышивка и шитье. В коллекциях памятников встречены костяные игольники, железные швейные иглы и ножницы, свидетельствующие о занятиях рукоделием (Рисунок 4, 8, 9).

4. Заключение

Даже столь краткий обзор ремесленных занятий, осуществляемых, в том числе, в домашних условиях, и их продукции, которая фиксируется в предметных комплексах археологических памятников, показывает, что они были органично встроены в систему жизнеобеспечения сибирской деревни XVII–XVIII вв. Домашние ремесла формировались вместе с этой системой и способствовали ее стабильному функционированию. С развитием и совершенствованием домашнего ремесла складывалось производство, ориентированное на рынок. Так в г. Таре в 1625 г. было 10 ремесленников, происходивших из служилой среды, а ремесло носило домашний характер, так как им занимались в свободное время (Тара в XVI–XIX вв., 2014: 103). В этот же период вокруг города формируется сельская округа из тех же служилых людей, которые использовали свои ремесленные навыки уже в создании собственной системы жизнеобеспечения. Поэтому специализированное ремесло, направленное на рыночную торговлю, складывалось медленно, в 1763 г. в Таре работало всего 199 ремесленников (Тара в XVI–XIX вв., 2014: 122, 126).

Объяснением может служить то, что домашние ремесла во многом обеспечивали спрос на основные категории предметов, связанные с жизнеобеспечением населения. Это иллюстрирует продукция керамического производства. Как уже сказано выше, изготовление посуды в домашних условиях как традиционный элемент культуры сохранилось в Омском Прииртышье до середины XX в. До конца XIX в. оно полностью удовлетворяло потребности населения. На рынке покупали только «престижную» – поливную (процент которой в общей массе керамического материала составлял менее 0,01) и китайскую фарфоровую, являвшихся показателем статуса ее владельцев (Татауров, 2017: 841). Пряслица и грузила тоже были местного производства и вряд ли приобретались на рынке. Дополняла керамическую деревянная посуда, также производимая на месте. Лишь в XVIII в. в обиход внедряется покупная чугунная посуда, производство которой было налажено на уральских заводах (Зиняков, 2005: 281–287).

Таким образом, археологический материал и междисциплинарные методы его исследования позволяют более углубленно рассмотреть многие стороны бытовой культуры русского населения и выйти на изучение исторических процессов, происходивших в Сибири после ее заселения русскими и способствовавших созданию здесь модели российской экономики. Кроме того, ремесленная продукция весьма активно распространялась среди аборигенного населения региона, что усиливало влияние «русского мира» (Татаурова, 2018) в инородческой среде.

5. Благодарности

Определения видового состава животных выполнены специалистами Института экологии растений и животных УрО РАН г. Екатеринбурга П.А. Косинцевым и Т.В. Лобановой, за что автор выражает им глубокую признательность.

Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета (проект № 8.1.41.2018).

Сокращения

МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Музейного комплекса Омского государственного университета.

РФК – развитие функций гончарного круга.

Литература

Археология севернорусской деревни, 2008 – Археология севернорусской деревни X–XIII вв. М.: Наука, 2008. Т. 2. 365 с.

Белов и др., 1981 – Белов М.И., Овсяников О.В., Старков В.Ф. Мангазея: материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Москва: Наука, 1981. Ч. II. 147 с.

Бобринский, 1978 – Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 272 с.

Богомолов, 2012 – Богомолов В.Б. Этноархеологическая реконструкция костюма как синтез междисциплинарных исследований / Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск, 2012. Т. 12. С. 31–63.

Богомолов, Татауров, 2010 – Богомолов В.Б., Татауров С.Ф. Коллекция обуви из раскопок города Тары в 2009 году / Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Издат. дом «Наука», 2010. Ч. 2. С. 91–96.

Богомолов, Татаурова, 2014 – Богомолов В.Б., Татаурова Л.В. Погребальная кожаная обувь русских Омского Прииртышья XVII–XVIII вв. // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск–Тюмень–Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. II. С. 7–18.

Богомолов, Татаурова, 2017 – Богомолов В.Б., Татаурова Л.В. Коты – кожаные туфли без каблука (по археологическим материалам Омского Прииртышья) / Народный костюм в Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 20–22.

Визгалов, Пархимович, 2008 – Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург – Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.

- Глушкова, 2008** – Глушкова Т.Н. Ткани XVII века из русских могильников Изюк-I и Ананьино-I / Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апелсин, 2008. С. 326–332.
- Глушкова и др., 2016** – Глушкова Т.Н., Сенюрина Ю.А., Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Тканые, вязаные и плетеные изделия XVII–XVIII веков из Тарской крепости // *Археология, этнография и антропология Евразии*, 2016. № 44 (3). С. 93–100.
- Древняя Русь, 1985** – Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука, 1985. 430 с.
- Зиняков, 2005** – Зиняков Н.М. Чернометаллические изделия поселения Изюк-I: Технологическая характеристика / Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 275–289.
- Зиняков, 2017** – Зиняков Н.М. Чернометаллические изделия поселения Ананьино в Тарском Прииртышье: технологическая характеристика / Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Издат. дом «Наука», 2017. С. 427–437.
- Колчин, 1985** – Колчин Б.А. Ремесло: прядение и ткачество / Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука, 1985. С. 265–269.
- Крих, 2012** – Крих А.А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). Омск: Издат. дом «Наука», 2012. 295 с.
- Культура жизнеобеспечения и этнос, 1983** – Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1983. 319 с.
- Лебедева, 1956** – Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX веков // *Восточнославянский этнографический сборник*. М.: АН СССР, 1956. Т. XXXI. С. 460–540.
- МАЭ ОмГУ, 1996** – МАЭ ОмГУ. Фонд I. Дела 101-1; 101-4; 101-7; 102-2; 102-4; 104-1. Материалы Западно-Сибирской комплексной этнографо-археологической экспедиции за 1996 г. в Большереченский и Муромцевский районы Омской области.
- Осипов, Черная, 2016** – Осипов Д.О., Черная М.П. Коллекция кожаных изделий из раскопок Томского кремля // *Российская археология*. 2016, № 4. С. 138–150.
- Осипов и др., 2017** – Осипов Д.О., Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Черная М.П. Коллекция кожаных изделий из Тары (по материалам раскопок 2012–2014 гг.) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Т. 45. 2017. № 1. С. 112–120.
- Розенфельдт, 1997** – Розенфельдт Р.Л. Бытовые изделия: деревянная тара и посуда / Древняя Русь: быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 42–46.
- Тара в XVI–XIX веках, 2014** – Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск: Амфора, 2014. 332 с.
- Татауров, 2017** – Татауров Ф.С. Китайский фарфор с русских памятников Среднего Прииртышья XVII – первой половины XVIII вв. // *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Казань–Кишинев: Stratum Plus*, 2017. Т. 2. С. 835–841.
- Татаурова, 2011** – Татаурова Л.В. Печное строительство в XVII, XVIII, XX веках (по материалам этнографо-археологических исследований русских Омского Прииртышья) / Интеграция археологических и этнографических исследований в изучении этнической истории тюркских народов Евразии. Омск: Издат. дом «Наука», 2011. С. 394–399.
- Татаурова, 2015** – Татаурова Л.В. О типологии русской керамической посуды XVIII в. / Современные подходы к изучению древней керамики. Москва: Изд. ИА РАН, 2015. С. 142–154.
- Татаурова, 2018** – Татаурова Л.В. Формирование русского мира в Тарском Прииртышье в XVII–XVIII вв. Историко-археологический аспект / *Материалы IX региональной научно-практической конференции «Вагановские чтения», посвященной 425-летию города Тары* (г. Тара, 5–6 апреля 2018 года). Омск: Амфора, 2018. С. 351–354.
- Татаурова, Богомолов, 2016** – Татаурова Л.В., Богомолов В.Б. Женские кожаные туфли на высоком каблуке XVII–XVIII вв. (по материалам археологических комплексов русских Омского Прииртышья) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2016. № 44 (2). С. 109–117.
- Татаурова, Богомолов, 2018** – Татаурова Л.В., Богомолов В.Б. Женские кожаные туфли на низком и среднем каблуке (по материалам русских археологических комплексов Омского Прииртышья) // *Вестник НГУ: История и филология*. № 18. 2018. № 4: Археология и этнография. В печати.
- Татаурова и др., 2014** – Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веках (по материалам археологических исследований). Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. 374 с.
- Черная, 2015** – Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск: ИД «Д`Принт», 2015. 276 с.
- Явшева и др., 2008** – Явшева Д.А., Некрасов А.Е., Татаурова Л.В. Животноводство и охота русского населения лесостепного Прииртышья / Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апелсин, 2008. С. 356–367.
- Tataurova, Krih, 2015** – Tataurova L.V., Krih A.A. The life support system of the Siberian village of Anan'ino in the XVII–XVIII centuries (based on archaeological and written sources) // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 37, Is. 3, pp. 479–490.

References

- [Arheologiya severnorusskoy derevni, 2008](#) – *Arheologiya severorusskoy derevni X–XIII vv.* [Archeology of a northern Russian village of the X–XIII centuries]. Moscow: Nauka, 2008, vol. 2, 365 p. [in Russian]
- [Belov et al., 1981](#) – *Belov M.I., Ovsyanikov O.V., Starkov V.F.* (1981). Mangazeya: Material'naya kul'tura russkikh polyarnykh morekhodov i zemleprohodtsev XVI–XVII vv. [Mangazeya: Material culture of the Russian polar sailors and explorers of the XVI–XVII centuries]. Moscow: Nauka. pt. II, 147 p. [in Russian]
- [Bobrinskiy, 1978](#) – *Bobrinskiy A.A.* (1978). Goncharstvo Vostochnoy Evropy [Pottery Of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 272 p.
- [Bogomolov, 2012](#) – *Bogomolov V.B.* (2012). Etnoarheologicheskaya rekonstrukciya kostyuma kak sintez mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Ethnoarcheological reconstruction of the costume as a synthesis of interdisciplinary research]. *Etnografo-arheologicheskie komplekisy: problemy kul'tury i sociuma*, Omsk, Vol. 12. pp. 31–63. [in Russian]
- [Bogomolov, Tataurov, 2010](#) – *Bogomolov V.B., Tataurov S.F.* (2010). Kolleksiya obuvi iz raskopok goroda Tary v 2009 godu [Collection of shoes from the excavations of the town of Tara in 2009]. Integratsiya arheologicheskikh i ehtnograficheskikh issledovaniy. Omsk: "Nauka" publishing house. pt. 2, pp. 91–96. [in Russian]
- [Bogomolov, Tataurova, 2014](#) – *Bogomolov V.B., Tataurova L.V.* (2014). Pogrebal'naya kozhanaya obuv' russkikh Omskogo Priirtysh'ya XVII–XVIII vv. [Funerary leather shoes of Russians in the Omsk Irtysh region in the XVII–XVIII centuries]. *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyah*. Omsk; Tyumen'; Yekaterinburg: Magellan. Vol. II. pp. 7–18. [in Russian]
- [Bogomolov, Tataurova, 2017](#) – *Bogomolov V.B., Tataurova L.V.* (2017). Koty – kozhanye tufli bez kabluka (po arheologicheskim materialam Omskogo Priirtysh'ya) [Koty – leather heelless shoes (according to the archaeological materials of the Omsk Irtysh region)]. *Narodnyy kostyum v Sibiri*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS. pp. 20–22. [in Russian]
- [Chernaya, 2015](#) – *Chernaya M.P.* (2015). Voevodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760-e gg.: istoriko-arheologicheskaya rekonstruktsiya [Voivode Manor in Tomsk: Historical and Archeological Reconstruction. 1660 to 1760]. Tomsk: "D`Print" publishing house. 276 p. [in Russian]
- [Drevnyaya Rus', 1985](#) – *Drevnyaya Rus'*. Gorod, zamok, selo [Ancient Russia. Town, castle, village]. Moscow: Nauka, 1985. 430 p. [in Russian]
- [Glushkova, 2008](#) – *Glushkova T.N.* (2008). Tkani XVII veka iz russkikh mogil'nikov Izyuk-I i Anan'ino-I [Fabrics of the XVII century from the Russian cemeteries Isuk-I and Anan'ino-I]. *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyah*. Omsk: Apel'sin. pp. 326–332. [in Russian]
- [Glushkova et al., 2016](#) – *Glushkova T.N., Senyurina Yu.A., Tataurov S.F., Tihonov S.S.* (2016). Tkanye, vyazanye i pletenye izdeliya XVII–XVIII vekov iz Tarskoj kreposti [Woven, knitted and braided products of the XVII–XVIII centuries from the fortress of Tara]. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. Nr 44 (3), pp. 93–100. [in Russian]
- [Kolchin, 1985](#) – *Kolchin B.A.* (1985). Remeslo: pryadenie i tkachestvo [Craft: spinning and weaving]. *Drevnyaya Rus'*. Gorod, zamok, selo. Moscow: Nauka. pp. 265–269. [in Russian]
- [Krih, 2012](#) – *Krih A.A.* (2012). Etnicheskaya istoriya russkogo naseleniya Srednego Priirtysh'ya (XVII–XX veka) [Ethnic history of the Russian population of the Middle Irtysh Region (XVII–XX centuries)]. Omsk: "Nauka" publishing house. 295 p. [in Russian]
- [Kul'tura zhizneobespecheniya i ehtnos, 1983](#) – *Kul'tura zhizneobespecheniya i ehtnos*. Opyt ehtnokul'turologicheskogo issledovaniya (na materialah armyanskoy sel'skoy kul'tury) [Culture of life support and ethnicity. The experience of an ethnoculturological research (on the materials of Armenian rural culture)]. Yerevan: Academy of Sciences of Armenian SSR, 1983, 319 p. [in Russian]
- [Lebedeva, 1956](#) – *Lebedeva N.I.* (1965). Pryadenie i tkachestvo vostochnykh slavyan v XIX – nachale XX veka [Spinning and weaving of Eastern Slavs in the XIX – early XX centuries]. *Vostochnoslavjanskiy ehtnograficheskiy sbornik*. Moscow: USSR Academy of Sciences. Vol. XXXI, pp. 460–540. [in Russian]
- [MAE OmGU, 1996](#) – *Museum of archeology and Ethnography of Omsk State University*. Fond I. Files 101-1; 101-4; 101-7; 102-2; 102-4; 104-1. Materialy Zapadno-Sibirskoy kompleksnoy ehtnografo-arheologicheskoy ehkspedicii za 1996 g. v Bol'sherechenskiy i Muromcevskiy rayony Omskoy oblasti [Materials of West-Siberian integrated ethnographical and archaeological expedition in 1996 in the Bolsherechenskiy and Muromtsevskiy districts of Omsk Region]. [in Russian]
- [Osipov, Chernaya, 2016](#) – *Osipov D.O., Chernaya M.P.* (2016). Kolleksiya kozhanykh izdeliy iz raskopok Tomskogo kremlya [Collection of leather goods from the excavations of the Tomsk Kremlin]. *Rossiyskaya arheologiya*. Nr 4, pp. 138–150. [in Russian]
- [Osipov et al., 2017](#) – *Osipov D.O., Tataurov S.F., Tihonov S.S., Chernaya M.P.* (2017). Kolleksiya kozhanykh izdeliy iz Tary (po materialam raskopok 2012–2014 gg.) [Collection of leather goods from Tara (based on the excavations of 2012–2014)]. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. Vol. 45. Nr 1, pp. 112–120. [in Russian]
- [Rozenfel'dt, 1997](#) – *Rozenfel'dt R.L.* (1997). Bytovye izdeliya: derevyannaya tara i posuda [Household products: wooden containers and tableware]. *Drevnyaya Rus'*: byt i kul'tura. Moscow: Nauka. pp. 42–46. [in Russian]

[Tara v XVI-XIX vekah, 2014](#) – Tara v XVI–XIX vekah – rossiyskaya krepost' na beregu Irtysha [Tara in the XVI-XIX centuries – the Russian fortress on the Irtysh Bank]. Omsk: Amfora, 2014, 332 p. [in Russian]

[Tataurov, 2017](#) – *Tataurov F.S.* (2017). Kitayskiy farfor s russkih pamyatnikov Srednego Priirtysh'ya XVII – pervoy poloviny XVIII vv. [Chinese porcelain from Russian sites of the Middle Irtysh region of XVII – the first half of XVIII centuries]. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.* Kazan; Kishinev. *Stratum Plus*. vol. 2. pp. 835–841. [in Russian]

[Tataurova, 2011](#) – *Tataurova L.V.* (2011). Pechnoe stroitel'stvo v XVII, XVIII, XX vekah (po materialam ehntografo-arheologicheskikh issledovaniy russkih Omskogo Priirtysh'ya) [Furnace construction in the XVII, XVIII, XX centuries (based on the ethnographic and archaeological research of Russians of the Omsk Irtysh Region)]. *Integraciya arheologicheskikh i ehntograficheskikh issledovaniy v izuchenii ehnticheskoy istorii tyurkskikh narodov Evrazii.* Omsk: "Nauka" publishing house. pp. 394–399. [in Russian]

[Tataurova, 2015](#) – *Tataurova L.V.* (2015). O tipologii russkoy keramicheskoy posudy XVIII v. [About a typology of the Russian ceramic ware of the XVIII century]. *Sovremennyye podhody k izucheniyu drevney keramiki.* Moscow: Institute of Archaeology of RAS. pp. 142–154. [in Russian]

[Tataurova, 2018](#) – *Tataurova L.V.* (2018). Formirovanie russkogo mira v Tarskom Priirtysh'e v XVII – XVIII vv. Istoriko-arheologicheskyy aspekt [The formation of the Russian world in the Tara Irtysh region in the XVII-XVIII centuries. A historical-archaeological aspect]. *Materialy IX regional'noy nauchno-prakticheskoy konferencii "Vaganovskie chteniya", posvyashchennoy 425-letiyu goroda Tary (g. Tara, 5-6 aprelya 2018 goda).* Omsk: Amfora. pp. 351–354. [in Russian]

[Tataurova, Bogomolov, 2016](#) – *Tataurova L.V., Bogomolov V.B.* (2016). Zhenskie kozhanye tufli na vysokom kabluke XVII – XVIII vv. (po materialam arheologicheskikh kompleksov russkih Omskogo Priirtysh'ya) [Women leather high heel shoes XVII – XVIII centuries (according to the materials of archaeological complexes of Russians in the Omsk Irtysh region)]. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia.* Nr 44 (2), pp. 109–117. [in Russian]

[Tataurova, Bogomolov, 2018](#) – *Tataurova L.V., Bogomolov V.B.* (2018). Zhenskie kozhanye tufli na nizkom i srednem kabluke (po materialam russkih arheologicheskikh kompleksov Omskogo Priirtysh'ya) [Women leather shoes with low and medium heels (based on the materials of Russian archaeological complexes of the Omsk Irtysh Region)]. *Vestnik NGU: Istoriya i filologiya.* Nr 18, Nr 4: Arheologiya i ehntografiya. In print. [in Russian]

[Tataurova, Krih, 2015](#) – *Tataurova L.V., Krih A.A.* (2015). The life support system of the Siberian village of Anan'ino in the XVII–XVIII centuries (based on archaeological and written sources). *Bylye Gody.* Vol. 37, Is. 3, pp. 479–490. [in Russian]

[Tataurova et al., 2014](#) – *Tataurova L.V., Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tihomirov K.N., Tihonov S.S.* (2014). Adaptaciya russkih v Zapadnoy Sibiri v kontse XVI – XVIII veke (po materialam arheologicheskikh issledovaniy) [Adaptation of Russians in Western Siberia in the late XVI – XVIII centuries (based on archaeological research)]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist. 374 p. [in Russian]

[Vizgalov, Parhimovich, 2008](#) – *Vizgalov G.P., Parhimovich S.G.* (2008). Mangazeya: novye arheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.) [Mangazeya: the new archaeological researches (materials of 2001-2004)]. Yekaterinburg. Nefteyugansk: Magellan. 296 p. [in Russian]

[Yavsheva et al, 2008](#) – *Yavsheva D.A., Nekrasov A.E., Tataurova L.V.* (2008). Zhivotnovodstvo i ohota russkogo naseleniya lesostepnogo Priirtysh'ya [Animal husbandry and hunting of the Russian population of the forest-steppe Irtysh Region]. *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovaniyah.* Omsk: Apelsin. pp. 356–367. [in Russian]

[Zinyakov, 2005](#) – *Zinyakov N.M.* (2005). Chernometallicheskie izdeliya poseleniya Izyuk-I: Tekhnologicheskaya harakteristika [Black metal products of the settlement of Isuk-I: Technological characteristics]. *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovaniyah.* Omsk: Omsk State University, pp. 275–289. [in Russian]

[Zinyakov, 2017](#) – *Zinyakov N.M.* (2017). Chernometallicheskie izdeliya poseleniya Anan'ino v Tarskom Priirtysh'e: tekhnologicheskaya harakteristika [Black metal products of the settlement of Anan'ino in the Tara Ob region: technological characteristics]. *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovaniyah.* Omsk: "Nauka" publishing house, pp. 427–437. [in Russian]

Ремесленные занятия в структуре системы жизнеобеспечения сибирской деревни XVII–XVIII вв. (по археологическим материалам Омского Прииртышья)

Лариса Вениаминовна Татаурова ^{a, b, *}

^a Лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири НИ ТГУ, Российская Федерация

^b Лаборатория археологии, этнографии и музеологии ИАЭТ СО РАН, Российская Федерация

Аннотация. Для периода XVII–XVIII вв. в Западной Сибири характерно формирование поселенческих структур вокруг городов и острогов. Села и деревни основывали выходцы из служилой среды военных гарнизонов, которых обязывали заниматься земледелием. Следствием этих процессов было складывание исторической экологии населения, включающей систему жизнеобеспечения. Основные элементы этой системы – поселения и жилища, пища и костюмные комплексы. Их появление как конечных продуктов, обеспечивающих существование и развитие человеческих коллективов, обусловлено функционированием различных домашних ремесел, которые производили средства производства и материалы, необходимые для постройки жилищ, приготовления пищи и изготовления костюма. Рыночная экономика со специализированным ремесленным производством, работающим на рынок, в этот период только складывалась. Несмотря на упоминание в письменных источниках о присутствии ремесленников в городах, организация их производства в этот период не выходила за рамки домашнего ремесла.

Археологические материалы, полученные автором в ходе раскопок русских поселений XVII–XVIII вв. в Омском Прииртышье и результаты междисциплинарных исследований позволили выйти на реконструкцию ремесленных занятий сельского населения, проанализировать их роль в формировании основных элементов системы жизнеобеспечения. На основе археологических коллекций сельских поселений Ананьино и Изюк рассмотрена продукция кузнечного, керамического, сапожного, косторезного и бондарного домашних производств, ткачество, прядение. Сделана реконструкция способов вязания с использованием костяных игл. Выявлено место предметов домашнего ремесла среди привезенных «с Руси» и изготовленных специалистами-мастерами для продажи на рынке товаров.

Ключевые слова: русские Сибири, археология, деревня, домашнее ремесло, реконструкция, система жизнеобеспечения, Новое время.

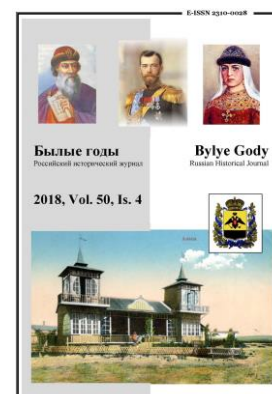
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: li-sa65@mail.ru (Л.В. Татаурова)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1388-1396. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1388
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Relations between the Kalmyks and the Peoples of the North Caucasus in the Context of Military-Political Contacts in the middle of the 17th century

Vladimir T. Tepkeev ^{a, *}, German M. Borlikov ^b

^a Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Kalmyk State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the initial period of establishing relations between the Kalmyks and the peoples of the North Caucasus in the middle of the 17th century, which at that time mainly had military and political nature. As a result of migration from Central Asia to the prairie lands of the Northern Caspian, not only the Nogai hordes on the Volga, Terek and Kuban were impacted by the Kalmyk cavalry, but also by other peoples of the North Caucasus, primarily Kabardians, who supported the Nogais and spoke on their side. Moscow used all political and military means against the Kalmyks transition to the right bank of the Volga and their appearance in the North Caucasus.

Reflecting the first offense of the Kalmyks in 1644, Kabardian dynast could not finally stop the expansion of the Kalmyk rulers into their region as a result concluded an alliance with them.

After the beginning of the Russo-Polish War of 1654-1667, Moscow state concluded a military alliance with the Kalmyks. This agreement was directed primarily against the Crimean Khanate, who took the side of the republic. The Kalmyk cavalry, already with the support of the tsarist government, again invades the North Caucasus to prevent the unification of the Crimean-Tatar and Kuban-Nogai cavalry and prevent them from joining the main military of the Russo-Polish war.

The arrival of the Kalmyk people greatly changed the political alignment in the North Caucasus, and in the future was permanent of the Kalmyk people in the region during the 17th-18th centuries.

Keywords: Kalmyks, the Northern Caucasus, the Crimean Khanate, Kabarda, Kabardians, Nogais, nomads, the 17th century.

1. Введение

Первое появление калмыков (ойратов или западных монголов) в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе в середине XVII в. было результатом тех сложнейших социально-экономических и политических процессов, которые протекали в ойратском обществе и в целом в Центральной Азии. Это в конечном итоге привело к миграции части ойратов, известных в истории как калмыки, в западном направлении на территорию Северного Прикаспия. Царское правительство изначально противостояло продвижению калмыков на запад, поскольку удерживало ногайцев на левобережье Волги, но успеха это не имело. Но и калмыки около четверти века (1630–1655 гг.) не могли здесь окончательно закрепиться и считать себя полноправными хозяевами. Они не стремились ограничивать себя только рамками Волго-Уральского региона. Русские источники свидетельствуют, что первое появление калмыков на Северном Кавказе в середине XVII в. можно рассматривать и как борьбу калмыцких тайшей (князей) с Московским царством за влияние на тюркские и горские народы.

Во второй половине XVII – начале XVIII столетий между кабардинскими и калмыцкими владельцами сложились союзнические отношения вплоть до заключения династических браков. Традиционно калмыцкие ханы в северокавказском регионе имели огромное политическое влияние.

* Corresponding author

E-mail addresses: tvt75@mail.ru (V.T. Tepkeev), president@kalmsu.ru (G.M. Borlikov)

Но если обратиться к началу истории этих связей, то первые военно-политические контакты калмыков с народами Северного Кавказа происходили далеко не совсем мирно. Первое появление калмыков на Северном Кавказе в 1643–1644 гг. имело сложную предысторию и тяжелые последствия.

2. Материалы и методы

Основным материалом к настоящей статье послужили документы Российского государственного архива древних актов. Это не только материалы «Калмыцких дел» (Фонд 119), но и документы других фондов: «Дела едисанских, ембулукских, буджацких и едичкульских татар» (Фонд 114), «Кабардинские, черкесские и другие дела» (Фонд 115), «Сношения России с Крымом» (Фонд 123), «Сношения России с ногайскими татарами» (Фонд 127). Существенным дополнением к данным русских архивных документов послужили и материалы личного происхождения путешественников XVII в. и сведения из фольклора народов Северного Кавказа.

Практически ни одно историческое исследование не обходится без историко-сравнительного метода. Собирая фактический материал, осмысливая и систематизируя факты, видим, что многие явления могут иметь сходное содержание, но разные формы проявления во времени и пространстве и, наоборот, иметь разное содержание, но быть сходными по форме. Разные источники довольно часто противоречат друг другу, поэтому авторы сопоставили хронику исторических событий на основе совпадающих сведений, содержащихся во всех или в большинстве источников. Это позволило избежать односторонности в рассмотрении исторических событий и приблизиться к истине. При этом сравнение осуществлялось на конкретных исторических фактах, отражающих существенные признаки явлений, а не формальное сходство. При этом сравнение будет осуществляться на конкретных исторических фактах, которые отражают существенные признаки явлений, а не формальное сходство. Надо знать эпоху XVII века, идеологические установки и жизненные ценности того времени, типологию явлений. В одном случае сущность будет раскрываться на основе выявления сходства, в другом – различий. Не следует забывать также и принцип историзма.

3. Обсуждение

Проблемы политических взаимоотношений калмыков с народами Северного Кавказа в XVII в. в дореволюционный период рассматривались весьма поверхностно. Особняком стоит только работа Ш. Ногмова (Ногмов, 1994), несколько раз переизданная в XIX в. и 1994 г. На богатейшем фольклорном материале адыгского народа автор впервые рассказывает о начальном периоде калмыцко-кабардинских отношений. В советский период основу в освещении этой темы на архивных материалах XVII в. заложили работы С.К. Богоявленского (Богоявленский, 1939) и Н.Н. Пальмова (Пальмов, 1926; Пальмов, 1992). В дальнейшем отдельные моменты политических контактов калмыков с народами Северного Кавказа рассмотрели в своих работах М.М. Батмаев (Батмаев, 1993), А.В. Цюрюмов (Цюрюмов, 2007), В.И. Колесник (Колесник, 2003). Теме калмыцко-ногайских отношений XVII в. в своих работах уделил внимание В.В. Трепавлов, который отмечает, что вытеснение ногайцев не являлось целью калмыцких владельцев, так как им нужны были не только новые пастбища, но и покорные подданные. Калмыцкое нашествие, продолжает автор, имело тяжелые последствия для исторической судьбы Большой Ногайской Орды, а ногайцы, потеряв свои волго-уральские территории, расселились по причерноморским степям (Трепавлов, 2002: 414, 415). Калмыцкий поход на Северный Кавказ в 1643–1644 гг. подробно изложен в работе Р.М. Бегеулова (Бегеулов, 2014). Автор приходит к мнению, что поражение калмыцкого войска в 1644 г. было довольно серьезным и болезненным (Бегеулов, 2014: 215). Проблеме южных границ России и истории русско-калмыцких отношений XVII–XVIII вв. посвящены работы американского историка М. Ходарковского. Основываясь на опубликованных русских и турецких источниках, автор дает глубокий исторический анализ политических отношений кочевников с народами Северного Кавказа. Он, в частности, отмечает, что приход калмыков на Волгу серьезно изменил существующий баланс сил в регионе (Khodarkovsky, 1992: 236).

4. Результаты

Степные просторы на правом берегу, или «крымской стороне» Нижней Волги, калмыцким тайшам представлялись весьма безопасными. По всей вероятности, именно сюда и планировали в дальнейшем переселиться тайши, поскольку испытывали мощное военно-политическое давление со стороны восточных калмыков. Вольные просторы волжского правобережья привлекали кочевников богатыми пастбищами, водными ресурсами, бесчисленными стадами сайгаков и благополучным климатом. Но калмыкам абсолютно не была известна военно-политическая обстановка в этом регионе, а также насколько были сильны Малая Ногайская Орда, крымские татары и кабардинцы, в то время контролировавшие значительную территорию Северного Кавказа. Ответом на эти вопросы мог быть только серьезный военный набег.

Территория Северного Кавказа в середине XVII в. представляла собой арену борьбы за влияние над местными народами окружающих этот регион держав того времени – Московского государства, Османской империи, Крымского ханства и Персии. Для завоевания Северного Кавказа в первую очередь необходимо было покорить воинственных кабардинских князей, чьи владения занимали

значительную часть региона, но между которыми постоянно вспыхивали междоусобицы. Военно-политическую конкуренцию им составляли кумыкские владельцы, которые также претендовали на гегемонию в регионе. Главным форпостом Московского государства на Кавказе, через который развивались отношения русского правительства с местными народами, был Терский город.

Подготовка калмыков к походу на Северный Кавказ практически не отражена в документах. С.К. Богоявленский считал, что перед дальним и опасным походом Хо-Урлюк должен был как-то урегулировать отношения с астраханскими властями: было очень рискованно оставлять у себя в тылу враждебный город с крупным гарнизоном. С астраханскими воеводами, как предполагает С.К. Богоявленский, все-таки было достигнуто какое-то соглашение (Богоявленский, 1939: 83).

Кавказский поход, по мнению М.М. Батмаева, имел несколько целей: нанести удар по Малой Ногайской Орде; произвести разведку обстановки на Северном Кавказе; проверить, насколько царское правительство контролирует Нижнее Поволжье и Предкавказье (Батмаев, 1993: 94). Целью этого набега, как считает В.В. Трепавлов, было не только расширение кочевий, но и преследование ногайских улусов, которых тайши старались подчинить (Трепавлов, 2002: 429). Одной из причин похода В.И. Колесник считал стремление Хо-Урлюка закрепить первенствующее положение за младшим сыном Кирсаном в случае успешного его исхода (Колесник, 2003: 75). Н.Н. Пальмов склонялся к мнению, что калмыки отправились в поход под влиянием агитации донских казаков, возмущенных решением московского правительства относительно передачи туркам Азова (Пальмов, 1926: 9). Согласен с ним и А.В. Цюрюмов, который утверждает, что калмыки и донцы стремятся объединиться против Крымского ханства и подчинить Казыевский улус (Цюрюмов, 2007: 72).

Зимой 1643/44 года крымцы серьезно опасались набега калмыков: «калмыцково приходу крымские люди добре боятца» (РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 69). Крымский хан понимал, что со стороны калмыков исходит угроза и старался остановить их дальнейшее продвижение на запад. Калмыцкое вторжение на Северный Кавказ в конце 1643 – начале 1644 гг. можно рассматривать и как первую серьезную попытку калмыков закрепиться в этом регионе, подчинить Малый Ногай и напрямую угрожать Крымскому ханству. Именно объединение под своей властью ногайских улусов и было главной целью тайшей. Ногайские улусы едисан и джембойлуков уже находились в подчинении у калмыцких тайшей, и на очереди оставались кубанские и терские ногайцы. В случае такого объединения калмыки и ногайцы могли бы серьезно доминировать в регионе.

Осенью 1643 г. в поход на Северный Кавказ выступило войско Лузана. В его состав входили отряды тайши Санжина, Мергена, Ергелды, а также едисанских мирз Сююнчи Абдулова, Солтаная Рохмангулова, Келимбета Абдулова, Навруза Шигаева и джемболукского Урака. Всего численность войска составляла 2 тыс. калмыков и 500 ногайцев. Совершив внезапный набег на Кубань, они разгромили владение мирзы Карашеима и захватили ясырь, а также большое количество скота и лошадей. Лузан захватил в плен брата и сына Карашеима, его жену и 40 улусных людей (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 13; 1645 г. Д. 1. Л. 107; 1646 г. Д. 2. Л. 104).

Успешные действия Лузана на Кубани, сопровождавшиеся захватом значительных трофеев, сподвигли и других калмыцких тайшей. В конце 1643 г. в поход на Северный Кавказ выступило уже войско тайши Даян-Эрке. Он направился к Тереку, где кочевали ногайцы. Однако в этом районе ногайские улусы не были им обнаружены. Выяснилось, что они незадолго до того ушли в горы, к кумыкскому князю Казаналпу. Тайши приняли решение перейти Терек и двигаться по направлению к Эндирею, захватив по дороге всего 100 ногайских кибиток мирзы Чебана Иштерекова (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 109–111).

Материалы «Кабардинских дел» более подробно освещают действия этого войска. 3 января 1644 г. в Терском городке стало известно о приближении большого количества калмыков. Воеводы М. Вольнский и Е. Самарин срочно направили в Астрахань гонца с просьбой об оказании военной помощи, поскольку не владели достаточными силами для обороны. Также они незамедлительно поставили в известность кабардинцев, кумыков и терских ногайцев о калмыцкой угрозе, указав на необходимость быть готовыми к бою с неприятелем. 4 января, около часа дня, калмыцкие отряды показались у Терского городка и напали на заречные слободы казаков, черкесов и юртовских татар. В результате длившегося до вечера боя терцы отстояли слободы князя Муцала Черкасского и Ханмирзы Арсланова. Понеся потери в живой силе, калмыки отступили вверх по Тереку и остановились в 30 верстах. Известно, что Даян-Эрке ожидал подхода основных сил – войск деда Хо-Урлюка и дяди Лузана, но к нему присоединились только Нима-Церен и Сюнке с 2-тысячным отрядом. Численность этого войска, куда входили и недавно присоединившиеся к калмыкам ногайцы-едисаны, составила около 10 тыс. воинов.

Не сумев сразу взять Терский городок, тайши попытались присоединить к себе терских ногайцев, бежавших в кумыкское владение Барагуны. Но калмыкам удалось захватить только небольшой ногайский улус Карасаина Иштерекова, поскольку другие ногайские мирзы скрылись под защиту Эндирейского княжества. Ногайский Кейкуват-мирза с эндирейцами сумели в горах дать калмыкам бой и отстоять свои позиции. В районе между Тереком и Аксаем калмыки остановились, куда к ним приехали двое посланников от терских ногайцев. Результаты переговоров неизвестны, но тайши с войском двинулись обратно в улусы (РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 74–78, 145).

Со своей стороны, терские воеводы перешли в наступление и отправили отряд к Цареву броду, перекрыв его для кочевников. Битва за речной брод ни к чему не привела, и калмыки отступили назад. Терцы сумели организовать ночное преследование отступавших калмыков и дали им еще один бой. Но внезапно ударившие сильные морозы заморозили Терек, что позволило калмыкам небольшими отрядами перейти на левобережье. Попытки терцев не пропустить их обратно к Волге оказались безуспешными (РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 146–148). Войско Даян-Эрке избежало полного разгрома, но потеряло в боях значительную часть своего состава.

Через несколько дней после выдвижения войска Даян-Эрке на Терек основные силы калмыков под началом Хо-Урлюка выступили по направлению к Кабарде. Тайши попытались вступить в переговоры с кубанскими ногайцами и кабардинцами, стараясь привлечь их на свою сторону. Кабардинцы выступили на стороне малых ногайцев, что, видимо, и объясняет вторжение калмыков непосредственно на их территорию. Терские жители не только информировали кабардинцев и малых ногайцев о возможном нападении калмыков, но и разработали план совместных действий, что позволило нанести поражение противнику, избежав значительных потерь (Кабардино-русские отношения, 1957: 242–244).

Эвлия Челеби в своей работе привел свидетельства очевидцев тех событий, которые записал во время своего пребывания в Кабарде в 1660-е гг. Они только отчасти объясняют причины калмыцкого вторжения. Согласно источнику, калмыки появились в Кабарде, преследуя ногайский улус Арсланбека, который бежал из-под Астрахани. Требование калмыков выдать им этот ногайский улус кабардинцами был отклонен: «Арсланбек – птица, он обрел пристанище, придя на звуки нашего пения. Мы дали ему юрты, сделались братьями. И это племя ногай мы вам не отдадим» (Челеби, 1979: 87).

Ш.Б. Ногмов посредством народных преданий и песен адыгов представил в своей работе подробности боевого столкновения кабардинцев с калмыками, которые упоминаются как «торгуты» (Ногмов, 1994: 128–129). Место последнего сражения сохранило название «Кашкатау», т.е. «беги в горы». Но в песне «Кашкатау» нет упоминания, что калмыки были противниками кабардинцев (Моков, 2001: 137).

Османский летописец Мустафа Наим сообщал, что калмыки двигались на Крымское ханство, но с целью грабежа совершили набег на Кабарду. Кабардинцы под началом князя Алегуко Шеганукова, вооружившись мушкетами и блокировав горный проход, притянули к себе главные силы калмыков, вооруженных в основном только саблями и пиками. Жестокое сражение длилось весь день, и обе стороны были окончательно вымотаны. Ногайский отряд, отправленный крымским ханом Мухаммед-Гиреем IV в помощь кабардинцам, внезапно ударил в тыл калмыкам (Khodarkovsky, 1992: 86). Ш. Ногмов подтверждает, что к кабардинцам действительно пришла помощь от соседних горских племен и состояла из более 2 тыс. человек (Ногмов, 1994: 129). Внезапный удар в тыл заставил калмыков отступить.

По сведениям Челеби, ногайцы и кабардинцы выставили на поле битвы с калмыками до 10 тыс. воинов. Углубившиеся в горные районы калмыки встретили плотный ружейный огонь из засады. Кабардинцы и ногайцы перешли в контратаку, ударив по противнику с тыла и флангов. В бою был убит Хо-Урлюк (в источнике указан как Тайша-шах). После сражения победителям досталось большое количество калмыцких лошадей. С целью закрепить успех кабардинцы и ногайцы стали преследовать отступавших калмыков, истребляя оставших (Челеби, 1979: 87).

В результате столкновения обе стороны понесли серьезные потери. По сообщению терского воеводы А.П. Волянского известно, что погибли тайши Хо-Урлюк, Кирсан и другие (Кабардино-русские отношения, 1957: 243). Ш. Ногмов сообщает о спасении 1,5–2 тыс. калмыков из 10,5 тыс. (Ногмов, 1994: 129). Из русских источников также известно, что в плен попало больше тысячи калмыков и едисанских ногайцев, а вместе с ними и двое тайшей. Больше всего калмыков погибло при отступлении, когда кабардинцы организовали погоню, а также после ударов терцев на Куме (Богоявленский, 1939: 82). Относительно численности калмыцкого войска Хо-Урлюка и выживших после сражения сохранились сведения ногайских мирз в Астрахани в 1645 г., участников этого похода. Согласно им, войско Хо-Урлюка насчитывало 12,5 тыс. человек (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 113). Всего из кавказского похода обратно вернулись примерно 2,5 тыс. человек, около 10 тыс. человек погибло или попало в плен (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1650 г. Д. 2. Л. 38).

В результате военного поражения на Кавказе в середине 40-х гг. XVII в. калмыцкие правители не исключали возможность покинуть прикаспийские степи и вернуться в Джунгарию (Златкин, 1983: 111). Но тайши не могли окончательно принять такое решение, не разрешив вопроса о возвращении останков погибших тайшей и пленных. Поэтому вскоре в Кабарду прибыли калмыцкие послы. По данным Ш. Ногмова, никого из пленников они так и не обнаружили, так как те были распроданы в горы (Ногмов, 1994: 129). Как утверждали кабардинцы в Терском городке, в 1644 г. в Кабарду действительно прибыли 20 калмыцких посланников, которые предложили выкупить пленных. Кабардинские князья Алегуко и Ходождуко отправили их в горы и Малую Ногайскую Орду, но они не смогли никого обнаружить, так как пленники были «распроданы в горы в разные земли» (РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 71, 72).

По другим данным, в марте 1644 г. калмыцкие тайши отправили к кубанским ногайцам посольство из 10 человек во главе с Садашкиром, Барыном и Базреком. Калмыки предложили ногайским мирзам объединиться с тайшами, обменяться пленными, а в дальнейшем совместно участвовать в общих военных мероприятиях. В ответ казыевцы отправили своих представителей из 15 человек, которые привезли к тайшам «для веры» калмыцкого пленника. В результате переговоров стороны согласились обменять пленников (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 55, 56). Челеби прямо указывает на тот факт, что тайши за передачу им праха Хо-Урлюка заплатили кубанским владельцам крупный выкуп – десятки тысяч голов скота и лошадей. Кабардинцы от калмыков получили заверение в том, что они откажутся от нападения на их земли. Однако, как утверждает Челеби, обещание не было выполнено и калмыки с кабардинцами стали непримиримыми врагами (Челеби, 1979: 88).

Взяв с собой выкупленные у кабардинцев останки погибших тайшей, в калмыцкие улусы направился казыевский мирза Шагин (Шаим) Ельмурзин. Он рассчитывал обменять их на свою жену и детей, захваченных в плен калмыками осенью 1643 г. И хотя кабардинские князья Алегуко и Ходождуко отговаривали мирзу от поездки, он все-таки отправился в калмыцкие улусы (РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 72). Однако Шагин по дороге был перехвачен царским отрядом и посажен в астраханскую тюрьму. Правительство обвинило его в сговоре с калмыками. В 1648 г. он был переведен из тюрьмы в аманаты (Кабардино-русские отношения, 1957: 287, 295, 297).

Калмыцкие тайши продолжали рассматривать возможность нового вторжения на Северный Кавказ и искали для этой цели союзников. По сообщению узденей кабардинского князя Будаचेя Сунчалеевича в июле 1644 г., эндирейский правитель Казаналп и кабардинский мирза Урусхан Янсохов вели переговоры с неким калмыцким посланцем, и якобы Казаналп договорился с малокабардинскими владельцами Казыем Мударовым, Кельмаметом Ибаковым и Созорукой Анзоровым, чтобы отправить к калмыкам своего представителя для переговоров. Калмыцкий посланец прибыл и заключил военный союз с Казаналпом и малокабардинскими князьями против Терского городка, владельцев Большой Кабарды и кубанских ногайцев. Все они были причастны не только в гибели калмыцких тайшей, но и брата Казаналпа – Айдемир-шамхала. Царское правительство запретило дагестанским князьям вступать в какие-либо контакты с тайшами (РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 44, 45, 193).

В декабре 1647 г. тайши Лузан и Сюнке предложили новый поход на Кабарду и Малый Ногай. Для нового вторжения на правобережье Волги и Северный Кавказ калмыцкие тайши искали союзников. Об этом сообщали царским властям кабардинские князья А. Шегануков и Х. Казыев. Например, им было известно о продолжающихся контактах эндирейского Казаналпа с калмыками. Они уверяли, что те все-таки заключили между собой военный союз (Шмелев, 2004: 229–230).

Большое внимание калмыки уделяли и сбору разведывательной информации о районе предстоящих военных действий. Зимой 1649/50 года при подготовке похода на Кабарду разведка донесла, что в горах большой снежный покров и кабардинцы их ждут (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 109). Таким образом, фактора внезапности нападения у калмыков уже не было. Повторение ошибки 1644 г. они не хотели.

Начавшаяся в 1654 г. русско-польская война имела решающее значение в изменении политики России по отношению к калмыкам. Военный союз Крымского ханства и Речи Посполитой привел к новым русско-калмыцким переговорам на качественно ином уровне. Царские власти кардинально пересматривают свое отношение к территориальному вопросу калмыков, разрешив тайшам переходить с улусами на правобережье Волги. Тайши со своей стороны обязались принять активное участие в военной кампании против Крымского ханства и Речи Посполитой. После шерти 1657 г. тайши получили официальное право кочевать по обоим берегам Нижней Волги.

Весть о заключении русско-калмыцкого военного договора быстро распространилась по близлежащим регионам. Это в свою очередь сильно встревожило население Северного Кавказа, поскольку оно серьезно опасалось, что калмыки могут снова вторгнуться на их территории. Кумыкский шевкал и Казаналп обратились к терскому воеводе с просьбой оказать им военную помощь в случае калмыцкого вторжения. Они обязались отправить в Терский городок своих аманатов, вернуть русский полон и направить послов в Москву (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 1. Л. 96).

Но это была умело организованная правительством дезинформация. В начале 1658 г. в Терском городке стало известно о готовящемся нападении кумыков и ногайцев. Астраханские власти немедленно отреагировали на это, предписав терскому воеводе распространить в городе слух о намечающемся калмыцком походе против кумыкских владельцев, чтобы тем самым их утратить и поддержать терских жителей. Казаналп и шевкал Сурхай, узнав об угрозе нападения калмыков, трижды присылали гонцов к терскому воеводе с просьбой не начинать против них военных действий при поддержке калмыков. Астраханские власти по государеву указу просили Дайчина направить письменное предупреждение Сурхаю и Казаналпу о возможности нанесения по ним военного удара в случае отказа подчиниться Москве. Дайчин готов был отправить вместе с русскими в этот регион свои войска (Шмелев, 2004: 230–231).

Русско-калмыцкие отношения развивались на фоне переговоров калмыцких тайшей с крымским ханом Мухаммед-Гиреем, который предлагал тайшам заключить антимосковский союз. В 1659 г. к тайшам прибыл от крымского хана посол Караш-мирза Аталык. Но, не достигнув положительного результата на переговорах, крымский посол в результате уговора увел с собой в Крым 100 кибиток калмыцких ногайцев (Пальмов, 1992: 44). Караш-мирза склонял и других калмыцких ногайцев уходить на территорию Крыма. У Можарского городища весной 1660 г. крымский хан планировал строительство укрепленного каменного городка, усиленного гарнизоном черкесов и ногайцев (РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 16; Ф. 123. Оп. 1. 1660 г. Д. 4. Л. 6).

Поступок крымского посла не остался без ответа. Со слов калмыков, «у крымцев учинилась ложь, и впредь де им [калмыки] никоторого добра делать не хотят». Поэтому Дайчин принял окончательное решение о выступлении войск на подвластных крымскому хану ногайцев. С целью усыпить бдительность крымцев к ним отправили калмыцкого посла Алыбай-дархана. Как считал Н.Н. Пальмов, этот шаг гарантировал мирное отношение крымцев к калмыкам, но не воспрепятствовал последним продолжать вести наступление на позиции крымцев в доказательство своей верности российскому правительству (Пальмов, 1992: 44).

Сохранились свидетельства о военных действиях отрядов Мончака против турецкого Азова и Малого Ногай, завершившихся захватом тысячи пленников и 18 тыс. голов скота (Очерки..., 1967: 122–123). В начале 1660 г. калмыки разгромили три ногайских улуса мирз Шейдяковых и захватили большое количество их улусных людей. Летом этого же года калмыки вновь совершили набеги на малонogaйский улус Арсланбека. Из свидетельства того времени понятно, что у калмыков с крымским ханом «ссылки ныне нет, потому что меж ими война» (РИБ, 1917: 674, 715, 767).

В предыдущие годы московские власти настойчиво и безрезультатно добивались от малонogaйских мирз присяги в верности царю и удержания их действий против Московского государства. С началом русско-польской войны у ногайцев был велик соблазн участия на стороне Крымского ханства в большой войне и захвате трофеев (Новосельский, 1994: 90). Поэтому у калмыцких тайшей и царского правительства интересы сошлись в одном – нейтрализации ногайцев.

В ноябре 1660 г. тайши Дайчин и Мончак, главные на тот момент калмыцкие правители, были в готовности совершить новый крупный военный поход на Северный Кавказ и Причерноморье. Предварительно в районы будущих вторжений были направлены разведывательные отряды, а именно – под Крым, Азов, Малый Ногай и Северный Дагестан. В результате набегов у кубанцев было отогнано 2 тыс. лошадей, у кемардеевцев и бесленеевцев – 2 тыс. овец, ногайские Султанаш, Ямгурчей и Каракасал, кочевавшие под Тарками и у Эндиреем, потеряли 2 тыс. лошадей (РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 28, 29).

После получения данных разведки о ситуации в этих регионах тайши двинули свои войска в нескольких направлениях. Дайчин и Мончак двинулись на Кубань: Казыевский улус, под Темрюк, на Тамань, Кемурдей и Бесленей. Владельцы этих областей поддержали крымского хана и отправили своих людей в войско. Манджи-Джалбо возглавил то направление удара, которое затрагивало ногайские улусы под Кабардой и по соседству с кумыками (РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 29).

Узнав о выступлении калмыцких войск к границам Крымского ханства, хан Мухаммед-Гирей отправил к Дайчину своего посла Касима-мирзу. Встреча состоялась, и крымский посланник отговаривал тайшу от продолжения похода и снова предлагал военный союз против России. Мухаммед-Гирей для этого готов был даже отдать в жены Дайчину и Мончаку своих дочерей. Дайчин отправил хану сообщение, что калмыки «с ханом за его неправды в миру не будут и на битву де с ним готовы» (РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 16; Ф. 119. Оп. 1. 1660 г. Д. 5. Л. 16–19, 29).

В декабре 1660 г. Мончак во главе войска перешел реку Лаба и разгромил улусы ногайцев в урочище Бичигиз. Войско Дайчина направилось на темрюкские, табанские, кимирдинские, бесленеевские селения, а также ногайские улусы Девея-мирзы, Чебан-мирзы Ищерекова, Навруз-мирзы, Кантемира-мирзы Аблина и Урак-мирзы Каспулатова. В качестве трофея калмыкам досталось огромное количество лошадей и скота. Манджи-Джалбо захватил улус ногайского мирзы Навруза Касаева. В марте 1661 г. калмыцкие войска вернулись в свои кочевья (РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 19, 20, 30, 33; Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 3–4).

В целом, как считал Дайчин, калмыцкие походы на Северный Кавказ и в Причерноморье были успешны: в ходе их были взяты пленные, а также захвачен скот и другие трофеи (РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 142, 145). Поддержка, оказанная калмыками в ходе зимней военной кампании 1660/61 года, царским правительством была признана весьма ощутимой. Тайши не довольствовались разгромом Малой Ногайской Орды, поскольку после зимнего похода на Кубани и Придонье они оставили небольшие отряды общей численностью в 2 тыс. человек (РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 20, 93).

Территория северного Дагестана также оказалась в зоне военных ударов калмыков. В конце 1660 г. ногайские мирзы Султанаш Аксак-Кельмаметев, Ямгурчей и Каракасай, кочевавшие под Тарками и Эндиреем, в результате калмыцких набегов потеряли 2 тыс. лошадей. Как утверждает А.С. Шмелев, удар калмыков был предпринят только с одной целью – вернуть ногайские улусы под Астрахань, так как Дайчин и Мончак собирались присоединить ногайский улус Султанаша (Шмелев, 2004: 230–231).

Тайша Мончак просил астраханские власти не предпринимать против Султанаши и Ислама Чубармаметева репрессивных мер за прежние враждебные действия против царских подданных, так как они «по своей мусульманской вере» поклялись кочевать с тайшами. В апреле 1661 г. тайши приказали мирзам Исламу и Ябагу склонить Султанаши и Каракасия кочевать на Волге (РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 75–77, 147). Указанные ногайские мирзы советовались с эндирейским Казаналпом о возможности своего ухода с Северного Дагестана из-за давления калмыцких тайшей (Шмелев, 2004: 231).

Более всего от ударов калмыцкой конницы пострадала Малая Ногайская Орда. К Дайчину прибыли для поиска и выкупа ясырей казыевские посланцы, представлявшие интересы мирз Арсланбека и Навруза. Кабардинского князя на русской службе Каспулата Черкасского казыевцы считали главным виновником своих бед, поскольку именно он, по их мнению, направил калмыков войной против Казыевского улуса (РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 157, 158).

5. Заключение

Имеющиеся различные источники о вторжении и последующем поражении калмыков на Северном Кавказе в 1644 г. отчетливо показывают, насколько калмыцкие тайши недооценили военный потенциал местных народов, особенно кабардинцев. Они сумели оказать организованное сопротивление новопришедшему народу, а поражение калмыцкого войска было довольно болезненным, приведшим к серьезному политическому кризису, в том числе и в отношениях с Московским государством. Однако интерес к правому берегу Волги и северокавказскому региону не оставлял калмыцких тайшей даже после такого тяжелого поражения. Выход из кризиса вынуждал их искать примирения с русскими властями на основе совместных внешнеполитических устремлений.

Калмыкам потребовалось около 10 лет, чтобы восстановить свои силы, а затем вернуться и закрепиться в степях Северного Кавказа, но уже в качестве союзника России. В результате длительных русско-калмыцких переговоров в 1655, 1657, 1661 гг. были заключены шерты (договора), которые в первую очередь были направлены на решение территориальной проблемы калмыков, а Россия в лице последних приобрела сильного союзника в борьбе против Речи Посполитой и Крымского ханства. Несомненно, для калмыков это соглашение расширило пространство на правом берегу Волги и позволило продолжить военно-политическую экспансию в северокавказский регион. На Северном Кавказе отныне появилась новая сила, с которой приходилось считаться народам, живущим в этом сложном и своеобразном регионе. Именно с этого времени отношения представителей калмыцкой правящей элиты с местными князьями, в первую очередь с кабардинцами, переходят на качественно иной уровень: от резкой военной конфронтации они перетекают в политическую плоскость.

6. Благодарности

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках проекта «Проблемы научного изучения и сохранения историко-культурного наследия монголоязычных народов в цивилизационном измерении: российский и монгольский опыт (на примере калмыков России и ойратов Монголии)», № 17-21-03005 а(м).

Литература

- Батмаев, 1993 – Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. В 2-х кн. Элиста, 1993. 382 с.
- Бегулов, 2014 – Бегулов Р.М. Калмыцкий поход на Северный Кавказ в 1643–1644 гг. // *Народы Кавказа: история, этнология, культура. К 60-летию со дня рождения В.С. Уарзиати. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием*. Владикавказ, 2014. С. 210–217.
- Богоявленский, 1939 – Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // *Исторические записки*. М., 1939. № 5. С. 48–102.
- Златкин, 1983 – Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М., 1983. 333 с.
- Кабардино-русские отношения, 1957 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. М., 1957. Т. 1. 478 с.
- Колесник, 2003 – Колесник В.И. Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003. 286 с.
- Моков, 2001 – Моков Б.М. Кабарда второй половины XVI–XVII вв. Нальчик, 2001. 142 с.
- Ногмов, 1994 – Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1994. 232 с.
- Новосельский, 1994 – Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие). М., 1994. 224 с.
- Очерки..., 1967 – *Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период* / Под ред. Н.В. Устюгова. М., 1967. 479 с.
- Пальмов, 1992 – Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста, 1992. 160 с.

- Пальмов, 1926** – *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории волжских калмыков XVII и XVIII века. Ч. I. Астрахань, 1926. 260 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РИБ, 1917** – Русская историческая библиотека Министерства народного просвещения. Т. 34. Донские дела. Кн. 5. Петроград, 1917.
- Смирнов, 1887** – *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.
- Трепавлов, 2002** – *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2002. 752 с.
- Цюрюмов, 2007** – *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007. 464 с.
- Челеби, 1979** – *Челеби Эвлия.* Книга путешествий (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. 290 с.
- Шмелев, 2004** – *Шмелев А.С.* Русско-дагестанско-калмыцкие отношения в XVII в. (По материалам кумыкско-калмыцких контактов) // *Кавказ. Балканы. Передняя Азия.* Вып. 2(9). Махачкала, 2004. С. 228–229.
- Khodarkovsky, 1992** – *Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. Ythaka, N.Y., 1992. 278 p.

References

- Batmaev, 1993** – *Batmaev M.M.* (1993). Kalmyki v XVII–XVIII vekakh. Sobytiya, lyudi, byt [The Kalmyks in the 17–18 centuries]. V 2-kh kn. Elista. 382 p. [in Russian]
- Begeulov, 2014** – *Begeulov R.M.* (2014). Kalmytskij pokhod na Severnyj Kavkaz v 1643–1644 gg. [The Kalmyk trip to the North Caucasus]. Narody Kavkaza: istoriya, ehtnologiya, kul'tura. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya V.S. Uarziati. Materialy vserossijskoj nauchnoj uonferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Vladikavkaz. pp. 210–217. [in Russian]
- Bogoyavlenskij, 1939** – *Bogoyavlenskij S.K.* (1939). Materialy po istorii kalmykov v pervoj polovine XVII veka [The Materials on the history of the Kalmyks in the first half of the XVII century]. *The Historical Notes.* №. 5. pp. 48–102. [in Russian]
- Chelebi, 1979** – *Chelebi E.* (1979). Kniga puteshestvij (Izvecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka). Perevod i kommentarii. Vyp.2. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya [The Book of the Travels]. М. 290 p. [in Russian]
- Kabardino-russkie otnosheniya, 1957** – *Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv. Dokumenty i materialy* [The Kabarda-Russian relations in the 16–18 centuries]. М., 1957. Vol. 1. 478 p. [in Russian]
- Kolesnik, 2003** – *Kolesnik V.I.* (2003). Poslednee velikoe kochev'e: Perekhod kalmykov iz Tsentral'noj Azii v Vostochnuyu Evropu i obratno v XVII i XVIII vekakh [The last great nomad camp: The transition of Kalmyks from Central Asia to Eastern Europe and back in the 17 and 18 centuries]. М. 286 p. [in Russian]
- Khodarkovsky, 1992** – *Khodarkovsky M.* (1992). Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. Ythaka, N.Y. 278 p.
- Mokov, 2001** – *Mokov B.M.* (2001). Kabarda vtoroj poloviny XVI–XVII vv [Kabarda of the second half of the 16th–17th centuries]. Nalchik. 142 p. [in Russian]
- Nogmov, 1994** – *Nogmov Sh.B.* (1994). Istoriya adychejskogo naroda, sostavlenaya po predaniyam kabardintsev [The history of the Adyghe people, compiled according to the legends of the Kabardians]. Nalchik. 232 p. [in Russian]
- Novosel'skij, 1994** – *Novosel'skij A.A.* (1994). Issledovaniya po istorii ehpokhi feodalizma (nauchnoe nasledie) [The Studies on the history of the era of feudalism]. М. 224 p. [in Russian]
- Ocherki..., 1967** – *Ocherki istorii Kalmytskoj ASSR: Dooktyabr'skij period.* Pod red. N.V. Ustyugova [Essays on the history of the Kalmyk ASSR]. М., 1967. 479 p. [in Russian]
- Pal'mov, 1992** – *Pal'mov N.N.* (1992). Ocherk istorii kalmytskogo naroda za vremya ego prebyvaniya v predelakh Rossii [An essay on the history of the Kalmyk people during his stay in Russia]. 2-e izd. Elista. 160 p. [in Russian]
- Pal'mov, 1926** – *Pal'mov N.N.* (1926). Etyudy po istorii volzhskikh kalmykov XVII i XVIII veka [Etudes on the history of the Volga Kalmyks of the 17th and 18th centuries]. Part. I. Astrakhan, 1926. 260 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- RIB, 1917** – Russkaya istoricheskaya biblioteka Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya [The Russian Historical Library of the Ministry of National Education]. Vol. 34. Donskie dela. Book 5. Petrograd, 1917. [in Russian]
- Smirnov, 1887** – *Smirnov V.D.* (1887). Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoj Porty do nachala XVIII veka [The Crimean Khanate under the supremacy of the Ottoman Porta prior to the beginning of the XVIII century]. SPb. 824 p. [in Russian]
- Shmelev, 2004** – *Shmelev A.S.* (2004). Russko-dagestansko-kalmytskie otnosheniya v XVII v. (Po materialam kумыкско-калмыцких контактов) [The Russian-Dagestan-Kalmyk relations in the XVII century]. *Caucasus. Balkans. Front Asia.* Vyp.2(9). Makhachkala. pp. 228–229. [in Russian]

Trepavlov, 2002 – *Trepavlov V.V.* (2002). *Istoriya Nogajskoj Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow. 752 p. [in Russian]

Tsyuryumov, 2007 – *Tsyuryumov A.V.* (2007). *Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenij* [The Kalmyk Khanate in Russia: the problems of political relations]. Elista. 464 p. [in Russian]

Zlatkin, 1983 – *Zlatkin I.Ya.* (1983). *Istoriya Dzhungarskogo khanstva. 1635–1758* [The History of the Dzungarian Khanate]. 2-e izd. M. 333 p. [in Russian]

Взаимоотношения калмыков с народами Северного Кавказа в контексте военно-политических контактов в середине XVII века

Владимир Толтаевич Тепкеев ^{a, *}, Герман Манджиевич Борликов ^b

^a Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

^b Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена начальному периоду установления отношений между калмыками и народами Северного Кавказа в середине XVII в., который в этот период носил в основном военно-политический характер. В результате миграции из Центральной Азии в степи Северного Прикаспия удару калмыцкой конницы подверглись не только ногайцы на Волге, Тереке и Кубани, но и другие народы Северного Кавказа, в первую очередь кабардинцы, поддержавшие ногайцев и выступивших на их стороне. Москва, используя все политические и военные средства, не была заинтересована в переходе калмыков на правый берег Волги и появлении их на Северном Кавказе.

Отразив первое наступление калмыков в 1644 г., в дальнейшем кабардинские князья так и не смогли окончательно остановить экспансию калмыцких правителей в свой регион и также заключили с ними союз.

После начала Русско-польской войны 1654–1667 гг. Московское государство заключило военный союз с калмыцкими тайшами. Это соглашение было направлено в первую очередь против Крымского ханства, выступившего на стороне Речи Посполитой. Калмыцкая конница, уже при поддержке царского правительства, снова вторгается на Северный Кавказ, чтобы предотвратить объединение крымско-татарской и кубанско-ногайской конниц и не допустить их в главный военный театр русско-польской войны.

Приход калмыков сильно изменил политическую расстановку на Северном Кавказе, и в дальнейшем калмыцкое присутствие в регионе в течение XVII–XVIII вв. было постоянным.

Ключевые слова: калмыки, Северный Кавказ, Крымское ханство, Кабарда, кабардинцы, ногайцы, кочевники, XVII век.

* Корреспондирующий автор

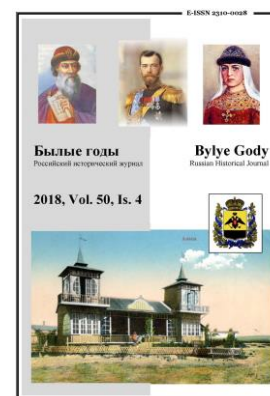
Адреса электронной почты: tvt75@mail.ru (В.Т. Тепкеев), president@kalmsu.ru (Г.М. Борликов)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1397-1405. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1397
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Transformation of Caste Consciousness of Siberian Gypsies in XVIII – at the beginning of XX centuries as a Factor of Their Cultural Socialization

Olga N. Naumenko ^{a, *}, Evgeny A. Naumenko ^b

^a Ugra State University, Russian Federation

^b Tyumen State University, Russian Federation

Abstract

The article considers the process of socialization of Roma in Siberia through the transformation of caste representations on the basis of the synergetic approach. The authors believe that in Siberia this process is faster than in Russia as a whole because of the climatic, social and cultural characteristics of the region. As a result a group of "Siberian Gypsies" appeared which is fully integrated into society and preserved the traditional culture. The research is based on the analysis of two groups of caste norms in the culture of Siberian Gypsies of the XVIII – at the beginning: providing income by lawful (earnings) and illegal. The second group has the role of a "safeguard mechanism" to prevent the infiltration of foreign influence into the caste system. The activation of this mechanism is a natural phenomenon and indicates the weakening of the first group of caste norms. The authors project the conclusions to the current state, showing that in the Russian conditions the activation of the "safeguard mechanism" is uneven. The article emphasizes that culture of Gypsies is the only one in Russia, which preserved archaic caste ideas, characteristic of a completely different civilizational space. The study of the interaction of these norms is important not only for Russia but also for India, which is now trying to transform its caste system.

Keywords: Gypsies, castes, Siberia, Tyumen, Gypsy crime, Roma culture, songs, dances, divination, traditional culture.

1. Введение

«Цыганский вопрос», вызванный межкультурными противоречиями, является одним из наиболее актуальных в современном цивилизованном мире: высокий уровень маргинальности и криминализации цыган сохраняется как в европейском социуме, так и на постсоветском пространстве. Анализ исторической и современной ситуации показывает исключительную сложность процессов социализации цыган, отчего страдает и сам народ. В 2013 г. Правительство РФ приняло Комплексный план мероприятий по оказанию «особой помощи» цыганам (ромам) России, который предполагает развитие их культуры и образования, в том числе на родном языке, а также включение их в современные коммерческие проекты (Смирнова-Сеславинская, 2013а: 187).

Для успешной реализации этого плана нужен исторический опыт, в частности примеры полной социализации цыган с детальным анализом этих случаев. По ряду параметров – механизмам традиционной культуры, способам функционирования родного языка и другим – культура цыган близка народам Сибири (Смирнова-Сеславинская, 2013а: 156), что обуславливает ее более легкое вхождение в местный социум. Поэтому случаи полной социализации, наблюдаемые у «русских цыган» (*русска рома*), наиболее показательны в их субгруппе «сибирские цыгане» (*сибирска рома*). Самый яркий пример сложился на территории Тюменского региона (юга Тюменской области), где *сибирска рома*, отказавшись от табора как способа социальной организации, фактически создали

* Corresponding author

E-mail addresses: oolgann@mail.ru (O.N. Naumenko), hea2004@mail.ru (E.A. Naumenko)

адаптационный механизм для молдавских и других групп цыган, осевших в регионе в последние десятилетия.

В результате в г. Тюмени с населением менее 800 тыс. чел. живет около 3 тыс. ромов разных этнических групп (включая цыган-мусульман), имея частные дома в четырех «цыганских» районах, где также проживают русские и татары. *Тюменские* ромы делятся на две основные группы:

1) имеющие корни в *русска рома*, – они полностью вошли в местный социум, отказавшись от табора, национальной одежды и традиционных занятий, но сохранили самоидентификацию и ряд базовых компонентов культуры;

2) молдавские цыгане *кэлдэрари*, которые идут по схожему пути социализации: они открыли единственную в России цыганскую общеобразовательную школу, получив лицензию; смогли преодолеть национальную «цыганскую» преступность, отказаться от уличных гаданий. Согласно данным МВД РФ, криминальные истории связаны не с ними, а исключительно с новыми группами цыган-мигрантов, прибывшими из других регионов (Шукин, 2015: 74). Ситуацию в таборе *кэлдэрари* однозначно охарактеризовал цыганский барон и глава общественной организации цыган Тюмени и Тюменской области Г.С. Виноградов: «По цыганским меркам, мы – пример для других областей, о нас говорят, на нас равняются» (Больше не гадаем, 2018).

Сложившаяся ситуация имеет глубокие исторические корни, которые с XVIII в. поэтапно готовили почву для позитивных изменений. Народ, сформировавшийся из разных этнических групп цыган, к концу XIX в. принял самоназвание *сибирска рома* и до настоящего времени оказывает влияние на прибывающих цыган-мигрантов. Получившийся результат стал следствием сочетания множественных факторов, связанных с культурным ландшафтом региона, природно-климатическими и социально-экономическими особенностями. Изменения были вовремя замечены властью, которая для их закрепления смогла добавить нужный гуманитарный и финансовый импульс.

Цель исследования: на территории Тюменского региона XVIII – начала XX вв. рассмотреть исторически сложившиеся условия социализации цыган через трансформацию их кастового сознания.

2. Материалы и методы

В основе исследования лежит Общая теория систем (Bertalanffy, 1968) в ее синергетическом понимании, утверждающая, что погруженные в хаос элементы сами выстроятся в наиболее вероятной последовательности. Эта теория, сложно применимая для социума вообще, в рассматриваемом случае оказалась удачной иллюстрацией этого подхода, показав, что социальный хаос может быть направляем в нужное русло, причем не только административной властью, а самими компонентами системы, определенное сочетание которых и дает желаемый эффект.

Цыгане, прибывая в Тобольскую губернию, погружались в новую для себя социальную реальность. Тюмень, будучи «воротами в Сибирь», принимала поселенческий (и переселенческий) мир, похожий на Библейский Вавилон, в котором смешивались религии, национальности, культуры, языки, социальные статусы и мировоззренческие установки, но в сложных условиях выживания в конечном итоге все они складывались (включались) в определенную систему – сложный многослойный культурный ландшафт. В результате происходила частичная унификация культур, которая обеспечивала стабильное функционирование этой системы в условиях Сибири. Цыгане не могли находиться за пределами сибирского социума в силу специфики видов деятельности, требовавших каждодневного общения с людьми. Попадая в новую среду, компоненты традиционной цыганской культуры погружались в хаос, приходили в движение, адаптируясь к новым условиям, и выстраивались в другой комбинации, где на первый план выдвигались второстепенные и ранее не столь значимые нормы, а прежде важные – ослабевали и исчезали, уступая место заимствованным. Этот сложный процесс выдерживали не все, в итоге покидая Сибирь. Оставшиеся становились *сибирска рома* или просто «сибиряками».

Среди методов исследования использованы: 1) метод *актуализации*, позволивший спроецировать современное состояние цыганской культуры на прошлое и выявить ее базовые компоненты, отвечающие за стабильность кастового сознания; 2) *сравнительно-исторический*, при котором оказалось возможным проследить изменения, происходившие в кастовых нормах сибирских ромов на различных исторических этапах.

Источниковой базой исследования послужили материалы Государственного архива Тюменской области и этнографические данные. Архивные фонды характеризуют условия, в которые попадали ромы-переселенцы, а также место, занятое ими в социуме; статистические материалы содержат официальные данные о численности цыган в Тобольской губернии и информацию о местах их расселения. Этнографические материалы характеризуют внутреннее содержание цыганской культуры, в том числе нормы, определяющие кастовое поведение. Наибольшей сложностью является отсутствие письменных источников цыганского происхождения.

3. Обсуждение

Рассматриваемая тема пока не стала предметом научного интереса в публикационной сфере. Работы по истории и культуре *сибирска рома* и непосредственно тюменских цыган, изданные до

1990-х гг., являются этнографическими и имеют сложную научную судьбу из-за стереотипов общественного сознания и политико-идеологических препятствий. Часть исследований с упоминанием цыган Сибири, Тюмени и Тобольска опубликована в Европе на иностранных языках (Bell, 1763; Sauer, 1802; Sanarov, 1967 и др.). Другая часть, изданная в Сибири, состоит из этнографических наблюдений, ряд которых отражает крайнюю степень национализма (Голодников, 1879 и др.). Третья часть исследований по *сибирска рома*, на русском и цыганском языках, появилась в советский период после снятия негласного запрета на цыгановедение. Научный задел так и не получил продолжения, будучи представленным лишь ранними (даже студенческими) работами В.И. Санарова, жившего в детстве в таборе, затем найденного родителями и вернувшегося к сибирским цыганам после окончания университета (Санаров, 1967 и др.). Богатейший материал, собранный им более чем за 30 лет жизни в таборе, не опубликован и считается утерянным. Работы же современных авторов традиционно носят этнографический или лингвистический характер (Черных, 2003 и др.). В целом в цыгановедении пока нет исследований о процессе трансформации кастовых представлений сибирских цыган.

4. Результаты

Одна из главных особенностей культуры цыган – сохранение до настоящего времени пережитков кастового строя, унаследованного из индийского общества. Полагаем, что именно этот рудимент определяет состояние их культуры и самоидентификации, сохраняет и культивирует в поколениях одни и те же виды деятельности и, таким образом, препятствует социализации в современном мире. Среди исследователей нет единства относительно конкретной кастовой принадлежности предков современных цыган, но наиболее вероятной представляется версия о полукочевой касте «дом», которая в Индии фактически существует до настоящего времени, принадлежит к низшим слоям общества и занимается пением и танцами, а также ремеслами, связанными с металлом (Черных, 2003: 6).

Анализ традиционной культуры позволяет утверждать, что для потомков этой касты характерны две группы норм: обеспечивающие доход правомерным путем (заработком) и противоправным (называемым «цыганской хитростью»). Доминирование второго подхода происходит в условиях, когда правомерный путь по каким-либо причинам не обеспечивает необходимое материальное благополучие. В цыганской философии право на воровство обосновано Библейской легендой: «Бог разрешил цыганам обманывать. Когда Иисуса Христа понесли на распятие, тогда цыган украл гвоздь. Когда его спросили, сказал: "Ей Богу, не брал!" Взял и проглотил этот гвоздь. И тем самым немножко продлил жизнь Иисусу Христу» (Черных, 2003: 8).

Обратим внимание, что такая философия применима только к цыганам-христианам; ромы иных вероисповеданий создавали свои легенды. Это свидетельствует о наличии в их культуре общих и более древних норм, которые в определенной ситуации оправдывали (и формировали) противоправное поведение. В Индии это вызвало появление особой категории «преступных каст», которые «специализировались» на определенных видах незаконной деятельности: каста *бхампта* (железнодорожные кражи), касты *холи* и *баухари* (кража скота), каста *канджаров* (похищение людей и грабежи) и т.д. (Крашенинникова и др., 2018: 71). Сибирские цыгане тоже не позволяли себе выходить за рамки определенной сферы, что еще раз подчеркивает связь их сознания с древними кастовыми представлениями.

В целом в мировой истории касты появлялись в условиях высокой плотности населения. Они не просто упорядочивали отношения в обществе, а помогали выжить членам своей фамилии, так как, с одной стороны, гарантировали работу, а с другой – обеспечивали постоянный спрос на товары и услуги, ограничивая конкуренцию. Поэтому в современной Индии сохранение каст практически в прежнем виде (Krishna, 2003), несмотря на государственную политику по отказу от них, напрямую связано с неизменностью изначальных условий, в которых они формировались, и, соответственно, с прежней потребностью в них. Поэтому исчезновение кастового строя возможно лишь в абсолютно противоположных демографических, социокультурных, географических и климатических условиях. Такая возможность сложилась именно в Сибири; при этом XVIII, XIX и XX вв. стали отдельными этапами, на которых происходило изменение определенных элементов кастового сознания цыган.

Самые ранние источники о ромах на территории Тюменского региона зафиксированы в начале XVIII столетия в записках путешественника Джона Бэллока, где говорится, что в 1721 г. он встретил табор из 60 чел. в Тобольске. Цыгане шли из Европы (Польша) на восток, в Китай, но губернатор не разрешил им двигаться дальше без паспортов (Bell, 1763: 157–158). В правление Екатерины II сохранились свидетельства о ссыльных цыганах: в частности, это дело местной Управы «О розыске беглых цыган и не явившихся по вызову» (ГАТО, Ф. И-10. Оп. 10. Д. 402).

Для Екатерины II была характерна политика унификации культур российских народов и упорядочения их этно-конфессиональных отношений (Bortnikova et al., 2016), и кочевые цыгане не стали исключением. В конце XVIII в. путешественник М. Сауэр видел, как в рамках этой политики Тобольский губернатор пытался отучить многочисленный цыганский табор от кочевой жизни: «Он обустроил им крестьянское обзаведение, надеясь их таким образом сделать полезными для общества. Они, однако, отказались от домов... и не способны ни к какому регулярному занятию; но

они следят за каждым приезжим, чтобы раскрыть ему его участь, которую они якобы читают по руке или по лицу. Крестьяне боятся их магии и помогают им выживать, из страха, как бы они не навредили их рогатому скоту или лошадям. Говорят, они очень искусные кузнецы и изготовители подков, и ветеринары» (Sauer, 1802: 331).

Эти и другие свидетельства XVIII в. объединяют три отличительные особенности, характеризующие систему представлений местных цыган.

Во-первых, они – искусные мастера по профессиям своей касты: гадания, предсказания, кузнечного дела. Однако в Сибири эти сферы были уже частично заняты: например, лишь 4 % ромов смогли стать кузнецами даже к 1897 г. (Смирнова-Сесловинская, 2013b: 33). В XVIII–XIX вв. на сибирском Севере это ремесло имело специфику: кузнецы нередко воспринимались как шаманы, что отразилось в поговорке «Кузнец и шаман из одного гнезда» (Косарев, 1991: 190). Предполагалось, что кузнецы могли предсказывать будущее и лечить людей, а также проводить магические обряды (Косарев, 1991: 190), эти функции соответствовали цыганской культуре, но выполняли их женщины. Магическая составляющая кузнечного дела создавала препятствия *ромам* для реализации в этой сфере.

У цыганок-гадалок также были серьезные конкуренты не только в виде шаманов, но и местных ведуний, которых старожилы хорошо знали и к которым традиционно обращались. Размах шаманских магических практик был таким, что в XVIII в. власти серьезно опасались массового отхода прихожан от православия (Косарев, 1991: 196). Поэтому цыганские гадалки оказались на второстепенной ступени в иерархии сибирских предсказателей; не случайно в приведенном выше источнике говорится о боязни тоболяков: цыганкам приходилось их припугивать, чтобы те платили за «магические» услуги или за свой покой.

Во-вторых, ромы оказались недостаточно востребованы сибирским социумом как танцоры и певцы. В Европейской России спрос на цыганские хоры существовал в основном среди дворянства, купечества и офицерства, а в Тобольской губернии их численность была в 2 раза меньше (Ильин, 1861: 262). Цыган в Сибири тоже было меньше, что в целом сохраняло пропорцию, но потребители музыкальных услуг были распылены по огромному пространству. Поэтому песенно-танцевальные профессии касты не могли гарантировать ромам такой же доход, как в Европейской России.

В-третьих, по сравнению с XIX столетием в XVIII в. не сохранилось ни одной крайне негативной характеристики местных цыган, в т.ч. как мошенников, воров и конокрадов. Наоборот, в этнографических описаниях и архивных источниках проявляется сочувствие и желание им помочь: не случайно тобольский губернатор в 1780-х гг. организовал для них строительство домов (Sauer, 1802: 331). Подобные факты подчеркивают, что именно кастовые профессии, а не противоправное поведение были главным видом деятельности кочевавших по Сибири цыган, преступность в их среде не доминировала, а в сибирской ссылке они находились в основном за бродяжничество.

Через 100 лет отношение к ним изменилось, что отразила работа тобольского краеведа К.М. Голодникова с названием «Проклятое племя». Известный и уважаемый в губернии исследователь, написавший ряд этнографических работ о местных культурах, в отношении цыган выразил негодование, подчеркивая, что они «всецело предаются воровству, плутовству и мошенничеству»: гадание теперь – не заработок, а прикрытие краж; коневодство превратилось в конокрадство и в многочисленные формы мошенничества с лошадьми (Голодников, 1879). Однако описанные этнографом факты полностью соответствуют общей тенденции изменений, происходивших в системе кастовых норм *сибирска рома*. Причиной такой трансформации стала недостаточная востребованность традиционных профессий, которые больше не могли обеспечить желаемое благополучие. Поэтому в цыганской культуре произошло смещение акцентов в сторону противоправного поведения, заложенного архаичными индийскими варно-кастовыми представлениями.

Наиболее серьезная деформация, по всей вероятности, стала проявляться уже в первой половине XIX в., когда цыганское сообщество Тобольской губернии пополнилось новыми группами, сосланных за конокрадство и мошенничество. Более 90 % цыган Тобольской губернии были приписано к сельской местности (Смирнова-Сесловинская, 2013и: 27), туда же на «перевоспитание» отправляли партии уголовных преступников на протяжении всего XIX в., в том числе в рамках гуманизации наказания (Науменко и др., 2017: 200). Поэтому смещение акцентов в кастовых нормах цыган вполне вписывалось в местную правовую культуру, в которой далеко не всегда преступления считались асоциальным и противоправным поведением, например: «краденое лучше растет» (Альмухаметова, 2017: 70).

В этих условиях искусство цыганской кражи, и особенно конокрадство, приобрело невероятный масштаб, о чем свидетельствуют выдержки из официальных отчетов по Тобольской губернии за разные годы XIX в.: «Несмотря на занятие некоторых из них хлебопашеством, почти все поголовно занимаются кражами вообще, и конокрадством в частности» (Отчет, 1899: 62). «Конокрадство было и остается бичом в южных районах губернии, граничащих со степью» (РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 228. Л. 46). «...На юге губернии продолжают царить выкупы лошадей, кражи коней вооруженными шайками и т.п.» (ГАТО в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 519. Л. 257). Искусство кражи коней достигло совершенства даже в местных тюрьмах, иногда с применением гипнотического воздействия: «20 февраля с.г. на территорию тюремного замка был допущен поставщик стройматериалов...

Оставив лошадь с телегой в тюремном дворе, он пошел к смотрителю тюрьмы и, вернувшись через четверть часа, ее не нашел. Лошадь с телегой исчезли... Активные поиски целого отряда надзирателей успеха не дали» (ГАТО в г. Тобольске, Ф. 20. Оп. 1. Д. 32. Л. 12). Лишь после серьезных переговоров смотрителя Тобольского тюремного замка с «фокусником» лошадь с телегой появилась на месте, причем так же неожиданно, как исчезла.

Отметим, что цыгане не так часто попадались на конокрадстве. Сохранились данные по этническому составу преступников в Енисейской губернии, в целом отражающие общесибирскую тенденцию: среди сотен случаев конокрадства цыгане не фигурируют вообще (Хоменко, 2016: 112–116), т.к. основное внимание правоохранительных органов было приковано к сопутствующим преступлениям: убийствам и разбою, а для цыган это было не характерно. Однако, если учесть, что в Тобольской губернии три четверти дел о конокрадстве вообще оставалось нераскрытым (РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 228. Л. 46), то можно представить долю цыган в этих преступлениях.

Одновременно с ростом преступности в цыганском сообществе происходило приобретение новых и развитие прежних профессиональных навыков, выходящих за рамки кастового сознания. В частности, цыгане активнее включались в ремесленные промыслы, изготавливая металлическую посуду, решета, корзины и др., занимались «врачеванием людских и скотских болезней» и торговлей скотом (Голодников, 1879), а также сельским хозяйством и огородничеством, «деятельностью и службой частной» (Смирнова-Сеславинская, 2013b: 30). В начале XX в. им была известна аренда. В Сибири цыгане в пользование бесплатно получали земельные участки, где начинали строить дома и заниматься земледелием. Некоторые семьи летом отправлялись кочевать, а участки сдавали в аренду, получая регулярный ежегодный доход, на который жили и иногда платили государственные подати (Бессонов и др., 2000). Полный уход с места жительства означал потерю участка. Таким образом, у *сибирска рома* формировалась связь с конкретным сельским поселением.

На рубеже XIX–XX вв. начался новый этап добровольной цыганской миграции в Сибирь: с территории Украины и Молдовы в губернию прибывали молдавские цыгане, позднее – крымские. Они кочевали по Сибири, подчас не попадая в официальную статистику, поэтому власти опирались на подсчеты оседлых цыган. Получалось, что число ромов не увеличивалось, а уменьшалось: если в 1879 г. на территории региона их проживало 2026 чел., то по переписи 1897 г. – уже 1526 чел., а в 1926 г. – только 140 (Тюменская область, 2007: 346).

Причины этого несоответствия связаны с двумя процессами.

Во-первых, часть цыган вернулась на прежнее место жительства, особенно после отмены ссылки в 1900 г. Однако не все ромы были ссыльными. Возврат на прежнее место жительства был крайне невыгоден с финансовой точки зрения: одним цыганам важно было сохранить земельный участок, другим – клиентуру из сибирских старожилов, психологию и культуру которых они хорошо знали. Учитывая эти обстоятельства, версия о массовой миграции цыган из Сибири в конце XIX в. вряд ли оправдана, и случаи возврата не носили повсеместного характера.

Во-вторых, уменьшение численности цыган может объясняться тем, что в культурном плане они уже разделились: часть, прибывшая в Сибирь раньше, начала переходить к оседлому образу жизни, сельскохозяйственному труду или торговле и во время переписи 1897 г. назвала себя русскими. Действительно, в конце XIX в. при инспектировании ссыльнопоселенческих поселков, куда отправляли и цыган, тобольский губернский инспектор писал, что «этот элемент» постепенно сливается с русским населением (ГАТО в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 519. Л. 257). Очевидцы также свидетельствуют, что долго живущие в Сибири цыгане меняют образ жизни и называют себя «сибиряками» (Бессонов и др., 2000). Такие изменения говорят о серьезном ослаблении связи с кастовой культурой и о формировании новой самоидентификации.

В советский период были приняты меры, нацеленные на дальнейшую трансформацию культуры ромов и формирование оседлого образа жизни: создавались цыганские колхозы, открывались школы, вводилась уголовная ответственность за уклонение от трудовой повинности и бродяжничество. Однако у многих групп цыган началось возрождение кастовых норм и кочевого образа жизни, как только государство ослабило контроль. Процесс не был повсеместным, но цыганские таборы начали движение по России, пик чего пришелся на 1990-е гг.

Тюменских цыган субгруппы *сибирска рома* с корнями из *русска рома* это явление не коснулось. У них теперь нет своего барона, но появились дипломированные юристы, врачи и учителя; женщины не носят национальную одежду и отошли от прежних видов занятий; все они приобрели постоянную территорию, что проецируется и на молдавских цыган: «Тюмень – наш родной город, и мы не представляем себя в другом месте» (Больше не гадаем, 2018). Тюменские цыгане больше не привязаны к кастовым нормам, соответственно, исчезла этническая преступность. Современные цыгановедческие исследования показали четкую взаимосвязь между уровнем преступности ромов и регионом проживания: самый высокий коэффициент – в климатически теплых, комфортных для проживания регионах России, где процессы социализации цыган затормаживаются (Саликин, 2016).

Формирование субгруппы *сибирска рома* как производной от *русска рома* исследователи связывают с первоначальными этническими группами, давшими им начало, как считается, это польские и украинские цыгане *сэрвы*, понимавшие русский язык и знакомые с русской (славянской) культурой. Однако в числе переселенцев были также молдавские цыгане *кэлдэраи* (Смирнова-

Сеславинская, 2013b: 33), отличающиеся от первых по языку и традициям, но, как считается, также вошедшие в *сибирска рома*. В 1970–2000 гг. на территории Тюменской области осели новые группы молдавских ромов, прибывших из других областей, и для региона процесс социализации таборов начался вновь. Решение всех «цыганских» проблем проводится разными группами совместно, таким образом, происходит трансляция и закрепление традиций, выходящих за рамки кастового сознания. История социализации цыган в Тюменском регионе начала второй круг.

5. Заключение

Кастовая организация социума представляет собой глубокий пласт этнического сознания. Его содержание практически не изменяется в историческом времени, представляя собой стабильно функционирующую систему. Однако в условиях российской действительности происходит объективный процесс трансформации кастовых норм; наибольшая динамичность наблюдается в Сибири, в т.ч. в кочевых культурах. Но если коренные народы Сибирского Севера были изначально открыты к внешним культурным заимствованиям, то с ромами было наоборот. Их мировоззренческая система формировалась в других условиях и в абсолютно ином цивилизационном пространстве. Специфика кастового сознания, возникшего во всеобщем обогащенной древнеиндийской культуре, состояла как раз в том, чтобы не допустить чужеродного влияния в гармоничную для того времени социальную систему. В качестве «охранительного механизма» кастовое сознание создало возможность противоправных действий в случае опасности для своих базовых норм. В XVIII в. этот «охранительный механизм», вырванный из привычной среды и перенесенный на российскую почву, начал постепенно активизироваться, но если в Сибири этот процесс уже идет на спад, то в Европейской России он лишь достиг своего апогея. Однако рост преступности в цыганском обществе является признаком ослабления и снижения ценности остальных кастовых норм, препятствующих культурной адаптации.

Методы социализации цыган не должны нести угрозу ассимиляции или полной русификации. Культура ромов самоценна не только как пример толерантного отношения к другим религиям и народам, стабильности семейных ценностей и других содержательных характеристик, но и по причине ее исключительной уникальности: она – единственная в России, в которой сохранились архаичные кастовые представления, характерные для абсолютно иного цивилизационного пространства. Каким образом взаимодействуют компоненты двух разных культурных векторов и как проявляют себя кастовые нормы в чужеродной для себя среде, – этот вопрос важен не только для России, но и для Индии, пытающейся изменить свой кастовый строй для поступательного развития страны.

Литература

Альмухаметова, 2017 – Альмухаметова М.Ш. Понятие «преступление» в представлении крестьян Российской империи // Культура, образование и право в международном инновационном пространстве. Тюмень: ООО «Международный институт», 2017. С. 69–71.

Бессонов и др., 2000 – Бессонов Н., Деметер Н. История цыган – новый взгляд. Воронеж: ИПФ «Воронеж», 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://gypsy-life.net/history17.htm> (дата обращения: 20.05.2018).

Больше не гадаем», 2018 – «Больше не гадаем». Цыганский барон о том, как меняется жизнь в таборе. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tmn.aif.ru/culture/bolshe_ne_gadaem_cyganskiy_baron_o_tom_kak_menyuetsya_zhizn_v_tabore (дата обращения: 20.05.2018).

Голодников, 1879 – Голодников К.М. Проклятое племя // Тобольские губернские ведомости. 1879. № 18, 20, 23, 43. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liloro.ru/romanes/golodnikov1.htm> (дата обращения: 20.05.2018).

ГАТО – Государственный архив Тюменской области.

ГАТО в г. Тобольске – Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске.

Косарев, 1991 – Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.

Крашенинникова и др., 2018 – Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н. Формирование института соучастия в уголовном праве Индии XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. 2018. Т. 22. № 1. С. 66–90.

Ильин, 1861 – Ильин В. Статистические сведения по Тобольской губернии за 1861 г. // Тобольские губернские ведомости. 1861. № 39. С. 2–3.

Науменко и др., 2017 – Науменко О.Н., Науменко Е.А. «Синдром Брейвика» в Тобольском тюремном замке // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 198–208.

Отчет Тобольской тюремной инспекции... – Отчет Тобольской тюремной инспекции за 1898 г. Тобольск: Губернская типография, 1899. 124 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Салекин, 2016 – Салекин С.М. Кражи из жилища в сельской местности, совершаемые цыганами, как объект криминалистического исследования // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 3–7. С. 89–93.

- Санаров, 1967** – Санаров В.И. Социологические аспекты изучения сибирских цыган // *Пятая Всесоюзная студенческая этнографическая конференция*. Вильнюс, 1967. С. 35–38.
- Смирнова-Сеславинская, 2013а** – Смирнова-Сеславинская М.В. Цыганский язык и языковая образовательная среда России в XIX – начале XX вв. / *Цыганский язык в России. Сборник материалов*. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 153–198.
- Смирнова-Сеславинская, 2013б** – Смирнова-Сеславинская М.В. Цыгане Западной Сибири и Урала в историко-этнографических источниках и исследованиях XVIII – начала XXI вв. / *Цыгане в Оренбургском социуме*. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. С. 22–43.
- Тюменская область, 2007** – Тюменская область: народы, языки, культуры. Энциклопедический справочник. Тюмень: ИПЦ «Экспресс». 410 с.
- Хоменко, 2016** – Хоменко Д.Ю. Социальный и этнический состав преступников в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2016. № 5 (170). С. 112–116.
- Черных, 2003** – Черных А.В. Пермские цыгане: Очерки этнографии цыганского табора. Пермь: Изд-во Пермского государственного университета, 2003. 60 с.
- Щукин, 2015** – Щукин А.М. Особенности противодействия цыганской наркопреступности в Тюменской области // *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями*. 2015. № 13–1. С. 74–76.
- Bell, 1763** – *Bell Jh.* Travels from St. Petersburg, in Russia, to diverse parts of Asia: [in 2 vol.] Vol. 2. Glasgow: Foulis, 1763. 426 p.
- Bertalanffy 1968** – *L. von Bertalanffy*. General System theory: Foundations, Development, Applications. New Yourk: George Braziller, 1968. 289 p.
- Bortnikova and al., 2016** – *Bortnikova Yu.A., Naumenko O.N., Naumenko E.A.* Regulation of Islamic Art in Confessional Policy of Catherine II (on Materials of the Tyumen region) // *Bylye Gody*. 2016. № 40 (2). pp. 356–362.
- Krishna, 2003** – *Krishna A.* What is happening to caste? A view from some North Indian village // *Journal of Asian studies*. 2003. Vol 62. No 4. pp. 1171–1193.
- Sauer, 1802** – *Sauer M.* An account of geographical and astronomical expedition to the northern part of Russia. London: T. Cadell, 1802. 332 p.
- Sanarov, 1967** – *Sanarov V.I.* Chez les Bedoni de la Ville de Tioumen // *Etudes Tsiganes*. 1967. No 13 (1-2). pp. 5–13. [in Franch, in Gyps]

References

- «Bol'she ne gadaem», 2018** – «Bol'she ne gadaem». Cyganskij baron o tom, kak menyaetsya zhizn' v tabore ["No more guessing". Gypsy Baron on how life in the camp changes]. [Electronic resource]. URL: http://www.tmn.aif.ru/culture/bolshe_ne_gadaem_cyganskij_baron_o_tom_kak_menyaetsya_zhizn_v_tabore (date of the address: 20.05.2018). [in Russian]
- Almuhametova, 2017** – *Almuhametova M.Sh.* (2017). Ponyatie «prestuplenie» v predstavlenii krest'yan Rossijskoj imperii [The Concept of "crime" in the view of peasants of the Russian Empire] // *Kul'tura, obrazovanie i pravo v mezhdunarodnom innovatsionnom prostranstve*. Tyumen': ООО «Mezhdunarodnyi institut». pp. 69–71. [in Russian]
- Bell, 1763** – *Bell Jh.* (1763). Travels from St. Petersburg, in Russia, to diverse parts of Asia: [in 2 vol.]. Vol. 2. Glasgow: Foulis. 426 p.
- Bertalanffy, 1968** – *L. von Bertalanffy* (1968). General System theory: Foundations, Development, Applications. New Yourk: George Braziller. 289 p.
- Bessonov et al., 2000** – *Bessonov N., Demeter N.* (2000). Istoriya cygan – novyj vzglyad. [History of Gypsies-a new look]. Voronezh: IPF "Voronezh". [Electronic resource]. URL: <http://gypsy-life.net/history17.htm> (date of the address: 20.05.2018). [in Russian]
- Bortnikova et al., 2016** – *Bortnikova Yu.A., Naumenko O.N., Naumenko E.A.* (2016). Regulation of Islamic Art in Confessional Policy of Catherine II (on Materials of the Tyumen region). *Bylye gody*. No. 40 (2). pp. 356–362.
- Chernykh, 2003** – *Chernykh A.V.* (2003). Permskie cygane: Oчерki ehtnografii cyganskogo tabora [Perm Gypsies: Essays on the Ethnography of the Gypsy camp]. erm': Izd-vo Permskogo gosudarstvennogo universiteta. 60 p. [in Russian]
- GATO in Tobolsk** – Gosudarstvennyj arhiv Tyumenskoj oblasti v g. Tobol'ske [The State archive of the Tyumen region in Tobolsk].
- GATO** – Gosudarstvennyi arhiv Tyumenskoi oblasti [The Public Archive of the Tyumen region].
- Golodnikov, 1879** – *Golodnikov K.M.* (1879). Proklyatoe plemya [Cursed tribe]. Tobolsk provincial sheets. 1879. №№ 18, 20, 23, 43. [Electronic resource]. URL: <http://www.liloro.ru/rmanes/golodnikov1.htm> (date of the address: 20.05.2018). [in Russian]
- Ilyin, 1861** – *Ilyin V.* (1861). Statisticheskie svedeniya po Tobol'skoj gubernii za 1861 god [Statistical data on the Tobolsk province for 1861]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. No. 39. pp. 2–3. [in Russian]
- Khomenko, 2016** – *Khomenko D.Yu.* (2016). Social'nyj i ehtnicheskij sostav prestupnikov v Enisejskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Social and ethnic composition of criminals in the Yenisei

province in the second half of the XIX–early XX century]. *Bulletin of the Tomsk State pedagogical University*. № 5 (170). pp. 112–116. [in Russian]

Kosarev, 1991 – *Kosarev M.F.* (1991). *Drevnyaya istoriya Zapadnoj Sibiri: chelovek i prirodnyaya sreda* [The Ancient history of Western Siberia: man and the natural environment]. M.: Nauka. 302 p. [in Russian]

Krashenninnikova et al., 2018 – *Krashenninnikova N.A., Trikoz E.N.* (2018). Formirovanie instituta souchastiya v ugovolnom prave Indii XIX v. [Formation of the Institute of complicity in the criminal law of India in the XIX century]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov*. Vol. 22. No. 1. pp. 66–90. [in Russian]

Krishna, 2003 – *Krishna A.* (2003). What is happening to caste? A view from some North Indian village. *Journal of Asian studies*. Vol. 62. No 4. pp. 1171–1193.

Naumenko et al., 2017 – *Naumenko O.N., Naumenko E.A.* (2017). «Sindrom Brejvika» v Tobol'skom tyuremnom zamke ["Breivik's Syndrome" in Tobolsk prison castle]. *Noveishaya istoriya Rossii*. No. 3. pp. 198–208.

Otchet, 1899 – *Otchet Tobol'skoj tyuremnoj inspekcii za 1898 g.* [Report Tobolsk prison inspection for 1898]. Tobol'sk: Gubernskaya tipografiya, 1899. 124 p. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian Public Historical Archive].

Salekin, 2016 – *Salekin S.M.* (2016). Krazhi iz zhilishcha v sel'skoj mestnosti, sovershaemye cyganami, kak ob'ekt kriminalisticheskogo issledovaniya [Thefts from dwellings in the countryside perpetrated by the Gypsies, as an object of forensic investigation]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*. No. 3–7. pp. 89–93. [in Russian]

Sanarov, 1967 – *Sanarov V.I.* (1967). Sociologicheskie aspekty izucheniya sibirskih cygan [Sociological aspects of the study of Siberian Gypsies]. *Pyataya Vsesoyuznaya studencheskaya etnograficheskaya konferentsiya*. Vilnius, pp. 35–38. [in Russian]

Sanarov, 1967 – *Sanarov V.I.* (1967). Chez les Bedoni de la Ville de Tioumen. *Etudes Tsiganes*. No. 13 (1–2). pp. 5–13. [in Franch, in Gyps]

Sauer, 1802 – *Sauer M.* (1802). An account of geographical and astronomical expedition to the northern part of Russia. London: T. Cadell, 332 p.

Shchukin, 2015 – *Shchukin A.M.* (2015). Osobennosti protivodejstviya cyganskoj narkoprestupnosti v Tyumenskoj oblasti [Peculiarities of the Roma combating drug-related crime in the Tyumen region]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*. No. 13–1. pp. 74–76. [in Russian]

Smirnova-Seslavinskaya, 2013a – *Smirnova-Seslavinskaya M.V.* (2013). Cyganskij yazyk i yazykovaya obrazovatel'naya i yazykovaya obrazovatel'naya sreda Rossii v XIX – nachale XX vv. [Gypsy language and language educational and language educational environment of Russia in XIX–early XX centuries] *Tsyganskij yazyk v Rossii. Sbornik materialov*. SPb.: Nestor-History. pp. 153–198. [in Russian]

Smirnova-Seslavinskaya, 2013b – *Smirnova-Seslavinskaya M.V.* (2013). Cygane Zapadnoj Sibiri i Urala v istoriko-etnograficheskikh istochnikah i issledovaniyah XVIII – nachala XXI vv. [Gypsies of Western Siberia and the Urals in historical and ethnographic sources and studies of the XVIII–early XXI centuries]. *Tsygane v Orenburgskom sotsiume*. Orenburg: OOO IPK "Universitet". pp. 22–43. [in Russian]

Tyumen region, 2007 – *Tyumenskaya oblast': narody, yazyki, kul'tury*. Enciklopedicheskij spravochnik [Tyumen region: peoples, languages, cultures. Encyclopedic reference book]. Tyumen: CPI "Express". 410 p. [in Russian]

Трансформация кастового сознания сибирских цыган в XVIII – начале XX вв. как фактор их культурной социализации

Ольга Николаевна Науменко ^{a, *}, Евгений Александрович Науменко ^b

^a Югорский государственный университет, Российская Федерация

^b Тюменский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе синергетического подхода рассматривается механизм социализации цыган в условиях Сибири на примере Тюменского региона. Авторы подчеркивают, что в целом в России процесс трансформации кастового сознания происходит в более короткие сроки, чем на прародине цыган – в Индии, а в Сибири наблюдается еще большая динамичность в силу природно-климатических и социокультурных особенностей региона. В результате процессов социализации появилась субгруппа «сибирские цыгане», которая полностью интегрирована в местное общество при сохранении традиционной культуры. Исследование построено на основе анализа в культуре сибирских цыган XVIII – начала XX вв. двух групп кастовых норм: обеспечивающих доход правомерным путем (заработком) и противоправным. Вторая группа норм

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: oolgann@mail.ru (О.Н. Науменко), hea2004@mail.ru (Е.А. Науменко)

играет роль «охранительного механизма», чтобы не допустить проникновения чужеродного влияния в кастовую систему. Активизация этого механизма является закономерным явлением и свидетельствует об ослаблении первой группы кастовых норм. Авторы проецируют выводы на современное состояние цыганской культуры, показывая, что в российских условиях активизация «охранительного механизма» неравномерна: в Сибири этот процесс уже идет на спад, а в Европейской России он лишь достиг своего апогея. В статье подчеркивается, что культура цыган – единственная в России, в которой сохранились архаичные кастовые представления, характерные для абсолютно иного цивилизационного пространства. Изучение взаимодействия таких норм в разных условиях важно не только для России, но и для Индии, которая сейчас пытается трансформировать свой кастовый строй.

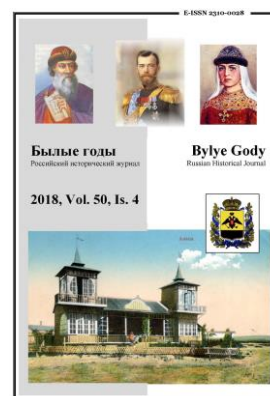
Ключевые слова: цыгане, касты, Сибирь, Тюмень, цыганская преступность, культура ромов, песни, танцы, гадания, традиционная культура.

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1406-1416. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1406
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Sacral Geography of Priirtysh Region in the Works of Russian Researchers

Madi Rakhimov ^{a, *}, Nurbek Shayakhmetov ^a, Kairat Battalov ^b

^a Eurasian National University named after Gumilev L.N., Astana, Kazakhstan

^b Pavlodar State University named after Toraigrov S.T., Pavlodar, Kazakhstan

Abstract

This article is devoted to the study of the works of researchers and travelers who left valuable information about the sacred places of the Priirtysh region of Kazakhstan during the 17th-19th centuries.

The main goal of the article is to analyze the complex investigations of scientists dedicated to the sacred places of the Priirtysh region, to determine their significance and relevance at the present moment within the context of the modern spiritual situation of Kazakhstan.

The authors in this article, relying on worldview, ethnographic, toponymic, cartographic information derived from the memoirs and writings of researchers and travelers, determine the location of the sacred places of the Priirtysh region and determine their historical and cultural significance.

Keywords: sacred geography, Great Steppe, Kazakhstan, Irtysh region, sources, maps.

1. Введение

Интерес к сакральной географии в отечественной исторической науке появился относительно недавно. Актуальной проблемой истории Казахстана на сегодняшний день является систематизация еще не изученных духовных, культурных, географических названий и определения их места в истории Казахстана.

Основная наша задача – систематизировать и интерпретировать ценные сведения в трудах исследователей и путешественников, собиравших информацию о сакральных местах в казахской степи XVII–XIX вв. и ввести их в научный оборот.

2. Материалы и методы

В группу источников исследуемой работы входят документы из национального архивного фонда Республики Казахстан. Наряду с этим используются воспоминания путешественников, писавших о Прииртышском регионе, материалы военно-разведывательных экспедиций Российской империи в отношении исследования Сибири и труды исследователей Русского географического общества.

Историческая наука обладает широким рядом исследовательских методов. На этом основании можно сформировать научную базу данной работы. Самое главное – общенаучные методологические принципы и принцип историзма. Этот принцип требует изучения истории сакральных мест с учетом конкретной исторической обстановки, то есть рассматривает все исторические факты, явления и события в соответствии с конкретной исторической обстановкой, в их взаимосвязи, так как каждое историческое явление нужно изучать в его развитии, нельзя рассматривать событие или личность вне времени и обстоятельств. Кроме этого, принцип альтернативности – определяет степень вероятности осуществления того или иного события, явления, процесса на основе анализа объективных реальностей и возможностей.

* Corresponding author

E-mail addresses: madi_025@mail.ru (M. Rakhimov)

Наряду с этим исследовательская работа основывается на принципе системности. Этот метод дает возможность авторам рассматривать историю сакральных мест в историко-культурной духовной системе. Кроме названных методологических принципов, применяется метод исторической компаративистики. Сравнительно-исторический метод дает возможность раскрыть суть исторических явлений через контекст подобных явлений, сопоставление которых дает возможность глубже понять исследуемый феномен.

В ходе исследовательской работы возникла необходимость применения методов междисциплинарных исследований, среди которых мировоззренческий, этнографический и топонимический.

Этнографические и топонимические методы необходимы при описании географических и природно-ландшафтных характеристик сакральных пространств.

Выявление топонимического материала требует привлечения различных картографических источников. Разновременные карты позволяют изучить динамику различных явлений и их компонентов по данным топонимии. Метод картографии использовался для конкретного определения закономерности расположения сакральных мест.

3. Обсуждение

В связи с присоединением к Российской империи казахской степи возникла необходимость в комплексной и разносторонней информации о территориях, которые вошли в ее состав. Первые данные о названиях земель Прииртышья мы находим в записях путешественников, военных офицеров и участников научно-исследовательских экспедиций. Также исследователи Г.Ф. Миллер (Миллер, 1937), С.У. Ремезов (Remezov, 1642), П. Рычков (Рычков, 1762), С.Б. Броневский (Броневский, 1830), Г.И. Андреев (Андреев, 1998) и др. дают описание Прииртышского региона и описывают быт и обычаи местного населения.

Комплексные исследования о топонимике Прииртышского региона, об образе жизни и обычаях местного населения, о сакральных местах можно встретить в трудах таких ученых, как А.И. Левшин (Левшин, 1832), В. Радлов (Радлов, 1894), Н. Коншин (Коншин, 2007), П.П. Семенов-Тянь-Шанский (Тянь-Шанский, 1903), Г.Н. Потанин (Потанин, 1972). Они оставили сведения об этимологии географических названий Прииртышского региона, о религиозно-культурных объектах, о религиозных обычаях казахского народа.

Среди исследователей Средней Азии особенно можно выделить имя казахского ученого Ч. Валиханова (Валиханов, 1985), который был блестящим этнографом, хорошо разбиравшимся в истории, обычаях и традициях своего народа, внимательно изучавшим религию и через призму этнографических исследований всесторонне исследовавшим мировоззрение казахов. Бесценными источниками являются историко-географические сведения ученого в исследовании сакральных мест Прииртышского региона.

Также интересные сведения о сакральных местах среднего Прииртышья оставил М.Ж. Копеев (Копеев, 2010). Он имел блестящие знания в области топонимических названий Прииртышского региона, собирал ценную информацию об устных исторических преданиях народа и о его религиозно-обрядовых обычаях. Ученый исследовал поклонение народа сакральным местам, связывая его с местными легендами.

В ряду блестящей плеяды исследователей ученых-востоковедов Средней Азии особое место занимает известный востоковед-тюрколог В. Бартольд (Бартольд, 2002). Ученый на основании богатейших сведений арабских, персидских путешественников дает огромный, хорошо отобранный фактический материал о Средней Азии. Среди них имеется много бесценных сведений о регионе Прииртышья, а также о сакральных географических объектах, расположенных на этой территории.

Одним из ученых, описавших среднее Прииртышье, особенно его Баянаульский регион, был П.Л. Драверт (Драверт, 1930). Позже именем исследователя в Баян-Ауле назван сакральный объект – «грот Драверта». Известный казахский историк-археолог, востоковед А.Х. Маргулан составил научное описание сакральных объектов Прииртышья (Маргулан, 1994). Ученый проводил исследовательские работы в области архитектуры, историко-культурных и культовых объектов.

Сведения о Прииртышье встречаются в трудах и публикациях зарубежных путешественников, данные об историко-географических, топонимических, культовых объектах можно встретить в трудах N. Witsen (Witsen, 1705), T. Atkinson (Atkinson, 1858) и др.

4. Результаты

Прежде чем исследовать сакральную географию Прииртышского региона, нужно определить этимологию слов «священный», «сакральный». В философских словарях указывается, что слово «сакральный» произошло от латинского sacer – объявить священным, преклоняться, посвятить богу (Степин, 2010: 91). По определению Э. Бенвениста, «sacer» обозначает таинство, а «sanctus» – явление, порождающее запреты, придуманные людьми (Бенвенист, 1905: 349). В толковом словаре С.И. Ожегова слово «сакраментальный» определяется как связанный с религиозным обрядом, ритуальный (Ожегов, 1990: 691).

Таким образом, с онтологической точки зрения, «сакральный» – это явление, отличающееся высоким уровнем духовности, с позиции гносеологии – истина, находящаяся за пределами разума, с точки зрения феноменологии – удивительный прекрасный мир, с аксиологической позиции – абсолютное императивное явление. Ч. Валиханов, рассмотревший термин «сакральный» в пространственном значении, писал: «Все необыкновенные явления природы считаются за места священные, освященные пребыванием Аулии (мухаммеданского [святого]); все курганы называются оба, что значит куча. Дерево, одиноко растущее в степи, или уродливое растение с необыкновенно кривыми ветвями служат предметом поклонения и ночевок. Каждый, проезжая, навязывает на это дерево куски от платья, тряпки, бросает чашки, приносит в жертву животных или же навязывает гриву лошадей» (Валиханов, 1985: 209). Поэтому термин «сакральный» нужно рассматривать не только с религиозной точки зрения. Сюда входят особенно почитаемые, священные вещи, а также обрядово-бытовые явления, иначе говоря, объекты, отличающиеся особым благоговением, особой важностью. Поэтому к понятию «сакральный» относятся такие духовные явления, как культ предков, обожествление и одушевление необычных явлений природы, традиции и ритуалы, и вместе с тем материальные явления, такие, как историко-географические и культурные объекты.

По настоящее время сохранились сакральные объекты в Прииртышском регионе, которые люди издревле считали святыми. Кимако-кипчакские племена наделяли божественными атрибутами реку Иртыш. Гардизи пишет: «Кимаки оказывают уважение этой реке, почитают ее, поклоняются ей и говорят: река – бог кимаков» (Бартольд, 1973: 44). Иначе говоря, сама река в понятии тюркоязычных народов имела значение сакральности.

Иртыш – это одна из самых больших и полноводных рек Средней Азии, протяженностью 4248 км. Начиная свой путь с Большого Алтая до озера Зайсан, эта река называется Черный Иртыш. Выходя из озера, река, называемая Белым или Тихим, 300 км течет по степной зоне. Потом, протекая 100 км по горной местности, река переходит в быстрое течение и называется Быстрым Иртышом. С города Усть-Каменогорска река выходит на Сибирскую равнину и впадает в Обский бассейн и, понижаясь, течет к Северному Ледовитому океану (Бартольд, 2002: 435).

Название Иртыш встречается в древнетюркских письменных документах. В памятнике Культегину пишется, что тюрки, переплыв Иртыш, победили тюргешей. Первое этимологическое значение слова Иртыш пытался передать М. Кашгари. Он слово «эртишмак» перевел как «быстро переплыть» (Кашгари, 2006: 127). Академик В. Бартольд пишет, что в труде Масуди «Кита бат-танбих» говорится про Черный и Белый Иртыш и что он впадает в Каспий. А автор книги «Худуд ал алам» называет Иртыш одним из протоков Волги, и по легенде местного населения название Иртыш употребляется в значении Артуш (Эртюш, Ер тус – человек спустился) (Бартольд, 2002: 435).

По нашему предположению, в отношении этимологии слова Иртыш более точное толкование дал П.П. Семенов-Тянь-Шанский. Он пишет: «Иртыш (ир (жер) – по киргизски «земля»; тыш (тес) – «рыть»). Иртыш можно переводить протекает, роя землю!» (Семенов-Тянь-Шанский, 1903: 19). Вместе с тем П.П. Семенов-Тянь-Шанский составил карту, где Иртыш вытекает из Зайсана, и указал рельефы вдоль Иртыша и показал расположение больших и малых населенных пунктов (Рис. 1).

Рис. 1. Карта киргизского края. Составитель А.Н. Сидельников. Масштаб: в 1 дюйме 100 верст. Карта является приложением к книге «Россия, полное географическое описание нашего отечества», т. XVIII под ред. В.П. Семенова

Многие топонимические названия Прииртышья связаны с эпосом «Козы-Корпеш – Баян-сулу». В народе сохранилось 16 вариантов эпоса. Эпосу, посвященному двум влюбленным в свое время проявил интерес и А.С. Пушкин. Об этом А.Х. Маргулан пишет так: «Память об этой любви была воспета великим русским поэтом А.С. Пушкиным. Это было связано с тем, что в 1812 году в Уфе был издан вариант «Козы-Корпеш – Баян-сулу», и Александр Сергеевич заинтересовался этой рукописью. В его творческом наследии имеются стихи, посвященные степной саге о любви» (НАА РК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 15. Л. 16). Хорошо знавший казахский язык И. Беленицын перевел фольклор с казахского на русский язык. В письме, адресованном руководству Омской области в 1833 году, он отмечает: «Представляя при сем Вашему превосходительству поэму Баян Сулу Козы Курпеч..., единственная на языке киргизов поэма, которая составлена в глубокой древности, воспеваема величайшим восторгом нежные чувства молодых людей друг к другу. Поэтому прошу вас приказать одному из переводчиков перевести сочинение на отечественный язык, и употребили бы усилие передать буквально то, что в поэме начертано, и возвратить мне. Приличные же изменения с толкованием я беру на свою ответственность» (НАА РК. Ф. 195. Оп.1. Д.15. Л. 18).

Сакральный комплекс расположен близ аула Тансык Аягузского района Восточно-Казахстанской области. Первым его описал исследователь И.Г. Андреев: «При реке Аягуз находится древнее строение, построенное из дикого плитного камня наподобие пирамиды; стены внутри убраны, равно как выгесаны, и сведены сводом; одни вхожие двери, и на двух стенах по одному окну» (Андреев, 1998: 49). Похожие сведения можно встретить в труде А.И. Левшина: «На берегу реки Аягуз стоит остроконечное здание, весьма тщательно построенное из каменных гладких плит. В нем три каменных статуи, из них две, по словам киргиз-казахов, изображают прославляемых в сказках любовников: Куз-Курпеч и Баян-сулу. Верующие в подлинность сих изображений приносят им жертвы» (Левшин, 1832: 206). Три памятника внутри мавзолея описал В. Радлов: «Мужская фигура имеет 2 аршина 7 вершков в длину и 10 вершков в ширину, одна женская фигура – 1 аршин 5 вершков в длину и 11 вершков в ширину. Все три статуи обеими руками держат ниже груди продолговатые погребальные урны» (Радлов, 1989: 434).

В основном некрополь Козы-Корпеша и Баян-сулу можно уподобить египетским пирамидам. Этот комплекс тоже четырехгранный, он тоже сужается кверху и, как египетские пирамиды, он известен среди народа своей сакральностью (Рис. 2).

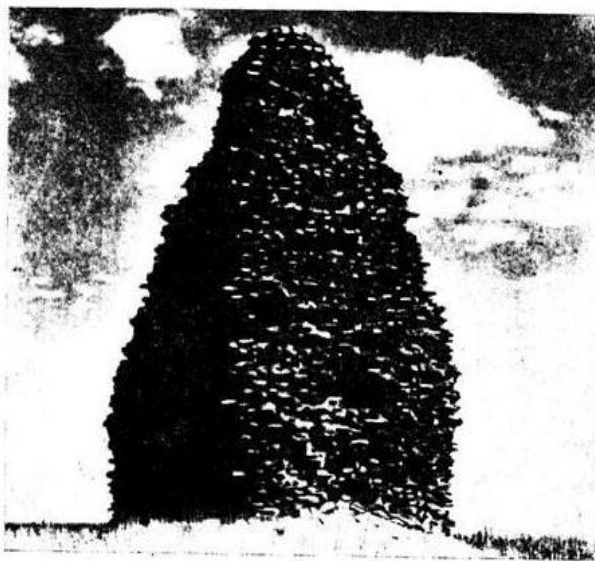

Рис. 2. Надгробное сооружение Козы-Корпеша и Баян-Сулу (Валиханов, 1985: 162)

Имя Козы-Корпеша и Баян-сулу широко известно в народе, некоторые земли названы именами героев эпоса. Об этом так написал П.П. Семенов-Тянь-Шанский: «Популярность ее среди киргиз велика. С именами ее героев связано много названий местности – гор, рек, урочищ и пр. (где происходили описываемые события)» (Семенов-Тянь-Шанский, 1903: 204)

Г.Н. Потанин, придавший большое значение пути, пройденного героями эпоса, писал: «Эта дорога – дорога отца Баян – Карабая, кочующего из Аягуза в Арку и дальше до рек Есил, Тобол и назад. В каждом варианте встречаются названия земель: Аягуз, Жауыр, Мензек, Токыраун, Жамши, Алтынсандык, Каркаралы, Баян-Аул, Караоткель, Домбыралы, Моншакты, Тюмень» (Потанин, 1972: 256).

М.Ж. Копеев баянаульскую зону Прииртышского региона связывает с именем Баян-сулу: «Место рождения единственной дочери этого Сарыбая – Баян-сулу – Баянаульские горы. Горы называются Баян-Аул, потому что местность называется Баян-Аул. То место, где девушка потеряла

украшение каркара называется «Каркаралы-Казылык», где она потеряла домбру и уронила монисто, называется «Домбыралы-Моншакты», где уронила украшение жамши называется «Токыраун-Жамшили», где потеряла сундук – «Алтын сандык-Акшатау», то место, где пела песню на тое, называется «Оленти», где потеряла путы коня называется «Шидерти» (Копеев, 2010: 201). Наверно, по этой причине одно из красивейших мест Прииртышского региона – Баян-Аул – считается сакральным. По этому поводу Г.Н. Потанин пишет: «Станица Баянаульская, или, как называют ее, Баян, лежит на полпути между городами Семипалатинской области Павлодаром и Каркаралинском и пользуется прелестным местоположением... Аул был назван Баян-Аулом из уважения к памяти девушки, смерть которой была несомненным доказательством ее верности» (Потанин, 1972: 254).

Большинство сакральных объектов Прииртышского региона расположены именно в Баян-Ауле. Один из известных объектов – пещера «Коныр Аулие», которой люди поклоняются с древних времен. Со всех концов идут паломники к этому месту с надеждой и верой на благоприятный исход каких-либо событий, бездетные женщины просят ребенка, занемогшие просят исцеления. Данный объект сакральной географии находится в Баянаульских горах, в 12 км к западу от Баян-Аула, в 4,5 км к западу от озера Жасыбай Баянаульского района Павлодарской области. Пещера расположена в верхней части высокой скалы в живописной местности Баянаульских гор (Рис. 3).

Длина пещеры 110 метров, восходят туда по ступенькам. Для удобства паломников через каждые 10–15 метров оборудованы площадки отдыха. Утес, где находится пещера, протянувшаяся с севера на юг, состоит из гранитных кристаллических пород и сформирован в результате тектонических сдвигов и обветривания. Пещера Коныр Аулие представляет собой образованную в скале естественную полость с пространством, состоящим из двух сужающихся вытянутых камер. Вход в пещеру находится с западной стороны скалы, ширина входной части 1,8–2,5 м. Пещера состоит из «зала» длиной около 30 м, высотой 7 м, который переходит в узкое, поднимающееся коридорообразное продолжение. Далее вверх ведет очень узкий проход и находится углубление, в котором собирается влага, стекающая по трещинам.

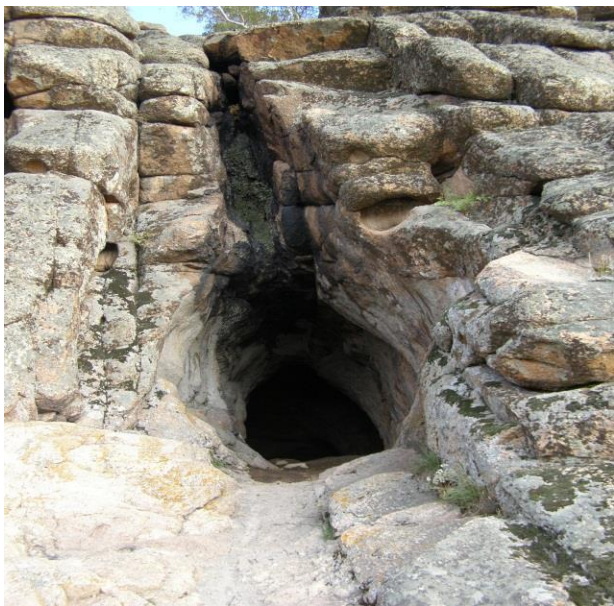

Рис. 3. Фотофиксация сакрального объекта: пещеры Коныр Аулие. Вход в пещеру. Фото Е. Абеуовой

Наиболее ранние сведения о пещере встречаются в работе «Оренбургская топография» П.И. Рычкова. Описывая Баянаульские горы, он приводит следующие строки: «Баян-Ауле сказывают пещеру, в которой есть озеро, при коем находятся небольшие птички особого рода. Тут же есть гроб у Магометан за святого почитаемого, куда киргизы ходят купаться и верят, якобы через купание вылечиваются от разных болезней» (Рычков, 1762: 331).

Культ почитания пещеры Коныр Аулие как святого места, вероятнее всего, сложился в результате смешения различных пластов религиозной практики племен Сарыарки. По одной из версий пещера является местом паломничества и характеризует культовую практику древних племен эпох неолита и бронзы. Также следует отметить, что прослеживается влияние культов тюркской эпохи. По предположению Н. Коншина, почитание Аулие-тас могло перейти к казахам от калмыков, живших в Баянаульских горах до XVIII в. Вызывает научный интерес традиция применения к объекту двух наименований «Аулие-тас» и «Коныр Аулие». Изначально из письменных источников достоверно известно о наличии поклонения среди казахов в XVIII веке в пещере Аулие-тас. Такое же наименование дается в источниках начала XX в. Несмотря на то, что оба наименования объекта –

«Аулие-тас» и «Коныр Аулие» – известны казахам, на сегодняшний день более употребляемым является второй вариант. Проблема использования и трансформации названия пещеры требует дальнейшего изучения.

А вот таким образом описывал посетивший пещеру в 1900 г. Николай Коншин: «Пещера Аулие-тас, находящаяся на западных склонах Баянаульских гор, считается одним из святых... Все обряды казахов, связанные с пещерами, восходят к древнейшим понятиям и мировоззренческим устоям древних племен Казахстана. Это прежде всего представление об ином мире, где находятся источники здоровья, жизни, плодovitости и т.д. Не зря рядом с пещерой Коныр Аулие мы находим многочисленные гроты и древние капища, разрисованные солнцеголовыми существами» (Коншин, 2007: 34). Описание пещеры и высказывания Н. Коншина связаны с древнейшими понятиями и верованиями, связанными с легендой о Коныр Аулие. Три сына пророка Ноя – Коныр, Кыран, Кулан – после всемирного потопа обосновались в Баян-Ауле. Коныр жил в горах в местности Жамбақы, Кыран обитал в вершине Баянтау, Кулан нашел пристанище в Кызылтау и, по легенде, они помогали каждому, кто в чем-либо нуждался.

Известный исследователь П.П. Семенов-Тянь-Шанский обратил внимание на культ воды в пещере Аулие-тас: «В 20 верстах от пикета, в сторону от дороги, находятся медные рудники павлодарского купца Дерова и др., а в десяти верстах от него – киргизская святыня Аулие-тас (святий камень). Аулие-тас представляет из себя длинную, сажень в десять, пещеру, в которой лежит большой, с углублением в середине камень. В нем постоянно скапливается стекающая со стен и потолка пещеры холодная, прозрачная вода, отличающаяся, по мнению киргиз, очень целебными свойствами. Посещающие пещеру киргизы пьют эту воду, обмывают ею больные части своего тела и употребляют для установленных у магометан омовений. В пещере, по преданию киргиз, жил когда-то святий человек. Народа съезжается к Аулие-тас временами очень много; особенно много бывает женщин, так как святая вода пещеры уничтожает, по мнению киргиз, бесплодие женщин. Окрестности Аулие-таса сложены из палеозойских песчаников и кварцитов. Среди них есть выходы порфиринов» (Семенов-Тянь-Шанский, 1903: 391). Замечание Семенова-Тянь-Шанского об особом отношении к воде, что, по понятиям казахов, вода из котла пещеры особенно целебна, не случайно, и такое отношение связано с древними гилозоическими верованиями, в частности в дух воды. По поводу этого понятия В.В. Радлов пишет: «Йер – су (земля и вода) со своими семнадцатью горами и морями для поддержания его физической жизни в изобилии снабжает его пищей, одеждой и жильем. Эта земля так близка человеку, так по своей природе даже родственна ему, что он может без боязни обратиться к ней. Поэтому каждый человек приносит йер-су жертвы и дары, дабы проявить свою благодарность и почитание» (Радлов, 1989: 365).

Об обрядах, проходящих в пещере, Н. Коншин рассказывает так: «На Аулие-тас ездят молиться больные и просто бедные казахи, а главным образом бездетные женщины. Приезжают обыкновенно под вечер и ночь проводят или в пещере, или где-нибудь вблизи ее. Богатые режут барана и мясо его варят, разложив костер у входа в пещеру. Мясо варится непременно в воде из казана в пещере, оттуда же берут воду для омовения, пьют ее и особенно поливают ею больные части тела. Вода эта, по мнению казахов, имеет целебные свойства. Как мне потом рассказывал один баянаульский старик – казах (Чагыбай Тасыбаев), молящие делают еще свечи из чия, обернув его ватой или тряпками, пропитанными жиром от зарезанного барана; эти свечи (шырак) жгутся в пещере... По тем снам, какие сняты во время сна около пещеры, можно судить, исполнится или нет просимое. Бедные в знак жертвы вешают повсюду лоскутки, а богатые, как я сказал, режут барана и кладут в казан, оставляют в пещере деньги. Эти деньги, по словам того же Чагыбая, бедняки имеют право взять себе, но при этом непременно надо обратиться к святому духу пещеры со словами «таксыр, не сердись, позволь мне взять эти деньги» (Коншин, 2007: 28).

Интерес вызывает тот факт, что в Прииртышье есть две пещеры Коныр Аулие, и обе связаны с легендой о пророке Ное. Вторая пещера Коныр Аулие находится в горе Актас, находящейся между аулами Саржал и Караул Абайского района Семипалатинского региона. Справа в пещере есть узкий грот, который переходит в большую комнату. С северной стороны свод пещеры двухкупольный и, соединяясь к озеру, заканчивается. По дороге, выходящей из глубины большой комнаты к озеру, есть одна комната. Температура пещеры не превышает 10 градусов. Вода из озера в этой пещере считается священной. Веками люди совершают сюда паломничество, приносят жертвоприношения. О необычной пещере писали в газетах. В 1892 году в «Витебских губернских ведомостях» (№ 63) приводятся такие данные: «Коныр Аулие – святая пещера казахов вблизи Семипалатинска. Люди приходят туда, поклоняясь каменному изваянию, изображающему женщину. Вокруг статуи разбросаны мелкие каменные предметы, бусы и бронзовые фигурки. Возле пещеры часто проводят обряд жертвоприношения, а во время эпидемий сюда приводят скот» (Кемелбаева и др., 2017: 40).

На сегодняшний день эти две пещеры являются признанными объектами сакрального туризма. С многих концов стекаются в эти места паломники, движимые поиском духовной поддержки, приходят со своей верой, в надежде быть услышанными и получить исполнение своей просьбы. Есть поверье, что если люди приходят с чистыми намерениями, искренне верят в силу этого места, то все пожелания обязательно сбываются. Особенно много в пещеру приходят женщины. Это связано с понятием, что это место исцеляет от бездетности, способствует зачатию ребенка. Значение

сакральности объекта объясняется тем, что жители соблюдают традиции предков, благоговеют перед святостью Коныр Аулие, проводят обряды, читают молитвы, поклоняются пещере.

Следующий сакральный объект в Баян-Ауле – «Грот Драверта». Он находится в 5,5 км к северо-западу от Баян-Аул, на юго-восточном берегу озера Жасыбай. Памятник открыт и описан в 1926 году геологом П.Л. Дравертом, именем которого его назвал павлодарский краевед И.В. Лагутин. Объект расположен в окрестностях скалы Кемпир-Тас в небольшом ущелье. Со стороны ущелье малозаметно, поскольку вход в него зарос кустарником и деревьями. Рисунки обнаружены под скальным навесом в небольшом естественном нишеобразном углублении и представляют собой полустертые изображения человечков, нанесенные темно-красной охрой. Сохранность рисунков неудовлетворительная, необходимо проведение работ по их тщательной фиксации и изучению.

В древнем мировосприятии существовало поверье, что если изображается в различных образах человек, то его душа находит отражение в них. Эти изображения могли быть духами их предков. Наряду с этим рисунки могут изображать момент отправления каких-либо обрядов, например, обряда выхода на охоту – танцами. Данный ритуал проводился с целью удачной ловли, с просьбой о покровительстве духов в благополучном завершении охоты.

На Петра Драверта грот с писаниями произвел большое впечатление. Он посетил Баян-Аул в 1926 году и свои наблюдения по петроглифам отразил в статье «Грот с писаницей на озере Джасыбай в окрестностях Баян-Аула». Приведем отрывок из этой статьи: «На писаницах можно усмотреть 15 фигур; из них 10 отнести к изображениям людей в разных позах, причем три фигуры, несомненно, принадлежат мужчинам. Небольшие размеры грота способствовали избранию его для жилища даже одного человека. Свод и стены отличаются особой чистотой. Скорее всего, это было что-то вроде капища, предназначенного для хранения предметов культа, и рисунки на своде имели, по-видимому, какое-то религиозное или магическое значение. Соседние гроты, более обширные и вместительные, могли служить достаточно удобными обиталищами. Своды их сильно закопчены».

Памятник представляет собой небольшую гротообразную нишу шириной 2,8 метров, глубиной 2,1 метра, высотой у входа 1,8 метров с плоским сводом, образованным в скалистом выступе. Рисунки выполнены красной охрой на потолочной части грота. Изображения занимают около 1 м. Просматривается около пятнадцати различных фигур, десять из которых можно определить как антропоморфные изображения.

Издrevле, еще во времена распространения доисламских культов, предки казахов с особым почитанием относились к своему наследию, к местам скопления петроглифов и считали их святыми местами, местами поклонения. Они считались местами обитания духов предков, местами с особой сакральной энергетикой.

Следующий сакральный объект Прииртышья – башня Калбасун. Объект находится возле села Кызыл-Еңбек Майского района Павлодарской области. На протяжении нескольких столетий путешественники и исследователи воспринимали его как мечеть, калмыцкий храм, древнюю крепость, башню и даже кимацкий город. Но в ходе раскопок было достоверно установлено, что на самом деле руины сооружений на левом берегу Иртыша, упоминаемые в исторических источниках под названиями Кабал-Гасун (Гуабалгасун), Джалин-обо и Калбасунская башня, являются остатками мавзолеев периода Улуса Жоши и датируются XIV–XVI вв. н.э. (Смагулов, 2012: 130).

Первые сведения о башне даны в труде Ф. Байкова: «От Белых Вод пошел до Кабал-Гасуна ходу 3 дня... А живет тот калмыцкой подле реки Иртыш. Поставлены у него 2 палаты бурханские, кирпичные, кирпич обожженный, смазаны известью» (Тихвинский, 1969: 182).

После экспедиции Ф. Байкова половина башни, по-видимому, была разрушена. Об этом говорится в трудах Н. Витсена: «Записки о киргиз-кайсаках Средней орды», а также в работе С.Б. Броневского (Броневский, 1830). Н. Витсен пишет: «Недалеко от начала рек Обь и Ирис, выше Тары, около Калмакии, имеется озеро, называемое Белые Воды, потому что в них вода почти такая целебная. Некоторые говорят, что она соленая, другие, что годна для питья... Калбасин, или Калбагакум, или Кабалгаканка, – это место недалеко от реки Иртыш, около Белых Вод. Достопримечательный древний, теперь разрушенный, каменный дом, большого размера и прочности. Не знают, кем он был сделан, потому что теперь там таких домов не строят» (Witsen, 1705:130–131). С.Б. Броневский отмечает: «Башня Калбасунская, бывшее кирпичное строение за рекою Иртышем, против форпоста Подпускного, временем до основания разрушена. Предание не оставило никакого повествования о существовании ее. Кирпичи и камни разнесены на могилы киргизов, коих близ башни очень много» (Броневский, 1830: 246–247).

В труде Г.Ф. Миллера Калбасунская башня названа «каменными мечетями». В 1616 году сын Сибирского хана Кучума Есим, объединившись с калмыками, решил устроить военный поход. Эту информацию донес попавший в плен к людям Есима в каменной мечети недалеко от соленых озер ясачной татарин (Миллер, 1937: 234–235). Из этого сведения можно заметить, что в начале XVII века на южной стороне Ямышевского озера было культовое архитектурное сооружение. Только надо отметить, что в русских источниках тех времен со словом «каменный» связывали и культовые сооружения (Даль, 1019: 191).

Конкретные сведения по расположению сакрального объекта можно найти в хорографической книге С.У. Ремезова. На карте Ремезова Ямышевское соленое озеро расположено на верхнем течении Иртыша, ниже по левобережью – «Мечеть урочища Кабал-Гасун пустой» (Рис. 5).

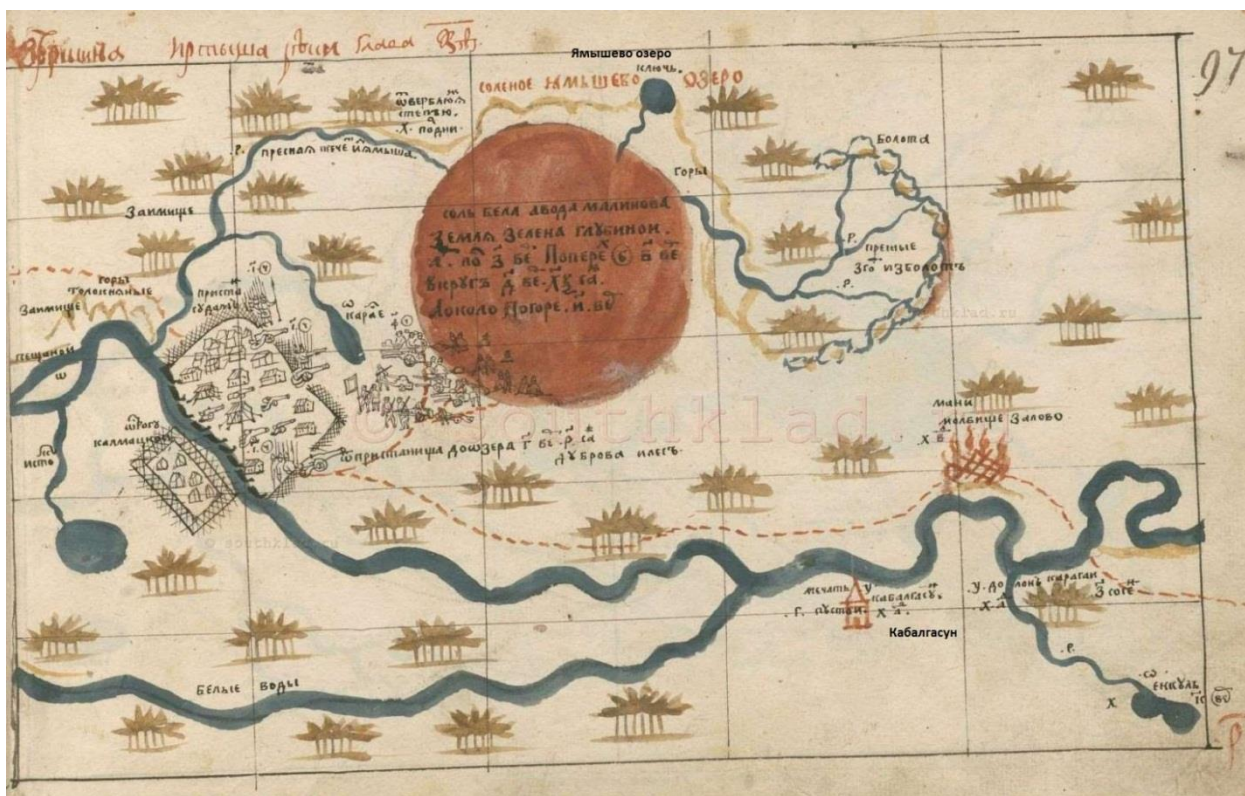

Рис. 2. Кабал-Гасун на карте из «Хорографической книги Сибири (1696–1711)» С.У. Ремезова (Remezov, 1642: 97)

В труде В.В. Радлова «О сибирских древностях» можно найти описание этого объекта: «Эта «башня», так они называют это здание, была цела и снизу имела совершенно четырехугольную форму, что все стены ее были одинакового объема, а покрывавший ее свод снаружи состоял из 20 углов, из которых по счету рисовальщика уцелело 12. Сверху, около свода, видны два окна с 2-х противоположенных сторон. Справа, около подошвы, находится еще одно окно. Дверь была с той стороны, которая обрушалась. Вся постройка состоит из жженного ярко-красночного кирпича» (Радлов, 1894: 135).

В исследовании данного объекта большую работу провели археологический институт имени А.Х. Маргулана, Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, а также Павлодарский государственный педагогический институт. Особенно можно отметить труд Т.Н. Смагулова. В результате многолетних исследований в 2012 году вышла монография «Калбасунская башня» (Смагулов, 2012).

Т.Н. Смагулов рассматривает Калбасунскую башню как памятник мусульманской культуры эпохи Ак Орды. Это можно заметить в похоронных обрядах степной аристократии, чему свидетельствуют захоронения в мавзолеях XIV века. И это служит подтверждением того, что в улусе Джучи степное сообщество приняло мусульманство и что оно обрело статус государственной религии. Наряду с этим через рисунки и описания, напечатанные Г.Ф. Миллером, можно найти сходство Калбасунской башни с мавзолеями Абат-Байтак, Болгасын периода Золотой Орды (Смагулов, 2012: 131).

Таким образом, на основе систематизации ценных сведений в трудах исследователей XVIII–XIX вв. сакральный объект заново восстановился. В последующем стоит проблема его использования как объекта сакрального туризма.

5. Заключение

Регион Прииртышья издревле известен многочисленными местами объектов сакрального поклонения. Поэтому зарубежные путешественники и ученые в своих трудах в том или ином ракурсе освещали данную тему, оставляя потомкам важную информацию и бесценные сведения в отношении сакральной географии Прииртышья. В настоящее время необходимостью стала актуальная проблема систематического изучения данных объектов через научно-исследовательские труды предшествующих ученых.

Основным фактором аккумуляции историко-географических сведений выступило развитие и укрепление казахско-русских отношений. В связи с этим сакральные места и топонимика Прииртышья нашли свое отражение в исследованиях российских научных учреждений, собравших объективные конкретные факты о культурных объектах.

Также нужно особенно отметить тот факт, что российская наука не только на определенном уровне изучила топонимику Прииртышья, этнографию местного населения, собрала сведения о религиозно-культурных объектах, но и вместе с тем выступила вдохновляющим стимулом для изучения истории сакральных мест Прииртышского региона.

Литература

- Андреев, 1998 – Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998. 280 с.
- Бартольд, 1973а – Бартольд В.В. Извлечения из сочинения Гардизи Зайн аль-Ахбар: прил. к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893–1894 гг.». М., 1973. Т. 8. С. 23–63.
- Бартольд, 2002b – Бартольд В.В. Работы по исторической географии. М., 2002. 711 с.
- Бенвенист, 1995 – Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. Москва, 1995. 456 с.
- Броневский, 1830 – Броневский С.Б. Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки. 1830. Часть 43. № 123. С. 70–247.
- Валиханов, 1985 – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. 416 с.
- Даль, 1019 – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 2. Спб., 1905. 1019 с.
- Драверт, 1930 – Драверт П.Л. Грот с писаницей на озере Джасыбаи в окрестностях Баян-Аула // Известия Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1930. Вып. VII. С. 231–234;
- Кашгари, 2006 – Кашгари М. Древнетюркский словарь. Алматы: 2006. 376 с.
- Кемелбаева и др., 2017 – Кемелбаева А. и др. Сакральные объекты Казахстана общенационального значения. Астана: 2017. 496 с.
- Коншин, 2007 – Коншин Н. Труды по казахской этнографии. Т. 7. Астана, 2007. 310 с.
- Копеев, 2010 – Копеев М.Ж. Собрание. Алматы, 2010. Т. 11. 471 с.
- Левшин, 1832 – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Часть 1. 264 с.
- Маргулан, 1994 – Маргулан А.Х. Мавзолей Козы-Корпеш и Баян-Сулу. Алматы, 1994. 32 с.
- Миллер, 1937 – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2: приложения. М.–Л., 1937. 671 с.
- НАА РК – Национальный архив Астаны Республики Казахстан.
- Ожегов, 1986 – Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1986. 900 с.
- Потанин, 1972 – Потанин Г.Н. Казахский фольклор в собрании Г.Н. Потанина (Архивные материалы и публикации). Алма-Ата, 1972. 379 с.
- Радлов, 1894а – Радлов В.В. Сибирские древности: материалы по археологии России. Т. 1, вып. 3, с картами, 22 таблицами рисунков и 109 полнотипажамми. Спб., 1894. 168 с.
- Радлов, 1989b – Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. 750 с.
- Рычков, 1762 – Рычков П.И. Топография Оренбургская. В 2-х частях. СПб., 1762. Ч. 1. 331 с.
- Семенов-Тянь-Шанский, 1903 – Семенов-Тянь-Шанский П.П. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга. Т. XVIII. Киргизский край / Под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского. СПб., 1903. 479 с.
- Смагулов, 2012 – Смагулов Т.Н. Калбасунская башня. Алматы, 2012. 160 с.
- Степин, 2010 – Степин В.С. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. Обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. 2-е изд., испр. и допол. М., 2010. 480 с.
- Тихвинский, 1969 – Тихвинский С.Л. Русско-китайские отношения в XVII веке: Сб. документов: материалы и документы: Т. 1. 1608–1683. М., 1969. 614 с.
- Remezov, 1642 – Remezov S.U. 1642 – ca. 1720. Khorograficheskayakniga [cartographical sketch-book of Siberia]. MS Russ 72 (6). Houghton Library, Cambridge, Mass.
- Atkinson, 1858 – Thomas W. Atkinson Oriental and Western Siberia: A Narrative of Seven Years' Explorations and Adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghis Steppes, Chinese Tartary, and Part of Central Asia. London, 1858. 671 p.
- Witsen, 1705 – Witsen N. Noorden Oost Tartarye. Amsterdam, 1705. 9 64 p.

References

- Andreev, 1998 – Andreev I.G. (1998). Opisaniye Srednei ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Middle horde of Kirghiz-Kaisaks]. Almaty, 280 p. [in Russian]
- Bartold, 1973 – Bartold V.V. (1973). Izvlechennia iz sochinenna Gardizi Zain al-Ahbar: pril. k «Otchetý o poezdke v Sredniýú Aziýú s naýchnoi tselýú, 1893-1894 gg.» [Extracts from the work of Gardisi Zain al-Akhbar: app. to the "Report on a trip to Central Asia for a scientific purpose, 1893-1894-th"]. Moskva, v.8., pp. 23-63. [in Russian]

- Bartold, 2002** – *Bartold V.V.* (2002). Raboty po istoricheskoi geografii [Works on historical geography]. Moskva, 711 p. [in Russian]
- Benvenist, 1995** – *Benvenist E.* (1995). Slovar indoevropskikh sotsialnykh terminov [Dictionary of Indo-European social terms: translation from French]: per. s. fr. Ob. red. i vstyp. st. Iy.S. Stepanova. Moskva, 456 p. [in Russian]
- Bronevskii, 1830** – *Bronevskii S.B.* (1830). Zapiski general-maiora Bronevskogo o kirgiz-kaisakah srednei ordy [Notes of Major-General Bronevsky on Kirghiz-Kaisaks of the Middle Horde]. *Otchestvennye zapiski*. Part 43. №123. pp. 70-247. [in Russian]
- Valihanov, 1985** – *Valihanov Ch.Ch.* (1985). Sobranie sochinenii v pyati tomah. [Collection of works in five volumes]. Alma-Ata, 416 p. [in Russian]
- Dal, 1019** – *Dal V.* (1905). Tolkovyi slovar jivogo veliko – rýsskogo iazyka: T.2. [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language: v.2.]. St. Petersburg, 1019 p. [in Russian]
- Dravert, 1930** – *Dravert P. L.* (1930). Grot s pisanitsei na ozere Djasybai v okrestnostiah Baian-Aýla [Grot with writing on Lake Jasibai in the vicinity of Bayan-Aul]. *Izvestia Zapadno-Sibirskogo otdela Rýsskogo geograficheskogo obestva. Izvestiya. West-Siberia Department of the Russian Geographical Society*. Issue VII, pp. 231-234. [in Russian]
- Kashgari, 2006** – *Kashgari M.* (2006). Drevnetýrkskii slovar [Ancient Turkic dictionary]. Almaty, 376 p. [in Russian]
- Kemelbaeva i dr, 2017** – *Kemelbaeva A. i dr.* (2017). Sakralnye obekty Kazahstana obenatsionalnogo znacheniia [Sacred objects of Kazakhstan of national importance]. Astana, 496 p. [in Russian]
- Konshin, 2007** – *Konshin N.* (2007). Trýdy po kazahskoi etnografii. T. 7. [Works on Kazakh ethnography. v. 7.]. Astana, 310 p. [in Russian]
- Kopeev, 2010** – *Kopeev M.J.* (2010). Sobranie [Collection]. Almaty, v.11. 471 p.
- Levshin, 1832** – *Levshin A.I.* (1832). Opisanie kirgiz-kazachih ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei [Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. St. Petersburg, Part 1. 264 p. [in Russian]
- Margýlan, 1994** – *Magýlan A.H.* (1994). Mavzolei Kozy Korpesh i Baian Sýlý [Mausoleum of Kozy Korpesh and Bayan Sulu]. Almaty, 32 p. [in Russian]
- Miller, 1937** – *Miller G.F.* (1937). Istoriia Sibiri: t.2: prilozeniia [History of Siberia: Volume 2: Applications]. M.-L., 671 p. [in Russian]
- NAA RK** – Natsionalnyi arhiv Astany Respýblikí Kazahstan [National Archive of Astana of the Republic of Kazakhstan].
- Ojegov, 1986** – *Ojegov S.I.* (1986). Tolkovyi slovar rýsskogo iazyka. [Explanatory dictionary of the Russian language]. M., 900 p. [in Russian]
- Potanin, 1972** – *Potanin G.N.* (1972). Kazahskii folklor v sobranii G.N. Potanina (Arhivnye materialy i pýblikatsii) [Kazakh folklore in the collection of G.N. Potanin (Archival materials and publications)]. Alma-Ata, 379 p. [in Russian]
- Radlov, 1894a**– *Radlov V.V.* (1894). Sibirskie drevnosti [Siberian Antiquities]: materialy po arheologii Rossii: t. 1, vyp. 3, s kartami, 22 tablitsami risýnkov i 109 politpajami. St. Petersburg, 168 p. [in Russian]
- Radlov, 1894b**– *Radlov V.V.* (1894). Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika [From Siberia. Diary pages]. M., 750 p. [in Russian]
- Rychkov, 1762** – *Rychkov P.I.* (1762). Topografua Orenbýrgskaia. V 2-h chastiah. [Topography of Orenburg. In 2 parts]. SPb., P. 1. 331 p. [in Russian]
- Semenov-Tien-Shansky, 1903** – *Semenov-Tyan'-Shanskii P.P.* (1903). Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Kirgizskii kray. [Russia. Full geographical description of our Native Land. Kirgizskii kray.]. [in Russian]
- Smagýlov, 2012** – *Smagýlov T.N.* (2012). Kalbasýnskaia bashnia [The Kalbasun Tower]. Almaty, 160 p. [in Russian]
- Stepin, 2010** – *Stepin V.S.* (2010). Novaia filosofskaia entsiklopedua [. [New philosophical encyclopedia]: v 4 t. In-t filosofii RAN; Nats. Obestv.-naých. fond; Preds. naýchno-red. soveta V.S. Stepin. 2-nd ed., Rev. and add. M., 480 p. [in Russian]
- Tihvinskii, 1969** – *Tihvinskii S.L.* (1969). Rýssko-kitaiskie otnosheniia v XVII veke: sb. dokýmentov [Russian-chinese relations in the XVII century]: materialy i dokýmenty: T.1. 1608-1683. M., 614 p. [in Russian]
- Remezov, 1642** – *Remezov S.U.* (1642 –ca. 1720). Khorograficheskayakniga [Cartographical sketch-book of Siberia]. MS Russ 72 (6). Houghton Library, Cambridge, Mass. [in Russian]

Сакральная география Прииртышья в трудах российских исследователей

Мади И. Рахимов ^{a, *}, Нурбек У. Шаяхметов ^a, Кайрат К. Батталов ^b

^a Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

^b Павлодарский государственный университет им. С.Т. Торайгырова, Павлодар, Казахстан

Аннотация. Данная статья посвящена изучению трудов исследователей и путешественников, оставивших ценные сведения о сакральных местах Прииртышского региона Казахстана в XVII–XIX вв.

Основная задача статьи – проанализировать комплексные исследования ученых, посвященных сакральным местам Прииртышья, определить их значимость и актуальность в современной духовной жизни Казахстана.

Авторы статьи, опираясь на мировоззренческие, этнографические, топонимические, картографические сведения в воспоминаниях и трудах исследователей и путешественников, определяют расположение сакральных мест Прииртышья и выявляют их историко-культурное значение.

Ключевые слова: сакральная география, Великая степь, Казахстан, Прииртышье, источники, карты.

* Корреспондирующий автор

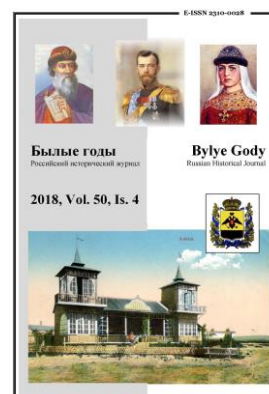
Адреса электронной почты: madi_025@mail.ru (М.И. Рахимов)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1417-1426. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1417
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

From the History of the Study of Ancient and Medieval History of the Lower Volga Region in the XVIII – XIX centuries

Anatoly S. Skripkin ^{a, *}

^a Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article is a systematic historiographical review of the authors' works engaged in the study of historical and archaeological sites of the Lower Volga Region. The article consists of the references to the documents, reports and materials of the domestic archaeological organizations. It also includes the archaeological expeditions and the archaeological collections obtained during the excavations of burial mounds and settlements on the territory of the Lower Volga Region.

The brief conclusions of the archaeological and analytical works' later researchers for two centuries of the study of this region have been made in this article.

The article shows the genesis, evolution and formation of the archaeological researches with the creation of all the necessary elements of the scientific approach in the study of the past in the Low Volga Region.

The author of the article considers that the first prepositions for the excavations with the cognitive purposes include the study of A.V. Tereshenko according to the Tsarevsky settlement in 1843-1851. This researcher kept the diary records of the excavation process and made the drawings of the open objects. There were began the works on the mapping of the archaeological sites and developed the basic requirements to the process of the archaeological excavation by the end of the XIX century. The archaeologists began to keep the diary notes, made the situational plans and the drawings of excavated objects. The archaeological researches of the Lower Volga Region to be carried out systematically and scientifically in the XX century.

The author of the article also points to the fact that the Lower Volga Region presents the unlimited opportunities for archaeologists to study the ancient and medieval history of the South of Russia. These places consist of the archaeological monuments of all ages since the Stone Age to the Middle Ages, and many of them are waiting for their researchers.

Keywords: the Low Volga Region, expeditions, archeological excavations, German colonists, Sarepta, archeological collections, burial mounds, settlements, scientific excavations.

1. Введение

Нижеволжский край представляет неограниченные возможности в изучении древней и средневековой истории юга России. Здесь сосредоточены археологические памятники практически всех эпох от каменного века до средневековья. Изучение истории края тесно связано с развитием исторической науки в России, его начало относится к XVIII в., когда государством начинает проявляться интерес к периферийным районам и народам, их населяющим. К концу XIX в. исследование памятников прошлого в крае приобретает вполне завершенные научные формы. Ранее данная тема не исследовалась в полном ее объеме и носила фрагментарный характер, касающийся изучения отдельных эпох или периодов.

* Corresponding author

E-mail addresses: anatoly.skripkin@volsu.ru (A.S. Skripkin)

2. Материалы и методы

Статья представляет собой историографический обзор как работ авторов, занимавшихся непосредственно изучением исторических и археологических объектов Нижневолжского региона, так и последующих аналитических работ исследователей.

3. Обсуждение

Труды участников экспедиций XVIII в., касающиеся специально вопросов истории Нижнего Поволжья, не рассматривались. Все упоминания практически ограничивались ссылками на отдельные сюжеты. Археологические работы, начавшие производиться в Нижнем Поволжье со второй половины XIX, посвященные раннему железному веку, анализировались в ряде работ (Смирнов, 1964: 5–23; Скрипкин, 1984: 3–7), некоторые вопросы, имеющие отношение к изучению средневековых памятников, также нашли отражение в работах отдельных исследователей (Жеромский, 1959: 114–134; Федоров-Давыдов: 1968), деятельность Саратовской ученой архивной комиссии находила освещение в ряде статей (Первушин, 2012: 192–200; Миронов, 1994: 180–190; 1995: 103–106; 1998: 103–106).

4. Результаты

XVIII в. занимает особое место в развитии научной жизни России. В Петербурге в 1725 г. по инициативе Петра I была открыта академия наук. В Россию для организации научной работы были приглашены зарубежные ученые.

Россия занимала огромную территорию, в XVIII веке ее восточные рубежи достигали морей Тихого океана. Государству была необходима разнообразная информация о вновь приобретенных и слабо освоенных территориях. Нужно было иметь более полные представления о наличии разнообразных природных ресурсов: полезных ископаемых, растительном и животном мире; по этнографии – особенностям быта и культуры, хозяйства, другим занятиям местного населения и его истории. Эта информация была необходима для развития экономики государства, для организации эффективного управления, налаживания постоянно действующих коммуникаций. Для решения этих задач была предложена наиболее эффективная форма получения необходимой информации – организация комплексных научных экспедиций. Организатором таких экспедиций как раз и стала Петербургская академия наук. Экспедиции направлялись в различные районы России, зачастую на достаточно длительное время. Ими собирались сведения по природным ресурсам: геологии, зоологии, ботанике, а также по истории и этнографии. Особенно активно экспедиционные исследования проводились во время правления Екатерины II. Государству была необходима информация не только о природных богатствах, но и народах, населявших огромные его пространства.

К изучению российской истории и археологии были привлечены немецкие ученые. В некоторой степени это объяснялось родственными связями российской царской фамилии. Иностранцы, обладая знаниями по античной и европейской древней и средневековой истории, могли проводить сравнительное изучение российских древностей.

Организуемыми экспедициями обследовались обширные территории Сибири, вплоть до Забайкалья и пограничных районов с Китаем, а также Поволжья и Урала. Исторические и археологические исследования того времени не следует рассматривать как составную часть самостоятельных наук. «Они входили в состав более сложного, энциклопедического по характеру комплекса задач, и географические «путешествия» были лишь формой осуществления, а отнюдь не исчерпывали содержание этого комплекса» (Лебедев, 1992: 59).

Одними из первых исследователей Нижнего Поволжья были члены Петербургской академии наук Лепехин Иван Иванович (1740–1802), Гмелин Самуэль Готлиб (1745–1774), Паллас Петр Симон (1741–1811). В Нижнем Поволжье особый интерес представляли еще сохранившиеся развалины городов времени Золотой Орды, которые в первую очередь привлекали внимание участников экспедиций. В отчетах и изданных впоследствии трудах ими описано большое количество остатков старых поселений и городищ, курганов, каменных изваяний, обычно с привязкой к какому-либо населенному пункту или географическому объекту.

Особо следует отметить деятельность П.С. Палласа. Он посетил развалины золотоордынских городов на Ахтубе и описал их, оставил заметки о находках древних вещей в окрестностях Царицына и Сарепты. В оставшихся дневниковых записях сохранились сведения о курганах и о каменных бабах, часто встречаемых экспедицией в волжской степи. В районе Сарепты П.С. Паллас произвел раскопки кургана, видимо, относящегося к средневековой эпохе, в котором было обнаружено погребение человека и детали конской узды. П.С. Паллас сохранил сведения о раскопках крестьянами около Сарепты «кургана с кирпичным сводом». Кирпич из этого кургана был использован ими для сооружения своих печей.

Представляет особую ценность описание П.С. Палласом Мечетного городища, располагавшегося на правом берегу Волги, северней Царицына, которое посетил в 1772 г. Он сохранил интересные наблюдения, полагая, что под бессистемными буграми здесь скрываются развалины зданий большого средневекового города. Он еще видел и описал здесь остатки четырехугольной

крепостной стены с воротами, большого каменного строения, являвшегося караван-сараем. П.С. Паллас сохранил сведения о находках на этом городище драгоценных вещей, среди которых находились две золотые «седельные бляхи» изящной работы. П.С. Паллас посетил и Царевское городище, на котором сохранились остатки великолепнейших городских построек: замка, окруженного стеною; остатки жилого дома с несколькими комнатами (Паллас, 1788: 340–343; Гусева, 1975: 74–76).

В 1762 г. Екатериной II был подписан манифест «О позволении иностранцам селиться в России и свободном возвращении русских людей, бежавших за границу», после чего немецкие переселенцы стали заселять отдельные районы России, особенно активно ими стало осваиваться Нижнее Поволжье. Переселенцы, осваиваясь на новых местах, во время разного рода работ – строительства домов, подсобных помещений, кирх – находили различные старые или даже древние вещи, кости людей и животных. Это являлось свидетельством того, что на этих пустующих землях ранее обитали люди. Колонисты сберегали свои находки, так у отдельных представителей из среды немецких колонистов стали собираться зачастую уникальные коллекции древностей, включающие, кроме монет, фрагменты древней керамики, наконечники стрел, изготовленные из кремня, бронзы и железа.

Особый интерес к сбору археологических и этнографических коллекций проявляли представители местной интеллигенции, среди которой был Генрих Август Цвик – лютеранский пастор немецкой общины гернгутеров. С 1824 по 1836 гг. он являлся председателем братской общины немецкой колонии Сарепта. Он поддерживал связь с научными и религиозными кругами г. Иены в Германии. Г.А. Цвик часто передавал в мюнхкабинет Иены купленные у царицынских крестьян или у калмыков различные древние или старые вещи, монеты. Туда же им было передано и золотое украшение, условно названное «корона Джанибека», по имени известного золотоордынского хана (Жиромский, 1956: 115).

В 1834 г. Г.А. Цвиком были раскопаны два кургана в 20 верстах от Сарепты, Результаты раскопок были опубликованы им в «Дерптском ежегоднике литературы, статистики и искусства, в особенности в России» за 1836 г. В курганах было обнаружено несколько погребений. В одном погребении были найдены бронзовые наконечники стрел с «шипами». В другом – около скелета человека обнаружены железные наконечники стрел и сабля. В другом погребении находился скелет человека в скорченном положении, посыпанный охрой, с которым обнаружены орнаментированный сосуд и бронзовые бляшки. Таким образом, судя по современным представлениям, Г.А. Цвику удалось открыть в раскопанных им курганах погребения всех основных эпох, которые этот тип археологических памятников включает: бронзового и раннего железного веков, а также эпохи средневековья. Вышеупомянутая статья Г.А. Цвика интересна тем, что он впервые попытался сопоставить погребальные обычаи и сооружения, известные по письменным источникам с различными археологическими памятниками Нижнего Поволжья (Формозов, 1971: 191–193).

Большой интерес к истории Нижневолжского края проявляло семейство Глич, являющееся основателем горчичного производства в Сарепте. Братья Константин и Александр скупали у местного населения находки, обнаруженные в курганах, а также на территории золотоордынских поселений. В 1853 г. ими были организованы раскопки кургана на притоке Дона Донской Царице, в котором были обнаружены погребения раннего железного века и позднекочевнического времени. Описание раскопок и находки из них были переданы в Санкт-Петербург академику Карлу Бэру (Хрипунов, 1994: 190–194).

Часть археологической и этнографической коллекций (более 90 предметов) в 1884 г. после смерти Константина Глича была передана его братом Александром в историко-этнографический музей г. Гернгута в Германии. Переданные предметы были подробно описаны А. Гличем в докладе на заседании Берлинского общества антропологии, этнологии и древней истории (Glitsch, 1884: 482–492; Хрипунов, 1994: 190–194).

Первые официальные научные раскопки в Нижнем Поволжье, предпринятые по решению правительственных органов России, были организованы в середине XIX в. Объектом исследования было выбрано Царевское городище, скрывающее остатки большого города Золотой Орды. Это одно из выдающихся событий в истории русской археологии. Опыта крупномасштабных раскопок средневекового города в то время еще не было.

Причины, побудившие начать раскопки, связаны с рядом находок здесь ценных вещей. Крестьянами была найдена золотая корона весом в полфунта, якобы принадлежавшая хану Джанибеку. Как уже сообщалось выше, она была приобретена пастором Цвиком 1840 г. за 25 рублей и переправлена в Германию, где хранилась в музее г. Иены. Судьба этой находки до сих пор неизвестна (Федоров-Давыдов, 1968: 119, 120).

В 1841 г. крестьяне с. Верхнеахтубинского, занимаясь поисками кладов, недалеко от своего села нашли золотую оправу седла, два золотых браслета, золотую чашечку, 4 серебряных колечка. Все эти вещи были проданы дубовскому купцу И. Макарову. Судьба их неизвестна.

Эти находки привлекли внимание саратовского губернатора А.М. Фадеева, он решил организовать раскопки на местах, где раньше располагались города Золотой Орды, с целью поиска

ценных вещей. С этим предложением он обратился к Министру внутренних дел Л.А. Перовскому. Министерство поддержало инициативу губернатора.

Во время подготовительных работ подполковником Тетеревятниковым с группой военных топографов был составлен план Царевского городища с его описанием. На план были нанесены плотины, каналы, 75 кварталов с общим числом зданий 1550, из которых 50 отличались своими большими размерами. План Тетеревятникова включал элементы реконструкции, что отвечало целям А.М. Фадеева. План был отослан царю. Губернатор предлагал Министерству внутренних дел привлечь к раскопкам заключенных, а кирпич использовать для постройки в Цареве тюрьмы. Это предложение не было принято министерством.

Царское правительство не ставило задачи научного исследования городища. Министр Л.А. Перовский в одном из своих циркуляров писал: «...От чиновника, коему поручено будет наблюдение за разрытием означенных курганов и валов, не потребуются никаких особых познаний, а только верное собиранье и доставление всех необходимых вещей, о исследовании же оных в ученом отношении сделано будет особое распоряжение впоследствии» (Жиромский, 1959: 117). То есть сам процесс раскопок, по мнению министра, не должен быть объектом научного исследования. Такое суждение отражало уровень археологической науки того времени, недалеко ушедшего от грабительских раскопок.

Руководство раскопками на Царевском городище было поручено Александру Власевичу Терещенко (1806–1865 гг.), чиновнику Министерства внутренних дел, титулярному советнику. Он окончил Харьковский университет и имел солидную подготовку в области исторических исследований, работал в Румянцевском музее, где занимался описанием древних рукописей, монет и других предметов. А.В. Терещенко получал академические премии за научные работы, с научными целями посещал Германию, Францию, Италию, написал большой научный труд «Быт русского народа» (СПб., 1848).

Таким образом, по своей подготовке для раскопок А.В. Терещенко стоял значительно выше обычного чиновника. Перед началом раскопок он ознакомился в Саратове с находками, происходящими из Царевского городища. На месте сравнил план городища, составленного Тетеревятниковым, и признал его не соответствующим действительности: «Господин Тетеревятников представил курганы, насыпи и каналы в таком виде, как будто бы донныне существует Золотая Орда» (Жиромский, 1959: 118; Максимов, Демченко, 1994: 150–153).

В 1843 г. А.В. Терещенко поручает местному землемеру Васильеву сделать новый план городища без всяких предположений. Новый план был опубликован в журнале Министерства внутренних дел в 1847 г. По тщательности исполнения он сохраняет научную ценность вплоть до наших дней.

Учитывая поставленные перед ним задачи, А.В. Терещенко пытался раскапывать те места, которые должны были дать наиболее ценные находки. Раскопки проводились в разных местах городища. Он вел дневник, в котором описывал обнаруженные при раскопках остатки кирпичных построек, склепов, колодцев, горнов. В отдельных случаях там, где наиболее сохранились остатки строений, составлялись планы раскопанных построек. С особенной тщательностью описывались монеты. Первоначально монеты отправлялись в Саратов для определения известному специалисту Г.С. Саблукову.

Часто при отсутствии интересных находок начатые раскопки в каком-то месте прекращались. Тем не менее первые годы раскопок показали, что, несмотря на отсутствие специальной археологической подготовки и наставления начальства, А.В. Терещенко сумел для того времени грамотно вести раскопки средневекового города. Им был составлен план городища, даны описания основных раскопанных объектов, организовано изучение монет, в ряде случаев производилась фиксация объектов и находок.

Однако вышестоящие чиновники оценивали работу А.В. Терещенко не по уровню методики раскопок, а по ценности и количеству находок, а также количеству добытого кирпича. Хотя сам Терещенко не проявлял особого интереса к добыче кирпича, тем не менее он использовался для постройки тюремных построек в Царицыне.

Первоначально у Терещенко работало 20 нанятых землекопов, в 1844 ему пришлось увеличить число раскопщиков до 40, что начало сказываться на качестве раскопок. Начатые раскопки так называемого «Монетного двора» велись поверхностно, трудно определить даже само нахождение этого «двора». Здесь было найдено большое количество монет. Они стали переправляться в Петербург академику Х.Д. Френу и определены им в диапазоне с 1310 по 1394 гг. После изучения оставались только новые экземпляры монет, дублирующие шли на переплавку. Сведения о первоначальных находках монет сохранились благодаря описям А.В. Терещенко и Г.С. Саблукова.

А.В. Терещенко разбил свои раскопки на два периода: разведочный (1843–1845 гг.) и раскопачный (1846–1851 гг.). Первый период – поиск наиболее перспективных мест для раскопок. Когда раскопанные памятники описывались, их местонахождение наносилось на составленный план. Раскопки второго периода, носившие массовый характер, невозможно привязать к плану. Преимущественно перечислялись только находки в отчетах, среди которых были уникальные вещи: золотая чаша, украшенная дельфинами; 12 серебряных слитков. Рабочий, нашедший их, был

награжден медалью. Раскопки второго периода носили в большей мере кладоискательский характер. В немалой степени это определялось позицией руководства – больше ценных находок, что заставляло А.В. Терещенко увеличивать объем раскопок в ущерб их качеству.

В процессе раскопок А.В. Терещенко обнаружил уникальные находки, весьма редко встречающиеся археологам. Вот перечень тех находок, которые удалось обнаружить при раскопках городского базара: чаши, медные кубки, тазы, чугунные котлы, чернильницы, кожа, скроенная для сапог, железные подковы, топоры, удила, цепи, чугунные котлы, сковороды, ятаганы, медные подсвечники, пшеница, рожь, куски печеного хлеба, грецкие орехи, краска (синяя, желтая, голубая, зеленая, красная и белая), медная проволока, мотыги, сера, квасцы, селитра, просо и многое другое (Федоров-Давыдов, 1968: 123, 124).

Особую ценность представляли находки монет. А.В. Терещенко на Царевском городище была собрана одна из богатейших коллекций золотоордынских монет. В некоторые годы раскопок на городище находили по несколько тысяч монет. В результате раскопок А.В. Терещенко Царевское городище занимает одно из первых мест по находкам нумизматического материала среди других археологических памятников на территории России и бывшего СССР. Большой объем работ с монетами Золотой Орды из раскопок А.В. Терещенко выполнил известный востоковед и нумизмат Х.Д. Френ, приехавший из Германии и оставшийся жить в России. Он установил в хронологическом порядке список золотоордынских ханов, выявил ряд центров, чеканивших монеты (Федоров-Давыдов, 1968: 126; Skripkin, 1997: 323, 324).

А.В. Терещенко пытался организовать хранение найденных материалов. Он не смог найти подходящего помещения ни в Царицыне, ни в Саратове. Большое количество находок, хранящихся на улице, пропало. Уцелевшие вещи были свезены в сарай в с. Цареве, где хранились не должным образом. Впоследствии находки из Царева были перевезены в Саратов и сданы властям. Ценные вещи были переданы в Петербург и распределены между Эрмитажем и Оружейной палатой.

Терещенко провел обследование территории вдоль Ахтубы до с. Селитренного, которое было плотно заселено в золотоордынское время, и наметил места новых раскопок, но правительство решило их не продолжать. Раскопки А.В. Терещенко привлекли внимание к золотоордынским древностям Поволжья. Отчеты о раскопках печатались в журнале Министерства внутренних дел, в газете «Северная пчела», в «Саратовских губернских ведомостях», в журнале «Москвитянин» и др. изданиях (Жиромский, 1959: 130–134).

К сожалению, значительная часть находок в результате небрежного хранения была утрачена. Огромный материал по достоинству не был оценен не только властями, но и официальной археологической наукой. Так, после смерти бывшего министра Министерства внутренних дел Л.А. Покровского в Императорскую археологическую комиссию было передано около 30 ящиков вещей из раскопок Терещенко, в которых были уникальные предметы: кувшины, тазы, чашки, чарки, тарелки, подсвечники, зеркала из меди и многие другие находки. В письме к министру императорского двора по поводу дальнейшей судьбы указанных ящиков председатель Императорской археологической комиссии граф Строганов написал, что хранение их нецелесообразно, поскольку они не являются ценными и только напрасно будут занимать место. Он предложил их уничтожить. Правда незначительная часть вещей была отобрана и передана в Этнографический музей (Федоров-Давыдов, 1968: 124–126).

Несмотря на целый ряд негативных моментов, раскопки А.В. Терещенко имели большое значение для изучения истории нашей страны. Следует отметить, что они производились на заре развития археологии, в это время еще Генрих Шлиман не приступал к раскопкам знаменитой Трои, а Артур Эванс не раскопал Кносский дворец на Крите.

С конца XIX в. в изучение Нижнего Поволжья включаются местные краеведы, отдельные из которых выросли в известных исследователей. Организатором их работ была Саратовская ученая архивная комиссия (СУАК). Губернские ученые архивные комиссии создавались в соответствии с реформированием архивного дела в России. На них возлагались задачи историко-краеведческих исследований на территориях каждой из губерний. По царскому указу комиссии были созданы в 1884 г. В Саратове, который являлся губернским центром, ученая архивная комиссия была основана в 1886 г.

В 1887 г. саратовскими краеведами была проделана большая работа по составлению карты с указанием мест расположения исторических и археологических памятников губернии. По инициативе члена Саратовской ученой архивной комиссии С.А. Щеглова была составлена анкета, представляющая собой опросный лист, в которой излагалась просьба сообщать о случаях находок древних вещей и мест нахождения археологических памятников. На местах назначались ответственные лица, которые после заполнения анкет отправляли их обратно в архивную комиссию. Это позволило оперативно собрать информацию о местонахождении многих археологических памятников на территории Саратовской губернии. Обширный список курганных могильников был прислан Иловлинским волостным правлением с указанием мест их расположения. Была получена информация о находках в курганах у с. Норка при выборе местным населением песка человеческих скелетов с расположенными в головах и ногах горшками, здесь же были найдены бронзовые зеркала и застужка, а также медный котел, впоследствии приобретенный Императорской археологической комиссией. Особо интересное сообщение в архивную комиссию поступило о находках в курганах у с.

Саломатино, в состав которых входили два золотых браслета и золотые бляшки в виде листков. Таких сообщений о находках разнообразных древних вещей было очень много. Члены архивной комиссии не ограничивались поступающей с мест информацией, а часто выезжали и осматривали места, указанные в анкетах. Это позволяло определить, что собой представляли те объекты, откуда происходили указанные находки (Миронов, 1994: 180–190; 1995: 103–106; 1998: 158–161). Так, например, в 1888 г. ряд членной СУАК во главе с вице-губернатором А.А. Тилло, который являлся первым председателем Саратовской ученой архивной комиссии, посетили Водянское городище, где провели раскопки нескольких зданий из красного кирпича, собрали подъемный материал. Кроме того, ими был впервые составлен план этого золотоордынского городища и определена его площадь

Нижеволжские курганные могильники, относящиеся к бронзовому, раннему железному векам и средневековой эпохе, часто подвергались грабительским раскопкам местного населения, которые особенно участились во второй половине XIX в. Находки из этих раскопок попадали в руки крестьян или обывателей, в коллекции состоятельных людей, сведения о них стали часто появляться в разного рода местных изданиях. Так, в историко-литературном журнале «Дон», который издавался в 80-е годы XIX века, была помещена заметка В.В. Часовникова, научного сотрудника Донского музея в г. Новочеркасске, в которой сообщалось, что в 1885 г. у станицы Кумылженской во время раскопок кургана местным населением на Потаповой горе, в яме, перекрытой деревянными плахами, был обнаружен скелет человека, с которым находился хорошо сохранившийся деревянный колчан с железными и бронзовыми наконечниками стрел, а также железный наконечник копья. В заметке сообщалось о раскопках курганов у хут. Крутлякова, в которых вместе со скелетами людей были обнаружены различные украшения: металлические серьги, спиральные кольца, бусы (Скворцов, 1998: 161–165; Археологическая энциклопедия..., 2009: 287).

Слухи о находках дорогих вещей из золота побуждали местных крестьян и казаков активизировать несанкционированные раскопки курганов. Зачастую этим промыслом занимались известные и состоятельные люди. Так, А.Н. Минх, известный российский историк и краевед, сообщал о раскопках курганов состоятельным семейством Персидских из Дубовки, в которых были найдены серебряные и золотые монеты, короны, военные доспехи, серебряная и медная посуда, украшения седел, статуэтки разных животных (Ильина, Шишкин, 1929: 19).

Особенно часто сведения о раскопках курганов относились к Камышинскому уезду. Большой резонанс вызвали раскопки крестьян у с. Новая Норка в 1887 г., где в кургане были обнаружены золотая гривна, пряжка, серебряная фибула, подвеска со вставками из граната и красного стекла, зеркало из белого металла и бусы. У слободы Котовой в 1898 г. крестьяне произвели раскопки кургана, где нашли 65 золотых нашивных штампованных бляшек, золотые медальоны с вставками из сердолика, серьги, два цилиндрических амулета, серебряные флаконы, две фибулы, пронизки из египетской пасты, зеркало из белого металла, два ожерелья из бус и другие предметы. У деревни Шербаковка в разрушенном кургане в 1899 г. были найдены котел из листовой бронзы, золотая гривна, сероглиняный кувшин с двумя ручками, железные кинжал и меч с серебряной накладкой на ножнах, глиняная курильница и другие вещи. Большая часть этих находок поступила в Эрмитаж. Впоследствии было установлено, что все эти вещи из курганов Камышинского уезда относились к позднесарматской культуре (Берхин, 1961: 141–153). В том же уезде у с. Саломатина в 1902 г. одним из местных жителей были найдены уникальные древние предметы, которые также были переданы в Эрмитаж. Особый интерес представляют два золотых многовитковых браслета с изображением стилизованных головок баранов и козлов с обоих концов. Полагают, что они были изготовлены в одном из античных городов Северного Причерноморья. Эти находки датируются, по всей вероятности, рубежом эр и связаны с обитавшими здесь сарматскими племенами (Берхин, 1959: 37–41).

В 1887 г. жители хут. Обрывского, располагавшегося на реке Чир, притоке Дона, обнаружили в кургане редкий для этих мест набор вещей: 64 бронзовых двухлопастных наконечников стрел; бронзовые двукольчатые удила с концами, оформленными в виде лопастей. Судя по описанию вещей, в этом кургане находилось погребение воина раннескифского времени. Находки участниками раскопок были переданы в Музей донского казачества.

Постоянно поступающая информация о находках, зачастую уникальных древних вещей, способствовала началу исследования Нижеволжского края профессиональными археологами. В районе станицы Голубинской 2-го Донского округа в 1890 г. археологические раскопки проводит экспедиция под руководством В.Г. Тизенгаузена, известного востоковеда-тюрколога, нумизмата, член-корреспондента Петербургской АН. Организации раскопок В.Г. Тизенгаузеном, видимо, послужило сообщение о находках казаков около ст. Голубинской в кургане, представляющих важную историческую ценность, среди которых были два золотых браслета, медный сосуд, бронзовое зеркало. В.Г. Тизенгаузеном было раскопано 10 курганов, большая часть которых оказалась ограбленной ранее, по фрагментам вещей, деталям обряда было установлено, что погребения в этих курганах были сооружены в эпоху бронзы и раннего железного века (Раскопки в области..., 1893: 40–46).

Информация о большинстве находок, обнаруженных случайно или в результате самостоятельных раскопок местного населения, сохранилась до наших дней, благодаря активной деятельности сотрудников СУАК. Особенно следует отметить Б.В. Зайковского, члена Саратовской

ученой архивной комиссии, который в течение многих лет проводил работу по поиску и учету археологических памятников в Нижневолжском крае. Он организовывал и проводил разведки в разных местах края, занимался раскопками в Царицынском и Камышинском уездах Саратовской губернии. Следует отметить, что Б.В. Зайковский был одним из первых местных краеведов, получивших открытый лист на право производства археологических исследований. Особое внимание он обращал на изучение материалов, происходящих из золотоордынских городищ, таких, как Мечетное, Водянское, Терновское, которые неоднократно посещал, занимаясь сбором материалов в них. Б.В. Зайковский активно публиковал в «Трудах» архивной комиссии результаты своих поисков и открытий. Он по праву считается одним из основателей краеведческого музея в Царицыне (в настоящее время Областной краеведческий музей в Волгограде). Б.В. Зайковский способствовал пополнению его коллекций, передавая на постоянное хранение музею большое количество археологических находок из своего собрания. В 2014 г. этот музей отметил 100-летие со дня своего основания (Зайковский, 1925: 41–50; Материкин, Комиссарова, 2005: 8, 9)

В изучении истории археологии Нижнего Поволжья особого внимания заслуживает деятельность саратовского губернатора, князя А.А. Ширинского-Шихматова. Он организовывал и лично руководил археологическими исследованиями. В первую очередь им обследовались и проводились раскопки на памятниках золотоордынского времени. Так, в 1914–1915 гг. им были организованы исследования с частичными раскопками на Мечетном и Водянском городищах. На Водянском городище была открыта баня из кирпича с мозаичным покрытием. В процессе раскопок на Мечетном городище было исследовано здание с рядом интересных архитектурных деталей. Удалось установить, что оно отличалось богатой отделкой и имело башню. Кроме того, А.А. Ширинским-Шихматовым проводились раскопки курганов в районе с. Верхняя Добринка и Нижняя Добринка на территории Камышинского уезда (Отчет об археологических раскопках, 1915: 5–46).

Частые сообщения о находках достаточно древних вещей с Нижнего Поволжья, явно не имеющих отношения к золотоордынскому времени и обнаруженных преимущественно в курганах, привлекло внимание членов Императорской археологической комиссии. Обследование районов Нижнего Поволжья с целью выяснения реальной картины в отношении наличия и сохранности археологических объектов в этом регионе было поручено А.А. Спицыну, члену Императорской археологической комиссии, профессору Санкт-Петербургского университета, известному российскому археологу. Предварительный осмотр, проведенный им, выявил большое число курганов в Камышинском уезде и некоторых других местах с явными признаками предшествующих грабительских раскопок. Следы старых грабительских раскопок в Камышинском районе Волгоградской области можно видеть и в наше время. В 1895 г. А.А. Спицын раскопал 18 курганов в Камышинском уезде, вдоль реки Иловли, левого притока Дона, у станции Лебяжьей, сс. Новая Норка и Гуселки и несколько курганов у с. Машевки на территории теперешней Саратовской области. В раскопанных курганах находились погребения разных эпох. Наиболее ранние из них относились к бронзовому веку, большая их часть к раннему железному веку. А.А. Спицын впервые для Нижнего Поволжья выделил сарматские погребения, в основном правильно датировав их. Надо отметить, что в то время практически отсутствовали какие-либо аналогии, опираясь на которые можно было интерпретировать полученные в результате раскопок материалы. В результате раскопок были найдены разнообразные глиняные сосуды, бронзовые зеркала и фибулы (Спицын, 1896: 141–154; 1907: 226–231).

Все эти находки были переданы в 1897 г. в дар Российскому Императорскому историческому музею им. Александра III (сейчас Государственный исторический музей).

В 1899–1900 и в 1903 гг. раскопки курганов на Иловле были продолжены неким П.П. Грековым совместно с известным археологом Н.Е. Макаренко, принимавшим участие в археологических раскопках в ряде губерний России. Раскопки проводились в местечке Мишкина пристань на территории родового имения Грековых, а позднее и у с. Гусевки Царицынского уезда (ныне Ольховский район Волгоградской области). По опубликованным кратким сведениями о результатах раскопок можно судить, что обнаруженные в курганах погребения относились к позднесарматской культуре и времени поздних кочевников (Спицын, 1907: 226–231).

5. Заключение

За почти 200-летний период изучения археологических памятников Нижнего Поволжья был накоплен огромный материал по древней и средневековой истории не только этого края, он имел прямое отношение к истории более обширного региона, которым является юг России.

На протяжении значительной части этого периода происходило постепенное понимание ценности памятников археологии в изучении прошлого нашей Родины. Грабительские раскопки постепенно замещаются раскопками с познавательными целями. Причем эта тенденция была характерной не только для России, но и для многих стран Запада. О зарождении и развитии в России, в том числе и у населения Нижнего Поволжья, интереса к прошлому свидетельствует собирание отдельными людьми коллекций древних вещей.

К первым предпосылкам раскопок с познавательными целями можно отнести исследование А.В. Терещенко Царевского городища. Несмотря на поставленную чиновниками перед ним задачу

как можно больше добыть ценных вещей, он вел дневниковые записи процесса раскопок и составлял чертежи открытых объектов.

К концу XIX в. стали проводиться работы по составлению карт археологических объектов, эта работа выполнялась, например, сотрудниками СУАК. Учет и картографирование археологических объектов – это необходимый элемент научного подхода к изучению прошлого.

К концу XIX в. были выработаны основные требования к процессу археологических раскопок, по которым необходимо было вести дневниковые записи, отражающие все этапы раскопок, составление ситуационных планов и чертежей раскопанных объектов. Все это успешно применялось А.А. Спицыным во время раскопок курганов в районе Камышина.

В целом материалы, собранные экспедициями Петербургской академии, отдельными частными лицами, сотрудниками Саратовской ученой архивной комиссии, первые научные раскопки сыграли неоценимую роль в деле последующего изучения древней и средневековой истории юга России.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках Госзадания Министерства образования и науки РФ, проект № 33.2830.2017/ 4.6.

Литература

Археологическая энциклопедия..., 2009 – Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 336 с.

Берхин, 1959 – *Берхин И.П.* Сарматское погребение у с. Саломатина // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1959. Вып. XV. С. 37–41.

Берхин, 1961 – *Берхин И.П.* О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье // Археологический сборник. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. Вып. 2. С. 141–153.

Гусева, 1975 – *Гусева Т.В.* История изучения Нового Сарая // *Вестник МГУ. История.* 1975. № 6. С. 73–88.

Жиромский, 1959 – *Жиромский Б.Б.* Забытая страница истории русской археологии // Труды Саратовского музея краеведения. Саратов, 1959. Вып. 2. С. 114–134.

Зайковский, 1926 – *Зайковский Б.В.* Из монетной летописи Нижне-Волжской области // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Саратов, 1926. Вып. 35. Ч. 1. С. 41–50.

Ильина, Шишкин, 1929 – *Ильина А.И., Шишкин П.Н.* Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижне-Волжского края. Сталинград, 1929. 47 с.

Лебедев, 1992 – *Лебедев М.С.* История отечественной археологии 1700–1917 гг. СПб.: СПбГУ, 1992. 464 с.

Максимов, Демченко, 1998 – *Максимов Е.К., Демченко А.А.* Неизвестные письма А.В. Терещенко // Древности Волго-Донских степей. Волгоград: Изд-во ВГПУ, 1998. Вып. 6. С. 150–157.

Материкин, Комиссарова, 2005 – *Материкин А.В., Комиссарова Е.В.* Волгоградский областной краеведческий музей: 90 лет служения Отечеству. 1914–2004. Очерки истории. Волгоград: Изд-во Панорама, 2005. 191 с.

Миронов, 1994 – *Миронов В.Г.* Материалы к археологической карте Волгоградской области // Древности Волго-Донских степей. Волгоград: Изд-во Перемена, 1994. Вып. 4. С. 180–190.

Миронов, 1995 – *Миронов В.Г.* Материалы к археологической карте Волгоградской области // Древности Волго-Донских степей. Волгоград: Изд-во Перемена, 1995. Вып. 5. С. 103–106.

Миронов, 1998 – *Миронов В.Г.* Материалы для археологической карты Камышинского района // Древности Волго-Донских степей. Волгоград: Изд-во Перемена, 1998. Вып. 6. С. 103–106.

Отчет об археологических раскопках..., 1915 – Отчет об археологических раскопках князя Андрея Александровича Ширинского-Шихматова // Труды СУАК. Саратов, 1915. Вып. 32. 46 с.

Паллас, 1788 – *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. 655 с.

Раскопки в области..., 1893 – Раскопки в области Войска Донского. Отчет Императорской археологической комиссии за 1890 г. СПб., 1893. С. 40–46.

Скрипкин, 1984 – *Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во СГУ, 1984. 150 с.

Смирнов, 1964 – *Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 376 с.

Спицын, 1896 – *Спицын А.А.* Обзорение некоторых губерний, областей России в археологическом отношении. Саратовская губерния // *Записки Русского археологического общества.* СПб., 1896. Т. 8. Вып. 1, 2. С. 141–154.

Спицын, 1907 – *Спицын А.А.* Раскопки близ слоб. Гусевки Царицынского уезда // *Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества.* СПб., 1907. Т. VII. Вып. 2. С. 226–231.

- Хрипунов, 1994 – Хрипунов Е.В. Естественно-научные изыскания сарептян в Нижнем Поволжье // Древности Волго-Донских степей. Волгоград: Изд-во «Перемена», 1994. Вып. 4. С. 190–194.
- Федоров-Давыдов, 1968 – Федоров-Давыдов Г.А. Курганы, идолы, монеты. М.: Наука, 1968. 161 с.
- Формозов, 1971 – Формозов А.А. Первые научные раскопки в Нижнем Поволжье // Советская археология. 1971. № 1. С. 191–193.
- Glitsch, 1884 – Glitsch A. Das Museum in Herrnhut und Südrussische Gräber. *Zeitschrift für Ethnologie*. Berlin, 1884. Band XVI, № 11. pp. 482-492.
- Skripkin, 1997 – Skripkin A.S. Archaologische Untersuchungen deutscher Gelehrter im Unteren Wolgagebiet. *Kolner Jarbuch*. Berlin, 1997. Band 30. pp. 321-327.

References

- Археологическая энциклопедия..., 2009 – Археологическая энциклопедия Волгоградской области. [The Archaeological encyclopedia, 2009 – The Archaeological encyclopedia of the Volgograd Region]. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2009. 336 p.
- Berkhin, 1959 – Berkhin I.P. (1959). Sarmatskoe pogrebenie u s. Salomatina [The sarmatian burial near Salomatina's village]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*. L.: Izd-vo Gos. Ermitazha. Vyp. XV. pp. 37-41.
- Berkhin, 1961 – Berkhin I.P. (1961). O trekh nakhodkakh pozdnesarmatskogo vremeni v Nizhnem Povolzh'e [About three finds of the late Sarmatian period on the territory of the Lower Volga Region]. *Arkheologicheskii sbornik*. L.: Izd-vo Gos. Ermitazha. Vyp. 2. pp. 141-153.
- Guseva, 1975 – Guseva T.V. (1975). Istoriya izucheniya Novogo Saraya [The history of the New Sarai's study]. *Vestnik MGU. Istoriya*. № 6. pp. 73-88.
- Zhiromskii, 1959 – Zhiromskii B.B. (1959). Zabytaya stranitsa istorii russkoi arkheologii [The forgotten page in the history of Russian archaeology]. *Trudy Saratovskogo muzeya kraevedeniya*. Saratov. Vyp. 2. pp. 114-134.
- Zaikovskii, 1926 – Zaikovskii B.V. (1926). Iz monetnoi letopisi Nizhne-Volzhskei Oblasti [The monetary chronicle of the Lower Volga Region]. *Trudy Nizhne-Volzhskego oblastnogo nauchnogo obshchestva kraevedeniya*. Saratov. Vyp. 35. Ch. 1. pp. 41-50.
- Il'ina, Shishkin, 1929 – Il'ina A.I., Shishkin P.N. (1929). Materialy k arkheologicheskoi karte Stalingradskogo, Khoperskogo i nekotoroj chasti Astrakhanskogo i Kamyshinskogo Okrugov Nizhne-Volzhskego kraja [The materials to the archeological map of Stalingrad, Khopersky and some part of Astrakhan and Kamyshinsky Districts of the Lower Volga Region]. Stalingrad. 47 p.
- Lebedev, 1992 – Lebedev M.S. (1992). Istoriya otechestvennoi arkheologii 1700-1917 gg. [The history of the domestic archaeology in 1700-1917]. SPb.: SPbGU. 464 p.
- Maksimov, Demchenko, 1998 – Maksimov E.K., Demchenko A.A. (1998). Neizvestnye pis'ma A.V. Tereshchenko [The unknown letters of A.V. Tereshchenko]. *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei*. Volgograd: Izd-vo VGPU. Vyp. 6. pp. 150-157.
- Materikin, Komisarova, 2005 – Materikin A.V., Komisarova E.V. (2005). Volgogradskii oblastnoi kraevedcheskii muzej: 90-let sluzheniya Otechestvu. 1914-2004. Ocherki istorii. [The Volgograd museum of local lore is dedicated to 90 years of service to the Native Land, 1914-2004. The historical essays]. Volgograd: Izd-vo Panorama. 191 p.
- Mironov, 1994 – Mironov V.G. (1994). Materialy k arkheologicheskoi karte Volgogradskoi oblasti [The materials to the archaeological map of Volgograd Region]. *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei*. Volgograd: Izd-vo Peremena. Vyp. 4. pp. 180-190.
- Mironov, 1995 – Mironov V.G. (1995). Materialy k arkheologicheskoi karte Volgogradskoi oblasti [The materials to the archaeological map of Volgograd Region]. *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei*. Volgograd: Izd-vo Peremena. Vyp. 5. pp. 103-106.
- Mironov, 1998 – Mironov V.G. (1998). Materialy dlya arkheologicheskoi karty Kamyshinskogo raiona [The materials to the archaeological map of Kamyshinsky District]. *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei*. Volgograd: Izd-vo Peremena. Vyp. 6. pp. 103-106.
- Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh..., 1915 – Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh knyazya Andrey Aleksandrovicha Shirinskogo-Shikhmatova [The report on the archaeological excavations, 1915 – The report on the archaeological excavations of Prince Andrei Alexandrovich Shirinsky-Shikhmatov]. *Trudy SUAK*. Saratov, 1915. Vyp. 32. 46 p.
- Pallas, 1788 – Pallas P.S. (1788). Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva. [The travel to the different provinces of Russia]. SPb. 655 p.
- Raskopki v oblasti..., 1893 – Raskopki v oblasti Voiska Donskogo. Otchet Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1890 g. [The excavations in the region, 1893 – The excavations in the region of the Don Cossacks. The report of the Imperial archaeological commission of 1890]. SPb., 1893. pp. 40-46.
- Skripkin, 1984 – Skripkin A.S. (1984). Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashei ery. [The Lower Volga Region in the first centuries of Common Era]. Saratov: Izd-vo SGU. 150 p.
- Smirnov, 1964 – Smirnov K.F. (1964). Savromaty. Rannyya istoriya i kul'tura sarmatov [Sauromats. The early history and culture of Sarmats]. M.: Nauka. 376 p.

Spitsyn, 1896 – *Spitsyn A.A.* (1896). Obozrenie nekotorykh gubernii oblastei Rossii v arkheologicheskom otnoshenii. Saratovskaya guberniya [The Review of some provinces of Russian regions in the archaeological terms. Saratov province]. *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. SPb. T. 8. Vyp. 1, 2. pp. 141-154.

Spitsyn, 1907 – *Spitsyn A.A.* (1907). Raskopki bliz slob. Gusevki Tsaritsynskogo uezda [The excavations near the settlement Gusevka of Tsaritsyno District]. *Zapiski Otdeleniya russkoi i slavyanskoj arkheologii Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. SPb. T. VII, Vyp. 2. pp. 226-231.

Khripunov, 1994 – *Khripunov E.V.* (1994). Estestvenno-nauchnye izyskaniya sareptyan v Nizhnem Povolzh'e [The natural scientific researches of Sareptan on the territory of the Low Volga Region]. *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei*. Volgograd: Izd-vo «Peremena». Vyp. 4. pp. 190-194.

Fedorov-Davydov, 1968 – *Fedorov-Davydov G.A.* (1968). Kurgany, idoly, monety. [The barrows, idols, coins]. M.: Nauka. 161 p.

Formozov, 1971 – *Formozov A.A.* (1971). Pervye nauchnye raskopki v Nizhnem Povolzh'e [The first scientific excavations on the territory of the Lower Volga Region]. *Sovetskaya arkheologiya*. № 1. pp. 191-193.

Glitsch, 1884 – *Glitsch A.* (1884). Das Museum in Herrnhut und Südrussische Gräber. *Zeitschrift für Ethnologie*. Berlin. Band XVI, № 11. pp. 482-492.

Skripkin, 1997 – *Skripkin A.S.* (1997). Archaologische Untersuchungen deutscher Gelehrter im Unteren Wolgagebiet. *Kolner Jarbuch*. Berlin. Band 30. pp. 321-327.

Из истории изучения древней и средневековой истории Нижнего Поволжья в XVIII–XIX веках

Анатолий Степанович Скрипкин ^{a,*}

^a Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет собой систематизированный историографический обзор работ авторов, занимавшихся непосредственно изучением исторических и археологических объектов Нижневолжского региона. В ней даны ссылки на документы, отчеты и материалы отечественных археологических организаций. Статья включает сведения об археологических экспедициях и археологических коллекциях, полученных при раскопках курганов и городищ на территории Нижнего Поволжья.

Краткие выводы археологических и аналитических работ последующих исследователей были сделаны за 200-летнюю историю изучения этого края.

В статье прослежены генезис, эволюция и становление археологических исследований в Нижнем Поволжье со всех необходимыми элементами научного подхода к изучению прошлого.

Так, автор считает, что к первым предпосылкам раскопок с познавательными целями можно отнести исследование А.В. Терещенко Царевского городища в 1843–1851 гг. Исследователь вел дневниковые записи процесса раскопок и составлял чертежи открытых объектов. Уже к концу XIX в. стали проводиться работы по составлению карт археологических объектов, были выработаны основные требования к процессу археологических раскопок. Археологи стали вести дневниковые записи, составляли ситуационные планы и чертежи раскопанных объектов. В XX веке археологические исследования территории Нижнего Поволжья стали проводиться систематически и научно обоснованно.

Автор статьи указывает также на то, что Нижнее Поволжье представляет для археологов неограниченные возможности для изучения древней и средневековой истории юга России. Здесь сосредоточены археологические памятники почти всех эпох, от каменного века до средневековья, и многие из них ждут своих исследователей.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, экспедиции, археологические раскопки, немецкие колонисты, Сарепта, археологические коллекции, курганы, городища, научные раскопки.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: anatoly.skripkin@volsu.ru (А.С. Скрипкин)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1427-1435. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1427
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Formation of Primary Education in Eastern Siberia: the Example of Shushenskaya Volost

Valerij G. Sedel'nikov ^{a, *}, Valentina N. Tuguzhekova ^b, Nadezhda J. Artamonova ^c, Valentina N. Asochakova ^c

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russian Federation

^c Khakass State University by N.F. Katanov, Russian Federation

Abstract

Rapid economic growth in post-reform Russia and the country's parallel lag in education – these two phenomena in historical literature did not overlap, despite their apparent contradiction. The authors of the article tried to fill this gap by analyzing the processes of formation of education in the Shushenskaya Volost, where, as in a drop of water, the problems characteristic of Eastern Siberia and even of the whole Russian Empire were reflected.

The main problem of education in the Shushenskaya Volost is the lack of motivation on the part of the peasantry for schooling. The reason for this is that the government, emphasizing the religious-autocratic component of primary education, sought to shift the school's content to the shoulders of the peasant «society». Hence the very low rates of elimination of illiteracy, despite the selfless efforts of many rural educators.

The tendency to change the mood of the peasantry begins to manifest itself as the capitalist relations penetrate the countryside, as well as in connection with the outbreak of world war.

Keywords: Parish school, literacy, Shushenskaya volost, home education, school teacher, religious and moral concepts, need for education, school maintenance, revolution.

1. Введение

После отмены крепостного права в 1861 г. Россия встала на рельсы ускоренного экономического развития и через полвека достигла в этом отношении весьма значительных результатов. К 1913 г. по уровню промышленного производства она заняла 5-е, а по объему национального дохода – 4-е место в мире (*Мы и планета, 1969: 43*). Такие факты серьезно контрастируют с процессом развития образования, который протекал в стране в этот период. Несмотря на серьезные усилия российского общества в области модернизации страны, к 1913 г. почти $\frac{3}{4}$ населения страны не умели читать и писать, число грамотного мужского населения составляло не более 40 % (*Уманский, 1987: 30*). Для сравнения: США к стопроцентной отметке по этому показателю приблизились еще до провозглашения независимости (*Allen, 2011: 129*). Причины такой диспропорции как в отечественной, так и зарубежной литературе серьезно не исследовались, если не считать традиционных упреков в сторону правящей элиты по поводу ее стремления держать народ в темноте и невежестве (*Ерошкин, 1975: 90; Очерки, 1914: 102*).

Цель настоящего исследования – проанализировать объективную и субъективную составляющую процесса становления и развития образования на примере Шушенской волости – одной из частиц огромной Российской империи. Это позволяет дать самостоятельную трактовку возможного решения проблемы резкого несоответствия экономического и культурно-

* Corresponding author

E-mail addresses: sedel-valery@yandex.ru (V.G. Sedel'nikov), priemnaya_haknii@mail.ru (V.N. Tuguzhekova), lazar1918@yandex.ru (N.J. Artamonova), asocvn@mail.ru (V.N. Asochakova)

образовательного развития страны в пореформенный период, что определяет актуальность и новизну настоящего исследования.

2. Материалы и методы

Исследовательская база статьи формируется посредством привлечения широкого круга источников. Из фондов архива Государственного историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское» (АГИЭМЗШ) НВ 4073, НВ 6107, НВ5783, НВ 5788 почерпнуты сведения о начальной истории Шушенской волости, первых шагах образования на шушенской земле, о деятельности известных шушенских учителей – В.Я. Абаймове, В.П. Стародубцеве. Конкретные факты становления первых школ Шушенской волости в виде отчетов об их деятельности извлечены из фондов Минусинского государственного архива (МГА) Ф. 17, Ф. 30, Ф. 47, Ф. 105. Данные о кадровых, материально-финансовых проблемах в сфере образования Шушенской волости почерпнуты из фондов Государственного архива Красноярского края (ГАКК) Ф. 31, Ф. 141, Ф. 595.

Важным источником по исследуемой теме являются периодические издания дореволюционного периода: газета «Восточное обозрение», 1883–1890 гг.; газета «Енисей», 1896–1899 гг.; газета «Красноярск», 1908 г.; журнал «Сибирские вопросы», 1911 г.; журнал «Сибирская школа», 1916 г. В качестве важного источника авторы использовали мемуары первого Енисейского губернатора А.П. Степанова, изданные в Санкт-Петербурге 1835 г. (Степанов, 1835).

В исследовании поставленной проблемы использовались методы объективности и историзма. Непредвзятый подход позволил самостоятельно проанализировать факты, избегая устоявшихся стереотипов. При этом авторы опирались на труды и наработки предшественников, следуя принципу непрерывности и последовательности в изложении исторического материала. В выявлении сущности проблемы стагнации образования в стране был использован социологический метод, позволивший дать объективное суждение в соответствии с накопленным фактическим материалом.

В связи с задачами исследования применялся системно-диалектический метод обобщения, что дало возможность сформировать цельное представление о тенденциях в развитии системы образования в Шушенской волости, Восточной Сибири, в Российской империи в целом.

3. Обсуждение

Отправной точкой для исследования выбранной темы явились труды известных красноярских ученых Г.Ф. Быкони (Быконя, 2015), В.И. Федоровой (Федорова, 2015), в которых авторы приводят большой фактический материал о становлении и развитии образования в Восточной Сибири, включая Шушенскую волость и с. Шушенское.

Свой вклад в написание данной статьи внесло сотрудничество с научными сотрудниками Государственного историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское» – В.И. Терентьевой, Н.Н. Скоробогатовой, Т.М. Кикиловой. Так, в 2015 г. на базе музея-заповедника было выпущено уникальное издание Г.Г. Ушакова «Ленин в Шушенском» (Ушаков, 2015). Автор, являвшийся участником покушения на В.И. Ленина в январе 1919 г. и расстрелянный в 1937 г., до своей трагической гибели сумел собрать весьма интересный материал о культурной жизни с. Шушенского, его жителях, в том числе об учителе В.П. Стародубцеве. Н.Н. Скоробогатова перевела на русский язык книгу польского исследователя и политссыльного В. Студеницкого-Гизберта (Студеницкий-Гизберт, 1897), в которой содержатся важные наблюдения, касающиеся отношения крестьян к образованию. В 2004 г. она же организовала издание на польском языке книги польского исследователя С. Леончика (Leonzyk, 2004), в которой приводится ряд важных фактов о деятельности первого шушенского учителя Д.В. Пржигодского. Конкретные вопросы развития образования в Шушенской волости рассматриваются в публикациях Т.М. Кикиловой (Кикилова, 1999, 2002).

Для понимания проблемы становления образования в Восточной Сибири важное значение имеет вышеприведенное издание А.П. Степанова, которое может рассматриваться не только как источник, но и как самостоятельное историко-мемуарное издание.

4. Результаты

Отправной точкой для развития образования в регионах Сибири являлось заселение этих земель русскими переселенцами – промысловиками, служилыми казаками, крестьянами-земледельцами. Основание Абаканского, а затем Саянского острогов, соответственно в 1707 и 1717 гг., сделало поток русской колонизации в Присянье необратимым, дало импульс более активному формированию новых населенных пунктов. В их числе в 1744 г. было основано поселение Шушь, ныне широко известное село Шушенское.

В 1791 г. здесь была возведена церковь, получившая имя святых Петра и Павла, после чего поселение Шушь стало именоваться селом Шушенским. В 1822 г. это село стало центром относительно крупной Шушенской волости в составе 19 селений (населенных пунктов), в число которых входило 2 села – Шушенское и Бейское. В 1823 г. в волости проживало около 6,5 тыс. крестьян обоего пола, 304 ссыльнопоселенца и 29 служащих (МГА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1. Л. 63). Административно Шушенская волость входила в состав Минусинского округа (затем уезда) Енисейской губернии Восточно-Сибирского генерал-губернаторства.

История распорядилась так, что первые учебные заведения на территории будущей Шушенской волости появились за 7 лет до образования самого Шушенского. Не было случайностью, что событие это связано с именем В.Н. Татищева – одного из сподвижников Петра I, ученого-историка и государственного деятеля. Занимая должность управляющего уральскими казенными заводами, в 1737 г. он принял решение заложить в Приенисейском крае, на территории будущей Шушенской волости, два металлургических предприятия – Луказский (Лугавский) медеплавильный и Ирбинский железодельный заводы.

Общее число работающих на обоих заводах составило около 1000 человек. С целью «подготовки кадров» на предприятиях были открыты горнозаводские ведомственные школы, что явилось практическим воплощением идей В.Н. Татищева, изложенных в книге «Рассуждения о пользе наук и училищ», написанной в 1733 году. Впервые автор проводит мысль о необходимости всеобщего народного образования безотносительно материального положения и сословного происхождения обучающихся.

Через два года в школе при Луказском заводе «наукам словесным и письму» обучались 53 школьника от 7 до 15 лет, что составляло почти 100 % от общего количества детей школьного возраста (Быконя, 2015: 25–26). Впоследствии подобные ведомственные школы трансформировались в целую сеть горных, коммерческих и реальных училищ, ставших надежной кузницей кадров для молодой развивающейся российской промышленности.

Далее следует отметить открытие в поселении Шушенском храма, что объективно означало формирование здесь очага культуры и просвещения. В условиях, когда в Приенисейском крае существовали «целые селения, где вообще не было грамотных» (Быконя, 2015: 61), появление в селе даже нескольких людей, умеющих читать и писать, было элементом прогресса в области образования. Прежде всего, это означало расширение возможностей для домашнего образования посредством контактов со служителями церкви.

Непосредственно домашнее образование в Сибири на рубеже XVIII–XIX вв. обладало определенной спецификой. Лучшее других ее определил губернатор А.П. Степанов, который таким способом пытался объяснить скромные результаты своей «образовательной политики»: отсутствие учителей, из-за чего простаивали учебные помещения, всего три функционировавших начальных училища и лишь 1221 грамотный крестьянин на всю Енисейскую губернию. В качестве контраргумента А.П. Степанов отмечает, что в возглавляемую им губернию, «как и во всю Сибирь, поступает такое количество грамотных людей, что никакие училища по столько доставлять не в состоянии. Сии грамотники, рассыпаясь по волостям и деревням, обучают на гулянках молодых крестьян и детей» (Степанов, 1835: 29. Ч. II. Отделение V). Отсюда, по мысли А.П. Степанова, грамотных крестьян в губернии «несравненно более (чем 1221 человек – Авт.); даже многие из женского пола между крестьянами умеют читать и писать» (Степанов, 1835: 29–30. Ч. II. Отделение V). И хотя упования экс-губернатора на ссыльных, то есть фактически государственных преступников, можно признать сомнительными, специфику домашнего образования в регионе он уловил верно.

Основную массу «грамотников» в Енисейской губернии составляли ссыльные декабристы. Из них непосредственно образовательной деятельностью занимались П.Ф. Шаховской, И.Б.Аврамов, Н.Ф. Лисовский, В.П. Давыдов, П.С. Бобрищев-Пушкин, П.И. Фаленберг, братья А.П. и П.П. Беляевы.

В Шушенской волости домашнее образование было связано, прежде всего, с именем П.И. Фаленберга, который жил на поселении в волостном центре с 1833 по 1847 гг. П.И. Фаленберг – бывший подполковник, участник Отечественной войны 1812 г. – был широкообразованным, эрудированным, высококультурным человеком. Научный склад ума, любознательность и бескорыстность ссыльного декабриста характеризует, например, то, что он первым обратил внимание на необычные камни с древними изображениями, наскальные рисунки, сегодня известные, как енисейские писаницы), снял с них копии и отправил в Академию наук. Обучением шушенских детей П.И. Фаленберг занимался с целью получения заработка. Он отмечал: «Во все продолжение моего жительства в Шуше я имел несколько учеников и учениц; из первых два брата Меркушевых поступили в корпус Путей сообщения, а прочие – в другие учебные заведения; от них я получал доход для пропитания себя с семейством» (Быконя, 2015: 155).

Это позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, П.И. Фаленберг вел свою образовательную деятельность на постоянной основе, а не урывками («на гулянках»); во-вторых, его работа была оплачиваемой, то есть профессиональной; в-третьих, он доводил обучение до необходимой ступени, с тем, чтобы его «выпускник» смог продолжить образование в нужном учебном заведении.

В начальный период П.И. Фаленберг «кооперирует» свои педагогические усилия с И.В. Голенищевым-Кутузовым, смотрителем казенных поселений в Минусинском округе, в доме которого он жил с 1833 по 1841 гг. Их «программа обучения» включала «грамматикально русский и французский языки, четыре правила арифметики целых и дробей, географию..., историю, рисование (тушью и начала красками), вышивание по канве..., немного музыки» (Быконя, 2015: 156). Приведенный перечень учебных дисциплин позволяет получить представление о характере, содержании и достаточно высоком уровне домашнего образования, которое практиковали ссыльные декабристы.

Главным преимуществом домашнего образования была прагматичность, что значительно отличало его от официальной начальной школы с ее религиозно-догматическим уклоном. Домашнее образование готовило почву для формирования системы учебных заведений и даже сделало шаг непосредственно в этом направлении.

Подтверждением может служить школа декабристов братьев Беляевых в Минусинске, которая включала до 20 учеников и фактически выходила за рамки чисто домашнего образования. На севере губернии, в г. Туруханске, декабристы П.Ф. Шаховской вместе с И.Б. Аврамовым и Н.Ф. Лисовским на базе домашнего образования заложили основу для функционирования первой в городе настоящей общеобразовательной школы.

Система общеобразовательных учебных заведений в южной части Приенисейского региона стала складываться в переломные годы середины XIX в. Первое начальное училище было открыто в 1850 г. в г. Минусинске, следующее – в селе Ермаковском в 1856 г.

12 февраля 1861 г. было открыто одноклассное приходское училище Министерства народного просвещения (МНП) в селе Шушенском. В 1864–1866 гг. в Шушенской волости были открыты еще 4 начальные школы в селах Каптырево, Бейское, Субботино и Казанцево. Всего в Енисейской губернии в 1860-е гг. было открыто 25 школ – больше, чем за последующие тридцать лет (МГА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 56. Л. 50).

Это совпадение нельзя назвать случайным. В России начиналась новая эпоха – переход от традиционного общества к капитализму с его свободным перемещением товаров, рабочей силы и капитала, становлением новой производственно-технической, финансово-экономической системы. Новое время требовало все больше новых людей, обладавших, как минимум, умением читать, писать и считать.

Общая доля грамотных людей в России на момент отмены крепостного права составляла немногим более 6 %. (История СССР, 1968: 566). Для Енисейской губернии, согласно официальной статистике, данный показатель равнялся 1 % (Очерки, 2014: 53). Эту цифру оспаривает Г.Ф. Быконя, который считает, что минимальный уровень грамотности в Енисейской губернии был «не ниже общероссийского показателя» (Быконя, 2015: 157), но и «общероссийский показатель» – сомнительный повод для гордости одной из самых могущественных мировых держав того времени. А если учесть то, что на селе в среднем по стране грамотного населения было в 2–2,5 раза меньше, чем в городе, можно прийти к выводу, что в Шушенской волости к 1861 г. формирование системы народного образования практически начиналось с нуля.

Шушенское приходское училище было названо Алексеевским в честь святого Алексея, митрополита Московского, т.к. оно было открыто в день его именин. Это указывало на неразрывную связь начальной школы с церковью, что позднее было закреплено в «Положении о начальных народных училищах» от 14 июля 1864 г.: «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания». Несмотря на духовную связь с церковью, материальное содержание училища возлагалось «на плечи» сельской общины, которая выделяла на него 442 руб. в год, из которых 300 руб. составляло годовое жалованье учителя, 60 руб. – жалованье преподавателя закона божьего, 25 руб. тратилось на учебники и учебные пособия, 57 руб. – на аренду помещения, ремонт, обновление мебели. Библиотека училища насчитывала 76 томов, в том числе 25 томов учебников и учебных пособий. (Очерки, 2015: 29). Период обучения охватывал два года, ученики 1-го и 2-го года обучения составляли несколько подгрупп, занятия с которыми проводились в одном классе, силами одного учителя.

По ходу обучения ученики проходили чтение, письмо, счет, а также знакомились с основами гражданского права, изложенными в книге «О должностях человека и гражданина». Одной из основ школьной программы являлась религиозная составляющая. Изучали Ветхий и Новый Заветы, предмет «Славянское чтение», на котором читались церковно-славянские писания и жития Святых. В целом, изучение основ православия в начальных школах МНП занимало 45 % учебного времени (Очерки, 2015: 58). Как отмечалось в одном из отчетов каптыревской школы, такое обучение способствовало тому, что ученики за период обучения «как бы сродняются с церковнослужителями и тем самым подают пример взрослым и своим сверстникам, остающимся вне школы» (МГА. Ф. 17. Оп. 1 Д. 338. Л. 8об.). Итогом был экзамен за полный курс школьной программы и аттестат, который давал возможность продолжать обучение в уездном училище, учительской семинарии или в гимназии. Ежегодное количество учеников в школе составляло 20–30 человек, обучение было бесплатным, однако каких-либо субсидий, «стипендий» для сирот, малообеспеченных учащихся не предусматривалось.

Данные приведенной Таблицы 1 свидетельствуют о том, что Шушенское училище было всеобщим, преимущественно крестьянским и чуждым какой-либо национально-религиозной «сегрегации». Общее количество обучавшихся в нем неуклонно возрастало, что свидетельствовало о жизнеспособности учебного заведения. Поступательное движение заметно и по другим параметрам: за 17 лет годового бюджет училища возрос в 1,7 раза, серьезно выросло его материально-техническое обеспечение.

В то же время эти данные показывают, что развитие образования такими темпами вряд ли могло вывести страну из состояния безграмотности и невежества.

Таблица 1. Основные параметры развития Шушенского училища в 1866–1883 гг.

год	всего обучающихся	крестьяне	мещане	духовенство	дворяне	русские (правосл)	иностранцы	год. бюдж. (руб.)	з/плата учителю (руб./год)	з/плата учителю (руб./го)	законно	средства на матер. нужды (руб./год)
1866	19	16	1	2	–	19	–	442	300	60		82
1883	32	19	9	1	3	30	2	760	360	75		325

Источники: [Абаимов, 1890: 2–4](#); [Абаимов, 1883: 9–10](#); [Кикилова, 2002: 62](#); МГА. Ф. 30. Оп. 1 Д. 4. Л. 53–53об. Д. 13 Л. 40–40об.; ШМЗ. НВ 5788.

В «Ведомости о денежных сборах Енисейской губернии на исправление разных повинностей в 1863 году» расписано: на духовенство, монастыри и духовное училище выделить 50 390 руб.; на учебные заведения – 7 627 руб. Расходы на содержание местного образования в ведомости приравнены к статьям по обеспечению пожарной безопасности, сдаче рекрутов и содержанию казенных, общественных и экономических магазинов ([Быкопя, 2015: 140](#)), то есть финансирование начального образования из местного бюджета проводилось «по остаточному принципу» – из государственного бюджета оно практически не предусматривалось вообще.

Противоречивость этой ситуации была понятна уже современникам. Так, известный учитель шушенской школы В.Я. Абаимов (о котором ниже будет сказано подробнее) в январе 1896 г. отмечает, что волостные школы создавались по воле правительства, «но содержание их возложено на население волости» ([Абаимов, 1896: 1](#)). Примеры же передовых стран показывают, что именно государственное финансирование является рычагом решения проблемы всеобщей грамотности населения ([Allen, 2011: 129](#)).

Проблема финансирования начального образования – лишь одна сторона вопроса. Вторая – наличие стремления самих народных масс, прежде всего крестьянства, к получению образования (речь идет именно о массах, а не талантливых самородках типа М.В. Ломоносова). Вследствие важности вопроса приведем несколько аргументов. В. Студницкий-Гизберт, хорошо изучивший проблему, характеризует отношение сибирских крестьян к обучению такими их словами: «Книжки выдумали те, у которых нечего есть, а нам, слава Богу, на наш век хватит»; «Зачем ему (крестьянскому ребенку – Авт.) школа, что разве писатели живут лучше, чем крестьяне» ([Студницкий-Гизберт, 1897: 126](#)). В одном из отчетов заведующий Каптыревской школой, священник Василий Новочадовский, отмечал: «Отношение населения 4-х деревень прихода к школе почти враждебное, смотрят на школу, как на предмет, гнетущий их и не приносящий никакой пользы» ([МГА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 338. Л. 10](#)).

Глубже других погрузился в эту проблему В.Я. Абаимов, который, работая в школе, «из первых рук» знал отношение крестьян к образованию: «как правило, крестьянин посылал своего ребенка в школу... только потому, что он хотел избавиться в доме на зиму от лишнего шалуна» ([Абаимов, 1890: 3](#)). В.Я. Абаимов видел противоречие в том, что крестьянин со своим практичным умом выступает как бы против собственных интересов. Чтобы в этом разобраться, учитель проводит социологический опрос среди шушенского населения примерно в таких формулировках: 1. Какие именно знания нужны школьникам? 2. Для чего школьникам нужны эти знания? Подавляющее большинство ответов на первый вопрос было: «научить своих детей читать, писать и считать»; на второй – «чтобы уметь записать, кому что дано», «написать условие с работником», «самому распорядиться», «служить по выбору общества», «чтобы понимать дело» ([Абаимов, 1890: 4](#)). Очевидны выводы: крестьянин в своем отношении к образованию руководствовался чистым расчетом, в который не укладывалась школа с ее религиозно-схоластическим содержанием, стремлением «сроднить ученика с церковнослужителями». Отсюда отторжение школы и даже грамотности как таковой. Однако по мере проникновения в деревню капиталистических отношений с их неизбежными расчетами крестьяне все больше чувствовали потребность в образовании, «они видели, что грамотному легче предохранить себя от излишних мелких расходов и от обмана со стороны частных лиц и общественного управления» ([Абаимов, 1890: 4](#)).

Важным фактором, повлиявшим на отношение крестьян к образованию, стала мировая война. В письмах солдат с фронта уже прямо звучали «не только жалобы на свою безграмотность, на то, что их в свое время не отдали в школу, но и настойчивые просьбы к оставшимся дома женам... обязательно посылать детей в училища» ([Березовский, 1916: 43](#)).

Возвращаясь к ленинской оценке образования, отметим, что, справедливо оценивая «грабительскую» роль правительства, она не учитывала такой глубинный фактор, как настроение самого народа.

Важной составляющей образования в Шушенской волости, как и по стране в целом, являлось наличие преподавательских кадров. Первый учительский институт был открыт в России лишь в 1872 г., далее стали открываться учительские семинарии с трехлетним курсом обучения для подготовки учителей начальных школ. До конца XIX века было открыто 10 таких учебных заведений, в том числе учительская семинария в г. Красноярске.

Первым учителем Шушенского приходского училища стал местный чиновник Доминик Викентьевич Пржигодский из семьи небогатого польского дворянина Винцента (по-русски – Викентия) Пржигодского. В 1854 г. будущий учитель закончил полный курс гимназии и получил чин коллежского регистратора. Доминик Пржигодский занимал свою должность 1 год и 2 месяца (Leonyuk, 2004: 32–33). Главная его заслуга была в том, что школа прошла самый трудный период становления, состоялась как учебное заведение, «укоренилась» и могла развиваться дальше.

Заслугой следующего учителя, Василия Васильевича Ляторовского, стало получение школой в 1873 г. собственного здания, что значительно повысило ее материально-технический уровень: «дом, занимаемый училищем в 8 окон в улицу и 4 во двор, классная комната весьма поместительная, теплая и светлая, ... сделаны вентиляторы, а также выписаны картины времен года и глобус» (МГА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 56. Л. 13).

Выдающимся педагогом шушенской школы был вышеупомянутый Василий Яковлевич Абаимов, который учительствовал с 1887 по 1896 гг. Судьба этого человека во многом типична для своей эпохи, одним из трендов которой стало подвижничество, стремление нести просвещение в массы. Примером могут служить судьбы И.Н. Ульянова – отца В.И. Ленина, Н.М. Мартыанова – основателя Минусинского музея и многих других людей.

Учитель Абаимов был коренным сибиряком, в 1858 г. закончил Красноярскую учительскую семинарию, хорошо знал и понимал сибирский «колорит». Проблему качественного улучшения образования в Шушенской волости он не списывал на косность крестьянского мышления, а старался найти пути ее решения посредством разных способов: привлечения к школе общественного внимания через печатные издания («Енисей», «Восточное обозрение», «Красноярец»), увеличения финансирования за счет средств меценатов, проведения социологических исследований.

27 февраля 1896 г. учителю была вручена серебряная медаль на Александровской ленте с надписью: «За усердие. Для ношения на груди. За отлично усердную службу». Однако уже в декабре 1896 г. В.Я. Абаимов был вынужден уйти в отставку по состоянию здоровья, не получив при этом права на «пенсией». Положение усугублялось тем, что в семье Абаимовых было пятеро несовершеннолетних детей. На этом фоне эпизод с награждением кажется горькой насмешкой судьбы над педагогом-подвижником.

Преемником Абаимова стал 19-летний Владимир Петрович Стародубцев, который также был сыном своего времени, считал себя противником самодержавия и засилья церкви, был увлечен революционной романтикой, идеей социализма. Этим объясняется его дружба с политическими ссыльными, в том числе с В.И. Лениным, который находился в шушенской ссылке с 1897 по 1900 гг. Вместе они играли в шахматы, ходили на охоту, беседовали на разные темы (Ушаков, 2015: 28). В.П. Стародубцев принял школу практически в разрушенном состоянии: после пожара в 1894 г. она нуждалась в полном восстановлении. Молодому учителю эта непростая проблема оказалась «по плечу». Помогали в работе его самоотверженность, отзывчивость, скромность, интеллигентность. Так, согласно воспоминаниям его учеников, «Владимир Петрович ...был человек высокой культуры, ...прост в отношении с людьми, ...умело и интересно преподносил уроки, умел развлечь детей... За чуткость, человечность его глубоко уважали, считали первым человеком на селе» (Абаимова, 1974: 11–12).

По своему мировоззрению В.П. Стародубцев был атеистом, предметом его поклонения была природа, которую он изучал, любил и учил этому своих воспитанников. Например, составляя компанию В.И. Ленину в его охотничьих предприятиях, шушенский учитель, по словам очевидца – купца П.Т. Строганова, «не охотился, а просто очень любил природу» (Ушаков, 2015: 37). Если В.П. Стародубцеву удавалось попасть в лес или в поле, то оттуда его «едва выцарапаешь» (Ушаков, 2015: 37).

Начало 1900-х годов означало не только то, что страна входила в новый век, но и то, что Россия вступала в новую эпоху военных и революционных потрясений, коренных общественных преобразований. Революция 1905–1907 гг. растеклась по всей стране, захватывая самые отдаленные ее уголки. Согласно воспоминаниям П.Т. Строганова, в Шушенском до начала революции молодежь мало думала о политике, а «вот уж как девятьсот пятый год подоспел, тогда мы... за политику взялись» (Ушаков, 2015: 38). Если революция захватила таких вполне благополучных людей, как купец П.Т. Строганов, то выросшему в нужде, социалисту по убеждениям, интеллигенту-учителю Стародубцеву был прямой путь в революционные агитаторы. В марте 1907 г. он был арестован, лишен права заниматься педагогической деятельностью и вместе с семьей сослан в село Рыбное на Ангаре. В мае 1909 г. В.П. Стародубцев вернулся из ссылки, а в 1915 г. был водворен на поселение в село Каптырево, где жил и работал до конца жизни в 1924 г.

Еще нагляднее проблемы российского образования демонстрируют школы, открытые «на периферии» Шушенской волости. Следствием настороженно-негативного отношения к образованию крестьянского населения были материально-финансовые проблемы. Ни одна из школ не имела собственного здания – все они располагались в помещениях, арендованных у частных лиц. Так, в селе Субботино школа была открыта в доме дьячка (псаломщика) Дмитрия Дмитриевского, в селе Бейское школа располагалась в доме купца Сватикова.

В первые годы работы школ средств, которые «общество» им выделяло, хватало лишь на зарплату учителя – 100 руб. в год (МГА. Ф. 30. Оп. 1 Д. 56. Л. 50). В дальнейшем положение несколько

улучшилось: так, в 1883 г. на содержание бейской и каптыревской школ было выделено уже по 260 руб. Однако и эти средства были недостаточными. Почти все они тратились на жалование учителям, получавшим по 250 руб. в год. На остальные нужды школы оставалась совсем ничтожная сумма – 10 руб. (Абаимов, 1883: 9–10). Для сравнения: бюджет шушенской школы в 1883 г. составлял сумму, в 2,9 раза большую, на жалование учителям было затрачено в 1,7 раз больше и на остальные нужды школы было отпущено в 30 раз больше средств по сравнению с бейской и каптыревской школами.

Более остро, чем в Шушенском, во вновь открытых школах стояла проблема преподавательских кадров. По условиям оплаты труда и содержания материально-технической базы учителями здесь могли быть достаточно случайные люди, обладавшие хотя бы минимальным уровнем профпригодности. Как правило, это были либо священнослужители, либо «государственные преступники» – ссыльные революционеры.

Так, первым учителем бейской школы был Яков Иванов, ссыльнопоселенец из деревни Означенной, что на юге Енисейской губернии, которого в 1868 г. сменил Степан Матвеев – самоучка из села Каптырево. Первым учителем в селе Казанцево стал ссыльнопоселенец Андрей Николаевич Расстегаев, в селе Каптырево – также ссыльнопоселенец Павел Дементьевич Лаптев. В селе Субботино первым учителем стал псаломщик Дмитрий Дмитриевский, в доме которого «по бедности» и располагалась школа (МГА. Ф. 30. Оп. 1 Д. 56. Л. 50).

Утверждение об остром недостатке учительских кадров в дореволюционный период можно подтвердить тем, что весьма неблагонадежному учителю В.П. Стародубцеву в 1909 г. были возвращены учительские права и он снова работал в разных селах Минусинского уезда: Табате, Таштыпе, Абаканском, Шушенском, Каптырево.

Справедливости ради следует отметить, что проблему кадров на селе также нельзя огульно сваливать на «антиобразовательную» политику царского правительства. Даже через 100 лет педагог-профессионал в российской (особенно сибирской) глубинке – не слишком частое явление.

Характеризуя на примере Шушенской волости систему образования в целом, следует отметить, что она требовала глубоких, качественных перемен.

Это понимали даже власть имущие, особенно на фоне событий 1905–1907 гг. Так, в ноябре 1907 г. в Государственную Думу был внесен правительственный законопроект «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи». Для сравнения: в 1905 г. при обсуждении проекта выборов в Государственную Думу император Николай II указывал, что для крестьян неграмотность является преимуществом, которое наделяет их «цельным мировоззрением», способствует проявлению «здорового смысла», способного заменить образование даже в деле управления государством (Ерошкин, 1975: 90). Теперь же, в 1907 г., правительство выступило за то, чтобы «всем детям обоюбого пола должна быть предоставлена возможность... пройти полный курс обучения в правильно организованной школе». Предполагаемая наполняемость классов: в расчете на одного учителя – 50 учеников, радиус местности на одну школу – 3 версты (Федорова, 2015: 23). Для Шушенской волости это означало бы открытие 6–7 новых школ с «правильно» организованным учебным процессом, что, в свою очередь, означало бы увеличение количества учащихся и качественное повышение уровня грамотности в каждом из поселений Шушенской волости.

Однако в дальнейшем проект был отодвинут, в том числе по причине начавшейся Первой мировой войны. Качественные преобразования в Шушенской волости, как и во всей стране, теперь будут связаны с революционными потрясениями 1917 г., до которых оставалось не так много времени.

5. Заключение

Отправной точкой формирования системы образования в Шушенской волости явились профессиональные школы для подготовки работников вновь открытых металлургических заводов. Заметную роль в Шушенской волости играло домашнее образование, отличительными чертами которого являлись доступность, прагматичность (рациональность) и достаточно высокое качество подготовки обучающихся.

Начало систематического образования в феврале 1861 г. символично совпало с реформой, открывшей новый этап модернизации страны. Стержнем противоречия между бурным экономическим ростом и скромными темпами развития образования в пореформенный период являлась проблема финансирования начальной школы и отсутствие (в целом) мотивации к обучению со стороны крестьян. Стремление правящих кругов использовать школу как средство укрепления лояльности стимулировало религиозно-догматический уклон в ущерб рациональной составляющей образования, что отвращало крестьянскую молодежь от школы, сдерживало желание к овладению грамотой со стороны широких народных масс. Однако по мере проникновения в деревню капиталистических отношений стал заметно проявляться интерес крестьян к получению образования и обучению в школе.

Соединение этой тенденции с усилиями правительства и деятельностью педагогов-подвижников могло обеспечить серьезный прорыв в области образования уже в ближайшие десятилетия. Однако военные и социальные потрясения в начале XX в. привели к тому, что проблема грамотности и образования населения стала решаться уже в качественно иных, постреволюционных социально-политических условиях.

Литература

- Абаимов, 1896** – Абаимов В.Я. К вопросу о волостных школах и учителях волостных школ // *Енисей*. 1896. № 10. С. 1–2.
- Абаимов, 1890** – Абаимов В.Я. К вопросу о народном образовании в Сибири // *Восточное обозрение*. 1890. № 2. С. 2–4.
- Абаимов, 1883** – Абаимов В.Я. Народное образование в Енисейской губернии // *Восточное обозрение*. 1883. № 17. С. 9–10.
- Абаимова, 1974** – Абаимова Е.В. Материалы к биографии политического ссыльного с. Шушенского В.П. Стародубцева (1877–1924 гг.). В 3 т. Т. I. Минусинск, 1974. 86 с.
- АГИЭМЗШ** – Архив Государственного историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское».
- Березовский, 1916** – Березовский Н.П. О состоянии начального образования в Енисейской губернии // *Сибирская школа*. 1916. № 4. С. 43.
- Быконя, 2015** – Быконя Г.Ф. История народного образования в Центральной Сибири. XVII – середина XIX веков: Монография. Красноярск, 2015. 264 с.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Ерошкин, 1975** – Ерошкин Н.П. Самодержавие накануне краха. М., 1975. 160 с.
- История СССР, 1968** – История СССР с древнейших времен до наших дней в двенадцати томах. М., 1968. Т. V. 731 с.
- Кикилова, 1999** – Кикилова Т.М. Образование Шушенской волости. Сб. Мартыановские краеведческие чтения (1989–1999 гг.) Вып. 1. Минусинск, 1999. С. 93–95.
- Кикилова, 2002** – Кикилова Т.М. Народное образование Шушенской волости. В сб. «Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Вып. 1. Иркутск, 2002. С 62–65.
- МГА** – Минусинский государственный архив.
- Мы и планета, 1969** – Мы и планета. Цифры, факты. М.: Политиздат, 1969. 214 с.
- Очерки, 2014** – Очерки истории народного образования Красноярского края (XVII – начало XXI вв.). Красноярск, 2014. 580 с.
- Степанов, 1835** – Степанов А.П. Енисейская губерния. Ч. I–II. СПб, 1835. 603 с.
- Студеницкий-Гизберт, 1897** – Студеницкий-Гизберт В. Современная Сибирь. С картой Сибири и транссибирской железнодорожной магистрали. Краков, 1897. 226 с.
- Уманский, 1987** – Уманский Л.А., Шаболдин С.С. Годы труда и побед, 1917–1987: Попул. справочник. М.: Политиздат, 1987. 368 с.
- Ушаков, 2015** – Ушаков Г.Г. Ленин в Шушенском: очерки. Шушенское, 2015. 80 с.
- Федорова, 2015** – Федорова В.И. Школа – учитель – общество. Из истории народного образования Енисейской губернии XIX – начала XX вв. Красноярск, 2015. 244 с.
- Allen, 2011** – Allen R. *Global Economic: A Very Short Introduction*. Oxford University Press, 2011. 224 p.
- Leonyk, 2004** – Leonyk S. *Polskie karty w historii Minusinska*. Abakan, 2004. 67 p.

References

- Abaimov, 1883** – Abaimov V.J. (1883). Narodnoe obrazovanie v Enisejskoj gubernii [Education in the Yenisei Province]. *Vostochnoe obozrenie*. № 17. pp. 9-10. [in Russian]
- Abaimov, 1890** – Abaimov V.J. (1890). K voprosu o narodnom obrazovanii v Sibiri [On the issue of public education in Siberia]. *Vostochnoe obozrenie*. № 2. pp. 2-4. [in Russian]
- Abaimov, 1896** – Abaimov V.J. (1896). K voprosu o volostnyh shkolah i uchitel'jah volostnyh shkol [On the question of volost schools and teachers of volost schools]. *Enisej*. № 10. pp. 1-2. [in Russian]
- Abaimova, 1974** – Abaimova E.V. (1974). Materialy k biografii politicheskogo ssyl'nogo s. Shushenskogo V.P. Starodubceva (1877-1924 gg.) [Materials for the biography of the political exile village Shushensky VP Starodubtseva (1877-1924)]. V 3-t. T. I. Minusinsk. 86 p. [in Russian]
- AGIJeMZSh** – Arhiv Gosudarstvennogo istoriko-jetnograficheskogo muzeja-zapovednika «Shushenskoye» [Archive of the State Historical Ethnographic Museum-Reserve «Shushenskoye»].
- Allen, 2011** – Allen R. (2011). *Global Economic: A Very Short Introduction*. Oxford University Press. 224 p.
- Berezovskij, 1916** – Berezovskij N.P. (1916). O sostojanii nachal'nogo obrazovanija v Enisejskoj gubernii [On the state of primary education in the Yenisei province]. *Sibirskaja shkola*. № 4. p. 43. [in Russian]
- Bykonja, 2015** – Bykonja G.F. (2015). Istorija narodnogo obrazovanija v Central'noj Sibiri. XVII – seredina XIX veka: monografija [The history of public education in Central Siberia. XVII – the middle of the XIX century: monograph]. Krasnojarsk. 264 p. [in Russian]
- Eroshkin, 1975** – Eroshkin N.P. (1975). Samoderzhavie nakanune kraha [Autocracy on the eve of collapse]. M. 160 p. [in Russian]
- Fedorova, 2015** – Fedorova V.I. (2015). Shkola – uchitel' – obshhestvo. Iz istorii narodnogo obrazovanija Enisejskoj gubernii XIX – nachala XX vv. [School – teacher – society. From the history of public education of the Yenisei province of the XIX – early XX centuries]. Krasnojarsk. 244 p. [in Russian]

- GAKK** – Gosudarstvennyj arhiv Krasnojarskogo kraja [GAKK, - State Archives of the Krasnoyarsk Territory].
- Istorija SSSR, 1968** – Istorija SSSR s drevnejshih vremen do nashih dnei v dvenadcati tomah [The history of the USSR from the earliest times to our days in twelve volumes]. M., 1968. T V. 731 p. [in Russian]
- Kikilova, 1999** – *Kikilova T.M.* (1999). Obrazovanie Shushenskoj volosti [Education of Shushenskaya volost]. Sb. Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya (1989–1999 gg.) Vyp. 1. Minusinsk. pp. 93–95.
- Kikilova, 2002** – *Kikilova T.M.* (2002). Narodnoe obrazovanie Shushenskoj volosti [Public education of the Shushenskaya Volost]. V sb. «Izvestija Arhitekturno-jetnograficheskogo muzeja «Tal'cy». Vyp. 1. Irkutsk. pp. 62-65. [in Russian]
- Leonzyk, 2004** – *Leonzyk S.* (2004). Polskie karty v istorii Minusinska. Abakan. 67 p.
- MGA** – Minusinskij gosudarstvennyj arhiv Minusinsk State Archives].
- My i planeta, 1969** – My i planeta. Cifry, fakty [We and the planet. Figures, facts]. M.: Politizdat, 1969. 214 p. [in Russian]
- Ocherki, 2014** – Ocherki istorii narodnogo obrazovanija Krasnojarskogo kraja (XVII – nachalo XXI vv.) [Essays on the history of public education in the Krasnoyarsk Territory (XVII – early XXI centuries)]. Krasnojarsk, 2014. 580 p. [in Russian]
- Stepanov, 1835** – *Stepanov A.P.* (1835). Enisejskaja gubernija. Ch. I-II. [The Yenisei province. Part I-II.]. S-Pb. 603 p. [in Russian]
- Studenickij-Gizbert, 1897** – *Studenickij-Gizbert V.* (1897). Sovremennaja Sibir'. S kartoj Sibiri i transsibirskoj zheleznodorozhnoj magistrali [Modern Siberia. With a map of Siberia and the Trans-Siberian Railway]. Krakov. 226 p. [in Russian]
- Umanskij, 1987** – *Umanskij L. A., Shaboldin S.S.* (1987). Gody truda i pobed, 1917 – 1987: Popul. spravocnik [Years of Labor and Victories, 1917 – 1987: Popul. directory]. M.: Politizdat., 368 p. [in Russian]
- Ushakov, 2015** – *Ushakov G.G.* (2015). Lenin v Shushenskom: ocherki [Lenin in Shushensky: essays]. Shushenskoe. 80 p. [in Russian]

Становление начального образования в Восточной Сибири: на примере Шушенской волости

Валерий Георгиевич Седельников, ^{a,*}, Валентина Николаевна Тугужекова ^b,
Надежда Яковлевна Артамонова ^c, Валентина Нестеровна Асочакова ^c

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Хакасский научно-исследовательский институт литературы, языка и истории, Российская Федерация

^c Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Российская Федерация

Аннотация. Быстрый экономический рост в пореформенной России и параллельное отставание страны в области образования – эти два явления в исторической литературе не пересекались, несмотря на их видимое противоречие. Авторы статьи попытались восполнить этот пробел, проанализировав процессы становления образования в Шушенской волости, где как в капле воды отразились проблемы, характерные для Восточной Сибири и всей Российской империи.

Основная проблема образования в Шушенской волости – отсутствие, в целом, мотивации со стороны крестьянства к обучению в школе. Причина этого заключалась в том, что правительство, делая упор на религиозно-самодержавную составляющую начального образования, стремилось переложить содержание школы на плечи крестьянского «общества». Отсюда весьма низкие темпы ликвидации неграмотности, несмотря на подвижнические усилия со стороны многих сельских педагогов.

Тенденция к изменению настроений крестьянства начала проявляться по мере проникновения в деревню капиталистических отношений, а также в связи с начавшейся мировой войной.

Ключевые слова: приходское училище, грамотность, Шушенская волость, домашнее образование, школьный учитель, религиозные и нравственные понятия, потребность в образовании, содержание школы, революция.

* Корреспондирующий автор

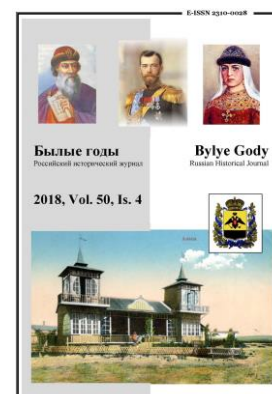
Адреса электронной почты: sedel-valery@yandex.ru (В.Г. Седельников), priemnaya_haknii@mail.ru (В.Н. Тугужекова), lazar1918@yandex.ru (Н.Я. Артамонова), asocvn@mail.ru (В.Н. Асочакова)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1436-1455. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1436
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Integration of Kalmyks into the Russian Society of the XVIII century and Relations of Kalmyks, Russians and Other Ethnos during the Existence of the Kalmyk Khanate within Russian Empire (based on Unpublished Materials stored in the National Archives of the Kalmyk Republic)

Badma K. Salaev ^a, Danara A. Suseeva ^a, Tamara S. Esenova ^{a,*}, Nadezhda S. Dzhambinova ^a

^a Kalmyk State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the process of adaptation of the Kalmyks who voluntarily joined the Russian state in 1609 into the Russian society of the XVIII century. Sources were numerous official letters of the Kalmyk khans and their contemporaries in "tod bichig" ("clear letter", the old Kalmyk script) addressed to representatives of Central, regional and local authorities, settled in the National Archives of the Kalmyk Republic. The results of the analysis allow us to conclude that the Kalmyks have become aware of themselves as an integral part of Russia since their voluntary entry into its structure. The official letters reveal the mechanism of gradual adaptation of Kalmyks to life in the new geopolitical conditions, successful integration of the Kalmyk people in all spheres of life of the Russian society of the considered era – both internal (economic, political and cultural life) and external (participation in wars against enemies of the Russian state). Drawing a panorama of the life of the steppe people in all its diversity, the documents describe the relationship between the Kalmyk and Russian peoples in military, social, commercial, economic activities, in interpersonal communication. Interethnic relations of the Kalmyks in the fight against common internal and external enemies can be described as fraternal, as characterized by mutual assistance of peoples in the protection of the territory, military campaigns. Such were trade, cultural and family relations established by the Kalmyks with different peoples in the period under consideration. Vocabulary, phrases and style of the documents that were reviewed indicated the formation of consciousness of the Russian citizen which was common for the Kalmyks of the XVIII century.

Keywords: Russian state, the Kalmyks, the Kalmyk khanate, XVIII century, official letters.

1. Введение

Народы России объединяют многовековые духовные и культурные связи. Их дружеские взаимоотношения, складывавшиеся на протяжении многих веков, являются прочной основой для тесного взаимодействия в разных областях на современном этапе. В этом плане заслуживают внимания становление и развитие взаимоотношений русского и калмыцкого народов в эпоху существования Калмыцкого ханства в составе Российского государства. Данная тема нашла свое отражение в научной литературе, написанной на материале источников на русском языке. Вместе с тем существуют источники по указанной теме и на калмыцком языке. К ним относится обширная официально-деловая переписка на «тод бичг» («ясное письмо», старописьменный калмыцкий язык) калмыцких ханов XVIII в. и их современников с представителями центральной, региональных и местных властей. Часть такого материала хранится в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее – НАРК). Эти источники интересны и уникальны: отражают в «ежедневном режиме» состояние и развитие дружеских отношений между русскими, калмыками и другими народами Юга

* Corresponding author

E-mail addresses: esenova_ts@mail.ru (Т.С. Есенова), rector@kalmsu.ru (В.К. Салаев), suseeva@gmail.com (D.A. Suseeva), sawh@mail.ru (N.S. Dzhambinova)

России в первой половине XVIII в. К сожалению, данный материал малоизвестен, т.к. написан на старописьменном калмыцком языке. На эту трудность указывал в начале XX в. известный историк Н.Н. Пальмов, который писал, что положение историка, работающего над документами, осложняется тем, что громадное количество документов, относящихся к калмыцкой истории, написано на старописьменном калмыцком языке, доступном ограниченному кругу филологов-монголоведов. В связи с этим он призывал историков работать в содружестве как с лингвистами, которые исполняют нелегкую задачу перевода калмыцких текстов на русский язык и сделают их достоянием широкого круга ученых, так и с этнографами, юристами, археологами, экономистами и художниками (Пальмов, 1992: 28). Вместе с тем Н.Н. Пальмов обратил внимание на русские переводы данных документов XVIII в., которым дал отрицательную оценку (Пальмов, 1992: 28). Однако по результатам нашего сравнительно-сопоставительного исследования калмыцких документов и их русских переводов XVIII в. можно заключить, что в большинстве случаев калмыцкие официально-деловые письма переведены на русский язык адекватно. Поэтому в своей работе мы опираемся на русские переводы XVIII в., в редких случаях, если оригинал и его русский перевод не совпадают, используем перевод, выполненный Д.А. Сусеевой. Всего нами было изучено около одной тысячи ранее не введенных в научный оборот калмыцких официально-деловых документов. Этот уникальный архивный материал положен в основу настоящей работы с целью анализа процесса адаптации калмыков, добровольно вошедших в состав Российского государства в 1609 г., в российском обществе XVIII в. через изучение взаимодействия русского и калмыцкого народов в военной, политической, торговой сферах, а также в межличностном общении. Этим определяются новизна и актуальность данной статьи.

2. Материалы и методы

Материалы исследования. В последние годы опубликовано около 500 официально-деловых писем калмыцких ханов и владельцев XVIII в. с их синхронными русскими переводами (Гедеева, 2004; Кокшаева, 2007; Сусеева, 2003; Сусеева, 2011; Сусеева и др., 2013). По нашим данным, в НАРК насчитывается около 7 тысяч не изученных исследователями писем, которые проливают свет на общественную жизнь калмыков XVII–XIX вв. Составленные на старописьменном калмыцком языке, они до сих пор остаются недоступными как для широкого читателя, так и специалистов по истории калмыков. В этих документах раскрывается география сезонных кочевок калмыков, торговых путей, участия калмыков в войнах по защите южных рубежей Российского государства, а также взаимоотношения калмыков с другими народами в новых общественно-политических условиях и многое другое. Особый интерес вызывают те письма, в которых содержатся сведения об участии калмыков в важных военных и общественно-политических событиях указанного периода, о развитии и укреплении дружеских отношений между калмыцким и русским народами, с соседними кочевыми и оседлыми этносами, постепенной интеграции калмыков в общественной жизни России того времени. В качестве основного источника нами использованы около тысячи ранее не введенных в научный оборот официально-деловых писем, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия. Изученные документы являются официально-деловыми письмами на тод бичг известных исторических лиц: сподвижника Петра Первого хана Аюки (годы правления 1672–1724 гг.), его сына Чагдоржаба, крупнейшего калмыцкого военачальника, влиятельного калмыцкого владельца Доржи Назарова, которого Петр Первый рассматривал в качестве кандидатуры на ханский престол после смерти хана Аюки, и др. Письма составлены в соответствии с принятыми в калмыцком языке требованиями жанра *бичг* («письмо»): имеют трехчастную структуру, формулы-клише в вводной и завершающей частях, содержат указание на устное сообщение, вложенное в уста вестового (как правило, оно содержало главную информацию), скреплены личной печатью автора письма.

Методы. Главным методологическим основанием научных исследований процесса адаптации калмыков в новых условиях обитания в пределах Российского государства, взаимоотношения русского, калмыцкого и других народов России является принцип историзма, а также системный подход, заключающийся в целостном рассмотрении совокупности фактов, событий, происходящих в определенное время (первая четверть XVIII в.), в определенном месте (на южных границах Российского государства и в Калмыцком ханстве, являвшимся его составной частью), в контексте внешне- и внутривосточной, культурной и экономической обстановки. Методика анализа письменных источников определяется задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации языковых материалов использовались приемы статистического, сравнительного, сопоставительного, описательного, лингвокультурологического, текстологического методов. На этапе оценке материалов с точки зрения тех исторических событий, которые имели место в изучаемую эпоху, задействован комплексный подход, основанный на сопоставлении всех имеющихся письменных сведений о данном историческом периоде в истории России.

3. Обсуждение и результаты

Братское содружество русского и калмыцкого народов имеет глубокие духовные и культурные корни, богатую поучительными фактами историю. Сближение калмыков с русским и другими народами России началось более четырехсот лет тому назад, складывалось и развивалось исторически в ходе совместной борьбы с недругами за общее выживание (Кичиков, 1966: 7–8).

В литературе на русском языке описаны «исключительно тесные узы, связывавшие калмыцкий народ с первых дней его появления в российских пределах с русским и другими народами России» (*Очерки истории, 1967: 3*). Некоторые аспекты интересующей нас проблемы затрагиваются в работах исследователей еще XVIII в.: В.М. Бакунина (*Бакунин, 1995*), С.Г. Гмелина (*Гмелин, 1777*), И.И. Лепехина (*Лепехин, 1771*), П.И. Рычкова (*Рычков, 1762*) и др.

В XIX–XX вв. расширяются аспекты исследования данной темы. Постепенно складываются две точки зрения на характер взаимоотношений русского и калмыцкого народов. Первая усматривает в акте вхождения калмыков в состав России «осуществление ими экспансионистских замыслов или возрождение «чингисовской идеи панмонголизма», вторая объясняет характер отношений между двумя народами добровольным вхождением калмыков в состав России с целью сохранения своей безопасности и «кочевого образа жизни».

Первую точку зрения разделяли такие известные авторы, как Иакинф (*Бичурин, 1991*), А.М. Позднеев (*Позднеев, 1886*), Е.Ч. Чонов (*Чонов, 1912*), архимандрит Гурий (*Степанов, 1915*) и др. Так, А.М. Позднеев охарактеризовал русско-калмыцкие отношения в своей статье «Астраханские калмыки и их отношение к России», отражающей реакцию на работу М. Новолетова, изучившего материалы Астраханской губернской канцелярии и сделавшего попытку показать правдивую историю волжских калмыков и их роль в исторических судьбах России. В частности, А.М. Позднеев пишет: «...Калмыки за все это время не переставали на каждом шагу обманывать и эксплуатировать Россию, а последняя как бы не хотела изучить и понять этого народа» (*Позднеев, 1886: 141*).

Вторая точка зрения представлена в работах исследователей XIX–XX вв.: М.Г. Новолетова (*Новолетов, 1884*), Н.Н. Пальмова (*Пальмов, 1992*), Б.О. Джамбинова (*Джамбинов, 1960*), П.С. Преображенской (*Преображенская, 1960*), М.Л. Кичикова (*Кичиков, 1966*), И.Я. Златкина (*Златкин, 1983*), Т.И. Беликова (*Беликов, 1960; 1965*) и др. В частности, М.Л. Кичиков, занимавшийся изучением исторических корней дружбы русского и калмыцкого народов, выступил с резкой критикой суждений А.М. Позднеева, т.к. в них «полностью отсутствует обязательная для исследователя объективность» (*Кичиков, 1966: 10*).

В процессе нашего изучения официально-деловой переписки калмыцких владельцев первой четверти XVIII в. с боярами, воеводами, губернаторами, командирами и комендантами волжских городов, отложившейся в НАРК, выявлен богатый информационный пласт документов. Написанные на старописьменном калмыцком языке, они поступали в Астрахань в «ежедневном режиме». Каждое калмыцкое письмо фиксировалось в день получения в астраханской канцелярии Калмыцкой комиссии и переводилось на русский язык. Именно эти документы создают объективную картину жизни общества в данную историческую эпоху, свидетельствуют о существовавших повседневных братских отношениях между русскими, калмыками и другими народами России в Нижнем Поволжье в первой половине XVIII в.

Калмыки, в XVII в. добровольно вошедшие в состав Российского государства, в рассматриваемый период обустроивались на новой территории, интегрировались в российское общество. Начало XVIII в. характеризуется усилением борьбы Русского государства за выход к берегам Балтийского и Черного морей. «Крымские ханы, подстрекаемые турецкими султанами, неоднократно вторгались в южные пределы России, нападали на окраинные города и села, грабили местное население, уводили его в плен и продавали в рабство» (*Очерки истории, 1967: 151*). В военных походах русских войск непосредственное участие принимали калмыки, что находит объективное отражение в архивных документах, представляющих собой своеобразные «военные сводки» о передвижении противника и подготовке к отражению внезапного нападения. Калмыки получали такие сведения от соседей-казаков (донских, оренбургских, астраханских), от приезжающих для торговли в калмыцкие улусы купцов, от своих дозоров и караулов, расставленных в проблемных местах (например, на водных переправах):

1715 год января* в* день* 25 перевод/ с калмыцкого письма*/ Я, Чабдаржаб, здесь со всеми здоров, / в Астрахане Михаил* Ильич* со всеми ль*/ здоров. Осенью* послан был от нас в Черкасский*/ казачий* городок* посыльщик*. И ныне / к нам приехал и сказал подлинные/ вести, что кубанцы сели на коней* / и в нынешнем месяце будут к нам*. Пороху/ и свинца* довольно* пришли с посыльщиком* моим. Словесный* приказ есть. / Посыльщик* Бирилю с товарищами* 7/ человек*. У листа печать Чабдаржабова. Документ № 1 (*НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 12*)¹ (Приложение, пункт 1).

¹ При передаче данного русского перевода XVIII в. (*НАРК Ф-36. Оп. 1. Д. 3. Л.12*), как и при передаче других переводов, с целью удобства мы придерживались следующих правил: 1) старые буквы (Є, S, Z, I, H, Ѡ, Ъ, Ю, Ѣ, Ѵ) заменяются соответствующими современными буквами (Е, З, И, О, Е, Э, КС, Ф); 2) надстрочные буквы и буквосочетания возвращены в строку и переданы *курсивом*, напр.: Я, Джа^а, здес^ь совсеми здорова > Я, Джал, здес^ь со всеми здорова; 3) сокращенные слова пишутся полностью, напр.: члвкъ > человек; 4) предлоги с существительными и местоимениями пишутся отдельно, напр.: совсеми > со всеми, наволге > на Волге; 5) начальные слова текста и собственные имена существительные пишутся с заглавной буквы, напр.: в^ьасатархань > в Астрахань; 6) архаические грамматические и орфографические формы слов и словоформ заменяются современными с пометкой

О координации совместных действий по охране южных рубежей России свидетельствуют изученные нами официально-деловые документы того времени. В качестве примера приведем письмо Чагдоржаба:

1715 год сентября в день* 18. Перевод/ с калмыцкого письма*/. Я, Чабдаржаб, здесь здоров. В Астрахане*/ Михаил* Ильич*здравствует ли? Слышно/ мне, что кубанцы по Волге русских людей/ в полон берут*. И я по тем вестям для/ поиска* послал к Волге сто человек*. И вы при/кажете в причинных местах поставить/ караулы. Документ № 2 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 91).

На новой территории обитания у калмыков складывались тесные дружеские связи в первую очередь с соседними народами. Такие отношения были крайне важны в условиях военного времени, зачастую необходимую информацию о противнике калмыкам сообщали донские казаки. Например, в письме от 18 января 1713 года астраханскому воеводе М. Чирикову хан Аюка пишет, что донские казаки, по пути из Казани захватившие в калмыцкие улусы, сообщили, что кубанцы «поднимаются* на калмыцкие улусы войною». В связи с этим хан предупреждает воеводу, чтобы русские «войсковые люди были в готовности». Документ № 3 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 5).

После добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства его взаимоотношения с русским и другими этносами многонациональной России регулировал Договор «О подданстве хана Аюки со всеми тайшами и с людьми его Российскому государству», который был заключен 5 сентября 1710 г. от имени царя Петра Первого казанским и астраханским губернатором боярином П.М. Апраксиным и от Калмыкии ханом Аюкой и тремя крупными тайшами (Бакунин, 1995: 30). В одном из писем хан Аюка и его сын Чагдоржаб требуют, чтобы астраханский воевода немедленно послал людей к царю (Петру Первому) для получения известного Указа о совместных действиях русских и калмыков в военное время, составленного на основе Договора, чтобы **«вместе жить и стоять друг за друга»:**

АҮӨІ (1719) года февраля в* К Г (23*) день* явился/ по* приезду* в Астрахань* от хана Аюки при/сылщик* и подал лист*, в котором* при* переводе* написано/ Я, Аюка-хан, здесь со всеми здоров*/. Астраханскому боярину бригадиру* хан Аюка/ и* Чабдаржаб подали письмо*, а в письме* / написано: есть ли* указ у вашей* милости/ такой*, что к нам*, если* какие неприятели/ или к вам будут*, и* вам бы за нас стоять*, /а также* и нам за* вас стоять. И если* такой*/ есть указ, и* вы за нас почему* не сто/ите*, также*, если* такого указа / нет*, чтобы* за* нас стоять, ваша милость, / к* царскому величеству пишите, чтоб/ ведомость привезли, и мы вместе/ с вами живем* и друг за друга надобно* стоять. И об этом* к царскому/ величеству немедленно отпиши. Если* какие/ будут* неприятели, чтоб было кому за* нас стоять. Документ № 4 (НАРК. Ф-36. Оп.1. Д. 6. Л. 58).

Калмыки участвовали в военных операциях того времени, которые вела Россия, под предводительством тайш. Будучи великолепными наездниками, привычными к тяготам походной жизни, калмыки демонстрировали лучшие воинские качества на полях сражений. Особенную доблесть в боях в рассматриваемый период проявлял Чагдоржаб, старший сын хана Аюки, под руководством которого калмыцкие войска участвовали во всех важных боевых операциях рассматриваемого периода: в боях со шведами под Полтавой, с турками на Азове, в Крыму, на Кавказе и Кубани. Умер Чагдоржаб в 1722 г. в момент подготовки к участию в Персидском походе Петра I. Вместо Чагдоржаба в том походе принял участие его старший сын Бату. Вот как Дасанг, второй сын Чагдоржаба, напоминает астраханскому губернатору А.П. Волынскому о военной биографии своего отца Чагдоржаба и старшего брата Бату:

1722 год декабря в* 9 день* перевод* с листа калмыцкого письма*, в котором/ написано. Я, Дасанг, здесь здоров, там, брат* мой, губернатор, / здравствуешь* ли? С четырех сторон какие ведомости/ есть? Когда* башкиры* с русскими были в войне, и отец*/ мой ходил над калмыцкими войсками* командиром* и башкир* завоевал*, и взятых русских* пленников* возвратил*, / и башкир* паки к ногам* его императорского/ величества приклонил, и со шведами*, когда под Полтавой* воевали, и отец* мой над калмыцкими войсками*/ командиром* же ходил, и к службе той тщание имел, / и еще на Кубань с* Апраксиным ходил, и татар/ские войска*, которые русских* людей взяли в плен*, оных*/ возвратил же, и обо всем* об оном старание имел*, / а нынешнюю* службу как* брат* мой Бату / без фальши* по возможности своей служил, и о том/ вам* и самим* известно. Документ № 5 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 10. Л. 109).

Известный историк И.В. Торопицын пишет о том, что калмыцкое войско «блестяще проявило себя» в русско-турецкой войне 1736–1740 гг. (Торопицын, 2009: 242). Результатами этой войны были довольны и сами калмыки, участвовавшие в ней. Интересно отметить, что в сознании авторов писем победа в военных походах в составе русских войск оценивается ими как услужение великой

, напр.: вьулусехъ > в улусах*, вошед > войдя*; 7) при передаче русского перевода XVIII в., где это возможно, используются правила современной пунктуации. Для определения, насколько точно передано содержание русских переводов с помощью вышеприведенных правил, десять наших транслитераций русских переводов XVIII в. сопровождаются копиями соответствующих оригиналов, хранящиеся в НАРК. В случае установления неточностей в русских переводах XVIII в. приводится дополнительно перевод Д.А. Сусевой.

государыне. Всего около 120 лет назад вошедшие в состав Российской империи калмыки, участвуя в военных действиях, проявляют себя как верные ее подданные, исполняя государеву волю:

Доржи Лобзан Бай хурбуулан = Айи айдархани губэрнэд ту бичиг өгбө. / Бичигийн учир. Хабур йэкэ үйилэду зүдкүйэ гэжи, цэриг мордожи бэлэй би. / Зангги мини. Йэкэ эзэни үйилэ бүтүбэ. Азоу болоод кэсэг балхасу булаажу / аба. Хара мангуди идэгчийни идэбэ бида. Ороулугчийни ороулжи аба / бида. Баса үлэгсэйни хойиту сарайн хойор шинэду цэриг мордожи / тоуйа гэжи бэрд маршал тай Азоу дээрэ көүнэл дүжи бэлэй бида / Йэкэ үйилэйн төлөө көлөгө күнэсн сэлбижи цэриг мордоной бида / Элчи Байбичи.¹ Документ № 6 (НАРК. Ф. И. 36. Оп. 1. Д. 82. Л. 67об.) (Приложение, пункт 2).

Русский перевод XVIII в. документа № 6:

Перевод* с присланного* письма* от калмыцкого/ владельца* Лобжи, которое получено июля 13 дня сего 736 года*. Доржи, Лобжа и Бай трое астраханскому/ губернатору письмо* подали, которому сила/ таковая. Понеже весною, в великой службе/ дабы потрудиться*, поход* восприняли*, которому/ счастьем* для* великой государыни* конец* учинен*/ добрый*. К тому ж* Азов* и немало городов*/ взяли ж*. Чернь же татарскую, которые* к ра/зорению* надлежали, тех* разорили, а которых*/ к унятию*, тех* мы уняли. О прочих* же, / оставшихся*, положили с фельдмаршалом (Измайловым – уточнение Д.А. Сусевой)/ при Азове, дабы впредь, в будущем* месяце/ второго числа, собраться* на них* наступать/ У сего письма* Доржи Назарова печать. Переводил* Андрей Чубовский*. Документ № 7 (НАРК. Ф.И-36. Оп. 1. Д. 82. Л. 68) (Приложение, пункт 3).

Текст данного письма, как и многих других документов, свидетельствует о совместном участии калмыцкого и русского народов в боевых действиях по защите южных рубежей Российского государства. О значимых успехах в военных походах сообщают в письмах калмыцкие владельцы, например, Чагдоржаб в письме от 20 января 1715 г. на имя астраханского воеводы пишет, что в походе «калмыки поймали кубанцев шесть человек» и «две тысячи коней пригнали». Он просит воеводу «хотя бы* нам* небольшое* число войска/ пришли», поскольку «сего де месяца с пятого дня* кубан/цы на калмыков* поднимутся*» Документ № 8 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 14) (Приложение, пункт 4).

Обустройство новых подданных в пределах Российской империи проходило последовательно в эту насыщенную военными событиями эпоху. В первую очередь проводились совместные мероприятия по защите калмыцких кочевий и русских земель от внезапных нападений противников:

Йэкэ цаһаан хани зарлиг/ хазаһааса ирэгчи дайигийни дайилажи/ харуулийни харажи = хазаараан харху/ босхоулийни боожи байигтун гэгсэн зарлиг/ белэй эжилийин ороши = йангхала куртэлэ/ харуулан сайитур харуулжи манду зангги/ огчи байигтун = усун дээрэ ирэгчи дайини/ кэрэмэни чимаду... Документ № 8 (НАРК. Ф.-И. 36. Оп. 1. Д. 2. Л. 85) (неточный русский перевод XVIII в. данного письма – Приложение, пункт 4).

Русский перевод данного письма, выполненный Д.А. Сусевой:

Я, Аюка хан, здесь со всеми здоров. Астра/ханский боярин со всеми ли здоров? Указ царя гласит, /чтобы мы воевали с противниками, пришедшими со стороны,/ укрепляли дозоры, пресекали/ попытки беглецов уйти за пределы границы/. Волжские русские до Черного Яра должны / расставить свои крепкие дозоры и постоянно нам присылать вести./ А противников, прибывших на кораблях/ по воде, тебе. Хана посольщик Баахан Манжи. Документ № 9 (НАРК. Ф.-И. 36. Оп. 1. Д. 2. Л. 86).

Как свидетельствуют изученные нами источники, в совместных мероприятиях калмыки опирались на помощь русских, которые снабжали их по условиям заключенных между ними договоров военным снаряжением, боеприпасами и войсками. Приведем в качестве свидетельства два документа.

I. Чагдоржаб в своем письме от 11 февраля 1715 года на имя астраханского боярина М.И. Чирикова обращается с просьбой, чтобы тот к нему немедленно прислал русское «войско», поскольку стало известно, что кубанцы де поднялись, тому /ныне шестнадцатый* день. Документ № 10 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 26) (Приложение, пункт 5).

II. Хан Аюка в своем письме от 12 декабря 1715 г. на имя астраханского воеводы уведомляет, что дворянин Николай Григорьев великого государя денежное жалование, порох, свинец, селитру, серу, сталь, чахир, табак, два мешка муки ко мне привез, а что еще не прислано, то прикажи ко мне прислать. Документ № 13 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 112).

Постепенно укреплялись дружественные связи калмыков с соседними народами, нормой во взаимоотношениях становилась взаимопомощь; складывалось тесное взаимодействие калмыков с русской администрацией, ее представителями на местах. Так, в одном из своих писем хан Аюка высказывает благодарность в адрес русской администрации за своевременную помощь войсками:

АҮҮИ (1715*) год февраля в* 23 день перевод/ с калмыцких писем*. / Я, Аюка хан, здесь со всеми здоров*/ В Астрахане* Михаил* Ильич* в добром ли / здравии*? Наших калмыков* от неприятель/ских людей в город пустил и выпустил. / И тем* учинил нам доброе дело./ И* чтоб

¹ Здесь и далее калмыцкие письма со старописьменного калмыцкого языка тод бичг транслитерированы на современное калмыцкое письмо Д.А. Сусевой.

такому* быть и впредь на Красном*/ Яру. А в Казань о том изволь писать. Документ № 11 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 30) (Приложение, пункт 6).

Судя по изученным нами источникам, калмыки оценивали воинскую службу как дело государственной важности, постепенно формируется сознание подданных России, россиян. Так, в калмыцком официально-деловом языке к этому времени сложились устойчивые обороты, обозначающие понятие «государственная служба калмыков»: *цаһаан хана үйилэ* «дело русского царя», *йэкэ эзнэ үйилэ* «дело великого хозяина», *йэкэ импраторийин үйилэ* «дело великого императора» и др. Эти словосочетания, являющиеся средствами обозначения взаимоотношения русской администрации и калмыков как ее подданных, имеют высокую частотность в официально-деловой переписке рассматриваемого периода.

Идеи военного содружества с русскими по обустройству жизни на новой территории в первую очередь разделяли влиятельные владельцы калмыцких улусов. Чагдоржаб как опытный военачальник придавал большое значение совместным выступлениям русских и калмыков против общего противника. Например, в своем письме от 4 февраля 1715 года он сообщает астраханскому воеводе, что выступил против противника и со своим войском находится в Коровьей Луке. В связи с этим он просит воеводу прислать ему быстрее в помощь русское войско. Свою просьбу Чагдоржаб объясняет так: если «вы свое войско пришлете/ ко мне вскоре», то нападающие «неприятельские* люди», которые «войну чинить будут» с нами, увидев это русское войско, **с вами нас, калмыков, почитают заодно**». Более того, Чагдоржаб надеялся на то, что «неприятельские* люди», **услыша, что ваше войско при мне есть, я* чаю, что неприятели и не будут**. Документ № 12 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 21–210б.) (Приложение, пункт 7).

Калмыцкие ханы и владельцы были проводниками не только внешней, но и внутренней политики царской администрации. Так, например, хан Аюка принимал участие как в борьбе с внешними противниками Российского государства (с турками, шведами, персами), так и в подавлении внутренних противников. Известно, что калмыцкие войска выступили на стороне Петра Первого при подавлении им народных бунтов внутри страны, а именно: астраханского 1705–1706 гг., башкирского и булавинского. Об этом говорится, например, в следующем письме хана Аюки от 12 декабря 1715 года:

По Указу великого государя* Доржи Назаров*/ башкир воевал. И* в том промеж нами/ ссора. А ныне, осенью, приезжали башкиры боем/ к* Яику на Доржин улус и убили пять человек* / калмыков* да дватцать* человек* пропало без вести. / И* взяли всякого скота* многое число. По счету*/ не знаем. И, милость* твоя, с Дмитрием* Ефремовичем Бахметьевым подумавши об этом деле, великому/ государю* донесите. У письма* печать ханова. Толмачил толмач* Алексей Лоскутов*. Документ № 13 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 112).

На новой территории обитания калмыки устанавливали торговые связи с ближними и дальними странами. География торговли калмыков в XVIII в. была чрезвычайно широкой. Вот что пишет в одном из своих писем хан Аюка: по милости /государевой напред* сего я людей своих/ с товаром через Астрахань во все четыре/ стороны торговать посылал. И остановки/ моим людям никакой не было. Документ №14 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 119/120об.).

Чагдоржаб уделял серьезное внимание торгам в Астрахани. Об этом говорят, например, следующие его два письма и два письма его жены Джал:

I. В письме от 13 сентября 1715 года Чагдоржаб обращается с просьбой к астраханскому воеводе, чтобы тем калмыкам, которые приезжают на торги в Астрахань, «не вели никаких обид чинить и вели судить правдою». Документ № 15 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 89).

II. В письме от 26 сентября 1715 года Чагдоржаб, узнавший об эпидемии оспы в Астрахани, тревожится:

Слышно нам: есть в Астрахани* у вас* оспа. И ныне я своего / человека* послал в* Астрахань*/ с* продажными лошадьми*, и с коровами*, / и с* баранами. Пожалуй, прикажи / им отвести* чистое место прода/вать». Документ № 16 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 99).

III. Джал, невестка хана Аюки, жена его старшего сына Чагдоржаба, в своем письме в адрес астраханского воеводы М.И. Чирикова от 12 января 1712 г. сообщает, что я по своей вере/ хочу к* Далай*-ламе ехать молиться*. / И по своим нуждам послала я посылщика*/ своего в Дербент*. Документ № 17 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 3).

IV. В другом своем письме от 16 декабря 1715 г. в адрес воеводы М.И. Чирикова она пишет: «Посылала я к Москве в Арта/базарную* станицу* лошадей своих* / на продажу с бухарцем* Атхулом*/. Из тех* лошадей он продал* на шестьдесят* рублей*...». Документ № 18 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 116).

Во времена хана Аюки калмыки ездили на торги не только в Дербент, Москву, Астрахань, но и другие города, например, Самару, Саратов и т.д. Они продавали скот и продукты животноводства, покупали готовые изделия, одежду, продукты. Торговля укрепляла экономические, хозяйственные и культурные связи калмыков с русскими, армянами, татарами и другими народами. Судя по документам, калмыцкие владельцы посылали своих торговцев не только на базары Российского государства, но и в Хиву, Бухару, Персию, что нашло отражение в русско-калмыцкой переписке. Так, хан Аюка в своем письме от 6 августа 1715 г. сообщает астраханскому воеводе М.И. Чирикову:

бухарец* мой Сентку прие/хал из-за моря, а с ним шесть тай* товару*. Документ № 19 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 82).

Калмыки использовали время мирного русско-турецкого сосуществования (в период заключения перемирия между Россией и Турцией) для расширения своей торговли с турецкими подданными. Так, в письме от 15 октября 1717 г. Чагдоржаб, проявляя восточную дипломатию, просит совета у астраханского воеводы М.И. Чирикова о возможности возобновления торговли с Азовом. Он поднимает этот вопрос потому, что из Азова вернулся его посольный, который сообщил ему новость: «Кубанцы от азовцев отложились», если «с вами турки в миру, и мы также с вами в миру. И по-прежнему бы с торгом в Азов отпускали». В связи с этим Чагдоржаб обращается с просьбой к воеводе: «И я хочу послать*/ для нужды своей в Азов посольщика*/ своего. И, милость* твоя, как* пово/лишь: посылать ли мне или нет*». Документ № 20 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 129 (183)).

В ряде писем речь идет не только о торговых, но и дипломатических связях калмыков с Китаем, Тибетом, Крымским и Хивинским ханствами, Персией и др. Так, например, о направлении калмыцкого посла в Персию уведомляется в следующем письме хана Аюки:

Аа йу = хэ хан эндэ бида мэндү / тэндэ айидархани байар мэндү / байиза = хазалбашту достоги элчи / илгэ би бида – хазааһууни йабуху болхуна / тэрту күүгээр күргүүлүктүн – усаар / йабаху болхуна онһоцо күнэсүни / өгчи өтөр йабуулугтун. Документ № 21 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 170б.) (Приложение, пункт 8).

Русский перевод этого калмыцкого письма XVIII в.:

АҮҮІ (1715 году*) марта в 21 день* перевод с кал/мыцкого письма*/ Я, хан, здесь в добром здоровье, / в Астрахани* Михайла Ильич здрав/ствует ли? Послал я в Персиду послом / человека* своего Достека и как он при/будет в Астрахань и куда* ему / податнее ехать до Терку степью / или водою, пожалуй, буде степью вели / его* провожать до Терку, буде водою / прикажи его водою отправить и корму / дать, немедленно отпусти. А что людей, / о том подлинное известие на письме* / после сего листа будет. У листа печать хана Аюки. Документ № 22 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 18/29) (Приложение, пункт 9).

Калмыцкие владельцы имели крепкие дружеские связи с кабардинцами, казахами, татарами и другими народами, населявшими соседние территории. Устанавливались брачные, семейные отношения калмыков с представителями разных этносов, что укрепляло межнациональные отношения. Так, например, с целью установления дружеских связей с калмыцкой элитой князь Каспулат Черкасский свою сестру выдал замуж за Мончака, а Аюка, сын Мончака, женился на Абухане, сестре Каспулата Черкасского (Кичиков, 1966: 127). Не редки были браки калмыков с кабардинками, так, например, родной сестрой кабардинского князя Мухамеда Каргокина была ханша Джан, жена калмыцкого хана Дондук Омбо (годы правления 1736–1741 гг.), которая после смерти мужа крестилась вместе со своими детьми и положила начало известному княжескому роду России – князей Дондуковых (Пальмов, 1992: 67–74).

Корни дружеских связей калмыков с казахами также имеют давнюю историю. Так, калмыцкий нойон Бамбар, внук известного своими военными победами Доржи Назарова, в письме на имя астраханского губернатора В.Н. Татищева от 6 января 1743 г. сообщает, что в «давние времена» его дед и отец договорились с киргиз-кайсацким (казахским) султаном Абулхаиром взять дочь за его брата Юмчина:

Йэкэ эзэни үйилэчи собэдник базили / микэд үчидү бамбарийин бичиг / бамбар баса танааса зэбчилэжи суранай / би = кээзэнэй манай баһа цаг ту = эцигэ / өбөкө хойор мани = аблаһайири солтони / күүкэйиги мини дөү Йөмчин ду абху / болжи санжи = одоо аблаһайири нада / йаһанаи чи гэжи суранай = төүни зөб / буруоги танаа зэбчилөнөй би. Документ № 23 (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 163. Л. 27).

Русский перевод XVIII в. данного письма Бамбара:

Понеже в давних летах*, во время нашего мало/летства, отец и дед наш с Абулхаиром / султаном* по договору положили, чтоб за брата* / моего Йөмчина* взять* его* дочь; а ныне* оной / Абулхаир о том требует от меня ответа, / того ради я, Бамбар, прошу вашего совета, / что оное учинить можно ли или противно. У письма* печать красная. Переводил Яков Самсонов. Документ № 24 (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 163. Л. 29).

Калмыцкие владельцы, стремясь к миру и согласию с народами России, в своих действиях руководствовались государевыми указами. Об этом свидетельствует следующее письмо хана Аюки:

АҮҮІ (1715*) года января* в* 11 день перевод / с калмыцкого письма*/ Я, хан, здесь со всеми здоров. Астраханский / боярин со всеми ли здоров? Шухолов*/ сын* Адил Гирей терскому коменданту*/ говорил, чтоб ему Тереком* ведать. И слышно /мне, что посольщики* его* приехали/ в Астрахань с листом. Это правда ли, / или неправда? А напредь сего деды/ и отцы их*, и никто кумские* владельцы* / Тереком* не ведывали. Об этом деле: / по Указу ль царского величества он делает,/ или по* своей* воле*? И если* по* своей* воле*, / то* о* том* я размышляю, что будет ссора/ этому делу. Правда ли или неправда?/ Надобны* свидетели. А посольщика,/ который* в Астрахани, надобно задержать*/ А в Казань не пускать. Потом послать/ нарочного* в Казань, чтоб в том деле свор/ никаких не было. Посольщик мой Цаб. С ним

словесный* приказ. У листа печать хана Аюки. Документ № 25 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 3) (Приложение, пункт 10).

Таким образом, изученная нами официально-деловая переписка калмыцких владельцев XVIII в. и их современников, отложившаяся в НАРК, свидетельствует о том, что калмыки стали осознавать себя частью России с момента своего добровольного вхождения в ее состав. Документы раскрывают механизм постепенной адаптации народа к жизни в новой среде обитания, интеграции калмыцкого народа во все сферы жизни российского общества рассматриваемой эпохи как внутреннюю (экономическую, политическую, хозяйственную и культурную жизнь), так и внешнюю (участие в войнах против врагов Российского государства). Рисуя панораму жизни степняков во всем ее многообразии, документы описывают дальнейшее развитие и укрепление связей во взаимоотношениях калмыцкого и русского народов в военной, социальной, торговой, хозяйственной деятельности, в межличностном общении.

4. Заключение

Официально-деловая переписка калмыков XVIII в. содержит объективную информацию, свидетельствующую об интеграции калмыков в российское общество, адаптации к новым геополитическим условиям, а также о разнообразных связях калмыков с русским и другими народами в период существования Калмыцкого ханства (XVIII в.) в составе Российского государства, их участия во всех значимых военных операциях этого времени. Отношения калмыков с русским и другими народами России в ходе совместной борьбы с общими внутренними и внешними противниками можно охарактеризовать как братские, поскольку характерна взаимопомощь народов в важных мероприятиях по охране территории, военных походах. Таковыми были и межнациональные торговые, культурные, семейные отношения, которые установили калмыки в рассматриваемую эпоху. Лексика, фразеология, стилистика проанализированных документов свидетельствуют о формировании сознания россиянина, подданного Российского государства, характерного для калмыка XVIII в.

5. Благодарности

Работа выполнена в рамках стратегического проекта «Калмыкия как трансграничный регион в восточном векторе России», реализуемого в рамках программы развития Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова как опорного регионального университета.

Литература

- НАРК – Национальный архив Республики Калмыкия.
- Бакунин, 1995 – Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста, 1995.
- Беликов, 1965 – Беликов Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.). Элиста, 1965.
- Беликов, 1960 – Беликов Т.И. Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста, 1960.
- Бичурин, 1991 – Бичурин И.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991.
- Джамбинов, 1960 – Джамбинов Б.О. Советская Калмыкия. М., 1960.
- Гедеева, 2004 – Гедеева Д.Б. Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Элиста, 2004.
- Гмелин, 1777 – Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. СПб., 1777.
- Златкин, 1983 – Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1983. Кичиков, 1966 – Кичиков М.Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование Калмыцкого государства в составе России. Элиста, 1966.
- Кокшаева, 2007 – Кокшаева Н.О. Отражение калмыцко-русских отношений в авторских документах XVIII в. // Материалы Международной научной конференции: Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая. Элиста, 2007. С. 177–184.
- Лепехин, 1771 – Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. Часть 1. СПб., 1771.
- Очерки истории, 1967 – *Очерки истории Калмыцкой АССР*. Дооктябрьский период. М., 1967.
- Новолетов, 1884 – Новолетов М.Г. Калмыки: исторический очерк. СПб., 1884. Пальмов, 1992 – Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е издание. Элиста, 1992.
- Позднеев, 1886 – Позднеев А.М. Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 244. Отд. 2. 1886. С. 140–171.
- Преображенская, 1960 – Преображенская П.С. Из истории русско-калмыцких отношений 50–60-х гг. XVII в. // *Записки Калмыцкого НИИЯЛИ*. 1960. Вып. 1. С. 49–83.

Рычков, 1762 – Рычков П.И. Топография Оренбургская. СПб., 1762.

Степанов, 1915 – Степанов А.И. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских народов. Т. 1. Кн. 2. Казань, 1915.

Сусеева, 2011 – Сусеева Д.А. Грамматический строй калмыцкого языка XVIII века: морфонология и морфология. Элиста, 2011.

Сусеева, 2003 – Сусеева Д.А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования. Элиста, 2003.

Сусеева, 2013 – Сусеева Д.А., Котяева Е.С., Олядыкова Л.Б., Ярмаркина Г.М. Русские переводы XVIII века деловых писем калмыцких ханов и их современников: тексты и исследования. Элиста, 2013.

Торопицын, 2009 – Торопицын И.В. Оборона калмыцких улусов в 30–40 гг. XVIII в. // Материалы Международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Ч. 1. Элиста, 2009. С. 242–246.

Чонов, 1912 – Чонов Е. Ч. Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 г. Пятигорск, 1912.

References

NARK – Nacional'nyj arhiv Respubliki Kalmykiya [National Archives of the Republic of Kalmykia].

Bakunin, 1995 – Bakunin V.M. (1995). Opisanie kalmyckih narodov, a osoblivo iz nih torgoutskogo, i postupkov ih hanov i vladel'cev. Sochinenie 1761 goda [Description of the Kalmyk peoples and especially of them trading, and the actions of their khans and owners. Composition of 1761]. Elista. [in Russian]

Belikov, 1965 – Belikov T.I. (1965). Kalmyki v bor'be za nezavisimost' nashej Rodiny (XVII-nachalo XIX vv.) [Kalmyks in the struggle for the independence of our Motherland (XVII-early XIX centuries)]. Elista. [in Russian]

Belikov, 1960 – Belikov T.I. (1960). Uchastie kalmykov v vojnah Rossii v XVII, XVIII i pervoj chetverti XIX veka [Participation of Kalmyks in the wars of Russia in the XVII, XVIII and the first quarter of the XIX century]. Elista. [in Russian]

Bichurin, 1991 – Bichurin I.Ya. (1991). Istoricheskoe obozrenie ojratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni [Historical review of the Oirats or Kalmyks from the 15th century to the present]. 2-e izd. Elista. [in Russian]

Dzhambinov, 1960 – Dzhambinov B.O. (1960). Sovetskaya Kalmykiya [The Soviet Kalmykia]. M. [in Russian]

Gedeeva, 2004 – Gedeeva D.B. (2004). Pis'ma namestnika Kalmyckogo hanstva Ubashi (XVIII v.) [Letters from the governor of Kalmyk khanate Ubashi (XVIII century)]. Elista. [in Russian]

Gmelin, 1777 – Gmelin S.G. (1777). Puteshestvie po Rossii dlya issledovaniya trekh carstv prirody [Journey through Russia to explore the three kingdoms of nature]. SPb. [in Russian]

Zlatkin, 1983 – Zlatkin I.Ya. (1983). Istoriya Dzhungarskogo hanstva [History of the Dzungar Khanate]. M. [in Russian]

Kichikov, 1966 – Kichikov M.L. (1966). Istoricheskie korni druzhby russkogo i kalmyckogo narodov. Obrazovanie Kalmyckogo gosudarstva v sostave Rossii [Historical roots of friendship between the Russian and Kalmyk peoples. The formation of the Kalmyk state as part of Russia]. Elista. [in Russian]

Kokshaeva, 2007 – Kokshaeva N.O. (2007). Otrazhenie kalmycko-russkikh otnoshenij v avtorskih dokumentah XVIII v. [Reflection of the Kalmyk-Russian relations in the author's documents of the 18-th century]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: Ojraty i kalmyki v istorii Rossii, Mongolii i Kitaya*. Elista. pp. 177-184. [in Russian]

Lepekhin, 1771 – Lepekhin I.I. (1771). Dnevnye zapiski puteshestviya doktora i Akademii nauk ad'yunkta Ivana Lepekhina po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva v 1768 i 1769 godu [Day notes of the journey of the doctor and the Academy of Sciences of the adjunct Ivan Lepekhin to different provinces of the Russian state in 1768 and 1769]. SPb. Chast' 1. [in Russian]

Ocherki istorii, 1967 – Ocherki istorii Kalmyckoj ASSR. Dooktyabr'skij period [Essays on the history of the Kalmyk ASSR. The pre-October period]. M. [in Russian]

Novoletov, 1992 – Novoletov M.G. (1992). Kalmyki: istoricheskij ocherk [Kalmyks: a historical essay]. SPb. [in Russian]

Pal'mov, 1992 – Pal'mov N.N. (1992). Ocherk istorii kalmyckogo naroda za vremena ego prebyvaniya v predelakh Rossii [An essay on the history of the Kalmyk people during his stay in Russia]. Elista. [in Russian]

Pozdneev, 1886 – Pozdneev A.M. (1886). Astrahanskije kalmyki i ih otnoshenie k Rossii do nachala nyneshnego stoletiya [Astrakhan Kalmyks and their attitude to Russia before the beginning of this century]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Chast' 244. Otd. 2. pp. 140-171. [in Russian]

Preobrazhenskaya, 1960 – Preobrazhenskaya P.S. (1960). Iz istorii rusko-kalmytskikh otnoshenij 50-60-kh gg. XVII v. [From history of the Russian-Kalmyk relations of the 50-60th of the 17th century]. *Zapiski Kalmytskogo NIYaLI*. No 1. pp. 49-83. [in Russian]

Rychkov, 1762 – Rychkov P.I. (1762). Topografiya Orenburgskaya [Topography Orenburg]. SPb. [in Russian]

Stepanov, 1915 – *Stepanov A.I.* (1915). Oчерки po istorii rasprostraneniya khristianstva sredi mongol'skikh narodov [Essays on the history of the spread of Christianity among the Mongolian peoples]. Kazan'. [in Russian]

Suseeva, 2011 – *Suseeva D.A.* (2011). Grammaticheskij stroj kalmyckogo yazyka XVIII veka: morfonologiya i morfologiya [The grammatical structure of the Kalmyk language of the 18th century: morphology and morphology]. Elista. [in Russian]

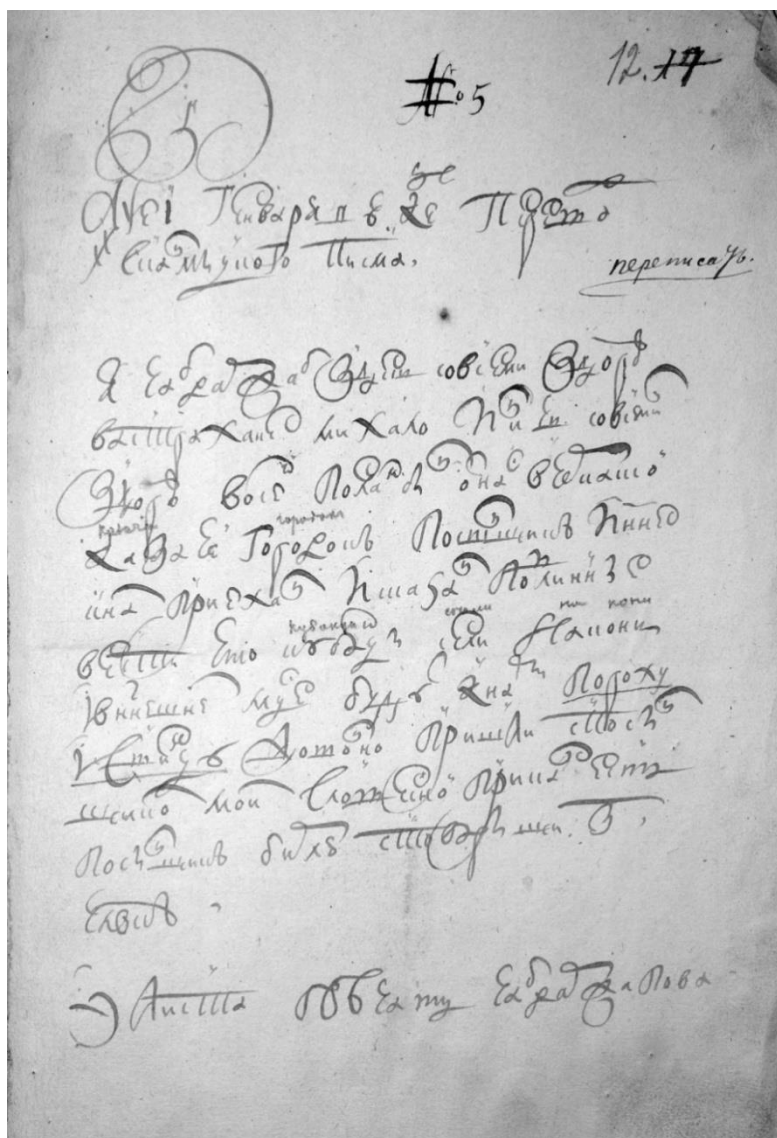
Suseeva, 2003 – *Suseeva D.A.* (2003). Pis'ma hana Ayuki i ego sovremennikov (1714-1724 gg.): opyt lingvosociologicheskogo issledovaniya [Letters from Khan Ayuka and his contemporaries (1714-1724): the experience of linguistic sociological research]. Elista. [in Russian]

Suseeva, 2013 – *Suseeva D.A., Kotyaeva E.S., Obyadykova L.B., Yarmarkina G.M.* (2013). Russkie perevody XVIII veka delovyh pisem kalmyckih hanov i ih sovremennikov: teksty i issledovaniya [Russian translations of the XVIII century business letters of Kalmyk khans and their contemporaries: texts and studies]. Elista. [in Russian]

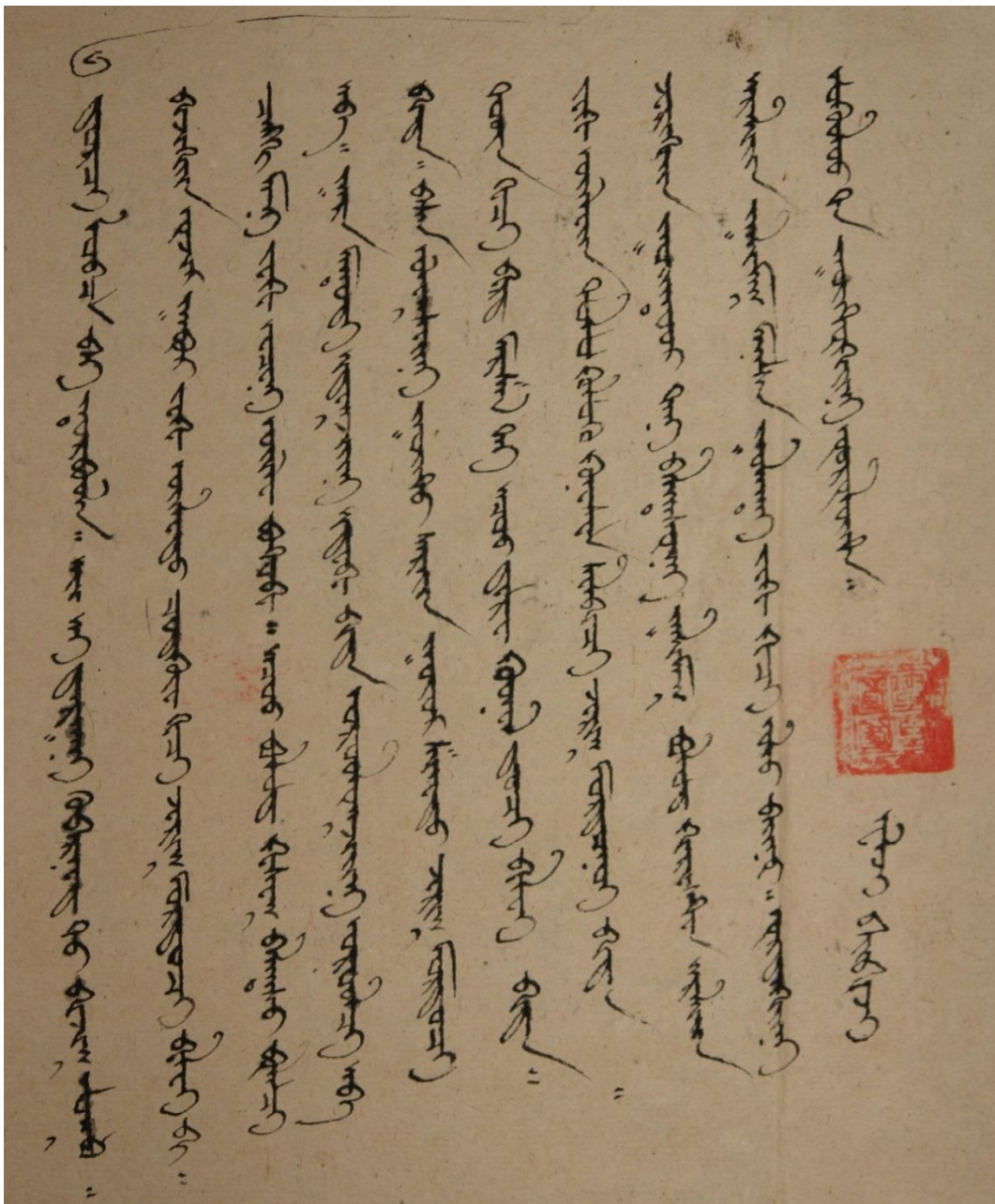
Toropicyn, 2009 – *Toropicyn I.V.* (2009). Oborona kalmyckih ulusov v 30-40 gg. XVIII v. [The defense of the Kalmyk ulus in the 30-40's. XVIII century]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Edinaya Kalmykiya v edinoj Rossii: cherez veka v budushchee», posvyashchennoj 400-letiyu dobrovol'nogo vhozhdeniya kalmyckogo naroda v sostav Rossijskogo gosudarstva. Chast' 1.* Elista. pp. 242-246. [in Russian]

Chonov, 1912 – *Chonov E.Ch.* (1912). Kalmyki v russkoj armii XVII v., XVIII v. i 1812 g. [Kalmyks in the Russian army XVII century, XVIII century and 1812]. Pyatigorsk, 1912. [In Russian]

Приложение

Документ № 1 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 12)

Документ № 6 (НАРК. Ф. И. 36. Оп. 1. Д. 82. Л. 67об.)

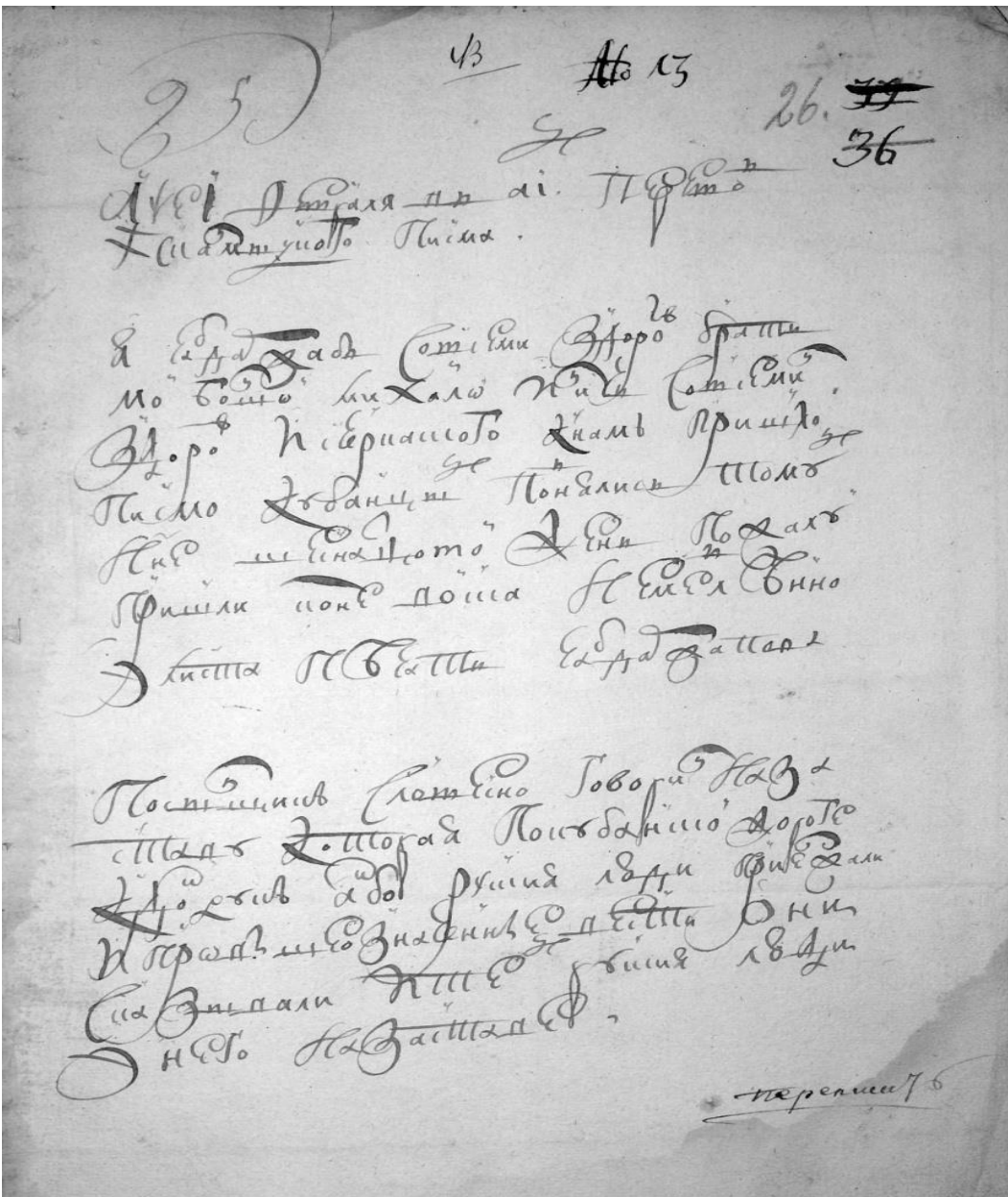
№ 126 68 514
 Переводъ стародавнаго письма въ Ламбцкозго
 Князю Ладри котораго получено июля 13
 дня (его 1156 году)

Ладри, Ладри, и бай-мурей Астрахаскому
 Губернатору письмо послали, которому имя
 такова. Писае въснотъ въ великой вѣдѣ
 да не погардятся похвѣ вострѣили, которому
 щастіемъ великой радни конецъ утѣнѣ
 доброй, потому въ Азовъ и немало городовъ
 взяли. Ежели таатарскіе, которые въ ре-
 зоніе владѣли, тѣхъ разорили, а которые
 въ унѣтѣ тѣхъ мои унѣтѣ, и продажи въ
 оставшихъ, полонили с' вѣдѣ маршалъ
 при Азовѣ, да въ вѣдѣ душманъ и въ
 втораго тѣхъ содѣла на нихъ, настѣпите
 Атаманомъ великой похвѣ, хотѣвъ
 для Ладри и Корну и тѣхъ предѣлѣ
 вѣдѣ. Но ваши городовъ, Крещенова ре-
 и на островѣхъ Ладрица Ладрица, по въ
 нашею походу много у насъ воровства
 утѣкли того ради проси въ вѣдѣ шдѣ
 и вѣдѣ похвѣхъ Зааретикѣ,

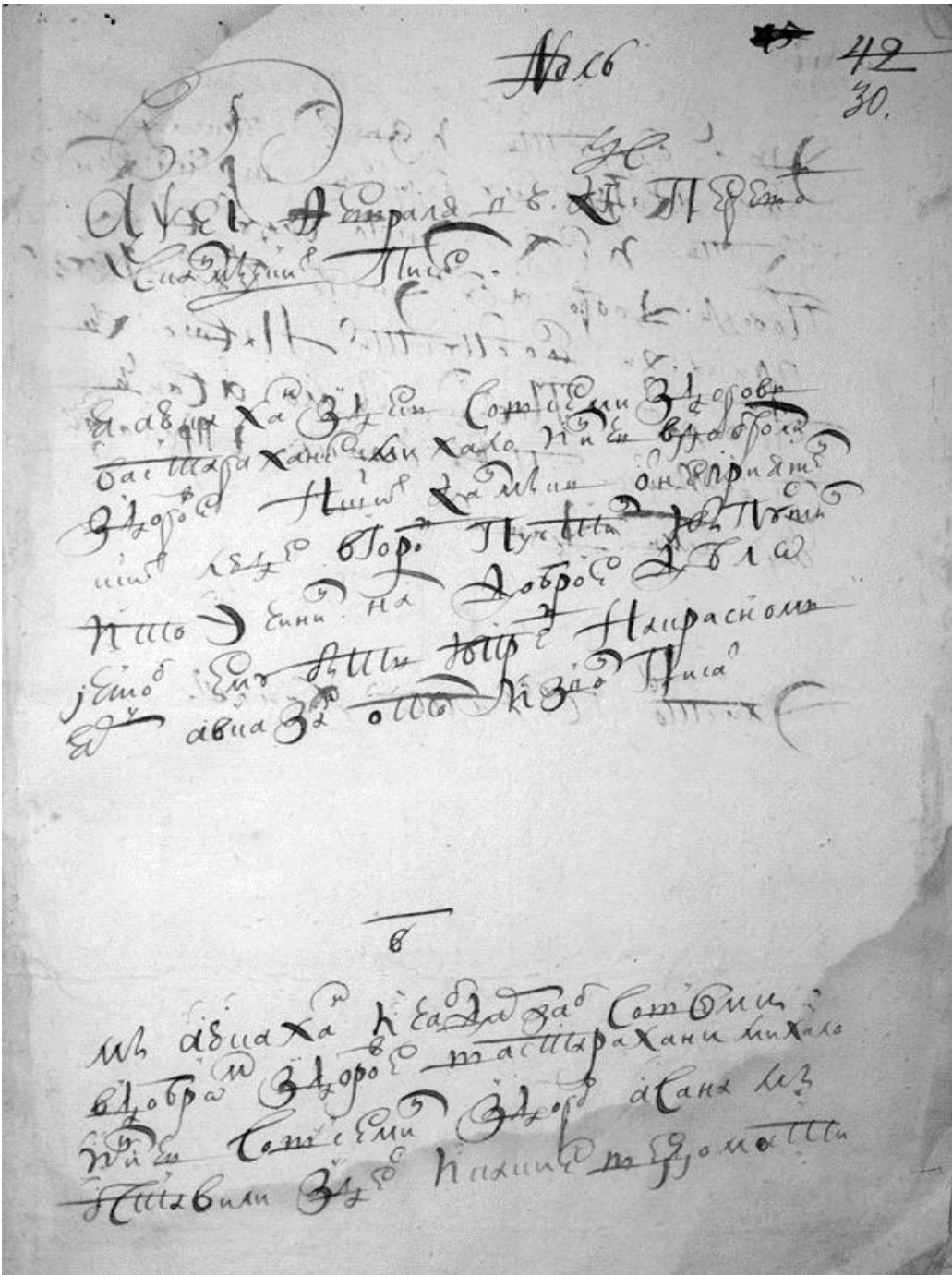
У сего письма Ладри Ладрица пѣсатѣ
 переводилъ Андрей Губернскій

№ 6 20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

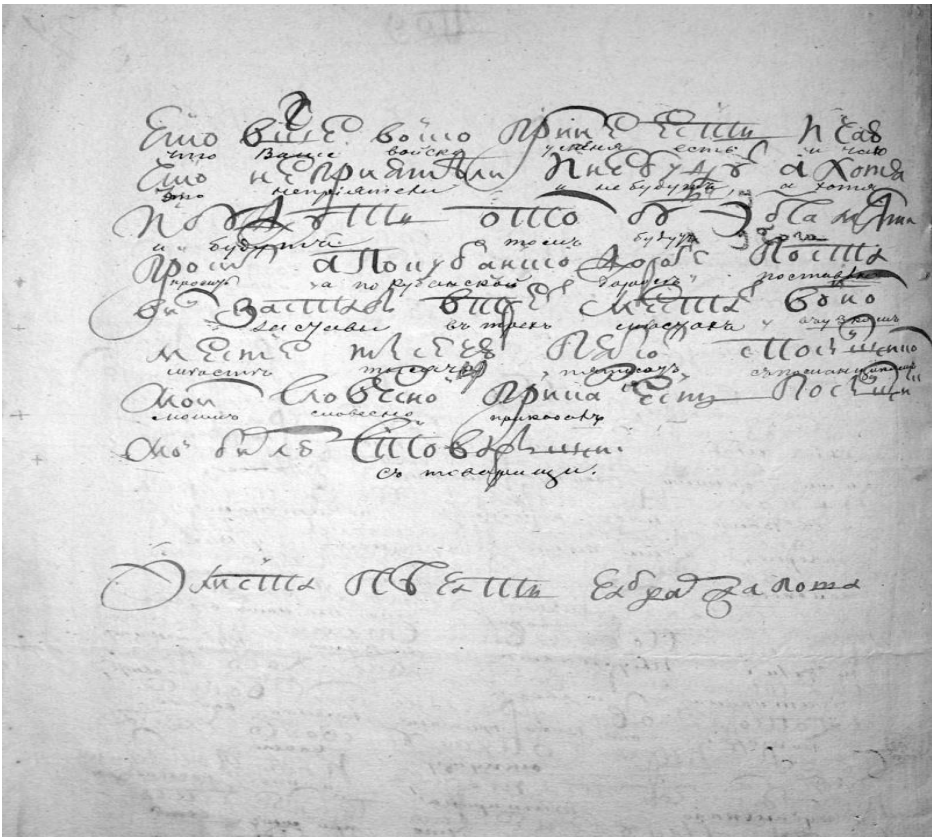
Документ № 8 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 14)

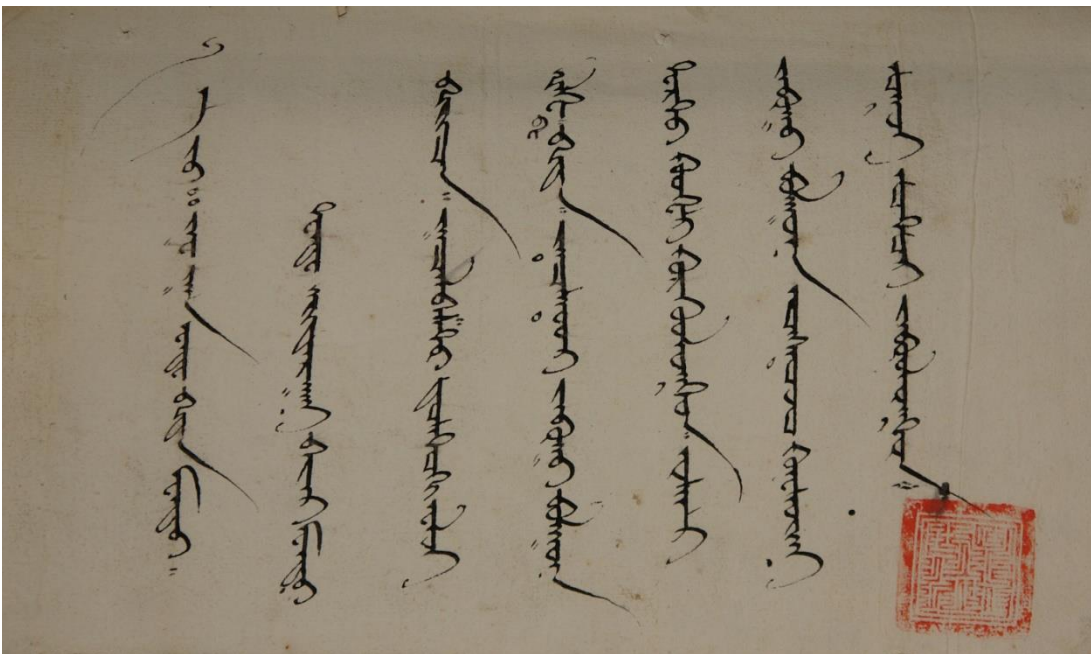
Документ № 10 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 26)

Документ № 11 (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 3. Л. 30)

Документ № 21 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 170б.)

№ 12 18 29
 МѢСЯЦА МАРТА, КЪ ПЕРВАГО
 МѢСЯЦА ПЕРВАГО
 А. ХАНЪ ВЪ СЕВЕРНОМЪ ЧАСТЕ.
 ВЪ МѢСЯЦАХЪ МАРТѢ И АПРѢЛѢ
 ПЕРВАГО ПОЛЪ А ВЪ ПЕРВОМЪ ПОЛУГІИ
 СЕВЕРНОМЪ ЧАСТЕ И ТАКЪ О ПЕРВѢ
 ПОЛУГІИ ВЪ МѢСЯЦАХЪ ИЮНѢ И
 ПОЛУГІИ СЕВЕРНОМЪ ЧАСТЕ
 ИЮНѢ И СЕВЕРНОМЪ ЧАСТЕ
 СЕВЕРНОМЪ ЧАСТЕ И ТАКЪ О ПЕРВѢ
 ПОЛУГІИ ВЪ МѢСЯЦАХЪ ИЮНѢ И
 ПОЛУГІИ СЕВЕРНОМЪ ЧАСТЕ
 ИЮНѢ И СЕВЕРНОМЪ ЧАСТЕ

Документ № 22 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 18/29)

2 3

No 1

Оуеі Тѣвара нѣ оі. Пѣсно
 Хіа мнѣ то Пана.

а хѣ гдѣи сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи
 бо дѣи сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи
 сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи
 Товоруі сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи. Кісѣи
 Мѣи сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи
 вѣстѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи
 кісѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи
 кісѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи
 сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи
 сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи
 сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи
 сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи
 сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи
 сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи
 сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи
 сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи сѣдѣи гдѣи

Документ № 25 (НАРК. Ф-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 3)

Интеграция калмыков в российское общество XVIII в. и взаимоотношения калмыцкого, русского и других народов в период существования Калмыцкого ханства в составе Российского государства (на основе неопубликованных материалов, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия)

Бадма Катинович Салаев^а, Данара Аксеновна Сусеева^а, Тамара Саранговна Есенова^{а, *},
Надежда Садрыковна Джамбинова^а

^а Калмыцкий государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса адаптации калмыков, добровольно вошедших в состав Российского государства в 1609 г., в российском обществе XVIII в. Источниками послужили около тысячи официально-деловых писем калмыцких ханов и их современников на «тод бичг» («ясное письмо», старописьменный калмыцкий язык) к представителям центральной, региональных и местных властей, отложившиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия. Результаты анализа позволяют заключить, что калмыки стали осознавать себя частью России с момента своего добровольного вхождения в ее состав. Деловые письма раскрывают механизм постепенной адаптации калмыков к жизни в новых геополитических условиях, успешной интеграции калмыцкого народа во все сферы жизни российского общества рассматриваемой эпохи: как внутреннюю (экономическую, политическую, хозяйственную и культурную жизнь), так и внешнюю (участие в войнах против врагов Российского государства – в боях со шведами под Полтавой, с турками на Азове, в Крыму, на Кавказе и Кубани). Рисуя панораму жизни степняков во всем ее многообразии, документы описывают взаимоотношения калмыцкого и русского народов в военной, социальной, торговой, хозяйственной деятельности, в межличностном общении. Межнациональные отношения калмыков в борьбе с общими внутренними и внешними противниками можно охарактеризовать как братские, поскольку характерна взаимопомощь народов в охране территории, военных походах. Таковыми были и торговые, культурные, семейные отношения, которые установили калмыки с разными народами в рассматриваемую эпоху. Лексика, фразеология и стилистика проанализированных документов свидетельствуют о формировании сознания россиянина, подданного Российского государства, характерного для калмыка XVIII в.

Ключевые слова: Российское государство, калмыки, Калмыцкое ханство, XVIII в., официально-деловые документы.

* Корреспондирующий автор

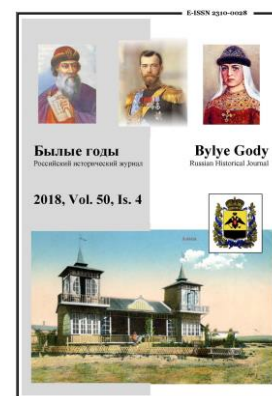
Адреса электронной почты: esenova_ts@mail.ru (Т.С. Есенова), rector@kalmsu.ru (Б.К. Салаев), suseeva@gmail.com (Д.А. Сусеева), sawh@mail.ru (Н.С. Джамбинова)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1456-1470. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1456
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Role of Marine Fisheries Research Expeditions of the 18th–19th centuries in Establishing Russian Political and Legal Presence in the Arctic

Konstantin S. Zaikov ^{a, *}, Aleksandr A. Cherkasov ^{b, c}, Gao Tianming ^d, Natalia V. Loukacheva ^e

^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d Harbin Engineering University, Harbin, China

^e University of Northern British Columbia, Canada

Abstract

The article considers the problem of delimitation of the Arctic maritime spaces at the close of the 19th century in the context of the Russian Empire, historical, political and legal factors that influenced the ambiguous and inconsistent policy of the Tsarist government in relation to island spaces having a direct historical and commercial connection with dozens of generations of the Russian Pomors.

The role of fisheries and scientific research is substantiated as an ongoing policy of “effective occupation” in the Arctic Seas and archipelagoes. Spatial remoteness and total misunderstanding by the central authorities of the specifics of affairs in the Russian North led, ultimately, to a “policy of concessions” in relation to lands, as well as to the loss of geopolitical positions in the sea due to significant backwardness in technical equipment. The empire considered a certain benefit in the existence of “frontiers”, since unstable borders predetermined a potentially beneficial territorial acquisition, “accretion”, while its rigid fixation automatically served as a factor of self-restraint, which contradicted the very nature of the empire. The paper emphasizes the continuity of the process of scientific diplomacy, when science serves as one of the foundations of the territorial claims of states.

Keywords: Arctic, fisheries research expedition, Russian Empire, sea frontier, geopolitics, colonialism.

1. Введение

В современных геополитических условиях особую роль обретает так называемая «научная дипломатия» (Романова, 2017: 38–52), которая часто воспринимается именно как вклад ученых в развитие и улучшение дипломатических отношений между государствами. Сегодня в контексте приграничного сотрудничества в Арктике принципиальным становится использование исторически достоверных и выверенных свидетельств, подтверждающих фактор присутствия страны в конкретном районе, а также реализация принципа «эффективной оккупации» с «разумным периодом» присутствия в регионе и «непрерывным осуществлением государственной власти» на конкретной территории (Ørebech, 2016: 29).

Право, являясь отражением политики, обретает форму через закрепление в виде конкретного источника, который либо опирается на исторический фундамент, либо сам со временем становится историческим документом. Детальное изучение исторических документов служит опорой в общественно-политических дискуссиях, касающихся государственных границ.

* Corresponding author

E-mail addresses: k.zaikov@narfu.ru (K.S. Zaikov), sochio03@rambler.ru (A.A. Cherkasov), gtmmail@sina.cn (G. Tianming), Natalia.Loukacheva@unbc.ca (N.V. Loukacheva)

Границы в эпоху глобализации начинают все сильнее проверяться на прочность, когда, с одной стороны, они воспринимаются как «реликты прошлого» (Laine, 2012: 51–79), а с другой – технологии делают их фактически прозрачными (к примеру, использование дронов, в том числе для иммиграционного контроля (Pedrozo, 2017: 97–107)), они вновь по спирали начинают обретать «морфологию» так называемых «фронтиров» (Хромых, 2008: 106–112) – «переходных пограничных зон».

Примечательно, что понимание фронта нашло свое отражение и в современных региональных правовых актах. В частности, в «Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2030 года» в п. 1.4. установлено, что «фронт – граница, передний край территории нового освоения; в последние годы термин все шире используется в России для обозначения перспективных зон освоения в контексте приоритетов государственной политики» (Распоряжение Правительства..., 2013).

Как отмечает Д.С. Панарина, фронт нередко связан с «идеологией мифа и искажением истории». Автор отмечает, что «стирая границы между прошлым и настоящим, миф искажает реальные исторические события; они приобретают налет романтизма, субъективности взглядов, что изначально не присуще сухим историческим фактам, выстраиваемым в, по видимости, бесстрастный и беспристрастный нарратив – рационально организованный рассказ о прошлом» (Панарина, 2015: 15–41). Таким образом, используя инструмент исторической ретроспективы, преломленной через идеологию и миф, государства могут активно манипулировать историческими фактами в корыстных геополитических интересах.

К сожалению, ценность северных пограничных земель (в том числе морских островных и архипелажных пространств) исторически воспринималась центральной властью исключительно с хозяйственной, но не стратегической стороны (Попов, Давыдов, 1999: 18–28), в связи с чем «фронтирные зоны» Русского Севера вплоть до конца первого десятилетия советской власти не были надлежащим образом юридически оформлены (Постановление Президиума..., 1926). Примечательно и то, что внутренний акт советской власти о фактическом определении «сектора» в Арктике действует и по сей день, несмотря на его противоречие Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (Конвенция ООН..., 1982), которая определяет пределы национального суверенитета в море территориальным морем вместе с прилегающей зоной (до 24 морских миль) и суверенными правами на ресурсы моря и морского дна в пределах 200-мильной исключительной экономической зоны. Вполне возможно, что продолжающееся действие национального акта, несмотря на ч. 4 ст. 15 и ч. 6 ст. 125 Конституции (Конституция Российской..., 1993), в совокупности устанавливающих приоритет международного договора над внутренним актом государства, является своеобразным «предупреждающим сигналом» иностранным государствам, которые гипотетически могут пожелать в перспективе (в связи с глобальным изменением климатических условий и таянием льдов) пересмотра положений Конвенции применительно к Арктике и закрепления национального суверенитета над отдельными островами.

Сегодня на существующие международные договоры в области разграничения морских акваторий, а также национальные законы (например, «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» (Федеральный закон..., 1998) существует объективная потребность анализа установившихся в общественно-политическом дискурсе представлений о государственной границе России на Севере, необходима дальнейшая аналитика, апеллирующая к исторической преемственности существующих делимитационных и демаркационных линий в Арктике.

Россия имеет богатый исторический опыт арктических экспедиций, которые условно можно разделить на военные, гидрографические (научные) и промысловые. В связи с этим целью статьи является анализ историографии и аналитических материалов по вопросу делимитации морских пространств Русской Арктики в XVIII–XIX вв., касающихся ключевых экспедиций Российской империи, и выявление взаимосвязи между геополитически и нормативно утвержденными границами и тем вкладом, который внесли научно-промысловые экспедиции.

2. Материалы и методы

В качестве материалов используются монографические исследования, а также труды историков-краеведов XIX в., связанные с исследованием приполярных регионов, документы по северным экспедициям.

В интерпретации фактов и суждениях автор статьи исходил из многофакторного объяснения истории, согласно которому то или иное историческое событие рассматривается как результат взаимодействия различных факторов: социального, политического и иного значимого характера. В работе использовались методы специально-исторические (проблемно-хронологический, сравнительный, типологический) и смежных наук, в частности, в изучении был использован политологический анализ и методы юридической науки.

3. Обсуждение

Возрастающий интерес зарубежного ученого сообщества к исследованиям исторического присутствия тех или иных государств в Арктике демонстрирует актуальность указанной тематики в научном и общественно-политическом пространстве. Самыми свежими работами в этом спектре являются труды таких авторов, как Р. Эйфорд (Eyford, 2017) (об освоении канадского запада (“Новой Исландии”), П. Дж. Капелотти (об американских экспедициях 1898–1905 гг. на Землю Франца-Иосифа (Capelotti, 2016) и о Бенджамине Ли Смите и его зимовке на мысе Флора (Capelotti, 2013), А.Х. Маркхам (переизданный в 2014 г. легендарный труд 1881 г. об исследовании архипелага Новая Земля на норвежском судне Исбьерн (Markham, 2014)), Х.Дж. Пиерсон и Х.В. Фейлден (о результатах натуралистических исследований на островах Баренцева и Печорского морей вместе с архипелагом Новая Земля в конце XIX в. (Pearson, Feilden, 2011), А.А. Джонса (о роли личности доктора и полярного исследователя Реджинальда Кетлица, в честь которого назван остров на Земле Франца-Иосифа и ледник (Jones, 2016), К.В. Джонсона (об экспедициях на легендарной норвежской парусно-моторной шхуне «Фрам» (Johnson, 2014).

Особого внимания заслуживает переводной фундаментальный коллективный труд российских и норвежских историков о взаимоотношениях России и Норвегии в 1814–1917 гг., под редакцией норвежского профессора Й.П. Ниельсена (Нильсен, 2017).

Среди отечественных авторов следует выделить труд двух архангельских ученых В.И. Станулевича и С.О. Шаляпина «Русская Арктика: Сборник документов» (Станулевич, Шаляпин, 2017), в который включены работы архангельских историков-краеведов XIX в., посвященные исследованию приполярных районов Архангельской губернии, и документы из фондов Государственного архива Архангельской области о северных экспедициях, снаряженных в Архангельске в XIX – начале XX вв.

4. Результаты

Российская и норвежская Арктика конца XIX – начала XX вв.: суверенитет превыше всего

Морское право доконвенционной эпохи строилось, прежде всего, на внутреннем праве морских держав, внутренних морских кодексах, а также кодификации «обычаев», которые представляли собой регулярно повторявшиеся нормы в сфере торгового мореплавания, а также процессуальных и судебных тяжб между купцами, судовладельцами и властями прибрежных государств. Однако это частное морское право (или иначе «адмиралтейское») представлено колоссальным историческим пластом источников: от «Родосского кодекса» до «Черной книги Адмиралтейства».

Что же касается управления морями, то есть вопросов разграничения морских пространств и хозяйственного (промыслового) пользования, то эта сфера морского права, именуемая публичной, также длительный период времени подчинялась одновременно правовому обычаю «свободы открытого моря» (навигация и промысел) и правилу «пушечного выстрела» (делимитация акватории).

До второй половины XX в. не существовало никаких универсальных международных договоров (конвенций, пактов) по вопросам делимитации морских пространств. Вот что по этому поводу писал в конце первого десятилетия XX в. гидрограф и исследователь Арктики Леонид Львович Брейтфус: «Однако вопрос о границах территориального моря во всех законодательствах еще очень мало разработан; не имеется по этому предмету вполне удовлетворительных определений и в международном праве. <...> Расстояние дальностью пушечного выстрела. Этот прием базируется на Прекрасно выраженном афоризме Бинкерсгукка: “terrae dominium finitur ubi finitur armorum vis” (Владение землей заканчивается там, где заканчивается вооруженная сила (лат.))» (Брейтфус, 1907: 43).

Тем не менее, несмотря на отсутствие самого международного договора, это никак не мешало последовательному формированию доктринальных подходов в научной среде, в том числе на международном уровне. В 1894 г. Конгресс института международного права впервые ввел в науку права целый комплекс юридических рекомендаций и новых понятий. Многие эти аспекты были кодифицированы в конце 50-х и начале 80-х гг. XX в. с принятием в рамках ООН основополагающих конвенций по морскому праву (Конвенция ООН..., 1958), которые и до настоящего времени являются основой международного морского миропорядка. В частности, это такие теоретические правовые нормы, как:

- ширина территориального моря, составляющая 6 морских миль от линии наибольшего отлива;
- «безвредный проход» или «свободный проход» (droit de passage inoffensive);
- подчинение нормам «правового обычая» в отношении территориальных вод в бухтах;
- безусловная юрисдикция «государства флага» на борту иностранного судна в территориальном море прибрежного государства в отношении любых правонарушений в отношении личности и имущества, если только это не затрагивает жизненно важные интересы прибрежного государства;
- преследование «по горячим следам» (Брейтфус, 1907: 43).

Отсутствие унифицированных международных норм морского права, однако, никак не влияло на стремление в юридическом закреплении северных акваторий имперским правительством России. Напротив, лишь в конце XIX в., а именно в 1898 г., межгосударственная комиссия под председательством Ф.Ф. Мартенса (одного из основателей современного международного, прежде всего гуманитарного права) определила юридические морские границы Российской империи в специальном «Проекте положения о русских территориальных водах»:

«I. Русскими территориальными водами называются те прибрежные воды морей и океанов, омывающих владения Российской империи, на которые распространяется исключительное действие русских законов и властей.

II. Там, где пространство русских территориальных вод не определено особыми международными постановлениями или трактатами или же не освящено долговременным бесспорным пользованием, воды эти простираются от берега на пушечный выстрел, т.е. не менее чем на шесть морских миль (60 градус широты), считая такое расстояние от линии наибольшего отлива.

III. Независимо от вышеизложенных общих положений о русских территориальных водах устанавливаются, в частности, следующие дополнения и изменения действующих законов:

а) производство рыбных, звериных и других морских промыслов в пределах русских территориальных вод дозволяется иностранным подданным не иначе как с разрешения подлежащих русских властей и с соблюдением всех устанавливаемых на этот предмет правил (том XII, часть 2 уст. сельск. хоз. изд. 1893 г., ст. 267);

б) в пределах русских территориальных вод как русские, так и иностранные суда подлежат надзору русских таможенных властей (том VI, уст. там. изд. 1892 г., ст. 283-я)» (Брейтфус, 1907: 46).

В то же самое время ближайший арктический сосед России – Норвегия – в лице своей общественно политической элиты и юристов в конце XIX в. активно продвигала концепцию исторической связи с морскими и островными пространствами Арктики. Причем «аппетиты» норвежцев были намного более сильными, чем у Российской империи. В частности, утверждалось право большего распространения владений Норвегии на основе «непрерывного векового пользования», а также «историческое право прибрежного населения на известные промысловые пространства». А хрестоматийный «пушечный выстрел» отныне в норвежской юриспруденции означал не 6, а целых 12 морских миль (или 23 км) (Брейтфус, 1907: 32).

Таким образом, исторический фактор связи материка и населения с островами и морскими пространствами традиционно играл одну из ключевых ролей в последовательном закреплении и утверждении власти государств.

Возвращаясь к русскому законодательству конца XIX в., известный ледовый капитан и практик морского дела И.П. Ануфриев еще в 1913 г. отмечал: «В русском законодательстве имеются указания на 2 полосы: пограничную, или территориальную, и таможенную. Так, ст. 3-я правил отдельного корпуса пограничной стражи признает “все пространство моря в 7 верст от берегов и островов пограничной полосой” (правила 1887 и 1889 гг.).

Ст. 5-я таможенного устава (издание 1909–1910 г.) признает пространство моря от наибольшего отлива в 12 морских миль, то есть 21 версту, но о промыслах и их надзоре, свободе и запрещении здесь совершенно нет указаний. Относительно охраны специальной наших мурманских вод в общих положениях таможенного устава сказано (ст. 2), что надзор за неводворением контрабанды со стороны Норвегии Северного океана возлагается на полицию под наблюдением архангельского губернатора. Как видно, здесь снова говорится только о неводворении контрабанды, а не об охране самих промыслов от вторжения иностранцев. <...> Из толкования же относительно территориальных морей очевидно, что право собственности над ними известного государства существует только тогда, когда моря окружены со всех сторон исключительно его территорией и служат, следовательно, только для сообщения между его гражданами.

В этом случае не существует ни одной из причин, препятствующих обладанию над морем, но если берег принадлежит нескольким государствам, то ни одно из них не может требовать права собственности или господства, если последнее не оговорено в особых трактатах (курс морского торгового законодательства Стручкова, издание 1893 г.).» (Ануфриев, 1913: 8).

Впоследствии, как известно, защита промысла в «исключительной экономической зоне» (ст. 61 и 62 Конвенции 1982 г.) прибрежного государства нашла свое отражение в системе квот для иностранных судов, желающих осуществлять вылов биоресурсов моря в коммерческих целях, но без вреда для популяции вида. В то же самое время ст. 19 Конвенции 1982 г. прямо запрещает «любую рыболовную активность» иностранных судов в территориальном море прибрежного государства при осуществлении так называемого «мирного прохода», который должен быть «быстрым и непрерывным» (ст. 18 Конвенции 1982 г.). Отсюда существующие и по сей день споры о ширине территориального моря, которую ряд латиноамериканских государств установил в 200 морских миль против 12 конвенционных. Желание иметь доступ к максимальному количеству биоресурсов имеет историческую подоплеку и отсылки к несправедливым проявлениям колониализма, связанным с «задержкой социального, культурного и экономического развития зависимых народов» (Декларация ООН..., 1960).

Оценивая промысловую активность норвежцев и имея серьезный опыт мореплавания в северных водах, И.П. Ануфриев утверждал, что северный сосед давно установил ограничения на иностранную промысловую активность до 35 миль от берега по сравнению с 7-ю российскими: «Наши мурманские рыбные и звериные промыслы истари были неприкосновенны от вторжения иностранцев; даже соседняя Норвегия, хотя и нуждалась и нуждается в развитии района промыслов, однако притязаний на эти промыслы никогда не заявляла, а издала свой особый закон, специально для траловых судов всех наций, воспрещающий более 5-ти географич. миль производить лов тралами, между тем ловить ярусом, удой не возбраняет, по крайней мере, русским промышленникам далее 7 верст от их берегов, следовательно, и траловый лов воспрещен в Норвегии на 35 верст от берегов» (Ануфриев, 1913: 9).

Он же описывает широчайший территориальный охват мурманских промыслов: «Наш Мурманский берег, омываемый не замерзающим круглый год океаном, с его до сих пор неисчерпанными рыбными богатствами с очень давних пор привлекал к себе предприимчивых людей: сначала вольных новгородских выходцев, которые, судя по отрывочным и далеко не полным историческим данным, занимались промыслами в широких по тому времени размерах, распространяя свои промыслы дальше нынешнего Мурмана на норвежский Финмаркен до гор. Тромсе» (Ануфриев, 1913: 3).

Всего за четыре года до заседания вышеупомянутой комиссии под председательством Мартенса другой «северной комиссией» (от правительства Империи) был подготовлен перечень мероприятий для поддержки промысла на Мурмане, состоявших из 4 категорий:

«I-я категория мер: помощь пострадавшим на море и осиротевшим семействам.

II. Меры развития северного торгового флота.

III. Улучшение условий плавания в северных водах.

IV. Морские и речные промыслы».

Что касается охраны морских границ России, то среди мероприятий в рамках обозначенных категорий были заявлены:

- охрана леса для судостроения;
- установка морских знаков и маяков;
- издание морских карт;
- устройство гаваней;
- спасательные средства;
- издание метеорологических и гидрологических сведений;
- охрана территориальных вод Русского Севера (Ануфриев, 1913: 5–6).

Помимо этого, был обозначен широчайший пласт мероприятий по научно-промысловому освоению Арктики.

Однако автор отмечает, что из всего перечня заявленных мер были осуществлены единицы, а результаты считались крайне незначительными. Более того, он отмечает, что в связи с бюрократией, равнодушием и коррупцией среди чиновников, ответственных за развитие мурманской территории, вся инфраструктура и исследования были де-факто использованы в политических и экономических интересах северного соседа – Норвегии:

- российские морские научные исследования были опубликованы в заграничных изданиях, что повлияло на ускоренное развитие тралового флота за рубежом, в то время как местное население не получило от этого ничего;
- зимние пароходные сообщения, создаваемые для целей развития Мурманска, ввиду отсутствия связи с метрополией увеличивают лишь связь и отношения с Норвегией;
- промысловый телеграф, обслуживающий промысловый сезон в течение полугода, к сожалению, не дал никаких ощутимых результатов по развитию промыслов и торговли;
- система спасания на море позволяет спасти лишь 5–10% погибающих в связи с нехваткой «спасательных ботов».

Среди важных мер поддержки отечественного судоходства в Арктике около Мурмана автор отмечает организацию и установку маяков и считает это заслугой, прежде всего, обществ моряков и судоходства, но никак не комитета (Ануфриев, 1913: 7).

Также отмечается непродуманная политика правительства, ориентированная на внешний фактор присутствия иностранных судов на удаленных от материка островах и архипелагах, но при этом забывая про иностранное влияние у родных берегов: «В настоящее время мы заботимся о возвращении нами утраченного обладания Шпицберген-Грумантом, об открытии Северного полюса, между тем как русское мурманское море, т.е. та часть Ледовитого океана, которая омывает юга наши мурманские берега, с севера – Новую Землю, с востока – Печорский и Канинский берега, оказалось без всяких споров всецело в руках иностранцев, и мы, конечно, не в силах и не в праве воспрепятствовать им ловить и увозить рыбу за границу под иностранными флагами». (Ануфриев, 1913: 8).

Действительно, активное норвежское присутствие в прибрежных водах России никак не нарушало действовавших на то время правовых норм: «Впрочем, это не единственные случаи промысла норвежцев в наших территориальных водах, и жалобы наших промышленников на

норвежцев весьма справедливы; хотя, с другой стороны, нельзя считать всех норвежцев, промысляющих в нашем районе, нарушителями наших территориальных прав, так как промысел в Баренцевом и Карском морях в трехмильном расстоянии от берегов по понятиям настоящего времени о морских границах не является незаконным». (Брейтфус, 1906: 9–10).

И.П. Ануфриев, памятуя об опыте Норвегии по защите своих экономических интересов, предлагал установить похожие и даже более жесткие меры по защите наших промысловиков-поморов: «Очевидно, что и нам, русским, вполне возможно установить специальный закон для траловых судов лова рыбы в черте мурманских ярусных промысловых полежек. Установление такого закона я считаю вполне возможным без серьезных возражений иностранных держав, так как все же остальная большая часть моря остается в свободном пользовании всех наций. <...> Поэтому, я полагаю, что, прежде всего, нам необходимо установить границы промысловых вод от границ Норвегии по всем побережьям русского Мурманского моря или Северного океана на таком пространстве от берегов, где искони существовали и существуют поныне промысловые ярусные полежки, т.е. не менее 50 верст от берегов, и затем организовать действительную охрану быстходным крейсером». (Ануфриев, 1913: 9–10).

Российские научно-промысловые экспедиции в Арктике: опора на науку

Совершенно справедливо высказывание Л.Л. Брейтфуса о том, что промыслы – основа для формирования мощного флота в Арктике: «Поэтому на звериный морской промысел не следует смотреть с одной лишь экономической, утилитарной точки зрения, но следует также признать за ним важное государственное значение, так как он является лучшим средством создания для нашего флота». (Брейтфус, 1906: 5).

Именно поэтому не только юридический пробел в утверждении российского присутствия в Арктике сыграл свою злополучную роль при иностранной экспансии в территориальных водах Мурмана, но и фактическое отсутствие отечественного производства судов ледового класса. Все, что было в распоряжении поморов Мурмана, импортировалось из Норвегии: «Весь наш немногочисленный зверобойный флот, за исключением беломорских судов, построен за границей, в Норвегии, и состоит из 2 деревянных пароходов “Св. Фока” (300 тонн) и “Норденшельд”, 10 одномачтовых и двухмачтовых яхт грузоподъемом от 60 до 80 тонн: Помор, Мута, Lydia, Lira, Uritер, Энгельгардт, Морж, Тюлень, Vesper, Ingerborg и 5–6 беломорских шхун вместимостью до 90 тонн» (Брейтфус, 1906: 10).

Вопрос о том, чем была обусловлена такая нерасторопность правительства Империи, которая привела ко многим стратегическим просчетам в защите национальных интересов, до сих пор остается предметом дискуссий. Ясно одно: «геополитическая мотивация» и зависимость от Империи, от баланса интересов соседей и даже геополитических конкурентов, в т.ч. посредством взаимных уступок, не могла не сыграть свою роль.

Сложившаяся к тому времени мировая колониальная система, при которой единственно свободной, но без должного юридического оформления оставалась морская и сухопутная территория Русского Севера, не могла не проявить своего интереса к упомянутой территории как потенциального маршрута для поиска новых рынков сбыта и «кладовой» природных ресурсов.

Именно это и порождало необходимость проведения всесторонних научно-промысловых экспедиций на Север.

Нельзя также не согласиться с позицией юриста М.Ю. Задорина, который обстоятельно, опираясь на позицию таких известных экспертов в области морского права, как А.Н. Вылегжанин и В.К. Зиланов, доказывает, что применяемая в конце XIX – начале XX вв. концепция “terra nullius” в отношении того же архипелага Шпицберген (Свальбард) является как минимум спорной, хотя бы потому что, согласно так называемому «Соглашению 1872 г.» между Швецией–Норвегией и Российской империей стороны условились считать архипелаг «землей общего пользования». Названное соглашение представляет собой совокупность дипломатических нот (15/25.05.1871, 16/28.06.1872, 30.06/12.07.1872), в которых стороны подтвердили приверженность мирного курса по освоению архипелага без каких-либо территориальных претензий. Автор указывает, что вплоть до 1920 г. воды архипелага были совершенно свободны для промыслового освоения всеми государствами, так как действовал упомянутый ранее обычай свободы судоходства, а Швеция и Норвегия не имели на архипелаге следов длительной и эффективной оккупации, прежде всего промысловой: «Как отмечает Л.М. Повал, ссылаясь на одного из основателей современного международного публичного права Г. Гроция, эффективная оккупация «ничейной территории» является главным условием международного признания суверенитета. Приобретение государственной территории, по мнению Г. Гроция, совершается или путем завладения (“occupatione derelicti”), или посредством договора (“pactionibus”), или же через завоевание (“victoriae jure”). Вместе с тем, обосновывая свободу пользования морем, Гроций писал, что оно не может быть собственностью какого-либо государства. Очевидно, что на начало 1870-х гг. не существовало «эффективной оккупации» архипелага шведами и норвежцами, что подтверждается и самим текстом Соглашения 1872 г.» (Zadorin, 2018). Все исторические свидетельства подтверждают ключевой тезис: Шпицберген – это как минимум территория общего пользования (хотя, безусловно, первенство в этом деле

принадлежало именно поморам), но никак не «ничейная земля», на которую распространяется безусловный суверенитет Норвегии. И даже Шпицбергенский трактат 1920 г. подтверждает эту мысль; в противном случае, его бы попросту не было.

Таким образом, именно фактор «эффективной оккупации» позволяет государствам обосновывать исторические притязания на конкретную территорию. И это необходимо помнить, подходу к обзору ключевых научно-промысловых экспедиций Российской империи в Арктике, достижения которых легли в основу исторических притязаний нашей страны в Арктике. Прежде всего это экспедиции, связанные с именами таких выдающихся мореплавателей, как В.Я. Чичагов (1765, 1766), А.П. Лазарев (1819), Ф.П. Литке (1826–1829), П.К. Пахтусов (1832–1861), А.К. Циволька и др.

Опираясь на хронологию основных исторических событий в Северном Ледовитом океане в период с начала XVIII – конца XIX веков, подготовленную учеными И.С. Зонном, А.Г. Костяным, А.В. Семеновым (*Зонн и др., 2015*), можно выделить ключевые события, связанные с научно-промысловым освоением Арктики отечественными мореплавателями, а также их роль в утверждении российского присутствия в качестве доказательства эффективной оккупации (см. *Табл. 1*).

Таблица 1. Научно-промысловое освоение Арктики

Временные рамки	Событие	Вклад
начало XVIII в.	Строительство деревянной башни на о. Мудьюг (Белое море).	Первое маячное сооружение в северных морях.
1703–1704	Создание кампании морских звериных и китовых промыслов князя Меншикова и братьев Шафировых.	Административное финансовое оформление государственных интересов в области арктических промыслов.
1713–1714	Подготовлен проект «О взыскании свободного пути морского от Двины реки даже до Омурского устья и до Китая» (автор Ф.С. Салтыков).	Главный программный документ наиболее крупной Великой Северной экспедиции.
1720–1721	Снаряжение экспедиции геодезиста П. Чичагова и купца Миллера для поисков морского пути из устья Оби на восток.	Начало интенсификации научных экспедиций России в Арктику.
1723 и 1727	Учреждение кампании «Кольское китоловство».	Начало государственных промыслов в водах Шпицбергена.
1725–1729	Первая Камчатская экспедиция В.И. Беринга и А.И. Чирикова для поисков морского пути Большая Земля–Америка.	Осуществлен маршрут к северу через пролив между Азией и Америкой до 67 градусов 18 минут с.ш.
1727, 1729, 1727–1798	1) Издана первая официальная российская карта Белого моря на основе описи Казакова и капитана Деопера. 2) С подлинника выполнена рукописная копия карты Соловецких островов, составленной по безымянной описи и являвшейся первой известной русской картой Белого моря. 3) Осмотры и рекогносцировочные морские описи группой моряков Российского флота.	Определение ширины и границ Белого моря (в будущем конвенционных «исторических вод» России).
1728	Подданный Империи В.И. Беринг в поисках Северо-Восточного прохода открыл пролив, названный Беринговым.	Интернационализация исследований за счет присутствия иностранцев, получивших российское подданство.
1730	Открытие Аляски и островов Гвоздева (Диомиды) русскими. Мореплаватели М.С. Гвоздев и И. Федоров.	Расширение границ Империи.
1733–1743	Великая Северная экспедиция с целью освоения морского пути от Мурмана до Чукотки:	Картография пределов Империи, определение физических границ.

	<ol style="list-style-type: none"> 1) опись берега от Белого моря до Северной оконечности Ямала и открытие прохода с моря в Обскую губу; 2) опись берегов Енисея; 3) инструментальная съемка реки Лены от Якутска до ее устья, а также части побережья Северного Ледовитого океана; 4) открытие острова Петра и восточной группы островов Самуила (острова Комсомольской правды); 5) описано восточное побережье Таймыра от устья реки Хатанга до о. Петра; 6) съемка Бреховских островов в устье Енисея; 7) описано западное побережье полуострова Канин; 8) съемка побережья Белого моря от Архангельска до Мезени и побережья полуострова Канин Нос до мыса Канин Нос (составлена карта Белого моря); 9) произведена первая русская рекогносцировочная опись части Мурманского берега в районе Кольского залива с о. Кильдин. 	
1746–1747	Описные работы в Белом море под руководством Жидовина и Иванова.	Определение ширины и границ Белого моря (в будущем конвенционных «исторических вод» России).
1756–1757	Экспедиция Адмиралтейств-коллегии: съемка Зимнего берега от Архангельска до Мезени и восточного побережья Мезенского полуострова до мыса Копушин.	Определение ширины и границ Белого моря (в будущем конвенционных «исторических вод» России).
1757	Экспедиция И. Бахова и Н. Шалаурова: достигли р. Яны.	Расширение границ Империи.
1760–1763	Зимовка промысловика С. Ложкина на восточных берегах Новой Земли.	Доказано, что Новая Земля – остров.
1763	Составлена первая карта Медвежьих островов. Автор: Ф. Плеснинер. Основа: экспедиции С. Андреева.	Расширение границ Империи.
1764	Организована вспомогательная база на Шпицбергене для экспедиции В.Я. Чичагова. Составлена карта архипелага.	Утверждение государственного российского присутствия на архипелаге.
1765–1769	<p>Первая высокоширотная полярная экспедиция В.Я. Чичагова:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) доказано, что севернее Шпицбергена через Северный полюс пройти нельзя; 2) обобщение экспедиционных наблюдений промысловиков, в том числе изучение гидро-метеословий и животного мира архипелага (Мозговой, 2016); 3) продвижение до 80 градусов 30 минут с.ш.; 4) впервые использованы хронографы; 5) положено начало точным 	Утверждение государственного российского присутствия на архипелаге.

	<p>измерениям вертикального распределения температуры и плотности в океане;</p> <p>6) первое объяснение происхождения коралловых островов;</p> <p>7) первые, основанные на непосредственных наблюдениях соображения о циркуляции вод Мирового океана;</p> <p>8) первые указания на влияние отклоняющей силы вращения Земли на морские течения;</p> <p>9) первые указания на океанологическое значение проливов. (Зубов, 1954).</p>	
1768–1769	Экспедиция на Новую Землю Ф. Розмыслова: нанесение на карту пролива Маточкин шар.	Картография пределов Империи, определение физических границ.
1770	Открытие Ляховских островов.	Расширение границ Империи.
1773	Открытие Новосибирских островов.	Расширение границ Империи.
1779	Экспедиция С.П. Хметевского из Архангельска в Норвежское море: произведены гидрографические работы в Баренцевом и Норвежском морях.	Картография пределов Империи, определение физических границ.
1799	Издание атласа карт Северного океана Л.И. Голенищева-Кутузова.	Картография пределов Империи, определение физических границ.
1800	Издание морского атласа для плавания из Белого моря в Балтийское море Л.И. Голенищева-Кутузова.	Картография пределов Империи, определение физических границ.
1805	Открытие о. Котельный и описание о. Фаддеевский (Новосибирские острова).	Расширение границ Империи.
1806	Открытие острова Новая Сибирь.	Расширение границ Империи.
1806–1807	Экспедиция В. Лудлова на Новую Землю в поисках серебряных руд: составление карты Новоземельского берега от Костина Шара до Маточкина Шара.	Картография пределов Империи, определение физических границ.
1808	Открытие острова Бельковского (Новосибирские острова).	Расширение границ Империи.
1815	Открытие островов Семеновский и Васильевский.	Расширение границ Империи.
1821–1824, 1826, 1833–1834	<p>Экспедиция Ф.П. Литке на Новую землю:</p> <p>1) сделаны обозначения части Белого и Баренцева морей – Лапландского и Мурманского берегов от мыса Святой Нос до устья реки Кола и описаны рейды и гавани;</p> <p>2) опись берегов Мурманя;</p> <p>3) опись северо-восточной части Белого моря;</p> <p>4) издана генеральная карта Мурманского берега;</p> <p>5) опубликован «Атлас Белого моря и Лапландского берега».</p>	Картография пределов Империи, определение физических границ.
1822	<p>Кольская экспедиция М.Ф. Рейнке:</p> <p>1) детальная съемка</p>	Картография пределов Империи, определение физических границ.

	Мурманского берега от Колы до границы с Норвегией, острова Кильдина, Кольского залива, полуострова Рыбачьего, рек Туломы и Колы; 2) определение заливов и бухт, где могли бы быть якорные стоянки для военных и промысловых судов.	
1826–1828	Опись берегов Баренцева и Карского морей от устья Печоры до устья Оби.	Картография пределов Империи, определение физических границ.
1826–1832, 1850	Беломорская гидрографическая экспедиция М. Рейнке по описи Белого моря и Мурманского берега в Баренцевом море; опубликование работы М.Ф. Рейнке «Гидрографическое описание России; Том I; Белое море».	Картография пределов Империи, определение физических границ.
1833–1834, 1834–1835	Экспедиции П.К. Пахтусова (в т.ч. Вторая при участии А.К. Цивольки): 1) описаны восточный и южный берега южного острова Новой Земли; 2) впервые в истории полностью обойден Южный остров.	Картография пределов Империи, определение физических границ.
1838–1839, 1850	Экспедиция А.К. Цивольки: исследование и картография северо-западных, северных и северо-восточных берегов Новой Земли.	Картография пределов Империи, определение физических границ.
1842	Промысловый поход Г. Гвоздарева на Новую Землю.	Освоение островных пространств Арктики.
1859–1861	Комплексные исследования Н.Я. Данилевского в области рыболовства в районе Белого моря, реки Печоры и на Мурмане.	Естественно-научное освоение Арктических пространств.
1878–1879	Новоземельская экспедиция Е.А. Тягина. Цель – контроль над промыслами и обустройство спасательной станции.	Обустройство островных пространств Арктики.
1881	Комплексные исследования Н.П. Вагнера в области морской биологии на Соловецких островах.	Естественно-научное освоение Арктических пространств.
1895	Организация одной из первых гидрометеорологических станций на мысе Святой Нос.	Естественно-научное освоение Арктических пространств.
1898, 1900–1901	Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана под начальством А.И. Вильницкого, А.И. Варнека, Ф.К. Дриженко.	Естественно-научное освоение Арктических пространств.

Естественно, приведенный перечень морских научно-промысловых экспедиций далеко не полный (предпринимались экспедиции даже на воздушных шарах и аэростатах (Karataev et al., 2018)), однако он свидетельствует о различных подходах имперского правительства к проблеме закрепления морских и островных пространств Арктики в разные исторические периоды. Большинство экспедиций носило характер частных инициатив, и лишь малая часть из них финансировалась за счет средств государственного бюджета. Фактическое отсутствие полноценного морского торгово-промыслового флота и военных судов ледового класса в конце XIX в. является одной из причин, по которой идеи министра финансов С.Ю. Витте о строительстве военного порта в Екатерининской гавани на Мурмане оказались за пределами интереса Александра III и Николая II. Эта ситуация разворачивалась на фоне усиления присутствия скандинавов, англичан и американцев в арктических водах в течение всей второй половины XIX в.

5. Заключение

Ключевыми выводами в рамках исследования можно обозначить следующие:

– к концу XIX в. в международном правовом пространстве отсутствовала ясность относительно морских границ государств, в связи с чем наиболее активные из них предпринимали всяческие попытки утверждения своего присутствия в заданной акватории или островных пространствах Северного Ледовитого океана;

– вся Арктика в силу климатических особенностей и отсутствия материковой части, как, например, на южном полюсе, всегда была местом общего пользования государств, вплоть до обретения ими технических возможностей по делимитации и демаркации границ за счет применения военных судов ледового класса;

– мирное и легальное распространение суверенитета на конкретную территорию в рамках освоения и колонизации пространств в теории международного права возможно лишь при наличии статуса terra nullius у желаемого географического объекта, в связи с чем вопрос о признании Шпицбергена / Свальбарда «ничейной землей» вплоть до подписания Трактата 1920 года представляется чрезвычайно дискуссионным;

– вплоть до советского времени у Российской империи отсутствовала какая-либо полноценная стратегия освоения Арктики. Если бы при Александре III не было утверждено Положение кабинета министров «О колонизации острова Новая Земля», то его вполне могла бы ждать судьба Шпицбергена (как раз по причине промысловой активности норвежцев на архипелаге).

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект МК-6382.2018.6 «Реконструкция символических и политических границ морских и островных пространств Западного сектора Российской Арктики в XIX – начале XX вв.).

Литература

Ануфриев, 1913 – *Ануфриев И.* Мурманские промыслы и территориальная полоса океана. Архангельск. Губернская Типография. 1913. С. 8.

Брейтфус, 1906 – *Брейтфус Л.* Морской звериный промысел в Белом море и Северном Ледовитом океане // *Русское Судоходство. Ежемесячный журнал Императорского общества судоходства.* 1906. № 1. С. 13.

Брейтфус, 1907 – *Брейтфус Л.* О границах территориальных вод Европейской России в Северном Ледовитом океане // *Русское Судоходство. Ежемесячный журнал Императорского общества судоходства.* 1907. № 4. С. 43.

Декларация ООН..., 1960 – Декларация ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам, 1960. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml

Зонн и др., 2015 – *Зонн И.С., Костяной А.Г., Семенов А.В.* Тысячелетие открытия и освоения Северного Ледовитого океана. М.: Московский университет им. С.Ю. Витте. 2015. С. 16–52.

Зубов, 1954 – *Зубов Н.Н.* Отечественные мореплаватели – исследователи морей и океанов. М.: Географгиз. 1954. 476 с.

Конвенция ООН..., 1958 – Конвенция ООН о территориальном море и прилежащей зоне, 1958. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/tsea.pdf

Конвенция ООН..., 1958 – Конвенция ООН об открытом море, 1958. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hsea.pdf

Конвенция ООН..., 1958 – Конвенция ООН о континентальном шельфе, 1958. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/conts.pdf

Конвенция ООН..., 1958 – Конвенция ООН о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря, 1958. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/fisheries58.pdf (05.10.2018).

Конвенция ООН..., 1982 – Конвенция ООН по морскому праву, 1982. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf

Конституция Российской..., 1993 – Конституция Российской Федерации, 1993. [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.kremlin.ru/>

Кристоман, 2003 – *Кристоман Б.Б.* История научно-промыслового освоения Европейского Севера в контексте политических интересов Российской империи в XIX – начале XX вв.: Автореф. ... дис. канд. истор. наук. Архангельск. 2003. 32 с.

Мозговой, 2016 – *Мозговой С.А.* 250-летний юбилей экспедиции капитана Чичагова (1765, 1766) // *Культурологический журнал.* 2016. 2 (24). 7 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cr-journal.ru/files/file/10_2016_19_19_37_1477077577.pdf

Нильсен, 2017 – *Нильсен Й.П.* Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / Университет Тромсе – Арктический университет Норвегии, Институт всеобщей истории РАН / Ред. Й.П. Нильсен. Пер. с норв. М.: Весь Мир, 2017. 708 с.

- Панарина, 2015** – *Панарина Д.С.* Граница и фронтир как фактор развития региона и/или страны // *История и современность*. № 1. 2015. С. 15–41.
- Попов, Давыдов, 1999** – *Попов Г.П., Давыдов Р.А.* Мурман. Очерки истории края XIX – начала XX в. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. С. 18–28.
- Постановление Президиума..., 1926** – Постановление Президиума ЦИК СССР от 15.04.1926 «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901761796>
- Распоряжение Правительства..., 2013** – Распоряжение Правительства ХМАО–Югры от 22 марта 2013 года № 101-рп (ред. от 09.06.2017) «О Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа–Югры до 2030 года» // «Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа–Югры». 31.03.2013. № 3 (часть II), ст. 304.
- Романова, 2017** – *Романова М.Д.* Научная дипломатия: измерения и практики // *Наука. Инновации. Образование*. 2017. С. 38–52.
- Станулевич, Шаляпин, 2017** – *Станулевич В.И., Шаляпин С.О.* Русская Арктика: Сборник документов / Сост., вступит. статья, комментарии В.И. Станулевич, С.О. Шаляпин. Архангельск, 2017. 216 с.
- Федеральный закон..., 1998** – Федеральный закон от 31 июля 1998 года № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3833. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901714424/>
- Хромых, 2008** – *Хромых А.С.* Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2008. № 4. С. 106–112.
- Capelotti, 2016** – *Capelotti P.J.* The Greatest Show in the Arctic: the American Exploration of Franz Josef Land, 1898–1905 (American Exploration and Travel Series). University of Oklahoma Press. 2016. 648 p.
- Capelotti, 2013** – *Capelotti P.J.* Shipwreck at Cape Flora: the Expeditions of Benjamin Leigh Smith, England's Forgotten Arctic Explorer (Northern Lights Book 16). University of Calgary Press; 1st edition. 2013. 300 p.
- Eyford, 2017** – *Eyford R.* White Settler Reserve: New Iceland and the Colonization of the Canadian West. UBC Press. 2017. 272 p.
- Pedrozo, 2017** – *Pedrozo S.* Swiss Military Drones and the Border Space: a Critical Study of the Surveillance Exercised by Border Guards // *Geographica Helvetica*. 72. 2017. pp. 97–107.
- Karataev et al., 2018** – *Karataev V.B., Grosheva P.Yu., Shkvarya L.V.* From the History of the Development of Controlled Aerostats (Airships) in the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49. Is. 3: 1159–1165.
- Laine, 2012** – *Laine J.* Border Paradox: Striking a Balance between Access and Control in Asymmetrical Border Settings // *Eurasia Border Review*. 3:1. pp. 51–79.
- Markham, 2014** – *Markham A.H.* A Polar Reconnaissance: Being the Voyage of the Isbjörn to Novaya Zemlya in 1879 (Cambridge Library Collection – Polar Exploration). Cambridge University Press. 2014. 398 p.
- Ørebech, 2016** – *Ørebech P.T.* Terra nullius, Inuit Habitation and Norse Occupation – with Special Emphasis on the 1933 East Greenland Case // *Arctic Review on Law and Politics*. Vol. 7. No. 1. 2016. P. 29.
- Pearson, Feilden, 2011** – *Pearson H.J., Feilden H.W.* Beyond Petsora Eastward: Two Summer Voyages to Novaya Zemlya and the Islands of Barents Sea (Cambridge Library Collection – Polar Exploration), 1st Edition. Cambridge University Press. 2011. 538 p.
- Jones, 2016** – *Jones A.A.* Scott's Forgotten Surgeon: Dr. Reginald Koettlitz, Polar Explorer. Whittles Publishing. 2016. 224 p.
- Johnson, 2014** – *Johnson C.W.* Ice Ship: the Epic Voyages of the Polar Adventurer Fram. ForeEdge. 2014. 336 p.
- Zadorin, 2018** – *Zadorin M.* The Doctrine of “Common Territory” versus “Terra Nullius”: Political Geography in the Political and Legal Context of Spitsbergen's Status in the Late 19th Century – First Half of the 20th Century / *IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science*. 180. 2018. P. 5. DOI: 10.1088/1755-1315/180/1/012002.

References

- Anufriev, 1913** – *Anufriev I.* (1913). Murmanskies promysly i territorial'naya polosа okeana [Murmansk Fisheries and Ocean Zone]. Arkhangelsk, *Gubernskaya Tipografiya*, p. 8. [in Russian]
- Breytfuls, 1906** – *Breytfuls L.* (1906). Morskoy zverinyy promysel v Belom more i Severnom Ledovitom okeane [Marine Mammal Hunting in the White Sea and the Arctic Ocean]. *Ezhemesyachnyy zhurnal Imperatorskogo Obshchestva Sudokhodstva*. No. 1. p. 13. [in Russian]
- Breytfuls, 1907** – *Breytfuls L.* (1907). O granitsakh territorial'nykh vod Evropeyskoy Rossii v Severnom Ledovitom okeane [On the Boundaries of Territorial Waters of European Russia in the Arctic Ocean]. *Russkoe Sudokhodstvo. Ezhemesyachnyy zhurnal Imperatorskogo Obshchestva Sudokhodstva*. No. 4. p. 43. [in Russian]

Deklaratsiya OON..., 1960 – Deklaratsiya OON o predostavlenii nezavisimosti kolonial'nykh stranam i narodam [Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples], 1960. [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml [in Russian]

Federal'nyy zakon..., 1998 – Federal'nyy zakon ot 31 iyulya 1998 goda № 155-FZ «O vnutrennikh morskikh vodakh, territorial'nom more i prilozhashchey zone Rossiyskoy Federatsii» [On the Internal Sea Waters, the Territorial Sea and the Adjacent Zone of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 03.08.1998. No. 31. Art. 3833. [Electronic resource]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901714424/05.10.2018>. [in Russian]

Khromykh, 2008 – *Khromykh A.S.* Problema “sibirskogo frontira” v sovremennoy rossiyskoy istoriografii [The Problem of the “Siberian Frontier” in Modern Russian Historiography]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. No. 4. pp. 106–112. [in Russian]

Konstitutsiya Rossiyskoy..., 1993 – Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [Constitution of the Russian Federation]. 1993. [Electronic resource]. URL: <http://constitution.kremlin.ru/> (05.10.2018). [in Russian]

Konventsia OON..., 1958 – Konventsia OON o kontinental'nom shel'fe [UN Convention on the Continental Shelf]. 1958. [Electronic resource]. URL: [http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/conts.pdf](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/cont.pdf) [in Russian]

Konventsia OON..., 1958 – Konventsia OON o rybolovstve i okhrane zhivyykh resursov otkrytogo moray [UN Convention on Fishing and Conservation of the Living Resources], 1958. [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/fisheries58.pdf (05.10.2018). [in Russian]

Konventsia OON..., 1958 – Konventsia OON o territorial'nom more i prilozhashchey zone [UN Convention on the Territorial Sea and Contiguous Zone]. 1958. [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/tsea.pdf (05.10.2018). [in Russian]

Konventsia OON..., 1958 – Konventsia OON ob otkrytom more [UN Convention on the High Seas]. 1958. [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hsea.pdf (05.10.2018). [in Russian]

Konventsia OON..., 1982 – Konventsia OON po morskomu pravu [UN Convention on the Law of the Sea]. 1982. [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (05.10.2018). [in Russian]

Kristoman, 2003 – *Kristoman B.B.* (2003). Istoriya nauchno-promyslovogo osvoeniya Evropeyskogo Severa v kontekste politicheskikh interesov Rossiyskoy Imperii v XIX – nachale XX v.: avtoref. ... dis. kand. istor. nauk [The History of the Scientific Development of the European North in the Context of Political Interests of the Russian Empire in the 19th – Early 20th Century: Author's PhD Thesis Abs.]. Arkhangel'sk. 32 p. [in Russian]

Mozgovoy, 2016 – *Mozgovoy S.A.* (2016). 250-letniy yubiley ekspeditsii kapitana Chichagova (1765, 1766) [250th Anniversary of the Expedition of Captain Chichagov (1765, 1766)]. *Kul'turologicheskiy zhurnal*. 2(24). 7 p. [Electronic resource]. URL: http://www.cr-journal.ru/files/file/10_2016_19_19_37_1477077577.pdf (05.10.2018). [in Russian]

Nil'sen, 2017 – *Nil'sen Y.P.* (2017). Sblizhenie: Rossiya i Norvegiya v 1814–1917 godakh [Rapprochement: Russia and Norway in 1814–1917]. University of Tromsø – Arctic University of Norway, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (RAS). Ed. by Y.P. Nil'sen. Moscow. Ves' Mir Publ. 708 p. [in Russian]

Panarina, 2015 – *Panarina D.S.* (2015). Granitsa i frontir kak faktor razvitiya regiona i/ili strany [Border and Frontier as a Factor in the Development of a Region and/or a Country]. *Istoriya i sovremennost'*. No. 1. pp. 15–41. [in Russian]

Popov, Davydov, 1999 – *Popov G.P., Davydov R.A.* (1999). Murman. Ocherki istorii kraya XIX – nachala XX v. [Murman. Essays on the History of the 19th – Early 20th Century]. Yekaterinburg. Ural Branch RAS. pp. 18–28. [in Russian]

Postanovlenie Prezidiuma..., 1926 – Postanovlenie Prezidiuma TsIK SSSR ot 15.04.1926 “Ob ob'yavlenii territoriy Soyuza SSR zemel' i ostrovov, raspolozhennykh v Severnom Ledovitom okeane” [On Declaring Lands and Islands Located in the Arctic Ocean as the USSR Territory]. [Electronic resource]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901761796> (05.10.2018). [in Russian]

Rasporyazhenie Pravitel'stva..., 2013 – Rasporyazhenie Pravitel'stva KhMAO–Yugry ot 22 marta 2013 goda № 101-rp (red. ot 09.06.2017) “O Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry do 2030 goda” [On the Strategy of Social and Economic Development of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra until 2030]. *Sobranie zakonodatel'stva Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga–Yugry*. 31.03.2013. No. 3 (part II), art. 304. [in Russian]

Romanova, 2017 – *Romanova M.D.* (2017). Nauchnaya diplomatiya: izmereniya i praktiki [Scientific Diplomacy: Measurements and Practices]. *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie*. pp. 38–52. [in Russian]

Stanulevich, Shalyapin, 2017 – *Stanulevich V.I., Shalyapin S.O.* (2017). Russkaya Arktika: sbornik dokumentov [Russian Arctic: Collection of Documents]. Ed. by V.I. Stanulevich, S.O. Shalyapin. Arkhangel'sk. 216 p. [in Russian]

Zonn i dr., 2015 – *Zonn I.S., Kostyanoy A.G., Semenov A.V.* Tysyacheletie otkrytiya i osvoeniya Severnogo Ledovitogo okeana [Millennium of Discovery and Exploration of the Arctic Ocean]. Moscow. Moskovskiy universitet im. S.Yu. Vitte. 2015. pp. 16–52. [in Russian]

- Zubov, 1954 – Zubov N.N. Otechestvennye moreplavately – issledovateli morey i okeanov [Domestic Seamen – Researchers of the Seas and Oceans]. Moscow. Geografiz Publ. 1954. 476 p. [in Russian]
- Capelotti, 2013 – Capelotti P.J. (2013). Shipwreck at Cape Flora: the Expeditions of Benjamin Leigh Smith, England's Forgotten Arctic Explorer (Northern Lights Book 16). University of Calgary Press. 300 p.
- Capelotti, 2016 – Capelotti P.J. (2016). The Greatest Show in the Arctic: the American Exploration of Franz Josef Land, 1898–1905 (American Exploration and Travel Series). University of Oklahoma Press. 648 p.
- Eyford, 2017 – Eyford R. (2017). White Settler Reserve: New Iceland and the Colonization of the Canadian West. UBC Press. 272 p.
- Johnson, 2014 – Johnson C.W. (2014). Ice Ship: the Epic Voyages of the Polar Adventurer Fram. ForeEdge. 336 p.
- Jones, 2016 – Jones A.A. (2016). Scott's Forgotten Surgeon: Dr. Reginald Koettlitz, Polar Explorer. Whittles Publishing. 224 p.
- Karataev et al., 2018 – Karataev V.B., Grosheva P.Yu., Shkvarya L.V. (2018). From the History of the Development of Controlled Aerostats (Airships) in the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. Vol. 49. Is. 3: 1159-1165.
- Laine, 2012 – Laine J. (2012). Border Paradox: Striking a Balance between Access and Control in Asymmetrical Border Settings. *Eurasia Border Review*. 3:1. pp. 51–79.
- Markham, 2014 – Markham A.H. (2014). A Polar Reconnaissance: Being the Voyage of the Isbjörn to Novaya Zemlya in 1879 (Cambridge Library Collection – Polar Exploration). Cambridge University Press. 398 p.
- Ørebech, 2016 – Ørebech P.T. (2016). Terra nullius, Inuit Habitation and Norse Occupation – with Special Emphasis on the 1933 East Greenland case. *Arctic Review on Law and Politics*. Vol. 7. No. 1. p. 29.
- Pearson, Feilden, 2011 – Pearson H.J., Feilden H.W. (2011). Beyond Petsora Eastward: Two Summer Voyages to Novaya Zemlya and the Islands of Barents Sea (Cambridge Library Collection – Polar Exploration). 1st Edition. Cambridge University Press. 538 p.
- Pedrozo, 2017 – Pedrozo S. (2017). Swiss Military Drones and the Border Space: a Critical Study of the Surveillance Exercised by Border Guards. *Geographica Helvetica*. 72. pp. 97–107. <https://doi.org/10.5194/gh-72-97-2017>
- Zadorin, 2018 – Zadorin M. (2018). The Doctrine of “Common Territory” versus “Terra Nullius”: Political Geography in the Political and Legal Context of Spitsbergen's Status in the Late 19th Century – First Half of the 20th Century. *IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science*. 180. 2018. p. 5. DOI: 10.1088/1755-1315/180/1/012002.

Роль морских научно-промысловых экспедиций XVIII–XIX вв. в утверждении политико-правового присутствия России в Арктике

Константин Сергеевич Зайков^{a,*}, Александр Арвелодович Черкасов^{b,c}, Гао Тяньмин^d, Наталья Вячеславовна Лукашева^e

^a Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Харбинский инженерный университет, Харбин, Китай

^e Университет Северной и Британской Колумбии, Канада

Аннотация. Статья посвящена вопросу делимитации морских пространств Арктики в конце XIX века на примере Российской империи, а также историческим и политико-правовым факторам, повлиявшим на неоднозначную и непоследовательную политику царского правительства в отношении островных пространств, имевших непосредственную бытописную и промысловую связь с десятками поколений русских поморов.

Обосновывается роль промыслов и научных исследований в качестве продолжающейся политики «эффективной оккупации» на Белом, Баренцевом и Печорском морях, а также на Мурмане и двух архипелагах Шпицберген/Свальбард и Новая Земля. Отмечается кризис в области имперского нормотворчества, а также недостаточно активная роль дипломатического и ученого сообществ по вопросам легитимации через общественное мнение и международные организации и двусторонние контакты с «северными соседями» государственных позиций Империи. Пространственная удаленность и совершенное непонимание центральным руководством специфики дел на Русском Севере приводили в конечном счете к «политике уступок» в отношении сухопутных пространств (территориальное разграничение с Норвегией), а также к утрате геополитических позиций в море в связи с существенной

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: k.zaikov@narfu.ru (К.С. Зайков), sochio03@rambler.ru (А.А. Черкасов), gtmmail@sina.cn (Г. Тяньмин), Natalia.Loukacheva@unbc.ca (Н.В. Лукашева)

отсталостью в техническом оснащении. Империя видела определенную выгоду в существовании «фронтиров», так как нестабильные границы давали почву для потенциально выгодного территориального приобретения, «прирастания», в то время как их жесткое закрепление автоматически служило фактором самоограничения, что противоречило самому характеру империи. Подчеркивается непрерывность процесса научной дипломатии, когда наука выступает в качестве одной из основ территориальных претензий государств.

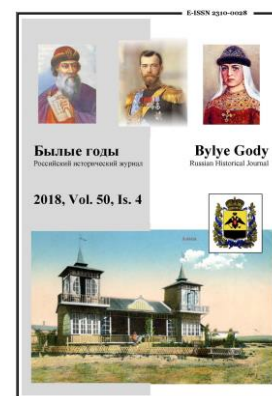
Ключевые слова: Арктика, научно-промысловые экспедиции, Российская империя, морские фронтиры, геополитика, колониализм.

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1471-1482. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1471
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

S.N. Glinka and His Works on the History of the Armenian People in Russian And Armenian Historiography

Sergey M. Sayadov ^{a, *}

^a Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article is about one of the insufficiently explored aspects of russian-armenian cultural and literary connections — the armenological work of the russian writer S.N. Glinka.

S.N. Glinka was one of the prominent representatives of the conservative-nationalist trend. The admiration for republican ideals, the hatred of slavery, despotism with the idea of the inviolability of the existing world order, and sincere devotion to the autocracy were peacefully coexisting in his ideology. These features of S.N. Glinka's worldview appeared in his works on armenian history.

In S.N. Glinka's works on armenian subjects a great attention was paid to the armenian nation's contribution to the world history and culture, the fight for freedom and independence of their homeland. Armenian history was first considered from the inception of the armenian statehood to becoming an Armenian region a part of Russia in Glinka's works. They detail the history of russian-armenian links, issue of the emerging of the russian orientation of the armenian liberation movement. He was one of the first in the russian prerevolutionary historiography to give a high assessment and stress the historical significance of the entry of Eastern Armenia into Russia.

Essentially he discovered Armenia, its history and culture for the russian reading public of that period, contributed the formation of the scientific foundations of the russian school of armenology and was the first representative of this school.

The article attempts to historiographical analysis of the problem "S.N. Glinka-historian of the armenian people" on the basis of a wide range of publications of pre-revolutionary, soviet and modern periods. According to a number of authors, including S.G. Areshyan, E. A. Hakobyan, works on the history of the Armenian people. Glinka were the best of all his works of historical subjects.

Keywords: historiography, armenology, study of the history of Armenia in Russia, S.N. Glinka.

1. Введение

Сергей Николаевич Глинка (1776–1847) был одной из видных фигур, стоящих у истоков арменоведения в России. Писатель и общественный деятель, в 1812 г. – ратник Московского ополчения, патриот, издатель журнала «Русский вестник» (Замотин, 1912; Дружинин, 1963; Минаков, 2011: 452; Саядов, 2006: 32–126), его творчество исследуется литературоведами и историками журналистики. Вместе с тем его работы по истории Армении – поэтическое произведение (Глинка, 1831а), историко-публицистическое сочинение (Глинка, 1831б), история Армении (Глинка, 1832; Глинка, 1833), сборник документов по истории армянского народа (Собрание актов, 1833; Собрание актов, 1838а; Собрание актов, 1838б) – не нашли должного освещения в исторической литературе. Обстоятельства, обусловившие обращение Глинки к арменистике, области далекой от его литературных интересов, остались неисследованными. В историографии еще нет работ, посвященных рассмотрению его места в изучения истории Армении в России.

* Corresponding author

E-mail addresses: ssayadov@hayazg.info (S.M. Sayadov)

Работы С.Н. Глинки по истории армянского народа и примыкающий к ним сборник документов «Собрание актов», одним из авторов которого он был, сохраняют свое значение и поныне. Эти работы как исторические свидетельства времени особенно актуальны в контексте нового прочтения истории, связанного с изменениями политической конъюнктуры в Закавказье в постсоветский период (Саядов, 2014).

2. Материалы и методы

В работе в качестве материалов были привлечены сочинения С.Н. Глинки по истории армянского народа, которые были написаны в исторический период, связанный с присоединением Восточной Армении к России. В этот период в московском Лазаревском институте восточных языков был собран значительный объем сведений по истории и культуре Армении, который требовал своего осмысления.

В историографическом исследовании в качестве материалов выступают все публикации современников С.Н. Глинки, авторские научные труды последующих поколений исследователей мировоззрения и творчества русского писателя и прежде всего его сочинений армянской тематики.

Методологическая основа исследования определяется объектом изучения историографии. Рассматривая историографию арменоведческих трудов С.Н. Глинки, мы стремились в первую очередь определить степень их изученности с тем, чтобы наметить дальнейшее направление исследований. Одновременно с этим в соответствии с принципом историзма в историографическом исследовании мы обратились к рассмотрению биографии, мировоззрения, исторических взглядов русского писателя, которые так или иначе нашли свое выражение в его творчестве и сочинениях.

3. Обсуждение

Прежде чем обратиться к работам С.Н. Глинки армянской тематики и представить их краткий историографический обзор, остановимся на общей характеристике его мировоззрения и исторической концепции.

Исследователи творчества писателя обращали внимание на то, что, оставаясь в рамках консервативно-монархического мировоззрения, он так же, как и декабристы, увлекался изучением истории человечества, особенно его античного периода, а из событий ближайших исторических эпох выделял национально-освободительные движения народов.

Тот факт, что в его мировоззрении совмещались как консервативные, так и просветительские элементы, исследователи творчества С.Н. Глинки объясняют особенностями образовательного процесса Петербургского кадетского корпуса, в котором он учился и формировался как личность (Лупарева, 2012: 6, 11–12, 181–182). Республиканизм, ненависть к рабству, деспотизму вполне ужились в его сознании с искренней преданностью самодержавию.

Т.А. Володина исследовала исторические воззрения С.Н. Глинки. Она сопоставляла его многотомный труд «Русская история» с трудами Н.М. Карамзина. При всем различии сочинений двух авторов у них было немало общего, например, занимательность повествования. Каждый из них выступал одновременно и как писатель, и как историк. Если произведения Карамзина – научные труды, изложенные языком писателя, то Глинка был представителем образованной читательской аудитории, которой были адресованы эти труды (Володина, 2002: 160).

Всесторонний историографический анализ сочинений С.Н. Глинки и исследований о нем можно найти в работе Н.Н. Лупаревой «Отечественнолюбца...» (Воронеж, 2012), которая представляет собой первое монографическое исследование его творчества (Лупарева, 2012: 5–19).

Опираясь на обширное литературное наследие С.Н. Глинки, а «он один, если не первый, из плодовитейших наших писателей» (Вяземский, 2004: 435; Геннади, 1876: 220), выясняла его отношение к восточному направлению внешней политики России первой трети XIX в. Она обратила внимание, в частности (и это принципиально важно и актуально), что, по мнению Глинки, Османская империя является искусственным, неустойчивым политическим образованием, потому что оно зиждется на эксплуатации насильственно удерживаемых чуждых ей этносов. В результате анализа сочинений русского писателя Н.Н. Лупарева пришла к выводу о том, что он транслировал свои идеальные модели справедливого общественного устройства на всю историю человечества, рассматривая их как вполне подходящие для всех стран и народов (Лупарева, 2012: 162).

Эта историческая концепция С.Н. Глинки в полной мере нашла свое выражение и в его арменоведческих трудах.

4. Результаты

Жизнь и деятельность С.Н. Глинки как предмет особого рассмотрения интересовал нас прежде всего с точки зрения объяснения первопричин его увлечения армянской историей. В зрелые годы им были написаны сочинения, вобравшие в себя последние достижения исторической науки того времени в области изучения истории Армении в России.

С.Н. Глинка – консерватор и монархист – в своих арменоведческих работах, как полагают исследователи, выступил как представитель передовой интеллигенции того времени (Арешиян, 1944b: 77; Акопян, 1988: 81). Это, по-видимому, было связано не только с его «романтическим

мировоззрением», но, главным образом, с его интересом к армянской истории и культуре, с его знакомством с Христофором и Иваном Лазаревыми – попечителями Лазаревского института восточных языков.

Крупные просветители и меценаты Лазаревы были представителями высших слоев общества того времени. Они принимали непосредственное участие в формировании восточного вектора внешней политики России, оставаясь истинными патриотами своей исторической родины. В первой трети XIX века они задумали проект создания серии работ по истории армянского народа. Написать и подготовить к изданию главный труд в этой серии было поручено С.Н. Глинке. Их выбор автора не был случаен, по-видимому, его взгляды, патриотическая, журналистская деятельность, его труды по истории России, национально-освободительного движения народов были известны Лазаревым или их близкому кругу лиц, связанных с их институтом восточных языков, Московским университетом.

Проект создания новой версии армянской истории был рассчитан на достижение следующих целей: ознакомить российскую общественность с историей и культурой соседнего единоверного народа, показать истоки и современное состояние русско-армянских отношений и роль представителей фамилии Лазаревых в их развитии, в том числе в процессе вхождения Восточной Армении в состав России, а также дать этому процессу всестороннюю историческую и общественно-политическую оценку.

Для написания сочинений армянской тематики С.Н. Глинка имел в своем распоряжении широкий круг исторических источников и других материалов, значительная часть из которых ему пересылалась из Лазаревского института восточных языков (РГАДА. Ф. 1252. Оп. I. Д. 532. Л. 2-53 об.; ГАРФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 1832. Д. 188; РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 597). Подбор материалов, которыми пользовался автор, обуславливал его видение логики и способа написания истории Армении. Предполагалось, что распространение сведений об Армении, публикация книг по истории и культуре армянского народа в период присоединения Восточной Армении к России должны были способствовать лучшему пониманию происходящих в Закавказье событий и укреплению традиционных связей двух народов.

Основное содержание сочинений С.Н. Глинки по истории армянского народа

В 1831 году появилось первое произведение С.Н. Глинки армянской тематики – «Две повести в стихах, почерпнутые из древних армянских летописей». Это небольшое произведение имело важное значение как с точки зрения изучения первоисточников, так и для формирования авторской концепции изложения армянской истории. К.Н. Григорьян писал по этому поводу, что стихотворные «опыты С.Н. Глинки важны как первые попытки поэтической разработки армянской исторической темы в русской литературе» (Григорьян, 1962: 38). Основная идея произведения – воспевание героики освободительной борьбы армянского народа, вера в торжество мира и добра над силами зла и войны.

В 1831 году в типографии Лазаревского института восточных языков была издана книга «Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении». Написанная в жанре «исторической публицистики», она была откликом писателя на массовую репатриацию армян из Ирана после заключения Туркманчайского мирного договора (1828), завершившего русско-иранскую войну 1826–1828 гг.

События переселения армян он излагает с присущим ему пафосом и любовью к армянскому народу. Образно характеризуя переселение армян «не переселением одной личности людей, но переселением душ и сердец» (Глинка, 1831b: 49), автор в то же время отмечает, что это мероприятие соответствовало политическим и экономическим интересам России в Закавказье. Он пишет, что польза переселения очевидна, тем более что увеличение на границах России лояльно настроенных поселенцев будет способствовать защите рубежей страны от набегов турок, персов, горцев (Глинка, 1831b: 93).

Интерес представляют те страницы книги, которые рассказывают о традиционных добрососедских отношениях русских и армян, начиная с древних времен, вплоть до нового времени, когда Петр I, рассчитывая на приверженность армян России, отмечал их воинские заслуги и предоставил им различные льготы и привилегии (Глинка, 1831b: 18, 16).

В своей книге С.Н. Глинка сумел верно показать главное: неудержимое стремление, которое вело массы армянских репатриантов, надеявшихся под защитой России сохранить свою национальную и религиозную самобытность.

В период написания «Двух повестей» С.Н. Глинка уже работал над «Обзором истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи».

История Армении есть история борьбы за национальную независимость. Эта тема красной нитью проходит через всю книгу. Автор воспринимал историю Армении как одну из ярких страниц истории древнего мира, с которой он познакомился и которую полюбил еще во время обучения в кадетском корпусе.

Особенность истории Армении, полагает С.Н. Глинка, проявляется в традициях этого народа, которому всегда были свойственны терпение, сплоченность, жизнелюбие и дух созидания. Он подчеркивает, что военные таланты служили армянам не для завоевания других земель и порабощения народов, а для противодействия внешнему насилию, для защиты национальной

независимости. Армяне – это мирный, свободолюбивый народ-созидатель, уважающий свободу других народов. Эти его коренные свойства живут в нем еще с патриархальных времен (Глинка, 1832: VII; Глинка, 1833: 226). Глинка выделяет исторически сложившуюся негибкость духа армянского народа, его последовательность в достижении цели, благодаря которой ему удалось сохранить свою самобытность, язык, веру. Это обстоятельство и является главной гарантией его дальнейшего развития.

В «Обзрении истории» С.Н. Глинка исследует не столько национальные особенности армянского народа, сколько, анализирует основные точки бифуркации в истории Армении и всемирной истории, вклад армянского народа в историю мировой цивилизации.

Большая часть «Обзрения истории» посвящена древней истории Армении, потому что этот период был наиболее широко представлен в материалах, на которые опирался автор армянской истории. Он писал, что история Армении так или иначе связана с историей многих народов древнего мира (Глинка, 1832: III, 4–5, 37–38, 53; Глинка, 1833: 223), в ее летописях сохранились свидетельства о древней истории многих народов: ассирийцев, парфян, мидян, персов, греков, римлян, византийцев и др., поэтому без армянских источников невозможно изучение древней истории.

Одним из основных источников, досконально изученных С.Н. Глинкой при подготовке «Обзрения истории», была «История» М. Хоренаци. Эта работа впервые познакомила его с древней армянской историей, с ее помощью писатель смог увидеть Армению, ее историю в образном и целостном виде.

В «Обзрении истории» так же, как и в книге «Описание переселения», но подробнее и полнее автор рассматривает историю русско-армянских отношений со времен Киевской Руси до образования Армянской области в составе Российской империи. В развитии и укреплении этих отношений автор видит залог будущего успеха и процветания армянского народа. Будущее Армении виделось Глинке как «возрождение Области Армянской в Российской империи», что и нашло свое отражение в заглавии книги.

В одном из подготовительных документов к составлению армянской истории сказано, что к «Обзрению истории» непосредственно примыкает «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа» (РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 532. Л. 15).

В трехтомное «Собрание актов» включены многочисленные уникальные материалы: юридические документы, содержащие юридические источники, действующие правовые акты; документы органов государственной власти, царские указы и т.д.; журнальные и др. статьи, библиографические материалы, различные выписки, другие авторские материалы разных жанров и разных исторических периодов, касающиеся истории и культуры Армении.

Поскольку С.Н. Глинка был автором «Обзрения истории» и свободно ориентировался в литературе и документальных источниках по истории армянского народа, он вместе с другими сотрудниками Лазаревского института восточных языков принимал участие в составлении «Собрания актов» (Геннади, 1876: 222; Григорьян, 1974: 175). И.А. Атаджанян, анализируя арменоведческие сочинения Глинки, упоминал его как редактора «Собрания актов» (Атаджанян, 2006: 31). В этом качестве он участвовал в отборе и подготовке к печати прежде всего тех материалов, которые были связаны с древней историей Армении, историей борьбы армянского народа за независимость, с историей русско-армянских отношений, с историей Лазаревского института, с переселением армян в российские пределы и т.д. Он также, как свидетельствуют выявленные нами архивные материалы (РГАДА. Ф.1252. Оп. 1. Д. 532. Л. 13–13 об.; 15), вместе с Лазаревыми участвовал в разработке общей структуры представления документов в «Собрании актов».

«Собрание актов» – это первый опыт публикации документов об Армении в России. Ценность книги не столько в уникальности ее материалов, сколько в том, что сведения по армянской истории, истории русско-армянских отношений были впервые собраны, атрибутированы, систематизированы и представлены широкой общественности. Этот фундаментальный по содержанию и объему труд способствовал дальнейшему развитию арменоведения в России.

Уже сам факт издания арменоведческих трудов имел важное значение для развития взаимопонимания русского и армянского народов, укрепления и дальнейшего развития их литературных и культурных связей.

Целью данного исследования является выяснение вклада С.Н. Глинки в русскую историографию Армении на основе рассмотрения отзывов и оценок, которые давались его арменоведческим сочинениям в публикациях современников и в работах исследователей более позднего времени.

Оценка арменоведческого творчества С.Н. Глинки в дореволюционной литературе

Выход в свет книги С.Н. Глинки «Две повести» не остался незамеченным. Историк и этнограф М.А. Максимович откликнулся на эту публикацию положительной рецензией. В своем отзыве он подчеркнул важность изучения истории армянского народа (Максимович, 1831: 110–111).

Другой известный писатель и историк того времени Н.А. Полевой также положительно отнесся к арменоведческим изысканиям С.Н. Глинки. Он с интересом и доверием отнесся к тем источникам, на которые опирался в своих работах автор армянской истории. Он, в частности, писал, что Глинка с увлечением занимается армянской историей, изучает армянские летописи. По мнению

Н.А. Полевого, если, как говорят армянские летописи, в древние времена армяне действительно так много знали и умели, то по уровню развития цивилизации они не уступали самым передовым нациям ([Две повести, 1831: 243–244](#)).

Помимо положительных отзывов на сочинения С.Н. Глинки по истории Армении, встречались и другие, в которых содержалось неприятие общего духа его трудов, пропитанных симпатией к армянскому народу, его истории и культуре.

Так, например, писатель, литературный критик декабристского круга А.А. Бестужев-Марлинский ([Бестужев, 1861: 335](#)) после публикации книги «Описание переселения» упрекал Глинку в излишнем приукрашивании и романтизации событий переселения армян. В целом соглашаясь с этой критикой, отметим, что для автора в тот переломный для русско-армянских отношений момент было важно сосредоточиться не столько на рассмотрении форм и методов организации переселения, сколько на выяснении исторического значения этого события для судеб армянского народа.

Развернутый отзыв на книгу «Обозрение истории армянского народа» дал в журнале «Библиотека для чтения» востоковед О.И. Сенковский. Он подверг сомнению источниковую базу сочинений Глинки. Скептицизм критика выразился в том числе и в отношении хронологии армянской истории, в вопросе о происхождении армянского народа. Несмотря на это, Сенковским были отмечены и наиболее интересные, по его мнению, аспекты сочинений Глинки, связанные с петровским периодом русско-армянских отношений и деятельностью Лазаревых ([Сенковский, 1834: 32–34](#)).

С.Н. Глинка, как правило, сдержанно реагировал на критику. Рецензию О.И. Сенковского на свою книгу он не считал справедливой, в связи с чем писал Х.Е. Лазареву: «Думаю, что Вы прочитали в Библиотеке для чтения не разбор, а пустословие о нашей армянской истории. <...> Со временем возражу» ([РГАДА. Ф. 1252. Оп. I. Д. 736а. Л. 81–81 об.](#)).

Если резюмировать все отзывы современников С.Н. Глинки на его труды, выделить в них главное, что их объединяет, то можно прийти к заключению, что российское общество того времени, даже в лице его наиболее образованных представителей, было очень слабо информировано в вопросах истории и культуры армянского народа. Это объясняет и подтверждает всю важность появления арменоведческих работ С.Н. Глинки, их большое культурно-просветительское значение.

В дореволюционной литературе последующего периода сочинения С.Н. Глинки армянской тематики изредка упоминались в справочных литературных изданиях. Так, в книге С.А. Венгерова, в статье Б.М. Федорова упоминались «Две повести» и «Обозрение истории» ([Венгеров, 1900: 771; Федоров, 1844: 22–23](#)). В словаре Г. Геннади речь шла об участии С.Н. Глинки в работе над собранием актов по армянской истории ([Геннади, 1876: 222](#)).

Оценка сочинений С.Н. Глинки в советской историографии

Сочинения С.Н. Глинки по армянской тематике и в дальнейшем продолжали сохранять свою актуальность. Они оставались в поле зрения исследователей последующего периода и нашего времени, специалистов в области историографии, истории литературы.

Впервые вопрос о необходимости специального исследования арменоведческих трудов С.Н. Глинки поставила С.Г. Арешян ([Арешян, 1944а; Арешян, 1955](#)). Она рассматривала его творчество в историко-литературном плане, анализируя то, как в русской литературе освещалась армянская тематика. Она полагала, что С.Н. Глинка занимает свое достойное место в истории русско-армянских литературных отношений первой трети XIX века, и пришла к выводу о том, что он не просто один из авторов, писавших об Армении в период присоединения Кавказа и Закавказья к России, наряду с Н.М. Карамзиным, А.А. Бестужевым-Марлинским, А.С. Грибоедовым и другими. Его патриотизм проявлялся не только по отношению к русскому народу, но и к другим народам России, в том числе армянам. Глинка, полагает С.Г. Арешян, выступил «как армянофил в период реакции, после разгрома декабристов» ([Арешян, 1944b: 74–75](#)). В своих сочинениях он постоянно подчеркивает мысль о том, что сама история неразрывно связала судьбы русского и армянского народов.

Конкретизируя свою оценку творчества русского писателя, С.Г. Арешян считает, что значение арменоведческих произведений Глинки, его интернационализм и увлечение армянской историей и культурой «неразрывно связаны с патриотизмом и передовым мировоззрением» ([Арешян, 1944b: 77](#)).

В.А. Парсамян в статье «Историография Армении первой половины XIX в.» уделяет особое внимание сочинениям С.Н. Глинки по истории армянского народа. По его мнению, наиболее интересные страницы в работах писателя посвящены вопросам истории Армении, русско-армянских отношений XVIII–XIX вв., армянских колоний, армянской торговли, участию армян в кавказских войнах России ([Парсамян, 1953: 38](#)).

После присоединения Восточной Армении к России было заметно усиление интереса к Армении, что проявлялось в росте публикаций, знакомивших российского читателя с армянской историей и культурой.

В этом контексте рассматриваются сочинения Глинки и в работе В.С. Еркяна, который отмечал, что русский историк не только опубликовал ряд работ по армянской истории, репатриации армян Ирана, но и участвовал в составлении сборника документов, содержащего ценные источники по истории армянского народа ([Еркяна, 1985: 91](#)). Работа С.Н. Глинки в 1833–1838 гг. над этими источниками, полагает В. Дилоян, сыграла неоценимую роль в сближении русского и армянского народов ([Дилоян, 1966: 225](#)).

К.Н. Григорьян исследовал изучение истории Армении в России, русскую арменоведческую традицию, которую связывал с деятельностью Лазаревского института, именами Якова и Давида Арзановых, С.Н. Глинки. Книги Глинки армянской тематики, по его мнению, были «первыми историческими работами об Армении, написанными русским исследователем» (Григорьян, 1974: 175).

Высокую оценку Глинке-историку, в том числе его книгам армянской тематики, дала З.О. Гукасян. Она полагает, что «Обозрение истории» относится к романтическому направлению в литературе и историографии (Гукасян, 1961: 8–9).

Л. Мкртчян подчеркивает культурно-просветительское значение работ С.Н. Глинки. По мнению исследователя, консервативное мировоззрение автора не помешало ему объективно и обстоятельно изложить армянскую историю. Эта история была написана с искренней любовью к армянскому народу, который, как считал С.Н. Глинка, связан с русским народом тесными узами дружбы (Мкртчян, 1968: 12).

Нельзя не согласиться с утверждением М.А. Мурадяна о том, что именно С.Н. Глинка одним из первых в русской дореволюционной историографии показал историческое значение присоединения Восточной Армении к России и то, что это соответствовало интересам армянского народа, способствовало развитию его государственности, экономики и культуры. Его труды знакомили российское общество с многовековой историей и культурой Армении (Мурадян, 1978: 69, 70–71).

Во всех своих произведениях армянской тематики С.Н. Глинка был последовательным сторонником идеи о необходимости укрепления всесторонних связей русского и армянского народов. Он полагал, что тесное сотрудничество двух народов может создать благоприятные условия для обеспечения национальной независимости и развития культуры армянского народа.

Задолго до известного письма Ф. Энгельса К. Марксу (Энгельс, 1962: 241) он подчеркивал прогрессивную роль России в судьбе восточных народов, в т.ч. армянского народа.

Армянская тема в русской историографии впервые систематически была исследована Р.Г. Хачатряню. По его мнению, сочинение С.Н. Глинки «Описание переселения» имеет особую ценность для историографии потому, что в нем автор одним из первых высказал мысль об узурпации армянских земель турецкими захватчиками и тезис о русской ориентации армян (Хачатрян, 1987: 335).

Одним из первых обобщающих историко-литературных исследований русской арменоведческой традиции был труд Э.А. Акопяна «Арменоведение в России». В нем рассматривалось творчество С.Н. Глинки в рамках общего процесса развития русской романтической литературы. По мнению исследователя, С.Н. Глинка как «литературный историограф», которому не чужды увлечения национальными культурами, внес свою лепту в становление «армянской историко-филологической науки в России». Писатель и историк, исследователь и художник Глинка сочетал критичное отношение к историческому источнику с эмоциональным описанием фактов, опираясь на признанных авторитетов армянской историографии: Хоренаци, Сен-Мартена, Ш. Шаамиряна и др., на мифологию армянского народа. Прежде чем воспевать героев армянского эпоса, защищавших родную землю от иноземных завоевателей, писатель описывал подвиги русских солдат и полководцев в Отечественной войне 1812, на протяжении всего своего творчества он неизменно обращался к теме освободительной борьбы народа против тирании.

В своей оценке творчества писателя Э.А. Акопян по сути развивает положения, высказанные ранее С.Г. Арешян. Он отмечает, что, несмотря на особенности исторического периода после восстания декабристов, когда самодержавие стремилось укрепить свои позиции и ограничить свободу слова, Глинка выступил приверженцем национально-освободительного движения армянского народа против иноземных завоевателей, горячим сторонником укрепления русско-армянских связей. Его сочинения были адресованы русскому читателю, выражали настроение передовой русской общественности к армянскому народу (Акопян, 1988: 81).

Оценка сочинений С.Н. Глинки в современной исторической литературе

Несмотря на смену парадигмы в освещении истории в постсоветский период, основные подходы и оценки в изучении русско-армянских отношений в российской и армянской историографии принципиально не изменились. Это, в частности, касалось и работ, в которых исследовались процессы продвижения России на Кавказ и Закавказье, интеграции Восточной Армении в Российскую империю. В ходе изучения истории русско-армянских культурных и литературных связей ставились и рассматривались вопросы формирования русской школы арменоведения как в ее филологическом, так и в историческом аспекте.

Современные исследователи в своих оценках арменоведческого творчества С.Н. Глинки сохраняют преемственность с выводами исследователей предшествующего периода развития историографии. Так, например, Н.Н. Лупарева разделяет выводы Э.А. Акопяна о том, что сочинения писателя по армянской тематике по своему духу близки настроениям передовой русской общественности в отношении армянского народа (Лупарева, 2012: 10).

Сосредотачивая свое внимание на анализе внешнеполитических взглядов С.Н. Глинки, Н.Н. Лупарева в этом ключе рассматривает его работы по греческому и армянскому вопросам. Она обращает внимание на то, как в книгах «Обозрение истории» и «Описание переселения» автор обосновывал присоединение части Армении к Российской империи, прежде всего исходя из общности религий (Лупарева, 2012: 23–24, 161, 162). По ее мнению, именно из этого ключевого

фактора С.Н. Глинка выводил схожесть нравственного облика, политического устройства двух народов и историческую приверженность армян России.

А. Оганесян отмечает важность и перспективность специального изучения сочинений С.Н. Глинки по истории Армении. Он подчеркивает общедоступный, просветительский характер «Обозрения истории». Повторы, хронологические неточности, встречаемые на страницах книги, он объясняет особенностями тех исторических источников, которыми пользовался автор. Исследователь полагает, что нельзя упрекать Глинку в научной недобросовестности: он всегда ссылается на используемый источник. Благодаря хорошему знанию армянских источников и работ европейских арменоведов, Глинка пытается рассматривать историю Армении с точки зрения ее общечеловеческого содержания и в том, по мнению исследователя, заключается главная ценность его работ (Оганесян, 2001: 83–84).

Анализируя освещение Глинкой вопросов внешнеполитической экспансии России в Закавказье, А. Оганесян полагает, что в слишком пафосном описании присоединении Восточной Армении к России проявился его национализм и монархизм. Наряду с этим, считает А. Оганесян, автор армянской истории высоко оценивал участие армянских ополченцев, а также представителей армянского народа в офицерском корпусе русской армии в русско-иранской войне. Глинка с оптимизмом смотрит на будущее Армении, развитие ее экономики, культуры. Своими трудами и прежде всего книгой «Обозрение истории» он заложил основу развития русской школы арменоведения (Оганесян, 2001: 81–82, 90).

Интересную попытку междисциплинарного исследования исторических сочинений С.Н. Глинки по армянской тематике предпринял Э.Л. Даниелян (Даниелян, 2009). Анализируя исторические воззрения русского писателя, Э.Л. Даниелян для того, чтобы получить более целостное представление о его методах работы с историческими источниками, опирался на его работы по русской и армянской истории.

Э.Л. Даниелян показал, что С.Н. Глинка в своих арменоведческих произведениях поднялся на более высокий уровень исторического исследования. Опираясь на армянские источники, труды средневековых авторов, он в книге «Обозрение истории» рассмотрел армянскую историю в контексте всемирной истории, показал вклад армянского народа, как одного из древнейших народов мира, в сокровищницу мировой цивилизации.

Э.Л. Даниелян обратил внимание, что увлечение С.Н. Глинки древней историей Армении способствовало его пониманию армянской истории в целом, в том числе ее новой, современной ему истории. Именно при таком подходе к анализу текстов сочинений С.Н. Глинки, по мнению Э.Л. Даниеляна, становятся понятными все его философско-исторические рассуждения о борьбе добра и зла, света и тьмы, завоевателей и защитников Отечества и т.д. Исследования Э.Л. Даниеляна подчеркивают мысль о том, что армянская история С.Н. Глинки не только показала армянский народ в числе великих народов древнего мира, но, что еще более важно, показала, что этот народ сумел сохранить себя, свою веру, историю, язык и культуру, несмотря на все испытания, которые выпали на его долю.

5. Заключение

Политические и культурные связи русского и армянского народов имеют давнюю историю. По мере активизации этих связей возрастал интерес к прошлому армянского народа, однако к моменту присоединения Восточной Армении к России еще не было создано трудов, отвечающих требованиям времени. К первой трети XIX века был накоплен большой массив материалов по истории русско-армянских отношений, что создало предпосылки для более высокого уровня осмысления истории Армении в России. Этот процесс нашел свое проявление в творчестве С.Н. Глинки.

В своих книгах он исследовал армянскую цивилизацию и культуру, ее место в истории человечества, уделял большое внимание национально-освободительной борьбе армянского народа, переселению армян в российские пределы, армянским поселениям в России, истории русско-армянских отношений.

Если «Две повести» – это два поэтических произведения из древней истории Армении, то «Описание переселения» в известном смысле – очерк о современной истории Армении. «Обозрение истории» – сочинение по истории Армении, в котором впервые ее история была рассмотрена в наиболее полном виде от начала зарождения армянской государственности до образования Армянской области в составе России. Этот труд был дополнен «Собранием актов» – трехтомным сводом документов об Армении и армянах. Все произведения С.Н. Глинки, а также «Собрание актов» по общей концепции, источниковой базе, тематике, оценкам событий армянской истории представляли собой единый труд.

Обзор исторической литературы, посвященной сочинениям С.Н. Глинки по истории Армении, в том числе, и прежде всего, исследования Арешян С.Г., Григоряна К.Н., Акопяна Э.А., Оганесяна А., Даниеляна Э.Л., позволяют заключить, что его сочинения армянской тематики занимают отдельную историографическую нишу в изучении истории Армении в России, поскольку испытывают на себе

влияние как предшествующей исторической литературы, так и освободительных идей и политических событий первой трети XIX века.

Анализ публикаций, имеющих отношение к проблеме «С.Н. Глинка – историк армянского народа», показал, что

- С.Н. Глинка – консерватор и монархист – в своих арменоведческих работах выступил как представитель передовой интеллигенции того времени (Аресян, 1944b: 77; Акопян, 1988: 81).

- С.Н. Глинка был первым русским автором истории армянского народа, которому удалось учесть традиции армянской и русской историографии.

- В работах С.Н. Глинки «Описание переселения», «Обозрение истории», в «Собрании актов» затрагивались вопросы периодизации истории армянского народа. Обозрение армянской истории впервые было рассмотрено от начала зарождения армянской государственности до образования Армянской области в составе России.

- В его произведениях неизменно подчеркивается исторически сложившаяся русская ориентации армянского освободительного движения. Он одним из первых в русской дореволюционной историографии дал высокую оценку и подчеркнул историческое значение вхождения Восточной Армении в состав России.

- С.Н. Глинка по существу открыл Армению для российской читающей публики того времени. Он знакомил русскую общественность с многовековой историей армянского народа, способствовал формированию научных основ русской школы арменоведения и был первым представителем этой школы.

- Изданные вскоре после «Обозрения» «Акты» вобрала в себя наиболее значимые источники по истории армянского народа и русско-армянских отношений. «Собрание актов» – это первый опыт публикации документов об Армении в России.

- Сочинения С.Н. Глинки по армянской тематике представляют собой важный рубеж в изучении истории Армении в России.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РФФИ 18-59-05004 «Армянская община Дона в новейший период: история, институты, идентичность».

Литература

- Акопян, 1988 – Акопян Э.А. Арменоведение в России. Ер.: Издательство АН Арм. ССР. 1988. 319 с.
- Аресян, 1944a – Аресян С.Г. Армения в русской литературе // *Советская литература и искусство*. 1944. № 4–5. С. 75–79.
- Аресян, 1944b – Аресян С.Г. Сергей Глинка и армянская культура // *Советская литература и искусство*. 1944. № 6–7. С. 72–77 (на арм. яз.).
- Аресян, 1955 – Аресян С.Г. Из предьстории арменоведения в России // *Известия АН Арм. ССР. Общественные науки*. № 1. 1955. С. 3–12 (на арм. языке).
- Атаджанян, 2006 – Атаджанян И.А. Из истории русско-армянских взаимоотношений с X по XVIII века. Ер.: «Лингва», 2006. 153 с.
- Бестужев, 1861 – Бестужев А.А. Н.А. и К.А. Полевым. Дербент. 14 декабря 1832 // *Русский вестник*. 1861. март. С. 335.
- Венгеров, 1900 – Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. Т. I–IV. СПб., 1900–1917. Т. I. Аарон-Гоголь. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук. 1900. 814 с.
- Володина, 2002 – Володина Т.А. «Русская история» С.Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX века // *Вопросы истории*. 2002. № 4. С. 147–161.
- Вяземский, 2004 – Вяземский П.А. Сергей Николаевич Глинка // Глинка С.Н. Записки. М.: Захаров, 2004. С. 435–446.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Геннади, 1876 – Геннади Г. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1715 по 1825 г. Т. 1–3, Берлин–Москва, 1876–1880–1908. Т. 1: А–Е. Берлин, тип. Розенталя, 1876. 352 с.
- Глинка, 1831a – Глинка С.Н. Две повести в стихах, почерпнутые из древних армянских летописей. М.: Типография Лазаревых института восточных языков. 1831. 39 с.
- Глинка, 1832 – Глинка С.Н. Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи. Ч. I. Москва: Типография Лазаревых института восточных языков, 1832. 273 с.
- Глинка, 1833 – Глинка С.Н. Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи. Ч. II. Москва: Типография Лазаревых института восточных языков. 1833. 294 с.
- Глинка, 1831b – Глинка С.Н. Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении. М.: Типография Лазаревых института восточных языков. 1831. 144 с.

- Григорьян, 1962** – Григорьян К.Н. Армения в русской литературе и живописи. XVIII – первая половина XIX в. Ер.: Изд-во АН Арм. ССР, 1962. 74 с.
- Григорьян, 1974** – Григорьян К.Н. Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X – начало XX вв.). Ер.: Изд-во АН Арм. ССР, 1974. 367 с.
- Гукасян, 1961** – Гукасян З.О. Русско-армянские литературные связи дореволюционного периода. Ер.: АН АрмССР, 1961 (на арм. яз.).
- Даниелян, 2009** – Даниелян Э.Л. Философское осмысление истории Армении в сочинении Сергея Глинки // *21-й век*. Ер., 2009. № 3. С. 76–80.
- Две повести, 1831** – Две повести в стихах, почерпнутые из древних армянских летописей. Соч. С. Глинки М., 1831 г. в типография Лазаревых института восточных языков // *Московский Телеграф*. Изд. Ник. Полевым. М., 1831. № 6. С. 243–244.
- Дилоян, 1966** – Дилоян В. Из истории общественно-политической деятельности Лазаревых (II п. XVIII в.). Ер.: Изд. АН Арм. ССР, 1966. 251 с. (на арм. яз.).
- Дружинин, 1963** – Дружинин Н.М. Освободительная война 1812 г. и русское общество // *Вопросы истории*. 1963. № 11. С. 34–46.
- Ерканян, 1985** – Ерканян В.С. Армянская культура в 1800–1917 г. Ер.: Издательство «Советакан грох», 1985. 196 с.
- Замотин, 1912** – Замотин И.И. «Русский вестник» Глинки // *Отечественная война и русское общество 1812–1912*. Т. V. М., 1912. С. 130–138.
- Лупарева, 2012** – Лупарева Н.Н. «Отечестволубец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж: Издательство «Новый взгляд». 2012. 216 с.
- Максимович, 1831** – Максимович М.А. Рец. на кн.: Две повести в стихах, почерпнутые из древних армянских летописей. Соч. С. Глинки М., 1831 // *Телескоп. Журнал современного просвещения, изданный Ник. Надеждиным*. М., 1831. Ч. III. № 9. С.110–111.
- Минаков, 2011** – Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета. 2011. 560 с.
- Мкртчян, 1968** – Мкртчян Л. Армянская поэзия и русские поэты XIX–XX вв. Вопросы перевода и литературных связей. Ер.: Изд-во «Айастан», 1968. 465 с.
- Мурадян, 1978** – Мурадян М.А. Присоединение Восточной Армении к России в оценке дореволюционной русской историографии и общественной мысли // *Присоединение Восточной Армении к России и его историческое значение*. Сб. ст. Ер.: Издательство ЕГУ. 1978. С. 63–84.
- Оганесян, 2001** – Оганесян А. Первое исследование истории Армении в России. «Обзор истории Армении» Сергея Глинки (научное исследование) // *Эчмиадзин. Официальный журнал Эчмиадзинского Католикосата*. 2001. № 1. С. 77–90 (на арм. языке).
- Парсамян, 1953** – Парсамян В.А. Развитие исторической науки в Армении в первой половине XIX века // *Известия АН Армянской ССР. Общественные науки*. 1953. № 6. С. 33–45.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Саядов, 2006** – Саядов С.М. Глинка С.Н. От русской истории к истории армянского народа. Ер.: Издательство «Гитутюн» НАН РА. 2006. 238 с.
- Саядов, 2014** – Саядов С.М. Работы С.Н. Глинки по истории Армении в азербайджанской историографии (обзор интернет-ресурсов) // Саядов С.М. У истоков русского арменоведения: Историограф. обзор. Ер.: ЕГУ, 2014. С. 248–262.
- Сенковский, 1834** – Сенковский О.И. Об «Истории армянского народа» С.Н. Глинки // *Библиотека для чтения*. 1834. Т. VII. № 11–12. С. 32–34.
- Собрание актов, 1833** – Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. 1. М.: Типография Лазаревых института восточных языков. 1833. 395 с.
- Собрание актов, 1838a** – Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. 2. М.: Типография Лазаревых института восточных языков. 1838. 504 с.
- Собрание актов, 1838b** – Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. 3. М.: Типография Лазаревых института восточных языков. 1838. 456 с.
- Федоров, 1844** – Федоров Б.М. Пятидесятилетие литературной жизни С.Н. Глинки. СПб.: Тип. Морского корпуса. 1844. 31 с.
- Хачатрян, 1987** – Хачатрян Р.Г. Русская историческая мысль и Армения (XVII – начало XIX вв.). Ер.: Издательство АН Арм. ССР, 1987. 363 с.
- Энгельс, 1962** – Энгельс – Марксу, 23 мая 1851 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. 27. М., 1962. С. 239–242.

References

- Akopyan, 1988** – Akopyan E.A. (1988). Armenovedenie v Rossii. [Armenian studies in Russia]. Ер.: Izdatel'stvo AN Arm. SSR. 319 p. [in Russian]
- Areshyan, 1944a** – Areshyan S.G. (1944). Armeniya v russkoi literature [Armenia in Russian literature]. *Sovetskaya literatura i iskusstvo*. No. 4-5. pp. 75-79. [in Russian]

- Areshyan, 1944b** – *Areshyan S.G.* (1944). Sergei Glinka i armyanskaya kul'tura [Sergey Glinka and Armenian culture]. *Sovetskaya literatura i iskusstvo*. No. 6-7. pp. 72-77. (on the arm. language).
- Areshyan, 1955** – *Areshyan S.G.* (1955). Iz predystorii armenovedeniya v Rossii [From the history of Armenology in Russia]. *Izvestiya AN Arm. SSR. Obshchestvennyye nauki*. No. 1. pp. 3-12. (on the arm. language).
- Atadzhanyan, 2006** – *Atadzhanyan I.A.* (2006). Iz istorii russko-armyanskikh vzaimootnoshenii s X po XVIII vek. [From the history of Russian-Armenian relations from the X to the XVIII century]. Er.: «Lingva» 153 p. [in Russian]
- Bestuzhev, 1861** – *Bestuzhev A.A.* (1861). N.A. i K.A. Polevym. Derbent. 14 dekabrya 1832 [N. and K.A. Polevym. Derbent. 14 December 1832]. *Russkii vestnik*. Mart. P. 335. [in Russian]
- Danielyan, 2009** – *Danielyan E.L.* (2009). Filosofskoe osmyslenie istorii Armenii v sochinenii Sergeya Glinki [Philosophical understanding of the history of Armenia in Sochi, a performance of Sergei Glinka]. *21-i vek. Er.* No. 3. pp. 76-80. [in Russian]
- Diloyan, 1966** – *Diloyan V.* (1966). Iz istorii obshchestvenno-politicheskoi deyatel'nosti Lazarevykh (II pol. XVIII v.) [From the history of social and political activity Lazarev (II floor. XVIII century)]. Er.: Izd. AN Arm. SSR. 251 p. (on the arm. language).
- Druzhinin, 1963** – *Druzhinin N.M.* (1963). Osoboditel'naya voyna 1812 g. i russkoe obshchestvo [The liberation war of 1812 and the Russian society]. *Voprosy istorii*. No. 11. pp. 34-46. [in Russian]
- Dve povesti, 1831** – Dve povesti v stikhakh, pocherpnyye iz drevnikh Arm. Letopisei Soch. S. Glinki M., 1831 g. v tip. Lazar. in-ta vost. yaz. [Two stories in verse, drawn from the ancient Arm. Chronicles of SOC. S. Glinka M., 1831 in type. Lazarus. in TA East. yaz.]. *Moskovskii Telegraf. Izd. Nik. Polevym. M.* No. 6. pp. 243-244. [in Russian]
- Engel's, 1962** – Engel's – Marksu, 23 maya 1851 g. [Engels to Marx, may 23, 1851]. K. Marks i F. Engel's. *Sobr. soch. T. 27. M.* 1962. pp. 239-242. [in Russian]
- Erkanyan, 1985** – *Erkanyan V.S.* (1985). Armyanskaya kul'tura v 1800-1917 g. [Armenian culture in 1800-1917]. Er.: Izdatel'stvo «Sovetakan grokh». 196 p. [in Russian]
- Fedorov, 1844** – *Fedorov B.M.* (1844). Pyatidesyatiletie literaturnoi zhizni S.N. Glinki [The fiftieth anniversary of the literary life of S. N. Glinka]. SPb.: Tip. Morskogo korpusa. 31 p. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].
- Gennadi, 1876** – *Gennadi G.* (1876). Spravochnyi slovar' o russkikh pisatelyakh i uchenykh, umerskikh v XVIII i XIX stolyetiyakh, i spisok russkikh knig s 1715 po 1825 g. [Reference dictionary of Russian writers and scientists, who died in the XVIII and XIX centuries, and a list of Russian books from 1715 to 1825]. T. 1-3, Berlin–Moskva, 1876–1880–1908. T. 1: A-E. Berlin, tip. Rozentalya. 352 p. [in Russian]
- Glinka, 1831a** – *Glinka S.N.* (1831). Dve povesti v stikhakh, pocherpnyye iz drevnikh armyanskikh letopisei. [Two stories in verse drawn from ancient Armenian Chronicles]. M.: Tipografiya Lazarevykh instituta vostochnykh yazykov. 39 p. [in Russian]
- Glinka, 1831b** – *Glinka S.N.* (1831). Opisanie perese-leniya armyan adderbidzhanskikh v predely Rossii, s kratkim predvaritel'nym izlozheniem istoricheskikh vremen Armenii [Description of the resettlement of Armenians in Russia, with a brief preliminary statement of the historical times of Armenia M.: Tipografiya Lazarevykh instituta vostochnykh yazykov. 144 p. [in Russian]
- Glinka, 1832** – *Glinka S.N.* (1832). Obozrenie istorii armyanskogo naroda ot nachala bytiya ego do vozrozhdeniya oblasti Armyanskoi v Rossiiskoi imperii [Review of the history of the Armenian people from the beginning of its existence to the revival of the Armenian region in the Russian Empire]. Ch. I. Moskva: Tipografiya Lazarevykh instituta vostochnykh yazykov, 273 p. [in Russian]
- Glinka, 1833** – *Glinka S.N.* (1833). Obozrenie istorii armyanskogo naroda ot nachala bytiya ego do vozrozhdeniya oblasti Armyanskoi v Rossiiskoi imperii. [Review of the history of the Armenian people from the beginning of its existence to the revival of the Armenian region in the Russian Empire]. Ch. II. Moskva: Tipografiya Lazarevykh instituta vostochnykh yazykov. 294 p. [in Russian]
- Grigor'yan, 1962** – *Grigor'yan K.N.* (1962). Armeniya v russkoi literature i zhivo-pisi. XVIII – pervaya polovina XIX v. [Armenia in Russian literature and painting. XVIII-the first half of XIX century]. Er.: XVIII – pervaya polovina XIX v. Er.: Izd-vo AN Arm. SSR. 74 p. [in Russian]
- Grigor'yan, 1974** – *Grigor'yan K.N.* (1974). Iz istorii russko-armyanskikh literaturnykh i kul'turnykh otnoshenii (X- nachalo XX vv.) [From the history of Russian-Armenian literary and cultural relations (X – beginning of XX centuries)]. Er.: Izd-vo AN Arm. SSR. 367 p. [in Russian]
- Gukasyan, 1961** – *Gukasyan Z.O.* (1961). Russko-armyanskie literaturnye svyazi dorevolyutsionnogo perioda [Russian-Armenian literary relations of the pre-revolutionary period]. Er.: AN ArmSSR, 1961. (na arm. yaz.).
- Khachatryan, 1987** – *Khachatryan R.G.* (1987). Russkaya istoricheskaya mysl' i Armeniya (XVII – nachalo XIX vv.) [Russian historical thought and Armenia (XVII– beginning of XIX centuries)]. Er.: Izdatel'stvo AN Arm. SSR. 363 p. [in Russian]
- Lupareva, 2012** – *Lupareva N.N.* (2012). «Otechestvolyubets»: obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' i vzglyady Sergeya Nikolaevicha Glinki ["Fatherland lover": socio-political activities and views of Sergei Nikolaevich Glinka]. Voronezh: Izdatel'stvo «Novyi vzglyad». 216 p. [in Russian]

Maksimovich, 1831 – *Maksimovich M.A.* (1831). Rets. na kn.: Dve povesti v stikhakh, pocherpnutye iz drevnikh Arm. Letopisei Soch. S. Glinki M., 1831 [Review of the book: Two novels in verse, drawn from the ancient Arm. Chronicles Of SOC. S. Glinka M., 1831]. *Teleskop. Zhurnal sovremennogo prosveshcheniya, izdannyi Nik. Nadezhdinym*. M., 1831. Ch. III. № 9. pp. 110–111. [in Russian]

Minakov, 2011 – *Minakov A.Yu.* (2011). Russkii konservativizm v pervoi chetverti XIX veka [Russian conservatism in the first quarter of the XIX century]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 560 p. [in Russian]

Mkrtchyan, 1968 – *Mkrtchyan L.* (1968). Armyanskaya poeziya i russkie poety XIX-XX vv. Voprosy perevoda i literaturnykh svyazei [Armenian poetry and Russian poets of XIX-XX centuries. Issues of translation and literary relations]. Er.: Izd-vo «Aiastan». 465 p. [in Russian]

Muradyan, 1978 – *Muradyan M.A.* (1978). Prisoedinenie Vostochnoi Armenii k Rossii v otsenke dorevolutsionnoi russkoi istoriografii i obshchestvennoi mysli [Accession of Eastern Armenia to Russia in the evaluation of pre-revolutionary Russian historiography and public thought]. *Prisoedinenie Vostochnoi Armenii k Rossii i ego istoricheskoe znachenie. Sb. st. Er.: Izdatel'stvo EGU*. pp. 63-84. [in Russian]

Oganesyan, 2001 – *Oganesyan A.* (2001). Pervoe issledovanie istorii Armenii v Rossii. «Obzor istorii Armenii» Sergeya Glinki (nauchnoe issledovanie) [The first study of the history of Armenia in Russia. "Review of the history of Armenia" by Sergey Glinka (scientific research)]. *Echmiadzin. Ofitsial'nyi zhurnal Echmiadzinskogo Katolikosata*. No. 1. pp. 77-90. (on arm. language).

Parsamyan, 1953 – *Parsamyan V.A.* (1953). Razvitie istoricheskoi nauki v Armenii v pervoi polovine XIX veka [The development of historical science in Armenia in the first half of the XIX century]. *News of Academy of Sciences of the Armenian SSR. Social science*. No. 6. pp. 33-45. [in Russian]

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient acts].

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

Sayadov, 2006 – *Sayadov S.M.* (2006). Glinka S.N. Ot russkoi istorii k istorii armyanskogo naroda [Glinka, S.N. From Russian history to the history of the Armenian people]. Er.: Izdatel'stvo «Gitutyun» NAN RA. 238 p. [in Russian]

Sayadov, 2014 – *Sayadov S.M.* (2014). Raboty S.N. Glinki po istorii Armenii v azerbaidzhanskoi istoriografii (obzor internet-resursov) [The Work Of S. N. Glinka on the history of Armenia in the Azerbaijani historiography (review of Internet resources)]. *U istokov russkogo armenovedeniya: Istoriograf. obzor. Er.: EGU*. Er.: YSU. pp. 248-262. [in Russian]

Senkovskii, 1834 – *Senkovskii O.I.* (1834). Ob «Istorii armyanskogo naroda» S.N. Glinki [On The "History of the Armenian people" S.N. Glinka]. *Biblioteka dlya chteniya*. Vol. VII. No. 11-12. pp. 32-34. [in Russian]

Sobranie aktov, 1833 – Sobranie aktov, odnosyashchikhsya k obozreniyu istorii armyanskogo naroda [Collection of acts related to the review of the history of the Armenian people]. Ch. 1. M.: Tipografiya Lazarevykh instituta vostochnykh yazykov. 1833. 395 p. [in Russian].

Sobranie aktov, 1838a – Sobranie aktov, odnosyashchikhsya k obozreniyu istorii armyanskogo naroda [Collection of acts related to the review of the history of the Armenian people]. Ch. 2. M.: Tipografiya Lazarevykh instituta vostochnykh yazykov. 1838. 504 p. [in Russian]

Sobranie aktov, 1838b – Sobranie aktov, odnosyashchikhsya k obozreniyu istorii armyanskogo naroda [Collection of acts related to the review of the history of the Armenian people]. Ch. 3. M.: Tipografiya Lazarevykh instituta vostochnykh yazykov 1838. 456 p. [in Russian]

Vengerov, 1900 – *Vengerov S.A.* (1900). Istochniki slovarya russkikh pisatelei [Sources dictionary of Russian writers]. T. I–IV. SPb., 1900–1917. T. I. Aaron-Gogol'. SPb.: Tip. Imperatorskoi Akademii Nauk. 1900. 814 p. [in Russian]

Volodina, 2002 – *Volodina T.A.* (2002). «Russkaya istoriya» S.N. Glinki i obshchestvennye nastroyeniya v Rossii nachala XIX veka ["Russian history" by S. N. Glinka and the public mood in Russia at the beginning of the XIX century]. *Voprosy istorii*. No. 4. pp. 147-161. [in Russian]

Vyazemskii, 2004 – *Vyazemskii P.A.* (2004). Sergei Nikolaevich Glinka [Sergei Nikolaevich Glinka / Glinka, S.N. Note]. M.: Zakharov. pp. 435-446. [in Russian]

Zamotin, 1912 – *Zamotin I.I.* (1912). «Russkii vestnik» Glinki ["Russian Herald" of Glinka]. *Otechestvennaya voina i russkoe obshchestvo 1812–1912*. T. V. M. pp. 130-138. [in Russian]

С.Н. Глинка и его труды по истории армянского народа в русской и армянской историографии

Сергей Михайлович Саядов ^{a, *}

^a Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена одному из малоизученных аспектов русско-армянских культурных и литературных связей – арменоведческому творчеству русского писателя С.Н. Глинки.

С.Н. Глинка был одним из видных представителей консервативно-националистического направления. В его мировоззрении мирно уживались восхищение республиканскими идеалами, ненависть к рабству, деспотизму с идеей неизбежности существующего миропорядка, искренней преданностью самодержавию. Эти особенности мировоззрения С.Н. Глинки проявились и в его сочинениях по истории армянского народа.

В работах С.Н. Глинки армянской тематики уделялось большое внимание вкладу армянского народа в мировую историю и культуру, его борьбе за свободу и независимость своей родины. В них армянская история впервые была показана от начала зарождения армянской государственности до образования Армянской области в составе России. В его произведениях подробно рассмотрены история русско-армянских отношений, проблема формирования русской ориентации армянского освободительного движения. Он одним из первых в русской дореволюционной историографии дал высокую оценку и подчеркнул историческое значение вхождения Восточной Армении в состав России.

С.Н. Глинка по существу открыл Armeniu, ее историю и культуру для российской читающей публики того времени, способствовал формированию научных основ русской школы арменоведения и был первым представителем этой школы.

В статье предпринята попытка историографического анализа проблемы «С.Н. Глинка – историк армянского народа» на основе широкого круга публикаций дореволюционного, советского и современного периодов. По свидетельству ряда авторов, в т.ч. С.Г. Арешян, Э.А. Акопяна, сочинения по истории армянского народа С.Н. Глинки были лучшими из всех его работ исторической тематики.

Ключевые слова: историография, арменоведение, изучение истории Армении в России, С.Н. Глинка.

* Корреспондирующий автор

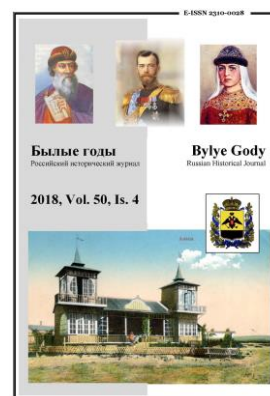
Адреса электронной почты: ssayadov@hayazg.info (С.М. Саядов)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1483-1491. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1483
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

„Do They All Perform Their Service Dutifully, and Can We Rely on Them in Future?”: Methods and Techniques of Manpower Recruitment in Russia In the 1780-1790-ies (by the Example of the Central Urals)

Alice Plate ^{a, *}

^a Ural Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to the question of filling secretary vacancies at provincial courts in the 1780-1790-ies. Eighteenth-century legislation had imposed high demands on candidates aspiring to such key positions. In spite of this in times of huge expansion in the civil service as during the implementation of the provincial reforms of Catherine II local administrators had to rely on less qualified clerks. The author shows by the example of the Perm vicegerency (1781–1797) the strategies of manpower recruitment chosen to staff secretary posts at district level courts. The article outlines, that nearly all secretary vacancies could be officially filled owing to such promotion methods as accelerated career advancement and frequent reshuffle. Due to the lack of staff cases of malpractice were rarely pursued, and most delinquents, continued exercising their functions without hindrance. The fact that C.F. Moderach, Pavel I's newly appointed representative in the Central Urals, decided in 1797 to cut a third of the staff in civil service can be regarded as a clear indication for the government's disapproval with the low professional standards in local state institutions. This, however, was not considered a strong enough reason to dismiss the mentioned above recruitment methods of and initiate fundamental changes.

Keywords: history of the Urals, history of state service, provincial reform of 1775, Perm governorship, staff recruitment, court secretaries, lack of manpower.

1. Введение

«Учреждения для управления губерний всероссийской Империи» (далее – «Учреждения») Екатерина II рассматривала «как стезы, ведущие к лучшему управлению» (цит. по [Каменский, 2016: 254](#)). В специальной литературе последнего времени утвердилось представление о том, что важно подчеркивать значение реформ административного и судебного аппарата последней четверти XVIII в. как целеполагающих и необходимых в будущем. Согласно данной установке, «Учреждения» принято рассматривать прежде всего как центральную часть крупного проекта, должного в долгосрочной перспективе достичь своей ключевой цели – кодификации всего позитивного права ([Каменский, 2008](#); [Омельченко, 1993](#); [Scharf, 2001](#)).

Независимо от дискуссий о том, следовала ли императрица Екатерина II определенному плану или руководствовалась идеями Просвещения при осуществлении намеченного проекта ([Каменский, 2016: 228–229](#); [Мадариага де, 2002](#); [Омельченко, 1989](#); [Scharf, 1998](#)), реализация реформ целиком зависела от того, как и в случае с ее предшественниками, насколько успешно и эффективно будет решен кадровый вопрос.

В судах в связи с отсутствием образовательного ценза для судей и преобладающим во второй половине XVIII в. инквизиционным процессом, акцент в судопроизводстве смещался с судей на канцелярию, отвечающую за организацию переписки со сторонами судебного процесса и другими учреждениями, составление заключения, а также судебные решения, предоставляемые затем судье на

* Corresponding author

E-mail addresses: aliceplate@mail.ru (A. Plate)

подпись. Соответственно, в судах «вершителем дела» был секретарь, занимавший промежуточное положение в иерархии между канцелярией и присутствием и выступавший посредником между судом и тяжущимися сторонами (Колмаков, 1886: 515; Мазур, 2011; Уортман, 2004: 72–87). Как отметил Д.О. Серов, «не случайно, согласно ст. 10 „Наказа земским дьякам или секретарям“ от 20 апреля 1720 г., за старшими канцелярскими служащими были закреплены, по существу, обязанности юрисконсультов» (Серов, 2013: 78). При Петре I и его преемниках был принят комплекс мер по повышению профессиональных качеств руководителя канцелярии, т.к. должность секретаря была табельной и давала право на потомственное дворянство. Для максимального предотвращения проникновения на пост руководителя канцелярии «случайных людей» и обеспечения определенного уровня стабильности в административных органах законодатель принял решение, что отбор, назначение, перевод и увольнение со службы секретарей следовало утверждать Правительствующим Сенатом (ПСЗРИ-1. Т. 6 № 3571. Т. 11. № 8550. Т. 12. № 8865. Т. 18. № 12665. Т. 22. № 16528).

Не потерял своей актуальности вопрос о том, как могло произойти, что правительство не учло опыт прошлых лет и не сделало никаких выводов из ошибок своих предшественников, т.к. создание столь разветвленной и сложной судебной системы, как она описана в «Учреждениях», предполагало существование целого аппарата обученного персонала, которого на тот момент просто не существовало.

В рамках данной статьи на материалах Среднего Урала¹ мы постараемся показать, как требования законодателя соотносились с практикой, а именно – как происходило замещение вакантных секретарских должностей в условиях дефицита кадров, бывшего особенно острым в первые десятилетия после осуществления губернской реформы Екатерины II. Например, в созданном в октябре 1781 г. Пермском наместничестве механизм комплектования учреждений происходил в основном за счет средних и мелких чиновников V–XIV классов и заметно тормозился. Здесь, как и в других отдаленных регионах страны, причиной являлась нехватка формально подходящих кандидатур, обусловленная низкой долей дворянства среди местного населения (Григорьев 1910: 322–323; Писарькова 2007: 420–426; Побережников 1998).

2. Материалы и методы

Данное исследование опирается в первую очередь на неопубликованные источники. С целью реконструкции кадровой политики местных властей нами были проанализированы документы из четырех фондов Государственного архива Пермского края (ГАПК): Красноуфимской нижней расправы (ф. 4), Пермской верхней расправы (ф. 290), Пермского наместнического правления (ф. 316), Екатеринбургской верхней расправы (ф. 569), также были изучены делопроизводственные материалы Верхотурской нижней расправы (ф. 491), хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО). Главным источником о происхождении и накопленном служебном опыте лиц, которыми замещались секретарские должности, являются формулярные и именные списки. Важная информация для нашего исследования была извлечена из опубликованных «Адрес-календарей и месяцесловов Российской империи». Привлечение названных справочников позволило восполнить оставшиеся информационные пробелы, а также уточнить механизмы кадровых перемещений. Различные дела, содержавшие «репорты, доношения и записки из разных присутственных мест» хранят в себе более существенную информацию о профессиональных качествах и служебной этике нанятых кадров, нежели формулярные списки. Кроме того, именно из делопроизводственной переписки мы узнаем о практиках разрешения кадровых вопросов со стороны местных властей.

Методология работы опирается на опыт осмысления данного вопроса в дореволюционной, советской и постсоветской историографии. Однако принципиальным отличием нашего исследования является то, что мы следуем в русле теоретического подхода, согласно которому за внешней целостностью государства находился набор изменчивых и сложно переплетенных управленческих практик. В результате этого государство оказывалось пространством, порождавшим коммуникативные поля взаимодействия представителей правящей элиты друг с другом, а также с представителями региональных чиновных элит. Соответственно, такой ракурс позволяет понять, как в действительности формировались и функционировали механизмы замещения вакантных должностей в провинции на фоне официальной риторики создания стройной государственной машины с эффективными, просвещенными и профессионально подготовленными кадрами, на какие коммуникативные и системные барьеры наталкивались правительство и местные администраторы.

3. Обсуждение

Традиционное представление о секретаре в «старом суде» берет свое начало в портретах, оставленных составителями мемуаров. Образ начальника канцелярии, почерпнутый отсюда дореволюционными авторами, был почти полностью перенят западными историками второй половины XX в. В исследованиях судебный секретарь предстал «фигурой с гонором», всячески утверждавшей перед подчиненными свое превосходство, и «подобно древним Гиерофантам, хранившим тайны свои, дабы не потерять уважения от несмышленных» (Батулин, 1918: 68), ревниво следил за сохранением статуса кво, т.е. своей монополии на знание. Начальник канцелярии должен

был по определению обладать превосходными связями. Много повидавший на своем веку, он непременно имел склонность использовать текущую ситуацию в своих корыстных интересах и влиять на ход судебного разбирательства (Baberowski, 1996: 24–25; Kaiser, 1972: 28–29).

Архивные документы сообщают нам схожую картину: секретари Среднего Урала, хотя менее опытные и, соответственно, компетентные, поступали порой не менее корыстно, чем их коллеги, описанные в научной литературе. В екатерининское время качество канцелярской работы страдало из-за недостатка квалифицированных кадров. В низовых канцеляриях судебных учреждений, созданных на основании уставов «Учреждений», места секретарей, как правило, занимались формально менее квалифицированными делопроизводителями, которым из-за частой перестановки кадров не удавалось накопить необходимые знания. По мнению В.А. Воропанова, проблема текучести кадров была решена на исходе рассматриваемого столетия. К этому времени кандидаты на должность начальника канцелярии набирались планомерно в соответствии с законом, и, благодаря наработанным ими навыкам, существенная часть судебных секретарей была после смерти Екатерины переведена в новые структуры (Воропанов, 2012). Тем не менее, данное исследование остается на наш взгляд неполным, так как оно освещает лишь количественную сторону кадрового вопроса, оставляя качественный аспект за его рамками. Соответственно, в данной статье мы постараемся восполнить этот пробел.

4. Результаты

В течение первого года преобразований, как следует из списка чиновников, составленного наместническим правлением для адрес-календаря 1783 г., в Пермском наместничестве осталась неуккомплектованной треть гражданских штатов. Наблюдался, в первую очередь в уездах, ощутимый дефицит классных чиновников. Идя навстречу требованиям законодателя, лица, ответственные за осуществление реформ, стремились обеспечить имеющимися кадрами высокие посты в губернском городе в ущерб более низким (ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–220б.). Проиллюстрируем наш тезис на примере организации уездных судебных органов Пермского наместничества.

До конца 1781 г. на территории двух областей – Пермской в Предуралье и Екатеринбургской с восточной стороны Уральского хребта² – было открыто 46 судов, из них 39 функционировали на уровне уезда. В соответствии со штатами в уездных судах и нижних расправах, сословных судах первой инстанции, а также в являвшихся судебно-административным и полицейским органом нижних земских судов канцелярией руководил секретарь XIV класса (ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 67. Л. 1–3). В течение первого года их существования без секретаря, соответствовавшего формальным критериям, осталась половина перечисленных присутственных мест.

Должность руководителя канцелярии была занята в 8 из 15 нижних земских судов, в 5 из 11 нижних расправ и лишь в 1 из 3 уездных судов. Секретарский чин имели трое – служивший в Ирбитском нижнем земском суде провинциальный секретарь Федор Грамматчиков, а также городские секретари Сергей Лосев и Андрей Короткой из Кунгурской нижней расправы и Пермского уездного суда. Числилось среди них два унтер-шихтмейстера – Тимофей Тегенцов и Михаил Веселков в Камышловском и Осийнском нижних земских судах, а в Чердынском нижнем земском суде должность секретаря исполнял коллежский протоколист Афанасий Христианов. Большинство перечисленных в этом документе секретарей дослужило до ранга регистратора или коллежского регистратора (ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 47. Л. 8–160б.).

Все остальные секретарские места числились по официальным данным вакантными. Однако по факту эти должности были замещены местными канцелярскими служащими. Обязанности секретаря исполняли тогда младшие по возрасту и соответственно с меньшим служебным опытом канцеляристы и подканцеляристы. Об этом свидетельствуют формулярные списки, списки о жалованье и делопроизводственная переписка учреждений. Из канцелярских аппаратов того же учреждения происходили, например, канцеляристы Илья Протопопов, в 1782–1784 гг. и 1789–1790 гг. секретарь в Верхотурской нижней расправе, Максим Осипов, в 1784–1795 гг. секретарь Красноуфимской нижней расправы, а также Осип Веселков и Матвей Шляков – секретари в нижних расправах Осы (1783–1787 гг.) и Чердыни (1786–1797 гг.) соответственно. Для замещения вакансий в другие уездные судебные учреждения были переведены канцеляристы Андрей Ефтюгин, секретарь в Чердынском нижнем земском суде в 1783–1788 гг. и в нижней расправе Осы в 1789–1791, а также канцелярист Кунгурской нижней расправы Тимофей Беднягин, занимавший пост секретаря в нижних расправах Алапаевска (1785–1786 гг.) и Кунгура (1787–1790 гг.) (ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 9. Л. 4, 108; Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 156; Ф. 569. Оп. 1. Д. 11. Л. 23, 30, 33; д. 20. Л. 61; ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 179. Л. 2; Месяцеслов..., 1783: 416; 1784: 401–409; 1785: 318–323; 1786: 282–1786; 1787: 290–295; 1788: 274–278; 1789: 265–270; 1790: 253–258). В 1783–1784 гг. находившиеся в ранге подканцеляриста Василий Бердюгин и Василий Питерский исполняли секретарские должности в нижних расправах Верхотурья и Екатеринбурга (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 20. Л. 270; ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 111. Л. 147).

Такого типа повышения, приобретающий массовый характер, начали выходить из-под государственного контроля. На это указывает сенатский указ от 11 апреля 1787 г., связавший соблюдение выдвинутых в предыдущих указах требований к претендентам на замещение секретарских должностей с продолжением их финансирования. В нем законодательное санкционирование получило предложение Тобольского генерал-губернатора Е.П. Кашкина.

Чиновник был обеспокоен низкими профессиональными и моральными качествами административного корпуса на доверенной ему территории. Е.П. Кашкин выступал за временное приостановление выплаты повышенного жалования нижним канцелярским служащим, занявшим секретарские должности без подтверждения Правительствующего Сената (ПСЗРИ-1. Т. 22. № 16528).

Реакция Пермского наместнического правления на принятие этого закона не заставила себя долго ждать: в Петербург на утверждение были немедленно посланы коллективные формулярные списки. В начале осени того же года сенатским указом было подтверждено 23 человека, числившихся секретарями в уездных судебных учреждениях, среди них 12 канцеляристов, 6 в ранге регистратора (губернского и коллежского), и по одному коллежскому протоколисту, коллежскому архивариусу и городскому секретарю (ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 111. Л. 7–19, 21–23об).

Последнее лишнее раз свидетельствовало о том, что секретарей достойного уровня было мало. Как правило, такие люди работали на износ, а зачастую и до самой смерти. Ходатайства об увольнении со службы они подавали лишь по состоянию здоровья, когда «отправлять должность за одержимую болезнь» не могли и переставали «иметь хождения в расправу» (ГАПК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 53). В таких случаях наместническое правление, испытывавшее кадровый голод, проводило рокировки уездных секретарей. Например, весной 1791 г., когда умер коллежский регистратор Дмитрий Тюкачев – секретарь в Шадринской нижней расправе с момента открытия наместничества, на его место был переведен секретарь Алапаевского нижнего земского суда Петр Шамонин. А в Алапаевск, в свою очередь, был отправлен губернский регистратор Борис Решетов – секретарь Ирбитского нижнего земского суда, временно замещавший секретарскую вакансию в Верхотурской нижней расправе (ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 262. Л. 174; д. 276. Л. 14).

Распространенным способом предотвращения и разрешения конфликтов также являлись кадровые перестановки. Как видно из формулярных списков, столь нерадивые секретари, например, как вышеупомянутые Андрей Ефтюгин и Борис Решетов, часто отправлялись с места на место для кратковременного замещения вакансий (ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 118. Л. 134, 155). «Славившиеся» тем, что «делали многим крестьянам обид», поручик Александр Пенкин и регистратор Самсон Чернышев, занявшие в 1781–1783 гг. должности исправника и секретаря в Камышловском нижнем земском суде, были разделены и переведены в разные города (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 11. Л. 101–102). Первый продолжил службу поначалу исправником в Перми (1784–1786 гг.) и позже расправным судьей в Ирбите (1787–1796 гг.), а Самсон Чернышев закончил в 1795 г. свою карьеру в нижней расправе Алапаевска (Месяцеслов..., 1784: 400; 1785: 317; 1786: 282; 1787: 295; 1792: 307; 1794: 259; 1796: 276–277).

Дела чиновников, совершивших должностное преступление, хотя и разбирались в уголовной палате, редко приводили к увольнению провинившегося. Скорее исключением был случай секретаря Екатеринбургского нижнего земского суда Ивана Новоселова, карьера которого прекратилась в начале 1783 г., «ибо он день от дня умножает свое невежество и плохие поступки» (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 41–42). За неимением других кандидатов канцелярист Илья Протопопов, пьяница, который к тому же «дела утаивает и домой собою берет», с 1789 по 1790 г. во второй раз исполнял секретарскую должность в Верхотурской нижней расправе (ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 111. Л. 135). В Шадринском нижнем земском суде также не был отстранен от должности унтер-шихтмейстер Тимофей Тегенцов, который «бил крестьянина до смерти» (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 11. Л. 198–199). Тот же Тегенцов оставался на службе, в отличие от многих чиновников, в период кадровых сокращений при Павле I.

Частота кадровых перестановок была высока. Об этом свидетельствуют данные адрес-календарей в период 1781–1795 гг. В одних одиннадцати нижних расправах секретарские должности занимали 34 разных чиновника. Во всех этих учреждениях секретарь сменился от двух до пяти раз. При этом средняя продолжительность пребывания на одном месте составила 4,4 года. Чаще всего смена кадров приходилась на первые три года службы: в двенадцати случаях секретарь был переведен в другое учреждение по окончании второго года; семь раз такое решение было принято после третьего года, а пять раз уже после первого. В продолжение достаточно длительного срока, от десяти лет и дольше, пребывали на одном месте всего пять лиц. К этой группе относились канцеляристы Петр Разевин, Александр Мензелинцов и Матвей Шляков, исполнявшие секретарские должности в Екатеринбурге, Ирбите и Чердыни с 1785 г. и 1786 г. соответственно. В Красноуфимске в течение 12 лет (с 1783–1795 гг.) руководителем канцелярии был Максим Осипов, а с 1783 г. дела в Камышловской нижней расправе вершил коллежский регистратор Андрей Гордеев.

Соответственно, для многих из них период, проведенный на секретарском месте в одной из нижних расправ, являлся лишь кратким эпизодом их долгой служебной карьеры. До или после своего назначения чиновники состояли в штате другого уездного судебного учреждения, чаще всего в одном из нижних земских судов или в другой нижней расправе, а в двух случаях в одном из уездных судов.

Центром притяжения более перспективных канцелярских служащих являлись присутственные места во вновь созданной столице региона Перми. В структурах казенной палаты продолжили секретарскую службу унтер-шихтмейстер Василий Логинов из нижней расправы Камышлова (1781–1782 гг.) и канцелярист Андрей Мерзяков, бывший секретарь Далматовской нижней расправы (1782 и 1785–1786) и Ирбитского нижнего земского суда (1783–1784 гг.). Иван

Решетников после исполнения должности архивариуса в Екатеринбургской верхней расправе (1781–1786 гг.) и секретаря в Верхотурской нижней расправе (1787 – вторая половина 1789 гг.) был переведен на секретарское место в гражданской палате. Сергей Лосев, в первые два года после осуществления реформы – секретарь в Кунгурской нижней расправе, продолжил свою карьеру в губернском магистрате – суде второй инстанции (Месяцеслов..., 1782: 406–414; 1783: 415–412; 1784: 400–409; 1785: 317–324; 1786: 281–286; 1787: 290–296; 1788: 274–279; 1789: 266–276; 1790: 253–258; 1792: 302–308; 1793: 244–249; 1794: 253–260; 1795: 262–267; 1796: 271–277).

Проблема дефицита кадров способствовала ускоренному продвижению по карьерной лестнице, и провинциальные судебные канцелярии зачастую руководились делопроизводителями лишь с двух–пятилетним опытом гражданской службы. Такими являлись, например, Матвей Шляков из купечества и Александр Мензелинцов из «солдатских детей» – подканцеляристы в Ирбитской и Чердынской нижних расправах, получившие в 1784 г. и 1786 г. соответственно повышение в секретари на втором и третьем году их пребывания на статской службе. Судьба Осинской нижней расправы в 1789 г. находилась в руках 16-летнего канцеляриста Константина Волкова, а в Далматове секретарем нижней расправы в июле 1788 г. стал бывший монастырский крестьянин Петр Моряников – в 1781–1784 гг. сельский заседатель в Екатеринбургской верхней расправе (ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 111. Л. 122; д. 118. Л. 134, 141, 155, 167; ф. 569. Оп. 1. Д. 2. Л. 3).

Более того, проблема дефицита кадров способствовала сохранению на должности лиц низких моральных качеств. Несмотря на попытки законодателя взять под контроль процесс укомплектования секретарских вакансий, звучащие в упоминавшемся указе нотки сомнения генерал-губернатора Е.П. Кашкина, «все ли они несут должности свои исправно и могут ли впред в исправления оных быть надежны», были оправданы (ПСЗРИ-1. Т. 22. № 16528).

Указ Павла I «О новом разделении государства на губернии» от 12 декабря 1796 г. привел к сокращению государственного аппарата. Переименованная теперь в Пермскую губернию территория состояла из 12 вместо бывших 15 уездов³. Поэтому, а также в связи с частичным отказом от идеи сословной юстиции, был упразднен ряд присутственных мест: на уездном уровне среди них были все нижние расправы (Дмитриев, 1889: 92; ПСЗРИ-1. Т. 24. № 17634, 17735).

По словам краеведа Михаила Ивановича Капустина (1837–1904), преподавателя Пермской духовной семинарии и члена Пермской ученой архивной комиссии, «при новой строгой разборке чиновников, многие старцы [...], имевшие несчастье составить себе невыгодную служебную репутацию и держащие своих мест до случая лишь по снисходительности начальства, должны были оставить казенную службу» (Капустин, 1897: 101). Под сокращение попало тогда 30 % гражданских чиновников Среднего Урала, а на уездном уровне число секретарских должностей сократилось с 29 до 24, причем половина лиц, их занимавших, была переведена из старых в новые структуры. 8 из них занимали и до 1797 г. должности в одном из сословных судов первой инстанции или нижнем земском суде; остальные 4 состояли раньше в штатах губернских апелляционных судов (Капустин, 1897: 106–111).

Новый пермский губернатор К.Ф. Модерах, сделав «им разбор и самое помещение по начальничьему в способностях и достоинствах рассмотрению», оставил вакантными 79 должностей в гражданской службе. Из них 32 лица не было рекомендовано «частью по их судимости, частью по их личным качествам» (Капустин 1897: 115–116). В этом списке находилось 12 бывших секретарей уездных судебных учреждений. Уголовное дело было возбуждено против двоих: протоколиста Василия Кротова, секретаря с 1795–1797 гг. в Алапаевской нижней расправе, и коллежского регистратора Александра Гордеева, долготелного руководителя канцелярии в Камышловской нижней расправе. Остальные были «забракованы» из-за пьянства и взяточничества. Закончилась карьера в гражданской службе бывших секретарей нижних земских судов Осы, Оханска, Обвы, Далматова, Камышлова и Алапаевска Василия Галузевского, Семена Фефилова, Ивана Бердюгина, Петра Попова и Михаила Мальцева. Отстранен от должности был Александр Колобов, секретарь в Екатеринбургском уездном суде. Замыкают список секретари нижних расправ Екатеринбурга, Кунгура и Осы, произведенные из канцеляристов тех же учреждений, – Петр Разевин, Михаил Попов и Дмитрий Букрин (Капустин, 1897: 111–113; Месяцеслов..., 1796: 271–277).

Приведенный список указывает на еще одно проблемное место. Должности, занимаемые долгое время одним и тем же чиновником, традиционно считались показателем стабильности и преемственности в передаче навыков и знаний. На самом деле, данный критерий оценки не самый лучший, тем более, когда мы пытаемся с его помощью определить степень моральной безупречности корпуса чиновников. Дело в том, что со временем административные коллективы сплачиваются и возникает некая групповая солидарность, а значит, высокая толерантность по отношению к противоправным поступкам своих коллег. Так, например, против камышловского расправного судьи Никиты Зайкова, служившего с 1783 г. совместно с секретарем Алексеем Гордеевым, в 1797 г. было заведено судебное дело (Капустин, 1897: 112–113). Более чем «успешным» оказалось сотрудничество Алексея Токарева и Петра Разевина, определявших ход дел Екатеринбургской нижней расправы на протяжении 13 лет. Умение выстраивать весьма плодотворные взаимоотношения с приказчиками Демидовских заводов дало им некую независимость от казенного жалованья (Мельчакова, 1998). Их махинации не остались незамеченными. Уже в 1796 г. против П. Разевина было возбуждено уголовное дело после того как тот, не допустив в суд свидетелей, воздействовал на исход процесса

против мастеровых Нижнетагильского завода (ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 408. Л. 195). Спустя год, когда сменилось правительство, оба чиновника были уволены из статской службы по причине взяточничества (Капустин, 1897: 112–113).

5. Заключение

Со времени правления Петра I отбор кандидатов на замещение более квалифицированных должностей в канцелярии должен был осуществляться на конкурсной основе. Назначение занимавшего в суде ключевую позицию секретаря, его пребывание на службе, а также условия увольнения с нее были строго регламентированы. Служебные преступления подразумевали различного рода наказания. С развитием государственного аппарата выбранные законодателем меры по обеспечению качества секретарского корпуса не всегда были реализуемыми, на что указывает неоднократное повторение данных требований в указах 1740–1780 гг. Это становилось особенно ясным в десятилетие осуществления екатерининских реформ (1775–1785 гг.) – время повышенного спроса на подготовленные кадры и их чрезмерного дефицита.

В Пермском наместничестве, благодаря обращению к таким мерам чиновничества, как ускорение процесса продвижения по службе и «перебрасывание» кандидатов на секретарские вакансии с места на место, был преодолен по меньшей мере кадровый дефицит в количественном аспекте. Зачастую это осуществлялось за счет лиц с низким уровнем профессиональной и моральной подготовки к несению службы. Формально к середине 1780-х гг. все учреждения разветвленной судебной системы уездного уровня были обеспечены секретарями. Соответственно, правительство устраивали имеющиеся механизмы мобилизации ресурсов, несмотря на длинные гневные тирады высших чиновников о моральном облике кандидатов на должности. Анализ функционировавших механизмов замещения ключевых должностей в местном судопроизводстве позволяет сделать вывод о том, что они не позволили достигнуть качественной критической массы, необходимой для серьезных институциональных изменений. Однако можно предположить, что высокие требования законодателя, несоответствующие реальным механизмам управления и судопроизводства, подготавливали мотивационную базу для будущих реформ Александра I.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки РФ № 33.8064.2017/8.9 «Коммуникативные поля бытования инновационных процессов в России Нового времени: генезис, функционирование, трансформации» (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет).

Автор выражает особую благодарность с.н.с. ИИиА УрО РАН к.и.н. М.А. Киселеву, с.н.с. и н.с. ЛЭА УГИ УрФУ PhD А.В. Келлеру и к.и.н. Я.Л. Лазареву за ценные критические замечания, которые помогли в работе над текстом статьи.

Примечания

¹ К географическому определению понятия Среднего Урала см. изложение Т.В. Соловьевой (Соловьева, 2013: 139; 147–148).

² Первоначально Пермское наместничество было разделено на 16 уездов. В Пермскую область вошли Пермский, Кунгурский, Красноуфимский, Осинский, Оханский, Обвинский, Соликамский и Чердынский уезды, а в состав Екатеринбургской – Екатеринбургский, Челябинский, Далматовский, Шадринский, Камышловский, Алапаевский, Ирбитский и Верхотурский уезды. После перехода Челябинского уезда в состав Уфимского наместничества в декабре 1782 г. количество уездов сократилось до 15 (Алексеева, Бакунин, 2000: 14–15).

³ В связи с преобразовательными мерами Павла I были упразднены Алапаевский, Далматовский и Обвинский уезды.

Литература

Алексеева и др., 2000 – Алексеева Е.В., Бакунин А.В. Административно-территориальное деление // Урал. ист. энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: Издательство «Академкнига», 2000. С. 14–15.

Батурин, 1918 – Батурин П.С. Жизнь и похождения Г.С.С.Б. // *Голос минувшего*. 1918. № 13. С. 13–20.

Воропанов, 2012 – Воропанов В.А. Двигатели делопроизводства»: руководители аппаратов судов на Урале и в Западной Сибири в конце XVIII – первой половине XIX вв.: социальная и профессиональная характеристика // *Вопросы управления*. 2012. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.uara.ru/ru/authors/860/> (дата обращения 07.05.2018)

ГАПК – Государственный архив Пермского края (ГАПК).

ГАСО – Государственный архив Свердловской области (ГАСО).

Григорьев, 1910 – Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II. СПб.: Рус. Скоропечатания, 1910. 387 с.

Дмитриев, 1889 – *Дмитриев А.А.* Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 года. Первый опыт краткого изложения истории Перми. Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1889. 372 с.

Каменский, 2016 – *Каменский А.Б.* Реформы России с древнейших времен до конца XX века: В 4 томах. Том 2: XVIII – первая половина XIX века / Отв. ред. А.Б. Каменский. М.: РОССПЭН, 2016. 429 с.

Каменский, 2008 – *Каменский А.Б.* Просвещенные реформы Екатерины Великой в свете современного реформаторского опыта // "Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе": к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / Отв. сост. А.В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2008. С. 46–53.

Капустин, 1897 – *Капустин М.* Сто лет назад. Штаты и служащие Пермской губернии // *Труды Пермской ученой архивной комиссии*. Вып. 3. Пермь, 1897. С. 101–117.

Колмаков, 1886 – *Колмаков Н.М.* Старый суд // *Русская старина*. 1886. Кн. 12. С. 512–519.

Лукашевич, 1993 – *Лукашевич А.А.* Модернизация формуляра документа государственного делопроизводства законодательством первой четверти XVIII в. / Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода: Сб. статей. М.: Институт истории России РАН, 1993. С. 189–210.

Мазур, 2011 – *Мазур Л.Н.* Бюрократические циклы российской государственности в XVIII–XX вв. и эволюция системы делопроизводства // *Делопроизводство*. 2011. № 1. [Электронный ресурс] URL: <http://www.top-personal.ru/officeworkissue.html?130> (дата обращения: 12.02.2016).

Мадариага, 2002 – *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 976 с.

Мельчакова, 1998 – *Мельчакова О.А.* Организация судопроизводства в Нижнетагильском горнозаводском хозяйстве во второй половине XVIII – начале XIX вв. // *Проблемы истории России*. Екатеринбург: Волот, 1998. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV–XX вв. С. 47–63.

Месяцеслов... – Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова (Месяцеслов). СПб.: Имп. академия наук, 1782–1790 гг.; 1792–1796 гг.

Омельченко, 1993 – *Омельченко О.А.* «Законная» монархия» Екатерины II. Просвещенный абсолютизм в России, М.: «Юрист», 1993. 428 с.

Омельченко, 1989 – *Омельченко О.А.* Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII века). М.: Изд-во ВЮЗИ, 1989. 151 с.

Писарькова, 2007 – *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII веков. Эволюция бюрократической системы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 758 с.

Побережников, 1998 – *Побережников И.В.* Проведение областной реформы Екатерины II на Урале: На материале пермского наместничества [Электронный ресурс] // *Чиновник*. 1998. № 1. URL: <http://chinovnik.uara.ru/modern/article.php?id=191> (дата обращения: 16.05.2017).

ПСЗРИ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. (ПСЗРИ-1). СПб.: Типогр. II Отделения е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 6; т. 11; т. 12; т. 18; т. 22; т. 24.

Серов, 2013 – *Серов Д.О.* Российские судьи и высшее юридическое образование // *Высшее образование в России*. 2013. № 10. С. 77–82.

Соловьева, 2013 – *Соловьева Т.В.* Административно-территориальное деление Свердловской области в исторической ретроспективе // *Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов* / Отв. ред. А.В. Черноухов. Екатеринбург: Издательство Уральского ун-та, 2013. Вып. 13. С. 137–170.

Уортман, 2004 – *Уортман Р.С.* Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 520 с.

Baberowski, 1996 – *Baberowski J.* (1996). Autokratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt a.M. 845 с.

Kaiser, 1972 – *Kaiser F.B.* (1972). Die russische Justizreform von 1864: Zur Geschichte der russischen Justiz von Katharina II. bis 1917. Leiden: Brill, 1972. (Studien zur Geschichte Osteuropas; 14). 552 с.

Scharf, 2001 – *Scharf C.* (2001). Modernisierung und Absolutismus: Die Reformen Katharinas II. von Russland, in: *Begegnungen Schriftenreihe des Europa Institutes Budapest*, 2001. Band 22. [Electronic resource]. URL: <http://www.europainstitut.hu/index.php/publikationen/begegnungen/17-begegnungen/488-begegnungen/22scharf>).

Scharf, 1998 – *Scharf C.* (1998). "Tradition-Usurpation-Legitimation. Das herrscherliche Selbstverständnis Katharinas II," in: E. Hübner, Hrsg., *Russland zur Zeit Katharinas II. Absolutismus-Aufklärung-Pragmatismus*. Köln, Weimar, Wien. 41–101. С. 67.

References

Alekseeva i dr., 2000 – *Alekseeva E.V., Bakunin A.V.* (2000). Administrativno-territorial'noe delenie [Administrative and territorial division]. Ural. ist. entsiklopediia. 2-e izd., pererab. i dop. Ekaterinburg: Izdatel'stvo "Akademkniga", 2000, pp. 14–15. [in Russian]

Baberowski, 1996 – *Baberowski J.* (1996). Autokratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. [Autocracy and justice. On the relation between the rule of law and backwardness]. Frankfurt A.M., 1996, 845 p. [in German]

- Baturin, 1918** - *Baturin P.S.* (1918). Zhizn` i pokhozhdenia G.S.S.B. [Life and affairs of G.S.S.B]. *Golos minuvshogo*. N 13, pp. 13-20. [in Russian]
- GAPK** – Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia (GAPK) [State archive of the Perm region].
- GASO** – Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti (GASO) [State archive of the Sverdlovsk region].
- Grigor'ev, 1910** - *Grigor'ev V.A.* (1910). Reforma mestnogo upravleniia pri Ekaterine II. [The reforms of local administration under Catherine II]. SPb.: Rus. Skoropechatania. 387 p. [in Russian]
- Dmitriev, 1889** - *Dmitriev A.A.* (1889). Ocherki iz istorii guberskogo goroda Permi s osnovaniia poseleniia do 1845 goda s prilozheniem letopisi goroda Permi s 1845 do 1890 goda. Pervyi opyt kratgogo izlozheniia istorii Permi. [A short history of the principal town of the Perm province from the founding of the settlement until 1845 supplied with a chronicle of Perm until 1890. A first attempt of a short description of the history of Perm']. Perm': Tipografiia P. F. Kamenskogo. 372 p. [in Russian]
- Kaiser, 1972** – *Kaiser F.B.* (1972). Die russische Justizreform von 1864: Zur Geschichte der russischen Justiz von Katharina II. bis 1917 [The Legal reform of 1864 in Russia: On the history of Russian justice from Catherine II until 1917]. Leiden: Brill, 1972. (Studien zur Geschichte Osteuropas; 14) [Studies on East European history; 14], 552 p. [in German]
- Kolmakov, 1886** - *Kolmakov N.M.* (1886). Staryi sud [The old court]. *Russkaia starina*. 1886. Kn. 12. pp. 512–519. [in Russian]
- Kamenskii, 2016** - *Kamenskii A.B.* (2016). Reformy Rossii s drevneishikh vremen do konca XX veka: V 4 tomakh [Reforms in Russia from the oldest times until the end of the 20th century. In 4 volumes]. Tom 2: XVIII – pervaya polovina XIX veka. Otv. red. A.B. Kamenskii. M.: ROSSPEN. 429 p. [in Russian]
- Kamenskii, 2008** - *Kamenskii A.B.* (2008). Prosveshennye reformy Ekateriny Velikoi v svete sovremennogo reformatorskogo opyta [Enlightened reforms of Catherine the Great in the light of modern reform research]. "Vvodya nravy i obychai Evropeiskie v Evropeiskom narode": k problem adaptatsii zapadnykh idey i praktik v Rossiyskoi imperii. Otv. sost. A.V. Doronin. M.: ROSSPEN, , pp. 46-53.
- Kapustin, 1897** - *Kapustin M.* (1897). Sto let nazad. Shtaty i sluzhashchie Permskoi gubernii [A hundred years ago. Staff and clerks in the Perm province]. *Trudy permskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Vyp. 3. Perm'. pp. 101-117. [in Russian]
- Lukashevich, 1993** - *Lukashevich A.A.* (1993). Modernizatsiia formulyara dokumenta gosudarstvennogo deloproizvodstva zakonodatel'stvom pervoi chetverti XVIII v. [Modernisation of document forms in state record keeping during the first quarter of the 18th century]. Issledovaniia po istochnikovedeniю istorii Rossii dooktiabr'skogo perioda: Sb. statey. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN. pp. 189-210. [in Russian]
- Madariaga de, 2002** - *Madariaga I. de* (2002). Rossia v epokhu Ekateriny Velikoi [Russia in the epoche of Catherine the Great]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 976 p. [in Russian]
- Mazur, 2011** - *Mazur L.N.* (2011). Byurokraticheskie tsikly rossiiskoi gosudarstvennosti v XVIII XX vv. i evolutsiia sistemy deloproizvodstva [Bureaucratic cycles of the Russian state formation from 18th to 20th century and the evolution of office administration]. *Deloproizvodstvo*. N 1. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.top-personal.ru/officeworkissue.html?130> [in Russian]
- Mel'chakova, 1998** - *Mel'chakova O.A.* (1998). Organizatsiia sudoproizvodstva v Nizhetagil'skom gornozavodskom chozaistve vo vtoroi polovine XVIII – nachale XIX v. [The organisation of legal proceedings at Nizhetagislkii zavod in the second half of the 18th]. Problemy istorii Rossii [Issues in the history of Russia]. Ekaterinburg: Volot. Vyp. 2: Opyt gosudarstvennogo stroitel'stva XV-XX vv. pp. 47-63 [in Russian]
- Mesiaceslov...** - Mesiaceslov s rospis`iu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdstva Khristova (Mesiaceslov). [Chronicle with a list of state officials for the year p. Chr.]. SPb.: Imp. Akademia nauk, 1782-1790 gg.; 1792-1796 gg. [in Russian]
- Omel'chenko, 1993** - *Omel'chenko O.A.* (1993). «Zakonnaya monarkhia» Ekateriny II. Prosveshennyi absolutizm v Rossii. M.: «Iurist». 428 p. [in Russian]
- Omel'chenko, 1989** - *Omel'chenko O.A.* (1989). Kodifikatsiia prava v Rossii v period absliutnoi monakhii (vtoraya polovona XVIII veka) [Codification of the law in Russia in the period of enlightened absolutism) second half of the 18th century)]. M.: Izd-vo BIUZI. 151 p. [in Russian]
- Pisar`kova, 2007** - *Pisar`kova L.F.* (2007). Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII veka. Evolutsiia byurokraticheskoi sistemy [The state administration of Russia from the end of 17th century until the end of the 18th century. The evolution of the bureaucratic system]. M.: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN). 758 p. [in Russian]
- Poberezhnikov, 1998** - *Poberezhnikov I.V.* (1998). Provedenie oblastnoi reformy Ekateriny II na Urale: Na materiale permskogo namestnichesva. [The realization of the provincial reform of Catherine II. By the example of the Perm vicegerency. *Chinovnik*. N° 1. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://chinovnik.uapa.ru/modern/article.php?id=191> [in Russian]
- PSZRI-1** – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 1-e. (PSZRI-1) [Complete collection of the laws of the Russian empire. 1st collection]. SPb.: Tipogr. II Otdeleniia e. i. v. kancelarii, 1830. (PSZRI-1).
- Scharf, 2001** – *Scharf C.* (2001). Modernisierung und Absolutismus: Die Reformen Katharinas II. von Russland, Begegnungen, Schriftenreihe des Europa Institutes Budapest, 2001. Band 22 [Modernisation and absolutism: the reforms of Catherine II. Encounters. Publication series of the European institute in Budapest.

Vol. 22]. [Electronic resource]. URL: <http://www.europainstitut.hu/index.php/publikationen/begegnungen/17-begegnungen/488-begegnungen22scharf>. [in German]

Scharf, 1998 - *Scharf C.* (1998). "Tradition-Usurpation-Legitimation. Das herrscherliche Selbstverständnis Katharinas II," [Tradition-Usurpation-Legitimation. On the perception of power of Catherine II], E. Hübner, Hrsg., *Russland zur Zeit Katharinas II. Absolutismus-Aufklärung-Pragmatismus*. [Russia in the age of Catherine II]. Köln, Weimar, Wien: 1998, pp. 41–101. [in German]

Serov, 2013 - *Serov D.O.* (2013). Rossiiskie sud'i i vysshee yuridicheskoe obrazovanie [Russian judges and higher judicial education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. № 10, pp. 77-82. [in Russian]

Voropanov, 2012 - *Voropanov V.A.* (2012). „Dvigateli deloproizvodstva“: rukovoditeli apparatov sudov na Urale i v Zapadnoi Sibiri v konce XVIII – pervoi polovine XIX vv.: social'naya i professional'naya charakteristika [“Motors of office administration”: head of the court chancellery in the Urals and Western Siberia at the end of the 18th – first half of the 19th centuries: social and professionals characteristics] [Elektronnyi resurs]. *Voprosy upravleniya*. № 4. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/authors/860/> [in Russian]

Wortman, 2004 - *Wortman R.S.* (2004). Vlastiteli i sudi: razvitie pravovogo soznania v imperatorskoi Rossii [The development of a Russian legal consciousness]. M.: Novoe lit. obozrenie. 520 p. [in Russian]

«Все ли они несут должности свои исправно и могут ли впред в исправления оных быть надежны?»: механизмы кадрового рекрутинга в России 80-х – 90-х гг. XVIII в. (на материалах Среднего Урала)

Алисе Плате ^{a, *}

^aУральский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема замещения должностей секретарей провинциальных судебных канцелярий в 80–90 гг. XVIII в. С позиции законодателя к кандидатам на такие ключевые должности предъявлялись самые высокие требования, что было закреплено в законно-правовых актах. Несмотря на это, во времена чрезмерного кадрового спроса, каким являлся период осуществления губернской реформы Екатерины II, местные администраторы были вынуждены привлекать к гражданской службе менее квалифицированных делопроизводителей. Автор показывает на примере Пермского наместничества (1781–1797 гг.) механизмы кадрового рекрутинга на секретарские должности в судебных учреждениях уездного уровня. На основе архивных материалов и сведений, содержащихся в адрес-календарях рассматриваемого периода, описывается, что благодаря применению таких мер чиновничества, как ускоренное продвижение делопроизводителей по служебной лестнице и частые кадровые перестановки, формально закрывали все вакансии. В результате такой кадровой политики страдала эффективность работы судебного аппарата: секретарями судов уездного уровня регулярно назначались менее опытные канцелярские служащие, а перспективных кандидатов руководство старалось перевести в губернские учреждения Перми или Екатеринбурга. Должностные преступления на практике редко преследовались. В условиях кадрового дефицита, как показал анализ документов, большинство провинившихся беспрепятственно продолжили исполнять свои обязанности. Кадровые сокращения, проведенные в 1797 г. среди гражданских чиновников новоназначенным пермским губернатором К.Ф. Модерахом, четко указывают на недовольство высших правительственных кругов низким профессионализмом в местном судебном и административном аппарате. Однако сохранившиеся механизмы кадрового рекрутинга в местном судопроизводстве не стали критической массой для серьезных институциональных изменений.

Ключевые слова: история Урала, история, история государственной службы, губернская реформа 1775 г., Пермское наместничество, кадровый рекрутинг, судебные секретари, кадровый дефицит.

* Корреспондирующий автор

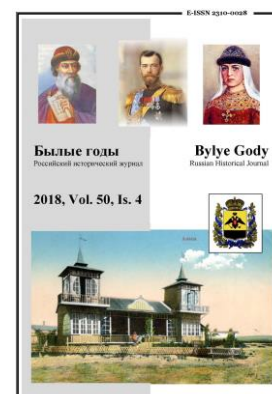
Адреса электронной почты: aliceplate@mail.ru (А. Плате)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1492-1498. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1492
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Tactics and Strategy of General G.Kh. Zass in the Caucasus

Goran Rajović ^{a, b, *}, Dmitry O. Ezhevski ^c, Alla G. Vazeroва ^d, Milica Trailovic ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^d Penza state university of architecture and construction, Penza, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article deals with the tactical and strategic techniques used by general Zass during his service in the Caucasus. The attention is paid to intelligence, counterintelligence and sabotage activities, as well as aspects of information war.

The source base of the article consists of documents of the state archive of Krasnodar region (Krasnodar, Russian Federation), some of which were first introduced into scientific circulation.

In methodological terms the study was carried out using the historical and comparative method, which allowed to identify the general and special in the activities of russian military leaders in the Caucasus. In accordance with the principles of historicism, objectivity and chronology, the events were considered in their historical sequence with the involvement of various materials.

The authors conclude that the tactical and strategic techniques used by General G.Kh. Zass during his service in the Caucasus were entirely aimed at depriving the enemy of the initiative. For this purpose, the intelligence, counterintelligence and sabotage measures were widely used. General Zass gave great importance to the spread of misinformation and rumors, and used methods of psychological influence – intimidation. All of this was intended to force the highlanders to stop the practice of raiding on the russian territory, having achieved this significant success, he became one of the most active and respected generals of the russian army.

Keywords: general Zass, service in the Caucasus, Caucasian war, specifics of warfare.

1. Введение

В истории Кавказской войны видное место занимает деятельность одного из военачальников – генерала Григория Христофоровича фон Засса, который предпочитал тактику активной обороны, то есть упреждения на раннем этапе возможных проблем с немирными горцами. Но обо всем по порядку.

Некоторые биографические данные. Григорий Христофорович Засс родился 29 апреля 1797 г., происходил из вестфальского баронского рода. В XV веке его предки переехали в Прибалтику. В 1813 г. он поступил юнкером в Гродненский гусарский полк. Ему не было и 18 лет, когда он отличился в ходе Заграничного похода в боях под Дрезденом, Кульмом и Лейпцигом. В 1815 г. принимал участие во втором походе во Францию. Далее шла служба в различных кавалерийских полках русской армии, а в 1820 г. он попадает на Кавказ, на Лезгинскую линию. Принимает участие в экспедициях. С 1826 г. он переходит из кавалерии в армейскую пехоту, а именно в 43-й егерский полк,

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović), Dima0404@mail.ru (D.O. Ezhevski), history@pguas.ru (A.G. Vazeroва)

а затем и в Навагинский пехотный полк, в составе которого принимает участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Отличившись в ней, он получает чин подполковника.

В 1830 г. он становится командиром Моздокского казачьего полка. В 1831–1832 гг. принимает участие в экспедициях в Чечню и Дагестан. В 1832 г. во время штурма завалов под Герменчуком был ранен и получил чин полковника. В 1833 г. был назначен командующим Баталпашинского участка Кубанской линии. С этого времени он постоянно находился в действующих войсках, многократно переходил на территорию Закубанья вместе с войсками, а также с лазутчиками из числа черкесов. В 1835 г. назначается командующим всей Кубанской линией, а в следующем году получает чин генерал-майора.

В 1840 г. произведен в генерал-лейтенанты и становится начальником правого фланга Кавказской линии. В 1840–1841 гг. он приступает к строительству Лабинской линии, основывает ряд казачьих станиц и укрепленных постов между ними. Созданное им Арджинское укрепление было переименовано в Зассовское. В 1842 г. он покидает Кавказ.

Рис. 1. Генерал Г.Х. Засс

В 1848 г. Засс выходит в отставку, однако уже в следующем году возвращается для принятия участия в Венгерском походе, где командует арьергардом 3-го корпуса. Вернувшись в Россию, он вновь выходит в отставку. В год окончания Кавказской войны, в 1864 г., император Александр II в знак признания военных заслуг генерала приказывает зачислить его вновь на военную службу, а в 1877 г. Зассу был пожалован чин генерала от кавалерии. Скончался Григорий Христофорович Засс 4 декабря 1883 г.

2. Материалы и методы

Источниковую базу статьи составили документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация), часть которых впервые введена в научный оборот.

В методологическом плане исследование выполнено с использованием историко-сравнительного метода, который позволил выявить общее и особенное в деятельности российских военачальников на Кавказе. В соответствии с принципами историзма, объективности и хронологии рассматривались события в их исторической последовательности с привлечением разнообразных материалов и источников.

3. Обсуждение

Исследованием деятельности генерала Засса начали заниматься еще в дореволюционной России. Первыми заметками были воспоминания о генерале. Так, в 1870 и 1873 гг. Г.С. Атарщиков опубликовал две работы, посвященные деятельности генерала на Кавказе ([Атарщиков, 1870](#); [Атарщиков, 1873](#)). Уделяли внимание этому вопросу и краеведы. Например, в 1916 году вышла работа Ф.А. Щербина «История Армавира и черкесо-горцев» ([Щербина, 1916](#)).

В дореволюционной справочной литературе также есть биографические очерки о Г.К. Зассе. Они публиковались в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона ([Засс, 1890](#)), в русском биографическом словаре ([Затворницкий, 1896](#)) и в Военной энциклопедии ([Зассы, 1911](#)).

В современный российский период также имеются публикации, посвященные данной теме. Так, в 2010 г. в журнале «Родина» была опубликована статья А. Луночкина, А. Михайлова «Большая

война. Григорий Засс и Яков Бакланов» (Луночкин, Михайлов, 2010). В 2011 г. вышла книга В. Троицкого «Григорий Христофорович Засс – основатель Армавира и Лабинской линии» (Троицкий, 2011). Деятельности генерала Засса на Баталпашинском участке Кубанской линии уделил внимание В.В. Пархоменко (Пархоменко, 2014). Исследователи обращались к генералу Зассу и в контексте его политики по созданию Лабинской линии. Так, например, этой темой занимался А.И. Лубков (Лубков, 2017).

4. Результаты

В этих скудных биографических данных нет самого главного: того, что генерал Засс принес на Кавказ, а именно стратегических и тактических приемов, которые резко сокращали набеговую активность черкесов на русскую территорию. Важно понимать, что с XIII века на Кавказе широкое распространение получает работорговля, сначала венецианцы и генуэзцы, а затем Османская империя этому активно способствовали. Спрос на рабов порождало широкое применение на Кавказе набеговой практики с целью захвата пленников. И если до прихода России в регион черкесы, например, делали набеги на Крым, то потом горцы стали действовать против русских. Разные инициативы русского правительства (меновая торговля, привлечение на русскую сторону знати, ответные нападения и т.д.) для отвлечения черкесов от перманентного разбоя не улучшали ситуацию. В связи с увеличившимся количеством захваченных горцами русских людей император Николай I инициировал процесс выкупа русских пленников. Это полезное дело, к сожалению, лишь еще более активизировало горцев: отныне не нужно было ждать турецкие работорговые суда, а можно было продать пленников практически на месте – в русских укреплениях.

В это время и попал барон Г.Х. Засс на Кавказ. Период заигрывания с горцами подходил к своему завершению, здесь нужна была более жесткая политика, и Засс ее применил. Необходимо пояснить, что с конца 1830-х гг. Российская империя исчерпав мирные ресурсы для присоединения некоторых регионов Кавказа перешла к силовым действиям. Это, в свою очередь, отразилось на резком увеличении количества потерь русской армии (См.: Cherkasov et al., 2017: 72-73).

Первое, чему уделил Засс самое серьезное внимание, – это организация разведки. Он тратил значительные средства на получение информации с сопредельной стороны реки Кубань. Практически ежедневно к Зассу являлись «какие-то таинственные личности с замотанными башлыком головами; о чем они беседовали с генералом, было покрыто мраком неизвестности. Часто во время шумной пирушки начальник Кубанской линии вставал из-за стола и через полчаса был уже далеко за Кубанью» (Тенгинский полк, 1900: 150).

В июне 1840 г. генерал Засс через агентуру получил сведения, что между темиргоевцами и урухаевцами, прибывающими в Усть-Лабинскую заставу за покупкой проса по случаю неурожая хлеба в горах, часто проезжают немирные абадзехи, они прикрывают себя именем мирных и, «свободно производя через карантин покупки, без наказания возвращаются в свои аулы» (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 468. Л. 1). Генерал Засс потребовал принять все меры, чтобы выявить среди покупателей немирных абадзехов. Согласно предписанию генерала Засса, требовалось действовать двумя вариантами:

1) в случае выяснения, что абадзехи посетили меновый двор, а приведшие их на карантин темиргоевцы и урухаевцы по каким-либо причинам не захотят указать на абадзехов, то предполагалось для наказания как абадзехов за попытку приближения к русской территории, так и темиргоевцев с урухаевцами за измену – арестовать. В случае же если невозможно будет захватить их в плен, то употребить оружие и не щадить уже изменников мирных наравне с абадзехами;

2) если абадзехи по открытию будут урухаевцами и темиргоевцами выданы, тогда прошу как их, так и тех общество мирных азиатцев, в котором они окажутся приехавшими в карантин, арестовать, отправить для содержания на Усть-Лабинскую вахту и в то время сообщить командованию с приложением именных списков (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 468. Л. 1–10б.).

Помимо этого, Засс санкционировал полное запрещение продажи проса и других зерновых жителями русской стороны в Закубанье (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 468. Л. 10б.).

Спустя несколько дней, 18 июня 1840 г., на Усть-лабинской карантинной заставе, находящийся там, выбежавший из плена от черкес рядовой Черноморского линейного № 5 батальона Иван Яковлев узнал, что в числе покупателей мирных черкес находится тот самый абадзех, у которого он был в плену. После опознания караульным солдатам было приказано арестовать этого черкеса. И когда солдаты приблизились к нему, то мирные черкесы сделали усилие отнять его, крича, что это мирный из аула князя Чангирея. В результате солдатам было приказано колоть их штыками. Не выдержав такого поворота событий, большая часть черкесов бросилась бежать к Кубани на переправу, которых застава из-за малочисленности карантинной стражи не имела возможности остановить. Захваченный же черкес по указанию рядового Яковлева в ходе дознания через переводчика показал, что он действительно абадзехского владения, аула узденя Карам Кирий Мустафы, абадзех Хусейн, имел часто пребывание в мирном ауле князя Кемиргоя Керканукова и нередко ночевал в сакле самого князя Кемиргоя, последнюю же ночь, т.е. 17-го сего месяца, ночевал у хасаевцов, у мирного черкеса Кетуна Мезеспха, который привел его и на торговлю в Усть-Лабу (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 468. Л. 12–12об.). Таким образом, случайное событие позволило вычленил из числа мирных горцев представителя воинственных племен. Однако, несмотря на то, что абадзех был

арестован, задача полностью не была выполнена и показательного наказания мирных горцев не произошло.

На следующий день, то есть 19 июня, на той же заставе вновь произошло происшествие: начальник заставы заметил, что один из черкес, «как будто бы чего-то ужасаясь, всемерно старался скрывать себя и в течение двух часов ни разу не подходил к ограде, устроенной для сатовки (мены – Авт.), а все оставался позади прочих мирных черкес. И беспрестанно переходя с одного края ограды на другой, как будто бы желал что-то увидеть, для него весьма интересное. Взоры его большею частью обращались во внутренность карантина, где находятся пассажиры. Усиленные старания его быть незамеченным ясно показали пришлеца, тайно введенного покорными горцами под предлогом мирного» (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 468. Л. 12об.–13). В результате начальник заставы приказал караульным солдатам вооружиться и задержать черкеса. Солдаты приступили к исполнению приказа, и нельзя сомневаться в том, что приказ был бы исполнен, если бы здешней крепости комендант, господин подполковник Маклаков, случившийся в то время на сатовке, не остановил людей, идущих с ружьями для взятия этого горца. Как отмечал начальник заставы, «любопытство Маклакова в сем случае повредило и разрушило все предприятие, ибо 5 минут Маклаков рассуждал с солдатами, куда они идут с ружьями, зачем и что это значит – и таким образом, ... бесполезными расспросами задержал людей, которые с ружьями стояли пред ним на сатовке. Все черкесы обратили внимание и поняли, для чего все это делается; и когда я увидел, что подозреваемый мною горец бросился бежать под гору на переправу, где на этот случай мирные черкесы, возвратившиеся с сатовки, сидели на лодку, тут я уже вынужден был закричать солдатам, чтобы оставили слушать рассказы Маклакова, а делали бы то, что приказано им; солдаты тотчас бросились бежать за этим черкесом, но уже было поздно: пока они достигли берега Кубани, то бежавший черкес успел броситься в лодку, и она по усиленному гребению сидящих на ней черкес шипко поплыла на ту сторону Кубани; солдаты требовали, чтобы лодка возвратилась, а мирные черкесы, оставшиеся на этой стороне кричали, чтобы они скорей переплывали, тогда солдаты начали стрелять в лодку и по дальнему уже расстоянию и при том, быть может, по неловкости не могли ни в кого из сидящих в ней попасть; да при том и мирные черкесы, схватив колья, лежащие на пристани, начали драться с солдатами. Увидевши это, я тотчас приказал всем бывшим на сатовке казакам Кавказского полка бежать на пристань и действовать решительно..., то признательно должен сказать, таковыми же дрючьями препохвально уничтожили запальчивость мирных черкес и прогнали их на гору к ограде, устроенной для сатовщиков. Тут мирные черкесы, обыкновенно как и при взятии 18-го числа абадзеха Хусейна, уверяли, что этот бежавший черкес мирный аула князя Чангирея. Между же тем, по приплытии вышеупомянутой лодки с черкесами на их сторону Кубани, тотчас из ней двое черкес сели на верховых лошадей и поскакали в лес. Это видели многие из русских, бывшие на сатовке. В то же время, когда солдаты гнались за беглецом, то бросившиеся с сатовки на пристань мирные черкесы, как слышал переводчик вверенной мне заставы, Пенишор, кричали, что тот не их будет веры» (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 468. Л. 13–17). Таким образом, случайность помешала произвести арест немирного горца. Тем не менее инициативы генерала Засса повысили бдительность офицеров на меновых дворах.

Помимо этого, Засс организовал сторожевую службу и выставил казачьи пикеты у бродов. Разведке он уделял большое внимание и в деятельности на территории противника. Люди Засса тщательно проверяли все лесные балки, которые могли служить укрытием для неприятеля. Он стремился быть в курсе всего, что происходило у противника, это позволяло лучше ориентироваться в постоянно меняющейся обстановке.

Засс, авав службу в кавалерии, а продолжив в пехоте, сочетал оба рода войск, создав так называемую кавалерийскую пехоту. Посаженные на лошадей пехотинцы за ночь преодолевали «громадные пространства и сжигали аулы, иногда отстающие на 60 верст» (Тенгинский полк, 1900: 150–151).

Важное значение Засс придавал фактору внезапности. Его стратегический план заключался в перехвате и удержании инициативы. Получив от своей разведки информацию о готовящемся набеге на русскую территорию, Засс с войсками переходил границу и внезапно атаковал, часто не давая возможности неприятелю даже собраться в условленном месте. Так, например, 25 января 1836 года Засс выступил для наказания абадзехов за разграбление Боргустанской станицы (Тенгинский полк, 1900: 150–151). Одержав победу и показательно придав огню спешно брошенный населенный пункт, Засс возвращался назад. Можно добавить, что в 1836 г. он предпринимает целую серию показательных набегов на немирных черкесов (Сборник сведений о потерях, 1901: 36).

Пересекал с войсками границу Засс и в 1841 г., то есть незадолго до того как покинул Кавказ. Было это 15 июня 1841 г., целью было показательное уничтожение аулов по реке Серали. Потери экспедиционного отряда в этом деле составили 22 человека убитыми и 57 ранеными (Сборник сведений о потерях, 1901: 57).

Однако будет несправедливо сказать, что вся его деятельность заключалась в экспедиционных, показательных мероприятиях. Как и многие военачальники, полагавшие, что лучший бой – это тот, которого не было. Засс старался оказать на неприятеля в первую очередь психологическое воздействие. Местопребывание Засса, крепость Прочноокопская, повергало в ужас не только закубанцев, но и всех проезжающих. Она окружена была высоким валом с частоколом по гребню, на

котором во многих местах торчали головы черкесов (*Тенгинский полк, 1900: 150*). Важно понимать, что отрубленные головы были едва ли не нормой того времени, чтобы доказать, что враг был действительно повержен. Без предъявления доказательств этому никто не верил, так происходило не только на Кавказе, но и, например, в Персии. Другое дело, что в Персии голову с противника снимали для получения вознаграждения от заказчиков, а в России – для устрашения неприятеля.

Зассом применялась и дезинформация противника. Так, в 1838 г. он через агентуру распустил слух о своей тяжелой болезни, а затем и о смерти, чем ослабил бдительность горцев. В ту же ночь внезапно «воскресший» Засс произвел набег и уничтожил два аула немирных черкесов. Захваченные в плен черкесы в последствии обменивались на угнанных в ходе набегов русских с Черноморской линии (*Rajović et al., 2017; Rajović et al., 2018*). Важно отметить, что в эти годы на территории Черкесии работала английская и турецкая агентура, которая всячески старалась спровоцировать черкесов на противостояние с Россией (*Karataev, 2016: 55*).

Генерал Засс являлся грозой как непокорных, так и мирных черкесов и внушал им такой страх к себе, что горцы «считали его шайтаном, который знал заговор от пули» (*Тенгинский полк, 1900: 150*). Используя суеверия черкесов и их слабую осведомленность в новейших технических достижениях, при помощи «волшебных зеркал», электричества, минных полей и фугасов Засс действовал на воображение горцев. В ряде мест эти новшества действительно заставляли горцев годами обходить территорию стороной и не принимать штурмов и набегов. Так, например, это было у укрепления Навагинского на территории Черноморской береговой линии, где с 1848 по 1851 гг. стояли минные поля и фугасы на гальванических элементах (*Cherkasov et al., 2013: 5–15*).

В конечном итоге, накопив во время службы на Кавказе богатый опыт разведывательных, контрразведывательных и диверсионных мероприятий, генерал Засс стал одним из наиболее подготовленных офицеров русской армии, и далеко не случайно, что именно он был возвращен на службу и руководил авангардом русских войск при подавлении Венгерской революции.

5. Заключение

Подводя итоги, мы хотели бы констатировать, что тактические и стратегические приемы, применяемые генералом Г.Х. Зассом во время службы на Кавказе, были всецело направлены на лишение неприятеля инициативы. Для этого широко применялись разведывательные, контрразведывательные и диверсионные мероприятия. Важное значение генерал Засс уделял распространению дезинформации и слухов, а также применял методы психологического воздействия – устрашение. Все это в целом было направлено на то, чтобы заставить горцев прекратить набеговые практики на русскую территорию. Добившись в этом деле значительных успехов, он стал одним из наиболее активных и авторитетных генералов русской армии.

6. Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Литература

Атарщиков, 1870 – *Атарщиков Г.С.* Заметки старого кавказца о военной и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Григория Христофоровича Засса: (Сырой материал для истории покорения Кавказа) // *Военный сборник*, 1870. Т. 74, № 8. С. 309–333.

Атарщиков, 1873 – *Атарщиков Г.С.* Несколько слов о генерале Зассе. (С Кубани) // *Русский инвалид*, 1873, № 146.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Засс, 1890 – Засс Григорий Христофорович // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*: В 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

Зассы, 1911 – Зассы // *Военная энциклопедия*: [в 18 т.] / Под ред. В.Ф. Новицкого [и др.]. СПб., 1911–1915.

Затворницкий, 1896 – *Затворницкий Н.М.* Засс Григорий Христофорович // *Русский биографический словарь*: В 25 томах. СПб., 1896–1918.

Лубков, 2017 – *Лубков А.И.* О причинах и планах переноса Кубанской линии на реки Лабу и Белую // *История и обществознание*. 2017. № XIV. С. 18–21.

Луночкин, Михайлов, 2010 – *Луночкин А., Михайлов А.* Большая война. Григорий Засс и Яков Бакланов // *Родина*. 2010. № 1.

Пархоменко, 2014 – *Пархоменко В.В.* Г.Х. Засс на Баталпашинском участке Кубанской линии (1833–1835 гг.) // *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2014. № 3 (42). С. 164–167.

Сборник сведений о потерях, 1901 – Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. / Составлен А.Л. Гизетти. Тифлис, 1901. 222 с.

Тенгинский полк, 1900 – *Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846 гг.* / Сост. поруч. Ракович. Тифлис. 1900.

- Троицкий, 2011** – *Троицкий В.* Григорий Христофорович Засс – основатель Армавира и Лабинской линии. Краснодар, 2011.
- Щербина, 1916** – *Щербина Ф.А.* История Армавира и черкесо-горцев. Екатеринодар, 1916.
- Cherkasov et al., 2013** – *Cherkasov A.A., Ryabtsev A.A., Menkovsky V.I., Tarakanov V.V., Navrotsky A.V.* By Royal Authority (Investigation Data, Concerning Mines Theft in Fort Navaginsky of the Black Sea Coastal Frontier. 1851) // *Bylye Gody.* 2013. Vol. 27. № 1. pp. 5-15.
- Cherkasov et al., 2017** – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research // *Bylye Gody.* 2017. Vol. 43. Is. 1. pp. 68-85.
- Karataev, 2016** – *Karataev V.B.* The Advocacy Activities of the Foreign Emissaries in the North-Western Caucasus // *Propaganda in the World and Local Conflicts*, 2016, Vol. 6, Is. (2), pp. 52-58.
- Rajović et al., 2017** – *Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.* The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian–Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I // *Bylye Gody.* 2017. Vol. 46. Is. 4. pp. 1261-1274.
- Rajović et al., 2018** – *Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.* The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian–Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part II // *Bylye Gody.* 2018. Vol. 47. Is. 1. pp. 153-160.

References

- Atarshchikov, 1870** – *Atarshchikov G.S.* (1870). Zаметки starogo kavkaztsa o voennoi i administrativnoi deyatelnosti na Kavkaze general-leitenanta barona Grigoriya Khristoforovicha Zassa: (Syroi material dlya istorii pokoreniya Kavkaza) [Notes of an old caucasian about military and administrative activities in the Caucasus of lieutenant general baron Grigoriya Khristoforovicha Zassa: (Raw material for the history of the conquest of the Caucasus)]. *Voennyy sbornik*, T. 74, № 8. pp. 309–333. [in Russian]
- Atarshchikov, 1873** – *Atarshchikov G.S.* (1873). Neskol'ko slov o generale Zasse. (S Kubani) [A few words about General Zasse. (From Kuban)]. *Russkii invalid*, № 146. [in Russian]
- ГАКК** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [State archive of the Krasnodar Krai]. [in Russian]
- Zass, 1890** – Zass Grigorii Khristoforovich [Zass Grigory Khristoforovich]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890–1907. [in Russian]
- Zassy, 1911** – Zassy [Zassy]. Voennaya entsiklopediya: [v 18 t. Pod red. V.F. Novitskogo [i dr.]. SPb., 1911–1915. [in Russian]
- Zatvornitskii, 1896** – *Zatvornitskii N.M.* (1896). Zass Grigorii Khristoforovich [Zass Grigory Khristoforovich]. *Russkii biograficheskii slovar'*: v 25 tomakh. SPb., 1896–1918. [in Russian]
- Lubkov, 2017** – *Lubkov A.I.* O prichinakh i planakh perenosa Kubanskoi linii na reki Labu i Beluyu // *Istoriya i obshchestvoznaniye.* 2017. № XIV. S. 18-21.
- Lunochkin, Mikhailov, 2010** – *Lunochkin A., Mikhailov A.* (2010). Bol'shaya voina. Grigorii Zass i Yakov Baklanov [The Great War. Gregory Zass and Jacob Baklanov]. *Rodina*, № 1.
- Parkhomenko, 2014** – *Parkhomenko V.V.* (2014). G.Kh. Zass na Batalpashinskom uchastke Kubanskoi linii (1833-1835 gg.) [Zass at the Batalpashinsky section of the Kuban line (1833-1835)]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta.* № 3 (42). pp. 164-167. [in Russian]
- Sbornik svedenii o poteryakh, 1901** – Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremya voin Kavkazsko-gorskoi, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae 1801–1885 gg. [Collection of information on casualties of the Caucasian troops during the Caucasian-Gorsky, Persian, Turkish wars and in the Transcaspien region in 1801–1885]. Sostavlen A.L. Gizetti. Tiflis, 1901. 222 p. [in Russian]
- Tenginskii polk, 1900** – Tenginskii polk na Kavkaze. 1819–1846 gg. [Tengin Regiment in the Caucasus. 1819–1846]. Sost. poruch. Rakovich. Tiflis. 1900. [in Russian]
- Troitskii, 2011** – *Troitskii V.* (2011). Grigorii Khristoforovich Zass – osnovatel' Armavira i Labinskoi linii [Grigory Khristoforovich Zass – the founder of Armavir and the Labinsk line]. Krasnodar. [in Russian]
- Shcherbina, 1916** – *Shcherbina F.A.* (1916). Istoriya Armavira i cherkeso-gortsev [History of Armavir and circassian highlanders]. Ekaterinodar. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2013** – *Cherkasov A.A., Ryabtsev A.A., Menkovsky V.I., Tarakanov V.V., Navrotsky A.V.* By Royal Authority (Investigation Data, Concerning Mines Theft in Fort Navaginsky of the Black Sea Coastal Frontier. 1851) // *Bylye Gody.* 2013. Vol. 27. № 1. pp. 5-15.
- Cherkasov et al., 2017** – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2017). The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research. *Bylye Gody.* Vol. 43. Is. 1. pp. 68-85.
- Karataev, 2016** – *Karataev V.B.* (2016). The Advocacy Activities of the Foreign Emissaries in the North-Western Caucasus. *Propaganda in the World and Local Conflicts*, Vol. 6, Is. (2), pp. 52-58.
- Rajović et al., 2017** – *Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.* (2017). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian–Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I. *Bylye Gody.* Vol. 46. Is. 4. pp. 1261-1274.

Rajović et al., 2018 – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazeroва A.G., Trailovic M. (2018). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part II. *Bylye Gody*. Vol. 47. Is. 1. pp. 153-160.

Тактика и стратегия генерала Г.Х. Засса на Кавказе

Горан Райович ^{a, b, *}, Дмитрий Олегович Ежевский ^c, Алла Геннадьевна Вазерова ^d,
Милица Трайлович ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^e Университет г. Женева, Швейцария

Аннотация. В статье рассматриваются тактические и стратегические приемы, применяемые генералом Зассом во время службы на Кавказе. Уделено внимание разведывательным, контрразведывательным и диверсионным мероприятиям, а также аспектам информационной войны.

Источниковую базу статьи составили документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация), часть которых впервые введена в научный оборот.

В методологическом плане исследование выполнено с использованием историко-сравнительного метода, который позволил выявить общее и особенное в деятельности российских военачальников на Кавказе. В соответствии с принципами историзма, объективности и хронологии рассматривались события в их исторической последовательности с привлечением разнообразных материалов.

В заключении авторы отмечают, что тактические и стратегические приемы, применяемые генералом Г.Х. Зассом во время службы на Кавказе, были всецело направлены на лишение неприятеля инициативы. Важное значение генерал Засс уделял распространению дезинформации и слухов, а также применял методы психологического воздействия – устрашение. Все это в целом было направлено на то, чтобы заставить горцев прекратить набеговые практики на русскую территорию. Добившись в этом деле значительных успехов, он стал одним из наиболее активных и авторитетных генералов русской армии.

Ключевые слова: генерал Засс, служба на Кавказе, Кавказская война, специфика ведения боевых действий.

* Корреспондирующий автор

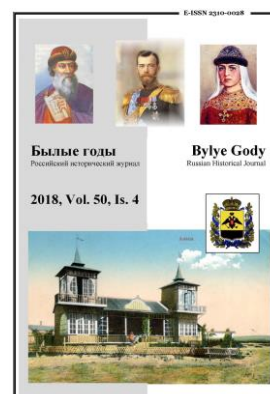
Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович), Dima0404@mail.ru (Д.О. Ежевский), history@pguas.ru (А.Г. Вазерова)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1499-1506. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1499
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Ethno-Cultural Aspects of the Russian-British Rivalry in Turkestan in the XIX century

Khatidzhe E. Mamutova ^{a,*}, Anna V. Kostromitskaya ^a, Evgeniy V. Kryzhko ^a, Petr I. Pashkovsky ^a

^aV.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation

Abstract

The article considers the ethno-cultural aspects of rivalry between the British and Russian empires in the process of the «Great Game» in Turkestan in the XIX century. It is established that direct contact with the eastern cultures, interaction and dialogue (and communication was observed on both sides) occurred through British and Russian travelers. Eastern territories served as colonies of European countries and Russia. Based on the analysis of a broad source base and numerous studies, it is revealed that the scope of the tasks of travelers included not only the exploration of economic potential, but also the study of the ethno-political, cultural and geographical features of the region. At the same time, the travelers described in detail the terrain and nature, but relatively modestly characterized the local population, which indicates the prevalence of the military significance of missions. The range of travel varies from political, diplomatic, trade-economic, research to «entertaining», for example: hunting and tourism. It is thanks to letters, notes, reports and books of Russian and British researchers that the image of local people and their culture develops. Descriptions of travel or stories about life in the eastern countries captured important details of everyday life, both local residents and travelers themselves. It is shown that during the period under review the progressive change in the notion of Europeans among the peoples of Central Asia was manifested, which was facilitated by the diverse composition of travelers and representatives of different European cultures. In this sense, the image of the Western traveler had a positive impact on the transformation of traditional society into a developing industrial society and the introduction of technological and cultural achievements of a more developed culture into it.

Keywords: Russia, Great Britain, «Great Game», Central Asia, Turkestan, ethno-cultural aspects.

1. Введение

С первой четверти XIX в., когда появляются предпосылки для соперничества России и Великобритании на территориях центрально-азиатских ханств и Индии, ведутся активные и результативные исследования в области территориальной, политической и экономической сфер российско-английского противостояния, прорабатываются возможности использования торгово-экономического и ресурсного потенциала азиатских территорий. Не только открытые военно-политические и дипломатические, но также и разведывательные операции проводились обеими сторонами конфликта. «Это геополитическое соперничество, – отмечали исследователи, – между двумя империями в Туркестане и Южной Азии, продолжавшееся в XIX – начале XX вв., в зарубежной историографии получило название «Большая игра» (“The Great Game” – Авт.), а в отечественной – «турнир теней»» (Bebeshko et al., 2017: 854).

Термин, введенный британским дипломатом и резидентом А. Конолли (Conolly, Vol. I, 1834; Conolly, Vol. II, 1834), оказался функциональным, а современная ситуация геополитического соперничества в Центрально-Азиатском регионе способствует активизации исследовательского интереса к данной проблеме, в частности к этнокультурным аспектам «Большой игры».

* Corresponding author

E-mail addresses: khatidge@yandex.ru (K.E. Mamutova), anna-01.kostromitskaya@mail.ru (A.V. Kostromitskaya), jeyson1030@gmail.com (E. V. Kryzhko), petr.pash@yandex.ru (P. I. Pashkovsky)

2. Материалы и методы

В рамках источниковой базы исследования выделяются следующие группы материалов. К первой группе можно отнести воспоминания свидетелей и участников описываемых событий: британских дипломатов, путешественников и исследователей Дж. Аббота (*Abbott, 1843*), А. Конолли (*Conolly, Vol. I, 1834; Conolly, Vol. II, 1834*), А. Бёрнса (*Burnes, Vol. I, 1834; Burnes, Vol. II, 1834; Burnes, Vol. III, 1834*), У. Муркрофта и Дж. Требека (*Moorcroft, Trebeck, 1841*), отечественных военного и дипломата Н. Муравьева (*Муравьев, 1822*) и ученого П. Небольсина (*Небольсин, 1850; Небольсин, 1855*), венгерского востоковеда и путешественника А. Вамбери (*Вамбери, 2003*). Вторая группа источников представлена данными отчетов российского офицера, востоковеда и путешественника И. Виткевича и российского филолога-ориенталиста и исследователя Туркестана П. Демезона (*Халфин, 1983*). Ценным источником стали материалы известного британского журнала политической сатиры и карикатур «Панч» (*Save Me From My Friends!, 1878*).

В научной литературе и периодике, посвященных проблемам «Большой игры», часто упоминается значительный вклад политических деятелей, предпринимателей и путешественников в исследование этнических культур, обычаев, нравов, специфики поведения и религиозных традиций, однако, на наш взгляд, данная проблематика требует более детального и системного изучения. Так, например, в 1921 г. военачальник, публицист, востоковед А. Снесарев в лекциях об Афганистане акцентировал важность изучения культуры восточных народов, считая «этот вопрос зерном военно-географического исследования» (*Снесарев, 2002: 57*). Полезным в данном контексте представляется применение культурологического подхода, подразумевающего фиксацию исторически сложившихся универсалий и специфических культурных артефактов и нематериального культурного наследия в рамках культур – игроков интересующего нас геополитического противостояния. Тем не менее, основным и наиболее плодотворным при изучении исторических событий «Большой игры» и их социокультурного контекста считаем системный подход, то есть исследование иерархической структуры многоуровневого и полиаспектного столкновения двух величайших империй XIX в.

Обозначенные подходы обусловили применение следующих исследовательских методов. Историко-генетический метод применялся для определения последовательности явлений и процессов, процедуры сравнения проводились в описании дипломатических миссий русских и англичан, доминант городской культуры Бухарского и Кокандского ханств, а также общего социокультурного контекста «Большой игры». Биографический метод использован при анализе отечественной и зарубежной мемуаристики, которая, несмотря на субъективный характер, демонстрирует сопричастность исторической личности к единому историческому процессу, показывая его подробности на локальном уровне и транслируя «дух эпохи». При этом из мемуарной литературы выбраны исключительно те сведения, которые находят подтверждение в архивных документах и признанной научным сообществом литературе. Поскольку азиатской культуре присуща обильная наполненность смыслами, церемониал и религиозная каноничность, для изучения ее символической составляющей использован семиотический метод.

3. Обсуждение

Историографический анализ выявил практическое отсутствие исследований, раскрывающих специфику этнокультурных аспектов российско-британского соперничества в Туркестане в начале XIX в. В частности, отечественный ориенталист Н. Халфин, изучавший проблемы истории Туркестана и Афганистана, исследовал противостояние Петербурга и Лондона по вопросу распространения экспансии в Азии (*Халфин, 1960; Халфин, 1966*), ситуативно затрагивая особенности этнокультурного измерения «Большой игры».

Труды П. Пашковского, Е. Крыжко, С. Щевелева, Е. Бебешко (*Bebeshko et al., 2017; Щевелев и др., 2018*) частично раскрывают этно-национальную специфику региона, освещая систему внешнеполитических взглядов населения и элит, формировавшуюся на протяжении нескольких веков, а также генезис указанной геополитической конкуренции.

Комплексному изучению «Большой игры» способствуют исследования, касающиеся противостояния разведывательных служб России и Великобритании в Туркестане. В этом контексте важно упомянуть ставшую классической работу генерала Дж. Эванса (*Evans, 1828*).

Различные аспекты (в том числе особенности этнокультурного измерения) российско-британского соперничества в Центральной Азии и на Кавказе в рассматриваемый период в общих чертах освещаются в трудах американских исследователей Г. Киссинджера (*Киссинджер, 1997*) и Р. Каплана (*Каплан, 2016*), а также российских ученых К. Гаджиева (*Гаджиев, 2012*), Е. Глуценко (*Глуценко, 2010*), Е. Сергеева (*Сергеев, 2011*) и А. Снесарева (*Снесарев, 2002*).

4. Результаты

Некоторые культурные эпохи, явления и процессы наделяются нашим сознанием дополнительными смыслами и, как следствие, происходит оформление их символического образа – информативно насыщенного продукта человеческого мышления, хрупкой субъективной конструкции, метафоры, позволяющей освоить культурное пространство. Несмотря на подвижность, некоторые образы становятся универсалиями, архетипами, ценностями и поведенческими установками, которые

лежат в основе определенного типа культуры, в нашем случае – восточной. Поэтому традиционно представления о культуре Востока в большой степени стереотипны: интровертная, с ярко выраженной коллективной направленностью, богатая символами, тайнами, предрассудками и витиеватыми речами правителей и торговцев, в то же время военизированная, жесткая, деспотичная. В частности, значительное место в отечественном и зарубежном востоковедении занимают описания англо-русского соперничества на Востоке, публикации архивных документов о «турнире теней» и последующая череда публикаций об историко-культурных взаимоотношениях и социокультурном контексте ведения переговоров, научных экспедиций и дипломатических миссий. Так, к примеру, в работах Н. Халфина (Халфин, 1966; Халфин, 1983) происходит романтизация Востока в сознании Яна Виткевича, наблюдавшего в орской ссылке торговые караваны и получившего хорошую практику коммуникации на казахском, персидском, узбекском, фарси и других восточных языках, ставших традиционными для изучения русскими купцами, дипломатическими и политическими деятелями. Поэтому даже современный читатель научно-популярной литературы о Востоке ожидает некоторой степени романтизации событий, происходящих в военных операциях и переговорах с ханами, эмирами, дипломатами, предпринимателями и путешественниками, а также увлекательного сюжета, повествующего о редкостях, раритетах, уникальном оружии, нумизматических коллекциях, мусульманских рукописях и так далее.

В 1833–1834 гг. была совершена дипломатическая поездка титулярного советника П. Демезона в Бухарское ханство под видом татарского муллы Мирзы Джафара, что было вызвано наплывом английских товаров из Индии и Афганистана и недавними продолжительными визитами английских агентов У. Муркрофта и Дж. Требека, выполнявших миссии под видом хирурга-ветеринара и картографа с 1819 по 1825 гг., что позднее отразилось в работе «Путешествия по гималайским провинциям Индостана и Пенджаба; в Ладакх и Кашмир; в Пешавар, Кабул, Кундуз и Бухару», где, помимо заметок о разведении породистых лошадей, природе Тибета, Кашмира, Кабула, других местностей, содержатся замечания об интересах России и Великобритании на Востоке: был сделан ряд попыток со стороны восточных государств «поставлять дефицитные товары в некоторые части России, которая имеет очевидный интерес в приобретении правильного знакомства с районами вдоль ее южной границы, будь то расширение научного, коммерческого или силового влияния» (Moorcroft, Trebeck, 1841: 15).

Среди наиболее значимых «визитов» на Восток отмечают поездку британского дипломата А. Бернса в Бухару и Кабул в 1832 г., а за свой вклад в изучение и установление контакта с Бухарским эмиратом он получил прозвище «Бухарский Бернс». Длительные поездки и постоянное пребывание в местной среде позволили ему приобрести обширные и значимые знания о восточных государствах и проживавших там народах и их культуре. Путешествия А. Бернса имели определенные стратегические цели, связанные, в первую очередь, со знакомством с местными правителями и их возможностями в «Большой игре». В своих записях он подробно описывал народы, с которыми ему приходилось сталкиваться, и опознавал в них представителей различных культур по конфессиональным признакам и хозяйственным занятиям. А. Бернс в своих путешествиях воспринимал встречаемые им народы как неразрывную часть природного ландшафта, а встреча с ними лицом к лицу способствовала возникновению «живого ощущения восточного человека». Черты «восточного человека» ярко воспринимались, когда становились понятными его личностные и общественные ориентиры, представления о долге, чести и справедливости и пр. В этом и проявилась заметная дихотомия в культуре и сравнение между «своим» и «чужим» (Burnes, Vol. I, 1834: 23).

Важные сведения о Центрально-Азиатском регионе в первой половине XIX в. оставил британский офицер А. Конолли, описавший свои путешествия и наблюдения за жизнью народов в письмах и книге «Путешествие на север Индии через Россию, Персию и Афганистан» (Conolly, Vol. I, 1834; Conolly, Vol. II, 1834). Поездка в Центральную Азию британского офицера носила разведывательный характер, поэтому он прибегал к маскировке. А. Конолли считал, что лучшей стратегией будет выдавать себя не за местного жителя, которого легко можно разоблачить, а представиться французским или итальянским врачом. Он отмечал: «... Такие путники там встречались и не вызывали недоверия» и воспринимаются благожелательно у страдающих множеством различных болезней местных жителей. А. Конолли выдавал себя за местного базарного торговца и смог посетить Хивинское, Бухарское и Кокандское ханства, встречался и путешествовал с мусульманскими паломниками. Такие спутники помогли ему узнать много интересного о жизни, культуре и быте центрально-азиатских народов и обеспечили защиту от ограблений, захвата в рабство или убийства. Эти встречи давали важные сведения и интересные описания паломничеств мусульман и показывали, насколько религия неотделима от жизни и нравов местного населения: «в Тебризе мне довелось встретить одного старика, <...> этот старик, выслушав восторженный рассказ сына, только что вернувшегося из Мекки, на протяжении суток принял решение отправиться туда же со своей многочисленной семьей; сын же, проведя под родительским кровом после трехлетнего отсутствия всего только одну ночь, вновь последовал за ними» (Conolly, Vol. I, 1834: 134). В 1834 г. он опубликовал записи о своих путешествиях по центрально-азиатским ханствам, в которых детально описал возможности вторжения в Индию русской армии и предложил стратегии развития событий для Британской империи. Так, А. Конолли писал, что «афганцы мало что выиграли бы, если бы

русские вошли в их страну, зато им было много чего опасаться» (Conolly, Vol. II, 1834: 276). Это связано с тем, что в этот период интенсивно развивались русско-иранские торговые отношения, которые конкурировали с региональными афганскими интересами.

Ценными для нас являются мемуары офицера Дж. Абботта, первого британского посланника в Хиве и одного из основателей города Абботтабад в Пакистане, который оставил очень интересные сведения о Центральной Азии в XIX в. Эти наблюдения легли в основу его книги «Рассказ о путешествии из Герата в Хиву, Москву и Санкт-Петербург» (Abbott, 1843), где он подробно описал свои странствия. В его труде даются довольно интересные наблюдения относительно нравов жителей и ценные географические сведения этих территорий. Важной особенностью книги является описание впечатлений афганца Суммуд Хауна, сопровождавшего Дж. Абботта на протяжении всего путешествия по Азии, России и Европе, где сталкиваются восточные и западные представления о культуре.

В то же время представители российской резидентуры, наряду с британскими офицерами, активно принимали участие в продвижении геополитических интересов Российской империи в Центральной Азии. В ходе путешествий в киргизские степи, Бухару и Афганистан портупей-прапорщик Я. Виткевич совершал полевые разведывательные операции в 1835–1836 гг. с целью сбора данных о специфике природного и культурного ландшафтов Центральной Азии для будущего военного похода на Хиву русского политического деятеля, оренбургского военного губернатора В. Перовского (Халфин, 1983), который превратил Оренбург в центр дипломатии и разведки. Хивинский поход состоялся в 1839 г. и не был удачен, однако в 1853 г. В. Перовский предпринял успешный Кокандский поход, а в 1854 г. заключил с ханом Хивы выгодный для Российской империи договор. Интересно, что на Западе говорили о единственной цели Я. Виткевича: обладая «большими суммами денег», «вести интриги против Англии» (Вамбери, 2003: 192). Ввиду успехов в Центрально-Азиатском регионе российских резидентов в Лондоне все чаще звучали опасения и даже угрозы в сторону Петербурга, предостерегающие распространение российского влияния в Индии – зоны исключительных интересов Великобритании.

В Российской империи по мере развития материальной базы производства росло количество промышленных предприятий, металлургия отставала от европейских стран, но высот достигало сельскохозяйственное производство и фабричная деятельность, следовательно, встал вопрос о рынках сбыта холста, полотна, льняной и пеньковой пряжи и особенно металлических изделий. Основываясь на таможенных отчетах и данных переписки, специалисты в области экономики и предпринимательства анализировали статистические данные о внешней торговле России «жизненными припасами», «прядельными и ткацкими материалами», «сырыми продуктами» и изделиями разного рода, исследовали возможности улучшения торговых отношений с западными и восточными государствами (Небольсин, 1850: 67–70), звучали призывы к купцам через сотрудничество с консулами заняться «выделкою стеклянных изделий на азиатский вкус». В этом отношении отмечалось, что «учреждение сахарных заводов было бы весьма выгодно для южных губерний», а развитие там мануфактурной промышленности «откроет вернейшие, обильнейшие источники богатства и общее довольство» (Небольсин, 1855: 46–48), что важно для реализации долгосрочной торговли со странами Центральной Азии. Наряду с этим, со стороны Российской империи предлагались политические варианты расширения торговых отношений с центрально-азиатскими странами, что было также обусловлено внутривосточной нестабильностью ханств и крупными податями, наличие которых отмечено Н. Северцовым, Н. Муравьевым и М. Черняевым. Кроме этого, там повсеместно вспыхивали многочисленные народные волнения (например, восстание самаркандских ремесленников 1826 г.), вызванные низким уровнем жизни населения, «...о чем можно заключить по их одежде, состоящей буквально из одних рубищ, а некоторые из них не имеют, чем прикрыть от палящего зноя верхние части тела. Дети почти все нагие...», – отмечал М. Черняев (Халфин, 1960: 13).

Путешественники и резиденты отдельное значение придавали описанию городской азиатской культуры. Упоминаются такие города, как Бухара и Самарканд (Бухарское ханство), Ташкент и Коканд (Кокандское ханство). Бухара – центр исламской религии и образования. «Если вы посмотрите на Средний Восток, – отмечают исследователи, – с этой точки зрения, то увидите, что здесь главной религией является магометанство. ... Прослойки других верований – еврейство, христианство, буддизм – здесь ничтожны. Ислам царит и накладывает определенную краску на весь Средний Восток» (Снесарев, 2002: 12). Самарканд – один из древнейших городов мира, перекресток множества этнических культур, средоточие науки и архитектурных памятников. Ташкент – сердце торговли и ремесел. Коканд – наиболее молодой и быстро развивающийся город, религиозный центр Кокандского ханства. Также выделяются такие характеристики социокультурной жизни первой половины XIX в., как пережитки родоплеменного уклада, консерватизм, раздробленность, добыча полезных ископаемых кустарным способом, ткачество из гузы и торговля низкокачественными тканями (Халфин, 1960: 196), основной тип транспорта – вьючный. В то же время отмечается глубокая скрытность и подозрительность горного народа, консервативность женской части населения обусловлена строгостью канонов ислама. Это вызывало трудности при получении некоторых знаний об этнической культуре и культуре повседневности: «женская половина населения по духу ислама вам помочь не может, хотя часто и является лучшей носительницей домашних преданий и

особенностей, которые могут быть интересны для изучающего страну, хранительницей более чистого языка, лучшим источником народных сказаний. В то время как мужчины начинают скорее забывать язык страны, ее обычаи», но, тем не менее, «Восток гостеприимен, и вы обязаны принять, а иногда даже пережить это гостеприимство; вы должны даже делать вид, что польщены этим гостеприимством, которое вам оказывают, вы никоим образом не имеете права от него отказаться. Вам подается чашка кумыса, она пахнет потом, чашка грязна, но очень плохо, если вы ее не выпьете до дна» (Снесарев, 2002: 38). А. Вамбери в «Путешествии по Средней Азии» так описывает гостеприимный Восток: «старый, крайне бедный туркмен был вне себя от радости, что небо послало ему гостей, <...> вопреки всем нашим уговорам зарезал свою единственную козу» (Вамбери, 2003: 40), однако часто добродетели сопряжены с «неслыханным коварством»; кроме этого, резюмируя описания этикета и религии, скажем, что «нет лучшей лести для азиата, как доброе слово по адресу его религий» (Снесарев, 2002: 42).

Примечательно, что с начала XIX в. трансформируется восприятие военных и политических событий в сознании народа, как российского, так и европейского. Возрастает роль печатной периодической печати, мощного и могущественного «современного двигателя мнений» (Evans, 1828: 143). Стоит упомянуть известный британский журнал юмора и сатиры «Панч» («The Punch»), отражавший в политических и социальных карикатурах мировые исторические события. Так, 30 ноября 1878 г. в нем была опубликована карикатура политического мультипликатора Дж. Тенниела «Спасите меня от моих друзей!» к цитате из газеты «The Times» за 21 ноября 1878 г.: «Если в определенный момент было решено вторгнуться на территорию Амира, мы действовали в соответствии с политикой, которая в своем намерении была форменно дружественной к Афганистану» (Save Me From My Friends!, 1878). Таким образом, необъявленное противостояние Санкт-Петербурга и Лондона, «которое так долго длилось скрыто» (Evans, 1828: 52), вновь получило продолжение.

5. Заключение

Участниками «Большой игры» были путешественники, военные, дипломаты, религиозные деятели различных стран и национальностей. Соперничество шло не только за доминирование над сырьем и рынками, но и за культурные, исторические, географические, антропологические, этнографические знания, и с этим связан особый интерес западного мира к малоизвестной восточной цивилизации. С позиции культурологического знания можно отметить, что именно через западноевропейских и российских путешественников происходили непосредственный контакт с восточными культурами, взаимодействие и диалог, причем общение наблюдалось с обеих сторон. Восточные территории служили колониями европейских стран и России. Дихотомия между Востоком и Западом лежит в основе изучения культурного аспекта «Большой игры».

Торговые и геополитические интересы в первой половине XIX в. стали движущей силой соперничества между Российской и Британской империями в Центрально-Азиатском регионе. Так, в круг задач путешественников входили не только разведка экономического потенциала, но и изучение этнополитических, культурных и географических особенностей региона. Путешественники красочно и подробно описывали местность и природу, сравнительно скромно характеризовали местное население, что свидетельствует о преобладании военного значения миссий. Диапазон путешествий варьируется от политических, дипломатических, торгово-экономических, научно-исследовательских до «развлекательных», например: охота и туризм. Именно благодаря письмам, заметкам, отчетам и книгам российских и британских исследователей складывается образ местных народов и их культуры.

Следует отметить поступательное изменение представлений о европейцах у народов Центральной Азии, чему способствовал разнородный состав путешественников, представителей разных европейских культур. Путешественник, участвуя в передаче знаний и технологий, находился в эпицентре межэтнического и культурного диалога. В этом смысле образ западного путешественника оказывал позитивное влияние на трансформацию традиционного общества в развивающееся индустриальное и внедрение в него технологических и культурных достижений более развитой культуры. Так, путешествуя по территориям, исследователи отмечали появление новых оседлых поселений в местах, где ранее обитали кочевые племена. Строительство дорог и постоянных дворов вдоль важных торговых артерий и обеспечение относительной безопасности для путешественников осуществлялось за счет новой цивилизационной миссии по отношению к местному населению. И в этом новом этнокультурном пространстве и урбанизированной среде уже нет места для кочевников. Но местное население не было безмолвным объектом «Большой игры», а в определенной степени также являлось субъектом международной политики. Правители Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств и множества карликовых княжеств использовали политику лавирования и компромисса.

В XIX в. на Западе получают популярность описание путешествий или рассказы о жизни в восточных странах, появляется значительный пласт европейской литературы в восточном стиле, основанном на личном опыте путешествий. Эта литература запечатлела важные детали повседневной жизни как местных жителей, так и самих путешественников, давая возможность узнавать новые территории, экзотическую природу и диких животных, обычаи и традиции местного населения,

познавать другой мир. Художественная практика, сложившаяся в культуре XIX в., в Европе и России способствовала созданию эффекта аутентичности восточных путешествий. В частности, литература визуализировала описание другого мира, доступного для всеобщего восприятия. Формируется устойчивый персонаж, называемый «восточным человеком». Отмечается восприятие европейцем нового взгляда на свое время и вообще на человека. Кроме того, встреча с другим миром и культурой через «восточного человека» становится поводом для саморефлексии и самоидентификации автора и читателя. Особенности восприятия и описания практики путешествий по Востоку и Западу мы можем увидеть в письмах и мемуарах военных и исследователей этой эпохи.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках Программы развития Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского на 2015–2024 гг. (ВГ21/2017).

Литература

- Вамбери, 2003 – *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. М., 2003. 193 с.
- Гаджиев, 2012 – *Гаджиев К.С.* «Большая игра» на Кавказе. Вчера, сегодня, завтра. М., 2012. 344 с.
- Глушченко, 2010 – *Глушченко Е.А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. 608 с.
- Каплан, 2016 – *Каплан Р.* Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / Пер с англ. М., 2016. 384 с.
- Киссинджер, 1997 – *Киссинджер Г.* Дипломатия / Пер. с англ. М., 1997. 848 с.
- Муравьев, 1822 – *Муравьев Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах. М., 1822. 350 с.
- Небольсин, 1850 – *Небольсин Г. П.* Статистическое обозрение о внешней торговле России. СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1850. Ч. 1. 409 с.
- Небольсин, 1855 – *Небольсин Г. П.* Статистическое обозрение о внешней торговле России. СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1855. Ч. 2. 495 с.
- Сергеев, 2011 – *Сергеев Е.Ю.* «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд // Российская история. 2011. № 5. С. 3–15.
- Снесарев, 2002 – *Снесарев А.Е.* Афганистан. М.: «Русская панорама», 2002. 272 с.
- Халфин, 1966 – *Халфин Н.А.* Загадки истории. Драма в номерах «Париж» // Вопросы истории. № 10. 1966. С. 216–220.
- Халфин, 1960 – *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960. 272 с.
- Халфин, 1983 – *Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича) /* Под. ред. Халфина Н.А. М., 1983. 149 с.
- Щевелев и др., 2018 – *Щевелев С.С., Пашковский П.И., Крьжко Е.В.* Востоковед М.Ф. Силякин: жизнь и труды // Диалог со временем. 2018. № 62. С. 312–328.
- Abbott, 1843 – *Abbott J.* Narrative of a Journey from Herat to Khiva, Moscow, and St. Petersburg, during the Late Russian Invasion of Khiva. With some Account of the Court of Khiva and the Kingdom of Khaurism. London: W. M. Allen, 1843. Vol. I. 401 p.
- Bebeshko et al., 2017 – *Bebeshko E.V., Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Shchevelev S.S.* The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the Beginning of the XIX Century // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. P. 853-860.
- Burnes, Vol. I, 1834 – *Burnes A.* Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, 1834. Vol. I. 399 p.
- Burnes, Vol. II, 1834 – *Burnes A.* Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, 1834. Vol. II. 516 p.
- Burnes, Vol. III, 1834 – *Burnes A.* Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, 1834. Vol. III. 378 p.
- Conolly, Vol. I, 1834 – *Conolly A.* Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan. L.: Richard Bentley, 1834. Vol. I. 367 p.
- Conolly, Vol. II, 1834 – *Conolly A.* Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan. L.: Richard Bentley, 1834. Vol. II. 364 p.
- Evans, 1828 – *Evans G.* On the designs of Russia. L., 1828. 265 p.
- Moorcroft, Trebeck, 1841 – *Moorcroft W., Trebeck G.* Travels in the Himalayan provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz, and Bokhara; by William Moorcroft and George Trebeck, from 1819–1825. London: John Murray, 1841. Vol. I. 459 p.
- Save Me From My Friends!, 1878 – *Save Me From My Friends! // The Punch*. 1878. 30 November.

References

- Abbott, 1843** – *Abbott J.* (1843). Narrative of a Journey from Herat to Khiva, Moscow, and St. Petersburg, during the Late Russian Invasion of Khiva. With some Account of the Court of Khiva and the Kingdom of Khaurism. London: W. M. Allen, Vol. I. 401 p.
- Bebeshko et al., 2017** – *Bebeshko E.V., Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Shchevelev S.S.* (2017). The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the Beginning of the XIX Century. *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. pp. 853-860.
- Burnes, Vol. I, 1834** – *Burnes A.* (1834). Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, Vol. I. 399 p.
- Burnes, Vol. II, 1834** – *Burnes A.* (1834). Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, Vol. II. 516 p.
- Burnes, Vol. III, 1834** – *Burnes A.* (1834). Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, Vol. III. 378 p.
- Conolly, Vol. I, 1834** – *Conolly A.* (1834). Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan. L. Vol. I. 367 p.
- Conolly, Vol. II, 1834** – *Conolly A.* (1834). Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan. L. Vol. II. 364 p.
- Evans, 1828** – *Evans G.* (1828). On the designs of Russia. L. 265 p.
- Gadzhev, 2012** – *Gadzhev K.S.* (2012). «Bol'shaya igra» na Kavkaze. Vchera, segodnja, zavtra [The «Great Game» in the Caucasus. Yesterday, today, tomorrow]. M. 344 p. [in Russian]
- Glushchenko, 2010** – *Glushchenko E.A.* (2010). Rossiya v Srednej Azii. Zavoevaniya i preobrazovaniya [Russia in Central Asia. Conquest and transformation]. M. 608 p. [in Russian]
- Halfin, 1960** – *Halfin N.A.* (1960). Politika Rossii v Srednej Azii (1857 – 1868) [Russia's policy in Central Asia (1857 - 1868)]. M., 272 p. [in Russian]
- Halfin, 1966** – *Halfin N.A.* (1966). Zagadki istorii. Drama v nomerakh «Parizh» [Mysteries of History. Drama in the Rooms of «Paris»]. *Voprosy istorii*. № 10. pp. 216-220. [in Russian]
- Halfin, 1983** – *Halfin* (1983). Zapiski o Buharskom hanstve (Otchety P. I. Demezona i I. V. Vitkevicha) [Notes on the Bukhara Khanate (Reports of P.I. Desmaisons and I.V. Vitkevich)]. M. 149 p.
- Kaplan, 2016** – *Kaplan R.* (2016). Mest' geografii. Chto mogut rasskazat' geograficheskie karty o grjadushhikh konfliktakh i bitve protiv neizbezhnogo [Revenge of Geography. What can tell the geographical maps of the coming conflicts and the battle against the inevitable]. M. 384 p. [in Russian]
- Kissinger, 1997** – *Kissinger G.* (1997). Diplomatiya [Diplomacy]. M. 848 p. [in Russian]
- Moorcroft, Trebeck, 1841** – *Moorcroft W., Trebeck G.* (1841). Travels in the Himalayan provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz, and Bokhara; by William Moorcroft and George Trebeck, from 1819-1825. London: John Murray, 1841. Vol. I. 459 p.
- Murav'ev, 1822** – *Murav'ev N.* (1822). Puteshestvie v Turkmeniju i Hivu v 1819 i 1820 godah [Travel to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820]. M. 350 p. [in Russian]
- Nebol'sin, 1850** – *Nebol'sin G.P.* (1850). Statisticheskoe obozrenie o vneshnej torgovle Rossii [Statistical Review of Russia's Foreign Trade]. SPb.: Tipografiya departamenta vneshnej torgovli. CH. 1. 409 p. [in Russian]
- Nebol'sin, 1855** – *Nebol'sin G.P.* (1855). Statisticheskoe obozrenie o vneshnej torgovle Rossii [Statistical Review of Russia's Foreign Trade]. SPb.: Tipografiya departamenta vneshnej torgovli. CH. 2. 495 p. [in Russian]
- Save Me From My Friends!, 1878** – *Save Me From My Friends! The Punch*. 1878. 30 November.
- Sergeev, 2011** – *Sergeev E.Y.* (2011). «Bol'shaya igra» v rossijsko-britanskikh otnosheniyah vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka: novyj vzglyad [«Great Game» in Russian-British Relations of the Second Half of the XIX – early XX Century: A New Look]. *Rossiyskaya istoriya*. № 5. pp. 3-15. [in Russian]
- Shchevelev et al., 2018** – *Shchevelev S.S., Pashkovsky P.I., Kryzhko E.V.* (2018). Vostokoved M.F. Silinkin: zhizn' i trudy [Orientalist M. F. Silinkin: Life and Works]. *Dialog so vremenem*. № 62. pp. 312-328. [in Russian]
- Snesarev, 2002** – *Snesarev A.E.* (2002). Afganistan [Afghanistan]. M.: «Russkaya panorama». 272 p.
- Vamberi, 2003** – *Vamberi A.* (2003). Puteshestvie po Srednej Azii [Journey through Central Asia]. M. 193 p. [in Russian]

Этнокультурные аспекты российско-британского соперничества в Туркестане в XIX веке

Хатидже Энверовна Мамутова ^{a,*}, Анна Вадимовна Костромицкая ^a,
Евгений Владимирович Крыжко ^a, Петр Игоревич Пашковский ^a

^a Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены этнокультурные аспекты соперничества Британской и Российской империй в процессе «Большой игры» в Туркестане в XIX веке. Установлено, что через британских и российских путешественников происходил непосредственный контакт с восточными культурами, взаимодействие и диалог, причем общение наблюдалось с обеих сторон. Восточные территории служили колониями европейских стран и России. На основании анализа широкой источниковой базы и многочисленных исследований выявлено, что в круг задач путешественников входили не только разведка экономического потенциала, но и изучение этнополитических, культурных и географических особенностей региона. При этом путешественники подробно описывали местность и природу, но относительно скромно характеризовали местное население, что свидетельствует о преобладании военного значения миссий. Диапазон путешествий варьируется от политических, дипломатических, торгово-экономических, научно-исследовательских до «развлекательных», например: охота и туризм. Именно благодаря письмам, заметкам, отчетам и книгам российских и британских исследователей складывается образ местных народов и их культуры. Описания путешествий или рассказы о жизни в восточных странах запечатлели важные детали повседневной жизни как местных жителей, так и самих путешественников. Показано, что в рассматриваемый период проявляется поступательное изменение представлений о европейцах у народов Центральной Азии, чему способствовал разнородный состав путешественников, представителей разных европейских культур. В этом смысле образ западного путешественника оказывал позитивное влияние на трансформацию традиционного общества в развивающееся индустриальное и внедрение в него технологических и культурных достижений более развитой культуры.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, «Большая игра», Центральная Азия, Туркестан, этнокультурные аспекты.

* Корреспондирующий автор

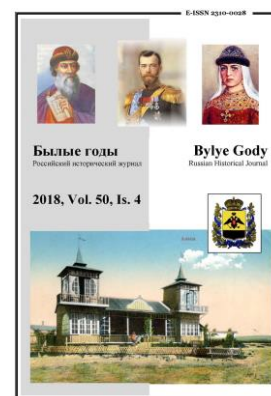
Адреса электронной почты: khatidge@yandex.ru (Х. Э. Мамутова), anna-01.kostromitskaya@mail.ru (А.В. Костромицкая), jeyson1030@gmail.com (Е. В. Крыжко), petr.pash@yandex.ru (П. И. Пашковский)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1507-1517. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1507
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Socio-Economic Situation and Legal Status of Georgian Jews in the XVIII century

Nugzar Ter-Oganov ^{a, b, c, *}

^a Tel Aviv University, Tel Aviv, Israel

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

In the XVIII century in Georgia, where serfdom was the main form of socio-economic life, the georgian jews, as well as serfs of other nationalities, consisted of three categories of serfs: royal, landowners and church-monastic. All three categories of serf jews paid taxes in cash and in kind.

The georgian historical documents of the study period indicate that the royal and landlord serfs sought to convert to serfdom, which was due to the fact that the church serfs received some relief in paying taxes. At the same time, all aspects of economic and personal life, as well as the legal status of serf jews, were regulated by the georgian orthodox church.

In addition to agriculture, the georgian jews basically engaged in horticulture and viticulture, mainly engaged in small-scale trade, as well as national industry and handicrafts. They were obliged to pay taxes and carry a number of duties, namely to carry military service: to serve in the army of the land – "lashkari", as well as in the permanent army of the king Erekle II – "morige jari" or "morige."

Despite some legal restrictions of the legal order, in practice, members of the georgian-jewish community enjoyed the same rights as their christian compatriots. Moreover, georgian jews had an unprecedented right in the history of the jewish diasporas to own christian servants.

In the letters of sale the georgian jews appear in the role of both sellers and buyers of land. The documentary material allows us to speak about the existence of large Jewish land tenure in Georgia.

Keywords: georgian jews, the categories of serf jews, the georgian-jewish community, the serf jews in Georgia, serfdom in Georgia.

1. Введение

Для выяснения вопроса о социально-правовом положении евреев Грузии в XVIII в. прежде всего необходимо осознать картину ее феодальной раздробленности, оставившей след и в истории грузинских евреев. Образование по соседству с Грузией двух мощных мусульманских империй в лице Османской Турции и Сефевидского Ирана надолго предрешило ее дальнейшую судьбу. Согласно турецко-иранскому мирному договору, заключенному в Амасье в 1555 году, Грузия фактически лишилась независимости: Западная Грузия отошла к Турции, Восточная – к Ирану. Именно в результате территориального раздела Грузии, а также постоянной внутренней феодальной распри, приведшей к образованию самостоятельных административных единиц, в иранских средневековых исторических документах и историографических трудах появился термин «горджестанат»¹, отражавший горькую реальность феодальной раздробленности страны.

Особенно ухудшилось социально-экономическое положение Грузии в XVIII веке, когда разгул иноземных захватчиков, в том числе северокавказских горских племен, грабивших и уничтожавших

* Corresponding author

E-mail addresses: nugzar19473@gmail.com (N. Ter-Oganov)

¹ Собирательное обозначение исторических краев Грузии на персидском языке (множественное число от слова "Грузия" – Горджестан)

местное население, достиг своей вершины. При феодальной междоусобице разгул принял такой размах, что уже порядком изнеможенному Восточно-Грузинскому царству было не под силу защищать себя от внешних врагов. Не исправило ситуацию и создание царем Ираклием II постоянного регулярного войска «мориге», которое, просуществовав недолгое время, под натиском недовольных феодалов, а также городского населения было упразднено в 1791 году.

Правители Грузии, одно время искавшие покровительства у западных стран, окончательно разочаровавшись в них, стали обращать свой взор на Российскую империю. Таким образом, вечное стремление России перешагнуть за Кавказский хребет стало принимать реальные очертания. В результате достигнутого обоюдного согласия в 1783 году в Георгиевске был подписан Трактат о протекторате России над Грузией, что послужило в дальнейшем для России юридической базой для присоединения Восточно-Грузинского царства к империи и упразднения царской власти династии Багратионов в Картли и Кахетии.

2. Обсуждение и результаты

1. Положение крепостных крестьян в Грузии

В XVIII веке, как и в прошлые века, феодально-крепостные отношения были основной, господствующей формой социально-экономического уклада Грузии. Вся земля и населявшие ее крестьяне принадлежали царскому дому, феодалам-помещикам и церкви.

В Грузии крепостные крестьяне, как известно, делились на три категории: царские, помещичьи и церковно-монастырские. Они платили своим хозяевам, как обычно, три вида налогов: трудовой, натурой и деньгами. Крепостные крестьяне были обязаны платить своим хозяевам натурой определенное количество хлеба и вина. При этом размер налогов не был четко регламентирован. Например, помещичьи и церковные крестьяне платили оброк с полей (хлебный налог), а также виноградников (*кулухи*, или налог на вино) в размере от 1/4 до 1/7 (*коди* или *кока*) урожая. Но были помещики, которые взимали со своих крепостных и половину их доходов (хлебом и вином) (ЦГИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 314. Л. 5; Панцхава, 1973: 215). Сравнительно в лучшем положении находились царские и церковные крепостные крестьяне. Несмотря на то, что у царских крестьян не было собственной земли и они также платили налоги и исполняли разные повинности в пользу государства, они были освобождены от унижительного и оскорбительного обслуживания помещика.

Грузинское феодальное общество не было однородным организмом как в понимании социальной структуры, так и с этно-конфессиональной точки зрения. Грузинские евреи всегда составляли неотъемлемую часть грузинского феодального общества.

2. Социальное положение и трудовая деятельность грузинских евреев

Подобно грузинским и армянским крепостным крестьянам крепостные евреи по своей принадлежности также делились на три категории: царские, помещичьи и церковные¹. По замечанию известного грузинского историка Н. Бердзенишвили, наряду с грузинскими и армянскими крепостными крестьянами, среди еврейского крестьянства находились все известные типы крепостных крестьян: *коренные*, *хизани*, *богано* и *акрилеби*. Крепостных евреев также продавали и покупали, отдавали в качестве приданого, впрочем как и крепостных крестьян других национальностей.

Согласно грузинским историческим документам, грузинские евреи по своему социальному составу не отличались от своих соотечественников. Подавляющее большинство грузинских евреев находилось в крепостной зависимости, за исключением некоторой части крупных еврейских купцов, сравнительно малочисленных ремесленников и жителей Ахалцихе и Озургети (находившихся тогда под османским управлением). Они платили налоги и выполняли разные повинности или обязанности.

Несмотря на определенную схожесть социального положения грузинских евреев и их христианских соотечественников, все-таки существовала между ними и существенная разница с точки зрения характера трудовой деятельности. Она состояла в том, что в отличие от крепостных крестьян других национальностей, крепостные евреи помимо земледелия, главным образом садоводства и виноградарства, занимались еще и мелкой торговлей, а также домашней промышленностью и ремеслами. «Еврей-крепостной, – замечает по этому поводу Н. Бердзенишвили, – конечно же, обрабатывал землю, сажал виноградник и фруктовый сад, сеял хлеб, но для «урии» не это являлось характерным, а торговля. Еврей платил своему хозяину, в основном, «тетри» [т.е. деньгами – Н. Тер-Оганов]» (ТГИЭМЕ Грузии, I: 160).

Следует заметить, что это положение, подтвержденное анализом грузинских исторических документов, не разделяет некоторая часть исследователей. Например, израильский исследователь Ицхак Давид, ссылаясь на отдельные факты купли-продажи земельных участков евреями, делает необоснованное обобщение о том, что крепостные евреи больше занимались земледелием, чем торговлей. В связи с этим он пишет: «К началу второй половины XVIII века евреи Грузии стали обладателями не только земельных участков, имений, особенно же виноградников, что указывает на

¹ О социальном и правовом положении грузинских евреев (Тер-Оганов, 2009: 113–136).

то, что до самого позднего времени они занимались больше земледельчеством [так в тексте – Н. Тер-Оганов] и в меньшей степени – торговлей» (Ицхак, 1989: 133). В связи с этим необходимо заметить, что и грузинский исследователь Э. Мамиствалишвили также ставит под сомнение утверждение Н. Бердзенишвили и А. Крихели о том, что грузинские евреи платили налоги своим хозяевам деньгами. Он не разделяет мнение А. Крихели о том, что «в феодальной Грузии, так же как и в различных странах феодальной Европы, евреи были «тетрит мосамсахурени» (ТГИЭМЕ Грузии, III: 247). «Я не согласен, – пишет Э. Мамиствалишвили, – с мнением автора цитаты [имеется в виду А. Крихели – Н. Тер-Оганов], что будто грузинские евреи, наподобие европейских евреев, были «тетрит мосамсахурени». Евреи Европы ничего общего не имели с землей» (Мамиствалишвили, 1982: 229). Далее он подчеркивает, что А. Крихели без всякой критики соглашается с мнением Н. Бердзенишвили о характере трудовой деятельности грузинских евреев. По утверждению Э. Мамиствалишвили, Н. Бердзенишвили якобы сделал свой «неправильный» вывод на основании анализа документов первой половины XIX в. (Мамиствалишвили, 1982: 230). Однако, если мы заглянем в I том «ТГИЭМЕ Грузии», то убедимся в том, что большинство документов, на основании которых Н. Бердзенишвили сделал свое заключение, относится не к первой половине XIX в., как утверждает это Э. Мамиствалишвили, а к XVIII веку.

Кроме того, есть один веский, на наш взгляд, аргумент в пользу версии Н. Бердзенишвили и А. Крихели. Дело в том, что частая смена места жительства, т.е. активный миграционный процесс, имевший место внутри общества грузинских евреев, о чем мы расскажем в нашей монографии, имеет непосредственное отношение к их основной трудовой деятельности – торговле. Ведь известно, что земледельцы – самая консервативная часть общества, тогда как торговцы, напротив, составляют его самую мобильную часть.

3. Воинская повинность крепостных евреев

Среди повинностей, наложенных на грузинских евреев, мы видим и службу в земской милиции или войске – *лашкари*. Например, в документе № 6, представляющем описание населения, среди ополченцев (*молашкре*) встречаются и фамилии грузинских евреев: *богано* Наскида Элиашвили и *богано* Шио Элиашвили, а также *тархани* "уриакопили" Наскида и Датуна Уриакопили (ТГИЭМЕ Грузии, I: 167–168). Как известно, крепостные крестьяне, получившие "*тарханство*", как правило, освобождались от уплаты различных налогов и повинностей. Следует полагать, что крепостным евреям Наскиде и Датуне взамен за вероотступничество, на что указывает семантика «*уриакопили*» (дословно: покинувший ложе иудаизма), было пожаловано желанное "*тарханство*".

Следует заметить, что не все евреи подлежали призыву в земское войско. Как выясняется из дарственной книги Папуны Церетели, пожалованной Джручскому монастырю, крепостные, принадлежавшие церквям и монастырям, не должны были нести воинскую службу в *лашкари* (ТГИЭМЕ Грузии, I: 187–188). Как свидетельствуют документы, уже в период правления Ираклия II многие евреи были освобождены от службы в земском ополчении, а также от несения других повинностей. Тем не менее они должны были нести службу в постоянном войске царя Ираклия – "*мориге*" или «*мориге джари*» (ТГИЭМЕ Грузии, I: 191–192)¹. Намного четче видны воинские обязанности грузинских евреев в документе № 31 – в прошении грузинских евреев Нонэ и Мардахи Шеденашвили на имя царицы Дареджан. В нем они жалуются на *есаула* войска Херхеулидзе на то, что вопреки тому, что имели от царицы протокол об освобождении двух своих ребят от службы в *джари* (земском войске) и несении службы только в *мориге*, по наущению соседей, устроил им погром. Жалобщики просят царицу подтвердить ее решение по этому вопросу – вернуть отнятое у них имущество, а также мужчин, видимо, забранных в *лашкари* (ТГИЭМЕ Грузии, I: 189).

4. Положение помещичьих крепостных евреев

Среди крепостных евреев особенно тяжелое социальное положение было у помещичьих крепостных. Крепостной еврей, занимаясь, как обычно, мелкой торговлей, был вынужден делиться своими доходами с помещиком. Являясь хозяином крепостного еврея, с одной стороны, он обирал его, но, с другой – старался по возможности уменьшить иго государственных налогов, также лежавших на его крепостном. Поэтому не удивительно, что сами помещики ходатайствовали перед верховной властью о понижении или упразднении налогов с их крепостных, взимаемых в пользу государства. Например, дошедший до наших дней документ – "Книга о *тарханстве*" 1680 года крепостных *узбаша*² Алхазы Мачабели – свидетельствует об обычной для того времени практике. Упомянутый *узбаш* Мачабели обратился к царю Георгию XI с просьбой о предоставлении *тарханства* четырем семьям его крепостных, среди которых мы видим и грузинских евреев: Хахану, Шалома и Матвала Хаханашвили и некоего Давида. Согласно "Книге о тарханстве", пожалованный им новый социальный статус означал освобождение от уплаты ряда налогов, а также пошлин в главных торгово-экономических центрах Восточной Грузии – в Тифлисе, Гори и Цхинвали. Что же касается

¹ Вкратце об истории создания "Мориге джари" см. нашу статью (Ter-Oganov, 2018).

² Дословно: сотник.

торговли и привоза парчи, то им следовало в связи с этим платить таможене лишь надлежащую пошлину (ТГИЭМЕ Грузии, III: 293).

По свидетельству грузинского историка З. Чичинадзе, крепостные евреи представляли большую ценность для грузинских помещиков, так как, где бы они ни находились, везде начинали заниматься торговлей как местной, так и привозной продукцией (Чичинадзе, 1904: 26). Они постоянно преподносили своим хозяевам по разным случаям подношения и подарки. Немало пополнялся кошелек последних и от других мероприятий. Так, например, были случаи, когда за предоставление лучшего места жительства помещик взимал с евреев крупную сумму денег, а за свое освобождение они платили помещику до 10 тыс. рублей серебром (Кавказский календарь, 1852: 333). По этой причине многие помещики стремились закупать или, в крайнем случае, похищать крепостных евреев. По утверждению З. Чичинадзе, такой интерес помещиков к евреям был вызван тем, что угнетенные евреи платили намного исправнее, чем грузинские крепостные (Чичинадзе, 1904: 27).

5. Практика похищения крепостного еврея как статья дохода

Похищение крепостного еврея было обычной практикой в жизни феодальной Грузии. Часты были случаи, когда один помещик похищал крепостного еврея у другого. Так, например, в «Прошении Ростом Палавандишвили царю Ираклию о похищении Григолом Церетели крепостных евреев», составленном 23 августа 1792 года, рассказывается как раз о таком случае. Согласно этому документу, имеретинский князь Григол Церетели похитил у князя Ростом Палавандишвили цхинвальского крепостного еврея с семьей, а также принадлежавший ему товар. Следует упомянуть о том, что бабушка последнего в свое время получила этого крепостного в качестве приданого к свадьбе (ТГИЭМЕ Грузии, III: 299). В другом документе, составленном 30 августа 1792 года, царь Ираклий II призывает адресатов – *сахлтухуцеса*¹ Зураба, *сардала*² Кайхосро и *моларетуцеса*³ Гиорги Церетели – вернуть похищенного еврея с семьей и товаром его прежнему владельцу (ТГИЭМЕ Грузии, III: 300).

Свидетельствами социального бесправия грузинских евреев являются так называемые книги о дарении и передаче приданого. В них нередко после перечисления различной домашней утвари, предназначенной в качестве приданого, фигурируют также и имена крепостных грузинских евреев.

6. Переход помещичьих крепостных евреев в категорию церковно-монастырских крепостных

Эксплуатация помещиками крепостных евреев была настолько велика, что многие из них самовольно бросали свои дома и хозяйство и переходили в крепостничество к другим.

Согласно документам, крепостные евреи после бегства от помещика чаще всего обращались с просьбой о принятии их в крепостничество к церквям и монастырям. В этой связи следует заметить, что феномен церковно-монастырских крепостных евреев не имеет аналога в истории. Как замечает А. Крихели, «церковно-монастырские крепостные евреи, за исключением Грузии, почти нигде не встречаются» (ТГИЭМЕ Грузии, III: 274).

Анализ грузинских исторических документов, касающихся грузинских евреев, указывает на стремление помещичьих и царских крепостных евреев перейти в крепостничество церкви. Это можно объяснить тем, что крепостные евреи, приняв статус церковных крепостных и получив некоторое облегчение в уплате налогов, не становились объектами купли-продажи. Хотя и были отдельные случаи, когда «отцы церкви» сами нарушали общепринятые нормы и торговали крепостными евреями. Известен, например, факт продажи 17 крепостных евреев католиком Доментиом, задолжавшим в 1730-х гг. французским торговцам и греческому патриарху крупную сумму – 5,500 левы (Чичинадзе, 1904: 26). Вместе с тем церковные крепостные евреи были освобождены от несения воинской службы. Если принять во внимание специфику трудовой деятельности крепостных грузинских евреев, то можно понять, какие льготы получали они при переходе в церковные крепостные. Именно этим обстоятельством, а вовсе не «сердобольным» отношением западногрузинских помещиков к евреям, как утверждает З. Чичинадзе, можно объяснить массовый переход помещичьих евреев из Восточной Грузии, где подавляющее большинство их принадлежало помещикам, в Западную Грузию, где, наоборот, большая часть евреев была собственностью церкви⁴.

¹ Крупный чиновник, выполнявший хозяйственно-финансовые и административные функции при царском дворе и у крупных феодалов, а также у сановитых служителей церкви (Сургуладзе, 1952: 173–181).

² Командующий войсками. Грузинский «сардали» является грузинизированной формой персидского военного термина «сардār».

³ Высокопоставленный казначей при царском дворе. См.: (Джавахишвили, 1928: 183–186), а также (Сургуладзе, 1952: 188–192).

⁴ В этой связи заслуживает внимание утверждение Э. Мамиствалишвили о том, что «для церковного крепостного грузинского еврея особое значение имело и то обстоятельство, что его религиозные чувства, вера оставались нетронутыми». По мнению автора, если и имело место принятие евреями христианства, то оно происходило «не принудительно, а поощрением» (Мамиствалишвили, 1982:

7. *Налоги, уплачиваемые церковно-крепостными евреями*

Исторические документы указывают на то, что положение церковных крепостных евреев было сравнительно лучше помещичьих крепостных. Церковные крепостные евреи платили церкви различные налоги, как правило, натурой или деньгами. Судя по грузинским историческим документам, налоги, уплачиваемые церковно-крепостными евреями, были разными. Одни платили налог натурой – свечи, конопляные полотна, чохи и бурки (ТГИЭМЕ Грузии, III: 304–305; 309–310), другие – натурой или деньгами (ТГИЭМЕ Грузии, I: 190–191). В нашем распоряжении имеется целый ряд документов, дающих возможность определить виды и размеры налогов (в основном, это свечи, живая рыба, продукция домашнего производства – холст, готовая одежда, бурки), уплачиваемых церковно-крепостными евреями. Так, например, согласно купчей грамоте (1708 г.) католикоса-патриарха Грузии на имя бежавшего из Имерети крепостного еврея Исхака Манашерашвили, которого он приписал грузинскому кафедральному собору Светицховели в Мцхете, католикос обязал его платить в виде оброка 2 *литра* свечей в год. Кроме того, крепостной должен был платить пошлину только таможеннику Светицховели. При этом он был освобожден от уплаты всех государственных налогов (ТГИЭМЕ Грузии, I: 165–166).

8. *Практика дарения крепостных евреев церкви*

При дарении помещиками крепостных евреев церкви, как правило, передавались ей и все поступления от уплаты налогов, а также исполнение ряда повинностей. Например, в "Дарственной книге" Папуны Церетели на имя Самебского монастыря (Джручи) о передаче последнему в крепостничество еврея Хахуа Аронашвили из урочища Они было отмечено, что вместе с семьей крепостного также даруется и уплачиваемый им оброк в виде двух литров свечей и шести штук *орагули*¹. Причем подносить орагули следовало так: две штуки на *Квелиери*, две – на *Хареба* и две – на *Бзоба* (христианские религиозные праздники) (ТГИЭМЕ Грузии, I: 186–187). В данном случае, как видим, налог, а также трудовая повинность крепостного еврея ограничивались свечами и несколькими рыбами.

Бывали случаи, когда сама церковь обращалась с просьбой о дарении ей какого-нибудь крепостного еврея. Например, кутаисский митрополит Доситеоз Церетели обратился к имеретинскому царю Давиду и Анне Орбелиани с просьбой о пожертвовании церкви одного еврея. Царь Давид удовлетворил просьбу митрополита и передал в крепостные церкви целое семейство Шалома Мошашвили (ТГИЭМЕ Грузии, I: 192–193). Интересный случай описан в дарственной книге царицы Гулкан настоятелю церкви Усыпания Даниелу Мачавариани. Как выясняется из документа, последний попросил царицу пожертвовать церкви один *марчил*, взимаемый с церковно-крепостного еврея, занимавшегося торговлей в Кутаиси, где он имел лавку. Являясь церковным крепостным, тем не менее он платил налог с лавки царице. Царица удовлетворила просьбу настоятеля церкви и пожертвовала один *марчил* – налог с лавки крепостного еврея – церкви (заметим, что в этом же документе оговорено, что налогоплательщик мог уплатить налог натурой, адекватной указанной сумме – ладаном и свечами) (ТГИЭМЕ Грузии, I: 190–191).

Многие сановитые церковные служители также даровали крепостных евреев религиозным центрам. Так, архимандрит Германэ подарил в 1791 году Мартвильскому монастырю еврея-торговца Хахама Шабата, его сына и брата Исхака, которых он в свое время с большими подношениями выкупил у имеретинского царя Соломона. Этого еврея вместе с сыном и братом архимандрит поселил в Суджуне, в одном из известных торговых центров Западной Грузии (ТГИЭМЕ Грузии, I: 199–206). Необходимо отметить, что, как правило, церкви и монастыри имели в своем владении немалое число крепостных евреев. Как известно, например, Шии-Мгвимский монастырь являлся владельцем целого квартала в Сачхере, населенного евреями-торговцами (Мамиствалишвили, 1982: 274).

Стремлением крепостных евреев ослабить налоговое бремя можно объяснить случаи, когда тот или иной крепостной еврей утверждал о своей принадлежности к числу церковных крепостных и вел тяжбу со своим помещиком. В этом плане очень характерен случай, описанный в документах № 47, 49, о чем стоит рассказать подробнее. Согласно им, в 1798 г. жители урочища Сурами, крепостные евреи по фамилии Манашерашвили, подали прошение на имя царевича Парнаоза, утверждая, что их отцы и деды были крепостными собора Светицховели. Эта тяжба, судя по датам некоторых документов, посвященных данному вопросу, длилась несколько лет. На запрос о прошлой истории крепостничества семейства Манашерашвили грузинская и армянская общины Сурами ответили, что не были свидетелями того времени, в то время как сурамский мамасахлиси указал на то, что

268, 275). А. Крихели также считает, что грузинская церковь не вела антиеврейскую пропаганду, как это было в Западной Европе, однако «это вовсе не означает того, что в Грузии она полностью была исключена. Напротив, у нас есть документы о принятии евреями христианства, поскольку за это их освобождали от уплаты налогов и давали землю» (ТГИЭМЕ Грузии, III: 299). А. Крихели (ТГИЭМЕ Грузии, III: 278). Между прочим, З. Чичинадзе считает, что именно церковное крепостничество стало основной причиной резкого сокращения количества грузинских евреев, поскольку большая их часть приняла христианство (Чичинадзе, 1904: 25).

¹ Лосось – латинское название этой рыбы – «Salmo».

Манашерашвили были зачислены в крепостные Светицховели. В свою очередь свидетель Габриел Небиеридзе дал показание в пользу крепостного права церкви на Манашерашвили и некоего Мардаха. Он утверждал, что изначально Манашерашвили был крепостным Светицховели. Непокойные времена заставили покинуть тот край и прибыть в урочище Сурами в качестве *хизани* (беженца). Поскольку в Сурами проживали евреи, то единоверцы отмерили ему и членам его семьи участок земли для строительства дома и предоставили им и другую помощь. Между тем владелец сурамской крепости, помещик Мамука Хидирбегишвили (*мдиванбеги*¹), стал притязать на крепостничество семьи Манашерашвили. На его требование уплатить налоги, Манашерашвили в ответ вынесли ему крепостную грамоту католикаса Доменти (ТГИЭМЕ Грузии, I: 209–211). Однако дело этим не завершилось. Мамука Хидирбегишвили утверждал, что, согласно заявлениям свидетелей, упомянутые в грамоте католикаса лица по фамилии – Хизанишвали, а не Манашерашвили, и был готов поклясться в Светицховели. В доказательство своей правдивости Хидирбегишвили привели в свидетели одного грузинского еврея, который заявил, что на самом деле Манашерашвили купили у католикаса Доменти эту грамоту за четыре *миналтун*² и что эта грамота на самом деле принадлежит совершенно другому человеку. Не поверив словам свидетеля еврея, католикос Антон решил повести его в Брети, где последний поклялся на книге Рождения Авалишвили (имеется в виду т.н. «Бретская Библия», упоминание о которой позднее мы находим и у Иегуды Черного), тем самым подтвердив истинность своего показания. В результате Манашерашвили признали свою крепостную зависимость и вернулись к своему помещику, что и было подтверждено дарственной грамотой католикаса Антона на имя Мамуки Хидирбегишвили (ТГИЭМЕ Грузии, I: 212–213). Дело завершилось тем, что в 1800 году Манашерашвили передали помещику Хидирбегишвили документ о признании своей крепостной зависимости. В этой крепостной грамоте читаем: «Мы долго спорили, – писали они, – о вашем крепостном праве над нами, однако Господь и суд рассудили по иному и предложили мою голову вам – в крепостные» (ТГИЭМЕ Грузии, I: 216).

Этот документ интересен не только как свидетельство тяжбы между крепостными евреями и помещиком, но и как случай торговли крепостными грамотами. В данном случае церковный сановник за взятку выдал грамоту, принадлежащую другим евреям. С другой стороны, этот документ наглядно показывает стремление помещичьего крепостного еврея любой ценой получить статус церковно-крепостного.

Некоторое облегчение налогового бремени церковно-крепостных евреев вовсе не означало, что им под сенью церкви жилось вольготно. Церковь контролировала каждый шаг крепостного еврея. Все вопросы, касающиеся его материального состояния, купли-продажи земельных участков, заема денег, оформления завещания, как и подачи иска в суд, могли производиться только с разрешения церкви. Таким образом, все стороны хозяйственной, правовой и личной жизни регламентировались церковью (ТГИЭМЕ Грузии, I: 69).

Часто представители царского дома даровали церкви своих крепостных, в том числе и евреев. Так, дочь царя Александра Барбаре передала в дар церкви Никорцминда 23 человека вместе с уплачиваемым ими налогом за полгода (ТГИЭМЕ Грузии, I: 243).

Также нередки были случаи, когда для упокоения души усопших монархов представители царского дома даровали церквям и монастырям крепостных евреев. Например, царица Мариам для упокоения души имеретинского царя Соломона передала в дар Гелатскому монастырю 3 семейства евреев-торговцев Кокиашвили, а также одно семейство армянского торговца Микелашвили. Согласно дарственной книге, два еврейских семейства должны были платить церкви каждый по 15 *марчили*³ *тетри*⁴ и по одному литру свечей. Третья еврейская семья – 8 *марчили тетри* и 1/2 литра свечей. Семья же армянина должна была платить 5 *марчили тетри* и 1/2 литра свечей. Притом было оговорено, что в случае роста доходов упомянутых торговцев следовало повысить налог, в случае же их понижения – уменьшить размер налогов. Вместе с тем особо была отмечена недопустимость взимания любых других налогов (ТГИЭМЕ Грузии, I: 195–197).

Как выясняется из «Книги дарения» имеретинского царя Соломона и царицы Мариам на имя Гелатской церкви, составленной в 1764 году, они передали в дар церкви евреев Давида и Исхака Чахвашвили. Согласно определению царственных особ, отныне они должны были платить церкви 10 *чарек* свечей и один *чарек* ладана в месяц Мариамоба (ноябрь), т.е. в конце каждого года (ТГИЭМЕ Грузии, III: 297–298). Та же царица Мариам в 1796 году выдала кутаисскому митрополиту Доситеосу Церетели книгу пожертвований, согласно которой она преподнесла в дар церкви святой Марии проживающую в Кутаиси семью царского крепостного еврея Мардаха Биниашвили. Как выясняется из документа, ранее по причине неуплаты долгов он был вынужден оставить Кутаиси и перебраться в Земо Сацеретло (ТГИЭМЕ Грузии, I: 208–209). Упомянутая нами Мариам в 1803 году пожертвовала

¹ Главный, старший судья.

² На турецком языке *миналтун* означает одну тысячу алтунов. Миналтун равнялся пяти абазам. См.: Толковый лексикон нумизмата и бонисты. С. 20 – См.: <http://www.nbg.gov.ge/uploads/leqsikoni.pdf>.

³ *Марчили* – серебряная монета в Грузии, равная трем абазам.

⁴ *Тетри* – общее название серебряной монеты в Грузии.

церкви святых мучеников Давида и Константина кутаисских евреев Аврама и Давида Шамиелашвили со своими семьями (ТГИЭМЕ Грузии, I: 220–222).

Для подтверждения крепостного положения евреев, перешедших во владение православной церкви, как правило, дарственные грамоты обновлялись. Например, в 1801 году царевич Давид перед самим аннулированием Восточно-Грузинского царства обновил дарение ранее пожалованных им Светицховели и мцхетской католической церкви грузинских евреев Манашерашвили, хахама Исакия, Давида, Абрамия, Монаоза и Мошиу. В грамоте далее следовало грозное предупреждение тому, кто попытался бы посягнуть на данное дарение, о том, что нарушитель может подвергнуть себя гневу церкви (ТГИЭМЕ Грузии, I: 217–218).

В одной купчей грамоте от 1742 года описан весьма интересный факт с точки зрения правового положения крепостных грузинских евреев – пожертвование еврейским нацвалом Кондолы церкви св. Георгия выкупленных им из плена жителей Свири братьев Автандила и Гиоргия Кобаладзе (ТГИЭМЕ Грузии, III: 296–297). Хотя выкуп братьев и их пожертвование церкви были произведены по указанию «господина Алаверды», все-таки сам факт передачи евреям грузинских крепостных в дар церкви, несомненно, заслуживает внимания.

9. Богатые евреи – хозяева крепостных из представителей коренного населения

Исторические документы дают нам сведения не только о трех категориях крепостных евреев: царских, помещичьих и церковных, но и показывают нам отдельных представителей еврейской общины, владевших крепостными. В документах есть свидетельства того, что многие зажиточные евреи владели крепостными нееврейского происхождения. Само по себе – это редкое явление, и, быть может, в истории ни одной из еврейских общин не зафиксированы подобные случаи крепостничества представителей коренного населения. Например, в прошении, поданном грузинским евреем Мардахой царице Дареджан в 1791 году, проситель жалуется на Агатанга Херхеулидзе, который в течение нескольких лет эксплуатировал принадлежавших Мардахе людей, вследствие чего они совсем обеднели, да еще на них стал числиться долг размером в 10 туманов. Но и после того, как по указанию царицы эти люди вновь были возвращены ему, Агатанг продолжал взимать с них налоги и заставлял служить ему. «Какие же они мои крепостные, – спрашивает Мардаха царицу Дареджан, – если он не отказывается от них?» Поэтому Мардаха просит царицу выдать ему протокол на имя чиновников, чтобы те отчислили того человека из списка крепостных Агатанга Херхеулидзе и приписали бы его к крепостным Мардахи. Далее секретарю Егнатию, которому было поручено описание населения Картли, царицей Дареджан предписывалось разыскать в новом налоговом *дактаре* (реестре) крепостного Коккозашвили, отчислив его от Агатанга Херхеулидзе, с дальнейшим его зачислением в крепостные Мардахи (ТГИЭМЕ Грузии, I: 199).

10. Правовое положение крепостных грузинских евреев

Следует заметить, что, вопреки утверждениям некоторых историков об идеальном положении крепостных евреев в Грузии в эпоху феодализма (Чичинадзе, 1904), существует целый ряд фактов, который может поставить под сомнение верность подобных утверждений. Так, например, по сообщению капитана Иогана Густава Гербера (1728 г.), грузинские евреи, наряду с армянами, обязаны были платить налоги и нести повинности в большем размере, чем другие национальности (Гербер, 1760: 305). В этой связи будет не бесполезно заглянуть также в свод законов царя Вахтанга VI, «Самартлис цигни», составление которого по времени очень близко стоит к дате путешествия капитана Гербера. В параграфе 238 упомянутого свода законов, касающегося лиц, дающих ложное показание, читаем следующее: «Судья, если вы узнаете о том, что кто-то дал ложную клятву, что сделаете с ним?» Ответ: «Он еврей (урия), и с ним не сидеть за одним столом (дословно: не есть с ним хлеба)» (Вахтанг VI, 1955: 113). Одна эта фраза может показаться достаточно емкой для анализа правового положения евреев. Однако не следует забывать, что это – эпоха, когда реалии законодательства Сефевидской шиитской империи не могли не повлиять на грузинское феодальное право и соответственно на общество. Тем не менее, весьма примечательный факт, что в совершенно другом конце Грузии, в Сванетии, принявших христианскую веру и говоривших на сванском языке потомков евреев сваны ненавидели и держались от них в стороне. Согласно Я. Гогешашвили, «сваны не имели отношений с лахамульцами, не ели с ними, не пили и не прикасались к мясу животного, заколотого лахамульцем» (Гогешашвили, 1986: 274; Мамиствалишвили, 1982: 55). В «Обзрении Грузии по части прав и законоведения» царевича Давида в главе «Вера и присяга» говорится о свободном отправлении богослужения всех верований. «Однако ж, – читаем в «Обзрении», – ни под каким видом не позволяется католикам и армянам совращать людей господствующей религии в свое вероисповедание. Магометанам же и жидам запрещается сие под смертной казнью [подчеркнуто нами – Н. Тер-Оганов]» (Обзрение Грузии, 1813: 221). Тем не менее, вопреки утверждениям некоторых авторов, на наш взгляд, говорить об антисемитизме как о форме мышления не приходится. Тем более что грузинские исторические документы данной эпохи не дают основания для такого вывода. Вместе с тем, несмотря на присущую грузинскому феодальному обществу толерантность к инородцам, в результате анализа этих документов просматривается и определенная религиозная политика власть имущих, которая заключалась в предоставлении определенных льгот и

изменений в социальном статусе евреев, принявших христианство. Причем, как правильно замечает израильский исследователь Гершон Бен-Орен, следует принять во внимание и то обстоятельство, что идентификация грузинских евреев как евреев могла стать помехой им на пути продвижения по социальной лестнице ([Ben-Oren, 1992: 46](#)).

При всем том на практике, судя по историческим документам XVIII в., грузинские евреи были юридическими лицами. Известно также, что в Грузии действовало и «еврейское право», используемое внутри еврейской общины. Грузинские евреи могли получать и выдавать купчие грамоты, а также быть свидетелями при оформлении купчих. Вместе с тем следует обратить внимание на вступительную часть или преамбулу купчих документов, в том числе и купчих, которые оформлялись между грузинскими евреями. Так, например, купчая грамота, выданная грузинским евреем Элией Гугунашвили на имя грузинских же евреев Османа и Абдуллы Топчиашвили в 1731 г., начинается христианской преамбулой: «По воле и с помощью Бога-отца, Сына и Святого-духа написали купчую грамоту, а также ее копию и передали мы, Гугунашвили Элия, сын мой и мой племянник Шабата, вам – Топчиашвили Абдулле, и брату твоему Осману, и вашему потомству... – участок земли» ([ТГИЭМЕ Грузии, I: 171](#)). Другая купчая грамота от 1795 г., которую составил царский крепостной еврей Биния Казарашвили на имя грузина Гиоргия Абашидзе, начинается той же преамбулой ([Обозрение Грузии, 1813: 207](#)).

Таким образом, грузинское феодальное право признавало грузинских евреев юридическими лицами наравне с коренным населением и в принципе не делало никаких различий между ними. Если крепостные грузинские евреи платили налоги, то они пользовались и правами, предоставленными грузинским феодальным законодательством, о чем свидетельствует, например, приказ царицы Дареджан на имя цхинвальских *моурави*¹ и *мамасахлиси*² от 1782 года. В приказе царицы Дареджан говорится о том, что поскольку грузинские евреи Шеденасшвили и племянник Дзагии исправно платят налоги, то, следовательно, купленные ими люди (*наскиди кацеби*) им же должны служить. Согласно приказу царицы, запрещалось впредь кому бы ни было требовать с них налоги и службу в земском войске (*джари*), за исключением службы в мориге. Как выясняется из документа, такой порядок был установлен в городе, т.е. в Тифлисе, а также в Гори. Царь Картли и Кахетии Ираклий подтвердил приказ царицы Дареджан об исключении из налогового реестра (*давтари*) людей Шеденасшвили и Дзагии, с тем, чтобы впредь не требовать с них ни уплаты налогов, ни службы в земском войске. «Поскольку их хозяева платят налоги, – читаем в документе, – то должно быть в соответствии с распоряжением, принятым в городе [т.е. в Тифлисе – Н. Тер-Оганов] и Гори». Далее царь Ираклий, обращаясь к *моурави* и *мамасахлиси*, советует им быть их покровителями. «Если же, – пишет царь Ираклий, – они еще раз явятся с жалобой, то мы на вас обидимся и с вас взыщем». В завершении царь Ираклий требует быть справедливыми в этом вопросе. По его рассуждению, «если проживающие в Цхинвали другие хизани обязаны нести повинности и служить в *джари*, то и с их хизани [т.е. грузинских евреев – Н. Тер-Оганов] также требуют по их возможностям. Если же ничего не требуют от других хизани, то и с их хизани не следует требовать службу в *джари* (войско) и уплату повинностей, да будет так» ([ТГИЭМЕ Грузии, I: 191–192](#)).

В одной из книг пожертвований, составленной на рубеже XVIII–XIX вв., зафиксирован факт владения евреем крепостного грузинского мальчика Гигиты Арчвадзе, которого «вызволила от еврея» и передала в дар монастырю св. Иоанна Крестителя супруга князя Джапаридзе Тинатин Чиквиладзе ([ТГИЭМЕ Грузии, III: 301](#)). Нет сомнения в том, что упомянутый факт может служить доказательством наличия правового равенства на практике между коренным населением и грузинскими евреями.

Как следует из упомянутых грузинских документов, грузинские евреи занимали разные ступени социальной лестницы. Среди них вырисовывается группа богатых людей, которая владела не только большими участками земли, но и торговыми лавками. Причем упоминание в одном из документов каменной лавки сурамского еврея, купившего дополнительно и место для лавки, – свидетельство его хорошего материального положения ([ТГИЭМЕ Грузии, I: 197–198](#)).

11. Купля–продажа земельных участков грузинскими евреями

Анализ исторических документов показывает, что купля–продажа земельных участков евреями была обычным явлением. Кроме того, согласно некоторым купчим, среди грузинских евреев появляются и землевладельцы, скупающие земельные участки.

Так, например, согласно купчей грамоте 1728 г., грузинские евреи – братья Осман и Абдулла Топчиашвили – купили у грузин Зураба и Бежана Нацвлишвили земельный участок ([ТГИЭМЕ Грузии, I: 169–170](#)). Как видно из купчей грамоты 1731 года, грузинские евреи Элия Гугунашвили, его сын и племянник Шабата продали участок земли уже известным нам братьям Осману и Абдулле

¹ *Моурави* – главный чиновник, выполнявший административно-хозяйственные и судебные функции в местном административном аппарате в средневековой Грузии ([Джавахишвили, 1918; Месхиа, 1959; Копалиани, 1982](#)).

² *Мамасахлиси* – невысокая административная должность в местном административном управлении, старшина в феодальной Грузии ([Сургуладзе, 1972; Шанидзе, 1971](#)).

Топчиашвили (ТГИЭМЕ Грузии, I: 171). Согласно же купчей грамоте 1733 года, эти же Осман и Абдулла Топчиашвили закупили у грузинских евреев Батинашвили земельный участок на два дня пахоты, а также виноградник и прилегающую к ним территорию (ТГИЭМЕ Грузии, I: 172). Но, как видно из других документов, на этом братья Топчиашвили не остановились. Напротив, они еще больше расширили размеры своей недвижимой собственности: приобрели у Мамуки Амилахвари дворец Нацвлишвили с фруктовым садом, виноградником и прилегающей к ним территорией (ТГИЭМЕ Грузии, I: 214). Кроме того, судя по купчей, датированной приблизительно 1730-ми гг., Абдулла и Осман Топчиашвили закупили еще участок земли на три дня пахоты у семейства Варданашвили (ТГИЭМЕ Грузии, I: 169). Эти факты, возможно не единичные, могут служить свидетельством существования крупного землевладения среди грузинских евреев. Вместе с тем следует обратить внимание на одно обстоятельство, в частности на имена евреев-землевладельцев: Осман и Абдулла. Нет сомнения в том, что их мусульманские имена ведут нас в г. Ахалцихе (находившийся тогда в составе Османской империи), чье еврейское население, не знакомое с крепостничеством, считалось самой богатой частью грузинских евреев. Есть еще другое немаловажное обстоятельство, которое следует принять во внимание при анализе купчих Топчиашвили. Дело в том, что покупка земельных участков Османом и Абдуллой Топчиашвили происходит в период, известный в грузинской историографии как «*Диди Туркоба*», т.е. в период турецкого засилья в Восточной Грузии (1723–1735 гг.). Как известно, вслед за окончанием турецкого произвола в 1735 году в Восточную Грузию хлынули полчища кызылбашей, которые также нанесли немалый вред стране (Бердзенишвили и др., 1958:338–339).

Конечно, пример землевладения семейства Топчиашвили, как об этом упоминали ранее, не единичный случай. Например, в купчей грамоте, выданной на имя Мошии Давиашвили Николозом, Григолом и Еремией Джапаридзе в 1794 году, указано, что грузинский еврей купил у них половину хлебного поля и треть дворца (ТГИЭМЕ Грузии, I: 206–207).

В купчих грамотах грузинские евреи часто фигурируют не только в качестве покупателей, но и продавцов. Например, сурамский царский крепостной Биния Казарашвили продал в 1795 г. Гиоргию Абашидзе виноградник, купленный в свою очередь от некоего Тукадзе (ТГИЭМЕ Грузии, I: 207). Объектом купли–продажи были не только земельные участки и дворцы, но и торговые лавки. Так, согласно документу № 45, еврей Якоб Тетрашвили продал грузину Свимону Хечинашвили две лавки (*хула*) (ТГИЭМЕ Грузии, I: 208). Мардаха Папунашвили продал карельскому еврею – Исраэлу Джинджихашвили и его сыновьям – виноградник, а также место для лавки (док. № 61) (ТГИЭМЕ Грузии, I: 222). Согласно же купчей, составленной в 1808 году, карельские евреи Джинджихашвили, а также Свимон и Габриел Исраэлишвили продали атенцу Каричашвили, священнику Наскидашвили, его сыну и племянникам виноградник и место для лавки в Атени, рядом с Сионским собором (док. № 63) (ТГИЭМЕ Грузии, I: 223–224).

3. Заключение

Как показал анализ грузинских исторических документов, несмотря на некоторые ограничения правового характера, на практике грузинские евреи пользовались теми же правами, что и коренные жители страны. Об этом свидетельствуют хотя бы отдельные факты иудеизации отдельных представителей коренного населения. Грузинские крепостные евреи, независимо от своей принадлежности царю, помещикам-землевладельцам или церквям, помимо различных повинностей, платили налоги большей частью деньгами. Появление крупного землевладения среди грузинских евреев в Восточной Грузии может служить веским аргументом в пользу существования на практике равноправия грузинских евреев и коренного населения страны.

Литература

Бердзенишвили и др., 1958 – Бердзенишвили Н., Дондуа В., Думбадзе М., Меликишвили Г., Месхия Ш., Ратиани П. История Грузии (с древнейших времен до конца XIX века). Тбилиси, 1958 (на грузинском языке).

Вахтанг VI, 1955 – Вахтанг VI. Самартлис цигни. Тбилиси, 1955 (на грузинском языке).

Гербер, 1760 – Гербер И.Г. "Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курюю народах и землях и их состоянии в 1728 году". Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих. 1760, июль–октябрь.

Гогебашвили, 1986 – Гогебашвили Я. Сагандзури. Кн. I, Тбилиси, 1986.

Джавахишвили, 1918 – Джавахишвили Ив. Города, городской строй и быт в Грузии в XVII–XVIII вв. // Прометэ. 1918. № 1.

Джавахишвили, 1928 – Джавахишвили Ив. История грузинского права. Кн. 2. Ч. 1. Тифлис. 1928.

Ицхак, 1989 – Ицхак Д. История евреев на Кавказе. В 2 ч. Тель-Авив, 1989.

Кавказский Календарь, 1852 – «Кавказский Календарь», Тифлис, 1852.

Копалиани, 1982 – Копалиани Дж. Должность моурави в феодальной Грузии. Тбилиси, 1982.

Мамиствалишвили, 1982 – Мамиствалишвили Э.М. Внешнеполитические взаимоотношения Грузии во второй половине XV века и в XVI веке: Дисс. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Тбилиси, 1982.

- Месхиа, 1959** – *Месхиа III*. Города и городской строй феодальной Грузии (XVII–XVIII вв.). Тбилиси, 1959.
- Обозрение Грузии, 1813** – Обозрение Грузии по части прав и законовещения. Творение царевича Давида. Санкт-Петербург, 1813 (на грузинском языке).
- Панцхава, 1973** – *Панцхава А.Я.* Вопросы аграрной истории Грузии первой половины XIX века. Тбилиси, 1973 (на грузинском языке)
- Сургуладзе, 1952** – *Сургуладзе И.* К истории грузинского государства и права. Т. 1. Тбилиси, 1952.
- Сургуладзе, 1972** – *Сургуладзе И.* Об институте мамасакхлиси // Мацнэ. Серия философии, психологии, экономики и права. 1972. № 4.
- ТГИЭМЕ Грузии, I** – ТГИЭМЕ Грузии. В 3 т. Т. I. (на грузинском языке).
- ТГИЭМЕ Грузии, III** – ТГИЭМЕ Грузии. В 3 т. Т. III. (на грузинском языке).
- Тер-Оганов, 2009** – *Тер-Оганов Н.* К вопросу о социально-правовом положении грузинских евреев в XVIII столетии // *Pro Georgia. Journal of Kartvelological Studies*. 2009. № 18. С. 113–136.
- ЦГИАГ** – Центральный государственный исторический архив Грузии.
- Чичинадзе, 1904** – *Чичинадзе З.* Грузинские евреи в Грузии. Тифлис, 1904 (на грузинском языке).
- Шанидзе, 1971** – *Шанидзе А.* Мамасакхлиси в Грузии XI века // Мацнэ. Серия языка и литературы. 1971. № 1.
- Ben-Oren, 1992** – *Ben-Oren G.* "The History of the Jews of Georgia Until the Communist Regime" – In the Land of the Golden Fleece. The Jews of Georgia – History and Culture. Editors: Rachel Arbel, Lily Magal (Magalashvili), Beth Hatefutsoth, Tel Aviv, 1992.
- Тер-Оганов, 2018** – *Тер-Оганов Н.* Concerning the Iranian Influence on the Georgian Military Organization (According to the example of «Morighe Lashkari» or «Morighe» – second half of XVIII c.) // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47. Is. 1. pp. 53-59.

References

- Berdzenishvili i dr., 1958** – *Berdzenishvili N., Dondua V., Dumbadze M., Melikishvili G., Meskhiya Sh., Ratiani P.* (1958). *Istoriya Gruzii (s drevneishikh vremen do kontsa XIX veka)* [History of Georgia (from ancient times to the end of the XIX century)]. Tbilisi. (na gruzinskom yazyke).
- Vakhtang VI, 1955** – *Vakhtang VI.* (1955). *Samartlis tsigni* [Samartlis Tsigni.]. Tbilisi. (na gruzinskom yazyke).
- Gerber, 1760** – *Gerber I.G.* (1760). "Izvestie o nakhodyashchikhsya s zapadnoi storony Kaspiiskogo morya mezhdru Astrakhan'yu i rekoyu Kuroyu narodakh i zemlyakh i ikh sostoyanii v 1728 godu" ["The news of the peoples and lands located on the western side of the Caspian Sea between Astrakhan and the River Kuroyu in 1728"]. *Sochineniya i perevody k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchikh*. 1760, iyul'-oktyabr'.
- Gogebashvili, 1986** – *Gogebashvili Ya.* (1986). *Sagandzuri* [Sagandzuri]. Kn.1, Tbilisi.
- Dzhavakhishvili, 1918** – *Dzhavakhishvili Iv.* (1918). *Goroda, gorodskoi stroi i byt v Gruzii v XVII-XVIII vv.* [Cities, urban structure and life in Georgia in the XVII-XVIII centuries]. *Promete*. №1.
- Dzhavakhishvili, 1928** – *Dzhavakhishvili Iv.* (1928). *Istoriya gruzinskogo prava* [History of Georgian law]. Kn.2, Ch.1. Tiflis.
- Itskhak, 1989** – *Itskhak D.* *Istoriya evreev na Kavkaze*. V 2 ch. Tel'-aviv, 1989.
- Kavkazskii Kalendar', 1852** – «Kavkazskii Kalendar'» ["Caucasian Calendar"], Tiflis, 1852.
- Kopaliani, 1982** – *Kopaliani Dzh.* (1982). *Dolzhnost' mouravi v feodal'noi Gruzii* [The position of mouravi in feudal Georgia]. Tbilisi.
- Mamistvalishvili, 1982** – *Mamistvalishvili E.M.* (1982). *Vneshnepoliticheskie vzaimootnosheniya Gruzii vo vtoroi polovine XV veka i v XVI veke* [Foreign policy relations of Georgia in the second half of the XV century and in the XVI century]: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk: 07.00.02. Tbilisi.
- Meskhia, 1959** – *Meskhia Sh.* (1959). *Goroda i gorodskoi stroi feodal'noi Gruzii (XVII-XVIII vv.)* [Cities and city structure of feudal Georgia (XVII-XVIII centuries)]. Tbilisi.
- Obozrenie Gruzii, 1813** – *Obozrenie Gruzii po chasti prav i zakonovedeniya*. Tvorenie tsarevicha Davida [Georgia review on rights and law. the creation of prince David.]. Sankt-Peterburg, 1813. (na gruzinskom yazyke).
- Pantskhava, 1973** – *Pantskhava A.Ya.* (1973). *Voprosy agrarnoi istorii Gruzii pervoi poloviny XIX veka* [Questions of the agrarian history of Georgia in the first half of the XIX century]. Tbilisi. (na gruzinskom yazyke).
- Surguladze, 1952** – *Surguladze I.* (1952). *K istorii gruzinskogo gosudarstva i prava* [To the history of the Georgian state and law]. Т. 1. Tbilisi.
- Surguladze, 1972** – *Surguladze I.* (1972). *Ob institute mamasakhlisi* [On the institute of Mamasakhlisi]. *Matsne. Seriya filosofii, psikhologii, ekonomiki i prava*. №4.
- TGIEME Gruzii, I** – TGIEME Gruzii [TGIEME of Georgia]. V 3 t. Т. I. (na gruzinskom yazyke).
- TGIEME Gruzii, III** – TGIEME Gruzii [TGIEME of Georgia]. V 3 t. Т. III. (na gruzinskom yazyke)

Ter-Oganov, 2009 – *Ter-Oganov N.* (2009). K voprosu o sotsial'no-pravovom polozenii gruzinskikh evreev v XVIII stoletii [On the issue of the social and legal status of Georgian Jews in the XVIII century]. *Pro Georgia. Journal of Kartvelological Studies*. № 18. pp. 113-136.

TsGIAG – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [Central state historical archive of Georgia].

Chichinadze, 1904 – *Chichinadze Z.* (1904). Gruzinskie evrei v Gruzii [Georgian Jews in Georgia]. Tiflis. (na gruzinskom yazyke).

Shanidze, 1971 – *Shanidze A.* (1971). Mamasakhli v Gruzii XI veka. [Mamasakhli in Georgia of the XI century]. *Matsne. Seriya yazyka i literatury*. №1.

Ben-Oren, 1992 – *Ben-Oren G.* (1992). "The History of the Jews of Georgia Until the Communist Regime" – In the Land of the Golden Fleece. The Jews of Georgia – History and Culture. Editors: Rachel Arbel, Lily Magal (Magalashvili), Beth Hatefutsoth, Tel Aviv.

Ter-Oganov, 2018 – *Ter-Oganov N.* (2018). Concerning the Iranian Influence on the Georgian Military Organization (According to the example of «Morighe Lashkari» or «Morighe» – second half of XVIII c.). *Bylye Gody*. Vol. 47. Is. 1. pp. 53-59.

Социально-экономическое положение и правовой статус грузинских евреев в XVIII в.

Нугзар Тер-Оганов ^{a, b, c, *}

^a Тель-авивский университет, Тель-Авив, Израиль

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В XVIII в. в Грузии, где крепостные отношения были основной формой общественно-экономической жизни, грузинские евреи, как и крепостные других национальностей, состояли из трех категорий крепостных: царских, помещичьих и церковно-монастырских. Все три категории крепостных евреев платили налоги деньгами и натурой.

Грузинские исторические документы исследуемого периода свидетельствуют о том, что царские и помещичьи крепостные евреи стремились перейти в крепостничество церкви, что было обусловлено тем, что церковные крепостные получали некоторое облегчение при уплате налогов. Вместе с тем все стороны хозяйственной и личной жизни, а также правовой статус крепостных евреев регламентировались грузинской православной церковью.

Грузинские евреи, помимо земледелия, в основном садоводства и виноградарства, занимались главным образом мелкой торговлей, а также домашней промышленностью и ремеслами. Они были обязаны платить налоги и нести ряд повинностей, а именно – воинскую: служить в земском войске – "лашкари", а также в постоянном войске царя Ираклия II – "мориге джари" или "мориге".

Несмотря на некоторые юридические ограничения правового порядка, на практике члены общины грузинских евреев пользовались теми же правами, что и их христианские соотечественники. Более того, грузинские евреи имели беспрецедентное в истории еврейских диаспор право на владение христианской прислугой.

В купчих грамотах грузинские евреи фигурируют в роли как продавцов, так и покупателей земельных участков. Документальный материал позволяет нам говорить о существовании в Грузии крупного еврейского землевладения.

Ключевые слова: грузинские евреи, категории крепостных евреев, община грузинских евреев, крепостные евреи в Грузии, крепостничество в Грузии.

* Корреспондирующий автор

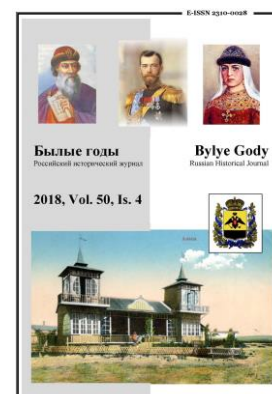
Адреса электронной почты: nugzar19473@gmail.com (Н. Тер-Оганов)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1518-1529. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1518
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

«Deputative Missions» of the Kazakh Khans, Sultans and Family Governors in the Court of the Russian Emperors in the first half of the 19th century

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}

^a Altai State University, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, USA

^c Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

This article reconstructs the history of the Kazakh Khans, Sultans and the Younger and Middle Zhuzes family governors who held “Deputative missions” in the Russian Emperors court in the 19th century. It has been found that Russia estimated these missions as the foreign ones. The Foreign Ministry Asian Department accepted them until 20th century. It proves formal principle of Russian citizenship for Kazakh governors which was formed in the 30–40s of the 18th century. The “Deputative missions” purpose was a discussion of the wide issues range: approving the Khan's rank, solving the problems of Kazakh-Bashkir land management, transiting Russian caravans through the Kazakh steppe, being under Russian jurisdiction for Kazakh people in the border area. The Charters on the Siberian (1822) and Orenburg (1824) Kazakhs had changed the Russian administration attitude towards “Deputative missions”. They liquidated the political autonomy of Zhuzes and allowed the access to the imperial court through the Interior Ministry. The goals consisted of the confirming the loyal feelings; getting the status of regional administration officials, nobles titles, pensions. The author examined the beginning of political and socio-economic regional integration into the general imperial space.

The Younger and Middle Zhuzes were considered as an inner province of the Russian Empire since 40s of the 19th century. Therefore, the admission of “Deputative missions” to the court was gradually reduced, all issues of interaction with the Kazakh society were transferred to regional authorities.

Keywords: Russian Empire, Kazakhs, Zhuzes, Russian-Kazakh relations.

1. Введение

Несмотря на то, что присоединение казахских племен к Российской империи было инициировано степной политической элитой еще в 1730-е гг., целенаправленное воздействие на них государство стало оказывать фактически сто лет спустя. Поэтому конец XVIII – первая половина XIX в. стали переломными для судьбы казахского кочевого общества, поскольку именно в этот период происходило формирование концептуальных положений имперской политики в его отношении. Их идеологической основой выступили философско-мировоззренческие установки европейской просветительской мысли, определившие цивилизаторскую и культуртрегерскую направленность правительственного курса в степи. Данные идеи существенно корректировались логикой модернизационных процессов, начавшихся в России в XIX в. Для них было характерно стремление к рациональности и унификации системы административно-территориального, правового, экономического пространства империи.

Конкретные механизмы реализации политики России в отношении казахского кочевого общества нашли выражение в серии проектов конца XVIII – 60-х гг. XIX в.: административной реформе в Младшем жузе генерал-губернатора Оренбургского края О. Игельстррома, Уставах о

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Y.A. Lysenko)

сибирских (1822 г.) и оренбургских (1824 г.) казахах, Положении об управлении оренбургскими казаками 1844 г., Временных положениях об управлении Оренбургским, Западно-Сибирским и Туркестанским генерал-губернаторствами 60-х гг. XIX в. Логика имперского администрирования в степи, отраженная в данных законодательных актах, была направлена на модернизацию традиционных социальных институтов и связей казахского общества, внедрение новых рационально организованных (с точки зрения имперского мышления) форм управления и суда, оседание кочевников и приобщение их к земледельческому труду, развитие системы светского образования, медицины, ветеринарного дела и т.д.

Реакция традиционного казахского общества на предпринимаемые Российской империей усилия была вариативной. Определенная часть кочевой политической элиты активно интегрировалась в социокультурное и политическое пространство империи, выступала активным реципиентом модернизационных установок. Другая часть была настроена оппозиционно и негативно воспринимала навязываемые извне нововведения. Одной из форм реакции казахского общества на начавшуюся интеграцию региона в общеимперское пространство стали «депутатские миссии» ханов, султанов и родоправителей к российскому двору, активно направляемые в первой половине XIX в. Выявлению их причин и целей, механизмов отправки и церемонии принятия в Петербурге, роли в развитии российско-казахского межцивилизационного диалога посвящена данная статья.

2. Материалы и методы

Источниковой основой для реконструкции истории «депутатских миссий» казахских ханов, султанов и родоправителей Младшего и Среднего жузов ко двору российских императоров в первой половине XIX в. послужили материалы Российского государственного исторического архива. В Фонде 1291 – «Земский отдел МВД» данного архива выявлены и проанализированы документы 25 «депутатских миссий». Среди них – переписка центральных и региональных органов власти по вопросам организации поездок миссий; донесения чиновников МИД и МВД о церемонии встречи депутатов с императорской семьей и программе пребывания их в Петербурге; письма-прошения казахских родоправителей к российским императорам на татарском языке с переводом, протоколы заседаний Азиатского департамента МИД и Земского отдела МВД по рассмотрению прошений и заключению по ним; официальные письма-ответы ханам и султанам на их прошения; финансовая документация, отражающая сметы расходов Государственного казначейства на проезд, содержание и «отправку обратно» «депутатских миссий», подарки и награды для них.

Методической основой статьи выступил ряд конкретно-исторических методов. Историко-сравнительный метод позволил выявить определенную эволюцию во взглядах центральных органов власти на стремление казахских родоправителей направлять своих представителей в Петербург, изменение цели и задач «депутатских миссий» в соответствии с динамикой политической ситуации в Младшем и Среднем жузах. Это, в свою очередь, позволило выделить в истории «депутатских миссий» первой половины XIX в. несколько этапов. Историко-системный метод был нацелен на реконструкцию истории «депутатских миссий» во взаимосвязи с общей историей политики Российской империи в отношении традиционного казахского общества.

3. Обсуждение

В советской и современной казахстанике накоплен значительный опыт изучения истории российско-казахских отношений XVIII–XIX вв. Так, работы Е. Бекмаханова, С.З. Зиманова, Быкова и др. посвящены вопросам присоединения Младшего, Среднего и Старшего жузов к Российской империи (Бекмаханов, 1947; Быков, 2003; Зиманов, 1960). В целой серии исследований анализируются проблемы имперской политики в регионе, реализации административно-территориальных и социально-экономических реформ 20–60-х гг. XIX в. (Бахтурина, 2014; Жиренчин, 1996; Традиционное казахское общество..., 2014). Отдельным направлением следует считать изучение экономического аспекта российско-казахских отношений: развития промышленного сектора экономики региона, торговли, в том числе транзитной, урбанизации, крестьянской колонизации степи, оседания кочевников (Аполлова, 1976; Галузо, 1965; Лейзерович, 2001). Социальным преобразованиям Российской империи в Степном крае – развитию системы светского образования, медицины, ветеринарного дела, миссионерской деятельности Русской православной церкви и т.д. – посвящены работы Ю.А. Лысенко, А.К. Тихонова, З.Т. Садвокасовой (Лысенко, 2010; Lysenko, 2014; Садвокасова, 2005; Тихонов, 2008).

Нетрудно заметить, что преобладающими в историографии являются исследования, посвященные изучению различных аспектов воздействия Российской империи на традиционное казахское общество. При этом вопросы реакции казахского общества на него остаются за рамками внимания исследователей. Исключение составляет лишь тема народно-освободительного движения казахского народа, которая активно разрабатывалась в советской исторической науке (Национально-освободительное восстание, 1937; Сулейменов, Басин, 1977). Однако в условиях господства марксистско-ленинской методологии она была крайне идеологизирована и далека от подлинно научного осмысления. Представляется, что реакция казахского общества на модернизационные импульсы извне была более многогранной. Одной из форм приспособления к новым социально-

политическим реалиям, в которых оказались казахи-кочевники в конце XVIII – первой половине XIX вв., стали массовые «депутатские миссии» к российскому императорскому двору. Их изучению посвящена данная статья.

4. Результаты

В РГИА отложились материалы как минимум 25 депутатских миссий казахских родоправителей ко двору российских императоров, состоявшиеся в первой половине XIX в. Пять из них не получили разрешения на посещение Петербурга. Первые прошения об отправке миссий относятся к 1801–1803 гг. Именно в этот период Александру I поступили два рапорта: первый – от инспектора Сибирской инспекции генерал-лейтенанта Лаврова, содержащего просьбу султана каракисекской волости Букея и султана алтыбай-бурунайманской волости Худай Мендина разрешить «направить ко двору депутацию» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 2–3), второй – от Троицкого таможенного цолнера¹ Чекалова с аналогичной просьбой султанов Среднего жуза Джумы-Худай-Берды, Джигангира Каипова, Джантиля Джаныбекова, Игимурада Балтина, Джимантая Таштемирова (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 10. Л.1).

Данные документы свидетельствуют о том, что к 1803 г. уже существовал механизм получения разрешения на проезд депутатских миссий в Петербург. Посредником в передаче прошения на проезд выступали оренбургские или сибирские генерал-губернаторы, чиновники региональной администрации. Ходатайства поступали в Азиатский департамент МИД. Рассмотрев прошения, он давал заключение о целесообразности приезда того или иного родоправителя, которое представлялось императору. Именно он принимал в рамках действующего законодательства окончательное решение о приезде «депутатских миссий» ко двору.

С введением Устава о сибирских киргизах 1822 г. и Устава об оренбургских киргизах 1824 г. все вопросы, связанные с казахами Среднего и Младшего жузов, были изъяты из компетенции Азиатского департамента МИД. В связи с этим на протяжении нескольких последующих лет заключение о целесообразности приезда очередной делегации казахских родоправителей готовилось Сибирским комитетом. С 1833 г. право обращаться к императору за разрешением на поездку в столицу казахским депутатам перешло в ведение МВД (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 148. Л. 406.).

Региональные органы власти крайне дорожили своими посредническими функциями в вопросе отправки казахских депутатских миссий к императорскому двору и болезненно реагировали, если тот или иной правитель обращался с данной просьбой, минуя их. Показательна в этой связи ситуация, возникшая в 1814 г. вокруг хана Букея, правителя Букеевского ханства. По его просьбе в Петербург была направлена депутатская миссия во главе с его братом – майором султаном Артагали «для засвидетельствования Государю императору верноподданнической преданности и поздравления Государя императора с заключением в Париже мира». По возвращении делегации выяснилось, что хан Букей не обращался в Оренбургскую пограничную комиссию за разрешением на данную поездку. Ее председатель А. Тарарыкин, возмущенный данным фактом, писал в Азиатский департамент в декабре 1914 г. «Искание хана Букея посторонними путями (для получения разрешения на поездку – авт.) и удача в его исканиях естественно ослабляют и в нем, и в подчиненных ордынцах то уважение, которым он обязан Оренбургскому пограничному начальству, непрерывно озабоченному управлением киргиз-кайсацкого народа; с упадком уважения к настоящему начальству уменьшится важность предписаний ононого в глазах полудикого народа! И таким образом, вместо устройства могут возродиться одни беспорядки среди самих же ордынцев». Поэтому А. Тарарыкин настаивал на том, что бы Азиатский департамент сделал хану «взыскание» и уведомил его о том, что в будущем он всегда должен обращаться в Оренбург за разрешением на поездку в Петербург (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52а. Л. 93–93об).

Важно подчеркнуть, что положительный исход ходатайства о приезде в столицу зависел от личных заслуг перед государством и императором обратившихся родоправителей. Их перечень являлся стандартным и определялся условиями Жалованной грамоты императрицы Анны Иоанновны 1731 г. о принятии хана Абулхаира и казахов Младшего жуза в российское подданство. В частности, в грамоте содержались требования «находиться всегда в постоянной верности» к императорскому величеству. Под верностью понималась готовность казахских ханов выставлять по указу российских императоров «наряд ... на службу нашу с другими подданными российскими», прекратить нападения, набеги и обиды на подданных империи – «башкирцов, и на яицких казаков, и на калмык» и «жить с ними мирно и бессорно», не чинить препятствия российским купеческим караванам, следующим «из Астрахани и из других мест» транзитом через казахскую степь в азиатские государства – Хивинское, Бухарское ханства и Западный Китай (Бекмаханов, 1947: 43).

Поэтому в ходатайствах региональных чиновников обязательно подчеркивалась «верноподданническая верность», «верноподданническая непоколебимость и преданность» того или иного родоправителя, обратившегося с просьбой принять его делегацию при дворе. Конкретные заслуги родоправителей перед Россией определялись обеспечением ими безопасности российских купеческих караванов, «предохранением их от разграбления неблагонамеренных киргиз-кайсаков»,

¹ Цолнер – надзиратель, осуществляющий контроль за сбором таможенных пошлин.

выполнением поручений региональной администрации, в том числе доставкой корреспонденции хивинским и бухарским правителям, оказанием помощи в возвращении военнопленных – российских подданных, захваченных хивинцами или бухарцами и т.д. Дополнительными преференциями, а значит и большей вероятностью получения разрешения на проезд в столицу, пользовались казахские султаны, перешедшие «на вечное кочевье в Россию». К данной категории относились родоправители, получившие разрешение перейти российско-казахскую границу – Урало-Иртышскую укрепленную линию, кочевать на «внутренней стороне» – юге Западной Сибири – и становившиеся, таким образом, российскими подданными.

Анализ архивных материалов позволяет утверждать, что некоторые из наиболее влиятельных и пользующихся огромным авторитетом среди казахского народа ханы, султаны и родоправители направляли в столицу свои депутации по несколько раз. В связи с этим следует назвать, прежде всего, правителя Букеевского ханства Букея, который в 1814 г. направлял к российской двору своего брата султана Артагали Нурали-Ханова, в 1826 г. сам находился в Москве на коронации императора Николая I (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52а. Л. 1–10б). На этой же церемонии присутствовал султан Среднего жуза Сартай Чингисов (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 148. Л. 8об.), который в 1833 г. вновь получил разрешение на поездку в столицу. Дважды – в 1805 г. и 1819 г. – состоялась поездка в Петербург депутатов от султанов Среднего жуза Букея и Худай Мендина (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 69а).

Срок принятия решения о поездке в Петербург или отказе в таковой колебался от одного года до нескольких лет. Причин затягивания ответов было несколько: бюрократические проволочки, отсутствие императора в столице; тщательная проверка центральной администрацией благонадежности того или иного родоправителя, личная неприязнь региональных чиновников к некоторым ханам и султанам, сложный характер взаимоотношений между ними.

Показательно в этой связи «Дело о приезде в Петербург хана Меньшей киргизской орды Ширгазы Айчувакова». С просьбой о допущении его со свитой в столицу хан обратился в декабре 1814 г. Официальной целью поездки должно было стать «изъявление преданности императору и поздравление с победой над Наполеоном». В марте 1815 г. он получил уведомление о том, что «император в отъезде, поэтому с разрешением в визите придется подождать» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52б. Л. 11–110б).

В сентябре 1816 г. и ноябре 1817 г. хан Ширгазы вновь обращался к императору с просьбой разрешить ему прибыть ко двору и для «подробного объяснения по долгу моему о делах моих, коих мне на письме изображать никак невозможно, а следует донести об них Вашему Императорскому Величеству лично» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52б. Л. 11–110б). В ходе переписки с ханом Азиатский департамент МИД выяснил, что тот неоднократно обращался через генерал-губернаторов Оренбургского края Г.С. Волконского, а позднее П.К. Эссена с просьбой о принятии его депутации, но чиновники информацию в МИД не передавали.

Представляется, что данная ситуация отражала характер взаимоотношений региональной администрации с ханом Ширгазы. Созданная в 1799 г. Пограничная оренбургская комиссия, подчинявшаяся оренбургским генерал-губернаторам, была призвана осуществлять взаимодействие и контроль за казахами Младшего жуза в приграничной зоне. Однако с момента создания она стала активно вмешиваться в их внутренние дела, нарушая тем самым автономию ханов. Кроме этого, в конце 10-х гг. XIX в. началась подготовка проекта Устава об оренбургских казахам, предполагавшая отмену ханской власти в жузе и введение российской административно-территориальной системы управления. Хан Ширгазы оказывал противодействие региональным властям, настаивая на своей независимости. Крайним проявлением его «сепаратизма» и отказа от «верноподданнических настроений» стало разграбление им совместно с хивинским правителем российского купеческого каравана.

В связи с этим председатель Оренбургской пограничной комиссии П.К. Эссен характеризовал хана Ширгазы Айчувакова «человеком слабым и ненадежным». В представленной им в Азиатский департамент МИД «Записке о неприязненных расположениях Хивинского хана и о разграбленном караване» от 3 ноября 1818 г. он сообщал, что «меры, предпринимаемые хивинским ханом и новым ханом Меньшей орды – Ширгазы Айчуваковым, довольно успешны и угрожают, хотя и отдаленно, но вероятною опасностью как подвластным России киргизам, так и бухарцам». Поэтому он предлагал отстранить хана Ширгазы от должности и назначить в Младшем жузе нового хана Арынгазы Абулгазиева (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52б. Л. 38об.).

Представленная П.К. Эсеном «Записка» была тщательно проанализирована в МИД и МВД. Однако в конечном итоге чиновники центральных ведомств не поддержали предложение оренбургского генерал-губернатора и настояли на «принятии посольства хана Ширгазы Айчувакова». Аргументами в пользу данного решения они назвали «давность нахождения Младшего жуза в подданстве Российской империи и бесполезность его Оренбургскому краю посредством скотоводства и некоторых изделий, доставляемых кочевниками в знатном количестве нашим пограничным жителям»; давность признания ханами Младшего жуза «над собою верховной власти русских государей, получения от них своего утверждения на ханство, пользования их жалованием» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52б. Л. 32).

Управляющий МВД граф К.В. Нессельроде также посчитал «смену настоящего хана и определение другого неудобным, ибо выбор хана предоставляем был всегда самим киргизцам, по невозможности принудить их признать кого-либо против воли их. Сверх сей причины предстоит и та, что на нынешнего хана не поступало никаких жалоб от подвластных ему». В заключение К.В. Нессельроде посчитал приезд хана Ширгазы в Петербург крайне необходимым «из-за объяснений, кои он здесь даст по делам киргизским и сопредельных народов и от средств, кои может быть при совещаниях с ним изысканы будут к уменьшению грабежей, производимых кочующими народами, обеспечится до возможности в тех краях торгова» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 526. Л. 39). 20 мая 1819 г. Комитет министров принял решение рекомендовать императору предоставить возможность хану Ширгазы Айчувакову прибыть в Петербург. 29 июля этого года письмо с разрешением было доставлено хану. В декабре 1819 г. делегация в составе Ширгазы хана, его младшего сына султана Идиги, брата Ширгазы султана Тухрана и племянника хана – султана Мендияра Габдулгазиева выехала в Петербург (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 526. Л. 37). Таким образом, с момента первого обращения хана Ширгазы с просьбой о приезде ко двору российского императора до получения разрешения на выезд делегации прошло ровно пять лет.

Просьбы от казахских правителей о разрешении направить депутатов в Петербург довольно часто отклонялись, даже несмотря на наличие определенных заслуг того или иного владельца перед Россией. Отказ получали султаны, уже бывавшие ранее при дворе императора. Так, султан Среднего жуза Чурукай (Чуругей) Аблаев посещал столицу Российской империи в 1802 г. для поздравления императора Александра I с восшествием на престол (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 9. Л. 1–50б.). В 1809 г. ему в подобной просьбе было отказано. По всей видимости, это было связано с позицией властей, считавших султана Чурукай причастным к разраблению российского торгового каравана в 1800 г. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 27. Л. 1–10б.). Представляется, что причиной отказа в возможности приехать ко двору могла быть незнатность происхождения того или родоправителя, его слабый авторитет и влияние на казахское население. Так, в 1812 г. была отклонена просьба о приезде в Петербург казахских старшин Диана Якубова, Байсала Аتكельтерова и Кипчака Игидбаева. В составе их делегации не оказалось ни одного султана, что, по всей вероятности, послужило причиной отказа.

Однако основной причиной отказа в праве казахским родоправителям направлять свои делегации к императорскому двору являлся финансовый вопрос. Суда по архивным данным на протяжении первой половины XIX в. с каждым годом количество подобных ходатайств увеличивалось. Поводом послужил параграф 281 «Устава о сибирских киргизах» 1822 г., в котором для того чтобы «киргизские султаны не лишены были способов лично уверяться в расположении к ним верховной власти», позволялось «султанам целого округа совокупно отправлять делегации в Санкт-Петербург, но не иначе как на счет тех самых округов и по желанию народа». Несмотря на то, что по Уставу делегация должна была направляться за счет средств самого родоправителя, в реальной политической практике того времени финансовые расходы по ее отправлению в столицу, содержанию и отправке обратно в степь брало на себя государство. В среднем приезд одной «депутатской миссии» в Петербург обходился казне в 7000–8000 рублей. При анализе архивных документов выявились только две ситуации, когда казахские ханы и султаны выражали готовность направить делегации за счет личных средств. В частности, об этом заявил в феврале 1827 г. султан Среднего жуза Сарта Ючин, спрашивая разрешение на поездку у Омского областного начальника Броневского (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 114. Л. 1–10б.), а в 1828 г. – старший султан Кокчетавского внешнего округа Аблай Габбасов, ходатайствуя об отправке к Высочайшему двору «родного брата Абулхарира с товарищами» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 20б.). Но даже в этих случаях, как свидетельствуют архивные данные, государство профинансировало поездку данных делегаций.

Наплыв казахских делегаций пытался приостановить даже сам император Александр I. В одной из своих резолюций он отмечал, что «намерение их (казахских депутатов – *авт.*) приехать клонится ...к получению каких-либо от монарха щедрот, подарков, которые, если они того заслуживают, я без того могу им подарить, и потом, не лучше ли будет во избежание излишних для казны издержек, объяснить им пристойным образом дальность пути сего и сопряженные с этим затруднения, отклонив от того намерения» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 27. Л. 4–40б.).

В 1828 г. директор Азиатского департамента МИД принял решение «изредка допускать приезд в столицу с небольшими свитами только таких султанов, кои заслуживают таковую Высочайшую милость или своим отличным усердием и верноподданнической приверженностью к России, или имеют действительную в том надобность по каким-либо чрезвычайным случаям, касающимся либо их самих, либо киргизского народа» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 148. Л. 1–10б.). Часто региональным властям делалось предписание выяснить цель поездки делегации, найти возможность ее решения на месте. В случае, если речь шла исключительно о просьбах представить к награде, пенсии, пособию, чину, региональные власти обязывались «отклонить поездку» и представить для награждения соответствующие документы в правительственные органы.

В поездке «депутатские миссии», как правило, сопровождали переводчик и офицер. Они получали «наставление» от региональных органов власти, содержащее стандартные рекомендации: «Будучи в пути с чиновниками обходиться со всякою благопристойностью и смотреть как бы им не было ни от кого причинено обид и озлобления, как напротив и их не допускать ни до каких

своевольств; в случае буде кто из них подвержен болезни, такого особо призирать, о приведении в здоровье иметь попечение, требуя в городах от господ начальников надлежащие медикаменты и лекарей; сверх того предохранять их, сколько возможно, от хищников, для чего при повозке их на станциях иметь караул. Когда в пути ли, на месте, где помянутые депутаты что-либо покупают, то в сем случае нужно вам всегда с ними ходить самим и оберегать их от всего» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 10. Л. 12–120б.). Следуя по специально разработанному маршруту в столицу и обратно, сопровождающие были обязаны делать письменные донесения о прибытии в очередной населенный пункт в МИД, а с 20-х гг. XIX в. в МВД. По окончании поездки они, как правило, награждались ценными подарками, правительственными наградами, получали повышение в должности. На основании этого можно говорить о том, что российское правительство придавало большое значение услугам, которые они оказывали.

Казахские депутации, прибывавшие в Петербург или Москву (если речь шла о коронации монарха), размещались на «казенных квартирах». Здесь их обслуживал штат прислуги, повара, кучер и т.д. Детально была разработана и церемония представления к императорскому двору. На основании Высочайшего указа от 9 февраля 1812 г. депутации от ханов Младшего и Среднего жузов, а также Букеевской орды принимались при «Высочайшем дворе в собственных своих одеяниях». После этого для них на государственные средства шили новую традиционную одежду. Например, султану Артагали Нуралиханову, брату хана Букеевской орды Букея, находящемуся при дворе императора Александра I в 1814 г., сшили «чекмень с позолотой из лучшего сукна, бешмет из парчи с подкладкой из полусатины и с опушкой, парчевый кушак, малиновую бархатную тубетейку с бобром, три пары сафьяновых сапог» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52а. Л. 12–120б.).

Также при российском императорском дворе существовал регламент, в рамках которого, по крайней мере до конца 20-х гг. XIX в., казахские депутаты «ханского достоинства» обязательно награждались собольей шубой, «покрытой серебряною парчой с золотыми цветами и петлицами», парчовой шапкой «с околышком черно-бурой лисы и с кистью золотой», булатной саблей «с надписью на клинке на русском, с одной стороны, и татарском – с другой». Надпись на сабле гласила: «Божьей милостью Александр Первый, император и самодержец всероссийский, жалует саблю сею подданному своему султану (имя султана)» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 119. Л. 169–169об.).

В некоторых делах о приезде казахских депутаций, отложившихся в РГИА, содержатся сведения о церемонии их принятия при императорском дворе. Так, 4 июня 1805 г. делегацию Среднего жуза – султанов Газы Букеева, Габиддулы Худай Мендина, Карадила и Пшения Урусовых, старшин Лаузана Тагаева, Тотембека Уразаева, Бангара Игизенова, Сатыбалды Анпишева, Андарата Мат-бапина – император Александр I принимал в Зимнем дворце. Сначала «делегация была введена в передние комнаты на половину Его Величества, где и оставались до окончания отправляемой тогда в придворной церкви Божественной литургии. Потом, когда Государь Император и Государыня Императрица изволили шествовать из церкви во внутренние свои комнаты, те депутаты, каждый по старшинству были представлены их Величествам обер-камергером графом Шереметьевым» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 158об.).

1 февраля 1820 г. Александру I был представлен хан Младшего жуза Ширгазы Айчуваков. По прибытии ко двору, «хан со свитою был препровожден в секретарскую комнату, где был встречен правителем церемониальных дел. Во время ожидания до представления, усыщаем был оный чаем, конфетами и разными вареньями. Государю Императору докладывал генерал-адъютант князь Волконский, и когда Высочайше было повелено допустить оно, то вошел хан к Государю с одним переводчиком киргизского языка Бикмаевым. Его Величество соизволил принимать в комнате, что перед кабинетом; по выходе хана введены были в ту же комнату сын хана и прочие свиты его чины, назначенные для представления в списке, также с одним переводчиком. По выходе последних сопровождаемы были все оные к Ее Императорскому Величеству государыне императрице Елизавете Алексеевне в назначенную комнату и поставлены были по старшинству, которых и представил Ее Императорскому Величеству Обер-Камергер Александр Львович Нарышкин. Помянутый хан, сын его, султана брат были удостоены руки Ее Величества» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52б. Л. 221–222).

В 1826 г. правитель Букеевского ханства Джангир и его супруга с матерью присутствовали на коронации императора Николая I, проходившей в Москве. Вместе с ним на церемонии присутствовало несколько султанов и биев Младшего и Среднего жузов. Пребывание хана и его свиты при дворе длилось 1,5 месяца и было достаточно насыщено событиями. Так, 1 августа 1826 г. хан Джангир был представлен императору в Чудовом дворце, 2 августа – императрице Марии Федоровне в Кремлевском дворце. 13 августа хан и супруга посетили Оружейную палату, 18 августа присутствовали на маневрах, 21 августа они были представлены великой княгине Елене Павловне. 24 августа вновь состоялось представление хана Джангира с супругой императору в Кремлевском дворце; 1 сентября они были приглашены на маскарад, 2 сентября – представлены Великому князю Михаилу Павловичу, 3 сентября посетили смотр войск на Ходыньском поле. 16 сентября 1826 г. «хан откланялся государю императору, 19 сентября – откланялся императрице» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 243. Л. 4–5).

Перед отъездом депутатских миссий домой их участникам обязательно вручили подарки. Например, в 1803 г. султану Джигангиру Каипову и Джангилю Джаныбекову, прибывшим из

Среднего жуза, было подарено «по одному перстню с бриллиантами по 300 рублей кажлый, по восемь пар соболей, парчи на платье по 12 аршин, по 5 аршин сукна и денежного вознаграждения серебром 300 рублей» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 10. Л. 69). На обратный путь «депутатских миссий» из казны выделялись средства на покупку повозок, питание, оплату остановок на ночлег. Депутации от ханов по пути обратного следования приказывалось «пропускать без задержания, давать не только пристойные квартиры, но и сверх того оказывать всякое вспоможение» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52а. Л. 56).

Важное значение при реконструкции истории депутатских миссий казахских родоправителей к российскому императорскому двору имеет вопрос об их цели. Как правило, официальным поводом для приезда делегаций от Младшего, Среднего жузов и Букеевского ханства являлись торжественные/праздничные события в императорской семье и государстве. В частности, целью поездок было поздравление императора с восшествием на престол, с юбилейной датой со дня восшествия на престол, с победой России в войне над Наполеоном и т.д. Известен случай, когда одна из депутатских миссий прибыла ко двору императора Александра I поздравить его с восшествием на престол спустя восемь лет со дня его коронации. Из этого следует вывод о том, что правила организации поездок требовали наличия подобной официальной цели. В то же время значительная часть депутатских миссий прибывала из казахской степи в Петербург с формулировкой цели поездки: «для засвидетельствования пред лицом Императорского Величества верноподданнической Ему преданности».

И в первом, и во втором случае поздравления императорской семье и выражение верноподданнических чувств сопровождалось «принесением просьб». Именно анализ данных прошений позволяет реконструировать истинные цели поездок казахских депутатских миссий к императорскому двору, определить тот круг вопросов и проблем, которые волновали казахских ханов, султанов и отдельных влиятельных родоправителей в первой половине XIX в. в контексте усиления позиций Российской империи в казахской степи и ее все нарастающего вмешательства во внутривосточную жизнь Младшего, Среднего жузов и Букеевского ханства.

Важно также отметить, что российские власти со своей стороны также придавали огромное значение развитию двусторонних отношений посредством данных прошений, которые тщательным образом переводились с татарского на русский язык. Если перевод был неточным и вызывал какие-либо вопросы, членов депутатии с переводчиком обязательно приглашали для уточнения формулировок перевода. Затем просьбы анализировались в Азиатском департаменте МИД, Сибирском комитете или МВД. Если вопрос прошения затрагивал государственные интересы, к его обсуждению приглашались профильные департаменты, коллегии/министерства. По итогам обсуждения делалось заключение, которое представлялось императору. Далее следовал императорский указ, который, по сути, являлся официальным ответом депутатии на ее прошение. Поскольку обсуждение и вынесение правительственных решений по этим просьбам занимало определенное время, официальный ответ доставлялся в Оренбургскую пограничную комиссию или сибирским властям – Омскому областному начальству – уже после возвращения депутатии в степь и лично вручался родоправителю, направившему ее в Петербург.

Всю совокупность проанализированных нами прошений необходимо, на наш взгляд, разделить на две группы: «официальные прошения» и «прошения частные». Официальные – затрагивали наиболее актуальные вопросы российско-казахских отношений. Одним из них в первой половине XIX в. являлся вопрос о торговле российских купцов транзитом через казахскую степь. Как известно, Российская империя в этот период стремилась к наращиванию торговых оборотов с центральноазиатскими владениями – Хивой, Бухарой, Кокандом, Западным Китаем. Однако существенным препятствием для реализации данной задачи являлись грабежи торговых караванов казахами. В связи с этим данный вопрос часто становился основанием для приезда казахских депутатских миссий ко двору российских императоров и активно обсуждался в их «официальных прошениях».

Например, официальной целью поездки в 1803 г. в Петербург султанов Джигангира Каипова, Джантиля Джаныбекова, Игимурата Балтина, Джимантая Таштемирова стало «объяснение причин, по коим разграблены наши караваны Гавердовского» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 10. Л. 1). История дипломатической миссии Я.П. Гавердовского достаточно подробно описана в исторической литературе. Отметим, что одной из ее целей было установление торговых связей с Хивинским ханством, поэтому с миссией Я.П. Гавердовского был направлен торговый караван, который и был разграблен казахами по пути следования. Казахским султанам было крайне важно доказать свою непричастность к грабежу того или иного каравана, поскольку российские власти по факту грабежа сразу прекращали выплаты им денежных пособий, пенсий и т.д. По приезде ко двору делегаты от имени султанов вручали письма-объяснения, в которых доказывалась их непричастность к противозаконным действиям соплеменников.

В 20-е гг. XIX в. грабежи российских, бухарских и хивинских караванов приняли массовый характер. Однако в условиях отсутствия в регионе значительного воинского контингента Российская империя не была способна обеспечивать их безопасность. Единственным для нее выходом стало принятие «официальных прошений» казахских правителей о предоставлении им права сопровождать торговые караваны по территории Младшего и Среднего жузов «в бухарские владения и обратно».

Так, например, хан Младшего жуза Ширгазы в «официальном прошении» в 1819 г. предлагал назначить конкретных людей – своих ближайших родственников для сопровождения торговых караванов из российских населенных пунктов в города Хивы и Бухары: «через Троицкую крепость – Сейд Али и Нестид султанам, через Орскую – родственнику моему Тимур султану Иралиханову, крепости Сарайчиковой – сыну Нурали хана Узбек султану» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52б. Л. 330–332об.). Получая данное право, казахские правители имели возможность собирать плату с купцов за предоставляемые услуги. Нередко в «официальных прошениях» содержались просьбы казахских правителей разрешить торговать в российских пределах хивинским, бухарским и даже кокандским купцам. Таким образом, они выполняли посреднические функции в российско-азиатской торговле, и российская сторона поощряла их в данном направлении (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 280б.–290б.).

Важным вопросом российско-казахских отношений первых десятилетий XIX в., поднимаемых в «официальных прошениях» казахских deputаций, стал вопрос о возможности казахов кочевать во внутренних пределах Российской империи. Указами 1771 и 1790 гг. казахи уже имели право перехода российско-казахской границы – Урало-Иртышской укрепленной линии – и выпаса скота в пределах России. За это они обязывались выплачивать налог – одна голова скота с 500 голов. Несмотря на существование вышеназванных указов, для родоправителей крайне важно было получить разрешение на переход во внутренние пределы России конкретно на свое имя. Тем самым оно становилось «более легитимным» и значительно повышало авторитет правителя. Кроме этого, в «официальных прошениях» казахские правители просили отменить для подвластных им родовых коллективов выплату налога за переход во внутренние пределы. Но, как свидетельствуют источники, «учитывая, что лошадей (для российских войск в регионе – авт.) брать больше неоткуда..., от сего установленного сбора ...не представляется удобства учинить в нем перемены» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 510б.).

Не менее важным в российско-казахских отношениях первых десятилетий XIX в. стал вопрос о подсудности казахов, совершивших преступления в российско-казахской приграничной зоне против российских подданных. В своих «официальных прошениях» казахские правители представляли свое видение ситуации и ходатайствовали о передаче им права проводить судебные разбирательства по данной категории преступлений «согласно обычаем». Однако позиция России была непоколебимой: казахи, в 10–20-е гг. XIX в. относившиеся к категории «иностраннных подданных», совершив преступление в российских пределах против российских подданных, могли судиться только по законам Российской империи (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 570б.–59).

От имени правителя Букеевского ханства хана Букея в 1814 г. его брат султан Артагали решал вопросы землепользования казахских родовых коллективов в междуречье Урала и Волги. В истории хорошо известно о том, что эти территории указом Павла I были пожалованы хану Букею и его родовым подразделениям. Однако при Александре I часть данных земель была передана в собственность графу Безбородко и князю Юсупову. Султан Артагали в ходе своего визита пытался дипломатическими методами решить возникшую проблему, доказывая незаконность действий российского правительства. В письме хана Букея, которое он доставил ко двору, был приведен ряд аргументов в пользу того, что данные территории крайне важны для развития, в первую очередь коневодства. Подчеркивалась выгода для самой России в деле развития скотоводства в этом регионе через «продажу скота и поступления в оную как шкур, шерсти, так и сала» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52а. Л. 63–72). Однако, как известно, вопрос не был урегулирован российской стороной, что спровоцировало в 1837–1838 гг. протестное движение казахов Букеевского ханства под руководством И. Тайманова.

В ходе этой же поездки 1814 г. султан Артагали в «официальном прошении» просил российскую сторону выступить посредником в урегулировании казахско-калмыцких проблем в вопросах землепользования и угона скота. В данном случае Азиатский департамент МИД принял соответствующие меры и предписал «главному по калмыкам приставу подполковнику Халчинскому» провести расследования по фактам угона у казахов скота калмыками и принять действия по разграничению кочевий двух народов (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52а. Л. 96–97). С аналогичной просьбой – урегулировать кочевание казахов на внутренней стороне, в междуречье Урала и Илека, с башкирами и калмыками – обращался хан Младшего жуза Ширгазы в 1819 г.

Введение в действие Уставов о сибирских (1822 г.) и оренбургских (1824 г.) казахах кардинальным образом изменило социально-политическую ситуацию в Младшем и Среднем жузах. Как известно, отмена института ханской власти повлекла за собой введение административно-территориальной, судебной и налоговой систем российского образца. Казахская степная аристократия оказалась в совершенно новых политических реалиях, связанных с потерей независимости (пусть и формальной) и юридическим включением региона в состав Российской империи.

Последовавшие после принятия Уставов депутатские миссии ко двору российских монархов свидетельствуют о том, что казахские правители пытались искать выход из сложившейся ситуации, адаптироваться к ней. Большинство «официальных прошений», с которыми они обращались до принятия Уставов, утратили свою актуальность (за исключением транзитной торговли). На повестку

дня были поставлены новые проблемы, связанные, прежде всего, со стремлением султанов вернуть институт ханской власти. Решению данного вопроса был посвящен ряд депутатский миссий от султанов Младшего и Среднего жузов. Однако Россия отказывалась от своих преобразований в степи не собиралась. Официальным ответом на многочисленные просьбы об утверждении в ханском звании того или иного султана являлась примерно одна и та же формулировка: «просьбы эти явно несообразны с видами нашего правительства, пекущегося о вечном водворении тишины и спокойствия между киргизами» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л 122–126 об.). Поэтому с 30-х гг. XIX в. в Петербург стали направлять депутации Старшие султаны – председатели Окружных приказов – административно-территориальных органов управления, созданных Россией по Уставу о сибирских казахх. Все это свидетельствовало об интеграции степной элиты в имперскую систему регионального управления и начале формирования чиновничьей прослойки из местной этнической среды.

К числу «частных прошений» нужно отнести личные просьбы ханов, султанов, отдельных родоправителей. Их содержание фактически не изменялось на протяжении всей первой половины XIX в. Это были прошения о пожаловании «княжеского достоинства в вечное потомство, дабы тем дворянский род их не пресекался», о назначении пенсий и жалований, офицерских и чиновничьих званий для ханов, султанов и подчиненных родоправителей; о постройке стационарных жилищ и мечетей для ханов или султанов; о назначении в степь при ханских и султанских ставках «указных мулл»; об освобождении от выплат ремонта (налога за перегон скота через Иртыш во внутренние пределы России – *авт.*); о присылке «землепашцев» с целью обучения казахов земледелию. В ходе визитов в Петербург решались и более частные вопросы. Например, исключение из окладных списков татарских мулл, проживавших при ставках ханов и султанов Младшего и Среднего жузов (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 10. Л. 69).

Кроме этого, фактически в «частных прошениях» каждой делегации от казахских султанов 20–30 гг. XIX в. содержалась просьба о присылке к ним «в случае крайности, для защиты от соседей, казачьего отряда». Данное прошение свидетельствовало о крайне напряженной внутривосточной ситуации в Младшем и Среднем жузах, порожденной борьбой многочисленных ханских потомков за власть и усугубленной постоянными взаимными набегами родовых подразделений с целью угона скота. Обращение к России казахских родоправителей направить к ним казачьи отряды свидетельствовало о том, что, с одной стороны, они стремились усилить свои позиции при их помощи, с другой – видели в России более сильного соседа и обращались к нему, по сути, за покровительством.

Таким образом, анализ «частных прошений» позволяет утверждать, что они были нацелены на усиление личных позиций того или иного правителя в жузе, улучшение его материального состояния и благополучия. Россия рассматривала данный тип прошений как важный механизм закрепления своих позиций в Младшем и Среднем жузах. Достаточно отметить, что в начале XIX в. пенсию от Российской империи в Среднем жузе получали султан Худай Мендин (400 руб.) и Чуругей (400 руб.); старшины Барлыбай Байжигитов (200 руб.), Баран батыр (200 руб.), Кулебан батыр (200 руб.), Байжигит мурза (200 руб.), Тулян батыр (200 руб.), Тюря батыр (200 руб.). Кроме денежных выплат, все они ежегодно получали по 50 пудов муки. В Младшем жузе данный список был представлен гораздо шире. Пенсия от российской казны выплачивалась хану Айчуваку (1000 руб.). Жалованье было назначено султану Абулгазы (300 руб.), султану Карабаю (200 руб.), султану Букею (300 руб.), коллежскому асессору Али султану (50 руб.), коллежскому асессору султану Джагангер Каипову (300 руб.), майору султану Артуку (200 руб.), титулярному советнику Кубек Шупур Алиеву (150 руб.), заседателю Оренбургского пограничного суда надворному советнику Нурмухамеду Абзелилеву (150 руб.), избранным для совета в Младшем жузе хану (300 руб.), двум султанам (по 300 руб. каждому) и шести старшинам (по 200 руб.). Пенсию в размере 200 рублей также получала Тайкары, дочь покойного хана Нуралы (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 17а Л. 260б.–27 об.).

Фактически всегда российское правительство удовлетворяло просьбы султанов о постройке им домов и направляло в степь для их охраны «воинские команды». Так, например, по результатам поездки в 1801 г. в Петербург «находящегося на вечном кочевье в России казахского султана Чангара Салтамаметева» властями было принято решение «о построении на счет казны на русской стороне Иртыша, между форпостами Семейским и Кривых, мечети для казахов, подвластных султану, и дома для него самого». Организационные вопросы по подготовке проекта зданий, «истребования денег» и, собственно, строительству было возложено на инспектора Сибирской инспекции генерал-майора Лаврова. Реализация проекта обошлась российской казне в 6644 руб. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 6. Л. 20–210б.). На средства казны был построен дом для султана Среднего жуза Татеня Урусова «между Ямышевской крепостью и Коряковским форпостом» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 19–200б.).

Как известно, практика материального поощрения в виде награждений и выплаты пособий, присвоения гражданских и офицерских чинов, преподнесения подарков широко использовалась Россией не только в российско-казахских отношениях, но и в ее отношениях фактически со всеми «сибирскими инородцами». Таким образом, осуществлялось интегрирование этноэлит в российское социально-правовое поле, и параллельно формировалась этносоциальная прослойка (будущие чиновники из местной этнической среды), лояльная имперской власти и выполняющая посреднические функции между империей и этносом. Данное своеобразие имперской

национальной/этносоциальной/колониальной политики отмечал в своих исследованиях ряд зарубежных и российских ученых (Капеллер, 2000; Миронов, 2009; Ремнев, 2013).

В 30–40-е гг. XIX в. численность депутатских миссий в Петербург резко сокращается. Наиболее поздние материалы о них, отложившиеся в РГИА, датируются 1847, 1850 и 1859 гг. Оренбургский и Самарский генерал-губернатор А.А. Катенин, направляя в Петербург в 1859 г. «депутацию почетных казахов Оренбургского ведомства» в составе 12 человек, сопроводил ее письмом министру иностранных дел Сухотину. В нем содержалось ходатайство предоставить возможность «для временного пребывания в столицах и осмотра всего, что может быть интересно и поучительно для полудиких ордынцев». Причем, как следует из письма, подобные «ознакомительные миссии» А.А. Катенин направлял в Петербург ежегодно на протяжении нескольких предыдущих лет (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 243 Л. 70б.).

Его просьбы была выполнена, и депутаты предоставили возможность посетить «военные и придворные торжества», «Эрмитаж, Арсенал, Монетный двор, загородные дворцы и другие здания и учреждения, посещение которых сопряжено с особыми разрешениями». Данная поездка, по мнению А.А. Катенина, должна «оставить и добрую память, и будет иметь, без сомнения, сильное нравственное на них (казахов – авт.) влияние» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 243 Л. 15). Никаких прошений данной делегацией не было сделано. Все это свидетельствует об окончательной утрате заложенного изначально смысла в депутатских миссиях первой половины XIX в. как форме межцивилизационного диалога, направленного на решение актуальных вопросов российско-казахских отношений.

5. Заключение

Депутатские миссии казахских ханов, султанов и родоправителей Букеевского ханства, Среднего и Младшего жузов, состоявшиеся в первой половине XIX в., стали важнейшим механизмом развития российско-казахского цивилизационного диалога. До 20-х гг. XIX в. данные миссии рассматривались Россией как иностранные и принимались Азиатским департаментом МИД. Это свидетельствовало о формальном характере российско-казахского подданства казахских правителей, оформленного еще в 30–40 гг. XVIII в. Целью «депутатских миссий» в этот период являлось обсуждение широкого спектра вопросов российско-казахских отношений: утверждение в ханском звании, урегулирование проблем казахско-башкирского землепользования, транзит российских караванов через казахскую степь, подсудность российским законам казахов в приграничной зоне. После утверждения Уставов о сибирских (1822 г.) и Оренбургских (1824 г.) казахах, ликвидировавших политическую автономию жузов, изменился характер «депутатских миссий» родоправителей и отношение к ним российской администрации. Они стали допускаться к императорскому двору через МВД, их целью было подтверждение верноподданнических чувств российской короне; получение родоправителями статуса чиновников региональной администрации, офицерских и дворянских званий, пенсий. Все это свидетельствовало о начале политической и социально-экономической интеграции региона в общеимперское пространство. С 40-х гг. XIX в. Младший и Средний жузы стали рассматриваться российской политической элитой как внутренняя провинция империи. Поэтому допуск «депутатских миссий» ко двору постепенно стал сокращаться, все вопросы взаимодействия с казахским обществом были переданы региональным органам власти.

Сам факт обращения к российской стороне казахских родоправителей с просьбами выступить в качестве посредника и арбитра при решении многих проблем кочевого общества первой половины XIX в. свидетельствует о том, что казахская этноэлита признавала авторитет и могущество Российской империи, стремилась к установлению с ней более прочных контактов и рассматривала их как дополнительный аргумент своего политического господства в степи.

Литература

- Аполлова, 1976 – Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. Москва, 1976. 371 с.
- Бахтурина, 2014 – Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. 388 с.
- Бекмаханов, 1947 – Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40 гг. XIX в. М., 1947. 230 с.
- Быков, 2003 – Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана: Проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX в. Барнаул, 2003. 267 с.
- Галузо, 1965 – Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата, 1965. 347 с.
- Жиренчин, 1996 – Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX вв. Алматы, 1996. 252 с.
- Зиманов, 1960 – Зиманов С.З. Политический строй Казахстана в конце XVIII века и первой половине XIX века. Алма-Ата. 1960. 247 с.
- Капеллер, 2000 – Капеллер А. Россия как многонациональное государство. М., 2000. 344 с.
- Лейзерович, 2001 – Лейзерович Е.Е. Социальные и экономические итоги Российской колонизации Туркестана. Тель-Авив, 2001.

- [Лысенко, 2010](#) – *Лысенко Ю.А.* Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX вв. Барнаул, 2010. 193 с.
- [Миронов, 2009](#) – *Миронов Б.Н.* Историческая социология истории. Спб., 2009. 536 с.
- [Национально-освободительное восстание..., 1937](#) – Национально-освободительное восстание казахских трудящихся против царизма в 1916 г. // Под ред. Н. Тимофеева / Сборник воспоминаний и материалов. Алма-Ата, 1937. 314 с.
- [Ремнев, 2013](#) – *Ремнев А.* Вдвинуть Россию в Сибирь: империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века // Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири. М., 2013. 296 с.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.
- [Садвокасова, 2005](#) – *Садвокасова З.Т.* Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Алматы, 2005. 333 с.
- [Сулейменов, Басин, 1977](#) – *Сулейменов Б.С., Басин В.Я.* Восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1977. 164 с.
- [Тихонов, 2008](#) – *Тихонов А.К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XIX – начале XX вв. СПб., 2008. 353 с.
- [Традиционное казахское общество..., 2014](#) – Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX вв.) / Под редакцией Ю.А. Лысенко. Барнаул, 2014. 271 с.
- [Lysenko, 2014](#) – *Lysenko Yu.A.* The Russian Orthodox Church in Religio us Space of Kazakhstan: Stages and Peculiarities of Institutional Model (XVIII –Beginning of XX Centuries) // *Bylye Gody.* 2014. №3. pp. 387–391.

References

- [Apollova, 1976](#) – *Apollova N.G.* (1978). Khozyaystvennoye osvoyeniye Priirtyshia v kontse XVI – pervoy polovine XIX v.[Economic development of Irtysh at the end of XVI – the first half of XIX century]. Moscow, 371 p. [in Russian]
- [Bahturina, 2014](#) – *Bahturina A.U.* (2014). Okrainyi Rossiyskoy imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsionalnaya politika v gody pervoy mirovoy voyni (1914–1917 gg.). [Outskirts of the Russian Empire: Public Administration and National Policy during the First World War]. Moscow, 388 p. [in Russian]
- [Bekmahanov, 1947](#) – *Bekmahanov E.B.* (1947). Kazahstan v 20–40 gg. XIX v. [Kazakhstan in 20 – 40 years of the XIX century]. Moscow, 230 p. [in Russian]
- [Bykov, 2003](#) – *Bykov A.Yu.* (2003). Istoki modernizatsii Kazakhstana: Problema sedentarizatsii v rossiyskoy politike XVIII – nachala XX v. [The origins of the modernization of Kazakhstan: the challenge of sedentarization in Russian politics of the XVIII – beginning of XX century]. Barnaul, 230 p. [in Russian]
- [Galuzo, 1965](#) – *Galuzo P.G.* (1965). Agraranyye otnosheniya na yuge Kazakhstana v 1967–1914 gg. [Agrarian relations in the South of Kazakhstan in 1967–1914]. Alma-Ata, 347 p. [In Russian]
- [Zhirenchin, 1996](#) – *Zhirenchin K.* (1996). Political development of Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries. Almaty. 252 p. [in Russian]
- [Zimanov, 1960](#) – *Zimanov S.Z.* (1960). Politicheskiy stroy Kazakhstana v kontse XVIII veka i pervoy polovine XIX veka. [The political system of Kazakhstan in the late XVIII century and the first half of the XIX century]. Alma-Ata, 247 p. [in Russian]
- [Kappeler, 1992](#) – *Kappeler A.* (1992). Russia – a multinational country. Moscow. 344 p. [in Russian]
- [Leyzerovich, 2001](#) – *Leyzerovich E.E.* (2001). Sotsialnyie i ekonomicheskie itogi Rossiyskoy kolonizatsii Turkestana. [Social and economic results of the Russian colonization of Turkestan]. Tell-Aviv, 269 p. [in Russian]
- [Lysenko, 2010](#) – *Lysenko Yu.A.* (2010). Missionerstvo Russkoy pravoslavnoy tsekrvi v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX – nachalo XXv.) [Missionary work of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (the second half of XIX – beginning of XX century)]. Barnaul, 193 p. [in Russian]
- [Mironov, 2009](#) – *Mironov B.* (2009). Historical sociology of history. St.Petersburg. 536 p. [in Russian]
- [Natsionalno-osvoboditelnoe vosstanie..., 1937](#) – Natsionalno-osvoboditelnoe vosstanie kazahskih trudyaschihsya protiv tsarizma v 1916 g. [National liberation uprising of the Kazakh workers against the tsarist regime in 1916]. A collection of documents and materials. Alma-Ata, 1937, 314 p. [in Russian]
- [Remnev, 2013](#) – *Remnev A.* (2013). Vdvinut` Rossiyu v Sibir` : imperiya i russkaya kolonizatsiya vtoroj poloviny` XIX – nachala XX veka [To move Russia into Siberia: the empire and the Russian colonization of the second half of XIX – the beginning of the 20th century]. Region v istorii imperii. Istoricheskie e`sse o Sibiri. Moscow, 296 p. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. [The Russian state historical archive]. [in Russian]
- [Sadvokasova, 2005](#) – *Sadvokasova Z.T.* (2005). Dukhovnaya ekspansiya tsarizma v Kazakhstane v oblasti obrazovaniya i religii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.). [Spiritual expansion of tsarism in Kazakhstan in the field of education and religion (the second half of XIX – beginning of XX centuries)]. Almaty, 345 p. [in Russian]

Suleymenov, Basin, 1977 – *Suleymenov B.S., Basin V.Ya.* (1977). Vosstanie 1916 g. v Kazahstane. [The revolt of 1916 in Kazakhstan]. Alma-Ata, 164 p. [in Russian]

Tikhonov, 2008 – *Tikhonov A.K.* (2008). Katoliki, musulmane i iudei Rossiyskoy imperii v posledney chetverti XVIII – nachale XX vv. [Catholics. Muslims and Jews of the Russian Empire in the last quarter of XVIII – early XX centuries]. Saint-Petersburg, 353 p. [in Russian]

Traditsionnoye kazakhskoye obshchestvo.... 2014 – Traditsionnoye kazakhskoye obshchestvo v natsionalnoy politike Rossiyskoy imperii: kontseptualnyye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.). [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual foundations and mechanisms of implementation (XIX – early XX century)]. Pod redaktsiyey Yu. A. Lysenko. Barnaul, 2014, 271 p. [in Russian]

Lysenko, 2014 – *Lysenko Yu.A.* (2014). The Russian Orthodox Church in Religio us Space of Kazakhstan: Stages and Peculiarities of Institutional Model (XVIII –Beginning of XX Centuries). *Bylye Gody*. №3. pp. 387–391. [in Russian]

«Депутатские миссии» казахских ханов, султанов и родоправителей ко двору российских императоров в первой половине XIX в.

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, c, *}

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, США

^c Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье реконструируется история «депутатских миссий» казахских ханов, султанов и родоправителей Младшего и Среднего жузов ко двору российских императоров в первой половине XIX в. Выяснено, что до 20 гг. XIX в. данные миссии рассматривались Россией как иностранные и принимались Азиатским департаментом МИД. Это свидетельствовало о формальном характере российского подданства казахских правителей, оформленного еще в 30–40 гг. XVIII в. Целью «депутатских миссий» в этот период являлось обсуждение широкого спектра вопросов российско-казахских отношений: утверждение в ханском звании, урегулирование проблем казахско-башкирского землепользования, транзит российских караванов через казахскую степь, подсудность российским законам казахов в приграничной зоне. После утверждения Уставов о сибирских (1822 г.) и Оренбургских (1824 г.) казахах, ликвидировавших политическую автономию жузов, изменился характер «депутатских миссий» родоправителей и отношение к ним российской администрации. Они стали допускаться к императорскому двору через МВД, их целью было подтверждение верноподданнических чувств российской короне; получение родоправителями статуса чиновников региональной администрации, офицерских и дворянских званий, пенсий. Все это свидетельствовало о начале политической и социально-экономической интеграции региона в общеимперское пространство. С 40-х гг. XIX в. Младший и Средний жузы стали рассматриваться российской политической элитой как внутренняя провинция империи. Поэтому допуск «депутатских миссий» ко двору постепенно сокращался, все вопросы взаимодействия с казахским обществом были переданы региональным органам власти.

Ключевые слова: Российская империя, казахи, жузы, российско-казахские отношения.

* Корреспондирующий автор

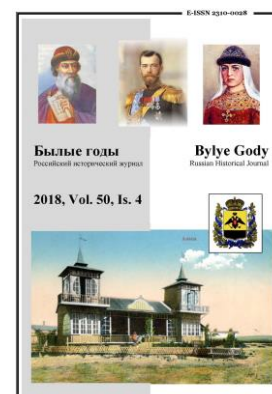
Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1530-1537. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1530
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research

Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Vladyslava M. Zavhorodnia ^a, Lybov G. Polyakova ^{b, c, d}

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d East European History Society, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to Nikolai Vasilievich Varadinov (1817–1886) – one of the first law professors of the Russian Empire, an eminent civil law scholar, and historian of jurisprudence. The biography of N.V. Varadinov is briefly represented. The authors paid the main attention to the analysis of his scientific works devoted to various aspects of civil law. Most of these studies were of an applied nature. In these works, Nikolai Varadinov pointed the genetic unity of the law of European nations; emphasized the need to study law in conjunction with the historical development of society, considered that it was necessary to refer to the progressive values of Western jurisprudence, taking into account national traditions and peculiarities.

Keywords: Nikolai Varadinov, Russian Empire, official, history of law, jurisprudence, civil law, XIX century.

1. Введение

Становление юридической науки Российской империи можно отнести к началу XIX в., когда на смену иностранным профессорам, мало интересовавшимся российским правом и вопросами его развития, приходят отечественные. Эти люди получили хорошее образование за границей (в Берлинском и ряде других университетов Германии) и, вернувшись домой, заняли профессорские должности на юридических кафедрах Санкт-Петербургского, Московского, Харьковского университетов, Университета св. Владимира, Царскосельского лицея и училища правоведения (Баршев, 1876). В число первых профессоров-правоведов Российской империи вошли С. Орнатский, С. Богородский, К. Неволин, А. Федотов, Н. Крылов, А. Куницын, И. Платонов, Я. Баршев, С. Баршев, А. Кранихфельд, П. Калмыков, П. Редькин. Именно благодаря им в многонациональной империи начала развиваться юридическая наука. С этого времени стали появляться исследования в области российского права; анализировалось и систематизировалось государственное законодательство; в университетах и ряде специальных учебных заведений стали разрабатываться и преподаваться дисциплины по различным отраслям права, что повлияло на увеличение количества юристов-профессионалов в империи (как практиков, так и теоретиков).

Одним из таких правоведов является известный ученый, доктор права и философии Николай Васильевич Варадинов (1817–1886), который был не только одним из первых профессоров-юристов Российской империи, но и видным исследователем в области истории права.

2. Материалы и методы

Источниковой базой предлагаемого исследования стали работы, содержащие в большей степени биографические сведения о Н.В. Варадинове, немногочисленные архивные материалы (из архива

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo2014@gmail.com (S.I. Degtyarev)

Йенского университета, Германия) ([Universitätsarchiv Jena, Bestand M, Nr. 357: 348–354; Nr. 358: 28–29; Nr. 361: 288](#)), которые впервые вводятся в научный оборот, и государственного архива Сумской области (Украина) ([ГАСО. Ф. 996. Оп. 1. Д. 60; Ф. 996. Оп. 1. Д. 75; Ф. 996. Оп. 1. Д. 94](#)). Научные взгляды Н.В. Варадинова изучались на основе, в первую очередь, его работ юридического и историко-правового характера.

При написании данной работы нами использовались принципы историзма, объективности и исторического антропологизма. Принцип историзма позволил учесть конкретно-исторические обстоятельства изучаемого периода, дал понимание причин тех или иных событий. В частности, нами учитывалось состояние юридической науки и основные пути ее развития в середине – второй половине XIX в. Используя принцип объективности, мы смогли учесть закономерности, которые определяли дальнейшее развитие истории права и цивилистики на данном историческом этапе; надлежащим образом использовать реальные факты и т.п. Использование принципа исторического антропологизма позволило акцентировать внимание на гуманистической сути исследования, так как центральным ориентиром статьи стали достижения конкретной человеческой личности, выступившей в роли носителя/творца конкретных ценностей.

3. Обсуждение

Н.В. Варадинов оставил заметный след в истории развития российской юридической науки. Известен он также своей активной меценатской деятельностью, связями с видными представителями своего времени, в частности Н.И. Субботиным, Д.Н. Толстым, М.Н. Катковым, И.С. Гончаровым и многими другими. Несмотря на это, его личность в принципе осталась вне пределов сферы интересов ученых – историков, правоведов.

Рис. 1. Портрет Николая Васильевича Варадинова

При жизни ученого некоторое внимание уделялось его исследовательской деятельности. Так, на страницах некоторых периодических изданий появлялись обзоры работ Н.В. Варадинова. Авторы этих обзоров-рецензий характеризовали Николая Васильевича как исследователя, делая ударение на сильных и слабых сторонах его произведений. Так, в большом по объему критическом обзоре восьмого тома «Истории Министерства внутренних дел», посвященного истории раскола в России, И. Нильский отмечает, что «книга г. Варадинова составляет дорогое приобретение литературы, как по богатству своего содержания, так и по интересу сообщаемых ею сведений» ([Нильский, 1864: 276](#)). При этом самого автора рецензируемого фундаментального труда он критикует, говоря, что «собственные суждения автора, хотя их в книге очень не много, не всегда отличаются светлостью взгляда и основательностью» ([Нильский, 1864: 323](#)). Другой, неизвестный, рецензент этой же книги начал свой обзор со слов: «Книга г. Варадинова с большими достоинствами и с крупными недостатками» ([Книжный вестник, 1863: 176](#)). Касательно работы Н.В. Варадинова «Исследования об имущественных или вещественных правах по законам русским» М. Капустин высказывался, что «труд г. Варадинова заслуживает полного внимания», хотя при этом отмечал и тот факт, что «нельзя во всем согласиться с автором; кажется, он не принял во внимание некоторых новейших ученых изысканий» ([Капустин, 1856: 142](#)).

В целом, не взирая на встречающуюся критику работ Н.В. Варадинова, они очень положительно воспринимались современниками. Это вполне логично, учитывая недостаток юридической литературы в этот период, в особенности, посвященной проблемам российского права, его истории (хотя, конечно, работы Варадинова часто выходили за рамки этих проблем).

После смерти Н.В. Варадинова появляется ряд статей, по большей части биографического характера, опубликованных в российских справочных изданиях в конце XIX – начале XX вв. Наиболее известными из них являются статьи, помещенные в словарях Брокгауза и Ефрона, С.А. Венгерова, биографическом справочнике Д.Д. Языкова ([Брокгауз, Ефрон, 1892](#); [Венгеров, 1895](#); [Языков, 1890](#)). Биографические статьи о Н.В. Варадинове публиковались и в ряде других энциклопедических изданий, но все они были небольшими по объему и информационному потенциалу и в той или иной степени дублировали статью из словаря Брокгауза и Ефрона.

В этот же период в журнале «Русский вестник» вышел отрывок из воспоминаний редактора газеты «Московские ведомости» М.Н. Каткова, который был посвящен скандалу, разгоревшемуся вокруг этого издания в 1864–1865 гг. Тогда Н.В. Варадинов выступил в защиту указанной газеты и ее редакторов. Участию Н.В. Варадинова в процессе защиты «Московских ведомостей» М.Н. Катков посвятил отдельный небольшой раздел этих воспоминаний, который проливает свет на отдельные аспекты профессиональной деятельности Николая Васильевича ([Катков, 1889: 138–140](#)). Чуть позже в этом же журнале вышли в свет воспоминания Н.И. Субботина о Н.В. Варадинове, которые содержали неизвестные до того времени факты из его биографии, переписку Варадинова и Субботина ([Субботин, 1905](#)). Выходец из г. Ромны И.А. Курилов, описывая историю родного города, уделил внимание и известным землякам, в частности и Н.В. Варадинову. Именно в его работе «Роменская старина» приводятся некоторые сведения о родителях и родном брате Николая Васильевича, а также роли, которую сыграл сам Н.В. Варадинов в строительстве Всехсвятской церкви г. Ромны ([Курилов, 1898: 106–109, 338–345](#)).

Далее на долгое время и научные наработки, и жизненный путь Н.В. Варадинова выпали из поля исследовательских интересов. Лишь в 1990-х – начале 2000-х годов стали появляться работы, посвященные этому ученому. Причем первые из них были практически идентичны уже упомянутым биографическим статьям из досоветских справочных изданий и содержали в большей или меньшей степени уже известную информацию ([Ельницкий, 2000: 72–74](#); [Власенко, 2004: 62](#)). Отдельные попытки исследовать жизненный и творческий путь Н.В. Варадинова предпринимали авторы данной статьи ([Дегтярьов, 2007](#); [Degtyarev, 2014](#); [Дегтярьов, Завгородня, 2017](#)).

Но личность этого выдающегося юриста, историка права, одного из пионеров российской юридической науки еще должна стать предметом более глубоких, фундаментальных исследований.

4. Результаты

Род Варадиновых, предположительно, происходит от выходцев из хорватского города Вараджин, которые в XVIII в. переселились на украинские земли Российской империи. По другой версии выходец то ли из венгерского, то ли из болгарского города Варадин переселился в Запорожскую Сечь, и с тех пор род Варадиновых существует на этих землях.

Сам Николай Васильевич Варадинов родился 6 декабря 1817 г. в г. Ромны Полтавской губернии (ныне Сумская область, Украина) в купеческой семье. Начальное образование получил в г. Козелец Черниговской губернии (возможно, в уездном училище), а также в Полтавской гимназии. В 1838–1841 гг. он обучался на юридическом факультете Дерптского университета под руководством профессоров Отто, Бунге и Мадея ([Album Academicum, 1889: 280](#)). По окончании университета работал учителем русского языка, преподавал в дворянском училище в Арнсбурге. Затем в октябре 1845 года в Дерпте после индивидуального экзамена и предварительного обсуждения публично защитил диссертацию «Об общих правовых средствах против судебных решений в гражданской и судебной тяжбах по Российским законам». Успешная защита магистерской диссертации способствовала тому, что руководитель Н. Варадинова профессор Отто после проведенного строгого испытания предложил ему публичную защиту диссертации на степень доктора прав ([Universitätsarchiv Jena, Bestand M, Nr. 357: 350](#)).

В том же 1845 г. Н. Варадинов стал чиновником особых поручений при генерал-губернаторе прибалтийских губерний, а еще через три года (в 1848) становится управляющим канцелярии генерал-губернатора. В 1849 г. он перевелся служить в Санкт-Петербург. С декабря 1855 г. по январь 1862 г. Н. Варадинов был редактором «Журнала Министерства внутренних дел», одновременно отвечая за отдел судопроизводства МВД. К этому времени (как он сам писал в своей автобиографии в 1858 г.) им были написаны и опубликованы следующие работы: «1. Об общих правовых средствах против судебных решений в гражданской и судебной тяжбах по Российским законам; 2. Ипотека по законам Ливонии и Эстонии; 3. О законе по римскому праву; 4. Исследование об имущественных или вещественных правах по законам русским; 5. Делопроизводство, т.е. искусство письмовождения судебного и внесудебного» ([Universitätsarchiv Jena, Bestand M, Nr. 357: 350](#)).

В 1862 г. Н. Варадинов редактировал официальную газету «Северная Почта» (№№ 146–214). В 1862 г. он был назначен членом совета при Министерстве внутренних дел по делам книгопечатания, а в 1865 г. – членом совета Главного управления по делам печати, при котором несколько раз исполнял обязанности начальника цензурного ведомства.

В 1883 г. Н. Варадинов был назначен членом совета министра внутренних дел. Параллельно он был членом комиссии, которая выработала новый университетский статут 1884 г. Умер Николай

Васильевич Варадинов 27 июля 1886 г. в Гатчине в чине тайного советника, оставив после себя достаточно большое количество исследований по разным отраслям знаний (Degtyarev, 2014).

Его наработки составляют свыше 40 исследований, сборников нормативных актов, руководств, рецензий. Круг интересов Н. Варадинова был довольно обширным: составление тематических сборников законодательных актов, обзоры организации и деятельности различных учреждений (учебных заведений, тюрем, министерства внутренних дел), вопросы здравоохранения и др. Но более всего его интересовали различные аспекты развития гражданского права в Российской империи, происхождение отдельных его составляющих, связь отдельных его положений с европейскими нормами и т.п.

Следует отметить, что, работая над теми или иными проблемами гражданского права, Николай Васильевич не ограничивался простым обзором различных норм права и их толкованием с позиции российской или европейской юридической науки и практики. Во всех своих работах он обязательно исследовал исторические корни этих норм, что позволяло выделить связующие элементы в праве Российской империи с правом других государств Европы; определить, какие из этих элементов являются результатом общих правовых традиций, а какие были заимствованы на определенном этапе развития права.

Н.В. Варадинов очень много работал с архивными материалами. Он сам писал в своей наиболее фундаментальной работе «История Министерства внутренних дел»: «...Я рассматривал и изучал дела, хранящиеся в семи архивах Министерства, перечитывал тысячи дел каждого Департамента, год за годом; перечитывал один без помощников, опасаясь, что помощник пропустит что-либо или передаст не в том виде, в каком событие или распоряжение изложено в деле» (Варадинов, 1863d: I–III). Использовал ученый также архивы других ведомств, нормативную базу российского государства, архивы ряда периодических изданий («Санкт-Петербургский журнал», «Северная Почта», «Журнал Министерства Внутренних Дел», «Сенатские Ведомости» и др.), историко-правовые работы своих прешественников, особенно западноевропейских ученых.

В данном исследовании авторы ограничиваются анализом наиболее важных трудов Н. Варадинова, оказавших значительное влияние на развитие российского гражданского права, а также истории юриспруденции.

Н. Варадинов выделял целый ряд актуальных проблем цивилистики своего времени. Например, сам он указывал, что очень мало работ юридической направленности посвящались теории ипотек и ипотечной системе, в то время как тема эта в начале второй половины XIX в. признавалась очень актуальной (Варадинов, 1861b: 41).

Следует отметить, что эволюция российской цивилистики, как и в целом юридической науки, во многом повторяла путь, уже пройденный европейскими странами. В связи с этим обращение к классическим канонам римского частного права выступало важным и необходимым условием развития юридической мысли того времени и базисом для формирования институтов гражданского права в Российской империи. Статья Н. Варадинова «О законе по римскому праву» посвящена зарождению и развитию правовой системы в древнем Риме, которая стала образцом таких систем во многих других, более поздних государствах (Варадинов, 1856a; Варадинов, 1856b). При этом автор достаточно большое внимание уделяет и развитию отдельных подотраслей гражданского права – наследованию, обязательственному праву и т.д. В частности, Н. Варадинов проводит параллели между нормами римского права в области договорных отношений и законодательными актами, действовавшими в XVIII–XIX вв. в некоторых регионах Российской империи. Например, он указывает, что в Российской империи «передача движимого имущества при покупках... есть то же самое юридическое действие, которое римляне называли *traditio*» (Варадинов, 1856b: 36, 44).

В работе «О личном задержании по долговым обязательствам» Н. Варадинов изучает различные ситуации, которые складывались между должником и государством, должником и работодателем, урегулирование которых не предусматривалось законодательно или было несовершенно. В статье автор отслеживает эволюцию долгового (вексельного) права в Российском государстве, начиная с эпохи Киевской Руси, а также в ряде европейских государств; сравнивает отдельные нормы с законодательством этих государств (Варадинов, 1861a: 29). Говоря о строгости права взыскания по долговым обязательствам, Н. Варадинов отмечает, что такая ситуация характерна для всех государств Европы и мира, «где только установились гражданские общества». И вообще, считая вопрос о личном задержании должника за неплатеж взятых в займы денег крайне важным для гражданского общества и науки, он предлагает разрешать его путем изучения истории общества (Варадинов, 1861a: 3–4).

В результате изучения истории вопроса о личном задержании должника Н. Варадинов пришел к выводу, что и в Российском государстве, и в государствах Европы оно изначально существовало в виде обычая, который со временем эволюционировал и установился «в законах на основании вексельного права». Именно европейское вексельное право, по мнению автора, повлияло на установление в Российской империи «облегчительных мер против должников» (еще в XVIII в. в России для должников предусматривался целый ряд чрезмерно строгих наказаний) (Варадинов, 1861a: 29).

В «Исследовании об имущественных или вещественных правах по законам русским» Н. Варадинов впервые представил теоретическое учение о собственности, рассмотрев право собственности, владения и пользования (Варадинов, 1855a; Варадинов, 1855b; Варадинов, 1855c). В начале каждой главы автор подает общую теорию, подводя ее под российское законодательство своего времени. Считается, что эта работа является первой попыткой философско-юридического изучения российского законодательства о собственности (Капустин, 1856).

Несколько работ Н. В. Варадинова являются обзорами исследований других ученых и носят критический характер (Варадинов, 1861b; Варадинов, 1863a; Варадинов, 1863b; Варадинов, 1863c). Среди прочего, он анализирует и работы, посвященные различным аспектам гражданского права. В обзоре «Юридический журнал, издаваемый П. А. Салмановым» довольно низкую оценку он дает статье И. Зимулина, посвященной ипотеке. И наоборот, высоко оценивает работу Касперовича о наложении запрещения на недвижимое имущество, хотя и обвиняет его в недостаточной осведомленности о «состоянии современной науки по этому предмету» (Варадинов, 1861b: 51–52, 58–59).

5. Заключение

В целом широкий спектр научных интересов, активная общественная деятельность, круг знакомств позволяют говорить о Н. В. Варадинове как об одном из ярчайших представителей «просвещенной бюрократии» XIX в. Он смог получить хорошее образование, достичь карьерных успехов.

Значительную часть своего времени он посвящал научной работе. Многие его исследования имели прикладной характер. Творческие наработки Н. В. Варадинова до сих пор не получили надлежащей оценки как в исторической, так и юридической плоскостях. Однако проанализированные и многие другие работы этого ученого имеют несомненную ценность для понимания эволюции гражданского права, его дальнейшего развития. Н. В. Варадинов пропагандировал идеи, актуальные до сих пор, постоянно подчеркивая генетическое единство права европейских наций, необходимость изучения права во взаимосвязи с историческим развитием общества, обращения к прогрессивным ценностям западной юриспруденции с учетом отечественных традиций и особенностей. При этом в биографии ученого, изучение которой остается актуальной задачей для исследователей, на сегодняшний день есть еще много «белых пятен».

6. Благодарности

Авторы выражают благодарность праправнуку Н. В. Варадинова протоиерею Сергию (Сергею Ивановичу Мирошину) за предоставленные документальные материалы и неизвестные биографические сведения о его предке.

Литература

- Баршев, 1876 – Баршев Я. Историческая записка о содействии Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии развитию юридических наук в России. СПб., 1876. 32+7 с.
- Брокгауз и Ефрон, 1892 – Энциклопедический словарь / Изд. Брокгауз и Ефрон. Т. Va. СПб., 1892. С. 503.
- Варадинов, 1855a – Варадинов Н. Исследование об имущественных или вещественных правах по законам русским. Статья I. О праве собственности. СПб.: В Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1855. 149 с.
- Варадинов, 1855b – Варадинов Н. Исследование об имущественных или вещественных правах по законам русским. Статья II. О праве владения. СПб.: В Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1855. 168 с.
- Варадинов, 1855c – Варадинов Н. Исследование об имущественных или вещественных правах по законам русским. Статья III. О праве пользования. СПб.: В Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1855. 167 с.
- Варадинов, 1856a – Варадинов Н. О законе по римскому праву // Журнал Министерства внутренних дел. 1856. Кн. 8. Ч. XIX. Отд. II. С. 95–140.
- Варадинов, 1856b – Варадинов Н. О законе по римскому праву (Окончание) // Журнал Министерства внутренних дел. 1856. Кн. 9. Ч. XX. Отд. II. С. 23–59.
- Варадинов, 1861a – Варадинов Н. О личном задержании по долговым обязательствам // Журнал Министерства внутренних дел. 1861. № 7. Ч. XLIX. Отд. II. С. 1–92.
- Варадинов, 1861b – Варадинов Н. Юридический журнал, издаваемый П. А. Салмановым // Журнал Министерства внутренних дел. 1861. № 10. Ч. I. Отд. IV. С. 39–59.
- Варадинов, 1863a – Варадинов Н. По поводу статьи Ф. Морошкина «Современное состояние русского гражданского законодательства» // Журнал Министерства юстиции. 1863. Кн. 4.
- Варадинов, 1863b – Варадинов Н. Разбор книги М. Цеймерна и записки Н. Фрейберга об ипотеке // Журнал Министерства юстиции. 1863. № 5.
- Варадинов, 1863c – Варадинов Н. О лекциях М. Михайлова и о речи К. Д. Кавелина // Журнал Министерства юстиции. 1863. № 6.
- Варадинов, 1863d – Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел. Т. 8. СПб., 1863.

- Венгеров, 1895** – Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. IV. Отд. 2. СПб., 1895. С. 79–81.
- Власенко, 2004** – Власенко В.М. Варадінов Микола Васильович // Сумщина в іменах. Енциклопедичний довідник. Суми, 2004.
- ГАСО** – Государственный архив Сумской области.
- Дегтярьов, 2007** – Дегтярьов С.І. Микола Васильович Варадінов – юрист та історик. До 190-річчя від дня народження // *Земляки. Альманах Сумського земляцтва в Києві*. Вип. 4. Суми: Собор, 2007. С. 93–95.
- Дегтярьов, Завгородня, 2017** – Дегтярьов С.І., Завгородня В.М. Проблеми науки цивільного права в працях Миколи Варадінова (до 200-ліття з дня народження) // *Актуальні питання вітчизняної юридичної науки: матеріали Четвертої Всеукраїнської науково-практичної конференції*, м. Суми, 13–14 квітня 2017 р. Суми, 2017. С. 10–13.
- Ельницький, 2000** – Ельницький А. Варадінов // *Русский биографический словарь*. Т. Вавила-Витгенштейн. Москва, 2000.
- Капустин, 1856** – Капустин М. Русская юридическая литература в 1855 году // *Современная летопись «Русского вестника»*. 1856. С. 142–143.
- Катков, 1889** – Михаил Никифорович Катков. По личным воспоминаниям. (Окончание) // *Русский вестник*. 1889. Март. С. 131–143.
- Книжный вестник, 1863** – История Министерства Внутренних Дел. Н. Варадінов. Восьмая дополнительная книга. История распоряжений по расколу // *Книжный вестник*. 1863. № 10. С. 176–177.
- Курилов, 1898** – Курилов И.А. Роменская старина. Исторические, статистические и бытовые записки о городе Ромне и его обывателях, от начала города до нашего времени. В четырех частях, с прибавлением исторического и статистического описания всех городских церквей. Ромны: Типография Б. Ционсона, 1898. 345 с.
- Нильский, 1864** – Нильский И. История министерства внутренних дел. Н. Варадінова, доктора прав и философии. Восьмая, дополнительная книга. История распоряжений по расколу. С.-Петербург 1863 года // *Христианское чтение*. 1864. Ноябрь. С. 273–323.
- Субботин, 1905** – Субботин Н.И. Воспоминания о некоторых писателях прошедшего столетия и их письма. О Н.В. Варадінове // *Русский вестник*. 1905. Январь. СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1905. С. 72–83.
- Языков, 1890** – Языков Д.Д. Обзор жизни трудов покойных русских писателей. Вып. 6. Русские писатели, умершие в 1886 г. СПб., 1890.
- Album Academicum, 1889** – Album Academicum der Kaiserlichen Universitat Dorpat. Dorpat, 1889.
- Degtyarev, 2014** – Degtyarev S. Varadinov Nikolay Vasilevich – Representative of 'Enlightened Bureaucracy': Bureaucrat's Biography // *Russkaya starina*. №1(9). 2014. Pp. 4-10.
- Universitatsarchiv Jena** – Universitatsarchiv Jena.

References

- Barshev, 1876** – Barshev Ya. (1876). Istoricheskaya zapiska o sodeystvii Vtorogo otdeleniya sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii razvitiyu yuridicheskikh nauk v Rossii [Historical note on the assistance of the Second Division of His Imperial Majesty's own Office to the Development of Law in Russia]. SPb., 1876. 32+7 p.
- Brokgauz i Efron, 1892** – Entsiklopedicheskiy slovar [Encyclopedic Dictionary]. Izd. Brokgauz i Efron. T. Va. SPb., 1892. P. 503.
- Varadinov, 1855a** – Varadinov N. (1855). Issledovaniy ob imuschestvennyih ili veschestvennyih pravah po zakonam russkim. Statya I. O prave sobstvennosti [Studies on property or material rights under Russian laws. Article I. About the property right]. SPb.: V Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii. 149 p.
- Varadinov, 1855b** – Varadinov N. (1855). Issledovaniy ob imuschestvennyih ili veschestvennyih pravah po zakonam russkim. Statya II. O prave vladeniya [Studies on property or material rights under Russian laws. Article II. Ownership]. SPb.: V Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii. 168 p.
- Varadinov, 1855c** – Varadinov N. (1855). Issledovaniy ob imuschestvennyih ili veschestvennyih pravah po zakonam russkim. Statya III. O prave polzovaniya [Studies on property or material rights under Russian laws. Article III. About the right of use]. SPb.: V Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii. 167 p.
- Varadinov, 1856a** – Varadinov N. (1856). O zakone po rimskomu pravu [On the law under Roman law]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennih del*. Kn. 8. Ch. XIX. Otd. II. pp. 95-140.
- Varadinov, 1856b** – Varadinov N. (1856). O zakone po rimskomu pravu (Okonchanie) [On the law under Roman law (Ending)]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennih del*. 1856. Kn. 9. Ch. XX. Otd. II. pp. 23-59.
- Varadinov, 1861a** – Varadinov N. (1861). O lichnom zaderzhanii po dolgovyim obyazatelstvam [On personal arrest for debt obligations]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennih del*. № 7. Ch. XLIX. Otd. II. pp. 1-92.
- Varadinov, 1861b** – Varadinov N. (1861). Yuridicheskiy zhurnal, izdavaemyiy P.A. Salmanovym [Legal journal, published by P.A. Salmanov]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennih del*. № 10. Ch. I. Otd. IV. pp. 39-59.

Varadinov, 1863a – *Varadinov N.* (1863). Po povodu stati F. Moroshkina «Sovremennoe sostoyanie russkogo grazhdanskogo zakonodatelstva» [Concerning the article by F. Moroshkina «The current state of Russian civil legislation»]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. Kn. 4.

Varadinov, 1863b – *Varadinov N.* (1863). Razbor knigi M. Tseymerna i zapiski N. Freyberga ob ipoteke [Analysis of the book of M. Tseymern and N. Freiberg notes on mortgages]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 5.

Varadinov, 1863c – *Varadinov N.* (1863). O lektsiyah M. Mihaylova i o rechi K.D. Kavelina [On the lectures of M. Mikhailov and on the speech of K.D. Kavelin]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 6.

Varadinov, 1863d – *Varadinov N.V.* (1863). Istoriya Ministerstva vnutrennih del [History of the Ministry of Internal Affairs]. T.8. SPb.

Vengerov, 1895 – *Vengerov S.A.* (1895). Kritiko-biograficheskiy slovar russkikh pisateley i uchenykh [Critical-biographical dictionary of Russian writers and scientists]. T. IV, otd. 2. SPb. pp. 79-81.

Vlasenko, 2004 – *Vlasenko V.M.* (2004). Varadinov Mykola Vasylovych [Varadinov Nikolay Vasilievich]. Sumshchyna v imenakh. Entsyklopedychnyi dovidnyk. Sumy.

GASO – Gosudarstvennyi arhiv Sumskoy oblasti [State Archive of Sumy region].

Dehtiarov, 2007 – *Dehtiarov S.I.* (2007). Mykola Vasylovych Varadinov – yuryst ta istoryk. Do 190-rychchia vid dnia narodzhennia [Nikolai Vasilievich Varadinov is a lawyer and historian. To the 190th anniversary of birth]. *Zemliaky. Almanakh Sumskoho zemliatstva v Kyievi*. Vyp.4. Sumy: Sobor. pp. 93-95.

Dehtiarov, Zavhorodnia, 2017 – *Dehtiarov S.I., Zavhorodnia V.M.* (2017). Problemy nauky tsyvilnoho prava v pratsiakh Mykoly Varadinova (do 200-littia z dnia narodzhennia) [Problems of science of civil law in the writings of Nikolay Varadinov (until the 200th anniversary of his birth)]. *Aktualni pytannia vitchyznianoï yurydychnoi nauky: materialy Chetvertoi Vseukrainskoi naukovo-praktychnoi konferentsii*, m. Sumy, 13-14 kvitnia 2017 r. Sumy. pp. 10-13.

Elnitskiy, 2000 – *Elnitskiy A. Varadinov [Varadinov]* (2000). Russkiy biograficheskiy slovar. T. Vavila-Vitgenshteyn. Moskva.

Kapustin, 1856 – *Kapustin M.* (1856). Russkaya yuridicheskaya literatura v 1855 godu [Russian legal literature in 1855]. *Sovremennaya letopis «Russkogo vestnika»*. pp. 142-143.

Katkov, 1889 – Mihail Nikiforovich Katkov (1889). Po lichnyim vospominaniyam. (Okonchanie) [According to personal memories. (Ending)]. *Russkiy vestnik*. 1889. Mart. S. 131-143.

Knizhnyi vestnik, 1863 – Istoriya Ministerstva Vnutrennih Del [History of the Ministry of Internal Affairs]. N. Varadinov. Vosmaya dopolnitelnaya kniga. Istoriya rasporyazheniy po raskolu. *Knizhnyi vestnik*. 1863. №10. pp. 176-177.

Kurilov, 1898 – *Kurilov I.A.* (1898). Romenskaya starina. Istoricheskie, statisticheskie i bytovye zapiski o gorode Romne i ego obyvatel'nykh, ot nachala goroda do nashego vremeni [Romenskaya old. Historical, statistical and everyday notes on the city of Romny and its inhabitants, from the beginning of the city to our time]. V chetyreh chastyakh, s pribavleniem istoricheskogo i statisticheskogo opisaniya vseh gorodskikh tserkvev. Romnyi: Tipografiya B. Tsionsona. 345 p.

Nilskiy, 1864 – *Nilskiy I.* (1864). Istoriya ministerstva vnutrennih del [History of the Ministry of Internal Affairs]. N. Varadinova, doktora prav i filosofii. Vosmaya, dopolnitelnaya kniga. Istoriya rasporyazheniy po raskolu. S.-Peterburg 1863 goda. *Hristianskoe chtenie*. Noyabr. pp. 273-323.

Subbotin, 1905 – *Subbotin N.I.* (1905). Vospominaniya o nekotorykh pisatelyakh proshedshego stoletiya i ih pisma. O N.V. Varadinove [Memories of some past century writers and their letters. About N.V. Varadinov]. *Russkiy vestnik*. Yanvar. SPb.: Tipo-litografiya V.V. Komarova. pp. 72-83.

Yazykov, 1890 – *Yazykov D.D.* (1890). Obzor zhizni trudov pokoynykh russkikh pisateley. Vyip. 6. Russkie pisateli umershie v 1886 g. [Survey of the life of the works of the late Russian writers. Issue 6. Russian writers who died in 1886]. SPb.

Album Academicum, 1889 – Album Academicum der Kaiserlichen Universitat Dorpat. Dorpat, 1889.

Degtyarev, 2014 – *Degtyarev S.* (2014). Varadinov Nikolay Vasilevich – Representative of 'Enlightened Bureaucracy': Bureaucrat's Biography // *Russkaya starina*. №1(9). 2014. pp. 4-10.

Universitatsarchiv Jena – Universitatsarchiv Jena.

Вклад Николая Васильевича Варадинова в развитие российской цивилистики и историко-правовых исследований

Сергей Дегтярев ^{a, b, *}, Владислава Завгородняя ^a, Любовь Георгиевна Полякова ^{b, c, d}

^a Сумский государственный университет, Сумы, Украина

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: starsergo2014@gmail.com (С. Дегтярев)

Аннотация. Статья посвящена Николаю Васильевичу Варадинову (1817–1886) – одному из первых профессоров-юристов Российской империи, выдающемуся ученому в области гражданского права, историку юриспруденции. Коротко освещен жизненный путь Н.В. Варадинова. Основное внимание авторы уделили анализу его научных работ, посвященных различным аспектам гражданского права. Большинство этих исследований имело прикладной характер. В своих работах Николай Варадинов подчеркивал генетическое единство права европейских наций; указывал на необходимость изучения права во взаимосвязи с историческим развитием общества; считал необходимым обращаться к прогрессивным ценностям западной юриспруденции с учетом отечественных традиций и особенностей.

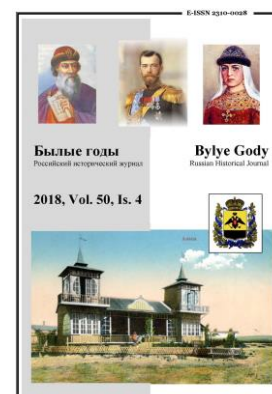
Ключевые слова: Николай Варадинов, Российская империя, чиновник, история права, юридическая наука, гражданское право, XIX век.

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1538-1551. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1538
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

A Reflection of the Process of Learning of Russian Liberalism of the Sixteenth Century in Contemporary Researches (Analytical Review of the Historiography of Russian Liberalism)

Rafael A. Arslanov ^{a, *}, Elena V. Linkova ^a, Evgeny A. Solovyev ^a

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

Abstract

The analytical review examines the modern Russian literature and is devoted to the history of Russian liberalism of the 1840s–1880s and to its theorist Konstantin Dmitrievich Kavelin. The article is dedicated to the 200th anniversary of the thinker and covers such problems of historiography as the genesis and typology of Russian liberalism, its division and features of the main trends. The authors reveal the dynamics of the historiographical process development, specifically dwells on the debatable problems, different interpretations of which led to the formation of separate historiographical directions. Attention is drawn to the relevance of the topic associated, on the one hand, with the use of modern methodological approaches to the study of liberalism, and on the other, with reflections on its prospects in Russia of the XXI century, the acuteness and relevance of some theoretical provisions of the program of liberals of the past.

It is emphasized that the study of the views and personality of K.D. Kavelin (1818–1885) gives new opportunities for understanding the history of Russian liberalism as a whole. The review analyzes and classifies the main modern interpretations of the theoretical heritage and activities of the liberal, reveals the contribution of individual scientists in the coverage of his multifaceted work, in the definition of the role in the social movement of the country. The results of the research are summed up, the prospects for further development of the topic are outlined.

Keywords: K.D. Kavelin, liberalism, historiography, Westernism, modernization, national educational liberalism, reform.

1. Введение

Данный аналитический обзор приурочен к 200-летию Константина Дмитриевича Кавелина [4(16) ноября 1818 – 3(15) мая 1885] – крупнейшего теоретика русского либерализма, деятельного участника подготовки Великой реформы 1861 г., одного из основоположников государственной школы в исторической науке. К ключевым историческим заслугам К.Д. Кавелина следует отнести, с одной стороны, создание учения, ставшего основой национальной версии либеральной теории, попытки ее реализации, положившие начало практике либерализма в России.

Анализ историографической литературы дает возможность не только подвести итоги процесса изучения русского либерализма XIX в., выявить дискуссионные проблемы и наметить контуры перспективных изысканий, но и осветить отношение современного общества к либеральной идее.

Рассмотрение историографического дискурса позволяет прежде всего установить различия в интерпретации типологии русского либерализма, генезиса и этапов развития, в определении времени размежевания и содержания основных течений. Авторы ставят задачу реконструировать и проанализировать процесс обогащения историографического знания, определить направления и трактовки проблемы генезиса и эволюции либеральной мысли, выявить современные методологии, позволяющие адекватно осмыслить феномен либерализма в России.

* Corresponding author

E-mail addresses: ars_raf@mail.ru (R.A. Arslanov), e.v.linkova@yandex.ru (E.V. Linkova), soloviev_evgeny@mail.ru (E.A. Solovyev)

Значение темы определяется как актуальностью проблемы, так и необходимостью переосмысления теоретического наследия либералов, выявления и анализа тех компонентов их учения, которые актуальны и в наши дни. Так, созвучной исканиям современного общества стала сформулированная основоположниками национальной версии либерализма К.Д. Кавелиным и Б.Н. Чичериным идея необходимости сочетания в условиях России свободы личности с сильной государственной властью. Их проект утверждения либеральных ценностей в стране в результате взаимных усилий власти и общества сохраняет, как представляется, свою актуальность, отвечает возможностям и потребностям современной России.

2. Обсуждение

Анализ работ, специально исследующих историографию либерализма XIX в., является довольно сложной задачей, предполагающей выявление его отражения в статьях, отдельных разделах монографий, рецензиях и пр.

Концептуальное значение для понимания сути историографического процесса и основных тенденций изучения как либерализма в целом, так и деятельности его ведущих представителей, имеют труды признанного специалиста по истории общественной мысли дореволюционной России В.В. Шелохаева (Шелохаев, 1998; Шелохаев, 2007; Шелохаев, 2013).

В статье, написанной двадцать лет назад, но сохранившей свою концептуальную значимость, исследователь обратился прежде всего к вызывающей и сегодня споры проблеме типологии либерализма. Опираясь на разработки отечественных философов, ученый выдвинул продуктивную идею о существовании «инвариантного ядра» либерализма, включающего ценность свободы личности и позволяющего обнаружить в меняющихся во времени и национальных пространствах формах либеральную константу. Применение тех или иных научных критериев, утверждает Шелохаев, дает возможность исследователям выделить «...следующие типы либерализма: классический, постклассический, неолиберализм, либертанство, социал-либерализм, национал-либерализм и т.д.» (Шелохаев, 1998: 30).

Особое внимание историк обратил на освещение в научной литературе проблемы генезиса, характера и особенностей русского либерализма. Ему удалось выявить и сравнить позиции исследователей, противостоящих друг другу в оценке как сущности, так и времени появления либерализма в России. Одни (В.В. Леонтович, И.Ф. Худушина, А.В. Соболев, Г. Рормозер) видели в нем лишь «западный «трансплантат», который якобы, с одной стороны, не имеет каких-либо традиций в интеллектуальном поле русской общественной мысли, а с другой – попал в чуждую ему социальную среду» (Шелохаев, 1998: 31). Другие, например, Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская, чье мнение разделяет и сам Шелохаев, находили национальные корни русского либерализма, считая его «...одной из интеллектуальных традиций русской общественной мысли» (Новикова, Сиземская, 1993: 68).

Опираясь на теорию «инвариантного ядра», историк специально остановился на поиске современными авторами тех черт русского либерализма, которые, не отрицая сущности учения, дополняли и адаптировали его к условиям страны с самодержавно-крепостническим режимом, находящейся на стадии догоняющего развития. Обобщая различные историографические мнения, Шелохаев приходит к выводу, что «...исторические особенности развития России обусловили и формирование особого типа русского либерализма, занявшего собственное место в «общей семье либерализма» и обогатившего ее новыми идеями и новым видением проблем современности» (Шелохаев, 1998: 31).

Представляется, что историографические экскурсы автор зачастую использует для проведения собственного анализа, создающего основу для оригинальных суждений и выводов. Так, обобщая различные мнения об особенностях русского либерализма и тех препятствиях, которые стояли на пути его развития (авторитарная система власти, несформированность среднего сословия, экономическая отсталость России, несоответствие между передовой либеральной теорией и отсталым социумом, не готовым к ее восприятию и пр.). Шелохаев отметил принципиальное различие «двух либерализмов», заключающееся в том, что «если на Западе формирование либеральной доктрины и политики в общем и целом совпадало с процессами раскрепощения индивида, то в России появление либеральных идей предшествовало и значительно опережало освобождение от крепостничества» (Шелохаев, 1998: 34).

Вместе с тем, пользуясь примером самого автора, хотелось бы дополнить, может быть, самую важную черту русского либерализма XIX в., обрекавшую его на долгие годы безысходности и абстрактного теоретизирования: стремление дать свободу личности при так и не сложившемся в массах даже в условиях пореформенной модернизации самого «начала личности». Именно эта проблема либерализма станет для одного из ведущих его теоретиков – Кавелина – наиболее острой, а попытки ее решения во многом и определят специфику его теории (Арсланов, 2000).

Шелохаев рассмотрел и сложившиеся в историографии варианты типологизации русского либерализма, где наряду с традиционным подходом – «старый (дворянский), земский, новый (интеллигентский), буржуазный и т.п.» – существуют и другие, например, подразделяющие его на «классический, постклассический, правительственный, соборный и даже самодержавный» (Шелохаев, 1998: 36). Показав необоснованность последних, несколько экзотических определений и

проанализировав историографический и исторический материал, Шелохаев вполне обоснованно отметил неразработанность системы критериев для определения типов, да и этапов развития русского либерализма и, можно добавить, дискуссионность самой проблемы, что и порождает разнообразие мнений, сохраняет актуальность осмысления сущности и особенностей русского либерализма. Особого внимания заслуживает его идея о внеклассовом характере русского либерализма, ставшего результатом творческих усилий нескольких поколений интеллектуальной элиты, что не могло не наложить отпечаток на его характер.

Шелохаев обобщил и результаты дискуссии по вопросам периодизации дореволюционного либерализма. Вслед за рядом исследователей (В.В. Леонтович, Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская, А.И. Нарезный) он определил три этапа в его развитии, отнеся время появления к эпохе просвещенного абсолютизма XVIII в. Переход ко второму классическому этапу исследователи этой группы связывают с деятельностью К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина в середине XIX в. В 90-х гг. XIX в. ему на смену приходит новый либерализм.

Таким образом, Шелохаев подтвердил устоявшееся в историографии мнение о заметном вкладе ряда мыслителей середины XIX в., в том числе и Кавелина, в разработку теории русского либерализма, положившем начало его второму этапу развития. Кроме того, он подчеркнул, что особенности зарождения определили специфику теории русского либерализма, нацеленную на создание адекватной для ее восприятия социальной среды, и прежде всего свободной личности. Анализ творческого наследия Кавелина подтверждает общие выводы историка, свидетельствуя о том, что одна из главных особенностей русского либерализма заключалась в стремлении вычленив индивидуальность из сословного и государственного пресса, т.е. создать личность, являющуюся социокультурной основой для распространения либеральной идеи свободы.

В 2007 г. Шелохаев в своей новой статье вернулся к историографии русского либерализма, проанализировав те изменения, которые произошли в его изучении. Он отметил значительное расширение «проблемного поля» истории либерализма, разработку оригинальных сюжетов, использование новейших концепций и методик, а также возрастание интереса к теме, проявившееся, например, в реализации ряда научных проектов, включая издание энциклопедий и документов, увеличении количества диссертаций, подготовленных представителями различных обществоведческих специальностей (Шелохаев, 2007: 4). Во многом этому подъему способствовало обращение к истории либерализма новой плеяды исследователей – Н.В. Михайловой, И.В. Сибирякова, А.И. Нарезного, А.И. Деникина, Н.В. Мамитовой, Д.В. Аронова, Д.В. Тимофеева и др. Здесь уместно отметить и вклад в его изучение без времени ушедшего С.С. Секиринского, обратившегося к социокультурным аспектам проблемы, поставившего во главу угла саму проблему личности, продуцировавшей либеральные идеи и отличавшейся поведением, направленным на постепенное преобразование среды в соответствующем ее взглядам направлении (Секиринский, 1999).

Тем самым Шелохаев на фактах опроверг бытующее в экспертной среде мнение не только о политической, но и научной маргинализации либерализма в России начала XXI в.

В целом в своих работах Шелохаев подвел итоги изучения либерализма в России, наметил направления дальнейшего научного поиска, специально остановившись на спорных и нерешенных вопросах.

Ряд выдвинутых им положений, например, об особенностях русского либерализма, проявившихся в несформированности его классического, западноевропейского типа, одновременном сочетании интеллигентской, политической, демократической и социальной стадий на интеллигентском этапе развития, использовались в дальнейших изысканиях. С другой стороны, суждения о генезисе отечественного либерализма, периодизации его истории, степени утопичности теоретических построений, особенно либералов эпохи великих реформ, вызывают дискуссии и даже несогласие, что требует продолжения исследований с привлечением новых методологий и зарубежного опыта.

Один из конкретных примеров решения проблем периодизации и типологизации русского либерализма мы находим в докторской диссертации А.И. Нарезного, подвергнувшего комплексному исследованию проекты государственного переустройства либералов. Призывая анализировать концепции либералов в контексте места и времени их развития, автор указывает на «...необходимость постоянного учета высокой степени изменчивости, приспособляемости либерализма к меняющейся обстановке» (Нарезный, 1991: 31).

В качестве исходной точки истории либерализма автор вслед за В.В. Леонтовичем и рядом других исследователей предлагает выбрать последнюю четверть XVIII в. В рамках сложившегося в историографии направления он определяет границы первого этапа серединой XIX в., когда «проделав путь от некритического заимствования европейских идей до формирования представлений о либерализме как направлении модернизации страны, в ходе дискуссии западников и славянофилов складываются основы либеральной концепции, адаптированной к особенностям русской исторической традиции» (Нарезный, 1991: 32). Второй же период, согласно авторской трактовке, охватывает пореформенное время до конца 1870-х гг.

С конца 1870-х гг. с утратой либералами надежд на самодержавие как единственной силы, способной к реформированию страны, начинается, по мнению Нарезного, третий этап развития

либерализма. Таким образом, основным критерием периодизации историк выбрал отношение либералов к самодержавию. Принимая доводы исследователя, хотелось бы отметить некоторую односторонность авторского подхода, который не охватывает такие стороны развития либерализма, как его практическая деятельность, изменение социального состава, идейная эволюция и, в целом, усложнение самого движения, появление новых течений, в том числе и радикализирующегося политического при сохранении умеренного, интеллектуального, продолжающего искать пути сотрудничества с самодержавием.

Определенный резонанс у либераловедов вызвала работа С.А. Репинецкого ([Репинецкий, 2010](#)). В историографическом разделе своей монографии автор рассмотрел различные этапы изучения «формирования идеологии российского либерализма» в предреформенный период. Прежде всего, обращает на себя внимание сама постановка проблемы, вызывающая необходимость обратиться к содержанию таких понятий, как идеология и общественная мысль. Одним из первых на необходимость их различения обратил внимание Шелохаев, концептуально рассмотревший историографические и методологические проблемы общественной мысли России и предложивший свое определение ([Шелохаев, 2011: 35](#)).

Из контекста рассуждений эксперта следует, что во всяком случае до конца XIX в. российский либерализм «...представлял собой одно из течений русской общественной мысли» ([Шелохаев, 1998: 30](#)). Лишь в начале XX в. он сформировался в «ценностную систему», обрел, хотя и незначительную, социальную поддержку и партийную организацию, «созрев» тем самым до уровня идеологии. Репинецкий же трактует идеологию расширительно как «картину мира» ([Репинецкий, 2010: 18](#)). И все же представляется, что применительно к либерализму середины XIX в. проблема дефиниции остается открытой, а ее решение требует дальнейших изысканий. Сам автор, справедливо подчеркнув отсутствие общепринятого мнения о времени становления либерализма «как идеологии общественной группы», наряду с некоторыми историками, например К.И. Шнейдером, утверждает, что этот процесс протекал с 1856 по 1860 гг. ([Репинецкий, 2010: 5](#)).

В истории изучения либерализма Репинецкий традиционно выделяет три этапа, подчеркивая при этом вклад в разработку темы исследователей не только дореволюционного, но и советского времени. Так, он отмечает новаторскую для своего времени диссертацию В.Н. Розенталь ([Розенталь, 1963](#)), в которой, хотя и «с ортодоксальных марксистско-ленинских позиций», впервые была рассмотрена тема становления либерализма в предреформенный период ([Репинецкий, 2010: 27–28](#)).

Среди других автор особенно выделяет работы В.А. Китаева ([Китаев, 1972](#); [Китаев, 1996](#)), концепция которого, по его мнению, стала «...переходной от советской к современной исторической науке». При этом Репинецкий отмечает такие ее стороны, как историчность, проявившуюся в демонстрации либерализма «явлением изменчивым, в постоянном развитии», а также диалектичность: «либеральный лагерь» и его персоналии оказались сотканными из противоречий, которые старались разрешить на протяжении своей деятельности» ([Репинецкий, 2010: 32](#)). Вместе с тем автор останавливается и на противоречиях самого историка, в выводах которого классовый подход, по его мнению, сочетался с характеристиками представителей либерализма с позиций их взглядов и их самоопределения, а не «объективно классовой сущности» или «характеристик прогрессивных деятелей, как это обычно делалось в советской историографии» ([Репинецкий, 2010: 33–34](#)).

С начала 1990-х гг. утверждается новый взгляд на русский либерализм, отмеченный не только преодолением узких рамок классового подхода, но и использованием современных научных концепций, плюрализмом мнений и оценок. Одно из достижений новейшей историографии Репинецкий увидел в том, что «...либерализм начал рассматриваться не через призму взглядов и оценок деятелей революционной демократии, а с учетом самооценки и саморефлексии либералов» ([Репинецкий, 2010: 36](#)), т.е. из объекта субъективной интерпретации он превратился в предмет исследования.

Преодоление устоявшихся стереотипов, в том числе и о едином либеральном лагере, позволило современным исследователям, по мнению автора, предложить свое видение его дифференциации, происходившей уже в середине XIX в. Репинецкий констатировал и сложившуюся среди части гуманитариев точку зрения об отсутствии «единой философии русского либерализма» ([Репинецкий, 2010: 37](#)). Правда, не совсем понятно, почему отсутствие единодушия в историографии воспринимается ими, как утверждает автор, в пессимистических тонах.

Не согласен исследователь и с исключением философом В.Ф. Пустарнаковым одного из основоположников русского либерализма – Б.Н. Чичерина – из «круга либералов» ([Пустарнаков, 2002: 89–90](#)). Автор убедительно доказывает, что, несмотря на выдвижение Чичериным в начале 1860-х гг. концепции «охранительного либерализма», он на всем протяжении своего творчества отстаивал либеральные принципы, а при оценке его взглядов, которые менялись во времени, не следует ограничиваться работами какого-то одного периода ([Репинецкий, 2010: 37–38](#)).

Репинецкий выделяет три основных современных подхода к изучению либерализма, связывая их с именами таких исследователей, как В.А. Китаев, С.С. Секиринский и В.В. Леонтович. Согласно его мнению, для Китаева либерализм прежде всего общественное течение, «выраженное концепциями своих виднейших представителей», иными словами, течение общественной мысли

(Китаев, 2004). Секиринский же воспринимает его как систему, эволюционирующую «от программы самодержавия к программе общества» (Секиринский, 1999: 32).

Попытку классификации современной историографии либерализма, предпринятую Репинецким, можно только приветствовать. Вместе с тем она вызывает ряд сомнений и вопросов. Прежде всего автор сводит позиции трех исследователей, выбранные им в качестве маркеров и даже, по его словам, иллюстраций к «различным трактовкам понятия "либерализм" (для Китаева – это общественное течение, для Секиринского – программа, для Леонтовича – государственная политика и идеология)», к отдельным суждениям и оценкам, тем самым упрощая, а следовательно, и искажая их концепции. Так, едва ли правомерно ограничиваться при анализе взглядов Китаева выдержками из его работы советского времени (Китаев, 1972), в которой была показана эволюция взглядов виднейших представителей либерализма (Кавелина и Чичерина) «от оппозиционности в молодости... до соглашательства с правительством в зрелости и преклонном возрасте» (Репинецкий, 2010: 38).

Для Секиринского же либерализм представлял собой не столько «программу общества», сколько систему его ценностей и практик. В одной из статей он призывал изучать «социокультурный субстрат», на котором выростала общественная мысль пореформенной России (Секиринский, 2011: 102). Важным историк считал и учитывать природу самого человека, «не укладывающуюся в прокрустово ложе различных направлений и схем». По его мнению, в любом общественном течении можно было обнаружить своих «умеренных» и «крайних», которые различались «...не столько содержанием декларируемых убеждений, сколько *темпераментом, характером, ментальным складом* (курсив С.С.)» (Секиринский, 2011: 106).

Таким образом, взгляд Секиринского на либерализм кажется более объемным и глубоким, чем представленный Репинецким в историографическом обзоре.

Работа же Леонтовича, хотя и стала частью современной историографии, вызывая споры и критические оценки, но с формальной точки зрения она относится к другой эпохе: написана в эмиграции и издана на немецком языке в 1957 г., на русский язык переведена и впервые опубликована издательством Имка-пресс в 1980 г.

Вызывает интерес и авторское восприятие тех работ историков, в которых, по мнению Репинецкого, прослеживается переосмысление взглядов и деятельности ведущих теоретиков либерального движения – Кавелина и Чичерина (Искра, 1996; Арсланов, 2000; Кочукова, 2001). При этом, отмечая объективность и осторожность суждений ряда современных исследователей, автор специально остановился на позиции А.Н. Медушевского (Медушевский, 2005: 103–168; об особой роли Кавелина см. стр. 105–109).

Отдавая должное исследователю, много сделавшему для изучения российского либерализма, новаторски освещающему его «становление во всемирно-историческом контексте» и использующему сравнительно-исторический метод, Репинецкий все же полагает, что его оценки роли Кавелина в подготовке крестьянской реформы отличаются апологетичностью. По его словам, Медушевский, рассматривая вторую половину 1850-х гг. «сквозь призму творчества Кавелина», придавал ему «...гипертрофированное, определяющее значение для развития реформаторского процесса начала царствования Александра II» (Репинецкий, 2010: 41).

В обзоре был отмечен также вклад в изучение русского либерализма таких ученых, как Д.И. Олейников, М.Д. Долбилов, В.Я. Гросул, Р.Г. Эймонтова, М.В. Калашников и др. (Олейников, 1996; Долбилов, 1996; Гросул, 2003; Эймонтова, 1998; Калашников, 2001).

Кроме того, в историографическом разделе и в специальной статье автор остановился и на зарубежной историографии темы (Репинецкий, 2010: 45–46; Репинецкий, 2011).

Пермский историк К.И. Шнейдер в ряде статей, а также в вводной и историографической частях монографии представил не только свое видение процесса изучения либерализма, но и оригинальную гипотезу его зарождения (Шнейдер, 2012; Шнейдер, 2010; Шнейдер, 2016). При этом весьма противоречиво он изложил саму динамику разработки темы. По мнению Шнейдера, «увлечение либерализмом» в 1990-х гг. «обрекало исследователя на экспертные и околонучные трудности в силу явной политизированности самой проблемы, что затормозило развитие отечественного «либераловедения»» (Шнейдер, 2012: 5). В своей же ранее опубликованной историографической статье автор утверждал обратное, называя этот период «либеральной волной» в российской историографии и отмечая «появление большого количества публикаций, посвященных либеральной традиции и новых вариантов ее интерпретации» (Шнейдер, 2010: 178–179). На данное и ряд других несоответствий обратил внимание в своей рецензии на монографию Шелухаев, заметивший, например, что «даже далеко не полный перечень вышедших в этот период работ, приведенный в книге самого К.И. Шнейдера, самым категорическим образом противоречит... авторскому утверждению» (Шелухаев, 2013: 8–9).

Продуктивной, но далеко не бесспорной стала выдвинутая Шнейдером гипотеза о генезисе и характере русского либерализма. Мысли исследователя об его окончательном становлении «...в первые годы царствования Александра II», происходящем благодаря теоретическим изысканиям К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина, которые сумели создать «национальную версию либерализма», адаптировав либеральные идеи к национальной почве и соединив их «...с авторитетом просвещенного самодержавного режима» (Шнейдер, 2012: 6), вызвали неоднозначную реакцию

экспертного сообщества. Принимая во внимание суждение автора о складывании национальной модели либерализма в России как его начале, эксперты подвергли сомнению идею, что именно «просвещенный абсолютизм» мог быть «интеллектуальной средой формирования раннего русского либерализма» (Шнейдер, 2012: 9). Так, по мнению Шелохаева, в условиях отсутствия адекватной для восприятия либеральных идей среды, ее «носители... вынуждены были ориентироваться на верховную власть, в единоличных руках которой были сосредоточены все властные рычаги управления...» (Шелохаев, 2012: 15).

Шнейдер же обнаружил в этом, во многом обусловленном исторической ситуацией либерально-консервативном синтезе «точку отсчета» русского либерализма. Представляется, что на самом деле его становление стало результатом взаимодействия целого ряда факторов: сложного переплетения теоретических исканий либералов, в том числе их исторических взглядов, нашедших концентрированное выражение в постулатах государственной школы, складывания социальной формы проявления либеральных интенций – кружков западников – и формирования личности либерального типа – «людей сороковых годов». Подкрепленные дворянской традицией служения государству, приобретшей форму ментальной установки, либеральные настроения стали проникать в бюрократические круги, следствием чего стало образование содружества просвещенной части чиновничества и интеллектуалов, сыгравшего решающую роль в подготовке реформы (Захарова, 1989; Захарова, 1999).

Позднее в условиях эмоционального потрясения образованной части общества, вызванного крымской катастрофой, и ожидания перемен, связанных с началом правления императора Александра II, либеральный проект не только полностью сложился, но и получил определенное распространение. Он предполагал внедрение в правящую элиту мысли, что обеспечение национальных интересов страны зависит от взаимных усилий государства и просвещенного общества и заключается прежде всего в освобождении крестьян.

С другой стороны, в советской историографии именно эта ставка либералов на самодержавие использовалась как доказательство их реакционности, измены самой либеральной идее. Пермский историк в своей работе подтвердил сложившийся в современной историографии вывод, что созданная усилиями Кавелина и Чичерина национальная модель либерализма, ядром которой стал синтез идей свободы личности и сильной государственности, может быть, и противоречил классической либеральной доктрине, но соответствовал историческим условиям и преобразовательному потенциалу страны.

Шнейдер, рассмотрев существующие в историографии определения характера русского либерализма эпохи реформ и подвергнув сомнению существующие дефиниции (дворянский, старый, западнический), предложил нейтральную формулировку – ранний либерализм. Данное определение, по его мнению, точнее всего отражает становление именно национальной версии либерализма (вторая половина 1850-х – первая половина 1860-х гг.), когда он «приобрел все признаки законченной теоретической программы» (Шнейдер, 2012: 11).

Принимая с оговорками аргументацию Шнейдера, хотелось бы уточнить, что существующие дефиниции отражали определенные черты либерализма в России. Даже если отбросить классовый подход, то дворянским его можно было бы называть в силу того, что черты дворянской культуры и ментальности проявлялись как в теоретических построениях либералов того времени, например в идее достоинства и свободы личности, отношении к государству, так и в повседневной практике.

При этом Шнейдер посчитал одну из существующих дефиниций либерализма того времени – «старый», встречающуюся в работах Шелохаева, «туманной». По его мнению, использование определений «старый» и «новый» «...не представляется плодотворным, так как в ситуации многообразных исследовательских версий происхождения отечественного либерализма остается загадкой, что собственно понимать под вывеской «старый либерализм». В этой связи хотелось бы предложить "проверенный" временем и западным академическим сообществом термин "ранний либерализм"» (Шнейдер, 2012: 28–29).

Наиболее серьезное возражение экспертов вызвало стремление Шнейдера полностью вывести национальную форму русского либерализма за рамки классического дискурса, его утверждение, что «канонический образ инвариантной основы либерализма в действительности распадается на разнообразные версии, наполненные национальной спецификой» (Шнейдер, 2012: 12–13). Во-первых, можно оспорить «набор» этих особенностей. Представляется, что в построениях далеко не всех «отцов-основателей» прослеживается, например, элитизм и неприятие демократии, о чем подробнее будет сказано ниже. Во-вторых, при всех особенностях раннего либерализма и различий его течений неизменной оставалась его концептуальная основа. Как вполне обоснованно заметил в своей рецензии Шелохаев, «суть проблемы как раз состоит в том, что «инвариантное ядро»... является величиной константной, однако вырастающие на этой основе «побеги» национальных вариаций либерализмов могут быть иные. Причем эти различия... можно скорее объяснить различной стадийностью развития стран, чем какими-то непреодолимыми национальными особенностями» (Шелохаев, 2013: 16).

Учитывая мнение Шнейдера о том, что как общественное течение либерализм сформировался в России лишь тогда, когда стал облекать в национальную форму «инвариантное ядро», создавая свою

национальную модель, хотелось бы скорректировать предложенное автором время. Представляется, что формирование либерализма начинается не с середины 1850-х гг., как утверждает Шнейдер, а чуть ранее, с конца 1840-х гг., когда происходило соединение трех необходимых для существования большой идеологии компонентов. Прежде всего это разработка соответствующей условиям России теоретической концепции либерализма, осуществленной Кавелиным в статье «Взгляд на юридический быт древней России» (1847 г.). Она стала манифестом не столько западничества, сколько русского либерализма, проводя связь между идеей личности и историческими условиями России с той ролью, которое играло государство в ее развитии. Следует заметить, что эту точку зрения разделяют некоторые современные исследователи (Нарежный, 1999: 35). Главное же заключалось в том, что выдвинутые Кавелиным идеи начинают воздействовать на часть правящей элиты, ставить перед ней задачу необходимости проведения реформ.

Одну из особенностей русского либерализма эпохи его становления Шнейдер увидел в «...наличии как минимум двух течений, конкурировавших между собой за право выражать национальную либеральную аутентичность, – «народнического» Кавелина и «охранительного» Чичерина». При этом приоритет в разработке либерального проекта историк отдает Чичерину, полагая, что именно на основе «охранительной версии» он «окончательно сложился в середине 1860-х гг., приобрел все необходимые характеристики полноценной национальной программы» (Шнейдер, 2012: 48).

Нисколько не умаляя заслуг Чичерина, хотелось бы напомнить, что основы «государственной школы», в которой нашла свое теоретическое и историческое обоснование мысль о решающей роли государства в обеспечении прогресса общества и развития личности в России, были разработаны Кавелиным в конце 1840-х гг. Кстати, сам Чичерин «основоположниками новой русской историографии» считал Кавелина и С.М. Соловьева. Следует заметить, что в это время, т.е. в 1845–1849 гг., он был студентом юридического факультета Московского университета, слушал лекции Кавелина, отмечая то огромное воздействие, которое оказывали на аудиторию и его курс, и его личность (Русское общество, 1991: 33–34, 42).

Вполне обоснованно Шнейдер опровергает устаревшую концепцию единого либерального лагеря предреформенный поры и говорит о его размежевании на течения, связанные в его трактовке с личностями Кавелина и Чичерина. При этом их противостояние историк объясняет различиями как в понимании прошлого России, так и в отношении к европейским странам. В итоге исследователь приходит к выводу, что именно охранительный либерализм Чичерина «стал самой удачной в истории отечественной мысли XIX столетия попыткой создать национальную версию европеизации России в целом посредством реформ «сверху» через плодотворную, законотворческую деятельность самодержавной власти» (Шнейдер, 2012: 63, 64, 93). Более того, именно концепция «охранительного либерализма» сделала Чичерина, утверждает историк, «...лидером в отечественном либеральном сегменте поля производства идей, что позволило ему в отсутствие реальной конкуренции со стороны других мыслителей претендовать на трактовку ценностей либерализма в национальном экспертном сообществе» (Шнейдер, 2012: 134). В приведенных суждениях бросается в глаза отрыв от российских реалий середины XIX столетия, перенос на общественную жизнь того времени понятий и оценок интеллектуальной элиты наших дней.

К тому же историк не затрагивает проблему степени утопичности чичеринского проекта, слишком зависящего от власти, ее способности к самореформированию. Доводя время разработки проекта до середины 1860-х гг., Шнейдер не проследивает не только динамику его последующего развития, но и процесс внедрения в «либеральное поле», не выявляет каналы и результаты его влияния на общественное движение страны. В целом же, как представляется, «чичеринский проект» остался талантливым, но изолированным интеллектуальным продуктом.

Для выявления значимости концепта Чичерина его стоило бы сравнить с кавелинским, предлагавшим не только проводить реформы сверху, но и утверждать либеральные ценности снизу, в результате действий общества, происходящих с учетом национальных особенностей, способностей и возможностей народа.

Весомым доказательством того, что именно проект Кавелина, чуждый, несмотря на предположение Шнейдера, принципу элитарности, пронизанный идеями демократии в форме «мужицкого царства», социальной защиты народа и ненасильственного развития, а не охранительная версия Чичерина, стал доминирующим в либеральном дискурсе, служит то, что он получил признание и развитие в программе одного из влиятельнейших органов либерализма, журнале «Вестник Европы» (Китаев, 2008). Да и новый либерализм начала XX в. по своим интенциям и идейному содержанию был ближе, как представляется, учению Кавелина.

Наряду с идейными разногласиями к одному из факторов размежевания раннего русского либерализма Шнейдер отнес личное соперничество ведущих теоретиков. Более того, личностные мотивы, по его мнению, доминировали над концептуальными, являясь подлинной пружиной спора, а затем и разрыва отношений между Кавелиным и Чичериным. Историк даже допустил, что решающую роль в размежевании сыграло ревностное отношение первого «...к успехам Чичерина в интеллектуальном состязании за экспертный авторитет» (Шнейдер, 2012: 138).

В итоге, используя современную теорию социального поля П. Бурдьё, исследователь попытался представить процесс идеологической дифференциации раннего либерализма, прежде всего, как стремление его идейных вождей «удовлетворить личные амбиции в борьбе за символическое первенство в либеральной среде», как «конкуренцию основных персонажей за символический капитал лидерства в либеральном сообществе» (Шнейдер, 2012: 15, 65).

Можно только приветствовать использование современных подходов, взятых притом из смежных гуманитарных дисциплин к освещению истории общественного движения в России. Но все же, представляется, что их прямолинейное применение без достаточной фактологической аргументации, без учета контекста эпохи и протекавших событий может привести к умозрительным, необоснованным выводам.

Например, первые серьезные разногласия между двумя мыслителями возникли после публикации в «Колоколе» (1858) знаменитого «Обвинительного акта» Чичерина с разоблачением «необузданного» радикализма А.И. Герцена. И вызывались они не столько личным соперничеством, сколько различием взглядов на значение деятельности эмигранта, а главное, расхождением в понимании требований времени, в восприятии некоторых норм дворянской этики.

Кавелин считал, что «Обвинительный акт» может быть использован реакционными кругами как аргумент, направленный против реформ. Кроме того, для Кавелина критика его друга, эмигранта, гонимого властями, представляла собой акт, противоречащий принципам дворянской чести. Никакой зависти и борьбы за лидерство в этом не прослеживается (Арсланов, 2012). Таким образом, именно осмысление социокультурного контекста эпохи дает ключ к объяснению возникшей вражды между двумя бывшими соратниками и друзьями.

Вместе с тем разработанная Шнейдером концепция раннего русского либерализма представляет бесспорную научную значимость, свидетельствует о масштабности и актуальности самой темы.

Важным аспектом в монографии Шнейдера стало обращение к опыту зарубежной историографии, выявление существующих там различных точек зрения на проблемы генезиса и эволюции русского либерализма. Проведенный анализ, с одной стороны, способствует приращению исторического знания, а с другой – отражает всю сложность и неоднозначность историографического процесса.

Определенный резонанс у экспертного сообщества вызвало издание в книжной серии «Русский путь», известной по своему сквозному подзаголовку «pro et contra», очередного тома, включившего в себя работы «сторонников и противников» либерализма (Либерализм: pro et contra, 2016). Одним из первых на публикацию откликнулся известный исследователь общественной мысли России XIX в. В.А. Китаев, представивший в рецензии свое видение и самой антологии, и принципиальных проблем истории либерализма (Китаев, 2017).

Первый опыт подобного рода осмысления либеральной идеологии в России был предварен обширной по объему и концептуальной по содержанию вступительной статьей В.А. Гуторова «Российский либерализм как исторический и политический феномен: от утопии к реальности».

Сразу же хотелось бы подчеркнуть, что содержание статьи несколько не соответствует традиционно присущей подобному роду публикаций академической позиции «над схваткой», отсутствует в ней и заявленное в названии освещение либерализма как «исторического феномена». Вполне обоснованно рецензент обратил внимание на то, что в «...статье не найти даже схематического наброска истории либерализма в России», чему автор предпочел рассуждения «...о некоторых особенностях либерального дискурса» (Китаев, 2017: 169).

Основную отличительную черту либерализма в России Гуторов увидел в том, что он «...в XVIII–XX вв. развивался именно как ответная реакция на нападки со стороны более мощных консервативных, а в дальнейшем и социалистических конкурентов» (Гуторов, 2016: 45). Но это суждение лишает русский либерализм каких-либо внутренних интенций, а тем более социальных корней, превращая его в некую игру ума, забаву для части крепостнического дворянства. Именно лицемерие «просвещенных крепостников», прикрывающих словами о правах человека угнетение своих крестьян, и вызвало появление, по словам Гуторова, «...сверхмощного антилиберального интеллектуального поля», в котором «...стирались противоположности, противоречия, разногласия и оттенки практически всех направлений мысли – от славянофильства и западничества до ортодоксального монархизма и радикального социализма. ...Доминирующую роль на этом поле играла идея об антинародном характере либерализма, в рамках которой “народ” противопоставлялся “образованному обществу”, “интеллигенции” или “публике”» (Гуторов, 2016: 52–53). Широкие обобщения, предполагающие размашистые характеристики, зачастую несут в себе неточности и противоречия. Так и здесь Гуторов включил, например, в антилиберальную палитру западников, на самом деле стоявших у истоков либерального движения. Кстати, в комментариях антологии к «провозвестникам либерализма» был отнесен один из создателей московского кружка западников Т.Н. Грановский (Либерализм: pro et contra, 2017: 859).

В.А. Китаев с некоторым недоумением констатирует, что вступительная статья антологии, призванная по определению осуществлять научно-просветительскую функцию, на деле «...посвящена дискредитации русского либерализма» (Китаев, 2017: 172). И действительно, Гуторов не скрывает

своего критического отношения к идеям и истории русского либерализма, полностью солидаризуясь с его критиками.

Уже в начале своей статьи он возложил на либералов вину за подготовку двух российских катастроф XX в. – 1917 г. и начала 1990-х гг. По словам Гуторова, «либеральная революция, развернувшаяся в начале 1990-х гг. и вновь приведшая российское государство к экономической катастрофе, вслед за февралем 1917 г., осуществлялась под лозунгом целенаправленного развала “советской тоталитарной империи”, сразу оживив самые худшие подозрения и ассоциации относительно традиционного схематизма, инертности, теоретической бездарности и практического бессилия отечественных либеральных группировок» (Гуторов, 2016: 11). Философ, вопреки принципам историзма, объединил “либерализмы” разных эпох и направлений, невольно придав интеллектуальный вес современным либералам, отождествив их с великими предшественниками. Представляется, что внеисторические политизированные аналогии лишь препятствуют осмыслению феномена либерализма в России.

При этом Гуторов, подчеркивая утопический характер всех российских идеологий, особенно выделяет либерализм, который, «...неоднократно приближаясь к тому порогу, когда идея становится реальностью, ... снова и снова терпел позорное поражение от своих более удачливых идеологических и политических конкурентов...» (Гуторов, 2016: 9). Таким образом, либерализм во вступительной статье антологии предстает, скорее, не объектом рефлексии, а жалким «неудачником».

На тенденциозность ее автора не раз обращал внимание и Китаев. Он, например, отметил некритическое использование Гуторовым в целях дискредитации либерализма авторитетного мнения русского демократа Н.Г. Чернышевского, доказывавшего «...несовместимость либеральной политической философии с реальными народными потребностями и чаяниями в любой стране, достигшей хотя бы минимальной степени цивилизованного развития» (Гуторов, 2016: 63). Хотелось бы добавить, что, придав этому, во многом ситуативному суждению Чернышевского, очевидно нерелевантному исторической действительности, характер «универсальной формулы», Гуторов тем самым пытался обосновать отсутствие, по его словам, «реальных перспектив воплощения в жизнь либеральной программы реформ в современной России» (Гуторов, 2016: 114).

О перспективах либерализма в России ведутся дискуссии. Бесспорно то, что его укоренение возможно только во взаимодействии с воплощением в жизнь ценностей демократии и справедливости. Но категоричное утверждение Гуторова, суть которого сводится к тому, что свобода и права личности несовместимы с русской национальной традицией, едва ли вписывается в подлинно патриотический дискурс.

Китаев в своей выдержанной в академических тонах рецензии подчеркнул, что «враждебное отношение к либерализму у “главного конструктора тома” облачено, как правило, в одежды респектабельной философичности. Но в результатах работы составителей эта тенденция прорывается иногда в самом что ни на есть вульгарном облики». Под ним рецензент подразумевает обвинения составителями сборника либералов в связях с масонами, что, по его мнению, характеризует низкое качество собранного «компромата» (Китаев, 2017: 172). Здесь мы видим намек на то, что масонскую тему использовали для разоблачения оппозиции всех мастей крайние националисты и шовинисты.

Хотелось бы добавить, что ничем не скрываемая враждебность составителей сборника к либерализму определяется в отличие от советского времени не классовой, а националистической точкой зрения, во многом тождественной официальной идеологии дореволюционной России.

Одно из последних обращений к историографии проблемы генезиса и эволюции русского либерализма мы встречаем в обобщающей монографии В.Я. Гросула (Гросул, 2017). Наряду с Шелохаевым, он выявил три основные группы историков, по-разному датирующих время появления либерализма в России: началом XVIII в.; серединой XIX в. и концом XIX в. Наиболее обстоятельно автор представил позицию сторонников его раннего происхождения – Н.В. Михайловой, Д.В. Тимофеева, С.И. Глушковой. Так, весьма подробно он остановился на работах Н.В. Михайловой, увидевшей распространение «...либеральных ценностей в период правления Екатерины II и создание либеральной партии где-то на стыке XVIII – XIX вв.» (Гросул, 2017: 217–218). Без комментариев Гросул оставил весьма смелое утверждение Михайловой о том, что в результате мартовского переворота 1801 г. «впервые в русской истории к власти пришли либералы» (Михайлова, 1998: 91). Появление полярных взглядов на зарождение либерализма в России ученый связывает с существованием его различных видов – дворянского и буржуазного, что, по мнению Гросула, и объясняет складывание различных научных позиций (Гросул, 2017: 220). И все же, представляется, что такое, несколько компромиссное объяснение историографических разногласий, использующее к тому же социальный ракурс рассмотрения либерализма в России, ведет к одностороннему пониманию его особенностей и времени происхождения.

3. Заключение

Анализ современной историографии либерализма свидетельствует о продолжающемся процессе переосмысления феномена либерализма, превратившегося из объекта критики советского времени в предмет всестороннего анализа. Следует отметить расширение научного поля исследований, например обращение к проблеме национальной специфики русского либерализма,

выявление теоретической ценности и востребованности некоторых его постулатов, рассмотрение проблемы эволюции и размежевания либеральной мысли, постановка проблемы лидерства в либеральном движении середины XIX в. и т.д.

Новые ракурсы исследований потребовали и использование современных методологий. При этом тема либерализма оказалась благодатной для апробации в отечественной науке социокультурного и антропологического подходов, основных положений интеллектуальной истории, сравнительно-исторического метода, психологического измерения, теории социального поля и пр.

Важной представляется поставленная, но специально не изученная проблема синтеза, осуществляемого ведущими мыслителями русского либерализма, их стремление при сохранении «инвариантного ядра» дополнить национальную версию либерализма демократическими и социальными компонентами, что и давало возможность адекватно учесть возможности и потребности модернизирующегося общества. Важнейшей представляется задача исследования в дискурсе интеллектуальной истории влияния либеральных идей на политику государства, а также выявление отношения власти к представителям умеренной оппозиции.

Особого внимания заслуживает и проблема соотношения утопизма и реализма либеральной программы. Исторический парадокс состоит в том, что умеренность либералов в отечественных условиях начала XX в. превращала их рациональные идеи в утопию, а радикализм левых в условиях социальных катаклизмов находил поддержку у масс, что оборачивалось попытками реализации их утопических конструкций.

Анализ историографической ситуации позволяет наметить перспективные направления дальнейших исследований как либерального движения в целом, так и творчества его крупнейших мыслителей, поставить задачу создания полной и надежной научной биографии выдающихся его деятелей, без которой невозможно преодоление аксиологического подхода и субъективных трактовок их теоретического наследия.

Следует отметить и то, что существование широкого разброса мнений, отсутствие однозначных суждений о либерализме создают благоприятные условия для дальнейших исследований, являются питательной почвой для новых размышлений. Дискуссионность историографических выводов служит гарантом сохранения научного интереса к феномену русского либерализма.

4. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Программы «РУДН 5-100».

Литература

- Арсланов, 2000 – Арсланов Р.А. К.Д. Кавелин: человек и мыслитель. М., 2000.
- Арсланов, 2000 – Арсланов Р.А. К.Д. Кавелин и становление национальной либеральной традиции в России. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2000.
- Арсланов, 2012 – Арсланов Р.А. А.И. Герцен и К.Д. Кавелин в общественной жизни России 40–60-х гг. XIX в. // *История: электронный научно-образовательный журнал* № 6(14) 2012 [J]. URL <http://mes.igh.ru/magazine/content.php?magazine=5153>
- Гросул, 2003 – Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003.
- Гросул, 2017 – Гросул В.Я. Общественное движение в России первой половины XIX века. М., 2017.
- Гуторов, 2016 – Гуторов В.А. Российский либерализм как исторический и политический феномен: от утопии к реальности // *Русская либеральная традиция глазами сторонников и противников: Антология* / Сост., вступ. статья, коммент. В.А. Гуторова, сост., послесловие Р.В. Светлова. СПб., 2016.
- Долбилов, 1996 – Долбилов М.Д. Подготовка отмены крепостного права в редакционных комиссиях 1859–1860 гг. Проблема субъекта реформы. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1996.
- Захарова, 1989 – Захарова Л.Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х гг. XIX в. в России // *Вопросы истории*. 1989. № 10.
- Захарова, 1999 – Захарова Л.Г. Начало великих реформ // Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999.
- Искра, 1996 – Искра Л.М. Политические и исторические взгляды Б.Н. Чичерина. Дис. ... докт. ист. наук. Воронеж, 1996.
- Калашников, 2001 – Калашников М.В. Понятие «либерализм» в политическом дискурсе русского общественного сознания первой трети XIX в. (Опыт историко-семантического анализа) / М.В. Калашников // *Освободительное движение в России: Межвуз. сб. науч. тр.* / Под ред. Н.А. Троицкого. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. Вып. 19.
- Китаев, 1972 – Китаев В.А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века. М., 1972.
- Китаев, 1996 – Китаев В.А. К.Д. Кавелин: между славянофильством и западничеством // *В раздумьях о России*. М., 1996.
- Китаев, 2004 – Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, 2004.

- Китаев, 2008** – *Китаев В.А.* Об особенностях либерализма «Вестника Европы» (1870–1880-е годы) // XIX век: Пути русской мысли: Научные труды. Нижний Новгород, 2008. С. 248–275.
- Китаев, 2017** – *Китаев В.А.* Рецензия: Либерализм: pro et contra. Русская либеральная традиция глазами сторонников и противников: Антология // *Историческая экспертиза*. 2017, № 3. С.169–176.
- Кочукова, 2001** – *Кочукова О.В. К.Д. Кавелин в освободительном движении России (50–80-е гг. XIX в.)*. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2001.
- Либерализм: pro et contra, 2016** – Либерализм: pro et contra. Русская либеральная традиция глазами сторонников и противников: Антология / Сост., вступ. статья, коммент. В.А. Гуторова, сост., послесловие Р.В. Светлова. СПб., 2016.
- Медушевский, 2005** – *Медушевский А.Н.* Проекты аграрных реформ в России XVIII – начало XXI века. М., 2005.
- Михайлова, 1998** – *Михайлова Н.В.* Зарождение либерализма в России. Учебное пособие. Челябинск, 1998.
- Нарежный, 1999** – *Нарежный А.И.* Проблема государственного устройства России в консервативно-либеральной мысли второй половины XIX в. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1999.
- Новикова, Сиземская, 1993** – *Новикова Л., Сиземская И.* Либеральные традиции в культурно-историческом опыте России // *Свободная мысль*. 1993. № 15.
- Олейников, 1996** – *Олейников Д.И.* Классическое российское западничество. М., 1996.
- Пустарнаков, 2002** – *Пустарнаков В.Ф.* Либерализм в России. Казань, 2002.
- Репинецкий, 2010** – *Репинецкий С.А.* Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856–1860 годов. Москва–Самара, 2010.
- Репинецкий, 2011** – *Репинецкий С.А.* Англоязычная историография российского либерализма середины XIX века // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. Т. 13. № 3(2), 2011. С. 516–519.
- Розенталь, 1963** – *Розенталь В.Н.* Русский либерализм накануне реформы 1861 г. (1855–1857 гг.). Дис. ... докт. ист. наук. Л., 1963.
- Русское общество 40–50-х гг. XIX в., 1991** – Русское общество 40–50-х гг. XIX в. Ч. II. Воспоминания Б.Н. Чичерина. М., 1991.
- Секиринский, 1999** – *Секиринский С.С.* Русский либерализм: от 40-х к 80-м годам XIX века (идеи, люди, среда). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1999.
- Секиринский, 2011** – *Секиринский С.С.* «Направленчество» или «внепартийность»: два подхода к изучению русской общественной мысли // *Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления*. Материалы Международной научной конференции. М., 2011.
- Шелохаев, 1998** – *Шелохаев В.В.* Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // *Вопросы истории*. 1998. № 4. С. 26–40.
- Шелохаев, 2007** – *Шелохаев В.В.* Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // *Вопросы истории*. 2007. № 5. С. 3–16.
- Шелохаев, 2011** – *Шелохаев В.В.* Общественная мысль России как историографическая и теоретико-методологическая проблема // *Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления*. Материалы Международной научной конференции. М., 2011.
- Шелохаев, 2013** – *Шелохаев В.В.* К проблеме генезиса и периодизации русского либерализма (Заметки на полях монографии К.И. Шнейдера «Между свободой и самодержавием: История раннего либерализма»). Пермь, 2012) / Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской Конституции. Пятое «Муромцевские чтения» / Сборник научных статей. Орел, 2013. С. 7–29.
- Шнейдер, 2010** – *Шнейдер К.И.* Ранний русский либерализм в отечественной и зарубежной историографии // *Российская история*. 2010. № 4. С. 177–186.
- Шнейдер, 2012** – *Шнейдер К.И.* Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма. Пермь, 2012.
- Шнейдер, 2016** – *Шнейдер К.И.* Ранний русский либерализм в отечественной интеллектуальной традиции: опыт обобщения // *Вестник Пермского университета. История*. 2016. Выпуск 3 (34). С. 52–57.
- Эймонтова, 1998** – *Эймонтова Р.Г.* Идеи просвещения в обновляющейся России в 50–60-е годы XIX в. М., 1998.

References

- Arslanov, 2000** – *Arslanov R.A.* (2000). K.D. Kavelin: chelovek i myslitel'. [K.D. Kavelin: the man and the thinker] Moscow. [in Russian]
- Arslanov, 2000** – *Arslanov R.A.* (2000). K.D. Kavelin i stanovlenie natsional'noi liberal'noi traditsii v Rossii. Dis. ... dok. ist. nauk. [K.D. Kavelin and the formation of the national liberal tradition in Russia] Moscow. [in Russian]
- Arslanov, 2012** – *Arslanov R.A.* (2012). A.I. Gertsen i K.D. Kavelin v obshchestvennoi zhizni Rossii 40-60 gg. XIX v. [A.I. Herzen and K. D. Kavelin in Russian public life 40-60-ies of the XIX century].

- Istoriya: elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal*, № 6(14). [in Russian]. [Electronic resource]. URL: <http://mes.igh.ru/magazine/content.php?magazine=5153>
- Grosul, 2003** – Grosul V.Ya. (2003). Russkoe obshchestvo XVIII – XIX vekov. Traditsii i novatsii [Russian society of XVIII-XIX centuries. Traditions and innovations.]. Moscow. [in Russian]
- Grosul, 2017** – Grosul V.Ya. (2017). Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii pervoj poloviny XIX veka. [Social movement in Russia in the first half of the XIX century]. Moscow. [in Russian]
- Gutorov, 2016** – Gutorov V.A. (2016). Rossiiskii liberalizm kak istoricheskii i politicheskii fenomen: ot utopii k real'nosti [Russian liberalism as a historical and political phenomenon: from utopia to reality]. Liberalizm: pro et contra. Russkaya liberal'naya traditsiya glazami stornnikov i protivnikov: antologiya / sost., vstup. stat'ya, komment. V.A. Gutorova, sost., posleslovie R.V. Svetlova. Saint-Petersburg. [in Russian]
- Dolbilov, 1996** – Dolbilov M.D. (1996). Podgotovka otmeny krepostnogo prava v redaktsionnykh komissiyakh 1859 – 1860 gg. Problema sub`ekta reformy. [Preparation of the abolition of serfdom in the editorial commissions of 1859-1860. The problem of the subject of reform]. Dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh [in Russian]
- Zaharova, 1989** – Zaharova L.G. (1989). Samoderzhavie, byurokriatyi, reformi 60-h-gg XIX v. v Rossii [Autocracy, bureaucracy and reforms of the 60s of XIX century in Russia]. *Voprosi istorii*, № 10. Moscow. [in Russian]
- Zaharova, 1999** – Zaharova L.G. (1999). Nachalo velikih reform. Milyutin D.A. Vospominaniya. 1860-1862. [The beginning of the great reforms. Milyutin D. Memories. 1860-1862]. Moscow. [in Russian]
- Iskra, 1996** – Iskra L.M. (1966). Politicheskie i istoricheskie vzglyady B.N. Chicherina. [Chicherin`s political and historical views]. Dis. dok. ist. nauk. Voronezh. [in Russian]
- Kalashnikov, 2001** – Kalashnikov M.V. (2001). Ponyatie «liberalizm» v politicheskom diskurse russkogo obshchestvennogo soznaniya pervoi treti XIX v. (Opyt istoriko-semanticheskogo analiza). [The concept of "liberalism" in the political discourse of Russian public consciousness of the first third of the XIX century (Experience of historical and semantic analysis)]. *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Pod red. N.A. Troitskogo*. Saratov. [in Russian]
- Kitaev, 1972** – Kitaev V.A. (1972). Ot frondy k okhranitel'stvu. Iz istorii russkoi liberal'noi mysli 50 – 60-kh godov XIX veka [From opposition to conservatism. From the history of Russian liberal thought 50 – 60-ies of the XIX century]. Moscow. [in Russian]
- Kitaev, 1996** – Kitaev V.A. (1996). K.D. Kavelin: mezhdru slavyanofilstvom i zapadnichestvom [K.D. Kavelin: between Slavophilism and Westernism]. V razdumyah o Rossii. Moscow. [in Russian]
- Kitaev, 2004** – Kitaev V.A. (2004). Liberal'naya mysl' v Rossii (1860-1880 gg.) [Liberal thought in Russia (1860 – 1880)]. Saratov. [in Russian]
- Kitaev, 2008** – Kitaev V.A. (2008). Ob osobennostyakh liberalizma «Vestnika Evropy» (1870-1880-e gody) [On the features of liberalism of the "Bulletin of Europe" (1870-1880-ies)]. *XIX vek: Puti russkoi mysli: Nauchnye trudy*. Nizhnii Novgorod. pp. 248-275. [in Russian]
- Kitaev, 2017** – Kitaev V.A. (2017). Recenziya: Liberalizm: pro et contra. Russkaya liberal'naya traditsiya glazami stornnikov i protivnikov: antologiya [Review. Liberalizm: pro et contra. Russian liberal tradition through the eyes of supporters and opponents: anthology]. *Istoricheskaya ehkspertiza*. №3. pp. 169-176.
- Kochukova, 2001** – Kochukova O.V. (2001). K.D. Kavelin v obshchestvennom dvizhenii Rossii, 50-80-e gg. XIX veka. [K.D. Kavelin in the liberation movement of Russia (50-80-ies of the XIX century)]. Dissertatsiya na soiskanie kand. ist. nauk. Saratov. [in Russian]
- Liberalizm: pro et contra, 2016** – Liberalizm: pro et contra. Russkaya liberal'naya traditsiya glazami stornnikov i protivnikov [Liberalizm: pro et contra. Russian liberal tradition through the eyes of supporters and opponents]: antologiya. Sost., vstup. stat'ya, komment. V.A. Gutorova, sost., posleslovie R.V. Svetlova. Saint-Peterbourg. [in Russian]
- Medushevsky, 2005** – Medushevskii A.N. (2005). Proekty agrarnykh reform v Rossii XVIII – nachalo XXI veka. [Projects of agrarian reforms in Russia in XVIII – early XXI century]. Moscow. [in Russian]
- Mikhailova, 1998** – Mikhailova N.I. (1998). Zarozhdenie liberalizma v Rossii. Uchebnoe posobie. [The birth of liberalism in Russia. Textbook]. Chelyabinsk. [in Russian]
- Narezhnyi, 1999** – Narezhnyi A.I. (1999). Problema gosudarstvennogo ustroistva Rossii v konservativno-liberal'noi mysli vtoroi poloviny XIX v. [The problem of state structure of Russia in the conservative-liberal thought of the second half of the XIX century]. Avtoref. dis. dokt. ist. nauk. Rostov – na – Donu. [in Russian]
- Novikova, Sizemskaya, 1993** – Novikova L., Sizemskaya I. (1993). Liberal'nye traditsii v kul'turno-istoricheskom opyte Rossii [Liberal traditions in the cultural and historical experience of Russia]. *Svobodnaya mysl'*. № 15. [in Russian]
- Oleinikov, 1996** – Oleinikov D.I. (1996). Klassicheskoe rossiiskoe zapadnichestvo. [Classical Russian Westernism]. Moscow. [in Russian]
- Pustarnakov, 2002** – Pustarnakov V.F. (2002). Liberalizm v Rossii. [Liberalizm in Russia]. Kazan. [in Russian]
- Repinetskii, 2010** – Repinetskii S.A. (2010). Formirovanie ideologii rossiiskogo liberalizma v khode obsuzhdeniya krest'yanskogo voprosa publitsistikoi 1856 – 1860 godov [Formation of the ideology of Russian

liberalism during the discussion of the peasant question by journalism in 1856-1860]. Moscow – Samara. [in Russian]

Repinetskii, 2011 – *Repinetskii S.A.* (2011). Angloyazychnaya istoriografiya rossiiskogo liberalizma serediny XIX veka [English historiography of Russian liberalism of the mid-XIX century]. *Izvestiya Samarского nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, V. 13, №3(2). [in Russian]

Rozental', 1963 – *Rozental' V.N.* (1963). Russkii liberalizm nakanune reformy 1861 g. (1855-1857 gg.) [Russian liberalism on the eve of the reform of 1861 (1855-1857)]. Dis. ... dok. ist. nauk. Leningrad. [in Russian]

Russkoe obshchestvo 40-50-kh gg. XIX v., 1991 – Russkoe obshchestvo 40-50-kh gg. XIX v. Ch. II. Vospominaniya B.N. Chicherina [Russian society of 40-50-ies of the XIX century Part II. Memoirs of B.N. Chicherin]. Moscow. [in Russian]

Sekirinski, 1999 – *Sekirinskii S.S.* (1999). Russkii liberalizm: ot 40-kh k 80-m godam XIX veka (idei, lyudi, sreda). [Russian liberalism: from the 40's to the 80-th years of the NINETEENTH century (ideas, people, environment)]. Avtoref. ... dok. ist. nauk. Moscow. [in Russian]

Sekirinski, 2011 – *Sekirinskii S.S.* (2011). «Napravlenchestvo» ili «vnepartiinnost'»: dva podkhoda k izucheniyu russkoi obshchestvennoi mysli ["Directionality " or " non-partisanship": two approaches to the study of Russian social thought]. *Obshchestvennaya mysl' Rossii: istoki, evolyutsiya, osnovnye napravleniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow. [in Russian]

Shekhohaev, 1998 – *Shelokhaev V.V.* (1998). Russkii liberalizm kak istoriograficheskaya i istoriosofskaya problema [Russian liberalism as a historiographical and historiosophical problem]. *Voprosy istorii*. № 4. pp. 26-40. [in Russian]

Shekhohaev, 2007 – *Shelokhaev V.V.* (2007). Diskussionnye problemy istorii russkogo liberalizma v noveishei otechestvennoi literature [Discussion problems of the history of Russian liberalism in the modern Russian literature]. *Voprosy istorii*. 2007. № 5. pp. 3-16. [in Russian]

Shelokhaev, 2013 – *Shelokhaev V.V.* (2013). K probleme genezisa i periodizatsii russkogo liberalizma (Zametki na polyakh monografii K.I. Shneidera «Mezhdu svobodoi i samoderzhaviem: Istoriya rannego liberalizma». Perm', 2012) [On the problem of Genesis and periodization of Russian liberalism (notes on the margins of K. I. Schneider's monograph "between freedom and autocracy: the History of early liberalism". Perm, 2012)]/ Konstitutsiya 1993 goda i rossiiskii liberalizm: k 20-letiyu rossiiskoi Konstitutsii. Pyatye «Muromtsevskie chteniya» / Sbornik nauchnykh statei. Orel. P.7-29. [in Russian].

Shelokhaev, 2011 – *Shelokhaev V.V.* (2011). Obshchestvennaya mysl' Rossii kak istoriograficheskaya i teoretiko-metodologicheskaya problema [Social thought of Russia as a historiographical and theoretical-methodological problem]. *Social thought of Russia: origins, evolution, main directions. Proceedings of the international scientific conference*. Moscow. [in Russian]

Shneider, 2012 – *Shneider K.I.* (2012). Mezhdu svobodoi i samoderzhaviem: istoriya rannego russkogo liberalizma [Between freedom and autocracy: the history of early Russian liberalism]. Perm'. [in Russian]

Shneider, 2010 – *Shneider K.I.* (2010). Rannii russkii liberalizm v otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii [Early Russian liberalism in Russian and foreign historiography]. *Rossiiskaya istoriya*. №4. pp. 177-186. [in Russian]

Shneider, 2016 – *Shneider K.I.* (2016). Rannii russkii liberalizm v otechestvennoi intellektual'noi traditsii: opyt obobshcheniya [Early Russian liberalism in Russian intellectual tradition: experience of generalization]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. Vypusk 3 (34). pp. 52-57. [in Russian]

Eimontova, 1993 – *Eimontova R.G.* (1993). Idei prosveshcheniya v obnovlyayushcheysya Rossii v 50 – 60-e gody XIX v. [The idea of education in the renewing Russia in the 50-60s of the XIX century]. Moscow. [in Russian]

Отражение процесса изучения русского либерализма XIX в. в современных исследованиях (аналитический обзор историографии русского либерализма)

Рафаэль Амирович Арсланов ^{a, *}, Елена Валентиновна Линькова ^a, Евгений Алексеевич Соловьев ^a

^a Российский Университет Дружбы Народов, Российская Федерация

Аннотация. В аналитическом обзоре рассматривается современная отечественная литература, посвященная истории русского либерализма 1840–1880-х гг., и прежде всего его теоретику Константину Дмитриевичу Кавелину. Приуроченный к 200-летию юбилею мыслителя, обзор охватывает такие проблемы историографии, как генезис и типологизация русского либерализма, его размежевание и особенности основных течений. Авторы выявляют динамику развития историографического процесса, специально останавливаются на дискуссионных проблемах,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ars_raf@mail.ru (П.А. Арсланов), e.v.linkova@yandex.ru (Е.В. Линькова), soloviev_evgeniy@mail.ru (Е.А. Соловьев)

различные интерпретации которых привели к складыванию отдельных историографических направлений. Обращается внимание и на актуальность темы, связанной, с одной стороны, с использованием современных методологических подходов к изучению либерализма, а с другой – с размышлениями о его перспективах в России XXI в., остротой и востребованностью некоторых теоретических положений программы либералов прошлого.

Подчеркивается, что исследование воззрений и личности К.Д. Кавелина (1818–1885) открывает новые возможности для осмысления истории русского либерализма в целом. В обзоре анализируются и классифицируются основные современные интерпретации теоретического наследия и деятельности либерала, выявляется вклад отдельных ученых в освещение его многогранного творчества, в определение роли в общественном движении страны. Подводятся итоги изысканий, намечаются перспективы дальнейших разработок темы.

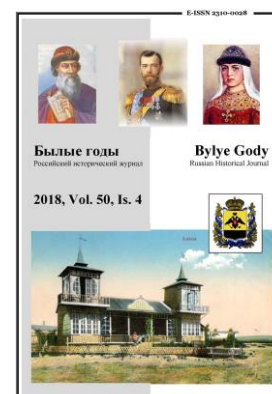
Ключевые слова: К.Д. Кавелин, либерализм, историография, западничество, модернизация, национально-просветительский либерализм, реформа.

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1552-1565. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1552
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Schism in Decembrist Movement

Mikhail S. Belousov ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article examines key episodes of political struggle in the Decembrist movement both inside and between the Northern and Southern societies in 1823-1825. The course and results of the Petersburg meetings of 1824 are analyzed on the basis of “Notes” of S.P. Trubetskoy from the collection of I.A. Shlyapkin. It is shown that the meetings not only did not contribute to the consolidation of secret societies, but rather became the culmination of the pressure of P.I. Pestel to the northerners. All his initiatives were rejected. A new interpretation of the development of the Southern Society in 1825 is given. Interaction of S.P. Trubetskoy with the leaders of the Vasilkovsky society contributed to the isolation of P.I. Pestel. During this period, the views of S.P. Trubetskoy undergo changes, and he begins to support the idea of a peripheral insurrection. Another important collision is the relationship of S.P. Trubetskoy and K.F. Ryleeva. The study of this plot leads to the conclusion that S.P. Trubetskoy was disappointed by the changes that had taken place. K.F. Ryleev evoked his antipathy and could not be perceived as an ally in the implementation of political plans. But the situation changed as a result the death of Alexander I and the beginning of the interregnum. The presented analysis leads to the conclusion that the reason of the defeat of the Decembrist uprisings should be sought not in subjective factors, but in the character of the ideological split that existed in a secret society.

Keywords: Petersburg meetings, S.P. Trubetskoy, K.F. Ryleev, P.I. Pestel, the Decembrists, interregnum, the Decembrist revolt.

1. Введение

В советской историографии, а значит, и в современной исторической памяти сложился устойчивый образ движения декабристов как плотно соединенной и сплетенной группы единомышленников. Существовавшие тайные общества представляются как прототипы будущих революционных организаций, основанных на принципах демократического централизма. Все происходившие конфликты и столкновения отодвигались на второй план. Одним словом, декабристы – первенцы революционного движения, борцы за свержения самодержавия и отмену крепостного права.

Подобный подход представляется идеологически предопределенным и устаревшим. Отсюда цель предлагаемой работы – выявить ключевые эпизоды политической борьбы в движении декабристов на позднем этапе его существования, а именно проанализировать причины, ход и значение возникшего раскола между лидерами различных групп тайного общества.

2. Материалы и методы

Источниковую базу составили материалы следственных дел, их записки и эпистолярное наследие. Особого внимания заслуживают воспоминания С.П. Трубецкого. Оригинал «Записок» хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Они были несколько раз опубликованы ([Записки декабристов, 1863: 1–99](#); [Трубецкой, 1906](#); [Трубецкой, 1981: 23–75](#);

* Corresponding author

E-mail addresses: m.belousov@spbu.ru (M.S. Belousov)

Трубецкой, 1983: 217–293). Однако П.В. Ильиным была найдена более полная редакция этого источника в архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (СПБИН РАН) в коллекции собирателя исторических документов И.А. Шляпкина (Ильин, 2003: 138–146). Историк при публикации дал им подробную характеристику, отметив предполагаемую дату возникновения, особенности структуры и основные «содержательные новации» (Ильин, 2011: 9–50). Данная редакция дает возможность существенным образом скорректировать представления об истории декабристских тайных обществ, в том числе на заключительном этапе их существования.

Методологической основой исследований явились принципы историзма, объективизма и системности научного анализа. Применялись традиционные методы анализа исторических источников. Среди специальных приемов следует выделить метод исторической реконструкции, который дал возможность по-новому воссоздать картину целой череды встреч и переговоров участников тайного общества.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии присутствовал тезис об идеологических противоречиях в движении декабристов на завершающем этапе его развития. А.Н. Пыпин подчеркивал разницу в характерах и взглядах руководителей Северного (Н.М. Муравьев и С.П. Трубецкой) и Южного (П.И. Пестель) обществ (Пыпин, 1885: 444). В.И. Семевский первым проанализировал содержание конституционных проектов декабристов, а также критику их постулатов со стороны различных членов тайного общества. По мнению историка, в ходе петербургских совещаний декабристам не удалось достигнуть единой позиции о политических целях, тем не менее, их результатом стало увлечение К.Ф. Рылевым республиканскими идеями в противовес другим лидерам северян (Семевский, 1909: 488–491). Г.В. Вернадский отмечал, что отход от дел прежних лидеров привел к возвышению К.Ф. Рылеева и началу перестройки Северного общества в «заговорщическую организацию пестелевского склада» (Вернадский, 1993: 87).¹

В 1920-е гг. Н.Ф. Лавров, анализируя различные перипетии в жизни тайного общества, использовал оборот «фракционная борьба» (Лавров, 1926: 129–222). Н.М. Дружинин убедительно показал, что Конституция Н.М. Муравьева «подвергалась нападению преимущественно со стороны левого течения» (Дружинин, 1985: 183). Тем не менее, историк ограничился анализом критики проекта, не касаясь вопроса, каким образом она отразилась на взаимоотношениях Северного и Южного обществ. Одним словом, в дореволюционный период и в 1920–1930-е гг. выделялись отдельные эпизоды противоречий как между, так и внутри тайных обществ. Но следующим этапом развития историографии становится полный отказ от этих наблюдений.

Сталинская концепция движения декабристов, созданная М.В. Нечкиной, полностью отрицала возможность существенных разногласий в среде «первых революционеров». Наиболее емко применительно к рассматриваемому периоду эту идею сформулировал Н.С. Захаров. Он подчеркивал, что «характерной чертой движения декабристов на всех этапах его развития являлось внутреннее его единство» и что «все расхождения в программных и тактических вопросах в их среде были лишь вариантами и оттенками единой в своих основных положениях программы движения» (Захаров, 1954: 84). Исходя из этого постулата, в послевоенный период историки отрицали наличие существенных противоречий, а тем более раскола в движении декабристов. Безусловно, «будущий исследователь предпримет попытку проанализировать эти постулаты, опираясь на приемы метаистории» (Belousov, 2018: 352) и покажет, как в сталинской историографии происходило конструирование исторических процессов и явлений (Егоров, Каменев, 2018: 506–521).

Тем более, что современные исследователи подходят к этому сюжету более осторожно. В частности, О.И. Киянская с присущей ей легкостью оценила последнюю встречу петербургских совещаний как «публичную порку» П.И. Пестеля (Киянская, 2005а: 120). В.М. Бокова обратила внимание на социальную неоднородность декабристского движения на завершающем этапе его существования. Оценивая социальный состав отрасли К.Ф. Рылеева, она использовала термин «предразночинцы», которые «по отношению к остальной дворянской массе Петербурга имели некоторый оттенок маргинальности» (Бокова, 2003: 482). Согласно В.М. Боковой, «в этой среде можно заметить и выраженную, обращенную “вверх” социальную неприязнь», и что любопытно, «особенно не любил “Рылеев аристократов”» (Бокова, 2003: 483). Именно этой антипатией «к высшему обществу» В.М. Бокова объясняет изоляцию Н.М. Муравьева в 1825 г. и неприязнь по отношению к С.П. Трубецкому.

Таким образом, в историографии представлена широкая палитра мнений по обсуждаемому сюжету. Это делает правильным и логичным стремление заново проанализировать ключевые эпизоды истории взаимоотношения Северного и Южного обществ в 1823–1825 гг. и постараться расставить все точки над «i».

¹ Подробный анализ взглядов Г.В. Вернадского на историю движения декабристов см.: (Дворниченко, Белоусов, 2017: 358–374)

4. Результаты

В 1821–1823 гг. после роспуска Союза Благоденствия образуются Южное и Северное общества, оформляются их «программные документы» – «Русская правда» и Конституция. Лидер южан П.И. Пестель посредством делегатов (С.Г. Волконского и В.Л. Давыдова) и письменных сообщений высказывал критику конституционного проекта Муравьева и пытался навязать ему основные положения «Русской правды». Эту же цель преследовала и поездка А.П. Барятинского, прибывшего в Петербург в мае 1823 г. Несмотря на давление Южного общества, Н.М. Муравьев твердо стоял на следующем принципе, характерном еще для идеологии Союза Благоденствия: «Nous commencerons absolument par la propagande».¹

В июне 1823 г. в Петербург на длительный срок прибыл М.И. Муравьев-Апостол. Он и А.П. Барятинский, не придя к компромиссу с Н.М. Муравьевым, предприняли попытку создать в столице отделение Южного общества. «Эта попытка была расценена Северным обществом как нечто очень значительное и крайне опасное» (Нечкина, 1955: 14). В связи с этим Н.М. Муравьев, как показывал на следствии С.П. Трубецкой, посчитал, что «по сему случаю непременно нужно иметь здесь, в Петербурге, общество хотя в малом числе членов, для того чтобы члены южного общества не могли здесь распространять своего общества, как то они уже начали делать» (Дело князя С.П. Трубецкого (Трубецкий, 1925: 87)).

Таким образом, перед северными лидерами встала необходимость ассимилировать, не нарушая status quo, в Северном обществе членов создававшейся в Южном обществе петербургской ячейки, равно как и членов активизировавшейся отрасли К.Ф. Рыльева. Стояла задача скорректировать структуру общества и сделать его более доступным. Этот вопрос обсуждался на совещаниях осенью 1823 г. Сначала Н.М. Муравьев разработал поправки к существующему уставу, но, в конечном счете, были приняты предложения Н.И. Тургенева. Общество получало наименование «Союз соединенных и убежденных». Его должна была возглавлять дума из трех директоров. Ими стали Н.М. Муравьев, Е.П. Оболенский и С.П. Трубецкой.

Несмотря на активизацию Северного общества в конце 1823 г., давление юга продолжалось. В декабре 1823 г. в Петербурге вновь появились В.Л. Давыдов и С.Г. Волконский, а в начале 1824 г. И.С. Повало-Швейковский. Но квинтэссенцией этого процесса стали петербургские совещания 1824 г. Такое наименование в литературе получила группа встреч П.И. Пестеля с представителями Северного общества и их совместные собрания.

Как показано выше, этот эпизод не раз становился предметом исследования. Но редакция «Записок» С.П. Трубецкого из коллекции И.А. Шляпкина, содержащая «более подробное (в сравнении с известной редакцией) описание переговоров Северного общества с П.И. Пестелем в 1824 г.» (Ильин, 2011: 42), позволяет уточнить существующие предположения. Прежде всего стоит обратить внимание на проблему «образа действия». С.П. Трубецкой в рассматриваемом фрагменте возводит ее в категорию ключевого противоречия между Северным и Южными обществами. Он так видит развитие этой проблемы в 1822–1824 гг.: беседы с «членами с юга» показали, что «там бывшее отделение общества действует в особенном духе» (Записки С.П. Трубецкого, 2011: 61).

Когда в Петербург приехал П.И. Пестель, участники переговоров «удостоверились, что он в образе своих мыслей руководствуется совсем противными правилами» (Записки С.П. Трубецкого, 2011: 61). С.П. Трубецкой подчеркивает, что в ходе собраний П.И. Пестель «представлял “необходимость изменить образ действия”» (Записки С.П. Трубецкого, 2011: 61). По итогам совещаний задачей «старших членов было обратиться младших на прежний образ мыслей», а ключевым решением лидеров Северного общества – «не изменять образа действия». Словосочетание «образ действия» является лейтмотивом данного фрагмента. С.П. Трубецкой указывает на изменившийся «образ действия» у П.И. Пестеля. Заключался он в стремлении к насильственной смене власти, установлении диктатуры Временного Правления, составленного из членов общества, и реализации основных положений «Русской правды». Для реализации этой цели, согласно С.П. Трубецкому, П.И. Пестель де-факто хотел членов Северного общества подчинить Южной директории, а именно – объединить оба общества и «вручить управление его трем лицам, из которых два уже были на юге, а третье избрать в столице» (Записки С.П. Трубецкого, 2011: 61).

Стремлениям П.И. Пестеля противопоставляется «положительная» программа Северного общества. Рассматриваемая редакция записок является единственным источником, в котором она отобразилась. «Трубецкой перечисляет “пункты”, вокруг которых, по его словам, объединились руководители Северного общества против предложений Пестеля» (Ильин, 2011: 42). В первом пункте речь идет о том, что общество должно «не изменять образа действия» (Записки С.П. Трубецкого, 2011: 62), то есть действовать в соответствии с целью Союза Благоденствия. Причем С.П. Трубецкой особенно подчеркивает, что «цель не может быть иначе как отдалена, потому что дело такого рода, что невозможно положить срока его исполнения» (Записки С.П. Трубецкого, 2011: 62).

Во втором пункте в противовес плану П.И. Пестеля о насильственном захвате власти С.П. Трубецкой считает, что общество может получить властные полномочия исключительно посредством карьерного продвижения его членов. Эта идея развивается в третьем пункте. По мнению

¹ Перевод с фр.: «Мы обязательно начнем с пропаганды» (Дело А.В. Поджио, 1954: 72).

С.П. Трубецкого, военная революция, к которой призывает П.И. Пестель, «повлечет за собою все ужасы французской революции, от которых предохранить Россию есть одна из первых целей общества» (*Записки С.П. Трубецкого, 2011: 62*). Под «ужасами французской революции» С.П. Трубецкой подразумевал неконтролируемый всплеск насилия. Как показал П. Гениффе, революционный террор стал неизбежным следствием ломки старого режима (*Gueniffey, 2018: 906–918*). Таким образом, С.П. Трубецкой отвергает революционный путь развития общества, считая, что восстание приведет к кровопролитию и возможной гражданской войне. Отметим, что подобное отрицание французской революции было свойственно не только российским «революционерам», очень похожая картина наблюдалась в Германии в 1840-е гг. (*Moeller, 2017: 610*).

В четвертом пункте комментируются предложения П.И. Пестеля о создании общей директории и жесткой централизации общества. По С.П. Трубецкому, пойти на это значило бы «сделаться прочим членам слепыми орудиями этих лиц». Содержание этого пункта отсылает нас к критике устава Союза Спасения и демонстрирует в С.П. Трубецком неприятие оформления тайного общества в форму строго централизованной организации.

В пятом пункте «Русской правды» рассматривается как предложение о проведении перечня реформ, которые, согласно С.П. Трубецкому, «не могут быть приложены к Русскому Государству». Подобное замечание свидетельствует о негативной оценке С.П. Трубецким предложений П.И. Пестеля в аграрном вопросе и в вопросе о государственном устройстве. Польскому вопросу посвящен шестой пункт, где С.П. Трубецкой категорически отвергает возможность восстановления Польши. При этом в данном пункте содержится и положительное предложение о национальном вопросе: «Справедливость требует, чтобы как поляки, так и прочие покоренные Русскими народы пользовались одними с ними правами» (*Записки С.П. Трубецкого, 2011: 63*). Таким образом, С.П. Трубецкой отвергает в данном случае право поляков на национальное самоопределение, но при этом выступает за политическое равноправие всех народов Российской империи.

Итак, согласно С.П. Трубецкому, предложения П.И. Пестеля были отклонением от вектора развития тайного общества. Принятой на юге программе Северное общество противопоставляло основные идеи, характерные еще для Союза Благоденствия: демократичная структура организации, приоритетность пропаганды над подготовкой заговора, стремление к решению крестьянского вопроса без радикальной ломки существующих поземельных отношений. Надо отметить, что позиция С.П. Трубецкого в период Московского заговора 1817 года, другого переломного эпизода в жизни тайного общества, была аналогичной (*Belousov, 2018: 29–40*).

Наряду с «положительной» программой в редакции «Записок» С.П. Трубецкого из коллекции И.А. Шляпкина обращает на себя внимание то, каким образом изображена сюжетная линия петербургских совещаний. С.П. Трубецкой излагает следующую последовательность действий: П.И. Пестель приехал, и «в собраниях, которые были для совещания с ним, он представлял «необходимость изменить образ действий»». «Эти речи сильно взволновали присутствующих членов» и «вызвали жаркие возражения» (*Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 62*). Во время пребывания в Петербурге П.И. Пестель «некоторых из молодых членов <...> убедил принять некоторые из его мнений». Приведенные доводы, составляющие положительную программу Северного общества, «убедили тех членов, которые были поколеблены рассуждениями П[естеля], – доверенность к нему истребилась». По итогам петербургских совещаний «разрыв обоих отделений общества был неизбежен» (*Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 62*).

Приведенные данные позволяют скорректировать представление о ряде эпизодов петербургских совещаний. Речь идет, прежде всего, о встрече П.И. Пестеля с С.П. Трубецким, произошедшей вскоре после приезда первого. П.И. Пестель изложил С.П. Трубецкому свою программу, который на следствии об этом скажет: «Выслушав таковой вздор, я уведомил наших членов, что Пестель бредит» (*Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 15*). Н.С. Захаров предположил, что «Трубецкой свое несогласие преувеличивал» (*Захаров, 1954: 96*). Содержание и тон записок указывают на масштабные противоречия и антипатию к южному лидеру, учитывая которые едва ли можно говорить о преувеличении.

Кроме того, Н.С. Захаров подчеркнул, что «предложение Пестеля поколебало политические взгляды Трубецкого». Аргументируя это сбивчивым показанием самого С.П. Трубецкого о том, что ему «должно было с ним притвориться как тогда, так и после, и иногда показывать, что я вхожу в некоторые его виды» (*Захаров, 1954: 27*). Сам же П.И. Пестель отмечал, что «Трубецкой решительного образа мыслей не показывал: то был согласен на республику, то опять оспаривал ее» (*Дело П.И. Пестеля, 1927: 162*). Сопоставление этих показаний сформировало мнение о колебаниях С.П. Трубецкого. Но наличие положительной программы у северного лидера и факт того, что она не отобразилась в показаниях П.И. Пестеля, указывают на то, что С.П. Трубецкой в разговоре с П.И. Пестелем действительно «притворялся».

Вторая встреча между С.П. Трубецким и П.И. Пестелем произошла на заключительном этапе петербургских совещаний, где последний выступил с предложением создать совместную директорию Северного и Южного обществ в составе С.П. Трубецкого, П.И. Пестеля и А.П. Юшневского. Аргументом в выборе кандидатуры А.П. Юшневского со стороны П.И. Пестеля была его бездеятельность, что в глазах С.П. Трубецкого могло бы выглядеть так: С.П. Трубецкой соглашается

на слияние обществ, за что П.И. Пестель признает его единственным полноправным руководителем на севере. Но, как утверждает О.И. Киянская, А.П. Юшневский был ключевой фигурой на юге: «Пестель и Юшневский были единомышленниками и верными соратниками» (Киянская, 2005: 33). При этом А.П. Юшневский был одним из главных организаторов восстания на юге. Внешне это предложение напоминает состав комиссии, образованной при написании статута Союза Спасения. Можно предположить, что эта ассоциация была еще одним аргументом в пользу того, чтобы отклонить подобное предложение.

Итак, петербургские совещания закончились полным провалом П.И. Пестеля. Его предложения не вызвали сочувствия членов столичной организации, скорее, привели к отторжению и конфронтации, по крайней мере между С.П. Трубецким и П.И. Пестелем. После петербургских совещаний в письме «С. Муравьеву было сообщено все, что происходило в столице в бытность П[естеля], и поручено ему наблюдение за его действиями и противодействие им» (Киянская, 2005а: 53). Пройдет более полугодя, как С.П. Трубецкой отправится по делам службы в Киев, где перед ним будет стоять похожая, как и у П.И. Пестеля, задача – присоединить южных членов к своему «образу действия».

В конце 1824 года в ситуации заочной борьбы с П.И. Пестелем С.П. Трубецкому предоставляется великолепный шанс перевести противостояние на новый уровень: лично отправиться на юг и, воздействуя на братьев Муравьевых-Апостолов, нивелировать успехи южного лидера последних лет. Дело в том, что князь А.Г. Щербатов был назначен командующим 4-м пехотным корпусом 1-й армии. С князем С.П. Трубецким он был хорошо знаком; в 1821 году, находясь в Париже, был гостем на его свадьбе (Кологривов, 1936: 229). Осенью 1824 г. он предложил С.П. Трубецкому занять должность дежурного офицера штаба и таким образом перебраться в Киев. Назначение состоялось 22 декабря 1824 г. (Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 4). В феврале 1825 г. (Дело С.М. Семенова 1984: 177) С.П. Трубецкой выезжает из Санкт-Петербурга и отправляется к месту службы за некоторое время до князя Щербатова, который задерживался в столице (Дело С.И. Муравьева-Апостола, 1927: 237–238), и «в марте месяце сего 1825 года» (Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 16) прибывает в Киев.

А.Г. Готовцева и О.И. Киянская в статье «Человек, заслуживающий доверия» (Готовцева, Киянская, 2011: 106–139) под иным углом рассмотрели вопрос о назначении С.П. Трубецкого в штаб 4-го пехотного корпуса. Сопоставляя этот поворот служебной карьеры с назначением генерал-полицмейстером 1-й армии Ф.Ф. Эртеля в 1823 г., исследователи предположили, что С.П. Трубецкой добивался должности, чтобы обезопасить тайное общество от раскрытия. Тем не менее, противостояния, к которому подводят А.Г. Готовцева и О.И. Киянская, не произошло. С.П. Трубецкой и Ф.Ф. Эртель пробыли в Киеве вместе чуть более месяца. В апреле 1825 г. последний скончался.

Учитывая утверждения А.Г. Готовцевой и О.И. Киянской, однако следует подчеркнуть, что в ходе допросов С.П. Трубецкой так сформулировал задачу, которую ставил перед собой по делам общества: «В 1824 году, в исходе, отправился я в 4 корпус. <...> Одна из обязанностей моих была наблюдать за Пестелем, ибо он вовсе отделился» (Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 10). Стоит отметить, что в ходе первых допросов, на что обратили внимание А. Готовцева и О. Киянская в другой статье «К истории несостоявшейся революции» (Готовцева, Киянская, 2007: 102–162), С.П. Трубецкой дает акцентированную негативную оценку П.И. Пестелю, чтобы отвлечь внимание правительства от С.И. Муравьева-Апостола. Но фраза из следственного дела практически дословно дублируется в «Записках» С.П. Трубецкого: «петербургские члены видели необходимость бдительным оком следить за действиями его <...>; вскоре представилась возможность усилить это наблюдение» (Трубецкой, 1983: 228).

Но противодействие П.И. Пестелю было лишь одной из установок. Основной позитивной задачей было «соединить старых членов и дать им средства к действию по прежде принятым началам», а кроме того «войти в сношение с Польским обществом и убедить его, что Польша существовать не может отдельно от России» (Трубецкой, 1983: 229). Таким образом, С.П. Трубецкой ставил перед собой цель переломить неверный, по его мнению, пестелевский вектор развития Южного общества, оттеснить его и действовать совместно со старыми проверенными товарищами, прежде всего в лице братьев Муравьевых-Апостолов. О.И. Киянская обратила внимание, что «план этот был копией тактических разработок Пестеля», потому что подразумевал объединение обоих обществ, подготовку одновременного выступления и севера, и юга. «Правда, осуществить все это необходимо было без участия Пестеля» (Киянская, 2005а: 220).

В период появления С.П. Трубецкого в Киеве в Южном обществе уже намечался раскол. В январе 1825 г. на Киевских контрактах состоялся 4 съезд руководителей Южного общества, который в том числе рассматривал план восстания, предложенный Сергеем Муравьевым-Апостолом. Он, как и М.П. Бестужев-Рюмин, не смог приехать, и вместо них Васильковскую управу представляли И.С. Повало-Швейковский и В.К. Тизенгаузен. Видимо, они представляли мнение С.И. Муравьева-Апостола, о чем свидетельствует В.Л. Давыдов, участвовавший в съезде: «возобновил предложение о начатии возмутительных действий» (Дело С.И. Муравьева-Апостола, 1927: 401).

План С.И. Муравьева-Апостола заключался в том, чтобы в ходе царского смотра 3 корпуса переодетые офицеры вышли в караул Александра I и убили его, после чего планировалось начать

восстание на юге. Он считал, что стоит только начать действовать, как все «само собой» начнет развиваться, о чем он писал в письме В.К. Тизенгаузену ([Дело В.К. Тизенгаузена, 1954: 244–246](#)). План С.И. Муравьева-Апостола, навеянный испанской и итальянской революциями 1820-х годов, своей романтичностью полностью противоречил прагматичному подходу П.И. Пестеля к вопросам организации революции. Хотя, безусловно, имел шансы на успех: периферийные восстания в Испании, с одной стороны, спровоцировали либеральную революцию 1820–1823 гг., а с другой стороны, по мнению А.А. Терещука, были основным средством давления на власть у консерваторов и в конечном счете переросли в Карлистскую войну ([Терещук, 2017: 84](#)).

П.И. Пестель на протяжении нескольких лет тщательно разрабатывал «Русскую правду», занимался вопросами конкретного маршрута движения восставших частей, обеспечения их продовольствием, организацией связи между ними. Кроме всего прочего, П.И. Пестель считал, что восстание должно начаться в Петербурге как «средоточие всех властей». Поэтому неудивительно, что П.И. Пестель счел план, предложенный Васильковской управой, неподготовленным: он показывал: «Я, Юшневский, Давыдов, князь Волконский и князь Барятинский сильно тогда спорили противу оного во время Киевских контрактов 1825 года и совершенно оно тогда опровергнули» ([Дело П.И. Пестеля, 1927: 104](#)).

Именно в этот период в Киев переезжает князь С.П. Трубецкой. По показаниям П.И. Пестеля «князь Сергей Трубецкой по прибытии в Киев действовал с сею (Васильковской. – М.Б.) управою» ([Дело П.И. Пестеля, 1927: 110](#)). Сам С.П. Трубецкой так описывает ситуацию в Южном обществе в момент своего приезда: «Скоро по приезде моем в Киев увиделся я с Сергеем Муравьевым-Апостолом, который уверил меня, что он ни мало не вдался Пестелю и что он с другими членами общества из их дивизии дали друг другу слово против Пестеля» ([Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 35](#)).

Контакты с Васильковской управой установились достаточно быстро. С.П. Трубецкой показывает: «9[-я] дивизия начала ходить в караул, в Киев, я стал часто видеться с Муравьевым и Бестужевым, которые <...>, приезжая в Киев, останавливались у меня» ([Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 35](#)). Брат Сергея Муравьева-Апостола Матвей в письме от 27 мая И.Д. Якушкину сообщает: «Я съездил повидаться с братом Сергеем и имел удовольствие провести с ним несколько дней. Видел я и С. Трубецкого, который основался в Киеве. <...> Мне нечего тебе говорить, что много было между нами переговорено <...>» ([Записки Якушкина, 2007: 245](#)). Таким образом, с приездом С.П. Трубецкого стал складываться политический альянс одного из руководителей Северного общества с лидерами Васильковской управы. Совместная политическая деятельность, обсуждение конституционных проектов, дискуссии о плане восстания сопровождалась дружескими взаимоотношениями между заговорщиками и их семьями.

Друзья С.П. Трубецкого были и друзьями его жены – Екатерины Ивановны. Поэтому неудивительно, что она слышала обрывки разговоров на политические темы и могла предполагать о сути скрываемой деятельности. Ее сестра З.И. Лебцельтерн в воспоминаниях, посвященных Екатерине Ивановне, приводит следующую мысль: «Только узнав о том, что главные из них в тюрьме и во всем признались, она стала в разговоре касаться того предмета, о котором спорили заговорщики в ее присутствии, ибо она их знала как близких друзей мужа» ([Лебцельтерн, 1975: 182](#)). Она не воспринимала происходящие обсуждения всерьез, и ей казалось, что все эти разговоры «просто ради забавы». Кроме того, З.И. Лебцельтерн рассказывает об одном из таких совещаний, так напугавшем ее сестру своей резкостью, что она, отведя в сторону С.И. Муравьева-Апостола, сказала: «Ради бога, подумайте, что вы делаете, вы и нас всех погубите, и свои головы положите на эшафот». На что тот ответил: «Неужели вы думаете, что мы не делаем все, что нужно, чтобы обеспечить успех наших замыслов? К тому же речь идет о совершенно неопределенном времени, не бойтесь же» ([Лебцельтерн, 1975: 184](#)).

Можно сделать вывод о том, что после приезда С.П. Трубецкого в Киев в Южном обществе значительно изменился расклад сил. Если ранее деятельность С.И. Муравьева-Апостола и М.П. Бестужева-Рюмина имела периферийное значение, их предложения и планы блокировались П.И. Пестелем и его сторонниками, то теперь именно вокруг лидеров Васильковской управы и одного из директоров Северного общества складывается независимый центр силы. Свообразным штабом деятельности заговорщиков являлась киевская квартира С.П. Трубецкого, которая стала местом собраний офицеров 3-го и 4-го корпусов. Обращает на себя внимание донесение капитана В.С. Сотникова, агента генерала К.Ф. Толя на юге, от 2 января 1826 г.: «Узнал я, что с полковником кн. Трубецким, кроме Муравьева-Апостола и Бестужева, были в весьма коротких связях подполковник Гротенгельм и еще один штаб-офицер <...>, я принимаю сего штаб-офицера за полковника Тизенгаузена. Также весьма часто посещал Трубецкого адъютант князя Щербатова Норов» ([Донесение гвардии капитана В.С. Сотникова, 1929: 17](#)).

На квартире у С.П. Трубецкого братьями Муравьевыми-Апостолами был принят в члены тайного общества А.О. Корнилович ([Корнилович, 1957: 418–419](#)). Упоминания о встречах на квартире С.П. Трубецкого присутствуют также в следственном деле полковника В.К. Тизенгаузена: «Забыл было объявить еще, что мне известно, что полковник К. Трубецкой – также член Общества <...>, возобновил с ним знакомство прошедшего лета при разводе, <...> был несколько разов у его в доме, но никогда разговор не касался до общества» ([Дело князя Е.П. Оболенского, 1925: 257](#)).

В.К. Тизенгаузен в ходе дознания настойчиво отрицал свою связь с заговорщиками, признавая, что бывал у С.П. Трубецкого, но общение ограничивалось либо общими разговорами, либо служебными обязанностями.

При этом С.П. Трубецкой последовательно стремился установить наблюдение за П.И. Пестелем. Он попытался привлечь к этому И. Бурцова: «Я просил Нарышкина полковника в проезде его через Киев, чтобы он, увидевшись с полковником Бурцовым, узнал от него, <...> на какой он ноге с Пестелем, и чтоб за ним наблюдал, но осторожно, не выставляя себя» ([Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 17](#)). О реализации этой попытки ничего неизвестно. Кроме полковника И. Бурцова за П.И. Пестелем должен был наблюдать М.П. Бестужев-Рюмин. О.И. Киянская отмечает, что эта попытка провалилась. Она ссылается на допрос М.П. Бестужева-Рюмина, где тот резко отрицательно ответил на вопрос о своем наблюдении за П.И. Пестелем ([Киянская, 2005а: 221](#)). Но в другом месте ([Дело М.П. Бестужева-Рюмина, 1050: 66](#)) М.П. Бестужев-Рюмин сообщает, что несколько раз возил П.И. Пестелю письма от С.П. Трубецкого, в которых последний сообщал нейтральные сведения о планах приехать в Петербург. Видимо, таким образом М.П. Бестужев-Рюмин невольно реализовывал план С.П. Трубецкого.

Отношения с П.И. Пестелем лидеров Васильковской управы и С.П. Трубецкого двигались к разрыву. После приезда С.П. Трубецкого в Киев С.И. Муравьев-Апостол и М.П. Бестужев-Рюмин начинают действовать независимо от П.И. Пестеля, лишь изредка сообщая о своих действиях. К подобному уведомлению можно отнести визит М.П. Бестужева-Рюмина в сентябре 1825 года к П.И. Пестелю. Последний показывал, что в ходе Лещинских лагерей к нему приехал М.П. Бестужев-Рюмин и сообщил план, по которому намерена действовать Васильковская управа и князь С.П. Трубецкой как представитель Северного общества. П.И. Пестель в своих показаниях обозначил это намерение как второй Белоцерковский план, указав, что он, в общем и целом, повторял предложения, сделанные на киевских контрактах в январе 1825 г.

Стоит обратить внимание, что именно из-за показаний П.И. Пестеля в литературе принято относить разработку этого плана ко второй половине 1825 г. В частности М.В. Нечкина писала: «План этот и “возродился” во второй половине 1825 г.» ([Нечкина, 1955: 129](#)). В этой связи обращают на себя внимание показания А.О. Корниловича: «Здесь 1 мая 1825 года после разговора, продолжавшегося около 2 или 3 часов, убедил он меня сделаться членом Южного патриотического общества. Сер[гей] Мур[авьев]-Ап[остол] говорил мне, что они, полагая, что покойный государь импер[атор] будет осматривать в мае 1826 года 2 армию, намеревались в то время схватить его и принудить к подписи условий, которые ему будут представлены» ([Дело А.О. Корниловича, 1969: 326](#)). Из этого показания можно сделать вывод, что второй белоцерковский план стоит относить не ко второй половине 1825 года, а к концу апреля – началу мая.

Модифицированный план предполагал начало восстания в виде ареста Александра I на смотре войск. Затем издание двух прокламаций – к войску и к народу. Далее планировалось, что войска 3 корпуса двинутся на Киев и Москву «с надеждой, что к нему присоединятся прочие, на пути его расположенные войска без предварительных даже с ними сношений» ([Дело П.И. Пестеля, 1927: 104](#)). В Москве было необходимо потребовать у Сената совершить преобразование государства. Остальные части Южного общества должны были занять Киев, а Северное общество – поднять восстание в Петербурге.

Во время Лещинских лагерей, когда полковника И.С. Повало-Швейковского отстранили от командования полком, обсуждалась возможность немедленно начать действия. В этом случае предполагалось, что возмущение начнется не с убийства императора, а с ареста начальника Главного штаба 1-й армии К.Ф. Толя и командующего 3-м корпусом Л.О. Рота. С.П. Трубецкому в реализации этих планов отводилось важное место. М.П. Бестужев-Рюмин на следствии показал: «В Петербург мы намеревались (в 1825-м году) послать Трубецкого, ибо он там был один из директоров» ([Дело М.П. Бестужева-Рюмина, 1950: 67](#)).

Также в рассматриваемый период происходит еще одно важное и симптоматичное событие – присоединение Общества соединенных славян. Переговоры об этом с ним вел М.П. Бестужев-Рюмин. О.И. Киянская обратила внимание, что «изучая объединительные “речи” Бестужева-Рюмина, нетрудно убедиться, что практически все они построены на, мягко говоря, недостоверной информации» ([Киянская, 2005а: 242](#)). М.П. Бестужев-Рюмин преувеличивал масштабы развития декабристских обществ и количества сил, на которые они могут опереться. Стоит обратить внимание, что имя С.П. Трубецкого в этих рассказах звучало в двух ситуациях: он был изображен как основной организатор восстания 4-го корпуса. М.М. Спиридов 2 февраля 1826 года показывал: «На другой день приходит ко мне подполковник Муравьев с таковыми же предложениями, рассказывая, что вся 2-Армия на сие согласна, что 4-Корпус, в котором действует князь Трубецкой, также на их стороне» ([Дело М.М. Спиридова, 1926: 111](#)). Ему вторил И.И. Горбачевский: «Он (Бестужев-Рюмин. – М.Б.) послан для вооружения 3-го Корпуса, для 4 корпуса князь Трубецкой, а для 2 армии Полковник Пестель» ([Дело М.М. Спиридова, 1926: 188](#)).

Другое упоминание о С.П. Трубецком еще более любопытно. В.А. Бечасный 8 февраля 1826 г. показал: «Для исполнения сего предприятия в 1816-м году писана была Конституция и очень хорошо обдумана, которую Князь Трубецкой возил за границу для одобрения к известнейшим публицистам»

(Дело М.М. Спиридова, 1926: 279). В связи с этим показанием М.П. Бестужев-Рюмин дал свое объяснение. Он сослался на С.П. Трубецкого, чтобы упростить ход переговоров: «Назвал же я Славянам Трубецкого, а не другого, потому что из членов он один возвратился из чужих краев; что, живши в Киеве, куда славяне могли прислать Депутата <...>, быв человек зрелых лет и полконичьего чина, он бы вселил более почтения и доверенности, нежели 23-х летний подпоручик» (Дело М.П. Бестужева-Рюмина, 1950: 78).

С аргументацией М.П. Бестужева-Рюмина сложно не согласиться. Но полковников и людей зрелых лет в Васильковской управе было несколько. Непосредственно с Обществом соединенных славян также вел переговоры подполковник С.И. Муравьев-Апостол. Видимо, М.П. Бестужев-Рюмин считал, что только С.П. Трубецкой точно и понятно сможет объяснить вновь принимаемым членом не только основные программные установки, но и тонкости и детали конституционной концепции декабристов.

Результат деятельности С.П. Трубецкого наиболее точно в своих показаниях оценил С.И. Муравьев-Апостол, считая, что его приезд, как одного из директоров Северного общества, «облегчив сношения обоих обществ, сблизил их более чем когда-либо» (Дело С.И. Муравьева-Апостола, 1927: 284). Намеченный план был реализован. Действуя совместно с Васильковской управой, С.П. Трубецкой смог нивелировать влияние П.И. Пестеля. Был разработан план восстания, на основе которого могли бы объединиться Северное и Южное общества. Важно отметить, что в ходе петербургских совещаний 1824 г. П.И. Пестель пытался решить похожую задачу, но своей категоричностью настроил некоторых членов Северного общества против себя.

С.П. Трубецкой действовал на юге более мягко и тонко. Лидеры Васильковской управы были убеждены, что это они присоединили С.П. Трубецкого к своему плану. С.И. Муравьев-Апостол в письме брату Матвею утверждал: «Вы знаете петербургскую бесстрастность и осторожность, которая овладела С. Трубецким. Ну, мой дорогой друг, узнайте, что после месяца своего пребывания Бестужев так хорошо взялся за него, что не только сам Сергей искренне присоединяется к югу, но и обещает присоединить к нему весь север. Я полагаю, дорогой Матвей, что это было нелегкой вещью и услуга значительная для нашего дела» (Порох, 1954: 148).

В конце октября 1825 г. С.П. Трубецкой получил отпуск и отправился с супругой в Санкт-Петербург. В воспоминаниях М.И. Муравьева-Апостола отобразился эпизод перед отправлением С.П. Трубецкого в столицу: «Брат Сергей Иванович приехал в Киев просить отъезжающего князя Трубецкого, чтобы он всеми силами воспрепятствовал там всякой попытке к восстанию, предвидя лишь напрасные жертвы» (Воспоминания и письма, 1982: 191). Естественно, взгляд мемуариста ретроспективен, в октябре Александр I был жив, еще никто не мог предполагать возникновения чрезвычайной ситуации междоусобия. Поэтому речь идет, прежде всего, об отказе от мысли начинать действие в Санкт-Петербурге. Отсюда задачей поездки С.П. Трубецкого было присоединить Северное общество к разработанному в Васильковской управе плану: «При отъезде моем из Киева я обещал и Сергею Муравьеву-Апостолу, и Бестужеву-Рюмину, что я и в Петербурге, и в Москве все устрою по их желанию» (Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 100).

8 или 10 ноября 1825 г. (Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 10) он приехал в Санкт-Петербург. Короткий отпуск должен был продлиться около двух недель. Отъезд был назначен на 25 ноября 1825 г.¹ Формальной целью поездки было навестить родственников жены, проживающих в столице. Реальная же цель заключалась в том, чтобы в течение этого времени провести переговоры с Северным обществом, познакомить его лидеров с планом Васильковской управы относительно намеченного на 1826 г. восстания.

С.П. Трубецкой нашел Северное общество сильно изменившимся за время его отсутствия. Еще в декабре 1824 г. его место в Северной думе занял К.Ф. Рылеев. Подробно рассматривая историю Северного общества, К. Аксенов приходит к выводу, что «со второй половины 1824 года К.Ф. Рылеев все с большой силой и полнотой проявляет себя как крупнейший организатор декабристов Севера» (Аксенов, 1951: 205). Главной его заслугой стало создание в этот период своего течения в обществе, получившего наименование отрасли К.Ф. Рылеева. К. Аксенов называет «основным, наиболее прочным и крепко сколоченным костяком рылеевской группы» (Аксенов, 1951: 208) братьев Бестужевых, И.И. Пущина, Е.П. Оболенского, П.Г. Каховского, А.Ф. Бригена, А.И. Одоевского, указывая, что именно они приняли «абсолютное большинство активнейших деятелей периода подготовки восстания» (Аксенов, 1951: 209). В конечном итоге К. Аксенов приходит к выводу, «что накануне восстания в петербургской организации было очень мало «старых» членов, принятых в дорылеевский период» (Аксенов, 1951: 233).

Деятельности К.Ф. Рылеева в 1825 г. уделяет первостепенное значение М.В. Нечкина. Прежде всего она категорически возражала против термина «отрасль», настаивая, что «это понятие никак не покрывает <...> фактической роли К.Ф. Рылеева и его единомышленников» (Нечкина, 1955: 92). В монографии представлена картина коренного изменения в Северном обществе: место прежних умеренных и связанных с придворными кругами лидеров занимают люди с радикальными

¹ С.П. Трубецкой в «Замечаниях на Записки декабриста В.И. Штейнгейля» писал: «25-го я должен был выехать из Петербурга» (Трубецкой, 1983: 296).

демократическими взглядами и республиканскими убеждениями. Смещается акцент в деятельности общества: Н.М. Муравьев и С.П. Трубецкой уделяли внимание, прежде всего, разработке Конституции, К.Ф. Рылеев же «не проявил ни малейшего энтузиазма по отношению» (Нечкина, 1955: 92) к ней. На первый план выходит литературная деятельность как форма пропаганды и подготовки восстания. М.В. Нечкина рассматривает такие действия К.Ф. Рылеева, как попытку создания отрасли в Кронштадте и привлечение А.И. Якубовича как форму работы над «Планом действия».

В.М. Бокова значительно дополнила эту точку зрения. Она подчеркнула, что отрасль К.Ф. Рылеева «с первых дней своего существования фактически начала создание собственных внутренних организационных правил» (Бокова, 2003: 461). В результате чего в 1825 г. была также преобразована структура общества. Члены Северной Думы стали «распорядителями», а Северной Думой стала Дума отрасли К.Ф. Рылеева. В итоге «Северное общество целиком стало обществом Рылеева» (Бокова, 2003: 463). В.М. Бокова предположила, что это изменение можно считать формой подготовки к объединению с П.И. Пестелем и Южным обществом. Согласно В.М. Боковой, существенно изменились и правила приема: С.П. Трубецкой ранее требовал принимать в общество людей более рассудительных и избегать «пустой молодежи», а К.Ф. Рылеев делал ставку на увлеченность принимаемого. «Рылеев считал возможным введение в орбиту действия общества всякого недовольного» (Бокова, 2003: 471), что наносило серьезный удар надежности конспирации общества.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в историографии изменения в Северном обществе в 1825 г. оцениваются как существенные и, можно сказать, революционные. За время отсутствия С.П. Трубецкого в Санкт-Петербурге «рылеевский актив» подмял под себя существовавшие организационные структуры. Seriously изменился возрастной состав общества. Северная организация стала объединением молодых (Лурье, 1978: 64–83) литераторов с радикальными демократическими взглядами. Именно в таком состоянии обнаружил Северное общество С.П. Трубецкой после возвращения из Киева.

Необходимо рассмотреть, как он оценивал произошедшие изменения и относился к новому северному лидеру К.Ф. Рылееву. О.И. Киянская, пытаясь ответить на похожий вопрос, как П.И. Пестель относился к К.Ф. Рылееву в ходе петербургских совещаний, пришла к следующему выводу: «Однако вряд ли Пестель <...> видел перед собой знаменитого поэта или удачливого коммерсанта. Скорее – отставного подпоручика, маргинала, только что вступившего в заговор» (Киянская 2005а: 118). К.Ф. Рылеев был из небогатой семьи, «по своей психологии человеком сугубо штатским» (Киянская 2005а: 116). Участвовал в заграничных походах, но за срок службы в отличие от большинства товарищей не был удостоен ни наград, ни повышений. Прослужив с 1821 по 1824 гг. заседателем в Петербургской палате, сосредоточился на литературной карьере. Наверное, в определенной мере «маргиналом» К.Ф. Рылеев казался не только П.И. Пестелю, но и С.П. Трубецкому.

Изменения, произошедшие в столичной организации, С.П. Трубецкой оценивал крайне негативно. Они противоречили традициям организации и его стремлению формировать общество из основательных и рассудительных людей и избегать «пустой молодежи». Вспоминая об этом в Сибири, он высказал даже сожаление о том, что уезжал на юг: «Может быть, удалившись из столицы, Трубецкой сделал ошибку. Он оставил управление общества членам, которые имели менее опытности и, будучи моложе, увлекались иногда своею горячностью и действие которых не могло производиться в том кругу, в котором мог действовать Трубецкой» (Трубецкой, 1983: 228). Эта оценка дана через много лет после произошедших событий, и, тем не менее, позиция С.П. Трубецкого очевидна, но акценты уже смягчены. Как оценивал С.П. Трубецкой состояние Северного общества непосредственно в ноябре 1825 г., можно заключить из его действий. Перед ним стояла задача присоединить петербургских членов к запланированному восстанию Васильковской управы. Это значило посвятить их в план восстания, согласовать действия в ходе реализации плана, распределить обязанности, то есть выполнить полноценную подготовку Северного общества к событиям, которые должны были случиться через полгода – летом 1826 г. Значит, было необходимо провести с К.Ф. Рылеевым как основным лидером изменившегося Северного общества полноценные переговоры, сообщив ему вышеобозначенную информацию.

К.Ф. Рылеев в ходе следствия принял решение о сотрудничестве и давал подробные и основательные показания. Значит, возможные переговоры С.П. Трубецкого с Северным обществом должны были отразиться в следственном деле К.Ф. Рылеева. Впервые про Южное общество и участие в его деятельности С.П. Трубецкого он написал на первом допросе: «Около Киева в полках существует общество. Трубецкой может пояснить и назвать главных» (Дело К.Ф. Рылеева, 1925: 152). К.Ф. Рылеев утверждал на протяжении следствия, что ему мало известно о Южном обществе, и действительно, сопоставляя разновременные показания, можно убедиться, что К.Ф. Рылееву были известны лишь обрывочные факты. Наиболее подробно темы Южного общества он касался на допросе 24 апреля 1826 г. На прямой вопрос «Что было сделано Трубецким?» (Дело К.Ф. Рылеева, 1925: 170) К.Ф. Рылеев ответил: «По приезде сюда из Киева Трубецкого он объяснил мне и Оболенскому, что дела Южного общества в самом хорошем положении, что корпуса Князя Щербатова и генерала Рота совершенно готовы, не исключая нижних чинов, на которых найдено прекрасное средство действовать через

солдат Семеновского полка, и что ему поручено узнать, в каком положении Северное общество» (Дело К.Ф. Рылеева, 1925: 179). А на вопрос о планах покушения на жизнь императора К.Ф. Рылеев в том числе заявил: «От Трубецкого же слышал я, что в минувшем 1825 году открыто на юге Сергеем Муравьевым целое общество, имеющее целью истребить Государя, и что оно присоединено к Южному обществу» (Дело К.Ф. Рылеева, 1925: 180).

Получается, что К.Ф. Рылееву было известно о существовании общества в двух корпусах и об их готовности восстать. Обрывочно было известно о пропаганде среди солдат; под «открытым Сергеем Муравьевым обществом» можно узнать общество соединенных славян. Ключевые вопросы подготовки мятежа на юге – арест во время смотра войск, план восстать летом 1826 года, основные военные предводители восстания – были К.Ф. Рылееву во время следствия неизвестны. Проанализировав рассматриваемый источник, можно согласиться с самим К.Ф. Рылеевым, который еще в ходе первых показаний заявил: «Об Южном Обществе я не знал ничего обстоятельно (sic! – М.Б.) и теперь не знаю» (Дело К.Ф. Рылеева, 1925: 164). Единственное, что понял К.Ф. Рылеев из разговоров с С.П. Трубецким, что «он и там играет важную роль» (Дело К.Ф. Рылеева, 1925: 154).

Перед С.П. Трубецким стояла задача присоединить Северное общество к планам Васильковской управы. Решение этой задачи подразумевало проведение переговоров с лидерами Северного общества. Таковым в ноябре 1825 г. практически единолично являлся К.Ф. Рылеев. С.П. Трубецкой сообщил ему лишь самую поверхностную информацию, а значит, уже сам для себя отказался от реализации своего плана. Этот отказ демонстрирует, что С.П. Трубецкой считает ненужным содействие Северного общества образца 1825 года в ходе планируемого Васильковской управой восстания. Отказ от переговоров с К.Ф. Рылеевым означал, что мятеж на юге не будет поддержан в столице. Это принципиальное решение по важному вопросу, для принятия которого необходимы были достаточно веские обстоятельства.

Видимо, этими обстоятельствами были изменения, произошедшие в Северном обществе в 1825 г. Из закрытой и достаточно скрытной организации под влиянием К.Ф. Рылеева общество сильно помолодело, радикализировалось, его основным ядром стала «кричащая молодежь», о которой так неслестно отзывался С.П. Трубецкой ранее. Вступить в «обстоятельные» переговоры значило бы сообщить Северному обществу образца 1825 г. подробную информацию о планах восстания, о его руководителях и задействованных в его подготовке офицерах. Раскрыть всю эту информацию значило бы подвергнуть себя серьезному риску.

Учитывая обозначенные обстоятельства, С.П. Трубецкой уезжал в Киев ни с чем. Отъезд был запланирован на 25 ноября. Но именно в эти дни ситуация кардинально изменилась. 19 ноября 1825 г. в Таганроге скончался император Александр I. В столицу, естественно, информация поступала с опозданием. 25 ноября 1825 г. по Петербургу стали распространяться слухи о тяжелой болезни императора Александра I, а 27 ноября стало достоверно известно о его смерти. Начиналось междуцарствие, запутанная ситуация с наследованием престола предвещала начало очередной Смуты (Дворниченко, 2018: 698).

5. Заключение

Подведем основные итоги статьи. В Российской империи в 1825 г. наблюдалась ситуация, чем-то похожая на положение накануне Февральской революции (Куликов, 2017а: 545–559; Куликов 2017б: 736–750), существовала сильная оппозиционная сила, охватывавшая различные сферы государственного строя: армию, высшие учреждения, общественную и культурную жизнь. Но в отличие от 1917 г. оппозиционное движение было раздираемо противоречиями и не могло действовать консолидированно. Существовал очаг взаимного недовольства между Северным обществом и лидером южан П.И. Пестелем, стремившимся навязать петербургскому тайному обществу свой конституционный проект и программу действий. Кульминацией столкновения стали петербургские совещания, в ходе которых произошел окончательный разрыв между П.И. Пестелем и С.П. Трубецким. Южане стали создавать в столице ячейку своего общества, а С.П. Трубецкой отправился в Киев – местонахождение Васильковской управы, именно той структуры Южного общества, лидеры которой и ранее расходились с П.И. Пестелем в вопросе о характере будущего восстания. Активные контакты С.П. Трубецкого с С.И. Муравьевым-Апостолом и М.П. Бестужевым-Рюминым привели к окончательному обособлению Васильковской управы. В этот период взгляды С.П. Трубецкого претерпевают изменения, и он начинает поддерживать идею о периферийном восстании по образу проницианто полковника Р. Риго. Но, вернувшись ненадолго в Петербург, он обнаруживает Северное общество сильно изменившимся. Встречи с его новым лидером К.Ф. Рылеевым заставляют С.П. Трубецкого принять решение не посвящать того в планы Васильковской управы. Он готовился вернуться в Киев, но именно в этот момент приходит известие о болезни, а позднее и о смерти Александра I. Как отмечается в статье, к этому переломному моменту тайное общество декабристов подошло раздираемое противоречиями. Наверное, именно в этом обстоятельстве следует искать основную причину поражения «первой попытки вооруженного штурма самодержавия».

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-5578.2018.6 «Движение декабристов: от историографии к исторической памяти».

Литература

- Аксенов, 1951** – Аксенов К. Северное общество декабристов. К 125-летию восстания декабристов. Л.: Лениздат, 1951. 320 с.
- Бокова, 2003** – Бокова В.М. Эпоха тайных обществ: русские общественные объединения первой трети XIX века. М.: Реалии-Пресс, 2003. 651 с.
- Вернадский, 1993** – Вернадский Г. Два лика декабристов // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 81–92.
- Воспоминания и письма, 1982** – Воспоминания и письма М.И. Муравьева-Апостола // *Мемуары декабристов. Южное общество*. М.: Издательство Московского университета, 1982. С. 163–226.
- Готовцева, Киянская, 2007** – Готовцева А.Г., Киянская О.И. К истории несостоявшейся революции // *Россия – XXI*. 2007. № 6. С. 102–162.
- Готовцева, Киянская, 2011** – Готовцева А.Г., Киянская О.И. Человек, заслуживающий доверия // *Россия – XXI*. 2011. № 6. С. 106–139.
- Дворниченко, 2018** – Дворниченко А.Ю. Смута как фактор российской истории // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 677–701.
- Дворниченко, Белоусов, 2017** – Дворниченко А.Ю., Белоусов М.С. Движение декабристов в творчестве Георгия Вернадского // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 2. С. 358–374.
- Дело М.П. Бестужева-Рюмина, 1950** – Дело М.П. Бестужева-Рюмина // *Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов*. Т. 9. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 26–176.
- Дело А.О. Корниловича, 1969** – Дело А.О. Корниловича // *Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов*. Т. 12. М.: Наука, 1969. С. 319–343.
- Дело С.И. Муравьева-Апостола, 1927** – Дело С.И. Муравьева-Апостола // *Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов*. Т. 4. М.-Л., 1927. С. 227–412.
- Дело князя Е.П. Оболенского, 1925** – Дело князя Е.П. Оболенского // *Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов*. Т. 1. М.-Л., 1925. С. 219–286.
- Дело П.И. Пестеля, 1927** – Дело П.И. Пестеля // *Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов*. Т. 4. М.-Л.: Государственное издательство, 1927. С. 1–226.
- Дело А.В. Поджио, 1954** – Дело А.В. Поджио // *Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов*. Т. 11. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. С. 31–91.
- Дело К.Ф. Рылеева, 1925** – Дело К.Ф. Рылеева // *Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов*. Т. 1. М.-Л.: Государственное издательство, 1925. С. 147–218.
- Дело С.М. Семенова, 1984** – Дело С.М. Семенова // *Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов*. Т. 18. М.: Наука, 1984. С. 167–197.
- Дело М.М. Спиридова, 1926** – Дело М.М. Спиридова // *Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов*. Т. 5. М.-Л.: Государственное издательство, 1926. С. 101–181.
- Дело В.К. Тизенгаузена, 1954** – Дело В.К. Тизенгаузена // *Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов*. Т. 11. М.-Л.: Государственное издательство политической литературы, 1954. С. 239–311.
- Дело князя С.П. Трубецкого, 1925** – Дело князя С.П. Трубецкого (1925) // *Материалы по истории восстания декабристов*. Т. 1. М.-Л.: Государственное издательство, 1925. С. 1–145.
- Донесение гвардии капитана В.С. Сотникова, 1929** – Донесение гвардии капитана В.С. Сотникова в штаб 1-й армии от 2 января 1826 г. // *Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов*. Т. 6. М.-Л.: Государственное издательство, 1929. С. 16–18.
- Дружинин, 1985** – Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев // *Революционное движение в России в XIX веке: Избранные труды*. М.: Наука, 1985. С. 5–304.
- Захаров, 1954** – Захаров Н.С. Петербургские совещания декабристов в 1824 г. // *Очерки из истории движения декабристов*. М., 1954. С. 84–120.
- Записки Якушкина, 2007** – Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. СПб.: Наука, 2007. 739 с.
- Записки декабристов, 1863** – Записки декабристов. Вып. 2–3. Лондон: Вольная русская типография, 1863. С. 1–99.
- Записки Трубецкого, 2011** – Записки С.П. Трубецкого // С.П. Трубецкой. Записки. Письма И.Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб.: Лики России, 2011. С. 51–93.
- Ильин, 2003** – Ильин П.В. Новое об истории декабристского движения (по страницам неизвестной рукописи записок С.П. Трубецкого) // *Отечественная история*. 2003. № 6. С. 138–146.
- Ильин, 2011** – Ильин П.В. Неизвестные записки С.П. Трубецкого // С.П. Трубецкой. Записки. Письма И.Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб.: Лики России, 2011. С. 9–50.

- Егоров, Каменев, 2018** – Егоров А.К., Каменев Е.В. Власть языка и язык власти как постмодернистский контекст исторических исследований // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 506–521.
- Киянская, 2005a** – Киянская О.И. Пестель. М.: Молодая гвардия, 2005. 355 с.
- Киянская, 2005b** – Киянская О.И. Южное общество декабристов. Люди и события: Очерки истории тайных обществ 1820-х гг. М.: РРГУ, 2005. 442 с.
- Кологривов, 1936** – Кологривов И. Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая // *Современные записки*. Париж, 1936. С. 204–249.
- Корнилович, 1957** – Корнилович А.О. Сочинения и письма. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 550 с.
- Куликов, 2017a** – Куликов С.В. Февральская революция спустя сто лет // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 545–559.
- Куликов, 2017b** – Куликов С.В. Февральская революция спустя сто лет (продолжение) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 736–750.
- Лавров, 1926** – Лавров Н.Ф. Диктатор 14 декабря // *Бунт декабристов*. Л.: Былое, 1926. С. 129–222.
- Лебцельтерн, 1975** – Лебцельтерн З.И. Екатерина Трубецкая // *Звезда*. 1975. № 12. С. 179–194.
- Лурье, 1978** – Лурье Л.Я. Некоторые особенности возрастного состава участников освободительного движения в России // *Освободительное движение в России*. Вып. 7. Саратов, 1978. С. 64–83.
- Нечкина, 1955** – Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 2. М.: Издательство Академии наук, 1955. 507 с.
- Порох, 1954** – Порох И.В. Восстание Черниговского полка // *Очерки из истории движения декабристов*. М., 1954. С. 121–185.
- Пыпин, 1885** – Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1885. 543 с.
- Семевский, 1909** – Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб.: Типография Первой Санкт-Петербургской трудовой артели, 1909. 698 с.
- Терещук, 2017** – Терещук А.А. Особенности протекания Первой Карлистской войны в Каталонии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 82–90.
- Трубецкой, 1906** – Трубецкой С.П. Записки декабриста князя С.П. Трубецкого. СПб.: Типография «Сириус», 1906. 210 с.
- Трубецкой, 1981** – Трубецкой С.П. Записки // *Мемуары декабристов: Северное общество*. М.: Издательство МГУ, 1981. С. 23–75.
- Трубецкой, 1983** – Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1983. 416 с.
- Belousov, 2018a** – Belousov M. S. Moscow Conspiracy of the Decembrists // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 29–40.
- Belousov, 2018b** – Belousov M.S. Political Allusions in the Decembrist Revolt // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 345–360.
- Gueniffey, 2018** – Gueniffey P. A History of Violence in the French Revolution // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 908–916.
- Moeller, 2017** – Moeller F. The German revolution of 1848–1849 – new perspectives // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 601–612.

References

- Aksenov, 1951** – Aksenov K. (1951). Severnoe obshchestvo dekabristov. K 125-letiyu vosstaniya dekabristov [Northern Society of the Decembrists. To the 125th anniversary of the Decembrist uprising]. Leningrad; Lenizdat, 320 p.
- Belousov, 2018a** – Belousov M.S. (2018). Moscow Conspiracy of the Decembrists. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 63, issue 1, pp. 29–40.
- Belousov, 2018b** – Belousov M.S. (2018). Political Allusions in the Decembrist Revolt. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 63, issue 2, pp. 345–360.
- Bokova, 2003** – Bokova V.M. (2003). Epokha taynykh obshchestv: Russkie obshchestvennyye ob'edineniya pervoy treti XIX veka [The era of secret societies: Russian public associations of the first third of the XIX century]. Moscow: Reali-Press, 651 p.
- Gotovtseva, Kiyanskaya, 2007** – Gotovtseva A.G., Kiyanskaya O.I. (2007). K istorii nesostoyavsheysya revolyutsii [To the history of the failed revolution]. *Rossiya – XXI*. № 6, pp. 102–162.
- Gotovtseva, Kiyanskaya, 2011** – Gotovtseva A.G., Kiyanskaya O.I. (2011). Chelovek, zasluhivayushchiy doveriya [A man who is trustworthy]. *Rossiya XXI*. № 6, pp. 106–139.
- Delo M.P. Bestuzheva-Ryumina, 1950** – Delo M.P. Bestuzheva-Ryumina (1950). [The case of M.P. Bestuzhev-Ryumin]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 9. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, pp. 26–176.
- Delo A.O. Kornilovicha, 1969** – Delo A.O. Kornilovicha (1969). [The case of A.O. Kornilovich]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 12. Moscow: Nauka, pp. 319–343.

- Delo S.I. Murav'eva-Apostola, 1927** – Delo S.I. Murav'eva-Apostola (1927). [The case of S.I. Murav'eva-Apostol]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 4. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 227–412.
- Delo knyazya E.P. Obolenskogo, 1925** – Delo knyazya E.P. Obolenskogo (1925). [The case of prince E.P. Obolenskiy]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 219–286.
- Delo P.I. Pestelya, 1927** – Delo P.I. Pestelya (1927). [The case of P.I. Pestel']. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 4. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 1–226.
- Delo A.V. Podzhio, 1954** – Delo A.V. Podzhio (1954). [The case of A.V. Podzhio]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 11. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, pp. 31–91.
- Delo K.F. Ryleeva, 1925** – Delo K.F. Ryleeva (1925). [The case of K.F. Ryleev]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 147–218.
- Delo S.M. Semenova, 1984** – Delo S.M. Semenova (1984). [The case of S.M. Semenov]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 18. Moscow: Nauka, pp. 167–197.
- Delo M.M. Spiridova, 1926** – Delo M.M. Spiridova (1926). [The case of M.M. Spiridov]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 5. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 101–181.
- Delo V.K. Tizengauzena, 1954** – Delo V.K. Tizengauzena (1954) [The case of V.K. Tizengauzen]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 11. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, pp. 239–311.
- Delo knyazya S.P. Trubetskogo, 1925** – Delo knyazya S.P. Trubetskogo (1925). [The case of prince S.P. Trubetskoy]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 1–145.
- Donesenie gvardii kapitana V.S. Sotnikova, 1929** – Donesenie gvardii kapitana V.S. Sotnikova v shtab 1-y armii ot 2 yanvarya 1826 g. (1929) [Report of Captain V.S. Sotnikov at the headquarters of the First Army of January 2, 1826]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 6. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 16–18.
- Dvornichenko, 2018** – Dvornichenko A. Yu. (2018). *Smuta as a Factor of the Russian History*. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 63, issue 3, pp. 677–701.
- Dvornichenko, Belousov, 2017** – Dvornichenko A. Yu., Belousov M.S. (2017). Decembrist movement in the creativity of George Vernadsky. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 62, issue 2, pp. 358–374.
- Druzhinin, 1985** – Druzhinin N.M. (1985). Dekabrist Nikita Murav'yev. N.M. Druzhinin. *Revolyutsionnoye dvizheniye v Rossii v XIX veke: Izbrannyye trudy*. Moscow: Nauka, pp. 5–304.
- Egorov, Kamenev, 2018** – Egorov A.K., Kamenev E.V. (2018). Power of Language and Language of Power as Postmodernist Context of Historical Research. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 63, issue 2, pp. 506–521.
- Gueniffey, 2018** – Gueniffey P.A. (2018). History of Violence in the French Revolution. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 3, pp. 908–916.
- Il'in, 2003** – Il'in P.V. (2003). Novoye ob istorii dekabristskogo dvizheniya (po stranitsam neizvestnoy rukopisi zapisok S.P. Trubetskogo) [New about the history of the Decembrist movement (on the pages of an unknown manuscript of notes by S.P. Trubetskoy)]. *Otechestvennaya istoriya*, № 6, pp. 138–146.
- Il'in, 2011** – Il'in P.V. (2011). Neizvestnye zapiski S.P. Trubetskogo [Unknown notes by S.P. Trubetskoy]. *S.P. Trubetskoy. Zapiski. Pis'ma I.N. Tolstomu 1818–1823 gg.* St. Petersburg: Liki Rossii, pp. 9–50.
- Kiyanskaya, 2005a** – Kiyanskaya O.I. (2005a). Pestel'. Moscow: Molodaya gvardiya, 355 p.
- Kiyanskaya, 2005b** – Kiyanskaya O.I. (2005b). Yuzhnoye obshchestvo dekabristov. Lyudi i sobytiya: Ocherki istorii taynykh obshchestv 1820-kh gg. [Southern Society of the Decembrists. People and events: Essays on the history of secret societies of the 1820s.]. Moscow: RRGU, 442 p.
- Kologrivov, 1936** – Kologrivov I. (1936). Knyaginya Ekaterina Ivanovna Trubetskaya [Princess Ekaterina Trubetskaya]. *Sovremennyye zapiski*. Parizh, pp. 204–249.
- Kornilovich, 1957** – Kornilovich A.O. (1957). Sochineniya i pis'ma [Works and letters]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 550 p.
- Kulikov, 2017a** – Kulikov S.V. (2017). The February revolution a hundred years later. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 62, issue 3, pp. 545–559.
- Kulikov, 2017b** – Kulikov S.V. (2017). The February revolution a hundred years later (continued). *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 62, issue 4, pp. 736–750.
- Lavrov, 1926** – Lavrov N.F. (1926). Diktator 14 dekabria [The dictator of December 14]. *Bunt dekabristov*. Leningrad: Byloe, pp. 129–222.
- Lebtsel'tern, 1975** – Lebtsel'tern Z.I. (1975). Ekaterina Trubetskaya. *Zvezda*. № 12, pp. 179–194.
- Lur'e, 1978** – Lur'e L.Ya. (1978). Nekotorye osobennosti vozrastnogo sostava uchastnikov osvoboditel'nogo dvizheniya v Rossii [Some peculiarities of the age structure of the participants of the liberation movement in Russia]. *Osvoboditel'noye dvizheniye v Rossii*. Iss. 7. Saratov, pp. 64–83.

- Moeller, 2017 – Moeller F. (2017). The German revolution of 1848–1849 – new perspectives. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 62, issue 3, pp. 601–612.
- Nechkina, 1955 – Nechkina M.V. (1955). Dvizhenie dekabristov [Movement of the Decembrists]. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk, 1955. 507 p.
- Porokh, 1954 – Porokh I.V. (1954). Vosstanie Chernigovskogo polka [The Rise of the Chernigov Regiment]. *Ocherki iz istorii dvizheniya dekabristov*. Moscow, pp. 121–185.
- Pypin, 1885 – Pypin A.N. (1885). Obshchestvennoe dvizhenie dekabristov v Rossii pri Alexandre I [Public Movement in Russia under Alexander I]. St. Petersburg: Tipografiia MM. Stasyulevicha, 543 p.
- Semevskiy, 1909 – Semevskiy V.I. (1909). Politicheskiye i obshchestvennyye idei dekabristov [Political and social ideas of the Decembrists]. St. Petersburg: Tipografiya Pervoy Sankt-Peterburgskoy trudovoy arteli, 698 p.
- Tereshchuk, 2017 – Tereshchuk A.A. (2017). Characteristics of the first Carlist War in Catalonia. *Vestnik of Saint-Petersburg University. History*, vol. 62, issue 1, pp. 82–90.
- Trubetskoy, 1906 – Trubetskoy S.P. (1906). Zapiski dekabrista kniazia S.P. Trubetskogo [Notes of the Decembrist prince S.P. Trubetskoy]. St. Petersburg: Tipografiia «Sirius», 210 p.
- Trubetskoy, 1981 – Trubetskoy S.P. (1981). Zapiski [Notes]. *Memuary dekabristov: Severnoye obshchestvo*. Moscow: Izdatel'stvo MGU, pp. 23–75.
- Trubetskoy, 1983 – Trubetskoy S.P. (1983). Materialy o zhizni i revolyutsionnoy deyatelnosti [Materials about life and revolutionary activity]. T. 1. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo, 416 p.
- Vernadskiy, 1993 – Vernadskiy G. (1993). Dva lika dekabristov [Two faces of the Decembrists]. *Svobodnaya mysl'*. No 15, pp. 81–92.
- Vospominaniya i pis'ma, 1982 – Vospominaniya i pis'ma M.I. Murav'eva-Apostola (1982). [Memoirs and Letters by M.I. Muravyov-Apostol]. *Memuary dekabristov. Yuzhnoye obshchestvo*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 163–226.
- Zakharov, 1954 – Zakharov N.S. (1954). Peterburgskie soveshchanie dekabristov v 1824 g [St. Petersburg meeting of the Decembrists in 1824]. *Ocherki iz istorii dvizheniya dekabristov*. Moscow, pp. 84–120.
- Zapiski dekabristov, 1863 – Zapiski dekabristov (1863) [Notes of the Decembrists]. Iss. 2–3. London: Vol'naya russkaya tipografiya, pp. 1–99.
- Zapiski Yakushkina, 2007 – Zapiski, stat'i, pis'ma dekabrista I.D. Yakushkina (2007). [Notes, articles, letters of the Decembrist I.D. Yakushkina]. St. Petersburg: Nauka, 739 p.
- Zapiski Trubetskogo, 2011 – Zapiski S.P. Trubetskogo (2011). [Notes S.P. Trubetskoy]. *S.P. Trubetskoy. Zapiski. Pis'ma I.N. Tolstomu 1818–1823 gg*. St. Petersburg: Liki Rossii, pp. 51–93.

Раскол в движении декабристов

Михаил Сергеевич Белоусов ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые эпизоды политической борьбы в движении декабристов как внутри, так и между Северным и Южным обществами в 1823–1825 гг. На основе «Записок» С.П. Трубецкого из коллекции И.А. Шляпкина анализируются ход и итоги петербургских совещаний 1824 г. Показано, что совещания не только не способствовали консолидации тайных обществ, а наоборот стали кульминацией давления П.И. Пестеля на северян. Все его инициативы были отвергнуты. Дается новая интерпретация развития Южного общества в 1825 г., в период, когда С.П. Трубецкой находился в Киеве. Его взаимодействие с лидерами Васильковской управы способствовало изоляции П.И. Пестеля и коренному изменению политических планов южан. В этот период взгляды С.П. Трубецкого претерпевают изменения, и он начинает поддерживать идею о периферийном восстании по образу пронунсиаменто полковника Р. Риго. Еще одна важная коллизия – это взаимоотношения С.П. Трубецкого и К.Ф. Рылеева как лидера обновленного Северного общества. Исследование этого сюжета подводит к выводу, что С.П. Трубецкой был разочарован произошедшими переменами. К.Ф. Рылеев вызывал у него антипатию и не мог восприниматься как союзник в реализации политических планов. Но ситуацию перевернули известие о смерти Александра I и начало междуцарствия. Представленный анализ подводит к выводу, что причину поражения восстаний декабристов следует искать не в субъективных авторах, а в характере существовавшего в тайном обществе идеологического раскола.

Ключевые слова: петербургские совещания, С.П. Трубецкой, К.Ф. Рылеев, П.И. Пестель, декабристы, междуцарствие, восстание декабристов.

* Корреспондирующий автор

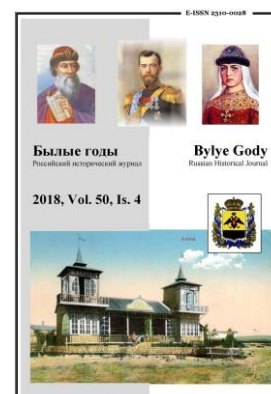
Адреса электронной почты: m.belousov@spbu.ru (М.С. Белоусов)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1566-1574. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1566
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Sanitary Provision in the Caucasus during the Russian-Persian War of 1826–1828

Ivan A. Ermachkov ^{a, b, *}, Larisa A. Koroleva ^c, Natalia V. Svechnikova ^d, Jasmin Gut ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article deals with the sanitary provision in the Caucasus during the Russian-Persian war of 1826–1828 years. The attention is paid to the spread of the first cholera epidemic in the Caucasus, as well as the establishment of a hospital base on the eve and during the Russian-Persian war.

There are used as materials the archival sources of the Central state historical archive of Georgia (Tbilisi, Georgia), as well as scientific and reference literature. "Acts collected by the Caucasian archaeological Commission" are of great importance in the work.

In conclusion, the authors state that the Russian-Persian war of 1826–1828 was an important frontier for the Russian administration in general, and for military physicians in particular, for understanding a number of problems. So, for example, it became obvious that it is necessary in wartime to treat to the arguments of representatives of local population very carefully and to stake more on the correct medical service of troops. The same applied to the prevention of epidemics such as cholera. Another important innovation was the final decision to use units from the local Caucasian population in the army based on the results of the military campaign.

Keywords: Russian-Persian war, 1826–1828, Separate Caucasian corps, cholera, Caucasus, Georgia, medical care.

1. Введение

Военно-госпитальное дело на Кавказе уже с самого начала не могло находиться в рамках существовавшего в то время регламента. Оно пошло ускоренным темпом. И действительно, если строго следовать закону, разрешавшему устройство госпиталей только в местах резиденций, то пришлось бы в Закавказье ограничиться одним Тифлиским госпиталем, а на северном Кавказе – Ставропольским. Нужды военного времени подсказали иную формулу организации военно-врачебных заведений, и госпитали стали открываться там, где в них была необходимость. На Северном Кавказе, кроме Георгиевского госпиталя, были открыты Ставропольский, Моздокский и Владикавказский, а в Закавказье вслед за Тифлиским возникли Елисаветпольский, Кутаисский, Нухинский и Шемахинский. К северу от Кавказского хребта госпитали предназначались для обслуживания главной коммуникации Закавказья с внутренней Россией, тогда как закавказские госпитали обслуживали отдельные районы бывших царства Имеретинского и ханств Ганджинского, Шекинского и Ширванского. Эти военно-медицинские заведения впоследствии сыграли важную роль в помощи раненым Отдельного Кавказского корпуса в период русско-персидской войны 1826–1828 гг.

* Corresponding author

E-mail addresses: eia07sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov), la-koro@yandex.ru (L.A. Koroleva), Svechnikova.NV@rea.ru (N.V. Svechnikova), jasmin.gut@etu.unige.ch (J. Gut)

2. Материалы и методы

В качестве материалов для подготовки исследования были привлечены архивные документы Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия), а также научная и справочная литература. Важное значение в работе имеют такие опубликованные документы, как «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (АКАК, 6).

В ходе исследования были применены общенаучные традиционные методы: системного анализа, конкретизации и обобщения. Важное значение в работе имеет конкретизация частных аспектов, а именно конкретизация и детализация исторических событий позволяют смоделировать целостную картину происходящих событий. Так, например, это относится к сложному процессу установления русского медицинского обслуживания на Кавказе, проблемам, связанным с первым проникновением холеры на Кавказ, и особенностям ведения боевых действий в период русско-персидских войн.

3. Обсуждение

Как уже неоднократно отмечалось ранее (Gvarliani et al., 2017: 40; Ermachkov et al., 2017: 429; Ermachkov et al., 2018b: 1038), тема врачебной деятельности на Кавказе является одной из слабоизученных в кавказской проблематике. Эта тема перекликается с изучением эпидемиологических процессов на территории Кавказа. Так, например, упоминания об эпидемиях на Кавказе мы обнаруживаем в трудах А.А. Черкасова и авторского коллектива (Cherkasov et al., 2016; Cherkasov et al., 2017; Cherkasov et al., 2017a), особенно это касается периода русско-турецких и русско-персидских войн. Также эта тема затрагивалась Е.С. Котеневым с авторским коллективом в общем контексте истории эпидемий чумы на Кавказе (Котенев и др., 2016). Помимо этого, данному вопросу в Каспийском регионе во второй половине XIV – начале XV вв. уделил внимание Т.Ф. Хайдаров (Хайдаров, 2017).

4. Результаты

Первые кавказские госпитали были довольно жалкими военно-врачебными заведениями. Крайнее убожество чувствовалось во всем: в помещениях, продовольствии, больничных принадлежностях и самой медицинской помощи. Поэтому лечебное дело не могло в них идти хорошо, и смертность достигала значительных цифр. Понятно, что госпитали открывали для лечения больных и раненых солдат, а между тем они далеко не охотно шли туда, некоторых же госпиталей положительно избегали. Поседевшему в боях и видевшему виды солдату иногда приходилось применять всю свою находчивость для того, чтобы не попасть в один из таких «храмов смерти». Особенно дурной репутацией пользовался Нухинский госпиталь, в котором смертность была очень высока (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 84об.).

И нужно сознаться, что эта боязнь госпиталей у солдат имела реальное основание. У медицины того времени было самое смутное представление об инфекционных болезнях, дезинфекционных средств она почти не знала, и не удивительно, что госпитали, как учреждения, концентрировавшие в себе много разнородных больных, мало-помалу инфицировались настолько, что сами становились очагами заразы. Факты же, что поступающие в госпитали с несложными болезнями тяжело заболели там и нередко умирали, были у всех на виду, и в первую очередь они создали плохую славу некоторым из этих лечебных заведений, объединившую затем их в одну группу.

Между тем госпитальное лечение обходилось казне недешево, в Закавказье же эта дороговизна усугублялась еще тем, что не только медикаменты и аптечные материалы и припасы, но и посуда для отпуска лекарств – стеклянная и глиняная – доставлялись из Москвы и Санкт-Петербурга. Помимо большой стоимости провоза,¹ в дороге много билось посуды, а перевозка ее по громоздкости была весьма неудобна. Так, например, за доставку из Москвы до Тифлиса одной глиняной посуды в количестве 146 пудов на 1820-й год было уплачено 1606 рублей (АКАК, 6: 275). В 1815 и 1817 годах сделали попытку заготовить глиняную посуду для Тифлисской запасной аптеки на месте, и результат получился настолько удовлетворительный, что Медицинский департамент Министерства внутренних дел разрешил было и в последующие 1819–1821 годы изготавливать ее в Тифлисе, но почему-то отменил свое разрешение, и горшки, горшочки и баночки по-прежнему привозились из Москвы. В 1821 году Грузинская врачебная управа снова подняла вопрос об изготовлении этой посуды в Тифлисе. К участию в обсуждении был приглашен аптекарь Тифлисской запасной аптеки Виллемс. По его совету образцы глиняной, аптечной и рецептурной посуды дали колонисту Зейцу для изготовления по ним пробных экземпляров. По экспертизе, произведенной Виллемсом, они оказались вполне удовлетворительными, но объявленная Зейцом цена была высока. Она была не ниже московских заготовительных цен с доставкой в Тифлис, так что если и получался некоторый выигрыш от местной заготовки, то только на отсутствии боя в дороге и ненадобности расходов на упаковку. Что же касается стеклянной посуды, то в то время в Грузии только что организовывался

¹ Приблизительно по 11 рублей с пуда по следующему расчету: от Москвы до Георгиевска 5 руб. и от Георгиевска до Тифлиса 6 руб.

генерал-майором князем Эристовым первый стеклянный завод, и об изготовлении ее на месте пока не могло быть и речи.

Недочеты госпитального дела, без сомнения, сознавались как медицинской, так и военной администрацией, однако улучшение в нем за недостатком средств было труднодостижимо. Генерал Ермолов придавал должное значение правильному и своевременному лечению больных и потому заботился об устройстве военно-врачебных заведений, снабжении их необходимыми предметами и вообще о приведении их в благоустроенный вид. Но Ермолов любил солдата, любил его здорового, не переставал любить и больного, и естественно заботы о заболевших и раненых шли у него далеко дальше, чем у его предшественников. Благодаря сердечному отношению Ермолова к военно-санитарным нуждам командуемой им армии получилась возможность выстроить в Тифлисе современный по тогдашнему времени военный госпиталь (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 85об.).

При усиленном росте Тифлиса, проявившемся с особенной интенсивностью во времена Ермолова, старый госпиталь оказался окруженным городскими зданиями. Находившийся первоначально за городской стеной, через 20 лет он втянулся в черту города, и в 1825 году бывшая загородная госпитальная площадь стала уже одной из городских площадей. Не в обычаях того времени было иметь лечебные заведения в пределах городов. Их выносили подальше за город, и вовсе не из желания поставить в наиболее благоприятные в гигиеническом отношении условия, а просто из боязни, которую питало к ним общество. К тому же здания Тифлисского госпиталя казарменного типа были тесные и низкие, за сравнительно недолгий период своего существования успели уже обветшать и очень не нравились бывшему с 1822 года главным доктором госпиталя Ивану Анатольевичу Прибилю.¹ Как европейски образованный врач, Прибиль ясно отдавал себе отчет в причинах неуспешности или малоуспешности госпитального лечения и выступал за то, чтобы Тифлисский госпиталь сделать если не образцовым, то, по крайней мере, лучшим военно-врачебным заведением всего Кавказа. Встречая сочувствие и поддержку в штаб-докторе Отдельного Кавказского корпуса С.И. Зубове, он просил о расширении госпиталя, а так как старое здание мало отвечало его планам, то он стал настаивать на постройке нового госпиталя в Навтлуге.² В ту сторону нельзя было ожидать роста города, который быстро подвигался к северу, вверх по течению Куры, и там госпиталь, спуская свои отбросы в Куру – единственный источник водоснабжения всего Тифлиса – не мог вредить общественному здоровью. План Прибиля, одобренный Зубовым, понравился Ермолову, и вопрос о постройке нового госпиталя был решен скоро.

В 1828 году на обширной, возвышенной и открытой площади Навтлуга уже были построены новые двухэтажные флигеля. Госпиталь был построен по павильонной системе на 600 больных и в то время являлся действительно лучшим из кавказских госпиталей (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 86об.). Просторные, сухие и высокие палаты с достаточным количеством света и воздуха, свободное размещение больных в отдельных флигелях по родам болезней, чистота и порядок во всем производили приятное впечатление и были далеки от обычного типа больничных помещений – низких, тесных, сырых и полутемных, с промозглым удушливым воздухом и скученными больными. Незагрязненная почва местности, отведенной под госпиталь, чистый загородный воздух, полная доступность обдуванию ветрами и другие благоприятные условия предрешали уже до некоторой степени более высокую продуктивность госпитального лечения, но немало труда, забот и стараний в этом направлении пришлось положить и доктору Прибилю. Занимая должность главного доктора в течение 27 лет, с 1822 по 1849 годы, он был опытным и энергичным руководителем, и Тифлисский военный госпиталь, концентрируя в себе лучшие медицинские силы края, являлся хорошей школой для молодых врачей.

К тому времени госпитальное дело вообще стало более устойчивым благодаря вышедшему в 1828 году Высочайше утвержденному «Уставу о военных госпиталях». Госпитали получили отдельные каталоги медикаментов (под № 1 для постоянных и под № 2 для военно-временных госпиталей), а госпитальные аптеки стали не только обслуживать свой госпиталь, но и производить безденежный рецептурный отпуск лекарств для всех военнослужащих (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987.

¹ Прибиль Иван Анатольевич, из иностранных докторов, поступил в русскую службу в Вене в 1808 году по приглашению бывшего тогда в Австрии посланником князя Куракина. Императорской медико-хирургической академией признан по экзамену доктором 2-го класса и назначен в Саратовский мушкетерский полк, переименованный в 1810 году в 46-й егерский. Дальнейшую службу (с 1813 года) продолжал в Тифлисском и Херсонском военных госпиталях. В 1815 году оставил военно-медицинскую службу, в 1816 году бы принят на службу на Кавказ по гражданскому медицинскому ведомству – акушером Грузинской врачебной управы и в том же году назначен был ее инспектором. В 1822 году он снова перешел в военное ведомство и получил должность главного доктора Тифлисского военного госпиталя, которым и был до 1849 года. В январе 1849 года назначен членом военно-медицинского ученого комитета с оставлением в Тифлисе консультантом госпиталя. В 1840 году пожалован чином действительного статского советника и утвержден без экзамена в звании доктора медицины и хирургии.

² Предместье Тифлиса (раньше небольшая пригородная деревня) в 5 километрах к востоку и вниз по течению Куры.

Л. 87). Это было уже большим шагом вперед, особенно ввиду крайне малого числа казенных аптечных учреждений и полного отсутствия частных. В Тифлисе, однако, из-за отдаленности госпиталя от города рецептурный отпуск лекарств производила Тифлисская запасная аптека, откуда лекарства отпускались за деньги также и всем городским жителям.

Для снабжения медикаментами небольших войсковых частей и инвалидов команд, расположенных в таких пунктах, где не было военно-врачебных заведений, организованы были небольшие аптеки, находившиеся в непосредственном заведовании уездных врачей. Такими аптеками пользовались уезды Горийский, Душетский, Елисаветпольский, Сигнахский и Телавский (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 87об.). Из них лекарства выдавались инвалидным командам безденежно, а за деньги отпускались всем, как служащим, так и жителям. Но уездные врачи тяготились обязанностями по заведованию аптеками, так как помощников в этом деле у них не было. Приготовление лекарств, особенно когда случалось много больных, являлось довольно серьезным добавлением к чисто врачебному труду, представление же врачебной управе ежемесячной отчетности об истраченных медикаментах, по непривычке врачей к такому бухгалтерскому занятию и за недосугом, делалось несвоевременно, да и самая отчетность велась неаккуратно. Помимо всего этого, стоило врачу по служебным обязанностям отлучиться в уезд, и выдача лекарств прекращалась.

Частная предприимчивость в аптечном деле на Кавказе началась уже после генерала Ермолова и долгое время ограничивалась Тифлисом. 6 мая 1829 года провизор Шенберг открыл здесь вольную аптеку, которой Паскевич предоставил исключительную привилегию на 15 лет. Эта первая вольная аптека на Кавказе привлекла к себе многих клиентов казенной запасной аптеки, и рецептурный отпуск последней от этого сильно уменьшился.

Ермоловское время ознаменовалось проникновением холеры в Европу, причем Кавказу пришлось и в этом отношении выполнить функцию исторических ворот. И если целый ряд санитарных мероприятий, проведенных или задуманных Ермоловым, конечно же, без участия высших представителей врачебной профессии, ставит вне всякого сомнения глубокое понимание им военно-санитарного дела, то тем более нельзя оправдать его непростительно опрометчивое отношение к крайне серьезному вопросу о холере, в связи с чем холерная эпидемия беспрепятственно проникла из Персии в Закавказье и по Кавказскому перешейку перешла в Европу (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 88).

Эта до тех пор неизвестная в Европе болезнь медленно подвигалась к Кавказу в течение целых шести лет, после того как она впервые вышла из пределов своей родины – той части низменной равнины Бенгалии, которая простирается с юга на север от устьев рек Маганудди и Брамапутры до Гималайских гор – и появилась в Иессоре – небольшом городке Бенгалии. Иессорская эпидемия 1817 года составляет начало тех холерных пандемий, которые с того времени стали поражать почти все страны земного шара, и следует, конечно, отметить, что дверью в Европу послужил для них Кавказ.

Через Аравийское море и Персидский залив холера в 1821 году проникла в Персию и в феврале появилась в приморском городе Бендер-Аббаст, откуда она в полгода прошла почти всю Персию наискось по направлению к Кавказу и достигла Тавриза. В 1822 году холера была уже в Армении, где поразила Эрзерум, Эриван и многие другие города. В апреле 1823 года эпидемия проникла в персидскую провинцию Гилян, а оттуда перешла в пределы России. Первые случаи ее обнаружили в Талышинском ханстве в Кривачевском уезде, где в одной деревне, лежащей на равнине Магал, умерло от нее 10 человек. В мае холеру занесли в Ленкоранскую крепость на берегу Каспийского моря. Там заболело 4 человека, в числе которых были один матрос и один рыбак. 1 июня заболело холерой 7 человек в деревне Кургалан, в 5 верстах от Ленкорани, затем довольно скоро эпидемия обнаружилась на Сальянских островах при устье Куры и поднялась вверх по течению последней в Ширванскую равнину (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 88об.).

В Сальянах с 4 июня по 10 июля умерло от холеры 27 человек, из них 7 в один день (АКАК, 6: 276). Сальянский наиб Абдулла-бек охарактеризовал болезнь следующими симптомами: «первоначально горячка, потом рвота и наконец пальцы рук и ног посинеют и затем смерть следует; болезнь продолжается одни сутки» (АКАК, 6: 276).

Донесение Абдулла-бека, очевидно, всколыхнуло административные сферы Кавказа. Новая болезнь оказывалась довольно страшной, а между тем никто из кавказских врачей еще и не видел ее. В Сальяны командировали лекаря 41-го егерского полка Тимченко для исследования болезни на месте, и только 31 июля 1823 года, т.е. через 4 месяца после проявления эпидемии в русских Закавказских владениях, Ермолов сообщил Министру внутренних дел о появлении в присоединенных от Персии в 1813 году провинциях болезни, называемой «холера-морбус» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 89).

В августе того же года холера добралась до крепости Баку. По донесению лекаря Гостева число заболеваний там вначале было весьма ограниченное, и умерших было только 10 человек из числа жителей и несколько солдат. Но потом после сильных дождей, вызвавших наводнение, эпидемия вдруг вспыхнула с такой силой, что население в паническом страхе разбежалось по соседним горам. Из Баку холера по Каспийскому морю доплыла до Астрахани, где и появилась 10 сентября 1823 года.

Важно отметить, что распространяться холера могла и в Черкесии, куда зараженные регулярно привозились из Турции на контрабандных кораблях (Karataev, 2016: 54–55).

Таков в кратких чертах ход первой холерной эпидемии на Кавказе. К счастью, она на первый раз ограничилась сравнительно небольшим районом по побережью Каспийского моря и в долине Куры, захватив Бакинскую, Кубинскую и Ширванскую провинции, и не распространилась по всему Кавказу. Интенсивность эпидемии была довольно разнообразна. В низменной долине Куры – в Зайцевском, Карабазарском и Кугистанском округах – она сильно свирепствовала среди кочевого населения, в гористых же местностях проявлялась слабо даже и в больших торговых пунктах. Так, в старой Шемахе холерой заболели всего 11 человек, которые все и выздоровели. Осенью 1823 года холера прекратилась.

Что же было сделано на Кавказе для борьбы с холерой? Ровно ничего. О том, чтобы преградить ей доступ в русские пограничные владения, когда она приняла поступательное движение по Персии, совсем не думали. Официальное признание появления холеры в пределах Закавказья явилось слишком поздно, спустя 4 месяца после того, как в Талышинском ханстве начали болеть и умирать от нее люди. Ничего не предпринималось и для локализации холеры в местах первоначального ее появления, что дало ей возможность легко проникнуть в Астрахань.

Когда холера была уже в полном разгаре и ее эпидемический характер оставался спорным лишь для тех, кто упорно не хотел признавать заразительности болезни, местный медицинский персонал был усилен семью врачами (АКАК, 6: 276), только что окончившими курс в медико-хирургической академии, которых прислали из Петербурга в Тифлис.¹ Молодые и неопытные, не располагавшие никакими средствами для активной борьбы с холерой, они должны были противодействовать распространению ее. Но как и чем? Медицинский совет составил для этого инструкцию, а средствами должна была снабдить распорядительная власть. И поневоле не только им, но и всем лицам медицинской профессии, призванным в качестве борцов с холерной эпидемией, пришлось ограничиться посильным лечением заболевших и подсчетом умерших.

Чтобы хотя сколько-нибудь ослабить распространение эпидемии, штаб-доктор Отдельного Кавказского корпуса Зубов предложил «советовать жителям городов и селений, лежащих в глубоких долинах, или окруженных реками, болотами, озерами, или тесно населенных, удалиться на возвышенные и прохладные места, открытые к северу». Мера эта, однако, оказалась трудно осуществимой. С одной стороны, Ермолов находил ее неудобной потому, что с уходом населения пораженных холерой местностей в горы совершенно обнажилась бы граница с Персией по Муганской степи и Карабагской провинции, а это было небезопасно в политическом отношении. С другой – ее не приветствовало местное население ввиду того, что пришлось бы оставить на полях необраным хлеб и бросить бараму, из которой вываривался шелк, а это было тождественно полному разорению и, следовательно, непригодно в экономическом отношении. Притом же холера была болезнью совершенно новой для жителей Кавказа, не то, что чума, которую народ страшно боялся и от которой по собственной воле бежал из городов и селений (Ermachkov et al., 2018; Ermachkov et al., 2018a). Вселять в людей убеждение об опасности холеры было некому, да и сделать это было бы не так легко. Не было у населения в этом отношении горького опыта, а потому и взгляд на холеру как на злую эпидемическую болезнь мог установиться в народных массах только в будущем.

Главный начальник края генерал Ермолов считал холеру болезнью неприлипчивой, конечно, не в смысле контагиозности, т.е. заражения через соприкосновение, а в более широком понимании заразности и старался убедить в этом Министерство внутренних дел. Как на самые убедительные доводы он ссылался на то, что холера «не разнеслась по всем местам пораженных ею провинций, хотя сообщения прерваны совершенно не были, и в торговых городах стечение народа нимало не прекращалось» и что «холера не оказалась прилипчивой как по сведениям, собранным в соседственных землях, так и из опытов в собственных пределах, где медицинские чиновники, изыскав приличные средства, смиряли успешно жестокость ея» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 900б.). Без всякого сомнения, врачи немало помогли Ермолову утвердиться в таком взгляде на холеру. Возможно, что их ошибка тут была невольная, так как, встретившись впервые с холерой и не зная циклического хода этой эпидемии, они видели успешное действие «изысканных средств» там, где жестокость эпидемии умерялась по своему естественному ходу, не взирая на применявшиеся «приличные средства». Однако нельзя исключать и того, что, быть может, тщеславие заставляло некоторых признавать успех там, где его на самом деле не было.

Оставаясь убежденным сторонником неприлипчивости холеры, Ермолов с нескрываемым скептицизмом отнесся к предупредительным мерам, которые были указаны Комитетом министров ввиду опасения, что с наступлением теплого времени в 1824 году холера возникнет вновь. Меры эти были Высочайше утверждены 28 мая 1824 года, но так как главнейшие из них имели карантинный характер, они не встретили сочувствия у Ермолова. Совсем не принять их было нельзя, и Ермолов открыл временные карантинные в Баку и Ленкорани, но категорически отказался от постановки кордонного оцепления по сухопутной границе с Персией под тем предлогом, что для этого

¹ Это были лекаря, выпускавшиеся из академии в гражданское ведомство: Володзко, Величко, Бобровский, Каубе, Хлебников, Татомир и Фаресов.

потребовалось бы много войск, среди которого не замедлили бы появиться климатические болезни с не меньшей смертностью, чем от холеры. По этому поводу он с явной иронией доносил в Петербург, что принятые предосторожности без сомнения увенчаются полным успехом ввиду отсутствия болезни, против которой они направлены, и что их следовало бы сохранить и на будущее время по той простой причине, что если опасаться возникновения бывшей болезни, то нет видимого основания ограничивать эту боязнь только одним годом.

Летом и осенью 1824 года холера не возобновилась, и в конце года все карантинные предосторожности на Кавказе были прекращены по постановлению Комитета министров, Высочайше утвержденному 25 ноября.

Холерная эпидемия 1823 года на Кавказе составляет начальное звено первой холерной пандемии, охватившей период с 1817 по 1838 годы и имевшей в России шесть эпидемических годов – 1823, 1828, 1830, 1831, 1833, 1835. Никто не знает, какова была бы эта пандемия, да и вообще была бы она таковой при более серьезном и внимательном отношении к профилактическим мерам на Кавказском перешейке, сыгравшем роль ворот в Европу. Правда, болезнь эта представляла еще новинку, но тем осторожнее и осмотрительнее нужно было относиться к ней. И во всяком случае нельзя не удивляться полной бездеятельности Ермолова как в то время, когда холера двигалась через Персию к русской границе, так и в те 4 месяца (с апреля по июль включительно), когда холера распространялась уже в русских владениях по побережью Каспийского моря, не будучи даже обследованной врачами и имея лишь случайных наблюдателей в лице официальных представителей полицейской власти, как Сальянский наиб Абдулла-бек.

В конце своей деятельности Ермолов был занят подготовительными работами к войне с Персией, неизбежность которой вполне уже выяснилась в 1827 году, и в этом случае снова выказал свое понимание военно-санитарного дела. Решив, что Тифлисский госпиталь будет главным тыловым пунктом для эвакуации с театра военных действий, он обратил внимание, во-первых, на то, что в этом госпитале «по нужде можно было поместить до 800 человек», а во-вторых, на слишком длинную коммуникационную линию его с передовыми военно-врачебными заведениями. Поэтому прежде всего на большой дороге из Тифлиса в Персию, в Джелаль-Ольгинском укреплении, открыли временный госпиталь, а в Лори и Шуше предположено было открыть временные госпитали одновременно с началом военных действий. Так как для оборудования госпиталей не имелось никаких запасов, а в Лори, кроме того, не было и подходящих помещений, Ермолов заблаговременно сделал все нужные распоряжения по снабжению их вещевым имуществом, лекарствами, лекарями и прислугой. Таким образом, экспедиционный отряд обеспечивался госпитальными местами в пределах русских владений. При вступлении в Персию проектировалось учреждать промежуточные госпитали по пути надобности, вблизи же Эривани открыть госпиталь в Эчмиадзинском монастыре как передовое военно-врачебное заведение.

Войну с Персией пришлось, однако, вести не Ермолову, а генералу Паскевичу, который почти совсем не воспользовался планом Ермолова относительно устройства санитарной части в корпусе, двинутом к Эривани, несмотря на то, что план этот сильно отстаивал штаб-доктор Зубов, оставшийся и при Паскевиче во главе военно-медицинской части на Кавказе. В этом деле Паскевич слишком доверился рекомендациям жившего в Тифлисе армянского архиепископа Нерсеса (впоследствии патриарха), который утверждал, что в окрестностях Эривани климат здоровый, хотя и жаркий, и что знойное лето долины Аракса не окажет вредного влияния на войска, уже привыкшие в Грузии к жаре. В силу этого оказывались совершенно излишними предположения Ермолова об открытии целого ряда госпиталей на пути между Тифлисом и Эриванью, и поход был начат в санитарном отношении довольно беспечно. По всей вероятности, это и заставило Зубова уклониться от личного участия в русско-персидской войне. Он остался в Тифлисе, в качестве же отрядного врача отправился дивизионный доктор 21-й пехотной дивизии Ильяшенко (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 92). Ему-то, конечно, нечего было и думать о какой-либо переделке в организации санитарной части отряда. Приходилось брать то, что давали и терпеливо работать, стараясь усердием компенсировать недостаток предусмотрительности.

Сильный авангард русских войск под начальством генерал-адъютанта Бенкендорфа в начале апреля 1827 года вступил в пределы Эриванского ханства. Сопутствовавший авангарду архиепископ Нерсес убедил Бенкендорфа идти ускоренным маршем и не тратить время ни на санитарные мероприятия, ни на заготовку провианта, так как по его расчетам в Эчмиадзинском монастыре должно было найтись полное продовольствие для войск приблизительно на два месяца. Когда авангард пришел к монастырю, ни там, ни во всем ханстве нельзя было достать ни зерна хлеба. Растягивая свои запасы до последней возможности и, наконец, съев все, солдаты начали голодать, а затем пришлось есть корни. Два дня весь авангард сильно голодал, питался корнями и травой, и, если бы прибывший из Караклиса транспорт хлеба, доставленный с невероятными усилиями, хоть немного запоздал, голодная смерть авангарда была бы неминуемой. К счастью, дело до этого не дошло, но все же невольная голодовка и съеденные корни и травы сделали свое дело. Отряд Бенкендорфа подорвал свои силы, и санитарное состояние его стало изо дня в день ухудшаться, а когда наступила летняя жара и особенно сильно ощущался недостаток хорошей питьевой воды, в нем уже было более 1,5 тыс. больных (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 92об.). В отряде

распространился тиф, и оттуда был передан всему Кавказскому корпусу, поражая войсковые части с такой силой, что некоторые полки уменьшились наполовину. Важно отметить, что боевые потери отряда за все время действия с апреля по июнь были невелики – 67 человек убитыми и ранеными (*Сборник сведений о потерях, 1901: 145*). Опасность была весьма велика, и Паскевич вынужден был за невозможностью принять какие-либо другие меры, для которых время уже было упущено, согласиться, по настоятельному представлению отрядного врача Ильяшенко, на временную приостановку военных действий с выводом войск из долины Аракса на соседние возвышенности. После взятия Аббас-абада наступил желанный перерыв, и утомленным и изболевшимся войскам дан был отдых. Обстоятельства не позволили продлить его на такое время, которое было бы достаточным для полного восстановления сил, и после месячной передышки, все-таки заметно подбодрившей солдат, войска снова спустились с высот в долину Аракса. Жара там все еще была сильной, действовать пришлось в каменистой безводной местности, и вполне естественно, что не прошло и недели, как заболеваемость стала резко увеличиваться. В августе Паскевич доносил императору: «Жары продолжают, число больных до сих пор прирастает; третья доля в госпиталях; полки, вышедшие из квартир в 1800 чел., выводят одну тысячу, исключая гвардию, в которой больных не более 200, а 900 под ружьем» (*ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 93*).

Войсковым лекарям пришлось работать не покладая рук. И не столько их смущало число больных, сколько тяжесть заболеваний, требовавшая весьма продолжительного лечения. Поступившие в госпитали лежали там месяцами, и врачи категорически заявляли, что до декабря едва ли можно ручаться за их совершенное выздоровление.

Нечего, конечно, и говорить о том, что беспечно начатая в санитарном отношении кампания поставила всех в затруднительное положение. При громадном наплыве больных, когда каждый день приносил новые и новые массы их, явился большой спрос на больничные места, а их заготовлено не было, больных клали где попало. В госпитали превращены были все окрестные деревни. Недостаток ощущался во всем, и понятно, что, когда число больных достигло «страшного количества», как сообщал Паскевич в письме великому князю Михаилу Павловичу, ни правильное содержание, ни правильное лечение их были недостижимы (*ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 93об.*).

При таких условиях будущее представлялось довольно безотрадным. Корпус таял заметно. Рассчитывать на ослабление тифозной эпидемии с наступлением холодного времени нельзя было на том основании, что холод загнал бы солдат в землянки и вообще заставил бы их теснее жаться друг к другу, а это неминуемо усилило бы распространение заразы. Отрядный врач Ильяшенко не сидел сложа руки. Он усердно «ревизовал госпитали и принимал меры к прекращению смертности», конечно, без видимого успеха.

Счастливым исход штурма Эриванской крепости 1 октября 1827 года удачно разрешил трудную санитарную задачу. При этом и здесь боевые потери были сравнительно небольшими – 57 человек, из них убитыми – 9 (*Сборник сведений о потерях, 1901: 146*). Русские войска получили возможность покинуть зараженные места, которые они занимали во время осады Эривани, и двинулись на Тавриз. Как только он был занят, сейчас же там открыли военный госпиталь. К содействию привлекли местных жителей, главным образом армян, которые бесплатно снабдили госпиталь некоторыми предметами для больных и теплой одеждой, для приведения же госпитальных помещений в приличный вид были отпущены деньги из доходов Азербайджана (*ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 93об.–94*). Госпиталь устроили хорошо, и он заслужил одобрение Паскевича.

Занятием Тавриза окончилась Персидская война, а вместе с ней и все проблемы военного времени. Тяжелое санитарное состояние войск, сражавшихся под Эриванью, скрыть было нельзя, и вот «губительное влияние климата», так полюболюбившееся лицам, стоявшим у власти, снова профигуровало как основная причина чрезмерной заболеваемости. Про все же санитарные недочеты: голод авангарда Бенкендорфа, довольствие питьевой водой из грязных оросительных канав, скученное размещение людей в палатах, ночлеги под открытым небом и без всякой подстилки, переходы под палящими лучами солнца и т.п. – конечно, умолчали.

Печальный в санитарном отношении опыт этой войны все-таки не прошел бесследно. Во-первых, вполне выяснилась необходимость устройства военно-временных госпиталей в достаточном количестве и с должным числом мест, а следовательно, и заблаговременной заготовки всего требуемого для их оборудования; во-вторых, стало очевидным, что военно-санитарные вопросы действующей армии следует не отодвигать на задний план, а ставить в ряд первейших забот главнокомандующего. Для Ермолова это не подлежало сомнению, но граф Паскевич-Эриванский убедился в этом, подводя итоги своего похода на Эриван и Тавриз.

События под Эриванью привели Паскевича также к мысли о туземном войске, которая состояла в том, чтобы сформировать ополчение из местных жителей – армян, грузин и татар – для пограничной службы исключительно в тех местностях, где русские войска давали наибольшую заболеваемость в зависимости от климатических условий. Нечего и говорить, какое важное значение представляла эта мера с санитарной точки зрения, осуществление которой было крайне желательным. Об этом настойчиво хлопотал Паскевич, и 20 апреля 1828 года последовало Высочайшее соизволение на формирование туземного войска из трех батальонов, по 100 человек в каждом (*ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 94об.*).

5. Заключение

Подводя итоги, важно отметить, что русско-персидская война 1826–1828 гг. для русской администрации в целом, и для военных медиков в частности, была важным рубежом для понимания целого ряда проблем. Так, например, стало очевидным, что нужно в условиях войны весьма осторожно относиться к доводам представителей местного населения и больше делать ставку на правильное медицинское обслуживание войск. Это же касалось и предупреждения эпидемий таких заболеваний, как холера. Еще одним важным нововведением стало то, что по результатам военной кампании было окончательно принято решение использовать в армии подразделения из местного кавказского населения.

Литература

- АКАК, 6 – Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 6. Часть 1. Тифлис, 1874.
- Зайцев, 2010 – Зайцев А.М. А.П. Ермолов: военный и политик // История и историки в контексте времени. 2010. № 7. С. 23–35.
- Котенев и др., 2016 – Котенев Е.С., Дубянский В.М., Вольнкина А.С., Зайцев А.А., Куличенко А.Н., Кравцова С.Л. История эпидемий чумы на Северном Кавказе и современный эпидемический потенциал природных очагов чумы // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2016. Т. 11. № 4. С. 612–616.
- Сборник сведений о потерях, 1901 – Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн кавказскогорской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. / Составлен А.Л. Гизетти. Тифлис, 1901. 222 с.
- Хайдаров, 2017 – Хайдаров Т.Ф. Эпидемии чумы в Каспийском регионе во второй половине XIV – начале XV вв. // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 304–309.
- ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии.
- Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. 40(2), pp. 382–391.
- Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. The losses of the Russian army during the Russian-Persian war of 1826–1828: The historical-statistical study // *Bylye Gody*. 2017. № 4.
- Cherkasov et al., 2017a – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. The losses of the Russian army in transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828–1829): The historical-statistical study // *Русин*. 2017. № 4.
- Gvarliani et al., 2017 – Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799 // *Bylye Gody*. Vol. 43, Is. 1, pp. 39–47.
- Ermachkov et al., 2017 – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. The Sanitary-epidemiological State of the Russian Troops in the Caucasus in 1797–1801 // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44, Is. 2, pp. 428–437.
- Ermachkov et al., 2018 – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part I // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47, Is. 1. pp. 120–129.
- Ermachkov et al., 2018a – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part II // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48, Is. 2. pp. 558–569.
- Ermachkov et al., 2018b – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. General Ermolov and His Role in the Evolution of Public Health Service in the Caucasus // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49, Is. 3. pp. 1037–1045.
- Karataev, 2016 – Karataev V.B. The Advocacy Activities of the Foreign Emissaries in the North-Western Caucasus // *Propaganda in the World and Local Conflicts*, 2016, Vol. 6, Is. (2), pp. 52–58.

References

- АКАК, 6 – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. T. 6. Ch. 1. Tiflis, 1874. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2016). The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 40(2), pp. 382–391.
- Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. (2017). The losses of the Russian army during the Russian-Persian war of 1826–1828: The historical-statistical study. *Bylye Gody*. № 4.
- Cherkasov et al., 2017a – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. (2017). The losses of the Russian army in transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828–1829): The historical-statistical study. *Rusin*. № 4. pp. 38–60.
- Ermachkov et al., 2018 – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. (2018). The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part I. *Bylye Gody*. Vol. 47, Is. 1. pp. 120–129.
- Ermachkov et al., 2018a – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. (2018). The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part II. *Bylye Gody*. Vol. 48, Is. 2. pp. 558–569.

[Ermachkov et al., 2018b](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. (2018). General Ermolov and His Role in the Evolution of Public Health Service in the Caucasus. *Bylye Gody*. Vol. 49, Is. 3. pp. 1037-1045.

[Gvarliani et al., 2017](#) – Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. (2017). The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799. *Bylye Gody*. Vol. 43, Is. 1, pp. 39-47.

[Karataev, 2016](#) – Karataev V.B. (2016). The Advocacy Activities of the Foreign Emissaries in the North-Western Caucasus. *Propaganda in the World and Local Conflicts*, Vol. 6, Is. (2), pp. 52-58.

[Khaidarov, 2017](#) – Khaidarov T.F. (2017). Epidemii chumy v Kaspiiskom regione vo vtoroi polovine XIV – nachale XV vv. [Plague epidemics in the Caspian region in the second half of XIV – early XV centuries]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*. № 10. pp. 304-309. [in Russian]

[Kotenev i dr., 2016](#) – Kotenev E.S., Dobyanskii V.M., Volyunkina A.S., Zaitsev A.A., Kulichenko A.N., Kravtsova S.L. (2016). Istoriya epidemii chumy na Severnom Kavkaze i sovremennyyi epidemicheskii potentsial prirodnykh ochagov chumy [The history of plague epidemics in the North Caucasus and the modern epidemic potential of natural foci of plague]. *Meditinskii vestnik Severnogo Kavkaza*. T. 11. № 4. pp. 612-616. [in Russian]

[Sbornik svedenii o poteryakh, 1901](#) – Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremya voin Kavkazsko-gorskoj, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae 1801–1885 gg. [The collection of data on the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasian-Gorskiy, Persian, Turkish and in the Transcaspiian region 1801–1885 years]. Sostavlen A.L. Gizetti. Tiflis, 1901. 222 p. [in Russian]

[TsGIAG](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [Central state historical archive of Georgia].

[Zaitsev, 2010](#) – Zaitsev A.M. (2010). A.P. Ermolov: voennyi i politik [A.P. Ermolov: military and politician]. *History and Historians in the Context of the Time*. № 7. pp. 23–35. [in Russian]

Санитарное обеспечение на Кавказе в период русско-персидской войны 1826–1828 гг.

Иван Анатольевич Ермачков ^{a, b, *}, Лариса Александровна Королева ^c,
Наталья Викторовна Свечникова ^d, Ясмин Гут ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Университет г. Женева, Женева, Швейцария

Аннотация. В статье рассматривается санитарное обеспечение на Кавказе в период русско-персидской войны 1826–1828 гг. Уделено внимание распространению первой эпидемии холеры на Кавказе, а также особенностям создания госпитальной базы накануне и в период русско-персидской войны.

В качестве материалов привлечены архивные источники Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия), а также научная и справочная литература. Важное значение в работе имеют «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией».

В заключении авторы отмечают, что русско-персидская война 1826–1828 гг. для русской администрации в целом, и для военных медиков в частности, была важным рубежом для понимания целого ряда проблем. Так, например, стало очевидным, что нужно в условиях войны весьма осторожно относиться к доводам представителей местного населения и больше делать ставку на правильное медицинское обслуживание войск. Это же касалось и предупреждения эпидемий таких заболеваний, как холера. Еще одним важным нововведением стало то, что по результатам военной кампании было окончательно принято решение об использовании в армии подразделений из местного кавказского населения.

Ключевые слова: русско-персидская война, 1826–1828 гг., Отдельный Кавказский корпус, холера, Кавказ, Грузия, медицинское обслуживание.

* Корреспондирующий автор

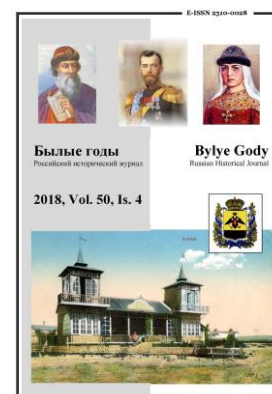
Адрес электронной почты: eia07sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков), la-koro@yandex.ru (Л.А. Королева), Svechnikova.NV@rea.ru (Н.В. Свечникова), jasmin.gut@etu.unige.ch (Я. Гут)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1575-1583. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1575
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Distance and Distance Chiefs of the Kazakhs of the Orenburg Province (1830–1860)

Gulmira S. Sultangalieva ^{a, *}, Zhanna K. Dyussebekova ^a

^a Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

Abstract

The article reveals the process of introduction the distance system on the territory of the Kazakhs of the Orenburg region and the appointment of the distance chiefs for almost forty years (1831–1868). It was important for the Russian administration to force the integration of the Kazakh Steppe into Empire by creating a fractional territorial administrative structure of governance, strengthening the influence of Russian power in the Steppe, since in the first half of the XIX century Orenburg region served as bridge for the advancement of the Russian Empire in Central Asia. Distant system gave the ability to systematically record the number of tents and the number of Kazakh people in the depths of the Steppe and collect tent taxes from the local population and regulate the relationship between border residents and nomads. The article is based on archival documents extracted from the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan and historical literature.

Keywords: Kazakh steppe, distance, Orenburg region, distance chiefs, Russian Empire, administrative reforms, military ranks.

1. Введение

Основной тенденцией развития современной исторической науки является стремление переосмыслить с новых методологических позиций исторические источники, разнообразные по своему содержанию и значимости. Смена методологических векторов повлияла и на научный интерес к изучению социокультурных явлений в развитии региона, системы управления в казахском кочевом обществе XIX в. Одним из этих звеньев управления казахами Оренбургского ведомства стали дистанционные начальники, стоявшие во главе новых территориально-административных структур – дистанций (административные участки между крепостями) на Оренбургской пограничной линии. Данная система была введена в 1831 году по инициативе оренбургского военного губернатора Павла Петровича Сухтелена (1830–1833).¹ Внутри каждой дистанции, напротив каждого форпоста или между крепостями образовывалась своеобразная административно-территориальная единица, возглавляемая местными начальниками из почетных казахов. Оренбургский губернатор П.П. Сухтелен был сторонником сохранения казахов в качестве кочевников, а не оседлыми жителями, поэтому считал важным сохранения их пастбищных угодий. И для упорядочения пользования землей между казаками и казахами предложил разделить землю от Гурьева до Зверноголовской крепости на дистанции (Семенов, Семенова, 1999: 77–78).

С другой стороны, российские власти пытались создать в первой половине XIX в. в Казахской степи так называемый административный аппарат, наличие которого являлось неперенным условием функционирования системы «государство – общество». Этот административный аппарат включал на территории казахов Оренбургского ведомства следующие звенья: султаны – правители Западной, Средней и Восточной части, дистанционные и местные начальники. К сожалению, в

* Corresponding author

E-mail addresses: sultangalievagulmira@gmail.com (G.S. Sultangalieva)

¹ За внедрение этого проекта Оренбургский губернатор был награжден орденом св. Александра Невского 9 апреля 1832 года.

отечественной исторической литературе и учебниках по истории Казахстана механизм создания дистанций в каждой части казахов Оренбургского ведомства, функции и деятельность дистанционных начальников, взаимодействие их с российской региональной и центральной властью, с султанами-правителями, местными начальниками практически не исследована и не освещена. Изучение дистанционной системы дает толчок не только внимательному прочтению нового пласта исторических документов, выявлению новых персоналий из числа «почетных» казахов, их управленческих функций как чиновников Российской империи, адаптации казахского населения к нововведениям российской власти в Степи, но и позволяет взглянуть по-новому на практику управления регионами имперской политики, определить законодательную базу Российской империи при разработке и внедрении новых административных реформ в первой половине XIX в.

2. Материалы и методы

Методологическую основу данного исследования составили принципы историзма и объективности. Инструменты исследования принципа историзма способствовали изучению процесса формирования дистанционной системы, ее географической дислокации, адаптации родоплеменной структуры казахского кочевого общества к нововведениям имперской власти, социальных трансформаций, происходивших в поведении, повседневной жизни новых управленцев в Степи. Объективный анализ исторических документов, извлеченных из фондов Центрального государственного архива РК, и законодательные положения [Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем (1824), Положение об управлении оренбургскими казахами (1844)] дали возможность восстановления реального знания исторических событий кочевой общины первой половины XIX в. Изучение института дистанционных начальников в истории Казахстана является важным, так как позволяет понять трансформационные процессы в системе управления Степью, динамику изменений веками сохранявшегося кочевого образа жизни казахов, формирования новых направлений социального, политического характера. Метод диахронии и синхронии позволил дать объяснение историческим изменениям в социальной, культурной и политической жизни казахского кочевого общества на протяжении столетия, выявить ключевые события, влияющие на трансформацию сознания казахского населения и восприятия новых форм адаптации к изменившимся условиям.

3. Обсуждение

В современной исторической науке больше внимания уделяется изучению так называемого верхнего этажа административного аппарата (генерал-губернаторы, военные губернаторы), который находился почти исключительно в руках русского чиновничества (Лысенко, 2001; Семенова, 2001; Матханова, 2002; Любичанковский, 2003), в то время как представители казахского населения в основном были представлены в низовом звене управления (дистанции, волость, аул).

В отечественной историографии фундаментальных работ, посвященных изучению дистанционной системы, практически нет. Однако среди историков-исследователей можно выделить тех, кто занимался изучением новой истории Казахстана и косвенно затрагивал вопрос внедрения дистанционной системы в Степи. В дореволюционной историографии мы можем выделить обобщающие труды по истории Казахстана XIX в. русских чиновников, находившихся на службе в Казахской степи, которые в своих исследованиях опирались не только на документальные материалы, но и личные наблюдения, устанавливали контакты с представителями казахской знати, в частности работы И.Ф. Бларамберга (Бларамберг, 1848), И.М. Казанцева (Казанцев, 1867), Л.Л. Мейера (Мейер, 1865), А.И. Добросмыслова (Добросмыслов, 1990). И.М. Казанцев в своей работе обратил внимание на то, что к середине XIX века на территории Младшего жуза насчитывалось 33 казахских рода, кочевья которых были расположены между созданными 54 дистанциями (Казанцев, 1867: 62). Л. Мейер дал более подробную характеристику распределения дистанций на территории Западной, Восточной и Средней частей казахов Оренбургского ведомства (Мейер, 1865: 263).

В советской историографии нужно отметить работы известного исследователя Салыка Зимановича Зиманова (Зиманов, 2009), внесшего вклад в изучение административных реформ и развития системы местного управления в Казахской степи. Его заслуга состоит в том, что он стал одним из первых советских историков, изучивших детально административные реформы на территории казахов Среднего (1822), Младшего жузов (1824) и, основываясь на архивных документах, представивших общую картину расселения казахских родов Младшего жуза по дистанциям, включавшимся в Западную, Среднюю и Восточную части казахов Оренбургского ведомства (Зиманов, 2009: 225–228). Дальнейшие исследования казахстанских исследователей Б.М. Абдрахмановой (Абдрахманова, 1998), К.А. Жиренчина (Жиренчин, 1996) по административной реформе русского правительства в первой половине XIX в. в Степи в основном только констатировали факт введения дистанционной системы 1831 года на территории казахов Оренбургского ведомства. Вопросы традиционной организации казахского кочевого общества, механизма функционирования традиционных структур власти у кочевников-казахов рассмотрены в монографии известного казахстанского этнолога Н.Э. Масанова. Им основательно исследована система материального производства кочевого казахского общества, которая во многом определила формы социальной

организации и понимание кочевой общины не только как родовой структуры, но и в первую очередь как хозяйственной единицы. Н.Э. Масанов сделал важный вывод о том, что административные реформы, вводимые Империей в XIX в., не изменили основные принципы функционирования казахского кочевого общества, и поэтому создаваемые российской властью новые административные структуры – волость (Средний жуз), дистанции (Младший жуз) – в новых административно-политических условиях выполняли функции «урегулирования большого спектра межгрупповых отношений по поводу пастбищных угодий и маршрутов кочевания, а также внешнеполитических аспектов жизнедеятельности номадов» (Масанов, 1995). Изучению процесса встраивания родоплеменной структуры казахского кочевого общества в новую систему отношений власти и общества в XIX веке и эволюции традиционных властных институтов посвящено исследование историка Ж.М. Джампеисовой (Джампеисова, 2006). Изучению межродовых отношений казахского народа в процессе административной политики Империи в Степи посвящены исследования американского историка В. Мартин (Мартин, 2012).

Реконструкция исторической географии Казахстана XIX века рассмотрена казахстанским историком Г. Ксенджик. Ею представлена историко-географическая характеристика территории казахов Оренбургского ведомства и даны материалы по созданию дистанций (Ксенджик, 2015: 100–104).

4. Результаты

В первой половине XIX века в силу важности стратегического значения территории Оренбургской губернии, являвшейся своеобразным мостом для продвижения Российской империи в Среднюю Азию, важно было форсировать интеграцию пограничной Казахской степи в состав Империи. С введением «Утвержденного мнения Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» (1824), разработанного оренбургским генерал-губернатором Петром Кирилловичем Эссеном (1817–1829), ханская власть была упразднена в Младшем жузе. В результате проведенных нововведений территория Младшего жуза была разделена на три внешних Зауральских округа. Далее Зауральские округа были переименованы в Западную, Среднюю и Восточную части во главе с султанами-правителями (Бекмаханов, 1947: 120). Средняя часть включала землю верхнего течения реки Урал от крепости Степной до устья Илека и Большой Хобды на севере, до Аральского моря на юге. Западная часть с севера и запада была ограничена рекой Урал, на юге включала в себя перешеек между Каспийским и Аральским морями. Административный центр Восточной части расположился в крепости Усть-Уйской, Средней – в Изобильной крепости, а Западной – в Затонном форпосте (Ксенджик, 2015: 99–100).

Однако буквально через семь лет после введения системы управления частями казахов Оренбургского ведомства потребовалась новая реформа, так называемая дистанционная. По сути, инициатор данной реформы, оренбургский губернатор П.П. Сухтелен, посчитал возможным апробировать практику разделения территории казаков Оренбургского казачьего войска на дистанции в Казахской степи. Более того, он понимал, что султаны-правители не могли эффективно управлять огромными по площади частями казахов Оренбургского ведомства в Степи, поэтому возникла потребность разделения территории частей на отдельные дистанции и местные участки (старшинства). Региональная администрация видела необходимость введения данной реформы и потому, что системный учет количества кибиток и численности казахского населения, находившегося в глубине Степи, не проводился, а это был очень важный фактор для своевременного сбора и контроля кибиточной подати с местного населения. Более того, неразработанность и незавершенность законопроекта 1824 года выявили отсутствие механизма по урегулированию взаимоотношений между приграничными жителями и кочевниками. Отсюда важным стал пункт подотчетности каждой дистанции начальнику пограничной линии, где кочевья казахских родов были смежными с селениями казаков и русских. Далее, потребность региональной администрации в выявлении дальнейших маршрутов по продвижению русских войск в направлении Средней Азии толкала на детальное изучение географических условий территории и возможности строительства новых стационарных пунктов как опорных баз для усиления влияния имперской политики в глубине Степи. Это было возможно только при создании дробной территориально-административной структуры управления.

Причины введения дистанционной системы нашли отражение в функциях, определенных для дистанционных начальников, которые в первую очередь осуществляли контроль над ежегодными сборами кибиточной подати и должны были исполнять все указания и предписания султана-правителя, Пограничной комиссии, военного губернатора и линейного начальника, а также извещать линейные власти о «злонамеренных слухах и намерениях подданных» казахов, пресекать выступления, мятежи подведомственного им населения против русского правительства. Для усиления контроля над казахским населением дистанции должны были быть разделены на старшинства или местности во главе с местными начальниками, которые служили промежуточным звеном управляющих из числа старшин и родоправителей между дистанционными начальниками и султанами-правителями. Как мы видим, данная система управления подразумевала вертикальную подотчетность каждого звена. Султанам-правителям частей казахов Оренбургского ведомства подчинялись дистанционные

начальники, а последним – местные начальники. На содержание всего местного административного аппарата ежегодно расходовалось более 64 тыс. рублей из государственной казны.

За 36 лет (1831–1867) существования дистанчной системы менялось количество дистанций, создавались новые или разделялись дистанции, превышающие норму численности казахского населения и т.д. Примечательно, что административные участки-дистанции включали кочевья определенных родов, что приводило к прикреплению их кочевий к определенной административной структуре и охватывали территорию от Звериноголовской крепости до Каспийского моря.

«Положение об управлении Оренбургскими казахами» (14 июня 1844 г.) детализировало механизм дистанчной системы управления. Более того, были введены новые должности – попечителей – из числа русских чиновников, преимущественно из отставных военных, которые осуществляли контроль над действиями казахской администрации. В обязанность попечителей входило разрешение споров, возникавших между казахами и жителями пограничной линии, тем более что к 1844 году накопились многочисленные жалобы на действия прилинейных казаков, которые, злоупотребляя своим привилегированным положением, всячески препятствовали скотоводческой деятельности местного населения. Количество попечительств насчитывалось шесть: Гурьевское, Уральское, Оренбургское, Орское, Троицкое и Михайловское.

Введение дистанчной системы управления разделило территорию Младшего жуза на прилинейные и степные дистанции. В период с 1831 по 1841 гг. было создано 32 административных участка вдоль Пограничной линии и степной части Младшего жуза. В 40-х годах XIX века дистанчная система управления была внедрена и в казахский род Младшего жуза – адай, кочевавший вблизи Ново-Александровского укрепления (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 366. Л. 55). По данным С.З. Зиманова, дистанция, организованная на территории кочевий казахского рода адай, включала 10 административных единиц – местностей, разных по обширности территории. Если примерно 150 тыс. дворов составляли 240 аулов, то на каждый аул приходилось 600 хозяйств и более (Зиманов, 2009: 227).

Восточная часть казахов считалась самой отдаленной территорией в Оренбургском ведомстве и включала земли между рекой Обаган и крепостью Степной, верховья реки Большая Хобда и далее на юг до нижнего течения рек Чу и Сырдарьи. Наибольшее количество степных дистанций находилось в Восточной части, число которых на этой территории насчитывалось 21 (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2388. Л. 30). Степные дистанции уступали по численности хозяйств, но превосходили по обширности кочевых участков. Примером создания дистанции, где локализовались бы кочевья одного рода или подрода, явилась дистанция, которая территориально примыкала к Восточной части казахов Оренбургского ведомства. Советник Оренбургской пограничной комиссии, генерал-майор Ладьженский, считал, что «для содержания порядка между ордынцами» нужно учредить в глубине степи новую дистанцию в аргынском роде по ходатайству султана-правителя Восточной части казахов Оренбургского ведомства Ахмеда Джантюрина и «именовать ее 55-й дистанцией». В состав новой дистанции вошли казахи отделения рода аргын – уджан, утемис, татан, которые «почти нераздельны и всегда кочуют вместе между реками Тургай и Тобол, содержа до 510 кибиток». Создание данной дистанции происходило на протяжении почти 10 лет (с 1847 г. по 1856 г.). Начальником новой дистанции был определен бий Кудабай Кучбин, «усердный по службе, способный, хорошего поведения, известный преданностью русскому правительству» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2427. Л. 1 и 10б.).

В Западной части оренбургских казахов находились дистанции, включавшие форпосты и укрепления: Ново-Александровское укрепление, Затонный, Прорвинский, Сухореченский станицы, г. Гурьев, Лебяжинский, Горячинский, Иртецкий, Бударинский, Январевский, Кирсановский, Кинделинский форпосты; реки: Уленты, Анкаты, Чидерте, Чангырлау, Булдурте, Барбастау. Площади дистанций были неравномерными, что затрудняло осуществлять своевременно кибиточный сбор и постоянное наблюдение за подведомственным населением. С этой целью на территории Западной части казахов Оренбургского ведомства наблюдалось разделение дистанций на новые и назначение новых дистанчных начальников. Свидетельством этому явились 8-я и 31-я дистанции. Султан-правитель Западной части казахов Оренбургского ведомства Мухаммедгали Тяукин сообщил председателю Пограничной комиссии в 1847 г., что дистанчный начальник, султан Сугурали Сугалин «по неопытности своей» не в состоянии управлять всей 31-й дистанцией, которая включала такие рода, как ужрай, тазлар, кете, и предложил разделить вышеназванную дистанцию на три части, при этом определить начальником дистанции, где кочевал род ужрай, султана Сугурали Сугалина, родом кете – султана Кулмухаммеда Баймухаммедова, а тазлар – султана Исен-Али Абдулмукуминова (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2840. Л. 192–193).

К 60-м годам XIX века одной из крупных и многочисленных дистанций оказалась и 8-я, которая являлась линейной и находилась вблизи Ново-Илецкого укрепления. В ее состав входили 12 административных участков, возглавляемых местными начальниками, а количество кибиток исчислялось в 4260 единиц (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2745. Л. 14–15). В результате 8-я дистанция была разделена на две части, одной половиной управлял султан Абдулмукуминов, второй частью – Канчувак Байтоков (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3261. Л. 1–2 об.).

Средняя часть оренбургских казахов включала Уртазымскую крепость, расположенную между Старой и Новой линиями, Ветлянский форпост, Григорьевскую станицу, Илецкую защиту, Островную

и Танальцкую станицы, Никольский, Ильинский, Донский форпосты, Верхнеозерную, Алабалтальскую, Черкасскую, Нежинскую станицы, Благословенный форпост; данная часть включала реки Орь, Терекли, Иргиз, Карабутак, Ямансу, Курайлы, Илек, Хобда, Бурте, Эмба, Малая Хобда, Киялы-Бурте. В 30-е годы XIX века на территории Средней части Младшего жуза Оренбургского ведомства было организовано 10 дистанций и 44 местных участка. В 40–50-е годы XIX века на территории Средней части были созданы еще 14 дистанций, что составило общим количеством 24 дистанции, а количество местных начальников – 69. (Агаджанов, 1997). Особенность данной части казахов Оренбургского ведомства состояла в том, что на этой территории была построена в 1835 году Новая линия между Орском и Троицком. Исходя из этого, важным было создание дистанций для управления кочевниками по Новотроицкой линии «в целях наблюдения за порядком», так и «для удержания от разных шалостей, начиная от новопоселенных Ясытамацкого отряда до Верхнеуральской крепости». Согласно архивным материалам фондов Центрального государственного архива РК, были созданы вдоль этой линии пять дистанций, которые в свою очередь были разделены на 15 местных участков (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1481. Л. 20–25). При этом на должности начальников дистанций по рекомендации султана-правителя Средней части Юсупа Нуралиева назначили «благонадежных» султанов (Бачана Абулгазина, Ашыка Габдуллина, Саналия Мурзагалиева, Бултая Куянова, Мирхайдара Темирова), а на должности местных начальников – старшин и биев каждого рода, кочевья которых были пограничны с расположенными против станицами или крепостями. Оренбургский военный губернатор, граф П.П. Сухтелен, обращаясь к назначенным дистанционным начальникам, писал: «Возлагаю на Вас с утверждения его Сиятельства должность начальника дистанции линейных казахов. Под начальством Вашим будут состоять определенные в должность местных старшин. Должность их объясняется в списке, а Ваша обязанность наблюдать, чтобы они отправляли оную с усердием, точностью и по всей справедливости, чтобы казахи вверяемой Вам дистанции не были допускаемы до преступлений и предохраняемы от обид и притеснений. Дабы быть в известности, что происходит, объезжать дистанцию свою чаще, следить за исполнением обязанностей местных начальников. О всех происшествиях должны доносить султану-правителю Средней части, в Пограничную комиссию через Линейное начальство» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1481. Л. 15–20).

Региональная администрация, изучавшая территорию вдоль Новотроицкой линии, выявила факт, что в районе реки Орь, от Ташкичу до устья Ташлыур, кочевали казахские рода жагалбайлы, торткара, алиши и другие (примерно 370 кибиток), которые подотчетны были только управляющим родами, но не русской власти, соответственно учет населения не производился, кибиточный налог с них не взимался. Пограничная комиссия располагала только данными, которые предоставлял эпизодически бий рода Младшего жуза жагалбайлы, Буркинбай Бугинбаев, который собирал эпизодически налог с подведомственного ему населения. Исходя из выявленных данных, в 1846 году чиновник Оренбургской пограничной комиссии для производства следствия в Степи Михаил Немчинов и есаул, султан Махмуд Алгазыев поставили вопрос о необходимости создания на этой территории Особой дистанции. Вместе с тем султан-правитель Средней части, войсковой старшина Арслан Джантюрин, считал, что нет необходимости в создании особой дистанции вблизи Орской крепости, так как «через увеличение числа начальников дистанций государственная казна будет иметь убыток из-за освобождения их от кибиточной повинности и выплаты жалований». Более того, он считал, что число кибиток рода жагалбайлы не превышало 50, поэтому можно было бы, по его мнению, их причислить к местному начальнику против Орской крепости. Вместе с тем попечитель прилинейных казахов выснил от местного начальника против Орской крепости Удера Урасбаева, что в районе рек Орь, Ташкичу, Миндыбай кочевали более 111 кибиток разных отделений рода жагалбайлы (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2388. Л. 14). В результате дискуссий региональная администрация в 1853 году приняла решение о важности создания Особой дистанции в составе Средней части казахов Оренбургского ведомства, которая была именована как 56-я (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2388. Л. 15–16). Дистанционным начальником был назначен бий рода жагалбайлы Беркимбай Бучинбаев. Помощник султана-правителя Средней части есаул Махмуд Алгазыев писал о нем, что он может исполнять эту должность с «пользой», а попечитель прилинейных казахов Орской дистанции Михаил Александровский докладывал, что 42-летний Беркимбай Бучибаев – уважаемый «тамошними казахами, состояния довольно богатого, рассудителен и достойный к назначению на должность» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2388. Л. 33).

К 1857 году на всей территории Младшего жуза было образовано 57 дистанций, из них 32 относились к прилинейным, а 25 – к степным дистанциям. При этом в степных дистанциях число кибиток было меньше, чем в прилинейных. К примеру, если Западная часть охватывала 76 тыс. кибиток, то Восточная часть – всего 18 тыс. кибиток (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 366. Л. 54).

Введение дистанционной системы предполагало не только учет населения с целью систематического налогового обложения казахов Оренбургского ведомства, но и создания новой социальной опоры в лице дистанционных начальников, назначаемых из влиятельных султанов, биев, родоправителей, которые представляли низовое звено в системе управления казахами Оренбургского ведомства. При этом региональная администрация производила назначение на должность дистанционных начальников постепенно, а не одновременно по всей территории казахов Оренбургского

ведомства, «дабы выбор мог пасть на людей достойных и благонадежных». Региональные власти понимали, что только представители родовой знати, знавшие кочевой быт и места дислокации каждых родов, могут осуществить основную функцию – сбор кибиточной подати с казахского населения. Механизм назначения на должность дистанчного начальника представлял следующие этапы: 1. Султан-правитель на основании поступивших ему документов отправлял ходатайство об утверждении на должность и послужной список представленного кандидата председателю Оренбургской пограничной комиссии. При этом султаны-правители отмечали такие качества, как «усердие к службе, способность, расторопность и отлично-хорошее поведение» своих выдвиженцев (Жанаев, 2006: 75). 2. Председатель Пограничной комиссии готовил соответствующую документацию об утверждении на должность уже оренбургскому генерал-губернатору. Оренбургская администрация подходила к назначению той или иной кандидатуры взвешенно, изучала полные данные претендента. Одним из ярких примеров являло собой назначение султанов Асфендияра Сюгалина, Муртазагали Узбекгалиева в должности начальников дистанции. Свои мнения об этих султанах представили в 1848 году три советника Оренбургской пограничной комиссии: И.М. Бикмаев, П.П. Ванев, К.О. Каминский. Они были единодушны в том, что А. Сюгалин и М. Узбекгалиев «русскому правительству преданы, как все султаны, кочующие при линии и занимающие должности» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2500. Л. 2–50б.).

Важным для восстановления службы дистанчных начальников является и тот факт, что на них по мере назначения составляли послужные (формулярные) списки, включающие все пункты чиновника Российской империи. Анализ послужных списков дистанчных начальников позволил определить, что около 20-ти дистанчных начальников Оренбургского ведомства из 52-х назначенных за 1831–1869 относились к султанскому сословию. В основном все они являлись представителями династии ханов Младшего жуза Нуралы (1748–1786), Айшуака (1797–1805), Сергазы (1812–1824). Находясь на этой должности, они получали воинские чины регулярных войск: подполковника (Мухамеджан Баймухамедов, 8-я дистанция), хорунжего (Булхаиров Бигали, 31-я дистанция; Суюнучали Медетгалиев, 13-я дистанция и др.), сотника (Сулейман Джигангеров, 53-я дистанция; есаула (Асфендияр Сюгалин, 31-я дистанция) – и иррегулярных войск: зауряд-хорунжего (Досан Алгазиев, 10-я дистанция), зауряд-есаула (Махмуд Алгазыев, 8-я дистанция). Председатель Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьев писал о начальнике 8-й дистанции, султани Мухаммеджане Баймухамедове как уже сформировавшемся российском чиновнике, который «хорошо знает порядок делопроизводства», самое главное, «привычный к управлению», успешно выполнявший неоднократные поручения Оренбургской администрации (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2745. Л. 1–20б.).

Следующий фактор, определявший выбор той или иной кандидатуры на должность дистанчного начальника, включал такие качества, как лидерские способности претендента: степень влияния на своих соплеменников, умение убеждать, объяснять и направлять настроение подведомственных ему казахов к принятию «верного» решения. Не случайно о начальнике 48-й дистанции Алгимбае Байгузине, прослужившем на этой должности одиннадцать лет, Оренбургская администрация писала, что «...дар слова на общественном сборе и в других делах принесли существенную пользу» в выполнении им своих обязанностей (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4413. Л. 20б.). Прекрасное знание обычаев казахского народа, ум, ораторское искусство позволили начальнику 27-й дистанции Восточной части казахов Оренбургского ведомства Наурузбау Казыбаеву, по мнению чиновника И.Я. Осмоловского, иметь «...огромное влияние» на подведомственное ему население (Жанаев, 2006: 149–150). Кроме того, российское правительство при назначении на должность обещало, что «не оставит без воздаяния» различного характера вознаграждений и чинов, но только при условии «...усердного служения» (Добросмыслов, 1902: 395).

Размер жалованья дистанчных начальников зависел от разряда дистанции. Дистанционные начальники 1-го разряда (14 человек) получали жалование по 75 рублей серебром в год, 2-го разряда (13 человек) – по 50 рублей серебром, а начальники дистанций 3-го разряда – по 30 рублей серебром в год. Особым статусом пользовались начальники 53-й и 54-й дистанций, которые граничили с Уральским и Оренбургским укреплениями. Им выдавали оклад в размере 125 рублей серебром в год (Мейер, 1865: 67–70).

Султаны составляли наименьшее число местных начальников. Но их место службы являлось ключевым. Так, султан Хасан Джантюрин был назначен местным начальником у казахов, кочующих против г. Оренбурга, и соответственно участвовал в разборе взаимных претензий между казаками и казаками, случавшимися на оренбургской мене. Он был уважаем казаками за справедливость при разрешении конфликтных ситуаций (Жанаев, 2006: 215).

Руководством в практической деятельности дистанчных и местных начальников стали «Особые правила», составленные председателем Оренбургской пограничной комиссии Г.О. Генсом (Масевич, 1960: 210–215). В них четко была определена вертикальная система соподчиненности дистанчных и местных начальников султанам-правителям и пограничной власти. Дистанционные начальники в соответствии с номером своей дистанции подчинялись командиру линейной дистанции (коменданту крепости), против которой располагались казахские кочевья, султану-правителю той части, на территории которой располагалась дистанция, Местные начальники определенной дистанции

подчинялись дистанчному начальнику и султану-правителю. Все они были подотчетны перед председателем Пограничной комиссии и оренбургским военным губернатором. Функциональные обязанности дистанчных и местных начальников в принципе совпадали, каждый выполнял свою службу на вверенной ему территории. Они должны были отслеживать поведение своих соплеменников и удерживать их от всяких «неприятных поступков» против линейных жителей, ибо все являлись «подданными одного государства», а в «случае междоусобных ссор и обид» изыскивать меры к их «примирению». Но о каждом случае «неповиновения» должны были оперативно докладывать и представлять виновных пограничному начальству. Кроме того, они контролировали, чтобы никто самовольно не поселился вдоль линии без их «сведений» и согласия пограничного начальства, и имели право выслать своего соплеменника «...от вверенного им пространства», если он «...по каким бы то ни было причинам не хотел или не признавал русскую власть».

В «Положении» устанавливалась процедура принятия решений начальниками. Им строгойше запрещалось рассматривать иски местного населения без предписаний председателя Пограничной комиссии. При получении от подведомственных им казахов жалоб на линейных жителей дистанчные и местные начальники должны были своевременно извещать пограничные власти, в противном случае они подвергались взысканию по всей строгости общероссийских законов (Масевич, 1960: 212).

Согласно параграфу 84 «Положения» 1844 года, важной функцией дистанчных начальников являлся сбор кибиточной подати, который доставлялся в Комиссию определенным «порядком». Для этого дистанчным и местным начальникам выдавались шнуrowые книги, куда включались бланковые квитанции с печатью Комиссии на двух языках: русском и татарском за подписью одного из советников председателя Пограничной комиссии (параграф 86).

Дистанчные и местные начальники на выдаваемых казахам квитанциях прописывали род, отделение, имя вносителя, количество суммы, и с какого числа кибиток внесена кибиточная подать. В случае потери квитанции местные жители должны были стать свидетелями уплаты подати, и тогда им выдавались «засвидетельствованные с тех квитанций копии» (параграф 88).

Пограничная комиссия по отправляемым бланковым квитанциям по кибиточной подати вела счет с порядковой нумерацией и с записью в особую шнуrowую книгу. Одновременно дистанчные начальники обязаны были извещать султанов-правителей о сборе кибиточной подати, «о количестве оных и с какого числа кибиток» (Крафт, 1898).

Одним из самых действенных способов поощрения особо отличившихся казахов на службе было награждение военным чином. Должности дистанчных начальников соответствовали воинским чинам регулярных (прапорщик, поручик, капитан, майор, подполковник, полковник и т.д.) и иррегулярных (зауряд-хорунжий, зауряд-сотник, зауряд-есаул) войск. Зауряд-чины присваивались генерал-губернатором Оренбургской губернии. 8 июня 1853 г. местный начальник против Веринской станицы 27-й дистанции Каумен Алдияров произведен в чин хорунжего «за усердную службу, преданность русскому правительству и благоразумное управление», а спустя почти десять лет – в чин сотника, уже как начальник 20-й дистанции (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 27. Л. 2–6). Эти примеры показывали, как представители казахской знати постепенно включались в состав офицерской российской местной элиты при сохранении прежнего социально-экономического статуса внутри казахского кочевого общества.

5. Заключение

На протяжении первой половины XIX в. влияние Империи на территории казахов Оренбургского ведомства постепенно усиливалось, расширялся вектор трансформаций казахского кочевого общества, увеличивалась прослойка из числа казахского населения, включавшаяся в новую систему управления. На должности дистанчных начальников назначались казахи, которые имели «заметное влияние» на подведомственных им казахов и показали определенное «усердие» и лояльность Империи. Дистанчные начальники, находившиеся на службе Российской империи, являлись на самом деле официальными проводниками государственной политики в Степи. Создание мелких административно-территориальных структур в казахских кочевьях и административного аппарата управления казахами позволяло региональной администрации собирать более подробные знания о регионе и его населении. В свою очередь, региональная администрация (Оренбургское генерал-губернаторство, Оренбургская пограничная комиссия) приобретала новый опыт в управлении и могла решать более сложные задачи.

Дистанчная система, просуществовавшая на территории казахов Оренбургского ведомства около сорока лет, свидетельствовала о том, что данная реформа была адаптирована местным населением. К концу 60-х годов XIX в. начался новый этап политики правительства по унифицированию административной системы управления Казахской степью Российской Аей. Для подготовки проекта Положения об управлении казахской степью в январе 1865 г. была образована так называемая Степная комиссия, состоявшая из представителей Министерств иностранных, внутренних дел, военного и «депутатов» от Оренбургского края и Западной Сибири. Двухлетняя деятельность Степной комиссии завершилась принятием 21 октября 1868 г. «Временного положения об управлении степных областей Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-

губернаторства». В результате большинство дистаночных начальников было переведено на должность волостного управителя или аульного старшины.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан (МОН РК) (АРО5130813).

Литература

Агаджанов, 1997 – Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. Авт. кол.: С.Г. Агаджанов, Ш.Ф. Мухамедьяров, В.В. Трепавлов. Москва, 1997. 416 с.

Бекмаханов, 1947 – Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40 гг. XIX в. Алма-Ата, 1947. 389 с.

Добросмыслов, 1902 – Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // *Известия Оренбургского отдела Русского географического общества*. Вып. 17. Тверь, 1902. С. 252–524.

Джампеисова, 2006 – Джампеисова Ж. Казахское общество и право в пореформенной степи. Алматы, 2006. 269 с.

Жанаев, 2006 – О почетнейших и влиятельнейших ордынцах // *История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв.* Составитель Б.Т. Жанаев. Т. VIII. Ч. 2. Алматы, 2006. 962 с.

Зиманов, 2009 – Зиманов С.З. Политический строй Казахстана в первой половине XIX в. и Букеевское ханство. Алма-Ата, 2009. 496 с.

Казанцев, 1867 – Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. Санкт-Петербург, 1867. 231 с.

Крафт, 1898 – Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. 532 с.

Ксенджик, 2015 – Ксенджик Г.Н. Историческая география степных областей Казахстана в XIX – начале XX вв. Алматы, 2015. 406 с.

Лысенко, 2001 – Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи XVIII–XX вв. Москва, 2001. 358 с.

Любичанковский, 2003 – Любичанковский С.В. Губернское правление в системе губернаторской власти в последнее десятилетие существования Российской империи (на материалах Урала). Екатеринбург, 2003. 275 с.

Мартин, 2012 – Мартин В. Закон и обычай в степи: казахи Среднего жуза и российский колониализм в XIX в. Алматы, 2012. 282 с.

Масанов, 1995 – Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы–Москва, 1995. 320 с.

Масевич, 1960 – Масевич. Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. 1. 460 с.

Матханова, 2002 – Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. 258 с.

Мейер, 1865 – Мейер Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Санкт-Петербург, 1865. 414 с.

ПСЗРИ. Т. XXXVIII. 1830 – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. I. Санкт-Петербург, 1830. Т. XXXVIII. № 29126. 1354 с.

Семенов, Семенова, 1999 – Губернаторы Оренбургского края. Составители В.Г. Семенов, В.П. Семенова. Оренбург, 1999. 400 с.

Семенова, 2001 – Семенова Н.Л. Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII – первой половины XIX вв. Стерлитамак, 2001. 195 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

Agadzhanov, 1997 – Agadzhanov S.G. (1997). Natsional'nyye okrainy Rossiyskoy imperii: stanovleniye i razvitiye sistemy upravleniya [National outskirts of the Russian Empire: formation and development of the management system]. Otiv. red.: S.G. Agadzhanov, V.V. Trepavlov. Avt. kol.: S.G. Agadzhanov, Sh.F. Mukhamed'yarov, V.V. Trepavlov. Moskva. 416 p. [in Russian]

Bekmakhanov, 1947 – Bekmakhanov Ye.B. (1947). Kazakhstan v 20 40-ye gg. XIX v. [Kazakhstan in the 20 40-ies. XIX century]. Alma-Ata. 389 p. [in Russian]

Dobrosmyslov, 1902 – Dobrosmyslov A.I. (1902). Turgayskaya oblast'. Istoricheskiy ocherk [Turgai region. Historical essay]. *Izvestiya Orenburgskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Вып. 17. Tver'. pp. 252-524. [in Russian]

Zimanov, 2009 – Zimanov S.Z. (2009). Politicheskiy stroy Kazakhstana v pervoy polovine XIX v. i Bukeyevskoye khanstvo [The political system of Kazakhstan in the first half of the XIX century and Bukey Khanate]. Alma-Ata. 496 p. [in Russian]

Kazantsev, 1867 – Kazantsev I. (1867). Opisaniye kirgiz-kaysak [Description Kirghiz-kaisak]. Sankt-Peterburg. 231 p. [in Russian]

- Dzhampeisova, 2006** – *Dzhampeisova Zh.* (2006). Kazakhskoye obshchestvo i pravo v poreformennoy stepi [Kazakh society and law in the post-reform steppe]. Almaty. 269 p. [in Russian]
- Kraft, 1898** – *Kraft I.I.* (1898). Sbornik uzakoneniy o kirgizakh Stepnykh oblastey [A collection of legalizations about the Kirghiz of the Steppe areas]. Orenburg. 532 p. [in Russian]
- Ksendzhik, 2015** – *Ksendzhik G.N.* (2015). Istoricheskaya geografiya stepnykh oblastey Kazakhstana v XIX – nachale XX vv. [Historical geography of steppe regions of Kazakhstan in the XIX – beginning of the XXth century]. Almaty. 406 p. [in Russian]
- Lysenko, 2001** – *Lysenko L.M.* (2001). Gubernatory i general-gubernatory Rossiyskoy imperii XVIII–XX vv. [Governors and governors-general of the Russian Empire of the XVIII–XX centuries]. Moskva. 358 p. [in Russian]
- Lyubichankovskiy, 2003** – *Lyubichankovskiy S.V.* (2003). Gubernskoye pravleniye v sisteme gubernatorskoy vlasti v posledneye desyatiletie sushchestvovaniya Rossiyskoy imperii (na materialakh Urala) [Provincial government in the system of gubernatorial power in the last decade of the Russian Empire (on the materials of the Urals)]. Yekaterinburg. 275 p. [in Russian]
- Martin, 2012** – *Martin V.* (2012). Zakon i obychay v stepi: kazakhi Srednego zhuzha i rossiyskiy kolonializm v XIX v. [Law and custom in the steppe: Kazakhs of the Middle Zhuz and Russian colonialism in the 19th century]. Almaty. 282 p. [in Russian]
- Masanov, 1995** – *Masanov N.E.* (1995). Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva» [Nomadic civilization of Kazakhs: the foundations of vital activity of a nomadic society]. Almaty – Moskva. 320 p. [in Russian]
- Masevich, 1960** – *Masevich M.G.* (1960). Sost. Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana. T.1. [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. Alma-Ata. 441 p. [in Russian]
- Matkhanova, 2002** – *Matkhanova N.P.* (2002). Vysshaya administratsiya Vostochnoy Sibiri v seredine XIX veka: Problemy sotsial'noy stratifikatsii [The Higher Administration of Eastern Siberia in the middle of the XIX century: Problems of social stratification]. Novosibirsk. 258 p. [in Russian]
- Meiyo, 1865** – *Meiyo L.* (1865). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami General'nogo shtaba. Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva [Materials for geography and statistics of Russia, collected by the officers of the General Staff]. Sankt-Peterburg. 414 p. [in Russian]
- PSZRI. T. XXXVIII, 1830a** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. I. St. Petersburg, 1830. vol. XXXVIII, no. 29126, 1354 p. [in Russian]
- Semenov, Semenova, 1999** – *Semenov V.G., Semenova V.P.* (1999). Gubernatory Orenburgskogo kraya [Governors of the Orenburg region]. Sostaviteli. Orenburg. 400 p. [in Russian]
- Semenova, 2001** – *Semenova N.L.* (2001). Voennoye upravleniye Orenburgskim krayem v kontse XVIII- pervoy poloviny XIXvv. [Military administration of the Orenburg region in the late XVIII – first half of the XIX century]. Sterlitamak. 195 p. [in Russian]
- TsGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of Republic of Kazakhstan]. [in Russian]

Дистанции и дистанционные начальники казахов Оренбургского ведомства (1830–1860-е годы)

Гульмира Салимжановна Султангалиева ^{a, *}, Жанна Камчибековна Дюсембекова ^a

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан

Аннотация. В статье раскрывается процесс внедрения дистанционной системы на территории казахов Оренбургского ведомства и назначение начальников дистанций на протяжении почти сорока лет (1831–1868). Региональной администрации важно было форсировать интеграцию Казахской степи в состав Империи посредством создания дробной территориально-административной структуры управления, усиления влияния российской власти в Степи, так как в первой половине XIX века Оренбургская губерния являлась своеобразным мостом для продвижения Российской империи в Среднюю Азию. Дистанционная система дала возможность проводить системный учет количества кибиток и численность казахского населения, находившихся в глубине Степи, и осуществлять сбор кибиточной подати с местного населения, урегулировать взаимоотношения между приграничными жителями и кочевниками. Статья основана на архивных документах, извлеченных из Центрального государственного архива РК и исторической литературы.

Ключевые слова: Казахская степь, дистанции, дистанционные начальники, Оренбургская губерния, Российская империя, административная реформа, военные чины.

* Корреспондирующий автор

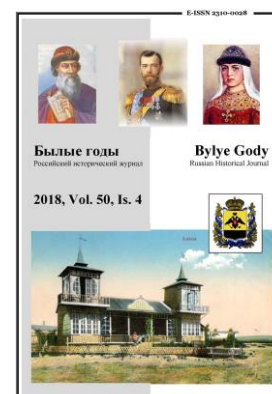
Адреса электронной почты: sultangaliyevagulmira@gmail.com (Г.С. Султангалиева)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1584-1591. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1584
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Perspectives of Russian Grain Exports in 1846 (based on the Printed Output of the Imperial Agricultural Society of Southern Russia and the Imperial Free Economy Society)

Viktor N. Borisenko ^a, Oleg Yu. Plenkov ^a, Elena G. Shchemeleva ^b, Yulia I. Kuznetsova ^{c, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

^b St. Petersburg State University of Economics, Russian Federation

^c Independent researcher, Russian Federation

Abstract

This paper examines articles published in the journals “The Transactions of Imperial Agricultural Society of Southern Russia” and “The Proceedings of Imperial Free Economic Society” between 1846 and 1847. Those publications were devoted to the Russian grain trade in European markets.

The journals of imperial societies of agriculture and economy disseminated European experiences in Russia and highlighted the most outstanding achievements of agriculture within the country. However, in the context of the crop failures occurring in 1846 and 1847 in Europe, those titles drew attention not only to the technological features of grain production and the economic structure of different countries, but also to the prospects of grain sales. A high level of interest in the issue of Russian grain export to Europe was registered in the publications in “The Transactions of Imperial Agricultural Society of Southern Russia”.

The issue of the grain trade with Great Britain gained special attention, because the repeal of the Corn laws in the summer of 1846 opened up new possibilities for a more stable export of Russian grain. Those conditions were made possible by the introduction of the constant minimal import duty.

The authoring team concluded that the selected journals of the middle of XIXth century covered the Corn Laws in England, but did not mention the political aspects of this issue. On the pages of the magazines, experts rapturously commented on the sharp increase of Russian grain exports, and meanwhile, considered what measures had to be taken in order to satisfy the European demand for grain in subsequent years. At the same time, the experts stressed the fact that the demand for Russian grain that had suddenly increased between 1846 and 1847 can, in the future, vary unpredictably.

Keywords: grain trade, Corn laws, free trade, agriculture, agricultural society, Russian export, Imperial Free Economic Society, Imperial Society of Agriculture.

1. Введение

В 1846 году вывоз зерна из России впервые за первую половину XIX века увеличился в несколько раз, побудив специалистов в области экономики и сельского хозяйства задуматься над тем, каковы перспективы экспорта российского зерна и что является залогом стабильного успеха данного вида торговли.

2. Материалы и методы

В качестве основного источника использованы журналы императорских обществ, освещавшие вопросы сельского хозяйства: «Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России», издававшиеся в Одессе с 1832 г. (6 книг в год, с 1847 г. – ежемесячно) и «Труды

* Corresponding author

E-mail addresses: v.borisenko@spbu.ru (V.N. Borisenko),
o.plenkov@spbu.ru (O.Yu. Plekov), shchemeleva.l@yandex.ru (E.G. Shchemeleva),
reform1832@gmail.com (Yu. I. Kuznetsova)

Императорского Вольного экономического общества», издававшиеся с перерывами с 1766 г., и издание которых было в очередной раз возобновлено в Санкт-Петербурге в 1842 г. (количество номеров постоянно менялось, например, в 1846 г. – 6, в 1847 г. – 3). Стоит отметить, что журнал Императорского московского общества сельского хозяйства, который с 1841 г. издавался под названием «Журнал сельского хозяйства и овцеводства» (12 книг в год), практически не публиковал материалы, касающиеся торговли зерном. В целом мнения о перспективах экспорта российского зерна в Европу, и в Англию в частности, основывались на статистических данных Министерства государственных имуществ и анализе таможенных тарифов разных стран.

В качестве дополнительного источника использовано «Статистическое обозрение внешней торговли России» (Неболсин, 1850) Григория Неболсина, охватывающее период с 1822 по 1847 гг. и являющееся источником данных об объемах экспорта зерна и ценах на него. Авторству Г. Неболсина также принадлежит одна из проанализированных журнальных статей, опубликованная под псевдонимом «Н..нъ» (Н..нъ, 1846). Статистическое обозрение во многом опиралось на данные, публиковавшиеся в журналах того времени, однако в отличие от них показывало эти данные в широкой перспективе и с позиций современника. Работа Г. Неболсина была закончена уже после 1846 г. и детально раскрывала вопрос о том, какие предпосылки привели к увеличению объемов экспорта российского зерна. Не менее ценным представляется анализ потенциальных и реальных конкурентов России в этой области. Помимо этого, в книге содержались данные по другим статьям экспорта и импорта, например, соли и табака.

Исследование выполнено на основе сравнительно-исторического метода, который позволил выявить общее и особенное в материалах различных российских журналов, публиковавших материалы о торговле зерном в 1846 году. В соответствии с принципами историзма и объективности сельскохозяйственные дискуссии анализировались в хронологическом развитии и во взаимосвязи с историческим контекстом.

3. Обсуждение

В историографии большее внимание уделено либо развитию торговли зерном в XVIII – начале XIX вв., либо торговле последней трети XIX в., когда экспорт зерна из России являлся развитым сектором экономики, имел большое значение для стран Европы и был предметом дискуссии между сторонниками и противниками принципов протекционизма. На современном этапе историками достаточно подробно изучены колебания цен, прибыль от экспорта, транспортные вопросы и споры в обществе о балансе между промышленностью и аграрным производством. Сельскохозяйственный «взгляд» на вывоз зерна в тот период глубоко не анализировался.

Государственная точка зрения на условия торговли зерном нашла отражение в работах участников комиссий по разработке таможенных тарифов второй половины XIX – начала XX вв.: Л.В. Тенгоборского (Тенгоборский, 1857), Д.И. Менделеева (Менделеев, 1892), А.К. Брошниковского (Брошниковский, 1914). Авторы рассматривали внешнюю торговлю России в связи с таможенной политикой европейских стран. Отдельно «хлебные пошлины» были проанализированы чиновником особых поручений Министерства финансов И.М. Кулишером (Кулишер, 1904).

Советские и российские историки уделяли большое внимание изучению региональных особенностей торговли зерном (Корнеева, 2017), организации производства и сбыта зерна (Сартор, 2011; Семёнова, 2012), его транспортировке (Давыдов, 2010; Тагилова, 2015). Значительный вклад в исследование хлебной торговли внесла Т.М. Китанина (Китанина, 2011), однако ее монография посвящена хлебной торговле России в 1875–1914 гг. и только частично затрагивает торговлю 1840-х гг. как «пролог» к периоду, когда экспорт российского зерна достигал высочайших показателей.

К числу обобщающих работ по истории хлебной торговли можно отнести монографии Б.Н. Миронова (Миронов, 1985) о ценах на зерно и В.Г. Растяникова, И.В. Дерюгиной (Растяников, Дерюгина, 2009) об урожайности хлебов. Благодаря широким временным рамкам данные работы дают комплексное представление об этой отрасли сельского хозяйства, но почти не затрагивают публикаций обществ сельского хозяйства о перспективах сбыта российского зерна на европейских рынках в рассматриваемый нами период.

4. Результаты

В 1846 г. российское зерно поставлялось практически во все европейские страны, которые столкнулись с неурожаем. Изменив ввозные пошлины, Англия невольно значительно укрепила позиции производителей российского зерна. Именно в 1846 г. наблюдался серьезный скачок в объеме и прибыли России от экспорта зерна: прибыль возросла с 3 316 409 руб. серебром в 1824 году до 70 772 381 рублей в 1846 году (Неболсин, 1850: 5). Отчасти именно этот год показал возможности выращивать и поставлять на европейские рынки те объемы, которые с некоторыми перепадами сохранялись до конца XIX в.

В связи с этим достаточно интересно проследить, каким образом аграрные круги России, которые с начала 1840-х гг. следили за сельскохозяйственным развитием европейских стран (Кузнецова и др., 2016), оценивали перспективы экспорта продуктов сельского хозяйства в Европу, и как они отреагировали на отмену Хлебных законов в Англии в 1846 г.

В 1840-е годы, как и в момент основания, одной из задач сельскохозяйственных изданий являлось осведомление отечественных сельских хозяев об успехах агрономии в Европе: об урожайных сортах пшеницы, о способах борьбы с картофельной болезнью, о соотношении скотоводства и земледелия в разных странах. Зарубежное сельское хозяйство неизменно служило источником примеров для подражания и обмена опытом. Поэтому, как и ранее, в 1846 г. российские журналы внимательно следили за урожаями в Европе и за ее пределами. Однако в 1846 г. результаты были удручающими: помимо повального неурожая зерновых, в европейских странах начала распространяться картофельная болезнь (фитофтора – прим. авт.). В статье 1846 г. «Общий урожай хлеба и других растений в 1846 году» (*Общий урожай..., 1846*) писали: «...В государствах северной части, в Дании, Швеции и Англии, он посредственный и особенно в последней не оправдал ожидания хозяев; но в государствах средней и юго-западной полосы, Пруссии, Германии, Швейцарии, Бельгии, Франции и Пиренейском полуострове, урожай хлеба скуден, и скудость эта еще более возвышается там болезнью и порчей картофеля. В Пруссии, Германии и Франции особенно дурно родилась рожь. В Ирландии замечателен сильный неурожай и порча картофеля. В государствах этой полосы недостаток в продовольствии сделался столь ощутимым, что следствием того было принятие правительствами разных мер к поправлению этого недостатка и частных спекуляций к привозу иностранного хлеба» (*Общий урожай..., 1846: 287*).

Несмотря на то, что с продовольственными проблемами столкнулись многие европейские страны, особый интерес представляла ситуация с поставками российского зерна в Англию, так как именно английский рынок чуть дольше остальных оставался труднодоступным для иностранного сырья. Пошлины и ограничения были связаны с существовавшими до 1846 г. Хлебными законами. Для более полного понимания системы поставок зерна в Великобританию обратимся к краткой истории этих протекционистских законов в Англии.

В 1815 г. после окончания Наполеоновских войн Англия внесла изменения в условия ввоза зерна, приняв Хлебные законы, которые способствовали сохранению высоких цен на зерно на внутреннем рынке за счет введения высоких пошлин на иностранное зерно. В моменты, когда цены на внутреннем рынке достигали минимума, ввоз зерна и вовсе запрещался.

Для российского зерна такие условия были неблагоприятными, так как из-за колебания цен поставки были нерегулярными. К 1820-м гг. в Англии производители железа стали использовать кокс и уголь для выплавки металлов, и необходимость в импорте чугуна и железа из России и Швеции резко сократилась. Таким образом, ранее выстроенный торговый баланс между Россией и Англией (*Park, 2017*), который составлял основу сотрудничества двух стран, был нарушен.

В 1828 г. была введена скользящая пошлина. Основным ее преимуществом стало то, что если согласно Хлебным законам 1815 г. при цене внутри страны ниже определенного уровня ввоз зерна запрещался, то с 1828 г. парламент принял «систему переменных пошлин (*sliding scale* – прим. авт.), которые должны подниматься в определенной пропорции с упадком внутренних цен, а с возвышением их должны понижаться до самого низкого размера» (*Неболсин, 1850: 71*).

К 1840-м гг. англичане не нуждались в импорте чего-либо, кроме сырья и продуктов питания, но старались использовать ресурсы колониальной империи. Поэтому в 1846 г. были введены преференции для ввоза зерна из колоний, а пошлина для них сокращалась при росте цены на зерно до 1 шиллинга.

Неурожай 1846 г. обострил вопрос продовольствия для населения Ирландии и промышленных городов Англии. Давно обсуждавшийся вопрос об отмене Хлебных законов приобрел острое социальное значение. Повышение цен на зерно и хлеб отражалось на питании рабочих, которые были вынуждены сокращать свой рацион или требовать повышения заработной платы от владельцев промышленных предприятий. «...Хлебные законы характеризовались как ужасающе несправедливый налог для прибыли богатых от еды бедных» (*The economic..., 1994: 312*). Представители земельной аристократии тратили меньшую часть своих доходов на продукцию из зерна, в то время как две пятых населения были вынуждены тратить около половины своего дохода на продукты питания, произведенные из зерна (*The economic, 1994: 315*).

Именно неурожайный 1846 г. и продолжительная борьба фритредеров за полную и немедленную отмену пошлин подтолкнули премьер-министра Роберта Пиля внести изменения в условия импорта зерна. В число экономических мер второго министерства Роберта Пиля также вошли изменения в пошлинах на лес, отмена пошлин на ввоз хлопка-сырца и сокращение пошлин на сахар. Пошлины на алкоголь, табак, чай, сахар по-прежнему оставались важной статьей государственных доходов.

На страницах изданий обществ сельского хозяйства, активно развивавшихся в России в первой половине XIX века, вопрос о принципах свободной торговли практически не рассматривался. Протекционистские тарифы на зерно, отмененные в Англии в 1846 году, воспринимались исключительно с точки зрения возможностей поставок русского зерна на английский рынок. В отличие от полемики в общественно-политических периодических изданиях, в изданиях сельскохозяйственной направленности даже не упоминались социально-экономические причины отмены Хлебных законов. В них нет ни слова об английских рабочих и возможных революциях, об интересах аристократии, которые так часто встречаются на страницах еженедельных литературных

и политических обозрений в качестве ключевых аргументов за введение фиксированной минимальной пошлины. Именно этим и интересны отобранные журналы, которые на первый взгляд совершенно далеки от политики.

В связи с отменой в Англии Хлебных законов перед российскими производителями стояло несколько серьезных задач: оценить изменившиеся условия поставок зерна и перспективы российского зерна на английском рынке и по возможности усовершенствовать инфраструктуру транспортировки зерна и увеличить объемы производства. Именно эти вопросы рассматривались на страницах журналов сельскохозяйственных обществ.

Еще начале 1846 г. серьезное внимание к роли зерна в российской внешней торговле привлекла статья Г. Неболсина «Замечания во внешней торговле хлебом» (Н..нъ, 1846), которая в дальнейшем легла в основу «Статистического обозрения внешней торговли России» (Неболсин, 1850), опубликованного в 1850 году. Основной интерес составляет разница между двумя этими публикациями: заканчивая работу над обозрением, Григорий Неболсин уже знал о небывалых успехах российского зерна на европейских рынках. Тем более интересными становятся его выводы, сделанные незадолго до отмены Хлебных законов в Англии. В статье представлены данные об объемах поставок российского зерна в европейские страны, такие, как Великобритания, Франция, Бельгия, Швеция и другие. Г. Неболсин выделил зерновые культуры, составлявшие основу для импорта каждой из стран, проанализировал пути транспортировки зерна. Но наибольший интерес представляют его выводы относительно прошлого и, главное, будущего российского зерна в начале 1846 года. Среди основных препятствий для развития хлебной торговли России Г. Неболсин выделил следующие: 1) непостоянство спроса в связи с возможностью снабжать европейские страны зерном только в неурожайные годы, 2) стремительное развитие сельского хозяйства в странах, ранее нуждавшихся в ввозе зерна (Швеция, например – прим. авт.), 3) соперничество со странами, которые ранее не были участниками рынка зерна (Дунайские княжества, Турция, Венгрия и Египет – прим. авт.), 4) отдаленное расположение российских портов в сравнении с европейскими (Данциг, Гамбург, Амстердам и др. – прим. авт.). Но одной из главных преград Г. Неболсин считал тарифы на ввоз иностранного зерна, установленные в большинстве европейских стран. «Существенное приращение в заграничном сбыте нашего хлеба может последовать только в таком случае, когда главнейшие иностранные государства облегчат привоз хлебных припасов в свои порты; но едва ли можно ожидать, что государства, до сих пор поощрявшие собственное земледелие ограничением привоза иностранного хлеба, отступят от охранительной тарифной системы в отношении столь важного предмета внутренней потребности...» (Н..нъ, 1846: 81). Как известно, только сильный неурожай и оживленная политическая борьба смогли заставить правительства европейских стран изменить политику в данном вопросе. Не видя перспектив для устойчивого сбыта зерна, Г. Неболсин завершил свою статью следующими словами: «При таких неблагоприятных видах на заграничный сбыт хлеба, нельзя не пожелать успехов другим отраслям внешней торговли России, которые могли бы вознаградить ее в случае уменьшения отпуска ее хлеба, с приращением вывоза его из других стран» (Н..нъ, 1846: 82). В целом, можно заметить, что хлебная торговля, несмотря на внушительные объемы, была нестабильной и испытывала сильные колебания в зависимости от законодательства европейских стран и урожайности. Например, вслед за неурожаями 1834 и 1840 гг., когда объем вывезенного зерна значительно возрастал, всегда следовал спад спроса на следующий год, что не могло не отразиться на доходах от торговли зерном в 1835 и 1841 году соответственно (Неболсин, 1850: 5).

Одной из первых попыток осмыслить изменения в экспорте российского зерна стала статья И. Демоль «О хлебной торговле на Одесском рынке» (Демоль, 1847а), которая была опубликована Императорским обществом сельского хозяйства Южной России и перепечатана в «Трудах Императорского Вольного экономического общества» в 1847 г. (Демоль, 1847б). Главным выводом по результатам торговли в 1846 г. стало следующее: «Франция и Англия, страны, с которыми мы находимся теперь в непрестанных морских сношениях, представляют нашим хлебным производителям обширное поприще для сбыта их произведений (продуктов – прим. авт.)» (Демоль, 1847а: 6). Следует признать, что Англия, несмотря на все внимание, которое ей было уделено, не являлась для России главным потребителем зерна. Большая часть приходилась на долю Франции, где действовал запрещающий тариф с 1819 по 1832 гг. Но к 1846 г. уже треть зернового импорта Франции обеспечивала Россия (Неболсин, 1850: 91).

Действительно, установление постоянной ввозной пошлины на иностранное зерно являлось неопределимым преимуществом для русского зерна. При анализе торговли 1846 г. был сделан следующий вывод: «пшеница, которой требовалось в этом году особенно много во Францию и в Англию, кажется, удержит отныне за собой постоянное требование в последнее государство, по причине изменений в ее таможенных пошлинах» (Общий урожай..., 1846: 288). Как показывала предыстория этого вопроса, во время существования оградительных и скользящих пошлин в Англии скорость доставки была ключевым фактором. Необходимо было успеть доставить зерно именно в тот период, когда пошлина была наименьшей, поэтому нередко России приходилось транспортировать зерно через Данциг, Гамбург, Бремен и Амстердам, осуществляя его перепродажу местным торговцам. Возможность заключения прямых контрактов и определения сроков поставки открывала

перед производителями зерна большие возможности. «Это обстоятельство, приобретая на нашу пшеницу в Англии нового требователя (с обретением Англии как нового покупателя пшеницы – прим. авт.), открывает новый источник капиталов нашему земледелию и обещает возвысить еще более сбыт произведений сельских хозяйств Приволжского и Новороссийского краев» (*Общий урожай...*, 1846: 288).

Определенное внимание в статье уделено и проблемам продовольствия в Ирландии: «подле Англии находится Ирландия, в которой жители довольствуются картофелем: это растение, подвергнутое болезни в 1845 г., подверглось и в 1846 г. тому же бедствию и даже в сильнейшей степени, что произошло также в Шотландии. По-видимому, важность обстоятельств не была довольно оценена: предполагали, что картофель можно будет выгодно заменить кукурузой. Но это новое произведение торговли превзошло скоро в цене зерновой хлеб. (...) Недостаток в Ирландии и Шотландии обнаружился вдруг во всей силе и превзошел все предположения. (...) Англичане, застигнутые врасплох, принуждены были прибегнуть к складам Средиземного, Черного и Азовского морей» (*Демоль*, 1847а: 6–7). В статье подчеркивается вынужденное расширение данного направления торговли.

Во многом это отразилось на тех прогнозах и выводах, которые вскоре были сделаны в 1847 г., когда стало наблюдаться некоторое сокращение объемов торговли. «Но, несмотря на это, воздержимся от излишних мечтаний и не позволим себе, чтобы надежды на слишком блестящую будущность ослепляли нас всякий раз, когда возникает в Западных государствах опасение насчет народного продовольствия при действительном неурожае» (*Демоль*, 1847а: 7). Однако вполне закономерным был вывод о том, что неурожайные годы повторяются не так часто и «уничтожить вовсе плодородность европейских земель невозможно, надеяться на третий подряд неурожай тоже не приходится. Во время неурожая большие площади отдаются под зерно, и недостаток сменяется избытком» (*Демоль*, 1847а: 7).

Очевидно, что успешные продажи российского зерна на европейском рынке объяснялись экспертами неурожаем. «Скудость жатвы в 1846 году в различных государствах Европы была причиной той деятельности, какую приняла хлебная торговля на одесском рынке в нынешнем году; деятельности, от которой мы отвыкли, потому что в таком виде она являлась только в 1816–1817 годах» (*Демоль*, 1847а: 6). Вспоминая торговлю 1816–1817 гг., автор сделал акцент на том, как следует воспринимать успехи 1846–1847 гг., и писал: «Припомним, что назад тому тридцать лет, то же самое было: после 1816 и 1817 годов, памятных возвышенными (высокими – прим. авт.) ценами на зерновой хлеб, последовал торговый переворот, бывший пагубным как для спекулянтов, чересчур смелых, так и для производителей, слишком доверчивых; мы об одном только заботимся, а именно: чтобы воспоминание о том событии послужило для нас уроком» (*Демоль*, 1847а: 8).

В 1847 г. внимание Императорского общества сельского хозяйства Южной России в основном было уделено колебаниям цен на одесском рынке, а также известиям с лондонских и парижских бирж. Известен случай, когда в «Записках» этого общества было опубликовано опровержение слухов, распространившихся на европейских биржах, будто российское правительство намерено запретить вывоз за границу всех видов зерновых (*К.Г.*, 1847: 23). Примечательно то, что «Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России» выпускались пятого числа каждого месяца и в каждом номере публиковалась таблица «Одесские цены сельским произведениям (продуктам – прим. авт.)». В целом, наблюдаются некоторое снижение цен и достаточно объективный взгляд на причины, на это повлиявшие.

5. Заключение

Наиболее подробно вопрос пошлин и условий торговли России с европейскими странами рассматривался именно на страницах «Журнала Министерства государственных имуществ». Одним из факторов, влиявшим на отражение статистики по зерновой торговле, стало то, что издавался этот журнал в Санкт-Петербурге, сохранявшем важное значение не только в торговле зерном, но и статус «ворот» для ввоза в Россию товаров из Европы. Полемика о применении принципов свободной торговли к России, которая параллельно разворачивалась в печати и в обществе, оставалась за пределами рассмотренных нами журналов. Ошеломляющие суммы, которые принесла России торговля зерном в 1846 году, всегда оставались сильным аргументом сторонников свободной торговли. Безусловно, вопрос теоретического осмысления принципов свободной торговли в отношении России заслуживает отдельного рассмотрения.

Очевидно, что журналы сельскохозяйственной направленности не могли оставить без внимания отмену Хлебных законов в Англии, серьезно повлиявших на англо-русскую торговлю зерном с 1815 г. Однако они воспринимали это решение как состоявшийся факт. В этих журналах не анализировалось социально-экономическое положение внутри Англии, не упоминались имена политиков и не приводились политические аргументы «за» и «против» торговли. Единственное, что подвергалось оценке – перспективы экспорта российского зерна на европейские рынки, с особым вниманием к английскому как вновь открытому для сбыта. Главным отличием рассмотренных в статье журналов можно считать следующее: наиболее активно вопросы, связанные с ценами на зерно и открывшимися возможностями, обсуждались в Одессе, так как именно оттуда велась торговля

пшеницей с европейскими странами. Петербургские издания Министерства государственных имуществ имели тенденцию к теоретическому осмыслению торговли зерном, обладая возможностью критически оценивать торговую политику зарубежных правительств и собирать сведения об урожаях и достижениях российских губерний.

При этом зачастую вопросы торговли не рассматривались на страницах этих изданий, потому что сбытом зерна за рубеж и его транспортировкой занимались торговцы и торговые компании, которые к сельскому хозяйству не имели практически никакого отношения, а поэтому главной задачей российских сельских хозяев было увеличение урожая и совершенствование процессов производства. Практическое отсутствие публикаций о торговле позволяет сделать вывод о некотором разделении между сельским хозяйством, торговлей и тарифной политикой правительства. Но при этом государственная поддержка сельскохозяйственных обществ позволяла ставить перед представителями сельского хозяйства задачи, которые были важны на государственном уровне. Именно это позволяет полагать, что во многом успехи в реализации российского зерна на европейских рынках во второй половине XIX века были заложены именно в 1840-х гг.

Безусловно, в 1846 г. в российском обществе существовало множество мнений относительно перспектив продажи российского зерна на европейском рынке, и продолжался спор сторонников протекционизма и свободной торговли. Общества сельского хозяйства не являлись ни производителями зерна, ни его экспортёрами, но при этом рассматривали аграрную сторону вопроса. Члены обществ анализировали урожайность, оценивали возможности сельскохозяйственной промышленности других стран и были заинтересованы не столько в прибылях, которые могла принести торговля зерном, сколько в возможностях и перспективах производства этого зерна. Не увлеченные экономическими укладами и международными отношениями общества сельского хозяйства все равно пристально следили за таможенными тарифами европейских стран. При этом социально-экономическое положение населения этих стран специалистами рассмотрено не было, равно как и политическая борьба вокруг принципов свободной торговли.

Литература

Брошниковский, 1914 – Брошниковский А.К. Условия сбыта русских хлебов за границу при действующем в некоторых государствах Западной Европы высоком таможенном обложении привозного зерна. Петроград: Типография В.Ф. Киршбаума, 1914. 384 с.

Давыдов, 2010 – Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. Санкт-Петербург: «Алетейя», 2010. 828 с.

Демоль, 1847a – Демоль И. О хлебной торговле на одесском рынке // *Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России*. 1847. № 1. С. 6–9.

Демоль, 1847b – Демоль И. О хлебной торговле на одесском рынке // *Труды Императорского Вольного экономического общества*. 1847. № 1. С. 115–127.

К.Г., 1847 – К.Г. Санкт-Петербург // *Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России*. 1847. № 2. С. 23.

Китанина, 2011 – Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 2011. 608 с.

Корнеева, 2017 – Корнеева Ю.В. Из истории развития торговли в городах Среднего Поволжья во второй половине XIX века // *Новый исторический вестник*. 2017. № 3 (53). С. 53–62.

Кузнецова и др., 2016 – Кузнецова Ю.И., Барышников В.Н., Адамова Н.Э., Борисенко В.Н., Возгрин В.Е. Изучение в России опыта развития земледелия стран Европы в 40-х гг. XIX в. (по материалам публикаций российских императорских обществ содействия сельскому хозяйству) // *Былые годы*. 2016. Том 40, № 2. С. 412–419.

Кулишер, 1904 – Кулишер И.М. Хлебные пошлины и их влияние на народное хозяйство. Первый период аграрного протекционизма – до шестидесятых годов // *Русское экономическое обозрение*. 1904. № 1–2. [Приложение] 80 с.

Менделеев, 1892 – Менделеев Д.И. Толковый тариф или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года. Санкт-Петербург: Типография В. Демакова, 1892. 730 с.

Миронов, 1985 – Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.) / Под ред. А.Г. Манькова. Ленинград: «Наука», 1985. 301 с.

Н..нъ, 1846 – Н..нъ, Г. Замечания о внешней торговле хлебом // *Труды Императорского Вольного экономического общества*. 1846. № 1. С. 1–82.

Неболсин, 1850 – Неболсин Г. Статистическое обозрение внешней торговли России. Ч. 1–2. Санкт-Петербург: Типография Департамента внешней торговли, 1850. Часть 1. 409 с.

Общий урожай..., 1846 – Общий урожай хлеба и других растений в 1846 году // *Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России*. 1846. № 3. С. 284–288.

Растяжников, Дерюгина, 2009 – Растяжников В.Г., Дерюгина И.В. Урожайность хлебов в России, 1795–2007. Москва: Институт востоковедения РАН, 2009. 191 с.

Сартор, 2011 – Сартор В. Жизненный узел. Зерновой экспорт России в XIX – начале XX в. Структурные особенности и причины зависимости экономики России // *Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2011. № 5. С. 226–232.

Семенова, 2012 – Семенова Л.М. Экспорт российского зерна: история и современность // Российское крестьянство: история, хозяйство, культура. Уфа: Башкирский ГАУ. 2012. С. 43–46.

Тагирова, 2015 – Тагирова Н.Ф. «Путешествие волжского хлеба»: транспортные пути, коридоры в России (XIX – начало XX в.) // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2015. № 3–1 (17). С. 64–67.

Тенгоборский, 1857 – Тенгоборский Л.В. О производительных силах России. Пер. с франц., с доп. и изм. 2-го изд. Ч. 1–2. Москва: Университетская типография. Ч. 2. Отделение 1-е: О земледелии. 1857. 456 с.

Park, 2017 – Park J.-B. Russian exports to the Great Britain in 1760 – 1825: Who benefited more? // *Bylye Gody*, 2017. Vol 44(2) pp. 396–409.

The economic..., 1994 – The economic history of Britain since 1700. Vol. 1: 1700–1860. Ed. by R. Floud, D. McCloskey. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 484 с.

References

Park, 2017 – Park J.-B. (2017). Russian exports to the Great Britain in 1760–1825: Who benefited more? *Bylye Gody*. Vol 44, Nr 2, pp. 396–409. [in Russian]

The economic..., 1994 – The economic history of Britain since 1700. Vol. 1: 1700–1860. Ed. by R. Floud, D. McCloskey. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 484 p.

Broshniouvkii, 1914 – Broshniouvkii A.K. (1914). Usloviya sbyta russkikh khlebov za granitsu pri deistvuyushchem v nekotorykh gosudarstvakh Zapadnoi Evropy vysokom tamozhennom oblozhenii privoznogo zerna [Conditions for Russian grain exports under existing in some countries of Western Europe high imposing customs duties on imported grain]. Petrograd: tipografiya V.F. Kirshbauma. 384 p. [in Russian]

Davydov, 2010 – Davydov M.A. (2010). Vserossiiskii rynek v kintse XIX – nachale XX vv. i zheleznodorozhnaya statistika [Russian national market in the end of the XIXth – beginning of the XXth century and railway statistics]. Sankt-Peterburg: «Aleteiya». 828 p. [in Russian]

Demol', 1847a – Demol', I. (1847). O khleboi torgovle na odesskom rynke [The grain trade on the Odessa market]. *Zapiski Imperatorskogo obshchestva sel'skogo khozyaistva Yuzhnoi Rossii*, 1847, Nr 1. pp. 6-9. [in Russian]

Demol', 1847b – Demol', I. (1847). O khleboi torgovle na odesskom rynke [The grain trade on the Odessa market]. *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva*. Nr 1. pp. 115-127. [in Russian]

K.G., 1847 – K.G. Sankt-Peterburg [Saint-Petersburg]. *Zapiski Imperatorskogo obshchestva sel'skogo khozyaistva Yuzhnoi Rossii*. Nr 2. pp. 23. [in Russian]

Kitanina, 2011 – Kitanina T.M. (2011). Khlebnaya torgovlya Rossii v kontse XIX – nachale XX veka. Strategiya vyzhivaniya, modernizatsionnye protsessy, pravitel'stvennaya politika [Russian grain trade in the end of XIXth – beginning of the XXth century. Survival strategy, modernization processes, governmental policy]. Sankt-Peterburg: "Dmitrii Bulanin". 608 p. [in Russian]

Korneeva, 2017 – Korneeva Yu.V. (2017). Iz istorii razvitiya torgovli v gorodakh Srednego Povolzh'ya vo vtoroi polovine XIX veka [From the history of trade development in the Middle Volga region in the second half of the XIXth century]. *Novyi istoricheskii vestnik*. Nr 3(53), pp. 53–62. [in Russian]

Kulisher, 1904 – Kulisher I.M. (1904). Khlebnye poshliny I ikh vliyanie na narodnoe khozyaistvo. Pervyu period agrarnogo protektsionizma – do shestidesyatykh godov [Grain duties and their influence on national economy. The first stage of agricultural protectionism – until the sixties]. *Russkoe ekonomicheskoe obozrenie*. Nr 1-2. [Insertion]. 80 p. [in Russian]

Kuznetsova et al., 2016 – Kuznetsova Y.I., Baryshnikov V.N., Adamova N.E., Borisenko V.N., Vozgrin V.E. (2016). Russian Observations of European Experience in Agricultural Development in 1840s (based on the printed output of the Imperial Agricultural Societies of Russia). *Bylye Gody*. Vol. 40, Nr 2, pp. 412–419. [in Russian]

Mendelev, 1892 – Mendelev D.I. (1892). Tolkovy tarif ili issledovanie o razvitiu promyshlennosti Rossii v svyazi s ee obshchim tamozhennym tarifom 1891 goda [Wise tariff or research on the Russian industrial development in relation with its general customs tariff of 1891]. Sankt-Peterburg: tipografiya V. Demakova. 730 p. [in Russian]

Mironov, 1985 – Mironov B.N. (1985). Khlebnye tseny v Rossii za dva stoletiya (XVIII – XIX vv.) [Grain prices in Russia for two centuries (the XVIIIth – XIXth century)]. Ed. by A.G. Man'kov. Leningrad: «Nauka». 301 p. [in Russian]

N.n", 1846 – N.n", G. (1846). Zamechaniya o vneshnei torgovle khlebom [Remarks on foreign grain trade]. *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva*, 1846, Nr 1. pp. 1–82. [in Russian]

Nebolsin, 1850 – Nebolsin G. (1850). Statisticheskoe obozrenie vneshnei torgovli Rossii [Statistical review of foreign trade of Russia]. Parts 1-2. Sankt-Peterburg: tipografiya Departamenta vneshnei torgovli. Part 1. 409 p. [in Russian]

Obshchii urozhai..., 1846 – Obshchii urozhai khleba i drugikh rastenii v 1846 godu [The general harvest of bread and other plants in 1846]. *Zapiski Imperatorskogo obshchestva sel'skogo khozyaistva Yuzhnoi Rossii*. Nr 3, pp. 284–288. [in Russian]

Rastyannikov, Deryugina, 2009 – Rastyannikov V.G., Deryugina I.V. (2009). Urozhainost' khlebov v Rossii, 1795–2007 [Yield of grain in Russia, 1795–2007]. Moskva: Institut vostokovedeniya Rossiiskoi akademii nauk. 191 p. [in Russian]

Sartor, 2011 – Sartor, V. (2011). Zhiznennyi uzel. Zernovoi eksport Rossii v XIX – nachale XX v. Strukturnye osobennosti i prichiny zavisimosti ekonomiki Rossii [Life bundle. Grain exports of Russia in the XIXth – early XXth century. Structural features and causes of dependence of Russian economy]. *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Nr 5, pp. 226–232. [in Russian]

Semenova, 2012 – Semenova L.M. (2012). Export rossiiskogo zerna: istoriya i sovremennost' [Russian grain exports: history and modern times]. Rossiiskoe krest'yanstvo: istoriya, khozyaistvo, kul'tura. Ufa: Bashkirskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet. pp. 43–46. [in Russian]

Tagirova, 2015 – Tagirova N.F. (2015). “Puteshestvie Volzhskogo khleba”: transportnye puti, koridory v Rossii (XIX – nachalo XX v.) [“Journey of the Volga grain”: transport routes, corridors in Russia (the XIXth – beginning of the XXth century)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. Nr 3-1(17), pp. 64–67. [in Russian]

Tengoborskii, 1857 – Tengoborskii L.V. (1857). O proizvoditel'nykh silakh Rossii [On the productive potency of Russia]. Translated from French with additions and changes. 2nd ed. Parts 1-2. Moskva: Universitetskaya tipografiya. Chast'. 2. Otdelenie 1-e: O zemledelii [Part 2. Section 1: “Agriculture”]. 456 p. [in Russian]

Перспективы экспорта российского зерна в 1846 году (по материалам изданий Императорского общества сельского хозяйства Южной России и Императорского Вольного экономического общества)

Виктор Николаевич Борисенко ^a, Олег Юрьевич Пленков ^a, Елена Геннадьевна Щемелева ^b, Юлия Игоревна Кузнецова ^{c, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

^b Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Российская Федерация

^c Независимый исследователь, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализированы публикации из журналов «Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России» и «Труды Императорского Вольного экономического общества» за 1846–1847 гг. Эти материалы были посвящены торговле российским зерном на европейских рынках.

Журналы императорских обществ сельского хозяйства занимались распространением европейского опыта в России и освещением наиболее выдающихся достижений внутри страны. Однако в условиях неурожая в Европе 1846–1847 гг. эти издания обратили внимание не только на технологические особенности производства зерна и экономические уклады разных стран, но и на перспективы сбыта. Наибольший интерес к теме экспорта российского зерна в Европу отмечен в публикациях журнала «Записки императорского общества сельского хозяйства Южной России».

Особого внимания заслуживает вопрос торговли с Великобританией, которая, отменив Хлебные законы летом 1846 года, открыла новые возможности для более стабильного экспорта российского зерна. Это стало возможным благодаря введению постоянной минимальной ввозной пошлины.

Авторский коллектив пришел к выводу о том, что выбранные журналы середины XIX в. констатировали факт отмены Хлебных законов в Англии, но не освещали внутривосточные аспекты этого вопроса. На страницах журналов специалисты восторженно комментировали резкое увеличение объемов экспорта российского зерна и в то же время оценивали, какие меры необходимо предпринять для того, чтобы удовлетворить европейский спрос на зерно в последующие годы. Одновременно с этим эксперты подчеркивали тот факт, что внезапно возросший спрос может непредсказуемо меняться.

Ключевые слова: хлебная торговля, Хлебные законы, свободная торговля, сельское хозяйство, сельскохозяйственное общества, российский экспорт, Императорское Вольное экономическое общество, Императорское общество сельского хозяйства.

* Корреспондирующий автор

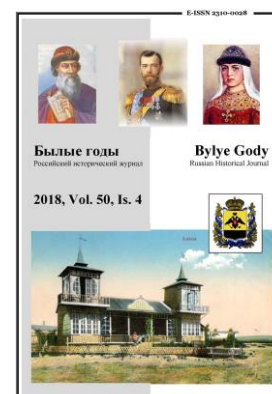
Адреса электронной почты: v.borisenko@spbu.ru (В.Н. Борисенко), o.plenkov@spbu.ru (О.Ю. Пленков), shchemeleva.l@yandex.ru (Е.Г. Щемелева), reform1832@gmail.com (Ю.И. Кузнецова)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1592-1600. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1592
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

«Vladikavkaz Diocesan Lists» and as a Source on the History of Public Life in the Terek Region in the second half of the XIX – early XX centuries

Svetlana Khubulova ^a, Boris Koibaev ^a, Zalina Sosranova ^a, Alan Tsarikaev ^{a, *}

^a North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the role of the church press in the socio-cultural and political life of the Terek region of the second half of the XIX century – early XX centuries. ROC took an active part not only in missionary and teaching activities, but also included in educational, charitable and journalistic activities. For the first time, a regional diocesan seal became the subject of study. An analysis of the materials published on the pages of the Vladikavkaz diocesan statements allows us to state that the latter possessed sufficient potential of a consolidating platform, and in different periods could achieve this status. The materials introduced into scientific circulation give an idea of the process of the formation of the local church printed organ, the problems of its development, and also allow reconstructing the role of diocesan statements in the formation of the cultural space of the Terek region, the formation of the church intelligentsia of the region.

The authors' collective was not permanent, new people were often invited, who could reasonably represent public opinion. An analysis of the materials of the Vladikavkaz diocesan lists made it possible to establish that the authors of the articles were not only clergymen, but teachers, journalists, public figures, which speaks of the public interest in this printed publication.

A feature of the local diocesan statements was that along with the all-Russian functions, it performed additional, related to the ethno-confessional diversity of the region. As it was established, the Vladikavkaz diocesan lists performed several tasks simultaneously: first, the Orthodox clergy of the diocese consolidated; secondly, they strengthened the ties between the clergy and the believers, and third, mediated relations between the church and the secular world.

Keywords: diocesan lists, press, consolidation, author, church life.

1. Введение

В последние десятилетия в России идет активное возрождение религиозной жизни. В контексте исследования церковной истории при изучении роли местного православного духовенства в социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни в провинции закономерен научный интерес к местной церковно-епархиальной прессе. «Владикавказские епархиальные ведомости», издававшиеся в Терской области, являются важным источником по повседневной жизни не только клира, но и прихожан региона.

2. Материалы и методы

Основой статьи послужили выпуски «Владикавказских епархиальных ведомостей», которые позволяют реконструировать просветительскую, идеологическую, культурную функции РПЦ в провинции. Однако материалы периодики должны быть сравнены и проверены путем привлечения архивных документов, статистики, мемуарной литературы и т.д. Такая методика исследования дает

* Corresponding author

E-mail addresses: hubul@yandex.ru (S.A. Khubulova), koibaevbg@mail.ru (B.G. Koibaev), zaiasosranova@mail.ru (Z.V. Sosranova), tsarikaev-a-t@yandex.ru (A.T. Tsarikaev)

возможность извлекать дополнительную информацию о самом печатном органе (источники финансирования, читательская аудитория, достоверность материала и др.).

В работе использованы следующие методы исследования: общенаучные, позволяющие определить общие и специфические черты деятельности епархиального духовенства Терской области, нашедшие свое отражение и в их отношении к церковной печати; источник-ориентированный, разрешающий провести источниковедческий анализ при изучении содержания церковной печати; сравнительный – осуществляется при сопоставлении условий функционирования церковной периодики в разных регионах России; статистический – необходимый для изучения изменений в тематике публикаций и содержании «Епархиальных ведомостей».

3. Обсуждение

В отношении вопроса изучения религиозной ситуации в Терской области следует подчеркнуть, что научных трудов по рассматриваемой проблеме пока недостаточно. Лишь в последние годы региональная историография пополнилась рядом новаторских работ, освещающих отдельные стороны истории поликонфессионального края (Гедеон, 1992; Сланов, 1999; Канукова, Хубулова, 2000; Каров, 2007). Хотя «Владикавказские епархиальные ведомости» в качестве исторического источника уже привлекались в ряде научных работ, однако не проведен анализ этого важного и многогранного источника. Краткий обзор литературы подтверждает, что есть еще много научных лакун в истории религиозной жизни Терской области, которые можно отчасти восполнить, активно вводя в научный оборот материалы «Владикавказских епархиальных ведомостей».

4. Результаты

Для исследования социокультурных процессов в Терской области на рубеже XIX–XX вв. большой информативностью и ценностью обладают «Владикавказские епархиальные ведомости» (далее ВЕВ) – небольшие журналы с периодичностью два раза в месяц.

После ряда преобразований Владикавказская епархия стала самостоятельной в 1894 г., разделенной на 13 благочиннических округов, в приходах работало примерно 800 священнослужителей (Канукова, Хубулова, 2000: 28). Во всей епархии функционировало свыше 700 храмов и часовен.

Расширение территории епархии, охватившей Терскую, Дагестанскую и часть Кубанской областей, ставило вопрос о создании единого печатного органа, который бы знакомил с актуальными вопросами церковной жизни. Кроме того, следует отметить, что в епархии полное семинарское образование имело не более 20 % священников, поэтому журнал должен был стать и источником самообразования клира. Инициатива создания Ведомостей принадлежала Владимиру Сеньковскому (епископу Владимиру), который оставил заметный след не только в церковной, но и культурной истории края.

Главной заботой Преосвященного Владимира было распространение православия среди местных народов. Для этих же целей по ходатайству перед св. Синодом Ардонское училище было преобразовано в миссионерскую семинарию, которая стала настоящей кузницей кадров национальной интеллигенции, сыграла большую роль в нравственном воспитании не одного поколения (Сланов, 1999: 83). Священниками осетинских церквей становились осетины – выпускники этой семинарии.

Передовые люди Терской области, к числу которых, несомненно, принадлежал и Преосвященный Владимир, объединили усилия в деле просвещения народа: например, число школ в Осетии неуклонно увеличивалось. Если в конце XIX в. их было около 20 (примерно 2000 учащихся), то в 1901 г. стало свыше 60 (около 4000 учащихся).

Повышение культурного уровня населения способствовало росту спроса на печатные издания. Насущной потребностью для владикавказского клира было наличие печатного органа, в котором бы отражалась церковная жизнь не только страны, но и епархии. Местное духовенство было осведомлено об успешной деятельности «Кавказских епархиальных ведомостей». Данные обстоятельства подвигали церковные власти к созданию своего печатного органа. Этот вопрос был поднят еще в 1885 г. Преосвященным Иосифом, который на благочинническом съезде выступил за создание печатного органа в виде «Епархиальных ведомостей» (ЦГА РСО-А. Ф. 143. Оп. 1. Д. 102. Л. 16). Однако тогда не удалось реализовать данный проект. Владимир оказался более настойчивым, и по его ходатайству указом Св. Синода от 30 ноября 1894 г. было разрешено издание «Владикавказских епархиальных ведомостей». На ВЕВ была возложена задача идеологической опоры православия в провинции.

Являясь довольно информативным источником, ВЕВ давали возможность изучить роль православного духовенства в экономике, политике, культуре региона. Можно сказать, что церковная печать, наряду со светскими региональными изданиями, оказывала большое влияние и на формирование социокультурного пространства Терской области, так как, во-первых, способствовала тесному контакту с верующими, во-вторых, на страницах Ведомостей можно было встретить статьи историко-этнографического, общеобразовательного характера, написанные известными в регионе специалистами.

«Владикавказские епархиальные ведомости» были главным официальным печатным органом Владикавказской епархии и выходили два раза в месяц с 1895 по 1917 гг., хотя в отдельные годы периодичность журнала менялась: в 1907–1908 гг. решено было издавать журнал каждую неделю, а в 1913 г. – количество изданных за год номеров составило шестнадцать. Выпуски были небольшого размера, текст на колонки не делился; объем журналов в среднем составлял примерно 35–40 листов. Редакция ВЕВ была обязана определять как информационную направленность, так и насыщенность издания. Его содержание напрямую зависело от личности редакторов. Следует выделить тех, чьими стараниями и знаниями профессиональный уровень издания достиг определенных высот: В. Иванов (преподаватель духовного училища), А. Филипповский (секретарь Владикавказской консистории), В. Топкин (член консистории), И. Беляев (протоиерей), А. Нефедьев (протоиерей) и др. Объем интересных материалов возрастал, авторов становилось больше. Но при этом надо отметить и тот факт, что ВЕВ, как и другие церковные издания, финансировались Св. Синодом, епархиальным начальством, местной светской администрацией, а это не содействовало самостоятельности издания, редакторы должны были принимать во внимание многие начальственные рекомендации при формировании материала.

Первый номер ВЕВ открывался большой статьей Преосвященного Владимира, который отметил причины, побудившие его ходатайствовать об открытии ВЕВ: «Мы видели, что желание просвещения неверующим и заблудшимся овцам словесного стада нашего есть не только в лицах духовных, но и среди православных мирян. Тем не менее, при усердии и сердечном желании помочь наше духовенство, конечно сельское, при разбросанности станиц, при неудобствах личных сношений между собой и с центром правления епархиального, своими единоличными усилиями бессильно в деле просвещения, и особенно в удовлетворении потребностей миссионерских...» (ВЕВ, 1895: 3).

Как известно, Терская область – конгломерат культур, этносов, вероисповеданий, что представляло определенную сложность для пастырской деятельности. Поликонфессиональность региона ставила перед «Епархиальными ведомостями» задачу систематической миссионерской работы путем размещения материалов не только по проблемам православия, но и по истории ислама и инославных верований. Делались подобные экскурсии с целью просвещения приходского духовенства о сущности различных конфессий и для повышения профессионального уровня клира. Таким образом, основной читательской аудиторией ВЕВ были местные священники, и на них была рассчитана особая подача материала. ВЕВ должны были выполнять не только административные задачи на местном уровне, но и содействовать духовно-нравственному, культурному просвещению духовенства и паствы, а также способствовать распространению официальной идеологии среди населения провинции.

Структура «Епархиальных ведомостей» состояла из официальной и неофициальной частей. В официальной части ВЕВ можно найти информацию о распоряжениях не только центральной церковной, но и местной властей; отчеты духовных учебных заведений, сведения о назначениях, перемещениях, материальном положении местного клира, некрологи и прочее. Официальные публикации, хроника, сообщения полезны, прежде всего, той информацией, которую они несут. Часто в публикуемых в официальной части заметках не указывалось имя автора.

На неофициальную часть возлагалась вероучительная задача: печатались статьи религиозного свойства, а также экскурсии в историю епархии. По-видимому, это должно было отчасти компенсировать низкий культурный уровень священства епархии, дать возможность самообразовываться.

Поэтому ВЕВ надлежало удовлетворять местным потребностям духовенства. Контент-анализ официальных программных положений позволил сделать вывод о том, что церковная периодическая печать должна была стать средством эффективной административной коммуникации, отсюда достаточная прозрачность и регулярность издания ВЕВ, когда приходское духовенство, благодаря Ведомостям, видело постоянное внимание со стороны иерархов. Кроме того, на епархиальном уровне было очевидно, что контролируемое печатное слово позволяет более успешно влиять на потоки устной информации и контролировать ее восприятие. Во-вторых, региональная церковная печать становилась средством адаптации епархии к меняющимся местным реалиям.

Издание Ведомостей не испытывало финансовых проблем, т.к. средства, вырученные за счет подписки, а также пособие из епархиальных сумм полностью покрывали расходы на издание. Гораздо сложнее было найти авторов, готовых предоставлять в редакцию свои материалы. Ведь именно от активной корреспондентской сети в конечном итоге зависело признание журнала, потребительский спрос и т.д. Предполагалось, что священники станут основными поставщиками информации в редакцию ВЕВ. Но время показало, что многие духовные лица, отягощенные своей службой, с неохотой сотрудничали с редакцией. Отчасти нехватку корреспондентов компенсировали светские журналисты и учителя духовных училищ.

В неофициальной части ВЕВ публиковались священники, которые освещали не только религиозные, но и общекультурные проблемы. Наибольшую известность как писатель приобрел священник А. Гатуев, который опубликовал блестящие статьи по истории православия в Осетии (Гатуев, 1900). Не менее познавательны статьи учителя Уруймагова о церковных школах (Уруймагов, 1901),

священника И. Кормилина о миссионерской деятельности (Кормилин, 1905), диакона А. Албегова о селении Хумалаг (Албегов, 1896), краеведческие статьи П. Кондратьева, К. Цаллагова и др.

Материалы ВЕВ довольно разнообразны. Львиная доля приходится на информационные жанры, меньше художественно-публицистических и совсем мало аналитических публикаций.

Если рассматривать тематику статей ВЕВ, можно сказать, что примерно треть материала была посвящена проблеме образования, около 10 % – деятельности Преосвященных, проблемы РПЦ занимали 25 %, 11 % составили статьи вероучительного характера, 10 % – краеведческого направления. Статьи историко-краеведческого характера занимали важное место в редакционной политике ВЕВ. Во многих номерах неофициальной части издания освещались вопросы, связанные с историей Терской области или Северного Кавказа. Печатались статьи, посвященные археологическим находкам на территории области. Ряд работ касается этнографической тематики, анализируются праздничные и религиозные обряды, традиционные суеверия.

Локальная церковная история должна была восприниматься клиром как собственная история, чтобы создавалась коллективная память, т.е. она служила консолидации регионального культурного сообщества. Именно такая точная ориентация на фиксацию исторических фактов, этнографического материала сделали издание ценнейшим историческим источником, т.к. именно культурная коммуникация придает встроенным в нее фактам определенную ценность (Чижов, 2006: 17).

Не обойдены вопросы места и роли приходского духовенства. Особый интерес в этом анализе представляет положение самого священства и, прежде всего, его материальное состояние. Если в казачьих станицах приходы были богаче, то, например, в Северной Осетии духовенству приходилось тяжело. Служба в горных приходах была не только менее оплачиваема, но и довольно опасна. Так, священник Дагомо-Архонского прихода во время поездки в дальний отселок своего прихода попал в буран, неудачно упал с лошади, повредил ногу (Груздов, 1911: 418). Священник Зарамагского прихода Л. Габичвадзе, возвращаясь домой, из-за непогоды вынужден был заночевать в ущелье, простудился и умер (О жизни, 1906: 168). Жизнь священников в горах была очень тяжелой. Приходилось летом верхом объезжать приход, а зимой – только пешком. Провизию можно было купить только на равнине, куда зимой также было сложно добраться. К тому же оплата труда была низкой (Записка..., 1916: 16). Большие нарекания со стороны местных священнослужителей вызывала жилищная необеспеченность: «Епархиальное начальство открывает новые приходы, зачастую не выяснив того, где будет жить священник, живя в неудобных помещениях, духовенство часто болеет» (О жизни, 1906: 85). Многочисленные ходатайства способствовали тому, что улучшение жилищных условий клириков было возложено на прихожан, тем самым еще более усилилась зависимость священства от благоволения или неприятия паствы (Болонкина и др.: 44).

В «Епархиальных ведомостях» большое место занимали статьи миссионерского характера. Необходимость такого отдела была вызвана тем обстоятельством, что Терская область представляла собой поликонфессиональный регион, где, наряду с традиционными и разрешенными верованиями, в начале XX в. стали набирать силу разного рода сектантские общины. Поэтому на православное священство ложилась тяжелым бременем работа по восстановлению и усилению позиций РПЦ. Однако эта работа была под силу лишь тем представителям священства, которые были хорошо образованы и могли участвовать в диспутах с баптистами, молоканами, штундистами и другими инославными верующими.

Отчеты Владикавказской консистории свидетельствовали о том, что священство обеспокоено столь равнодушным отношением к церковной службе, религиозным невежеством значительной части прихожан, подверженной суевериям и предрассудкам (Беляев, 1907: 38). Все это приводило к распространению разного рода раскольнических теорий. Староверы, хлысты, шалопуты, молокане, иеговисты, пятидесятники, баптисты, штундисты и многие другие секты находили единомышленников в среде сельского населения (Заштатный..., 1910: 42).

Сводить популярность этих сект лишь к влиянию иностранных эмиссаров неправильно; сама РПЦ представала в глазах населения как структура, мало интересующаяся чаяниями простых тружеников, не лечащая души. Гораздо симпатичнее были новые руководители сект, которые умело проповедовали свои идеи, объясняли греховность бытия и проч. (Единоверческий..., 1910: 27). Они представлялись жителям как истинные верующие, ведущие праведный образ жизни. Большую роль в выборе новой веры играло и то обстоятельство, что многие секты были построены на принципах коллективизма и взаимовыручки, поэтому материальная поддержка «братьев и сестер» имела большое значение. В таких условиях РПЦ следовало проводить выверенную политику, чтобы воспрепятствовать переходу православных граждан в лоно других вероучений.

Все дела, связанные с противодействием расколу и сектантству, во Владикавказской епархии были сосредоточены в духовной консистории. Как известно, в Российском государстве строго запрещался переход из православия в другую религию. Однако анализ отложившихся документов и списки отколовшихся, публиковавшиеся на страницах ВЕВ, позволяют заключить, что дела о ренегатстве постоянно пополнялись. Приходское священство строго следило за умонастроениями паствы и любые отклонения от принятых норм тут же становились известны не только начальству, но и освещались в прессе. Для того чтобы быть обвиненным в раскольничестве, не надо было иметь прямую связь с сектантами, достаточно было не посещать регулярно службу, отказываться от

крещения детей в церкви, вступить в брак с инославной женщиной. Владикавказская консистория возбуждала дело, требовала духовные росписи, посемейные списки, в которых прописывалась религиозная принадлежность фигуранта. Однако не всегда эти документы отражали реальную ситуацию. Так, официальных раскольников, к примеру, было на поверку меньше, чем на самом деле, т.к. существовали так называемые «потайные» раскольники, которые, оставаясь в списках православных, исполняли сектантские обряды. Конечно, установить реальную цифру ренегатов консистории не удавалось, но в отчетах отмечалось, что, например, в 1900 г. свыше 120 человек несколько лет не были на причастии, 1070 человек – на исповеди, что наталкивало на мысль о нежелании придерживаться православных таинств (Канукова, 2008: 213).

К концу XIX в. православная церковь испытывала в регионе серьезные проблемы с усилением раскольнических сект. Например, за три года к православию примкнули всего 60 человек, а откололись – 75. Чтобы ответить на вызовы времени, в епархии летом 1885 г. началась серьезная противосектантская работа. Для координации сил в 1896 г. была учреждена должность противосектантского миссионера. Он должен был наладить работу в приходах, обучить ведению диспутов, привлечь к работе грамотных прихожан, а для этого обеспечивать приход современной миссионерской литературой (ЦГА РСО-А. Ф. 143. Оп. 1. Д. 61. Л. 92). К примеру, священник владикавказского учебного заведения И. Мамацев начал вести миссионерскую работу среди верующих Владикавказа, объясняя им угрозу, таящуюся в сектантской идеологии; его усилиями было организовано «Свято-Троицкое братство ревнителей православия» (Мамацев, 1905: 185). Задачей Братства было просвещение населения и организация благотворительной помощи нуждающимся (Об изменении..., 1908: 12). Наряду с чтением лекций и проведением бесед, Братство наладило выпуск миссионерской литературы, создало библиотеки как при соборе, так и в окрестных станицах: «при Свято-Воздвиженской церкви г. Владикавказа, сл. Нальчик, в ст. Ермоловской, Александрийской, Нестеровской, в благочиниях Моздокском и Кизлярском и несколько библиотек в Осетии» (Отчет о деятельности..., 1907: 39).

Религиозные книги зачитывались вслух, проповедники разъясняли этические постулаты православия, смысл библейских сюжетов, показывались «туманные картинки» (слайды). Анализ материалов «Владикавказских епархиальных ведомостей» позволяет установить, что тщательно продуманная встреча, беседа становились важным культурным событием села, станицы.

Епархиальные власти строго следили за тем, чтобы миссионеры могли вести грамотную дискуссию и не посрамить церковь, а если учесть, что не все приходские священники были достаточно образованными людьми и могли доказательно вести полемику, то выбор оказывался небольшим. Зато всем остальным приходским пастырям следовало часто проводить собрания, где бы глубоко изучались религиозные догматы, Священное Писание и другая фундаментальная литература (Отчет о состоянии..., 1906: 481). Преосвященный Владимир пошел дальше, сумев открыть Ардонскую семинарию, где обучалось свыше 100 человек, ставших позже активными проводниками православия в приходах епархии (Многонациональные..., 2012: 127). Хорошо спланированная работа давала определенные результаты. Как явствует из отчетов, опубликованных во «Владикавказских епархиальных ведомостях», если в начале 1900-х гг. работой с сектантами занимались 3 священника, то накануне Первой мировой войны их количество перевалило за 10 (Обозрение..., 1899: 36).

Большую роль играла прозелитская деятельность миссионеров: возведение новых церквей и часовен, крещение староверов и сектантов в случае их вступления в брак с православными. Там же, где сформировались мощные раскольнические организации, миссионерам приходилось тяжело. В поддержку православия и нерушимости существующего государственного порядка вступилась власть. Об этом красноречиво говорят факты, приведенные в ежегодных епархиальных отчетах. В 1910 г. Владикавказский окружной суд рассматривал дело И. Скрипко. Священник ст. Эссентукской провел расследование и выяснил, что ренегат исповедовал учения иеговистов, вел борьбу против православных в своей станице (Орехов, 1895: 15). И. Скрипко был отправлен на каторгу. Такая же участь постигла казака ст. Богурустанской Ф. Андреева, обвиненного «в желании поколебать веру в священные таинства православной церкви» (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 22. Д. 156. Л. 2). По ходатайству схода ст. Тарской был выслан казак Н. Мишин за то, что активно распространял идеи сектантов (Отчет начальника..., 1896: 27). Таким же административным мерам были подвергнуты отколовшиеся от православия казаки ст. Фельдмаршальской. В конце XIX в. правительство всеми административными мерами поддерживало миссионерскую деятельность православной церкви, особенно в районах с поликонфессиональными традициями.

Общие направления борьбы с сектантами и миссионерской деятельности были выработаны на епархиальных съездах (ВВВ, 1902, № 22: 4–6). Прежде всего, начали свою работу курсы повышения миссионерской квалификации. В помощь приходским священникам была учреждена должность разъездного миссионера. Стараниями Преосвященного Владимира была разработана программа антисектантской и антираскольнической работы, обязывавшая священство приходов, особенно подверженных распространению сектантства, активизировать работу (Архипастырское..., 1907: 12–14).

В «Епархиальных ведомостях» много места отводилось и социальной деятельности владикавказского клира. Священство Владикавказской епархии уделяло большое внимание борьбе с разными асоциальными явлениями, среди которых пьянство, разврат и детская беспризорность.

Конечно, приходилось учитывать материальные возможности приходов. В критические моменты истории (неурожаи, войны) масштабы и значение социальной деятельности РПЦ существенно возростали.

Постоянной заботой Епархии были беспризорные дети. В Терской области до 1890-х гг. не было детских домов или убежищ для малолетних беспризорных. Но в 1892 г. во Владикавказе общими усилиями открыто дневное убежище, в сборе средств приняли участие и храмы г. Владикавказа, общая сумма составила свыше 120 руб. (Кулиев, 2009: 65). Преосвященный Петр отслужил торжественный молебен, в своей речи, обращенной к собравшимся, он напомнил о тех библейских истинах о сострадании и сочувствии, которые свойственны православным. Это событие было отражено на страницах Ведомостей.

В годы Первой мировой войны священство епархии не прекращало свою благотворительную миссию. Православное духовенство епархии и прихожане объединялись в церковно-приходские общества, православные братства и проч. Эти акции нашли отражение и на страницах ВЕВ.

Священство принимало активное участие во всех областных мероприятиях, которые проводились властными структурами, общественными организациями в период войны. 8 августа 1914 г. в Кафедральном соборе Владикавказа в присутствии начальника области, представителей высших воинских чинов, при многолюдном стечении молящихся был прочитан Высочайший манифест, а затем протоиереем А. Нефедьевым с духовенством был отслужен молебен о даровании победы российским войскам (ВЕВ, 1914: 10). После богослужения был совершен крестный ход в Свято-Троицкий мужской монастырь, в котором участвовало свыше 1000 человек. Особо торжественно отмечались победы российской армии на фронте. Так, по случаю победы российских войск на театре военных действий в Кафедральном соборе было совершено благодарственное молебствие, на котором присутствовало свыше 1500 прихожан (ВЕВ, 1915: 4). В каждом приходе Владикавказской епархии проводились регулярные денежные, вещевые и продуктовые сборы в пользу Красного Креста. Руководство епархии призывало церкви, монастыри и верующих оказывать помощь в лечении раненых и больных военнослужащих, их семьям, а также производить тарелочные и кружечные сборы в пользу Красного Креста (ВЕВ, 1916: 6). С этой целью, к примеру, в здании соборной церкви состоялось собрание причта и прихожан Владикавказского кафедрального собора для учреждения при названном соборе приходского попечительского совета по призрению семейств запасных нижних чинов, призванных в действующую армию. Эти и другие факты благотворительности широко освещались не только в светской, но и церковной прессе.

5. Заключение

Подводя итоги, отметим, что ВЕВ, являясь церковным периодическим изданием с четкой структурой, позволяют проанализировать и реконструировать повседневные практики епархиальной жизни в контексте общероссийской политики. Информация, содержащаяся в публикациях, позволяет использовать современные информационные методы для изучения социального служения владикавказского духовенства. Таким образом, «Владикавказские епархиальные ведомости», как и другие печатные издания Терской области, заняли свою нишу в общественной жизни Терской области. Изначально «Владикавказские епархиальные ведомости» решали конкретные административные задачи и помогали священству повышать свой профессионализм, а также несли в массы идеи православия. Красной нитью в издании проходил тезис о единстве государства и РПЦ. В то же время, несмотря на ведомственность ВЕВ, журнал смог заинтересовать значительное число читателей и послужил консолидации провинциального культурного сообщества.

Литература

- Албегов, 1896 – Албегов А. Селение Хумалаг // ВЕВ. 1896. № 17. С. 256–257.
- Архипастырское..., 1911 – Архипастырское посещение Александровской духовной семинарии // ВЕВ. 1911. № 10. С. 104–121.
- Беляев, 1907 – Беляев А. Миссионерская деятельность // ВЕВ. 1907. № 23. С. 64–72.
- Болонкина и др., 2012 – Болонкина Е.В., Катцина Т.А., Федорченко В.И. Материальное положение православного приходского духовенства Енисейской губернии (1820–1861 гг.) // Грамота. 2012. № 9. С. 44–49.
- ВЕВ, 1902 – Владикавказские епархиальные ведомости. 1895. № 1. 1902. № 22. 1914. № 24. 1915. № 14. 1916. № 4.
- Гатуев, 1900 – Гатуев А. Христианство в Осетии // ВЕВ. 1900. № 14–17; 1901, № 1–14.
- Гедеон, 1992 – Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. Москва–Пятигорск, 1992. 120 с.
- Груздов, 1911 – Груздов Н. Обзорение его Преосвященства Агапитом, Епископом Владимирским и Моздокским, церковью благочиния X-го округа // ВЕВ. 1911. № 13. С. 413–418.
- Единоверческий..., 1910 – Единоверческий иерей. К обличению старообрядцев // ВЕВ. 1910. № 2. С. 21–29.
- Записка..., 1916 – Записка с изложением сведений и соображений о вспомоществовании нуждающемуся духовенству // ВЕВ. 1916. № 14. С. 13–87.

- Заштатный..., 1910** – Заштатный иерей. Ближайшая задача миссионерско-пастырского служения // *ВЕВ*. 1910. № 5. С. 40–48.
- Канукова, 2008** – *Канукова З.В.* Старый Владикавказ: историко-этнологическое исследование. Владикавказ: РИО СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2008. 284 с.
- Канукова, Хубулова, 2000** – *Канукова З.В., Хубулова С.А.* Дорога к храму (из истории конфессиональной жизни Владикавказа во второй половине XIX – начале XX вв.). Владикавказ, 2000. 117 с.
- Каров, 2007** – *Каров А.Х.* Религии и государственно-конфессиональные отношения в современной Кабардино-Балкарии (опыт, проблемы и пути решения). Нальчик: Эль-Фа, 2007. 549 с.
- Кормилин, 1905** – *Кормилин И.* История сектантства во Владикавказской епархии // *ВЕВ*. 1905. № 24. 1906. № 1, № 2. 1907, № 3.
- Кулиев, 2009** – *Кулиев Ф.М.* Государственно-конфессиональные отношения на Северном Кавказе в XIX – начале XX в. Новосибирск, 2009. 84 с.
- Мамацев, 1905** – *Мамацев И.* Великопостные чтения во Владикавказе // *ВЕВ*. 1905. № 2. С. 180–185.
- Мамацев, 1905** – *Мамацев И.* Пропаганда штундо-баптизма в г. Пятигорске // *ВЕВ*. 1905. № 3. С. 105–109.
- Мельгунов, 1909** – *Мельгунов С.П.* Из истории религиозно-общественного движения в России в XIX веке. М., 1909. 236 с.
- Многонациональные..., 2012** – Многонациональные и поликонфессиональные традиции Осетии. Сборник документов. Владикавказ, 2012. 332 с.
- О жизни..., 1906** – О жизни горского священства // *ВЕВ*. 1906. № 12. С. 161–170.
- Об изменении..., 1908** – Об изменении устава Владикавказского Михаило-Архангельского Братства // *ВЕВ*. 1908. С. 10–16.
- Обозрение..., 1899** – Обозрение преосвященным Владимиром, епископом Владикавказским и Моздокским церквей, вверенной его преосвященству епархии // *ВЕВ*. 1899. № 13–14. С. 5–20.
- Орехов, 1895** – *Орехов И.* Братское слово православного русского мирянина к ограждению от сектантства (штундизма) // *ВЕВ*. 1895. № 18. С. 5–18.
- Отчет начальника..., 1896** – Отчет начальника Терской области за 1895 год. Владикавказ, 1896. 210 с.
- Отчет о деятельности..., 1907** – Отчет о деятельности Михаило-Архангельского Владикавказского Братства за 1906/7 год // *ВЕВ*. 1907. № 10. С. 480–485.
- Отчет о состоянии..., 1906** – Отчет о состоянии Владикавказского епархиального попечительства // *ВЕВ*. 1906. № 1–2. С. 476–481.
- Сланов, 1999** – *Сланов И.А.* Ардонская духовная семинария. Владикавказ, 1999. 176 с.
- ЦГА РСО-А** – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания.
- Чижов, 2006** – *Чижов Р.В.* Роль периодической печати в консолидации регионального культурного сообщества (на примере деятельности «Ярославских Епархиальных ведомостей». 1860–1917 гг.): Автореф. дисс. ... канд. культурологии. М., 2006. 26 с.

References

- Albegov, 1896** – *Albegov A.* (1896). Selenie Humalag. [The Village Of Khumalag]. *VEV*. №17. pp. 256-257. [in Russian]
- Arhipastyrskoe..., 1911** – Arhipastyrskoe poseshchenie Aleksandrovskej Duhovnoj Seminarii. [Archpastoral visit to Alexander Seminary]. *VEV*. 1911. № 10. pp. 104-121. [in Russian]
- Belyaev, 1907** – *Belyaev A.* (1907). Missionerskaya deyatel'nost' [Missionary activity]. *VEV*. №23. pp. 64-72. [in Russian]
- Bolonkina i dr., 2012** – *Bolonkina E.V., Katcina T.A., Fedorchenko V.I.* (2012). Material'noe polozhenie pravoslavnogo prihodskogo duhovenstva Enisejskoj gubernii (1820-1861 gg.) [The financial position of the Orthodox parish clergy of the Yenisei province (1820-1861)]. *Gramota*. №9. pp. 44-49. [in Russian]
- VEV, 1902** – Vladikavkazskie eparhial'nye vedomosti [Vladikavkaz diocesan lists]. 1895, № 1. 1902. № 22. 1914, №24. 1915, №14. 1916, №4 [in Russian]
- Gatuev, 1900** – *Gatuev A.* (1900, 1901). Hristianstvo v Osetii [Christianity in Ossetia]. *VEV*. 1900, №14-17; 1901, №1-14. [in Russian]
- Gedeon, 1992** – *Gedeon* (1992), mitropolit Stavropol'skij i Bakinskij. Istoriya hristianstva na Severnom Kavkaze do i posle prisoedineniya ego k Rossii [The history of Christianity in the North Caucasus before and after its annexation to Russia]. Moskva-Pyatigorsk, 120 p. [in Russian]
- Gruzdev, 1911** – *Gruzdev N.* (1911). Obozrenie ego Preosvyashchenstva Agapitom Episkopom Vladimirskim i Mоздокским cerkvej blagochiniya X-go okruga [Review of His Grace by Agapit Bishop Vladimir and Mозdok of the Deanery Divisions of the 10th District]. *VEV*. № 13. pp. 413-418. [in Russian]
- Edinovercheskij..., 1910** – Edinovercheskij ierej. K oblicheniyu staroobryadcev [Unanimity Priest. To exposing the Old Believers]. *VEV*. 1910. № 2. pp. 21-29. [in Russian]

- Zapiska..., 1916** – Zapiska s izlozheniem svedenij i soobrazhenij o vospomoshchestvovanii nuzhdayushchemusya duhovenstvu [A note outlining information and considerations on the welfare of the needy clergy]. *VEV*. 1916. № 14. pp. 13-87. [in Russian]
- Zashtatnyj..., 1910** – Zashtatnyj ierej. Blizhajshaya zadacha missionersko-pastyrskogo sluzheniya. The supernumerary priest. The immediate mission of the missionary-pastoral ministry [The supernumerary priest. The immediate task of the missionary-pastoral ministry]. *VEV*. 1910. № 5. pp. 40-48. [in Russian]
- Kanukova, 2008** – *Kanukova Z.V.* (2008). Staryj Vladikavkaz: istoriko-ethnologicheskoe issledovanie. [Old Vladikavkaz: a historical and ethnological study]. Vladikavkaz: RIO SOIGSI im. V. I. Abaeva. 284 p. [in Russian]
- Kanukova, Khubulova, 2000** – *Kanukova Z.V., Khubulova S.A.* (2000). Doroga k hramu (iz istorii konfessional'noj zhizni Vladikavkaza vo vtoroj polovine XIX - nachale XX vv.). [The road to the temple (from the history of the confessional life of Vladikavkaz in the second half of the XIX – early XX centuries)]. Vladikavkaz. 117 p. [in Russian]
- Karov, 2007** – *Karov A.H.* (2007). Religii i gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v sovremennoj Kabardino-Balkarii (opyt, problemy i puti resheniya). [Religions and state-confessional relations in modern Kabardino-Balkaria (experience, problems and solutions)]. Nal'chik: El'-Fa. 549 p. [in Russian]
- Kormilin, 1905** – *Kormilin I.* (1905, 1906, 1907). Istoriya sektantstva vo Vladikavkazskoj eparhii. [The history of sectarianism in the Vladikavkaz diocese]. *VEV*. 1905. № 24; 1906. № 1, № 2; 1907. № 3. [in Russian]
- Kuliev, 2009** – *Kuliev F.M.* (2009). Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya na Severnom Kavkaze v XIX–nachale XX v. [State-confessional relations in the North Caucasus in the XIX-early XX century]. Novosibirsk. 84 p. [in Russian]
- Mamacev, 1905** – *Mamacev I.* (1905). Velikopostnye chteniya vo Vladikavkaze. [Lenten reading in Vladikavkaz]. *VEV*. №2. pp. 180-185. [in Russian]
- Mamacev, 1905** – *Mamacev I.* (1905). Propaganda shtundo-baptizma v g. Pyatigorske. [Propaganda of the Stundo-Baptist in Pyatigorsk]. *VEV*. 1905. №3. pp. 105-109. [in Russian]
- Mnogonacional'nye..., 2012** – Mnogonacional'nye i polikonfessional'nye tradicii Osetii [Multinational and polyconfessional traditions of Ossetia]. Sbornik dokumentov. Vladikavkaz, 2012. 332 p. [in Russian]
- O zhizni..., 1906** – O zhizni gorskogo svyashchenstva [On the Life of the Mountain Priesthood]. *VEV*. 1906. №12. pp. 161-170. [in Russian]
- Ob izmenenii..., 1908** – Ob izmenenii ustava Vladikavkazskogo Mihailo-Arhangel'skogo Bratstva [On the amendment of the Charter of the Vladikavkaz Michael-Arkhangelsk Brotherhood]. *VEV*. 1908. pp. 10-16 [in Russian]
- Obozrenie..., 1899** – Obozrenie preosvyashchennym Vladimirom episkopom Vladikavkazskim i Mozdokskim cerkvej, vverennoj ego preosvyashchenstvu eparhii [Review by Bishop Vladimir Bishop of Vladikavkaz and Mozdok churches entrusted to his eminence diocese]. *VEV*. 1899. № 13–14. pp. 5-20. [in Russian]
- Orekhov, 1895** – *Orekhov I.* (1895). Bratskoe slovo pravoslavnogo russkogo miryanina k ograzhdeniyu ot sektantstva (shtundizma). [The fraternal word of an Orthodox Russian layman to the fence against sectarianism (Shundism)]. *VEV*. № 18. pp. 5-18. [in Russian]
- Otchet nachal'nika..., 1896** – Otchet nachal'nika Terskoj oblasti za 1895 god [Report on the activities of the Mikhailo-Arkhangelsk Vladikavkaz Brotherhood for 1906/7]. Vladikavkaz, 1896. 210 p. [in Russian]
- Otchet o deyatelnosti..., 1907** – *Otchet o deyatelnosti* Mihailo-Arhangel'skogo Vladikavkazskogo Bratstva za 1906/7 god. [Report on the activities of the Mikhailo-Arkhangelsk Vladikavkaz Brotherhood for 1906/7]. *VEV*. 1907. №10. pp. 480-485. [in Russian]
- Otchet o sostoyanii, 1906** – *Otchet o sostoyanii* Vladikavkazskogo eparhial'nogo popechitel'stva. [Report on the status of the Vladikavkaz diocesan guardianship]. *VEV*. 1906. №1-2. pp. 476-481. [in Russian]
- Slanov, 1999** – *Slanov I.A.* (1999). Ardonskaya duhovnaya seminariya. [Ardon Theological Seminary]. Vladikavkaz. 176 p. [in Russian]
- CGA RSO-A** – *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv* Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Central state archive of the Republic of North Ossetia-Alania].
- Chizhov, 2006** – *Chizhov R.V.* (2006). Rol periodicheskoy pechati v konsolidatsii regionalnogo kulturnogo soobshchestva (na primere deyatelnosti «Yaroslavskih Eparhialnyh vedomostey». 1860-1917 gg.) [The role of the periodical in the consolidation of the regional cultural community (on the example of the activities of the "Yaroslavl Diocesan Gazette", 1860-1917).]: avtoref. diss. ...kand. kulturologii. M., 2006 26 p. [in Russian]

«Владикавказские епархиальные ведомости» как источник по истории общественной жизни Терской области во второй половине XIX – начале XX вв.

Светлана Алексеевна Хубулова^а, Борис Георгиевич Койбаев^а, Залина Владимировна Сосранова^а, Алан Тахирович Царикаев^{а,*}

^а Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, Владикавказ, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена роли церковной печати в социокультурной и политической жизни Терской области второй половины XIX – нач. XX вв. РПЦ принимала активное участие не только в миссионерской и преподавательской деятельности, но и включалась в просветительскую, благотворительную и публицистическую деятельность. Впервые региональная епархиальная печать стала предметом изучения. Анализ материалов, опубликованных на страницах Владикавказских епархиальных ведомостей, позволяет утверждать, что последние обладали достаточным потенциалом консолидирующей площадки и в разные периоды смогли добиться подобного статуса. Введенные в научный оборот материалы дают представление о процессе становления местного церковного печатного органа, проблеме его развития, а также позволяют реконструировать роль епархиальных ведомостей в формировании культурного пространства Терской области, становлении церковной интеллигенции региона.

Авторский коллектив не был постоянным, часто приглашались новые люди, которые могли аргументированно представлять общественное мнение. Анализ материалов Владикавказских епархиальных ведомостей позволил установить, что авторами статей были не только церковнослужители, но и учителя, журналисты, общественные деятели, что говорит об интересе общества к данному печатному изданию.

Особенностью местных епархиальных ведомостей было то, что наряду с общероссийскими функциями она выполняла и дополнительные, связанные с этноконфессиональной пестротой региона. Как было установлено, Владикавказские епархиальные ведомости выполняли одновременно несколько задач: во-первых, консолидировали православное духовенство епархии, во-вторых, крепили связи между клиром и верующими, в-третьих, выступали посредником в отношениях между церковью и светским миром.

Ключевые слова: епархиальные ведомости, пресса, консолидация, автор, церковная жизнь.

* Корреспондирующий автор

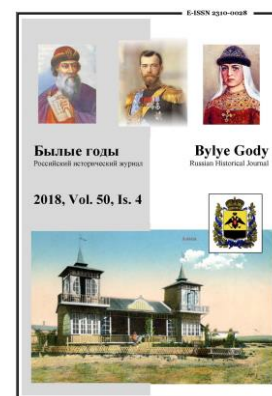
Адреса электронной почты: hubul@yandex.ru (С.А. Хубулова), koibaevbg@mail.ru (Б.Г. Койбаев), zaiasosranova@mail.ru (З.В. Сосранова), tsarikaev-a-t@yandex.ru (А.Т. Царикаев)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1601-1611. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1601
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

"The Resources of Cold" in Economic and Socio-Cultural Practices of Rural Communities of Yakutia. The second half of XIX – early XX centuries

Alexander Suleymanov ^{a, *}

^a Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The presented article has shown an effort to reconstruct the exploitation history of additional possibilities provided by the presence of stable low temperatures in the region – the «Resources of cold» in economic and sociocultural practices of the rural communities in Yakutia. On the one hand, the selected chronological framework is allowing to reconstruct the role of the «Resources of cold» in the traditional life-support system before the Soviet modernization, on the other hand, it allows to rely on the considerably representative body of source data.

Within the framework of the performed reconstruction, three main directions in usage of the «Resources of cold» were separated.

They were of high importance in ensuring of transport linkages across the vast Yakutia areas. Particularly, the performed study allowed to determine that all the three routes of supply of the Kolyma region in Yakutia at the beginning of the XX century were based on the possibilities that were given by the presence of the «Resources of cold».

The «Resources of cold» were also highly significant in the feed system. The possibility of all-the-year-round storage of food products in special ice-boxes, of deep freeze use at their preparation, as well as transportation of perishable food has played a major role in villagers' life, as it not only increased variability of dishes, but also quite often saved people from starvation.

Moreover, sanitary and hygiene aspect of the «Resources of cold» was shown: consumption of melt water, house and linen disinfection, folk remedies were one of the means to improve the quality of life of the representatives of the rural communities in Yakutia during the second half of the XIXth – beginning of the XXth centuries.

Keywords: Yakutia, cold, permafrost, traditional economy, indigenous peoples, rural population.

1. Введение

В настоящее время в сельских районах крупнейшего субъекта Российской Федерации – Республики Саха (Якутия) – проживает почти 350 тыс. человек, что составляет около 36 % всего населения региона. При этом сельская Якутия традиционно является своеобразной «этнической нишей» аборигенных этносов: долган, русских старожилов, чукчей, эвенков, эвенов, юкагиров и якутов.

Жизнедеятельность представителей названных этнических сообществ осуществляется в сложных природно-географических условиях: на огромных малоосвоенных пространствах при резко-континентальном климате, сочетающем в себе жаркое лето и крайне холодные зимы. Именно последний факт является, пожалуй, главной ассоциацией, связанной с Якутией. На территории республики расположены два населенных пункта, уже достаточно длительное время борющихся за звание «Полюса холода» северного полушария нашей планеты, – Оймякон и Верхоянск. В обоих из

* Corresponding author

E-mail addresses: alexas1306@gmail.com (A. Suleymanov)

них температура регулярно опускается ниже -60° С. Продолжительность зим в целом ряде районов Якутии достигает 8–9 месяцев.

Несмотря на это, в течение веков в Якутии осуществлялось достаточно активное сельскохозяйственное освоение территорий, что, естественно, было бы невозможно без уникальных адаптационных механизмов, выработанных местными сообществами. Очевидно, именно благодаря данным механизмам Якутия является регионом с самыми северными скотоводческими хозяйствами в мире.

Представляется, что анализ различных социокультурных и хозяйственных аспектов исторического опыта адаптации сельских сообществ, составляющих сейчас треть населения Якутии, к низким температурам, в особенности в свете все возрастающего значения развития северных территорий для будущего Российской Федерации, являются важными задачами сегодняшнего дня.

2. Материалы и методы

В основе разработки представленной темы лежит анализ материалов, хранящихся в фондах Архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН, Государственного архива Иркутской области, Научного архива Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН и Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Часть архивных материалов при этом впервые вводится в научный оборот. Кроме того, важнейшими источниками послужили материалы полевых исследований, проводившихся автором статьи в сельских районах Якутии, а также относящиеся к рассматриваемой проблеме монографические труды и научные статьи.

Специфика темы и ее источниковое обеспечение обусловили применение следующих принципов и методов научного познания: принципа историзма, историко-сравнительного, историко-генетического и историко-типологического методов, а также метода историко-культурной реконструкции. Именно названные методы были использованы при обработке информации, полученной в ходе работы в архивах и изучения научной литературы. При сборе полевого материала, задействованного в ходе написания статьи, нашли применение метод наблюдения с использованием фотоаппаратуры, интервью мнений и документальное интервью, проводившиеся индивидуально или небольшими группами (до 3 респондентов) в свободной форме. При опросе старожилов, осуществлявшемся, как правило, индивидуально, использовался метод глубинного интервьюирования.

Следует отметить, что устойчивые низкие температуры рассматриваются автором не с общепринятой точки зрения как своего рода тормоза в развитии, а прежде всего как источника дополнительных возможностей – своего рода «ресурсов холода».

3. Обсуждение

Проведенный анализ архивных источников и научной литературы позволяет сделать обобщения относительно опыта научного осмысления хозяйственных и социокультурных практик сельских сообществ Якутии в зимнее время года. В основном, как было установлено, этот вопрос рассматривался в совокупности с аналогичными аспектами жизнедеятельности населения республики в летний период. Данный факт касается как широко используемых в научном мире опубликованных работ В.Л. Серошевского (*Серошевский, 1896*), И.И. Майнова (*Майнов, 1912*), В.Г. Богораза (*Богораз, 1934*), В.И. Иохельсона (*Иохельсон, 2005*) и В.М. Зензинова (*Зензинов, 1914*), так и хранящихся в архивах результатов исследований С.Ф. Ковалика (*ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 624*) и участника Якутской комплексной экспедиции 1925–1930 гг. Д.Д. Травина (*НА МАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 554*). Первой работой, в которой зимние практики населения Якутии рассматривались специально, является исследование еще одного участника названной экспедиции И.П. Сойкконена «Зимний день якутской женщины» (*ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156*). В 1940–1990 гг., как показала проведенная работа, получил продолжение историографический тренд, в рамках которого зимние социокультурные и хозяйственные практики сельских сообществ Якутии не выделялись в самостоятельную проблематику, что, в частности, было зафиксировано в наиболее информативных исследованиях названного периода, подготовленных И.С. Гурвичем (*Гурвич, 1950*), А.А. Саввиным (*Саввин, 2005*), С.И. Николаевым-Сомоготто (*Николаев-Сомоготто, 2009*), В.А. Туголуковым (*Туголуков, 1979*), Ф.М. Зыковым (*Зыков, 1986*) и А.Г. Чикачевым (*Чикачев, 2007*). Лишь недавно зимние практики якутов как социокультурный феномен стали рассматривать В.С. Никифорова и Е.Н. Романова (*Никифорова, 2015*).

Исключением в отмеченном историографическом тренде является статья В.П. Мельникова и Р.Ю. Федорова, посвященная исследованию роли природных криогенных ресурсов в традиционных системах жизнеобеспечения народов Сибири и Дальнего Востока (*Мельников, 2018*). Однако названные авторы при ее подготовке не использовали источниковый материал, связанный с Якутией.

Таким образом, проведенный анализ относящихся к теме статьи работ показал, что исследований, направленных на изучение исторического значения «ресурсов холода» в хозяйственных и социокультурных практиках сельских сообществ Якутии, ранее не проводилось.

4. Результаты

В середине XIX в., когда еще в полной мере проявлялась «традиционность» хозяйства коренных народов и в то же время уже появился определенный массив источниковых данных, позволяющий представить объективную картину практик использования «ресурсов холода», проживавшие в сельской местности составляли подавляющее большинство населения Якутии, общая численность которого едва превышала 200 тыс. чел. При этом как таковых сел в регионе тогда было не так много – они существовали только в местах проживания русского населения (как правило, совместно с якутским). Традиционный же тип расселения наиболее многочисленного на тот период этноса – якутов – предполагал жизнедеятельность отдельных семей в аласах (замкнутых или полузамкнутых безлесых котловинах) и ведение хозяйства фермерского типа. Коренные малочисленные народы Севера Якутии (долганы, чукчи, эвенки, эвены, юкагиры) и вовсе в подавляющем своем большинстве вели кочевой образ жизни.

Земледелие было распространено в районах проживания русского населения (в основном в долинах крупных рек – Лены, Амги, Вилюя и др.). Хозяйство якутов основывалось на ведении коневодства и скотоводства, которое в XIX в. получило распространение вплоть до полярных широт, прежде всего благодаря выведению местной породы крупного рогатого скота, требующей минимального ухода и дающей высококалорийную продукцию, критически необходимую в условиях Крайнего Севера. Населявшие преимущественно таежно-тундровую и тундровую зоны представители коренных малочисленных этносов жили, главным образом, за счет оленеводства, охоты и рыболовства. Последняя отрасль являлась основой проживания также русских арктических старожилов Якутии.

Переходя непосредственно к историческому анализу практик эксплуатации «ресурсов холода» сельскими сообществами Якутии, представляется необходимым более акцентированно, чем в начале статьи, напомнить об еще одной ключевой особенности, определяющей саму среду их жизнедеятельности. Административные границы Якутии, хотя и претерпевали в течение XX в. изменения, однако они не носили радикального характера, как и сейчас (на территории республики можно разместить 6 Франций), так и в рассматриваемый период регион занимал огромную площадь. Помимо сурового климата и удаленности от центра страны, малозаселенность Якутии определяла труднодоступность целого ряда территорий, испещренных горными хребтами, большими и малыми реками, болотами и т.д.

В подобных условиях, естественно, решающую роль при освоении региона могли бы сыграть дороги. Вместе с тем даже сейчас столица республики связана автомобильными путями сообщения с «Большой землей» только зимой (летом ходит паром через р. Лена). Более того, существуют целые районы республики, добраться до которых по суше можно исключительно в зимний период времени. Важнейшее место при этом занимают ледовые переправы и автозимники, по меткому выражению экономиста Б.В. Белинского, «щедрого дара суровой природы Якутии» (АЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 296. Л. 5). Действительно, благодаря этим «ресурсам холода», в настоящее время в республике перевозится 80 % грузов. При этом автомобильные зимники (дороги, эксплуатация которых возможна только в условиях отрицательных температур, т.к. они проложены по руслам замерзших рек и смерзшейся почве) составляют порядка 60% общей протяженности дорог в Якутии.

К сожалению, специальных трудов, посвященных анализу состояния путей сообщения в Якутии в XIX в. – начале XX в. нет, поэтому об использовании зимников и их роли в этот период мы можем судить, опираясь на здравый смысл и сохранившиеся отдельные записи путешествовавших по Якутии исследователей и чиновников. В частности, некоторое представление о состоянии путей сообщения в Якутии и роли в них «ресурсов холода» дает сопоставление времен года, в которые они предпочитали совершать протяженные маршруты.

Так, зимой 1843 г. отправился из Иркутска на место своего служения в Нижнеколымск священник А. Аргентов, оставивший подробные и содержательные заметки о своем пребывании на северо-востоке Якутии (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 610. Л. 7). Еще один летописец истории региона, А.И. Суханов, живший в Якутии в третьей четверти XIX в., выехал из Якутска в отдаленные северные Верхоянский и Колымский округа в начале ноября 1863 г. При этом путешественник неоднократно отмечал, что его путь пролегал по замерзшим озерам и руслам местных рек, и даже иногда фиксировал «порядочное» качество дороги (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 553. Л. 390б.–640б.). Повторно А.И. Суханов вместе с женой ездил в Верхоянский и Колымский округа зимой 1866–1867 гг. Опять же зимой проделал путь из Якутска в Среднеколымск и ссыльный народник И.В. Шкловский в конце XIX в. Обратную дорогу он совершил вновь зимой (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 640. Л. 22–360б.).

Безусловно, следует оговориться, что даже в силу размеров территории невозможно говорить об однородности отмеченной выше картины. В центральных и южных районах Якутии важное место имели водные артерии: путешествие по рекам и поставка грузов были зачастую и комфортнее, и рентабельнее, чем использование зимников. Однако представляется очевидным, что мало изменившиеся с XIX в. природно-географические условия делали невозможным или, по крайней мере, чрезвычайно затруднительным обеспечение снабжением или элементарную связь с административным центром – Якутском – существовавших на севере Якутии населенных пунктов, расположенных еще более дисперсно, чем сейчас. В этом плане показательным, что если в Якутске

ярмарка проводилась в летнее время, то в низовьях Колымы – в феврале–марте на льду напротив Анюйской крепости (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 553. Л. 60).

Еще более репрезентативными представляются отложившиеся материалы о снабжении северо-восточных районов Якутии в начале XX в. Например, отправленный в 1905 г. организовать завоз продовольствия и промтоваров в Колымский регион С.А. Бутурлин, характеризуя возможности доставки муки из Абыя, рассматривал только два варианта: зимний и осенний. Оба предполагали использование скованных льдом рек и озер (Отчет, 1907: 10–15).

Достаточно подробный анализ путей снабжения того же Колымского региона был представлен на состоявшемся в апреле 1910 г. в Якутске «Совещании по вопросу об улучшении сообщений Охотского побережья с Якутском и Колымским и об оживлении торговых сношений».

В ходе него, в частности, были охарактеризованы маршруты, по которым осуществлялось снабжение северо-восточной окраины Якутии. Основным маршрутом до 1908 г. являлся Ольско-Колымский путь, который предполагал следующую схему доставки грузов: Владивосток – с. Ольское (на пароходе) – м. Сеймчан на Колыме (зимой на саниях) – населенные пункты по Колыме (летом на паузках). Перевозки по этому пути, однако, были подвержены значительному риску («многим случайностям») из-за ситуации на море и оказывались чрезвычайно медлительными («товар, выписанный из Среднеколымска (*его жителями* – А.С.), может быть получен там только через полтора года»). В результате с 1908 г. грузы «казенного заготовления» стали доставляться на Колыму по Булуновскому пути. Данный маршрут предполагал отправку грузов из Якутска в течение летней навигации по Лене до с. Булун, расположенного в ее низовьях. Отсюда грузы доставлялись зимой на оленях через Усть-Янск и Абый в Среднеколымск. Кроме того, существовала еще и возможность поставки товаров из Якутска по Колымскому тракту. Протяженность этого маршрута составляла, однако, 2,5 тыс. верст. Перевозка грузов на таком огромном расстоянии производилась с большими затруднениями: летом на лошадях вьючно, а зимой – на оленях (ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 330. Л. 6–8).

Все три существовавших в начале XX в. пути снабжения северо-восточной Якутии, таким образом, опирались на возможности, которые предоставляло наличие продолжительного периода устойчивых низких температур.

Выше отмечалось, что южные и центральные районы были менее зависимы от зимников и ледовых переправ. Однако все равно эта зависимость была очень сильна. Так, В.О. Липинский, составивший в начале XX в. краткий обзор путей сообщения Иркутской губернии, в состав которой в тот период входила Якутская область, отмечал, что Якутский тракт в летнее время допускал движение телег лишь до Жигаловской пристани (современная территория Иркутской области), а дальше сообщение по нему было возможно только верхом. Исключением, по замечанию специалиста, являлось зимнее время, когда езда производилась по льду Лены (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 773. Л. 6–60б.). Таким образом, даже центральный тракт Якутии не мог обеспечить нормального круглогодичного сообщения и на выручку приходили «ресурсы холода».

Делавший в 1915 г. обзор состояния экономики Якутии Левин охарактеризовал среди прочего и логистику перевозки грузов. В частности, в работе было представлено описание маршрутов по Охотскому тракту, связывавшему Якутск с Охотском. Из Якутска до Алданской станции грузы перевозились на пароходах, а от нее до станции Чернолесская они шли «исключительно зимой» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 714. Л. 1–10б.). Аналогичная ситуация была зафиксирована исследователем и на Аянском тракте, на котором от Аяна до Нелькана «летом грузов не возят» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 714. Л. 10б.).

Даже на Олекминских золотых приисках, где транспортная сеть при всей ее условности была развита лучше, чем на севере Якутии, местные подрядчики поставляли припасы два раза в год: сперва в начале зимы, «как только представится возможность ехать на саниях», затем – «пока не застала распутица на Лене» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 575. Л. 16–20).

Представляется показательным также, что в начале XX в. планировался тракт, который должен был связать Якутск с Зеей и Большим Невером для товарообмена: в Якутию поставлялись бы необходимые промышленные товары, а из нее – сельскохозяйственная продукция, т.к. Дальний Восток тогда снабжался из Монголии и Манчжурии. Рассчитывали, что он функционировал бы именно в зимнее время года, при этом значительная часть «дороги», как предполагалось, прошла бы по льду р. Амги (ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 260. Л. 1–65; Д. 275. Л. 1–84).

Характеризуя роль «ресурсов холода» в обеспечении снабжения различных районов Якутии, будет не лишним привести и еще одни замечания В.О. Липинского, который в названной выше работе отметил, что благодаря ранним заморозкам без оттепелей осенью (снег ложится на мерзлую почву, не тает и, соответственно, не причиняет вреда) на дорогах отсутствует сезонная распутица, свойственная Европейской России (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 773. Д. 80. Л. 9–90б.).

Установление в зимний период времени прочного сообщения играло значительную роль в повышении вариативности питания жителей Якутии.

Так, уже упоминавшийся А.И. Суханов в 1870-е гг. отмечал, что рацион питания жителей Верхоянска разнообразит привезенная зимой из Усть-Янска рыба (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 553. Л. 45). Следует отметить, что, наряду с дорогой, здесь важную роль играл и непосредственно холод: в существовавших в ту пору условиях доставить летом свежую рыбу в сохранности было практически

невозможно – она сгнила бы в пути.

В этом отношении показательны записи, оставленные неизвестным автором в начале XX в. и касающиеся описания жизнедеятельности якутов Абыйского района. В них, среди прочего, упоминается, что «зимой пища (*абыйских якутов – А.С.*) мало отличается от летней, но благодаря свободным путям сообщения все же является возможным доставать пищу лучше и в большем количестве, чем летом. Главным образом рыба, большинство которой, будучи пойманной летом, наполовину разложившаяся и издающая отвратительное зловоние, которую варят, а свежую едят в мерзлом виде, что считается даже лакомым блюдом» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 822. Л. 7).

А.В. Боголепов, проживший в начале XX в. несколько лет в Булуне, отмечал, что только зимой к привычному рациону местного населения добавляется говядина, привезенная из Верхоянья (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 725. Л. 10).

Кроме того, в этом отношении представляется необходимым уделить некоторое внимание истории упоминавшегося Аянского тракта, связывавшего Якутск с охотским побережьем. Его конечная точка – порт Аян – являлся в рассматриваемый период одним из важнейших центров снабжения Якутии чаем. Роль последнего в жизнедеятельности населения региона и важность в этой связи «ресурсов холода» отметил командированный в 1894 г. для обследования состояния Аянского тракта дорожный техник П. Сикорский. Специалист сообщил о значительно большей удобности преодоления в зимнее, а не летнее время главного препятствия на пути путешественников – Джугджурского перевала, а также о сроках движения чайных обозов: они отправлялись из Аяна именно с наступлением холодов – в конце октября или начале ноября – и достигали Нелькана через 20 дней – месяц (ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 127. Л. 17–18). Характеризуя же значение чая в жизни якутян, П. Сикорский назвал его «предметом первой необходимости, как хлеб и соль в одаренных частях Российской империи» (ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 127. Л. 23–23об.). Действительно, чай в ту пору являлся не только напитком, но и фактически едой (похлебкой, сдобренной молоком) для значительной части населения Якутии, и возможность его доставки в зимнее время со складов имевшего в ту пору статус «Порто-Франко» Аяна значительно удешевляло его конечную стоимость и делало доступным для широких слоев в целом далеко не богатого якутского общества.

Значение «ресурсов холода» в системе питания населения Якутии в рассматриваемый период не исчерпывается расширением возможностей доставки продовольственных товаров. Так, огромную роль в приготовлении целого ряда блюд традиционной кухни народов региона играло замораживание.

В этом плане наиболее показательным представляется блюдо «тар», которое было названо проводившим исследование в Якутии в первой четверти XX в. Н.П. Поповым «наиболее употребляемым якутами молочным продуктом» (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 104). Для его приготовления летом и осенью суорат (теплое кипяченое молоко с закваской) прокисал в деревянных бочках, так что с течением времени на нем образовывался большой слой плесени. Плесень собиралась черпалками, а более густая скиснувшая масса замораживалась. В некоторых хозяйствах тар замораживался в особых посудах, сделанных из снега или навоза, облитого изнутри водой. Вода на морозе моментально замерзала и образовывала своего рода защитный слой. Замороженный тар хранился около жилища в виде громадных молочных глыб от 5 до 8 пудов весом на открытом воздухе без какого-либо прикрытия. Как отмечал по этому поводу Н.П. Попов, воровства в Якутии в тех районах, где не было уголовных ссыльных, почти не существовало, а собаки, «напуганные страшной кислотой тара», к нему не притрагивались (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 180). Специалист по истории питания якутов А.А. Саввин приводит сведения, согласно которым неиспользованные за зиму глыбы тара накрывались перед наступлением оттепели стогом сена и благополучно сохранялись до следующей зимы (Саввин, 2005: 101). Помимо своей самостоятельной роли, тар также являлся ключевым ингредиентом различных каш и напитков (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 182).

Значение тара в зимний период, когда сделанные летом запасы продовольствия подходили к концу и выбор возможных блюд оказывался резко ограничен, позволило Н.П. Попову назвать его «хлебом насущным» для якутов. При этом исследователь отметил, что были нередки случаи, когда якутское семейство целую зиму «сидело на одном таре» (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 182).

Вместе с тем уже в рассматриваемый период происходила постепенная утрата позиций тара в жизни населения Якутии. Так, подобное явление отмечал в начале XX в. А.И. Попов, который связывал его с усилением влияния русской кулинарной моды на гастрономические предпочтения местных жителей (вспомним слова П. Сикорского), а также распространением мнения о предосудительности употребления тара (Сокольников, 1913: 15). Последний факт А.А. Саввин объяснил деятельностью высшего православного духовенства, представители которого якобы считали этот продукт «грязным» из-за сопровождавшей процесс его приготовления обильной плесени, а также стремлением служителей культа к распространению в Якутии, наряду с православием, земледельческой культуры (Саввин, 2005: 100–101).

Другим популярным блюдом рубежа XIX–XX вв., для приготовления которого было необходимо использование «ресурсов холода», является небезызвестная строганина. Употребление ее представителями аборигенных этносов Якутии в пищу достаточно подробно охарактеризовал в своей монографии 1896 г. В.Л. Серошевский: «одним из любимых и действительно очень вкусных и

здоровых блюд считается ... «строганина» – мерзлая, изрезанная в ломтики рыба. Строганину подают обыкновенно к чаю... Нужно, чтобы рыба промерзла до очень низкой температуры, не меньше 40 гр., иначе она окажется дряблой и водянистой» (Серошевский, 1896: 321).

Один из пионеров якутоведения точно уловил и передал ключевой момент, необходимый для оптимального приготовления строганины: выловленная рыба должна практически мгновенно промерзнуть, что, естественно, было тогда возможно только в условиях очень холодных зим.

Если строганина в рассматриваемый период уже получила широкое распространение в кухне всех аборигенных этнических сообществ Якутии, в частности А.И. Суханов отметил, что она «пользуется большим почетом» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 553. Л. 50), включая русских старожилов, то остальные блюда, как правило, были достаточно четко дифференцированы по отмеченным выше особенностям хозяйственных комплексов коренных народов. Однако объединяла их активная эксплуатация в кулинарии «ресурсов холода».

Так, у скотоводов и коневодов якутов, помимо тара, заморозка использовалась для приготовления других молочных продуктов и, конечно же, при обработке мяса. В частности, значительную популярность имел мясной «аналог» строганины – нарезанная жеребятина или, в крайнем случае, конина (Николаев-Сомоготто, 2009: 77). Достаточно активно употреблялась также замороженная сырой рубленая печень лошади. При этом данное блюдо считалось еще и лечебным. Например, замороженную печень давали потерявшим много крови роженицам, раненым или просто истощенным и ослабленным (Николаев-Сомоготто, 2009: 75). Кроме того, в замороженном виде употреблялись конское сало и головной мозг, а также смесь мерзлых сала, хряща и мяса (Николаев-Сомоготто, 2009: 79).

Юкагиры и чукчи, в свою очередь, использовали «ресурсы холода» при приготовлении мелко нарезанного сырого мяса оленя (Иохельсон, 2005: 589). Кроме того, у чукчей в рассматриваемый период было распространено блюдо пререм – нарезанная и отваренная задняя часть оленя, которую затем после ряда процедур замораживали и употребляли в мороженом виде (Народы, 2010: 540).

Приведенный выше далеко не полный перечень блюд, при приготовлении которых применялась заморозка, как представляется, служит достаточной иллюстрацией важности «ресурсов холода» в системе питания населения Якутии рубежа XIX–XX вв. Однако не менее серьезное значение они играли и в хранении продовольствия. Широко известно, что практически вся территория региона находится в зоне распространения «вечной» мерзлоты. Этот системообразующий для всей жизнедеятельности Якутии фактор также можно отнести к «ресурсам холода», однако, учитывая направленность и ограниченность рамок данной работы, он будет рассматриваться исключительно с точки зрения возможностей естественной консервации продуктов.

К сожалению, изучение выявленных исторических источников не позволяет точно определить, в какой именно исторический период в Якутии широкое распространение получили вырытые в земле для хранения продуктов питания сооружения, имеющие два одинаково популярных в регионе названия – ледники или погреба, а также от кого исходила первоначальная инициатива их создания. Опрошенные информанты в основном склоняются к тому, что это были русские поселенцы (ПМА). Вместе с тем косвенно о том, что подобные сооружения в каком-либо виде существовали до прихода русских, говорит наличие в якутском языке оригинального, а не заимствованного слова, обозначающего подобные конструкции – «булуус». Однако, видимо, именно русским принадлежит «пальма первенства» в строительстве под своими амбарами двух- или трехъярусных погребов, в нижнем ярусе которого круглогодично можно было хранить замороженные продукты.

С уверенностью можно лишь утверждать, что подобные сооружения в начале XX в. в Якутии существовали и пользовались успехом. Так, проводивший в 1920-е гг. исследования среди русских старожилов арктического побережья Якутии Д.Д. Травин писал следующее: «При каждом хозяйстве есть более или менее хороший погреб для хранения рыбы и мяса. Погреба копают в мерзлоте, выбирая места со льдом без земли. Лед этот темнее и крепче речного, иногда идет сплошным слоем на неизвестную глубину... Для погреба в почве делается яма («творило»), а лед вырубается и выбрасывается через него. От «творила» идет вниз лестница, сделанная из бревна с зарубками для ноги. «Творило» заложено дощечками и прикрыто шкурой. Над погребом делается постройка, близкая по типу к «холомо» (коническое жилище северных якутов – А.С.), но с закрытым верхним отверстием и дощатой дверью» (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 171. Л. 374–375).

Конечно же, как и в случае с путями сообщения, такую идиллическую картину нельзя автоматически распространять на всю территорию Якутии. На севере региона, где проводил исследования Д.Д. Травин, широкое распространение имеет ископаемый лед, строить в котором погреба значительно быстрее и менее ресурсоемко, чем прорубать ямы в толще «вечной» мерзлоты. В результате, например, упоминавшийся ранее А.И. Суханов, будучи в Олекминске, находящемся на юге Якутии, отметил недостаточность хороших погребов, из-за чего «припасы скоро портились» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 553. Д. 80. Л. 68).

Однако мобилизованный источниковый материал позволяет сделать вывод, что подобные факты все же были в рассматриваемый период скорее исключением, чем нормой. В частности, оставивший подробные записи о своем пребывании в ссылке в Якутии в 80–90 гг. XIX в. В.Е. Горинович сообщал об увиденных им погребках как абсолютной норме. Кроме того, он

зафиксировал и некоторые виды продовольствия, хранившиеся в криолитозоне: ягоды, дичь, масло, другие молочные продукты, а также караси, которые были вытасканы на его глазах из подвала летом и покрыты коркой льда (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 104–106).

Наряду с погребами, как и в случае с таром, использовалось и хранение продуктов в зимний период непосредственно на улице. Не случайно забивать нагулявшийся за лето скот у якутов было принято с наступлением заморозков – в октябре или начале ноября (Саввин, 2005: 137). Туши убитых животных до апреля или мая могли находиться в сохранности на улице (естественно, с защитой от хищников), а затем спускаться в погреба.

В результате полевых исследований, проведенных автором данной статьи летом 2017 г. в Хангаласском районе Якутии, был собран материал, дополняющий картину практик эксплуатации «ресурсов холода» в целях хранения продуктов питания в начале XX в. Именно в это время в окрестностях села Кытыл-Дюра местный житель С.М. Емельянов открыл и стал использовать в хозяйственных целях природный феномен – выдуваемые из близлежащей сопки потоки холодного воздуха. К ее северо-восточному склону он пристроил небольшой амбар с таким расчетом, чтобы в него поступали выдуваемые потоки. Вскоре этот, не требующий больших затрат опыт позаимствовали и другие жители села, сооружая амбары и храня в них продовольствие. По свидетельству опрошенных местных жителей, продукты питания могут без потери вкусовых качеств храниться в этих амбарах не менее 5 лет. Следует отметить, что температура воздуха в них такова, что в конце августа двери амбаров снаружи были покрыты льдом (ПМА).

При этом значение подобных «ресурсов холода» в хранении продуктов питания в рассматриваемый период было значительно сильнее, чем сейчас, не только из-за последующего технологического развития и широкого распространения морозильной техники, но и по причине того, что ранее якуты не использовали в качестве консерванта соль. В этом плане в их арсенале было лишь два основных инструмента: замораживание и квашение. Сочетание этих способов особенно хорошо иллюстрирует «калимса» – сквашенная летом в ямах рыба, которая затем складывалась в четырехугольные связки примерно в 2,5 пуда весом и замораживалась (Серошевский, 1896: 321). По свидетельству Э.К. Пекарского, калимса насчитывала, как правило, 250 штук рыб, которые обливались водой и плотно смораживались, образуя четырехугольные глыбы (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 194–195).

В погребах, наряду с запасами продовольствия, зачастую хранился и специально заготовленный лед. Где-то он мог играть роль аккумуляторов холода, но чаще всего предназначался для последующего употребления в качестве питьевой воды. Примечательно, что по наблюдениям упоминавшегося ранее В.Е. Гориновича всплеск подобной практики произошел именно в рассматриваемый период: «русские, а за ними кое-где и якуты стали запасать куски льда, которые приходится таять каждый раз перед употреблением» (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 231). Основной причиной, побуждавшей людей использовать для питья лед, является та же, что движет селянами и в наши дни – низкое качество воды во многих реках и озерах Якутии (водопровод в подавляющем большинстве сел республики по-прежнему остается несбыточной мечтой). Не случайно работавший в начале XX в. в Якутии врач А.И. Попов связывал широкое распространение среди якутов глистной инвазии именно с качеством употребляемой ими для питья воды (Сокольников, 1913: 18–19). В этой связи показательны данные Н.П. Попова: «Якуты держат иногда воду летом в погребах в виде замороженных глыб, от которых откалывают кусочки нужной величины для растапливания на питье. Делают так, потому что летом вода в некоторых реках и в особенности озерах страшно загрязнена. Якуты, живущие по берегам промерзающих на зиму озер, запасаются водой, которую держат у себя или около юрт или около амбаров в виде больших ледяных глыб, в которые вморожены большие крючковатые палки. На такие палки удобно надевать ледяную глыбу над тазом, когда хотят получить из нее воду» (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 105–106). Проведенный опрос информантов позволил установить, что в рассматриваемый период, наряду со льдом, якуты использовали для питья также и талый снег (ПМА).

Употреблением талых льда и снега санитарно-гигиеническая роль «ресурсов холода» не исчерпывается.

Так, одной из причин установленного одним из первых исследователей народной медицины якутов В.Е. Гориновичем сравнительно крепкого здоровья якутов были «здоровый климат и стерильность воздуха» (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 58. Л. 44). Следует отметить, что мнение о благоприятном воздействии якутских морозов на состояние здоровья и купировании ими развития эпидемий имеет широкое распространение среди опрошенных автором в ходе полевых исследований респондентов (ПМА). Известно, впрочем, что в рассматриваемый период эпидемии в Якутии все же были и при этом достаточно опустошительные (не удивительный факт с учетом того, что на всю огромную территорию региона в конце XIX в. приходилось 10 врачей, из которых 6 находились в Якутске (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 640. Л. 91). Например, по данным В.Г. Богораза, эпидемия оспы 1884–1885 г. истребила более трети жителей Нижнеколымска, а некоторые окрестные населенные пункты опустели полностью (Богораз: 1899: 118–119). Об этом же свидетельствовал и И. Шкловский, по данным которого от этой эпидемии в Колымском округе погибло 28 % населения. Вместе с тем тот же И. Шкловский отметил, что в низовьях Колымы почти не осталось свободных погребов, т.к. все

они были забиты телами умерших, которых складывали в них за недостатком могил: «погребя вырыты в вечномерзлой почве, поэтому гниения нечего опасаться» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 640. Л. 95). Таким образом, подобная практика массового захоронения в целях предотвращения распространения смертельной болезни является объективным подтверждением практик эксплуатации «ресурсов холода» в санитарных целях.

Говоря о стерильности воздуха в Якутии в зимний период, нельзя не упомянуть и о таком факте, как чистота местности. В этой связи примечательны записи А.И. Суханова, зафиксировавшего рассказ жительницы Среднеколымска (этот населенный пункт хотя и являлся формально городом, однако фактически мало чем отличался от села): «... Летом у нас такая грязь, что не приведи Господи ходить пешком, только охлюпаешься; ездить, сами Вы видите, и экипажей нет, и местность не позволяет; к тому же от сырости поднимается такая блажь комаров, что в комнате сидеть нельзя, не говорю уже об улице...» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 553. Д. 54–54об.). Иная ситуация была зимой: отсутствие насекомых и полностью покрытые снегом и оттого чистые и ровные дороги.

Холод в рассматриваемый период применялся и в народной медицине якутов. В частности, автор «Заметок о якутах» Соловьев сообщил об увиденном им способе терапии в случае несварения желудка у ребенка: его клали над погребом, «чтобы он охладился» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. 583. Д. 24. Л. 5). Хотя автор записей отнесся к подобному методу крайне скептически, тем не менее само отношение к холоду представляется достаточно показательным.

Исследователи отмечали также использование в народной медицине якутов прикладываемых в случае головной боли к голове мерзлого лошадиного кала и вымороженной серебряной палочки при проведении операции на глазах (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 58. Л. 53–54).

Кроме того, во время полевых исследований было выявлено, что в рассматриваемый период в целях дезинфекции жилых помещений от насекомых представители сельских сообществ Якутии активно прибегали к вымораживанию своих домов в наиболее холодные зимние месяцы (ПМА). И.П. Сойкконен же в своей работе «Зимний день якутской женщины» упоминает, что вымораживанию подвергались и белье, вывешиваемое в этих целях на ночь на улицу (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 6).

Существовали и более частные аспекты применения «ресурсов холода», свидетельства о которых, очевидно, в массе своей утрачены. Например, по наблюдениям еще одного бывшего народника С.Ф. Ковалика, отбывавшего ссылку в Верхоянье, местные жители употребляли свежий навоз для ремонта саней. После нанесения навоз смерзался с проблемной деталью и «скреплял расшатанное место» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 624. Л. 14об.). Кроме того, зимой по образовавшемуся снежному насту было принято скатывать в села с окрестных сопкок заготовленную древесину для будущего строительства и пополнять запасы дров (ПМА).

5. Заключение

Таким образом, представленные данные свидетельствуют о том, что во второй половине XIX – начале XX вв. «ресурсы холода» занимали важное место в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии. Их использование осуществлялось по широкому спектру направлений и являлось важным механизмом адаптации к специфическим природно-географическим условиям региона. Показанная в работе картина фактически просуществовала с минимальными изменениями вплоть до начала масштабной советской модернизации. Уже в 1920-е гг. были отмечены первые попытки поставить эксплуатацию «ресурсов холода» на научные рельсы. Реализация же политики коллективизации и поселкования, приведшая к созданию новых населенных пунктов и переселению в них семей якутов из аласов, а также «оседания» представителей коренных малочисленных народов Севера, в отношении практик эксплуатации «ресурсов холода» фактически форсировала развитие тех тенденций, которые достаточно четко наблюдались уже в рассмотренный в статье период. Так, наметившееся снижение роли «ресурсов холода» в приготовлении продуктов питания получило существенный импульс ввиду значительно меньшей автаркичности хозяйств в условиях крупных поселений, их большей зависимости от привозной продукции (продовольственные товары, топливо и т.д.). Этот же факт, естественно, обусловил дальнейшее укрепление позиций «ресурсов холода» в транспортной системе Якутии. Создание коллективных хозяйств и их последующее объединение в совхозы, практически в каждом из которых сооружался многотонный ледник, привели также к увеличению значения продолжительных якутских зим в хранении сельскохозяйственной продукции и корма для животных. Важное место «ресурсы холода» в жизнедеятельности сельских сообществ Якутии сохраняют и в наши дни, даже с учетом технологического развития.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РНФ. Проект № 17-78-10097 «Ресурсы холода»: значение низких температур в хозяйственных и социокультурных практиках сельских сообществ Якутии».

Литература

АЯНЦ СО РАН – Архив Якутского научного центра СО РАН.

Богораз, 1899 – Богораз В.Г. Русские на реке Колыме // Жизнь. 1899. № 6.

- Богораз, 1934** – Богораз В.Г. Чукчи. Л., 1934. Т. 1. 194 с.
- ГАИО** – Государственный архив Иркутской области.
- Гурвич, 1950** – Гурвич И.С. Оленекские и анабарские якуты. Историко-этнографический очерк // Краткие сообщения ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. 1950. Вып. 11. С. 100–106.
- Зензинов, 1914** – Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. Русское устье Якутской области Верхоянского округа. 2-е изд. М., 1914. 133 с.
- Зыков, 1986** – Зыков Ф.М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. Новосибирск, 1986. 99 с.
- Иохельсон, 2005** – Иохельсон В.И. Юагиры и юагиризированные тунгусы. Новосибирск, 2005. 675 с.
- Майнов, 1912** – Майнов И.И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб, 1912. 386 с.
- Мельников, 2018** – Мельников В.П., Федоров Р.Ю. Роль природных криогенных ресурсов в традиционных системах жизнеобеспечения народов Сибири и Дальнего Востока // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 426. С. 133–141.
- Народы, 2010** – Народы Северо-Востока Сибири / Отв. ред. Е.П. Батянова, В.А. Тураев. М., 2010. 773 с.
- Николаев-Сомоготто, 2009** – Николаев-Сомоготто С.И. Пища якутов (в свете соседних культур). Якутск, 2009. 168 с.
- НА МАЭ РАН** – Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
- ПМА** – Полевые материалы автора. Исследования в населенных пунктах Хангаласского, Мегино-Кангаласского и Амгинского районов Якутии (2017–2018 гг.)
- ПФА РАН** – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.
- Никифорова, 2015** – Никифорова В.С., Романова Е.Н. Зимние сакральные практики: ночные сказывания Олонхо // *Лаборатория комплексных геокультурных исследований Арктики. Дорожный проект*. Якутск, 2015. С. 16–18.
- Отчет, 1907** – Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 году Колымского и Охотского края мирового судьи С.А. Бутурлина. СПб, 1907. 152 с.
- Саввин, 2005** – Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). Якутск, 2005. 376 с.
- Серошевский, 1896** – Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. Т. I. Санкт-Петербург, 1896. 720 с.
- Сокольников, 1913** – Сокольников П.Н., Попов А.И., Говоров И.С. Жилище, одежда и пища якутов. Якутск, 1913. 21 с.
- Туголуков, 1979** – Туголуков В.А. Кто вы, юагиры? М., 1979. 152 с.
- Чикачев, 2007** – Чикачев А.Г. Русские в Арктике: полярный вариант культуры: историко-этнографические очерки. Новосибирск, 2007. 303 с.

References

- AYaNTs SO RAN** – Arhiv Yakutskogo nauchnogo tsentra SO RAN [Archive of the Yakutsk Scientific Center of the SB RAS].
- Bogoraz, 1899** – Bogoraz V.G. (1899). Russkie na reke Kolyime [Russian on the Kolyma River]. *Zhizn [Life]*. № 6. [in Russian]
- Bogoraz, 1934** – Bogoraz V.G. (1934). Chukchi [The Chukchi]. Leningrad. Vol. 1. 194 p. [in Russian]
- Chikachev, 2007** – Chikachev A.G. (2007). Russkie v Arktike: polyarnyy variant kultury: istoriko-etnograficheskie ocherki [Russians in the Arctic: a polar variant of culture: historical and ethnographic essays]. Novosibirsk. 303 p. [in Russian]
- GAIO** – Gosudarstvennyy arhiv Irkutskoy oblasti [State Archive of the Irkutsk Region].
- Gurvich, 1950** – Gurvich I.S. (1950). Olenekskie i anabarskie yakutyi. Istoriko-etnograficheskiy ocherk [Olenek and Anabar Yakuts. Historical and Ethnographic Sketch] *Kratkie soobscheniya in-ta etnografii im. N.N. Mikluho-Maklaya* [Brief Communications of the N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography]. Issue. 11, pp. 100–106. [in Russian]
- Iohelson, 2005** – Iohelson V.I. (2005). Yukagiryi i yukagirizirovannyye tungusy [Yukaghirs and Yukagirized Tungus]. Novosibirsk. 675 p. [in Russian]
- Maynov, 1912** – Maynov I.I. (1912). Russkie kretyane i osedlyie inorodtsy Yakutskoy oblasti [Russian peasants and sedentary aliens of the Yakut region]. St. Petersburg. 386 p. [in Russian]
- Melnikov, 2018** – Melnikov V.P., Fedorov R.Yu. (2018). Rol prirodnykh kriogennykh resursov v traditsionnykh sistemah zhizneobespecheniya narodov Sibiri i Dalnego Vostoka [The role of natural cryogenic resources in traditional life support systems for the peoples of Siberia and the Far East]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. № 426, pp. 133–141. [in Russian]

NA MAE RAN – Nauchnyiy arhiv Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN [Peter the Great Scientific Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS].

Narodyi, 2010 – Narodyi Severo-Vostoka Sibiri (2010) [Peoples of the North-East of Siberia]. Ed. by E.P. Batyanova, V.A. Turaev. Moscow. 773 p. [in Russian]

Nikiforova, 2015 – *Nikiforova V.S., Romanova E.N.* (2015). Zimnie sakralnyie praktiki: nochnyie skazyvaniya Olonho [Winter sacred practices: nighttime tales of Olonkho]. *Laboratoriya kompleksnyih geokulturnyih issledovaniy Arktiki. Dorozhnyiy proekt* [Laboratory of complex geocultural studies of the Arctic. Road project]. Yakutsk. pp. 16–18. [in Russian]

Nikolaev-Somogotto, 2009 – *Nikolaev-Somogotto S.I.* (2009). Pischa yakutov (v svete sosednih kultur) [Food of the Yakuts (in the light of neighboring cultures)]. Yakutsk. 168 p. [in Russian]

Otchet, 1907 – Otchet upolnomochennogo Ministerstva vnutrennih del po snabzheniyu prodovolstviem v 1905 godu Kolyimskogo i Ohotskogo kraya mirovogo sudi S.A. Buturlina (1907) [Report of S.A. Buturlin – the Ministry of Internal Affairs authorized to supply food in 1905 to the Kolyma and Okhotsk Territories of Magistrate]. St. Petersburg. 152 p. [in Russian]

PFA RAN – Sankt-Peterburgskiy filial Arhiva Rossiyskoy akademii nauk [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences].

PMA – Polevyie materialyi avtora. Issledovaniya v naseleennyih punktah Hangalasskogo, Megino-Kangalasskogo i Amginskogo rayonov Yakutii (2017–2018 gg.) [Field materials of the author. Research in the settlements of the Khangalassky, Megino-Kangalassky and Amginsky districts of Yakutia (2017–2018)].

Savvin, 2005 – *Savvin A.A.* (2005). Pischa yakutov do razvitiya zemledeliya (opyit istoriko-etnograficheskoy monografii) [The food of the Yakuts before the development of agriculture (the experience of the historical ethnographic monograph)]. Yakutsk. 376 p. [in Russian]

Seroshevskiy, 1896 – *Seroshevskiy V.L.* (1896). Yakutyi: opyt etnograficheskogo issledovaniya [Yakuts: the experience of ethnographic research]. Vol. I. St. Petersburg. 720 p. [in Russian]

Sokolnikov, 1913 – *Sokolnikov P.N. Popov A.I., Govorov I.S.* (1913). Zhilische, odezhda i pischa yakutov [Dwelling, clothes and food of the Yakuts]. Yakutsk. 21 p. [in Russian]

Tugolukov, 1979 – *Tugolukov V.A.* (1979). Kto vyi, yukagiryi? [Who are you, the Yukaghirs?]. Moscow. 152 p. [in Russian]

Zenzinov, 1914 – *Zenzinov V.M.* (1914). Starinnyie lyudi u holodnogo okeana. Russkoe uste Yakutskoy oblasti Verhoyanskogo okruga [Ancient people at the cold ocean. Russian Ustye of Yakutsk region of Verkhoyansk district]. Moscow. 133 p. [in Russian]

Zyikov, 1986 – *Zyikov F.M.* (1986). Poseleniya, zhilische i hozyaystvennyie postroyki yakutov XIX – nachala XX v. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Settlements, dwellings and outbuildings of the Yakuts of XIX – early XX c. Historical and ethnographic research.]. Novosibirsk. 99 p. [in Russian]

«Ресурсы холода» в хозяйственных и социокультурных практиках сельских сообществ Якутии. Вторая половина XIX – начало XX вв.

Александр Альбертович Сулейманов ^{a, *}

^a Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье предпринята попытка реконструкции истории эксплуатации в хозяйственных и социокультурных практиках сельских сообществ Якутии дополнительных возможностей, предоставляемых наличием в регионе продолжительного периода устойчивых низких температур – «ресурсов холода». Выбранные хронологические рамки, с одной стороны, позволяют воссоздать роль «ресурсов холода» в традиционной системе жизнеобеспечения сельских сообществ до начала советской модернизации, с другой – опереться на достаточно репрезентативный массив источниковых данных.

В рамках проведенной реконструкции были выделены три основных направления использования «ресурсов холода».

Значительное место они занимали в обеспечении транспортных связей на обширных пространствах Якутии. В частности, проведенная работа позволила установить, что все три существовавших в начале XX в. пути снабжения Колымского региона Якутии опирались на возможности, которые предоставляло наличие продолжительного периода устойчивых низких температур.

Огромное значение «ресурсы холода» занимали также в системе питания. Возможность круглогодичного хранения продуктов в специальных ледниках, использования глубокой заморозки

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexas1306@gmail.com (А.А. Сулейманов)

при их приготовлении, а также транспортировки скоропортящейся пищи играла в жизнедеятельности населения Якутии определяющую роль, не только повышая вариативность блюд, но и зачастую спасая от голода.

Кроме того, показано санитарно-гигиеническое значение «ресурсов холода»: употребление талой воды, дезинфекция жилых помещений и белья, средства народной медицины являлись одними из инструментов повышения качества жизни представителей сельских сообществ Якутии в течение второй половины XIX – начале XX вв.

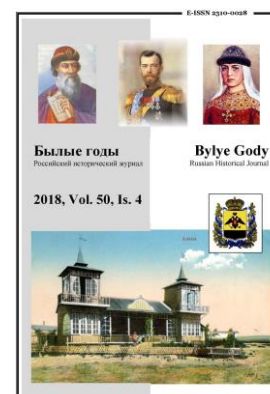
Ключевые слова: Якутия, холод, «вечная» мерзлота, традиционное хозяйство, коренные народы, сельское население.

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1612-1624. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1612
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Formation of the System of School Education of the Kazakh Society of Central Kazakhstan in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries

Bakhytgul T. Tuleuova ^{a, *}, Lyzzat K. Shotbakova ^a, Gulnara M. Smagulova ^a

^a E.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan

Abstract

The article considers the formation and development of the system of school education in the Kazakh steppe in the context of the educational policy of the Russian Empire in the second half of the XIX and beginning of the XX centuries. Based on archival materials, various documents and scientific literature, the stages of formation and development of the school system of the Kazakh population are analyzed. The process of formation of the educational system is considered by the example of a nomadic society Akmola and Semipalatinsk regions, which constitute today the territory of Central Kazakhstan. Detailed in-depth analysis of archival data and documentary materials makes it possible to say that the formation of school education was complex, including various forms of organizing the education of Kazakh children, such as boarding schools, gymnasiums, Russian-Kazakh schools, and aul schools. The ultimate goal of the educational policy of the Russian Empire in the Kazakh steppe was, on the one hand, the commitment to bring out Kazakh children from the influence of Muslim ideology, on the other hand, the upbringing in Kazakh children a love for the Russian Empire as their homeland. In addition, educating of Kazakh children has of a purely pragmatic nature, since one of the goals of creating schools for Kazakh children was to train personnel for the administrative structures of the Russian Empire.

Keywords: educational policy, Kazakh society, Central Kazakhstan, Russian-Kazakh schools, aul (village) schools.

1. Введение

Во второй половине XIX – начале XX вв. в результате колониально-континентальной интеграции Казахстана в состав Российской империи в политическом, социально-экономическом и культурном развитии региона произошли серьезные изменения. Составной частью интеграционных устремлений Российской империи в отношении ее окраин, в том числе и Казахской степи, являлась образовательная политика. Ее главными задачами были обеспечение идеологического контроля со стороны российского правительства над развитой, укорененной в национальных традициях казахского этноса мусульманской школой (Стурова, 2014: 69), а также проведение активной политики русификации казахского населения, тесно связанной с процессом седентаризации. Так, в конце XIX века официальные власти отмечали, что «доколе киргизы будут совершать в пустынных пространствах степей огромные орбиты своих кочевков вдали от русского населения, они останутся верноподданными лишь по названию и будут числиться русскими лишь по переписям» (Остафьев, 1895: 6–7). С ними соглашается автор статьи «Переселенческие вопросы» в газете «Московские ведомости», который отмечает, что «в обрусении инородцев, приселении к ним русских крестьян состоит одно из вернейших орудий нашего национального дела... Совершенно немислимо оставлять киргизскую степь пустыней и этнографически нерусской территорией. Русская колонизация является здесь лучшим средством для развития земледелия, торговли и промышленности и единственным

* Corresponding author

E-mail addresses: b_t_tuleuova@mail.ru (B.T. Tuleuova), shotbakovazz@mail.ru (L.K. Shotbakova), gylnara2005@mail.ru (G.M. Smagulova)

средством обрусения киргизов... Русский мужик, русский рабочий здесь нужен государству еще больше, чем русский солдат и чиновник» ([Переселенческие вопросы...](#), 1892: 556).

Важную роль в решении вопроса мирного включения традиционного казахского общества в российское социокультурное пространство сыграла школьная система. В связи с этим генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман, придавая большое значение созданию русских-иногородческих школ, подчеркивал: «Только народное образование способно завоевать край духовно: ни оружие, ни законодательство не могут сделать этого, а школа и только школа может» ([К истории народного, 1899: 54–55](#)).

Еще одна из проблем, с которой столкнулась российская администрация в Казахской степи, это сильное мусульманско-татарское влияние. «В степи уже слышится татарская речь, перенимается татарский покррой платья и вводятся татарские обычаи... Появляясь среди киргизов в качестве мулл или под видом мелких торговцев, татары при первой возможности открывают мектебы (мусульманские школы), малочисленные по своему составу, но весьма многочисленные по количеству» ([Алекторов, 1905: 153](#)). Поэтому «только путем последовательного проведения начал образования, путем упорных методических усилий в этом направлении можно достигнуть того, что киргизы со временем с доверием отнесутся к русской школе, единственному источнику просвещения среди мусульманских народов России» ([Алекторов, 1905: 154](#)).

Центральный Казахстан, который во второй половине XIX – начала XX веков располагался на территории южных волостей Акмолинского и Атбасарского уездов Акмолинской области и Каркаралинского уезда Семипалатинской области, несмотря на общие тенденции развития в условиях Российской империи, по своим физико-географическим, природным и почвенным условиям, особенностям хозяйственного развития, степени влияния переселенческой культуры сильно отличался от остальных регионов Казахской степи. При анализе распределения казахского населения Акмолинской области отмечалось, что в исследуемый период «на южные уезды области, то есть Акмолинский и Атбасарский, приходится более 1/2 всего числа кибиток, и на каждую кибитку – наибольшее число верст, а потому здесь, в удалении от оседло-русских пунктов, среди приволья степного пространства, киргизы сохранили еще в неприкосновенности свою самобытность» ([Народное образование...](#), 1909: 99–100). В Семипалатинской области в Каркаралинском уезде, по данным переписи 1897 года, казахское население составляло 98,8 % от общей численности населения, а в 1907 году, несмотря на увеличение числа переселенческого населения, казахи были представлены 97,2 % ([ИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 3. Л. 5, 6](#)).

Поэтому российские исследователи конца XIX – начала XX веков в своих работах этот регион рассматривали несколько обособленно, называя его исключительно «кочевыми волостями» ([Тулеуова, 2012: 7](#)). Основным занятием местных жителей, большинство которых даже в начале XX века составляли казахи, являлось традиционное кочевое скотоводство. Земель же пригодных для развития хлебопашества в Центральном Казахстане было сравнительно меньше, чем пастбищ. Земледельческая культура могла развиваться здесь при условии создания ирригационных сооружений и орошения посевных угодий. В силу неблагоприятных природно-климатических условий для развития земледельческой культуры данный регион был малопривлекательным для крестьянского населения, поэтому массового переселения оседлого населения в этот регион не наблюдалось. Если в других уездах образовывалась целая система постоянных поселений переселенцев, то в Каркаралинском уезде, а также в южных волостях Акмолинского и Атбасарского уездов русское население было вкраплено отдельными поселками. Как видно, замысел российской администрации по постепенному приобщению кочевому социуму Акмолинской и Семипалатинской областей к русской культуре через общение с переселенческим населением встретило серьезные препятствия. Таким образом, в данной статье рассматривается процесс формирования системы просвещения кочевого общества Акмолинской и Семипалатинской областей в разрезе образовательной политики Российской империи, анализируется деятельность представителей просвещения, участие самого казахского общества в данном процессе.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили документы архивных фондов Центрального государственного архива Республики Казахстана (ЦГА РК) и Исторического архива Омской области Российской Федерации (ИАОО РФ), публикации проводников образовательной политики Российского государства, представителей казахской интеллигенции, размещенных в материалах периодической печати конца XIX – начала XX веков.

В качестве методологической основы исследования был избран системный подход, а также принципы историзма и объективности. Это позволило проанализировать и осмыслить характер образовательной политики Российской империи в отношении ее национальных окраин, участия казахского населения в создании образовательной сети в регионе. Системный подход также дает возможность рассматривать в комплексе вопросы воздействия внешних факторов на развитие образования и просвещения как в целом по Казахстану во второй половине XIX – начале XX веков, так и на территории Семипалатинской и Акмолинской областей в данный период, выявить особенности школ региона.

3. Обсуждение

Впервые тема просвещения казахского общества в рамках образовательной политики Российской империи нашла свое отражение в трудах представителей российской педагогической мысли второй половины XIX века – Н.И. Ильминского, В.В. Григорьева, В.В. Катаринского. По мнению одного из главных создателей миссионерско-просветительских учреждений России Н.И. Ильминского, «лучшим средством для борьбы с иноверческой пропагандой может быть только школьное просвещение инородцев», «которое развило бы в них охоту к самостоятельному, беспристрастному размышлению, обогатило бы их здоровыми понятиями о природе и истории и внушило бы уважение к свидетельствам достоверным» (Зеленин, 1902: 10).

Относительно просвещения казахов в начале своего педагогического пути Н.И. Ильминский считал, что «киргизов и сартов вовсе не следовало бы привлекать и допускать в гимназию» (Ильминский, 1895: 74). Однако служба в Оренбургской пограничной комиссии в качестве младшего переводчика с 1858 по 1861 годы, знакомство с ярким представителем казахской просветительской мысли Ибраем Алтынсариным изменило отношение Н.И. Ильминского к вопросу просвещения казахов. В своем письме редактору «Современных известий» Н.П. Гилярову-Платонову в 1868 г. он писал: «Судьба меня занесла в кочевья киргизов, народа кочевого, следовательно, по-нашему полудикого, стоящего на самой низкой степени гражданственности. Грамотный киргиз – редкость, но за всем тем я с изумлением замечал в них хороших говорунов и импровизаторов» (Ильминский, 1900: 7). Очутившись в новом крае, он, помимо своих служебных обязанностей, активно начинает изучать казахский язык, составляет самоучитель русского языка для инородцев и т.д.

Важной особенностью педагогических взглядов Н.И. Ильминского относительно просвещения инородческого населения, в том числе и казахского, было мнение о том, что обучение должно осуществляться на их родном языке, а учитель должен быть выходцем из местной среды, знающим русскую грамоту и обладающим необходимыми профессиональными качествами.

С идеями Н.И. Ильминского соглашался сибирский публицист Н.М. Ядринцев, который считал, что для инородческих племен, стремящихся сохранять свою культуру, язык и верования, важно обучение на их природном языке и перевод учебников на родной язык (Ядринцев, 1891: 239). Он отмечал, что «просвещение на инородческом языке и знакомство с наукой не только не оттолкнет образованного инородца от русского языка и национальности, но более сблизит с ним, так как развернувшаяся любознательность заставит его познакомиться не только с жизнью русского просвещенного мира, но и европейского». В качестве подтверждения этих слов можно привести пример жизни и деятельности представителей формирующейся в этот период казахской национальной интеллигенции в лице Чокана Валиханова, Алихана Букейханова, Ахмета Байтурсынова, Ибрая Алтынсарина и др.

Более того, по мнению публициста, целью образования и просвещения инородцев должно стать формирование национального самосознания через внушение любви к своему народу, к судьбе его, а не стремление оттолкнуть его от прежней семьи. «Дайте ему прежде описание его жизни, его кочевья, описание его племени, его нравов и его историю, пусть он увидит описанным самого себя и то, что ближе ему, пусть он узнает, что его племя совершило и что ему следует узнать. Вам нужно, чтобы инородец начал понимать те идеи о будущем, какие волнуют образованного европейского человека, дайте ему наперед представление о его племени» (Ядринцев, 1891: 241).

Подобные мысли высказывал и П. Остроумов (ученик Н.И. Ильминского), который вполне определенно и с опасением замечал, что научное образование мусульман «бессильно, при известных обстоятельствах, заглушить в людях национальное чувство», более того, «национальное самосознание от образования даже еще проясняется и получает большую устойчивость» (Гафаров, Бродовская, Буравлева, 2012: 172).

Негативные стороны образовательной политики российской администрации в Казахстане отмечал в своих трудах В.В. Бартольд. По его мнению, успехи русской школы и культуры в кочевом обществе тормозились опасением дать определенный уровень образования местному населению на его родном языке, что в конечном итоге открывало бы ему путь к дальнейшему развитию собственной письменной литературы и изучению своего духовного наследия. Это нанесло бы ущерб активной русификаторской политике Российской империи (Бартольд, 1963: 342). Исходя из этого, если ранее в русско-казахских учебных заведениях в первые два года обучения предметы преподавались на казахском языке, то во второе десятилетие их существования властями твердо придерживался принцип обучения на русском языке.

История развития образования казахского общества нашла отражение в многочисленных трудах одного из активных проводников образовательной политики А.В. Алекторов. В своих статьях он неустанно говорил о важности планомерной и систематической работы среди местного населения, так как «от успешности первых школ зависит участь дальнейшего распространения. Очень много обстоятельств могут разрушить в корне все вновь воздвигаемое здание развития образования среди киргизов и надолго задержать движение этого народа вперед по пути русского просвещения. Неудачный выбор места, нелюбимый местным населением домохозяин, плохой, неуживчивый учитель, неподходящие учебники, неубедительное разъяснение цели учреждения школ и т.п. могут

испортить все дело и зарекомендовать школу среди киргизов с плохой стороны» (Алекторов, 1905: 174). Эти мысли он подтверждал своей практической деятельностью, лично объезжая отдаленные места казахской степи, беседуя и убеждая местное население.

Важную роль русско-казахских школ в деле просвещения кочевого социума также отмечали и представители казахской интеллигенции. По мнению И. Алтынсарина, счастье человека заключается в его знаниях, в его образованности. Он был уверен, что русско-казахские школы являются главными пружинами образования, в них сосредоточена будущность казахского народа, а воспитанники этих школ, представители кочевого социума, пропитанные духом науки и здравого взгляда на вещи, станут в будущем хорошим примером для своих соплеменников (Тужкова, Мачнева, 2012: 27).

Актуальность данного мнения подкрепляется точкой зрения и практической деятельностью представителей движения «Алаш» во главе с его политическим лидером А. Букейхановым, получивших прекрасное образование в ведущих российских образовательных учреждениях. Своей основной задачей казахская интеллигенция считала подъем национального самосознания, развитие языка и культуры. Алихан Букейханов в своей статье в газете «Казах» в 1913 году, отмечая важную роль образования и просвещения казахского народа, писал: «Каким будет наше будущее? История учит, что, когда пришлые в культурном отношении превосходят коренное население, происходит поглощение последних. Но если обе стороны в культурном отношении уравниваются друг друга, они могут развиваться, пользуясь при этом равными правами и сохраняя каждая свой национальный характер... Чтобы сохранить нашу автономию, мы должны со всех сил бороться за развитие образования и культуры... Мы должны, таким образом, развивать национальную литературу и язык. Мы никогда не должны забывать, что только тот народ, который сумел создать свою литературу на родном языке, имеет право на независимое существование» (Асылбеков, Сеитов, 2003: 78).

Ахмет Байтурсынов, казахский просветитель, также один из представителей движения «Алаш», размышляя в 1914 года на страницах газеты «Казах» о роли начальной школы в судьбе казахского народа, замечает, что в современном мире человек, не знающий письма, подобен глухому или безрукому. Но прежде чем рассуждать о подготовке в начальной школе будущих писарей, учителей, фельдшеров, адвокатов, судей, инженеров и агрономов, сначала необходимо говорить о наличии на высоком уровне владеющих казахской письменной грамотой (Казах газеті, 1998: 99–100). Именно начальная школа должна стать образовательным фундаментом для желающих учиться дальше.

В XX веке рассматриваемая проблема нашла свое отражение в работах ряда ученых (Галузо, 1935; Тажибаев, 1962; Сембаев, Храпченков, 1972; Храпченков, 1998; Шоинбаев, 1973; Артыкбаев, 1993), которые рассматривали ход образовательных процессов в Казахской степи в тесной взаимосвязи с колониальной политикой России в Казахстане, отмечая среди прочего благотворное влияние русской культуры и языка на просвещение казахов.

В современной историографии проблематика истории формирования системы школьного обучения коренных народов Российской империи, в том числе казахского населения, история открытия школьных учебных заведений нашла отражение в работах Стуровой М.В. (Стурова, 2014; Стурова, 2012), Шалгимбековой А.Б. (Шалгимбекова, 2002), Пищулиной А.Р. (Пищулина, 2016) и др., которые также приходят к заключению о колониальном характере образовательной политики России, направленной на ассимиляцию мусульман.

Из зарубежных авторов, занимающихся отдельными аспектами образовательной политики в разрезе имперских подходов к управлению коренными народами, следует отметить работы Alexander Morrison (Morrison, 2015), Kermit E. McKenzie (Kermit E. McKenzie), Isabelle Kreindler (Kreindler, 1983), David Galick (Galick, 2014) и др. Kermit E. McKenzie в своей статье на примере жизни и деятельности Чокана Валиханова рассматривает роль образования в формировании будущего ученого, вышедшего из преимущественно кочевой и подавляюще неграмотной среды, чтобы получить признание российского научного сообщества как авторитетного и многообещающего востоковеда. David Galick, анализируя политику России в Казахстане, отмечает двойной характер угрозы казахскому языку и идентичности как со стороны татаро-мусульманских, так и со стороны русских школ. В условиях сильного татаро-мусульманского влияния в Казахской степи Российское правительство вынуждено было придерживаться осторожной и сдержанной образовательной стратегии, что стало причиной преподавания казахского языка и ислама для казахских детей в стенах русско-казахских школ. Поэтому казахи, желая дать образование своим детям, стояли перед выбором между посещением многочисленных татарских религиозных школ и поддержанием своего религиозного статуса либо государственных русско-казахских школ, жертвуя своей религиозностью для обучения на родном языке. Такая ситуация стала поводом для появления в Каркаралинской петиции 1905 года, авторами которой были представители партии «Алаш», важного пункта об острой необходимости в Казахской степи чисто национальных школ как противодействия двойной угрозе казахской идентичности.

4. Результаты

Акмолинская и Семипалатинская области входили в состав Степного генерал-губернаторства, а учебные заведения подчинялись Западно-Сибирскому учебному округу, открытому в 1885 году. Первое светское учебное заведение здесь было открыто в 1789 г. Это было Омское азиатское училище, готовившее переводчиков и письмоводителей для местных административных учреждений. В эту

школу принимались и казахские дети. В 1828 году она была передана в ведение Омского казачьего училища, которое, в свою очередь, в 1846 году было преобразовано в Сибирский кадетский корпус. В него разрешено было принимать детей казахов, имевших военные или гражданские чины, то есть преданных российской администрации. В 1866 году Сибирский кадетский корпус был преобразован в военную гимназию, куда без экзаменов зачислялись дети казахских султанов, баев и старшин. Целью такой лояльной политики по отношению к инородцам была подготовка местных кадров для проведения колониальной политики в Степном крае.

В свою очередь, интерес казахского общества к вопросу образования казахских детей был очень большой, так как это открывало перед ними большие перспективы. Так, по «Положению о школе для казахских детей» от 3 июля 1857 г. казахи, получившие соответствующее образование, по достижении 21 года могли претендовать на должности волостных управителей и заседателей в окружных приказах, если они до этого прослужили несколько лет в административном аппарате Российской империи ([Казахско-русские отношения, 1964: 428–429](#)).

В октябре 1865 года в Омске была открыта школа, в которой 10 мест предназначалось для детей казахов Акмолинской области, 10 – для Семипалатинской. В 1881 году она была преобразована в соответствии с «Положением об устройстве училищной части в Акмолинской и Семипалатинской областях» в пансионат для казахских и русских детей. Обучение воспитанники пансионата должны были получать в приходских училищах и учительских семинариях для подготовки к будущей учительской деятельности ([Алекторов, 1905: 159](#)).

В марте 1870 года был принят важный законодательный акт в области образовательной политики – «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев», в основу которых легли педагогические идеи Н.И. Ильминского. В Правилах отмечалось, что общим для русско-национальных школ является то, что а) первоначальное обучение в них должно осуществляться на родном языке инородцев, по учебникам, напечатанным кириллицей; б) учителем может быть только гражданин одной национальности с учащимися, знающий русский язык, или русский, знающий родной язык учащихся; в) должно быть организовано образование женщин, так как в основном матери поддерживают и сохраняют народные обычаи и традиции. Однако, несмотря на прогрессивность идеи просвещения коренного населения Казахской степи, реализация Правил была обречена на неудачу, так во главу угла ставились те же задачи русификации и ассимиляции ([Гафаров и др., 2012: 174](#)). Как отмечалось в журнале Министерства народного просвещения в 1871 году, «лучшим средством является развитие между инородческим населением образования, основанного на началах христианской религии и распространении знаний русского языка» ([Обозрение действий..., 1871: 14](#)).

Такая ситуация приводила к тому, что казахское население, осознавая, с одной стороны, необходимость в грамотности своих детей, с другой – опасаясь русификаторской политики в области образования, все-таки предпочитало отдавать детей в «татарские» мектебы, устроенные при мечетях. Первоначально власти возлагали надежду на возможность контролировать деятельность мусульманских мектебов, а также ввести в них русскую грамоту, наряду с арабской или татарской. Однако эти попытки не увенчались успехом. По мнению официальной администрации, «такая постановка народного образования киргизского населения вела киргизских детей не к развитию, а к притуплению способности мышления, ибо обучение в мектебах ограничивается лишь зазубриванием непонятных и даже чуждых детскому разуму стихов из Корана на арабском языке» ([ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 471а. Л. 160б](#)).

В связи с этим администрацией Степного края в 70-х годах XIX века в противовес мусульманским неподконтрольным мектебам стали открываться правительственные школы с общеобразовательной программой. В этот период в Семипалатинской области были учреждены во всех 5 городах мужские интернаты, а потом и 3 женских. Целью интернатов было обучение русской грамоте и приобщение казахских детей к ведению домашнего хозяйства, занятию земледелием, огородничеством и различными ремеслами. Содержание учащихся и учебного персонала, а также хозяйственные расходы были отнесены на счет казахского общества. Однако девятилетний опыт таких общеобразовательно-профессиональных школ не оправдал себя. Учебно-материальное положение этих учебных заведений было тяжелым, отсутствовали учителя, знающие казахский язык. По мнению администрации, «не давая своим ученикам и ученицам достаточно твердых познаний ни в какой специальности и оторвав их от кочевой среды, интернаты обращали учеников в людей малопригодных к какому бы то ни было делу» ([Внутренняя Киргизская..., 1891: 68](#)).

В 1885 году интернаты были преобразованы в сельскохозяйственные школы, в которых главный контингент должны были составлять казахские дети, а само преподавание, независимо от специальных предметов, было направлено преимущественно на изучение русского языка. Кроме этого, в этих сельскохозяйственных школах был введено обучение простым ремеслам – сапожному, столярному и т.д.

Таблица 1. Распределение предметов в часах по годам обучения в Каркаралинской сельскохозяйственной школе в 1887 году (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1739. Л. 15об., 16)

1 отделение	2 отделение	3 отделение	4 отделение
Арифметика – 102	Арифметика – 69	Арифметика – 50	Арифметика – 26
Русский язык – 100	Русский язык – 69	Русский язык – 94	Русский язык – 47
Чистописание – 105	Чистописание – 64	Чистописание – 46	Чистописание – 17
	Казахский язык – 24	Казахский язык – 26	Казахский язык – 13
		География – 57	География – 25
			История России – 16
			Естествознание – 13

У казахского населения интернаты не пользовались доверием, так как, во-первых, часто распространялись слухи о том, что здесь обращают в христианство, во-вторых, нахождение в интернатах, по мнению казахского общества, отрывало их детей от кочевого быта, делало их изнеженными и неспособными к выносливому труду. Так, если в 1887 г. по приговорам казахских волостных обществ Семипалатинской области в интернатах было запланировано обучение 158 мальчиков и 83 девочек, то в действительности в них было помещено 120 мальчиков и 35 девочек (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 471а. Л. 17об., 18)

История открытия женских интернатов в Центральном Казахстане тоже начинается с 1870-х годов. Значение женского образования в деле приобщения казахов к новым веяниям в Казахской степи неоднократно отмечали представители российской администрации. В своем служебном письме военному губернатору Акмолинской области генерал-губернатор Западной Сибири генерал-адъютант Казнаков в 1877 г. замечал: «К образованию девочек в киргизском населении до сих пор вовсе не принято никаких мер, такой пробел, важный сам по себе, оставаясь не восполненным, при значении женщины в семье может повлечь за собой уменьшение ожидаемых плодов и от образования мальчиков» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1651. Л. 1).

После проведения большой работы по убеждению казахского общества в пользу образования для казахских девочек и девушек, поиску средств для открытия женских интернатов во всех уездах Акмолинской области были открыты учебные заведения для казахских девочек. В декабре 1877 года был открыт Акмолинский женский интернат, где число девочек составило 25 человек из разных волостей уезда. В январе 1878 года в г. Кокчетав был открыт женский интернат на 12 казахских девочек. Как пишет уездный начальник, «классная комната, столовая и спальня готовы. Белье столовое – скатерти, салфетки, белье спальное – простыни, наволочки, полотенце, тюфяки, подушки – также готовы. Перед баней девочки были подстрижены одинаково, после бани надето белье, платья, фартуки и ботинки русского образца. Вся эта обстановка произвела на девочек такое впечатление, каково и желать более нельзя» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1651. Л. 40, 40об).

Сложнее дело по открытию интерната для казахских девочек обстоит в Атбасарском уезде Акмолинской области, где возникли проблемы не только с поиском девочек-кандидатов, но и с финансированием. В рапорте уездного начальника Военному губернатору от 14 января 1878 г. указывается, что «при обозрении учреждений уезда в минувшем году на предмет открытия женского интерната в станице Атбасарской возможно устроить женский интернат не более как на семь или восемь воспитанниц. Этот интернат не может быть устроен в более широких размерах по невозможности приискать в Атбасаре приличных помещений для него, так и потому, что киргизы не особенно сочувственно относятся к учреждению подобных заведений. И только благодаря моим резким убеждениям выборные Нельдинской, Саранской, не особенно богатых, как Ортауская, Актауская и Атасуйская, и даже богатой Чуйской волостей назначили на женский интернат по 72 руб. в год. В остальных Актаявских волостях, несмотря на убеждения, киргизы тоже не дали больших сумм и едва назначили только тем суммы, которые были указаны в приговорах» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1651. Л. 30, 30об).

Вместе с тем в данном рапорте отмечалось положительное отношение к данному вопросу управителей южных, так называемых баганалинских волостей Атбасарского уезда, которые обещали дать более крупные суммы от 120 до 150 руб. Более того, были сделаны дополнительные особые пожертвования на открытие и содержание интерната для казахских девочек от почетных граждан и волостных управителей южных волостей Атбасарского уезда, за что им позднее была выражена благодарность от имени военного губернатора (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1651. Л. 43, 44, 65, 66).

Однако через 10 лет в 1887 году губернатором Степного генерал-губернаторства Г.А. Колпаковским попытка женского образования в Казахской степи была оценена как дорогая и безуспешная идея проведения в казахском населении русской гражданственности и бесполезная затрата народных денег (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1753. Л. 1). Анализируя результаты деятельности женских интернатов, губернатор с горечью отмечал, что ориентир обучения казахских девушек на получение элементарных знаний по арифметике, русскому языку, истории России, а также умению шить, вязать, вышивать не принесло успеха. Он считал, что, «отвыкнув от родных обычаев,

полутрамотные, они по возвращению из школы не только не приносят пользы своим родителям, но часто служат к обременению своих семей, не находя применения и у русских даже в качестве домашней прислуги» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1735. Л. 106). Такая постановка вопроса, по его мнению, наносила серьезный ущерб популяризации идеи просвещения казахского населения в разрезе образовательной политики Российской империи, так как существование женских интернатов на прежней основе не давало самого главного – знаний и умений, необходимых в казахском быту, а именно – уходу за скотом, ведения хозяйства. Это также имело отношение и к мужским интернатам.

В качестве решения вопроса адаптации казахских девочек и девушек – воспитанниц интернатов – к будущей жизни Колпаковский предложил обучать: «1) грамотности в объеме курса народных училищ Министерства народного просвещения, 2) уходу за скотом, а также птицей, улучшенным способом приготовления масла и сыра, 3) изготовлению армячины на улучшенных ткацких станках и других изделий из шерсти для продажи, 4) приготовлению мыла, 5) выделке шкур и разным кустарным производствам, вязанию изделий из козьего пуха» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1735. Л. 108, 108об). Более того, он, обращаясь к уездным начальникам, посчитал полезным «сообразными мерами устраивать будущность казахских девушек выдачею их в замужество за молодых людей, окончивших курс сельскохозяйственных, фельдшерских и ветеринарных школ» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1735. Л.108об).

Несмотря на разочарование официальной российской администрации в пользу казахских интернатов, отсутствие поддержки со стороны кочевого общества в вопросах просвещения местного населения, роль казахских интернатов неопределима. За несколько лет был подготовлен значительный контингент достаточно подготовленных воспитанников-казахов для поступления в Омскую мужскую гимназию, учительскую семинарию, центральную фельдшерскую школу, техническое училище.

Однако в общем образовании казахов-кочевников не продвинулось далеко вперед. Причинами данной ситуации было незнание и непонимание особенностей жизни и быта кочевого социума, отсутствие разработанной системы просвещения казахского населения Акмолинской и Семипалатинской областей. Это стало поводом для появления в отчете акмолинского военного губернатора за 1894 год мнения о том, что «народное образование в киргизской среде не имеет никакой организации. Кроме единственного в г. Омске пансиона для киргизских и русских детей, до 1894 года существовали в уездах 4 киргизских сельскохозяйственных школы, но в настоящее время 2 из них упразднены, а остальные две преобразованы в низшие сельскохозяйственные школы ведомства Министерства земледелия и государственных имуществ, в которые могут поступать инородцы» (Алекторов, 1905: 162–163). Вместе с тем в отчете отмечается горячее желание казахов получить правильное систематическое образование, однако отсутствие начальных школ препятствует исполнению мечты поступить в русские учебные заведения.

В одном из номеров «Киргизской степной газеты» в 1895 году автор статьи, размышляя по вопросу казахского народного образования, отмечает трудности для степного казаха дать школьное образование своему сыну. «Отправлять своих детей в общие школы не по средствам громадному большинству киргизов, да и состоятельному человеку сдать в школу ребенка не всегда удастся, и вот киргиз, желая поучить своего сына по-русски, везет его в станицу, к казаку. Понятное дело, казак, сам малограмотный, не может ничему научить этого мальчика. Везти мальчика в город, заплатить за квартиру, за учебу, за книги – все это стоит не одну сотню рублей, а у самого богатого киргиза, хотя и много бывает скота, но обыкновенно недостаточно наличных денег» (К вопросу..., 1895: 457). Только 5 % казахского населения Акмолинской и Семипалатинской областей могли посещать эти учебные заведения (Алекторов, 1905: 161).

В следующем номере этой газеты автор другой статьи, анализируя ситуацию в системе просвещения казахов, предлагает при обустройстве народных школ учитывать образ жизни и хозяйства кочевого общества. «Школы для киргизов должны носить особый характер: они должны быть кочующими, как и само население; так что если аул откочевывает на другое место, то вместе с ним туда же следует школа и учитель» (К вопросу..., 1895: 457). По мнению автора заметки, так будут устранены препятствия к посещению школ учениками, и даже более того, взрослые казахи, не нанося ущерба своему хозяйству, смогут тоже посещать такую школу.

Подобные статьи, мнения особых совещаний, на которых присутствовали представители региональной администрации, учебных заведений, а также положительный опыт школ Тургайской области, способствовали выработке системы устройства школьного образования для казахов Акмолинской и Семипалатинской областей. Было принято решение открыть два типа школ: 1) аульные – передвижные, соответствующих программе сельских начальных школ, 2) двухклассные русско-казахские школы, которые должны стать продолжением аульных школ. Деятельность этих школ осуществлялась на основе «Правил для аульных русско-киргизских школ» от 11 октября 1901 года.

Аульные школы предназначались для небольшого района, для одного аульного общества, что соответствовало их названию. Они должны были давать самое необходимое, элементарное образование, причем, будучи передвижными, открыть дорогу просвещению казахов в самых отдаленных районах. Многие выпускники аульных школ продолжили обучение, становились учителями, переводчиками, волостными писарями (Попов, 263).

В регионе первая аульная школа была открыта в 1902 году в Кызылтауской волости Каркаралинского уезда Семипалатинской области, она носила название «Каракимерской». Ее основателем считается волостной управитель Нарынбек Бодуков, который впоследствии был оформлен учителем, а затем утвержден почетным блюстителем (Попов и др., 2014: 262). В Акмолинской области первая аульная школа – Худайбергеновская – была открыта в 1902 году на Спасском медеплавильном заводе Карно, позднее в 1906 году была преобразована в 1-классное училище, затем в 1909 учебном году преобразована в двухклассное училище (Памятная книжка..., 1909: 363).

Открытие школ второго типа предполагалось приурочить к первому выпуску учеников аульных школ, то есть через 3 года. При них должны были устроить педагогический и ремесленный классы, цель которых – подготовка учителей аульных школ, обучение разным кустарным производствам, в зависимости от местных условий и потребностей казахского общества (Алекторов, 1905: 164).

Предлагалось также открытие и женских аульных школ. Однако отсутствие учителей-казашек заставило отказаться от этой идеи. Таким образом, на первое время в Акмолинской области было открыто 25 аульных мужских школ одновременно во всех пяти уездах: в Омском – 2, в Петропавловском, Кокчетавском, Атбасарском – по 5 и Акмолинском – 8 (Алекторов, 1905: 164).

На должность учителей аульных школ предложено было допускать на первое время казахов, окончивших курс в уездных или городских училищах после прохождения испытания на пригодность к учительской деятельности. Среди первых учителей аульных школ Каркаралинского уезда Семипалатинской области были Дюсенбаев (Дагандельская аульная школа), Смаил Байтенов (Егиндыбулакская аульная школа), Мусаил и Туркбай Менаяковы (Чубартауская аульная школа), Ахметгали Аяганов и Ережеп Айманов (Каркаралинская начальная школа) (Попов, Шотбакова, Смагулова, 2014: 262–263), Хасен Байтенов (Каплыбаевская аульная школа) (ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 43. Л. 230б), Мукажан Баиров (Дагандельская аульная школа) (ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 43. Л. 250б), Нурмухамед Коспабаев (Каракимерская аульная школа) (ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 43. Л. 310б), Таукель Нуркин (Акботинская аульная школа) (ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 43. Л. 330б) и др. Образование они получили в Каркаралинской сельскохозяйственной школе, в Каркаралинском трехклассном городском училище, Семипалатинской учительской семинарии (ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 43. Л. 230б, 250б, 310б, 330б). В двухклассных училищах учителями были русские, окончившие курс в учительских семинариях.

Ускорению работы по открытию русско-казахских школ способствовало создание в 1902 г. дирекции народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей в Омске и назначение на эту должность А.Е. Алекторова, большого знатока истории казахского народа, этнографа, крупного просветителя, автора ряда учебников для казахских школ. Он развернул активную пропагандистскую работу среди казахского населения, настороженно относившегося к просветительской деятельности региональной администрации. Его усилиями в 1902 г. открывается 14 аульных школ: 6 – в Акмолинской и 8 – в Семипалатинской областях. В 1903 г. открывается еще 8 таких же школ. Таким образом, в 1903 г. число учащихся в 22 школах достигло 359 человек (Храпченков, 1998: 66).

Однако краткосрочный курс обучения, ограниченность его содержания отрицательно воспринимались местным населением. Как указывает А.Е. Алекторов в своем письме к военному губернатору Акмолинской области, «отдавая своих детей в начальную школу, киргизы рассчитывают на то, что ученики получат дальнейшее более или менее законченное образование, тогда как одна аульная школа, имея всего двухлетний курс, не может отвечать этому существенно важному делу» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3761. Л. 920б.). В связи с этим он предлагает открывать одноклассные и двухклассные русско-казахские училища, а аульные школы преобразовывать в одноклассные училища.

Забота об образовании казахских детей проявлялась не только в желании повысить количество учебных заведений в Казахской степи, но и в серьезном подходе к созданию оптимальных условий для их обучения. В материалах Центрального государственного архива Республики Казахстан сохранилась переписка А.Е. Алекторова с региональными властями по различным вопросам образования казахского населения. Одна из проблем, которая была в центре внимания директора народных училищ, – проживание казахских детей при школах. Он отмечал, что «большинство учащихся в Тас-Пикетовской аульной школе – из дальних волостей, дети преимущественно состоятельных родителей: волостных управителей, аульных старшин, народных судей и других влиятельных киргиз. Живут они за плату в частных квартирах у русских, вне надзора, могут, к сожалению, перенять дурные привычки, и с ними, то есть с дурными привычками, явиться в степь, что весьма нежелательно» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3761. Л. 840б). По его мнению, эта ситуация может нанести урон всей просветительской деятельности российской администрации в глазах традиционного общества, еще находящегося под влиянием татарских и казахских мулл. Поэтому А.Е. Алекторов предлагает предусмотреть возможность размещения казахских детей в помещениях при школах, где была бы возможность осуществлять контроль со стороны учителей.

Хорошо знакомый с языком и бытом кочевого народа, Алекторов лично объезжал аулы, чтобы выбрать более удобные из них для открытия аульных школ. Так, в 1904 году в своем письме на имя военного губернатора Акмолинской области он просит «оказать содействие в устройстве

двухклассного русско-киргизского училища в Атбасаре, очень бедном образовательными средствами, а также волостных школ в селе Полтавском Омского уезда, Федоровском Петропавловского уезда или на Спасском медеплавильном заводе в Акмолинском уезде». Далее он подчеркивает, «что без волостных школ и двухклассных русско-киргизских училищ дальнейшее развитие в крае инородческого образования неосуществимо» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3761. Л. 92об., 93).

27 ноября 1904 г. в Каркаралинске открылось двухклассное русско-казахское училище, в котором начали обучение 104 мальчика – казахи и русские (Попов и др., 2014: 261). В 1909 году школу посещал 81 мальчик, в 1916 году – 87 (Памятная книжка..., 1909: 346; Памятная книжка..., 1916: 534). Совместное обучение на казахском и русском языках позволяло представителям двух наций в совершенстве овладеть второй речью. Заведующим училищем был назначен Ахмет Байтурсынов, который не только занимался преподавательской деятельностью, но и ездил по аулам и агитировал в пользу просвещения.

В этом же году открылась Дагандельская школа в Аксаринской волости, Таспикетовская, Федоровская и некоторые другие аульные школы преобразовались в одноклассные училища.

В 1905–1907 гг. открывается еще 19 школ: 8 – в Акмолинской и 11 – в Семипалатинской областях. Как свидетельствует однодневная перепись школ на 18 января 1911 г. в Акмолинской и Семипалатинской областях функционировало по 39 аульных и одноклассных школ и по два двухклассных училища. Число учащихся в них составляло 1885 мальчиков и 140 девочек. В общем же темпы роста русско-казахских, в основном аульных, школ были незначительными. С 1911 по 1916 г. в Акмолинской области было открыто 49 школ (Храпченков, 1998: 66). В Семипалатинской области темпы роста числа школ для казахского населения были еще медленнее. Например, в Семипалатинском уезде с 1907 по 1916 г. было открыто всего 10 аульных школ. (ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–2). Особенно мало в областях было двухклассных и одноклассных училищ.

В 1908 году дирекцией народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей активно стала продвигаться идея по развитию всеобщего обучения, в том числе среди казахского населения. Однако данная работа затруднялась рядом проблем, которые заключались в сложности сбора нужных сведений для разработки школьных сетей вследствие недостатка информации о числе киргизского населения, разбросанности кочевого общества на огромном пространстве. В своей служебной записке один из инспекторов народных училищ И. Скаркавский докладывал, что «при условии, что каждая школа, согласно основным положениям для введения всеобщего начального обучения должна обслуживать местность с трехверстным радиусом, где полагается один учитель на 50 учащихся, в настоящее время учащиеся ходят ежедневно в аульную школу верст на 6–7, ...в действительности это затрудняет осуществить среди киргизского населения проект всеобщего обучения» (ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 43. Л. 12, 12об). В связи с этим в ответном письме дирекцией было указано о возможности корреляции: «Для киргизских школ следует положить, как и для русских, по 50 учащихся на школу, хотя бы школьный радиус и пришлось значительно увеличить» (ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 43. Л. 13, 13об). Такая ситуация была характерна для многих районов Степного края.

Дело просвещения казахского населения также находилось в центре внимания местных государственных властей. Так, в 1910 году в отчете семипалатинского губернатора в целях улучшения постановки учебного дела в народных училищах отмечалась необходимость учреждения отдельной дирекции Семипалатинской области, так как «число училищ области дошло до 148, а пространство, подчиненное дирекции народных училищ Семипалатинской и Акмолинской областей, занимает 919.663,2 кв. верст...» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 472. Л. 31об). Кроме того, директор народных училищ двух областей находился в городе Омске, что сильно тормозило открытие новых училищ, вызывая совершенно излишнюю переписку.

В 1913 г. в Акмолинской области насчитывалось 7 двухклассных и 1 одноклассное училище. Новый директор училищ А. Филипов в письме попечителю Западно-Сибирского округа Тихомирову от 2 ноября 1915 г. просил «увеличить курс обучения в аульных школах (в соответствии с правилами 1913 г.) до 4-х лет, расширить программы, чтобы оканчивающие аульные школы могли поступать во второй класс двухклассных русско-туземных училищ, а не в третье отделение, как сейчас». Министерство просвещения и попечитель учебного округа в 1916 г. дали разрешение на преобразование аульных школ в одноклассные училища при условии, что дополнительные ассигнования на их содержание будут поступать из средств казахских обществ (Храпченков, 1998: 66). Однако реализовать в жизнь это доброе дело в связи с Февральской революцией учебная администрация не успела. Таким образом, в 1916 г. в Акмолинской и Семипалатинской областях функционировала следующая система школ: аульные, одноклассные, двухклассные русско-национальные училища. В Акмолинской области действовало 88 школ, в которых обучалось 2334 ученика, в Семипалатинской области примерно в таком же количестве русско-национальных школ училось 2133 ученика (Храпченков, 1998: 66). Однако большая часть казахских детей этих областей оставалась вне школы.

6. Заключение

Таким образом, в изучаемый период благодаря формированию системы школьного обучения казахские дети получили доступ к светскому образованию, что соответствовало стремлению

российской администрации вывести казахских детей из-под влияния мусульманской идеологии. В ходе создания структуры народного образования учитывались особенности кочевого образа жизни местного населения, к примеру, открывались сельскохозяйственные школы и училища, передвижные аульные школы, пансионаты и интернаты для казахских детей.

Конечной целью создания школьной системы обучения были, с одной стороны, подготовка кадров низшего и среднего звена для управленческих структур Российской империи, с другой – воспитание казахских детей в духе российской гражданственности.

6. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации проекта АР05133627 /ГФ/, финансируемого Министерством образования и науки Республики Казахстан.

Литература

Алекторов, 1905 – *Алекторов А.Е.* Из истории развития образования среди киргизов Акмолинской и Семипалатинской областей // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1905. Часть ССCLXII. С. 154–191.

Артыкбаев, 1993 – *Артыкбаев Ж.О.* Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации. Караганда, 1993. 159 с.

Асылбеков, Сеитов, 2003 – *Асылбеков М.Х., Сеитов Э.Т.* Алихан Букейхан – общественно-политический деятель и ученый. Алматы, 2003. 148 с.

Бартольд, 1963 – *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. Сочинения. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 169–434.

Внутренняя Киргизская..., 1891 – Внутренняя Киргизская орда (краткий статистический очерк. Астрахань, 1891. 103 с.

Галузо, 1935 – *Галузо П.Г.* Туркестан-колония: очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии. Ташкент, 1935. 222 с.

Гафаров и др., 2012 – *Гафаров А.А., Бродовская Л.Н., Буравлева В.В.* Проблемы «инородческого» образования мусульман в Российской империи (XIX – начало XX вв.) // *Образование и развитие.* 2012. № 4 (32). С. 171–176.

Зеленин, 1902 – *Зеленин Д.К.* Ильминский Н.И. и просвещение инородцев. С.-Петербург, 1902. 20 с.

Ильминский, 1895 – *Ильминский Н.И.* Письма Н.И. Ильминского обер-прокурору Константину Петровичу Победоносцеву. Казань, 1895. 414 с.

Ильминский, 1900 – *Ильминский Н.И.* О способах обучения инородцев. С.-Петербург, 1900. 8 с.

ИАОО – Исторический архив Омской области.

Казак газеті, 1998 – *Казак газеті: Алаш азаматтарынын рухына багышталады.* Составители У. Субханбердина и другие. Алматы, 1998. 560 с.

Казахско-русские отношения..., 1964 – *Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 гг.): Сборник документов / Сост.: Ф.Н. Киреев (и др.).* Алма-Ата, 1964. 575 с.

К вопросу..., 1895 – К вопросу о киргизском народном образовании. Киргизская степная газета. № 45. 1895 // *Классические исследования: Многотомник.* Алматы, 2013. Т. 13: *Алекторов А.Е.* Указатель книг, журналов и газетных статей и заметок о киргизах (казахах). 976 с.

К истории, 1899 – К истории народного образования в Туркестанском крае. Константин Петрович фон Кауфман. Устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877–1881 гг.). Ташкент, 1899. 286 с.

Народное образование..., 1909 – Народное образование в Западно-Сибирском округе с 1897 по 1906 гг. // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1909. Часть XXIII. С. 85–104.

Обозрение действий..., 1871 – *Обозрение действий Министерства народного просвещения за 1870 г. // Журнал Министерства народного просвещения.* 1871 г. Часть СLIII. С. 14–28.

Остафьев, 1895 – *Остафьев В.* Возможно ли при существующих знаниях и данных о Сибири определить количество свободных, годных и удобных земель для колонизации? // *Записки ЗСО РГО. Книжка XVIII.* Вып II. Омск. 1895. С. 1–62.

Памятная книжка..., 1909 – *Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 г.* Томск, 1909. 397 с.

Памятная книжка..., 1916 – *Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 г.* Томск, 1909. 572 с.

Переселенческие вопросы..., 1892 – *Переселенческие вопросы.* Московские ведомости. 1892. № 158 // *Классические исследования: Т. 13.* Алекторов А.Н. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах (о казахах). Алматы, 2013. 976 с.

Пищулина, 2016 – *Пищулина А.Р.* Некоторые аспекты законодательного реформирования системы образования в 60-е годы XIX // *Государство и право в XXI веке.* 2016. № 2. С. 9–13.

Попов и др., 2014 – *Попов Ю.Г., Шотбакова Л.К., Смагулова Г.М.* Творцы и свидетели Каркаралинска. Караганда, 2014. 354 с.

Сембаев, Храпченков, 1972 – *Сембаев Л.П., Храпченков Г.М.* Очерки по истории школ Казахстана 1900–1917 гг. Алма-Ата. 1972.

Стурова, 2012 – Стурова М.В. Образовательная политика Российской империи в Степном крае (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2012. № 4–1(76). С. 210–213.

Стурова, 2014 – Стурова М.В. Мусульманские школы Степного генерал-губернаторства: вопросы корректировки содержания образования для казахского населения в 80-е гг. XIX – начала XX вв. // *Труды молодых ученых Алтайского государственного университета*. 2014. № 11. С. 68–73.

Тажигаев, 1962 – Тажигаев Т.Т. Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. Алма-Ата, 1962. 506 с.

Тулеева, 2012 – Тулеева Б.Т. Адаптация казахского общества Центрального Казахстана к рыночным условиям во второй половине XIX – начале XX веков. Караганда, 2012. 200 с.

Туякова, Мачнева, 2012 – Туякова К.С., Мачнева С.Г. История педагогики Казахстана: создатели системы образования // *Современная высшая школа: инновационный аспект*. 2012. № 4. С. 26–29.

Храпченков, 1998 – Храпченков Г.М., Храпченков В.Г. История школы и педагогической мысли Казахстана. Алматы, 1998. 168 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Шалгимбекова, 2006 – Шалгимбекова А.Б. Особенности государственной политики в образовательной системе Казахстана в начале XX столетия (1901–1917 гг.) // *Сетевое научное издание Новосибирского государственного медицинского института: Медицина и образование в Сибири*. 2006. № 1. [Электронный ресурс]. URL: http://ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=45

Шоинбаев, 1973 – Шоинбаев Т.Ж. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1973.

Ядринцев, 1891 – Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. С.-Петербург, 1891. 308 с.

Morrison, 1915 – Morrison Alexander. Peasant Settlers and the «Civilising Mission» in Russian Turkestan, 1865–1917 // *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 2015. Volume 43. Issue 3. pp. 387-417.

Kreindler, 1983 – Kreindler Isabelle. Ibrahim Altynsarin, Nikolai Il'minskii and the Kazakh national awakening // *Central Asian Survey*. Volume 2. Issue 3. pp. 99-116.

McKenzie, 1989 – Kermit E. McKenzie. Chokan Valikhanov: Kazakh Princeling and scholar // *Central Asian Survey*. 1989. № 3. Volume 8. pp. 1-30.

Galick, 2014 – Galick David. Responding to the Dual Threat to Kazakhness: The Rise of Alash Orda and its Uniquely Kazakh Path [Electronic resource]. URL: <http://geohistory.today/alash-orda-kazakh-nationalism/>

References

Alektorov, 1905 – Alektorov A.E. (1905). Iz istorii razvitiya obrazovaniya sredi kirgizov Akmolinskoi i Semipalatinskoi oblastei [From the history of the development of education among the Kirghiz of Akmola and Semipalatinsk regions]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part CCCLXII. S-Pb. pp. 154-191. [in Russian]

Artykbaev, 1993 – Artykbaev Zh.O. (1993). Kazakhskoe obshchestvo v XIX veke traditsii i innovatsii [Kazakh society in the XIX century, traditions and innovations]. Karaganda. 159 p. [in Russian]

Asylbekov, Seitov, 2003 – Asylbekov M.Kh., Seitov E.T. (2003). Alikhan Bukeikhan – obshchestvenno-politicheskii deyatel' i uchenyi [Alikhan Bukeikhan – social-political figure and scientist]. Almaty. 148 p. [in Russian]

Bartol'd, 1963 – Bartol'd V.V. (1963). Istoriya kul'turnoi zhizni Turkestana [History of cultural life in Turkestan]. Sochineniya. M. Volume. 2. Part 1. pp. 169-434 [in Russian]

Vnutrennyaya Kirgizskaya..., 1891 – Vnutrennyaya Kirgizskaya orda (kratkii statisticheskii ocherk [Internal Kirghiz horde (brief statistical review)]. Astrakhan', 1891. 103 p. [in Russian]

Galuzo, 1935 – Galuzo P.G. (1935). Turkestan-koloniya: ocherk istorii kolonial'noi politiki russkogo tsarizma v Srednei Azii [Turkestan-Colony: Review History of the colonial policy of Russian tsarism in Central Asia]. Tashkent. 222 p. [in Russian]

Gafarov i dr., 2012 – Gafarov A.A., Brodovskaya L.N., Buravleva V.V. (2012). Problemy «inorodcheskogo» obrazovaniya musul'man v Rossiiskoi imperii (XIX-nachalo XX vv.) [The problem education of “non-Russian” muslims in the Russian Empire (XIX-beginning of the XX centuries)]. *Obrazovanie i razvitie*. № 4 (32). pp. 171-176. [in Russian]

Zelenin, 1902 – Zelenin D.K. (1902). Il'minskii N.I. i prosveshchenie inorodtsev [Il'minsky N.I. and education of non-Russians]. S.-Peterburg. 20 p. [in Russian]

Il'minskii, 1895 – Il'minskii N.I. (1895). Pis'ma N.I. Il'minskogo ober-prokuroru Konstantinu Petrovichu Pobedonostsevu [Letters of N.I. Il'minsky to the chief prosecutor Konstantin Petrovich Pobedonostsev]. Kazan'. 414 p. [in Russian]

Il'minskii, 1900 – Il'minskii N.I. (1900). O sposobakh obucheniya inorodtsev. S.-Peterburg [On the methods of teaching non-Russians]. 8 p. [in Russian]

IAOO – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical archive of the Omsk region].

Kazak gazet, 1998 – Kazak gazet: Alash azamattarynyn rukhyna bagyshtalady. [Kazak newspaper: Dedicated to the spirit of Alash leaders]. Sostaviteli U. Subkhanberdina i drugie. Almaty. 1998. 560 p. [in Kazakh]

Kazakhsko-russkie otnosheniya, 1964 – Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVIII–XIX vekakh (1771–1867 gg.) [Kazakh-Russian relations in XVIII-XIX centuries (1771–1867)]: Sbornik dokumentov. Sost.: F.N. Kireev (i dr.). Alma-Ata. 1964. 575 p. [in Russian]

K voprosu..., 1895 – K voprosu o kirgizskom narodnom obrazovanii. Kirgizskaya stepnaya gazeta [On the issue of the Kyrgyz national education. Kirghiz Steppe Newspaper]. № 45. 1895. Klassicheskie issledovaniya: Mnogotomnik. Almaty, 2013. T. 13: Alektorov A.E. Ukazatel' knig, zhurnalov i gazetnykh statei i zametok o kirgizakh (kazakhakh). 976 p. [in Russian]

K istorii..., 1899 – K istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom krae. Konstantin Petrovich fon Kaufman. Ustroitel' Turkestanskogo kraya. Lichnye vospominaniya N. Ostroumova (1877-1881 gg.) [On the history of public education in Turkestan. Konstantin Petrovich von Kaufman. Organizer of the Turkestan Territory. Personal memoirs of N. Ostroumov (1877-1881)]. Tashkent, 1899. 286 p. [in Russian]

Narodnoe obrazovanie..., 1909 – Narodnoe obrazovanie v Zapadno-Sibirskom okruge s 1897 po 1906 gg. [Public education in the West Siberian region from 1897 to 1906]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1909. Part XXIII. pp. 85-104 [in Russian]

Obozrenie deistvii..., 1871 – Obozrenie deistvii Ministerstva narodnogo prosveshcheniya za 1870 g. [Review of the actions of the Ministry of Education for 1870]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1871. Part CLIII. pp. 14-28. [in Russian]

Ostaf'ev, 1895 – Ostaf'ev V. (1895). Vozmozhno li pri sushchestvuyushchikh znaniyakh i dannykh o Sibiri opredelit' kolichestvo svobodnykh, godnykh i udobnykh zemel' dlya kolonizatsii? [Is it possible under the existing knowledge and data about Siberia to determine the amount of free, comfortable fit and lands for colonization?]. *Zapiski ZSO RGO*. Knizhka XVIII. Vyp II. Omsk. pp. 1-62. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka..., 1909 – Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga na 1909 g [Memorable book of the West Siberian educational district for 1909]. Tomsk, 1909. 397 p. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka..., 1916 – Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga na 1916 g [Memorable book of the West Siberian educational district for 1916]. 572 p. [in Russian]

Pereselencheskie Voprosy..., 1892 – Pereselencheskie voprosyi. Moskovskie vedomosti [Resettlement issues. Moscow worksheet]. 1892. № 158. *Klassicheskie issledovaniya: T. 13. Alektorov A.N. Ukazatel' knig, zhurnal'nykh i gazetnykh statei i zametok o kirgizakh (o kazakhakh)*. Almaty, 2013. 976 p. [in Russian]

Pishchulina, 2016 – Pishchulina A.R. (2016). Nekotorye aspekty zakonodatel'nogo reformirovaniya sistemy obrazovaniya v 60-e gody XIX [Some aspects of the legislative reform of the education system in the 1960s of the XIX]. *Gosudarstvo i pravo v XXI veke*. № 2. pp. 9-13. [in Russian]

Popov et al., 2014 – Popov Yu.G., Shotbakova L.K., Smagulova G.M. (2014). Tvortsy i svideteli Karkaralinska. Karaganda [Creators and witnesses of Karkaraly]. 354 p. [in Russian]

Sembaev, Khrapchenkov, 1972 – Sembaev L.P., Khrapchenkov G.M. (1972). Ocherki po istorii shkol Kazakhstana 1900-1917 gg. [Essays on the history of schools in Kazakhstan 1900-1917]. Alma-Ata. 162 p. [in Russian]

Sturova, 2012 – Sturova M.V. (2012). Obrazovatel'naya politika Rossiiskoi imperii v Stepnom krae (vtoraya polovina XIX - nachalo XX v.) ([Educational system of Russian Empire in the steppe region second half of the XIX - beginning of the XX centuries]). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 4-1(76). pp. 210-213. [in Russian]

Sturova, 2014 – Sturova M.V. (2014). Musul'manskie shkoly Stepnogo general-gubernatorstva: voprosy korrektyrovki soderzhaniya obrazovaniya dlya kazakhskogo naseleniya v 80-e gg. XIX – nachala XX v. [Muslim schools of Steppe Governorate-General: the issues of adjusting the content of education for the Kazakh population in the 80-s of the XIX – beginning of the XX centuries]. *Trudy molodykh uchenykh Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 11. pp. 68-73. [in Russian]

Tazhibae, 1962 – Tazhibae T.T. (1962). Prosveshchenie i shkoly Kazakhstana vo vtoroy polovine XIX veka [Awareness and schools of Kazakhstan in the second half of the XIX century]. Alma-Ata. 506 p. [in Russian]

Tuleuova, 2012 – Tuleuova B.T. (2012). Adaptatsiya kazakhskogo obschestva Tsentralnogo Kazakhstana k ryinochnyim usloviyam vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov. [Adaptation of the Kazakh society of Central Kazakhstan to market conditions in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries]. Karaganda. 200 p. [in Russian]

Tuyakova, Machneva, 2012 – Tuyakova K.S., Machneva S.G. (2012). Istoriya pedagogiki Kazakhstana: sozdateli sistemy obrazovaniya [History of pedagogy in Kazakhstan: the creators of the education system]. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyi aspekt*. № 4. pp. 26-29. [in Russian]

Khrapchenkov, 1998 – Khrapchenkov G.M., Khrapchenkov V.G. (1998). Istoriya shkoly i pedagogicheskoi mysli Kazakhstana [History of the school and the pedagogical thought of Kazakhstan]. Almaty. 168 p. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].

Shalgimbekova, 2006 – *Shalgimbekova A.B.* (2006). Osobennosti gosudarstvennoi politiki v obrazovatel'noi sisteme Kazakhstana v nachale XX stoletiya (1901-1917 gg.) [Features of public policy in the educational system of Kazakhstan in the beginning of the XX century (1901-1917)]. *Setevoe nauchnoe izdanie Novosibirskogo gosudarstvennogo meditsinskogo instituta: Meditsina i obrazovanie v Sibiri*. № 1. [Electronic resource]. URL: http://ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=45 [in Russian]

Shoinbaev, 1973 – *Shoinbaev T.Zh.* (1973). Progressivnoe znachenie prisoedineniya Kazakhstana k Rossii [Progressive significance of Kazakhstan's accession to Russia.]. Alma-Ata, 1973. [in Russian]

Yadrintsev, 1891 – *Yadrintsev N.M.* (1891). Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie: etnograficheskie i statisticheskie issledovaniya s prilozheniem. statisticheskikh tablets [Siberian non-Russians, their lifestyle and current situation: ethnographic and statistical studies with an attachment of statistical tables]. S.-Peterburg. 308 p. [in Russian]

Morrison, 2015 – *Morrison Alexander* (2015). Peasant Settlers and the «Civilising Mission» in Russian Turkestan, 1865–1917 // *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. Volume 43. Issue 3. pp. 387-417.

Kreindler, 1983 – *Kreindler Isabelle* (1983). Ibrahim Altynsarin, Nikolai Il'minskii and the Kazakh national awakening // *Central Asian Survey*. Volume 2. Issue 3. pp. 99-116.

McKenzie, 1989 – *McKenzie Kermit E.* (1989). Chokan Valikhanov: Kazakh Princeling and scholar // *Central Asian Survey*. 1989. № 3. Volume 8. pp. 1-30.

Galick, 2014 – *Galick David* (2014). Responding to the Dual Threat to Kazakhness: The Rise of Alash Orda and its Uniquely Kazakh Path [Electronic resource]. URL: <http://geohistory.today/alash-orda-kazakh-nationalism/>

Формирование системы школьного обучения казахского населения Центрального Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков

Бахытгуль Тлеубаевна Тулеуова^{a, *}, Ляззат Касымовна Шотбакова^a,
Гульнара Муратбековна Смагулова^a

^a Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается становление и развитие системы школьного обучения в казахской степи в контексте образовательной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. На основе архивных материалов, различных документов и научной литературы анализируются этапы становления и развития системы школьного обучения казахского населения. Процесс формирования системы просвещения рассматривается на примере кочевого общества Акмолинской и Семипалатинской областей, которые составляют сегодня территорию Центрального Казахстана. Подробный детальный анализ архивных данных и документальных материалов дает возможность говорить о том, что процесс формирования школьного образования был сложным, включал различные формы организации обучения казахских детей, такие, как интернаты, гимназии, русско-казахские школы, аульные школы. Конечной целью образовательной политики Российской империи в казахской степи было, с одной стороны, стремление вывести казахских детей из-под влияния мусульманской идеологии, с другой – воспитание в казахских детях любви к Российской империи как к своей родине. Кроме этого, обучение казахских детей носило и чисто прагматичный характер, поскольку одной из целей создания школьного обучения казахских детей была подготовка кадров для управленческих структур Российской империи.

Ключевые слова: образовательная политика, просвещение, казахское общество, Центральный Казахстан, русско-казахские школы, аульные школы.

* Корреспондирующий автор

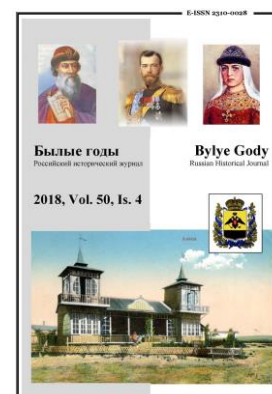
Адреса электронной почты: b_t_tuleuova@mail.ru (Б.Т. Тулеуова),
shotbakovazz@mail.ru (Л.К. Шотбакова), gylnara2005@mail.ru (Г.М. Смагулова)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1625-1631. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1625
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Rion Rowing Flotilla of 1854–1856: Pages of History

Vladimir B. Karataev ^{a, b, *}, Semen I. Adinyaev ^c, Svetlana F. Artemova ^d

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

^d Penza state university of architecture and construction, Russian Federation

Abstract

The article deals with the development and combat use of the Rion rowing flotilla created by dividing the Azov cossack flotilla during the Crimean War. The attention is paid to the circumstances of the creation of the flotilla, its combat experience and attempts to modernize the rowing vessels during the war.

There were used as materials the published documents from the “Acts of the Caucasian Archeographic Commission”. Documents of the Russian state archive of the navy (St. Petersburg, Russian Federation) and the state archive of the Krasnodar Krai (Krasnodar, Russian Federation) were also attracted.

In conclusion, the authors state that the Rion flotilla created during the Crimean War took part in the hostilities. The ships of the flotilla were engaged not only in the search and seizure of small coastal turkish vessels, but also helped in organizing the crossings across the r. Rion. With the deterioration of the situation in the autumn of 1855, the longboats of the Rion rowing flotilla were destroyed due to the impossibility of their withdrawal upstream. After the improvement of the military situation, the Rion rowing flotilla began to rebuild again, and the armament of the rowing ships was further strengthened.

Keywords: Rion rowing flotilla, 1854–1856, the Azov cossacks, the longboat, the Crimean campaign, Rion river.

1. Введение

Рионская гребная флотилия была создана при разделении Азовской казачьей флотилии Черноморской береговой линии в начальный период Крымской войны. В 1854 г. после снятия береговых укреплений Азовская казачья флотилия была разделена на две части, одна из них отправлена была в Керчь, а другая введена в устье реки Рион, став, таким образом, Рионской гребной флотилией.

После присоединения в 1828 г. к Российской империи побережья от Анапы до Абхазии русская военная администрация сначала ограничилась только наблюдением черкесского берега при помощи крейсеров из военных судов Черноморского флота, чтобы не допускать контрабандной торговли между черкесами и турками. Однако опыт показал, что парусными судами невозможно прекратить контрабанду. Более подходящим средством были пароходы, но их было еще очень мало. Пытаясь решить эту проблему, русская администрация усилила крейсерскую службу при помощи гребной флотилии.

2. Материалы и методы

В качестве материалов были использованы опубликованные документы из «Актов Кавказской археографической комиссии». Привлекались также документы Российского государственного архива

* Corresponding author

E-mail addresses: evr2010@rambler.ru (V.B. Karataev), s.adinyaev@mail.ru (S.I. Adinyaev)

военно-морского флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация).

Специфика темы и ее источниковое обеспечение обусловили применение следующих принципов и методов научного познания: принципа историзма, историко-сравнительного, а также метода историко-культурной реконструкции. Именно названные методы были использованы при обработке информации, полученной в ходе работы в архивах и изучения научной литературы. Применение данной методологии привело к созданию целостной картины создания и боевого применения Рионской гребной флотилии в период Крымской войны.

3. Обсуждение

Историография о гребных флотилиях в целом, и Рионской гребной флотилии в частности, не многочисленна. Хотя эпизодические упоминания имеются в значительном количестве работ как в новое, так и в новейшее время.

Особенно активно гребные суда применялись в начале XIX века для крейсирования берегов северо-западного побережья Черного моря. В связи с этим многочисленные упоминания есть в работах путешественников, разведчиков и эмиссаров. Одним из таких путешественников был де Мариньи ([Marigny, 1837](#)). Помимо этого, в новое время выходили труды, в которых рассматривались вопросы военной службы Азовского казачьего войска. К ним необходимо отнести «Историю Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербины ([Щербина, 1913](#)) и «Азовское казачье войско» А.П. Гаденко ([Гаденко, 1912](#)). В современный период вышли в свет работы Л. Маленко «Азовское казачье войско» ([Маленко, 2000](#)), А.А. Смирнова «Морская история казачества» ([Смирнов, 2006](#)), А.Ю. Соклакова ([Соклаков](#)), В.П. Пономорева ([Пономорев, 2011](#)) и др.

4. Результаты

Важно отметить, что в этом вопросе Россия не стала изобретать ничего нового, она лишь переняла черкесский опыт. Благодаря контактам русских и черкесской знати было известно, что с давних пор прибрежные черкесы занимались грабежом торговых кораблей. При этом применялись только гребные суда. Кроме того, с самого начала XIX века фиксировались случаи нападения черкесских гребных судов ([Рис. 1](#)) на русский транспорт на реке Кубань. Так, 1 марта 1802 г. черкесы на 20 лодках напали на русский транспорт с порохом и свинцом, который следовал из Бугаза в Екатеринодар. Транспорт охраняли 30 казаков. В ходе нападения судно было захвачено, а 7 казаков погибли ([ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 24. Л. 107](#)). В результате этот опыт и решено было использовать.

Рис. 1. Черкесская боевая галера ([Marigny, 1837: 2](#))

Учитывая опыт черкесов, русские создали боевую галеру, снабдив ее дополнительно парусом, который был призван в случае попутного ветра сохранять силы экипажа. Лучше всего для крейсирования побережья Черного моря и судоходных рек подходили азовские баркасы.

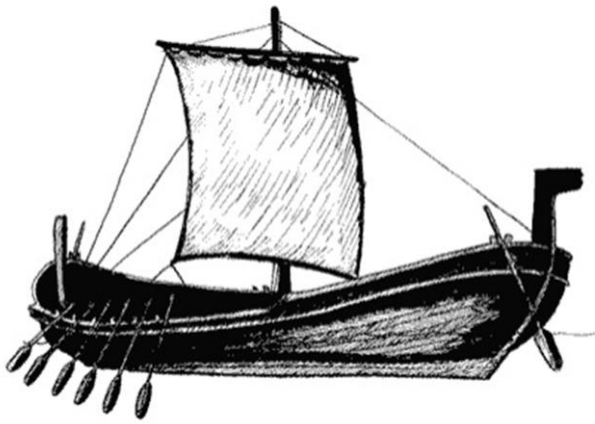

Рис. 2. Азовский баркас с одним парусом (Karataev et al., 2016: 393)

Специально для крейсерской службы азовский баркас был оснащен двумя парусами, что увеличивало скорость хода в ветреную погоду, а также фальконетом – малокалиберным орудием. Помимо этого, экипаж оснащался различным бордовым вооружением.

Наблюдение гребной флотилией протяженной береговой полосы было возможно только в том случае, если на берегу устраивались опорные пункты (крепости). Они должны были находиться на таком расстоянии между собой, чтобы гребные суда могли контролировать район. Этот фактор был одним из основополагающих при выборе мест для строительства крепостей. По мере их создания на черноморском побережье формировалась и гребная флотилия. Для службы на ней были избраны азовские казаки, потомки запорожцев.

Первоначально каждому русскому укреплению полагалось по одному азовскому баркасу, которые также называли и «ладьями». Азовский баркас имел 2 паруса, 16 весел и плоскодонную конструкцию, которая позволяла легко вытаскивать судно на берег. На вооружении баркаса был 3-фунтовый фальконет. Команда баркаса сначала состояла из офицера, рулевого и 16 гребцов (АКАК, 11: 936).

Впоследствии один случай показал, что недостаточно иметь по одному баркасу при каждом укреплении. Так, турецкая кочерма во время отсутствия баркаса из укрепления Тенгинского, прошла на виду крепости и пристала к берегу. Этот случай незамедлительно заставил удвоить число баркасов, но, чтобы не требовать на службу двойного числа азовских казаков, было решено разделить каждую команду на два баркаса и дополнить гребцов нижними чинами из линейных батальонов. Со временем штатное число азовских казаков было увеличено до 464 человек. В их число входили 2 штаб-офицера, 20 обер-офицеров, 22 урядника и 420 казаков (АКАК, 11: 936). Они разделялись на 20 команд и каждые 10 команд составляли отдельную часть под командованием штаб-офицера. Первая часть занимала пространство от Анапы до форта Навагинского включительно, а вторая – южную часть Черноморской береговой линии (Щербина, 1913: 352). Число баркасов в укреплениях было неодинаково, в большинстве своем было по два баркаса, но в некоторых по одному. Вторая часть азовских казаков занимала, кроме укреплений, карантинно-таможенные пункты между Сухумом и Поти.

Казаки и прикомандированные к ним нижние чины получали в течение года продовольствие по морскому положению, а офицеры, кроме жалованья, морские порционные деньги.

Нужно отметить, что занятие северо-восточного берега Черного моря укреплениями в тех местах, где турецким контрабандным судам удобнее всего было приставать, а также двойное крейсерство, принесли ожидаемую пользу.

Приход турецких судов к берегу постоянно уменьшался и к 1846 г. резко снизился. Азовские казаки истребили все без исключения черкесские галеры и заставили черкесов отказаться от мореплавания и морских разбоев, которыми они занимались против купеческих судов, доставлявших провиант в Абхазию. Баркасы с 20 казаками отважно нападали на галеры, имевшие от 60 до 80 человек. Так, например 18 июня 1848 г. азовский баркас прапорщика Гирина преследуя контрабандное турецкое судно более 40 верст, сумел догнать и пушечными выстрелами заставил спустить паруса на судне контрабандистов. На борту оказались 22 человека мужского пола и 22 женщины с детьми (РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 6755. Л. 1).

После снятия береговых укреплений в период Крымской войны Азовская гребная флотилия участвовала в эвакуации крепостей. Этот процесс происходил весной 1854 г. в период сильных ветров и бурь. В то время значительное число гребных судов пришло в негодность, и несколько из них затонуло. В 1854 г. русская администрация получила сведения, что устье реки Рион – важный морской пункт на побережье Мингрелии – не был занят противником, в результате чего азовские баркасы второй части Черноморской береговой линии начали сосредотачиваться в этой зоне (АКАК,

11: 939). Тем не менее к окончанию эвакуации из 34-х азовских баркасов оставалось в устье реки Рион 10 баркасов, в Керченском проливе – 6, в Анапе – 1 и в Новороссийске без азовских команд – 5. Последние 5 были оставлены за негодностью, но вице-адмирал Серебряков исправил их и употребил в деле при уничтожении турецких купеческих вооруженных судов в Геленджикской бухте 4 июня 1854 г.

Таким образом, в устье реки Рион сгруппировалась основная часть азовских баркасов. Начальник гурийского отряда русской армии генерал-майор, князь Багратион-Мухранский, предложил командующему Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанту Реаду привести флотилию в полную боеготовность, так как планировал активно ее использовать в боевых действиях. По мнению князя Багратиона-Мухранского, Рионская флотилия, находясь в устье реки, в месте, недоступном для больших кораблей, может наблюдать за побережьем и нападать на малые каботажные турецкие суда, затруднять морские коммуникации. В качестве мер для поднятия боеготовности князь Багратион-Мухранский предлагал: два изношенных баркаса заменить новыми, укомплектовать азовские казачьи команды матросами численностью в 100 человек при 2 офицерах из Каспийской флотилии. Также предполагалось придать флотилии одного врача и трех фельдшеров. В качестве перевооружения предлагалось снабдить матросов и казаков абордажным морским оружием: пистолетами, винтrepиями и мушкетами. Заменить на баркасах 3-фунтовые чугунные фальконеты на 10-фуновые медные горные единороги, при этом снабдить казаков боевыми ракетами. Из всех предложений не были удовлетворены только два последних, так как в наличии 10 единорогов у штаба корпуса не было, а стрельба ракетами с баркаса считалась малоэффективной. Тем не менее, ракеты в Гурийский отряд поступили. Так, по состоянию на апрель 1855 г. в отряде было 300 ракет при 8 станках для запуска (АКАК, 11: 938), то есть штатное количество вооружений для одной пешей ракетной команды. Необходимо отметить, что широкое применение ракетных команд на Кавказе началось с самого начала 1850-х гг. (Chursin et al., 2017: 1240).

Рионскую гребную флотилию возглавлял есаул Могильный. На 1 февраля 1855 г. в ней находились по списку 1 штаб-офицер, 9 обер-офицеров, 194 нижних чина, помимо этого из них были большими 1 штаб-офицер и 39 нижних чинов. В командировке и отпусках числились 1 штаб-офицер и 2 нижних чина.

Находясь на театре боевых действий, гребная флотилия 27-го апреля принимала участие в наведении моста через Рион для переправы отступающих от Озургет русских войск, 29-го апреля взяла в море турецкую кочерму с 6-ю матросами. 15-го мая сопровождала гурийский отряд к Редуту и прикрывала наведенный мост, 29-го ноября, выйдя из устья Риона, овладела двумя турецкими каботажными судами с 7-ю матросами на борту (АКАК, 11: 937). Если в первой половине 1855 г. охота шла на малые турецкие суда постоянно, то в следующей половине турки начали перевозить свое имущество пароходами или парусниками, которые буксировали нагруженные лодки. Иными словами, гребной флотилии оставалось только рассчитывать на случайные призы, полученные из-за оплошности неприятеля.

К 1855 г. часть Рионской флотилии находилась в плохом состоянии. Дело в том, что срок службы баркаса составлял 6 лет. В результате 6 баркасов нуждались в замене, хотя некоторые могли еще использоваться. Тем не менее во время войны на 1856 г. были выделены средства и люди для строительства новых азовских баркасов для Рионской флотилии (АКАК, 11: 938).

Рис. 3. Азовские казаки атакуют турецких пиратов. Картина Григория Гагарина 1847 года (Karataev et al., 2016: 394)

В качестве экипажа на новые баркасы нанимались вольнонаемные матросы с жалованьем 3 руб. серебром в месяц, а также с прочим довольствием, полагаемым азовским казакам. Для экипировки личного состава было выдано абордажное оружие – 150 копий и 40 тесаков (АКАК, 11: 938). Использовалось также трофейное оружие. Так, в Гурийский отряд, в составе которого была и Рионская флотилия, в 1855 г. поступили 4 турецкие гаубицы, расверленные до калибра российских 10-фунтовых единорогов (АКАК, 11: 938).

Важно отметить, что копья использовались не только как колющие средства, но и как багры для качественного скрепления с судном, которое брали казаки на абордаж. Это хорошо представлено на рис. 3.

Между тем ремонтное обслуживание Рионской флотилии требовало средств. В результате средства Черноморской береговой линии на эти нужды были разделены на две части и одна часть была передана в Гурийский отряд. При строительстве новых азовских баркасов применялись и новые технические решения. Так, для увеличения скорости для двух строящихся баркасов при Бакинской морской станции были сшиты «по правилам морского искусства и по чертежу» паруса, а для 5 баркасов – обыкновенные новые паруса (АКАК, 11: 939).

По состоянию на сентябрь 1855 г. Рионская гребная флотилия имела 7 баркасов. В штатном составе находились 1 штаб-офицер, 9 – обер-офицеров, 10 урядников и 170 нижних чинов. Из них больными числились 1 обер-офицер и 12 казаков, а в отпуске – 1 штаб-офицер. То есть в строю находились 8 обер-офицеров, 10 урядников и 158 казаков (АКАК, 11: 939).

Согласно планам 1854 г., Рионская флотилия должна была использоваться не только для охраны устья Риона, но и в действиях в прибрежной части Черного моря для захвата небольших турецких каботажных судов в районе между Редут-кале и Батумом. Важно отметить, что в 1855 г. Рионская флотилия свои задачи выполняла, однако в январе 1856 г. ситуация принципиально изменилась. Турецкая армия, высаженная в Сухуме, двигалась к Мингрелии, а в Редут-кале на якоре постоянно находились несколько пароходов, которые делали невозможным ведение поиска на море силами гребной флотилии.

Важно отметить, что и охрана устья Риона стала достаточно проблематичной, так как флотилия была вооружена баркасами и каюками, которые по своей конструкции не в состоянии были противостоять канонерским лодкам в случае, если бы противник их ввел в устье реки Рион.

Общие расходы на Рионскую гребную флотилию составляли около 15 тыс. руб. в год (АКАК, 11: 939).

29-го октября 1855 г. начальник Гурийского отряда генерал-майор, князь Багратион-Мухранский, отдал приказание командиру Рионской гребной флотилии капитан-лейтенанту Савиничу сжечь флотилию. 2 ноября приказ был исполнен. Однако командир флотилии сжег 5 старых баркасов и турецкую призовую лодку. 2 лучших баркаса с имуществом казаков были посланы вверх по течению к Марани. Тем не менее из-за мелководья баркасы не смогли подняться выше по течению, и 3 ноября были также сожжены (АКАК, 11: 159). По иронии судьбы спустя 2 недели (17 ноября) пала турецкая крепость Карс, причины ее падения крылись не столько в боевых действиях, сколько в истощении запасов и эпидемии холеры. Это, в свою очередь, сделало бессмысленным дальнейшее наступление турецкого десанта на Мингрелию (Vazerova et al., 2017: 118).

11 января 1856 г. капитан-лейтенант Савинич, находясь в должности специального морского офицера, докладывал генералу Муравьеву, что гребная флотилия в устье Риона может быть грозной для противника только в случае усиления ее канонерской лодкой с двигателем в 40 л.с. Савинич считал, что с ее помощью можно безнаказанно тревожить соседние укрепления Редут-кале и Николаевск, а также произвести внезапную атаку на идущий мимо устья реки Рион неприятельский пароход. Успех такой атаки, по мнению Савинича, зависел только от быстрого приближения к неприятелю, что невозможно было предпринять с одними гребными лодками (АКАК, 11: 939). Для защиты устья Риона от вторжения неприятеля на речных пароходах гребная флотилия без помощи парового двигателя также была обречена на поражение. Более того, Савинич полагал, что гребная флотилия может сослужить хорошую службу при вооруженной крепости Поти в качестве защиты при нападении с моря.

В то же время Савинич предлагал следующий алгоритм действий для сопротивления паровой неприятельской флотилии на Рионе. При помощи большого прикрытия стрелков по берегам реки и при содействии мингрельцев гребная флотилия могла не допустить паровые лодки далее дер. Чалодилы.

Для этого, считал Савинич, необходимо укомплектовать 10 азовских баркасов по 25 чел. на каждый, с резервом в 50 чел. Спешенные казаки, снабженные конгревовыми ракетами, составляя колонну, с прикрытием стрелков и мингрельцев, могли бы часто производить аванпостные набеги и вредить неприятелю из леса в окрестностях Редут-кале и в других пунктах на берегу моря. К этому времени от Рионской гребной флотилии оставалось 114 азовских казаков, их предлагал Савинич либо доукомплектовать до 300 человек, либо отпустить этих (многие из которых уже дослужили положенный срок) и прислать полный штат новой флотилии (АКАК, 11: 940).

Для успешного построения 10 лодок в местечке Варчих (при соединении Квирилы с Рионом), где находились заготовленный казенный лес и пильная мельница, нужно командировать на время из

Каспийской флотилии офицера корпуса корабельных инженеров. В помощь находящимся в отряде 4-м шлюпочным плотникам нанять вольных мастеровых в Кутаисе или назначить из саперного батальона мастеровых 10 человек, присоединив к ним из Тифлисского арсенала 6 человек мастеровых для постройки лафетов для 10-фунтовых единорогов.

Для вооружения и обучения вновь прибывших казаков Савинич считал необходимым назначить из Каспийской флотилии при двух офицерах 30 человек матросов, двух кондукторов Корпуса штурманов, одного писаря и фельдшера. Довольствие жалованьем всем морским чинам Каспийской флотилии предлагалось назначить из Бакинской морской станции, а деньги на морскую провизию выдавать по казачьему положению от штаба Гурийского отряда. Генерал Муравьев согласился с доводами капитан-лейтенанта Савинича и санкционировал строительство 10 новых лодок для Рионской флотилии, с вооружением каждой ¼ пудовым единорогом.

К лету 1856 г. вооружение новой гребной флотилии было усилено. Так, 7 из 10 лодок были вооружены одним фальконетом и одним горным единорогом, а остальные три – одним единорогом и конгревовыми ракетами (АКАК, 11: 940). По новому штату предполагалось иметь для 10 лодок одного штаб-офицера, 10 обер-офицеров (по одному на лодку), по одному на лодку уряднику и 12 казаков. Помимо этого на все лодки запасных – 5 урядников и 30 казаков, всего: 1 штаб-офицер, 10 обер-офицеров, 15 урядников и 150 казаков. Важно отметить, что в это время в Гурийском отряде находилось из Азовского казачьего войска 11 обер-офицеров, а также 145 казаков и урядников (АКАК, 11: 940). Имеющийся контингент предполагалось отпустить на родину из-за того, что многие уже отслужили положенное время, а также по причине расстроенного у многих здоровья.

Для службы азовских казаков в Грузии полагался трехлетний срок, после которого чины должны были отправляться на родину. При этом контингент должен был разделяться на 2 части, и отпускалась домой только первая часть, а вторая часть продолжала службу и обучала вновь прибывших. 12 июня 1856 г. император Николай I одобрил идею восстановления Рионской гребной флотилии (10 лодок) для осуществления крейсера в вдоль Черноморской береговой линии. Утверждение получили рекомендованные генералом Муравьевым и штаты флотилии. Поддержана была идея разделения штатов новобранцев на две части.

Постройка Рионской гребной флотилии не была окончена во время управления краем ген. Муравьева, который выехал с Кавказа в августе 1856 г. Из дальнейшей переписки известно, что вместо 10 лодок было построено в Варцихе всего 5, так как заготовленный лес оказался малопригодным. Строительство 5 лодок обошлось казне в 5621,32 руб. (каждая по 1124,26 руб.).

5. Заключение

Таким образом, созданная в период Крымской войны Рионская гребная флотилия приняла участие в боевых действиях. Суда флотилии занимались не только поиском и захватом малых каботажных турецких судов, но и помогали в организации переправ через р. Рион. С ухудшением обстановки осенью 1855 г. баркасы Рионской гребной флотилии были уничтожены ввиду невозможности их отхода выше по течению реки. После улучшения военной обстановки Рионская гребная флотилия начала вновь отстраиваться, при этом вооружение гребных судов было еще более усилено.

6. Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Литература

- АКАК, 11 – Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 11. Тифлис, 1888.
 Гаденко, 1912 – Гаденко А.П. Азовское казачье войско. Кашира, 1912.
 ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
 Маленко, 2000 – Маленко Л. Азовское казачье войско (1828–1866). Запорожье, 2000. 514 с.
 Пономорев, 2011 – Пономорев В.П. Заселение территории современного Абинского района Краснодарского края азовскими казаками в 1863 году // Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 5. Краснодар–Киев, 2011. 352 с.
 РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота.
 Смирнов, 2006 – Смирнов А.А. Морская история казачества. М., 2006.
 Соклаков – Соклаков А.Ю. Казачий флот в контексте рассмотрения развития системы комплектования казачьих войск. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cossackdom.com/articles/s/soklakovflot.htm> Дата доступа: 12.01.2016 г.
 Щербина, 1913 – Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Т. 2. Екатеринодар, 1913.
 Chursin et al., 2017 – Chursin A.A., Semenov A.S., Kokuitseva T.V. To the Issue of the Combat Use of Missile Weapon in the Caucasus in the XIX century // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 46, Is. 4. Pp. 1237-1243.
 Karataev et al., 2016 – Karataev V.B., Gordeev I.A., Zimovets L.G. Azov Cossack Host on the Territory of the Black Sea Coastline // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 40, Is. 2. Pp. 392-397.
 Marigny, 1837 – Marigny de. Three Voyages in the Black sea to the coast of Circassia. London, 1837.

Vazeroва et al., 2017 – Vazeroва A.G., Gurbanov R.A., Micky N.V. The Crimean War (1855–1856): the Combat Operations in Rioni Region // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 43, Is. 1. pp. 112-120.

References

- AKAK, 11 – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeographic commission]. V 12 t. T. 11. Tiflis, 1888. [in Russian]
- Gadenko, 1912 – Gadenko A.P. (1912). Azovskoe kazach'e voisko [Azov Cossack host]. Kashira. [in Russian]
- GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [The state archive of Krasnodar Krai].
- Malenko, 2000 – Malenko L. (2000). Azovskoe kazach'e voisk'o (1828–1866) [Azov Cossack Host (1828– 1866)]. Zaporozh'e. 514 p. [in Russian]
- Ponomorev, 2011 – Ponomorev V.P. (2011). Zaselenie territorii sovremennogo Abinskogo raiona Krasnodarskogo kraia azovskimi kazakami v 1863 godu [The settling of territory of modern Abinsk district of the Krasnodar territory of the Azov Cossacks in 1863] // *Kuban'-Ukraina: voprosy istoriko-kul'turnogo vzaimodeistviya*. Vyp. 5. Krasnodar – Kiev, 2011. 352 p. [in Russian]
- RSA Navy – Russian State Archive of the Navy.
- Smirnov, 2006 – Smirnov A.A. (2006). Morskaya istoriya kazachestva [The naval history of the Cossacks]. M. 186 p. [in Russian]
- Soklakov – Soklakov A.Yu. Kazachii flot v kontekste rassmotreniya razvitiya sistemy komplektovaniya kazach'ikh voisk [The Cossack fleet in the context of the development of the recruitment system of Cossack troops] (elektronnyi variant). [Electronic resource]. URL: [http://www.cossackdom.com/articles /s/soklakovflot.htm](http://www.cossackdom.com/articles/s/soklakovflot.htm) Data dostupa: 12.01.2016 g. [in Russian]
- Shcherbina, 1913 – Shcherbina F.A. (1913). Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska [The history of the Kuban Cossack Army]. V 2 t. T. 2. Ekaterinodar. [in Russian]
- Chursin et al., 2017 – Chursin A.A., Semenov A.S., Kokuitseva T.V. (2017). To the Issue of the Combat Use of Missile Weapon in the Caucasus in the XIX century. *Bylye Gody*, Vol. 46, Is. 4. pp. 1237-1243.
- Karataev et al., 2016 – Karataev V.B., Gordeev I.A., Zimovets L.G. (2016). Azov Cossack Host on the Territory of the Black Sea Coastline. *Bylye Gody*, Vol. 40, Is. 2. pp. 392-397.
- Marigny, 1837 – Marigny de. Three Voyages in the Black sea to the coast of Circassia. London, 1837.
- Vazeroва et al., 2017 – Vazeroва A.G., Gurbanov R.A., Micky N.V. (2017). The Crimean War (1855–1856): the Combat Operations in Rioni Region. *Bylye Gody*, Vol. 43, Is. 1. pp. 112-120.

Рионская гребная флотилия 1854–1856 гг.: страницы истории

Владимир Борисович Каратаев^{a, b, *}, Семен Ирсылевич Адиньяев^c, Светлана Федоровна Артемова^d

^aМеждународный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^bВолгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^cРоссийский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^dПензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается создание и боевое применение Рионской гребной флотилии, созданной за счет разделения Азовской казачьей флотилии в период Крымской войны. Уделено внимание обстоятельствам создания флотилии, ее боевому опыту и попыткам модернизации гребных судов в период войны.

В качестве материалов были использованы опубликованные документы из «Актов Кавказской археографической комиссии». Привлекались также документы Российского государственного архива военно-морского флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация).

В заключении авторы отмечают, что созданная в период Крымской войны Рионская гребная флотилия приняла участие в боевых действиях. Ее суда занимались не только поиском и захватом малых каботажных турецких судов, но и помогали в организации переправ через р. Рион. С ухудшением обстановки осенью 1855 г. баркасы Рионской гребной флотилии были уничтожены ввиду невозможности их отхода выше по течению реки. После улучшения военной обстановки Рионская гребная флотилия начала вновь отстраиваться, при этом вооружение гребных судов было еще более усилено.

Ключевые слова: Рионская гребная флотилия, 1854–1856 гг., азовские казаки, баркас, Крымская кампания, река Рион.

* Корреспондирующий автор

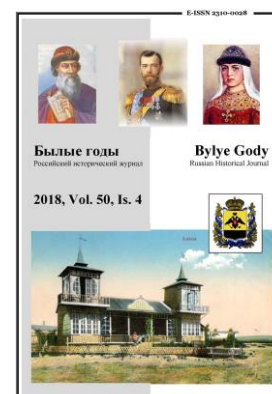
Адреса электронной почты: evr2010@rambler.ru (В.Б. Каратаев), s.adinyaev@mail.ru (С.И. Адиньяев)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1632-1643. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1632
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Choice of the Way to the Future: to the History of the Don and Orenburg Cossack Hosts as Polygons for Military and Economic Reforms in 1860–1870

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

^b East European History Society, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the problem of alternative ways of development of the Cossacks in the middle of the 19th century, which poorly understood in Russian historiography. Author uses little-known archival materials from the manuscript department of the Russian National Library and the Russian State Historical Archives, some of which are involved in scientific circulation for the first time. The Orenburg Hosts became a "polygons for reforms" because its local elite supported moderate reforms, fearing that otherwise the government could begin to completely eliminate this Cossack Hosts (appeals to this really sounded). However, by the middle of 1870 it became clear that these reforms (based on the conscriptional service system) did not meet expectations. In these circumstances, the Ministry of War turned to the experience of the disloyal Don Hosts, giving representatives of its elite to develop an alternative draft of the military service of the Cossacks, based on the traditional general military service of the Cossacks. This project was supported by the atamans of the Caucasian Cossack troops and the commander of the Orenburg military district, which predetermined its victory. But decade later it emerged that both the "Orenburg" and "Don" versions of the reforms had a common flaw: the economic press was too heavy for the Cossack economy.

Keywords: Orenburg Cossack Host, Don Cossack Host, the Cossacks' Reforms of 1860-1870, conscriptional service system, N.I. Krasnov, N.A. Maslakovets, P.V. Zvorykin.

1. Введение

1860–1870 гг. были интереснейшей эпохой в истории российского казачества, временем экспериментов и реализации в казачьих войсках полностью противоречащих их традициям проектов (о важнейшем из этих проектов мы и будем говорить в нашей статье). При этом различным казачьим войскам была предоставлена определенная свобода в том, чтобы развиваться своим путем. Яркой иллюстрацией подобной самостоятельности может служить то, что к началу 1870 гг. система военного обучения в каждом казачьем войске имела свои особенности, причем можно было выделить целых три принципиально различных варианта этой системы: донской, в рамках которого основной задачей считалась тренировка новобранцев станичными инструкторами; забайкальский, предполагавший, что подобные новобранцы должны год прослужить в учебных командах; кубанский, акцентировавший внимание не на подготовке молодых казаков, но на поддержании боеспособности казаков опытных, вышедших на льготу (Перетятко, 2017: 144–148). Военное Министерство заняло в этой ситуации выжидательную позицию, наблюдая и рассчитывая со временем понять, какой из этих вариантов окажется наиболее эффективным. Его представитель М.П. Хорошхин в 1873 г. писал: «Насколько перечисленные меры будут способствовать к лучшему обучению казаков – теперь определить невозможно, так как они установлены с недавнего времени; по этой же причине трудно судить о практической той или иной меры» (Хорошхин, 1873: 3).

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

Чтобы объяснить, с одной стороны, факт проведения в казачьих войсках масштабных экспериментов, а с другой – необычную свободу, предоставленную в этих экспериментах местным властям, дадим слово другому современнику, оренбургскому атаману и генералу от инфантерии Н.А. Маслаковцу. «Все формы как народного быта, так и гражданского устройства, действовавшие в то время (на начало 1860 гг. – А.П.) в пределах казачьих территорий, давно уже отжили свое время и, видимо, обветшали, будучи при том главным образом основаны на историческом обособлении казачьих населений от других сословий в России. <...> Все формы экономического и гражданского устройства казачьих войск требовали как для блага самих населений, так и в видах возможно более успешного выполнения казачьими войсками целей правительственных, всестороннего пересмотра и коренных преобразований. Правительство, вполне оценив важность и неотложность этих реформ и сознавая всю трудность установления основных начал будущего устройства казачьих войск без ближайшего ознакомления с местными условиями, неизбежно влияющими на уклонение различных казачьих войск в ту или другую сторону от общего формального дела, приняло необходимость призвать самые казачьи населения к трудам по предварительной разработке всех необходимых для их будущего развития преобразований. С этой целью еще в 1860 г. были учреждены во всех казачьих войсках временные для составления новых о них положений комитеты» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 99. Л. 30–31).

Таким образом, к началу 1860 гг. правительство считало традиционное устройство казачьих войск абсолютно устаревшим и планировало полную перестройку его «основных начал». При этом в ходе перестройки предполагалось учитывать мнения самих казаков, создав в каждой войске специальные комитеты для подготовки реформ. В историографии (по крайней мере, донской) бытует мнение о бесправности этих комитетов. Дело в том, что в итоге военного министра Д.А. Милютин абсолютно не устроил подготовленный на Дону проект предстоящих реформ, и он не просто отверг его, но распорядился перенести дальнейшую работу по разработке преобразований во всех казачьих войсках в Санкт-Петербург. В воспоминаниях министра эти события описываются следующим образом: «Новочеркасский комитет представил проект, проникнутый духом замкнутости, обособленности, старинных привилегий казачества, без всякого внимания к новым преобразованиям в государстве. Такой проект очевидно показал, что вести столь важное дело на местах в среде самого казачества было невозможно без общего руководства центральной власти» (Милютин, 2005: 184–185). На этом основании современный таганрогский исследователь А.А. Волвенко полагает, что «результаты деятельности донского комитета оказались не востребованы, как «не соответствующие духу новейшего законодательства» (Волвенко, 2014: 18). Однако другой современный историк, Р.Г. Тикиджьян, не вполне согласен с данным утверждением и пишет по этому поводу следующее: «Последующий анализ проведения реформ на территории Войска Донского в период с 1868 по 1882 годы показывает, что центральной и местной властями все же были учтены некоторые значимые рекомендации и отдельные положения, разработанные донским кодификационным комитетом и донскими представителями правительственного Временного комитета» (Тикиджьян, 2014: 95–98).

На наш взгляд, Военное министерство могло отвергать конкретные предложения войсковых кодификационных комитетов, но не могло полностью игнорировать занятые ими позиции. Это может показаться странным современному читателю, но в начале 1860 гг. даже проправительственно настроенные авторы писали о возможности бунта на Дону в случае грубого нарушения прав казачества. Например, Н.И. Краснов, еще один чиновник Военного министерства, в 1864 г. писал: «Ни один народ не расстанется равнодушно с своими правами, обычаями и особенностями, а тем более с правами и привилегиями, в случае же насильственного их уничтожения оказывает сопротивление, берется за оружие, не дорожит жизнью и имуществом своим и уступает только огромному превосходству силы своего противника» (Краснов, 1864: 120–121). Даже десятилетием позже, в 1874–1875 гг., когда рассматривалась возможность создания Таганрогской губернии, донской атаман Н.А. Краснокутский предупреждал, что отторжение в ее пользу казачьих земель опасно именно тем, что при этом будут явно нарушены казачьи привилегии, точнее, неприкосновенность границ Области Войска Донского, что приведет к «серьезному недовольству» в среде местного населения (Peretyatko, 2016: 453–454). Поэтому не следует переоценивать централизаторские тенденции в политике Военного министерства по отношению к казачьим войскам в этот период: безусловно, решающим для проведения тех или иных реформ на казачьих территориях было мнение центрального правительства, однако местным властям была дана широкая свобода в локальных преобразованиях, вроде изменений в описанной выше военной подготовке казаков, а при проведении более серьезных реформ по крайней мере учитывалось мнение кодификационных комитетов, а позже представителей от соответствующего войска во Временном комитете по пересмотру казачьих законоположений, заменивших эти кодификационные комитеты. И очень быстро оказалось, что резко оппозиционному по отношению к правительственной политике Донскому войску можно противопоставить войско Оренбургское как наиболее лояльное к идеям Военного министерства.

Тут уместно обратить внимание читателя на то, что в XIX в. реформы, затрагивающие российское казачество в целом, проводились обычно двумя путями. Первый из них сразу предполагал реализацию реформы во всех казачьих войсках. Подобным образом для всего российского казачества было составлено «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск» от 1891 г.

(Положение, 1891). Хотя фактически данный документ в разных казачьих областях вступал в силу не одновременно (например, в Забайкалье он был введен в действие с 30 августа 1893 г. (Маслаковец, 1903: 31), он изначально разрабатывался как универсальный с участием атаманов и представителей большинства казачьих войск (Об изменении..., 1888: 1–16). В других случаях реформа проводилась в одном войске, берущем на себя своеобразную роль полигона для правительственных экспериментов, и только затем переносилась на остальные казачьи войска или, напротив, признавалась ненужной. В интересующий нас период подобное, например, произошло с земской реформой, сначала реализованной на Дону, а потом фактически отмененной из-за нежелания казаков платить земские повинности (Волвенко, 2008: 196–213). Обычно «полигоном для реформ» выступала именно Земля (с 1870 г. – Область) Войска Донского: в частности, еще «Положение об управлении Донского войска» от 1835 г. стало затем образцом для создания «Положений» о других казачьих войсках, например, Черноморском и Оренбургском (Столетие..., 1902: 287, 290). В 1890 гг. исследование причин обеднения казачьих войск также было начато на Дону и только затем признано актуальным для всего российского казачества (Столетие..., 1911: 82). Однако в 1860 гг. в условиях жесткой оппозиции донского общества Военному министерству возникла необходимость поиска альтернативного «полигона для реформ» российского казачества. И вполне предсказуемо, что этим полигоном стало Оренбургское казачье войско. В условиях большей, чем обычно, свободы преобразований в различных казачьих войсках, в 1860 гг., на наш взгляд, реформы на Дону и в Оренбуржье шли все более отдаляющимися друг от друга путями, представляя собой два варианта перестройки казачества. Подробный анализ и сопоставление этих вариантов потребовали бы отдельного монографического исследования, но мы в своей статье хотели бы ответить хотя бы на три вопроса. Почему именно Оренбургское войско добровольно согласилось стать полигоном для реформ, полностью перестраивающих казачество и, по оценке донских современников, далеко не безопасных? Почему эти реформы были свернуты и возобладал изначально оппозиционный правительству донской вариант преобразований? И, наконец, насколько существенной была разница между двумя альтернативными вариантами реформ?

2. Материалы и методы

Чтобы ответить на эти вопросы, мы обратимся к малоизвестным архивным источникам, некоторые из которых еще не вовлекались в научный оборот. Часть из них имеет личное происхождение: речь идет о записках и исследованиях сторонников «оренбургского» пути развития казачества, упомянутых выше Н.И. Краснова (хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290) и Н.А. Маслаковца (хранятся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 98, 99), П.В. Зворыкина (также хранятся в ОР РНБ (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3). Другие представляют собой аналитическую документацию Военного министерства: в Российском государственном историческом архиве (РГИА) нам удалось найти ряд текстов, из которых становится ясно, почему в начале 1870 гг. «оренбургский» вариант реформ был реализован и в кавказских казачьих войсках (РГИА. Ф. 1405. Оп. 63. Д. 7572) и почему эта реализация не привела к ожидаемым позитивным последствиям (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429). В своем исследовании мы будем использовать главным образом историко-описательный метод, знакомя читателя с содержанием этих источников, и историко-сравнительный метод, чтобы наконец понять, почему «донской» вариант реформ, реализованный в изначально оппозиционном по отношению к правительственным идеям войске, в итоге одержал решительную победу.

3. Обсуждение

Эпоха Великих реформ в России, эпоха либеральных преобразований, сразу же поставила казачьи войска в крайне уязвимое положение. Дело в том, что в предыдущие десятилетия правительство пыталось «законсервировать» их, сохранить максимально близкими к тому виду, в котором они находились в наполеоновскую эпоху. Вот что, например, говорил Николай I донскому атаману М.Г. Власову: «Я люблю казаков, но не желал бы видеть их не казаками: надобно, чтобы на Дон не доходила никакая реформа, ни в правах, ни в обычаях, ни в самом служении. Пускай казаки останутся славными казаками Отечественной войны двенадцатого года» (Volvenko, 2015: 109). Это не означало, разумеется, полного отказа от реформ казачества, однако эти реформы не разрушали, но законодательно закрепляли «основные начала» устройства казачьих войск (Перетягко, 2018), на устарелость которых жаловался Н.А. Маслаковец. В результате казачьи территории в экономическом отношении все больше отставали от сопредельных губерний. Вот что писал по этому поводу Н.И. Краснов в своем исследовании, призванном доказать невыгодность для государства иррегулярной системы комплектования армии: «Прошло 80 лет со времен присоединения Крыма и умиротворения ногайских татар, а жители Донской области по-прежнему остаются в своем военном строе, медленно развиваются по пути гражданственности, и само правительство до шестидесятих годов настоящего столетия, видимо, потворствовало подобному порядку дел, считая, вероятно, выгодным для себя не только в военном и политическом, но и в финансовом отношении кажущееся недорогое содержание иррегулярных войск вместо регулярных» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 1150б.). А неудачи русского оружия в Крымскую войну подорвали и прежнюю европейскую военную

славу казаков. «Какими же мы нашли казаков в 1854 году? Что делали знаменитые их бекеты во время высадки французских войск? Сент-Арно доносит: «Я высадился без одного выстрела», – писал по этому поводу анонимный французский автор (Краснов, 1870: XIII).

И к началу 1860 гг. многим современникам казачьи войска начали казаться чем-то архаичным. В официальном «Военном сборнике» в январе 1861 г. вышла статья за подписью некоего Ст., в которой приводилось четыре мнения, популярных в военной среде: «Если обстоятельства, родившие казачество, миновались, казачество должно пасть»; «То, что должно пасть, не следует поддерживать искусственными средствами»; «Донское войско есть аномалия, потому что расположено внутри Империи; оно же родилось от необходимости оберегать границы оной»; «Единственное войско, для которого еще существуют обстоятельства, родившие его, есть кавказское линейное. Итак, единственно это войско и требует поддержки» (Ст., 1861: 202–203). Обратим внимание, что эта статья была написана до назначения Д.А. Милютин военным министром и, следовательно, до того, как Военное министерство взяло курс на радикальные реформы в казачьих войсках (предшественник Д.А. Милютин, Н.О. Сухозанет, был сторонником прежней, консервативной политики по отношению к казачеству, и утверждал, например, что привлечение на территорию Земли Войска Донского богатых людей неказачьего происхождения для развития экономики обернется тем, что «Дон наполнится владельцами богатыми, сильными и образованными, со связями и голосом своим – а тогда прощай ваше казачество» (Volvenko, 2015: 110). Соответственно, приведенные в статье Ст. мнения не были навязаны сверху и действительно отражали позицию части российских офицеров, о чем будут свидетельствовать и приведенные ниже цитаты, весьма нелестно характеризующие оренбургское казачество.

Дело в том, что из всех казачьих войск наибольшей критике подвергалось именно Оренбургское. Оно рассматривалось как не настоящее, искусственно созданное, а потому подлежащее упразднению в первую очередь. Снова дадим слово Н.И. Краснову. «Оренбургское войско своим существованием обязано самому правительству, которое воспользовалось небольшим проблемком казачества, высказывавшимся в так называемых волжских казаках (самарских и алексеевских), а также, руководствуясь идеей о выгоде для империи для военных поселенных войск, перемещало на территорию нынешнего Оренбургского войска не только отдельные семейства государственных крестьян, отставных солдат, башкир, польских шляхтичей и других, искавших себе нового жительства; но зачисляло в войско целые полки и батальоны, наделяя их достаточным количеством земли и обязав их так называемую казачьей службою. <...> Таким образом, это войско, основанное и поддержанное чисто административным путем, легко может изменить свой настоящий быт и усвоить гражданственность, лишь бы того требовали государственные вопросы» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 123об.–124об.). Н.А. Маслаковец был еще категоричнее, утверждая, что качества настоящих казаков «в Оренбургском казачьем войске не могли никогда получить и начала. Поэтому воинственность, удалство, сметливость, способность к перенесению трудностей и лишений дальних походов, составлявшие в свое время отличительные свойства настоящих казаков, в этом последнем никогда не имели и не могли иметь места» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 98. Л. 43–43об.). Подобные утверждения находили поддержку и на высшем уровне (сами Н.И. Краснов и Н.А. Маслаковец в 1860 гг. еще не имели генеральских чинов). Так, оренбургский и самарский генерал-губернатор А.П. Безак в начале 1860 гг. официально предложил перейти к постепенной ликвидации оренбургского казачества на том основании, что существование Оренбургского войска убыточно для казны и в военном отношении оно не отвечает ожиданиям правительства (Годовова, 2009: 63). Е.В. Годовова приводит его слова дословно: «Оренбургские казаки по местным условиям и разнотипному происхождению скорее всех других могут перестать быть казаками и замениться регулярными войсками» (Годовова, 2009: 63). Неизвестно, как развивались бы события, согласись император с А.П. Безаком, однако Александр II усомнился в возможности быстрого и безболезненного упразднения Оренбургского казачьего войска (Годовова, 2009: 63).

В этих условия оренбургская казачья элита избрала компромиссную стратегию, всячески демонстрируя Военному министерству полезность своего войска и его готовность к предстоящим реформам. Нам удалось обнаружить любопытнейший документ, «Записку о предложении относительно Оренбургского казачьего войска» оренбургского атамана П.В. Зворыкина. Эта записка была направлена против предложения Н.А. Маслаковца о немедленной ликвидации оренбургского казачества, однако атаман, позволявший себе даже личные выпады против своего оппонента, в то же время подчеркивал, что критикует именно идеи конкретного человека и не касается «соображений, по которым правительство может признать необходимым для пользы Государства и в особенности приграничного края обратить Оренбургское казачье войско в податное состояние» (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 10б.). Более того, П.В. Зворыкин признавал, что «частные выгоды одного сословия должны быть принесены в жертву выгодам общим, то есть Государства» (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 14об.), а это диаметрально противоречило позиции представителей донской элиты, полагавших, что в основу предстоящих реформ должны быть положены «справедливые пользы и желания казачьего сословия» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 10б.). Однако атаман призывал правительство проявить в ходе реформ разумную осторожность и не торопиться с ликвидацией оренбургского казачества, поскольку «ежели, не взирая на все соображения и расчеты, кажущиеся так верными, и

сверх всяких ожиданий предлагаемая мера почему-либо окажется неприменимой на практике, тогда казаков уже не будет» (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 17). По его мнению, в будущем Оренбургское войско, безусловно, следовало обратить в гражданское состояние, но пока время для этого не пришло. В интерпретации П.В. Зворыкина, превращение казачества в податное сословие ничуть не противоречило историческим традициям, но только при одном условии: если бы это происходило за счет того, что «станции, оставшиеся в тылу, хорошо обеспеченные от хищничеств новых граничных соседей, не давали уже людей на службу и взамен ее облагались налогом» (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 16). Соответственно, полное упразднение Оренбургского казачьего войска можно было произвести только тогда, когда «совсем обитатели киргизской степи получают гражданское устройство» (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 16–160б.).

Раскритиковав доводы Н.А. Маслаковца об убыточности Оренбургского казачьего войска и его небоеспособности (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 3–330б.) (обратим внимание, что эти доводы совпадали с антиказачьей аргументацией А.П. Безака), П.В. Зворыкин предлагал свой вариант реформ, который вполне укладывался в правительственную политику, однако в ее рамках был максимально консервативным. Он предлагал уничтожить замкнутость Оренбургского войска и включить его в состав Оренбургской губернии, с тем, чтобы местное население постепенно сливалось в однородную массу и «самые отдаленные от линии казачьи селения мало-помалу и незаметно для целого войска освобождались от воинской повинности и потом перечислялись в гражданское ведомство» (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 34). Может показаться любопытным, что подобный сравнительно мягкий способ обращения оренбургского казачества в податное состояние предлагал и А.П. Безак (Годовова, 2009: 63), однако он, как мы помним, рассчитывал на то, что слияние оренбургского казачества и крестьянства произойдет достаточно быстро. П.В. Зворыкин, напротив, подчеркивал, что «одним из первых и главных условий этого процесса» должна быть «постепенность» (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 34). Таким образом, оренбургская войсковая элита в лице своего атамана заняла достаточно сложную позицию: в отличие от донских казаков, она избегала прямой конфронтации с правительством, но при этом пыталось убедить последнее отказаться от наиболее радикальных реформ и сосредоточиться на реформах ограниченных, не предполагающих немедленной ликвидации казачьего сословия. И эта политика привела к определенному успеху: идеи А.П. Безака, Н.И. Краснова, Н.А. Маслаковца о демилитаризации Оренбургского войска были отвергнуты, и в Оренбуржье был начат другой, более компромиссный эксперимент.

Речь идет о реализации на его территории конскрипционной системы службы. Эта система, прежде никогда не практиковавшаяся в среде российского казачества, предполагала ограничение численности выставляемых войском частей, с тем, чтобы оставшиеся за штатом казаки полностью освобождались от службы в обмен на уплату определенной денежной суммы. Конскрипционной системе службы посвящена недавно вышедшая статья А.А. Волвенко (Волвенко, 2016), однако мы снова дадим слово для пояснения правительственной логики при проведении этой реформы чиновнику-современнику, Н.А. Маслаковцу. «Точно определяя размер военного состава и устанавливая совершенно новые условия отбывания лежащей на войске служебной повинности, закон навсегда освободил население Оренбургского казачьего сословия от поголовного прикрепления к военному делу. Жребий, решающий вопрос служить или не служить, так сказать, на заре вступления малолетка в самостоятельную жизненную деятельность, предоставляет казаку при зачислении в войсковые граждане (так называлась категория освобожденных от службы – А.П.) полный простор для приложения нравственных и материальных сил, согласно собственного призвания с первого же для него выбора, не отрывая его более от мирных занятий военными условиями отбывания очередного наряда на службу» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 99. Л. 40–400б.). Нетрудно усмотреть в этой системе определенное сходство с предложениями А.П. Безака и П.В. Зворыкина: Оренбургское войско не подлежало немедленной ликвидации, но в его составе выделялась особая категория казаков, близких к обычному населению империи и способных в перспективе слиться с ним.

Конскрипционная система службы оренбургских казаков была введена в 1867 г., а через четыре года, очевидно, удовлетворенное экспериментом Военное министерство начало распространять ее на другие казачьи войска: в 1871–1872 гг. она была установлена также для Кубанского, Терского, Сибирского, Забайкальского и Астраханского войск (Волвенко, 2016: 71). По мнению А.А. Волвенко, «предполагаемая выгода от разделения казаков на служилых и не служилых не успела плотно войти в жизнь казачества и продемонстрировать свой положительный, а может быть, и отрицательный эффект» (Волвенко, 2016: 71). Однако нам удалось найти материалы, которые позволяют несколько прояснить вопрос об эффективности новой системы. Правда, они относятся не к Оренбургскому, а к Кубанскому и Терскому казачьим войскам. Тем не менее, нам кажется уместным обратить внимание на них здесь.

В 1868 г. правительство выделяло Кубанскому войску из акцизов с продажи вина и водки на его территории 831 767 руб., а Терскому войску – 174 767 руб. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 63. Д. 7572. Л. 3070б.). Эти государственные субсидии давали больше $\frac{3}{4}$ доходов войскового бюджета в обоих войсках, при этом если Кубанское войско хотя бы обходилось без дефицита этого бюджета, то Терское тратило больше, чем получало из различных источников дохода (РГИА. Ф. 1405. Оп. 63. Д. 7572. Л. 307).

Между тем в рамках реформ местного гражданского управления планировалось «увеличение расходов на новые административные и служебные должности» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 63. Д. 7572. Л. 308). И в этих условиях Военное министерство решило обратиться к оренбургскому опыту, создав в обоих войсках разряд неслужилых казаков, численностью в 14 000 человек на Кубани и 2 000 человек на Тереке, что, при налоге в 15 руб. в год, обеспечило бы рост доходов войсковых бюджетов в размере 210 000 руб. и 30 000 руб. соответственно (РГИА. Ф. 1405. Оп. 63. Д. 7572. Л. 310об.). Хотя это не привело бы к уничтожению финансовой зависимости казачьих войск от государственной казны, но, по крайней мере, в теории должно было увеличить их доходы, не говоря уже о развитии местной экономики из-за роста численности освобожденной от обязательной службы рабочей силы.

Однако на практике введение конскрипционной системы в кавказских войсках привело совершенно не к тем итогам, которых ожидали. Интересно, что, согласно официальному «столетию Военного министерства», в Оренбуржье эта реформа провалилась из-за неверной оценки численности казаков при определении штата положенного контингента частей (Столетие..., 1907: 355). Аналогичная ситуация произошла и в Терском войске: здесь просто физически не хватало людей для укомплектования неслужилого разряда, полков и батарей. Указанной цифры в 2 000 войсковых граждан достигнуть так и не удалось: в 1876 г. их было только 1 780 (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429. Л. 8), а в 1881 г. – 1 735 (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429. Л. 37). Соответственно, на бумаге остались и 30 000 руб. дополнительного годового дохода для войскового бюджета: в том же 1881 г. с войсковых граждан было собрано всего 11 284 руб. 69 коп. (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 430. Л. 200б.). Нетрудно заметить, что сумма была заметно меньшей, чем та, которая выходила бы, даже если бы все имеющиеся неслужилые казаки исправно платили бы положенные 15 руб. Между тем из-за недостатка людей в служилом разряде для укомплектования хотя бы строевых частей членов этого разряда приходилось задерживать на службе, и нормальный срок однократного призыва (напомним, тогда казаки призывались в строй несколько раз, с перерывами на льготу), составлял 6–7 лет (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429. Л. 14).

Хотя в Кубанском войске ситуация была менее катастрофической, и в нем неслужилый разряд, очевидно, не оправдал возлагавшихся на него надежд. В 1880 г. один из корреспондентов писал начальнику Кубанской области: «В станицах есть много казаков не служащего разряда, не пользующихся землей по бедности, или по дурному поведению, или по другим причинам; они не в состоянии делать в войско 15 руб. взноса, и войско слагает эти недоимки в ущерб войскового дохода» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 33об.–34). Именно в отсутствие способов взыскать с неисправных плательщиков недоимки и заключалась причина, по которой и в Кубанском, и Терском войске доход с войсковых граждан был заметно меньше расчетного. Военное министерство замечало по этому поводу: «Неслужилые казаки нетрезвой жизни и вообще дурного поведения, сбывая и растрчивая свое имущество, они уходят на заработки и часто находятся в безвестном отсутствии, так что при невозможности командировать их на службу войсковое начальство лишено всяких средств взыскать с них накопившиеся недоимки» (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429. Л. 19–190б.).

Как мы уже сказали, нам не удалось найти аналогичных документов с анализом негативных последствий введения конскрипционной системы в Оренбургском войске, однако они существовали, и с большой долей вероятности можно предполагать, что там содержались схожие замечания. Во всяком случае, донской опыт, к которому мы сейчас перейдем, возобладал над оренбургским после того, как в 1876 г. командующий Оренбургским военным округом направил в Военное министерство проект реформы Оренбургского казачьего войска, и оказалось, что содержащиеся в нем предложения соответствуют уже проведенным на Дону преобразованиям в военной сфере (РГИА. Ф. 1246. Оп. 1. Год 1876. Д. 9. Л. 10).

Масштабная военная реформа на Дону была начата только в 1870 гг., заметно позже, чем в Оренбуржье. Хотя до этого отдельные мероприятия, связанные с изменениями системы военной службы, и проводились, они носили половинчатый и незаконченный характер. Дело было в том, что в 1860 гг. Военное министерство рассматривало конскрипционную систему как приоритетный вариант развития для всех казачьих войск и пыталось убедить донские власти реализовать ее. Однако в данном случае даже сторонники правительственной политики казачьего происхождения были крайне осторожны: в частности, начальник Главного управления иррегулярных войск Н.И. Карлгоф жаловался, что его доверенный помощник, донской казак А.П. Чеботарев, высказывался против подобной реформы «из опасения подвергнуться негодованием своих войсковых обывателей» (Volvenko, 2015: 112). И попытки навязать конскрипцию донскому казачеству, естественно, тормозили проведение его военных реформ: например, во время подготовки реформы военного управления краем атамана М.И. Черткова просили соотнести уже подготовленный план преобразований с новым проектом «положения по отбыванию казаками военной службы» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 67). Как мы показали во введении к статье, в этих условиях Военное министерство предпочитало не предпринимать слишком резких действий, опасаясь недовольства казаков, способного перейти в бунт. В результате к началу 1870 гг. конскрипционная система службы не была введена только в двух крупных казачьих войсках, Донском и Уральском.

И это снова сделало Донское войско оптимальным «полигоном для реформ», хотя и вопреки, а не благодаря воле правительства. Дело в том, что в 1870 гг. политика Военного министерства по

отношению к казачьим войскам начала меняться. Причины этих изменений слишком важны и обширны, чтобы анализировать их в данной статье, поэтому ограничимся указанием на то, что боевая ценность казачьих частей снова начала оцениваться достаточно высоко, и Военное министерство решило отказаться от постепенной ликвидации казачьих войск. В одном из документов 1881 г., к которому эта политика окончательно возобладавала, она была сформулирована следующим образом: «Известно, что в общем составе вооруженных сил наших ощущается недостаток в кавалерии, что и заставляет обратить особенное внимание на извлечение из казачьих войск наибольшей боевой силы, не только для местной потребности тех окраин, где расположены казачьи войска, но и для усиления кавалерии на западной границе, на случай европейской войны» (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429. Л. 250б.). К началу 1870 гг. Военное министерство еще не было полностью уверено в правильности подобной политики, но, по крайней мере, продолжая распространять конскрипционную систему за пределы Оренбургского войска, оно в то же время предложило другим войскам принципиально иной, альтернативный проект.

В мае 1871 г. этот проект прибыл на Дон. В его рамках Военное министерство планировало осуществить втягивание казаков в нормальную гражданскую жизнь государства (от этой цели оно не отказывалось) не путем разделения казачества на две категории, служилую и несслужилую, но путем сокращения срока службы и введения однократного призыва. В то же время предполагалось сохранить поголовный характер военной службы, что давало возможность даже увеличить число строевых донских полков и батарей (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 1–610б.). Мы не знаем, был ли этот проект продуманным шагом или шагом вынужденным, поскольку нужно было хоть как-то реформировать явно устаревшую систему службы донских казаков, а конскрипционную систему на них распространить не удалось. Судя по архивным документам, второй вариант вероятнее: во всяком случае, в преамбуле к проекту было написано, что причиной его составления стала «необходимость согласовать вообще правила о воинской повинности Донского войска с современными требованиями военного дела», а также явный беспорядок в отбывании донскими казаками военной службы (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 1). С другой стороны, само появление этого проекта и его рассылка в казачьи войска (а он был отправлен не только на Дон) наглядно свидетельствовали об определенном разочаровании Военного министерства в конскрипционной системе и готовности провести альтернативный эксперимент.

Кубанский историк А.Н. Малукало упоминает о том, что в 1872 г. в комитет при кубанском атамане поступили некие «предложения Главного управления иррегулярных войск», причем, как ясно из его описания, они полностью соответствовали проекту, легшему в основу донской реформы, и так же предполагали введение однократного всеобщего призыва (Малукало, 2003: 91–92). Однако комитет их отверг, как считает современный исследователь, вполне обоснованно, по той причине, что они нарушали интересы казачьего населения (Малукало, 2003: 91–92). Мы позволим себе усомниться в данном предположении. А.Н. Малукало пишет, что председателем этого комитета был И.Д. Попко (Малукало, 2003: 90–91). Между тем именно И.Д. Попко в начале 1860 гг. являлся одним из наиболее убежденных сторонников радикальных реформ казачества и даже выступал в их защиту в прессе, правда, под псевдонимом (Peretyatko, 2017: 1409–1410). Нам представляется, что неприятие Кубанским войском нового проекта было связано именно с этим: к началу 1870 гг. большая часть казачьих войск уже приняла тот факт, что их будущее связано с конскрипционной системой, и для ее сторонника И.Д. Попко возврат к всеобщей службе казачества был бы личным политическим поражением.

Неудивительно, что в условиях недавней победы конскрипционной системы и ее сторонников, некоторые из которых, подобно И.Д. Попко, занимали теперь важные должности на местах и участвовали в ее претворении в жизнь, только оппозиционное этой системе и вообще прежней политике Военного министерства Донское войско выразило желание реализовать новый правительственный проект. А само Военное министерство, не вполне уверенное в этом проекте, не стало его навязывать другим казачьим войскам: в частности, Кубанскому войску быстро дали от него отказаться (Малукало, 2003: 92). Мы не будем подробно останавливаться на ходе подготовки военной реформы на Дону, поскольку ей посвящена большая часть недавно изданной нами монографии (Перетяtko, 2014: 91–184). Важнее то, что, как мы в ней показали, первоначальный правительственный проект стал только самой общей основой для детализированного и подробного плана масштабной реформы, составленного комиссией из донских офицеров. А к тому моменту, когда этот план, доработанный центральным аппаратом Военного министерства, был утвержден Государственным советом (это произошло в 1875 г.), имперские военные власти окончательно разочаровались в конскрипционной системе, и реформа, еще недавно предназначенная для одного, наименее сговорчивого казачьего войска, в одночасье оказалась образцовой для всего казачества.

Причиной этого, очевидно, стал как раз провал конскрипционной системы в казачьих войсках. Во всяком случае, в 1879 г., менее чем через 10 лет после того, как И.Д. Попко официально отказался от спущенных сверху предложений, легших в основу военной реформы Донского войска, командующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич просил как можно быстрее распространить эту реформу на Кубань и Терек, отмечая, что она «существенно облегчит материальный быт обоих войск, на которых настоящий размер воинской повинности отражается

более и более неприятно» (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429. Л. 170б.). Кубанский атаман Н.Н. Кармалин выступил за проведение военной реформы по донскому образцу во вверенном ему войске еще в 1876 г., считая обеспечиваемое ею сокращение срока службы для всех казаков более эффективной мерой обеспечения их нормальной гражданской жизни, чем введение неслужилого разряда: «Так как исправное снаряжение казака зависит от материальных средств его, то продолжительный срок действительной службы имеет последствием дурное снаряжение строевых частей, независимо от потерь и расстройств в хозяйстве, и только благодаря полному самоотвержению казаков, продающих часто последнее достояние, снаряжение казачьих частей находится еще в удовлетворительном состоянии» (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429. Л. 2). Через три года, в 1879 г., он высказал также следующую мысль: «При сокращенных сроках службы казаку во всех отношениях выгоднее раньше отбыть службу, чтобы потом заняться непрерывно своим хозяйством <...>, что окажет, в свою очередь, благое влияние на устройство экономического и семейного быта в будущих поколениях» (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429. Л. 11).

Еще до того, как начали доноситься эти голоса с Кавказа, 21 января 1876 г. Военное министерство обратилось в Государственный совет с предложением распространить военную реформу Донского войска на все остальные казачьи войска. При этом оно оставляло за собой определенную свободу: речь шла не о немедленном ее распространении, но о предоставлении Военному совету права без консультации с другими государственными органами «применять устав о воинской повинности Донского войска, вполне или постепенно, к другим казачьим войскам, если к тому представится возможность, с теми изменениями в частностях, которые могут быть вызваны особыми, местными условиями казачьих войск» (РГИА. Ф. 1246. Оп. 1. Год 1876. Д. 9. Л. 100б.). Вскоре это предложение было утверждено (РГИА. Ф. 1246. Оп. 1. Год 1876. Д. 9. Л. 8–9), хотя годом раньше, во время дискуссии в Государственном совете, его члены пришли к неоднозначным выводам по поводу эффективности военной реформы донского казачества. Вот что говорилось об этом в официальных документах: «При рассмотрении в Государственном совете устава о воинской повинности Донского войска было положительно доказано, что требования, налагаемые этим уставом и положением о воинской службе, следует считать крайним пределом воинской повинности казачьего населения, и что дальнейшее отягощение этой повинности повело бы к подрыву материального благосостояния казаков» (к сожалению, более подробных обоснований этого мнения мы не нашли) (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429. Л. 10б.).

И, как оказалось, это мнение было совершенно правильным, а Военное министерство фактически сразу повторило допущенную ошибку. Использование одного из казачьих войск в качестве «полигона для реформ» позволяло оценить последствия этих реформ хотя бы в ближайшей перспективе, выявить их плюсы и минусы для местного населения и государства. Однако на практике ни в 1867 г., ни в 1875 г. этого сделано не было, и почти сразу после проведения преобразований в одном войске Военное министерство, убежденное в их благотворности, распространяло их на все остальные казачьи войска. Между тем донской вариант реформы, хотя и позволял обеспечить большую численность казачьих частей, в экономическом отношении также оказался чрезвычайно тягостным для местного населения, просто потому, что почти не оставлял пространства для маневра и вынуждал идти на службу даже самых бедных казаков, которых служба приводила к полному и окончательному разорению. Донские земцы уже через несколько лет после его реализации, в 1880 г., пытались добиться облегчения военной службы для казаков (Маслаковец, 1880: 8). А десятилетие спустя и наиболее прозорливые чиновники начали соглашаться с этим мнением. Н.А. Маслаковец в 1889 г., в бытность свою оренбургским атаманом, писал, что нормальная жизнь для казачьего сословия больше невозможна без «более или менее серьезной помощи извне» или «облегчения Оренбургского войска в лежащих на нем личных и имущественных повинностях» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 100б. –11).

4. Заключение

Рассмотрев изложенные выше факты, мы можем, наконец, ответить на три вопроса, сформулированные во введении к статье. Оренбургское войско стало «полигоном для реформ» в 1860 гг., а Донское войско вернуло себе статус «полигона для реформ» в 1870 гг. из-за самой логики развития исторических событий и порожденной этой логикой позиции местных элит. В начале 1860 гг. все казачьи войска оказались в опасном положении, поскольку в военной и чиновничьей среде все большей популярностью пользовалось мнение о необходимости их упразднения. Однако, если донская элита даже в этих условиях чувствовала себя достаточно сильной, чтобы занять оппозиционную позицию по отношению к правительству и пытаться заблокировать многие предлагаемые им преобразования как потенциально опасные для казачества, то, очевидно, не чувствуя за собой силы оренбургская элита пошла на компромисс, публично выразив поддержку правительственной политике. Понятно, что в этих условиях внешне лояльное Оренбургское войско гораздо лучше Донского подходило для апробации относительно умеренных правительственных идей и демонстрации того, что они не ведут к немедленной гибели казачества. Оренбургская элита также была заинтересована в подобном развитии событий, поскольку, пока Оренбургское войско оставалось «полигоном для реформ», немедленная ликвидация ему не грозила. Однако хотела ли эта элита

настоящего успеха реформ? На наш взгляд, скорее, нет: она была заинтересована не в результате преобразований, а в их максимально долгом процессе. По крайней мере, на эту мысль наталкивает сопоставление проектов введения оренбургского казачества в состав Оренбургской губернии, предложенных А.П. Безаком и П.В. Зворыкиным: если первый из указанных государственных деятелей, лично не связанный с Оренбургским казачьим войском, видел целью разработанной им реформы максимально быстрое слияние местных казаков и крестьян, то второй, занимавший должность оренбургского атамана, формально декларировал желание достичь той же цели, однако, при этом постоянно подчеркивал, что процесс ее достижения должен быть максимально «постепенным».

К началу 1870 гг. ситуация в корне изменилась. К этому времени большая часть казачьих войск находилась в процессе полной перестройки, основой для которой должна была стать конскрипционная система службы. Вот только Оренбургское войско, в которое эта система была впервые введена, отнюдь не демонстрировало ожидаемых успехов в экономической и финансовой сферах. В это же время Военное министерство произвело переоценку своего прежде скептического отношения к казачьим частям и теперь считало важным «извлечение из казачьих войск наибольшей боевой силы». В подобных условиях довольно неуверенная попытка правительства реализовать альтернативный проект системы казачьей службы, предполагавший традиционный поголовный призыв молодых казаков в строевые части, была активно поддержана Донским войском. Это войско, в прошлое десятилетие куда меньше затронутое преобразованиями, чем более лояльные казачьи войска, теперь стало идеальным «полигоном для реформ», поскольку его элита, опасавшаяся реализации на Дону конскрипционной системы, приложила все усилия, чтобы проект альтернативной введению этой системы военной реформы оказался максимально удачным и проработанным.

И в результате этих процессов альтернативные «оренбургский» и «донской» варианты перестройки казачьих войск в середине 1870 гг. оказались, если можно так выразиться, в совершенно неравных условиях. Конскрипционная система службы, введенная в Оренбургское войско почти за десятилетие до этого, успела показать все свои многочисленные недостатки, причем на примере целого ряда казачьих войск: так, в Кубанском войске актуальнейшей проблемой была невозможность насильно взимать плату за освобождение от службы с неисправных плательщиков нестроевого разряда, а в Терском и, очевидно, Оренбургском войсках острее стоял вопрос о неправильных расчетах численности взрослых казаков, из-за малого числа которых количество войсковых граждан не получалось довести до положенного, а фактический срок службы в строевых частях был увеличен. В противоположность этому система поголовной службы казачества, предложенная в ходе военной реформы Донского войска, к январю 1876 г. не была по-настоящему апробирована даже на Дону, и поэтому военные чиновники пока ясно представляли только ее плюсы, связанные с серьезным сокращением срока службы и введением однократного призыва. Безусловно, у победы «донского» варианта преобразований были и другие причины, связанные с общей сменой курса правительства по отношению к казачеству и желанием «извлечь из казачьих войск наибольшую боевую силу». Тем не менее, отмеченное нами ситуационное преимущество «донского» варианта над «оренбургским» сыграло очень важную роль: даже формальным поводом для распространения поголовной системы военной службы на все казачьи войска стало обращение в 1876 г. командующего Оренбургским военным округом в Военное министерство, в котором критиковалась конскрипционная система и предлагались преобразования, сходные с проведенными на Дону.

Таким образом, и причины выбора сначала Оренбургского, а затем Донского войска в качестве «полигонов для реформ», и причины победы «донского» варианта преобразований достаточно ясны. Гораздо более неоднозначной нам представляется вопрос о сходствах и различиях альтернативных вариантов развития казачьих войск. На первый взгляд, между ними было очень мало общего, кроме того, что и «донской», и «оренбургский» варианты предполагали адаптацию казачества к изменившимся условиям. Однако сущность этой адаптации была принципиально разной: как мы видели выше, даже наиболее консервативный из сторонников «оренбургского» варианта П.В. Зворыкин считал неизбежной ликвидацию казачества в исторической перспективе, и предлагаемый им вариант реформ был, в конечном счете, направлен на обеспечение постепенного и безболезненного слияния казаков с остальным населением России. «Донской» вариант, напротив, возник благодаря борьбе донской элиты с подобным развитием событий и предполагал сохранение казачества как военного сословия за счет поголовности его военной службы и отличности системы этой службы от принятой в остальной России.

Однако и «оренбургский», и «донской» варианты совпадали в одном важнейшем элементе: они оказались экономически очень тяжелы для казачества и фактически подрывали его материальное благосостояние. Это происходило вопреки желанию их авторов: как мы показали выше, Военное министерство, напротив, рассчитывало с их помощью облегчить экономическое положение казаков, в первом случае освободив часть из них от службы, а во втором – сократив срок их службы. И то, что эффект от «донского», и от «оренбургского» вариантов реформ в экономическом отношении оказался обратным ожидаемому, можно рассматривать как важный довод в пользу того, что к 1860 гг. казачьи войска действительно были уже обречены не из-за военных или политических, а из-за

экономических факторов, и создать такой вариант их устройства, который бы соответствовал изменившимся реалиям, но не налагал слишком тяжелого экономического пресса на рядовых казаков, было очень сложно, если не невозможно.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-39-00009.

Литература

Волвенко, 2008 – Волвенко А.А. Правительственная политика, местная власть и земская реформа в Области войска Донского (1864–1882 гг.) // *Казачество России: прошлое и настоящее*. Сборник научных статей. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2008. С. 196–213.

Волвенко, 2014 – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ» (1860–1870 гг.) // *Известия Самарского центра Российской академии наук*. Т. 16. № 3. 2014. С. 12–20.

Волвенко, 2016 – Волвенко А.А. Концепция войскового (неслужилого) гражданина: замыслы и практика (1860–1870-ые гг.) // *Primo Aspectu*. 2016. № 4 (28). С. 68–71.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Годовова, 2009 – Годовова Е.В. Реформаторская политика оренбургских губернаторов в отношении Оренбургского казачьего войска (1798–1865 гг.) // *Вестник Самарского государственного университета*. 2009. № 3 (69). С. 60–66.

Краснов, 1864 – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб., 1864. 352 с.

Краснов, 1870 – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб., 1870. 288 с.

Малукало, 2003 – Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар, 2003. 216 с.

Маслаковец, 1880 – Маслаковец Н.А. Объяснительная записка к вопросу о применении к Области войска Донского земской реформы на основаниях, соответствующих местным условиям края и бытовым особенностям главной (казачьей) массы ее населения. Новочеркасск, 1880. 124 с.

Маслаковец, 1903 – Маслаковец Н.А. Доклад о результатах командировки состоящего в распоряжении военного министра генерал-лейтенанта Маслаковца в 1903 году в Забайкальское казачье войско. СПб., 1903. 260 с.

Милютин, 2005 – Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865–1867. М., 2005. 696 с.

Об изменении..., 1888 – Об изменении высочайше утвержденного 13/25 мая 1870 г. положения об общественном управлении в казачьих войсках. СПб., 1888. 32 с.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Перетяцько, 2014 – Перетяцько А.Ю. Военная организация и военное управление Области войска Донского во второй половине XIX века. Ростов-на-Дону, 2014. 236 с.

Перетяцько, 2017 – Перетяцько А.Ю. Эксперименты в дотростовой подготовке казаков в 1860–1870 гг. по материалам периодической печати // *Война и воинские традиции в культурах народов Юга России*. VI Токаревские чтения. Ростов-на-Дону, 2017. С. 144–148.

Перетяцько, 2018 – Перетяцько А.Ю. К истории одного текста: "Положение об управлении Донского войска" 1860-х годов // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2018. Т. 23. № 2. С. 100–110.

Положение..., 1891 – Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утверженное 3 июня 1891 года. Новочеркасск, 1891. 51 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Ст., 1861 – Ст. По поводу открытия комитетов для пересмотра положений в казачьих войсках // *Военный сборник*. 1861. № 1. С. 201–210.

Столетие, 1902 – Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 1. СПб., 1902. 973 с.

Столетие, 1907 – Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 3. СПб., 1907. 695 с.

Столетие, 1911 – Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 4. СПб., 1911. 462 с.

Тикиджьян, 2014 – Тикиджьян Р.Г. Донской кодификационный комитет // *Донской временник*. 2014. Вып. 23. С. 95–98.

Хорошхин, 1873 – Хорошхин М.П. Меры для строевого обучения казаков // *Русский инвалид*. 1873. № 138. С. 3–4.

Peretyatko, 2016 – Peretyatko A.Y. Dispute about the Mius district in 1874: Inviolable Part of the Don Host Oblast or Historical Little Russia? // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 40, Is. 2. pp. 448–456.

Peretyatko, 2017 – Peretyatko A.Y. "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part II // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 46. Is. 4. Pp. 1401–1415.

Volvenko, 2015 – Volvenko A.A. Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // *History and Historians in the Context of the Time*. 2015. Vol. 15. Is. 2. pp. 106–114.

References

- GAKK** – State archive of Krasnodar region.
GARO – State archive of the Rostov region.
Godovova, 2009 – *Godovova E.V.* (2009). Reformatorskaya politika Orenburgskikh gubernatorov v otnoshenii Orenburgskogo kazach'ego voiska (1798-1865 gg.) [Reform policy of the Orenburg governors in relation of the Orenburg Cossack Host (1798-1865)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3 (69). pp. 60-66. [in Russian]
Khoroshkhin, 1873 – *Khoroshkhin M.P.* (1873). Mery dlya stroevogo obucheniya kazakov [Measures for combat training of the Cossacks]. *Russky Invalid*. № 138. pp. 3-4 [in Russian]
Krasnov, 1864 – *Krasnov N.I.* (1864). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. P. 352. [in Russian]
Krasnov, 1870 – *Krasnov N.I.* (1870). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. P. 290. [in Russian]
Malukalo, 2003 – *Malukalo A.N.* (2003). Kubanskoe kazach'e voisko v 1860-1914 gg.: organizatsiya, sistema upravleniya i funkcionirovaniya, sotsial'no-ekonomicheskii status [Kuban Cossack Host in 1860-1914: organization, management and functioning system, socio-economic status]. Krasnodar. P. 216 [in Russian]
Maslakovets, 1880 – *Maslakovets N.A.* (1880). Ob'yasnitel'naya zapiska k voprosu o primenenii k oblasti voiska Donskogo zemskoi reformy na osnovaniyakh, sootvetstvuyushchikh mestnym usloviyam kraya i bytovym osobennostyam glavnoi (kazach'ei) massy ee naseleniya [Explanatory Note about the Question of the Application of the Reform of Zemstvo to the Don Host Oblast on the Grounds Corresponding to the Local Conditions of the Region and the Everyday Peculiarities of the Main (Cossack) Mass of its Population]. Novochoerkassk. P. 124. [in Russian]
Maslakovets, 1903 – *Maslakovets N.A.* (1903). Doklad o rezul'tatakh komandirovki sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra general-leitenanta Maslakovtza v 1903 godu v Zabaikal'skoe kazach'e voisko [Report on the results of the trip of Lieutenant-General Maslakovets, who was at the disposal of the Minister of War, to the Trans-Baikal Cossack Host in 1903]. SPb. P. 260. [in Russian]
Miljutin, 2005 – *Miljutin D.A.* (2005). Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. 1860-1862 [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1865-1867]. M. P. 696. [in Russian]
Ob izmenenii..., 1888 – Ob izmenenii vysochaishe utverzhdennogo 13/25 maya 1870 g. polozheniya ob obshchestvennom upravlenii v kazach'ikh voiskakh [About the change of the Highest approved on 13/25 May 1870 regulation about public administration in the Cossack Hosts]. SPb., 1888. P. 32. [in Russian]
OR RNB – Department of manuscripts of Russian national library.
Peretyatko, 2014 – *Peretyatko A.Y.* (2014). Voennaja organizatsiya i voennoe upravlenie Oblasti Vojska Donskogo vo vtoroj polovine XIX veka [The military organization and military management of Don Host Oblast in the second half of the 19th century]. Rostov-on-Don. P. 236. [in Russian]
Peretyatko, 2016 – *Peretyatko A.Y.* (2016). Dispute about the Mius district in 1874: Inviolable Part of the Don Host Oblast or Historical Little Russia? *Bylye Gody*. Vol. 40, Is. 2. pp. 448-456. [in Russian]
Peretyatko, 2017 – *Peretyatko A.Y.* (2017). "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part II. *Bylye Gody*. Vol. 46. Is. 4. pp. 1401-1415. [in Russian]
Peretyatko, 2017 – *Peretyatko A.Yu.* (2017). Eksperimenty v dostroevoi podgotovke kazakov v 1860-1870 gg. po materialam periodicheskoi pechati [Experiments in the completion of the training of Cossacks in the 1860-1870's. on the materials of the periodical press]. *Voina i voinskie traditsii v kul'turakh narodov Yuga Rossii*. VI Tokarevskie chteniya. Rostov-na-Donu. pp. 144-148. [in Russian]
Peretyatko, 2018 – *Peretyatko A.Yu.* (2018). To the History of One Text: Regulation on the Administration of the Don Host of the 1860s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 23, no. 2, pp. 100-110. [in Russian]
Polozhenie, 1891 – Polozhenie ob obshchestvennom upravlenii stanits kazach'ikh voisk, Vysochaishe utverzhdennoe 3 iyunya 1891 goda [Regulations about the public administration of the villages of Cossack Hosts, Highest approved on June 3, 1891]. Novochoerkassk, 1891. P. 51. [in Russian]
RGIA – Russian state historical archive.
RGVIA – Russian state military and historical archive.
St., 1861 – St. Po povodu otkrytiya komitetov dlya peresmotra polozhenii v kazach'ikh voiskakh [About the Opening of Committees for the Revision of Provisions in the Cossack Hosts]. *Voennyi Sbornik*. 1861. № 1. pp. 201-210 [in Russian]
Stoletie..., 1902 – Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902 [Century of the Ministry of War of 1802-1902]. T.11. Ch.1. SPb., 1902. P. 973. [in Russian]
Stoletie..., 1907 – Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902 [Century of the Ministry of War of 1802-1902]. T.11. Ch.3. SPb., 1907. P. 695. [in Russian]
Stoletie..., 1911 – Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902 [Century of the Ministry of War of 1802-1902]. T.11. Ch.4. SPb., 1911. P. 462. [in Russian]

Tikidzh'yan, 2014 – *Tikidzh'yan R.G.* (2014). Donskoi kodifikatsionnyi komitet [The Don Codification Committee]. Donskoi vremennik. Is. 23. pp. 95-98. [in Russian]

Volvenko, 2008 – *Volvenko A.A.* (2008). Pravitel'stvennaya politika, mestnaya vlast' i zemskaya reforma v Oblasti voiska Donskogo (1864–1882 gg.) [Government Policy, Local Government and Reform of Zemstvo in the Don Host Oblast (1864–1882)]. *Kazachestvo Rossii: proshloe i nastoyashchee*. Sbornik nauchnykh statei. Vyp. 2. Rostov-na-Donu. pp. 196-213. [in Russian]

Volvenko, 2014 – *Volvenko A.A.* (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860-1870-e gody) [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of "great reforms" (1860-1870s)]. *Izvestiya Samarskogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. Vol. 16. Is. 3. pp. 12-20. [in Russian]

Volvenko, 2015 – *Volvenko A.A.* (2015). Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? *History and Historians in the Context of the Time*. Vol. 15. Is. 2. pp. 106-114 [in Russian]

Volvenko, 2016 – *Volvenko A.A.* (2016). Konceptsiya vojskovogo (nesluzhilogo) grazhdanina: zamysly i praktika (1860–1870-ye gg.) [Concept of the army (nesluzhilogo) citizen: plan and practice (1860–1870s)]. *Primo Aspectu*. № 4 (28). pp. 68-71. [in Russian]

Выбор пути в будущее: к истории Донского и Оренбургского казачьих войск как полигонов для военно-экономических реформ в 1860–1870 гг.

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена малоизученному в российской историографии вопросу об альтернативных путях развития казачества в середине XIX в. При изучении этого вопроса используются малоизвестные архивные материалы из отдела рукописей Российской национальной библиотеки и Российского государственного исторического архива, часть из которых вовлекается в научный оборот впервые. Автор приходит к выводу, что в 1860 г. Оренбургское войско стало «полигоном для реформ» потому, что местная элита поддержала умеренные преобразования, опасаясь, что в ином случае правительство может начать полную ликвидацию данного казачьего войска (призывы к этому, действительно, звучали). Однако к середине 1870 гг. стало ясно, что данные реформы, в основу которых легла конскрипционная система службы, не оправдали ожиданий. В этих условиях Военное министерство обратилось к опыту нелояльного Донского войска, дав представителям его элиты разработать альтернативный проект военной службы казачества, основанный на традиционной поголовной военной службе казаков. Этот проект был поддержан атаманами кавказских казачьих войск и командующим Оренбургским военным округом, что и предопределило его победу. Однако десятилетие спустя выяснилось, что и «оренбургский», и «донской» варианты реформ имели общий недостаток: на казачьи хозяйства возлагался слишком тяжелый экономический пресс.

Ключевые слова: Оренбургское казачье войско, Донское казачье войско, реформы казачества 1860–1870 гг., конскрипционная система, Н.И. Краснов, Н.А. Маслаковец, П.В. Зворыкин.

* Корреспондирующий автор

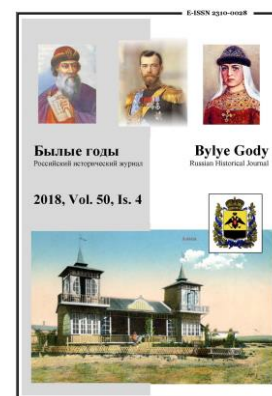
Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1644-1655. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1644
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Merchants' Hotel Businesses as a Part of Urban Everyday Life in the Towns of the Orenburg Governorate during the Post-Reform Period

Konstantin A. Abdrakhmanov ^{a, *}

^a Orenburg State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article contains an analysis of the processes related to the everyday life of merchants in the Orenburg province of the post-reform era. On the one hand, hotel business was just another type of everyday business activity for Orenburg merchants, another area where they could put into practice their entrepreneurial skills and ideas on how to conduct business properly, and where they strived for maximum profit. On the other hand, town hotels were acting as attraction points for people visiting Orenburg and the uyezd centers of the region, and they shaped the image of the local urban environment that media then spread throughout Russia. In the second half of the XIX – early XX century Orenburg merchants' views on business ethics and the principles of business relations underwent a significant transformation. In the hotel business these transformations were expressed in the form of more comfortable living conditions for guests. Hotels began to provide not only clean rooms with comfortable furniture, ventilation, plumbing, water closets, but also restaurant quality food service, leisure-time activities, as well as technical innovations such as electric lighting in the rooms and telephones. For comfortable living of those wealthy citizens who did not own their own separate houses, entrepreneurs began to build multi-storey apartment buildings, not only solving utilitarian housing problems, but also creating an absolutely new architectural appearance of the city. As a result, completely new conditions were created in which the everyday life of not only the merchants but also all other citizens of the Orenburg province occurred, and they gradually formed a new urban lifestyle, a new urban everyday life.

Keywords: everyday life, merchants, post-reform period, Orenburg Governorate, city, entrepreneurship, hotel business.

1. Введение

Гостиничный бизнес сегодня один из самых быстро и успешно развивающихся как в России, так и во всем мире. Это связано и с глобализацией мирового сообщества, и с развитием туристических направлений, в том числе и внутреннего туризма. Гостиница – идеальный вариант размещения для путешественников и бизнесменов. Предприниматели выступают в этой сфере и как заказчики, и как создатели гостиничной недвижимости и гостиничных услуг. Именно поэтому в гостиничной сфере бизнеса для делового мира происходит своеобразное смешивание реальности «для себя» и реальности «для других». Эта реальность или условия жизни делового мира в той или иной степени влияют на обстоятельства повседневности остального населения – тех, кто просто проживает в городе, гуляет по городским улицам.

Проблема повышения качества гостиничных услуг сегодня остро стоит и в столичных регионах, и особенно в провинции, которая в силу объективных обстоятельств обычно была менее привлекательна для иногородних гостей. В связи с необходимостью скорейшего решения данной проблемы актуальным представляется обращение к историческому опыту, который может дать уже готовые варианты модернизации данной сферы услуг.

* Corresponding author

E-mail addresses: kostya.abdrakhmanov@mail.ru (K.A. Abdrakhmanov)

2. Материалы и методы

Информация о различных составляющих купеческого гостиничного бизнеса в городах Оренбургской губернии содержится в источниках разного плана. Это и статистические материалы, и сообщения современников, и архивные документы.

Анализ названных документов в рамках статьи будет осуществляться на основе процессуальной концепции повседневности, разработанной в начале 2010-х гг. (Банникова, 2014: 23–24). Согласно этому взгляду на повседневность, в ней объединяются процессы взаимодействия человека с действительностью и субъективной интерпретации этой действительности. В процессе повседневного существования, в связи с определенным образом жизни, который понимается как присвоение субъектом повседневности определенных норм и условий своего существования, субъект формирует обыденное сознание. На его основе складываются стереотипы и стандарты индивидуального и социального поведения, его быт и ментальность.

В рамках данной статьи под ментальностью понимается «групповое сознание людей, живущих в определенном городе, функционирование которого в первую очередь зависит от характера групповых представлений о городском пространстве в конкретный временной период, обусловленный как актуальной ситуацией, так и предшествующей историей развития города» (Семенова, 2008: 11).

Таким образом, купеческий гостиничный бизнес в городах Оренбургской губернии пореформенной эпохи в контексте городской повседневности будет подвергнут анализу с позиций соответствия уровня предоставляемых гостиничных услуг представлениям провинциальных пореформенных предпринимателей о городе и его потребностях.

3. Обсуждение

Обращение к проблеме опосредованности повседневности человека пространством, в котором он находится, представляет собой расширение исследовательского поля повседневной истории.

Социальной топографии городов (преимущественно российских столиц) было посвящено довольно много очерков, выросших на основе «физиологических очерков» в середине XIX в. и продолжавших появляться вплоть до советской эпохи (Пыляев, 1887; 1891). Отдельные аспекты поставленной проблемы подвергались анализу в популярных и научных работах советских авторов (Гиляровский, 1935; Лихачев, 1984).

В западном научном пространстве о языке пространственной коммуникации одним из первых начал говорить Г. Зиммель, который еще в 1908 году описал основные характеристики и значение пространства для общественной жизни в своей книге «Социология» (Зиммель, 2015). Автор сосредоточил свое внимание на том, как свойства пространства, в котором человек или группа действуют как социальные субъекты, влияют на них, на особенности их проявлений во взаимодействии. Э. Холл, опубликовавший в 1966 г. работу «Скрытое измерение» (Halletal, 1966), выдвинул теорию о том, что каждый человек организует свое личностное пространство так же, как он организует структуру своего жилища и городскую среду.

Психологические проблемы города вызывают сегодня к жизни концепции, объединяющие знания разных наук (истории, философии, урбанографии и др.), которые рассматривают город в целом как многоаспектное социокультурное явление. Среди современных российских исследователей, работающих в этом направлении, в первую очередь следует отметить В.Л. Глазычева (Глазычев, 2008). По его словам, город – это «арена общественных отношений, отражающих социальную структуру общества. Люди всех возрастов, всех социальных слоев, всех профессий втянуты в один гигантский круговорот городского образа жизни. И каждый из них стремится найти в городе нужные ему условия общения и соответствующий тип пространственного окружения. Огромная ярмарка, на которой идет постоянный обмен товарами, идеями, информацией» (Гутнов, Глазычев, 1990: 13). На проблему культурных смыслов основных зон повседневного пространства обратил внимание В.Д. Лелеко (Лелеко, 2002).

Сегодня чаще всего к указанной проблеме обращаются именно философы (Балюшина, 2016; Касаткина, 2014), социологи (Чернявская, 2008), культурологи, представители урбанистики (Тыхеева, 2007) и социальной психологии (Семенова, 2008). По словам исследователя-философа Ю.Л. Балюшиной, «называя себя горожанином, человек определяет себя через город, фокусирует свое жизненное пространство, при этом не ограничивая его. Однако город формирует жизненное пространство человека, задавая определенные условия, интенции, установки цели и ценности, тем самым детерминируя его жизнедеятельность» (Балюшина, 2016: 40). Доктор психологических наук Т.В. Семенова, говоря об особой «городской ментальности», определяет ее как «систему для обозначения своеобразия проявления группового сознания относительно времени и пространства большого города» (Семенова, 2008: 40).

В последнее время к этой теме обратились и историки. Город в научных исследованиях стал рассматриваться не столько как форма поселения и производства, сколько как форма сообщества, основной чертой которой является интеграция разнообразных видов жизнедеятельности в единую саморазвивающуюся систему с собственными механизмами поддержания устойчивости и порядка. В статье историка Л.А. Лернер утверждалось, что расположение «жилья в городе, строительные

материалы, поведение людей как застройщиков, собственников, жильцов, соседей; декор и его функции – все это можно назвать невербальным языком повседневности, который отражает особенности эпохи, специфику жизненного уклада и ценностных ориентиров владельцев жилого помещения» (Лернер, 2008: 205).

Исследователей все чаще стали интересовать купеческие городские усадьбы, воплощающие в себе весь образ жизни российских предпринимателей (Зименкова, 2013: 60). Обратили на себя внимание и рабочие сооружения купцов – мельницы, магазины и торговые дома (Дождевых, 2008; Судакова, 2017). По мнению культуролога О.Н. Судаковой, город вообще «можно принять за максимальное пространство культуры повседневности российского купечества» (Судакова, 2015: 185).

На Южном Урале отдельные аспекты проблемы были затронуты в публикациях Центра историко-культурного наследия г. Челябинска (Дореволюционный Челябинск, 2010). Повседневность провинциального оренбургского купечества дореформенной эпохи была проанализирована на страницах публикаций Е.В. Банниковой (Банникова, 2014). К сожалению, в рамках Оренбургской области, Оренбурга специальные исследования в направлении комплексного анализа деловой сферы купеческой повседневности в контексте городской среды на материалах пореформенного периода еще не проводились.

Современное состояние исследований в области социологии архитектуры, социальной психологии, урбанистики и истории повседневности позволяет более глубоко проникнуть в сферу исторического повседневного предпринимателей городов Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX вв. и определить, каким образом их ментальность воплощалась в их трудовой повседневности и городском пространстве и как это пространство влияло на горожан.

4. Результаты

Оренбург с самого начала своего существования прежде всего был городом торговым. Для совершения торговых сделок сюда всегда приезжало большое число торговцев из разных регионов России и из азиатских степей. Размещение этих гостей города до определенного времени не представляло особой проблемы: бухарцы, хивинцы и прочие азиаты селились в выстроенном для этих целей при губернаторе В.А. Перовском караван-сараях, все остальные квартировали у жителей Оренбурга. Удобства в обоих случаях были самыми минимальными, но купцы были привычны к отсутствию комфорта и воспринимали ситуацию стоически.

Однако постепенно, с расширением значения купечества в экономической, политической и социокультурной жизни страны и региона, предприниматели стали более требовательны к условиям собственной жизни. К тому же Оренбургская губерния с обзаведением железнодорожной веткой до Самары, а затем и до Ташкента стала превращаться в крупный транспортный узел, в который гости города стали прибывать в значительно большем числе. Указанные обстоятельства потребовали открытия в городе удобных гостиниц.

Основными клиентами гостиниц были путешественники и коммерсанты среднего уровня, нуждающиеся в безопасности, комфорте, чистоте и горячей пище. К этому добавлялось желание приемлемых цен и хотя бы минимального уюта.

Поначалу отелей в городе было совсем мало. Первооткрыватели этой деловой сферы, пользуясь своим монопольным положением, изрядно завышали цены за сомнительные удобства и низкосортное обслуживание. Один из приезжих так обрисовал ситуацию, сложившуюся в гостиничном бизнесе Оренбурга: «Вы приезжий – вам надо где-нибудь остановиться, отдохнуть и сложить свои вещи, – и вот вам гостиница – единственное пристанище, где за то и берут с вас, что хотят» (Михайлов, 1866: 26).

В 60-е годы XIX столетия единственным более или менее комфортным местом приема постояльцев в Оренбурге являлась гостиница купца 2-й гильдии Антона Каретникова. Во время своего пребывания в губернской столице в 1866 г., данное заведение посетил житель Санкт-Петербурга М. Михайлов. Выбор купеческой гостиницы был сделан по рекомендации ямщика, который привез Михайлова в город. Между извозчиком и пассажиром состоялся такой диалог: «– Чай, к Антону прикажите, барин? – Кто этот Антон? – Да у него лучшая гостиница, где все господа останавливаются...» (Михайлов, 1866: 21).

Послушав совета местного жителя, подполковник Михайлов получил возможность сравнить формат провинциальных гостиниц и ценовую политику их хозяев со столичными заведениями данного класса. Гость отметил низкий уровень удобства гостиничных комнат и не соответствующие качеству сервиса завышенные цены: «За комнату в два окна, от которой отделены дощатыми перегородками крошечная спальня и передняя, с меня брали по 1 р. 50 коп. в сутки, и хотя в этот расчет включались стеариновая свеча и самовары, подаваемые утром и вечером, но для Оренбурга это очень дорого, тем более, что номер грязный, мебель сильно потертая, кроватное белье по особой плате и прислуга плоховатая. Номер несколько обширнее стоит 2 рубля, что уже просто из рук вон, при таких грязных и выгоревших от солнца стеклах, сквозь которые едва можно различить идущих по улице. Гостиница помещается в обоих этажах: в нижнем – общие комнаты, бильярд и буфет; в верхнем – номера» (Михайлов, 1866: 25).

В 70-х гг. XIX века гостиница Каретникова продолжила свою работу и все еще держала планку одного из лучших заведений города. «Квартиры и гостиницы в Оренбурге не могут похвастаться комфортом; первые все без мебели (которую достать здесь очень трудно и дорого), холодны и неудобны, а цены от 120 до 600 руб. и дороже в год; гостиницы грязны и не имеют ни хорошего обеда; ни прислуги; лучшими считаются: гостиница купца Каретникова, называемая на вывеске «Hoteld'Ogenbourg». Это наш оренбургский Дюссо. Затем есть номера и в собрании, но обед там также дурен и неизыскан, между тем цена за номера (одна маленькая комната в 1^{1/2} и 2 р.) очень дорога», – сообщил об этой сфере услуг современник событий (Лобyseвич, 1878: 16–17).

Из критических замечаний автора становится ясно, что данные заведения уже не соответствовали существующим тогда понятиям о качественном обслуживании клиентов. Время требовало от предпринимателей, подвизавшихся в сфере услуг, более внимательного отношения к желаниям потребителей. Если в начале пореформенного периода оренбургские коммерсанты налаживали свой бизнес, исходя из стремления получить максимальную прибыль при минимальных вложениях, при этом интересы потребителей практически не учитывались, теперь купцы, чтобы получить прибыль, должны были организовать дело так, чтобы прежде всего угодить заказчикам или клиентам. Модернизация гостиничного бизнеса оказалась теснейшим образом связана с повышением качества предоставляемых услуг, что предполагало повышение степени безопасности, комфортности и доступности гостиниц.

Ориентация отельеров на интересы клиентов вела к повышению внутриотраслевой конкуренции, которая включала в себя не только ценовую составляющую, но и конкуренцию по качеству и культуре обслуживания. Наиболее дальновидные купцы учитывали изменения рынка и спешили занять имеющиеся ниши, открывая при этом заведения более высокого уровня, нежели их конкуренты. Лобyseвич указывал, что «...в настоящее время, впрочем, открыта отличная гостиница купца Ладыгина, называемая «Европейскою» (Лобyseвич, 1878: 16–17). Данное заведение начало функционировать в 1876 году, а за некоторое время до открытия местная пресса опубликовала анонс события. «Открывается для господ путешествующих к осени 1876 года. Новая гостиница под фирмою «Европейская гостиница» будет иметь до 40 номеров, роскошно меблированных, ценою от 75 к. до 5 р. в сутки, с водопроводом во всем доме, воздушными звонками «Винтергальтер», с вентиляцией, с теплыми и светлыми ватерклозетами, очищающимися посредством водопровода, и ваннами. Европейская гостиница вполне и во всех отношениях приспособлена будет ко вкусам и требованиям просвещенных путешественников. О дне открытия Европейской гостиницы будет объявлено особо с приложением условий и таксы. Управляющий гостиницей Д.В. Коноплев», – гласило объявление в газете (ОЛ, 1876).

Чтобы скрасить досуг постояльцев, руководство гостиницы «Европейская» внедрило практику обеспечивать своих клиентов свежей столичной прессой. У П.Н. Столпянского сказано: «С 1878 года в одной из гостиниц города Оренбурга, а именно «Европейской», стали выписывать для посетителей столичные газеты и об этом были помещены широковещательные объявления. Вообще же гостиницы и трактирные заведения в Оренбурге ничем специфическим оренбургским не отличались» (Столпянский, 1908: 272).

В ресторане при гостинице давались, наверное, лучшие в городе обеды. Так, ресторанное меню на 14 января 1901 г. состояло из следующих блюд: «Суп россис с пирожками. Котлеты пожарские. Судак орли. Пломбир». Второй вариант включал в себя «Щи николаевские и ватрушки. Лангет соус-пикан. Пломбир». 15 января гостей ресторана предполагалось потчевать таким набором блюд: «Консоле борщик с дебелями. Каракеты из дичи. Жаркое телятина. Самбук фруктовый» или «Щи ленивые и ватрушки. Буженина. Трубочки со сливками». Ежедневно с 11 часов утра посетителей ждали на блины. Блинами «ежедневно с 10 часов утра» завлекала гостей и гостиница «Биржевая» (ОГ, 1901а).

Гость города, публицист, литературный критик, искусствовед, путешественник Владимир Людвигович Кигн-Дедлов, служивший в 1891–1892 гг. чиновником особых поручений Министерства внутренних дел по переселенческим делам Оренбургской губернии и Тургайской области, остался доволен этим местом отдыха. «Недалеко от Караван-Сарая высится огромный, строящийся собор, а напротив него четырехэтажная совершенно европейского вида гостиница», – писал путешественник (Дедлов, 1894: 8). В путеводителе П.Д. Райского гостиница купца В.Н. Ладыгина также была представлена как одно из лучших в своей сфере заведений. «Лучшими гостиницами в городе считаются: «Центральная» на Гостинодворской улице, «Европейская» на Николаевской, против кафедрального собора, и «Биржевая» (или «Коммерческая») на Троицкой улице. В первых двух ежедневно во время обедов (от 2 часов дня) и ужинов (с 10 часов вечера) играют салонные оркестры», – сообщает автор (Райский, 2000: 78).

Гостиница «Центральная» начала свою работу в 1901 г. В «Оренбургской газете» по этому поводу было дано объявление: «С 4 января с.г. открыта ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОСТИНИЦА в Оренбурге. Угол Николаевской и гостинодворской улиц, центр города вблизи торговых и присутственных мест. При гостинице имеются роскошно обставленные №№ от 1 р. до 5 р. в сутки со всеми удобствами для приезжающих, ресторан, кабинеты, биллиарды, ванны, телефон, посыльные, газеты и журналы, а

также удобное помещение для кучеров, лошадей и экипажей. Гостиница по своей обстановке вне конкуренции, освещается электричеством» (ОГ, 1901а).

О гостинице «Коммерческая» также можно было найти объявление в «Оренбургской газете»: «Имею честь довести до сведения уважаемой оренбургской публики, что мною с 2-го июня с.г. открыта «Коммерческая гостиница» бывшая «Вена». Помещения и №№ отремонтированы заново; при номерах имеется посыльный. Кухня под наблюдением опытного повара. Принимаются заказы на свадебные и др. обеды и ужины на домах и при гостинице. С почтением, Иван Александров» (ОГ, 1901с).

Обращает на себя внимание факт отсутствия в оренбургском гостиничном бизнесе местного колорита, который разглядел П.Н. Столпянский. Получается, что оренбургские коммерсанты, трудившиеся в сферах гостиничного и ресторанного бизнеса, не пытались создать в своих заведениях особую атмосферу, присущую исключительно здешней местности. Скорее наоборот, владельцы таких заведений в угоду бытовавшей моде на все европейское старались поразить гостей европейским или столичным комфортом, а не провинциальным оренбургским колоритом. Этот колорит путешественники в полном объеме получали, выйдя за дверь отеля.

Помимо гостиницы «Европейская», в Оренбурге появилась и «Американская» гостиница, построенная на средства купцов Хусаиновых, расположенная на углу улиц Гостинодворской и Введенской (совр. ул. Кирова и 9 Января). В Оренбургской газете за 1910 год было размещено объявление следующего содержания: «С 28-го декабря 1910 г. Американская гостиница. Ресторан. Ежедневно. Концерты вновь приглашенного дамского салонного оркестра под управлением Вулиха Михайлова, при участии солиста скрипача г. Бланка, виолончелиста г. Давыдова и исполнительницы цыганских романсов г. Алмазовой. Оркестр играет днем во время обедов с 2-х до 5-ти час. и вечером с 9-ти до 2-х час. ночи» (ОГ, 1910).

Упомянул Столпянский и другие гостиницы города, охарактеризованные им как «второстепенные» (Столпянский, 1908: 272). К заведениям этого уровня относились: «Эрмитаж» на Троицкой улице, «Гостинодворская» на улице того же названия и «Гранд-Отель» на Суринской улице. В некоторых гостиницах для постояльцев был предусмотрен культурный досуг.

К разряду «второстепенных» можно было отнести и гостиницу «Бристоль», построенную в 1907 г. на средства К.А. Михайлова в стиле модерн. Как пишет о здании гостиницы архитектор С. Смирнов, высококачественная «кладка стен из красного кирпича служит прекрасным фоном для светло-серых штукатурных деталей, выполненных в стилистике модерна. [...] Первоначальная внутренняя планировка и интерьеры бывшей гостиницы "Бристоль", к сожалению, не сохранились» (Смирнов, 2017).

Гостиничным бизнесом желали заняться многие. В журнале заседаний Оренбургской городской думы за 19 октября 1878 г. сохранилась запись о том, что оренбургский купец Иван Федотович Гусев подал заявление оренбургскому Городскому голове с просьбой с 1 ноября 1878 г. «в доме, находящемся в 1 части города Оренбурга на Сакмарской базарной площади ... открыть гостиницу под фирмою «С.-Петербургская» с номерами и меблированными комнатами для приезжающих» (ГАОО. Ф. 41. Оп. 1 Д. 6. Л. 137).

Здание гостиницы «Гранд-Отель» купца М.Ф. Мальнева на углу улиц Каргалинской и Суринской (совр. ул. Комсомольской и Постникова) стало превосходным образцом кирпичного стиля, который создавал практически неограниченные возможности для выполнения самых сложных декоративных элементов и требовал высокого уровня строительной техники. Название гостиницы дано не случайно, оно говорило о «европейском» качестве номеров и обслуживания. Кстати, на период начала XX века в России строилось довольно много гостиниц с подобным звучным названием – в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, Харькове, Сочи и др.

Для привлечения посетителей и организации досуга гостей содержатели гостиниц придумывали различные развлечения. В ходу был бильярд. «В «Гранд-Отеле» и в «Декадансе» есть сцены и даются дивертисменты кафешантанного пошиба», – отмечалось в книге П.Н. Столпянского (Столпянский, 1908: 272). В ресторанах при дорогих гостиницах часто подрабатывали жрицы любви. Слухи об этом ходили и в отношении «Американской гостиницы» купцов Хусаиновых, и применительно к гостинице «Европейская» купца Ладыгина. В одном из архивных дел, посвященном бракоразводному процессу оренбургского купца Сергея Сергеевича Ванюшина с его супругой Марией Степановной Деевой, свидетельницами прелюбодеяния, ставшего поводом к разводу, выступали две проститутки – Надежда Золотухина и Феня Апаликова. Золотухина и Апаликова при опросе показывали, что познакомились с Ванюшиным в номерах оренбургской гостиницы «Москва» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9023. Л. 980б., 132–1320б.).

В гостинице «Центральная» в январе 1911 г. был замечен оренбургский адвокат Евсей Маркович Городисский с «певичкой из ресторана «Декаданс». Адвокат «явился в гостиницу, занял номер, велел подавать туда ужин и велел приготовить постель. В номере с этой певичкой Городисский находился с 9 часов вечера до 2 часов ночи. Обхождение Городисского с певичкой было вежливое» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10223. Л. 29–30).

Таким образом, повышение качества гостиничных услуг имело не только положительные последствия. Уютные, чистые, комфортабельные номера стали местом интимных встреч для

состоятельных горожан. Если раньше мужчины, желавшие получить интимные услуги, были вынуждены посещать публичные дома, что, несомненно, бросало тень на их репутацию, теперь они имели возможность уединиться со своими «дамами сердца» в гостиничных номерах. Это было намного безопаснее и в свете общественного социального контроля, и в плане санитарно-гигиенических норм. Быть застигнутым «на месте преступления» в гостинице было возможно, только если жена, задавшись целью получить развод, нанимала специальных людей, которые должны были выступать в судебном разбирательстве в качестве свидетелей факта прелюбодеяния.

Чтобы не попасть в какую-нибудь нехорошую историю, да и из соображений экономии приезжающие в Оренбург «по торговым делам коммерсанты и другие лица по своим надобностям на время от одной недели и более предпочитают занимать более дешевые номера для проезжающих или меблированные комнаты Ишкова, Коробкова, Калашникова, Завьялова, Фадеева, Стеценко и другие, которыми изобилует Гришковская улица в Старой слободке, в недалеком расстоянии от городского центра. Суточная плата за помещение от 50 коп. до 1 руб. 50 коп. При номерах Коробкова можно получать домашние обеды», – писал Столпянский (Столпянский, 1908: 272).

Последняя из упомянутых Столпянским купеческих гостиниц считалась довольно дорогой. Однако номерной фонд заведения состоял из комнат разных ценовых категорий, отличавшихся по размеру, интерьеру и удобству спальных мест. В газете «Оренбургская жизнь» 1914 года было дано объявление: «Меблированные комнаты П.С. Коробкова. Гришковская улица, соб. дом, телефон 444 и 167. Новые. Обставлены роскошно со всеми удобствами: телефон, электрическое освещение, водяное отопление. Посуточно от 75 коп. до 3 руб., помесечно от 15 руб. до 50 руб. Прежние отремонтированы заново. Посуточно от 50 коп. до 2 руб., помесечно ... до 35 руб. Самовары два раза в сутки безвозмездно. Завтраки, обеды и ужины ежедневно. Кухня под наблюдением опытных поваров-кулинаров Никифорова и Белюнова. Имеются кладовые для багажа и вещей, помещения для лошадей и экипажей» (ОЖ, 1914).

На основе анализа труда предпринимателей, избравших ключевой сферой деятельности гостиничный бизнес, довольно четко виден процесс эволюции данных заведений в Оренбурге на протяжении всех пореформенных лет.

Что касается жилых помещений, сдающихся в аренду, то в конце XIX – начале XX веков забота о комфорте постояльцев наконец заняла место безразличного отношения собственников к арендаторам. Если в конце 70-х годов XIX века оренбургские квартиры были «...все без мебели (которую достать здесь очень трудно и дорого), холодны и неудобны, а цены от 120 до 600 руб. и дороже в год» (Лобысевич, 1878: 16), то ближе к началу XX века в договорах об аренде жилья можно встретить четко прописанное обязательство арендодателя поддерживать в комнатах необходимый уровень температуры воздуха и вообще обеспечивать клиентам те условия жизни, которые последние намерены были получить за свои деньги.

Как отмечает в своей книге Г.Н. Ульянова, появление «квартир с удобствами» было вызвано резким изменением структуры городского населения. В 1870–1880-х гг. в города «хлынула толпа новых поколений горожан». Это могли быть «люди простого происхождения, которые, благодаря полученному с немалыми усилиями среднему и даже высшему образованию, смогли получить приличное место в банке, фирме, на железной дороге. Реже – представители молодого поколения зажиточных дворянских и купеческих семей, вылетевшие из родительского гнезда, тесного для всех, но не имевшие достаточных доходов, чтобы купить собственный дом [...].

Когда в большом городе появился целый слой людей – чиновников, бизнесменов среднего звена, профессоров, врачей, юристов, учителей, обедневших дворян, – нуждавшихся в удобном и современном жилье, доступном по цене, то быстро стало ясно, что строительство и эксплуатация доходных домов может стать хорошим бизнесом» (Ульянова, 2012: 11).

Так, например, в «Оренбургской газете» от 10 июня 1901 г. было дано объявление: «НУЖНА КВАРТИРА в Центральной части города с парадным входом в 4–6 комнат, предложения адресовать: Центральная гостиница» (ОГ, 1901b). Несмотря на удобства и комфортабельность гостиничных номеров, проживание в них в течение длительного времени было слишком дорогим удовольствием. Да и домашнего уюта начинало хотеться все больше.

Вначале коммерсанты сдавали внаем то, что уже было построено. В одном из фондов госархива Оренбургской области сохранились договоры предпринимательницы А.Н. Путоловой с рядом физических и юридических лиц об аренде помещений. В 1898 году у оренбургского нотариуса было составлено такое заявление: «Мы, нижеподписавшиеся – жена потомственного почетного гражданина Анна Николаевна Путолова и правление Оренбургского Общества Взаимного Кредита, заключили настоящий договор в нижеследующем: Я – Путолова, сдала правлению Общества Взаимного Кредита в арендное содержание занимаемые им в настоящее время помещения в принадлежащем мне, перешедшем ко мне на правах собственности от Прасковьи Петровны, Николая и Ивана Васильевичей Путоловых, каменном двухэтажном доме, состоящем в городе Оренбурге, первой части, на углу Троицкой улицы и главной рыночной площади, а именно: помещение для банка Общества Взаимного Кредита, две квартиры для артельщиков и три квартиры для швейцаров и

сторожей и находящиеся при доме: ледник, на котором находится чулан и сарай для склада дров и других надобностей...» (ГАОО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 5. Л. 46).

В договоре были подробно прописаны права и обязанности участников сделки. Например, он фиксировал такое ограничение для квартиросъемщика: «...помещения для лошадей, коров и вообще домашнего скота, держать который на моем – Путоловой дворе, правлению Общества Взаимного – кредита или его служащим не дозволяется ...» (ГАОО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 5. Л. 46). Арендодатель же со своей стороны принимал на себя обязанность обеспечить должный уровень комфорта в предоставленных комнатах. Помещения передавались арендующей стороне «...с моим – Путоловой отоплением всех помещений, за исключением лишь кухонных печей, сроком на пять лет... ценою с отоплением за одну тысячу восемьсот рублей в год, и за все время аренды – за девять тысяч рублей. Я – Путолова, приняв на себя и за свой счет отопление сданных помещений под квартиры Общества Взаимного Кредита и его служащих, за исключением отопления кухонных печей, которые должны отапливаться нанимателем, обязываюсь отапливать таковые так, чтобы в холодное время года все помещения имели температуру не ниже 14–15 градусов тепла по термометру Реомюра [17–18 градусов по Цельсию – авт.], причем поясняется, что отопление в сданных помещениях устроено посредством нагревания водою, т.е. так называемое водяное. Если сданные помещения не будут иметь показанной выше температуры тепла, то правление Общества Взаимного Кредита вправе отказаться от аренды таковых во всякое время, не ожидая истечения срока найма, и в этом случае я – Путолова не должна иметь к Обществу никаких претензий за отказ от аренды до срока» (ГАОО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 5. Л. 46–46об.).

Купеческие дома могли заселяться поэтажно. Так, например, по воспоминаниям жительницы Оренбурга, представительницы купеческо-мещанской династии Дегтяревых, она с родителями жила в собственном доме на первом этаже, а второй этаж занимало семейство какого-то офицера. А в «Оренбургской газете» за 1910 год было дано объявление: «Желают сдать с лета 1911 года второй и третий этаж по Гостинодворской улице, против Главного рынка, под торгово-промышленное заведение или квартиру. Отд-ка [видимо, «отделка» – авт.] по соглашению. Спросить Никиту Архиповича Смочилина, Введенская улица, против Нов. Собора» (ОГ, 1910).

Однако, как отмечает Г.Н. Ульянова, «сдача внаем имеющихся малоэтажных сооружений почти не давала прибыли. Постепенно новые владельцы [земельных участков – авт.] «созревали» для радикальных решений. Становилось ясно, что для эффективного использования земли надо увеличивать этажность» (Ульянова, 2012: 12). Так в городе стали появляться доходные дома.

Среди памятников архитектуры, включенных Министерством культуры и внешних связей Оренбургской области приказом № 137 от 20.04.2015 в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объектов культурного наследия регионального значения, указан «Дом доходный Н.Ф. Мальнева, г. Оренбург, ул. Советская, 27» (Памятники архитектуры, 2015). Дом располагается на центральной улице города, имеет три этажа, большие подвальные помещения, во двор выходят два трехэтажных дворовых флигеля. Изначально первый этаж предназначался под магазины, подвальные сводчатые помещения под ними служили складом для товаров, а верхние этажи сдавались в аренду.

В уездных городах Оренбуржья ситуация со строительством гостиничного фонда высокого уровня, конечно же, была гораздо хуже, нежели в региональной столице. В 90-х годах XIX века Троицк не располагал специализированными местами приема постояльцев. В.Л. Кигн-Дедлов по этому поводу высказался так: «Гостиниц нет потому, что приезжие торговцы останавливаются у “знакомых”, а господ – на почтовой станции. К таким “знакомым” попал по рекомендации и я, но в другой раз останюсь на станции. Тут все было по-семейному. Комната проходная, обед скаредный» (Дедлов: 1894: 75–76).

Гостиница, которая, по словам троцкого краеведа, соответствовала европейскому уровню, была построена купцом 1-й гильдии Г.А. Башкировым только в конце 1-го десятилетия XX века (Гизатуллин, 2014: 137). Трехэтажное здание гостиницы с открытым при ней рестораном «Эльдорадо» было возведено на Васильевском переулке (ныне ул. Климова). Уровень цен для посетителей данного заведения соответствовал внешнему виду здания и качеству обслуживания. Как сообщают источники, селиться в роскошных номерах могли себе позволить лишь весьма состоятельные коммерсанты: биржевики, банкиры, золотопромышленники и купцы из первогильдейской когорты.

В Челябинске пореформенного периода стоимость наемного жилья была столь же высока, как и в Оренбурге. А в связи с усилением потока трудовых мигрантов после строительства Самаро-Златоустовской железной дороги в 1892 году на рынке жилой недвижимости города наметился настоящий кризис. Это обстоятельство привело к повышению стоимости мест на постоянных дворах и в гостиничных номерах до уровня имперской столицы. На это обстоятельство неизменно обращали внимание городские газеты. В ноябре 1909 года «Известия Челябинского общества потребителей» так охарактеризовали ситуацию с ценами на жилье в городе: «Что прежде всего поражает всех приезжающих в Челябинск – это невероятная дороговизна квартир. Приезжающие долго не хотят верить, что в «каком-то Челябинске» квартирные цены дороже, чем в Петербурге. Но скоро они убеждаются в этом на деле» (Известия, 1909).

Конечно же, некоторые из местных купцов умело пользовались конъюнктурой и получали от этого высокий доход. Ближе к концу XIX века купец А.П. Холодов, воспользовавшись дефицитом в городе жилых и торговых площадей, возвел целый комплекс доходных домов на улице Уфимской (ныне улица Кирова). Не желая лично приобщаться к гостиничному бизнесу, предприниматель предлагал коллегам обустроить на его территории заведения общепита и коммерческий жилой фонд. Построенные в 1896–1898 годах дома купца Холодова очень скоро привлекли арендаторов. В помещениях были открыты «Ресторан и номера Эрмитаж» А.Ф. Новиковой, меблированные комнаты А.М. Шацкого, номера «Россия» и «Столичные» (Боже, 1996: 157). Получается, что, не принимая прямого участия в организации данного вида коммерческой деятельности, А.П. Холодов косвенно был причастен к созданию своеобразного гостиничного кластера.

Предприниматели Орска к концу XIX века не озаботились строительством фешенебельных гостиниц. Остановившийся на ночевку В.Л. Кигн-Дедлов стал постояльцем некоей пародии на место отдыха. «В лучшей гостинице мне дали лучший номер такого сорта: во дворе, во “флигере”, рядом гусиный хлев; пол в щелях; обои полопались; постель – камень», – оценил «удобства» гость города (Дедлов, 1894: 29). Основной причиной подобного положения дел было слабое, по сравнению с Оренбургом и Челябинском, торговое значение города, что означало отсутствие постоянного притока экономически-активного и платежеспособного населения из других регионов страны. Вследствие этого услуги по предоставлению комфортных и недорогих мест отдыха просто не нашли бы своих потребителей.

5. Заключение

Вторая половина XIX – начало XX вв. стали временем, когда представления оренбургского купечества о деловой этике и принципах ведения дел подверглись значительной трансформации. Если ранее на первый план выходило стремление к максимальной прибыли в минимальные сроки и при минимальных же затратах, теперь, с ростом конкуренции, предприниматели были вынуждены учитывать потребности и интересы потребителей. В сфере гостиничного бизнеса это выразилось в значительном повышении качества предоставляемых услуг.

Владельцы гостиниц, конкурируя между собой на рынке, постепенно улучшали сервис, делая проживание гостей все более удобным, комфортным и безопасным, предоставляя посетителям не только место для проживания, горячую пищу, но и комплекс досуговых мероприятий. В отелях устанавливались бильярдные столы, устраивались концерты, гостиничные рестораны, приглашались высокопрофессиональные повара. В результате первоклассные городские отели превращались в места отдыха для обеспеченных горожан.

В то же время эти процессы делали отели более привлекательными для неофициальных встреч, которые не предназначались для широкой огласки. При гостиницах стал процветать бизнес интимных услуг. Номера отелей становились прибежищем для участников адюльтера. В этих условиях популярность стали набирать арендованные комнаты и квартиры, в том числе и в доходных домах. Аренда частного жилья осуществлялась на более длительный срок и под более пристальным надзором владельца помещения, нежели это было заведено в гостиницах. Арендаторами чаще всего становились молодые семьи или приглашенные в город специалисты.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ на реализацию научного проекта № 18-49-560001р_а «Оренбург купеческий. Городской ландшафт как пространство повседневности».

Литература

Hall, 1966 – Hall E.T. The hidden Dimension. Man's Use of Space in Public and Private. New York, 1966.

Балюшина, 2016 – Балюшина Ю.Л. Город как специфический локус жизненного пространства человека (социально-философский аспект) // *Общество: философия, история, культура*. 2016. № 7. С. 39–41.

Банникова, 2014 – Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб.: ООО «Полторак», 2014. 440 с.

Боже, 1996 – Боже В. Челябинские номера // Врата Рифея: Сборник. Эссе, документы, справочная информация, воспоминания, хроника, рассказы, стихи. М.: «Московский писатель», 1996. С. 157–158.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.

Гизатуллин, 2014 – Гизатуллин Р.Н. Социально-экономическое положение г. Троицка в 1913 – 1917 гг. // Календарь замечательных и памятных дат. Челябинская область 2014. Челябинск: Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2014. С. 137–153.

Гиляровский, 1935 – Гиляровский В.Л. Москва и москвичи. Очерки старомосковского быта. М.: Советский писатель, 1935. 391 с.

Глазычев, 2008 – Глазычев В.Л. Урбанистика. М.: Европа, 2008. 220 с.

- Гутнов, Глазычев, 1990** – Гутнов А., Глазычев В. Мир архитектуры: Лицо города. М.: Молодая гвардия, 1990. 352 с.
- Дедлов, 1894** – Дедлов (Кизн) В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб.: М.М. Ледерле и К°, 1894. 201 с.
- Дождевых, 2008** – Дождевых С.М. Купеческий заказчик в истории вятской архитектуры (на примере магазина П.П. Клобукова) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. Т. 2. № 2. С. 169–173.
- Дореволюционный Челябинск, 2010** – Дореволюционный Челябинск в слове современников: Собрание текстов / Центр ист.-культур. наследия г. Челябинска; [Сост. и науч. ред. В.С. Боже]. Челябинск: ООО "Полиграф-Мастер", 2010. 358 с.
- Зиммель, 2015** – Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 416 с.
- Зименкова, 2013** – Зименкова Л.Д. Особенности архитектуры купеческих усадеб малых городов Среднего Поволжья конца XIX – начала XX века // *Academia. Архитектура и строительство*. 2013. № 4. С. 58–61.
- Известия Челябинского общества потребителей, 1909** – Известия Челябинского общества потребителей. 1909. 9 ноября.
- Касаткина, 2014** – Касаткина С.С. Публичное и частное пространство городской повседневности как институт социализации // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 12 (50): в 3 ч. Ч. II. С. 88–90.
- Лелеко, 2002** – Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. 320 с.
- Лернер, 2008** – Лернер А.Л. Пространство повседневности русского купечества в XIX веке // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2008. № 57. С. 204–210.
- Лихачев, 1984** – Лихачев Д.С. Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века (по воспоминаниям) // *Ученые записки Тартуского государственного университета*. Выпуск 664. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. С. 72–77.
- Лобысевич, 1887** – Лобысевич Ф.И. Город Оренбург: историко-статистический очерк. СПб.: Типография Э. Гоппе, 1878. 60 с.
- Михайлов, 1866** – Михайлов М. Оренбургские письма для желающих ознакомиться с Оренбургом, Орском, Троицком, Фортom Александровским и дорогою через Киргизскую степь до Форта № 1. СПб.: тип. Н. Тиблен и Ко, 1866. 110 с.
- Оренбургская газета, 1901** – Оренбургская газета (ОГ). 1901. № 1116. 14 января. (а).
- Оренбургская газета, 1901** – Оренбургская газета (ОГ). 1901. № 1250. 10 июня. (б).
- Оренбургская газета, 1901** – Оренбургская газета (ОГ). 1901. № 1287. 26 августа. (с).
- Оренбургская газета, 1910** – Оренбургская газета (ОГ). 1910. № 286. 25 декабря.
- Оренбургская жизнь, 1914** – Оренбургская жизнь (ОЖ). 1914. № 17 (32). 22 января.
- Оренбургский листок, 1876** – Оренбургский листок (ОЛ). 8 августа 1876 г.
- Памятники архитектуры Оренбурга, 2018** – Памятники архитектуры Оренбурга. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orenterem.ru/gorod-orenburg/pamyatniki-arkhitektury> (дата обращения - 14.08.2018).
- Пыляев, 1891** – Пыляев М.И. Старая Москва. История былой жизни первопрестольной столицы. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1891. 641 с.
- Пыляев, 1887** – Пыляев М.И. Старый Петербург. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1887. 471 с.
- Райский, 1915** – Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу с очерком его прошлого и настоящего, иллюстрациями и планом. Оренбург: Губернская типография, 1915. 178 с.
- Семенова, 2008** – Семенова Т.В. Городская ментальность: социально-психологическое исследование. Самара: СГПУ, 2008. 250 с.
- Смирнов, 2018** – Смирнов С. Гостиница «Бристоль». История здания по ул. Кобозева, 42 [Электронный ресурс]. Опубликовано 18.04.2017. URL: <http://oren1.ru/projects/oren-history/orenwiki/gostinica-bristol-istorija-zdaniya-po-ul.html> (дата обращения - 14.08.2018 г.).
- Столпянский, 1908** – Столпянский П.Н. Город Оренбург: материалы к истории и топографии города. Оренбург: Оренбургская губ. тип., 1908. 399 с.
- Судакова, 2015** – Судакова О.Н. Купеческий город как поле культуры повседневности торгово-промышленного сословия Сибири // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 10-3 (50). С. 185–187.
- Судакова, 2017** – Судакова О.Н. Торговые пассажи как форма пространства культуры повседневности сибирского купечества // *Идеи и идеалы*. 2017. Т. 2. № 1 (31). С. 123–132.
- Тыхеева, 2007** – Тыхеева Ю.Ц. Человек в городском пространстве. Философско-антропологические основания урбанографии // Московский гуманитарный университет, 2007.

[Электронный ресурс] URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Tyheeva/> (дата обращения – 14.08.2018 г.).

Ульянова, 2012 – Ульянова Г.Н. Доходный бизнес на доходных домах сто лет назад // Ульянова Г.Н. Дворцы, усадьбы, доходные дома. Исторические рассказы о недвижимости Москвы и Подмосковья. М.: Форум; Неолит, 2012. С. 9–22.

Чернявская, 2008 – Чернявская О.С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Социология. Психология. Философия. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 5. С. 329–335.

References

Hall, 1966 – Hall E.T. (1966). The hidden Dimension. Man's Use of Space in Public and Private. NewYork.

Balyushina, 2016 – Balyushina Yu.L. (2016). Gorod kak specificheskij lokus zhiznennogo prostranstva cheloveka (socialno-filosofskij aspekt) [The city as a specific locus of a person's living space (socio-philosophical aspect)]. *Society: philosophy, history, culture*, Nr 7, pp. 39-41. [in Russian]

Bannikova, 2014 – Bannikova E.V. (2014). Povsednevnyaya zhizn provincialnogo kupechestva (na materialah gubernij Urala doreformennogo perioda) [Everyday life of provincial merchants (based on materials of Ural Governorates of the pre-reform period)]. St. Petersburg: ООО «Poltorak». 440 p. [in Russian]

Bozhe, 1996 – Bozhe V. (1996). Chelyabinskie nomera [Lodging in Chelyabinsk]. *Gate of Rifev: Collection. Essays, documents, background information, memories, chronicles, stories, poems*. Moscow: "The Moscow Writer". pp. 157–158. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [State Archive of the Orenburg region].

Gizatullin, 2014 – Gizatullin R.N. (2014). Social'no-ehkonomicheskoe polozhenie g. Troicka v 1913 – 1917 gg. [The socio-economic situation of Troitsk in 1913 - 1917]. *Calendar of remarkable and memorable dates. The Chelyabinsk region 2014*, Chelyabinsk: Chelyabinsk State Academy culture and arts, pp. 137-153.

Gilyarovskij, 1935 – Gilyarovskij V.L. (1935). Moskva imoskvichi. Ocherki staromoskovskogo byta [Moscow and Muscovites. Essays on the old-Moscow way of life]. Moscow: Soviet writer. 391 p. [in Russian]

Glazychev, 2008 – Glazychev V.L. (2008). Urbanistika [Urbanistics]. Moscow: Europe. 220 p. [in Russian]

Gutnov, Glazychev, 1990 – Gutnov A., Glazychev V. (1990). Mir arhitektury: Lico goroda [The world of architecture: The face of the city]. Moscow: Young guard. 352 p. [in Russian]

Dedlov, 1894 – Dedlov (Kign) V.L. (1894). Pereselency i novye mesta. Putevye zametki [Settlers and new places. Travel notes]. SPb.: Tipografija M.M. Lederlei K°. 201 p. [in Russian]

Dozhdevyh, 2008 – Dozhdevyh S.M. (2008). Kupecheskij zakazchik v istorii vyatskoj arhitektury (naprimere magazina P.P. Klobukova) [The merchant clients in the history of Vyatka architecture (on the example of P.P. Klobukov's shop)]. *Bulletin of Vyatka State Humanitarian University*, T. 2, Nr 2, pp. 169-173. [in Russian]

Dorevolucionnyj Chelyabinsk v slovesovremennikov: sobranietekstov, 2010 – Dorevolucionnyj Chelyabinsk v slove sovremennikov: sobranie tekstov (2010) [Pre-revolutionary Chelyabinsk in the words of contemporaries: a collection of texts]. Chelyabinsk: "Polygraph Master". 358 p. [in Russian]

Zimmel, 2015 – Zimmel G. (2015). Izbrannoe. Problemy sociologii [Selected works. Problems of sociology]. SPb: Center for Humanitarian Initiatives. 416 p. [in Russian]

Zimenkova, 2013 – Zimenkova L.D. (2013). Osobennosti arhitektury kupecheskih usadeb malyh gorodov Srednego Povolzh'jakonca XIX – nachala XX veka [Architecture of merchant estates in small towns of the Middle Volga region in the late 19th and early 20th century]. *Architecture and Construction*, Nr 4, pp. 58-61. [in Russian]

Izvestiya Chelyabinskogo obshchestva potrebitelej, 1909 – Izvestiya Chelyabinskogo obshchestva potrebitelej (1909) [News of Chelyabinsk society of consumers]. November 9. [in Russian]

Kasatkina, 2014 – Kasatkina S.S. (2014). Publichnoe i chastnoe prostranstvo gorodskoj povsednevnosti kak institut socializacii [Public and private space of urban daily life as an institution of socialization]. *Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Questions of theory and practice*, Nr 12 (50), PII, pp. 88-90. [in Russian]

Leleko, 2002 – Leleko V.D. (2002). Prostranstvo povsednevnosti v evropejskoj kul'ture [The space of daily life in European culture]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. 320 p. [in Russian]

Lerner, 2008 – Lerner A.L. (2008). Prostranstvo povsednevnosti russkogo kupechestva v XIX veke [The space of the daily life of the Russian merchants in the XIX century]. *News of the RSPU of A.I. Herzen*, Nr 57, pp. 204-210. [in Russian]

Lihachev, 1984 – Lihachev D.S. (1984). Zametki k intellektual'noj topografii Peterburga pervoj chetverti dvadcatogo veka (po vospominaniyam) [Notes to the intellectual topography of St. Petersburg in the first quarter of the twentieth century (from memoirs)]. *Scientific notes of the Tartu State University*. Issue 664, pp. 72-77. [in Russian]

- Lobysevich, 1878** – *Lobysevich F.I.* (1878). Gorod Orenburg: istoriko-statisticheskij ocherk [The City of Orenburg: a Historical and Statistical Essay]. SPb.: Tipografija Je. Goppe. 60p. [in Russian]
- Mihajlov, 1866** – *Mihajlov M.* (1866). Orenburgskie pis'ma dlja zhelajushhih oznakomit'sja s Orenburgom, Orskom, Troickom, Fortom Aleksandrovskim i dorogoju cherez Kirgizskuju step' do Forta № 1 [Orenburg Letters for Those Who Want to Learn about Orenburg, Orsk, Troitsk, Fort Alexandrovsky and the Way through the Kyrgyz Steppe to Fort 1] St. Petersburg: Tipografija N. TibleniKo. 110 p. [in Russian]
- Orenburgskaya zhizn** – Orenburgskaya zhizn (OZh) (1914). Nr 17 (32). [in Russian]
- Orenburgskaya gazeta, a** – Orenburgskaya gazeta (OG) (1901). Nr 1116 (a). [in Russian]
- Orenburgskaya gazeta, b** – Orenburgskaya gazeta (OG) (1901). Nr1250 (b). [in Russian]
- Orenburgskaya gazeta, c** – Orenburgskaya gazeta (OG) (1901). Nr 1287 (c). [in Russian]
- Orenburgskaya gazeta, d** – Orenburgskaya gazeta (OG) (1910). Nr 286. [in Russian]
- Orenburgskij listok** – Orenburgskij listok (OL) (1876). 8 avgusta [in Russian]
- Pamyatniki arhitektury Orenburga** – PamyatnikiarhitekturyOrenburga [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.orenterem.ru/gorod-orenburg/pamyatniki-arkhitektury> [monuments of Orenburg architecture] [in Russian]
- Pylyae, 1891** – *Pylyae M.I.* (1891). Staraya Moskva. Istoriya byloj zhizni pervoprestolnoj stolicy [Old Moscow. The history of the former life of the capital city]. SPb.: Tipografiya A.S. Suvorina. 641 p. [in Russian]
- Pylyae, 1887** – *Pylyae M.I.* (1887). Staryj Peterburg [Old Petersburg]. SPb.: Tipografiya A.S Suvorina. 471 p. [in Russian]
- Rajskij, 1915** – *Rajskij P.D.* (1915). Putevoditel po gorodu Orenburgu s ocherkom ego proshlogo i nastoyashchego, illyustracijami i planom [A guide to the city of Orenburg with an outline of its past and present, illustrations and a plan]. Orenburg: Gubernskaya printinghouse. 178 p. [in Russian]
- Semenova, 2008** – *Semenova T.V.* (2008). Gorodskaya mental'nost': social'no-psihologicheskoe issledovanie [The City Mentality: socio-psychological research]. Samara: SGPU. 250 p. [in.Russian]
- Smirnov, 2017** – *Smirnov S.* (2017). Gostinica "Bristol". Istoriya zdaniya po ul. Kobozeva, 42 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://oren1.ru/projects/oren-history/orenwiki/gostinica-bristol-istorija-zdaniya-po-ul.html> [in Russian]
- Stolpjanskij, 1908** – *Stolpjanskij P.N.* (1908). Gorod Orenburg: materialy k istorii i topografii goroda [Orenburg: the History and Topography of the City]. Orenburg: Izdatel'stvo Orenburgskoj Gubernskoj tipografii. 399 p. [in Russian]
- Sudakova, 2015** – *Sudakova O.N.* (2015). Kupecheskij gorod kak pole kul'tury povsednevnosti torgovo-promyshlennogo sosloviya Sibiri [Merchant City as a Field of Daily Life Culture of the Commercial and Industrial Estate of Siberia]. *Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Questions of theory and practice*, Nr 10-3 (50), pp. 185-187. [in Russian]
- Sudakova, 2017** – *Sudakova O.N.* (2017). Torgovye passazhi kak forma prostranstva kul'tury povsednevnosti sibirskogo kupechestva [Shopping Arcades as a Form of Space of Daily Life Culture of Siberian Merchants]. *Ideas and ideals*, T. 2, Nr 1(31), pp. 123-132. [in Russian]
- Tyheeva, 2007** – *Tyheeva Yu.C.* (2007). Chelovek v gorodskom prostranstve. Filosofsko-antropologicheskie osnovaniya urbanologii [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Tyheeva/> [in Russian]
- Uyanova, 2012** – *Uyanova G.N.* (2012). Dvorcy, usadby, dohodnye doma. Istoricheskie rasskazy o nedvizhimosti Moskvy i Podmoskovya [Palaces, Estates, Revenue Houses. Historical Tales about Real Estate in Moscow and the Moscow region]. M.: Forum; Neolithic. 272 p. [in Russian]
- Chernyavskaya, 2008** – *Chernyavskaya O.S.* (2008). Social'noe prostranstvo: obzor teoreticheskikh interpretacij [Social Space: a Review of Theoretical Interpretations]. *Sociology. Psychology. Philosophy. Bulletin of the Nizhny Novgorod University of N.I. Lobachevsky*, Nr 5, pp. 329-335. [in Russian]

Купеческий гостиничный бизнес в городах оренбургской губернии пореформенной эпохи в контексте городской повседневности

Константин Алексеевич Абдрахманов ^{a,*}

^a Оренбургский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются процессы, относящиеся к сфере повседневного бытования коммерсантов в Оренбургской губернии пореформенной эпохи. Гостиничный бизнес, с одной стороны, представлял собой один из вариантов трудовой повседневности оренбургского купечества, в рамках которого предприниматели реализовывали свои деловые качества, представления о должном ведении бизнеса, стремились извлечь максимальную прибыль. С другой

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kostya.abdrakhmanov@mail.ru (К.А. Абдрахманов)

стороны, городские гостиницы становились местом притяжения для гостей губернского и уездных центров, формировали представление о местной городской среде, распространявшееся затем через публицистику на все российское пространство. Вторая половина XIX – начало XX вв. стало временем, когда представления оренбургского купечества о деловой этике и принципах ведения дел подверглись значительной трансформации. В гостиничном бизнесе эти изменения выразились в значительном улучшении степени комфортабельности условий проживания гостей. В перечень услуг, предоставляемых отелями, вошли не только чистые комнаты с удобной мебелью, вентиляцией, водопроводом, ватерклозетами, но и питание ресторанного уровня, организованный досуг, а также технические новинки – электрическое освещение номеров, телефоны. Для комфортного проживания обеспеченных горожан, не имеющих собственного отдельного жилья, предприниматели стали возводить многоэтажные доходные дома, не только решавшие утилитарные проблемы расселения, но и создававшие абсолютно новый архитектурный облик города. В результате процессы повседневной жизни не только купцов, но и всех остальных горожан Оренбургской губернии начинали осуществляться в совершенно новых условиях, постепенно формируя новый городской образ жизни, новую городскую повседневность.

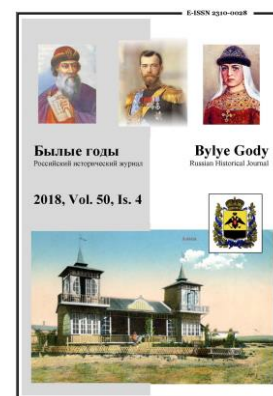
Ключевые слова: повседневность, купечество, пореформенная эпоха, Оренбургская губерния, город, городская среда, предпринимательство, гостиничный бизнес.

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1656-1665. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1656
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

"Other Slavs": Images of "Western Slavdom" in the Views of Russian National-Conservative Panславистs in the 70s–80s of the XIX century

Andrey A. Linchenko ^{a, b, *}

^a Financial University, Lipetsk branch, Russian Federation

^b Lipetsk state technical university, Russian Federation

Abstract

The article reveals the features of the evolution of ideas about Western Slavdom in the works of Russian national conservative panslavists of the second half of the XIX century in the context of their ideas about the creation of the All-Slavic Union. Based on works by N.Y. Danilevsky, R.A. Fadeev, I.S. Aksakov, A.A. Kireev and K.N. Leontiev it was concluded that a significant transformation of the images of the Western Slavs in the 70s – 80s compared with the work of the 60s. The point of view is substantiated that the key significance in the transformation of attitudes towards the Western Slavs was associated with the interpretation of the religious foundations of the future unification and foreign policy changes of the late 70s – the first half of the 80s of the XIX century. In this regard, the deepening contradictions between the most prominent representatives of national-conservative panslavism became the reason for the polar assessments of the role and place of the Western Slavs in the planned all-Slavic union. The most opposite assessments were observed in the views of representatives of the "All-Slavic" (I.S. Aksakov, A.A. Kireev) and "Byzantine" (K.N. Leontiev) directions of Russian panslavism. These assessments are analyzed in the context of the evolution of the attitude toward Western culture in the 60s–80s. XIX century. All this allows us to talk about the ambiguity of the images of Western Slavdom, not only in the Russian social thought of the post-reform period as a whole, but also among representatives of the national conservative camp, in the views of Russian conservative panslavists.

Keywords: panslavism, "the other", slavophilism, national conservatism, cultural memory, Western Slavs.

1. Введение

Современный мир представляет собой все более усложняющееся социальное пространство, характерными чертами которого являются мобильности, трансферы и трансформации. Это изменяет привычные образы «другого», «своего» и «чужого» в культуре. Данная ситуация в свою очередь бросает вызов культурной памяти, которая всегда была важным источником конструирования образов «другого», смыслового наполнения категорий «свой»/«чужой». Другими словами, противоречивый опыт и изменчивый характер образов «своего» и «чужого», образов «другого» в истории оказывается важным ресурсом анализа рисков трансформации современной культурной памяти.

В этой связи исследование современных проблем культурной памяти России предполагает обращение к целому ряду исторических образов «своего», «чужого», «другого» в исторической культуре и культурной памяти России XIX–XX вв. Одним из наиболее устойчивых образов, имевших место в социально-культурной жизни и культурной памяти как дореволюционной России, так и советского времени, являлся образ «братских славянских народов». Однако насколько однозначными являлись репрезентации славянских народов в культурной жизни России? Исследованию данного вопроса будет посвящена наша статья, целью которой является анализ особенностей трансформации

* Corresponding author

E-mail addresses: linchenko1@mail.ru (A.A. Linchenko)

образов западного славянства в среде русских национально-консервативных панславистов 70–90 гг. XIX в. В нашем исследовании мы сосредоточим внимание на работах И.С. Аксакова, А.А. Киреева и К.Н. Леонтьева.

2. Материалы и методы

В проведенном исследовании использован достаточно широкий круг источников. Публицистическое наследие виднейших представителей панславизма представлено в первую очередь собранием сочинений И.С. Аксакова (Аксаков, 1886а; Аксаков, 1886б). Особо отметим ценную для нас работу И.С. Аксакова «Ф.И. Тютчев. Биографический очерк» (Аксаков, 1874), содержащую выводы И.С. Аксакова относительно славянского вопроса. Публицистическое наследие генерала А.А. Киреева состоит из его 2-томного собрания сочинений (Киреев, 1912), а также целой серии его брошюр и статей (Киреев, 1883; Киреев, 1890; Киреев, 1898). Публицистика К. Леонтьева представлена в собранном им самим в 1885–1886 гг. сборнике «Восток, Россия и Славянство» (Леонтьев, 1996), отдельными статьями и воспоминаниями (Леонтьев, 2003; Леонтьев, 2002).

Мы также привлекли работы и публицистику Н.Я. Данилевского (Данилевский, 1998; Данилевский, 2003), Р.А. Фадеева (Фадеев, 2003), А.С. Хомякова (Хомяков, 1900). Нами была использована как опубликованная, так и неопубликованная переписка И.С. Аксакова, А.А. Киреева, К.Н. Леонтьева. Неопубликованную часть эпистолярного наследия представляют письма, хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (ОР РНБ, ф. 14. ед. хр. 172).

Хронологические рамки исследования охватывают 70–90 гг. XIX в. Нижний хронологический рубеж обусловлен обострением Восточного вопроса в 1875–1878 гг., что вызвало очередное распространение идей панславизма в России. Верхний – кризисом панславистской идеологии, вызванным общей сменой внешнеполитических ориентиров России в 1880–1890 гг. как в правительственных, так и в общественных кругах и соответственно упадком самой идеи панславизма, а также уходом из жизни основных представителей панславизма – И.С. Аксакова и К.Н. Леонтьева и отсутствием должной замены им.

3. Обсуждение

Несмотря на то, что историография русского панславизма представляет собой самостоятельный предмет исследования, проблема конструирования образов западного славянства как «других», «чужих» славян ранее не становилась предметом пристального научного анализа. Исследования, посвященные или затрагивающие различные аспекты русского панславизма можно разделить на несколько этапов: 80-е гг. XIX в. до 1917 г.; 1920-е гг.; 1930-е – середина 1950-х гг.; вторая половина 1950-х – 1960-е гг.; 1970–1980 гг.; 1990-е и 2000-е гг.

На первом этапе, в 80-е гг. XIX в. – 1917 г., несмотря на современность проблемы, существовавшая масса работ носила оценочный, а не исследовательский характер. Представители социалистического направления недалеко ушли от формулировок, данных панславизму К. Марксом еще в 1848 году. Оценивая панславизм как явление «заведомо реакционное», К. Маркс, таким образом, вкладывал в панславизм только один смысл – идею славянского единства в национально-консервативном ее звучании. Он писал: «Панславистское единство – это либо чистая фантазия, либо русский кнут» (Маркс, Энгельс, 1962: 182). Несмотря на общий негативизм оценок панславизма как явления в национально-консервативной мысли среди представителей либеральной мысли (С.Н. Трубецкой, Г.К. Градовский), появляются попытки исследования термина «панславизм». Такова работа А.Н. Пыпина (Пыпин, 1913). Панславизм, по его мнению, это не только политическое объединение, это еще и общеславянский язык. Он отличал «истинный панславизм» как проявление национальной идеи, способствующей суверенитету славянских народов, от «русского панславизма» с присущими ему имперскими амбициями. Неоднозначной была оценка виднейших идеологов панславизма в консервативном лагере: от восторженно апологетических (Л.А. Тихомиров, Н.П. Аксаков, А.И. Введенский, И. Фудель) до умеренно-критических (А.В. Васильев, И.В. Каменский, И.С. Листовский, П.П. Перцов). Среди них предпринимались попытки исследования самого термина «панславизм» (Погодин, 1914).

Второй этап, 1917 г. – 20-е гг. XX в., характеризуется малочисленностью исследований, однозначно негативной оценкой панславизма в советской историографии. С.Д. Сказкин отмечал: «Русский панславизм ... был уродливым явлением русской общественной жизни, порождением отсталого политического строя, своеобразной формой политического бездельничества общественных слоев, отодвинутых от практической политики. В своем наиболее чистом, славянофильски облагороженном виде русский панславизм был ходулен, напыщен, риторически красив, но практически бессодержателен» (Сказкин, 1974: 222).

Третий этап, 30-е – середина 50-х годов XX века, ознаменовался большим количеством работ, затрагивающих исследуемую нами проблему как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Конец 30-х – начало 40-х ознаменовались исследованиями, отчасти касающимися изучаемой нами проблемы. Это работы А.И. Ковалевского, А.А. Михайлова, С.С. Дмитриева. Первые два автора рассматривали вопрос о роли и степени влияния идей панславизма в раннем славянофильстве. Как особый этап в развитии пореформенного славянофильства, ориентированный на внешнюю

политику, оценивал панславизм С.С. Дмитриев (Дмитриев, 1941: 89). В годы Великой Отечественной войны отношение к идеям панславизма начало изменяться. Славянские народы теперь рассматривались как союзники в борьбе с гитлеровской Германией. Примечательно, что если термин «панславизм» сохранил свое «реакционное» значение, то из него выхватывались тезисы о славянской солидарности, славянской дружбе, славянском содружестве, которые оценивались как новый этап сотрудничества между СССР и славянскими народами. Тема освобождения славянских народов от османского ига в XIX веке стала особенно актуальной после освобождения славянских народов от фашистской оккупации в XX веке. Такова общая направленность работ советской историографии (И.В. Козьменко, С.А. Никитин). Русская эмигрантская литература указанного периода представлена обобщающими работами по истории русской философии, трудами Н.А. Бердяева, А.А. Кизеветтера. Важное место среди работ зарубежных исследователей этого периода занимает книга М.Б. Петровича (Petrovich, 1956). Он внутренне разграничил широкое понимание А.Н. Пыпиным «истинного», демократического панславизма, распространенного им на все нерусское славянство, выделив в нем три четкие формы: «автрославизм», «иллиризм», «украинский славянский федерализм». В дополнение к ним он называл «польский мессианизм» и «великорусский панславизм» (Petrovich, 1956: X).

Во второй половине 50-х – 60-е гг. проблема панславизма также была затронута в целом ряде исследований как в СССР, так и за рубежом. Особо стоит отметить статью А.Я. Манусевича (Манусевич, 1967). В ней нашла окончательное оформление мысль о двух модификациях идеи славянского единства – «реакционного панславизма» и «демократической идеи славянской солидарности». Важную роль сыграло появление работы В.К. Волкова, посвященной происхождению и сущности термина «панславизм». Автор точно установил время и место появления термина «панславизм», показал условия, способствовавшие его распространению (Волков, 1969).

Тема панславизма продолжала развиваться на Западе в работах непосредственно о панславизме, о Н.Я. Данилевском, К.Н. Леонтьеве, в контексте вопроса о природе и сущности национализма в России вообще. Важное место среди ряда западных монографий этого периода о панславизме играет книга Г. Кона (Kohn, 1960). Выделяя две линии развития панславизма, – в Российской империи и среди славян, прежде всего в монархии Габсбургов, – он, как и все западные исследователи, акцентирует внимание на первой. В работе Кона тема о «советском панславизме» выразилась с наибольшей силой: «Со времени Погодина вплоть до последних лет Сталина, в течение целого столетия панславизм играл доминирующую роль в русском сознании. Русские не только провозглашали свою роль защитника и лидера всех славян, но также подчеркивали единство всех славян до такой степени, что для многих русских синонимами стали слова «русский» и «славянин» (Kohn, 1960: 325). Огромное значение имеет монография Э. Тадена (Thaden, 1964), который анализирует панславизм в контексте основной задачи своей монографии – изучения консервативно-националистической идеологии в России XIX в. Таден правильно подмечал, что «в условиях пореформенной России ... славянофильские и консервативно-националистические идеи были обречены на неудачу и подвержены процессу разложения». Они, по его мнению, «просмотрели» тот факт, что патриархальные основы религии и самодержавия, которые они вынашивали, были уже непригодны для быстро «индустриализировавшейся России, складывавшихся буржуазных отношений» (Thaden, 1964: 122).

В 70–80 гг. проблема панславизма была затронута в большом количестве исследований советских историков и философов о русском консерватизме. Примечательно, что тенденция к увеличению изучения русского консерватизма вообще стала характерной для советской историографии именно на данном этапе. Ключевым продолжал оставаться тезис о «реакционном» панславизме, присущем консерваторам и «демократической, прогрессивной» идее славянской солидарности, свойственной революционным демократам. Наиболее ярко эта концепция отразилась в определении «панславизма» в новой Большой советской энциклопедии (Панславизм, 1975), в статьях В.А. Дьякова и И.И. Лещиловской об идее славянского единства в трактовке всей пореформенной революционно-демократической и либеральной общественной мысли в России. Отдельно стоит рассмотреть монографии Н.И. Цимбаева о И.С. Аксакове (Цимбаев, 1978) и о славянофильстве (Цимбаев, 1986). Впервые в советской историографии славянофильства в работе Цимбаева было дано предельно ясное содержание и смысл понятия «славянофильство», что не могло не отразиться и на термине «панславизм». Автор убедительно доказал, что говорить о славянофильстве как о течении, занятом проблемой славянского единства нельзя, что термин «славянофильство» в 70–90 гг. XIX в. не соответствовал тому общественному идейному течению, которым был назван, что Н.Я. Данилевского, и соответственно К.Н. Леонтьева, нельзя вообще считать «поздним» продолжателем славянофильского учения.

На современном этапе, 1990-е–2000-е гг., на смену тезису о «реакционности» русского панславизма приходит убеждение об особом, специфичном варианте панславизма в национально-консервативном направлении, сильно трансформировавшем идею славянского единства, в которой на первый план выходят патриархальные идеалы и ценности, свойственные консервативному лагерю. Впервые в отечественной и западной историографии в ряде исследований (Анненкова, 1998) был затронут вопрос о многоаспектности идеи славянского единства в национально-консервативной

мысли. Так, О.В. Павленко подчеркивает, что «сама доктрина державного панславизма так и не была воплощена в цельное учение. Существовали ее различные интерпретации...» (Павленко, 1998: 57). Сходные выводы присутствуют в работах В.М. Хевролиной (Хевролина, 2000: 144) и С.Г. Пушкарева (Пушкарев, 2001: 529).

Из зарубежных исследований интересно определение «панславизма», данное Питером Цаппом в Американской энциклопедии, изданной в 1994 году (Csapp, 1994). Достоинством является отрицание автором так называемого «советского панславизма», который на Западе считали воплотившимся и действующим в Организации Варшавского Договора. П. Цапп абсолютно верно подчеркивает европейский характер славянского возрождения и тот факт, что термин «панславизм» возник в западно-славянских землях: «панславизм – детище славянских интеллектуалов, живших на территориях под господством Габсбургской и Оттоманской империй» (Csapp, 1994: 362). Однако, как показал наш историографический анализ, тема образов западного славянства так и не стала предметом отдельного научного исследования.

4. Результаты

Панславизм или более мягкие его синонимы – «всеславянство», «идея славянского единства» (Даль, 2002: 15) – это совокупность общественно-политических идей, предусматривающих более или менее тесный политический союз славянских народов или формирование единого культурного пространства. В зависимости от конкретной исторической обстановки, социальной среды и идейных мотивов панславизм принимал особые, специфические черты и формы, носил различные названия, был более или менее всеобъемлющим.

Важно отметить, что панславизм нельзя смешивать с такими синонимичными (Дьяков, 1993: 4; Павленко, 1998: 47) понятиями, как славянская солидарность, славянская общность, славянская взаимность. Возникшее в Словакии в 20-е гг. и распространившееся на волне национальных противоречий в Австрийской империи в 30–40 гг. XIX в. понятие «панславизм» было крайне неоднозначным и тенденциозным. Для российской внешней политики и общественности первой половины XIX в. такое общественно-политическое явление, как панславизм, не было характерным (Павленко, 1998; Волков, 1969). Распространение идей панславизма в русской общественности происходит лишь во второй половине XIX в. вследствие поражения России в Крымской войне 1853–1856 гг. и осуждения рядом европейских государств подавления Россией восстания в Польше в 1863–1864 гг., а в дальнейшем обострения Восточного вопроса в 70–80 гг. XIX в. Все это стимулировало поиск новых контуров российской идентичности, одним из аспектов которой являлись представления о славянском единстве. Именно в среде консерваторов идеи панславизма получили наибольшее распространение. Сам консервативный лагерь в пореформенную эпоху претерпел значительные изменения. На первый план в нем вышли «истинно-национальные», патриархальные ценности, одним из выражений которых было сильное влияние религии в идеологии и практике консерваторов (М.Н. Катков, Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский). Американский исследователь консерватизма Э. Таден справедливо писал о стремлении создать «новую философию», базирующуюся на русском национализме и обычаях; на «традиционных институтах русского общества» (Thaden, 1964: 4).

В среде идеологов национально-консервативной версии панславизма в 70–90 гг. XIX в. можно наметить два направления. Первое, «всеславянское», представлено в 70–80 гг. личностью И.С. Аксакова, в 80–90 гг. оно будет продолжено в публицистике генерала А.А. Киреева. Другое, «византийское», представлено К.Н. Леонтьевым, развивавшим свои идеи еще в 70-е годы, но окончательно сформировавшееся в 80–90 гг. Представления о так называемом «западном славянстве» (чехи, словаки, болгары, сербы, словенцы, поляки) были органичной частью идей о создании Всеславянского Союза. Однако западные славяне не всегда рассматривались как «свои». В стремлении убедить в правоте «русского» варианта славянского объединения панслависты, по сути, создавали образ «другого славянства». Вместе с тем образы «западного славянства» не были лишены целого ряда противоречий, вытекавших как из особенностей самих внешнеполитических представлений русских консерваторов, особенностей эволюции славянофильского учения в 70–90 годы, так и реалий восточноевропейской политики и национально-освободительного движения на Балканах в XIX веке. В этой связи показателен вопрос о религиозных основаниях будущего союза, ведь большинство западных славян были католиками. Присутствие религиозного аспекта в идее славянского единства было характерным явлением только для национально-консервативной трактовки панславизма. Именно в религии покоились, по их мнению, начала России как крупнейшей славянской державы, и именно с религиозной основы и необходимо было начинать объединение. Осознание духовной общности должно было, по мнению виднейших представителей панславизма, стать тем фундаментом, на котором могло быть воздвигнуто «политическое здание» всеславянства. «Вероисповедание, как бытовое начало, проникающее собою, подобно воздуху, всю жизнь народа, – дает, частью ведомо, частью неведомо для него самого, характер и направление его историческим судьбам и всем отправлениям его жизни, как духовной, так отчасти и материальной, как общественной, так и государственной», – отмечал И.С. Аксаков (Аксаков, 1886а: 97). Для идеологии панславизма на протяжении всей второй половины XIX века характерно сохранение еще свойственной славянофилам антитезы «Восток–Запад» через выражение ее в противопоставлении

двух основных религиозных начал христианства – православия и католицизма. Но, сохраняя общие постулаты вышеназванного аспекта славянофильского учения, большинство панславистов отошли от того «общехристианского универсализма», по выражению Н.А. Бердяева, который был отличительной чертой учения славянофилов в 30–50 гг. XIX века. Панслависты, как это верно подметил В.В. Розанов, «... оподобили ... учение основоположников славянофильской идеи, ... применили ко множеству частных, к явлениям, вновь нарождающимся, к явлениям старым, незамеченным» (Розанов, 1990: 289). Это нашло выражение в несколько новом видении роли православия в судьбах России и будущего объединенного славянства. Надо сказать, что в среде панславистов России в 70–90 гг. XIX века господствовало достаточно общее представление о западной культуре, западном христианстве. Основопологающим началом западной цивилизации панслависты, в лице наиболее виднейших своих представителей в 70–90 гг. XIX в. – И.С. Аксакова, А.А. Киреева, К.Н. Леонтьева, считали католичество и как его религиозное ответвление – протестантизм. Признавая за католицизмом статус «великой веры», панслависты все же смотрели на него как на вероисповедание отходящего романо-германского мира (Аксаков, 1886а: 346; Киреев, 1912: 64; Леонтьев, 2003: 293). При этом они ставили исторический акцент не на разделении двух равных направлений вселенской христианской Церкви первых восьми веков, а на выделении католичества из ранее единой «общеправославной», «вселенской» Церкви. С этого момента, по их мнению, и начинается процесс «разложения» западноевропейской формы вероисповедания, где первоначальные позиции по отношению к вере занял институт папского государства. «С падением Римской империи дух старого Рима не погиб и ожил в ином образе, – подчеркивал И.С. Аксаков, – папство наследовало предания Рима; грубость и вещественность Рима перешли в область латинского вероисповедания; политическое владычество миром заменилось владычеством духовным. Именно это сделало католицизм «рабством духа», «деспотией духовной» (Аксаков, 1886b: 39). Итогом этой деятельности папства И.С. Аксаков и его последователь А.А. Киреев справедливо считали принятие римским первосвященником в 1870 году догмата о «папской непогрешимости», провозглашением которой, по словам А.А. Киреева «... закончилась эволюция католицизма, ... и Патриарх Рима сделался для римско-католиков Вице-Богом» (Киреев, 1912: 171).

Абсолютно иные начала господствовали, по их мнению, на православном Востоке и в России. Здесь были сохранены те «вселенские истины», которые были утеряны католическим Западом. В их представлении Восточная православная церковь – «... это именно та истинная церковь Христова, которая должна быть чужда мысли какого-то ни было владычества, где нет ни больших, ни меньших; где всех связывает одна любовь в Христе и одна вера в Спасителя, – где духовенство имеет только ту власть, которую дает ему сама церковь, ... всегда пребывая превыше всех отдельных членов и не признавая над собой другого главы, кроме Христа» (Аксаков, 1886b: 39). Кроме того, если католичество было вероисповеданием отходящей «романо-германской» Европы, то православие мыслилось ими как религия особого «греко-славянского» мира, идущего на смену миру западноевропейскому. В вопросе о степени антагонистичности Запада и России в среде панславистов можно отметить некоторые различия. Так, И.С. Аксаков всегда подчеркивал, что Россия призвана явить новый культурно-исторический тип, который «примирит в себе Восток и Запад на основе православно-славянской <...>, западноевропейская культура – достойное общечеловеческое, ... она – этап на пути всемирно-исторического просвещения, которого, стало быть, миновать нам невозможно» (Аксаков, 1886а: 571). В этой его формуле, и в этом можно согласиться с В.В. Зеньковским, прослеживается раннеславянофильское восприятие западной культуры, западного христианства (Зеньковский, 1997: 67). Эту же мысль продолжает А.А. Киреев. Категорически возражая против каких-либо догматических уступок со стороны православной церкви Риму, он все же подчеркивал, что «... дело идет не об обращении или присоединении к нашей православной церкви нескольких или даже многих католиков или протестантов, а о том, чтобы помочь Западу возвратиться к его же бывшему западному православию» (Киреев, 1912: 173), «Сыны Православной Церкви всегда будут готовы протянуть руку христианскому Западу, когда к тому представится возможность...» (Киреев, 1912: 110).

В воззрениях Аксакова и Киреева нет той степени осознания глубокого антагонизма двух миров, какая сквозит во всем творчестве К. Леонтьева. Он совершенно по-иному оценивал перспективы сближения России и Западной Европы на почве православия. Необходимо отметить, что Западная Европа в его «византийской» концепции панславизма не только мир отходящий, но мир, «зараженный» смертельной болезнью «эгалитарно-либерального прогресса». Западная Европа «вырождается», находясь в третьей и последней, по его классификации, фазе существования цивилизаций – так называемом «вторичном смещении», и ничто уже ей не поможет. Отсюда и вывод не о примирении, а об отделении от Запада, который может еще и «заразить» Россию и православный Восток. Само же православие, или «культуру византийской дисциплины», он оценивал как «спасительное», ибо только на его основе и с его помощью обновленная Россия и православно-славянский мир смогут создать новый культурно-исторический тип – «единственный противовес теории всеобщего, мелкого удовольствия» (Леонтьев, 1996: 37), которой уже болен Запад. В этой связи среди панславистов 70–80 гг. развернулся спор о соотношении религиозного и племенного принципов. Надо сказать, что И.С. Аксаков несколько отошел от идей, господствовавших в 60-е гг.,

выразителем которых был Н.Я. Данилевский, и расширил понятие «славянского мира». В этот мир, помимо славян, как и К.Н. Леонтьев, Аксаков включил большинство народов, входивших ранее в состав Византийской империи. Он именовал его «православно-восточным», «православно-славянским» миром. Ставя во главу угла религиозный принцип, он подчеркивал, что такие внутренние противоречия в славянстве, как разность религий, обойдены быть не могут. Он категорично заявлял: «...Славяне-католики, которых просветительное начало веры дано в латинской окраске, у которых церковная стихия заклеяна чуждою национальностью, которых духовным центром служит Рим, не могут иметь притязаний на духовную самобытность своей народности... Если эти славяне не отторгнутся от Рима и не возвратятся к древнему церковному единству, т.е. к православию, их историческая судьба будет общая и одинаковая с судьбою иноплеменных народов католического исповедания: они подлежат одному с ними историческому приговору» (Аксаков, 1874: 178). С крайней безапелляционностью он подводил итог: «Славянин-латинянин – это извращение Славянской духовной природы. ... Славяне должны или стать гражданами Греко-Славянского мира, которого душою, без сомнения, может быть и есть только Россия, – или же погибнуть, прежде всего духовно!» (Аксаков, 1874: 266). Примечательно, что эта идея «славянин-латинянин – это извращение Славянской духовной природы», выраженная в публицистике И.С. Аксакова в 70-е годы была во многом продолжением славянофильских идей относительно католического славянства, выраженных еще в 1860 году в знаменитом «Послании к Сербам». Среди достаточно туманных рассуждений о славянской общности, там в отношении православия и католического славянства была дана предельно ясная формулировка – «славянин вне православия вполне славянином быть не может» (Хомяков, 1900: 386). Справедливо мнение С.Г. Пушкарева, утверждающего, что И.С. Аксаков в 70-е гг. во многом «отождествлял славянство с православием» (Пушкарев, 2001: 529).

Тем не менее уже в 80-е годы XIX в. представители панславизма приходят к осознанию того, что настойчивые призывы к славянам-католикам примкнуть к православию безуспешны. Это и без того усилило противоречивые образы «западного славянства». Оставаясь по-прежнему на убеждениях о незыблемости православия как религиозной основы будущего объединения, некоторые представители панславизма начинают выступать за равенство племенного принципа с принципом религиозным. Наиболее ярко эти идеи выразил А.А. Киреев, подчеркивавший, что «... мы крепко держимся наших идеалов, но совершенно неверно то, что мы желаем и намерены навязывать их другим ...» (Киреев, 1912: 30). Хотя в частном письме Киреев и заявлял И.С. Аксакову, что «... все славяне-католики, по-моему, немного смахивают на поляков, ... для нас, Славян православных, религиозный интерес стоит уже потому на первом плане, что он служит даже и к укреплению нашего славянского самосознания и единства ...» (ОР РНБ, ф. 14. ед. хр. 172. Л. 4), все же в одной из своих статей в «Известиях Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества» он провозглашал: «Мы должны стоять на страже не только православия, но еще и всего славянства, и притом всего славянства, даже ныне нам отчасти не доверяющего славянства католического, даже и враждебного нам – польского» (Киреев, 1912: 122).

Необходимость поиска компромисса начал осознавать и И.С. Аксаков, который к концу жизни смягчил свою непримиримую позицию по вопросу о религиозных различиях. Он по-прежнему считал, что «Латинствующий Славянин только духовный прихвостень германо-романского Запада, ... он обречен плестись вслед чужому мировому призванию, ему нечего поведать свету» (Аксаков, 1886а: 566). Однако в своем дневнике А.А. Киреев записал мнение Аксакова о том, что вхождение славянских католических земель в предполагаемую славянскую федерацию во главе с Россией вполне приемлемо и нормально: «Нам их вера не помешает принять их». Опасения были в другом: «Не помешает ли им их вера вступить в наш союз?» (Хевролина, 2000: 149).

Именно в этом, на наш взгляд, кроется коренное отличие в вопросе о примате религиозного или племенного принципа между И.С. Аксаковым и А.А. Киреевым с одной стороны и К.Н. Леонтьевым – с другой. В своих воспоминаниях последний проливает свет на главную причину их расхождения. Леонтьев говорит о том, что «... не столько сами славяне важны, сколько то, что в них есть особенного, славянского, отделяющего нас от Запада, ... а что толку в славянстве ради славянства, ... будет ли сильно это всеславянство, если оно не оригинально, если у него не будет своих особых от Европы принципов» (Леонтьев, 2002: 58). Леонтьев был намного последовательнее в своих принципах, чем Аксаков, который был готов к концу жизни ради всеславянского объединения закрыть глаза на религиозный вопрос. Панславизм, по мнению Леонтьева, неизбежен, но «панславизм православный есть спасение, а панславизм либеральный есть гибель, прежде всего для России» (Леонтьев, 2003: 161). «Я люблю национальный идеал наш и боюсь, как бы неосторожное и преждевременное сближение (а потом и слияние) наше с либеральными и католическими славянами не повредило бы этому национальному идеалу, не погубило бы наших национальных особенностей, не утопило бы их в страшном море европейского демократизма» (Леонтьев, 2003: 567).

Выход Леонтьев видел в неуклонном следовании идее «православно-культурного руссизма», выражавшейся в строгом следовании греко-византийскому православию, на почве которого выросла Россия. Только на основе православия Россия, по его мнению, вместе с православным славянством создаст некую «ново-восточную государственность», где «государство должно быть пестро, сложно,

крепко, ... церковь должна быть независимее нынешней. Иерархия должна быть смелее, властнее, сосредоточеннее. Церковь должна смягчать государственность, а не наоборот. ... Быт должен быть поэтичен, разнообразен в национальном, обособленном от Запада единстве. ... Законы, принципы власти, должны быть строже ...» (Леонтьев 1993: 385–386). Только эта «ново-восточная государственность» сможет противостоять общеевропейской «революционной заразе». То есть «не слияние во что бы то ни стало» с зарубежным славянством (в том числе и католическим), уже зараженным «либеральным европеизмом», а выработка сначала культурно-религиозных основ для последующего объединения, в том числе в отдаленном будущем, и с западным славянством, которое, безусловно, примет православие.

Несколько иным представлялся выход из проблемы религиозной розни славянства А.А. Кирееву. Как и И.С. Аксаков, он искал компромисс и нашел его, как ему казалось, в старокатоличестве, течении, отколовшемся в 1870 году от Ватикана, отвергнув ряд католических догматов (в том числе и о непогрешимости папы). Старокатолики, как и православные, не признавали приоритета церковной власти над светской и вели богослужение на национальном языке. Старокатоличество для него – западный образец православия. Поэтому и религиозное воссоединение с католическим славянским миром могло произойти, если славяне-католики перейдут в старокатоличество. «Старокатолицизм – это тот рычаг, с помощью которого мы можем переставить центр тяжести всего западного славянства, разорвать его религиозные оковы и возратить ему его нравственную, и религиозную, и церковную свободу, это тот рычаг, который поставит юго-западную часть нашего племени в то положение, которое было дано ему равноапостольными Кириллом и Мефодием, то независимое положение, к которому стремился великий Гус и на которое наше, доселе – «опально-мировое племя» имеет неоспоримое право» (Киреев, 1898: 15). Однако идеи А.А. Киреева остались достоянием его публицистики. Немного было сторонников старокатоличества и в рядах иерархов русской православной церкви. Не нашли отклика идеи Киреева и среди самих западных славян. Они не диктовались их жизненными интересами. Надо отметить, что виднейшие культурные и политические деятели западного славянства вообще старались не увязывать панславизм с вопросом религиозным.

С религиозной точки зрения рассматривали панслависты и польский вопрос, который хотя и оценивался ими в публицистике как вопрос внутренний, все же в целом представлялся как составляющая общего славянского вопроса для России. Не останавливаясь подробно на данном аспекте проблемы, отметим, что разрешение польского вопроса представлялось панславистам во многом таким же путем, каким должно было быть достигнуто религиозное единство с католическим славянством Австро-Венгрии.

5. Заключение

Таким образом, проведенный анализ работ Н.Я. Данилевского, Р.А. Фадеева, И.С. Аксакова, А.А. Киреева и К.Н. Леонтьева позволяет сделать вывод о существенной трансформации образов западных славян в 70–80 годы по сравнению с работами 60-х гг. XIX века. Образы «западного славянства» были важной частью внешнеполитических проектов русских консерваторов и были связаны с трактовками религиозных основ будущего объединения и внешнеполитическими изменениями конца 70-х – первой половины 80-х гг. XIX в. Другим важнейшим источником, оказавшим влияние на формирование образов «другого славянства» являлись оценки западной культуры в 60–80 гг. XIX в. Именно религиозный аспект образов западного славянства являлся причиной наиболее явных и трудноразрешимых противоречий в размышлениях национально-консервативных панславистов. В этой связи углубление противоречий между наиболее видными представителями национально-консервативного лагеря стало причиной полярных оценок роли и места западных славян в планируемом всеславянском объединении. Наиболее противоположные оценки наблюдались во взглядах представителей «всеславянского» (И.С. Аксаков, А.А. Киреев) и «византийского» (К.Н. Леонтьев) направлений русского панславизма. Все это позволяет говорить о неоднозначности образов западного славянства не только в русской общественной мысли пореформенного периода в целом, но и в среде представителей национально-консервативного лагеря, во взглядах русских консервативных панславистов.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках гранта № 17-78-20149 «Культурная память России в ситуации глобальных миграционных вызовов: конфликты репрезентаций, риски забвения, стратегии трансформации».

Литература

- Аксаков, 1886 – Аксаков И.С. Сочинения в 7 т. Т. 1. Славянский вопрос. М.: Типография Волчанинова, 1886. 789 с.
 Аксаков, 1886b – Аксаков И.С. Сочинения в 7 т. Т. 5. Государственный и земский вопрос. М.: Типография Волчанинова, 1886. 675 с.
 Аксаков, 1874 – Аксаков И.С. Ф.И. Тютчев. Биографический очерк. М.: Русский архив, 1874. 103 с.

- Анненкова, 1998 – Анненкова Е.И. Аксаковы. Преданья русского семейства. СПб.: Наука, 1998. 365 с.
- Волков, 1969 – Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М.: Наука, 1969. С. 25–61.
- Даль, 2002 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Прогресс, 2002. 912 с.
- Данилевский, 2003 – Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Эксмо, 2003. 630 с.
- Данилевский, 1998 – Данилевский Н.Я. Горе победителям. Политические статьи. М.: "Алир", ГУП "Облиздат", 1998. 416 с.
- Дмитриев, 1941 – Дмитриев С.С. Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. 1941. № 1. С. 96–98.
- Дьяков, 1993 – Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М.: Наука, 1993. 205 с.
- Зеньковский, 1997 – Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. М.: УМСА-Press, 1997. 283 с.
- Киреев, 1912 – Киреев А.А. Сочинения в 2 т. Т. 2. СПб.: А.С. Суворин, 1912. 489 с.
- Киреев, 1883 – Киреев А.А. Исповедь панславизма // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1883. № 1 (окт.). С. 3–17.
- Киреев, 1890 – Киреев А.А. Славянофильство и национализм. Ответ г. Соловьеву. СПб.: Рус.-слав. кн. склад (Геруц и Дошен), 1890. 39 с.
- Киреев, 1898 – Киреев А.А. Старокатоличество в связи с славянским вопросом. Речь, произнесенная А.А. Киреевым в торжественном собрании гг. членов С.-Петербургского славянского благотворительного общества 11 мая 1898 г. СПб.: С.-Петербург. слав. благотвор. о-во, 1898. 16 с.
- Леонтьев 1993 – Константин Леонтьев. Избранные письма 1854–1891. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 544 с.
- Леонтьев, 1996 – Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М.: Республика, 1996. 799 с.
- Леонтьев, 2003 – Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. М.: Издательство АСТ, 2003. 636 с.
- Леонтьев, 2002 – Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба. Воспоминания. М.: Русская книга, 2002. 528 с.
- Манусевич, 1967 – Манусевич А.Я. Панславизм // Советская историческая энциклопедия. М.: Издательство Советская энциклопедия, 1967. Т. 10.
- Маркс, Энгельс, 1962 – Маркс К., Энгельс Ф. Борьба в Венгрии / Полное собрание сочинений. (2-ое изд.). М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 6.
- ОР РНБ. Ф. 14. Ед. хр. 172 – ОР РНБ. Ф. 14. Ед. хр. 172. Письма А.А. Киреева к И.С. Аксакову 1885 г.
- Павленко, 1998 – Павленко О.В. Панславизм: концепция панславизма в славистических исследованиях // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–60.
- Панславизм, 1975 – Панславизм / Большая советская энциклопедия. М.: Издательство Советская энциклопедия. 1975. Т. 19.
- Пыпин, 1913 – Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб.: Колос, 1913. 189 с.
- Погодин, 1914 – Погодин А.Л. Панславизм // Энциклопедический словарь / Гранат. СПб.: Изд. тов. А. Гранат и К°, 1915. Т. 31. 378 с.
- Пушкарев, 2001 – Пушкарев С.Г. Россия 1801–1917: Власть и общество. М.: Посев, 2001. 980 с.
- Розанов, 1990 – Розанов В.В. Поздние фазы славянофильства // Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития. Литературно-эстетические работы разных лет. М.: Искусство, 1990. С. 282–303.
- Сказкин, 1974 – Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. Т. 1. М.: РАНИОН, 1928. 355 с.
- Фадеев, 2003 – Фадеев Р.А. Мнение о восточном вопросе // Фадеев Р.А. Кавказская война. М.: Эксмо, 2003. С. 369–404.
- Хевролина, 2000 – Хевролина В.М. А.А. Киреев о проблеме славянского единства // Славянский альманах 2000. М.: Индрик, 2001. С. 144–151.
- Хомяков, 1900 – Хомяков А.С. Сочинения в 8 т. Т. 1. М.: Университетская типография, 1900. 408 с.
- Цимбаев, 1986 – Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М.: Издательство Московского университета, 1986. 272 с.
- Цимбаев, 1978 – Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Издательство Московского университета, 1978. 221 с.
- Csapp, 1994 – Csapp P. Jr. Pan Slavism // The Encyclopedia Americana, Denbery. Vol.21. 1994. P. 362.
- Kohn, 1960 – Kohn H. Pan Slavism. Its history and Ideology. N.Y.: Vintage Books, 1960. 468 p.
- Petrovich, 1956 – Petrovich M.B. The emergence of Russian panslavism 1856-1870. N.Y.: Columbia university press, 1956. 312 p.
- Thaden, 1964 – Thaden E.C. Conservative nationalism in nineteenth century in Russia. Seattle: University of Washington Press, 1964. 271 p.

References

- Aksakov, 1886** – *Aksakov I.S.* (1886). Sochineniya [Collected works] in 7 vol. Vol.1. The Slavic question. Moscow: Volchaninov' publishing, 789 p. [in Russian]
- Aksakov 1886b** – *Aksakov I.S.* (1886). Sochineniya [Collected works] in 7 vol. Vol.5 The state and zemsky question. Moscow: Volchaninov' publishing, 675 p. [in Russian]
- Aksakov, 1874** – *Aksakov I.S.* (1874). F.I. Tyutchev. Biograficheskij ocherk [F.I. Tyutchev. Biographical sketch]. Moscow.: Russian Archive, 103 p. [in Russian]
- Annenkova, 1998** – *Annenkova E.I.* (1998). Aksakovy. Predan'ya russkogo semejstva [Aksakovs. Legends of Russian family]. Saint-Petersburg.: Science, 365 p. [in Russian]
- Volkov, 1969** – *Volkov V.K.* (1969). K voprosu o proiskhozhdenii terminov «pangermanizm» i «panslavizm» [To a question about the origin of the term "Pan-German" and "Slavism"], Slavic-German cultural ties and relationships. Moscow: Nauka, pp.25-61. [in Russian]
- Dal, 2002** – *Dal V.I.* (2002). Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. 3. Moscow: Progress, 912 p. [in Russian]
- Danilevskij, 2003** – *Danilevskij N.Ya.* (2003). Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu [Russia and Europe. A glance at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romance]. Moscow: Eksmo, 630 p. [in Russian]
- Danilevskij, 1998** – *Danilevskij N.Ya.* (1998). Gore pobeditelyam. Politicheskie statii [Woe to the winners. Political articles]. Moscow: "Alir", GUP Oblizdat ", 416 p. [in Russian]
- Dmitriev, 1941** – *Dmitriev S.S.* (1941). Slavyanofily i slavyanofilstvo [Slavophiles and Slavophilism]. *Istorik-marksist*, №1, pp.96-98. [In Russian].
- Dyakov, 1993** – *Dyakov V.A.* (1993). Slavyanskij vopros v obshchestvennoj zhizni dorevolucionnoj Rossii [The Slavic question in the social life of pre-revolutionary Russia]. Moscow: Science, 205 p. [in Russian]
- Kireev, 1912** – *Kireev A.A.* (1912). Sochineniya [Works] in 2 vol. Vol.2. St. Petersburg: A.S. Suvorin. 489 p. [in Russian]
- Kireev, 1883** – *Kireev A.A.* (1883). Ispoved panslavizma [Confession of Pan-Slavism]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva*. No.1 (Oct.). pp. 3-17. [in Russian]
- Kireev, 1890** – *Kireev A.A.* (1890). Slavyanofilstvo i nacionalizm otvet g Solovevu [Slavophilism and nationalism. Reply to Mr. Solovyov]. St. Petersburg: Rus.-Slav. book. warehouse (Heruts and Doschen), 39 p. [in Russian]
- Kireev, 1898** – *Kireev A.A.* (1898). Starokatolichestvo v svyazi s slavyanskim voprosom. Rech proiznesennaya a a kireevym v torzhestvennom sobranii gg chlenov s-peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva 11 maya 1898 g [Old Catholicism in connection with the Slavic question. Speech uttered by A.A. Kireev in the solemn meeting of the years. members of the St. Petersburg Slavic Charitable Society May 11, 1898]. St. Petersburg: St. Petersburg Slavic Charitable Society, 16 p. [in Russian]
- Leontiev, 1993** – *Leontiev K.N.* (1993). Konstantin Leontiev. Izbrannye pisma 1854-1891 [Konstantin Leontiev. Selected Letters. 1854-1891]. St. Petersburg: Pushkin Foundation, 544 p. [in Russian]
- Leontiev 1993** – Konstantin Leontiev. Selected Letters. 1854-1891. SPb.: Pushkin Foundation, 1993. 544 p. [in Russian]
- Leontiev, 1996** – *Leontiev K.N.* (1996). Vostok, Rossiya i slavyanstvo. Filosofskaya i politicheskaya publicistika. Duhovnaya proza (1872-1891) [East, Russia and the Slavs. Philosophical and political journalism. Spiritual prose (1872-1891)]. Moscow: Republic, 799 p. [in Russian]
- Leontiev, 2003** – *Leontiev K.N.* (2003). Hram i Cerkov' [Temple and Church]. Moscow: AST Publishers, 636 p. [in Russian]
- Leontyev, 2002** – *Leontiev K.N.* (2002). Moya literaturnaya sud'ba. Vospominaniya [My literary fate. Memories]. Moscow: Russian Book, 528 p. [in Russian]
- Manusevich, 1967** – *Manusevich A.Ya.* (1967). Panslavizm [Pan-Slavism], Soviet Historical Encyclopedia. Moscow: Publishing house Soviet Encyclopedia, Vol. 10. [in Russian]
- Marx, Engels, 1962** – *Marx K., Engels F.* (1962). Bor'ba v Vengrii [Struggle in Hungary]. Complete Works. (2nd ed.). Moscow: State Publishing House of Political Literature, Vol. 6. [in Russian]
- RNB OP 1885** – RNB OP. p.14. units hr. 172. Pis'ma A.A. Kireeva k I.S. Aksakovu [Letters from A.A. Kireeva to I.S. Aksakov] 1885. [in Russian]
- Pavlenko, 1998** – *Pavlenko O.V.* (1998). Panslavizm: koncepciya panslavizma vslavisticheskikh issledovaniyah [Pan-Slavism: the concept of pan-Slavism in Slavic studies]. *Slavic Studies*, No. 6, pp. 43-60. [in Russian]
- Pan-Slavism, 1975** – Panslavizm [*Pan-Slavism*]. The Great Soviet Encyclopedia. M: Publishing house Sovetskaya Entsiklopediya, 1975. Vol. 19. [in Russian]
- Pypin, 1913** – *Pypin A.N.* (1913). Panslavizm v proshlom i nastoyashchem [Pan-Slavism in the past and present]. St. Petersburg: Kolos. 189 p. [in Russian]
- Pogodin, 1915** – *Pogodin A.L.* (1915). Panslavizm [Pan-Slavism] // Encyclopedic Dictionary / Granat. St. Petersburg: Ed. Comrade. A. Granat and Co., Vol. 31. 378 p. [in Russian]
- Pushkarev, 2001** – *Pushkarev S.G.* (2001). Rossiya 1801-1917: Vlast' i obshchestvo [Russia 1801-1917: Power and Society]. Moscow: Sowing, 980 p. [in Russian]

- [Rozanov, 1990](#) – *Rozanov V.V.* (1990). Pozdnie fazy slavyanofil'stva [Later phases of Slavophilism], Nesovmestimye kontrasty zhitiya. Literaturno-ehsteticheskie raboty raznyh let. Moscow: Art, pp .282-303. [in Russian]
- [Skazkin, 1928](#) – *Skazkin S.D.* (1928). Konec avstro-russko-germanskogo soyuza [The end of the Austro-Russo-German alliance]. Vol. 1. Moscow: RANION. 355 p. [in Russian]
- [Fadееv, 2003](#) – *Fadееv R.A.* (2003). Mnenie o vostochnom voprose [Opinion on the eastern question], Kavkazskaya vojna. Moscow: Eksmo, pp. 369-404. [in Russian]
- [Khevolina, 2001](#) – *Khevolina V.M.* (2001). A.A. Kireev o probleme slavyanskogo edinstva [A.A. Kireev on the problem of Slavic unity], Slavic Almanac 2000. Moscow: Indrik, pp.144-151. [in Russian]
- [Khomyakov, 1900](#) – *Khomyakov A.S.* (1900). Sochineniya v 8 t. [Works in 8 volumes]. Vol. 1. Moscow: University Press, 408 p. [in Russian]
- [Tsimbaev, 1986](#) – *Tsimbayev N.I.* (1986). Slavyanofil'stvo. Iz istorii russkoj obshchestvenno-politicheskoj mysli XIX veka [Slavophilism. From the history of n social and political thought of the XIX century]. Moscow: Publishing House of Moscow University, 272 p. [in Russian]
- [Tsimbaev, 1978](#) – *Tsimbaev N.I.* (1978). Aksakov v obshchestvennoj zhizni poreformennoj Rossii [I.S. Aksakov in the public life of post-reform Russia]. Moscow: Publishing house of Moscow University, 221 p. [in Russian]
- [Csapp, 1994](#) – *Csapp P. Jr.* (1994). Panславism, The Encyclopedia Americana, Denbery. Vol.21. P. 362.
- [Kohn, 1960](#) – *Kohn H.* (1960). Panславism. Its history and Ideology. N.Y.: Vintage Books, 468 p.
- [Petrovich, 1956](#) – *Petrovich M.B.* (1956). The emergence of Russian panslavism 1856-1870. N.Y.: Columbia university press, 312 p.
- [Thaden, 1964](#) – *Thaden E.C.* (1964). Conservative nationalism in nineteenth century in Russia. Seattle: University of Washington Press, 271 p.
- [Zenkovsky, 1997](#) – *Zenkovsky V.V.* (1997). Russkie mysliteli i evropa kritika evropejskoj kultury u russkih myslitelej [Russian thinkers and Europe. Criticism of European culture among Russian thinkers]. Moscow: YMCA-Press, 283 p.

«Другие славяне»: образы «западного славянства» в воззрениях русских национально-консервативных панславистов в 70–80 гг. XIX в.

Андрей Александрович Линченко ^{a, b, *}

^a Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Российская Федерация

^b Липецкий государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрываются особенности эволюции представлений о западном славянстве в работах русских национально-консервативных панславистов второй половины XIX века в контексте их представлений о создании Всеславянского союза. На основе работ Н.Я. Данилевского, Р.А. Фадеева, И.С. Аксакова, А.А. Киреева и К.Н. Леонтьева делается вывод о существенной трансформации образов западных славян в 70–80 годы по сравнению с работами 60-х гг. Обосновывается точка зрения, что ключевое значение в трансформации отношения к западным славянам было связано с трактовками религиозных основ будущего объединения и внешнеполитическими изменениями конца 70-х – первой половины 80-х гг. XIX в. В этой связи углубление противоречий между наиболее видными представителями национально-консервативного панславизма стало причиной полярных оценок роли и места западных славян в планируемом всеславянском объединении. Наиболее противоположные оценки наблюдались во взглядах представителей «всеславянского» (И.С. Аксаков, А.А. Киреев) и «византийского» (К.Н. Леонтьев) направлений русского панславизма. Данные оценки анализируются в контексте эволюции отношения к западной культуре в 60–80 гг. XIX в. Все это позволяет говорить о неоднозначности образов западного славянства не только в русской общественной мысли пореформенного периода в целом, но и в среде представителей национально-консервативного лагеря, во взглядах русских консервативных панславистов.

Ключевые слова: панславизм, «другой», славянофильство, национальный консерватизм, культурная память, западные славяне.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: linchenko1@mail.ru (А.А. Линченко)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1666-1673. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1666
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

"Resettlement Fact" – As Seen by the Eyes of Peasants (adapted from Peasants' Letters): Latter half of XIX – early XX centuries

Yulia V. Putilina ^{a, *}, Vera N. Cherepanova ^b, Irina A. Filippova ^c, Violetta S. Molchanova ^{d, e}

^a Tyumen regional academy for professional development, Russian Federation

^b Tyumen State Medical University, Russian Federation

^c Tyumen Industrial University, Russian Federation

^d International Network Center for Fundamental and Applied Research, USA

^e Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article examines the letters of peasants, migrants turned to relatives and fellow villagers, written in the late XIX – early XX centuries and covering various aspects of resettlement policy implemented at this time in the country. The study concluded that the resettlement was perceived by the peasants in different ways and ambiguously: there were both dissatisfied persons who were deeply disappointed by the resettlement process, who wanted to return to their native land, and satisfied with the resettlement: those who managed to establish their life and life, get good yields and profits from the crops grown.

A typical trend is that in the letters of peasants, migrants often mentioned the words respect and "thanks for the generous mercy" shown by the authorities and officials (the allocated allowance, land, and other assisted), while sharp criticism in their address. Often such contradictory statements were found within the same letters. In General, the migrant peasants who participated in the resettlement program, judging by their statements in the letters, were distinguished by a certain naivety of judgments, the presence of inflated optimistic expectations from the resettlement program, or, on the contrary, excessive fears and fears, multiplied by rumors and inventions, often reaching absurd.

As a rule, most of the peasants who decided to move to Siberia for new land plots did not have a clear idea of what awaits them. Tired of the oppression of the "masters", hoping for a "merciful King-father", they went into the unknown, trying, thus, to get away from the pressing problems and poverty, to get the long-awaited independence and freedom.

Keywords: the settlers, letters, peasants, migrants, immigration policy, agriculture, yield, life, lifestyle, migration.

1. Введение

Во второй половине XIX – начале XX вв. многие российские журналы, газеты и сборники были наполнены материалами, тем иным образом освещающими «переселенческое дело», реализуемое в стране (Исаев, 1891; Кауфман, 1905; Маслов, 1906; Тресвятский, 1913). Однако угол освещения тех или иных вопросов в различных изданиях был не одинаков. Так, в статьях публицистического цикла, размещенных в либеральной и народнической прессе, преобладали материалы, где переселенческая политика подвергалась глубокой критике, при этом сам крестьянин-мигрант представлялся перед читательской аудиторией чаще всего в образе страдальца, неутомимого труженика, незаслуженно обиженного органами власти и представителями местного чиновничьего аппарата, ответственного за реализацию переселенческой политики на местах (Головачев, 1893; Григорьев, 1884; Колобов, 1911).

* Corresponding author

E-mail addresses: putilina-yulia@mail.ru (Y.V. Putilina), veranikandrovna@mail.ru (V.N. Cherepanova), filippovaia@tyuiu.ru (I.A. Filippova)

Напротив, в официальных изданиях, регулируемых центральными органами власти и проправительственными силами, переселенческая политика, как правило, рассматривалась в позитивном ключе. Подчеркивались ее многочисленные плюсы и перспективы, важность реализации, причем как для развития сибирского края, так и в целом для Российской империи (Есин, 2007).

В условиях отмеченных противоречий особую актуальность и значимость для построения целостной и непредвзятой картины происходящих в это время исторических событий приобретают такие важные исторические источники, как письма самих крестьян-переселенцев, адресованных своим родным и близким, оставшимся в родном крае (Из переселенческих..., 1911).

Полагаем, что именно в этих исторических документах наиболее точно и реалистично отобразилось истинное отношение мигрантов к реализуемой властью переселенческой политике.

2. Материалы и методы

Исследование осуществлено на базе анализа писем крестьян-переселенцев, написанных во второй половине XIX – начале XX вв., хранящихся в архивных фондах (в том числе в виде машинописных копий), в частности в Государственном архиве Алтайского края (КТКУ ГААК). Были изучены отчеты, алфавитные списки и книги переселенцев разных губерний с указанием места их поселения; списки переселенцев, ходатайствующих о зачислении за ними земельных наделов; журналы о движении переселенцев и др.

Кроме того, ряд изученных нами писем был опубликован на страницах журнальной прессы исследуемого временного периода, в том числе в журналах «Русское богатство» (одном из крупнейших столичных периодических изданий, выходившем с 1876 по 1918 годы) (Русское..., 1899); «Сибирские вопросы» (выходившем в Петербурге в начале XX века) (Из переселенческих..., 1911) и др.

Помимо прочих источников, были изучены письма полтавских крестьян-переселенцев, адресованные родственникам и односельчанам, собранные земскими деятелями данной губернии и опубликованные в отдельном сборнике, вышедшем в свет в 1900 году (Письмо крестьянки..., 1900; Письмо Профатилова..., 1900; Письмо Зюбана..., 1900; Письмо переселенца..., 1900).

В числе исследовательских методов был использован их следующий комплекс: контент-анализ текстов писем крестьян-мигрантов, при помощи которого было изучено их мировоззрение, отношение к переселенческой политике, реализуемой в стране, личные впечатления от переезда, жизни и быта в том или ином переселенческом районе; нарративный метод, с помощью которого в последовательном порядке изложены выявленные тенденции; историко-системный метод, посредством которого были установлены взаимосвязи и взаимозависимости между различными историческими событиями и фактами.

3. Обсуждение

Несмотря на важность столь ценных исторических источников, в которых искренне и непредвзято крестьяне-мигранты выражали свои мысли и впечатления о переселенческом деле, в современных трудах историков, посвященных исследованию переселенческой политики второй половины XIX – начала XX вв., анализу писем крестьян-мигрантов, как правило, уделялось незначительное внимание (Ремнев, 2004; Родигина, 2003; Симонова, 1970; Тюкавкин, 2001).

Тем не менее необходимо отметить работы современников, исследующих особенности миграции и переселенческих процессов в рассматриваемый период (Моисеенко, 2008; Томилов, 2015; Шатковская, 2016; Ustinova, Farakhutdinov, 2018; Ustinova, Dudin, 2018).

Стоит отметить, что современные труды по истории, посвященные «переселенческим вопросам», преимущественно строятся на базе анализа отчетов, книг и сборников о «движении» крестьян, исследовании материалов печатной прессы прошлого и позапрошлого столетий, а также трудов других историков-современников.

Данное упущение представляется весьма серьезным, поскольку именно в письмах самих крестьян-мигрантов наиболее точно и образно, соразмерно той исторической эпохе, в которую происходили события, отображены ключевые тенденции, проблемы и ожидания самих мигрантов от реализуемой политики властей в области переселения.

4. Результаты

Исследование писем крестьян-мигрантов показало, что, как правило, начинались они с поклонов, передачи приветствий родственникам и односельчанам, оставшимся в родном крае. Нередко в таких письмах упоминались изначальные ожидания их авторов, возлагаемые на программу переселения. Примером тому могут служить следующие выдержки из текстов писем:

- «С каким порывом и радостью рвались сердца наши из родного села, и всякий с нетерпением ожидал такую новую будущую жизнь, раскрашенную досужими рассказами людей, до которой еще нужно ехать железной дорогой по необъятным просторам России-матушки» (Письмо о переселении..., 1899: 3–4);

- «Вот и наступило 7-е июня. В 8-й час утра раздался на колокольне удар колокола. Все сразу отправились к храму, вместе с обозом почти в 100 подвод, за благословением своей Матери-Церкви, а оттуда за село с крестным ходом, ... после все снимали шапки, оборачивались назад, крестились и

кричали: «Слава Господу Богу! Вырвались, мы наконец-то из этой пропасти, где весь наш век работниками мучились, а из долгов и до сего дня не выбрались... А теперь нас казна уже не бросит. С землицею своей проживем не хуже других...» ([Письмо о переселении..., 1899: 6](#)) и т.д.

Однако, несмотря на самые светлые ожидания, нередко по прибытии в район переселения крестьяне испытывали разочарование. Надежды, которые они возлагали на переезд, далеко не всегда оправдывались. Примером тому могут служить следующие строки из уже цитированного выше письма переселенца, описывающего несчастную участь его односельчанина, вместе с ним прибывшего в Сибирь: «И вышло что: кто ... вообразил такую богатую жизнь в Сибирском крае, не успел кола даже воткнуть на память своим детям: с первого дня вынужден был поступить в работники к старожилам; прожив не более 4 мес., и отдал Богу душу» ([Письмо о переселении..., 1899: 7](#)).

Таким образом, мечтавшие о свободной участи, собственной земле и хозяйстве, независимости от «господ» крестьяне нередко сталкивались с суровой действительностью. Причем причиной их зависимости от «старожил» становились вполне объяснимые явления. Как было отмечено в одном из Отчетов о движении переселенцев, для большей части мигрантов было совершенно не безразлично, поселиться ли на свободных земельных участках либо в обществах старожилов, так как только немногие из крестьян могли сразу же обзавестись хозяйством. Большинству же крестьян-мигрантов приходилось долгое время жить на сторонние заработки и лишь постепенно обустроить свое хозяйство и быт. По этой причине заселение в деревнях и селах старожилов, где существовал спрос на рабочую силу, представляло, по мнению авторов Отчета, существенное преимущество в сравнении с поселением на свободных земельных участках ([КГКУ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 741. Л. 1–9](#)).

Можно предположить, что представители власти, исследователи и статисты попадание в зависимость крестьян-мигрантов от работодателей-старожилов рассматривали в своих отчетах скорее как положительное, а не негативное явление, коим оно представлялось многим крестьянам, мечтавшим о свободной жизни.

Необходимо отметить, что, с одной стороны, письма крестьян нередко сопровождалось наивными ожиданиями того, что по милости высших центральных властей их встретят и все за них «устроят», они наконец-то «сбегут» от бывших «хозяев», и тогда начнется их вольная и счастливая жизнь. Подтверждением тому могут быть следующие строки из письма переселенца:

«Царь уж все приготовил, – только придите, дети, на землю от... господ: они вас будут просить у меня. «А, – говорит, – лучше растворю амбар с деньгами, а уж не отдам снова крестьян господам: у меня в Сибирском краю земли еще много. Солдатства от них не буду требовать, а о податях и помину не будет в Сибири». Поди, как там живут, словно в раю! У самого бедного по 40 лошадей, а богачи получше нашего Столыпина живут» ([Письмо о переселении..., 1899: 10](#)).

С другой стороны, слухи и домыслы, характерные для писем крестьян того времени, только собиравшихся прибыть на место переселения либо уже прибывших туда, нередко были полны страхами, многие из которых были лишены реальных оснований.

Так, в этом же письме автор рассуждает и комментирует вышеприведенный и весьма распространенный к тому времени слух о «безграничной милости Царя» к переселенцам, высказывая некоторое недоверие к таким разговорам: «Слушаете вы, ребята, тех, кто много вам врет про Сибирь. Поверьте хоть одному, что я сейчас вам сказываю. Только за одним Тюкалинским округом налога состоит более 335 000 рублей» ([Письмо о переселении..., 1899: 12](#)).

Как видно из письма, рассуждения автора полны перечисления слухов, домыслов, распространенных в народе во второй половине XIX века. При этом в суждениях переплетаются позитивные и отрицательные стороны ожидаемого переселения. Автор письма как бы вступает в дебаты с другими незримыми собеседниками, оппонируя наиболее распространявшимся к тому времени предубеждениям и слухам, высказывая собственную точку зрения относительно таковых.

Сами же слухи нередко порождали совершенно нелепые и наивные вымыслы, ряд из которых сознательно формировался заинтересованными в том или ином результате людьми.

Так, в письме И.Е. Белякова находим упоминание о том, что крестьяне предполагали, будто бы «по морям на пути несколько верст», а который умрет, будут его «хоронить в кожаном мешке и бросать в воду». Этот слух, как следует из письма, породил тревогу среди женщин, которые боялись ехать за своими мужьями.

Как сообщает автор письма, ночью повсюду слышались вопли дочерей, бегущих через много домов к родным матерям с рыданиями и мольбами: «Не позвольте мне умереть в Иртыше и Окиане! Я лучше удавлюсь, либо удушусь, а с мужем в Сибирь не поеду». В свое очередь, мужья, дабы утратить непокорных жен, выбрали следующее средство: «говорили, что ежели кто к мужу не поедет добром, то будут его после гнать этапом, а гнать будут не как осторожников, а в темном закрытом вагоне; и повезут не прямо на место к мужу, а будут возить больше года по всем городам до того времени, пока не соберут всех неслучных жен, кто добросовестно не поехал одновременно с мужем ...» ([Письмо о переселении..., 1899: 13](#)).

Несмотря на всю нелепость данного вымысла, он, как пишется в письме, оказал свое воздействие и стал весьма результативным. Как отмечает И.Е. Беляков, в Пушкино к этому времени многие уже не жили со своими мужьями, тем не менее к выезду все замужние женщины прибыли на

место, а затем поехали с мужьями в Сибирь, боясь длительного томления в дороге, в случае ослушания.

Помимо слухов и домыслов, еще более распространенным тематическим блоком, содержащимся в данных исторических документах, являлось описание климатических условий, обсуждение урожая, трудностей и специфики реализуемых сельскохозяйственных работ, цен на пшеницу, хлеб, картофель, сено и др. Подтверждением данной тенденции является следующая выдержка из письма крестьянина-переселенца Самойла Михайловича:

«Дорогие мои родители, маменька и тетенька! Посылаю я вам сыновье почтение, низкий поклон и желаю вам всего хорошего. Сообщаю вам, что жив я и здоров ... Посевов не было до праздника; на другой неделе по пасхе развились деревья, и начали, наконец, хлеб сеять, но не было дождя, все только ветры. На третьей неделе загредел гром и пошел дождь; на четвертой пошел снег и стало холодно... После снега один раз был дождь, но так и не было тепла. Хлеб сейчас на одной цене – по сорок пять копеек пшеница. Посеял я пшеницы четыре десятины, проса 15 фунтов; картофеля посадил и немного баштана ...» (Письмо..., 1900: 396–398).

Письмо крестьянина Петра Зюбана, обращенное к родителям и брату, также содержит упоминания о климатических условиях района пребывания и особенностях урожая:

«Спешу вас уведомить, что по милости Божьей все мы здоровы и живы, перед вами нижайше кланяемся. ... А тебя, братец мой, уведомляю, что сторона здесь действительно просторная, вольная, но бедным людям ее обрабатывать нечем; здесь несносный, вредный для здоровья климат, а бедным людям заработка нет. Голым людям нельзя жить в здешней стороне; сторона здесь холодная. Советую тебе, братец, сиди на одном месте, от этого тебе только лучше будет ...» (Письмо Зюбана..., 1900: 400–401).

Среди иных исторических документов нами обнаружено немало писем крестьян-переселенцев, содержащих просьбы, обращенные к родным и близким помочь материально, в том числе путем высылки денег для возвращения обратно в родной край. Характерным в этом отношении можно считать письмо Марии Гавриловны, обращенное к родителям:

«Маменька и папенька! ... Прошу, смилосердитесь над несчастною дочерью вашей, на чужой стороне оставшейся, простите согрешения мои, о которых уже писала. Покорнейше вас прошу, когда придет к вам это письмо, не оставляйте моей просьбы и несчастного положения на чужбине, не дайте погибнуть мне от моей дурной воли, вышлите денег, хоть 20 рублей. А я как ворочусь в Россию, сразу пред стопами вашими приклонюсь на колени» (Письмо крестьянки..., 1900: 399).

Однако далеко не все письма крестьян-мигрантов содержали жалобы и сетования на неудавшуюся жизнь в районе переселения. Было среди крестьян и много трудолюбивых, довольных переселением лиц, с удовольствием работавших на сибирских землях, успешно ведущих свое хозяйство. Подтверждением тому могут служить следующие строки, обращенные крестьянином-переселенцем Петром Калиновичем к своим родным:

«Уведомляю вас, братья мои, что с малых лет ходил я по степям и вот снова выехал на просторы вольные: косить сена можно сколь пожелаешь и пахать землю для хлеба тоже, насколько силы хватит и сколько угодно будет; имеем мы у себя скотины: три коровы и четыре лошади, а каждая штука куплена по десять рублей; хлеба на корню мы накупили на сорок два рубля, смолотили пшеницы сто пудов. Слава Богу, теперь все живем, пока терпит Бог грехам нашим (Письмо переселенца..., 1900: 393–394).

В еще одном письме на родину переселенца, прибывшего из села Белики Полтавской губернии и остановившегося в поселке Новоразинский Томской губернии, содержатся следующие суждения о жизни и быте на новом месте:

«Дорофей Андреевич, любезный родитель наш! ... Вы все спрашиваете, как тут житье и чем мы здесь занимаемся, какая здесь земля; вам ли не заняться хлебопашеством? Только, родитель мой, должна одна у вас работа быть, что хлеб готовый есть да на печи лежать. И что все спрашиваете у меня, какую работу делать, это все равно... Слава Богу, у меня есть кому работать. Думаете, вы одни о нас заботитесь. Так нет, я каждый день и ночь о вас пекусь и забочусь. Езжайте сюда, здесь вам будет жить лучше...» (Письмо Профатилова..., 1900: 395–396).

Кроме писем, содержащих положительные отзывы о своем положении на новом месте, были и тексты противоречивого характера, в которых крестьяне-мигранты отмечали как позитивные, так и негативные стороны пребывания в районе переселения. Например, в уже цитируемом ранее письме крестьянина И.Е. Белякова, написанном в 1895 году, содержится следующее описание переселения одной партии крестьян из Пензенской губернии села Пушкино в сибирский край:

«Наконец-то наступило 1-е число ноября 1895 года. Прибыл к нам помощник от старшины волостного и начал давать пособие на обзаводство хозяйством по 62 рубля на каждый дом. Тут мужички наши получили дрожащими руками такую большую милость и благодарить начали всех начальников за то, что те не забыли нас на чужбине. Иной таких денег от роду никогда не видал. И с голоду, и с большой радости не знали мы даже, что на них скоротить: кто коровенку взял, а кто сахарку прикупил. А тут другая беда: не было лык – не из чего и лаптей сплести, вот и пришлось нам на зиму покупать чирков и пимов, глядишь, на обычное семейство только на обувь около тридцати

рублей выходило. А через месяц-другой, смотришь, у кого развалились, а иной ходит уже на голых пятках, а купить уже не на что» ([Письмо о переселении..., 1899: 14](#)).

Однако, несмотря на проблемы с обувью, в этом же письме встречаются строки, из которых следует, что в целом переселенцы весьма довольны полученным пособием. При этом крестьяне-мигранты не особенно заботились об обустройстве жизни и организации сельскохозяйственных работ на местах:

«Кое-как мы перебились первую зиму пособием, которая стала для нас как праздник великий: днем и ночью спокую картам не давали, каждый вечер от одного конца и до другого с гармониями по деревне хороводы водили. И получили мы уже по 62 рубля на дом, а в 8 верстах от нас на Бурковом участке, слышали, аж по 150 рублей получили. Вот молодежь-то наша и веселилась во всю ногу, а старики протерли все плечи о кирпичи, лежа на печах; и не думал никто о посевах и будущей весне, – так, полагали, что ко дню посева все семена сами будут готовы или из Омска привезут, а то и богатому старожилу прикажут амбары отворить» ([Письмо о переселении..., 1899: 15](#)).

Как видно из приведенного отрывка письма, образ крестьянина-мигранта здесь просматривался несколько иной, нежели в либеральной и народнической прессе ([Есин, 2007: 199–202](#); [Периодическая..., 1991: 236–238](#)). Вместо неутомимого труженика, незаслуженно обиженного страдальца здесь мы видим беспечного человека, уповающего на волю случая и судьбы, милость со стороны властей, пьющего и весело проводящего время человека.

Характерной чертой писем крестьян-мигрантов в исследуемый период было и то, что упоминание о разгульной жизни, беспечном отношении к сельскохозяйственным работам, «уповании» на милость судьбы, пособие властей, волю начальников и чиновников часто сочеталось с одновременной резкой критикой в их же адрес. Например, в анализируемом выше письме между строк о пособии, которое позволило крестьянам-мигрантам, прибывшим из села Пушкино, беспечно жить всю зиму с некоторыми неудобствами, встречается острая критика местных властей, сетование на то, что крестьянам не обеспечили полной оплаты дороги до места прибытия, недостаточно хорошо встретили, не обеспечили элементарными бытовыми удобствами по прибытии и многое другое.

5. Заключение

В отличие от статей публицистического цикла, размещаемых в исследуемый период в либеральной и народнической прессе, в которых положение крестьян-мигрантов чаще всего рассматривалось как бедственное или критическое, именно в письмах самих переселенцев более точно и многогранно отображены их истинные ощущения и восприятие особенностей реализуемой переселенческой политики в стране.

Анализируя массив сохранившихся до наших дней текстов писем крестьян-мигрантов, можно выделить наиболее популярные тематические блоки:

- приветствия, поклоны, передаваемые авторами писем родственникам, односельчанам или иным лицам, к которым было обращено письмо;
- вопросы о здоровье, ключевых событиях жизни друзей и родственников, оставшихся в родном крае;
- описание изначальных ожиданий крестьян от переселения;
- упоминание баек, слухов, вымыслов, предубеждений относительно жизни в Сибири крестьян-переселенцев;
- критика «господ», помещиков, чиновников, тем или иным образом задействованных в «переселенческом деле» либо, напротив, препятствующих в его реализации;
- выражение слов благодарности за оказанную «милость и содействие» данным лицам;
- впечатления о дороге до места переселения;
- описание места прибытия, условий быта и жизни в районе переселения;
- перечисление отрицательных и (или) позитивных впечатлений от переселения;
- сетование на нехватку пособий, продовольствия, малый урожай, плохую пригодность почв и климата для сельскохозяйственных работ;
- просьба о помощи (чаще материальной) лиц, желающих вернуться из района переселения обратно в родной край (место, откуда изначально прибыли);
- обращение к родственникам или друзьям с призывом приехать в место переселения автора письма либо, напротив, отговаривание от такого переезда с перечислением тяжелых условий пребывания в сибирском крае;
- прощания, поклоны и пожелания здоровья.

В целом реализованный анализ позволил нам сделать вывод о том, что переселение рассматривалось крестьянами-мигрантами весьма разнообразно. Были как удовлетворенные лица, радующиеся «милостивым пособиям» со стороны представителей власти, так и совершенно недовольные, отмечающие плохие условия жизни, быта, малую пригодность климатических и природных условий в месте пребывания для тех или иных сельскохозяйственных работ.

Литература

- Головачев, 1893** – Головачев Д.М. Переселенцы в 1892 году // *Вестник Европы*. 1893. № 8. С. 96–111.
- Григорьев, 1884** – Григорьев В.Н. Переселение крестьян Рязанской губернии // *Русская мысль*. 1884. № 1. С. 67–69.
- Есин, 2007** – Есин Б.И. Основные этапы 300-летней истории русской журналистики / Очерки: О настоящем и прошлом отечественной журналистики. М., 2007. 186 с.
- Из переселенческих..., 1911** – Из переселенческих авантю (Письмо из Томска) // *Сибирские вопросы: периодический сборник*. 1911. № 20–21. С. 66–67.
- Исаев, 1891** – Исаев А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891. 196 с.
- Кабузан, 2004** – Кабузан В.М. Движение населения в Российской империи Отечественные записки. 2004. № 4. С. 10.
- Кауфман, 1905** – Кауфман А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. 352 с.
- КГКУ ГААК** – КГКУ «Государственный архив Алтайского края».
- Колобов, 1911** – Колобов М. Переселенческие Перельструзы // *Сибирские вопросы: периодический сборник*. 1911. № 20–21. С. 7–15.
- Маслов, 1906** – Маслов П. Аграрный вопрос в России: Условия развития крестьянского хозяйства в России. СПб., 1906. 466 с.
- Моисеенко, 2008** – Моисеенко В.М. Очерки изучения миграции населения в России во второй половине XIX – начале XX столетия. М.: ТЕИС, 2008. 272 с.
- Периодическая ..., 1991** – Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 года): Указатель газет и журналов. Под ред. Э.И. Черняк. Томск: изд-во Томского ун-та, 1991. 96 с.
- Письмо ..., 1900** – Письмо от 16 марта 1893 года крестьянина-переселенца из Полтавской губернии Веприкской волости, поселившегося в Томской губернии в Барнаульском округе / *Переселения из Полтавской губернии*. Полтава, 1900. Выпуск 1. С. 396–398.
- Письмо Зюбана ..., 1900** – Письмо Зюбана П. – крестьянина-переселенца, прибывшего из Полтавской губернии, датированное 1893 годом / *Переселения из Полтавской губернии*. Полтава, 1900. Выпуск 1. С. 400–401.
- Письмо крестьянки ..., 1900** – Письмо крестьянки М.Г. Зюбановой от 25 октября 1893 года, переселившейся из села Белики Полтавской губернии / *Переселения из Полтавской губернии*. Полтава, 1900. Выпуск 1. С. 399.
- Письмо о переселении ..., 1899** – Письмо о переселении в Сибирь крестьянина Беякова И.Е. // *Русское богатство*. 1899. № 3. С. 1–15.
- Письмо переселенца ..., 1900** – Письмо переселенца из села Белики от 26 сентября 1893 г., основавшегося в поселке Новоразинский Томской губернии / *Переселения из Полтавской губернии*. Полтава, 1900. Выпуск 1. С. 393–394.
- Письмо Профатилова ..., 1900** – Письмо Профатилова Я.Д. – переселенца из села Машевки Полтавской губернии, поселившегося в поселке Веселый Яр Томской губернии, написанное в 1893 году / *Переселения из Полтавской губернии*. Полтава, 1900. Выпуск 1. С. 395–396.
- Ремнев, 2004** – Ремнев А.В. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004.
- Родигина, 2003** – Родигина Н.Н. Переселенческие чиновники о крестьянских миграциях в Сибирь во второй половине XIX века / *Жить законом: Правовое и правоведческое пространство истории: Сборник научных трудов под редакцией В.А. Зверева*. Новосибирск: Издательство НГПУ, 2003. С. 86–107.
- Симонова, 1970** – Симонова М.С. Переселенческий вопрос в аграрной политике самодержавия в конце XIX – начале XX вв. / Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М.: Издательство МГУ, 1970.
- Томилов, 2015** – Томилов И.С. Демографические процессы в городах Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // *Электронный научно-практический журнал «Политика, государство и право»*. 2015. № 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://politika.snauka.ru/2015/06/3199>.
- Тресвятский, 1913** – Тресвятский В. К теории переселения // *Вопросы колонизации*. 1913. № 13. С. 23–24.
- Тюкавкин, 2001** – Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. 304 с.
- Шатковская, 2016** – Шатковская Т.В. Внутренняя миграция как устойчивый фактор государственного образования Российской империи // *Философия права*. № 6. 2016. С. 21–25.
- Ustinova, Dudin, 2018** – Ustinova O.V., Dudin V.E. Features of migration processes and their influence on the formation of the working class in Russia in the second half of XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2018. 48(2): 610-617.
- Ustinova, Farakhutdinov, 2018** – Ustinova O.V., Farakhutdinov S.F. Structure and dynamics of employment of young people of the working class in the province of Tobolsk in the late XIX century // *Bylye Gody*. 2018. 47(1): 370-382.

References

- Golovachev, 1893** – *Golovachev D.M.* (1893). Pereselentsy v 1892 godu [Immigrants in 1892]. *Vestnik Evropy*. №8. pp. 96-111. [in Russian]
- Grigor'ev, 1884** – *Grigor'ev V.N.* (1884). Pereselenie krest'yan Ryazanskoi gubernii [The resettlement of peasants from the province of Ryazan]. *Russkaya mysl'*. №1. pp. 67-69. [in Russian]
- Esin, 2007** – *Esin B.I.* (2007). Osnovnye etapy 300-letnei istorii russkoi zhurnalistiki [The main stages of the 300-year history of Russian journalism]. *Ocherki: O nastoyashchem i proshlom otechestvennoi zhurnalistiki*. M., 186 p. [in Russian]
- Iz pereselencheskikh..., 1911** – *Iz pereselencheskikh avantyr (Pis'mo iz Tomsk)*. [From resettlement adventures (letter from Tomsk)]. *Sibirskie voprosy: periodicheskii sbornik*. 1911. №20-21. p. 66-67. [in Russian]
- Isaev, 1891** – *Isaev A.* (1891). Pereseleniya v russkom narodnom khozyaistve [Resettlement in the Russian national economy]. SPb., 196 p. [in Russian]
- Kabuzan, 2004** – *Kabuzan V.M.* (2004). Dvizhenie naseleniya v Rossiiskoi imperii Otechestvennye zapiski [Population movement in the Russian Empire, notes of the Fatherland]. №4. p. 10. [in Russian]
- Kaufman, 1905** – *Kaufman A.* (1905). Pereselenie i kolonizatsiya [Resettlement and colonization]. SPb., 352 p. [in Russian]
- KGKU GAAK** – KGKU «Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja» [Regional state institution "State archive of the Altai territory"]. [in Russian]
- Kolobov, 1911** – *Kolobov M.* (1911). Pereselencheskie Perel'struzy [Resettlement Perelistrus]. *Sibirskie voprosy: periodicheskii sbornik*. № 20-21. pp. 7-15. [in Russian]
- Maslov, 1906** – *Maslov P.* (1906). Agrarnyi vopros v Rossii: Usloviya razvitiya krest'yanskogo khozyaistva v Rossii [Agricultural issue in Russia: conditions of development of peasant economy in Russia]. SPb., 466 p. [in Russian]
- Periodicheskaya..., 1991** – *Periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX veka – fevral' 1917 goda): Ukazatel' gazet i zhurnalov* [Periodical press of Siberia (second half of XIX century – February 1917): Index of Newspapers and magazines]. Pod red. E.I. Chernyak. Tomsk: izd-vo Tomskogo un-ta, 1991. 96 p. [in Russian]
- Pis'mo..., 1900** – *Pis'mo ot 16 marta 1893 goda krest'yanina – pereselentsa iz Poltavskoi gubernii Veprikskoi volosti, poselivshegosya v Tomskoi gubernii v Barnaul'skom okruge* [Letter dated March 16, 1893, farmer – migrants from Poltava province Veprinsky parish, settled in Tomsk province in the Barnaul district]. *Pereseleniya iz Poltavskoi gubernii*. Poltava, 1900. Vypusk 1. pp. 396-398. [in Russian]
- Pis'mo Zyubana..., 1900** – *Pis'mo Zyubana P. – krest'yanina-pereselentsa, pribyvshego iz Poltavskoi gubernii, datirovanoe 1893 godom* [Letter Subana P. – farmer-immigrant, came from Poltava province, dated 1893]. *Pereseleniya iz Poltavskoi gubernii*. Poltava, 1900. Vypusk 1. pp. 400-401. [in Russian]
- Pis'mo krest'yanki ..., 1900** – *Pis'mo krest'yanki M.G. Zyubanovoi ot 25 oktyabrya 1893 goda, pereselivsheysya iz sela Beliki Poltavskoi gubernii* [The letter of a peasant M. G. Zubanova from 25 October 1893, migrated from the village of Bilyky, Poltava province]. *Pereseleniya iz Poltavskoi gubernii*. Poltava, 1900. Vypusk 1. p. 399. [in Russian]
- Pis'mo o pereselenii ..., 1899** – *Pis'mo o pereselenii v Sibir' krest'yanina Belyakova I.E.* [Letter on resettlement to Siberia peasant Belyakova I. E.]. *Russkoe bogatstvo*. 1899. №3. pp. 1-15. [in Russian]
- Pis'mo pereselentsa ..., 1900** – *Pis'mo pereselentsa iz sela Beliki ot 26 sentyabrya 1893 g., osnovavshegosya v poselke Novorazinskii Tomskoi gubernii* [The letter to IDP from the village of Bilyky, dated 26 September 1893, settled in the village Novorosiyski Tomsk province]. *Pereseleniya iz Poltavskoi gubernii*. Poltava, 1900. Vypusk 1. pp. 393-394. [in Russian]
- Pis'mo Profatilova ..., 1900** – *Pis'mo Profatilova Ya.D. – pereselentsa iz sela Mashevki Poltavskoi gubernii, poselivshegosya v poselke Veselyi Yar Tomskoi gubernii, napisannoe v 1893 godu* [A letter from Profatilov Ya. D. – a migrant from the village of Mashevka, Poltava province, settled in the village of Veselyi Yar, Tomsk province, written in 1893]. *Pereseleniya iz Poltavskoi gubernii*. Poltava, 1900. Vypusk 1. pp. 395-396. [in Russian]
- Remnev, 2004** – *Remnev A.V.* (2004). Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XIX v. [The Imperial geography of power XIX – early XX centuries]. Omsk. [in Russian]
- Rodigina, 2003** – *Rodigina N.N.* (2003). Pereselencheskie chinovniki o krest'yanskikh migratsiyakh v Sibir' vo vtoroi polovine XIX veka [Resettlement officials on peasant migrations to Siberia in the second half of the XIX century]. *Zhit' zakonom: Pravovoe i pravovedcheskoe prostranstvo istorii: Sbornik nauchnykh trudov pod redaktsiei V.A. Zvereva*. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGPU, pp. 86-107. [in Russian]
- Tomilov, 2015** – *Tomilov I.S.* (2015). Demograficheskie protsessy v gorodakh Tobol'skoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Demographic processes in the cities of Tobolsk province in the second half of XIX – early XX centuries]. *Elektronnyi nauchno-prakticheskii zhurnal «Politika, gosudarstvo i pravo»*. №6. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://politika.snauka.ru/2015/06/3199>. [in Russian]
- Simonova, 1970** – *Simonova M.S.* (1970). Pereselencheskii vopros v agrarnoi politike samoderzhaviya v kontse XIX – nachale XX vv. [Resettlement issue in the agricultural policy of autocracy in the late XIX – early XX centuries]. *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy*. M.: Izdatel'stvo MGU. [in Russian]

- Tresvyatskii, 1913 – *Tresvyatskii V.* (1913). К теории переселения [On the theory of resettlement]. *Voprosy kolonizatsii*. №13. pp. 23-24. [in Russian]
- Tyukavkin, 2001 – *Tyukavkin V.G.* (2001). Velikorusskoe krest'yanstvo i stolypinskaya agrarnaya reforma [The great Russian peasantry and the Stolypin agrarian reform]. М., 304 p. [in Russian]
- Shatkovskaya, 2016 – *Shatkovskaya T.V.* (2016). Vnutrennyaya migratsiya kak ustoychivyi faktor gosudarstvennogo obrazovaniya Rossiiskoi imperii [Internal migration as a stable factor of the state formation of the Russian Empire]. *Filosofiya prava*. №6. pp. 21-25. [in Russian]
- Ustinova, Dudin, 2018 – *Ustinova O.V., Dudin V.E.* (2018). Features of migration processes and their influence on the formation of the working class in Russia in the second half of XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 48(2): 610-617.
- Ustinova, Farakhutdinov, 2018 – *Ustinova O.V., Farakhutdinov S.F.* (2018). Structure and dynamics of employment of young people of the working class in the province of Tobolsk in the late XIX century. *Bylye Gody*. 47(1): 370-382. [in Russian]

«Переселенческое дело» глазами крестьян-мигрантов (по материалам писем переселенцев: вторая половина XIX – начало XX веков)

Юлия Викторовна Путилина ^{a, *}, Вера Никандровна Черепанова ^b, Ирина Анатольевна Филиппова ^c, Виолетта Сергеевна Молчанова ^{d, e}

^a Тюменская региональная академия профессионального развития, Российская Федерация

^b Тюменский государственный медицинский университет, Российская Федерация

^c Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

^d Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^e Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются письма крестьян-мигрантов, обращенные к родственникам и односельчанам, написанные в конце XIX – начале XX вв. и освещающие различные аспекты переселенческой политики, реализуемой в это время в стране.

По результатам исследования делается вывод о том, что переселение воспринималась крестьянами по-разному и неоднозначно: были как недовольные лица, испытывавшие глубокое разочарование от переселенческого процесса, желающие вернуться обратно в родной край, так и удовлетворенные переселением – те, кому удалось наладить свой быт и жизнь, получить хорошие урожаи и прибыль от выращиваемых культур.

Характерной тенденцией является и то, что в письмах крестьян-мигрантов нередко упоминались слова почтения и «благодарения за щедрую милость», проявленную представителями органов власти и чиновниками (за выделенные пособия, земельные участки, иную оказанную помощь), с одновременной резкой критикой в их же адрес. Нередко такие противоречивые высказывания встречались в рамках одних и тех же писем.

В целом крестьян-мигрантов, участвовавших в программе переселения, судя по их высказываниям в письмах, отличала некая наивность суждений, наличие завышенных оптимистических ожиданий от переселенческой программы либо, напротив, чрезмерных страхов и опасений, умноженных слухами и вымыслами, нередко доходящими до абсурда.

Как правило, большинство крестьян, решивших переехать в Сибирь на новые земельные наделы, не имели четкого представления о том, что их ждет. Устав от притеснений «господ», надеясь на «милостивого Царя-батюшку», они ехали в неизвестность, пытаясь таким образом уйти от насущных проблем и бедности, получить долгожданную независимость и свободу.

Ключевые слова: переселенцы, письма, крестьяне-мигранты, переселенческая политика, сельское хозяйство, урожайность, жизнь, быт, переселенческое дело.

* Корреспондирующий автор

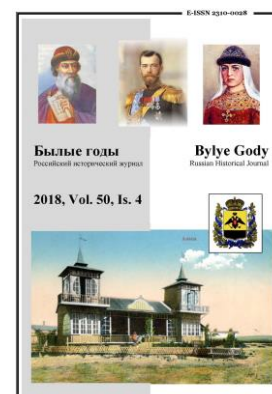
Адреса электронной почты: putilina-yulia@mail.ru (Ю.В. Путилина), veranikandrovna@mail.ru (В.Н. Черепанова), filippovaia@tyuiu.ru (И.А. Филиппова)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1674-1683. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1674
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The History of the Russian Region in the Context of Regional Geography (Popular Scientific Geographical Literature of the late 19 – early 20 centuries about Don)

Nikolaj A. Mininkov ^{a, *}, Ludmila V. Mininkova ^a

^a South Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

At a boundary of the 19-20th centuries the regional geography has gained development. It became one of popular branches of complex humanitarian and geographical knowledge. During this period fundamental works on regional geography appeared which belonged to Russia and its territories, including to Area of army of Donskoy. In major works on regional geography of this time in popular form questions of history of Don in connection with questions of his demography, ethnography, economy and settlements were stated. These essays and sections draw attention to the features of the history of the land of the Cossacks as its indigenous population, the changes in different spheres of internal life that took place during the historical development. The focus of the essays-the man, his culture, the processes of formation of the craftsman and warrior man of modern times, taking place under the influence of gradually developing modernization processes. Essays and sections are not devoid of some historical inaccuracies. The emergence of such literature at the turn of two centuries testifies to the growing public interest in the geography and history of countries and regions and the General humanization of culture, in which the problem of man on earth occupies an increasingly prominent place.

Keywords: regional geography, history, science fiction, the story of the Don, the Don Cossacks, D.L. Mordovcev, E. Reklu, P.P. Semenov, V.V. Bogachev.

1. Введение

Одной из тенденций в культурной жизни России, как и других европейских стран, стало на рубеже XIX–XX вв. быстрое развитие страноведения и возрастание к нему общественного интереса. Определялось это особенностями представлений о человечестве и его культуре, сложившимися к тому времени. С одной стороны, формировались теории, согласно которым человечество было разделено на разные культурно-исторические типы или культуры, которые противостояли друг другу, а взаимное влияние их друг на друга было ограниченным. В концентрированном виде эту мысль выразил выдающийся английский писатель и идеолог британского колониализма Р. Киплинг, заявивший в «Балладе о Востоке и Западе», что «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут». Еще более четко говорил об этом О. Шпенглер, отрицавший за понятием «человечество» какое-либо конкретное научно-гуманитарное содержание, видевший в нем лишь «зоологическое понятие или звук пустой» (Шпенглер, 2003: 40). Такой взгляд приобретал популярность. В сочетании с более ранним представлением об отсталости Востока и Юга с гегелевским тезисом об исторических и неисторических народах он служил обоснованием для экспансии европейских держав в Азии и Африке, для положения об их цивилизаторской миссии для народов этих континентов.

С другой – получали распространение идеи, в свете которых признавалось существование единого человечества, при несомненном учете различий между его культурами. Такое представление складывалось в трудах последователей французской школы географии человека как крупного научного направления и идейного течения того времени, в основе которого «лежит идея "земного

* Corresponding author

E-mail addresses: namininkov@sfedu.ru (N.A. Mininkov), lvmininkova@sfedu.ru (L.V. Mininkova)

единства"» и «роли человека как фактора, изменяющего географическую среду» (Афанасьев, 1980: 24). Появилась эта идея и в России. Возникла она, прежде всего, на почве философии человеческого всеединства, обозначающей «принцип внутренней формы совершенного единства множества», позиции которой четко обозначил В.С. Соловьев (Новикова, Сиземская, 1997: 256). На его основе выдвигалась новая стратегия гуманитарного познания как «понимания культурно-исторических феноменов» (Румянцева, 2002: 148), понимания Другого, или человека другой эпохи и другой культуры, и принципиальной возможности такого познания, обосновывалась познавательная стратегия в гуманитарном познании как понимание.

2. Обсуждение и результаты

Все это способствовало возникновению в европейских странах глубокой общественной потребности в знаниях о странах, народах и их культурах и вело к выделению страноведения в качестве одного из новых явлений в культурной жизни общества, находящегося на стыке научного знания и массовой культуры. Этому же способствовало начало нового этапа в развитии междисциплинарных и межкультурных связей, определявшихся завершением раздела мира между крупнейшими европейскими державами. Колониальная политика вела к значительному расширению кругозора европейцев, к осознанию необходимости всемерного развития контактов с населением колоний, к актуализации в гуманитарном сознании вопроса об общем и особенном в разных культурах и их истории. Вместе с тем в самих колониях появлялся круг по-европейски образованных личностей, вроде Махатмы Ганди, представителей местной культурной элиты, которые также способствовали сближению культур и взаимопониманию между метрополиями и колониями, между разными историческими сообществами. К этому также с неизбежностью вело формирование единого мирового экономического пространства, все более тесные контакты между разными странами мира, между людьми и культурами. Процесс глобализации, начало которого произошло еще в эпоху Великих географических открытий на заре нового времени, вышел на новую стадию в своем развитии уже на совершенно иной экономической, технической и культурной основе.

Что касается последней, то одной из ее сторон был неоромантизм. Он был обращен к поиску идеала в прошлом и заключался в идее возвращения всего мира к этому идеалу, причем его носителями несколько не исключалось насильственное возвращение. Такое возвращение обеспечивало бы в их глазах спасение от потрясений эпохи модернизации, от морально-нравственного упадка, который рассматривался ими как прямое порождение модернизации. Неоромантизм при этом обращал глобальную идею одновременно и в пространственную географическую горизонталь, и во временную историческую вертикаль. На этой почве четко обозначился интерес к странам или к отдельным их территориям, сохранявшим особенности культурно-бытового уклада и живые традиции старины, к их истории. То же само относилось к территориям, где активно развивалось культурное взаимодействие и имело место сожителство и взаимовлияние культур.

Таким образом, в сложную переходную эпоху кризиса модерна и становления мирового сообщества новейшего времени оказалась востребованной такая отрасль знаний, которая объединяла бы в себе сведения о человеке, обществе и его культуре в их историческом развитии и географическом распространении. Отсюда предпосылки возникновения в этот период сочинений, относящихся к данному направлению культуры, особенностью которых было сочетание признаков науки и способность удовлетворить познавательный интерес широкого читателя.

Ряд таких сочинений появился в России. Для них была характерна подача общего материала по географии, демографии, экономике и истории и наличие более подробного описания страны через отдельные ее территории. В них имелся весьма значительный статистический материал. Они обеспечивались также визуальным материалом и содержали самые различные фотографии, которые давали более наглядное представление о стране и ее частях. Это соответствовало задаче страноведения, которая заключалась в том, чтобы дать широкому кругу читателей общее представление о стране и ее регионах. Его структура включала характеристику территории, природных условий и ресурсов, населения и хозяйства страны с учетом особенностей их исторического развития. Исторический материал, таким образом, составлял неотъемлемую часть страноведческих сочинений. Вне этого материала было невозможно давать объяснение особенностям культуры и образа жизни населения, его состояния в тот период, когда было создано данное сочинение.

К таким российским территориям, которые представляли особый интерес для отечественного читателя с точки зрения страноведения, относилась область Войска Донского. Внимание объяснялось существенными особенностями этой части Российской империи по сравнению с другими ее территориями, наличием особого культурно-бытового уклада и самобытной истории ее коренного казачьего населения, а также существованием противоречий между казачеством как ее коренным населением и населением, не относившимся к казачеству. В то же время эта область, особенно после проведения железных дорог, не была оторвана от других территорий страны и испытывала влияние других культур. Наглядно это стало заметно с 1887 г., когда к области были присоединены Ростовский и Таганрогский уезды со значительным населением, не относившимся к казачеству, с крестьянским и

городским населением. Поэтому в страноведческих описаниях области ее истории и современному состоянию уделялось существенное внимание.

Сам по себе интегративный характер страноведения, который определяет включение в его рамки сведений из разных дисциплин, уже предполагает наличие в нем нескольких направлений. В специальной литературе указывается на выделение четырех типов страноведения – научного, информационного, публицистического, образовательного (Козырева, 2012: 13–14). Страноведческие сочинения конца XIX – начала XX вв., в которых речь идет о Доне и которые стали объектом анализа данной статьи, относятся к информационному типу. Они были предназначены для удовлетворения интереса образованного читателя к географии, этнографии, экономике, истории и культуре страны и ее регионов. Это была читательская среда эпохи модернизации, которая отличалась значительной деловой активностью, нуждалась в деловых поездках и в установлении самых различных контактов, а отсюда формировалась ее потребность в знании страны и региона, земли и людей. Несомненно, что литература о стране и регионе для такого читателя должна была содержать нормативные научные сведения своего времени, в том числе и данные, относящиеся к исторической науке. Но, поскольку такой читатель, как правило, не относился к академической среде, то все эти сведения должны были подаваться на доступном и популярном уровне. В то же время страноведческое описание должно было воздействовать не только на рациональную, но и на эмоциональную сторону личности читателя. Поэтому автор такого труда из массы географического, исторического и иного материала о стране и регионе использовал, как подчеркивает современный географ Н.С. Мироненко, «наиболее впечатляющие детали, бьющие на воображение» (Мироненко, 2001: 16). При этом в центре внимания страноведческой литературы оказывался человек. Выдающийся отечественный географ Н.Н. Баранский подчеркивал, что задача страноведения – «синтетическое изучение стран и районов, охватывающее и природу, и человека во всем их сложном взаимодействии» (Баранский, 1980: 34). По мнению одного из основателей французской географической школы, П. Видаля де ла Блаша, «ядром страноведческих характеристик» должен становиться «так называемый "образ жизни"» (Машбиц, 1999: 32). В то же время, отмечала О.А. Александровская, согласно Видалю де ла Блашу, прямолинейное «сближение деталей физической географии и деталей истории рискует быть очень поверхностным» (Александровская, 1972: 59), а это предполагало его отрицательное отношение к идее географического детерминизма и понимание того, что история страны и региона не вытекает напрямую из особенностей его географии, однако и не исключает влияния природно-географического фактора.

Специального исследования характерных черт и особенностей исторического материала, относящегося к Дону и содержащегося в таких сочинениях, до сих пор не проводилось.

Комплексный анализ исторических сведений о Доне и донском казачестве в русских страноведческих сочинениях конца XIX – начала XX вв., который является целью данной статьи, опирается на методологический принцип историзма. Страноведческие сочинения с историческими очерками рассматриваются как типичный продукт культуры того времени, когда в обществе был замечен значительный интерес к странам и их регионам, к их культуре и истории. Методологический принцип понимания человека прошлого и культуры его времени дает возможность уяснить характер и особенности культуры общества, в котором сформировался запрос на страноведческую литературу и на наличие в ней исторической составляющей, на форму подачи исторического материала, который в ней присутствует. Использование историко-типологического метода позволяет видеть в подобных сочинениях и в исторической их части определенный культурно-исторический тип популярного сочинения. Тем более, что понятие «культурный тип» получает распространение в гуманитарном научном знании того времени и «охватывает общие тенденции в рамках целенаправленного развития духовной сферы жизнедеятельности человеческих коллективов» (Трапш, 2006: 90). Такое сочинение было рассчитано на широкого заинтересованного читателя, желающего получить комплексное представление о стране и регионе, истории и культуре. Оно же дает представление о читателе этой литературы как о специфическом продукте культуры эпохи модерна, который был ее потребителем и стремился расширить свои географические и исторические знания о странах и регионах.

Заметное место занимает описание области Войска Донского в многотомном труде «Живописная Россия», где автором ряда очерков о Доне был известный писатель и знаток истории казачества, уроженец Дона Д.Л. Мордовцев. Как он отмечал в очерке «Донские казаки», историческое начало казачества «неуловимо для истории». Но, во всяком случае, уже к началу XVI в. оно было сообществом, «до известной степени сложившимся в нечто определенное». Он указывал, что донские казаки уже тогда «участвовали в "собираании русской земли"», причем первые упомянутые в связи с присоединением Астрахани казацкие атаманы Павлов и Ляпун были для донской истории тем, «чем когда-то для Рима были Ромул и Рем». В причинах появления казачества он видел «народные мотивы». К ним он относил «искание новых привольных к жизни земель» и «оберегание украинских, пограничных мест своих метрополий от хищных набегов татар» (Живописная Россия, 1899: 16). Возникновение казачества на Дону он объяснял положением населения в Московском государстве. Такие обстоятельства, как «кабальная зависимость» в соединении с «неограниченным произволом всяких судей, тиунов, целовальников, приказных и подьячих», были для народа невыносимы. Все это «заставляло многих из московских людей идти из своей родной земли», и «преимущественно на

Дон» ([Живописная Россия, 1899: 17](#)). Подобная версия происхождения казачества была распространена на Дону. Но при этом Д.Л. Мордовцев прямо связывал появление донских казаков с уходом населения из Московского государства, тогда как в историческом сознании казачества в то время все более утверждалась версия о казаках как об особом народе, не связанном своим происхождением с Россией и русскими, об особых правах казачества на Донскую землю. В то же время его утверждение о том, что донские казаки «покорили Сибирь» ([Живописная Россия: 1899, 18](#)), было на Дону очень распространено и весьма популярно. Мордовцев утверждал, что уже в ту пору «донские казаки являются уже силою, от которой долгое время почти вполне зависела участь всей русской земли» ([Живописная Россия: 1899, 19](#)). В этом утверждении проявлялось явное преувеличение, лестное для казачества.

С заметным сочувствием Мордовцев относился к Степану Разину. По его словам, вовсе не случайно, что «разбойник сделался главою народного восстания» ([Живописная Россия: 1899: 21](#)). Столь же сочувственно отнесся он и к Кондратию Булавину. Подавление этого восстания, отмечал он, было очень жестоким. Совершенно справедливо Мордовцев обращал внимание на исторические основы сословной розни, которая существовала на Дону между казаками и пришлым из внутренней России населением. Он подчеркивал, что даже самый небогатый казак, который у своего богатого соседа-казака «мог быть и сторожем, и свинопасом», «считал себя выше не только "крестьянина", "мужика", но и всякого русского купца – "кацапа" или "музлана"» ([Живописная Россия, 1899: 25](#)). Замечание было совершенно справедливым. Сословная рознь по мере увеличения численности на Дону неказачьего населения, в связи с привилегированным положением казаков и с нехваткой земли у донских крестьян нарастала. Но при этом Мордовцев отмечал тяжесть казачьего воинского уклада. Он особо подчеркивал, что следствием такого уклада был низкий уровень развития земледельческого хозяйства и скотоводства у казаков, слабая доходность промыслов. Служба, отмечал он, отвлекала казака от хозяйства, и поэтому особенностью донского уклада он видел значительное, а подчас первостепенное место женщины-казачки в тяжелой хозяйственной работе. Отсюда он констатировал, что «самое казачество, как известная стадия исторического хода общества, представляется одною из вымирающих форм жизни». Далее он прямо делал вывод: «чем скорее завершится полное вымирание, тем лучше». Мордовцев тем самым высказывал мысль о несоответствии казачества как особого воинского сословия новой исторической эпохе, которая наступала в России в период буржуазных реформ и модернизации русского общества, об исторической неизбежности ухода казачества в прошлое.

Определенное место в географическом описании Российской империи занимал Дон в большом труде по мировому страноведению, автором которого был выдающийся французский географ Э. Реклю. На рубеже XIX–XX вв. его труд был издан на русском языке. Как подчеркивала О.А. Александровская, «Э. Реклю утверждает необходимость общественно-исторического подхода к страноведению» ([Александровская, 1972: 41](#)), и это само по себе предполагает значительное внимание к исторической части страноведения. Часть третьей книги этого труда, вышедшей в свет в 1898 г., относилась к Европейской России, в том числе и к области Войска Донского. Особенностью рассмотрения территорий в этом труде было то, что характеристики отдельных частей государства давались по рекам. В этой связи Область войска Донского рассматривалась после других административных единиц России, находившихся в бассейне Дона, – после Воронежской губернии по Дону и Харьковской губернии по Северскому Донцу. В этом проявилось определенное влияние исследовательских методов географической науки на страноведческий труд Э. Реклю. По своему объему описания области Войска Донского в этом труде не столь уж велико. Особое внимание Э. Реклю уделил донскому казачеству как группе населения, имеющей существенные особенности в истории, хозяйстве, быту и культуре. Говоря об ее истории, французский географ отметил важнейшие события и выделил общее ее направление, справедливо указывая на стремление русского правительства подчинить казаков государству. Он характеризовал раннее казачество как «в одно и то же время разбойников и героев» ([Реклю, 1898: 1097](#)) и верно подчеркивал, что подавление Булавинского восстания осуществлялось крайне жестоко, а начальник карательных сил князь В. Долгорукий «перевешал множество мятежников» ([Реклю, 1898: 1098](#)). Затронул Э. Реклю историческую память казаков, говоря о том, что они «воспевают в своих песнях подвиги предков, войны с татарами, взятие Азова, возмущение Степана Разина» ([Реклю, 1898: 1099](#)). Особенностью современного состояния казачества на Дону он считал все более заметную связь его с разными отраслями хозяйства и обращал внимание на то, что у казаков «военное устройство все менее и менее соответствует их гражданской жизни» ([Реклю, 1898: 1098](#)).

Допускал вместе с тем Э. Реклю и отдельные неточности. Так, завоевание Сибири под предводительством атамана Ермака он ставил в заслугу донским казакам. Между тем донской читатель мог увидеть в этом утверждении авторитетного ученого подтверждение своих мыслей об особой роли казачества в истории России, о том, что столь значительным расширением своей территории государство обязано казачеству. Он неверно указал на 1731 г. как на дату основания крепости Ростов, поставленной для контроля над казачеством ([Реклю, 1898: 1098](#)), в этот год была поставлена крепость Святой Анны ([Полное собрание...: № 5681](#)), расположенная на буграх несколько северо-восточнее войсковой столицы Черкаска. Тем самым донской читатель мог делать вывод о

подтверждении в труде Э. Реклю своих мыслей о постоянном стремлении России подчинить Войско Донское и о том, что русские власти не были способны достойно оценить службу казачества. Несколько позже, накануне и в период Гражданской войны, эту мысль значительно более четко и определенно выражал донской автор Е.П. Савельев в своей «Истории казачества», указывавший на постоянное историческое «противостояние Дона и России» (Корниенко, 2013: 145).

Весьма удачно выделял Э. Реклю особенности городов области. Он отмечал быстрый рост Ростова, ставшего центром торговли и местом сбора сезонных рабочих, приходивших из Центральной России на заработки. Указал он на развитие Новочеркасска после проведения через него Юго-Восточной железной дороги и на постепенный упадок древнего Азова. Он писал о существовании в Азове остатков турецкой крепости, но верно указывал, что «от древней Таны венецианцев, наследницы греческого Танаиса», «не осталось никаких следов» (Реклю, 1898: 1107, 1109). Тем самым в развитии городов и городской жизни области он видел проявление нового уклада, приходившего на смену прежнему военному и сельскому казачьему укладу.

Крупнейшим исследованием в области страноведения, которое выходило в свет в нашей стране, была фундаментальная многотомная «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» под общим руководством академиков П.П. Семенова-Тян-Шанского и В.И. Ламанского. Замысел осуществился не полностью, до революционных событий 1917 г. удалось издать не все тома, охватывавшие полностью территорию Российской империи. Но том 14, имевший заголовок «Новороссия и Крым», увидел свет в 1910 г. Часть этого тома была посвящена области Войска Донского, которая считалась восточной частью Новороссии. Как и другие тома этого труда, данный том имел четкую структуру. Общий анализ региона начинался в нем с географического положения и природных условий. Затем следовал исторический очерк, демографическая часть и оценка его экономического положения. За общей характеристикой региона следовало подробное описание его отдельных частей. Данные описания включали в себя разные исторические и историко-культурные обзоры по отдельным территориям. Все это сопровождалось весьма богатым статистическим материалом, который позволял видеть динамику описываемых процессов и положение на время создания исследования, а также было иллюстрировано качественными фотографиями.

Историческая часть охватывает новороссийские губернии (Бессарабскую, Херсонскую, Таврическую, Екатеринославскую и Ставропольскую) и область Войска Донского в целом и начинается с археологии. Затем идет история Приазовья и Причерноморья античного времени, которая прямо затрагивает территорию всего Нижнего Дона. Среди античных городов упоминается Танаис, говорится об истории Дона при скифах и сарматах. Кратко, но обстоятельно показана история Дона в период нахождения там тюркских кочевых сообществ, от болгар раннего Средневековья на Нижнем Дону и хазар до печенегов и половцев, а затем, после монгольского завоевания, включительно до татар. Подчеркнуто место в жизни края средневекового Азака и приведена фотография азовского крепостного вала. Между тем автор исторической части Я.В. Ставровский осознавал, что наибольший интерес для страноведения представляет характеристика культурно-исторических особенностей местного населения. Он показал это в разделе исторической части, относящейся к истории донского казачества. Начало казачества он относил к XVI в., не принимая распространявшиеся в то время версии его более раннего происхождения, которые не имели фундаментального научного обоснования, но пользовались определенной популярностью. В то время, как он отмечал, «московские окраины выделяли группу людей, недовольных элементов, искавших в степях приключений и легкой наживы и одинаково опасных соседей как для татар, так и для мирных подданных Московского государства». В этом отношении он был близок к объяснению причин возникновения казачества, которые давал С.М. Соловьев, видевший в казаках разбойный элемент русского общества, людей, не желавших жить своим трудом и стремившихся существовать за счет грабежей и разбоев, а также военной добычи, взятой у противника. Но, указывая источники пополнения рядов казачества на Дону в XVII в., он более глубоко раскрывал причины ухода разных слоев русского населения на Дон. К ним он относил разорения в русских землях за период Смуты, налоговый гнет, усиление крепостного права и ухудшение положения крестьян, а затем, с 1667 г., бегство «раскольников», основывавших «свои скиты по верховьям Дона, Хопру, Медведице, Бузулуку и Донцу» (Россия, 1910: 151).

Как важную особенность внутренней жизни на Дону до XVIII в. Ставровский показывал демократическое устройство Войска Донского. Говоря о Войсковом круге, на котором решались дела управления и суда, он подчеркивал, что ходить на круг могло «все казачье взрослое мужское население, находившееся в данный момент в главном казачьем городке – "Главном войске"». Вместе с тем им было правомерно обращено внимание на формирование социального расслоения в казачьей среде на «домовитых, старых насельников Дона, успевших обзавестись своим хозяйством и потому представлявших опору порядка, и голутвенных (голытьбы), прибывавших на Дон с верховьев позднее, когда условия для расселения были уже менее благоприятными». Из голытьбы «вербовались так называемые воровские казаки», которые легко примыкали «ко всяким восстаниям в поисках богатства и удачи», что особенно проявилось во время восстания под предводительством Степана Разина. Но, характеризуя историю казачества с точки зрения интересов государства, Ставровский писал, что «при удачном направлении этих сил и они оказывались полезными; так,

напр., воровские казаки покорили Ивану Грозному Сибирское царство» (Россия, 1910: 153). С позиций государственной пользы оценивалась им московская политика в отношении Дона. Признав роль казаков в защите рубежей государства, правительство «открыто и весьма охотно поддерживало их, посылая им жалованье» (Россия: 1910, 154). Полное же подчинение донского казачества Ставровский правомерно связывал с подавлением Булавинского восстания при Петре I. При этом им было указано на уход с Дона части мятежных казаков-старообрядцев, во главе которых стоял атаман Игнат Некрасов, под покровительство крымского хана. Упоминание Ставровским о демократии на Дону, о покорении Сибири казаками, о подчинении Войска Донского России при Петре I соответствовало представлениям об истории Дона в казачьей среде.

История Дона за более поздний период, относившийся к XVIII – началу XX вв., освещалась главным образом в части, содержащей характеристику округов Области войска Донского и ее населенных мест и написанной географом М.С. Семеновым. В ней отмечалось воздействие отмены крепостного права и других реформ, проводившихся при императоре Александре II, а также железнодорожного строительства на общее развитие области. Особенно заметно это было на развитии Ростова, причем приводилась статистика роста населения в городе, который был, судя по этим данным, в пореформенный период очень быстрым. Подчеркивалось, что в качестве особенности развития города имели место самовольные захваты земель переселенцами из центральных российских губерний, которые «оседали в Ростове, занимая для этого пригородные земли» (Россия, 1910: 818). Так возник, писал Семенов, пригородный поселок Нахаловка. Его возникновение в значительной мере отражало характер развития самого Ростова, никогда не пользовавшегося, в отличие от Таганрога или Новочеркасска, начальственной поддержкой, но тем не менее ставшего к концу XIX в. важнейшим экономическим центром Дона. В то же время он отмечал застой в развитии Таганрога и неспособность областного центра, Новочеркасска, выдерживать конкуренцию с Ростовом, даже несмотря на проведение через него Юго-Восточной железной дороги. В то же время Семенов справедливо указал на обратную сторону бурного экономического роста, который имел место на территории, входящей в пределы области части донецкого угольного бассейна. Так, он обращал внимание, что рост добычи угля, с которым было связано экономическое развитие не только области, но и всего Юга страны, сопровождался трагедиями, связанными с недостатками техники безопасности на шахтах. Говоря о Рыковских шахтах, он отмечал, что они «особенно пользуются дурной известностью; в 1899 г. на них произошел взрыв, от которого погибло до 100 рабочих; 18 июня 1908 г. случилась вторично катастрофа, после которой из шахты было извлечено до 250 трупов; из остальных рабочих, работавших в это время под землей ... были обожженные, изуродованные, помешавшиеся» (Россия, 1910: 841). Это давало представление о противоречиях пореформенной модернизации и ускоренной индустриализации того времени, которые наглядно проявлялись в пределах донской части Донецкого каменноугольного бассейна.

Описание городов и населенных мест давало Семенову основание более подробно остановиться на исторических личностях, связанных с ними. Так, при описании Таганрога большое место занимают сведения о великом русском писателе А.П. Чехове, причем не только о молодых его годах, которые он провел в городе, но и о времени расцвета его творчества. Описание Новочеркасска содержит краткую биографию его основателя, атамана М.И. Платова. При описании станицы Потемкинской Второго Донского округа приводится рассказ об ее уроженце Емельяне Пугачеве, когда станица до восстания под его предводительством называлась Зимовейской. Рассказ о Степане Разине приведен в связи с описанием села Кагальник на берегу Азовского моря, у впадения в него реки с таким же названием. Но в этом рассказе содержится историческая неточность. Указано, что оно в 1669 г. было основано Степаном Разиным. Разин и в самом деле создал осенью 1669 г., после возвращения из Каспийского похода, свой лагерь вблизи уже существовавшего казачьего Кагальницкого городка (Россия, 1919: 829). Однако это было совсем в другом месте, у впадения реки Кагальник в Дон. На территории области Войска Донского имеется две реки Кагальник, одна из них находится на левом берегу Дона и впадает в Азовское море, другая – на правом берегу и впадает в Дон несколько выше устья Северского Донца. Семенов этого не учел, и потому в очерке оказалась такая неточность. Село Кагальник на Азовском море не было основано С. Разиным. Еще одна неточность связана с Ермаком. Семенов писал, что будто бы было «установлено, что в 70-х годах XVI в. Ермак был избран старшиной от Кагальницкой станицы (под Ростовом) и поставлен для охраны границы от Астрахани до р. Дона, но сам примкнул к разбойничьим шайкам на Волге» (Россия, 1910: 866). Это утверждение между тем носит легендарный характер. Даже на Дону к тому времени уже не настаивали на достоверности версии о Ермаке как о донском казаке и на памятнике в Новочеркасске, поставленном в 1904 г. академиком М.О. Микешиним, была сделана надпись «Ермаку донцы», без указания на то, что Ермак – донской казак или атаман. Не находит подтверждения версия о Ермаке как о волжском казаке-разбойнике. Также ошибочно указано на то, что на реке Сал, на левом берегу Дона, произошла в 1111 г. битва Владимира Мономаха с половцами (Россия, 1910: 880). Между тем упомянутая в летописи речка Сальница, где состоялась эта битва, не была Салом и впадала в Северский Донец. Такие неточности можно считать существенными, и они не могли быть не замечены знакомому с историей читателю. Но, несмотря на наличие подобных неточностей, в целом

исторические описания, данные Я.В. Ставровским и М.С. Семеновым, дают общее представление об истории области и исторических особенностях культуры ее населения.

Уже в период Гражданской войны на Дону был издан фундаментальный труд страноведческой направленности «Очерки географии Всевеликого Войска Донского», автором которого был член Статистического комитета области Войска Донского В.В. Богачев. По своей структуре он напоминает «Полное географическое описание нашего отечества». В нем имеются такие же части – физико-географическая, историческая, демографическая и этнографическая, а также экономическая часть. После этого идет описание отдельных населенных мест по округам, на которые в административном отношении делилась область. Историческая часть занимает не столь значительное место в общей структуре книги, как это было в «Полном географическом описании нашего отечества». Но она дает наглядное представление об особенностях исторических взглядов не только автора, но и значительной части казачества и отражает особенности положения на Дону в начале прошлого века, а также несет на себе видимый отпечаток Гражданской войны, когда она была создана.

Говоря об истории Дона периода древности и средневековья, до появления казачества, Богачев связал особенности его развития того времени с его географическим положением. Оно определялось расположением территории Дона на открытой степной равнине, которая служила местом передвижения разных кочевых народов. Это вызывало трудности для утверждения оседлой культуры. В таких условиях, писал Богачев, не только на Дону, но и в обширной степной части Восточной Европы «малочисленные колонисты, удалившись от метрополии (родины своей), не могли образовать прочного, сильного государства. Их города падали под ударами пришельцев». Но греческий город в устье Дона Танаис, как указывал он, смог существовать только потому, что «попытки колонистов объединиться с туземцами» жителям этого греческого города вполне удались. Та же причина, отмечал Богачев, определяла гибель средневековой венецианско-генуэзской колонии Тана в устье Дона, поскольку итальянская метрополия не смогла подать помощь этим «своим колониям», которые были расположены столь далеко от нее. Но и турки, захватившие Азов в 1471 г., сами оказались в очень затруднительном положении, поскольку не могли его защитить ни от донских казаков в 1637 г., ни от армии и флота Петра I в 1696 г. также «вследствие удаленности» Азова от Константинополя (Очерки, 1919: 10). Таким образом, Богачев выделял положение Дона в качестве окраинной территории для разных цивилизаций еще с античной древности. Тем самым такое окраинное положение он выделял в качестве очень существенной особенности разных культурно-исторических сообществ древности и средневековья, проживавших на Дону. В историческом сознании донского казачества представление о Доне как об окраинной территории России вплоть до времени российского продвижения на Кавказ было широко распространено и постепенно стало уходить по мере того, как в результате утверждения на Кавказе Дон оказывался на положении внутренней территории.

Географическое положение Дона мешало, как писал Богачев, закреплению на его территории оседлого населения. Но, с другой стороны, интерес к Дону поддерживался на протяжении веков ввиду его значения как важного торгового пути, который вел в Азовское и Черное моря, в Крым и Турцию. Поэтому «всякий раз, как только устанавливалось в южно-русских степях хотя бы относительное спокойствие, политическое равновесие, утихали неистовства движущихся волн народов, тотчас же устремлялись туда колонисты с попытками основать свои фактории, городки», – писал он. Торговое значение Дона учитывали многие, в том числе Петр I, который предпринимал попытки соединения Дона с Окой с помощью системы шлюзов и с самой Волгой с помощью канала (Очерки, 1919: 13), но оба раза эта работа не была доведена до конца. Тем самым Богачев разделял устоявшееся в экономической и социальной истории того времени представление об особом значении торговых связей и путей, что не противоречило положениям теории торгового капитализма, получившей распространение в трудах некоторых историков дореволюционного времени и в исследованиях советских историков двадцатых годов.

Как и в «Полном географическом описании нашего отечества», в «Очерках географии» происхождение казачества не отодвигается в раннее средневековье или в еще более ранние эпохи, как это было уже к тому времени в некоторых исторических сочинениях. Также это явление связывается с Московской Русью, взгляд на казачество как на особый народ Богачев не разделял и при этом указывал на пестроту этнических компонентов, из которых образовалось донское казачье сообщество. Время его образования, согласно Богачеву, относится к концу XV – началу XVI вв. Сначала это были рязанские служилые казаки, которые уходили «на Дон в молодечество» (Очерки, 1919: 250). К середине XVI в. на Северском Донце появились казаки-севрюки из Северской Украины. Их городки к 1570 г. были, указывал он, «на Донце, Айдаре и даже близ Бахмута» (Очерки, 1919: 251). Одной из групп населения, уходившего на Дон, он указывал новгородцев. После подчинения Московским государством в 1478 г. Новгорода, а в 1489 г. Вятки «вольнолюбивые новгородцы спустились по Волге ... на Дон и вошли в состав казачества» (Очерки, 1919: 254). В качестве причины ухода людей из России на Дон он обращал внимание на социальные отношения в России. Он отмечал, что после Смуты в России донские казаки «сманивали с собою крестьян», стремившихся к вольности, и «с оружием защищали этих людей и не выдавали их помещикам» (Очерки, 1919: 253). Во второй половине XVII в. приток людей на Дон усиливался также в связи с церковным расколом. При Петре I,

по его словам, «крестьяне и мещане бежали на Дон от набора в войска или от обязательных работ на фабриках, заводах» (Очерки, 1919, 255). Все указания на уходы населения из внутренних уездов России на Дон совершенно справедливы. Но Богачев вместе с тем не указывал, насколько решительной стала при Петре I борьба государства с уходом людей на Дон, с какой настойчивостью власти добивались возвращения беглых.

Другие актуальные вопросы истории Дона и донского казачества были затронуты Богачевым в меньшей степени. Это не случайно, поскольку для него исторический очерк представлял собой как бы введение в этнографическую часть труда, которая занимает в нем большое место. Особенно подробно дается этнографическая характеристика казаков и донских казаков-калмыков (донских калмыков). Что касается казаков, то Богачев особо подчеркивал различия между казаками низовых и верховых станиц. Такие различия отмечали еще авторы-казаки более раннего времени. Есаул Е.Н. Кательников в 1818 г. выделял среди донских казаков три группы, основываясь на особенностях их говора. Это были «Донцы-Верховцы», «Донцы-Серединцы» и Донцы-Низовцы» (Исторические сведения..., 1886: 5). Особенности жизни донских казаков «в нижних юртах» выделял его младший современник, выдающийся донской историк В.Д. Сухоруков (Сухоруков, 2001: 418). Несколько ранее историк донского казачества второй половины XVIII в. генерал-майор А.И. Ригельман разделял казаков, но по расположению станиц на берегах рек – Дона и его притоков (Ригельман, 1992: 169–171). Известный донской экономист С.Ф. Номикосов справедливо видел разделение донских казаков на верховых и низовых еще при царе Федоре Ивановиче. «Царь жаловал более верховых казаков, за что низовые, несшие в действительности большую воинскую тяготу, были недовольны», – писал он (Номикосов, 1884: 15).

Особенности типа казаков не только на Верхнем и Нижнем Дону, но и по округам Богачев очень хорошо знал, поскольку сам был казаком. Его характеристики основывались не только на особенностях языка, но и на культурных различиях. Так, он отмечал, что в Черкасском округе казаки «представляют наиболее яркий низовый тип, гордый своим казачьим званием, щеголяющий одеждою и манерами, внешним лоском на городской лад». Они даже «насмешливо относятся к простоватым уроженцам более высоких станиц» (Очерки, 1919: 420). Несколько иным было положение на Верхнем Дону. В Вешенской и в соседних станицах, писал он, на местном казачьем населении «лежит какой-то еще неуловимый, но ясно уже ощущаемый отпечаток влияния соседства поглощенной торговыми интересами Воронежской губернии» (Очерки, 1919: 478). Особенностью Второго Донского округа он считал значительное количество старообрядцев, которые сохраняют «старинный уклад жизни» (Очерки, 1919: 456). Донской читатель это вполне представлял. Однако для российского читателя далеко не всегда было известно о культурно-исторических типах донского казачества, сложившихся в местах их традиционного проживания.

Для характеристики донских калмыков в книгу включен обширный очерк донского исследователя И.П. Попова о калмыках. Этот очерк включает в себя исторический обзор от времени походов Чингисхана до вхождения части калмыков в состав Войска Донского. Уделено также внимание истории калмыцкой культуры, в частности деятельности в XVII в. просветителя монгольских народов Зая Пандиты. Вместе с тем давались этнографические характеристики другим слоям населения Дона, русским и украинским крестьянам и разным народам, жившим на Дону. Территория Всевеликого Войска Донского была представлена Богачевым как место мирного сосуществования разных культур и хозяйственно-бытовых укладов. Об остроте земельного вопроса на Дону, о сложностях взаимоотношений между казаками и крестьянами Богачев не упоминал. В условиях острейшей Гражданской войны на Дону, в которой аграрный вопрос занимал ведущее место, верхушка Войска Донского, поддерживавшая издание книги Богачева, не стремилась привлекать внимание читателя к этому вопросу и к связанной с ним сословной и социальной розни во внутренней жизни Дона.

Обстановка Гражданской войны сказывалась, кроме того, на содержании книги самым непосредственным образом. Богачев сопоставлял красных, против которых в 1918–1919 гг. воевало Всевеликое Войско Донское, с азиатскими ордами, которые, «гонимые нуждою, земельной теснотою и бедностью», «устремлялись в цветущие страны, неся разрушение, разорение мирной культуры». Он подчеркивал, что «в наши дни Дон оказался на пути» этих сил разрушения (Очерки, 1919: 14). Такая точка зрения была на Дону в период Гражданской войны весьма распространенной и популярной. Она соответствовала настроению значительной части казачества, самым серьезным образом опасавшегося прихода в пределы области большевиков и репрессий со стороны советской власти за участие в Гражданской войне.

3. Заключение

Таким образом, активно развивавшееся в конце XIX – начале XX вв. страноведение уделило внимание Дону как одной из крупных и самобытных частей России, со своими очень существенными особенностями истории и культуры. Материалы, относящиеся к Дону, позволяют сделать вывод, что в рамках страноведения историческая часть, наряду с географией страны, составляла основу ее описания. Оно включало в себя также, помимо исторического материала, демографию, экономику и статистику. В страноведческих описаниях все это сводилось к характеристике главной проблемы – человека на земле. Но при этом во всех сочинениях страноведческой направленности при изложении

событий, явлений и процессов донской истории авторы сумели удержаться от географического детерминизма и от прямого объяснения хода истории особенностями географии Дона. При этом страноведческие описания носили популярный характер и были рассчитаны на широкого читателя, но при этом заинтересованного и образованного, имевшего определенные знания о регионе и его истории и желавшего их пополнить. Из исторической части страноведческих описаний Дона видно, как в ходе исторического развития на этой территории менялся человек, превращаясь из промысловика и воина в человека нового общества, вступающего на путь модернизации, как общие тенденции в развитии культуры проявлялись в жизни и в повседневном быту человека и общества. Вместе с тем из этой части заметно проявление общей тенденции к гуманизации культуры, которая проявлялась на рубеже XIX–XX вв. В целом историческая часть страноведческих описаний Дона содержит положения, соответствующие распространенным в обществе представлениям, стереотипам массового исторического сознания, и подкрепляет их. Так, иногда указывается на связь между донскими казаками и Ермаком и даже на пребывание атамана-завоевателя Сибири в роли атамана одного из донских казачьих поселений, причем это были представления не только казачества, но и других слоев донского населения. Кроме того, в исторических описаниях в отдельных случаях содержатся и некоторые другие исторические неточности. Но даже с учетом данных недостатков можно сказать, что заинтересованный читатель получал общее представление об истории Дона, об исторических предпосылках возникновения того состояния, которое переживал край на время создания описания, и о важнейших сторонах современной жизни населения.

Литература

- [Александровская, 1972](#) – Александровская О.А. Французская географическая школа конца XIX – начала XX века. М.: Наука, 1972.
- [Афанасьев, 1980](#) – *Афанасьев Ю.Н.* Историзм против эклектики. Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. М.: Мысль, 1980.
- [Баранский, 1980](#) – Баранский Н.Н. Страноведение и география физическая и экономическая / Избранные труды. Научные принципы географии. М.: Мысль, 1980.
- [Живописная Россия, 1899](#) – Живописная Россия. СПб.: Изд. товарищества М.О. Вольф, 1899. Т. 7. Ч. 2.
- [Исторические сведения..., 1886](#) – Исторические сведения Войска Донского о Верхне-Курморской станице, составленные из сказаний старожил и собственных примечаний, 1818 года декабря 31 дня, Евлампия Кательникова. Новочеркасск, 1886.
- [Козырева, 2012](#) – *Козырева А.М.* Страноведение. Учебное пособие. Ярославль, 2012.
- [Корниенко, 2013](#) – *Корниенко Б.С.* Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2013.
- [Машбиц, 2001](#) – *Машбиц Я.Г.* Основы страноведения. Книга для учителя. М.: Просвещение, 1999.
- [Мироненко, 2001](#) – *Мироненко Н.С.* Страноведение. Теория и методы. М.: Аспект Пресс, 2001.
- [Новикова, Сиземская, 1997](#) – *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Русская философия истории. Курс лекций. М.: Магистр, 1997.
- [Номикосов, 1884](#) – *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание области Войска Донского. Новочеркасск, 1884.
- [Очерки географии..., 1919](#) – Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919.
- [Полное собрание...: № 5681](#) – Полное собрание законов Российской империи. Т. 8. № 5681.
- [Реклю, 1898](#) – *Реклю Э.* Земля и люди. Всеобщая география. В 10-ти кн. Пер. под ред. С.П. Зыкова. СПб.: Общественная польза, 1898. Кн. 3.
- [Ригельман, 1992](#) – *Ригельман А.И.* История о донских казаках. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1992.
- [Россия, 1910](#) – Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского и под общим руководством П.П. Семенова-Тян-Шанского и акад. В.И. Ламанского. СПб.: Изд. А.Ф. Дервиена, 1910. Т. 14. Новороссия и Крым.
- [Румянцева, 2002](#) – *Румянцева М.Ф.* Теория истории. М.: Аспект Пресс, 2002.
- [Сухоруков, 2001](#) – *Сухоруков В.Д.* Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону: Изд-во ГинГо, 2001.
- [Трапш, 2006](#) – *Трапш Н.А.* Теоретико-методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: опыт эволюционной реконструкции. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2006.
- [Шпенглер, 2003](#) – *Шпенглер О.* Закат Европы. В 2-х т. М.: Айрис-пресс, 2003. Т. 1.

References

- [Alexandovskaja, 1972](#) – *Alexandovskaja O.A.* (1972). Francuzskaja geograficheskaja shkola konca XIX – nachala XX veka [French geographical school of the late XIX–early XX century]. М.: Nauka.
- [Afanasjev, 1980](#) – *Afanasjev Ju.N.* (1980). Istorizm protiv eklektiki. Francusskaja istoricheskaja shkola «Annalov» v sovremennoj burshuaznoj istoriografii [Historicism versus eclecticism. French historical school "annals" in modern bourgeois historiography]. М.: Mysl.

- Baranskij, 1980** – *Baranskij N.N.* (1980). Stranovedenie i geografija fizicheskaja i ekonomicheskaja [Geography and geography physical and economic]. Izbrannye trudy. Nauchnyje principy geografii. M.: Mysl, 1980.
- Zhivopisnaja Rossija, 1899** – *Zhiwopisnaja Rossija* [Picturesque Russia]. Isdaniye tovarishestwa M.O. Volf. 1899. T.7. Ch.2.
- Istoricheskie svedeniya, 1886** – Istoricheskie svedeniya Vojska Donskogo o Verhne-Kurmojarskoj stanice, sostavlennoye iz skazanij staroshilov i sobstvennyh primechanij, 1818 goda dekabrya 31 dnja, Evlampija Katelnikova [Historical information about the upper Don Cossacks Army the village, compiled from stories of old-timers and their own notes, 1818 Dec 31, Evlampija Kotelnikova]. Novoherkassk, 1886.
- Kozyreva, 2012** – *Kozyreva M.A.* (2012). Stranovedenie [Country geography]. Uchebnoe posobie. Jaroslavl.
- Kornienko, 2013** – *Kornienko B.S.* (2013). Pravyj Don: Kazaki i ideologija nacionalizma (1909-1914) [Right Don: Cossacks and the ideology of nationalism (1909-1914)]. SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta.
- Mashbic, 1999** – *Mashbic Ja.G.* (1999). Osnovy stranovedeniya [Basics of country studies]. Kniga dlja uchitelja. M.: Prosvesheniye.
- Mironenko, 2001** – *Mironenko N.S.* (2001). Stranovedenie. Teorija i metody [Regional geography. Theory and methods]. M.: Aspekt Press.
- Novikova, Sizemskaja, 1997** – *Novikova L.I., Sizemskaja I.N.* (1997). Russkaja filosofija istorii [Russian philosophy of history]. Kurs lekcij. M.: Magistr.
- Nomikosov, 1884** – *Nomikosow S.F.* (1884). Statisticheskoe opisaniye Oblasti vojska Donskogo [Statistical description of the Don Army]. Novoherkassk.
- Ocherki, 1919** – Ocherki geografii Vsevelikogo Vojska Donskogo. Novoherkassk, 1919 [Sketches of geography of the all-great Don Army]. Novoherkassk, 1919.
- Polnoe sobranie** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. T.8. [Full collection of laws of the Russian Empire].
- Reklu, 1898** – *Reklu E.* (1898). Zemlja i ludi. Vseobshaja geografija [Land and people. General geography]. V 10-ti kn. Per. pod red. S.P. Zykowa. SPb.: Obshestwennaja polza.
- Rigelman, 1992** – *Rigelman A.I.* (1992). Istorija o donskih kazakah [History of the don Cossacks]. Rostov-na-Donu: Rostizdat.
- Rossija, 1910** – Rossija. Polnoe geograficheskoe opisaniye nashego otechestwa [Russia. Full geographical description of our Fatherland.]. Nastolnaja i dorozhnaja kniga pod red. V.P. Semenowa Tjan Shanskogo i pod obshim rukovodstwom P.P. Semenowa Tjan Shanskogo i akad. V.I. Lamanskogo. SPb., Izd. A.F. Derviemna, 1910. T.14. Novorossija i Krym.

История российского региона в контексте страноведения (научно-популярная географическая литература конца XIX – начала XX вв. о Доне)

Николай Александрович Мининков ^{a, *}, Людмила Владимировна Мининкова ^a

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. На рубеже XIX–XX вв. получило развитие страноведение. Оно стало одной из популярных отраслей комплексного гуманитарного и географического знания. В этот период появились фундаментальные труды по страноведению, которые относились к России и ее территориям, в том числе к области Войска Донского. В крупнейших трудах по страноведению этого времени в популярной форме излагались вопросы истории Дона в связи с вопросами его демографии, этнографии, экономики и с характеристикой населенных пунктов. К таким трудам относятся очерки из «Живописной России», написанные Д.Л. Мордовцевым, раздел переведенного на русский язык труда «Земля и люди» Э. Реклю, разделы из труда «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», созданного под общим руководством П.П. Семенова и из «Очерков географии Всевеликого Войска Донского» В.В. Богачева. В этих очерках и разделах обращается внимание на особенности истории края казачества как его коренного населения, на изменения в разных сферах внутренней жизни, происходившие в ходе исторического развития. В центре внимания очерков – человек, его культура, процессы формирования из промысловика и воина в человека нового времени, происходившие под воздействием постепенно развивавшихся модернизационных процессов. Очерки и разделы не лишены некоторых исторических неточностей. Появление на рубеже двух столетий подобной литературы свидетельствует о возрастании общественного интереса к географии и истории стран и регионов и об общей гуманизации культуры, в которой проблема человека на земле занимает все более заметное место.

Ключевые слова: страноведение, история, научно-популярная литература, история Дона, донское казачество, Д.Л. Мордовцев, Э. Реклю, П.П. Семенов, В.В. Богачев.

* Корреспондирующий автор

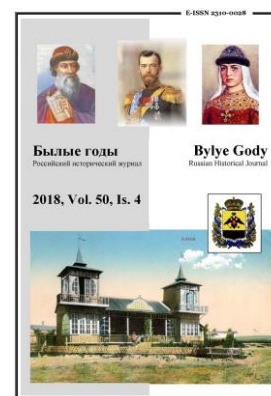
Адреса электронной почты: namininkov@sfedu.ru (Н.А. Мининков), lvmininkova@sfedu.ru (Л.В. Мининкова)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1684-1694. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1684
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

On Certain Questions Concerning Education in Jadidist Schools in the Kazakh Steppe (the late 19th – the beginning of the 20th centuries)

Kuanysh M. Murzakhodzhayev ^{a, b, *}, Zhuldyz M. Tulibayeva ^{a, b, c}

^a Institute of History and ethnology named after Ch.Ch. Valikhanov, Kazakhstan

^b Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

^c Suleyman Demirel University, Kazakhstan

Abstract

The article is dedicated to the history of the emergence and spread of Jadid schools in the territory of modern Kazakhstan. In the late 19th – the early 20th centuries, under the influence of the Jadidist reforms in the sphere of religious education in the Russian Empire, the movement for the introduction of new-method schools began in the Kazakh steppe. The situation in Kazakh maktab and madrasas, where there was no general program and terms of students' education, secular disciplines were not taught, the Kazakh language was not studied, required radical changes and transformations of old-school Kazakh schools. In this article, based on unpublished and published materials of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, as well as research works of Kazakhstani and foreign researchers, including the work of contemporaries and participants of the processes under study, the authors study the history of Kazakh religious schools transformation, and the introduction of a new education system in maktab and madrasas.

The attempts made to improve the religious education system in the Kazakh steppe were successful. A unified curriculum was developed, where along with religious disciplines and secular subjects such as algebra, geometry, astronomy, geography, history were studied. In addition, Russian and Kazakh languages were added to the new program. The age of students and length of training were defined and strictly set. The study of the history of the development of the Kazakh religious education system, the issues associated with its formation, is of undoubted interest for the scholars studying modern religious educational institutions in Kazakhstan.

Keywords: the Kazakh Steppe, religious education system, maktab, madrasa, Jadid schools, new method of teaching.

1. Введение

На рубеже XIX–XX веков в Российской империи в ходе развития различных просветительских течений появились джадидистские школы – мусульманские учебные заведения с новой системой образования. Успехи образовательных реформ джадидов России оказали огромное влияние на возникновение и распространение джадидистских школ в Казахской степи. Существовавшая старая система обучения учащихся в казахских мектебах и медресе уже не отвечала требованиям времени, и уровень образованности основной части местного населения оставался весьма низким.

Мусульманские учебные заведения в Казахской степи прошли сложный путь становления, не простым был и сам процесс внедрения в них новых методов обучения. Однако до настоящего времени многие аспекты истории реорганизации казахских старометодных школ остаются все еще не исследованными.

* Corresponding author

E-mail addresses: kuka_ist@mail.ru (K.M. Murzakhodzhayev),
zhuldyz.tulibayeva@sdu.edu.kz (Z.M. Tulibayeva)

2. Материалы и методы

В статье использован широкий спектр архивных данных, исследования казахстанских и зарубежных ученых. В рамках статьи, в контексте развития джадидистских учебных заведений в Казахской степи, уделено внимание некоторым статистическим данным по областям, приведен сравнительный анализ количества новометодных школ и учеников, проанализированы основные различия между старометодными кадимистскими школами и новыми джадидистскими образовательными учреждениями. В работе использованы материалы из Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) и некоторые материалы из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО). В качестве источников привлечены также дореволюционные свидетельства по истории распространения ислама и идеи просвещения. Газета «Тарджимон – Переводчик» также является неотъемлемой частью источников, где печатались информации о новометодных школах, программах обучения, об учителях и воспитанниках этих учреждений и т.д.

Неотъемлемую часть источниковой базы представляет собой Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП), который издавался с 1834 года и продолжал выходить вплоть до революции 1917 г. На его страницах печатались Высочайшие указы и повеления, министерские распоряжения и отчеты по вопросам народного просвещения. Помимо официального направления, в журнале большое место занимали дискуссионные материалы по актуальным вопросам образования, научные статьи, критика и библиография по гуманитарным дисциплинам.

Среди публикаций начала XX века по теме образования новометодных школ вызывает особый интерес статья главы Министерства народного просвещения Н.А. Бобровникова. Относительно новометодных школ он отмечает, что реформы в системе мусульманского образования связаны с мусульманскими съездами и идеями пантюркизма (Бобровников, 1913: 43). О роли и значении новометодных школ и медресе можно встретить у ориенталиста и этнографа Н.П. Остроумова. Он высказывает мнение о необходимости разработать новый подход к надзору и регулированию деятельности мусульманских школ и медресе.

Исследование построено на принципах объективности и историзма, что позволит получить некоторое представление о ходе и специфике процесса распространения джадидистских учебных заведений в Казахской степи. А также позволяет рассмотреть систему религиозного образования в стране через призму прогрессивных просвещенческих идей джадидизма. Использование авторами проблемно-хронологического и ретроспективного методов дает возможность всесторонне рассмотреть проблему формирования системы религиозного образования в Казахской степи в конце XIX – начале XX вв.

3. Обсуждение

Из дореволюционных исследований можно выделить работы русских миссионеров, чиновников и административных работников. Среди дореволюционных исследователей можно выделить труды следующих авторов, таких, как Н.И. Ильминский (Ильминский, 1883), С.М. Граменицкий (Граменицкий, 1896), Н.П. Остроумов (Остроумов, 1906), Н.А. Бобровников (Бобровников, 1913) и др. В этих работах описывается состояние народного просвещения в Средней Азии, дается информация о русско-туземных школах, мусульманских мактабах и медресе.

К примеру, Н.И. Ильминский еще в 1884 году, как только начались распространяться идеи джадидизма, категорически был негативно настроен против учения И. Гаспринского, так как он понимал, что в основе идеи лежит цель объединения всех тюркоязычных мусульман царской империи. Следующий исследователь Н.А. Бобровников отмечал, что из-за равнодушия местной администрации к нуждам мусульманского населения стали открываться новометодные школы, которые тяготели к получению светского образования. По мнению педагога и миссионера Н.А. Бобровникова, русские учителя Туркестанского края должны изменить свои взгляды, оставить дух соперничества и вместо этого по достоинству дать педагогическую оценку деятельности новометодных школ и всесторонне помогать им. Но, так как вышеупомянутые авторы являлись преданными служителями царской империи и преследовали цель полного обрусения коренного населения, в их работах отчетливо прослеживается односторонняя оценка новометодных школ в качестве нежелательного и опасного элемента, и принижается роль этих мусульманских образовательных центров.

Одним из значимых трудов в первых годах советской власти является «История культурной жизни Туркестана» В.В. Бартольда. Автор уделяет внимание открывающимся в Казахской степи новометодным школам, подробно рассказывает о системе обучения. По мнению В.В. Бартольда, новометодные школы, функционировавшие параллельно с русско-туземными школами, имели большой авторитет среди местного населения. Также он упоминает и о казахских (киргизских) мусульманских мактабах, к примеру, даются сведения о новометодной школе в Казалинске, которая была открыта в 1903 году, где преподавал местный киргиз по новому звуковому методу (Бартольд, 1927: 138).

В 20–30 гг. XX в. тема просвещения казахского народа затрагивается в работах С. Асфендиярова и М. Тынышпаева. М. Тынышпаев пишет о колониальной политике царского

правительства в сфере образования (заккрытие мечетей, положение об обязательном обучении русскому языку, о количестве мечетей и мулл на один аул и т.д.). Он предлагает прекратить творящееся беззаконие и предоставить решение вопросов религии и образования местному населению, ограничить насильственное крещение казахов (Тынышбаев, 1998: 28). А Асфендияров высказывает мнение, что бывшие ученики новометодных школ, а ныне представители казахской интеллигенции поддерживают идеи джадидизма и пантюркизма. А другая часть интеллигенции, которая получила образование в русских гимназиях, склонна к русской культуре (Асфендияров, 1993: 270). В своих исследованиях авторы описали колониальную политику царской власти, проводимую в сфере образования в Казахской степи.

После продолжительной паузы выходит в свет книга Т.Т. Тажибаева (Тажибаев, 1962). Автор положительно высказывается о присоединении Казахстана к Российской империи, доказывая, что благодаря русской культуре казахи стали образованными и культурными гражданами империи. Очень поверхностно дана информация о народных школах, так как большое внимание было уделено восхвалению колонизаторской политики царизма в сфере образования.

В современной исторической науке вопросы распространения джадидизма на территории современного Казахстана и проблемы устройства системы духовного образования в конце XIX – начале XX веков сравнительно недавно получили свою актуализацию. Среди казахстанских исследователей следует отметить научные публикации таких авторов, как М.К. Койгельдиев (Койгельдиев, 2004), С.О. Смагулова (Смагулова, 2014), Н.Д. Нургазина (Нургазина, 2016). Авторы единодушны в своих выводах о том, что новометодные школы играли важную роль в повышении образованности местного населения, несмотря на слабую материальную оснащенность мектебов и медресе.

Из англоязычных исследователей можно привести работы таких авторов, как М.А. Беннингсен (Беннингсен, 1983), А. Халид (Adeeb Khalid, 1999), Томохико Уяма (Tomokhiko Uyama, 2012) и др. В данных исследованиях основное внимание было уделено теоретическим основам становления и развития джадидизма, вопросы обучения в новометодных школах в Казахской степи авторами вышеназванных работ не рассматривались.

4. Результаты

Джадидское движение, образовавшееся в конце XIX века в Татарстане, начало распространяться по всей территории Российской империи. Корень термина «джадидизм» связан с понятием «усуль-и джадид», который в арабском языке означает «новый метод», получивший свое развитие в ходе становления «новометодной» системы просвещения у татар (первоначально у крымских татар). Джадиды ставили перед собой цель реформировать духовную и образовательную системы в стране. Масштабы влияния были просто колоссальными: вся территория Российской империи, Центральная Азия, Османская империя, Кавказ. Местные чиновники были обеспокоены таким положением дел, к тому же местное население всячески поддерживало новое течение. К примеру, директор Департамента полиции Российской империи Васильев дает следующее определение стремлениям джадидистов: «Сторонники же новых веяний (джадиды – авт.) в своих сочинениях призывают население России к образованию, к приобретению практических знаний как в области ремесел и промышленности, так и в изучении иностранных языков, дабы оно было культурно и богато» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 11. Ч. 3. Л. 60б.). По его словам, представители идеи джадидизма призывают своих единоверцев не в единую русскую школу или гимназии, а в особые татарские учебные заведения высшей мудрости, где западная наука должна будет наряду с Кораном преподаваться на татарском языке. Также Васильев утверждает, что новаторы стремятся осмыслить свою веру, очистив ее от суеверий и невежественных толкований мулл, тем самым укрепить свою народность и расширить область применения родного языка в литературной, научной и религиозной сферах (ЦГА РК Ф. 369. Оп. 1. Кн. 1. Д. 780. Л. 7–8).

Одной из центральных задач джадидизма была реформа школьной образовательной системы, а не каноны исламской религии. Эта реформа предусматривала отказ от средневековой схоластики и преподавание светских наук, особенно делался акцент на русский язык. По мнению джадидов, методы обучения старых школ изжили себя и не отвечают требованиям нового времени. Видный представитель джадидизма Р. Фахретдин утверждал, что схоластика ведет к стагнации и гибели использующих ее народов (Хабутдинов, 2008: 35).

Со временем идеи просвещения джадидов стали находить отклики в обществе. К примеру, в письме казанского мещанина Ахметсафы Сабитова, опубликованного в газете «Тарджимон», написано следующее: «...Все имеющие средства должны, кроме религиозного обучения, приобрести познания и во всех других науках, как делают другие народы. Надо учиться, будь то по-русски, по-французски или по-другому; позже можно перевести полезные книги на родной язык для общего пользования. Мы не должны игнорировать медицинского, математического и всякого многого образования». Автор этого письма также призывает зажиточных людей вкладывать деньги в образование своих детей (Загидуллина, 2014: 66).

После такой масштабной агитации в средствах массовой информации народ постепенно начал прислушиваться к призывам. Местные зажиточные слои населения в виде торговцев, аульных

старшин, богачей стали на местах строить мечети, а рядом открывать мектебы и медресе. Проблемы с учебниками решил сам И. Гаспринский, написав и издав книгу для детей под названием «Ховадже-и субьян» (Учитель детей) и для учителей «Рахбер муалими», «Тюркской хрестоматии» (Муканова, Муканов, 2013). Эти учебные пособия были написаны для обучения новому звуковому методу, о чем мы расскажем позже.

С распространением ислама в Казахской степи начали создаваться мусульманские очаги знаний. Вначале основам религии обучали в самой мечети, но после увеличения числа правоверных и с появлением новых вызовов времени были организованы специальные учебные центры с высококвалифицированным муллой во главе. Эти религиозные образовательные заведения разделялись на школы (мектебы) и медресе. Мектебы (от арабского слова «мактаб», что в переводе означает «там, где пишут») – это начальные школы, где учат детей читать и писать на арабском языке и изучают Коран. А медресе (от арабского «мадраса» – «место, где изучают») считалось высшим учебным заведением, где воспитывали детей по духовно-этическим нормам шариата, готовили знатоков религиозно-правовых законов (Остроумов, 1906: 116). Также в медресе готовили преподавателей для мектебов. По мнению Н.П. Остроумова, медресе в Туркестане и в целом в Средней Азии, несмотря на слабую материальную оснащенность, выступали в качестве интеллектуальных и нравственных центров (Остроумов, 1907: 13).

Ислам призывает изучать Коран, учиться разным ремеслам, быть образованным и полезным для своего общества. Поэтому принявшие мусульманство народы всегда стремились строить мечети и открывать при них медресе. Эта тенденция присутствовала и у казахов, у которых, несмотря на кочевой и полукочевой образ жизни, функционировали учебные центры, так называемые «кочевые гимназии», где преподавали местные муллы. Окончив обучение у этих мулл, дети отправлялись в медресе для продолжения учебы (ГАОО. Ф. 21. Т. 2. Д. 618. Л. 409).

В конце XIX в. длительность обучения в духовных школах не была официально определена. Религиозные школы в основном функционировали на средства от пожертвований всего народа и личные взносы богачей. В мектебах дети учились от 3 до 5 лет, в медресе – от 7 до 12. Длительность обучения зависела от способностей ученика и состояния его здоровья. Некоторые по состоянию здоровья не могли окончить класс и поэтому оставались на второй год, вследствие чего возраст учеников в классах был разным. Например, в первом классе встречались ученики от 7 до 15–17 лет. Число учеников мектеба обыкновенно не превышало 80 мальчиков в возрасте от 6 до 15 лет. Иногда учащихся бывало не более 8 человек. Общей закрепленной школьной программы также не существовало. Курс обучения завершался по окончании изучения какой-либо одной книги.

В первые годы обучения проходили арабскую графику и изучали «Хафтияк» (седьмая и последняя части Корана, которые выпускались в виде отдельной книги и в царское время использовались в качестве учебного пособия в мусульманской школе), на втором году обучения читали тексты Корана. За день проходили по две-три буквы и заучивали тексты Корана. Ко всему прочему, в процессе обучения использовали различные учебные пособия: «Иман шарт» («Сущность религии»), «Чар-Китаб» («Четверокнижье») – популярное изложение основ ислама, на татарском языке читали «Бадауам» (татарское стихотворение о богоугодных и богопротивных поступках), «Кырык Фарыс» о сорока заповедях и различные тексты шариата, молитвы и т.д. (Мустафина, 1992: 25).

Следующую ступень в старой духовной образовательной системе занимало медресе. Это учебное заведение ставило перед собой цель подготовить будущих религиозных представителей имамов (мулла, молда, кари). Традиционная программа включала в себя такие предметы, как арабский язык, морфология, синтаксис, философия, догматизм и т.д. Основной уклон делался на религиозное образование. Светские науки преподавались в качестве предметов по математике («Фараиз», «Шамсия»), по логике («Исагоги»), ученики также проходили различные курсы по трактатам, торговле, гигиене и т.д. (Кулбахтина, 2012: 115).

До конца XIX в. в мектебах и медресе велись уроки по старому методу (кадимизм). Все вышеназванные учебные заведения следовали старому методу обучения, который не соответствовал требованиям и запросам нового времени. Шакирды при поступлении в школу начинали свое обучение с заучивания арабских букв методом устного повторения. Тексты из Корана учащиеся тоже должны были выучить наизусть. Все это сводилось к схоластике, о чем мы говорили раньше. В традиционных школах не изучался родной язык. Соответственно, после обучения шакирды не владели навыками для объяснения религиозных вопросов на родном языке. Та же ситуация складывалась и у выпускников медресе.

Итак, до распространения новометодных школ в стране функционировали мектебы и медресе. Несмотря на применение старого метода обучения, эти религиозные учреждения готовили и выпускали будущих мулл и имамов.

Несмотря на использование старого метода обучения и надзор царской администрации, количество мектебов и медресе из года в год только увеличивалось. К примеру, как указывается в материалах Семиреченского генерал-губернаторства, в 1886 г. в области 7909 детей получали мусульманское образование (из них 6157 мальчиков и 1752 девочки). Им преподавали муллы – 361 человек (Койгельдиев, 2004: 160). А в 1891 г. в Семиреченской области насчитывалось 64 мектеба и медресе с количеством учеников – 1251, в 1895 г. 74 мектеба и медресе готовили 9086 шакирдов, в

1897 г. в 88 мектебах и медресе получали знания 12835 детей. В материалах о религиозных школах по Туркестанскому краю за 1907 г. указано, что в Семиреченской области было зафиксировано 243 мектеба с 6076 учениками (ЦГА РК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 487. Л. 101). Но сколько из этих школ являются новометодными, к сожалению, сведений не имеется, что можно объяснить тем, что местная администрация стала уделять им внимание только с 1908 г., после указания ревизии сенатора К.К. Палена (Бендриков, 1960: 257).

В 1871–1916 гг. в каждой из губерний, областей и градоначальств Российской империи издавались ежегодные обзоры, в которых публиковались разнообразные и многочисленные статистические данные по развитию региона, в том числе и народного образования. На их основе из этого печатного источника нами составлена таблица, в которой приводятся сведения о мусульманских учебных заведениях по тем областям Российской империи, которые располагались по большей части на территории современного Казахстана (см. таблицу 1). Сведения о мусульманских школах в Тургайской области за 1894 г. приводятся на основе архивных данных однодневной переписи начальных школ, приводимых в исследовании А.И. Сембаева (Сембаев, 1962: 19).

Таблица 1. Мектебы и медресе в конце XIX – начале XX вв.

№	Область	Год	Количество мектебов и медресе			Количество учащихся		
			Общее количество	мектебы	медресе	Общее количество	муж. пол	жен. пол
1	Акмолинская область	1890	27	-	-	1170	849	321
		1895	13	-	-	693	578	115
		1907	15	-	-	970	895	75
		1911	31	19	12	1298	-	-
		1914	29	19	10	1424	-	-
2	Семипалатинская область	1895	17	-	-	892	846	52
		1903	14	-	-	700	655	45
		1908	21	-	-	932	752	180
3	Семиреченская область	1894	9	-	-	249	-	-
		1897	-	-	-	7859	-	-
		1900	63	-	-	2099	1611	488
		1907	243	-	-	6076	5208	868
		1908	246	-	-	5939	5198	741
4	Сыр-Дарьинская область	1892	1534	1479	35	27082	22704	4378
		1910	777	742	35	24424	21634	2790
		1911	771	739	32	23805	18855	4950
5	Тургайская область	1894	59	-	-	457	-	-
		1907	2	-	2	69	-	-
		1914	6	-	-	-	-	-
6	Уральская область	1899	81	-	-	1754	1512	242
		1902	58	-	-	1145	651	494
		1905	39	-	-	729	652	77
		1911	27	-	-	1259	981	278

Опираясь на статистические данные, приведенные в таблице, можно сказать, что в Семиреченской области наблюдается самый высокий рост увеличения количества мектебов и медресе, соответственно и рост числа учащихся. А в Тургайской области зафиксировано уменьшение мектебов и медресе, а также и учащихся. Контингент учеников в большинстве случаев состоял только из мальчиков, только в первое десятилетие XX века количество девочек начинает постепенно увеличиваться.

Согласно выявленным архивным материалам, в 1890 г. в Кустанайском уезде Тургайской области функционировали 104 школы с общим количеством 992 ученика, в Тургайском уезде – 4 медресе и более 25 мектебов. Получается, что в двух уездах области функционировали 4 медресе и более 129 школ. При этом, как указывается в архивных документах, у этих школ и учителей не было официальных документов, разрешающих вести просветительскую деятельность (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 780. Л. 27).

До 1868 года в Букеевской Орде располагалась единственная русско-казахская школа, а все остальные были мусульманские школы-медресе. В статистических данных инспекторов от 1872 г. говорится о наличии в регионе 38 мусульманских школ-медресе. В заметках «Астраханского вестника» от 1 января 1899 г. приводятся данные, где указано наличие 60 мектебов-медресе с численностью 1679 детей, из них 1436 мальчиков и 243 девочки. Девочкам уроки вели жены мулл, которых насчитывалось 27 (Тажигаев, 1962: 82). А в 1904 г. в одном только Лбищенском уезде Уральской области существовал 71 мектеб-медресе, где учились 1211 детей, из них 1065 мальчиков и 146 девочек (Обзор Уральской области, 1904: 32). Американский историк Д. Балгамиз в своем исследовании пишет, что в 1896 г. в Уральской области было 198 мектебов-медресе, где обучались 4113 детей (Deniz Balgamis, 2000: 91).

Итак, на основе приведенных выше данных можно сделать вывод, что мусульманские центры просветительства плодотворно функционировали на всей территории Казахской степи. Число мектебов и медресе, а также количество обучающихся детей было довольно большим. Царское правительство вначале не уделяло большого внимания растущему количеству мусульманских учебных заведений, предполагая, что мусульманская школа без государственного покровительства со временем утратит свое значение (Керенский, 1892: 25). Несмотря на то, что занятия велись по старому традиционному методу обучения, желающих получить религиозное знание не уменьшалось. В будущем, после распространения идей джадидизма и нового метода обучения, многие из этих учебных заведений перейдут на новый, более эффективный и качественный метод обучения – «усуль-и джадид».

Востребованность реформирования образовательной системы была вызовом времени. Местные образовательные учреждения не могли конкурировать с западными образовательными центрами. Представителей казахской молодежи, получивших образование в университетах России, не удовлетворяла существующая в Казахской степи образовательная система. Они стремились повысить качество образования и равнялись на образовательные стандарты России, так как между русскими институтами и мусульманскими медресе разница в качестве образования была большой.

Выход из данной ситуации джадиды видели в отказе от старой рутинной системы обучения, в преобразовании мусульманских образовательных учреждений, при этом начальным шагом было введение новой звуковой методики обучения. Впоследствии начали открываться новометодные школы по всей Казахской степи. Структура образовательной системы джадидов: «ибтидаи» – начальное, «рушти» – специальное (среднее), «игдади» – высшее. Прогрессивные педагоги, сплотившись вокруг идеи джадидизма, методом сопоставления определенного звука к букве ввели звуковой метод обучения «усуль-саутия». Благодаря этому инновационному методу предполагалось облегчить усвоение учебного материала и сократить длительности обучения детей в школе с 6–7 лет до 2–3 лет (Байгараев, 2015: 279–280).

В городских новометодных мектебах преподавали учителя-муллы из татар, прибывшие из России. Количество учеников достигало до 50–60. А в аульных мектебах учились около 10–12 учеников, занятия вел местный мулла (Смагулова, 2012: 4). В основном изучали арабский язык, религию, риторику, восточную литературу, физику, математику, химию, астрономию, ботанику, алгебру, геометрию и другие предметы.

Новометодные школы и медресе быстро прижились в Казахской степи, о чем свидетельствуют данные: в конце XIX в. функционировали медресе «Баба Ата» в Созаке, в Кызылорде – медресе «Мырзабай ахун», в Семиречье – «Мамания», в Турге – «Туз», в Уральске – «Мутыгия», «Рахибия», «Бузуов», в Букеевской Орде – «Орда», в Семипалатинске – «Ахмет Риза», «Аягуз», «Сары Хисмат», в Джезказгане – «Дулыгалы», в южных регионах – «Святой ишан», «Халфе», «Шамухамед ишан», «Мулла Хашыр дамолла», «Абулхаир кази» и другие медресе (Абрасилкызы, 2013: 17).

В начале XX в. медресе «Калжан ахун» в Кызылорде (1902 г.), «Мамания» в Талдыкургане (1905), «Корам» в Алматы (1910–1911), «Абдукадыр» в Таразе (1912) играли существенную роль не только в религиозном образовании, но и в культурно-просветительном развитии населения. В этих медресе работали такие известные и популярные личности, как Машхур Жусуп Копеев, Науан Хазрет, Досжан ишан и др. (Дербисали, 2008: 190–191).

В конце XIX – начале XX веков среди местного населения начали открываться новометодные школы. Об этом процессе писали на страницах газеты «Тарджимон», описывая состояние дел в джадидистских школах. К примеру, в данной газете было напечатано следующее сообщение: «Из Сергиополя Семиреченской области нам пишут, что до последнего времени в этом городе не было медресе, где бы дети-мусульмане обучались религии. Недавно приглашенный имам Хабибулла Махзум Казыев открыл хорошее медресе и успел собрать до 70-ти учеников. Начальное обучение в этом медресе будет преподаваться по новому методу, следуя учебнику «Ховадже-и Субьян». Мудеррис окончил курс мусульманских наук в г. Троицке в медресе дамолла Ахмед Гаджи газрета» (Загидуллина, 2014: 57).

Благодаря нововведениям джадидов, срок обучения детей в школе значительно сократился. Когда основатель движения джадидизма И. Гаспринский открыл первую новометодную школу в Бахчисарае, где в процессе обучения детей использовался учебник «Ховадже-и субьян», в кратчайшие сроки звуковой метод начал приносить свои плоды. К примеру, на страницах газеты

«Переводчик» И. Гаспринский пишет следующее: «Из Москвы нам сообщают, что на экзамене мектеба, содержащегося муллой Сафа Алимовым, в присутствии почетных лиц и родителей дети 7–8 лет выказали небывалый успех в грамоте: начав обучение в октябре прошлого года, к марту сего года, т.е. в течение шести месяцев, новички уже могли писать и читать по-татарски и разбирать по-арабски. Успех детей удостоверен свидетельством присутствовавших, в числе которых есть также подпись известного Оренбургского купца и мецената Ахмеда Хусаинова. В этом мектебе принято руководством «Ховадже-и субъян» (Загидуллина, 2014: 59). Как мы уже упоминали выше, в старых мектебах обучение длилось от 3 до 5 лет, но при этом дети за этот промежуток времени могли вы зубрить только отдельные тексты Корана, навыками же чтения и письма они не владели.

«Ховадже-и субъян» («Учитель детей») И. Гаспринского был подготовлен на примере учебников для начальных классов «Детский мир» и «Родное слово» К.Д. Ушинского (Байгараев, 2016: 59). Во время обучения в Сорбонне И. Гаспринский ознакомился с новыми аналитико-звуковыми методами изучения алфавита, и эту систему он хотел внедрить в процесс обучения. И. Гаспринский стремился посредством приведения примеров из повседневной жизни, которые были понятны всем, усилить активность и интерес учащихся. Главные критерии учебного процесса по И. Гаспринскому – это активность, внимание, память. Его книга дала новый импульс образовательной системе и была опубликована на татарском языке в арабской графике, а также на русском языке.

Главными характерными отличиями новометодных джадидистских школ были следующие:

- длительность обучения была фиксированной (два года);
- конкретно определен возраст детей для принятия в школу – семь лет;
- в качестве учебника использовалась книга И. Гаспринского «Ховадже-и субъян»;
- обучение велось по новому звуковому методу;
- наряду с религиозными предметами также преподавались и светские науки (Ганкевич, 1998: 111).

Суть нового звукового метода заключалась в том, что на каждую букву арабского алфавита ставили определенную букву, например: с буквой «алиф» – соотносили звук «а», «ба» – «б», «ра» – «р», «фа» – «ф» и т.д., объяснялось чтение и писание каждой буквы в начале, середине и в конце письма. Этот новый метод был более эффективным, чем старый буквослоговательный (Гафаров, 2001: 51).

В первом разделе учебника детей учат запоминать буквы не по очередности арабского алфавита, а по схожести букв. К примеру, после ознакомления с буквой «б», где точка располагается внизу буквы, дальше изучается буква «н», похожая на предыдущую, но с точкой наверху. Такие же точки, но только внизу, имеют буквы «и», «й» и т. д. (Гаспринский, 1902: 35). Получается, что, проходя алфавит на основе арабской графики, изучая схожие по правописанию буквы, джадиды сумели облегчить курс обучения и значительно сократили его длительность.

Для сравнения можно привести пример обучения детей по старометодной системе, когда они просто повторяли слоги из букв в виде скороговорок. Ученики долгое время заучивали то, что произносили, хотя сами не понимали, о чем идет речь (Краснов, 1887).

Удостоверившись в пользе учебника «Ховадже-и субъян», учебные заведения в Казахской степи стали переходить на новый метод преподавания. Успехи этих новометодных школ нашли отражение на страницах журнала «Переводчик». В 12-м номере журнала опубликовано следующее сообщение, что в Семипалатинской области, в городе Каркаралинске, имам и мударрис г. Кешаф-эддин Шахмердан оглу, приняв в своем медресе за начальное руководство вышеупомянутый учебник, достиг поразительных успехов. После четырехмесячного обучения мальчики 8–10 лет научились читать, писать и уже могли понимать и разбирать всякую книгу или рукопись. Также все это было наглядно показано и удостоверено экзаменом учащихся (Загидуллина, 2014: 61).

Популярность джадидистских школ росла очень быстро. Наряду с открытием новых школ, старометодные школы и медресе начали переходить на новый метод обучения. В начале XX века под влиянием татар наблюдается увеличение числа новометодных школ. Для сел и аулов же был более характерен процесс постепенного перехода традиционных школ на новую систему обучения. В городе Туркестан также из 30-ти старометодных школ две перешли на новый метод обучения (Бартольд, 1927: 137).

В городах Акмолинске, Семипалатинске, Каркаралинске, Верном и Капальске школы, работавшие с 1870–1883 гг. к 1904–1905 гг. перешли на прогрессивный метод обучения, а в 1909 году в Сырдарьинской области насчитывалось 39 новометодных школ, Семиреченской – 18 (ЦГА РК. Ф. 90. Оп. 4. Д. 189. Л. 20).

В 1903 году в городе Верном местный купец из татар Исках-бей Габдул-Велиев для преподавания по новому методу в медресе «Искахия» пригласил в качестве учителя Ахмедуллу. Горожанам понравилось качество преподавания занятий, а сами воспитанники Ахмедуллы, пройдя экзамен в школе, показали небывалый успех (Садвокасова, 2014: 162).

В Семиреченской области в городе Жаркент Вали Ахунд Элдашев на свои деньги построил мечеть и рядом обустроил медресе, на все это потратив 60 тысяч рублей (Загидуллина, 2014: 65). Также Хаммад Исмаилов, пройдя специальный курс обучения в Бахчисарае, возвратившись домой, начал обучать детей по новому звуковому методу в городе Лепсинск.

Анализируя сохранившиеся официальные источники по истории джадидистских школ и медресе и опираясь на весь накопленный материал, можно с уверенностью констатировать, что новометодные

школы и медресе были популярны среди местного населения и отвечали всем требованиям того времени. По материалам документов определено количество этих учебных заведений в конце XIX – начале XX веков, отличительные черты новометодной системы образования, механизм работы духовно-образовательной системы джадидов.

С появлением большого количества новометодных школ и медресе начало трансформироваться содержание традиционной методики обучения. Вместе с религиозными предметами в расписание обучения были включены и светские предметы, такие, как история, география, русский язык, арифметика, геометрия, гигиена, родной язык, риторика и т.д., что в значительной степени позволило повысить качество знаний, кругозор и практические навыки выпускников.

5. Заключение

Таким образом, в конце XIX – начале XX веков под влиянием джадидистских реформ в сфере религиозного образования в Российской империи в Казахской степи началось движение по внедрению новометодных школ. Сложившаяся ситуация в казахских мектебах и медресе, где отсутствовали общая программа и сроки обучения учащихся, не преподавались светские дисциплины, требовала коренных изменений и преобразования старометодных казахских школ. С целью повышения уровня образованности местного населения в Казахской степи прежняя программа обучения в мектебах и медресе была пересмотрена и заменялась новой.

Предпринятые попытки по усовершенствованию религиозной системы образования увенчались отдельными успехами. Была разработана единая учебная программа, где наряду с религиозными дисциплинами изучались светские науки, такие, как алгебра, геометрия, астрономия, география, история. В старометодных школах ученики изучали только арабский язык, а вводимая новая программа включала изучение русского и казахского языков. Были разработаны и строго установлены возраст и длительность обучения учащихся. Исследование истории развития мусульманских учебных заведений в Казахской степи и проблем, связанных с их становлением, представляет несомненный интерес для ученых и практиков, занимающихся современными вопросами религиозного образования.

Литература

Абдрасилкызы, 2013 – Абдрасилкызы А. Религиозная система образования в Казахстане: история, современное положение и актуальные проблемы / *Сборник Республиканской научно-практической конференции «Религиозное образование и просвещение как фактор предотвращения экстремизма и терроризма»*. Астана. 2013. С. 13–29.

Асфендияров, 1993 – Асфендияров С. История Казахстана. 2-е издание. Алма-Ата. 1993. 304 с.

Байгараев, 2015 – Байгараев Н.А. Социальные и политические идеи джадидизма / *Сборник материалов Международной научно-теоретической конференции «Казахское ханство: история, теория и настоящее»*. Алматы. 2015. С. 279–282.

Байгараев, 2016 – Байгараев Н.А. Система джадидистского образования в казахских степях в конце XIX – нач. XX вв. / *Сборник материалов Международной научно-теоретической конференции «Мир Фараби»*. Алматы. 2016. С. 58–60.

Бартольд, 1927 – Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Ленинград. 1927. 256 с.

Бендриков, 1960 – Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924 годы). М., 1960. 512 с.

Беннигсен, 1983 – Беннигсен А. Мусульмане в СССР. Париж. 1983. 88 с.

Бобровников, 1913 – Бобровников Н.А. Русско-гуземные училища, мектебы и медресы Средней Азии: Путевые заметки. СПб. 1913. 90 с.

Ганкевич, 1998 – Ганкевич В.Ю. Очерки истории крымско-татарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX – начале XX века). Симферополь. 1998. 164 с.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гаспринский, 1902 – Гаспринский И. Ховадже-и субъян. Багчасарай. 1902. Ч. 1. 80 с.

Гафаров, 2001 – Гафаров С. Исмаил бей Гаспринский: жизнь и деятельность // Исмаил Гаспринский – великий просветитель / Сост. Ф. Зиятдинов. Ред. кол. Т. Кулагина и др. Симферополь. 2001. 256 с.

Граменицкий, 1896 – Граменицкий С. Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Ташкент. 1896. 75 с.

Дербисали, 2008 – Дербисали А. Бриллианты и реликвии ислама. Алматы. 2008. 488 с.

Загидуллина, 2014 – Загидуллина И.К. Модернизационные процессы в татарско-мусульманском сообществе в 1880-е – 1905 гг.: документы и материалы. Казань. 2014. 532 с.

Ильминский, 1883 – Ильминский Н.И. Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческому языкам. Казань. 1883. С. 49.

Керенский, 1892 – Керенский Ф. Медресе Туркестанского края // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1892. № 4. Отд. 4. С. 18–25.

- Койгелдиев, 2004** – *Койгелдиев М.К.* Российская власть в Семиречье (XIX в. – 1917 г.). Астана. 2004. 216 с.
- Краснов, 1887** – *Краснов А.Н.* Киргиз-казаки Илийской долины. Очерк быта семиреченских киргиз. Известия Императорского Русского географического общества. 1887. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-turk.livejournal.com/352668.html>
- Кулбахтина, 2012** – *Кулбахтина А.З.* Традиционная школа мусульман Башкирии на рубеже XIX–XX веков: Монография. Уфа. 2012. 149 с.
- Муканова, Муканов, 2013** – *Муканова Г.К., Муканов М.К.* Идеи И. Гаспринского и «Алаш» / Электронный научный журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://e-history.kz/ru/contents/view/1483>
- Мустафина, 1992** – *Мустафина Р.М.* Представления, культы, обряды у казахов. Алма-Ата. 1992. 176 с.
- Нуртазина, 2016** – *Нуртазина Н.Д.* Распространение ислама и формирование казахской мусульманской традиции (VIII – нач. XIX вв.). Алматы. 2016. 354 с.
- Обзор Уральской области, 1904** – Обзор Уральской области за 1904 год. Уральск. С. 32.
- Остроумов, 1906** – *Остроумов Н.П.* Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае // *Журнал Министерства народного просвещения*. СПб. 1906. Ч. 1. С. 113–166.
- Остроумов, 1907** – *Остроумов Н.П.* Мадрасы в Туркестанском крае // *Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия*. Часть VII. СПб. 1907. Январь. С. 1–58.
- Сабитов, 1950** – *Сабитов Н.* Мектебы и медресе у казахов. Алма-Ата. 1950. 42 с.
- Садвокасова, 2014** – *Садвокасова З.Т.* От протектората к колонии Российской империи: Сборник документов и материалов. Алматы, 2014. 260 с.
- Сембаев, 1962** – *Сембаев А.И.* История развития советской школы в Казахстане. Алма-Ата. 1962. 344 с.
- Смагулова, 2012** – *Смагулова С.О.* Мусульманские образовательные учреждения и просветительские общества (конец XIX в. и начало XX в.) / Электронный исторический портал [Электронный ресурс]. URL: <http://e-history.kz/media/upload/1534/2014/06/24/42d327cf6de095518f14e5cae46631d2.pdf>
- Тажикаев, 1962** – *Тажикаев Т.Т.* Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. Алма-Ата. 1962. 507 с.
- Тынышпаев, 1998** – *Тынышпаев М.* История казахского народа / Сост. и авт. предисл.: А. Такенов, Б. Байгалиев. Алматы. 1998. 280 с.
- Хабутдинов, 2008** – *Хабутдинов А.Ю.* От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII – начало XX вв.). Казань. 2008. 214 с.
- ЦГА РК** – Центральный Государственный архив Республики Казахстан.
- Adeeb Khalid, 1999** – *Adeeb Khalid* (1999). *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley. 336 p.
- Deniz Balgamis, 2000** – *Deniz Balgamis* (2000). *The origins and development of Kazakh intellectual elites in the pre-revolutionary period*. Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements of the Degree of Doctor of Philosophy (History). Madison. 259 p.
- Tomohiko Uyama, 2012** – *Tomohiko U.* (2012). *The Alash Orda's relations with Siberia, the Urals, and Turkestan The Kazakh national movement and the Russian imperial legacy // Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts*. London; New York. 287 p.

References

- Abdrasilkyzy, 2013** – *Abdrasilkyzy A.* (2013). *Religioznaya sistema obrazovaniya v Kazakhstane: istoriya, sovremennoe polozhenie i aktual'nye problemy*. (Religious education system in Kazakhstan: history, current situation and actual problems). The collection of materials of the Republican scientific and practical conference on theme «Religious education and enlightenment as a factor in preventing extremism and terrorism». Astana: 13-29 pp. [in Kazakh]
- Adeeb Khalid, 1999** – *Adeeb Khalid*. (1999). *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley. 336 p.
- Asfendiyarov, 1993** – *Asfendiyarov S.* (1993). *Istoriya Kazakhstana*. [History of Kazakhstan]. 2nd edition. Alma-Ata. 304 p. [in Russian]
- Baigaraev, 2015** – *Baigaraev N.A.* (2015). *Sotsial'nye i politicheskie idei dzhadidizma*. [Social and political ideas of jadidism]. The collection of materials of the International scientific-theoretical conference. «Kazakh khanate: history, theory and the present». Almaty. pp. 279-282. [in Kazakh]
- Baigaraev, 2016** – *Baigaraev N.A.* (2016). *Sistema dzhadidskogo obrazovaniya v kazakhskikh stepyakh v kontse XIX – nach. XX vv.* [System of Jadid's education in the Kazakh steppes in the late XIX – early XX centuries]. The collection of materials of the International scientific-theoretical conference «Farabi World». Almaty. pp. 58-60. [in Kazakh]
- Bartol'd, 1927** – *Bartol'd V.V.* (1927). *Istoriya kul'turnoi zhizni Turkestana*. [History of cultural life of Turkestan]. Leningrad. 256 p. [in Russian]

- Bendrikov, 1960** – *Bendrikov K.E.* (1960). Ocherki po istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestane (1865–1924 gody). [Essays on the History of Public Education in Turkestan (1865–1924)]. Moscow. 512 p. [in Russian]
- Bennigsen, 1983** – *Bennigsen A.* (1983). Musul'mane v SSSR. [Muslims in USSR]. Parizh. 88 p. [in Russian]
- Bobrovnikov, 1913** – *Bobrovnikov N.A.* (1913). Russko-tuzemnye uchilishcha, mekteby i medresy Srednei Azii: Putevye zametki. [Russian-native schools, mektebes and madrasahs of Central Asia: Travel notes]. Sankt-Peterburg. 90 p. [in Russian]
- Deniz Balgamis, 2000** – *Deniz Balgamis* (2000). The origins and development of Kazakh intellectual elites in the pre-revolutionary period. Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements of the Degree of Doctor of Philosophy (History). Madison. 259 p.
- Derbisali, 2008** – *Derbisali A.* (2008). Brillianty i relikvii islama. [Diamonds and relics of Islam]. Almaty. 488 p. [in Kazakh]
- Gafarov, 2001** – *Gafarov S.* (2001). Ismail bei Gasprinskii: zhizn' i deyatel'nost'. [Ismail Bey Gasprinski: life and activity]. – Ismail gasprinski is a great illuminator. Comp. F.Ziatdinova. edit. T. Kulagina et al. Simferopol. 256 p. [in Russian]
- Gankevich, 1998** – *Gankevich V.Yu.* (1998). Ocherki istorii krymskotatarskogo narodnogo obrazovaniya (reformirovanie etnokonfessional'nykh uchebnykh zavedenii musul'man v Tavricheskoi gubernii v XIX – nachale XX veka). (Essays on the history of Crimean Tatar folk education (reformation of ethnic and religious educational institutions of Muslims in the Tauride province in the XIX – early XX century). Simferopol. 164 p. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyi Arkhiv Orenburgskoi Oblasti. [State Archive of the Orenburg Region].
- GARF** – Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii. [State Archive of the Russian Federation].
- Gasprinskii, 1902** – *Gasprinskii I.* (1902). Khovadzhe-i sub`yan. [Teacher of children]. Bakchisarai. Part 1. 80 p. [in Russian]
- Gramenitskii, 1896** – *Gramenitskii S.* (1896). Ocherk razvitiya narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom krae. [Essay on the development of public education in the Turkestan region]. Tashkent. 75 p. [in Russian]
- Il'minskii, 1883** – *Il'minskii N.I.* (1883). Iz perepiski po voprosu o primenenii russkogo alfavita k inorodcheskim yazykam. [From correspondence on the application of the Russian alphabet to foreign languages]. Kazan. 49 p. [in Russian]
- Kerenskij, 1892** – *Kerenskij F.* (1892). Medrese Turkestanskogo kraja. [Madrasah of Turkestan region]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija*. № 4. Otd.4. pp. 18–25.
- Khabutdinov, 2008** – *Khabutdinov A.Yu.* (2008). Ot obshchiny k natsii: tatory na puti ot srednevekov'ya k Novomu vremeni (konets XVIII – nachalo XX vv.). [From community to nation: Tatars on the way from the middle ages to the New age (late XVIII – early XX centuries)]. Kazan. 214 p. [in Russian]
- Koigeldiev, 2004** – *Koigeldiev M.K.* (2004). Rossiiskaya vlast' v Semirech'e (XIX v. – 1917 g.). [The Russian government in Semirechye (XIX c. – 1917 y.)]. Astana. 216 p. [in Kazakh]
- Krasnov, 1887** – *Krasnov A.N.* (1887). Kirgiz-kazaki Iliiskoi doliny. Ocherk byta semirechenskikh kirgiz. [Kirgiz-Cossacks of the Ili valley. A sketch of the life of the Semirechensk Kirghiz]. *Izvestia of the Imperial Russian geographical society in 1887*. T. 23. [Electronic resource]. URL: <http://rus-turk.livejournal.com/352668.html> [in Russian]
- Kulbakhtina, 2012** – *Kulbakhtina A.Z.* (2012). Traditsionnaya shkola musul'man Bashkirii na rubezhe XIX–XX vekov. [Traditional Muslim school of Bashkiria at the turn of XIX–XX centuries]. Ufa. 149 p. [in Russian]
- Mukanova, Mukanov, 2013** – *Mukanova G.K., Mukanov M.K.* (2013). Idei I. Gasprinskogo i «Alash». [Ideas of I. Gasprinsky and «Alash»]. Electronic scientific journal. [Electronic resource]. URL: <http://e-history.kz/ru/contents/view/1483> [in Russian]
- Mustafina, 1992** – *Mustafina R.M.* (1992). Predstavleniya, kul'ty, obryady u kazakhov. [Representations, cults, rites of the Kazakhs]. Almaty. 176 p. [in Russian]
- Nurtazina, 2016** – *Nurtazina N.D.* (2016). Rasprostranenie Islama i formirovanie kazakhskoi musul'manskoi traditsii (VIII- nach. XIX vv.). [The spread of Islam and the formation of the Kazakh Muslim tradition (VIII-beg. XIX c.)]. Almaty. 354 p. [in Russian]
- Obzor Ural'skoi oblasti, 1904** – *Obzor Ural'skoi oblasti za 1904 god.* [Review of the Uralsk region in 1904]. Ural'sk. p. 32. [in Russian]
- Ostroumov, 1906** – *Ostroumov N.P.* (1906). Musul'manskije maktaby i russko-tuzemnye shkoly v Turkestanskom krae. [Muslim maktabs and Russian-native schools in Turkestan]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija*. SPb. Part 1. pp. 113–166. [in Russian]
- Ostroumov, 1907** – *Ostroumov N.P.* (1907). Madrasy v Turkestanskom krae. [Madrasah in Turkestan region]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija. Novaja Serija*. Chast' VII. – SPb. Janvar'. pp. 1–58.
- Sabitov, 1950** – *Sabitov N.* (1950). Mekteby i medrese u kazakhov. [The mektebs and madrasahs of the Kazakhs]. Alma-Ata. 42 p. [in Russian]

Sadvokasova, 2014 – *Sadvokasova Z.T.* (2014). Ot protektorata k kolonii Rossiiskoi imperii: sbornik dokumentov i materialov. [From protectorate to colony of Russian Empire: collection of documents and materials]. Almaty. 260 p. [in Russian]

Sembaev, 1962 – *Sembaev A.I.* (1962). Istoriya razvitiya sovetskoj shkoly v Kazakhstane. [The history of the development of the Soviet school in Kazakhstan]. Alma-Ata. 344 p. [in Russian]

Smagulova, 2012 – *Smagulova S.O.* (2014). Musul'manskije obrazovatel'nye uchrezhdeniya i prosvetitel'skie obshchestva (konets XIX v. i nachalo XX v.). [Muslim educational institutions and educational society (the end of XIX c. and beginning of XX c.)]. Historical e-portal [Electronic resource]. URL: <http://e-history.kz/media/upload/1534/2014/06/24/42d327cf6de095518f14e5cae46631d2.pdf>. [in Kazakh]

Tazhibae, 1962 – *Tazhibae T.T.* (1962). Prosveshchenie i shkoly Kazakhstana vo vtoroi polovine XIX veka [Education and schools of Kazakhstan in the second half of the nineteenth century]. Alma-Ata. 507 p. [in Russian]

Tomohiko Uyama, 2012 – *Tomohiko U.* (2012). The Alash Orda's relations with Siberia, the Urals, and Turkestan The Kazakh national movement and the Russian imperial legacy. Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts. London, New York. 287 p.

TsGA RK – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Kazakhstan. [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Tynyshpaev, 1998 – *Tynyshpaev M.* (1998). Istoriya kazakhskogo naroda. [History of kazakhs]. The originator and author of the foreword: A. Takenov, B. Baigaliev. Almaty. 280 p. [in Russian]

Zagidullina, 2014 – *Zagidullina I.K.* (2014). Modernizatsionnye protsessy v tatarsko-musul'manskom soobshchestve v 1880-e – 1905 gg.: dokumenty i materialy. [Modernization processes in the Tatar-Muslim community in the 1880s-1905: documents and materials]. Kazan. 532 p. [in Russian]

О некоторых вопросах обучения в джадидистских школах в Казахской степи (конец XIX – начало XX вв.)

Куаныш Мадиевич Мурзаходжаев ^{a, b, *}, Жулдыз Мусаевна Тулибаева ^{a, b, c}

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Казахстан

^b Казахский Национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан

^c Университет имени Сулеймана Демиреля, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена истории возникновения и распространения джадидистских школ на территории современного Казахстана. В конце XIX – начале XX вв. под влиянием джадидистских реформ в сфере религиозного образования в Российской империи в Казахской степи началось движение по внедрению новометодных школ. Сложившаяся ситуация в казахских мектебах и медресе, где отсутствовали общая программа и сроки обучения учащихся, не преподавались светские дисциплины, не изучался казахский язык, требовала коренных изменений и преобразования старометодных казахских школ. В данной статье на основе неопубликованных и опубликованных материалов Центрального государственного архива Республики Казахстан, а также научных трудов отечественных и зарубежных исследователей, в том числе работ и современников, и участников изучаемых процессов, авторы исследуют историю преобразования казахских религиозных школ, внедрения новой системы обучения в мектебах и медресе.

Предпринятые попытки по усовершенствованию религиозной системы образования в Казахской степи увенчались отдельными успехами. Была разработана единая учебная программа, где наряду с религиозными дисциплинами изучались и светские науки, такие, как алгебра, геометрия, астрономия, география, история. Также в новую программу было включено изучение русского и казахского языков. Были разработаны и строго установлены возраст и длительность обучения учащихся. Исследование истории развития казахской религиозной системы образования, проблем, связанных с его становлением, представляют несомненный интерес для ученых, изучающих современные религиозные учебные заведения в Казахстане.

Ключевые слова: Казахская степь, религиозная система образования, мектебы, медресе, джадидистские школы, новый метод обучения.

* Корреспондирующий автор

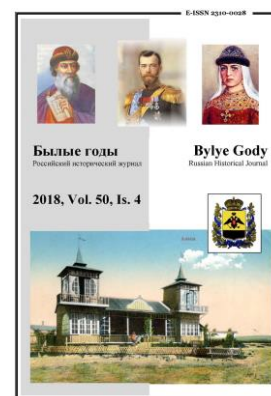
Адреса электронной почты: kuka_ist@mail.ru (К.М. Мурзаходжаев), zhuldyz.tulibayeva@sdu.edu.kz (Ж.М. Тулибаева)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1695-1702. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1695
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Development of Butter Production in the Regions of Western Siberia at the beginning of the 20th century

Pavel A. Sungurov ^{a, *}

^aTyumen industrial university, Russian Federation

Abstract

Siberian region since ancient times was famous for its riches. Undoubtedly, the main wealth of Siberia is people who lived there and live there. If we characterize the economic riches of Siberia in historical retrospect, we should say that they have often been modified, at present it is oil, gas, and other fossil resources. At the beginning of the XX century one of the main riches of the region was butter making. Few people know the scale of Siberian buttermaking, and, as a consequence, the colossal revenues that the state received when exporting this product. Since the middle of the XIX century in the process of intensive development of the industry included all new and new areas of the Siberian provinces, the key ones were: Kurgan, Tobolsk, Ishim, Tyumen, Tarsky, and other districts (later counties). The most powerful factor in the development of butter making was the construction of the Trans-Siberian railway. Butter, as a perishable product, without the possibility of urgent transportation, it was simply pointless to produce, it was for this reason that the butter industry and the railway in the region developed in parallel. In the last decade of the Russian Empire, butter production will finally become part of the strategic industries, as evidenced by the establishment by the Department of Agriculture in 1908 of special positions of instructors, designed to promote the development of artisanal butter production in all corners of Siberia. In the article, using various groups of sources, an attempt was made to thoroughly consider Siberian buttermaking, presented economic indicators of butter production, key areas of product production, studied the problems of livestock development, indicated the socio-economic transformations that took place in the territories involved in the production of butter.

Keywords: Western Siberia, butter making, cattle breeding, production, trade, railway, plants, export.

1. Введение

Ни для кого не секрет, что период конца XIX – начала XX вв. является подлинным коренным переломом не только в истории нашей страны, но и в масштабах всего мира. Мощный рывок в научно-технической сфере, формирование новых реалий во внешней политике, перестройка социально-экономических укладов – именно с такими понятиями ассоциируется указанный хронологический период. В это время Россия все громче заявляет о себе как держава, обладающая значительным промышленным потенциалом. Одним из ключевых пунктов российского экспорта в это время станет сливочное масло, значительная доля которого будет производиться в Сибири, этому феномену и будет посвящена статья.

2. Материалы и методы

Ключевыми источниками для данной работы явились материалы, хранящиеся в фондах Государственного архива в городе Тобольске (ГА в Тобольске), материалы личного происхождения, статистические сведения. Важными источниками для исследования явились материалы

* Corresponding author

E-mail addresses: Pavelsungurov@yandex.ru (P.A. Sungurov)

периодических изданий, освещавших жизнь сибирских губерний, особенно в переломный для Империи период рубежа XIX–XX вв. На страницах, в большинстве случаев оппозиционных изданий, безжалостно обличались стоявшие перед краем проблемы, в том числе и экономического характера.

Ключевым методологическим принципом исследования является теория парциальной (частичной) модернизации.

Безусловно, базовым принципом любого исторического исследования является принцип историзма, предполагающий всестороннее рассмотрение изучаемых явлений с учетом особенностей социально-экономической и политической обстановки в конкретном регионе в определенный период. В силу выбранной тематики исследования в работе активно применяются методы описательной статистики и историко-сравнительного анализа. Историко-системный анализ позволяет выявлять общие закономерности развития маслоделия в изучаемые годы. Для наиболее объективной оценки представленных в источниках сведений задействованы методики контент-анализа.

3. Обсуждение

История экономического развития Российской империи не теряет популярности в среде профессиональных историков, журналистов, государственных и общественных деятелей. В разные периоды существования России изучались и изучаются вопросы, связанные с внутренней и внешней торговлей, промышленностью, банковским сектором и иными категориями экономической жизни Империи. Протекающие в современной России трансформационные процессы «заставляют» обращаться к богатому опыту социально-экономических преобразований, накопленному нашей страной. Работы, предметно или косвенно затрагивающие вопросы истории маслоделия, следует разделить на несколько категорий.

В первую группу относятся дореволюционные исследования. Следует отметить, что по причине экономического характера маслодельного промысла вопросы, связанные со становлением и развитием данного сегмента экономики, поднимались в достаточно большом количестве трудов, среди них можно выделить исследования А.И. Швецова, Н.М. Ядринцева, П.М. Головачева. В указанных работах изучен широчайший круг вопросов экономической жизни сибирских регионов, в том числе особенности становления и развития маслоделия ([Швецов, 1916](#); [Ядринцев, 1892](#); [Головачев, 1914](#)).

Следующая группа работ представлена исследованиями, опубликованными после революционных событий 1917 г. Изыскания указанного периода значительно отличались от дореволюционных иными оценками происходивших процессов в социально-политической и экономической жизни России. Вопросы внутренней торговли в дореволюционной России основательно изучены Г.А. Дихтяр. К этой группе также можно отнести работу В.Г. Тюкавкина ([Дихтяр, 1960](#); [Тюкавкин, 1966](#)).

Вопросы экономического развития Российской империи нередко становились предметом интереса зарубежных ученых. К данной группе можно отнести работы таких исследователей, как Е. Алмедингем, Е. Краковски, С. Пушкарев, Д. Хоскинг ([Алмедингем, 1962](#); [Краковски, 1954](#); [Пушкарев, 1963](#); [Хоскинг, 1997](#)).

В конце XX в. Россия вступила на путь демократических преобразований, поиски новых оптимальных моделей развития экономики заставили заново переосмыслить исторический опыт, накопленный государством. Вопросы развития сибирской промышленности и торговли все чаще становились предметом исследовательского интереса. История развития кооперации в России изучалась А.А. Николаевым. Экономические процессы, происходившие в сибирском регионе, подробно рассматривались А.В. Ремневым. Имеется немало работ, предметом изучения которых является описание жизни и хозяйственных занятий населения Сибири. Так, можно отметить исследования О.Н. Катионова, Б.Н. Миронова ([Николаев, 2007](#); [Ремнев, 1997](#); [Катионов, 2004](#); [Миронов, 2009](#)).

Представленные работы, как и огромное множество других, очевидно, не в полной мере охватывают все нюансы как экономической жизни Сибири в целом, так и маслоделия в частности. Данная статья призвана по-новому осветить ряд аспектов экономической жизни Зауралья.

4. Результаты

Объективно маслоделие в начале XX в. являлось самой значимой отраслью сибирской промышленности, потому что стоимость ежегодно производимого масла доходила до 60 млн. руб. Обилие скота и обширные пастбища в южных уездах Тобольской губернии и в соседних с ними Томской (Ишимский, Тюкалинский, Курганский и Каинский), сравнительно близких от Европейской России, задолго до конца XIX в. вызвали у местных крестьян интерес к выкорму скота на мясо для отправки в зимнее время в Европейскую Россию и изготовление топленого масла, которое в количестве 300–350 тыс. пуд. вывозилось на запад. Хотя в Тюменском уезде еще в 1886 г. был построен маслодельный и сыроваренный завод Панфилова, но его продукты распространялись только на местные рынки – Тюмени и Екатеринбурга, и лишь с проведением железной дороги стало возможным вывозить скоропортящиеся продукты из местностей Сибири в пункты экспорта на внешние рынки – в Либаву, Ригу, Виндаву ([Головачев, 1914: 108](#)).

В 1894 г. в Курганском уезде, в местностях, где крестьяне издавна занимались приготовлением топленого масла, купец Вальков открыл два маслодельных завода. Иностранные предприниматели (датчане и немцы) сразу поняли блестящие перспективы маслоделия в Сибири и начали открывать свои конторы в Кургане и других городах, снабжая крестьян сепараторами, а правительство при помощи специальных инструкторов старалось познакомить крестьян с техникой производства. Из Курганского уезда маслоделие быстро начало распространяться по соседним, и на начало 1900-х гг., оно, кроме этого уезда, стало широко развито в следующих: Ишимском, Тюкалинском, Ялуторовском, Тарском Тобольской губернии, Петропавловском Актмолинской области, Каинском, Бийском, Барнаульском, Мариинском, Змеиногорском, Кузнецком, Томском, т.е. во всех уездах Томской губернии, не исключая и Нарымского края. В Енисейской губернии маслоделие быстро развивалось в Минусинском уезде; оно появлялось и в Забайкалье, у бурят. Быстрый рост экспорта сибирского масла можно охарактеризовать следующими цифрами: в 1894 г. вывезено 400 пуд.; в 1895 – 5000; в 1896 – 24000; в 1897 – 72598; в 1898 – 174425; в 1899 – 314513; в 1900 – 1084799; в 1901 – 2 млн пуд. (СН, 1902: 5).

К 1912 г. объем экспорта увеличился до 4525000 пудов. В 1896 г. сибирское масло составляло лишь 8,7 % экспорта масла из России, а в 1907 г. – 93,8 %. Во главе маслодельных районов к началу 1910-х гг. стояла Томская губерния: еще в 1909 г. она давала 50,2 % всего сибирского масла; за ней шли Тобольская – 24,3 %, Актмолинская область – 20,7 %, Семипалатинская область – 3,7 %, Енисейская губерния – 1,2 %. В Томской губернии по производству масла лидирующим был Барнаульский уезд, вторым – Каинский; в Тобольской больше всех производил масла Курганский уезд; в Степном крае Петропавловский район следовал за Омским. Рост количества маслодельных заводов в Томской губернии характеризовался следующими показателями: за десять лет (с 1899 по 1909 гг.) в Барнаульском уезде их количество увеличилось с 14 до 755; в Каинском с 30 до 429; в Бийском с 6 до 317; в Змеиногорском с 5 до 301; в Кузнецком с 5 до 106; в Томском с 5 до 120. Таким образом, к 1909 г. в Томской губернии количество маслодельных заводов превысило 2000, распределялись они в 179 волостях, совокупный объем производимого продукта равнялся 1650000 пуд. масла (Головачев, 1914: 111).

Маслоделие начало распространяться и на севере губерний: в Принарымском крае с 1900 по 1909 гг. было открыто 50 заводов, дававших к 1909 г. 511267 пуд. масла. С 1909–1911 г. количество заводов в губернии увеличилось на 10 % (2294), и рост этот продолжался. Маслодельные заводы принадлежали и частным лицам, и крестьянским артелям. Рост маслоделия в Тобольской губернии характеризовался следующими цифрами: в 1900 г. – 84, в 1905 г. – 460, в 1910 г. – 1042 завода. Артельные заводы преобладали над частными. За исключением 6 паровых, заводы Тобольской губернии представляли собой довольно мелкие предприятия. В Томской губернии, наоборот, преобладало частное маслоделие, хотя рост артельных заводов наблюдался очень быстрый: в 1900 г. их было всего 5, в 1905 г. – 167, а в 1910 г. – уже 637. Хотя 71,5 % заводов Томской губернии принадлежали частным лицам, в 1911 г. артельные дали 44 % всего масла (было выработано 1891855 пуд.). В Томской губернии рынками сбыта масла, откуда оно и направлялось на внешние рынки, являлись к 1912 г.: Каинск (338000 пуд.), Барнаул (1515000 пуд.), Бийск и Камень (по 250000 пуд.). Самому же Томску требовалось не более 7000 пуд., потому что местные рынки «довольствовались» топленным маслом из ближайших районов, хотя масло это было невысокого качества (Памятная книжка..., 1915: 183).

В районах Тобольской губернии и Актмолинской области главными местными рынками сбыта являлись Курган (788000 пуд.), Омск (1353000 пуд.) и Петропавловск (314000 пуд.). Вообще в Сибири насчитывалось 12 пунктов отправления масла на внешние рынки. Для быстрой и удобной доставки сибирского масла на внешние рынки уже с 1900 г. (всего 2 поезда в день; в 1901 уже 5) были установлены специальные «масляные» (белые) поезда (их в 1912 г. было 1339) к Риге, Ревелю, Новому Порту, Виндаве, Петербургу и Москве (на этих поездах вывозилось до 90 % всего масла). 96 % масла из Сибири шло в порты Балтийского моря, главным образом в Виндаву (3048000 пуд.), за которой следовал Новый Порт (703000 пуд.). В Петербург доставлялось всего 188000 пуд., а в Москву не более 100 тыс. (на 1914 г.). Сибирское масло экспортировалось, главным образом, в Англию (1587000 пуд.), затем шли Дания (725000 пуд.) и Германия (705000 пуд.). Интересным обстоятельством было то, что Англия платила дороже всех остальных стран за сибирское масло: до 13 руб. 50 коп. за пуд. На восток в 1912 г. было отправлено из Западной Сибири всего 53491 пуд. масла, а на внутренний рынок шло не более 5 % (Сибирь..., 1908: 159; Головачев, 1914: 112).

Хорошее сибирское масло отличалось высоким качеством. Его химический состав был следующим: 85,55 % жира, 12,18 % воды, 1,71 % соли и 0,56 % прочих веществ; в нем не было азотистых веществ, калия, фосфорной кислоты; оно было на 2,24 % жирнее немецкого. В Сибири из 21,5 пуд. молока получали пуд масла, а в Финляндии и Швеции – из 24 пуд. молока; это объяснялось в том числе и качеством сибирских трав. Лучшим маслом считались курганское, ишимское, барнаульское или алтайское. Масло омского района (Киргизская степь, Тюкалинский уезд, Тобольская губерния, отчасти Каинский уезд Томской губернии) имело более низкое качество вследствие присутствия в числе кормовых трав полыни и дикого лука. Недостатки сибирского масла, особенно заметные в продукте мелких частных (не артельных) владельцев, допускались от

недостаточных навыков, небрежности и недобросовестности приготовления. Недостатки эти – нечистый (салистый, рыбный, гнилостный, серный) вкус; привкус корма; малое количество соли и чрезмерное количество воды; пестрая окраска. Многие маслодельные заводы представляли собой совершенно непригодные избушки; сепараторы и посуда промывались холодной водой, сливки держались очень долго без льда и доставлялись на заводы уже испорченными; иногда масло накладывалось в бочонки без отжимки; начинало распространяться и подделывание сливочного масла кокосовым! Бывали случаи, что в бочонках с маслом оказывались камни. Артельные маслодельные заводы поставляли масло более высокого качества не только потому, что поставляемое на них молоко лучше контролировалось и сами поставщики молока в своих интересах старались давать молоко неснятое и вообще лучшее, но и потому, что их заводы были лучше оборудованы, и маслоделы на них были не самоучки, а имели некоторую теоретическую подготовку на маслодельных курсах. Так, в Тобольской губернии, где преобладали артельные заводы, подготовленных маслоделов было до 18 % (на 10,5 % больше, чем в Томской губернии, где преобладает частное маслоделие и где 75 % всех заводов обслуживалось маслоделами-самоучками). Школ молочного хозяйства в Сибири было очень мало (Омская, Каменская и Беловская), а кратковременные маслодельные курсы не могли давать вполне хорошо подготовленных маслоделов (Макаров, 1910: 123).

С маслоделием в Сибири был тесно связан вопрос о кооперации, которая начала с этой именно отрасли местного народного хозяйства и мало-помалу распространялась и на другие. Начавшись в самом конце XIX в. с 34 артелей, сибирское кооперативное маслоделие начало развиваться очень быстро: в 1906 г. в западно-сибирской организации уже было 517 селений при 37898 артельщиках (182359 коров), а в 1912 г. артельщиков было 120000, а коров до 300000. В 1907 г. организация (уже 667 селений) получила 427915 пуд. масла на сумму 5172696 руб., а в 1911 г. – 477000 пуд. на сумму 6200000 руб. В 1912 г. оборот организации мог дойти до 10 млн руб. «Союз сибирских маслодельных артелей» с центром в Кургане и с отделениями в Барнауле, Бийске, Петропавловске и Челябинске и с конторами в Берлине и Лондоне представлял к середине 1910-х гг. вполне солидную организацию, в которую входило 200 артелей со своим «Справочным листком» (ГА в Тобольске. Ф. И-417. Оп. 1. Д. 112. Л. 87).

Выходившая в Кургане «Народная газета», руководимая известным инициатором «Союза сибирских маслоделов» Балакшиным, также деятельно пропагандировала идею сибирского маслодельного кооператива. Благодаря кооперации, не только увеличивалось количество коров в каждой артели, повышался средний выход молока с одной коровы, улучшалась техника производства и качество продукта и производитель сибирского масла входил в непосредственные отношения с потребителем, избегая посредников, и тем самым увеличивал свою прибыль, но и сам кооперативный принцип получал все расширяющееся применение: маслодельные артели открывали собственные потребительские лавки с такими ходовыми товарами, как чай, сахар, керосин; маслодельная кооперация дала мысль организовать кооперативную скупку хлеба с целью, между прочим, поддерживать «сдатчиков» во время нужды; наконец, благодаря той же маслодельной кооперации, в сибирской деревне начинало распространяться применение электрической энергии не только для приведения в действие аппаратов маслодельных заводов, но и для освещения крестьянских домов (в с. Старая Барда Бийского уезда Томской губ.) (Головачев, 1914: 117).

Союз сибирских маслоделов, кроме всего прочего, арендовал 2 парохода и намеревался организовать собственное пароходство! Известен случай сооружения мельницы на кооперативных началах. В жизни сибирских деревенских потребительских обществ, объединенных идеей кооперации, наблюдалось стремление к совместной закупке товаров. Особенно заметно также было оживление в области кредитной кооперации, которая освобождала сибирского крестьянина от тяжелых услуг посреднического кредита (Макаров, 1910: 126).

Примечательно, что триумфальное функционирование «Союза» Балакшина не было лишено различных противоречий, возникавших, в частности, у организации и так называемых правительственных инструкторов, направленных в Сибирь центральной властью оказывать содействие в развитии маслоделия. Глава инструкторской организации в Сибири, некто В.Ф. Сокульский, издал в одном из номеров вышеуказанного «Справочного листка» статью под названием «Об отношении инструкторского персонала к союзу сибирских маслодельных артелей», что послужило поводом к открытому противостоянию между «Союзом» и инструкторами. В статье глава инструкторов выражает явное недоверие к деятельности «Союза» и непосредственно к его руководителю – Балакшину. Все это выглядело весьма странно, если учесть тот факт, что в числе других обязанностей инструкторского персонала указано и содействие более выгодному сбыту артелями экспортного масла на заграничные рынки путем сближения непосредственных производителей продукта с покупателями. Эту задачу, как известно, поставил себе «Союз сибирских маслодельных артелей», объединивший около 100 крестьянских артелей и отправляющий на заграничные рынки масла на сумму свыше 1 млн рублей. Безусловно, Сокульский, а вместе с ним и весь инструкторский персонал, должны были оказывать всяческую поддержку «Союзу», тем более что это было конкретно указано бюджетной комиссией Государственной Думы. Но, «Союз» затронул интересы частных фирм, частных скупщиков-посредников, став серьезной угрозой их интересам (СВ, 1910: 2).

В последнее предреволюционное десятилетие в Восточной Сибири, именно в Забайкалье, наметился местный маслодельный район с довольно значительной будущностью, так как в северном полутаежном районе лесостепные участки вполне были пригодны для разведения молочного скота. В Забайкалье маслоделие началось лишь с 1910 г. по инициативе некоторых интеллигентных бурят, и уже через несколько лет там действовало больше 200 сепараторов. Буряты охотно объединялись в артели, которых к 1912 г. было 15. Масла в Забайкалье вырабатывалось всего до 130000 пуд., которое, кроме местного рынка, шло даже в Китай и Японию. Несколько десятков сепараторов появилось и в Якутской области (Головачев, 1914: 115; Вестник общества, 1916–1917: № 3).

Благоприятные условия для развития маслоделия в Сибири с начала 1910-х гг. вызвали там к жизни новую отрасль молочного хозяйства – сыроварение. В мае 1912 г. бийский Союз маслодельных артелей открыл в селе Сетовском сыроваренный завод, на котором уже вырабатывался особый сорт сыра под названием «честер», потреблявшийся в большом количестве в Англии, ввиду чего и сбыт его намечался исключительно в эту страну. Проведенный опыт сыроварения под руководством специалиста, прибывшего из Англии, дал превосходный результат. Сбыт сыра обеспечивался через посредничество лондонской фирмы Лансдели. В 1913 г. планировалось произвести и отправить в Лондон до 2500 пудов. В перспективе предполагалось создать еще 20 сыроварен с производством до млн пуд., на сумму от 7 до 8 млн рублей. Эту новую отрасль промышленности ожидало широкое развитие, так как сыроварение обещало такие же выгоды, как и маслоделие, и пожалуй, даже имело преимущества перед последним в том отношении, что цены на сыр были более устойчивыми, чем на масло, а само сыроварение абсолютно не мешало маслоделию. Кроме того, при производстве сыра в молоке получался сравнительно большой остаток сливок. Дешевые сорта сибирского сыра получили большое распространение в Европейской России, несмотря на серьезную конкуренцию с ввозимыми сырами из-за границы (Головачев, 1914: 115).

Имелись сведения, когда предприимчивые люди не терпели властной волокиты и искали самостоятельные способы решения вопросов организации маслобойного дела. Один из далеко не единичных случаев произошел в г. Омске, где на начало XX в. имелось множество маслобойных заводов, но техническая сторона оснащения их оставляла желать лучшего. В начале 1898 г. Яздовским было подано в думу ходатайство об отводе ему 800 кв. саж. городской земли под устройство паровой маслобойни, с ежегодным производством не менее 100 тыс. пуд. высококачественного масла. Но дума вопрос этот оставила открытым до представления в нее топографическим отделом городского плана, по которому можно было установить, возможно ли разрешение на постройку завода в указанной просителем местности. Ходатайствующий не стал дожидаться представления плана и взял в пользование земли, принадлежавшие местным казакам (ДСАР, 1899: Кн. 1).

В Забайкалье развивалось приготовление овечьего сыра. Получаемая после процесса сыроварения сыворотка давала гораздо больше питательных веществ для телят, чем обрат, получавшийся после выделения масла от молока в сепараторах. В качестве конечного продукта из обрата производили казеин, шедший после обработки на разные мелкие поделки. Маслоделие, благодаря большому количеству рогатого скота в степях Западной Сибири, на предгорьях и в долинах Алтая, а также прекрасным качествам местных кормовых трав, имело возможности для неуклонного развития (Справочная книжка..., 1901: 24). Важно отметить, что с 1896 г. производители масла имели возможность получать ссуды на приобретение сепараторов (в т.ч. импортного производства), данными средствами не могли воспользоваться торговцы и собственники складов (Окулич, 1903: 59).

Однако намечался целый комплекс проблем, с которыми сталкивалось маслоделие в сибирском регионе. Сельскохозяйственное освоение земель сокращало площадь пастбищ, которыми пользовалось молочное скотоводство. Действительно, несмотря на колоссальные территориальные богатства, земель, пригодных для возделывания сельскохозяйственных культур, было не в избытке. Развивалось в Империи не только маслоделие, ряд отраслей двигался вперед параллельно, что во многом было обусловлено идентичными процессами стимулирования их развития, ключевым из которых станет ввод в эксплуатацию Транссибирской железнодорожной магистрали. В частности, в уездах сибирских губерний активно увеличивались посевы зерновых культур. В южных частях Тобольской губернии (Ишимский, Курганский и Тюкалинский уезды) пастбищам серьезную «конкуренцию» составляли посевы пшеницы, причиной этого была подходящая почва. Для дальнейшего роста сибирского маслоделия необходимо было, помимо расширения естественных лугов, где это возможно, ввести травосеяние и подъем молочности коров, который при коротком лете и при почти 8-месячном стойловом содержании равнялся в среднем не более 60 пуд. молока в год. Поэтому было необходимо подобрать жирномолочных и удойных коров, преимущественно местных, потому что привозные коровы с трудом привыкали к сибирскому климату. Так как корнеплоды давали в Сибири вообще хорошие урожаи, то их употребление на корм молочным коровам должно было повысить молочность последних. По существу дела, производство масла не могло перейти в Сибири в чисто капиталистические руки, так как отдельным лицам было невозможно распорядиться таким количеством пастбищ и скота, при которых предприятия могли получить крупные доходы. Маслоделие в общем числе оставалось результатом деятельности массы мелких хозяев, чем и

объяснялось такое развитие артельного маслоделия и столь широкое применение к нему принципа кооперации (Рубакин, 1908: 125).

Западно-сибирское маслоделие, игравшее в хозяйственной жизни сибирского крестьянина такую громадную роль, составляло и постоянную тему для обсуждения на страницах западно-сибирских газет. В одной из таких статей обсуждался вопрос о вреде маслоделия для населения. Автор статьи сообщал пугающие сведения о том, что, «...несмотря на несомненную выгоду переработки молока в масло, скотоводство клонится к упадку, скот не доедает, дает меньше молока, тощает, вырождается, усиливается смертность и болезненность крестьянских детей». В конечном счете, по утверждению автора, пользу от маслоделия получали не крестьяне, а те, кто сделал из масла предмет торгового оборота и средство к легкому обогащению. В начале 1900-х гг. Юридическое общество при Томском университете получило средства от С.Ю. Витте на организацию анкетирования для выяснения вопроса: не имело ли, действительно, развитие маслоделия в Сибири вредного воздействия на население и следовало ли вообще одобрять те меры правительства, которые были приняты для развития этого дела. Анкета была произведена, было обращено особое внимание на смертность детей в районах маслоделия. Материалы были разработаны и, несмотря на предвзятость руководителя работами, ничего в доказательство справедливости исследуемого положения нельзя было извлечь из полученных цифр. Но, по мнению множества сельских хозяев, вред от маслоделия все же был вполне реален (СВ, 1911: 20–21).

Стоит отметить, что масло, ставшее стратегическим предметом экономических отношений, неминуемо попадало в поле зрения криминальных элементов. В сведениях, представляемых местными полицейскими структурами, регулярно сообщались подобные факты: «В 1900 г. тарский мещанин из ссыльных И.А. Глазунов обвинялся в краже продукции с маслодельного завода крестьянки Логиновской волости Тарского уезда Д. Черновой; в 1901 г. ссыльный крестьянин Шипицинской волости Каинского уезда Ф.И. Уткин обвинялся в краже трех бочек сливочного масла с маслодельного завода крестьянина Бергамаской волости того же уезда В.Ф. Шапочкина; в следующем году ссыльный крестьянин Колмаковской волости Тюкалинского уезда Р.Г. Барышпольц обвинялся в попытке кражи продукции с маслодельного завода крестьянина Уфимцева в д. Кошкуль». Подобных сведений были сотни (ГА в Тобольске. Ф. И-158. Оп. 3. Д. 1142. Л. 12, 23–25).

Величие сибирского масла не ставилось под сомнение и после революционных потрясений 1917 г. Признавалось, что участие России в Первой мировой войне и революция резко снизили (а в некоторых местностях пресекли) объемы выработки продукта. поголовье коров в крае на начало 1920-х гг. сократилось на 70 % от довоенного. В 1921–1922 гг. количество произведенного в Сибири масла едва достигало 8–9 % от объемов 1914 года (Вся Сибирь, 1925: 36).

5. Заключение

Представленные в исследовании сведения позволяют констатировать, что, начиная с конца XIX в., объемы производства сливочного масла стремительно возрастали, что, безусловно, обуславливалось экспортными возможностями товара. Бурное развитие маслоделия явилось мощным толчком для развития животноводства, стимулировало развитие инфраструктуры сибирского края. Таким образом, можно сделать вывод, что значение маслоделия в социально-экономической и политической жизни сибирского региона незаслуженно недооценено. Сибирское масло было подлинной «нефтью и газом» для экономической безопасности Империи.

Литература

Вестник Общества, 1916–1917 – Вестник Общества сибирских инженеров: научно-технический журнал. Томск: Общество сибирских инженеров, 1916–1917. № 3.

Вся Сибирь, 1925 – Вся Сибирь со включением Уральской области: справочная и адресная книга на 1925–1926 г. с приложением Карты азиатской части СССР и планов городов: Новониколаевска, Омска, Томска, Барнаула, Красноярска, Иркутска, Читы, Благовещенска, Владивостока и Свердловска. М.: Издание Известий ЦИК СССР и ВЦИК, 1925. 606 с.

ГА в г. Тобольске – Государственный архив в городе Тобольске.

Головачев, 1914 – Головачев П.М. Экономическая география Сибири. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1914. 183 с.

Дихтяр, 1960 – Дихтяр Г.А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М.: Изд. АН СССР, 1960. 238 с.

ДСАР – Дорожник по Сибири и Азиатской России. 1899. Кн. 1.

Катионов, 2004 – Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2004. 567 с.

Макаров, 1910 – Макаров Н.П. Крестьянское кооперативное движение в Западной Сибири. М.: Сотрудничество, 1910. 204 с.

Миронов, 2009 – Миронов Б.Н. Историческая социология России: Учебное пособие. СПб.: Изд. дом С.-Петербург. ун-та, 2009. 535 с.

- Николаев, 2007** – Николаев А.А. Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск: Сибпринт, 2007. 280 с.
- Окулич, 1903** – Окулич И.К. Указатель маслодельных заводов Западной Сибири в 1902 г. Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1903. 214 с.
- Памятная книжка..., 1915** – Памятная книжка Томской губернии на 1915 г. Томск: Типография Губернского управления, 1915. С. 183.
- Ремнев, 1997** – Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. Омск: Изд-во Омского ун-та, 1997. 253 с.
- Рубакин, 1908** – Рубакин Н.А. Рассказы о Западной Сибири, или о губерниях Тобольской и Томской, и как там живут люди. М.: Типо-литография Товарищества «Кушнерев и Ко», 1908. 198 с.
- СВ** – Сибирские вопросы: Периодический сборник. 1910; 1911.
- Сибирь..., 1908** – Сибирь, ее современное состояние и нужды: Сборник статей. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1908. 294 с.
- СН** – Сибирский наблюдатель. 1902.
- Справочная книжка..., 1901** – Справочная книжка по маслоделию для Западной Сибири. Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1901. 176 с.
- Тюкавкин, 1966** – Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск: Вост.-сиб. кн. изд-во, 1966. 471 с.
- Швецов, 1916** – Швецов А.И. Основы артельного маслоделия: (Беседы с начинающими кооператорами). Вологда: Тип. А.В. Иванова, 1916. 56 с.
- Ядринцев, 1892** – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: Издание И.М. Сибирякова, 1892. 750 с.
- Almedingen, 1962** – Almedingen E. The Emperor Alexander II. London: Bodley Head, 1962. 204 p.
- Hosking, 1997** – Hosking G. Russia: People and Empire 1552-1917. London: Harper Collins, 1997. 576 p.
- Krakowski, 1954** – Krakowski E. Histoire de Russie. Paris: Deux rives, 1954. 426 p.
- Pushkarev, 1963** – Pushkarev S. The Emergence of Modern Russia, 1801-1917. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1963. 512 p.

References

- Almedingen, 1962** – Almedingen E. (1962). The Emperor Alexander II. London: Bodley Head. 204 p.
- Dihtyar, 1960** – Dihtyar G.A. (1960). Vnutrennyaya trgovlya v dorevolucionnoj Rossii. [Domestic trade in pre-revolutionary Russia]. M.: Izd. AN SSSR. 238 p. [in Russian]
- DSAR** – Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoj Rossii [Roadman in Siberia and Asian Russia]. 1899. Book. 1.
- GA v g. Tobol'ske** – Gosudarstvennyj arhiv v gorode Tobol'ske.
- Golovachev, 1914** – Golovachev P.M. (1914). Ekonomicheskaya geografiya Sibiri [Economic geography of Siberia]. M.: The printing house of the Association I.D. Sytina. 183 p. [in Russian]
- Hosking, 1997** – Hosking G. (1997). Russia: People and Empire 1552-1917. London: Harper Collins. 576 p.
- Kationov, 2004** – Kationov O.N. (2004). Moskovsko-Sibirskij trakt i ego zhiteli v XVII–XIX vv. [The Moscow-Siberian tract and its inhabitants in the XVII-XIX centuries] Novosibirsk: Izd. NGPU. 567 p. [in Russian]
- Krakowski, 1954** – Krakowski E. (1954). Histoire de Russie. Paris: Deux rives. 426 p.
- Makarov, 1910** – Makarov N.P. (1910). Krest'yanskoe kooperativnoe dvizhenie v Zapadnoj Sibiri [The Peasant Cooperative Movement in Western Siberia]. M.: Cooperation. 204 p. [in Russian]
- Mironov, 2009** – Mironov B.N. (2009). Istoricheskaya sociologiya Rossii: uchebnoe posobie [Historical sociology of Russia: a textbook]. SPb.: Izd. house of S-Petersburg university. 535 p. [in Russian]
- Nikolaev, 2007** – Nikolaev A.A. (2007). Osnovnye vidy kooperacii v Rossii: istoriko-teoreticheskij ocherk [The main types of cooperation in Russia: a historical and theoretical essay]. Novosibirsk: Sibprint. 280 p. [in Russian]
- Okulich, 1903** – Okulich I.K. (1903). Ukazatel' maslodel'nyh zavodov Zapadnoj Sibiri v 1902 g. [Index of butter-making factories in Western Siberia in 1902]. Tomsk: Steam type lithography. Makushina. 214 p. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka..., 1915** – Pamyatnaya knizhka Tomskoj gubernii na 1915 g. [Memorial book of Tomsk province for 1915]. Tomsk: Typography of the Provincial Administration. 1915. P. 183. [in Russian]
- Pushkarev, 1963** – Pushkarev S. (1963). The Emergence of Modern Russia, 1801-1917. New York: Holt, Rinehart and Winston. 512 p.
- Remnev, 1997** – Remnev A.V. (1997). Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [Autocracy and Siberia. Administrative policy of the second half of the XIX – early XX century]. Омск: Изд-во Омск University. 253 p. [in Russian]
- Rubakin, 1908** – Rubakin N.A. (1908). Rasskazy o Zapadnoj Sibiri ili o guberniyah Tobol'skoj i Tomskoj i kak tam zhivut lyudi [Rubakin N.A. Stories about Western Siberia or the provinces of Tobolsk and Tomsk and how people live there]. M.: Typo-lithography of the Kushneryov and Co Partnerships. 198 p. [in Russian]

Shvecov, 1916 – *Shvecov A.I.* (1916). *Osnovy artel'nogo maslodeliya: (Besedy s nachinayushchimi kooperatorami)* [Fundamentals of art buttermaking: (Conversations with budding cooperators)]. Vologda: Type. AV Ivanova. 56 p. [in Russian]

Sibir'..., 1908 – *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i nuzhdy: sbornik statej* [Siberia, its current state and needs: a collection of articles]. SPb.: Publication of AF Devrien, 1908. 294 p. [in Russian]

SN – *Sibirskij nablyudatel'*. 1902.

Spravochnaya knizhka..., 1901 – *Spravochnaya knizhka po maslodeliyu dlya Zapadnoj Sibiri* [The reference book on butter making for Western Siberia]. Tomsk: Steam type lithography Makushina. 1901. 176 p. [in Russian]

SV – *Sibirskie voprosy: periodicheskiy sbornik*. 1910; 1911.

Tyukavkin, 1966 – *Tyukavkin V.G.* (1966). *Sibirskaya derevnya nakanune Oktyabrya (K voprosu o formirovanii social'no-ehkonomicheskikh predposylok socialisticheskoy revolyucii)* [Siberian village on the eve of October (On the question of the formation of socio-economic prerequisites for the socialist revolution)]. Irkutsk: East-Siberia. book. Izd-vo. 471 p. [in Russian].

Vestnik Obshchestva, 1916-1917 – *Vestnik Obshchestva sibirskih inzhenerov: nauchno-tekhnicheskij zhurnal*. Tomsk: Obshchestvo sibirskih inzhenerov, 1916-1917. № 3.

Vsya Sibir', 1925 – *Vsya Sibir' so vklucheniem Ural'skoj oblasti: spravochnaya i adresnaya kniga na 1925-1926 g. s prilozheniem Karty aziatskoj chasti SSSR i planov gorodov: Novonikolaevska, Omska, Tomska, Barnaula, Krasnoyarska, Irkutsk, CHity, Blagoveshchenska, Vladivostoka i Sverdlovsk* [All Siberia with the inclusion of the Ural region: reference and address book for 1925-1926 with the annex of the Map of the Asian part of the USSR and city plans: Novonikolaevsk, Omsk, Tomsk, Barnaul, Krasnoyarsk, Irkutsk, Chita, Blagoveshchensk, Vladivostok and Sverdlovsk]. M.: Edition Izvestiy TsIK SSSR i VTsIK. 1925. 606 p. [in Russian]

Yadrincev, 1892 – *Yadrincev N.M.* (1892). *Sibir' kak koloniya v geograficheskom, ehtnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical respect]. SPb.: Publishing of IM. Sibiryakova. 750 p. [in Russian]

Развитие маслоделия в регионах Западной Сибири в начале XX в.

Павел Александрович Сунгуров ^{a, *}

^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. Сибирский регион издревле славился своими богатствами. Безусловно, главное богатство Сибири – это люди, которые там проживали и проживают. Если же характеризовать в исторической ретроспективе экономические богатства Сибири, то следует сказать, что они часто видоизменялись, в настоящее время это нефть, газ, иные ископаемые ресурсы. В начале XX в. одним из главных богатств региона было маслоделие. Мало кому известны масштабы сибирского маслоделия и, как следствие, колоссальные доходы, которые получало государство, экспортируя данный продукт. Начиная с середины XIX в., в процесс интенсивного развития отрасли включались все новые и новые районы сибирских губерний, ключевыми из них были Курганский, Тобольский, Ишимский, Тюменский, Тарский и другие округа (позже уезды). Мощнейшим фактором развития маслоделия стало строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. Масло, как скоропортящийся продукт, без возможностей срочной транспортировки производить был просто бессмысленно, именно по этой причине маслоделие и железная дорога в регионе развивались параллельно. В последнем десятилетии существования Российской империи маслоделие окончательно волеется в круг стратегических отраслей, свидетельством этого станет учреждение Департаментом земледелия в 1908 г. специальных должностей инструкторов, призванных способствовать развитию артельного маслоделия во всех уголках Сибири. В статье, используя различные группы источников, предпринята попытка всестороннего рассмотрения сибирского маслоделия, представлены экономические показатели производства масла, ключевые районы производства продукта, изучены проблемы развития животноводства, указаны социально-экономические трансформации, происходившие на территориях, вовлеченных в производство масла.

Ключевые слова: Западная Сибирь, маслоделие, скотоводство, производство, торговля, железная дорога, заводы, экспорт.

* Корреспондирующий автор

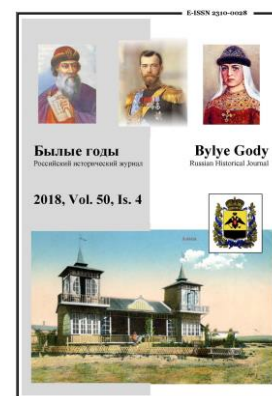
Адреса электронной почты: Pavelsungurov@yandex.ru (П.А. Сунгуров)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1703-1711. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1703
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The System of Cossack Land Ownership and Land Use and Its Reformation in the Early Twentieth Century

Vladimir P. Trut ^{a, b, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

^b East European History Society, Russian Federation

Abstract

In the article on the basis of the analysis of archival and published documents and materials, national historiography on this issue, the problems of the system of Cossack land ownership and Cossack land use developed by the beginning of the XX century are investigated. The process of formation and legislative registration of this system is revealed. It is shown that the system of Cossack land ownership and land use that has developed by this period of time had a number of specific features due to the historically established and legislatively formalized special socio-political status of the Cossacks. The owner of the lands that made up its territory was the Cossack army. This rule has been repeatedly established and confirmed by the state legally in respect of each specific army during a particular historical period. In 1901 a special decree of the Emperor all the Cossack armies was fixed in perpetuity all the land that they owned. And according to the law of 1906 the lands of Cossack troops were considered their full property. In various troops had their own features in orders of land use. Over time, the concern of the official state bodies about the growing problems and contradictions in the system of Cossack land use has increased. The question of possible agrarian transformations in the Cossack areas was considered. In the existing system of the Cossack land tenure and land use of the Cossack armies the transition from land use communal to farmstead and bran, with granting on farmland of the rights of individual property was offered. The process of discussion of these proposals at all levels and the reasons for the refusal to carry out reforms in the agricultural sector of the Cossack life is analyzed.

Keywords: the cossacks, cossack land tenure, cossack land use, system, cossack unit, the land army agricultural legislation.

1. Введение

Важность всестороннего исследования системы казачьего землевладения и землепользования обуславливается ее значимостью для всех сфер казачьей жизнедеятельности, существовавшими особенностями ее организации и существующими в историографии дискуссионными подходами к данной проблематике. Вплоть до настоящего времени в историографии практически не исследован вопрос планировавшегося правительством в начале XX века довольно радикального реформирования данной системы, представлявшего по сути своеобразный «казачий вариант» столыпинских аграрных преобразований. Таким образом, проблематика данной статьи определяется ее значительной научной актуальностью. Настоятельная необходимость изучения обозначенной проблемы диктуется проходящими в настоящее время сложными и достаточно противоречивыми процессами казачьего возрождения, поисками форм современной организации казачьих сообществ в местах их традиционного проживания и в приграничных районах. Анализ опыта организации казачьего землевладения и особенно казачьего землепользования, с учетом современных жизненных реалий, в определенной мере может быть полезен в плане выработки принципов хозяйственно-экономической организации данных сообществ.

* Corresponding author

E-mail addresses: trut.vladimir@rambler.ru (V.P. Trut)

2. Материалы и методы

В статье используются архивные документы по вопросу планировавшейся в начале XX века радикальной реформы существовавшей системы казачьего землевладения и землепользования. Задействованы опубликованные источниковые материалы, характеризующие различные аспекты сущности и специфики казачьего землевладения и землепользования. Привлечены разнообразные историографические исследования по данной проблеме. В работе использован многофакторный подход, историко-системный метод, позволяющий изучать объект исследования путем выделения его отдельных структурных элементов, их прямых и опосредованных функций, их связи между собой и с целым, научно-критический анализ.

3. Обсуждение

Исследование вопросов аграрных отношений на территориях казачьих войск страны осуществлялось практически на всех этапах развития отечественной историографии, начиная с периода второй четверти XX века и вплоть до настоящего времени. Большой шаг вперед в данном плане был сделан учеными в период последнего этапа развития советской историографии. В это время довольно обстоятельно изучались вопросы аграрных отношений в казачьей среде в отдельных казачьих войсках. Так, специфику аграрных отношений в казачьих войсках, динамику их развития и внутренних противоречий показали А.И. Козлов в масштабе трех казачьих областей Юга-Востока Европейской России (Козлов, 1977), П.А. Шацкий – на Кубани и Тереке (Шацкий, 1970), А.И. Долгих – в Сибирском войске (Долгих, 1967), А.Я. Воронина – в Забайкальском (Воронина, 1976). В середине 1980-х – начале 1990-х годов предметом внимания историков стала и имевшая немаловажное значение для общего положения казачества аграрная политика правительства в казачьих областях. Ее осуществление в казачьих войсках Сибири показал А.Т. Топчий (Топчий, 1984), в Кубанском и Терском – П.П. Матющенко (Матющенко, 1988), только в Кубанском – Н.И. Лебедик (Лебедик, 1984). Масштабное и всестороннее исследование всех сторон системы казачьего землевладения и землепользования в Кубанской и Терской казачьих областях, его непосредственное влияние на экономический уровень казачьих хозяйств осуществил В.Н. Ратушняк (Ратушняк, 1989). В конце 1990-х – начале 2000-х гг. исследователи обратили свое внимание на новые аспекты обозначенной проблематики. Так, общая характеристика положения донских казаков с отражением большинства имевшихся по ней различных историографических подходов, в том числе по особенностям казачьего землевладения и землепользования, уровня социальной дифференциации казачества, была представлена в коллективных монографиях «Казачий Дон: очерки истории» (Казачий Дон: очерки истории, 1995) и «Донские казаки в прошлом и настоящем» (Донские казаки в прошлом и настоящем, 1998). Авторы аналогичной по характеру коллективной работы «Оренбургское казачье войско: история и современность» хорошо отразили политическое и социально-экономическое положение оренбургского казачества (Оренбургское казачье войско: история и современность, 1993). Довольно обстоятельно, хотя и весьма неравномерно по отдельным войскам, данные вопросы раскрыли авторы коллективной монографии «История казачества Азиатской России» (История казачества Азиатской России, 1995). Аграрные проблемы и особенности административно-аграрных отношений в казачьих областях Северного Кавказа на рубеже XIX–XX вв. были показаны П.П. Матющенко (Матющенко, 2000). Планы правительства по проведению в казачьих областях страны аграрных преобразований в русле столыпинской реформы и неудавшаяся попытка их осуществления получили освещение в работах В.П. Трута (Трут, 1997). Достигнутые исследователями результаты по изучению проблемы проанализировал В.Н. Ратушняк (Ратушняк, 2000).

В целом исследователями проделана немалая работа по обстоятельному изучению многих вопросов обозначенной проблемы. Однако актуальная задача целостного всестороннего рассмотрения и объективного глубокого анализа проблемы во всероссийском масштабе с учетом существовавших в каждом казачьем войске особенностей вплоть до настоящего времени в историографии не разрешена. Крайне недостаточно исследована и попытка осуществления правительством преобразований в системе казачьего землевладения и землепользования в начале XX века и особенно причины его отказа от проведения реформационных преобразований в данной сфере.

4. Результаты

Сложившаяся к началу XX века система казачьего землевладения и землепользования имела целый ряд особенностей, обусловленных исторически сложившимся и законодательно оформленным особым социально-политическим статусом казачества. Одним из первых документов, регламентировавших положение дел в данной области, стало особое приложение к «Положению о Войске Донском» 1835 года, которое называлось «О поземельных довольствиях». Нормы этого документа были положены в основу аналогичных законодательных актов, относящихся ко всем другим казачьим войскам страны. 21 апреля 1869 года императором было утверждено «Мнение» Государственного совета «О поземельном устройстве в казачьих войсках». По нему все земли того или иного войска подразделялись на три основные категории: 1) на отвод станицам; 2) на наделы генералов, штаб-офицеров и классных чиновников войска; 3) на различные войсковые надобности (так называемый войсковой запас) (Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе.

Т. XLIV, 1873. Отд. 1. № 46996). Новый статус получало станичное землевладение. Если раньше станичные земли юридически являлись собственностью каждой конкретной станицы, то теперь они считались в общинном владении. Это, естественно, гарантировало неприкосновенность этих земель и ограждало их от каких-либо посягательств как со стороны частных, так и юридических лиц, включая государственные и войсковые структуры. Правда, в случае возникновения необходимости изъятия части этих земель войсковыми органами между ними и станичными обществами возникали конфликтные ситуации ввиду юридической неурегулированности данных процедур. И только с выходом в 1898 году специального положения Военного совета «О порядке принудительного отчуждения станичных земель для общественных войсковых нужд» создавалась необходимая юридическая база и устанавливались порядки разрешения возникавших спорных ситуаций ([Столетие Военного министерства. 1802–1902. Исторический очерк: 556](#)).

Из отведенного каждой станице общего количества земли (так называемого станичного юрта) уже непосредственно на месте выделялись в первую очередь необходимые площади под так называемые общественные нужды (участки под станичные сенокосы, толоки, выгоны, дороги и т.п.). Затем для обеспечения увеличивавшегося вследствие естественного прироста казачьего населения предусматривалось формирование специального станичного (юртового) земельного запаса. И только после этого оставшаяся станичная земля делилась (нарезалась) на индивидуальные казачьи наделы (паи). Право на получение пая имели все казаки, достигшие 17-летнего возраста, а также казачьи вдовы (с детьми – полный пай, без детей – половину пая). Станичные земли не могли переходить в чью-либо частную собственность. Казаки имели право сдавать свои пай в аренду любым лицам на любой срок. (В 1888 году правительство приняло решение о запрете сдачи казаками своих паев в аренду на условиях закона 1869 года. А в соответствии с утвержденным императором 1 июня 1891 г. «Мнением Государственного Совета», ставшим своеобразной преамбулой «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск» того же года, казаки могли сдавать свои пай в аренду лицам войскового и невойскового сословия на срок не свыше одного года ([Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. Т. XI, 1891. № 7782](#)).

Собственником земель, составлявших его территорию, являлось казачье войско. Данная норма неоднократно закреплялась и подтверждалась государством юридически в отношении каждого конкретного войска на протяжении того или иного исторического периода. В очередной и как бы окончательный раз это было сделано в самом начале XX века. В 1901 году специальным указом императора Николая II за всеми казачьими войсками навечно закреплялись все земли, которыми они владели. А по закону 1906 года земли Терского, Оренбургского, Астраханского, Уральского, Сибирского и Семиреченского войск считались их полной собственностью. (Донскому и Кубанскому, точнее еще одному из его предшественников – Черноморскому, войскам земли в собственность были «пожалованы», как известно, еще в XVIII в.) Исключение составило Забайкальское, которое прав полной собственности на занимаемые земли официально не получило. Причиной этого являлось то, что в данных войсках не было полностью завершено ни внешнее размежевание земель (т.е. не были точно определены границы войсковых территорий), ни внутреннее землеустройство (т.е. не были окончательно выделены площади станичных наделных земель и земель войскового запаса, а также не были выделены окружные владения каждой станицы). Эти казачьи войска по существовавшему в их отношении законодательству владели своими землями на правах бессрочного пользования (по официальной терминологии того времени находились у них «в вечном владении»). Но по мере завершения всех землеустроительных работ им так же, как и другим войскам, должны были быть предоставлены права полной собственности на все занимаемые территории.

В большинстве войск ощущался очень значительный недостаток наиболее пригодных для земледелия удобных земель. Причем это было характерно не только для войск Юго-Востока Европейской части страны, но и для обладавших весьма обширными земельными массивами войск Востока страны (Амурского и Уссурийского).

Свои особенности в различных войсках были и в порядках землепользования. В Сибирском войске, например, внутри казачьей общины действовали зачастую различные направления так называемого захватного права. В результате лучшие наделные земли занимали наиболее зажиточные казаки, имевшие экономически сильные хозяйства. Нормы использования земли ими также не соблюдались. А бедные казаки иногда не имели даже положенного им по закону количества земли. В том же войске в тех станицах, где активно велось пашенное земледелие, сильно различались сроки переделов наделных земель на пай – от довольно частых до пожизненных. А в тех станицах, где определяющую роль в хозяйствах казаков играло скотоводство, отмечались даже случаи отсутствия раздела станичных земель на пай, норм запашки. Об этом, в частности, писал бывший войсковой агроном накануне Первой мировой войны Н.Г. Овчинников ([Шулдяков, 1994: 163](#)). В то же самое время во всех сибирских станицах вследствие широкого развития скотоводства строго соблюдались нормы раздела на пай лугов. Для достижения их равенства переделы станичных лугов осуществлялись ежегодно.

Захватная форма землепользования довольно широко практиковалась и в Забайкальском войске. Предпосылками для этого служило отсутствие размежевания многих станиц ([Воронина, 1976: 55](#)).

Своя особенность в землепользовании отмечалась и в Уральском казачьем войске. Она, к сожалению, практически полностью выпала из поля зрения исследователей, хотя отдельные эмигрантские авторы о ней упоминали. В войске официально присутствовал порядок, при котором в тех станицах, где не было проведено земельного размежевания, а таких там было немало, каждое казачье хозяйство имело право занимать и бесплатно пользоваться 20 дес. удобной земли при условии, что она была свободна и не поделена на паи. Если же казак хотел занять большее количество земли и для этого были соответствующие возможности, то он был обязан заплатить в войсковую казну сумму из расчета 3 рубля за 1 десятину (*Казачий словарь-справочник, 1968: 203*).

В Оренбургском войске особенностью землепользования являлись довольно длительные сроки передела паев – 12 лет. Спецификой ведения казачьих хозяйств было то, что, несмотря на довольно большие земельные наделы, казаками засевалось зерновыми культурами в основном не более 7–10 дес. Большая же часть паев, как правило, сдавалась ими в аренду по цене от 3 до 10 руб. за десятину в год (*Оренбургское казачье войско..., 1993: 11*).

В Семиреченском войске, помимо полагавшихся казакам 30 дес. удобной земли, станицам дополнительно отводились земли «в запас» для обеспечения новых паев, необходимость чего диктовалась естественным приростом казачьего населения. Причем размеры этих дополнительных земель составляли до одной трети общих масштабов станичного юрта. Такая практика была характерна только для этого войска. Семиреченские казаки так же, как и оренбургские, производительно использовали только часть своих земельных наделов (*Обзор Семиреченской области за 1913 год, 1914: 44*). В Амурском и Уссурийском войсках наблюдалась, с одной стороны, наличие значительных массивов неосвоенных земель, а с другой – отсутствие необходимого количества удобных земель. Местные казачьи хозяйства, имевшие скотоводческо-земледельческую направленность, были мало производительными и в основе своей носили натуральный характер. Серьезно сказывался и весьма негативный природно-климатический фактор. Территории этих войск находились в зоне так называемого рискованного земледелия. Неурожаи в них были явлением достаточно частым и обычным.

Аналогичная ситуация с недостатком удобных земель и особенно негативными для занятия земледелием природно-климатическими условиями складывалась в Астраханском войске. Поэтому основными сферами хозяйственной деятельности астраханских казаков являлись не земледельческие отрасли, а рыболовство и скотоводство.

Вследствие растущей обеспокоенности официальных органов складывавшимся положением в социально-экономической области в казачьих войсках и возможными значительными негативными последствиями этого, а также понимания того очевидного факта, что изменить его можно практически только путем реформирования либо всей системы аграрных отношений в казачьей среде, либо ее отдельных ключевых элементов, представители государственных структур решили вынести на обсуждение вопрос о возможных аграрных преобразованиях в казачьих областях. Впервые к данной проблеме обратились в 1909 году депутаты III Государственной думы при утверждении бюджета Военного министерства на следующий год. Тогда же в адрес последнего прозвучали и думские рекомендации относительно возможного перехода в казачьих войсках от землепользования общинного к подворному и отрубному, с предоставлением на подворные участки прав единоличной собственности (*Лебедик, 1984: 238*). По своей сути данные предложения подразумевали реализацию своеобразного «казачьего варианта» столыпинской аграрной реформы (*Трут, 1997*). В то же самое время, учитывая, что возможные преобразования в данной сфере повлекут за собой более чем значительные изменения в характере казачьего землепользования и даже землевладения, вызовут значительные трансформации в казачьей среде в целом, правительственные чиновники вполне разумно решили предварительно выяснить доминирующие мнения по данному вопросу и официальных должностных лиц войсковых и местных станичных администраций, и даже непосредственно самого казачества. В июне 1911 года казачий отдел Главного штаба предписал войсковым штабам всех казачьих войск страны собрать и направить в его распоряжение официальные заключения по данной проблеме высших должностных лиц войсковых администраций – войсковых наказных и наказных атаманов. Атаманы же, в свою очередь, вынесли эту проблему на обсуждение непосредственно станичных и хуторских сборов и местных станичных администраций. В ходе развернувшегося обсуждения сущности предлагаемых нововведений и их последствий для казаков последними высказывались самые различные суждения. Например, собрание атаманов Екатеринодарского отдела Кубанской области, состоявшееся в октябре 1911 года, не нашло возможным коренным образом изменить существующее общинное владение и пользование землей. По мнению его участников, предоставление прав единоличной собственности на землю, устройство отрубов, хуторов и поселков «неминуемо создаст класс безземельных» и вызовет рознь среди казачества (*ГАКК. Ф. 449. Оп. 5. Д. 189. Л. 3*). Станичные сборы Лабинского отдела пришли к небезосновательному выводу, что при установлении отрубного хозяйства образуется, с одной стороны, класс населения, утративший свою собственность по различным причинам, а с другой – «класс казаков-богачей, сумевший скупить земли у слабых хозяев» (*ГАКК. Ф. 449. Оп. 5. Д. 189. Л. 8об.*). А станичные и хуторские атаманы Таманского отдела считали, что предлагаемые меры приведут не только к разладу, упадку «казачьей семьи», но даже «...к уничтожению самого

казачества» (ГАКК. Ф. 449. Оп. 5. Д. 189. Л. 12). И такие утверждения носили достаточно распространенный характер. В донесении чинов местной кубанской войсковой администрации в Военное министерство с тревогой отмечалось, что некоторые сборы и атаманы «...в возбуждении самого этого вопроса Государственной думой заподозрили последнюю в стремлении к упразднению казачества» (ГАКК. Ф. 449. Оп. 5. Д. 189. Л. 20б).

Последствия предлагаемых реорганизаций были очевидны не только для казаков, но и для ответственных чинов военного ведомства. Они хорошо осознавали, что раздел и передача общинной казачьей земли в частную собственность казаков в самом ближайшем будущем приведет к неравенству в их земельном обеспечении. А образование значительного контингента малоземельных или вообще безземельных казаков ставило под угрозу весь существовавший порядок казачьей воинской службы (ГАКК. Ф. 449. Оп. 5. Д. 189. Л. 23). Более того, это самым непосредственным образом затронуло бы общее состояние такого важного в то время рода войск русской армии, как кавалерия. С другой же стороны, правительственные чиновники осознавали всю глубину и остроту противоречий, изнутри раздиравших казачью общину, и, надеясь, если не устранить их полностью, то хотя бы ограничить возможные последствия. Поэтому, несмотря на достаточно однозначные точки зрения на обсуждавшуюся проблему атаманов и представителей Военного министерства в казачьих областях о нежелательности перевода казачьих хозяйств на отруб (ГАКК. Ф. 449. Оп. 5. Д. 189. Л. 20б), окончательное решение данного вопроса затянулось.

Получив и проанализировав поступившие отчеты наказных атаманов многих войск, правительственные органы предприняли попытку своеобразного «обходного маневра». В постановлении Военного совета от 24 апреля 1913 года и директиве Главного штаба от 26 июля того же года, разосланных в казачьи войска, содержались конкретные указания по разработке и осуществлению комплекса мероприятий по улучшению экономического положения казачьих хозяйств и их землепользования без радикального изменения существовавших порядков казачьего землевладения. А 29 августа 1913 года Военный совет принял окончательное постановление по разрешению этой сложной проблемы. В нем переход от общинного землевладения к личному на праве собственности признавался нежелательным и недопустимым (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3910. Л. 7; ГАКК. Ф. 449. Оп. 5. Д. 189. Л. 26). Вместе с тем в данном постановлении местным начальствам всех казачьих войск предлагалось при участии самого казачьего населения решить вопрос о том, какие мероприятия было бы желательно провести в жизнь для улучшения порядка землепользования.

В ответ на данное предложение в казачьих областях развернулась соответствующая активная работа. И уже в скором времени от станичных и хуторских обществ последовало множество разнообразных суждений и конкретных предложений. Наиболее распространенными из них являлись пожелания о введении значительно более продолжительного (до 8–15–20 лет) срока передела юртовых земель на паи (ГАКК. Ф. 449. Оп. 5. Д. 216. Л. 1–3, 6, 29, 38). Но ввиду малоземелья во многих станицах введение длительных сроков передела паевых земель и использования трехпольной системы, также предлагавшейся казаками, не представлялась возможным (ГАКК. Ф. 449. Оп. 5. Д. 216. Л. 13, 24). Многие заявления казачьих сходов касались необходимости улучшения и повышения культуры хозяйствования, как, например, введения чередования посевов различных сельскохозяйственных культур, развития садоводства и огородничества, организации сети участковых агрономических школ с опытными полями и т.д. (ГАКК. Ф. 449. Оп. 5. Д. 216. Л. 3, 5, 33).

Некоторые станичные сходы настаивали на передаче паев в постоянное наследственное пользование (ГАКК. Ф. 449. Оп. 5. Д. 216. Л. 16), одновременно «воспретив продажу земли и поставив сдачу ее в аренду под контроль станичного сбора» (ГАКК. Ф. 449. Оп. 5. Д. 216. Л. 32). Были высказаны и довольно интересные мнения об образовании хуторов по типу «немецких колоний» в 10–30 дворов, с ведением между ними обязательной трехпольной системы (ГАКК. Ф. 449. Оп. 5. Д. 216. Л. 33, 38, 43).

Не остались в стороне от обсуждаемых вопросов и местные власти. Видя сложности экономического положения казачьих хозяйств, понимая необходимость разрешения хотя бы части назревших проблем в рамках существующих отношений, администрации Донского, Терского, Уральского и Семиреченского войск выдвинули своеобразное компромиссное предложение по улучшению порядков казачьего землепользования. Суть его заключалась в образовании более мелких казачьих общин, состоявших из одного небольшого поселения с ограниченным количеством дворов. Тем самым несколько упорядочивалось бы местное станичное землепользование, места жительства казаков непосредственно приближались бы к их земельным наделам (ГАКК. Ф. 449. Оп. 5. Д. 189. Л. 230б). Органы исполнительной власти Астраханского войска внесли предложение об изменении сроков предоставления казакам земельных паев и передаче их в пожизненное пользование. Атаманы Оренбургского и Забайкальского войск, выступив в поддержку идеи перехода казаков к индивидуальной хуторской системе, тут же сделали оговорку об одновременном обязательном сохранении казачьей общины. О том же, как совместить эти два разноплановых мероприятия, они ничего не сказали (ГАКК. Ф. 449. Оп. 5. Д. 189. Л. 23–25). Войсковые администрации Донского и Терского войск заявили о необходимости ограничить право станичных обществ противодействовать образованию новых казачьих хуторов (ГАКК. Ф. 449. Оп. 5. Д. 189. Л. 230б).

В результате обсуждения всех поднятых проблем станичными сборами, войсковыми специалистами по землеустройству и войсковой администрацией Сибирского казачьего войска была выработана даже своеобразная местная программа необходимых преобразований. Она включала в себя следующие мероприятия. В области землеустройства предлагались конкретные меры по ликвидации дальнеземелья и чересполосицы за счет приближения наделных паевых участков к станицам и поселкам и объединения их в один нераздробленный юрт. Основным путем достижения этого должны были стать прирезка или обмен земли, переселение казаков во вновь образуемые на войсковых запасных землях поселки, предварительное снятие планов участков. В сфере землепользования намечалась окончательная замена захватной формы передельно-паевой, существенное, до 17 лет, увеличение сроков передела паев, что должно было заметно стимулировать улучшение агротехники, обязательное сохранение при очередных переделах за казаками хотя бы части их прежних паев, а также придание последним максимально возможных удобных для обработки очертаний, соединений их в группы по селениям и т.п. Здесь также предусматривались и меры по урегулированию арендных отношений путем увеличения срока аренды с 1 года до 6 лет, но с ежегодным внесением арендной платы, по улучшению общей культуры ведения сельскохозяйственной деятельности (обязательный переход от залежной к трехпольной и многопольной системе земледелия, расширение войсковых агрономических и ветеринарных служб, мероприятия по развитию кооперирования и т.п.). Кроме всего этого, в предложениях присутствовали и особые пункты относительно обязательного учета традиций казачьего самоуправления, в соответствии с которыми казаки должны были быть гарантированы от принудительного землеустройства, самостоятельный выбор казачьими обществами порядка землепользования, проведение переделов по решению станичного схода и по жребию (Шулдяков, 1994: 158).

Но, несмотря на обилие подходов и множество конкретных предложений, возможности правительства и местных властей были сильно ограничены жесткими рамками существовавших общественно-экономических порядков и отношений, общим курсом самодержавия на незабываемость его социальных институтов. В таких условиях осуществление каких-либо принципиально значимых преобразований было попросту невозможно. И на деле реализовывались лишь второстепенные частные меры по улучшению агротехники в казачьих хозяйствах.

5. Заключение

Существовавшая система казачьего землевладения и землепользования, несмотря на постоянно усиливавшееся влияние объективных внешних факторов, прежде всего товарно-денежных отношений, и внутренних противоречий, в частности неуклонного снижения величины земельного обеспечения казачьих хозяйств, в целом продолжала обеспечивать довольно устойчивое социально-экономическое положение основной массы казачества. Однако имевшиеся предкризисные проявления в данной области свидетельствовали об объективно обусловленных и достаточно масштабных проблемах и противоречиях ее организации и функционирования.

Под воздействием объективных факторов обострялись внутренние проблемы и противоречия существовавшей системы казачьего землевладения и землепользования. В результате нарастал внешне скрытый процесс внутреннего социально-экономического кризиса казачьей войсковой и общинной организации. Возрастала социальная дифференциация казачества, которая в свою очередь обостряла внутриобщинные экономические и социальные противоречия. Причем взаимное влияние и взаимное стимулирование данных тенденций постоянно возрастали.

В связи с растущим осложнением социально-экономического положения казачества, что ставило под вопрос его мобилизационные возможности, правительство рассматривало вопрос о возможных преобразованиях в аграрной сфере в казачьих областях в общем контексте столыпинских аграрных реформ. Данные планы были предметно разработаны правительством. С целью выяснения мнения по этому вопросу представителей органов казачьего управления всех уровней и непосредственно самого казачества они были вынесены на достаточно широкое общественное обсуждение. Однако ввиду в целом однозначно отрицательного отношения основной массы казаков и представителей казачьей администрации к предложенным проектам преобразований, не без оснований считавших, что это неминуемо приведет к очень существенным изменениям не только в характере казачьего землевладения и землепользования, но и всей системе казачьей общественной организации, правительство было вынуждено оказаться от их практической реализации.

Литература

Воронина, 1976 – Воронина А.Я. К вопросу о землеустройстве Забайкальского казачьего войска // Социально-экономическое развитие Сибири XIX–XX вв. Иркутск: Иркутский педагогический институт, 1976. С. 43–56.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

[Долгих, 1967](#) – *Долгих А.И.* Землевладение и землепользование в Сибирском казачьем войске накануне Февральской революции // Вопросы истории Сибири. Вып. 3. Томск: Изд-во Томского университета, 1967. С. 32–46.

[Донские казаки в прошлом и настоящем, 1998](#) – Донские казаки в прошлом и настоящем / Под ред. В.Г. Волкова. Ростов-на-Дону: ГинГО, 1998. 504 с.

[История казачества Азиатской России, 1995](#) – История казачества Азиатской России / Под общей ред. В.В. Алексеева. В 3-х т. Т. 2, 3. Екатеринбург: Уральское отд. РАН, 1995.

[Казачий Дон: очерки истории, 1995](#) – Казачий Дон: очерки истории / Под ред. А.П. Скорина и Р.Г. Тикиджьяна. В 2-х ч. Ростов-на-Дону: Изд-во обл. ИУУ, 1995. Ч. I. 192 с.

[Казачий словарь-справочник, 1968](#) – Казачий словарь-справочник. В 3-х т. Сост. Г.В. Губарев. Т. 3. Сан-Ансельмо: Б.и., 1968.

[Козлов, 1977](#) – *Козлов А.И.* На историческом повороте. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1977. 165 с.

[Лебедик, 1984](#) – *Лебедик Н.И.* Кризис аграрной политики царизма в казачьих районах перед Великой Октябрьской социалистической революцией (По материалам Кубанского войска) // Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне / Материалы Всесоюзной научной конференции. Черкесск: Карачаево-Черкесский ин-т истории, филологии и экономики, 1984. С. 236–243.

[Матющенко, 1988](#) – *Матющенко П.П.* Аграрная политика царизма в Кубанском и Терском казачьих войсках в период империализма // Казачество в революциях и гражданской войне / Материалы Всесоюзной научной конференции. Черкесск: Карачаево-Черкесский ин-т истории, филологии и экономики, 1988. С. 262–268.

[Матющенко, 2000](#) – *Матющенко П.П.* Особенности аграрных отношений в казачьих областях Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Голос минувшего. 2000. № 3–4.

[Обзор Семиреченской области за 1913 год, 1914](#) – Обзор Семиреченской области за 1913 год. Верный: Типография Семиреченского областного Правления, 1914. 56 с.

[Оренбургское казачье войско..., 1993](#) – Оренбургское казачье войско: история и современность. Челябинск: Б. и., 1993. 128 с.

[Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. XLIV, 1873. Отд. 1. № 46996](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. XLIV, 1873. Отд. 1. № 46996.

[Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. 12 декабря 1825](#) – 28 февраля 1881 гг. Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1830–1885 гг. В 129 т. Т. XLIV. 1873. Отд. 1. № 46996.

[Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. Т. XI, 1891. № 7782](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. 1 марта 1881–1913 гг. В 48 т. Государственная типография, СПб, 1885–1916 гг. Т. XI, 1891. № 7782.

[Ратушняк, 1989](#) – *Ратушняк В.Н.* Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века (К проблеме развития аграрного капитализма). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989. 251 с.

[Ратушняк, 2000](#) – *Ратушняк В.Н.* Некоторые аспекты изучения казачества на современном этапе // *Актуальные проблемы истории и историографии Северного Кавказа*. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2000. С. 151–162.

[Столетие Военного министерства. 1802–1902. Исторический очерк](#) – Столетие Военного министерства. 1802–1902. Исторический очерк. Т. 11. Главное управление казачьих войск. Ч. 2. СПб: Синодальная типография, 1902. С. 556.

[Топчий, 1984](#) – *Топчий А.Т.* Политика царизма в казачьих войсках Сибири // Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне. Черкесск: Карачаево-Черкесский ин-т истории, филологии и экономики, 1984. С. 156–167.

[Трут, 1997](#) – *Трут В.П.* «Казачий вариант» столыпинской аграрной реформы: неудавшаяся попытка // Россия XIX – начала XX вв.: государственный строй, реформы, общественно-политическая мысль, экономическое развитие. Сб. ст. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1997. С. 140–149.

[Шацкий, 1970](#) – *Шацкий П.А.* Сельское хозяйство Предкавказья в 1861–1905 гг. // Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Востока России. Ставрополь: Изд-во Ставропольского университета, 1970.

[Шулдяков, 1994](#) – *Шулдяков В.А.* К вопросу о гибели Сибирского казачьего войска в 1917–1922 гг. // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. С. 150–170.

References

[Voronina, 1976](#) – *Voronina A.YA.* (1976). K voprosu o zemleustrojstve Zabajkal'skogo kazach'ego vojska [To the issue of land management of the Transbaikalian Cossack army]. Social'no-ehkonomicheskoe razvitie Sibiri XIX-XX vv. Irkutsk: Irkutskij pedagogicheskij institut, 1976. S. 43–56. [in Russian]

[ГАКК](#) – Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja. [in Russian]

GARO – Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti. [in Russian]

Dolgih, 1967 – Dolgih A.I. (1967). Zemlevladienie i zemlepol'zovanie v Sibirskom kazach'em vojske nakanune Fevral'skoj revolyucii [land Tenure and land use in the Siberian Cossack army on the eve of the February revolution]. *Voprosy istorii Sibiri*. Vyp.3. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta. pp. 32-46. [in Russian]

Donskie kazaki v proshlom i nastoyashchem, 1998 – Donskie kazaki v proshlom i nastoyashchem. [Don Cossacks in the past and present]. Pod red. V.G.Volkova. Rostov-na-Donu: GinGO, 1998. 504 p. [in Russian]

Istoriya kazachestva Aziatskoj Rossii, 1995 – Istoriya kazachestva Aziatskoj Rossii [History of the Cossacks of Asian Russia]. Pod obshchej red. V.V. Alekseeva. V 3-h t. T.T. 2,3. Ekaterinburg: Ural'skoe otd. RAN, 1995. [in Russian]

Kazachij Don: ocherki istorii, 1995 – Kazachij Don: ocherki istorii [Cossack don: essays on history]. Pod red. A.P. Skorina i R.G. Tikidzh'yana. V 2-h ch. Rostov-na-Donu: Izd-vo obl. IUU, 1995. CH.I. 192 p. [in Russian]

Kazachij slovar' – spravochnik, 1968 – Kazachij slovar' – spravochnik [Cossack dictionary-reference book]. V 3-h t. Sost. G.V. Gubarev. T.3. San-Ansel'mo: B.i., 1968. [in Russian]

Kozlov, 1977 – *Kozlov A.I.* (1977). Na istoricheskom povorote [At a historic turn]. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo universiteta. 165 p. [in Russian]

Lebedik, 1984 – Lebedik N.I. (1984). Krizis agrarnoj politiki carizma v kazach'ih rajonah pred Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyuciej. (Po materialam Kubanskogo vojska) [Crisis of agrarian policy of tsarism in the Cossack areas before the great October socialist revolution. (Based on the materials of the Kuban army)]. Kazachestvo v Oktyabr'skoj revolyucii i grazhdanskoj vojne–Materialy Vsesoyuznoj nauchnoj konferencii. CHERKESK: Karachaevo-CHerkesskij in-t istorii, filologii i ehkonomiki. pp. 236-243. [in Russian]

Matyushchenko, 1988 – *Matyushchenko P.P.* (1988). Agrarnaya politika carizma v Kubanskom i Terskom kazach'ih vojskah v period imperializma [Agrarian policy of tsarism in the Kuban and Terek Cossack troops during the period of imperialism]. *Kazachestvo v revolyuciyah i grazhdanskoj vojne. Materialy Vsesoyuznoj nauchnoj konferencii*. Cherkessk: Karachaevo-CHerkesskij in-t istorii, filologii i ehkonomiki. pp. 262-268. [in Russian]

Matyushchenko, 2000 – *Matyushchenko P.P.* (2000). Osobennosti agrarnyh otnoshenij v kazach'ih oblastyah Severnogo Kavkaza (vtoraya polovina XIX -nachalo XX v.v) [Features of agricultural relations in the Cossack regions of the North Caucasus (the second half of the XIX-early XX century)]. *Golos minuvshogo*. 3-4. [in Russian]

Obzor Semirechenskoj oblasti za 1913 god, 1914 – Obzor Semirechenskoj oblasti za 1913 god [Review of Semirechensk region in 1913.]. VERNYJ: Tipografiya Semirechenskogo oblastnogo Pravleniya, 1914. 56 p.

Orenburgskoe kazach'e vojsko: istoriya i sovremennost', 1993 – Orenburgskoe kazach'e vojsko: istoriya i sovremennost [Orenburg Cossack army: history and modernity]'. Chelyabinsk: B.i., 1993. 128 p. [in Russian]

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Vtoroe. T. XLIV., 1873 – Otd. 1 - № 46996 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Vtoroe. 12 dekabrya 1825 – 28 fevralya 1881 gg. [Full collection of laws of the Russian Empire. Assembly The Second. December 12, 1825-February 28, 1881]. Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. SPb., 1830-1885 gg. V 129 t. T. XLIV. 1873 – Otd. 1 - № 46996. [in Russian]

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Tret'e. T. XI, 1891. № 7782 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Tret'e. 1 marta 1881 – 1913 gg. [Full collection of laws of the Russian Empire. Meeting Three. Vol. XI, 1891. No. 7782. Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting Three. 1 Mar 1881 – 1913]. V 48 t. Gosudarstvennaya tipografiya, SPb, 1885-1916 gg. T. XI, 1891. № 7782.

Ratushnyak, 1989 – *Ratushnyak V.N.* (1989). Sel'skokozyajstvennoe proizvodstvo Severnogo Kavkaza v konce XIX – nachale XX veka. (K probleme razvitiya agrarnogo kapitalizma) [Town Hall VN. Agricultural production of the North Caucasus in the late XIX-early XX century. (To the problem of development of agrarian capitalism).]. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo universiteta. 251 p. [in Russian]

Ratushnyak, 2000 – *Ratushnyak V.N.* (2000). Nekotorye aspekty izucheniya kazachestva na sovremennom ehstape [Town Hall VN. Some aspects of the study of the Cossacks at the present stage]. Aktual'nye problemy istorii i istoriografii Severnogo Kavkaza. Krasnodar: Kubanskij gosuniversitet. pp. 151-162. [in Russian]

Stoletie voennogo ministerstva. 1802-1902. Istoricheskij ocherk – Stoletie voennogo ministerstva. 1802-1902. Istoricheskij ocherk [The century of the war Ministry. 1802-1902. Historical essay]. T.11. Glavnoe upravlenie kazach'ih vojsk. Ch. 2. SPb: Sinodal'naya tipografiya, 1902. P. 556. [in Russian]

Topchij, 1984 – *Topchij A.T.* (1984). Politika carizma v kazach'ih vojskah Sibiri [Policy of tsarism in the Cossack armies of Siberia]. Kazachestvo v Oktyabr'skoj revolyucii i grazhdanskoj vojne. Cherkessk: Karachaevo-CHerkesskij in-t istorii, filologii i ehkonomiki. pp. 156-167. [in Russian]

Trut, 1997 – *Trut V.P.* (1997). «Kazachij variant» stolypinskoj agrarnoj reformy: neudavshayasya popytka[" Cossack variant " of Stolypin agrarian reform: a failed attempt]. *Rossiya XIX – nachala XX vv: gosudarstvennyj stroj, reformy , obshchestvenno-politicheskaya mysl', ehkonomicheskoe razvitie*. Sb. st. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rost. un-ta. pp. 140-149. [in Russian]

Shackij, 1970 – *Shackij P.A.* (1970). Sel'skoe hozyajstvo Predkavkaz'ya v 1861-1905 gg. [Agriculture of the Ciscaucasia in 1861-1905]. Nekotorye voprosy social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Yugo-Vostoka Rossii. Stavropol': Izd-vo Stavropol'skogo universiteta. [in Russian]

Shuldyakov, 1994 – *Shuldyakov V.A.* (1994). K voprosu o gibeli Sibirskogo kazach'ego vojska v 1917 – 1922 gg. [On the issue of the death of the Siberian Cossack army in 1917-1922]. *Uralo-Sibirskoe kazachestvo v panorame vekov*. pp. 150-170. [in Russian]

Система казачьего землевладения и землепользования и попытка ее реформирования в начале XX века

Владимир Петрович Трут ^{a, *}

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе анализа архивных и опубликованных документов и материалов, отечественной историографии по данному вопросу исследуются проблемы сложившейся к началу XX века системы казачьего землевладения и казачьего землепользования. Раскрывается процесс формирования и законодательного оформления данной системы. Показывается, что сложившаяся к данному периоду времени система казачьего землевладения и землепользования имела целый ряд специфических особенностей, обусловленных исторически сложившимся и законодательно оформленным особым социально-политическим статусом казачества. Собственником земель, составлявших его территорию, являлось казачье войско. Данная норма неоднократно закреплялась и подтверждалась государством юридически в отношении каждого конкретного войска на протяжении того или иного исторического периода. В 1901 году специальным указом императора за всеми казачьими войсками навечно закреплялись все земли, которыми они владели. А по закону 1906 года земли казачьих войск считались их полной собственностью. В различных войсках существовали свои особенности в порядках землепользования. С течением времени возрастала обеспокоенность официальных государственных органов нараставшими проблемами и противоречиями в системе казачьего землепользования. Рассматривался вопрос о возможных аграрных преобразованиях в казачьих областях. В существовавшей системе казачьего землевладения и землепользования в казачьих войсках предлагался переход от землепользования общинного к подворному и отрубному, с предоставлением на подворные участки прав единоличной собственности. Анализируется процесс обсуждения данных предложений на всех уровнях и причины отказа от проведения преобразований в аграрной сфере казачьей жизнедеятельности.

Ключевые слова: казачество, казачье землевладение, казачье землепользование, система, казачий пай, аграрное законодательство.

* Корреспондирующий автор

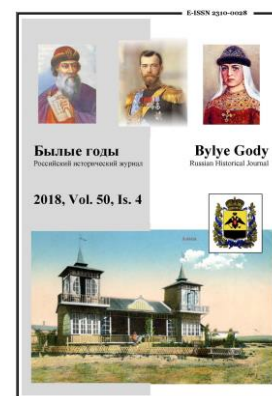
Адреса электронной почты: trut.vladimir@rambler.ru (В.П. Трут)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1712-1724. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1712
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Issues of Defense, Internal Governance and the Status of the Chinese Eastern Railway in Government Policy at the beginning of the 20th century

Denis G. Yanchenko ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article examines attempts at administrative reorganization of the Chinese Eastern Railway after the conclusion of the Portsmouth Peace Treaty of 1905. The military high rank officers sought to maintain control over the road and intended to restore the lost positions in the region. The formal reason for this could be the transportation of goods and troops, ensuring the road safety, but at the base it was a desire to return the undermined influence on the Far Eastern affairs. The materials of the Russian State Historical Archive (RGIA) reflect the struggle on this issue among the military and political elites.

After the defeat and the conclusion of the Portsmouth Peace, the definition of the further strategy seemed to be the prerogative of civilian agencies (the Ministry of Finance and the Ministry of Foreign Affairs), not the military, but this did not happen because of the resistance of the military. Minister of Finance V.N. Kokovtsov did neither plan to renounce the influence on the Far Eastern affairs, nor to entrust the control of the border guard in Manchuria to the military. Quite a logical move by the minister was an indication of foreign policy obligations as a fundamental principle.

For a short time, in the conditions of the Duma monarchy in Russia, local governmental structures appeared in Harbin and a part of the settlements. New internal political conditions of the Duma monarchy and preparation for war in Europe forced the government to adjust the goals and objectives in the Far East. The projects, which were discussed by the Russian government, for the Russian order were quite liberal at the beginning of the 20th century. Russian population did not receive additional privileges, and the state authorities of Russia did not officially participate in the formation of public administration. It gave the complete dependence of the Society of the CER from the Ministry of Finance.

Keywords: Chinese Eastern Railway, Russian-Japanese War, State Duma, General Staff, N.I. Grodekov, V.N. Kokovtsov, Manchuria, First Russian Revolution.

1. Введение

История правительственной политики в освоении Маньчжурии царской Россией, история КВЖД и укрепления обороны Дальнего Востока начала XX в. нуждаются в более подробном изучении (Старовойтова и др., 2016: 205–210). Особый статус дороги и полосы отчуждения с многочисленными русскими колонистами, китайскими переселенцами, развитой инфраструктурой делал этот край в начале XX в. объектом внимания других великих держав. В таких международных условиях после поражения в Русско-японской войне сохранить прежний порядок управления не представлялось возможным. Материалы РГИА из фондов Совета министров, Государственной думы, Комитета по заселению Дальнего Востока, КВЖД позволяют сегодня представить перипетии борьбы в правительственных верхах по этому вопросу в 1906–1909 гг., т.е. в особенно сложный для русского влияния в регионе временной отрезок, предшествовавший заключению соглашений с Японией и Китаем. В статье рассматриваются предпосылки создания на территории полосы отчуждения КВЖД общественных органов власти «при участии выборных от местного населения лиц, но с сохранением

* Corresponding author

E-mail addresses: d.yanchenko@spbu.ru (D.G. Yanchenko)

непосредственной зависимости учреждений местного самоуправления» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 72. Л. 10) от администрации дороги.

2. Материалы и методы

Статья написана с использованием традиционных методов исторического исследования. Факты рассматриваются в контексте периода, в сопоставлении друг с другом. Историко-генетический метод использовался при рассмотрении дискуссий в среде высшей бюрократии империи. Проанализированы нормативно-правовые акты, международные соглашения, регламентировавшие порядок управления КВЖД. Материалы РГИА из фондов Совета министров, Государственной думы, Комитета по заселению Дальнего Востока, КВЖД позволяют сегодня представить перипетии борьбы в правительственных верхах по этому вопросу после печального завершения Русско-японской войны. Материалы Особых совещаний по вопросу о реорганизации управления дорогой, создаваемых объединенным после 1905 г. правительством – Советом министров – являются важным источником данной работы.

3. Обсуждение

Монография Б.А. Романова «Россия в Маньчжурии...» (Романов, 1928) и одна из известных современных работ по этой теме под авторством И.В. Лукоянова (Лукоянов, 2008) напрямую не рассматривали изменения правительственной политики и системы управления после военного поражения на Дальнем Востоке. Дискуссии среди высшей бюрократии империи о том, что делать с КВЖД, затрагивали перспективы «русского дела» в регионе и вопросы обороны. Отметим также появившиеся в последние годы работы китайских авторов о влиянии первой железнодорожной магистрали Северо-Востока Китая на экономическое и культурное развитие региона и его центра – г. Харбина (Чэн, 2008: 5–7; Лю, 2015: 35–37).

По словам Н.Е. Абловой, на китайских землях с появлением КВЖД возникло «государство в государстве», со своей границей, территорией, многонациональным населением. Дорога обладала «законодательной (Правление КВЖД) и исполнительной (Управление КВЖД) властями..., «главой государства» (Управляющий КВЖД), министерствами (Земельный отдел, Служба тяги и т.п.), полицией и армией (Заамурский округ Пограничной стражи), судом и муниципальным управлением, собственной системой образования и здравоохранения» (Аблова, 2005: 20–21).

Рис. 1. Здание Управления КВЖД. Современный вид. Фото автора

4. Результаты

Формальным основанием русского присутствия в Китае было международное соглашение. 27 августа (8 сентября) 1896 г. в Берлине китайский посланник в Российской империи Сюй Цзэнчэн подписал с правлением Русско-Китайского банка контракт о предоставлении права на постройку железной дороги через Маньчжурию. Этот документ уточнил положения Союзного договора между Российской империей и Китаем от 22 мая (3 июня) 1896 г. (Русско-китайские отношения, 1958: 73–77). По параграфу 6 контракта административная и судебная власть в полосе отчуждения принадлежала Обществу КВЖД. Формально руководящими органами компании были собрание

акционеров и правление. Номинальным главой – председателем правления был подданный Китая, вице-председателем – подданный России. Управляющий дорогой и Совет при управляющем, в который входили начальники отделов и служб дороги, назначались из русских подданных. Связующим звеном между представителями российской и китайской власти был председатель Общества – китайский чиновник. Он должен был контролировать соблюдение контракта со стороны Русско-Китайского банка и Общества КВЖД в отношении Империи Цин. В России Общество КВЖД обладало правами юридического лица. Устав компании не противоречил типовым уставам российских железных дорог (ПСЗРИ. *Собрание Третье*. Т. XVI. 1896. Отделение 1. № 13486. 1899: 749–757).

Представители китайской администрации «продолжали осуществлять свои полномочия, и действия китайских законов... ограничению не подлежали» (Вишняков, 2007: 55–57), однако контракт предоставил России исключительные привилегии, не включенные ни в один из известных концессионных договоров. Управление в полосе отчуждения компания осуществляла самостоятельно на основании русского законодательства. В январе 1897 г. по ходатайству российской стороны первым председателем Общества КВЖД стал бывший посланник Китая в Петербурге и Берлине Сюй Цзэнчэн, однако после его гибели во время восстания ихэтуаней нового председателя не назначали.

«Судебные полномочия по всем вопросам, связанным с дорогой, реализовывались через деятельность российско-китайских смешанных судов (цзяо-шэ-цзюй), юрисдикция которых распространялась на все население полосы отчуждения» (Казанцев, Салогуб, 2013: 28–31). На китайские власти возлагалась охрана дороги от хунхузов (местных банд – Д.Я.), но с этой задачей они не справлялись. Для защиты правопорядка была учреждена специальная вольнонаемная Охранная стража (4,5 тыс. человек), подчинявшаяся руководителю строительства – главному инженеру дороги. В 1901 г. ввиду трудности пополнения частей вольнонаемными лицами и возникшей после Ихэтуаньского восстания необходимости увеличить состав войск, было решено образовать в составе Отдельного корпуса пограничной стражи особый Заамурский округ, которому верили защиту КВЖД.

Вопросы административного устройства в Маньчжурии до Русско-японской войны рассматривались в Особом комитете Дальнего Востока. Ведению Комитета подлежали дела по управлению наместничеством, сметные предположения о доходной и расходной части, торговое и промышленное развитие края, дела о применении общероссийского законодательства и правительственных распоряжений, требующих согласования наместника с министрами, а также дела, решение которых превышало власть наместника (Казанцев, 2012: 25).

По окончании Русско-японской войны правила, по которым осуществлялось внутреннее управление в полосе отчуждения вдоль КВЖД, нуждались в изменении по многим причинам. К практике Особых совещаний (ОСО) как способа решения приоритетных задач (экономических, военных или административных) в развитии железнодорожной линии и региона в целом русское правительство прибегало часто. После войны вопросы обороны Дальнего Востока и линии КВЖД увязывались с колонизацией края. Материалы Особого совещания членов Совета министров по данной теме за подписью П.А. Столыпина датированы 1906 г. В заседании ОСО 25 июля 1906 г. рассматривались вопросы пополнения железнодорожных частей по линии КВЖД, усиление русского военного присутствия. Параллельно инициативными высшими офицерами и чиновниками разрабатывались проекты реорганизации местного управления как в столице, в Министерстве финансов, так и на Дальнем Востоке. В дальнейшем при созыве Особых совещаний центральной властью к участию будут привлекаться региональные эксперты. Так, министр финансов В.Н. Коковцов в 1908 г. писал председателю Государственной думы Н.А. Хомякову, что расходы КВЖД из средств казны рассматривались в образованном при правлении Общества междуведомственным совещанием с участием «специально для сего вызванного с места управляющего дорогой и председателя Ревизионной комиссии Общества» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2685/1332. Л. 640б.).

Неопределенность и отсутствие политического урегулирования в отношениях России с дальневосточными соседями – Японией и Китаем – привели в 1906–1907 гг. к застою и спаду в экономической жизни края. Русско-японская война вызвала массовую миграцию китайского населения и ломку сложившихся хозяйственных связей. «Многие русские фирмы, работавшие в Маньчжурии, остались с громадными запасами различных товаров... и разорились. В этих условиях возобновление нормальной работы КВЖД явилось важным фактором возрождения экономической жизни Северной Маньчжурии» (Ратманов, 2009: 50).

О численности русского населения на Северо-Востоке Китая в «Историческом обзоре КВЖД» Н.Х. Нилуса приведены следующие данные: в 1907 г. на западном участке дороги было 15970 русских, 5577 – в поселке Маньчжурия (Маньчжоули), 1428 – в Чжайлоноре, 4375 – в Хайларе, 2767 – в Бокэту (Бухэду), 1643 – в Чжаланьтуне. К 1910 г. цифра выросла до 17061 человека. Это свыше 30 % от численности населения Хулуьбуирского аймака (волости – Д.Я.). По Восточной линии проживало 7127 взрослых (из них на дороге служили 3305) и 2004 ребенка. На Южной линии – 729 мужчин и женщин (в том числе 503 служащих) (Нилус, 1922: 621).

К 1910 г. поселков, имевших более 2 тыс. жителей (русских и китайцев), было, кроме Харбина, семь: Маньчжурия, Хайлар, Имяньпо, Ханьдаохэцзы, Пограничная, Цицикар, станция Бухэду. По современным подсчетам к 1910 г. русское население в поселках на линии КВЖД, казачье-

крестьянское население Трехречья, Харбина (после окончания Русско-японской войны его население уменьшилось) «составило порядка 70–75 тыс. чел. Маньчжурия стала даже неофициально именоваться Желтороссией» (Чапыгин, 2014: 326).

В свое время КВЖД сместила экономическую жизнь с Амурского региона в Маньчжурию, «интересы огромнейшей и бедствующей российской территории были принесены в жертву китайской провинции» (Дятлова, 2012: 611). Проблемы колонизации российского Дальнего Востока в начале XX в. уже рассматривались в отдельной статье (Янченко, Слободзян, 2017: 93–106), отметим только, что с 1906 г. правительственные приоритеты и отношение к Маньчжурии и всему Дальневосточному региону стали меняться.

После военного поражения и заключения Портсмутского мира определение дальнейшей стратегии, казалось, должно было стать прерогативой гражданских ведомств (Министерства финансов и Министерства иностранных дел), не военных, но этого не произошло. В условиях японской угрозы целью мероприятий Военного министерства и Генерального штаба являлось «отстоять хоть часть наших владений на побережье Тихого океана до прибытия подкреплений» (РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 64. Л. 106.). Появление японских баз в Корее ослабило российские позиции. Японцы контролировали южную часть Маньчжурии. Приведем цитату из секретного доклада начальника Управления по делам о воинской повинности от 8 марта 1908 г.: «На север к Ляояну и Мукдену... части, заблаговременно перевезенные через море, могут ныне притекать уже тремя железнодорожными путями, а именно по линиям Андун – Ляоян, из Артура и Дальнего, и от Инкоу на Синминтин» (РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 64. Л. 11). В таких условиях, по расчетам военных аналитиков, за два месяца потенциальный противник легко сосредоточил бы у Харбина трехсоттысячную группировку.

В Особом совещании под председательством товарища министра финансов т.с. Чистякова был принят ряд принципиальных решений по охране магистрали. Совещание определило пять основных пунктов дальнейшей правительственной политики вдоль линии КВЖД. Они оставались фактическим руководством к действию для русских властей до 1917 г., несмотря на изменение внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке. Без союзника (Китая) российская власть спешно искала выход из дипломатической и военной изоляции, в т.ч. в попытках проведения новых управленческих решений в Маньчжурии.

Особую активность в это период проявил командующий войсками на Дальнем Востоке Н.И. Гродеков. Бывший приамурский генерал-губернатор, человек, обладавший административным опытом, связями и авторитетом среди придворных чинов, научной элиты стал выразителем интересов военных и смог предложить верховной власти и правительству свой вариант местных реформ. Идеальным устройством для генерала и до Русско-японской войны «был такой способ управления Маньчжурией, при котором она была бы освобождена от влияния пекинского правительства и в то же время “не имела бы внешних признаков полного подчинения нам этой страны”» (Ходяков, 2018: 53). В 1906 г. Н.И. Гродеков добился поддержки от начальника Главного управления Генерального штаба Ф.Ф. Палицына, но столкнулся с непреодолимым сопротивлением со стороны Министерства финансов.

По мнению генерала, Заамурскую железнодорожную бригаду следовало подчинить управляющему КВЖД, «чтобы командир... состоял помощником управляющего дорожною по технической части и первым его заместителем» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 70. Л. 306.). Командующий войсками на Дальнем Востоке предлагал «вручить охрану Китайской Восточной железной дороги всецело ведению военного ведомства, передав последнему подчиненный ныне Министру финансов Заамурский округ пограничной стражи». В целях «всемерного объединения и защиты государственных интересов России в Маньчжурии надлежало бы... поставить во главе всех наших мероприятий в названном крае особое лицо со званием Главноуполномоченного Правления Общества Китайской Восточной железной дороги, назначаемого по соглашению трех министров: военного, финансов и иностранных дел», – писал генерал (РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 70. Л. 306.).

Обсуждение перспектив управления КВЖД на уровне правительства свидетельствовало о важности чиновников, участвовавших в дискуссии, в дореволюционной системе управления империей. Новый министр финансов – В.Н. Коковцов – не планировал поступаться влиянием на дальневосточные дела, передоверить военным контроль над пограничной охраной в Маньчжурии. Вполне логичным ходом министра стало указание на внешнеполитические обязательства как основополагающий принцип проводимой политики. По утверждению В.Н. Коковцова, передача управления военным – прямое нарушение условий концессии на сооружение КВЖД. «Обществу... предоставлено лишь правило содержать на линии полицейскую охранную стражу. Организация ее в виде части корпуса пограничной стражи, подчиненной Министерству финансов, признавалась до сих пор Китайским правительством как естественное последствие финансовой зависимости Общества Китайской железной дороги от упомянутого ведомства» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 70. Л. 306.).

Коковцов, впрочем, не возражал, чтобы в «отношении строевой подготовки чинов названного округа и поверки их боевой готовности Военному министерству было предоставлено необходимое право надзора и самая широкая возможность убеждаться в соответствии округа возложенным на него секретным боевым задачам» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 70. Л. 406.).

Известно, что В.Н. Коковцов зачастую выступал противником усиления Военного министерства. В условиях думской монархии в России оно пользовалось большей административной и финансовой независимостью, чем другие структуры правительства при неизменной поддержке со стороны Николая II. Для Коковцова как министра это достаточно типичная ситуация в отношениях с иными ведомствами. Отчасти она и привела к его отставке в 1913 г. В 1906 г. в пику военным министр финансов предложил включить железнодорожные войска в состав Заамурского округа, чтобы достигнуть «полного единства в деле организации и управления теми силами, коим будет поручена охрана и эксплуатации дороги». Что касается мнения Гродекова «об учреждении должности особого Главноуполномоченного для высшего руководства нашим Маньчжурским предприятием», то Коковцов оправданно увидел в нем «воссоздание в новой форме Наместничества на Дальнем Востоке, установление коего дало в первый раз такие плачевные результаты» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 70. Л. 50б.).

В этом министра финансов поддерживал министр иностранных дел А.П. Извольский. Для того чтобы учесть интересы военных в регионе, правительство было готово повысить статус командиров в Маньчжурии. Начальнику Заамурского округа Пограничной стражи было предложено присвоить «обязанности и права командира корпуса, подчинив его непосредственно Министру финансов с сохранением существующего порядка заведования Округом в хозяйственном отношении». Включив Заамурскую железнодорожную бригаду в состав Заамурского округа Пограничной стражи, В.Н. Коковцов предлагал дать командиру бригады права «начальника дивизии и с подчинением его в отношении технической части железнодорожной эксплуатации... управляющему дорогой, а во всех прочих отношениях Начальнику названного округа» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 70. Л. 60б.).

При этом округ «в вопросах, требующих сношений с китайскими властями или затрагивающими права и интересы туземного населения, действовал не иначе, как через управляющего дорогой или по соглашению с сим последним» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 70. Л. 7), т.е. под контролем Министерства финансов (правительства). В полосе отчуждения дороги действовали законодательство и судебные уставы, войска и полиция, тюрьмы и таможенная служба Российской империи. Их функционирование зависело от согласованной политики Совета министров в отношении КВЖД.

В 1909–1910 гг. на дипломатическом уровне рассматривались проекты ограничения свободного перехода границы российскими и китайскими подданными (Дацышен, 2000). Обеспечить полный контроль дальневосточной границы в Российской империи не удалось. Министерство финансов признало этот факт в «Инструкции для несения службы пограничного надзора сотням, командированным на усиление охраны участков государственной границы в Забайкальской и Приморских областях» (апрель 1910 г.). В документе отмечалось, что пограничные жители, «переходящие и переезжавшие границу вне мест расположения таможенных учреждений не с торговыми целями..., не должны подвергаться... ответственности за тайный переход границы и пропускаются беспрепятственно при условии соблюдения полицейских требований, установленных местными административными властями» (Чапыгин, 2014: 326).

В целом конец XIX – начало XX вв. характеризуется ростом влияния как Министерства финансов, так и других центральных ведомств на все сферы управления периферийных и колонизируемых регионов. Именно стоимость проектов, финансы в условиях думской монархии определяли правительственную политику, хотя инструментов реализации ее в регионах было недостаточно (Флоринский, Янченко, 2016: 1328–1336; Янченко, 2015).

К периоду 1906–1908 гг. относятся попытки формирования новой системы местного самоуправления в полосе отчуждения вдоль линии. Гражданское управление осуществлялось Обществом КВЖД от своего имени на основании ст. 6 договора, заключенного 27 августа (8 сентября) 1896 г. китайским правительством с Русско-Китайским банком об исключительном праве управления землями, отведенными для нужд дороги (Сборник договоров России..., 1952: 299). Русское правительство неоднократно подчеркивало приверженность в этом вопросе международным обязательствам, соблюдению «постановлений Высочайше утвержденного устава Общества и существующих международных трактатов» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 72. Л. 1).

До 1907 г. проблему составляло отсутствие правового статуса муниципалитета Харбина. «В районе железной дороги появился новый для Дальнего Востока тип поселения – железнодорожные поселки, которые становились крупными узловыми пунктами и даже торгово-промышленными центрами на отдельных участках железнодорожной линии, разрастаясь в крупные города» (Вивдыч, 2011: 43). Города в полосе отчуждения вдоль линии КВЖД формально не могли считаться таковыми официальной российской властью. Если использовать европейские термины, то это был обширный сеттлмент. На линии КВЖД к 1910 г. было создано около 20 поселений, в т.ч. достаточно крупные – Маньчжурия и Харбин. «Для успешной эксплуатации КВЖД, создания обслуживающей базы дороги Россия вложила 280 млн. руб. в городскую инфраструктуру г. Харбина» (Чэнь, 2011: 83).

В полосу отчуждения вошел г. Цицикар, занимавшийся китайско-российской торговлей с конца XVII в. Более 2 тыс. человек проживало в поселках Маньчжурия, Хайлар, Имянь-по, Ханьдаохэцзы, Пограничная, Цицикар, Бухэду. В Мулине, Фуляэрти, Шитоухэцзы, Чжаланьтуне, Чжалайноре,

Уцзимихэ проживало порядка тысячи человек. «В поселениях Общества КВЖД активно строилось жилье для переселенцев (в 1903 году 294061 кв. м. жилья, 1910 г. – 606587 кв. м.)» (Ордынская, 2016: 126). По южной ветке дороги, отошедшей японцам, было построено свыше 10 поселков, из которых Порт-Артур и Дальний являлись наиболее крупными. Основными перевалочными пунктами транзитной торговли Китая, Японии и России стали города Мукден и Харбин.

Рис. 2. Здание Гостиного двора в г. Харбин. Современный вид. Фото автора

Число мигрантов постоянно увеличивалось. К июлю 1911 г. численность населения Харбина составила 59677 человек. К началу Первой мировой войны, по подсчетам современных исследователей, «русское население Харбина составляло 43500 чел. (64,5 % общего числа жителей). Если в 1903 г. китайское население в городе преобладало, то к 1914 г. оно, не уменьшившись по абсолютным цифрам (примерно 28 тыс.), составляло 34,5 % от общего числа жителей. Возросла доля промышленников и торговцев» (Чапыгин, 2014: 327). Города вдоль линии перестраивались с учетом потребностей железной дороги. Станции, как правило, делились на русскую и китайскую части, планировка которых была различной. В китайских поселениях, которые вошли в полосу отчуждения (Куанченцзы, Ляоян, Мукден, Телин, Хайчен, Цзинчжоу, Шуанченпу), сохранялась старая застройка.

Контракт 1896 г. на постройку КВЖД предполагал создание специальной судебной комиссии (цзяо-шэ-цзюй) – Смешанного присутствия из китайских чиновников и уполномоченных от главного инженера дороги. Оно ведало вопросами взаимоотношений между местным населением, строителями дороги, переселенцами, выполняло нотариальные функции. Территория северной части КВЖД была в компетенции Владивостокского и Читинского окружных судов. Все учреждения были подведомственны Иркутской судебной палате. Особое совещание по вопросам обустройства судебной части в Маньчжурии (9 июня 1901 г.) постановило учредить в полосе отчуждения КВЖД должности мировых судей, «с их подчинением ведению ближайших окружных судов Российской империи» (Друзьяка, 2016: 5).

Вопрос о введении местного самоуправления особенно важен, поскольку большинство российских регионов, Сибирь и Дальний Восток столкнулись с этой проблемой еще накануне Первой русской революции и решения своего она не получила. Разработка проекта реформы началась в 1905 г. действовавшим тогда министром финансов И.П. Шиповым по указанию первого председателя Совета министров Российской империи С.Ю. Витте. Предлагались следующие основания реформы:

1. Гражданское управление вводилось и осуществлялось Обществом КВЖД самостоятельно с соблюдением условий концессии и международных договоров.
2. Русское правительство осуществляло надзор через Министерство финансов на основании устава Общества.
3. Общество КВЖД организовывало гражданское управление в виде особого отдела управления железной дороги.
4. Руководство администрацией и полицией возлагалось на Управляющего дорогой и его помощника по гражданской части.

5. Управляющий железной дорогой и его помощник по гражданской части назначались правлением Общества с утверждения министра финансов.

6. Расходы по содержанию гражданского управления относились на счет Общества КВЖД и производились на основании смет и штатов, утвержденных в общем порядке, т.е. министром финансов по журналам Правления КВЖД (РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 61. Л. 106.–2).

Вслед за Министерством финансов министры иностранных дел (до мая 1906 г. В.Н. Ламздорф, затем А.П. Извольский) и российский посланник в Пекине Д.Д. Покотилов подчеркивали важность того обстоятельства, что управление должно вводиться «от имени Общества, с приурочением организации дела к деятельности частной компании, преследующей исключительно экономические задачи» (РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 61. Л. 106.–2).

В конце мая 1906 г. к дискуссии подключился командующий войсками на Дальнем Востоке Н.И. Гродеков. Он, как и местная комиссия под председательством и.д. главного начальника тыла войск Дальнего Востока генерал-лейтенанта К.А. Кондратовича, в целом разделял точку зрения министров финансов и иностранных дел, но детали видел иначе. По мнению комиссии Кондратовича и Гродекова, управляющий дорогой был перегружен работой и ему следовало оставить лишь технические вопросы, выделив гражданское управление в самостоятельный отдел КВЖД.

В чем состояли основные предложения местной комиссии? В создании окружных и городских общественных учреждений, а также Главного комитета по делам общественного управления «применительно к действующим в России «Положению о земских учреждениях» и «Городовому положению» 1892 г.» (РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 61. Л. 206.).

Предполагалось, что окружные управления займутся сообразно названию делами округов, каждый из которых составлялся бы из группы небольших поселков. Городские управления занимались бы делами крупных поселений, а Главный комитет становился бы высшей администрацией в полосе отчуждения, наблюдавшей за правильностью и законностью действий властей.

Выборность части администрации могла обеспечить доверие местных жителей. Это в какой-то степени нивелировало мнение большинства военных из комиссии генерала Кондратовича о том, что «интересы населения не всегда могут совпадать с интересами дороги», т.е. коммерческого предприятия, неограниченное хозяйствование которого «на территории, занимаемой десятками тысяч русских подданных, не может быть допущено по государственным соображениям» (РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 61. Л. 2).

Комиссия настаивала на сохранении именно 33 гласных городской думы, а не 9 (4 по назначению, 5 выборных), как это предлагалось министром финансов В.Н. Коковцовым. Отмечалось, что «члены по назначению, как должностные, всегда будут посещать совет более аккуратно, чем выборные..., ввиду необходимости предоставить каждой национальности хотя бы по одному представителю в думе или совете, при числе совета из 9 может случиться, что на долю преобладающего в Харбине русского населения придется всего лишь один представитель» (РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 61. Л. 306.).

Что касается назначаемых членов Главного комитета, то руководящую роль в нем планировалось оставить Управляющему дорогой. Обязательное участие прокурора Окружного суда, чиновников и представителей общественных управлений гарантировало коллегиальность решений, что в условиях думской монархии приобрело важное политическое значение. Министр финансов оставался высшей инстанцией в делах управления в полосе отчуждения. Та роль, которая когда-то негласно принадлежала С.Ю. Витте, становилась официальной прерогативой министра.

Особая роль отводилась в реформаторских планах военных «русскому городу» – Харбину. Его благоустройство во многом ставилось в зависимость от успешного внедрения Городового положения 1892 г., но и в него предлагалось ввести коррективы. Число городских гласных – 33 человека, но 11 назначались бы из чинов управления дороги (сам Н.И. Гродеков предлагал расширить права местного населения и назначать не 1/3 от состава, а 25 %) и 22 избирались. При этом вводилась дискриминационная мера по отношению к китайскому населению и иностранцам. В составе 22 выборных городской думы должно было состоять не менее 14 христиан русского подданства и не более 5 китайцев. Избирательные собрания предлагалось разделить: одно – для китайцев, другое – для прочих поселенцев (РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 61. Л. 3).

В июне 1906 г. работы министерского Особого совещания по вопросу о введении гражданского правления на территории КВЖД начались с признания факта, что на Дальнем Востоке России предстоит серьезная борьба за экономическое влияние с иностранцами. Заселение полосы отчуждения КВЖД, развитие торговли и промышленности было возможно, по мнению членов ОСО, только в случае реорганизации гражданского управления. Состав ОСО определялся Министерством финансов (товарищ министра финансов т.с. Чистяков, юрисконсульт д.с.с. Цветков, директор Канцелярии министра с.с. Львов) и Министерством иностранных дел (в совещании участвовал будущий посланник в Пекине, вице-директор Первого департамента МИД с.с. Коростовец). Члены правления Общества КВЖД в составе ОСО могли охарактеризовать положение дел на дороге, соблюсти процедуру (т.к. речь о коммерческой компании), но окончательное решение в силу зависимости Общества от Министерства финансов принимал руководитель ведомства. Организация

местного управления, круг его деятельности определялись особыми положениями, утверждаемыми правлением Общества КВЖД «по образцу существующих на Дальнем Востоке русских и иностранных селтльментов, как, например, в Тяньцзине, Ханькоу, Шанхае...» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 72. Л. 106.).

Для надзора за «общественными управлениями и для заведования делами тех пунктов, где таковых управлений не имеется, а также для рассмотрения и утверждения в подлежащих случаях постановлений общественных управлений» при КВЖД учреждалось, в виде особого отдела, управление гражданской частью. Расхождений с проектом военных в этом пункте не было. Заведование отделом должно было возлагаться на помощника управляющего дорогой по гражданской части в соответствии с предложениями, выработанными Д.С. Шиповым еще при С.Ю. Витге. Одновременно с расширением гражданской администрации признавалось желательным упразднить временное жандармское полицейское управление, которое было введено высочайшим повелением 13 мая 1904 г. для несения полицейской службы и ведения розыска на линии.

Ведению общественного управления подлежала «в каждом отдельном пункте на полосе отчуждения» КВЖД «определенная, четко обозначенная на утверждаемом правлением Общества плане, территория в составе земель Общества Китайской Восточной железной дороги, городского населения и частных владельцев». Вся городская инфраструктура, «улицы, общественные площади, сады, парки, мосты и т.п.» поступала в ведение самоуправления (РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 72. Л. 10). Использование этих земель под иные цели могло санкционировать только правление Общества. По сути, самоуправлению передавались некоторые права земств, что также не противоречило предложениям военных. Работа новых структур обеспечивалась из «средств, которые составляются из сборов земель, домов, торговли, промыслов и прочих сборов» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 72. Л. 1006.). Для решения неотложных дел, общих для всей территории КВЖД, полагались отчисления «из местных по каждому поселению сборов» не более 5 % в распоряжение Управления дорогой (РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 72. Л. 11).

Проблему на какое-то время составило отсутствие правового статуса городского муниципалитета Харбина, но с 1907 г. самоуправление получило право на сборы с актов, заключаемых у местных нотариусов (Друзьяка, 2016: 5). Правовой статус харбинских нотариусов был уникален. «Их должности учреждались специальными императорскими указами, а именны печати украшал не областной герб, как у их коллег, действовавших в пределах России, а государственный герб империи» (Друзьяка, 2016: 5). Должности харбинских нотариусов были учреждены указами Николая II в 1904 и 1906 гг., и работы им хватало.

Рис. 3. Торговая часть Харбина. Современный вид. Фото автора

КВЖД выкупала у частных владельцев отчуждаемые для нужд дороги земли, сделки оформлялись юридически. На перегонах между станциями ширина такого участка «устанавливалась в 40 сажен (по 20 в каждую сторону), но фактически была меньше: по 15 сажен с одной стороны и 18 – с другой (...около 32 м. и немногим более 38 м.). Под большие станции отчуждалось по 50 десятин земли (54,5 га), под остальные и разъезды – до 30 десятин (32,7 га)» (Чапыгин, 2014: 322).

Жалобы на действия по гражданскому управлению рассматривались правлением Общества КВЖД. Заведование полицией осталось у Общества КВЖД. Там, где выборы были невозможны, сохранялись прежние порядки, взимались натуральные повинности.

Очевидно, что «восприятие Маньчжурии как российской колонии, так называемой «Желтороссии», было весьма распространено среди дореволюционных российских политических деятелей» (Ратманов, 2009: 65). Предложения Н.И. Гродекова, сделавшего образцовую военную карьеру, в целом нужно рассматривать как попытку усилить положение Военного министерства на имперской окраине, а не политическую интригу. В.Н. Коковцов настоял на том, чтобы в дальнейшем рассматривать общие вопросы, связанные с железнодорожной охраной КВЖД в совещании под руководством «председателя Совета министров, из министров: финансов, военного, иностранных дел, путей сообщения, а также государственного контролера и начальника Генерального штаба» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 70. Л. 30б.). За собой министр оставил и гражданское управление.

Военные пытались напугать Николая II революционной угрозой со стороны железнодорожников, которые состоят «в значительной степени из элементов, враждебных русской государственности» (РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 61. Л. 120б.). «Стоит только военное положение упразднить, командира сводного корпуса убрать, как революционное движение вновь поднимется», – утверждал Н.И. Гродеков (РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 61. Л. 120б.). Толчком к новой волне революционных потрясений на Дальнем Востоке, по мнению генерала, должна была стать годовщина выборов в Первую Государственную думу – апрель 1907 г.

В целом предложения генерала, рассмотренные Советом министров и императором, сводились к четырем пунктам и увязывались с обеспечением безопасности на линии. Во-первых, предлагалось пополнение служащих КВЖД «запасными чинами как офицерского звания, так и нижними чинами, которые с наступлением военного времени призывались бы на службу и продолжали исполнять на дороге прежние свои обязанности». Во-вторых, усиление военной разведки, что, как показывала история взаимодействия с местным населением, было мерой необходимой. В-третьих, создание складов военного ведомства вдоль железнодорожной линии. И наконец, создание особого органа при военном министре для контроля над войсками вдоль КВЖД (РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 61. Л. 120б.).

Если второй и третий пункты предложений Н.И. Гродекова возражений вызвать не могли, то первый и четвертый, в случае их принятия Советом министров и царем, разрушали сложившуюся после войны систему управления и обеспечения безопасности как внутренней, так и внешней.

Очевидно, военные предполагали сопротивление со стороны правительства, поэтому в материалах, представленных Н.И. Гродековым Николаю II, должность военного управляющего КВЖД называлась временной. Вторя многим российским политикам, Гродеков писал, что с окончанием постройки Амурской железной дороги военное значение КВЖД отпадет, а должность можно будет упразднить. Перспективы дороги по Амуру российскими политическими деятелями и обществом в целом оценивались выше, чем аренда дороги в Маньчжурии. Генерал Гродеков апеллировал к весьма распространенным в русском обществе настроениям о неизбежности новой войны с Японией (РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 61. Л. 13).

Главноуполномоченным Общества должен был, по мнению военных, стать авторитетный человек, выбранный по согласованию министров (военного и финансов) с подчинением ему начальника Заамурского округа, управляющего дорогой и гражданской частью. Конечно, роль Министерства финансов в такой системе сводилась бы к ничтожно малой величине. Оно бы ассигновывало средства на железную дорогу, а контролировало бы их военное ведомство. В отдельной статье уже проанализирована структура государственных расходов по модернизации русской части КВЖД. Эксплуатационные расходы производились за счет казны. Постройка альтернативной Амурской магистрали, потребности внутреннего рынка Российской империи требовали не только перераспределения подвижного состава и модернизации дороги, но и корректировки правительственного курса (Янченко, Старовойтова, 2018: 583–597).

Император предпочел согласиться с доводами правительства и ограничился резолюцией на мнении генерала: «Дай Бог, чтобы изложенные опасения не сбылись!» (РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 61. Л. 12). Предложения Особого совещания по реорганизации местного управления были утверждены Николаем II 28 ноября 1906 г. и на протяжении 3 лет сохраняли свою силу. В 1907 г. между Россией и Японией было заключено соглашение по политическим вопросам.

Неопределенность статуса КВЖД и ее полосы отчуждения после Русско-японской войны, непонимание правительством перспектив их дальнейшего развития характеризует лишь короткий период 1906–1907 гг. Подготовка к большой войне в Европе вынуждает отказаться от экспансии в Маньчжурии и использовать дипломатические инструменты для урегулирования противоречий с другими региональными игроками. Зимой 1910–1911 гг. в Маньчжурии свирепствовала эпидемия чумы. Этот вопрос был под пристальным вниманием газет и обсуждался в январе 1911 г. на заседании Государственной думы. Министр финансов В.Н. Коковцов вынужден был объяснять, что Маньчжурия не является территорией России и «КВЖД не может ни по финансовым, ни политическим соображениям принять на себя полномочия борьбы с эпидемией чумы во всем Северо-Восточном Китае» (Ратманов, 2009: 65).

К началу Первой мировой войны русские частные вложения в Маньчжурии составили почти 91 млн. руб. Основной собственностью России в Китае оставалась «КВЖД, в строительство и развитие которой было вложено к 1914 г. около 542 млн. рублей» (Жигалов, 2008: 41).

Именно поэтому интересы Министерства финансов на Дальнем Востоке и в Китае продолжали оказывать влияние на всю политику до 1917 г.

5. Заключение

После окончания Русско-японской войны была предпринята попытка перенести Городовое положение 1892 г. на дальневосточную окраину и колонизируемые территории Маньчжурии. Примечательно, что локомотивом этой идеи выступили военные и гражданские чиновники, хорошо знакомые с состоянием дел в регионе. Изменение переселенческой политики, разношерстный контингент тех, кто прибывал в Маньчжурию и оседал там, подталкивали к либерализации административной системы.

Министр финансов оставался сторонником соблюдения международных обязательств и предлагал введение общественного управления в Харбине по образцу иностранных концессий. В Тяньцзине и Ханькоу уже действовали русские селтльменты, и очевидной новизны такая форма управления не требовала. В итоге он добился своего.

Проекты, обсуждавшиеся русским правительством, были для российских порядков начала XX в. достаточно либеральными. При этом Общество КВЖД полностью зависело от Министерства финансов. В условиях подготовки к большой войне в Европе в регионе усиливается иностранное, в т.ч. китайское влияние. Русские власти под давлением МИД не желали обострять отношения с Японией и Китаем. Согласно Положению о Харбинском общественном управлении (Предварительное русско-китайское соглашение о порядке управления в полосе отчуждения КВЖД, 1909) русские не получили никаких дополнительных привилегий, а государственные власти России официально в образовании общественного управления участия не принимали и никакого представительства в нем не имели. Министр финансов при этом остался высшей инстанцией в делах управления в полосе отчуждения КВЖД.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Гранта президента РФ для молодых кандидатов наук МК-630.2017.6 «Совет министров, Дума и политика в отношении окраин Российской империи в 1906–1917 гг.». Автор выражает благодарность Е.О. Старовойтовой за предоставление материалов, переведенных на русский язык с китайского.

Литература

Аблова, 2005 – Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005. 432 с.

Вивдыч, 2011 – Вивдыч М.А. Железнодорожное строительство на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX века // Гуманитарный вектор. 2011. № 3 (27). С. 40–44.

Вишняков, 2007 – Вишняков О.В. Создание Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Конец XIX – начало XX века // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 55–57.

Дацьшен, 2000 – Дацьшен В.Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX в. Кызыл, 2000. 215 с.

Друзьяка, 2016 – Друзьяка А.В. «Институт хотя и чуждый пока китайскому законодательству, но жизненно ему необходимый»: русский нотариат в Маньчжурии (1904–1940-е гг.) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2016. № IV-2 (24). С. 4–9.

Дятлова, 2012 – Дятлова А.К. Внешняя политика Российской империи на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. в работах Стивена Маркса // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. № 27. 2012. С. 609–612.

Жигалов, 2008 – Жигалов Б.С. КВЖД в дальневосточной политике России (1906–1914 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 1. С. 24–44.

Казанцев, 2012 – Казанцев В.П. Планы реорганизации управления российским Дальним Востоком и арендованными у Китая территориями в начале XX века // Известия Восточного института. 2012. № 1. С. 19–28.

Казанцев, Салогуб, 2013 – Казанцев В.П., Салогуб Я.Л. Становление судебной системы в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги (1896–1901) // История государства и права. 2013. № 9. С. 28–31.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.

Сборник договоров России..., 1952 – Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 / Сост. И.В. Козьменко, отв. ред. Е.А. Адамов. М., 1952. 463 с.

Лукоянов, 2008 – Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008. 116 с.

- Лю, 2015** – Лю Ц. Влияние сооружения КВЖД на Маньчжурию (中东铁路的修筑对满洲里的影响) // *Хэйлуңцзян шичжи* (黑龙江史志). № 3. Харбин. 2015. С. 35–37.
- Нилус, 1923** – Нилус Е.Х. Исторический обзор КВЖД: 1896–1923 / Сост. Е.Х. Нилус. Харбин, 1923; СПб., 2012. 726 с.
- Ордынская, 2016** – Ордынская Ю.В. Исторический аспект градостроительного освоения Северо-Востока Китая // *Успехи современной науки и образования*. 2016. № 5. Т. 3. С. 125–131.
- Ратманов, 2009** – Ратманов П.Э. История военно-санитарной службы Китайской Восточной железной дороги (1897–1935 гг.). Хабаровск, 2009. 144 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Романов, 1928** – Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. 619 с.
- Русско-китайские отношения..., 1958** – Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. Сост. П.Е. Скачков и В.С. Мясников. М., 1958. 142 с.
- Старовойтова и др., 2016** – Старовойтова Е.О., Самойлов Н.А., Ходяков М.В., Янченко Д.Г. Китайско-Восточная железная дорога – историческое наследие двух народов: перспективы изучения // *Новейшая история России*. 2016. 3. С. 205–210.
- Florinskiy, Yanchenko, 2016** – Florinskiy M.F., Yanchenko D.G. The finance of Russia and extraordinary powers of the government in 1906–1914 // *Bylye Gody*. Nr 42 (4), pp. 1328–1336.
- Ходяков, 2018** – Ходяков М.В. Китайско-Восточная железная дорога и планы усиления русского экономического влияния на Дальнем Востоке в преддверии Первой мировой войны // *Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории*. 2018. №3 (19). С. 52–65.
- Чапыгин, 2014** – Чапыгин И.В. Русские на территории Маньчжурии и полосы КВЖД (XVII – начало XX в.) // *Преподаватель. XXI век. Исторические науки*. № 1. 2014. С. 317–328.
- Чэн, 2008** – Чэн Л. Еще раз к вопросу о КВЖД и урбанизации (中东铁路与区域城镇化问题再探) // *Хэйлуңцзян шичжи* (东北师范大学). № 15. Чанчунь. 2008. С. 5–7.
- Чэнь, 2011** – Чэнь Цю Цзе. Влияние КВЖД на численность населения Харбина // *Россия и АТР*. 2011. № 1. С. 80–85.
- Янченко, 2015** – Янченко Д.Г. Бюджет и финансы в Государственной думе 1907–1912 гг.: от Балтики до Дальнего Востока. СПб., 2015. 272 с.
- Янченко, Слободзян, 2017** – Янченко Д.Г., Слободзян Г.М. Колонизация русского Дальнего Востока в правительственной политике в 1909–1911 гг. // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. № 12. С. 93–106.
- Янченко, Старовойтова, 2018** – Янченко Д.Г., Старовойтова Е.О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // *Новейшая история России*. 2018. 3. С. 583–597.

References

- Ablova, 2005** – Ablova N.E. (2005). KVZHD i rossijskaya eh migraciya v Kitae: mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX v.) [CER and Russian emigration in China: international and political aspects of history (first half of the 20th century)]. Moscow. 432 p. [in Russian]
- Chapygin, 2014** – Chapygin I.V. (2014). Russkie na territorii Man'chzhurii i polosy KVZHD (XVII – nachalo XX v.) [Russians on the territory of Manchuria and the CER strip (the XVIII – the beginning of the XX century)]. *Prepodavatel'. XXI vek. Istoricheskie nauki*. Nr 1, pp. 317–328. [in Russian]
- Chen' SyuCze, 2011** – Chen' SyuCze (2011). Vliyanie KVZHD na chislennost' naseleniya Harbina [The impact of the CER on the population of Harbin]. *Rossia & ATR*, Nr 1, pp. 80–85. [in Russian]
- Chen, 2008** – Chen L. (2008). Eshchyо raz k voprosu о KVZHD i urbanizacii (中东铁路与区域城镇化问题再探) [Once again to the question of the CER and urbanization]. *Hehjlunczyan shichzhi* (东北师范大学). №15. Chanchun'. pp. 5–7. [in Chinese]
- Dacyshen, 2000** – Dacyshen V.G. (2000). Ocherki istorii Rossijsko-Kitajskoj granicy vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Essays on the history of the Russian-Chinese border in the second half of the XIX – early XX centuries.]. Kyzyl. 215 p. [in Russian]
- Druzyaka, 2016** – Druzyaka A.V. (2016). «Institut hotya i chuzhdyj poka kitajskomu zakonodatel'stvu, no zhiznenno emu neobhodimyj»: russkij notariat v Man'chzhurii (1904–1940-e gg.) [“The Institute, although still alien to Chinese law, is vital for it”: Russian notariate in Manchuria (1904–1940s)]. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta*, Nr IV-2 (24), pp. 4–9. [in Russian]
- Dyatlova, 2012** – Dyatlova A.K. (2012). Vneshnyaya politika Rossijskoj imperii na Dal'nem Vostoke na rubezhe XIX–XX vv. v rabotah Stivena Marksa [The foreign policy of the Russian Empire in the Far East at the turn of the XIX–XX centuries. in the works of Stephen Marx]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki*, Nr 27, pp. 609–612. [in Russian]
- Florinskiy, Yanchenko, 2016** – Florinskiy M.F., Yanchenko D.G. (2016). The finance of Russia and extraordinary powers of the government in 1906–1914. *Bylye Gody*. Nr 42 (4), pp. 1328–1336.

Kazancev, 2012 - *Kazancev V.P.* (2012). Plany reorganizacii upravleniya rossijskim Dal'nim Vostokom i arendovannymi u Kitaya territoriyami v nachale HKH veka [Plans for the reorganization of the management of the Russian Far East and the territories leased from China at the beginning of the twentieth century]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. Nr 1, pp. 19-28. [in Russian]

Kazancev, Salogub, 2013 - *Kazancev V.P., Salogub Ya.L.* (2013). Stanovlenie sudebnoj sistemy v polose otchuzhdeniya Kitajskoj Vostochnoj zheleznoj dorogi (1896-1901) [Formation of the judicial system in the exclusion zone of the Chinese Eastern Railway (1896-1901)]. *Istoriya gosudarstva i prava*. Nr 9, pp. 28-31. [in Russian]

Khodyakov, 2018 - *Khodyakov M.V.* (2018). China-Eastern Railway and plans to strengthen Russian economic influence in the Far East on the eve of the First World War. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal: issledovaniya po rossijskoi i vseobshchei istorii*. Nr. 3 (19), pp. 52-65. [in Russian]

Lukoyanov, 2008 - *Lukoyanov I.V.* (2008). «Ne otstat' ot derzhav...». Rossiya na Dal'nem Vostoke v konce XIX – nachale XX vv. ["Keep up with the powers ...". Russia in the Far East in the late XIX - early XXth centuries.]. SPb. 116 p. [in Russian]

Lyu, 2015 - *Lyu C.* (2015). Vliyanie sooruzheniya KVZHD na Man'chzhuriyu (中东铁路的修筑对满洲里的影响) [The impact of the construction of the CER on Manchuria]. *Hehjlunczyan shichzhi* (黑龙江史志), Nr 3, Harbin, pp. 35-37. [in Chinese]

Nilus, 1923 - *Nilus E.H.* (1923, 2012). Istoricheskij obzor KVZHD: 1896-1923 [Historical review of the CER]. Sost. E.Kh. Nilus. Kharbin, 1923; SPb., 2012. 726 p. [in Russian]

Ordynskaya, 2016 - *Ordynskaya Yu.V.* (2016). Istoricheskij aspekt gradostroitel'nogo osvoeniya Severo-Vostoka Kitaya [The historical aspect of the urban development of the Northeast of China]. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya*. Nr 5, Vol. 3, pp. 125-131. [in Russian]

PSZRI - Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [The Complete Collection of laws of the Russian Empire].

Ratmanov, 2009 - *Ratmanov P.E.* (2009). Istoriya voenno-sanitarnoj sluzhby Kitajskoj Vostochnoj zheleznoj dorogi (1897-1935) [The history of the military service of the Chinese Eastern Railway (1897-1935)]. Habarovsk. 144 p. [in Russian]

RGIA - Rossiyskij gosudarstvennyy istoricheskij arkhiv. [The Russian state historical archive].

Romanov, 1928 - *Romanov B.A.* (1928). Rossiya v Man'chzhurii (1892-1906): Ocherki po istorii vneshnej politiki samoderezhaviya v ehpohu imperializma [Russia in Manchuria (1892-1906): Essays on the history of autocracy's foreign policy in the era of imperialism]. L. 619 p. [in Russian]

Sbornik dogovorov Rossii..., 1952 - *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami 1856-1917*. Sost. I.V. Koz'menko, otv. red. E.A. Adamov. M.. 463 p. [in Russian]

Skachkov, Myasnikov, 1958 - *Skachkov P.E., Myasnikov V.S.* (1958). Russko-kitajskie otnosheniya 1689-1916. Oficial'nye dokumenty [Russian-Chinese relations 1689-1916. Official documents]. Moscow, 142 p. [in Russian]

Starovojtova et al., 2016 - *Starovojtova E.O., Samojlov N.A., Hodyakov M.V., Yanchenko D.G.* (2016). Kitajsko-Vostochnaya zheleznyaya doroga - istoricheskoe nasledie dvuh narodov: perspektivy izucheniya [Chinese Eastern Railway - Historical Heritage of Two Nations: Perspectives for Studying]. *Noveishaya istoriya Rossii*. Nr 3, pp. 205-210. [in Russian]

Vishnyakov, 2007 - *Vishnyakov O.V.* (2007). Sozdanie Zaamurskogo okruga Otdel'nogo korpusa pograničnoj strazhi. Konec XIX – nachalo XIX veka [Organization of the Zaamursky District of the Special Corps of the Border Guard. Late XIX – early twentieth century]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, Nr 1, pp. 55-57. [in Russian]

Vivdych, 2011 - *Vivdych M.A.* (2011). Zheleznodorozhnoe stroitel'stvo na Dal'nem Vostoke v konce XIX – nachale XX veka [Railway construction in the Far East in the late XIX – early XX century]. *Humanitarian vector*. Nr 3 (27), pp. 40-44. [in Russian]

Yanchenko, Starovojtova, 2018 - *Yanchenko D.G., Starovojtova E.O.* (2018). Perspektivy ekonomicheskogo razvitiya Kitaisko-Vostochnoi zheleznoi dorogi posle russko-yaпonskoi voiny: regional'nyi aspekt i peterburgskaya politika [Prospects for the economic development of the Chinese Eastern Railway after the Russo-Japanese War: the regional dimension and the St. Petersburg policy]. *Noveishaya istoriya Rossii*. Nr 3, pp. 583-597. [in Russian]

Yanchenko, 2015 - *Yanchenko D.G.* (2015). Byudzhет i finansy v Gosudarstvennoj dume 1907-1912 gg.: ot Baltiki do Dal'nego Vostoka [Budget and Finance in the State Duma of 1907-1912: from the Baltic to the Far East]. Saint Petersburg, 272 p. [in Russian]

Yanchenko, Slobodzyan, 2017 - *Yanchenko D.G., Slobodzyan G.M.* (2017). Kolonizaciya russkogo Dal'nego Vostoka v pravitel'stvennoj politike v 1909-1911 gg. [Colonization of the Russian Far East in government policy in 1909-1911]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Nr 12, pp. 93-106. [in Russian]

Zhigalov, 2008 - *Zhigalov B.S.* (2008). KVZHD v dal'nevostochnoj politike Rossii (1906-1914 gg.) [CER in the Far Eastern policy of Russia (1906-1914)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. Nr 1, pp. 24-44. [in Russian]

Вопросы обороны, внутреннего управления и статуса Китайско-Восточной железной дороги в правительственной политике в начале XX в.

Денис Геннадьевич Янченко ^{а, *}

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивных материалов рассмотрены попытки административной реорганизации полосы отчуждения вдоль линии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) после заключения Портсмутского мирного договора 1905 г. Военные стремились сохранить контроль над дорогой и восстановить утраченные позиции в регионе. Формальным поводом для этого могла стать перевозка грузов и войск, обеспечение безопасности дороги, но в основе лежало стремление вернуть подорванное влияние на дальневосточные дела. В материалах Российского государственного исторического архива (РГИА) отображена борьба в правительственных верхах по этому вопросу.

После военного поражения и заключения Портсмутского мира определение дальнейшей стратегии, казалось, должно было стать прерогативой гражданских ведомств (Министерства финансов и Министерства иностранных дел), не военных, но этого не произошло из-за сопротивления военных. Министр финансов – В.Н. Коковцов – не планировал поступаться влиянием на дальневосточные дела, передоверить военным контроль над пограничной охраной в Маньчжурии. Вполне логичным ходом министра стало указание на внешнеполитические обязательства как основополагающий принцип проводимой политики.

На короткое время в условиях думской монархии в России, в Харбине и части населенных пунктов появились структуры местного управления. Новые внутривластные условия думской монархии и подготовка к войне в Европе заставили правительство скорректировать цели и задачи на Дальнем Востоке. Проекты, которые обсуждало русское правительство, были для российских порядков начала XX в. достаточно либеральными, учитывая полную зависимость Общества КВЖД от Министерства финансов. Русское население в итоге не получило дополнительных привилегий, а государственные власти России официально в образовании общественного управления участия не принимали.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога, Русско-японская война, Государственная дума, Генеральный штаб, Н.И. Гродеков, В.Н. Коковцов, Маньчжурия, Первая русская революция.

* Корреспондирующий автор

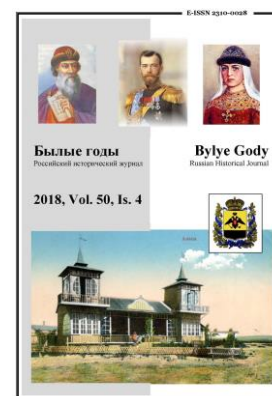
Адреса электронной почты: d.yanchenko@spbu.ru (Д.Г. Янченко)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1725-1733. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1725
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian Conservatism of the beginning of the 20th century: Between Dogma, Illusion and Reality

Konstantin N. Tarasov ^{a, *}, Elena Yu. Mokerova ^a, Evgenia N. Nemchaninova ^a, Ekaterina V. Bykova ^a

^a Vyatka state university, Russian Federation

Abstract

The article represents the analysis of the socio-political program of the Russian right monarchic movement of the beginning of the 20th century. Studying of historical experience Russian right is represented very relevant in modern conditions of search of optimum ways of development of the country. The base of sources is made by materials of the leading right periodicals, official documents of monarchist parties and organizations, documents of personal origin. In the center of a research – studying of specifics of a ratio and interference of ideology and practice of the Russian conservatism from this point of view his relations to modernization processes. Social and economic projects of the Russian conservatives, the political program and the national and confessional doctrine of the domestic right monarchic movement of the beginning of the 20th century have been analysed. An assessment of extent of influence of the Russian historical process of 1900-1917 on evolution of the right ideology is given. Also weaknesses are revealed its strong. Authors have come to a conclusion that domestic conservatism of the period of the late empire has tried to create the program of national focused modernization of the country alternative to more radical liberal and socialist. The strength of the right ideology was that she has most sharply shown and sought to rethink contradictions of the Russian modernization. However act as a factor of stabilization of social and political development the Russian right couldn't. They underestimated positive sides of modernization, held archaic socio-political institutes. The main reasons of defeat of the Russian right steel radicalization of public moods and activation of activity of political opposition, especially in the conditions of wartime. Being incapable to accept real historical process, conservatives lost on it influence more and more. By the time of the crash of the monarchy the right camp was in the most disorganized state in comparison with other political forces.

Keywords: conservatism, ideology, Russian Empire, parliamentary system, tradition, modernization, monarchist parties, political process.

1. Введение

Идеология и практика российского консерватизма начала XX в. продолжает оставаться одной из наиболее динамично развивающихся направлений современной исторической науки. Обращение к этому пласту отечественной истории объясняется не только академическим интересом. Взятый в начале 1990-х гг. курс на либерализацию всех сфер жизни российского общества уже к концу десятилетия себя исчерпал. Вступление страны в новый век сопровождалось поисками оптимального пути развития. Необходимость ориентации на собственный исторический опыт стала очевидна. Российские реалии начала XXI в. в этом отношении напоминают ситуацию начала XX в. Тогда патриотические силы (прежде всего, их ядро в лице правомонархического движения) стремились выработать и реализовать проект национально ориентированной модернизации. Поэтому изучение исторического опыта российских правых начала XX в. представляется весьма актуальным в современных условиях поиска оптимальных планов развития страны. Начало XX в. – это время формирования в России политических партий и институтов народного представительства. Среди

* Corresponding author

E-mail addresses: tar-87@mail.ru (K.N. Tarasov)

прочих сформировалось российское правомонархическое движение, ядром которого стали партии правого толка. Российский консерватизм оформился организационно, стал важным фактором политического процесса.

Объектом данного исследования выступает социально-политическая программа (идеология) отечественного правоконсервативного движения начала XX в., предметом – отношение правых к проблемам модернизации (понимаемой как переход от традиционного общества к индустриальному) российского общества периода поздней империи. Цель исследования – изучить специфику соотношения и взаимодействия идеологии и практики российского консерватизма под углом зрения его отношения к модернизационным процессам (в экономике, социальной и политической сферах, в межнациональных и межконфессиональных отношениях), пик которых в России пришелся на начало XX в.

2. Материалы и методы

Исследование основано на источниковой базе, которую составляют следующие группы документов: 1) материалы ведущих правых периодических изданий. Пресса позволяет выявить реакцию консервативно настроенных политиков и идеологов на те или иные конкретные события и явления социально-политической жизни страны. Периодика как нельзя лучше показывает преломление базовых принципов консервативной идеологии в политической практике; 2) документы правых партий и организаций (протоколы съездов, стенограммы заседаний, доклады и т.п.). Эти материалы отражают официальную позицию правых политических сил по различным вопросам общественной жизни; 3) научно-теоретические трактаты социально-политической тематики. К сожалению, работ в этом жанре российские консерваторы начала XX столетия оставили немного. Но и в тех трудах, которыми мы располагаем (Тихомиров, 1998), содержатся ценные сведения о главных постулатах социально-политической доктрины отечественного консерватизма; 4) документы личного происхождения, прежде всего дневники и письма консерваторов. Этот вид источников содержит интересные замечания ряда известных представителей «черной сотни», которые по ряду причин нельзя было высказать публично. В целом, источниковая база достаточна для решения поставленных задач.

Исследование основано на базовых принципах исторического познания – детерминизма, историзма, системности. Также был задействован метод структурно-функционального анализа. Он использовался при изучении социально-политических проектов консерваторов, в которых общество предстает сложной динамической системой на стадии модернизации. Кроме того, применялись специально-исторические методы – историко-генетический (при выявлении логики развития идеологии консерватизма на протяжении 1900–1917 гг.), сравнительно-исторический (при выделении общего и особенного во взглядах различных представителей консерватизма), историко-системный (в ходе комплексного анализа разных групп источников).

3. Обсуждение

Социально-политическая программа российского консерватизма начала XX в. является дискуссионной и активно развивающейся темой в изучении истории российской правой. Регулярно вводятся в оборот новые источники, особенно документы личного происхождения, публицистика. Значительный вклад в изучение означенной тематики внесли монографии А.А. Иванова (Иванов, 2006), Д.А. Коцюбинского (Коцюбинский, 2001), М.Н. Лукьянова (Лукьянов, 2001), А.В. Репникова (Репников, 2014) и др. В них проанализирован обширный корпус источников, обозначен круг проблем и предложены научно-поисковые стратегии для других исследователей идеологии отечественного консерватизма. Вместе с тем сравнительно небольшое количество монографий, посвященных такой неисчерпаемой теме, указывает на то, что изучение общественно-политической программы российского консерватизма находится на стадии становления.

На сегодняшний день недостаточно изученными остаются социально-экономические проекты консерваторов, которые, в отличие от заимствованных с Запада либеральных и социалистических, стали важным шагом в деле создания российской школы экономической мысли. Только начинаются попытки освоения идейного наследия фигур правомонархического движения «второго плана» (что не означает отсутствия оригинальности в их взглядах) – А.С. Вязигина, Т.В. Локотя, В.Л. Величко, П.Ф. Булацеля, Г.Г. Замысловского и многих других. Немало еще предстоит сделать для научного анализа национально-конфессиональной доктрины российского консерватизма.

Следует учесть, что идеология правоконсервативного движения рассматривалась либо в узких хронологических рамках (1907–1914 гг. или 1914–1917 гг.), либо исследовались отдельные темы и сюжеты (экономические взгляды, политическая программа и т.п.) вне их взаимосвязи между собой и вне исторического контекста. Поэтому возникла настойчивая потребность создать комплексное исследование идеологии российских правых за весь период 1900–1917 гг., в котором во взаимосвязи были бы рассмотрены основные направления и проблемы общественно-политической программы консерваторов всех оттенков – от крайне правых до национал-демократов. Данное исследование является начальной попыткой заполнить означенную лауну отечественной историографии.

4. Результаты

Российские консерваторы начала XX в. были свидетелями небывалого промышленного подъема, банковского бума, развития городов с их особым, отличным от деревенского досугом, структурами повседневности, нормами морали. Развитие капиталистического уклада в экономике оказывало серьезное влияние на трансформацию социальной структуры, политической системы, вносило свои коррективы в межнациональные и межконфессиональные отношения, положение Русской православной церкви, сферу семьи и морали. Интенсивные общественные процессы стимулировали идеологические поиски российских консерваторов, в том числе и в социально-экономической сфере. Вместе с тем следует признать, что экономические вопросы оставались наименее проработанными в общественно-политической программе российских правых. Их экономические проекты во многом базировались на морально-этических принципах, но недостаточно учитывали специальные экономические аспекты: конъюнктуру мировых рынков, соотношение импорта и экспорта, курсы валют и т.п. Недостаточное внимание к собственно экономическим вопросам сыграло злую шутку с российскими консерваторами. В наступавшем XX в. – веке бурного развития производства, науки, техники и технологий – претендовать на успех могла только та идеология, которая учитывала объективные социально-экономические трансформации. В этом отношении оппоненты консерваторов – либералы и социалисты – оказались в более выигрышном положении.

Изучение источников позволяет выделить краеугольные основания экономической программы российской правой начала XX в. Во-первых, это приоритетное развитие сельского хозяйства по сравнению с промышленным производством (Ярмонкин, 1908: 6). Русское крестьянство оставалось для консерваторов главным оплотом традиционной социальной структуры и социальных отношений, разрушающихся под воздействием капитализма и индустриализма, отношение к которым у большинства правых было, мягко говоря, настороженное. Патриархальный мир русской деревни, который к началу XX в. уже, по сути, перестал быть реальностью (Безгин, 2017: 18), продолжал оставаться иллюзией в сознании многих консерваторов. Промышленность, крупное заводское производство выступало атрибутом индустриальной эпохи, разрушавшей традиционные социальные отношения, привычный быт, повседневность.

Во-вторых, правыми отстаивалась необходимость достижения экономической независимости России от европейских стран (Шарапов, 1908: 33). Как показал ряд современных исследований, у консерваторов вполне имелись основания для опасений за самостоятельность российской экономики, особенно в финансовой сфере (Бородкин, 2001: 242–268). План решения данной проблемы предложил известный правый экономист С.Ф. Шарапов, создав свою известную «теорию бумажного рубля». Он утверждал, что введенные С.Ю. Витте золотое обеспечение и конвертируемость рубля определили зависимость русской национальной валюты от европейских, способствовали оттоку русских капиталов за рубеж, играли на руку биржевым спекулянтам. В качестве альтернативы экономист предлагал перейти к биметаллизму (серебряно-золотому обеспечению рубля, как, например, во Франции), строго контролировать наличную массу бумажных денег, резко ограничить внешние займы. В правом лагере у С.Ф. Шарапова имелось немало сторонников, например небезызвестный С.В. Бутми (Бутми, 1911).

В-третьих, консерваторы выступали за преодоление разбалансированности развития промышленности и сельского хозяйства. Ряд представителей российской правой верно подмечали, что подъем промышленности в России не сопровождается ростом душевых доходов населения, особенно крестьян. Вывод напрашивался сам собой: промышленный бум в стране во многом обеспечивается изъятием ресурсов из деревни, обостряя социальные противоречия (Гурко, 1909: 79). При этом альтернативных источников модернизации правые не предлагали.

И наконец, насущной необходимостью считалось введение усиленного контроля над кредитно-банковской системой, ограничение биржевых спекуляций, кредитование, прежде всего мелкого и среднего отечественного производителя, а не крупных финансово-промышленных монополий (Щербатов, 1908: 81).

Важно также подчеркнуть, что российские консерваторы оставались убежденными сторонниками института частной собственности. При этом они подчеркивали опасность неконтролируемого роста социального неравенства (Вязигин, 2008: 39–52).

Напрямую с предложениями организации народного хозяйства были связаны представления консерваторов по вопросам социальной структуры.

Во-первых, правые выступали за всемерную поддержку государством тех социальных групп, положение которых ухудшалось вследствие развития капиталистических отношений. Речь шла о поместном дворянстве и общинном крестьянстве. Помещичьи хозяйства, по мнению консерваторов, следовало кредитовать на более мягких условиях, ограждать от притязаний крупных земельных собственников из других социальных групп (Пасхалов, Шарапов, 1909). Неоднозначно относились правые к столыпинской аграрной реформе. Лидеры и ряд известных членов правых партий, например, Н.Е. Марков, В.М. Пуришкевич, Н.Д. Облеухов и др. либо безоговорочно поддерживали инициативы премьера в крестьянском вопросе, либо высказывались за внесение незначительных корректировок в правительственный курс, таких, как замена личной собственности семейной,

недопущение концентрации большого количества земли в одних руках (Лукьянов, 2001: 77–78). Однако большинство представителей консервативной социально-экономической мысли (Г.А. Шечков, С.Ф. Шарапов, В.А. Образцов и др.) высказывались категорически против разрушения общины. Они предупреждали о негативных последствиях разделения крестьянства на общинников и хуторян (отрубников), неизбежной пролетаризации значительной части крестьянства, утрате соборных традиций деревенского быта (Образцов, 1910). В качестве альтернативы реформе П.А. Столыпина предлагалось развитие кооперации помещичьих и общинно-крестьянских хозяйств, развитие агрикультуры.

Вторым важным аспектом социальной программы правых выступал рабочий вопрос. Многие представители правого лагеря хорошо осознали его растущую остроту. Наиболее развернутый проект решения рабочего вопроса предложил, пожалуй, крупнейший теоретик отечественного консерватизма начала XX в. Л.А. Тихомиров. В его основе лежали идеи прусского социализма, когда государство выступало арбитром в решении противоречий между наемным трудом и капиталом. Тихомиров отмечал необходимость создания содержащего социальные гарантии рабочего законодательства, привлечения предпринимателей к решению бытовых вопросов жизни своих рабочих, более активной организации рабочих касс взаимопомощи и других мер, повышающих социальную защищенность пролетариата (Тихомиров, 1909: 41, 56–64). При этом справедливости ради стоит сказать, что некоторые консерваторы (например, князь В.П. Мещерский) были склонны отрицать рабочий вопрос, видя в рабочих обычных крестьян, временно пребывающих в городе на заработках. Иллюзорность такого подхода очевидна, учитывая тогдашний высокий уровень концентрации рабочего класса в крупных промышленных центрах.

И наконец, сторонники сословно-корпоративной модели общества, российские консерваторы начала XX в. даже предлагали меры по сословно-корпоративному оформлению новых социальных групп (рабочих, буржуазии, интеллигенции и других) по примеру традиционных сословий – дворянских обществ, крестьянских общин (Попов, 2005: 111). Предполагалось придать новым классам статус традиционных сословных групп. Это, по мысли правых, должно было упорядочить чрезвычайно усложнившуюся социальную мозаику в России (Тихомиров, 1912: 22).

Следует признать, что социальная программа правых не была лишена ряда серьезных противоречий. Во-первых, это наивная уверенность в том, что в рамках одного общества возможно согласовать интересы социальных групп, принадлежавших к разным укладам – феодальному и капиталистическому. Во-вторых, стремление разрешить рабочий вопрос так или иначе заставляло правых заимствовать ряд положений левой идеологии, что ставило их в неоднозначное положение. Причем противоречия возникали не только в идеологическом плане, но и в плане практической реализации. Весьма показателен в этом смысле опыт «зубатовщины». И наконец, явно не оправдала себя ставка на те социальные слои, которые вымывались модернизацией (дворянство, общинное крестьянство), не вписывались в формирующуюся общественно-политическую модель. Вместе с тем российские консерваторы предупреждали о возможных разрушительных последствиях ускоренной модернизации страны – росте социальных противоречий, усилении экономической зависимости от Европы, наступлении на власть либеральной и радикальной оппозиции.

В XX столетие российские правые вошли с политической идеологией, сформированной еще в веке предыдущем такими мыслителями, как Н.М. Карамзин, А.С. Хомяков, С.С. Уваров, К.П. Победоносцев, К.Н. Леонтьев, М.Н. Катков. Однако динамичный политический процесс начала XX в., внесший в 1905–1907 гг. существенные коррективы в традиционный самодержавный государственный строй, стимулировал российских консерваторов адаптировать свое политическое учение под новые реалии. Российским правым пришлось по-новому взглянуть на проблему взаимоотношений государства и общества. Новая обстановка настоятельно требовала вовлечения народных представителей в политическую жизнь страны.

В начале XX в. лагерь консерваторов разделился на противников и сторонников введения в стране учреждений народного представительства – Государственной Думы и обновленного Государственного Совета. К принципиальным противникам ограничения законодательной монополии самодержавной власти следует отнести лидера Российской монархической партии В.А. Грингмута, лидера ВДСРН А.И. Дубровина, редактора газеты «Гражданин» В.П. Мещерского. Сторонниками введенного представительства являлись известные политики Н.Е. Марков, В.М. Пуришкевич, главный идеолог Всероссийского национального союза М.О. Меньшиков. Идею учреждения в России органов народного представительства, но не по западному (партийно-парламентскому) образцу, а с опорой на национальные традиции Земских соборов и местного самоуправления выдвигали известные теоретики российского консерватизма Л.А. Тихомиров, С.Ф. Шарапов, К.Н. Пасхалов.

Противники представительства были уверены в неспособности общества руководить страной (Грингмут, 1908). Пожертвовать идеей народовластия в целях сохранения самодержавия и государственной целостности страны призывал В.П. Мещерский (Мещерский, 1905: 14). Редактор газеты «Московские ведомости» Л.А. Тихомиров, напротив, развивал тезис о совместимости самодержавия и народного представительства. Он убеждал своих читателей в бесперспективности реакции и воспринимал правый радикализм такой же угрозой государственному строю, как и левый

экстремизм. По мысли Л.А. Тихомирова, царская власть и представительные учреждения дополняют друг друга, обеспечивая взаимодействие власти и общества. Однако при этом подчеркивалось, что субъектом реформирования политической системы должно выступать самодержавие (Меньшиков, 1912). Представитель неославянофильства С.Ф. Шарапов развивал идею союза трех субъектов – царской власти, частного лица и квазисословных корпораций, создаваемых по профессиональному и территориальному принципам (НИОР РГБ. Ф. 265. Оп. 1. Картон 134. Ед. хр. 5. Л. 33).

В целом, за исключением ряда правых партийных лидеров, российские консерваторы очень скептически относились к государственному строю «думской монархии». Монархисты опасались эволюции Думы в аналог европейского парламента. Утверждалось, что Дума слишком увлеклась борьбой с правительством, погрязла в межфракционных склоках и неизбежно превращается в чуждый государственному строю России элемент парламентской демократии. При этом, явно выдавая желаемое за действительное, правые утверждали, что в сущности никаких серьезных изменений государственного строя России после принятия Манифеста 17 октября 1905 г. и Основных законов 1906 г. не произошло. Н.Е. Марков утверждал, что монархия не утратила монополию на законодательную инициативу, поменялся лишь порядок ее осуществления (Марков, 2011: 143). Л.А. Тихомиров отмечал, что поскольку создание Основных законов 1906 г. было санкционировано императором, то возникшие учреждения не могут ограничивать свободу своего создателя. Князь В.П. Мещерский видел в Думе и обновленном Госсовете «поверенных» царской власти, а печатный орган СРН Н.Е. Маркова газета «Земщина» сравнивала новоиспеченный парламент с «судом присяжных», функция которого – помощь власти и следование в рамках правительственного курса (Глинка-Янчевский, 1912).

Следует подчеркнуть, что, несмотря на серьезную эволюцию консервативной политической программы, правые остались верны ее ключевому принципу – монополии самодержавия на управление страной. В этом заключалась одновременно и сила, и слабость правой идеологии. Сила в том, что, как и предсказывали монархисты, в России синтез самодержавия и парламентаризма не получится. Оппозиция свергнет монархию – единственный залог целостности Российской империи, не справится с управлением и свергнет страну в хаос. Слабость же в том, что верили в возможность сохранения абсолютной монархии в обществе, стремительно переходящем из аграрного состояния в индустриальное.

Под пристальным вниманием российских консерваторов начала XX в. находились и вопросы межнациональных и межконфессиональных отношений в Российской империи. Рост национальных движений, обострение межэтнических и религиозных противоречий в начале XX в. стали реальностью не только на европейском континенте, но и в России. Позиции тех или иных политических групп правых сил по вопросам национально-конфессиональных отношений в Российской империи претерпевали значительные изменения в процессе движения по политическому спектру от крайне правых до национал-демократов. Однако всех без исключения российских правых начала XX в., независимо от партийной принадлежности, объединяли тезис о единой и неделимой Российской империи и взгляд на русский народ и православную веру как конституирующие элементы российской государственности. При этом монархистам был абсолютно чужд какой-либо шовинизм и уж тем более расизм. Принадлежность человека к нации в учении отечественного консерватизма определялась его принадлежностью к той или иной культуре, вере, исторической общности, но никак не вопросами крови.

Консерваторы выступали против уравнивания прав конфессий, осуждали думские поправки в вероисповедное законодательство (упрощение процедуры перехода из одной конфессии в другую и т.п.). Достаточно враждебным было отношение к католицизму и протестантизму, широко распространенным в западных окраинах империи. А вот мусульманское население, напротив, считали лояльным имперскому центру (Максимов, Файзуллин, 2018: 72–78). На Кавказе особым недоверием пользовались армяне за сильные национально-сепаратистские движения и экономическое доминирование в регионе. Кроме того, представители российской правой любили поговорить о притеснении русских инородцами. Правые указывали на большой процент евреев, поляков, немцев в финансовой, управленческой, академической элите России, превышающий их долю в общей численности населения империи (Савенко, 1913). Неотъемлемой чертой правой идеологии в России начала XX в. оставался ярко выраженный антисемитизм, степень выраженности которого, однако, менялась также в зависимости от принадлежности политика или идеолога к той или иной части спектра российской правой. Нередко и не всегда справедливо сетовали, что Россия – это империя наоборот, когда за счет изъятия ресурсов из метрополии осуществляется развитие национальных окраин (Правые партии..., 1998: 337). Гораздо реже правые предпочитали разбирать вопросы ограничения, а подчас и ущемления политических, культурных, религиозных и других прав нерусских и неправославных подданных Российской империи.

Вместе с тем не следует думать, что консерваторы совсем не осознавали важности национального вопроса в России и не уделяли ему какого-либо внимания (Иванов, 2016: 5–112). С известной долей условности относительно национального и тесно с ним связанного конфессионального вопросов можно выделить три подхода и, соответственно, три группы в российском правомонархическом движении начала XX в. Во-первых, это крайне правые. Эту группу

составляют лидеры и известные представители правых политических партий – Н.Е. Марков, В.М. Пуришкевич, А.И. Дубровин, В.А. Грингмут, прот. И.И. Восторгов, Г.Г. Замысловский и др. Они призывали ужесточить политику русификации как во внутренних (Поволжье, Сибирь и др.), так и во внешних (Польша, Финляндия и др.) национальных окраинах. Для них был характерен оголтелый антисемитизм, доходивший до предложения изгнать всех евреев из России. Нерусское и неправославное население империи могло рассчитывать лишь на незначительную культурную автономию. Пропагандировалось насаждение русского языка и православия в среде инородцев (Юрский, 1912: 111). Во вторую группу, касательно отношения к национальному вопросу, можно объединить националистов (члены партии Всероссийский национальный союз – М.О. Меньшиков, М.М. Ковалевский, С.В. Рухлов и др.) и национал-демократов (Т.В. Локоть, А.Л. Гарязин, Д.Н. Вергун, М.Я. Балясный и др.). Они высказывались не столько за русификацию окраин, сколько за защиту интересов русских как государствообразующего народа. Предлагалось бороться с засильем (как считали представители этой группы) инородцев в среде государственной, финансовой, культурной элиты империи (Чемакин, 2018: 55–78). Укоренять русский язык и веру в инородческой среде предполагалось не насильственными мерами, а пропагандой, предоставлением льгот перешедшим в православие. Эта группа консерваторов, единственная из всех, безоговорочно поддерживала национальную политику П.А. Столыпина, в т.ч. и в Западном крае (Ковалевский, 1912: 159–167). И наконец, третья группа консерваторов – это так называемые «имперцы». В национальном вопросе они выступали сторонниками лозунга «Россия – для русских подданных». Сюда можно отнести В.П. Мещерского, Л.А. Тихомирова, Г.А. Шечкова, К.Н. Пасхалова, И.И. Кольшко и др. Эти консерваторы полностью признавали государствообразующую роль русского народа, православной веры и Русской православной церкви, но призывали при определении статуса того или иного народа в рамках империи учитывать ряд его характеристик: численность, уровень развития культуры и самосознания, степень экономического развития и т.п. (Шечков, 1906: 21). Залогом единства империи должен был стать полинациональный состав государственной элиты (Кольшко, 1912).

Необходимо все же признать, что в разработке национального вопроса российские правые серьезно отставали от времени. Это отставание выразилось в таких аспектах их идеологии, как излишний упор на русификаторскую политику, антисемитизм, подмена социально-политических противоречий этническими и религиозными, недооценка силы национальных движений и сепаратистских настроений на окраинах. Но при этом не стоит забывать, что именно консерваторы более всех политических сил ратовали за сохранение русских культурных и этнических традиций, понимая роль последних в обеспечении единства многонационального государства.

5. Заключение

Подводя итог исследованию, необходимо отметить следующее: Российский исторический процесс начала XX в., сопровождавшийся серьезными общественно-политическими сдвигами, оказал значительное влияние на эволюцию идеологии отечественного правомонархического движения. Начавшая формироваться еще в XIX столетии российская консервативная мысль была поставлена перед необходимостью искать ответы на новые вызовы. Без внятной идеологии консерватизм не смог бы играть сколько-нибудь заметную роль в политическом процессе. Он был призван выступить стабилизатором модернизационных процессов, протекавших с заметным ускорением во всех сферах российского общества начала XX столетия. Тем более что поначалу (особенно в годы революции 1905–1907 гг.) правомонархическое движение приобрело солидную социальную базу в лице недовольных радикальностью изменений представителей из всех слоев и социальных групп российского общества. Поэтому сильная сторона правой общественно-политической доктрины заключалась в том, что она наиболее остро показала и стремилась переосмыслить противоречия российской модернизации. Своеобразным коньком отечественных консерваторов стал анализ противоречий между традиционными для России общественными институтами, особенностями массового сознания, ценностями (самодержавие, сословия, аграрный строй, коллективизм и др.) и западными новациями (парламентаризм, классы, индустриализм, индивидуализм и др.). При этом правые упорно не хотели замечать позитивных сторон модернизации (рост промышленности, повышение грамотности, развитие науки и техники и др.), держались за архаичные (во всяком случае, для XX в.) институты – абсолютистское самодержавие, общину, сословно-корпоративные отношения.

Реальность все больше расходилась с общественно-политическим идеалом консерваторов. Будучи неспособными принять реальный исторический процесс, консерваторы все больше утрачивали на него влияние. К моменту крушения монархии правый лагерь находился в наиболее дезорганизованном состоянии по сравнению с другими политическими силами. Трагедия российских консерваторов начала XX в., вероятнее всего, заключалась в том, что они так и не смогли выработать целостной общественно-политической программы, реализация которой уберегла бы страну от издержек ускоренной модернизации. Однако и ставить им это в вину не совсем корректно, т.к. вопрос о степени эффективности функционирования западных политических, экономических, социальных и культурных образцов на русской почве остается открытым.

Литература

- Безгин, 2017** – *Безгин В.Б.* Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М: Ломоносовъ, 2017. 248 с.
- Бородкин, 2001** – *Бородкин Л.И.* Дивидендные бумаги на Петербургской бирже в 1900-х гг.: влияние Русско-японской войны и первой русской революции // *Экономическая история: Ежегодник*. 2001. М: Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 242–268.
- Бутми, 1911** – *Бутми Г. В.* О финансах // *Прямой путь*. 1911. 13 апреля.
- Вязигин, 2008** – *Вязигин А.С.* Манифест созидательного национализма. М: Институт русской цивилизации, 2008. 400 с.
- Глинка-Янчевский, 1912** – *Глинка-Янчевский С.К.* По поводу и без повода // *Земщина*. 1912. 14 октября.
- Грингмут, 1908** – *Грингмут В.А.* История народовластия. М., 1908. 76 с.
- Гурко, 1909** – *Гурко В.И.* Наше государственное и народное хозяйство. СПб., 1909. 71 с.
- Иванов, 2006** – *Иванов А.А.* Последние защитники монархии: фракция правых IV Государственной Думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). СПб: Дмитрий Буланин, 2006. 208 с.
- Иванов, 2016** – *Иванов А.А.* Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб: Дмитрий Буланин, 2016. 511 с.
- Ковалевский, 1912** – *Ковалевский П.И.* Национализм и национальное воспитание в России. М., 1912. 198 с.
- Кольшко, 1912** – *Кольшко И.И.* Национальный вопрос // *Санкт-Петербургские ведомости*. 1912. 13 марта.
- Коцюбинский, 2001** – *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М: Российская политическая энциклопедия, 2001. 528 с.
- Лукьянов, 2001** – *Лукьянов М.Н.* Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь: Издательство Пермского университета, 2001. 278 с.
- Максимов, Файзуллин, 2018** – *Максимов К.В., Файзуллин Н.Н.* Союз русского народа с мусульманами: о мусульманском вопросе в программе правых партий и участия мусульман в монархическом движении Уфимской губернии начала XX в. // *Образование и духовная безопасность*. 2018. № 1 (3). С. 72–78.
- Марков, 2011** – *Марков Н.Е.* Думские речи. Войны темных сил. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 419 с.
- Меньшиков, 1912** – *Меньшиков М.О.* Последняя тайна // *Новое время*. 1912. № 2.
- Мещерский, 1905** – *Мещерский В.П.* Дневники // *Гражданин*. 1905. № 9.
- НИОР РГБ** – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- Образцов, 1910** – *Образцов В.А.* Кто ловец? // *Прямой путь*. 1910. 5 февраля.
- Пасхалов, Шарапов, 1909** – *Пасхалов К.Н., Шарапов С.Ф.* Землеустроение или землераззорение. М., 1909. 200 с.
- Попов, 2005** – *Попов Э.А.* Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 2005. 345 с.
- Правые партии..., 1998** – *Правые партии: Документы и материалы, 1905–1917 гг.* Т. 1. М: Российская политическая энциклопедия, 1998. 489 с.
- Репников, 2014** – *Репников А.В.* Консервативные модели российской государственности. М: Российская политическая энциклопедия, 2014. 528 с.
- Савенко, 1913** – *Савенко А.И.* Русский вопрос // *Киевлянин*. 1913. 18 декабря.
- Тихомиров, 1907** – *Тихомиров Л.А.* Самодержавие и народное представительство. М., 1907. 37 с.
- Тихомиров, 1909** – *Тихомиров Л.А.* Рабочий вопрос (практические способы его решения). М., 1909. 114 с.
- Тихомиров, 1912** – *Тихомиров Л.А.* К реформе обновленной России. М., 1912. 95 с.
- Тихомиров, 1998** – *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М, 1998. 677 с.
- Чемакин, 2018** – *Чемакин А.А.* Истоки русской национал-демократии. 1896–1914 годы. СПб.: Владимир Даль, 2018. 650 с.
- Шарапов, 1908** – *Шарапов С.Ф.* Финансовое возрождение России. М., 1908. 77 с.
- Шечков, 1906** – *Шечков Г.А.* Сущность самодержавия. Харьков, 1906. 45 с.
- Щербатов, 1908** – *Щербатов А.Г.* Обновленная Россия. М., 1908. 120 с.
- Юрский, 1912** – *Юрский Г.* Правые в третьей Государственной Думе. Харьков, 1912. 153 с.
- Ярмонкин, 1908** – *Ярмонкин В.* Власть земли // *Гражданин*. 1908. № 8.

References

- Bezgin, 2017** – *Bezgin V.B.* (2017). Povsednevnyj mir russkoj krest'yanki perioda pozdnej imperii [Daily world of the Russian peasant of the period of the late empire]. М.: Lomonosov. 248 p. [in Russian]

- Borodkin, 2001** – *Borodkin L.I.* (2001). Dividendnye bumagi na Peterburgskoj birzhe v 1900-kh gg: vliyanie russko-yaponskoj vojny i pervoj russkoj revolyutsii [Dividend papers at the St. Petersburg exchange in the 1900th: influence of the Russian-Japanese war and first Russian revolution]. *Ehkonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik*. M.: Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya. pp. 242-268. [in Russian]
- Butmi, 1911** – *Butmi G.V.* (1911). O finansakh [About finance]. *Pryamoj put'*. April 13. [in Russian]
- Vyazigin, 2008** – *Vyazigin A. S.* (2008). Manifest sozidatel'nogo natsionalizma [The manifesto of the creating nationalism]. M.: Institut russkoj tsivilizatsii. 400 p. [in Russian]
- Glinka-Yanchevskij, 1912** – *Glinka-Yanchevskij S.K.* (1912). Po povodu i bez povoda [Apropos and without cause]. *Zemshhina*. October 14. [in Russian]
- Gringmut, 1908** – *Gringmut V.A.* (1908). Istorija narodovlastiya [History of the power of the people]. M. 76 p. [in Russian]
- Gurko, 1909** – *Gurko V.I.* (1909). Nashe gosudarstvennoe i narodnoe khozyajstvo [Our state and national economy]. SPb. 71 p. [in Russian]
- Ivanov, 2006** – *Ivanov A.A.* (2006). Poslednie zashhitniki monarkhii: fraktsiya pravyykh IV Gosudarstvennoj dumy v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 – fevral' 1917) [Last defenders of the monarchy: fraction right the IV State Duma in the years of World War I (1914 – February, 1917)]. SPb.: Dmitry Bulanin. 208 p. [in Russian]
- Ivanov, 2016** – *Ivanov A.A.* (2016). Vyzov natsionalizma: Lozung «Rossiya dlya russkikh» v dorevolyucionnoj obshhestvennoj mysli [Nationalism call: The slogan «Russia for Russians» in pre-revolutionary social thought]. SPb.: Dmitry Bulanin. 511 p. [in Russian]
- Kovalevskij, 1912** – *Kovalevskij P.I.* (1912). Natsionalizm i natsional'noe vospitanie v Rossii [Nationalism and national education in Russia]. M. 198 p. [in Russian]
- Kolyshko, 1912** – *Kolyshko I.I.* (1912). Natsional'nyj vopros [Ethnic question]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. March 13. [in Russian]
- Kotsyubinskij, 2001** – *Kotsyubinskij D.A.* (2001). Russkij natsionalizm v nachale XX stoletiya: Rozhdenie i gibel' ideologii Vserossijskogo natsional'nogo soyuza [The Russian nationalism at the beginning of the XX century: Birth and death of ideology of the All-Russian national union]. M.: Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya. 528 p. [in Russian]
- Luk'yanov, 2001** – *Luk'yanov M.N.* (2001). Rossijskij konservatizm i reforma, 1907-1914 [Russian conservatism and reform, 1907-1914]. Perm: Izdatel'stvo Permskogo universiteta. 278 p. [in Russian]
- Maksimov, Fajzullin, 2018** – *Maksimov K.V., Fajzullin N.N.* (2018). Soyuz Russkogo Naroda s musul'manami: o musul'manskom voprose v programme pravyykh partij i uchastii musul'man v monarkhicheskom dvizhenii Ufimskoj gubernii nachala XX v. [The union of the Russian People with Muslims: about a Muslim question in the program of right-wing parties and participation of Muslims in the monarchic movement of the Ufa province of the beginning of the 20th century]. *Obrazovanie i dukhovnaya bezopasnost'*. No 1(3). pp. 72-78. [in Russian]
- Markov, 2011** – *Markov N.E.* (2011). Dumskie rechi. Vojny temnykh sil [Duma speeches. Wars of powers of darkness]. M.: Institut russkoj tsivilizatsii. 419 p. [in Russian]
- Men'shikov, 1912** – *Men'shikov M.O.* (1912). Poslednyaya tajna [Last secret]. *Novoe vremya*. No 2. [in Russian]
- Meshherskij, 1905** – *Meshherskij V.P.* (1905). Dnevnik [Diaries]. *Grazhdanin*. No 9. [in Russian]
- NIOR RGB** – Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki [Research department of manuscripts of the Russian state library]
- Obraztsov, 1910** – *Obraztsov V.A.* (1910). Kto lovets? [Who hunter?]. *Pryamoj put'*. February 5. [in Russian]
- Paskhalov, Sharapov, 1909** – *Paskhalov K.N., Sharapov S.F.* (1909). Zemleustroenie ili zemlerazzorenie [Creation or destruction in agriculture]. M. 200 p. [in Russian]
- Popov, 2005** – *Popov E.A.* (2005). Russkij konservatizm: ideologiya i sotsial'no-politicheskaya praktika [Russian conservatism: ideology and socio-political practice]. Rostov n/D: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. 345 p. [in Russian]
- Pravye partii..., 1998** – Pravye partii: Dokumenty i materialy, 1905-1917 gg. T. 1. [Right-wing parties: Documents and materials, 1905-1917. Vol. 1]. M.: Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya. 489 p. [in Russian]
- Repnikov, 2014** – *Repnikov A.V.* (2014). Konservativnye modeli rossijskoj gosudarstvennosti [Conservative models of the Russian statehood]. M.: Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya. 528 p. [in Russian]
- Savenko, 1913** – *Savenko A.I.* (1913). Russkij vopros [Russian question]. *Kievlyanin*. December 18. [in Russian]
- Tikhomirov, 1907** – *Tikhomirov L.A.* (1907). Samoderzhavie i narodnoe predstavitel'stvo [Autocracy and national representation]. M. 37 p. [in Russian]
- Tikhomirov, 1909** – *Tikhomirov L.A.* (1909). Rabochij vopros (prakticheskie sposoby ego resheniya) [Working question (practical ways of his decision)]. M. 114 p. [in Russian]
- Tikhomirov, 1912** – *Tikhomirov L.A.* (1912). K reforme obnovlennoj Rossii [To reform of the updated Russia]. M. 95 p. [in Russian]

- [Tikhomirov, 1909](#) – *Tikhomirov L.A.* (1998). Monarkhicheskaya gosudarstvennost' [Monarchic statehood]. M. 677 p.
- [Chemakin, 2018](#) – *Chemakin A.A.* (2018). Istoki russkoj natsional-demokratii. 1896-1914 gody [Sources of the Russian national democracy. 1896-1914]. SPb. Vladimir Dahl. 650 p. [in Russian]
- [Sharapov, 1908](#) – *Sharapov S.F.* (1908). Finansovoe vozrozhdenie Rossii [Financial revival of Russia]. M. 77 p. [in Russian]
- [Shechkov, 1906](#) – *Shechkov G.A.* (1906). Sushhnost' samodержaviya [Essence of autocracy]. Kharkiv. 45 p. [in Russian]
- [Shcherbatov, 1908](#) – *Shcherbatov A.G.* (1908). Obnovlennaya Rossiya [The updated Russia]. M. 120 p. [in Russian]
- [Yurskij, 1912](#) – *Yurskij G.* (1912). Pravye v tret'ej Gosudarstvennoj Dume [Right in the third State Duma]. Kharkiv. 153 p. [in Russian]
- [Yarmonkin, 1908](#) – *Yarmonkin V.* (1908). Vlast' zemli [Power of the earth]. *Grazhdanin*. No 8. [in Russian]

Российский консерватизм начала XX в.: между догмой, иллюзией и реальностью

Константин Николаевич Тарасов ^{a, *}, Елена Юрьевна Мокерова ^a,
Евгения Николаевна Немчанинова ^a, Екатерина Васильевна Быкова ^a

^a Вятский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет собой анализ социально-политической программы российского правомонархического движения начала XX в. Изучение исторического опыта российских правых представляется весьма актуальным в современных условиях поиска оптимальных путей развития страны. Источниковую базу исследования составляют материалы ведущих правых периодических изданий, официальные документы монархических партий и организаций, документы личного происхождения. В центре исследования – изучение специфики соотношения и взаимовлияния идеологии и практики российского консерватизма под углом зрения его отношения к модернизационным процессам. Были проанализированы социально-экономические проекты российских консерваторов, политическая программа и национально-конфессиональная доктрина отечественного правомонархического движения начала XX в. Дана оценка степени влияния российского исторического процесса 1900–1917 гг. на эволюцию правой идеологии. Выявлены ее сильные и слабые стороны. Авторы пришли к выводу, что отечественный консерватизм периода поздней империи попытался сформулировать программу национально ориентированной модернизации страны, альтернативную более радикальным либеральной и социалистической. Сильная сторона правой идеологии заключалась в том, что она наиболее остро показала и стремилась переосмыслить противоречия российской модернизации. Однако выступить фактором стабилизации общественно-политического развития российские правые не смогли. Они недооценивали позитивные стороны модернизации, держались за архаичные социально-политические институты. Главными причинами поражения российской правой стали радикализация общественных настроений и активизация деятельности политической оппозиции, особенно в условиях военного времени. Будучи неспособными принять реальный исторический процесс, консерваторы все больше утрачивали на него влияние. К моменту крушения монархии правый лагерь находился в наиболее дезорганизованном состоянии по сравнению с другими политическими силами.

Ключевые слова: консерватизм, идеология, Российская империя, парламентаризм, традиция, модернизация, монархические партии, политический процесс.

* Корреспондирующий автор

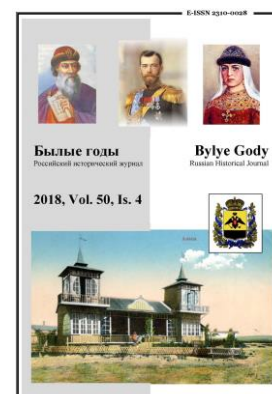
Адреса электронной почты: tar-87@mail.ru (К.Н. Тарасов)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1734-1743. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1734
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905

Anvar M. Mamadaliev ^{a, b, *}, Andrey V. Venkov ^c, Natal'ya V. Miku ^d, Aude Médico ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^d Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article is devoted to the analysis of the ratio of opposing linear (armored) forces of the Russian 1st Pacific and Japanese squadrons during the Russian-Japanese war of 1904-1905 before the start of hostilities, and the coverage of the tactical and technical characteristics of armored ships and the strategy of their use by the naval leadership.

There were used as materials the pre-revolutionary, soviet and modern historiography. The published documents as well as materials of personal origin, such as memoirs, memoirs and diaries have also been applied.

The principles of historiography, scientific objectivity and consistency, which are traditional for Russian historiography have made the methodological basis of the research. In the process, the problem-chronological method was used, which allowed to consider the topic of the study in chronological order, paying attention to the issues related to the preparation of the Russian-Japanese war, as well as the situation in the foreign political arena.

Also, the paper attempts to assess the chances of winning the 1st Pacific squadron, taking into account its combat capabilities on the eve of the war in terms of the general battle. This article discusses the diplomatic situation before the Russian-Japanese war and analyzes the strategic plans of the parties for its conduct.

Keywords: navy, “Far Eastern question”, Russian-Japanese war, Russian fleet, Japanese fleet, Russian battleships, battleship, armadillo, armored cruiser.

1. Введение

Русско-японская война 1904–1905 годов стала одной из наиболее тяжелых в новейшей истории нашей страны как с позиции материальных потерь, так и с позиции внешнеполитических и внутрисполитических последствий. Непосредственными результатами войны стало практически полное уничтожение главных линейных сил русского флота, чего не было ни до, ни после в отечественной истории; падение авторитета не только государства на международной арене, но и (что еще хуже) действующей власти внутри государства, приведшей в итоге к Первой русской революции, стремительному разрастанию антиправительственного движения фактически на всех уровнях, что в конечном счете могло явиться результатом последующих революций и развала Российской империи. Так или иначе, но, по нашему мнению, истоки всех этих проблем следует искать именно в поражении в Русско-японской войне, которую советская историография прочно заклеила «позорной». К поражению же России в ней привели, в первую очередь, исключительно успешные действия

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

японского флота, который прочно закрепил свое господство на море и в итоге во многом предопределил победы армии Страны восходящего солнца на суше.

Но возможно ли, чтобы окружение российского императора Николая II, которое инициировало эту войну, ввязалось бы в безнадежную авантюру, каковой на первый взгляд выглядят ее конечные результаты? Возможно ли, чтобы близкий и доверенный императору человек, адмирал Алексеев – главный сторонник войны, настолько переоценил возможности русского флота и столь катастрофически недооценил ту роль, которую предстоит играть военно-морским силам в этой войне?

Рис. 1. Адмирал Евгений Алексеев – главный апологет Русско-японской войны

Представляется, что нет. Несмотря на родственные связи (советская историография называла его внебрачным сыном Александра II ([Советская историческая энциклопедия, 1961–1976](#)) и огромное влияние на императора, дальневосточный наместник генерал-адъютант, адмирал Евгений Иванович Алексеев, прошедший практически всю военно-морскую карьеру от гардемарина до адмирала и, без сомнения, знающий отечественный флот «от и до», вряд ли ввязался бы в масштабную военную авантюру без шансов на успех. Не было пораженческих настроений и у абсолютного большинства других российских адмиралов, включая таких признанных в военно-морских кругах авторитетов, как С.О. Макаров, Ф.В. Дубасов, Н.И. Скрыдлов. Нельзя в этой связи не вспомнить разговор Николая II и германского принца Генриха Прусского, состоявшийся еще в октябре 1901 года, в котором российский монарх отвечал совершенно прямолинейно и открыто: «Столкновение неизбежно; но, надеюсь, что оно произойдет не ранее, чем через четыре года – тогда у нас будет преобладание на море. Это – наш основной интерес» ([Ольденбург, 1991: 218](#)). Следовательно, к войне готовились; причем решающая роль отводилась именно флоту, что вполне естественно, учитывая островное положение не только Японии, но и извечного потенциального противника России – Великобритании (являвшейся, к слову, ближайшей союзницей и кредитором микадо, а также главным поставщиком новейших военных технологий и продукции). Поэтому фактор неожиданности войны (не следует путать этот фактор с неожиданностью нападения на порт-артурскую эскадру 27 января 1904 года¹) никак нельзя поставить в упрек высшему военному руководству государства, включая и самого императора.

Остается второй (и последний) ключевой фактор – готовность к войне. Здесь, конечно, японское военное руководство во главе с императором Муцухито (в литературе общепринято посмертное имя – Мэйдзи; согласно японской традиции, умерших императоров называют лишь посмертным именем) оказалось не только более оперативным (и организованным!), но и куда более прозорливым. Сам же Николай, как указано выше, рассчитывал развязать войну в конце 1905 года,

¹ Здесь и далее все даты – по старому стилю.

то есть почти на два года позже ее реального начала. Однако, настолько ли не готовой к войне была Россия в конце января 1904 года, чтобы результаты ее оказались столь плачевными?

Первая часть публикации посвящена анализу целей и задач противоборствующих сторон, соответствующих их военно-морской концепции, в условиях революционного скачка в развитии военного судостроения.

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи стала дореволюционная, советская и новейшая историография. Применены также опубликованные документы (например, [Макаров, 1960](#)), а также материалы личного происхождения, такие, как мемуары, воспоминания и дневники. Среди мемуарных работ использовались труды С.Ю. Витте ([Витте, 1922](#)), а среди дневников – дневники боевых действий М.И. Лиле ([Лиле, 2002](#)).

Методологическую основу исследования составили традиционные для российской историографии принципы историзма, научной объективности и системности. В процессе работы использовался проблемно-хронологический метод, который позволил рассмотреть тему исследования в хронологическом порядке, обратив внимание на вопросы, связанные с подготовкой Русско-японской войны, а также с обстановкой на внешнеполитической арене.

3. Обсуждение

Отметим, что исследуемый нами вопрос в литературе раскрыт достаточно хорошо; причем не только в научно-исторической, но и популярной. Безусловно, и сама «позорная война», и анализ причин проигрыша в «заведомо выигрышной» войне привлекали к себе пристальное внимание как профессиональных историков, так и любителей истории флота. Нельзя не отметить также, что морские сражения Русско-японской войны привлекают внимание и военных моряков, так как эти баталии оказались эпохальными и оказали прямое влияние на мировые тенденции развития военно-морского флота. Военное противостояние всегда предполагает соперничество технологий, поэтому анализ качества японской и русской военной техники, технологий и боеприпасов встречается и в трудах профессиональных инженеров с упором на соответствующую, чисто технологическую специфику.

Прежде всего необходимо упомянуть классический труд по предмету нашего исследования, который с полным правом можно назвать источником, – это работа морского офицера, крупнейшего русского теоретика военного флота и непосредственного участника событий Русско-японской войны Николая Лаврентьевича Кладо «Современная морская война. Морские заметки о Русско-японской войне», переведенная на английский язык и изданная в Великобритании ([Klado, 1905](#)), так как в России этот труд был фактически запрещен, так как критиковал ситуацию, сложившуюся на флоте, и прямо обвинял в этом военно-морское руководство ([Klado, 1905](#)). В современных работах действия русского флота в морских сражениях Русско-японской войны достаточно подробно описаны в монографии И.М. Кокцинского ([Кокцинский, 2002](#)). Предвоенную ситуацию перед Русско-японской войной достаточно полно освещает О.Ю. Данилов, несмотря на то, что предметом изучения является Первая мировая ([Данилов, 2010](#)). Безусловно, предвоенной дипломатии и действиям флота очень много внимания уделено в комплексных трудах по Русско-японской войне – Н.А. Левицкого ([Левицкий, 2003](#)), П.Д. Быкова ([Быков, 2003](#)), О.Р. Айрапетова ([Айрапетов, 2014](#)), П.В. Мультиатули, К.А. Залесского ([Мультиатули, Залесский, 2015](#)), А.И. Сорокина ([Сорокин, 1952](#)) и др. Несомненный интерес представляет даже художественная литература, авторы которой (А.С. Новиков-Прибой, А.Н. Степанов, В.Н. Пикуль) стали классиками прозы по Русско-японской войне.

4. Результаты

Как известно, еще со времен парусной эры и вплоть до конца Первой мировой войны итог любого генерального морского сражения определяли так называемые «капитальные» корабли – военные суда с максимальной огневой мощностью и выживаемостью. Еще с XVII века такие корабли стали называть «линейными» по тактике их использования: построившись в кильватерные колонны, противники (как правило) шли параллельными курсами и разносили друг друга «в клочья» артиллерийским огнем. Исходя из подобных тактик, были и требования: большой вес залпа и высокая защищенность от огня противника. С появлением в XIX веке исключительно эффективных против парусных судов бомб и соответствующих «бомбических» пушек деревянная защита корабля уступила место железной. Однако требования к кораблям по факту не изменились: они по-прежнему должны были «держаться» мощные удары в ближнем бою и «уметь» наносить их сами. Лишь с массовым появлением авианосцев и соответствующей палубной авиации во Второй мировой войне линкоры не только уступили пальму первенства главной силы флота ударным авианесущим кораблям, но и вовсе исчезли как класс. В начале же XX века именно линкоры (сокращенно от «линейный корабль», англ. battleship, дословно «боевой корабль», «корабль для битвы»); в России в конце XIX – нач. XX веков за такими кораблями закрепилось название «броненосец», а линкорами стали позже называть корабли дредноут-класса) обеспечивали господство флота на море. Здесь стоит вспомнить о том, что многие авторитетные отечественные адмиралы, прежде всего – Степан

Осипович Макаров, доказывали достаточность крейсеров-рейдеров/«уничтожителей торговли» в современной войне, особенно против островных государств; однако практика жестоко опровергла все эти теории.

В плане строительства броненосцев в период 1870-х – начала 1890-х годов Россия была значительно впереди Японии; у последней был лишь заказанный в Великобритании в 1875 году «Фусо», безнадежно устаревший уже к последнему десятилетию XIX столетия. В 1895 году после японо-китайской войны флот микадо пополнился еще одним «старичком» – трофейным китайским броненосцем германского производства «Чин-Иен» 1880 года закладки, который в бою на линии в начале XX века был столь же бесполезен, однако исключительно активно использовался командующим японским флотом Х. Того на второстепенных ролях.

Россия в этом отношении выглядела значительно более сильной, имея весьма приличное по сравнению с японским флотом количество броненосных кораблей. В 1860–1870-х годах вступили в строй 7 броненосцев: «Первенец» (1863)¹, «Не тронь меня» (1864), «Смерч» (1864), «Кремль» (1865), «Русалка» (1867), «Чародейка» (1867), «Петр Великий» (1872). Причем первые шесть были одного с «Фусо» класса: батарейные броненосцы с устаревшей артиллерией, которые едва ли подходили даже для конвойной службы, так как не были сколь-либо достойным противником даже для современного легкого крейсера 2 ранга уровня «Боярина». «Петр Великий» был новым типом линейного корабля с башенной артиллерией главного калибра и был сопоставим с захваченным у китайцев «Чин-Иеном». То есть в начале броненосной эры силы флота микадо не шли ни в какое сравнение с российским. В 1880-х – начале 1890-х годов дело обстояло еще хуже. Россия заложила тринадцать отличных по тем временам «капитальных» боевых кораблей: четыре броненосца типа «Екатерина II», («Чесма» (1886), «Екатерина II» (1886), «Синоп» (1887), «Георгий Победоносец» (1892), вооруженные шестью 12-дюймовыми орудиями (калибр 305 мм; в те годы четыре орудия этого калибра представляли «стандарт», введенный чуть позже англичанами на серии линкоров типа «Маджестик» (1895), которая вплоть до «Дредноута» определяла моду в военном линейном кораблестроении всех стран) – это на два орудия больше, чем несли линкоры времен русско-японской войны!), «Двенадцать Апостолов» (1890), два корабля типа «Император Александр II» («Император Александр II» (1887), «Император Николай I» (1889), имевшие вполне удовлетворительную мореходность и способные комфортно вести огонь в свежую погоду), «Наварин» (1891), «Три Святителя» (1893), «Сисой Великий» (1894), три линкора типа «Полтава» («Петропавловск» (1894), «Полтава» (1894), «Севастополь» (1895); корабли, которые на момент закладки могли претендовать на право быть сильнейшими в мире, но традиционный отечественный долгострой и стремительный прогресс в кораблестроении в начале XX века свел на нет все преимущества: в строй они вошли уже морально устаревшими...). К этим 13 броненосцам следует прибавить неудачный, но все-таки линкор «Гангут» (1890); а также заложенный в 1894 году, но введенный в строй в 1900 г. небольшой «карманный» линкор «Ростислав» (если такое ироничное название немецких тяжелых крейсеров типа «Дойчланд» Второй мировой войны применимо к неплохо вооруженному и прекрасно защищенному кораблю с несколько «уменьшенным» до 10500 тонн водоизмещением; «Полтава», к слову, имела 11500 тонн). Нельзя сбрасывать со счетов спущенных на воду в 1894–1896 гг. трех броненосцев береговой обороны типа «Адмирал Сенявин» с облегченной до 10-дюймового (254 мм) калибра артиллерией главного калибра. Япония же в это время пополнилась лишь вышеупомянутым трофейным «Чин-Иеном». Что касается броненосных крейсеров, то в те времена они были совершенно не в состоянии сражаться в одной линии с броненосцами; но и в данном противостоянии российский флот имел подавляющее преимущество над японским.

¹ По военно-морской традиции, в скобках указывается год спуска на воду. Год закладки и год вступления корабля в строй могут значительно отличаться. Например, эскадренный броненосец «Полтава» был заложен в 1892 году, спущен на воду в 1894-м, а вступил в строй в 1900 году.

Рис. 2. Порт-Артур – первоклассная незамерзающая морская база с несколькими внутренними акваториями

Такое неравноценное положение военных дел двух стран нашло свое непосредственное отражение в делах внешнеполитических: заручившись поддержкой Германии и Франции, которые были совершенно не заинтересованы в усилении Японии в Китае, Николай II посредством этой «тройственной интервенции» грубо выдворяет микадо с китайских территорий, вынуждая правительство только что потерпевшей сокрушительное поражение от Японии империи Цин заключить с Россией кабальный договор. Согласно русско-китайской конвенции от 15 марта 1898 года, Россия получала в аренду на 25 лет (с правом продления) полуостров Ляодун с правом строительства морской базы (Порт-Артур), в которой русский флот крайне нуждался по причине того, что акватория порта Владивостока в зимние месяцы замерзала, что препятствовало полноценному военному судоходству и, соответственно, защите. Порт-Артур был исключительно удобен для создания первоклассной морской базы, имел внутреннюю акваторию, располагался практически по центру Желтого моря; с него очень удобно было бы наносить удары флотом не только по Японии, но и по значительной части Кореи и Китая. В целом можно констатировать, что стратегическое значение этой базы для агрессивной российской внешней политики на Дальнем Востоке переоценить невозможно. Договор сразу же предусматривал и строительство железнодорожного пути к ней: Китайско-восточная железная дорога (КВЖД) стала бы не только связующей ниткой и объектом военно-стратегического назначения, но и инструментом масштабного экономического вторжения в густонаселенный и нуждающийся в промышленных товарах Китай. Нельзя не учесть и располагающуюся рядом и толком еще «ничейную» Корею. Таким образом, военные, стратегические, экономические (и даже внутривнутриполитические, учитывая предреволюционную ситуацию!) бонусы, которые давал бы действующий Порт-Артур, а также «маленькая победоносная война» с Японией казались русскому правительству вероятными. Это, возможно, объясняет тот факт, с каким горячим желанием император и его приближенные пытались добыть победу в этой войне.

Япония в этих играх «сильных мира сего» была явным «андердогом». Боксерский термин, обозначающий более слабого из двух бойцов противника в ключевых позициях, не очень удачно вписывается в историческую статью, но весьма точно отражает положение Страны восходящего солнца на внешнеполитической арене того периода: уступая по всем ключевым параметрам (экономика, военно-промышленный комплекс, население) таким «грандам», как Россия, Великобритания, Франция и Германия, Япония оказалась исключительно «замотивированной». Мало того, что после «реставрации Мэйдзи» потенциал страны позволял проводить империалистическую политику и захватывать колонии, но и тот «щелчок по носу», который устроили участники «тройственной интервенции», отобрав у Японии то, что она «честно» добыла в войне с Китаем, до крайней степени озлобили японскую «верхушку» и императора лично. И если ссориться разом с Россией, Германией и Францией было слишком уж опасно (да и невыгодно!), то с одной только Россией (учитывая весьма напряженные отношения последней с союзницей и «патроном» Японской империи – Англией), по мнению японского руководства, вполне по силам; причем «аппетит» микадо «скромно» распространялся и на русский Дальний Восток.

Рис. 3. Император Мейдзи (Муцухито) – монарх-реформатор, превративший Японию из отсталого государства в одну из сильнейших и передовых держав мира

И японский монарх сделал свой выбор, причем в присущей для него манере – «все или ничего!». Япония с помощью британских кредитов начинает лихорадочную гонку вооружения, отдавая приоритет пусть неотработанным, но перспективным технологиям в кораблестроении. Будучи куда более бедным государством, чем Россия, Япония не экономит на средствах, заказывая в Англии самые передовые линкоры с максимально возможным водоизмещением. Забегая вперед, скажем, что на момент вступления в строй многие ее корабли являлись сильнейшими в мире (в частности, броненосец «Шикишима», а потом, по нашему мнению, и броненосец «Микаса»). В это странно поверить, но даже сама «владычица морей», наиболее продвинутая в части военно-морских технологий и силы флота, государство (обладающее флотом более сильным, чем две последующие по силе морские державы, вместе взятые!) копировало и улучшало свои корабли по примеру построенных для японского флота судов! В частности, британские броненосцы практически неразличимых серий «Формидейбл» (1898, три корабля) и «Лондон» (1899, пять кораблей) были практически «срисованы» с «Шикишимами» (но только построены на более высоком технологическом уровне), а броненосцы типа «Кинг Эдвард VII» (1903) заимствовали многие компоновочные решения «Микасы». «Формидейблы» перехватили «пальму первенства» сильнейших в мире линкоров именно у «Сикисимы». Таким образом, японское военно-морское руководство оказалось куда более прозорливым, сделав упор не только на новейшие технологии, но и (это главное) отказ от «всемерной экономии» и значительное увеличение водоизмещения (и соответственно – стоимости!) корабля в угоду его боевым качествам. Именно таким путем в конечном счете пошли и англичане, перейдя от «облегченных» кораблей типа «Канопус» (1897) к «полноценным» «формидейблам». Японцы поняли эту тенденцию раньше, чем «владычица морей»...

Тенденция же заключалась в следующем. Никогда в истории кораблестроения (ни до, ни после) прогресс военно-морских технологий не шел столь стремительно, как в начале XX века. Для понимания степени того цейтнота, в котором находились адмиралы морских держав, на принятие решения по концепции «основной силы флота», конструкторы и непосредственно кораблестроители, считаем уместным сделать небольшое отступление. Упомянутые выше броненосцы «Полтава», которые были сильнейшими на момент закладки, были спущены на воду уже устаревшими только по одной причине – очень длительного строительства, продолжавшегося 8 лет! (заложен в 1892 году, введен в эксплуатацию в 1900). Заложенный годом позже британский «Маджестик» был значительно сильнее русского броненосца (и в гипотетической дуэли вышел бы победителем), был построен всего лишь за два года и вступил в строй в 1895 году! То есть Великобритания, пользуясь выгодами значительно более развитой кораблестроительной промышленности, могла опережать своих «корабельных» конкурентов (прежде всего – Францию, Германию и Россию; отчасти – США и Италию) на стадии постройки, активно копируя передовые идеи и «обставляя» потенциальных соперников, проектируя и строя раньше других более сильные корабли. Самый сильный удар по флотам конкурентов Англия нанесла вводом в строй «Дредноута»

(1906), когда корабль с десятью дальнебойными 12-дюймовыми орудиями (против четырех на абсолютном большинстве додредноутных линкоров) и скоростью хода в 21 узел (против 17–18 узлов) просто нивелировал силы флотов других стран; такой корабль с вполне осязаемыми шансами на победу мог вступить в бой с целой эскадрой броненосцев, в частности, основными броненосными силами русской или японской эскадр в бою в Желтом море или при Цусиме. «Дредноут» был построен за один год и один день – рекорд, по сей день оставшийся непобитым (применительно к кораблю «класса» «основная сила флота»). Для примера, спущенный на воду в октябре 1906 года русский линкор «Андрей Первозванный» (и вступивший в строй в 1912 году!) – памятник косности мышления «марсоходного» русского адмиралтейства – был несоизмеримо слабее «Дредноута».

С другой стороны, дредноуты нанесли виртуальный «удар» не только по другим флотам, но и, как ни странно, по своему собственному. Новый тип кораблей фактически уравнивал шансы всех флотов, и в мире началось лихорадочное строительство дредноутов и сверхдредноутов, так как появилась возможность «начать» строить флот «с чистого листа». Германия, Франция, Япония, США, Италия и оправившаяся после Русско-японской войны, революции и восстановившая экономику столыпинскими реформами Россия активно строят корабли нового типа, внедряя новейшие технологические решения (основными новациями принято считать внедрение паротурбинных установок и улучшенных систем наблюдения). Таким образом, огромное количество современных броненосцев Великобритании (9 типа «Маджестик», 6 типа «Канопус», 8 типа «Формидейбл-Лондон-Куин», 6 типа «Дункан» и 8 типа «Кинг Эдвард V»; всего 37 единиц) разом устарели, а именно они и составляли основу так называемого «two power standard» («двухсильное превосходство», т.е. военно-морское превосходство над двумя, вместе взятыми, следующими по силе флотами; в то время – флоты Франции и Германии). Именно с внедрением кораблей дредноутного и сверхдредноутного типов Великобритания утратила «двухсильное превосходство», а «пальма первенства» ее как «владычицы морей» начинает подходить к концу. И если в Первой мировой войне, напрягши все свои силы, Англия еще смогла сохранить этот статус, то к началу Второй мировой войны он переходит к США (и сохраняется вплоть до сегодняшнего дня).

Таким образом, именно японские адмиралы первыми в мире предугадали ситуацию, когда чудовищный по скорости прогресс военного кораблестроения всецело оправдывает все сопутствующие расходы на постройку максимально возможных по водоизмещению кораблей и риск от применения непроверенных технологий. Заказав в Англии весьма дорогие корабли наибольшего водоизмещения (основная статья которого – 25–33% – приходилась на бронезащиту), японский флот, хотя бы первые 2–3 года после вступления их в строй, имел бы шансы на техническое превосходство. По-нашему мнению, именно это обстоятельство ключевым образом повлияло в итоге на исход войны...

Русское военно-морское руководство во главе с самим императором выбрало, как это зачастую бывает в России, «свой путь». Путь этот основывался на использовании географических слабостей, а именно – идее торгового блокирования своих «островных» потенциальных противников. Извечным противником России была островная Великобритания, а в конце XIX века ее «маленькой копией» стала Япония. Идея была весьма красивой в теории.

Теория такова. Главная проблема островных государств – относительно небольшая площадь и, как следствие, отсутствие плацдармов для отступления. В случае успешной высадки десанта покорить такие страны не составляет труда (вспомним, как это проделали викинги с той же Британией). Это обстоятельство заставляло Англию еще со средних веков иметь сильный флот, который после победы над испанской Непобедимой армадой стал сильнейшим в мире и смог сохранить этот статус вплоть до конца 3-го десятилетия XX века. Разбить такой флот соперникам было просто не под силу, что в свое время блестяще доказал английский адмирал Горацио Нельсон, нанеся сокрушительные поражения французскому наполеоновскому флоту при Абукире (1798) и Трафальгаре (1805). При господстве флота противника на море высадить десант не представляется возможным. И Япония, не «изобретя» в том плане ничего нового, в Русско-японской войне придерживалась совершенно тех же принципов ведения войны, что и Великобритания в войне с наполеоновской Францией одним веком ранее. При такой ситуации остается только экономическая блокада.

Островные государства критично зависят от внешней торговли. В частности, промышленность Великобритании в XVIII–XX веках (как, впрочем, и сегодня) зависела от сырьевых внешних поставок. Идея морской блокады отнюдь не нова; наибольших результатов в этом плане добился в свое время все тот же Наполеон Бонапарт, потерявший в сражениях с англичанами флот и, опираясь на мощь сухопутной армии, вынудивший все европейские страны присоединиться к континентальной блокаде. В итоге не только экономика Британии, но и ее главное оружие – парусный флот, сильно зависевший от поставок русской пеньки, льна и леса – стал «разлетаться в клочья» чуть ли не в буквальном смысле этого слова (к слову, несоблюдение Россией условий континентальной блокады стало одной из причин нападения Франции в 1812 году). Осознавая эффективность такой стратегии войны, русское военное руководство на рубеже XIX–XX веков вполне обоснованно рассчитывало успешно применить ее и в войне против Японии.

Подобные стратегические планы напрямую повлияли на военное кораблестроение. В России приоритетное развитие получили корабли-рейдеры. Рейдер (от англ. raider – «налетчик», «пират») – крупный надводный военный корабль (или специально переоборудованный и вооруженный

коммерческий), способный в одиночку длительное время находиться в открытом море и заниматься нарушением вражеских коммуникаций, уничтожая торговые суда и более слабые военные корабли.

5. Заключение

Подытоживая дипломатическую ситуацию и стратегические планы сторон, можно сделать следующие выводы:

1. Противоборствующие стороны в этой войне оказались без военных союзников и сошлись «в одиночку». «Кредитором» и «другом» (термин «союзник» нами сознательно не употребляется) Японии была наиболее развитая в плане военно-морских технологий Великобритания; «кредитором» и политическим союзником России была Франция. Германия и США занимали нейтральную позицию, больше склоняясь к России. Испания, Италия, Австро-Венгрия, и в особенности Турция, имели собственные, куда более серьезные внутренние проблемы, и в этом, с позволения сказать, «разогреве» перед Первой мировой не участвовали вовсе.

2. Кораблестроительные программы сторон всецело определялись стратегией ведения войны. Россия рассчитывала «сломать» экономику Японии и инициировать революцию. Орудием борьбы стали высокоавтономные бронированные и бронепалубные рейдеры-«разрушители торговли», которые бы смогли «работать» независимо от того, как складывались бы военные успехи на других морских театрах военных действий и на суше. Япония сделала ставку на захват превосходства на море и стремление к генеральному сражению. Такая стратегия потребовала строительства за рубежом крупных, дорогих, но исключительных по мощности линейных сил.

3. Японские адмиралы во главе с микадо первыми в мире разглядели тенденцию стремительного скачка в развитии кораблестроения и не побоялись реализовать соответствующую военно-морскую доктрину. Недостатки этой доктрины вылились в сильнейшую закредитованность государства и зависимость от зарубежных «партнеров». Преимуществом стало получение кратковременного и отнюдь не подавляющего господства на море.

4. Обе страны понимали неизбежность войны и в меру возможности готовились к ней. Однако японцы буквально одним-двумя годами раньше воплотили в жизнь «противоядие» русской доктрины «экономической блокады», создав флот, который превосходил по силе Тихоокеанскую эскадру, несмотря на кажущийся паритет. Был учтен фактор растянутости морских коммуникаций России и невозможность быстрой и скрытной переброски сил Балтийского и Черноморского флотов к театру боевых действий. Россия рассчитывала начать боевые действия в 1905 году, когда четыре новейших броненосца отечественного производства типа «Бородино» Балтийской эскадры вступят в строй и будут переведены в Порт-Артур. Японские адмиралы не дали такой возможности, развязав войну неожиданно и в нарушение всех этических внешнеполитических норм в самый удобный для своего флота момент.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология (проект №17-18-01411)»

Литература

[Айрапетов, 2014](#) – Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М.: ООО «Торговый дом алгоритм», 2014. 496 с.

[Быков, 2003](#) – Быков П.Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море. 2-е изд. М.: Эксмо, 2003. 672 с.

[Витте, 1922](#) – Витте С.Ю. Воспоминания. В 2 т. Т. 1. Берлин: Слово, 1922.

[Данилов, 2010](#) – Данилов О.Ю. Пролог «великой войны» 1904–1914 гг. Кто и как втягивал Россию в мировой конфликт. М.: Поколение, 2010. 416 с.

[Золотарев, Козлов, 2004](#) – Золотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота, XIX – начало XX века. М.: АСТ, 2004.

[Кокцинский, 2002](#) – Кокцинский И.М. Морские бои и сражения русско-японской войны, или причина поражения: кризис управления. 2-е изд. Фонд Андрея Первозванного, 2002. 436 с.

[Левицкий, 2003](#) – Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Эксмо, Изографус, 2003. 672 с.

[Лилье, 2002](#) – Лилье М.И. Ноябрь. Декабрь // Дневник осады Порт-Артура. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2002.

[Макаров, 1960](#) – Макаров С.О. Документы. В 2-х т. М.: Военмориздат, 1960. Т. 1.

[Мультиатули, Залесский, 2015](#) – Мультиатули П.В., Залесский К.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Российский институт стратегических исследований, 2015. 816 с.

[Ольденбург, 1991](#) – Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II / Предисловие Ю.К. Мейера. СПб.: Петрополь, 1991.

[Советская историческая энциклопедия, 1962–1976](#) – Советская историческая энциклопедия. В 16 т. М.: «Советская энциклопедия», 1961–1976. Т. 1.

- [Сорокин, 1952](#) – *Сорокин А.И.* Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904–1905. М.: Воениздат, 1952. 272 с.
- [Шишов, 2000](#) – *Шишов А.В.* Россия и Япония. История военных конфликтов. М.: Вече, 2000. 574 с.
- [Klado, 1905](#) – *Klado N.* The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell, 1905.

References

- [Airapetov, 2014](#) – *Airapetov O.R.* (2014). Na puti k krakhu. Russko-yaponskaya voina 1904-1905 gg. Voenno-politicheskaya istoriya [On the way to crash. Russian-japanese war of 1904-1905. Military-political history]. М.: ООО «Torgovyi dom algoritm». 496 p.
- [Bykov, 2003](#) – *Bykov P.D.* (2003). Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. Deistviya na more [The Russian-japanese war of 1904–1905. The actions at sea]. 2-e izd. М.: Eksmo. 672 p.
- [Danilov, 2010](#) – *Danilov O.Yu.* (2010). Prolog «velikoi voiny» 1904–1914 gg. Kto i kak vtyagival Rossiyu v mirovoi konflikt [Prologue of the “great war” of 1904–1914. Who and how to draw Russia into the world conflict?]. М.: Pokolenie. 416 p.
- [Klado, 1905](#) – *Klado N.* (1905). The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell.
- [Koktsinskii, 2002](#) – *Koktsinskii I.M.* (2002). Morskii boi i srazheniya russko-yaponskoi voiny, ili prichina porazheniya: krizis upravleniya [Sea battles and battles of the Russian-Japanese war, or the cause of defeat: a crisis of management]. 2-e izd. Fond Andrey Pervozvannogo. 436 p.
- [Levitskii, 2003](#) – *Levitskii N.A.* (2003). Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. М.: Eksmo, Izografus. 672 p.
- [Lil'e, 2002](#) – *Lil'e M.I.* (2002). Noyabr'. Dekabr' [November. December]. Dnevnik osady Port-Artura. Moskva: ZAO Tsentropoligraf.
- [Makarov, 1960](#) – *Makarov S.O.* (1960). Dokumenty [Documents]. V 2-kh t. М.: Voenmorizdat. T. 1.
- [Mul'tatuli, Zaleskii, 2015](#) – *Mul'tatuli P.V., Zaleskii K.A.* (2015). Russko-yaponskaya voina 1904-1905 gg. [Russian-Japanese War of 1904-1905]. М.: Rossiiskii institut strategicheskikh issledovaniy. 816 p.
- [Ol'denburg, 1991](#) – *Ol'denburg S.S.* (1991). Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II [The reign of Emperor Nicholas II]. Predislovie Yu.K. Meiera. SPb.: Petropol'.
- [Shishov, 2000](#) – *Shishov A.V.* (2000). Rossiya i Yaponiya. Istoriya voennykh konfliktov [Russia and Japan. The history of military conflict]. М.: Vechе. 574 p.
- [Sorokin, 1952](#) – *Sorokin A.I.* (1952). Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904-1905 [The defense of Port Arthur. Russian-japanese war of 1904-1905]. М.: Воениздат. 272 p.
- [Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya, 1962-1976](#) – *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet historical encyclopedia]. V 16 t. М.: «Sovetskaya entsiklopediya», 1961-1976. T. 1.
- [Vitte, 1922](#) – *Vitte S.Yu.* (1922). Vospominaniya [Memories]. V 2 t. T. 1. Berlin: Slovo.
- [Zolotarev, Kozlov, 2004](#) – *Zolotarev V.A., Kozlov I.A.* (2004). Tri stoletiya Rossiiskogo flota, XIX – nachalo XX veka [Three centuries of the Russian fleet, XIX – early XX century]. М.: AST.

О соотношении линейных сил русской 1-й Тихоокеанской и японской эскадр в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, b, *}, Андрей Вадимович Венков ^c, Наталья Валентиновна Мику ^d, Од Медико ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^e Университет Женевы, Женева, Швейцария

Аннотация. Статья посвящена анализу соотношения противостоящих друг другу линейных (броненосных) сил русской 1-й Тихоокеанской и японской эскадр в период Русско-японской войны 1904–1905 годов перед началом боевых действий, освещению тактико-технических характеристик броненосных кораблей и стратегии их использования военно-морским руководством.

Материалами для подготовки статьи стала дореволюционная, советская и новейшая историография. Применены также опубликованные документы и материалы личного происхождения, такие, как мемуары, воспоминания и дневники.

Методологическую основу исследования составили традиционные для российской историографии принципы историзма, научной объективности и системности. В процессе работы

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

использовался проблемно-хронологический метод, который позволил рассмотреть тему исследования в хронологическом порядке, обратив внимание на вопросы, связанные с подготовкой Русско-японской войны, а также с обстановкой на внешнеполитической арене.

Также в работе делается попытка оценить шансы на победу 1-й Тихоокеанской эскадры с учетом ее боевых возможностей накануне войны в условиях генерального сражения. В данной статье рассматривается дипломатическая ситуация перед Русско-японской войной и анализируются стратегические планы сторон по ее ведению.

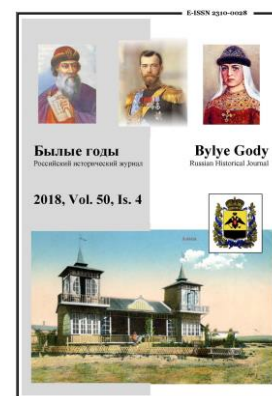
Ключевые слова: военно-морской флот, «дальневосточный вопрос», Русско-японская война, русский флот, японский флот, русские броненосцы, линейный корабль, броненосец, броненосный крейсер.

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1744-1751. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1744
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Liberal Intelligentsia between the Autocracy and the Revolution: I.V. Baev on the Crisis of Power in Russia in 1917

Svetlana V. Darchieva ^{a, *}, Anzor V. Darchiev ^a

^aNorth-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies named V.I. Abaev,
Russian Federation

Abstract

The article analyzes the views of the well-known representative of the Ossetian intelligentsia of the early 20th century, publicist and juror Ismail Baev, on the causes of the crisis of power in Russia, which led to dramatic revolutionary events in 1917. The relevance of the selected topic is justified by the increased interest of the society towards historical personalities who were eyewitnesses revolutionary events of 1917 and civil war. Their memoirs and letters allow us to more fully recreate the picture of social and political processes taking place in the country. It is noted that Baev did not consider the revolution a result of the conscious activity of political parties. It was the result of a popular discontent that had accumulated during the war. A clear understanding of the negative aspect of the revolutionary element led him to a fairly skeptical assessment of February 1917. This determined the ignoring of any meaning of the February revolution. It was just an unimportant episode in the destructive revolutionary process that eventually led to the power of the Bolsheviks. Baev's critical attitude to the Provisional Government, which sought only to retain its powers, is shown. It was precisely in the unwillingness and inability to address the pressing issues of the state, having granted them consideration to the Constituent Assembly, Baev saw the cause of the "internal crisis" of the Provisional Government, which eventually led to a revolutionary catastrophe and the "final death of the government." Baev considered it necessary to resist these negative consequences. In the articles "The Crisis of Power" and "Fundamentals of Federalism", which he wrote in preparation for the October 1917 conference in Vladikavkaz, whose work was aimed at creating a South-Eastern Union of Cossack troops, mountaineers of the Caucasus and free peoples of the steppes, Baev analyzes the situation that has developed in Russia by the autumn of 1917, expresses his own view on the causes, nature and consequences of the revolutionary events that have taken place in the country and proposes a program of necessary reforms aimed at creating a federative in Russia state.

Keywords: I.V. Baev, the intelligentsia, the Northern Caucasus, the Terek Region, the Russian Empire, political parties, the Constituent Assembly, federalism, the South-Eastern Union of Cossack troops, the Caucasian mountain people and the free peoples of the steppes.

1. Введение

Северный Кавказ представляет огромное стратегическое значение для развития российской государственности. Исследуя вопросы национально-государственного обустройства этнических общностей Северного Кавказа в современной России, мы неизбежно возвращаемся к тому богатому историческому опыту, который был накоплен в ходе предшествующего периода отечественной истории. Политическая история Северного Кавказа неразрывно связана с историей России, войнами, революционными и социальными потрясениями. История российских революций показала исключительно важную роль интеллигенции в становлении общероссийских, региональных и национальных политических партий и общественных организаций. Интеллигенцию составляли

* Corresponding author

E-mail addresses: svetik-dar70@mail.ru (S.V. Darchieva), dar-anzor@mail.ru (A.V. Darchiev)

высококвалифицированные представители достаточно состоятельных слоев населения, занятые на государственной службе, в адвокатуре, армии и придерживающиеся консервативных или либерально-монархических взглядов.

После Февральской революции на Северном Кавказе появились лидеры и движения, выступавшие за расширение участия местных элит в управлении краем, прежде всего под лозунгом национальной автономии. Был создан Союз горцев Северного Кавказа, который объединял горцев Северного Кавказа и Абхазию. Предполагалось создать автономную республику в составе федеративной России. На Северном Кавказе начинают формироваться местные исполнительные комитеты, которые претворяют в жизнь предначертания Временного правительства. Их возглавили представители местной интеллигенции, знати и буржуазии, которые стояли на позициях широкого участия горского населения в управлении регионом.

В данной статье мы анализируем взгляды известного представителя осетинской интеллигенции начала XX в., публициста, присяжного поверенного Исмаила Васильевича Баева на причины кризиса власти в России, обратимся к предлагаемой им политической программе для обустройства и управления России в самый критический период, связанный с революциями 1917 г.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковой базой исследования послужили документы фондов Центрального государственного архива РСФСР (ЦГА РСФСР-А. Ф. 224): «Баев Георгий Васильевич – городской голова г. Владикавказ. Материалы энциклопедического характера» и (ЦГА РСФСР-А. Ф. Революции. 852): «Алагирский вопрос. 1846–1919 годы», а также фонды Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева: «Доклады городского головы 1905–1914 гг.» (НА СОИГСИ. Архив Цомаевой Т.А. Фонд Баева Г.В.), которые вводятся впервые. Ценным источником для нашего исследования послужили изданные официальные материалы, мемуары, а также документы съездов и декларации Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Данные материалы позволяют полнее воссоздать политическую ситуацию в России и на Кавказе к осени 1917 г.

2.2. Решение исследовательских задач основано на принципах историзма и объективности. Использованы сравнительно-исторический метод, позволяющий делать выводы о специфичности или типичности индивидуальных особенностей личности; биографический метод; полидисциплинарная методология, объясняющая ряд особенностей личного и социального поведения исторической личности.

3. Обсуждение

Проблемы исторического периода 1917–1920 гг. в России относятся к наиболее актуальным и дискуссионным вопросам отечественной и зарубежной историографии, которые приобрели особую остроту и звучание в последние десятилетия. Процесс национально-государственного строительства в республиках Северного Кавказа в условиях Гражданской войны носил сложный и противоречивый характер. Среди широкого круга разноплановой литературы, анализирующей политическую борьбу на Северном Кавказе в период между Февральской и Октябрьской революциями в России в 1917 г. и в период Гражданской войны можно выделить работы В.Д. Дзидзоева (Дзидзоев, 2003), В.Б. Лобанова (Лобанов, 2013), Т.Н. Литвиновой (Литвинова, 2017), М.А. Магомедова (Магомедов, 1997) и др. В этих работах дается комплексный анализ деятельности различных политических сил в годы революции и Гражданской войны на территории Северного Кавказа. Авторы ввели огромный массив источников из центральных и региональных архивохранилищ, проанализировали советскую, эмигрантскую и современную литературу. Предпринята попытка преодолеть характерное для советской историографии жестко регламентированное, одностороннее изложение и восполнить недостающие пробелы в изучении Гражданской войны на Северном Кавказе.

История российской интеллигенции в переломное для России время 1917–1918 гг. постоянно вызывает интерес у отечественных и зарубежных ученых. Существующая историография проблемы представлена самой разнообразной литературой: П.Н. Милюков (Милюков, 1993), Д. Лехович (Лехович, 1992), Д.Н. Шипов (Шипов, 2007), А. Търкова-Вильямс (Търкова-Вильямс, 2007), М. Lorenz (Lorenz, 2011) и др.

В ряду социальных процессов, происходивших на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв., важное место занимает формирование национальной интеллигенции. Идейный облик северокавказской интеллигенции формировался на стыке двух культурных потоков: традиционного наследия и идейных воздействий, идущих из России и стран Европы. В работах З.В. Кануковой (Канукова, 2008), К.Р. Дзалаевой (Дзалаева, 2012), Г.Т. Дзагуровой (Дзагурова, 2003), Э.В. Кемпинского (Кемпинский, 2005), С.В. Дарчиевой (Дарчиева, 2017), М.С. Тотоева (Тотоев, 1957) и др. рассматриваются проблемы развития общественно-политической мысли, зарождения и становления осетинской интеллигенции, формирования общегражданского российского менталитета, ставится проблема гармонизации традиционных культур, народной ментальности и российских модернизационных реформ.

4. Результаты

Все мы привыкли воспринимать исторический процесс как грандиозное полотно великих событий: возникновение и крушение государств, революций, кровопролитных войн. Однако, по меткому определению Марка Блока, «история – это наука о людях во времени», т.е. о конкретных людях с их переживаниями, радостями и печалью, о судьбах людей, творивших эти события, переживших ту или иную историческую эпоху.

Имя Исмаила Васильевича Баева – юриста, адвоката, публициста – неизвестно большинству сегодняшних читателей. В советской историографии Исмаила Баева окрестили одним из идеологов «Союза горцев» и одним из главарей буржуазно-националистической контрреволюционной интеллигенции в Осетии, ярким монархистом, известным как злейший враг Советской власти, который всячески восхвалял программу этого «Союза», доказывая «гибельность революции» в случае ее дальнейшего развития (*История Северо-Осетинской АССР, 1966: 19*).

К сожалению, исследователи не располагают сведениями о детских и юношеских годах И. Баева (*Марзоев, 2017: 46*). Родился Исмаил Васильевич в 1871 г. в селе Ольгинском Владикавказского округа, в многодетной семье, был одним из пяти братьев известной в Осетии семьи, давшей выдающихся общественных, военных и политических деятелей.

Что формирует духовный облик человека и предопределяет его жизненный путь? Семья, воспитание и окружение, образование и наставники, социальные условия и эпоха? В случае с И. Баевым этот вопрос особенно важен. Все в нем: происхождение, молодость, романтика судьбы, крайность взглядов и откровенность суждений, наконец, трагический финал его яркой и короткой жизни, оставившей ощущение нереализованных возможностей, – делает И. Баева непонятым ни современниками, ни потомками.

Мировоззренческие принципы Исмаила, его жизнепонимание были сформированы в доме его дяди, генерал-лейтенанта Генерального штаба Михаила Георгиевича Баева. Михаил Георгиевич принадлежал к тому поколению передовой осетинской интеллигенции, которая сформулировала национальную идею и задачи просвещения народа. Под непосредственным влиянием дяди-генерала Исмаил много читает русскую и зарубежную литературу, философию и право. В 1896 г. Баев был призван в армию и зачислен в ратники ополчения второго разряда. Исмаил Васильевич получил прекрасное по тому времени образование, окончил в мае 1907 г. юридический факультет Императорского Московского университета с дипломом II степени и посвятил себя адвокатской карьере (*ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 261. Л. 186*). В дореволюционные годы занимался преподавательской деятельностью, считаясь одним из лучших лекторов по вопросам права. Он был очень популярен в Тифлисе, где успешно выступал с лекциями в Народном доме Зубалова. Будучи одаренным публицистом и оригинальным политическим мыслителем, Баев публиковал статьи в различных кавказских изданиях по многим актуальным вопросам своего времени (*Абаев, 1961: 83*).

Первая мировая война стала катализатором внутренних процессов, приведших к падению Российской империи. Наиболее негативную роль в нарастании революционных настроений сыграла экономическая слабость страны, вызванная тяжким бременем военных расходов. Кризис политической системы, половинчатые и противоречивые решения государственной власти, некомпетентность и непопулярность правительства порождали еще большее возмущение общества. Страну охватила революция. Однако события Февральской революции застали врасплох не только самодержавие, но и разобщенную, плохо организованную оппозицию. В стране установилось двоевластие, две различные концепции легитимности, две различные идеи устройства российского общества: либеральное, видевшее будущее в парламентаризме и капиталистическом пути развития России, и радикальное, готовое идти еще дальше и установить всеобщую демократию, основанную на трех принципах Великой Французской революции: Свободе, Равенстве, Братстве.

Февральская революция дала старт для либерализации национальной политики: все граждане России получили политические и гражданские права, а также индивидуальные национально-культурные права. Была восстановлена автономия Финляндии и Царства Польского, отменено дискриминирующее положение евреев и «иностранцев» окраин. Однако Временное правительство недооценивало остроты национальных проблем. Требования автономий были отклонены, так как Временное правительство своей главной задачей считало сохранение «единой и неделимой России». Решение этой и других задач предполагалось возложить на Учредительное собрание. Тактика сдерживания и проволочек приводила к непрерывно нарастающей радикализации социальных и национальных движений на окраинах (*Капеллер, 2000: 262–263*). Временному правительству не удалось выработать единой общенациональной программы вывода страны из системного кризиса. Российское общество, расколотое по идейно-политическим направлениям, раздираемое острыми конфликтами, уступило историческую инициативу леворадикальным политическим силам. В течение нескольких месяцев к осени 1917 г. были созданы все условия для успеха партии большевиков и проведения ими вооруженного восстания.

Прекрасно осознавая закономерный характер происходящих изменений, Баев тем не менее не был сторонником Февральской революции, поскольку революционная стихия со всей очевидностью ставила под угрозу само существование российской государственности. Революция, согласно И. Баеву, отнюдь не итог целенаправленной борьбы политических партий, а порождение народной стихии,

«результат всенародного недовольства и негодования, которое накопилось в течение всей войны». Ясное понимание негативного аспекта революционной стихии приводило его к достаточно скептическим оценкам февраля 1917 г. Состояние России после революции Баев сравнивал с состоянием больного, находящегося на смертном одре: в результате революционных событий государственный организм был поражен тяжким недугом анархии и остро нуждался в «опытном враче», т.е. в такой общественной силе, которая спасла бы его от политической смерти. Временное правительство, по мнению Баева, такой силой не обладало. Оно стремилось лишь «сохранить свои полномочия», узаконить решение насущных вопросов, предоставив их рассмотрению Учредительному собранию. «Внутренний кризис» Временного правительства он оценивал как «смертельную агонию», которая приведет в итоге к «окончательной гибели правительства» (ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 257. Л. 48). Баев считал необходимым противостоять этим негативным последствиям. Он сформулировал собственный взгляд на причины, характер и последствия случившегося и программу необходимых преобразований в России в рамках Российской Демократической Федеративной Республики. В числе важнейших проблем, которые волновали Баева, были вопросы общественного устройства: о формах и пределах государственной власти, отношениях между государством и народом, демократических свободах и правах личности, государственном суверенитете, системе выборов, теории разделения властей, методах проведения внутренней и внешней политики, о будущем страны и ее месте в мире.

И. Баев был свидетелем событий, происходивших в феврале 1917 г. в российской столице. «Старая власть, – отмечает Баев, – делала все, что могла, чтобы потерять всякий нравственный авторитет в народном сознании, лучшее доказательство – быстрота падения ее. Нужна была только одна неделя, чтобы царизм стал достоянием истории... Одним словом падение царизма – политический факт, а не политическая цель» (ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 257. Л. 48).

Понятие «федерализм» в представлении многих российских юристов начала XX века очень близко к современной трактовке в правовой науке. Оно означает предоставление государством функций самоуправления отдельным субъектам, основанного на государственной целостности, единстве системы государственной власти. Размышляя на эту тему, Баев обращается к опыту Соединенных Штатов Америки, отмечая одинаково яркие для России и Америки идеи политической и духовной свободы. В основе государственного и политического устройства, по мнению Баева, должен лежать принцип федерализма. «Федерализм, – писал он, – в самое последнее время становится политическим достоянием и политическим лозунгом значительных групп населения в России, что одним из первых вопросов, который будет поднят в Учредительном собрании, будет вопрос о федеральном строе грядущей свободной России» (ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 257. Л. 40). Автор уверен, что автономия и федерализм не только не противоречат единству государства, но укрепляют его. Понятие автономии не несет само по себе смысла национального самоопределения. Оно означает лишь предоставление «центральной властью» функций самоуправления «народам и окраинам», деятельность которых, однако, определяется общегосударственным законодательством – «федеративной конституцией». Баев говорит о необходимости предоставления отдельным частям государства возможности иметь свои законодательные собрания, обладающие правом совместно с «союзной властью» издавать местные законы. Компетенция союзной власти, согласно Баеву, должна распространяться на важнейшие сферы государственной деятельности: внешнюю оборону страны, обеспечение морской безопасности, уплату государственного долга и заключение займов, содержание почты и телеграфа, контроль над монетной системой, регулирование внешней и внутренней торговли. Однако все остальные нужды населения отдельных частей государства («штатов»), нуждающиеся в законодательной регламентации, входят в исключительное ведение местных законодателей (ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 257. Л. 58). Реализация данной модели отнюдь не означала предоставления автономным областям государственного суверенитета, но предполагала наделение их частичной политической самостоятельностью в рамках единого государства. Согласно Баеву, федерализм – это государственно-правовой союз, в котором есть сильный единый федеральный центр, регулируемый единым публичным правом.

Баев признает огромное значение культурно-исторического влияния русского народа на народы, входящие в Россию. Но для него бесспорно и другое: Россия – многонациональное государство, отличающееся большим этническим, языковым и конфессиональным многообразием, «страна нескольких культур... Россия – срединная земля, соединяющая культуры Запада и Востока», что отличает ее «от западных государств» (ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 257. Л. 39–40). В государственном и политическом строительстве Баев предлагал широко внедрять оправдывающий себя опыт государственного устройства передовых западноевропейских стран, в частности Швейцарии, Франции, Германии и США, с учетом местных особенностей.

Как уже отмечалось, политические взгляды Баева были в пользу сильного федеративного центра, который спасет страну от внутренней дезинтеграции и внешних врагов. Баев считал анархию крайне опасной и мыслил категориями порядка: «Всякая анархия – результат слабости власти, ...нужно найти политические средства, которые соединили бы власть с гражданами. Это очень важно, ибо в противном случае волны анархии смогут поглотить страну в кровавый водоворот, откуда нет возврата» (ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 257. Л. 54).

Баев выступает сторонником прямых выборов, системы всеобщего избирательного права и создания двухпалатной системы законодательного собрания России: «...Один из вопросов, который вызывает продолжительные споры в Учредительном собрании, будет вопрос о двухпалатной системе наших законодательных собраний. Эта система не пользуется признанием наших политических партий и будет, наверно, с негодованием отвергнута ими, как покушения на державные права народа. Достаточно отметить, что даже партия народной свободы не решилась признать ее как одно из основных положений своей программы, а оставила этот вопрос открытым. Пишущий эту статью – убежденный сторонник двухпалатной системы, не потому что он противник демократии, а потому что двухпалатная система – существенная гарантия прав демократии» (ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 257. Л. 90). Однопалатная система, по мнению автора, отражает только классовые интересы отдельной группы в обществе. Он предлагает принцип пропорционального национального представительства в верхней (Сенат) и нижней палатах. Депутаты нижней палаты избирались на основании всеобщего равного избирательного права. Верхняя палата формировалась на основе специального представительства. В делах законодательства нижняя и верхняя палаты обладали разными правами, которые строго разграничивались. Нижняя палата получала полномочия в принятии государственной росписи доходов и расходов (т.е. государственного бюджета). Верхняя палата законодательного собрания получала преимущество в праве с президентом на роспуск нижней палаты и могла выступать как судебная инстанция (ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 257. Л. 86). Данный механизм функционирования двухпалатного парламента должен был обеспечить баланс центральных и местных, в том числе и национальных интересов в будущем правовом государстве. Таким образом, областная автономия становилась средством интеграции национальных культур в рамках единого гражданского общества и правового государства.

Эти прогрессивные в целом представления были положены Баевым в основу его политической деятельности. Однако советская историография видела в Исмаиле Баеве исключительно идеолога крупного землевладения (Бутаев, 2003: 29) и несправедливо отнесла его к представителям буржуазно-националистической и даже шовинистически настроенной интеллигенции (Такоев, 1926: 358).

К осени 1917 года деструктивные процессы в российском обществе еще более обострились, подводя Россию к грани национальной катастрофы. От единой некогда страны отделялись окраинные территории, на которых возникали новые государственные образования, стремившиеся к утверждению своего суверенного статуса. Начавшийся в стране процесс самоопределения окраин заставил задуматься о независимости даже тех, кто прежде не рассматривал ее как серьезную перспективу. Вот как описывает Баев этот процесс: «...В то время как [на] улицах Петрограда [идут] непрерывные митинги, в городах ведут непрекращающиеся споры из-за власти, в России произошел политический факт – факт возникновения местных властей. Малороссия отделила север от юга, Дон отделил всю юго-восточную часть от севера, сибиряки отделяют все земли к востоку от Урала до старой Великороссии. Это своеобразный государственный процесс совершается вопреки воле Временного правительства, вопреки намерениям революционной демократии, но он по существу революционный, и в этом его сила» (ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 257. Л. 48). Иными словами, политическая реальность с неизбежностью подводила к вопросу о создании федеративного государства.

И. Баев был одним из активных участников так называемого Юго-Восточного союза казачьих войск и горцев Кавказа, возникшего в октябре 1917 г. (Владикавказская конференция..., 1917: 20). Этот союз должен был объединить в себе все общественные силы, способные удержать страну от полного развала и дать отпор врагам, стремившимся к уничтожению российской государственности (Музаев, 2007: 224). Автономия малочисленных народов Северного Кавказа должна была стать, по замыслу ее организаторов и руководителей, гарантией широкого самоуправления для всех народов, входящих в нее. Исмаил Баев последовательно выступал за необходимость сохранения Северного Кавказа в составе России, полагая, что горским народам «не следует стремиться к национальной независимости» (Бабич, 2012: 384).

Однако Юго-Восточному союзу не суждено было стать тем объединением, которое могло бы противостоять разрушительным силам в регионе. Едва объединенное правительство попыталось навести порядок на железных дорогах и в организации местных финансов, как на Юге России вспыхнула гражданская война, в этот период Исмаил Баев некоторое время стоял во главе Кубанской рады. В 1919 г. он вошел в состав «Совета при правителе Осетии», а позднее стал членом контрреволюционной организации, сформированной в Салугардане (ЦГА РСО-А. Ф. Революции. 852. Оп. 1. Д. 98. Л. 22). Не приняв советской власти, Баев эмигрировал сначала в Турцию, где он находился до 1926 года, а затем в Югославию. Там, на чужбине, он встретил закат своей нелегкой жизни, исполненной подлинного человеческого трагизма и одиночества. В коротком письме к брату в Берлин Баев скупо описывает свою жизнь: «Оно только отвратительно с первого дня до сегодняшнего дня. Не могу сказать, чтобы горизонты прояснились. Лучи надежды и достижений не освещают мой странный путь» (НА СООГСИ. Архив Цомаевой Т.А. Фонд Баева Г.В. Оп. 1. Папка 7. Конверт 1. Л. 1.) Умер Исмаил Баев в Белграде в 30-х годах в нищете и забвении.

5. Заключение

Исмаил Васильевич Баев был одним из наиболее ярких представителей осетинской интеллигенции начала XX века. Интеллектуал, человек огромной эрудиции и блестящих аналитических способностей, он обладал оригинальным взглядом на вещи и глубоким внутренним миром. И.В. Баев был убежденным либералом и считал, что создание прочного конституционного государства возможно путем проведения демократических реформ. Он оставил небольшое по объему, но значительное по содержанию наследие – политическую программу будущего Российского федеративного государства. Это наследие, несомненно, заслуживает самого пристального внимания, а ее автор – благодарной памяти и уважения.

Литература

- Абаев, 1961: 83** – *Абаев В.Д.* Коста Хетагуров и его время. Тбилиси: Заря Востока, 1961. 202 с.
- Бабич, 2012: 384** – *Бабич И.Л.* Северокавказская нация в европейской эмиграции (1917–1930-е годы): миф или реальность // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа / Российская акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); [отв. ред. Ю.Ю. Карпов]. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2012. 376–401.
- Бутаев, 2003: 29** – *Бутаев К.С.* Октябрь в Осетии // Избранное. Владикавказ: Иростон, 2003. С. 19–47.
- Владикавказская конференция..., 1917: 20, 21** – Владикавказская конференция Юго-Восточных областей. 16–21 октября 1917 года. Владикавказ: Типография Терского областного Правления, 1917. 28 с.
- Дарчиева, 2017** – *Дарчиева С.В.* Политический портрет: Георгий Васильевич Баев // Власть. 2017. № 12. С. 99–103.
- Дзагурова, 2003** – *Дзагурова Г.Т.* Сыны Отечества. Владикавказ: «Перспектив-Пресс», 2003. 644 с.
- Дзалаева, 2012** – *Дзалаева К.Р.* Осетинская интеллигенция (вторая половина XIX – начало XX вв.): Монография. 2-ое издание, переработанное. ФГБУН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В.И. Абаева; Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. 298 с.
- Дзидзоев, 2003** – *Дзидзоев В.Д.* От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР: Монография; Владикавказ: Изд-во СОГУ. 210 с.
- История Северо-Осетинской АССР, 1966: 19** – История Северо-Осетинской АССР. Советский период. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1966. 432 с.
- Канукова, 2008** – *Канукова З.В.* Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 288 с.
- Каппелер, 2000: 262-263** – *Каппелер Андреас.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: «Прогресс-Традиция», 2000. 344 с.
- Кемпинский, 2005** – *Кемпинский Э.В.* Российская интеллигенция: история и судьбы (региональное северо-кавказское исследование). М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2005. 272 с.
- Лехович, 1992** – *Лехович Д.В.* Белые против красных. Судьба генерала А. Деникина. М.: Воскресенье, 1992. 192 с.
- Литвинова, 2017** – *Литвинова Т.Н.* Политическая институционализация и борьба элит на Северном Кавказе в период революций 1917 года и Гражданской войны. Журнал социологии и социальной антропологии, 20(4): 154–168. URL: <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.8>
- Лобанов, 2013** – *Лобанов В.Д.* История антибольшевистского движения на Северном Кавказе, 1917–1920 гг.: на материалах Терека и Дагестана: [монография] / Санкт-Петербург: Полторак, 2013. 424 с.
- Магомедов, 1997** – *Магомедов М.А.* О некоторых особенностях октябрьской революции и гражданской войны на Северном Кавказе // Отечественная история. 1997. № 6. С. 81–90.
- Марзоев, 2017: 46** – *Марзоев И.Т.* Род Баевых в истории Осетии (XIX – начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2017. № 24. С. 37–48.
- Милуков, 1993** – *Милуков П.Н.* При свете двух революций // Исторический архив, 1993. № 1. С. 145–182; № 2. С. 127–168.
- Музаев, 2007: 224–226** – *Музаев Т.М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа. М.: Патрия, 2007. 518 с.
- НА СОИГСИ. Архив Цомаевой Т.А. Фонд Баева Г.В.** – Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева.
- Такоев, 1926: 358** – *Такоев С.* К истории революционного движения на Тереке (по личным воспоминаниям) // Известия Осетинского научно-исследовательского института. Владикавказ, 1926. Вып. II. С. 309–385.
- Тотоев, 1957** – *Тотоев М.С.* Очерки истории культуры и общественной мысли Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1957. 364 с.
- Тыркова-Вильямс, 2007** – *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. М.: Московская школа политических исследований, 2007. 392 с.
- ЦГА РСО-А. Ф. 224** – Центральный государственный архив РСО-А.

Шипов, 2007 – *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН), 2007. 679 с.

Lorenz, 2011 – *Lorenz M.* Gappo Baejew und die Ossetische Literatur // Известия СОИГСИ. 2011. № 5. С. 83–86.

References

Abaev, 1961 – *Abaev V.D.* (1961). Kosta Hetagurov i ego vremya [Costa Khetagurov and his time]. Tbilisi: Zarya Vostoka, 202 p. [in Russian]

Babich, 2012 – *Babich I.L.* (2012). Severokavkazskaya natsiya v evropeyskoy emigratsii (1917-1930-e godyi): mif ili realnost [North Caucasian nation in European emigration (1917-1930s): myth or reality]. Obschestvo kak obyekt i subyekt vlasti. Ocherki politicheskoy antropologii Kavkaza / Rossiyskaya akad. nauk, Muzey antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera); [otv. red. Y.Y. Karpov]. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, pp. 376-401. [in Russian]

Butaev, 2003 – *Butaev K.S.* (2003). Oktyabr v Osetii [October in Ossetia]. Izbrannoe. Vladikavkaz: Iriston, 2003. pp. 19-47. [in Russian]

CGA RSO-A ФОНД 224 – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv RSO-A. [in Russian]

Darchieva, 2017 – *Darchieva S.V.* (2017). Politicheskij portret: Georgiy Vasilevich Baev [Political portrait: Georgy Vasilievich Baev]. *Vlast*. № 12. pp. 99-103. [in Russian]

Dzagurova, 2003 – *Dzagurova G.T.* (2003). Syny Otechestva [Sons of the Fatherland]. Vladikavkaz: «Prospekt-Press». 644 p. [in Russian]

Dzalaeva, 2012 – *Dzalaeva K.R.* (2012). Osetinskaja intelligencija (vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv.) [Ossetian intelligentsia (second half of XIX – beginning of XX centuries)]. Vladikavkaz. Vtoroe izdanie, pererabotannoe: IPO SOIGSI, 298 p. [in Russian]

Dzidzoyev, 2003 – *Dzidzoev V.D.* (2003). Ot Soyuz a ob'yedinennykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana do Gorskoy ASSR [From the Union of United Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan to the Mountainous ASSR]. Vladikavkaz: Izd-vo SOGU. 210 p. [in Russian]

Istoriya Severo-Osetinskoy ASSR, 1966 – *Istoriya Severo-Osetinskoy ASSR. Sovetskij period* [History of the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic. The Soviet period]. Ordjonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izd-vo, 1966. 432 p.

Kanukova, 2008 – *Kanukova Z.V.* (2008). Staryj Vladikavkaz [Old Vladikavkaz]. Istoriko-jetnologicheskoe issledovanie. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 288 p. [in Russian]

Kappeler, 2000 – *Kappeler Andreas* (2000). Rossiya – mnogonatsionalnaya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad [Russia is a multinational empire. Appearance. History. Disintegration]. M.: «Progress-Traditsiya». 344 p. [in Russian]

Kempinskij, 2005 – *Kempinskij Je.V.* (2005). Rossijskaja intelligencija: istorija i sud'by (regional'noe severo-kavkazskoe issledovanie) [Russian intelligentsia: history and destinies (regional North Caucasian research)]. M.: Izdatel'stvo «Social'no-politicheskaja mysl'». 272 p. [in Russian]

Lehovich, 1992 – *Lehovich D.V.* (1992). Belye protiv krasnyh. Sudba generala A. Denikina [White against the Reds. The fate of General A. Denikin]. M.: Voskresene. 192 p. [in Russian]

Litvinova, 2017 – *Litvinova T.N.* (2017). Politicheskaya institutsionalizatsiya i borba elit na Severnom Kavkaze v period revolyutsiy 1917 goda i Grajdanskoj vojny [Political institutionalization and the struggle of elites in the North Caucasus during the revolutions of 1917 and the Civil War]. *Jurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 20(4). pp. 154-168. URL: <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.8> [in Russian]

Lobanov, 2013 – *Lobanov V.D.* (2013). Istoriya antibolshevistskogo dvizheniya na Severnom Kavkaze, 1917-1920 gg.: na materialah Tereka i Dagestana: [monografiya] [The history of the anti-Bolshevik movement in the North Caucasus, 1917-1920: on the materials of the Terek and Dagestan]. Sankt-Peterburg: Poltorak. 424 p. [in Russian]

Magomedov, 1997 – *Magomedov M.A.* (1997). O nekotoryh osobennostyah oktyabrskoy revolyutsii i grajdanskoj vojny na Severnom Kavkaze [On some features of the october revolution and civil war in the North Caucasus]. *Otechestvennaya istoriya*. № 6. pp. 81-90. [in Russian]

Marzoev, 2017 – *Marzoev I.T.* (2017). Rod Baevyih v istorii Osetii (XIX – nachalo XX v.) [The Baev family in the history of Ossetia (XIX – early XX century)]. *Izvestiya SOIGSI*. № 24. pp. 37-48. [in Russian]

Milyukov, 1993 – *Milyukov P.N.* (1993). Pri svete dvuh revolyutsiy [In the light of two revolutions]. *Istoricheskij arhiv*, № 1. pp. 145-182; № 2. pp. 127-168. [in Russian]

Muzaev, 2007 – *Muzaev T.M.* (2007). Soyuz gortsev. Russkaya revolyutsiya i narody Severnogo Kavkaza [Union of Highlanders. The Russian Revolution and the Peoples of the North Caucasus]. M.: Patriya. 518 p. [in Russian]

NA SOIGSI – Nauchnyj arhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnyh i social'nyh issledovanij im. V.I. Abaeva [Scientific archive of the North Ossetian Institute for humanitarian and social research named after V.I. Abaev]. [in Russian]

Shipov, 2007 – *Shipov D.N.* (2007). Vospominaniya i dumy o perejitom [Memories and thoughts about the experience]. M.: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSPEN). 679 p. [in Russian]

Takoev, 1926 – *Takoev S.* (1926). K istorii revolyutsionnogo dvizheniya na Tereke (po lichnyim vospominaniyam) [To the history of the revolutionary movement on the Terek (on personal memories)]. *Izvestiya Osetinskogo Nauchno-Issledovatel'skogo instituta. Vladikavkaz*, Vyip II. pp. 309-385. [in Russian]

Totoev, 1957a – *Totoev M.S.* (1957). Ocherki istorii kul'tury i obshchestvennoj mysli Severnoj Osetii v poreformennyj period [Essays on the history of culture and social thought in North Ossetia in the post-reform period]. Ordzhonikidze: Sev.-Oset. kn. izd-vo. 364 p. [in Russian]

Totoev, 1957b – *Totoev M.S.* (1957). Ocherki istorii kul'tury i obshchestvennoj mysli Severnoj Osetii v poreformennyj period [Essays on the history of culture and social thought in North Ossetia in the post-reform period]. Ordzhonikidze: Sev.-Oset. kn. izd-vo. 364 p. [in Russian]

Tyirkova-Vilyams, 2007 – *Tyirkova-Vilyams A.* (2007). Na putyah k svobode [On the road to freedom]. M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. 392 p. [in Russian]

Vladikavkazskaya konferentsiya..., 1917 – Vladikavkazskaya konferentsiya Yugo-Vostochnykh oblastey. 16-21 oktyabrya 1917 goda [Vladikavkaz Conference of South-Eastern regions. October 16-21, 1917]. Vladikavkaz: Tipografiya Terskogo oblastnogo Pravleniya, 1917. 28 p. [in Russian]

Lorenz, 2011 – *Lorenz M.* (2011). Gappo Baejew und die Ossetische Literatur. *Izvestija SOIGSI*. № 5. pp. 83-86.

Либеральная интеллигенция в революции 1917 г: И.В. Баев о кризисе власти в России

Светлана Валерьевна Дарчиева ^{a, *}, Анзор Валериевич Дарчиев ^a

^a Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева
Владикавказского научного центра РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются взгляды известного представителя осетинской интеллигенции начала XX в. Исмаила Васильевича Баева на причины кризиса власти в России, приведшего к драматическим революционным событиям в 1917 г. Актуальность темы обосновывается возросшим интересом общества к историческим личностям, которые являлись очевидцами революционных событий 1917 г. и Гражданской войны. Их мемуары и письма позволяют более полно воссоздать картину происходивших в стране социальных и политических процессов. Отмечается, что Баев считал революцию результатом не сознательной деятельности политических партий, а всенародного недовольства, которое накопилось в течение Первой мировой войны. Понимание разрушительности революционной стихии привело его к отрицанию какого-либо позитивного значения Февральской революции. Она являлась лишь ничего не значащим эпизодом в деструктивном революционном процессе, приведшем в итоге к власти большевиков. Показано критическое отношение Баева к Временному правительству, стремившемуся только сохранить свои полномочия. Именно в нежелании и неспособности решать насущные вопросы государства, предоставив их рассмотрению Учредительному собранию, Баев видел причину «внутреннего кризиса» Временного правительства, приведшего в итоге к революционной катастрофе и «окончательной гибели правительства». Баев считал необходимым противостоять этим негативным последствиям. В статьях «Кризис власти» и «Основы федерализма» он высказывает собственный взгляд на причины, характер и последствия произошедших в стране революционных событий и предлагает программу необходимых преобразований, направленных на создание в России федеративного государства.

Ключевые слова: И.В. Баев, интеллигенция, Северный Кавказ, Российская империя, Терская область, политические партии, Учредительное собрание, федерализм, Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей.

* Корреспондирующий автор

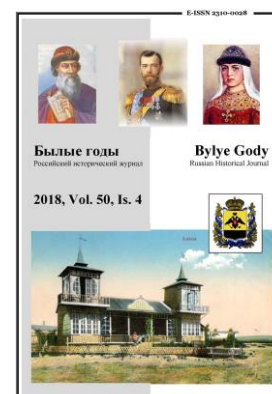
Адреса электронной почты: svetik-dar70@mail.ru (С.В. Дарчиева), dar-anzor@mail.ru (А.В. Дарчиев)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1752-1765. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1752
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Centenary of the Great Upheavals in the Mirror of the Latest Russian Historiography

Andrey Yu. Dvornichenko ^{a, 1}, Aleksandr E. Kotov ^a

^a Saint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The authors of this article analyse the latest Russian historiography of the Great Russian Revolution of 1917 and related events: the First World War and the Civil War. They take mainly journal scientific publications for the “jubilee” of the Revolution in 2017 and 2018. It is clear that the jubilee “set” of academic literature more prominently marked disagreements, and at the same time, the weak points of the historiographic field, which had emerged much earlier. In the foreground there are theoretical questions: what caused the social explosion in Russia, could Russia avoid the revolution, the eternal Russian question “who is to blame” and many others. An important role in the latest discussions plays the estimation of the modernization of Russia at the beginning of the 20th century, its nature, prospects and role in the actual revolutionary events. The most vivid example of these disputes is the ongoing discussion around the concept of B. N. Mironov. In the series of attempts to find the causes of the revolution two deserve intent attention: the discussion organized by the editorial board of the magazine “Rossiyskaya Istoriya” about the monograph written by V.P. Buldakov and T.G. Leontieva, as well as a survey of historians’ opinions which by the compilers of the “February Revolution” miscellany had been undertaken. In recent years, also continued attempts to place the Russian revolution in the global context and most importantly, there are numerous publications devoted to particular aspects of the “great upheavals”: individual social strata and groups, imperial and post-imperial regions. Of particular interest is the question of the role of monarchical groups in the Revolution and the Civil War. The study of the “history of concepts” and “policy of memory” has been developed rapidly in recent years - and in this context there are some important latest publications devoted to the perception of the revolution by contemporaries and descendants. In general, modern historiography intensively accumulates material, preparing the site for a further successful start in the race for scientific truths.

Keywords: historiography, Russia, scientific journals, October revolution, February revolution, Civil war, modernization, policy of memory.

1. Введение

Ко времени своего столетнего юбилея большинство масштабных событий обыкновенно превращаются из политических фактов в исторические. Внуков бывших участников гражданского противостояния сама природа возвращает к общему знаменателю: родным пепелищам и отеческим гробам. Впрочем, недавний «конфедератопад» в США свидетельствует о вероятности и обратной трансформации. У России и здесь особый путь: у нас идея национального примирения опередила свое время и сама превратилась в инструмент гражданской войны – в этом качестве как бы похоронив себя в могилах возвратившихся в Россию в 1920-х гг. и позднее погибших здесь белых эмигрантов. Возможно, поэтому вопрос о месте погребения В.И. Ульянова-Ленина до сих пор обсуждается с таким накалом, будто революционный вождь покинул свой красноразличный чум только вчера.

Юбилейный «год» продолжается («...нет у революции конца»), а уже появились первые попытки его осмысления. Вполне естественно, они носят историографический характер: когда, как не

¹ Corresponding author

E-mail addresses: a.dvornichenko@spbu.ru (A.Yu. Dvornichenko), a.kotov@spbu.ru (A.E. Kotov)

в юбилей, отдаться историографической рефлексии? Да к тому же в условиях «исторического поворота», особенно актуального именно для нашей страны с ее «непредсказуемым прошлым».

2. Материалы и методы

Попробуем осмыслить и мы, не претендуя на полный охват и делая упор на журнальные публикации, ведь журналы – самый быстрый и тонкий инструмент исторического познания. Именно журнальная статья дает нам столь желанный метод актуального анализа тех материалов, для монографического осмысления которых требуются годы...

Историки не могут не думать о том фоне, на котором разворачивается их *научная* деятельность. Под фоном подразумеваем историческую *память* и историческую *политику*, хотя понимаем, что соотношение этих компонентов сложнее и «фон» здесь понятие условное. Ситуация для революции, ее изучения, мягко говоря, не очень благоприятная. Власть революция не нужна: со времен перестройки историческая политика вытесняет революцию из умов российских граждан (Дворниченко, 2018: 117–168). В последнее десятилетие миф о революции все больше заменяется мифом о войне. Может быть, особенно ярко видно это в коммеморативных практиках. В 2011 г. была произведена реконструкция военного парада в годовщину революции в 1941 г. Парад этот повторили и в 2017 г. Изучающих современную историческую политику не должен обманывать и термин, официально принятый в последние годы – «Великая русская (или российская) революция», на самом деле, он только деформирует восприятие этого процесса и ученым, и просто читателем. Такая историческая политика приносит с каждым годом свои плоды, и в этой связи печалит даже не то, что в своей исторической памяти общество по-прежнему расколото по поводу Октябрьской революции (Колоницкий, 2018: 182) (Февральскую-то просто забыли), а то, что для школьников Октябрь значит уже не больше, чем дворцовые перевороты XVIII в. (Головашина, 2015: 15). Джина памяти нельзя загонять в бутылку. При таких обстоятельствах упрек, брошенный историкам Б.И. Колоницким в том, что они предпочитают находиться в «башне из слоновой кости» и, надо понимать, не участвуют в «рационализации исторического самосознания общества», видимо, не совсем справедлив. Хотя в том, что историки не стали «инициаторами какой-либо острой общественной дискуссии о революции» в юбилейный год, он, безусловно, прав (Колоницкий, 2017: 182).

3. Обсуждение и результаты

Впрочем, сделано немало. В ряду множества вышедших в этом году изданий выделяются: двухтомник «Российская революция 1917 года: Власть, общество, культура» под редакцией Ю.А. Петрова (Российская революция, 2017); сборник «Феномен революции в России: истоки и уроки. Страницы документальной истории», составленный А.В. Репниковым, Б.С. Котовым и П.Ю. Савельевым (Феномен революции, 2017); энциклопедия «Россия в 1917 г.» под редакцией А.К. Сорокина (Россия в 1917 году, 2017); юбилейный том ежегодника «Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии» (Россия в эпоху революций и реформ, 2017), объемистая книга В.А. Никонова (Никонов, 2017). Этот список фундаментальных изданий, видимо, можно и увеличить. Но юбилейный «вал» литературы еще рельефнее обозначил те разногласия, а заодно и слабые места историографического поля, которые выявились гораздо раньше. На первом плане – теоретические, сущностные, так сказать, вопросы: что породило социальный взрыв в России (Петров, 2017: 3), могла ли Россия избежать революции (Шелохаев, Соловьев, 2018: 162), извечный российский вопрос «кто виноват» и многие другие.

В содержательной статье Ю.А. Петрова показано, что по-прежнему множество сторонников в нашей историографии имеет уже убогая сединами теория модернизации. И не столь сейчас волнителен вопрос, нормальная она, эта модернизация, или догоняющая (Самохин, Королева, 2017). Эта пришедшая к нам с Запада теория, так же, как и там, на Западе, разделила наших историков на пессимистов и оптимистов (Петров, 2017: 6).

Главой оптимистов, а заодно и главным клиотерапевтом в нашей исторической науке является Б.Н. Миронов. В своих новейших публикациях он рассматривает русскую революцию в общем контексте модернизационных процессов Российской империи. Оценивая «достижения и провалы» отечественной экономики в условиях Первой мировой войны, историк развивает свою «оптимистическую» трактовку российской истории и приходит к выводу, что «не чрезвычайные трудности породили революцию, а революция породила чрезвычайные трудности. Удовлетворительная адаптация экономики к условиям военного времени в 1914–1916 гг. была результатом успешного развития России в пореформенный период» (Миронов, 2017а). Сопоставляя имперскую и советскую стратегии модернизации, Б.Н. Миронов приходит к заключению, что «по целям, средствам и результатам советская модернизация явилась ... продолжением» дореволюционной (Миронов, 2017а: 54). Другой смелый вывод исследователя состоит в следующем: «не забывая, что всякое обобщение схематизирует действительность, можно сказать, что на какое-то время вся страна превратилась в большую общину и во многом действовала на ее принципах... Жизнь в Советской России, как в деревне, так и в городе, стала строиться на принципах, характерных для дореволюционной русской общины, вследствие чего во всесоюзном масштабе во многих

отношениях был воспроизведен социальный строй русской передельной общины» (Миронов, 2018: 647–676).

Высоко оценивает Б.Н. Миронов и предреволюционную национальную политику империи, также в известной степени повлиявшую на исход «великих потрясений»: «отсутствие этнической дискриминации обеспечивалось достаточно гибкой этноконфессиональной политикой имперского этнопатернализма, которая уважала статус-кво присоединяемой территории и проживавшего на ней населения, широко сотрудничала с местными элитами, проявляла конфессиональную и этническую толерантность, создавала некоторые преимущества в правовом положении не русских сравнительно с русскими, предоставляла коренным народам аннексированных территорий права быть гражданскими субъектами наравне с русскими. Подобная “технология” управления этноконфессиональным разнообразием империи позволяла осуществлять постепенную, достаточно гибкую и непрямолинейную имперскую интеграцию и модернизацию традиционных обществ “окраин” и обеспечила долгое сохранение единства полиэтнической и поликонфессиональной Российской империи» (Миронов, 2017b: 177–178). Разумеется, подобную гибкость можно характеризовать и как непоследовательность. Кроме того, не следует забывать, что на «век национализмов» пришелся лишь сравнительно небольшой период имперской истории, собственно, и ставший для нее последним. Поэтому вывод об эффективности «имперского этнопатернализма» представляется не столь очевидным.

Впрочем, эти замечания не умаляют вклада Б.Н. Миронова в разработку истории и теории российских модернизационных процессов. Многие подходы исследователя нашли свое продолжение в работах других авторов: у него много сторонников, что ярко показало обсуждение его фундаментальной монографии еще накануне юбилейного года (Лярский, 2016 и др. статьи этого же выпуска журнала). Так, И.В. Поткина достаточно высоко оценивает социально-экономическое регулирование со стороны российской власти в годы Первой мировой войны (Поткина, 2017).

Все бы хорошо, да оптимисты оказываются поневоле пессимистами в оценке революционных корней: они попросту пропадают. И тогда на передний план прямо-таки инфернально выходит сама революция как эманация хаоса и разрушения. Можно это, конечно, назвать конспирологическими теориями, которые всегда имели сторонников в историографии (Петров, 2017: 6). Можно рассуждать более осторожно. Петербургский исследователь С.В. Куликов не без оснований отмечает искусственный характер «разведения понятий “заговор”, “переворот” и “революция”, которые в действительности являются этапами актуализации целостного феномена» (Куликов, 2017: 546). И все равно революция оказывается крепко сидящей на скамье обвиняемых: «Февраль нанес сокрушительный удар по экономике, уровню жизни, качеству управления, дал дорогу анархии, развалил армию, спровоцировал революционные бесчинства. Тяжелейшая ситуация, сложившаяся в стране за восемь месяцев правления Временного правительства, привела к новому взрыву революционных страстей, породила октябрьское восстание, заставила Россию выйти из войны и спровоцировала Гражданскую войну» (Миронов, 2017: 693). И тему эту, естественно, можно детализировать. Так, Ф.А. Селезнев и А.В. Евдокимов «развивают тезис историка Б.Н. Миронова о применении PR-технологий в политической борьбе в Российской империи в начале XX в., полагая, что контрэлита Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны в борьбе за власть использовала ... PR-технологии, подразумевающие ведение диалога с обществом через средства массовой информации». Сквозь эту призму авторы рассматривают, в частности, знаменитое дело Сухомлинова (Селезнев, Евдокимов, 2017: 481).

Историки, однако, *причины* революции (даже в несколько приевшейся форме «кто виноват?») волнуют по-прежнему. Редакция одного из изданий предприняла интересный опыт, составив посвященный «великой и бескровной» опросник и разослав последний наиболее известным специалистам по 1917-му году. На четверть сотни исследователей пришлось 14 русских и 11 зарубежных авторов. В.В. Калашников так характеризует реализацию поставленной задачи: «Большинство авторов приняли достаточно жесткие “правила игры”, заложенные в вопросах, понимая их условность. Жесткость и условность заключались в том, что предложенные варианты предполагали определенную однозначность ответов, что было трудно сделать при анализе сложного многофакторного и меняющегося на разных стадиях процесса революции. В то же время такая жесткость заставляла каждого участника проекта определять именно главный из нескольких факторов и таким образом позволяла выявить концепцию революции, которой придерживался тот или иной автор» (Россия в эпоху революций, 2017: 137). Так вот, подавляющее большинство историков (22 из 25) или прямо назвали царизм виновником (большинство), или включили его в «совокупность факторов». Только три участника возложили вину за «революцию» на Думу и либералов (Россия в эпоху революций, 2017: 140, 151–153). Последнему российскому самодержцу предъявляют крупный счет (Шелохаев, Соловьев, 2018: 163–164), но неужели он во всем виноват?! Тогда, может быть, лучше конспирологические теории?

Пессимисты вроде бы в лучшем положении. В конце концов у них есть Первая мировая война. «По общему признанию прологом Великой российской» стала именно она (Петров, 2017: 3). Вот почему значимой вехой научного празднования юбилея стала книга В.П. Булдакова и Т.Г. Леонтьевой «Война, породившая революцию: Россия, 1914–1917», а также ее обсуждение

специалистами в рамках традиционной уже рубрики журнала «Российская история» – «Диалог о книге», в котором приняли участие Б.И. Колоницкий, У. Розенберг, В.Б. Аксенов, С.С. Войтиков и Ф.А. Гайда. Организовавший и подготовивший этот «круглый стол», А.В. Мамонов отмечает: «Пожалуй, меньше всего это – юбилейное издание, хотя невозможно не заметить его связь с прошедшим юбилеем начала Первой мировой войны, предстоящим столетием ее окончания и, конечно же, столетней годовщиной революционной катастрофы в России, непосредственно связанной с потрясениями военного времени (и ставшей самым крупным из них). Булдаков и Леонтьева – одни из немногих, решившихся пойти “против течения” и представить собственный (“единоличный” и “двуединный” одновременно) “авторский” взгляд на едва ли не всю совокупность проблем и противоречий русской истории 1914–1917 гг.» (Мамонов и др., 2017: 3).

Итак, война... Но ведь и пессимисты ныне признают, что она стала не столько прелюдией «Великого Октября», как провозглашали в советской историографии, сколько эпохальным событием, приведшим к социально-экономической трансформации Евразии и значительной части остального мира» (Петров, 2017: 3). Другими словами, по отношению к собственно нашей революции она несколько амбивалентна. Можно, конечно, подобно С.А. Нефедову, упор делать на душевое потребление, связанное с быстрым ростом населения, увеличением молодежи в возрастной структуре населения, что повышало агрессивность общества и т.д. (Петров, 2017: 5). Но такие воззрения уже подвергались убедительной критике со стороны оптимистов (Мионов, 2013). Не случайно теперь С.А. Нефедов сосредоточился на «репетиции Февральской революции», которой придает большое значение в генезисе самой революции. Он изучает волну стачек, которая прокатилась по Петрограду в октябре 1916 г. (Нефедов, 2016), а также события, непосредственно предшествовавшие революции. Оказывается, что «политические процессы накануне Февральской революции носили более сложный характер, чем казалось ранее. Вполне вероятен был вариант, что власть и оппозиция смогут договориться и осуществить реформу политической системы. Эта радикальная реформа была бы равносильна революции: она означала конец самодержавия и переход власти к выборному народному представительству. Однако остается открытым вопрос, как отреагировал бы на это народ: ведь продовольственный кризис продолжался и угроза голодного бунта сохранялась» (Нефедов, 2017; Нефедов, 2018). Рассуждения эти не так уж оригинальны, а главное, мало что разъясняют в поиске истоков революции. Вообще, складывается такое впечатление, что в поисках «причин» революции наша историческая наука заходит в некий тупик (Дворниченко, 2018: 117–168).

К сожалению, некая «клиотуманность» возникла не только вокруг причин, но и революции в целом. В последние годы здесь предлагались самые неожиданные решения, но явно не хватало теоретической составляющей. Юбилейный год многие акценты расставил более четко, но кардинальных решений не принес. На наш взгляд, попытки связать революцию со старообрядцами и их деятельностью (А.В. Пыжиков, О.Л. Шахназаров) удачно скорректированы более осторожным подходом В. Керова, который показал их роль между февралем и октябром: они стремились объединиться и принять как можно большую роль в строительстве нового государства, но придавали своим проектам сугубо хилиастическую окраску (Керров, 2017: 160). Может, одним мифом в нашей историографии станет меньше?! Но проблем с революцией меньше не становится...

Например, сколько она длилась. Причем проблема эта актуальна не только касательно «Великой русской революции» в целом, но каждой ее части: «революции 1905–1907 гг.», «Февральской» и «Октябрьской». Сохраняется тенденция расширять границы революции, что, собственно, и величие ее наращивает. Так, автор весьма содержательной работы А.Н. Медушевский кладет в основу периодизации русского революционного процесса развитие самого революционного мифа на всем протяжении его существования (1917–1991), точнее, «основанные на нем модификации легитимирующей формулы революционного режима, отраженные в его основополагающих конституционных актах» (Медушевский, 2017: 24). Кстати, тенденция расширительной трактовки революции характерна и для современной западной историографии. Из последних работ можно назвать книгу С. Смита, на которую у нас уже опубликована рецензия (Sablin, 2017).

Очень сложен и другой глубоко теоретический вопрос: что такое революция вообще и на российской почве в частности. Тут определения варьируются от «преодоления когнитивного диссонанса общества путем насильственного изменения государственного строя» (Медушевский, 2017: 18–19) до «...радикальной, системной трансформации всех сторон жизни общества (страны) в условиях слабого (рухнувшего) государства» (May, 2017: 6). Нехватка теоретических работ заставляет переводить труды почтенного возраста, уповая на то, что они дадут ответ на сермяжные вопросы (Скочпол, 2017).

Может, тут поможет компаративистика? Давней и почтенной является традиция соотнесения опыта русской революции с революциями иных европейских народов. Не случайно поэтому появление на страницах юбилейных выпусков отечественных научных журналов статей, посвященных англо-саксонским и германским «великим потрясениям». Так, В.Н. Борисенко и Л.В. Сидоренко апеллируют к традиции Славной революции, которая «сформировала повестку дня для современников, задав общее направление эволюции, а не догматический путь развития нации» (Borisenko, Sidorenko, 2017: 578). Воздействию «основных концепций из арсенала партий Английской революции середины XVII в. (индепендентов, левеллеров, республиканцев) на идеологов

политических партий тори и вигов в период Реставрации Стюартов и раннего Просвещения» посвящена статья Т.Л. Лабутиной (Лабутина, 2017). В.Н. Ерохин отмечает, что в ходе Английской буржуазной революции «парламентская оппозиция королевской власти перешла к революционным методам действия в начале 1640-х годов именно под влиянием религиозной по происхождению убежденности в своей правоте» (Ерохин, 2017). Новый (во всяком случае, для русского читателя) взгляд на американскую революционную традицию предлагает М.А. Пауэлл, рассматривающий внутреннюю политическую борьбу в Конфедеративных Штатах Америки как опыт отстаивания законности и конституционализма: «В статье оспаривается традиционная для современной историографии точка зрения, согласно которой правительство Конфедеративных Штатов Америки было самым централизованным правительством на территории Соединенных Штатов Америки до начала “нового курса” в 1930-е годы. Вместо этого в статье демонстрируется, что губернаторы штатов сумели поддержать и укрепить авторитет конституции и конституционной ответственности в тяжелое время борьбы за государственную независимость» (Powell, 2017). Ф. Мюллер в свою очередь противопоставляет кровавому русскому и англо-саксонскому опыту традиционную неорганизованность и гуманность доимперской немецкой политической культуры: «Многочисленные конфликты революции, социальные и национальные конфликты и даже политическое разделение на демократов и либералов не были слабостью революции. Скорее, отсутствие готовности к конфликту привело к провалу революции. С точки зрения современников, революция провалилась, но модернизирующие импульсы революции сформировали дальнейшее развитие» (Moeller, 2017: 601). Заметим, что упоминаем здесь зарубежных историков и их труды лишь постольку, поскольку они входят в контекст российской историографии. Кстати, считаем процесс такого «срачивания» весьма позитивным: к новым открытиям можно прийти только совместными усилиями.

Сравнивать «свою» революцию с чужими у нас начали давно (Дворниченко, 2018: 169–185). Однако сравнение это мало что может дать, пока не найдено место революции в общем ходе российской истории. А вот таких работ в нашей историографии крайне мало. Но ведь история российская началась не с Первой мировой войны и даже не с Петра Первого! Вот почему рядом с несколькими ветшающим зданием «революциологии» стало расти здание «смутоведения» (Марченя, Разин, 2010: 48–65). В самом деле, может быть, в нашей истории и вовсе не было революции (революций), может быть, события 1917 г. – это одна из смут, в очередной раз потрясших наш уникальный государственно-крепостнический строй? Несколько лет назад вопросы о смуте, о соотношении смуты и революции, об уникальности нашей смуты или сходстве ее с другими подобными явлениями породили в нашей историографии настоящую «смутную» волну. Обсуждение этой проблемы было продолжено и в юбилейном 2017/2018 году (Дворниченко, 2018; Дворниченко, 2018a).

Похоже, это может стать со временем трендом, что и не удивительно: сравнение со смутой (или кризисом империи на различных уровнях: этическом, идеологическом, политическом, организационном, социальном, охлократическом и рекреационном) (Петров, 2017: 8) так и просится на ум, когда берешься за изучение «Великой русской». Например, для В.П. Булдакова – автора многих трудов о революции – она именно «Красная Смута», деспотический итог которой определяется тем, что по своему характеру ближе она не к якобинству, а к Смутному времени начала XVII века (Булдаков, 2010: 657). Да и как-то ближе это общему ходу русской истории... (Дворниченко, 2010). Впрочем, дай Бог, чтобы мы решили эти «общие» вопросы российской революции хотя бы к следующему юбилею!

Что же касается отдельных, порой очень важных проблем, то юбилейный год порадовал. Ряд значимых исследовательских задач поставлен перед научным сообществом в статье В.В. Шелохаева, посвященной реформированию партийного пространства в России 1917 г. (Шелохаев, 2017: 40–41). Обширный обзор историографии русского революционного терроризма содержит публикация О.В. Будницкого (Будницкий, 2017). Своеобразный итог истории русского либерализма в 1917 г. подводят В.В. Шелохаев и К.А. Соловьев в публикации, посвященной либеральным оценкам Февраля (Шелохаев, Соловьев, 2018).

Перспективным направлением современной «революциологии» является изучение роли отдельных социальных групп. Так, Б.Н. Миронов обнаружил, что сексуально озабоченный, агрессивен настроенный российский пролетариат стал легкой добычей радикалов и революционеров (Миронов, 2017c). Вряд ли такой пролетариат мог претендовать на роль пресловутого гегемона. К подобным выводам пришел и М.А. Фельдман: «...ни о какой “пролетарской революции” речи идти не может. Сейчас стало ясно: словесная эквилибристика советского официоза заслонила как общедемократические нарративы, реальное воплощение которых зависело от целого комплекса обстоятельств, так и сущностное: “синергетический (а не линейный) процесс самосохранения сложноорганизованной имперской системы”. Фраза “большевики отнюдь не стали разрушать старую управленческую машину, а просто направили в соответствующие ведомства своих комиссаров” знаменательна и относится не только к событиям первых послеоктябрьских месяцев. Воинственность коммунистической идеологии, направленной на разрушение старого мира на всей планете, стала своеобразной базой возрождения Российской империи в оболочке социалистических одежд и лозунгов пролетарского интернационализма. Быстрый захват власти в столицах леворадикалами, опиравшимися на многочисленные армейские и флотские части и поддержку части промышленных

рабочих Петрограда и Москвы, наиболее продуктивно трактовать как *политический переворот в рамках антивоенного движения*» (Фельдман, 2017: 61).

П. Гетрелл обращается к «созданию в период Первой мировой войны категории беженца как объекта и бюрократического, и гуманитарного интереса» (Gatrell, 2017), А.Ю. Давыдов изучает «третий фронт Гражданской войны – мешочнический» (Давыдов, 2018). Отвечает духу времени обращение к «женскому вопросу»: И.М. Пушкарева и Н.Л. Пушкарева отмечают, что «у столь выдающегося события прошлого, как революция 1917 г. в России, было и “женское лицо”» (Пушкарева, Пушкарева, 2017: 73). Трудно не согласиться с тем, что «недовольство женщин имело “собственный голос”. При всей своей внутренней противоречивости, наличии разных “крыльев” и полюсов эти протесты играли особую роль на фоне нарастания революционных настроений в стране» (Пушкарева, Пушкарева, 2017: 96).

В «юбилейной» историографии была продолжена и тема соотношения имперских и революционных институций. Е.Н. Морозова и Д.И. Раскин считают, что «вопреки расхожему тезису о сломе старой государственной машины реальная практика первых лет советского режима включала в себя прежде всего овладение старым правительственным аппаратом и приспособление его к задачам новой власти. Выявленные источники демонстрируют стремление значительной части сотрудников дореволюционных учреждений сохранить свои места» (Морозова, Раскин, 2017: 21). Впрочем, как правило, подобные переходные институции все же носили временный характер, что хорошо показано П.Н. Гордеевым на примере Комиссариата Временного правительства над бывшим Министерством двора (Гордеев, 2017: 61). В любом случае, это в очередной раз ставит вопрос о характере российской революции или даже больше: была ли она именно *революцией*?

Но то, что Гражданская война, вызванная «революцией», и была гражданской войной – это уж точно. Большой вклад в разработку истории русского офицерства и его участия в революции и Гражданской войне внесли в последние годы Р.А. Гагкуев, А.В. Ганин, К.Б. Назаренко и В.В. Каминский. В 2017 и 2018 гг. вышли статьи, посвященные либо незаслуженно забытым персоналиям, либо малоисследованным эпизодам в жизни хорошо известных деятелей: С.Л. Маркова (Гагкуев, 2018), Г.М. Тихменева (Каминский, 2017), С.И. Одинцова (Каминский, 2017а) и др. Любопытно сделанное В.В. Каминским и поддержанное К.Б. Назаренко наблюдение о том, что участие генштабистов в РККА было вызвано прежде всего «социально-бытовой мотивацией» (Назаренко, 2017). Ярким примером последней является М.Д. Бонч-Бруевич, чья склонность к оппортунизму и доноситеству «отражает сложившийся еще в имперскую эпоху среди российского офицерства приоритет частных и материально-бытовых интересов, для достижения которых использовались прежде всего личные “связи” и “выгодные знакомства”» (Каминский, Верemenko, 2018).

Не были обойдены вниманием и участники Белого движения. Ряд публикаций А.С. Пученкова посвящен последним месяцам врангелевского движения (Пученков, 2018), а также отдельным аспектам деятельности А.В. Колчака (Базанов, Пученков, 2018) и А.Н. Гришина-Алмазова (Пученков, 2017). Важным представляется вопрос и о роли в Белом движении русских монархистов. Так, И.В. Саблин анализирует причины неудачи «ультрароялистской и монархической риторики» в деле «мобилизации населения Дальнего Востока, которое не солидаризировалось с европоцентристскими образами прошлого и осуждало сотрудничество монархистов с Японией» (Sablin, 2017a). А.А. Иванов и А.А. Чемакин исследуют деятельность в 1919–1920 гг. Всероссийской народно-государственной партии В.М. Пуришкевича, в чьей программе в этот период «произошла существенная корректировка дореволюционных черносотенных программ» (Иванов, Чемакин, 2017: 119). Другая статья А.А. Иванова посвящена судьбам русских правых в роковом для них 1917 году (Иванов, 2017). Эту же проблему анализирует И.В. Омелянчук – применительно как к «черносотенному» движению в целом (Омелянчук, 2017), так и к отдельным его филиалам (Омелянчук, 2017a).

Важным представляется изучение роли в революционных событиях православной Церкви, а также иных российских деноминаций и конфессий. В статье М.А. Бабкина недавно еще возглавлявшийся К.П. Победоносцевым Св. Синод предстает в качестве одного из элементов «освободительного движения»: «основной мотив Св. Синода в ходе “революционной” правки богослужебных чинов и молитвословий заключался в желании уничтожить, свергнуть царскую власть как “харизматического конкурента”, обеспечить себе монополию на “ведение”, “обладание” и “распоряжение” “волей Божией” и на практике доказать свой тезис, согласно которому “священство выше царства”, “священство – вечно, божественно и непреложно, а царство земное – изменчиво, бренно и преходяще”. Именно по причине противостояния священства царству вопрос о теоретической возможности установления в России конституционной монархии даже не рассматривался официальными органами церковного управления... В период Февраля 1917 г. Святейший Синод ПРЦ выступил как орган, легитимирующий и в определенном смысле сакрализующий новую власть, и в этом смысле он стал своеобразным инструментом социальных изменений, а не фактором консерватизма и стабильности» (Бабкин, 2017: 538–539).

В свою очередь, В. Керов обращается к политической активности старообрядчества: «...В течение всего периода между февралем и октябрём 1917 г. ревнители древнего благочестия стремились политически объединиться и принять как можно более активное участие в создании

нового государства и общества. Поддерживая Временное правительство и одобряя его преобразования, сторонники старой веры разрабатывали вполне демократические программы в духе кадетов, с которыми иногда блокировались на местных выборах» (Керров, 2018: 160).

Новые подходы продемонстрированы исследователями и в изучении истории левого движения. Так, М.Д. Стейнберг рассматривает биографию А. Коллонтай «через призму альтернативного определения утопического воображения, введенного только после 1917 г. преимущественно в трудах Эрнста Блоха, Вальтера Бенямина и Теодора Адорно» (Steinberg, 2017). В таком же ключе он изучает Льва Троцкого (Steinberg, 2017a) и Владимира Маяковского (Steinberg, 2017b).

Наконец, большое внимание уделяется исследователями восприятию русской революции ее современниками и потомками. В контексте проблемы революционного насилия В.Б. Аксенов анализирует слухи и настроения, будоражившие общество в 1917 г. (Аксенов, 2017). Интересны здесь и свидетельства проживавших в российской провинции швейцарцев Ж.-А. Ламберта и И.-А. Хофера (Тихонова, 2017). А.В. Репников, исследуя преломление событий 1917 г. в зеркале сатиры того времени, делает знаменательный вывод: «весь революционный год сатира была на поражение. Такое торжество отрицания всех и вся в определенной мере нравилось уставшему и озлобленному обывателю, но в итоге тотальное осмеяние (по сути, поругание) всего оставило выжженную пустыню в душах» (Репников, 2017: 174).

Как бы подтверждает волошинское пророчество о том, что «вчерашний раб, усталый от свободы, взропщит, требуя цепей» К.В. Годунов. Обращаясь к первой «годовщине великого Октября», этот исследователь отмечает насыщенность большевистского нарратива того времени «религиозными метафорами и аллюзиями» (Годунов, 2018: 447). Е.Н. Метелкин и Т.Е. Сохор, опираясь на материалы отечественной филателии, говорят о трансформации советской эстетики «от ранних романтических образов Республики к атрибутам сурово-идейной государственности» (Метелкин, Сохор: 2018: 462). Более общий очерк истории «индустрии памяти о революции 1917 г.» дает в своей статье В.В. Тихонов (Тихонов, 2017: 12). Т.А. Филиппова, рассуждая о месте большевизма в русской политической культуре, отмечает: «Роль обрушения ценностной вертикали прежней власти и замены ее неосакральностью большевистского образа; реальность или утопичность демократической альтернативы в российской революции; причины слабости либерального курса и краха многопартийности; конспирология “заговора” в “подтексте” большевистского переворота; спор о сути большевизма (торжество архаики над “модерном” революции или утилизация традиционной “почвы” для целей модернизации?); ответственность общества перед культурой и культуры перед обществом на переломном этапе отечественной истории... Эти и многие другие политико-культурные темы по-своему прочитываются на каждом новом историческом этапе научного осмысления революции 1917 г.» (Филиппова, 2017: 91).

4. Заключение

По необходимости краткий обзор юбилейной историографии все же дает возможность подвести некоторые, пусть и промежуточные, итоги. В новейшей отечественной «революциологии» все меньше мишурного блеска перестроечной публицистики. Заметно поубавилось и нищеты партийного официоза. Считаем, что достаточно неплохо идет накопление фактического и теоретического материала, подготовка площадки для дальнейшего успешного старта в забеге за научными истинами.

Литература

- Аксенов, 2017 – Аксенов В.Б. Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 г. // *Российская история*. 2017. № 2. С. 17–32.
- Бабкин, 2017 – Бабкин М.А. Святейший Синод Православной российской церкви и свержение монархии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 522–544.
- Базанов, Пученков, 2018 – Базанов П.Н., Пученков А.С. «Правитель Омский» и его дипломатия // *Российская история*. 2018. № 2. С. 189–192.
- Будницкий, 2017 – Будницкий О.В. Революционный терроризм в Российской империи: историография последних лет (2000–2015) // *Российская история*. 2017. № 3. С. 119–137.
- Булдаков, 2010 – Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. 2-е изд., доп. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. 967 с.
- Гагкуев, 2018 – Гагкуев Р.Г. Генерал С.Л. Марков в январе–апреле 1917 г. // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 2. С. 368–385.
- Годунов, 2018 – Годунов К.В. Празднование первой годовщины Октября и ожидания мировой революции // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 2. С. 441–448.
- Головашина, 2015 – Головашина О. В. Октябрьская революция: история образа (по материалам советских журналов) // *Internum*. 2015. № 1 (10). С. 13–31.
- Гордеев, 2017 – Гордеев П.Н. Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора // *Российская история*. 2017. № 2. С. 59–78.
- Давыдов, 2018 – Давыдов А.Ю. Третий фронт Гражданской войны в России: мешочничество в прорыве большевистской осады деревни // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 2. С. 337–354.

- Дворниченко, 2010** – Дворниченко А.Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М.: Изд-во «Весь Мир», 2010. 944 с.
- Дворниченко, 2018** – Дворниченко А.Ю. Прощание с Революцией. М.: Издательство «Весь Мир», 2018. 272 с.
- Дворниченко, 2018a** – Дворниченко А.Ю. Смута как фактор российской истории // *Вестник Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 3 (в печати).
- Ерохин, 2017** – Ерохин В.Н. Религиозный фактор в происхождении Английской революции // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 560–576.
- Иванов, 2017** – Иванов А.А. «Черная сотня сгнула в подполье»: русские правые и революция 1917 г. // *Российская история*. 2017. № 2. С. 42–59.
- Иванов, Чемакин, 2017** – Иванов А.А., Чемакин А.А. Всероссийская народно-государственная партия В.М. Пуришкевича: программа, структура и печатные органы // *Новейшая история России*. 2017. № 2 (19). С. 98–119.
- Каминский, 2017** – Каминский В.В. За него ручался сам Л.Д. Троцкий: Генерального штаба генерал-майор Г.М. Тихменев и его судьба // *Новейшая история России*. 2017. № 3 (20). С. 91–99.
- Каминский, 2017a** – Каминский В.В. Русский «генштабист», дважды спасенный Л.Д. Троцким: Генерального штаба генерал-майор С.И. Одинцов // *Новейшая история России*. 2017. № 4 (21). С. 45–55.
- Каминский, Веремченко, 2018** – Каминский В.В., Веремченко В.А. М.Д. Бонч-Бруевич – один из основателей Красной Армии: страницы биографии // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 1. С. 57–69.
- Керов, 2018** – Керов В. Старообрядчество в 1917 г. // *Российская история*. 2018. № 1. С. 143–160.
- Колоницкий, 2018** – Колоницкий Б.И. Юбилейный год и историки революции // *Российская история*. 2018. № 1. С. 181–187.
- Куликов, 2017** – Куликов С.В. Февральская революция спустя сто лет // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 545–559.
- Лабутина, 2017** – Лабутина Т.Л. Наследие английской революции в идеологии ранних политических партий // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 587–600.
- Лярский, 2016** – Лярский А.Б. Историческое исследование российской модернизации // *Былые годы*. 2016. Т. 41-1. Вып. 3-1. С. 908–916.
- Мамонов и др., 2017** – Мамонов А.В., Колоницкий Б.И., Розенберг У., Аксенов В.Б., Войтиков С.С., Гайда Ф.А. В.П. Булдаков, Т.Г. Леонтьева. Война, породившая революцию // *Российская история*. 2017. № 5. С. 3–29.
- Марченя, Разин, 2010** – Марченя П.П., Разин С.Ю. «Смутоведение» как «гордиев узел» росиеведения: от империи к смуте, от смуты к..? // *Россия и современный мир*. 2010. № 4. С. 48–65.
- Мау, 2017** – Мау В.А. Революция: механизмы, предпосылки и последствия радикальной общественной трансформации. М.: Изд-во института Гайдара, 2017. 340 с.
- Медушевский, 2017** – Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: Нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.
- Метелкин, Сохор, 2018** – Метелкин Е.Н., Сохор Т.Е. Метаморфозы символов Октябрьской революции 1917 г. на коммеморативных марках РСФСР, СССР и Российской Федерации // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 2. С. 441–468.
- Миронов, 2017** – Миронов Б.Н. Погрузившая в смуту и укравшая победу революция // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 693–716.
- Миронов, 2013** – Миронов Б.Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. М.: Издательство «Весь Мир», 2013. 336 с.
- Миронов, 2017a** – Миронов Б.Н. Достижения и провалы российской экономики в годы Первой мировой войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 463–480.
- Миронов, 2018** – Миронов Б.Н. Модернизация имперская и советская // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 54–82.
- Миронов, 2017b** – Миронов Б.Н. Об этнической дискриминации в позднеимперской России // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 164–185.
- Миронов, 2017c** – Миронов Б.Н. Социальная природа, психологический облик и роль пролетариата в революционном движении // *Былые годы*. 2017. Т. 44. Вып. 2. С. 680–711.
- Морозова, Раскин, 2017** – Морозова Е.Н., Раскин Д.И. Становление советской государственности: использование имперского наследия в сфере центрального управления // *Новейшая история России*. 2017. № 3 (20). С. 7–23.
- Назаренко, 2017** – Назаренко К.Б. Русские морские офицеры в 1917–1921 гг. // *Российская история*. 2017. № 6. С. 129–137.

- Нефедов, 2017 – Нефедов С.А. Неизвестная Февральская революция // *Новейшая история России*. 2017. № 4 (21). С. 7–21.
- Нефедов, 2018 – Нефедов С.А. Неизвестная февральская революция (часть 2) // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 1. С. 29–44.
- Нефедов, 2016 – Нефедов С.А. Репетиция Февральской революции // *Былые годы*. 2016. Т. 42. Вып. 4. С. 1378–1385.
- Никонов, 2017 – Никонов В.А. Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем. М.: Эксмо, 2017. 1187 с.
- Омельянчук, 2017 – Омельянчук И.В. Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // *Вопросы истории*. 2017. № 7. С. 3–21.
- Омельянчук, 2017а – Омельянчук И.В. Провинциальная контрреволюция: Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия в 1905–1917 гг. // *Российская история*. 2017. № 2. С. 113–130.
- Петров, 2017 – Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // *Российская история*. 2017. № 2. С. 3–16.
- Поткина, 2017 – Поткина И.В. Социально-экономическое регулирование в годы Первой мировой войны и революция // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 717–735.
- Пученков, 2017 – Пученков А.С. «Одесский Наполеон»: из биографии А.Н. Гришина-Алмазова // *Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документально наследие*. Омск: Омский государственный университет, 2017. С. 282–291.
- Пученков, 2018 – Пученков А.С. 1920 год: агония белого Крыма // *Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век*. СПб.: Лемма, 2018. С. 175–203.
- Пушкарева, Пушкарева, 2017 – Пушкарева И.М., Пушкарева Н.Л. Женское движение в общественно-политической жизни России 1914–1917 гг. (некоторые итоги изучения проблемы в отечественной историографии) // *Российская история*. 2017. № 5. С. 73–96.
- Репников, 2017 – Репников А.В. 1917 год в зеркале сатиры, дневниках и воспоминаниях современников // *Россия XXI*. 2017. № 1. С. 160–186.
- Российская революция – Российская революция 1917 года: Власть, общество, культура. М.: РОССПЭН, 2017. 1336 с.
- Россия в 1917 году – Россия в 1917 году: Энциклопедия / [Отв. редактор А.К. Сорокин]. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 1095 с.
- Россия в эпоху революций и реформ, 2017 – Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2017. Т. 5. Февральская революция 1917 г. 378 с.
- Самохин, Королева, 2017 – Самохин К.В., Королева Л.Ю. Военный фактор и мобилизационно-волновой механизм как главные характеристики модернизации России имперского периода // *Былые годы*. 2017. Т. 46. Вып. 4. С. 1220–1228.
- Селезнев, Евдокимов, 2017 – Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Некоторые обстоятельства отставки военного министра Сухомлинова // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 481–496.
- Скочпол, 2017 – Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 552 с.
- Тихонов, 2017 – Тихонов В.В. Революция 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // *Российская история*. 2017. № 2. С. 92–112.
- Тихонова, 2017 – Тихонова А.В. Свидетельства «русских швейцарцев» о революционных событиях 1917 г. // *Вопросы истории*. 2017. № 6. С. 70–80.
- Фельдман, 2017 – Фельдман М.А. Промышленные рабочие России в 1917 г.: подходы к «социалистической» революции // *Российская история*. 2017. № 5. С. 44–61.
- Феномен революции, 2017 – Феномен революции в России: истоки и уроки. Страницы документальной истории / Сост. А.В. Репников, Б.С. Кротов, П.Ю. Савельев. М., 2017. 716 с.
- Филиппова, 2017 – Филиппова Т.А. Братание идеи со штыком. Политико-культурные смыслы Великой российской революции // *Российская история*. 2017. № 2. С. 78–92.
- Шелохаев, 2017 – Шелохаев В.В. Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи) // *Российская история*. 2017. № 2. С. 32–41.
- Шелохаев, Соловьев, 2017 – Шелохаев В.В., Соловьев К.А. Либеральные оценки Февральской революции 1917 года // *Новейшая история России*. 2017. № 2 (19). С. 33–43.
- Шелохаев, Соловьев, 2018 – Шелохаев В.В., Соловьев К.А. Февраль в тени Октября (историографические итоги и исследовательские задачи) // *Российская история*. 2018. № 1. С. 161–171.
- Borisenko, Sidorenko, 2017 – Borisenko V.N., Sidorenko L.V. Problems of definition and periodisation of the Glorious revolution in England // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 577–586.
- Gatrell, 2017 – Gatrell P. Refugee history and refugees in Russia during and after the First World War // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 497–521. С. 517–518.

- [Mironov, 2018](#) – *Mironov B.N.* Imperial, Soviet, and Post-Soviet Modernisation // *Bylye Gody*. 2018. 48:(2). pp. 647–676.
- [Moeller, 2017](#) – *Moeller F.* The German revolution of 1848–1849 – new perspectives // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 601–612.
- [Powell, 2017](#) – *Powell M.A.* The conscription act of April 1862 as a constitutional challenge in the confederate revolution // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 613–626.
- [Sablin, 2017](#) – *Sablin I.V.* A History for the Centenary of the Russian Revolution // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 638–644.
- [Sablin, 2017a](#) – *Sablin I.V.* Nationalist mobilization in the Russian Far east during the closing phase of the civil war // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 18–25.
- [Steinberg, 2017](#) – *Steinberg M.D.* Alexandra Kollontai and the utopian imagination in the Russian revolution // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 436–448.
- [Steinberg, 2017a](#) – *Steinberg M.D.* Lev Trotsky and the utopian imagination in the Russian revolution // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 664–673.
- [Steinberg, 2017b](#) – *Steinberg M.D.* Vladimir Mayakovsky and the Utopian Imagination in the Russian Revolution // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 83–91.

References

- [Aksenov, 2017](#) – *Aksenov V.B.* (2017). Revolyuciya i nasilie v voobrazhenii sovremennikov: sluhi i ehmocii «medovogo mesyaca» 1917 g. [Revolution and violence in the imagination of contemporaries: rumors and emotions of the "honeymoon" of 1917]. *Rossijskaya istoriya*. №2. pp. 17-32. [in Russian]
- [Babkin, 2017](#) – *Babkin M.A.* (2017). Svyatejshij Sinod Pravoslavnoj rossijskoj cerkvi i sverzhenie monarhii [The Most Holy Synod of the Orthodox Russian Church and the overthrow of the monarchy]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 522–544. [in Russian]
- [Bazanov, Puchenkov, 2018](#) – *Bazanov P.N., Puchenkov A.S.* (2018). «Pravitel' Omskij» i ego diplomatiya ["Ruler of Omsk" and his diplomacy]. *Rossijskaya istoriya*. №2. pp. 189-192. [in Russian]
- [Borisenko, Sidorenko, 2017](#) – *Borisenko V.N., Sidorenko L.V.* (2017). Problems of definition and periodisation of the Glorious revolution in England. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 577–586.
- [Budnickij, 2017](#) – *Budnickij O.V.* (2017). Revolyucionnyj terrorism v Rossijskoj imperii: istoriografiya poslednih let (2000-2015) [Revolutionary Terrorism in the Russian Empire: Historiography of the Last Years (2000-2015)]. *Rossijskaya istoriya*. №3. pp. 119-137. [in Russian]
- [Buldakov, 2010](#) – *Buldakov V.P.* (2010). Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya [Red Troubles: The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. 2-e izd., dop. M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEN); Fond «Prezidentskij centr B. N. El'cina». 976 p. [in Russian]
- [Gatrell, 2017](#) – *Gatrell P.* (2017). Refugee history and refugees in Russia during and after the First World War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 497–521. pp. 517-518.
- [Gagkuev, 2018](#) – *Gagkuev R.G.* (2018). General S.L. Markov v yanvare – aprele 1917 g. [General S.L. Markov in January-April 1917]. *Novejshaya istoriya Rossii*. Т. 8. № 2. pp. 368–385. [in Russian]
- [Godunov, 2018](#) – *Godunov K.V.* (2018). Prazdnovanie pervoj godovshchiny Oktyabrya i ozhidaniya mirovoj revolyucii [Celebration of the first anniversary of October and the expectation of a world revolution]. *Novejshaya istoriya Rossii*. Т. 8. № 2. pp. 441–448.
- [Golovashina, 2015](#) – *Golovashina O.V.* (2015). Oktyabr'skaya revolyuciya: istoriya obraza (po materialam sovetских zhurnalov) [October revolution: the history of the image (based on the materials of Soviet journals)]. *Internum*. № 1 (10). pp. 13-31. [in Russian]
- [Gordeev, 2017](#) – *Gordeev P.N.* (2017). Komissariat Vremennogo pravitel'stva nad byvshim Ministerstvom dvora [Commissariat of the Provisional Government over the former Ministry of the Court]. *Rossijskaya istoriya*. №2. pp. 59-78. [in Russian]
- [Davydov, 2018](#) – *Davydov A.Yu.* (2018). Tretij front Grazhdanskoj vojny v Rossii: meshochnichestvo v proryve bol'shevistskoj osady derevni [Third Civil War in Russia: sacking in the breakthrough of the Bolshevik siege of the village]. *Novejshaya istoriya Rossii*. Т. 8. № 2. pp. 337–354. [in Russian]
- [Dvornichenko, 2018](#) – *Dvornichenko A.Yu.* (2018). Proshchanie s Revolyuciej [Farewell to the Revolution]. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir». 272 p. [in Russian]
- [Dvornichenko, 2010](#) – *Dvornichenko A.Yu.* (2010). Rossijskaya istoriya s drevnejshih vremen do padeniya samodержaviya [Russian history from ancient times to the fall of the autocracy]. M.: Izd-vo «Ves' Mir». 944 p. [in Russian]
- [Dvornichenko, 2018a](#) – *Dvornichenko A.Yu.* (2018). Smuta kak faktor rossijskoj istorii [Troubles as a factor in Russian history]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 63. Issue 3 (v pechati). [in Russian]

- Erokhin, 2017** – *Erokhin V.N.* (2017). Religioznyj faktor v proiskhozhdenii Anglijskoj revolyucii [Religious factor in the origin of the English Revolution]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 560–576. [in Russian]
- Fel'dman, 2017** – *Fel'dman M.A.* Promyshlennye rabochie Rossii v 1917 g.: podhody k «socialisticheskoy» revolyucii [Industrial workers of Russia in 1917: approaches to the "socialist" revolution] // *Rossijskaya istoriya*. 2017. №5. P. 44-61. [in Russian].
- Fenomen revolyucii, 2017** – Fenomen revolyucii v Rossii: istoki i uroki. Stranicy dokumental'noj istorii [The Phenomenon of the Revolution in Russia: Origins and Lessons. Pages of documentary history]. Sost. A.V. Repnikov, B.S. Krotov, P.YU. Savel'ev. M., 2017. 716 p. [in Russian]
- Filippova, 2017** – *Filippova T.A.* (2017). Bratanie idei so shtykom. Politiko-kul'turnye smysly Velikoj rossijskoj revolyucii [Brotherhood ideas with bayonets. Politico-cultural meanings of the Great Russian Revolution]. *Rossijskaya istoriya*. №2. pp. 78-92. [in Russian]
- Ivanov, 2017** – *Ivanov A.A.* (2017). «Chyornaya sotnya sginula v podpol'e»: russkie pravye i revolyuciya 1917 g. ["The Black Hundred Died Into the Underground": Russian Right and Revolution of 1917]. *Rossijskaya istoriya*. №2. pp. 42-59. [in Russian]
- Ivanov, Chemakin, 2017** – *Ivanov A.A., Chemakin A.A.* (2017). Vserossijskaya narodno-gosudarstvennaya partiya V.M. Purishkevicha: programma, struktura i pechatnye organy [All-Russia People's State Party V.M. Purishkevich: program, structure and printed bodies]. *Novejshaya istoriya Rossii*. № 2 (19). pp. 98–119. [in Russian]
- Kaminskij, 2017** – *Kaminskij V.V.* (2017). Za nego ruchalsya sam L. D. Trockij: General'nogo shtaba general-major G. M. Tihmenev i ego sud'ba [For him, Leon Trotsky himself vouched: the General Staff, Major-General G. Tikhmenev and his fate]. *Novejshaya istoriya Rossii*. 2017. № 3 (20). pp. 91–99. [in Russian]
- Kaminskij, 2017a** – *Kaminskij V.V.* (2017). Russkij «genshtabist», dvazhdy spasennyj L.D. Trockim: General'nogo shtaba general major S.I. Odincov [Russian "General Staff" twice rescued by Leonid Trotsky: General Staff General Mayor S.I. Odintsov]. *Novejshaya istoriya Rossii*. № 4 (21). pp. 45–55. [in Russian]
- Kaminskij, Veremenko, 2018** – *Kaminskij V.V., Veremenko V.A.* (2018). M.D. Bonch-Bruevich — odin iz osnovatelej Krasnoj Armii: stranicy biografii [M.D. Bonch-Bruevich - one of the founders of the Red Army: pages of biography]. *Novejshaya istoriya Rossii*. T. 8. № 1. pp. 57–69. [in Russian]
- Kerov, 2018** – *Kerov V.* (2018). Staroobryadchestvo v 1917 g. [Old Belief in 1917]. *Rossijskaya istoriya*. №1. pp. 143-160. [in Russian]
- Kolonickij, 2018** – *Kolonickij B.I.* (2018). Yubilejnyj god i istoriki revolyucii [Anniversary year and historians of revolution]. *Rossijskaya istoriya*. №1. pp. 181-187. [in Russian]
- Kulikov, 2017** – *Kulikov C.V.* (2017). Fevral'skaya revolyuciya spustya sto let [The February Revolution a hundred years later]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 545–559. [in Russian]
- Labutina, 2017** – *Labutina T.L.* (2017). Nasledie anglijskoj revolyucii v ideologii rannih politicheskijh partij [The Legacy of the English Revolution in the Ideology of Early Political Parties]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 587-600. [in Russian]
- Lyarskij, 2016** – *Lyarskij A.B.* (2016). Istoricheskoe issledovanie rossijskoj modernizacii [Historical research of the Russian modernization]. *Bylye Gody*. T. 41-1. V. 3-1. pp. 908–916. [in Russian]
- Mamonov et al., 2017** – *Mamonov A.V., Kolonickij B.I., Rozenberg U., Aksenov V.B., Vojtkov S.S., Gajda F.A.* (2017). V.P. Buldakov, T.G. Leont'eva. Vojna, porodivshaya revolyuciyu [V.P. Buldakov, T.G. Leontieva. The war that gave rise to the revolution]. *Rossijskaya istoriya*. №5. pp. 3-29. [in Russian]
- Marchenya, Razin, 2010** – *Marchenya P.P., Razin S.Yu.* (2010). «Smutovedenie» kak «gordiev uzal» rossiavedeniya: ot imperii k smute, ot smuty k..? ["Smutology" as a "Gordian knot" of Russian studies: from empire to distemper, from troubles to ..?]. *Rossiya i sovremennyj mir*. № 4. pp. 48–65. [in Russian]
- Mau, 2017** – *Mau V.A.* (2017). Revolyuciya: mekhanizmy, predposylki i posledstviya radikal'noj obshchestvennoj transformacii [Revolution: mechanisms, prerequisites and consequences of radical social transformation]. M.: Izd-vo instituta Gajdara. 340 p. [in Russian]
- Medushevskij, 2017** – *Medushevskij A.N.* (2017). Politicheskaya istoriya russkoj revolyucii: Normy, instituty, formy social'noj mobilizacii v XX veke [Political History of the Russian Revolution: Norms, Institutions, Forms of Social Mobilization in the Twentieth Century]. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 378 p. [in Russian]
- Metelkin, Sohor, 2018** – *Metyolkin E.N., Sohor T.E.* (2018). Metamorfozy simvolov Oktyabr'skoj revolyucii 1917 g. na kommemorativnyh markah RSFSR, SSSR i Rossijskoj Federacii [Metamorphoses of the symbols of the October Revolution of 1917 on commemorative stamps of the RSFSR, the USSR and the Russian Federation]. *Novejshaya istoriya Rossii*. T. 8. № 2. pp. 441–468. [in Russian]
- Mironov, 2017** – *Mironov B.N.* (2017). Pogruzivshaya v smutu i ukravshaya pobedu revolyuciya [Immersed in a turmoil and stolen victory revolution]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 4. pp. 693–716. [in Russian]

- Mironov, 2013** – Mironov B.N. (2013). Strasti po revolyucii. Nравы v rossijskoj istoriografii v vek informacii [Passion for the revolution. Morals in Russian historiography in the information age]. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir». [in Russian]
- Mironov, 2017a** – Mironov B.N. (2017). Dostizheniya i provaly rossijskoj ehkonomiki v gody Pervoj mirovoj vojny [Achievements and failures of the Russian economy during the First World War]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 463–480.
- Mironov, 2018** – Mironov B.N. (2018). Modernizaciya imperskaya i sovetskaya [Modernization of the imperial and Soviet]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 63. Issue 1. pp. 54–82. [in Russian]
- Mironov, 2017b** – Mironov B.N. (2017). Ob ehnticheskoj diskriminacii v pozdneimperskoj Rossii [On ethnic discrimination in the late imperial Russia]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 1. pp. 164–185. [in Russian]
- Mironov, 2017c** – Mironov B.N. (2017). Social'naya priroda, psihologicheskij oblik i rol' proletariata v revolyucionno dvizhenii [Social nature, psychological appearance and the role of the proletariat in the revolutionary movement]. *Bylye gody*. T. 44. V. 2. pp. 680–711. [in Russian]
- Mironov, 2018** – Mironov B.N. (2018). Imperial, Soviet, and Post-Soviet Modernisation. *Bylye gody*. T. 48. V. 2. pp. 647–676. [in Russian]
- Moeller, 2017** – Moeller F. (2017). The German revolution of 1848–1849 – new perspectives. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 601–612.
- Morozova, Raskin, 2017** – Morozova E.N., Raskin D.I. (2017). Stanovlenie sovetskoj gosudarstvennosti: ispol'zovanie imperskogo naslediya v sfere central'nogo upravleniya [Formation of Soviet statehood: the use of the imperial heritage in the sphere of central administration]. *Novejshaya istoriya Rossii*. № 3 (20). pp. 7–23. [in Russian]
- Nazarenko, 2017** – Nazarenko K.B. (2017). Russkie morskije oficery v 1917–1921 gg. [Russian naval officers in 1917–1921]. *Rossijskaya istoriya*. №6. pp. 129–137. [in Russian]
- Nefedov, 2018** – Nefedov S.A. (2018). Neizvestnaya fevral'skaya revolyuciya (chast' 2) [The Unknown February Revolution (part 2)]. *Novejshaya istoriya Rossii*. T. 8. № 1. [in Russian]
- Nefedov, 2017** – Nefedov S.A. (2017). Neizvestnaya Fevral'skaya revolyuciya [The Unknown February Revolution]. *Novejshaya istoriya Rossii*. № 4 (21). pp. 7–21. [in Russian]
- Nefedov, 2016** – Nefedov S.A. (2016). Repeticiya Fevral'skoj revolyucii [Rehearsal of the February Revolution]. *Bylye gody*. T. 42. Vyp. 4. pp. 1378–1385. [in Russian]
- Nikonov, 2017** – Nikonov V.A. (2017). Oktyabr' 1917. Kto byl nichem, tot stanet vsem [October 1917. Who was nothing, that will become everything]. M.: EHksmo. 1187 p. [in Russian]
- Omel'yanchuk, 2017** – Omel'yanchuk I.V. (2017). Monarhisty v 1905–1917 gg.: ot triumfa k katastrofe [Monarchists in 1905–1917: from triumph to catastrophe]. *Voprosy istorii*. №7. pp. 3–21. [in Russian]
- Omel'yanchuk, 2017a** – Omel'yanchuk I.V. (2017). Provincial'naya kontrrevolyuciya: Ivanovo-voznensenskaya samodержavno-monarhicheskaya partiya v 1905–1917 gg. [Provincial counterrevolution: the Ivanovo-Voznesensk autocratic-monarchist party in 1905–1917]. *Rossijskaya istoriya*. №2. pp. 113–130. [in Russian]
- Petrov, 2017** – Petrov Y.A. (2017). Rossiya nakanune Velikoj revolyucii 1917 g.: sovremennye istoriograficheskie tendencii [Russia on the eve of the Great Revolution of 1917: modern historiographic tendencies]. *Rossijskaya istoriya*. № 2. pp. 3–16. [in Russian]
- Potkina, 2017** – Potkina I.V. (2017). Social'no-ehkonomicheskoe regulirovanie v gody Pervoj mirovoj vojny i revolyuciya [Socio-economic regulation during the First World War and the revolution]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 4. pp. 717–735. [in Russian]
- Powell, 2017** – Powell M.A. (2017). The conscription act of April 1862 as a constitutional challenge in the confederate revolution. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 613–626.
- Puchenkov, 2017** – Puchenkov A.S. (2017). «Odesskij Napoleon»: iz biografii A.N. Grishina-Almazova [“Odessa Napoleon”: from the biography of A.N. Grishina-Almazova]. *Grazhdanskaya vojna na vostoce Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'no nasledie*. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet, pp. 282–291. [in Russian]
- Puchenkov, 2018** – Puchenkov A.S. (2018). 1920 god: agoniya belogo Kryma [1920: the agony of the White Crimea]. *Rossiya na perelome: vojny, revolyucii, reformy. XX vek*. SPb.: Lemma. pp. 175–203. [in Russian]
- Pushkareva, Pushkareva, 2017** – Pushkareva I.M., Pushkareva N.L. (2017). Zhenskoe dvizhenie v obshchestvenno-politicheskoj zhizni Rossii 1914–1917 gg. (nekotorye itogi izucheniya problemy v otechestvennoj istoriografii) [The women's movement in the social and political life of Russia in 1914–1917. (Some results of the study of the problem in Soviet historiography)]. *Rossijskaya istoriya*. №5. pp. 73–96. [in Russian]
- Repnikov, 2017** – Repnikov A.V. (2017). 1917 god v zerkale satiry, dnevnikah i vospominaniyah sovremennikov [1917 in the mirror of satire, diaries and memoirs of contemporaries]. *Rossiya XXI*. №1. pp. 160–186. [in Russian]
- Rossijskaya revolyuciya** – Rossijskaya revolyuciya 1917 goda: Vlast', obshchestvo, kul'tura [The Russian Revolution of 1917: Power, Society, Culture]. M.: ROSSPEN, 2017. 1336 p. [in Russian]

- Rossiya v 1917 godu – Rossiya v 1917 godu: ehnciklopediya [Russia in 1917: the encyclopedia]. M.: Politicheskaya ehnciklopediya, 2017. 1095 p. [in Russian]
- Rossiya v ehppohu revolyucij i reform, 2017 – Rossiya v ehppohu revolyucij i reform. Problemy istorii i istoriografii [Russia in the era of revolutions and reforms. Problems of history and historiography]. 2017. T. 5. Fevral'skaya revolyuciya 1917 g. 378 p. [in Russian]
- Sablin, 2017 – Sablin I.V. (2017). A History for the Centenary of the Russian Revolution. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 638–644.
- Sablin, 2017a – Sablin I.V. (2017). Nationalist mobilization in the Russian Far east during the closing phase of the civil war. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 1. pp. 18–25.
- Samohin, Koroleva, 2017 – Samohin K.V., Koroleva L.Yu. (2017). Voennyj faktor i mobilizacionno-volnovoj mekhanizm kak glavnye harakteristiki modernizacii Rossii imperskogo perioda [The Military Factor and the Mobilization-Wave Mechanism as the Main Characteristics of the Modernization of Russia in the Imperial Period]. *Bylye gody*. T. 46. V.4. pp. 1220–1228. [in Russian]
- Seleznev, Evdokimov, 2017 – Seleznev F.A., Evdokimov A.V. (2017). Nekotorye obstoyatel'stva otstavki voennogo ministra Suhomlinova [Some circumstances of the resignation of the military minister Sukhomlinov]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 481–496. [in Russian]
- Skochpol, 2017 – Skochpol T. (2017). Gosudarstva i social'nye revolyucii: sravnitel'nyj analiz Francii, Rossii i Kitaya [States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia and China]. M.: Izd-vo Instituta Gajdara. 552 p. [in Russian]
- Steinberg, 2017 – Steinberg M.D. (2017). Alexandra Kollontai and the utopian imagination in the Russian revolution. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 436–448.
- Steinberg, 2017a – Steinberg M.D. (2017). Lev Trotsky and the utopian imagination in the Russian revolution. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 4. pp. 664–673.
- Steinberg, 2017b – Steinberg M.D. (2017). Vladimir Mayakovsky and the Utopian Imagination in the Russian Revolution. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 63. Issue 1. pp. 83–91.
- Shelohaev, 2017 – Shelohaev V.V. (2017). Pereformatirovanie partijnogo prostranstva v Rossii v 1917 g. (istoriograficheskie itogi i issledovatel'skie zadachi) [Reformatting the party space in Russia in 1917 (historiographical results and research tasks)]. *Rossijskaya istoriya*. №2. pp. 32-41. [in Russian]
- Shelohaev, Solov'ev, 2017 – Shelohaev V.V., Solov'ev K.A. (2017). Liberal'nye ocenki Fevral'skoj revolyucii 1917 goda [Liberal assessments of the February Revolution of 1917]. *Novejshaya istoriya Rossii*. № 2 (19). pp. 33–43. [in Russian]
- Shelohaev, Solov'ev, 2018 – Shelohaev V.V., Solov'yov K.A. (2018). Fevral' v teni Oktyabrya (istoriograficheskie itogi i issledovatel'skie zadachi) [February in the shadow of October (historiographic results and research tasks)]. *Rossijskaya istoriya*. №1. pp. 161-171. [in Russian]
- Tihonov, 2017 – Tihonov V.V. (2017). Revolyuciya 1917 g. v kommemorativnyh praktikah i istoricheskoy politike sovetskoj ehppohi [The Revolution of 1917 in Commemorative Practices and Historical Politics of the Soviet Epoch]. *Rossijskaya istoriya*. №2. pp. 92-112. [in Russian]
- Tihonova, 2017 – Tihonova A.V. (2017). Svidetel'stva «russkih shvejcarcev» o revolyucionnyh sobytiyah 1917 g. [Evidence of the "Russian Swiss" about the revolutionary events of 1917]. *Voprosy istorii*. №6. pp. 70-80. [in Russian]

Столетний юбилей великих потрясений в зеркале новой российской историографии

Андрей Юрьевич Дворниченко ^{a, *}, Александр Эдуардович Котов ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу новейшей российской историографии Великой русской революции 1917 г. и связанных с ней событий: Первой мировой и Гражданской войн. Предметом рассмотрения являются преимущественно журнальные научные публикации за «юбилейные» 2017 и 2018 гг. Отмечается, что юбилейный «вал» даже академической литературы еще рельефнее обозначил те разногласия, а заодно и слабые места историографического поля, которые выявились гораздо раньше. На первом плане – теоретические вопросы: что породило социальный взрыв в России, могла ли Россия избежать революции, извечный российский вопрос «кто виноват» и многие другие. Важную роль в новейших дискуссиях играют споры о модернизации России начала XX в., ее природе, перспективах и роли в собственно революционных событиях. Наиболее ярким примером этих споров является продолжающаяся дискуссия вокруг концепции Б.Н. Миронова. В ряду попыток отыскать истоки революции заслуживают внимания две: организованная редакцией журнала «Российская история» дискуссия о монографии В.П. Булдакова и Т.Г. Леонтьевой, а также

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.dvornichenko@spbu.ru (А.Ю. Дворниченко), a.kotov@spbu.ru (А.Э. Котов)

предпринятый составителями сборника «Февральская революция» опрос историков. В последние годы продолжались и попытки «компаративистского» вписывания русской революции в общемировой контекст, а главное – выходили многочисленные публикации, посвященные частным аспектам «великих потрясений»: отдельным социальным стратам и группам, имперским и постимперским регионам. Особенный интерес представляет вопрос о роли в революции и Гражданской войне монархических групп. Бурно развивается в последние годы изучение «истории понятий» и «политики памяти», и в этом контексте значимы новейшие публикации, посвященные восприятию революции современниками и потомками. В целом, в современной историографии интенсивно идет накопление материала, подготовка площадки для дальнейшего успешного старта в забеге за научными истинами.

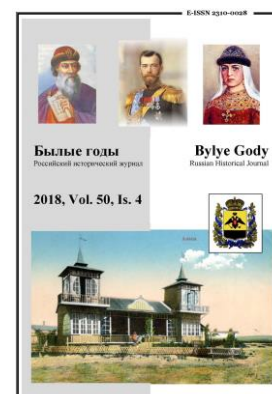
Ключевые слова: историография, Россия, научные журналы, Октябрьская революция, Февральская революция, Гражданская война, модернизация, политика памяти.

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1766-1773. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1766
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Hundred Years of 1917 in Russia: Lessons of History and Present Day

Vladislav I. Goldin ^{a, *}

^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation

Abstract

The paper is devoted to the centenary jubilee of the Russian Revolution of 1917 and studies its modern understanding and historical lessons. The author analyses the discussions, tendencies and results of the research of the main problems of the revolutionary process of 1917 in the period of its centenary. In the contemporary literature exists all spectrums of political views, opinions and judgments, variety of interpretations and evaluations. The article explores the discussions about the origins and reasons of the Russian Revolution, its main landmarks and first of all February and October of 1917 and gives their modern interpretations and explanations. The author characterizes the significance of the Russian Revolution for the fates of Russia and the world in 20th century. The article discovers the results, problems, contradictions and achievements of the Soviet epoch in comparison with the contemporary situation in Russia, explores the fates of socialism in the modern world, historical lessons of the Russian revolutionary process for the present day.

Keywords: the year of 1917 in Russia; Russian Revolution; origins; reasons; historical significance; socialism; reforms and revolutions; lessons of history.

1. Введение

2017 год в России и в мире прошел во многом под знаком столетия российских революций 1917 года, или Великой российской революции, как все чаще именуются данные события и процессы сегодня. Это сопровождалось бурными дискуссиями о том, как они сказались на судьбах страны и мира в XX веке, как революционный процесс в России, Октябрь 1917-го и советская эпоха изменили мировую геополитику, экономику, социальные отношения и как все это следует воспринимать сегодня.

Автору статьи как члену бюро Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций пришлось принимать активное участие в этих дискуссиях, в серии конференций, состоявшихся в России и за рубежом, опубликовав и ряд статей на эту тему (Goldin, 2017a: 10–48; Goldin, 2018: 15–25). Но, если в них он во многом выступал как историк, то данная статья будет выполнена в рамках междисциплинарного дискурса, и целью ее является раскрыть, как не только историческая наука, но и мировое общественное знание характеризуют Великую российскую революцию и ее воздействие на мир сто лет спустя. Тем более, что конец 2017-го – 2018 гг. стали временем подведения итогов отгремевших дискуссий, выявления того, что сделано и что предстоит сделать, каковы перспективы исследования этой тематики (David-Fox, 2017: 741–783; Колоницкий, 2018: 181–187).

2. Материалы и методы

Статья выполнена на основе анализа широкого круга российских и зарубежных исследований и материалов, опубликованных в канун и по итогам столетия 1917 года в России. В основе методологии исследования лежит междисциплинарный подход. Статья основывается на базовых научных принципах (объективности, историзма, системности, комплексности), а также на использовании

* Corresponding author

E-mail addresses: v.i.goldin@yandex.ru (V.I. Goldin)

широкого спектра методов исторической и ряда других социальных наук. Особое значение придавалось компаративистике, что воплощалось в сравнение революционной эпохи и проблем столетней давности с современностью и их нынешним восприятием, не забывая при этом о принципе историзма, а также в сопоставление революционных процессов в России с другими государствами, осмыслении исторических уроков 1917 года для нашей страны и мира.

3. Обсуждение

Истории революционного процесса 1917 года в России и его влиянию на страну и мир посвящены многие тысячи книг. Юбилейный год стал временем проведения в нашей стране и за рубежом сотен научных конференций, и на эти события откликнулись ведущие интеллектуальные центры мира. Вышла в свет не одна сотня книг (монографий, сборников), некоторые из которых претендовали на современное завершённое осмысление событий и процессов ([Русская революция, 2017](#); [Россия в 1917 году, 2017](#)). В центре обсуждения оказались предпосылки и причины Российской революции, альтернативы, рубежные точки и этапы ее развития, взаимосвязь российского революционного процесса с европейским кризисом 1914 – начала 1920-х годов, результаты, исторические уроки и значение событий 1917 года для страны и мира. В ходе дискуссий и в публикациях представлен спектр самых различных мнений.

4. Результаты

История и политика в данном случае тесно связаны. Поэтому анализ состоявшихся дискуссий свидетельствует о том, что представители неототолитарного, консервативного и либерального истеблишмента, историки и обществоведы, исповедующие подобные взгляды, отреагировали на происшедшее сто лет назад, как на драму, катастрофу, трагедию, квалифицируя последующее, как крах утопии, и призывая впредь не поддаваться на революционные призывы, а идти путем эволюционного развития.

Современная российская политическая элита в целом неодобрительно смотрит на революционную историю, и распоряжение Президента России о подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России ([Распоряжение Президента России, 2017](#)), было во многом вынужденным, обусловленным, во-первых, тем, чтобы взять инициативу в свои руки и не отдать эту тему в руки левых оппонентов, тем более, что эти события должны были неизбежно широко обсуждаться в стране и в мире, а во-вторых, тем, что российское руководство в последние годы активно идет на сближение с КНР, стремясь превратить ее из стратегического партнера в союзника, и понимая, что коммунистический Китай позитивно отреагирует на этот юбилей, попыталось подыграть ему.

Так или иначе, но в России и за рубежом юбилейная тематика получила широкое творческое и критическое обсуждение, и одним из его лейтмотивов стало осмысление исторического опыта и извлечение уроков для современности. В центре дискуссий оказался широкий спектр вопросов, начиная с истоков и причин революционного процесса в России, и эта тема была тесно переплетена с осмыслением опыта и уроков модернизации в России начала XX века.

Столетний юбилей событий обусловил новый раунд дискуссий между «пессимистами», убежденными в том, что реформы в России не давали должных результатов и вариант революционного обновления был неизбежен, и «оптимистами», доказывающими, что модернизация страны шла успешно и революции можно было избежать. Лидером российских «оптимистов» выступает профессор из Санкт-Петербурга Б.Н. Миронов, издавший за последнее 20-летие серию книг, пытаясь убедить в успешном реформировании России. Вместе с тем в дискуссии с оппонентами он вынужден признавать трудности и противоречия модернизации, и автору ранее уже приходилось анализировать эти суждения ([Голдин, 2017а: 23–28](#)).

Так или иначе, в современных исследованиях нередко указывается на значимость модернизационной парадигмы и то, что глубинные причины революции коренятся не в провалах правительственной экономической политики, а в том, что успехи модернизации переплетались с трудностями перехода от традиционного общества к индустриальному ([Петров, 2017: 6](#)). Другим распространенным ныне суждением является то, что революцию 1917 года следует выводить из Первой мировой войны, и именно она, ее тяготы и проблемы обусловили крах самодержавия ([Булдаков, Леонтьева, 2015](#)).

Анализ всего многообразия высказываемых суждений приводит к выводу, что на тему причин и предпосылок революции 1917 года в России следует смотреть шире, не связывая их только с модернизацией или с мировой войной, но беря во внимание и исследуя всю совокупность объективных и субъективных факторов, политических, экономических, социальных, психологических, культурных и иных процессов развития России, изучая их в хронологическом контексте не только непосредственного преддверия революционного взрыва или истории начала XX века, но и с позиций «длинной» истории, охватывающей предшествующие десятилетия или даже века, анализируя традиции освободительной и революционной борьбы в России.

Популярным мотивом в объяснении событий 1917 года в России были сто лет спустя конспирологические версии и суждения о «заговоре», что, в свою очередь, было предметом критики в

научной литературе. Вместе с тем нельзя не признать, что кризис правящего режима в начале XX века углублялся тем, что во главе страны стоял слабый правитель, не соответствующий эпохе модернизации, окруженный консервативным истеблишментом. Это неизбежно порождало недовольство и в верхах, вело к расколу элиты и формированию контрэлиты, которая в конечном итоге и пришла к власти. Поэтому один из уроков истории 1917 года заключается в обеспечении единства власти и недопущении внутренних расколов, а также в поддержании системы взаимосвязей между властью и обществом. Другой исторический урок заключается в том, что если назревшие реформы не осуществляются или не дают желаемых результатов, то актуальные проблемы решаются уже революционным путем, что сопровождается сменой власти, и это происходило в России дважды в 1917 году.

100-летие Февральской революции характеризовалось новым раундом дискуссий о ней и различием ее трактовок: заговор, предательство царя окружением, буржуазная, буржуазно-демократическая или демократическая революция. При заметном смещении центра тяжести исследований к теме элитного раскола нельзя сбрасывать со счетов и действия народных масс, ибо сомнительно, чтобы без революционных выступлений рабочих и солдат в Петрограде, поддержанных в стране, могло произойти падение самодержавия. В юбилейной литературе появился ряд серьезных публикаций об истории и историографии Февраля 1917 года ([Февральская революция, 2017](#); [Шелохаев, Соловьев, 2018](#)), где ракурс исследования не ограничивается им, но смещается и на анализ процессов последующих месяцев с поиском ответа на ключевой, по сути, вопрос, почему Временное правительство, сформированное в условиях революционной эйфории, смогло удержаться у власти столь короткий период.

Не имея возможности подробно анализировать эту проблематику, о чем уже приходилось писать ранее ([Голдин, 2017а: 32–35](#)), акцентируем внимание лишь на вытекающий из этого исторический урок. 1917 год был первым и коротким по времени пришествием во власть либерально-демократической оппозиции, но это обернулось для страны глубоким кризисом и крахом государственности и экономики, апофеозом центробежных тенденций, поражениями на фронте и деморализацией армии и др. В результате осенью 1917 года, как признавали многие современники, власть лежала на земле, ее никто не защищал.

Не извлеченный из этого исторический урок привел к тому, что в 90-е годы произошел второй и более длительный приход к власти либеральной оппозиции в альянсе с частью старой партноменклатуры, что вновь обернулось для страны тяжелыми последствиями: ослаблением и развалом государственности, глубоким экономическим и социальным кризисом, бегством капиталов и утечкой мозгов, дефолтом, олигархическим капитализмом и обнищанием населения и др. Это породило в обществе заказ на сильную государственность, требования перемен, грозило власти революционными потрясениями и обусловило определенные изменения во власти и политике в начале XXI века.

В центре полемики в стране и за рубежом в канун столетия вновь оказался Октябрь 1917 года, социалистический эксперимент и советский опыт, осмысление роли и значения социалистической альтернативы для мировой цивилизации. И здесь разброс мнений был наиболее кардинальным. Если победа Октябрьской революции как события не вызывает вопросов, то с оценкой ее как процесса и проекта все сложнее. Среди исследователей возобладало стремление к научному анализу, желанию объективно разобраться в причинах прихода большевиков к власти, рождении и судьбах социалистической альтернативы мирового развития.

Среди комплекса причин и вытекающих из этого исторических уроков следует прежде всего назвать глубокий кризис капитализма и сложившегося миропорядка в начале XX века, что обернулось Первой мировой войной, невиданной по своим масштабам катастрофой в истории человеческой цивилизации. Частью этого кризиса и был крах Российской империи и либерально-демократической альтернативы в России, рост популярности социалистической идеи в стране в 1917 году. Большевики пришли к власти на волне массовых радикальных народных движений, когда сомкнулись воедино волны и требования разных революций – пролетарской, крестьянской, солдатской, гендерной, национальных, региональных, локальных с их первоочередными требованиями: землю – крестьянам, прекращение войны и немедленный мир без аннексий и контрибуций, право наций на самоопределение вплоть до отделения, равноправие полов, перераспределение власти из центра в регионы и на места и др.

«Мы не пойдем 1917 год, – писал в заключении книги, изданной к его столетию, английский историк С. Смит, – если не приложим усилия для понимания надежды, идеализма, героизма, злости, страха, отчаяния, которые его мотивировали: страстное желание мира, глубокое неприятие социального порядка в отношениях между имущими и неимущими, гнев на несправедливость, пронизывавшую российское общество» ([Smith, 2017: 393](#)).

Вместе с тем в современной литературе критически оценивается роль и инициатива революционных масс в 1917 году, особенно рабочего класса, ставится под сомнение его роль и организованность, а уже упомянутый Б.Н. Миронов отводит рабочим роль массовки, марионеток и пушечного мяса в революционных событиях. Это стало предметом дискуссии с ним группы западных специалистов по истории рабочего класса России ([Миронов, 2017](#); [Kritika, 2017](#)). В сопоставлении с

рабочим классом история крестьянства, его роль и эволюция поведения в Великой российской революции по-прежнему вызывает большой интерес историков, при этом нередко подчеркивается, что это один из главных и фундаментальных вопросов для ее понимания ([Крестьянство и казачество, 2017](#)).

Большевики, поддержавшие требования масс, не случайно оказались у власти, что означало новый этап социальной революции в России. Но реализация социалистической альтернативы была лишь в интенции, ибо на повестке дня стоял круг неотложных и общедемократических задач, которые предстояло решать. Чтобы удержаться у власти большевикам уже в 1917–1918 годах пришлось во многом переосмыслить свою теорию, стратегию и практику деятельности, перестраивая их в соответствии с ситуацией в стране и настроениями общества, возрождать и укреплять государственность, выводить Россию из войны, хотя и тяжелой ценой недемократического мира, вступая в конфликт с патриотизмом. Наконец, прежде чем приступить к реализации программы социалистического строительства, большевикам предстояло победить в Гражданской войне, ведя борьбу не только с внутренними противниками, но и ведущими державами мира, сделавшими ставку на международную интервенцию в Россию. Данная тема приобретает ныне особую остроту в связи со столетием этих событий. Еще один исторический урок, требующий размышлений, заключается в том, как не допустить того, чтобы революция переросла в гражданскую войну, что особо актуально для великих (по целям, надеждам и масштабам перемен) революций.

Дискуссия об Октябре 1917-го, его сущности, характере и значении органично переплеталась с размышлениями о реалиях социализма в России/СССР. Ряд исследователей характеризует Октябрь как сложное, неоднозначное и внутренне противоречивое явление, в котором присутствовали разные альтернативы и интенции: а) народно-демократическая и б) антидемократическая и тоталитарная, утверждая, что среди большевистских лидеров были как сторонники цивилизованного и мирного социалистического строительства, «культурного» социализма, так и последователи более жестких и радикальных вариантов переустройства, не чураясь широкого использования насилия по принципу «цель оправдывает средства», и тем более в условиях враждебного капиталистического окружения и считавшегося неизбежным нового военного столкновения с мировым капитализмом. Тема термидора в Российской революции, сталинизма и характера «реального социализма» в СССР вновь оказалась на острие дискуссий в канун столетия 1917 года в России ([Круглый стол, 2017: 29–31, 36](#)).

Осмысление достижений и проблем советской эпохи, у истоков которой стоял Октябрь 1917-го, стало еще одной проблемой полемики. Многие исследователи признают тот экономический, социальный, интеллектуальный и культурный прогресс, который был достигнут в СССР уже в межвоенный период. Из отсталой, полуфеодальной страны или по крайней мере страны второго эшелона капитализма она в короткие исторические сроки превратилась в высококультурную, индустриальную державу. В дальнейшем СССР спас мир от коричневой угрозы фашизма, стал одной из двух сверхдержав мира, что было обусловлено не только военной мощью, но экономическим, социальным, культурным, научно-техническим потенциалом, а, став во главе сложившейся социалистической системы, он олицетворял привлекательную альтернативу мирового развития, ставшую вызовом капитализму XX века.

Высвобождение энергии и творчества народных масс, запуск социальных лифтов, видение и осознание людьми колоссальных перемен, происходивших на их глазах, давало фантастические результаты ([Голдин, 2017а: 37–38; Круглый стол, 2017: 23–24, 27](#)). Но в ходе обсуждений признавалось, что это величие подвига народа, поднявшегося «на штурм неба», реализовавшего свою мечту о счастье на земле и «делавшего сказку былью», сочеталось с трагедией жертв правящего авторитарного или тоталитарного и деспотического режима ([Круглый стол, 2017: 23–25; Красин, 2017](#)).

Под влиянием Октября 1917 года и в результате вызова со стороны СССР, а затем и мирового социализма, капитализм в XX веке колоссально изменился, приобретая имманентно несвойственные ему черты. Декларировались и реализовались на практике в развитых капиталистических странах идеи социализации и гуманизации, социального государства и общества «всеобщего благоденствия». Осуществлялся социал-демократический вариант социалистической идеи. Происходило ограничение рынка и его государственное регулирование, перераспределение дохода в пользу неимущих, повышение уровня и качества жизни граждан. Формировался облик «капитализма с человеческим лицом», и казавшийся в начале XX века «загнивающим, паразитическим и умирающим» капитализм в конкуренции с социализмом приобрел второе дыхание.

Что касается СССР как лидера мирового социализма, то, размышляя о 1917-м в контексте так называемой «длинной» или 100-летней революции, следует признать не только его достижения, но и те нараставшие проблемы и противоречия, которые обусловили печальный финал. Советское руководство, декларируя реализацию идей Великого Октября, на деле в 70–80 годы, в условиях провозглашенного «развитого социализма» и будучи уверено в неизбежном крахе капитализма и победе коммунизма, все более отрывалось от общества и теряло связи с ним, игнорировало решение назревших проблем. Советская номенклатурная сословность вела к свертыванию социальных лифтов, падал авторитет власти, происходили рост коррупции и перерождение части партийно-государственной элиты, мечтавшей о присвоении общенародной собственности. Горбачевская «перестройка», провозглашая идеи верности Октябрю и возвращения ленинского облика

социализму, на деле, еще и в силу своей непродуманности, ускорила развитие негативных процессов и привела к краху социализма в стране и мировой социалистической системы, распаду СССР.

Можно ли назвать события 1991 года революцией и как она соотносится с революцией 1917 года? Каковы результаты произошедшего? – это еще один круг вопросов, который стал предметом дискуссий в канун столетия Великой российской революции. И если ряд авторов считает возможным сравнивать произошедшее с революцией (хотя другие считают саму постановку такого вопроса некорректной), то ее следует оценивать не как народную и демократическую, но как либеральную, олигархическую, противоположную по смыслу и характеру целям и идеалам 1917-го, отменившую все достижения советской эпохи.

Как уже отмечалось, 1917 год и советская эпоха раскрепостили энергию и творчество народа и позволили достичь мощного рывка в развитии, успешной модернизации экономики и всех сфер жизни общества, и это, по справедливому замечанию социолога, профессора Ю.А. Красина, должно стать уроком для современной правящей элиты России, которая «топчется у порога инновационной модернизации, отгородив себя от народного большинства барьером неравенства» ([Круглый стол, 2017: 25](#)).

Крах СССР и системы социализма, исчезновение таким образом опасного конкурента капиталистической системы привели к ее десоциализации и дегуманизации, росту социальных контрастов и неравенства в мире, свертыванию моделей государства и общества «всеобщего благоденствия» и «капитализма с человеческим лицом», к усилению насилия, конфликтов, террора, войн и нестабильности в мире.

Что может привести к исправлению этой ситуации, нужны ли новые социальные революции («третья социальная революция») или назревшие проблемы можно решить мирным путем и посредством нового этапа модернизации, судьбы социализма в мире XXI века? – это еще один круг вопросов, который активно полемизировался под влиянием революционного юбилея 1917 года в России.

Сегодня нередко идет речь о возрождении социализма и выходе его из тени ([Оганисян, 2017](#)). На роль его лидера претендует КНР, где активно осмысливается советский опыт и было широко отмечено 100-летие 1917 года в России и Октябрьской революции. КНР находится в жесткой конкуренции с США и ставит перед собой масштабные цели ([Голдин, 2017b](#); [Липина, Зайков, 2015](#); [Зайков и др., 2016](#); [Зайков и др., 2017](#); [Липина и др., 2017](#)). По темпам экономического роста в мире, наряду с КНР, лидирует Социалистическая Республика Вьетнам. Обе эти страны пытаются в своем развитии соединить лучшие черты социализма и капитализма. Не следует забывать и о Кубе с Лаосом. Таким образом, говорить об уходе социализма и социалистических идей с мировой арены явно преждевременно.

В современном мире и в России много острых проблем, которые предстоит решать. Граждане страны (как свидетельствуют опросы общественного мнения) предпочитают путь мирной модернизации, хотя объем задач, которые предстоит решать, революционный по своему характеру: движение к инновационному обществу и наукоемкой, знаниевой экономике, к шестому технологическому укладу, развитие низовой демократии, запуск социальных лифтов, укрепление человеческого капитала и доверия общества к власти и др. Только решение всего этого комплекса задач может обеспечить России достойное место в мире XXI века.

5. Заключение

Столетие событий 1917 года в России показало, что они не стали историей в полном смысле этого слова, а являются частью нашей современности, что и обусловило страстные дискуссии и широкий спектр суждений. Спустя сто лет Великая российская революция предстает как сложное, многогранное, многослойное и многоаспектное явление, и она не только колоссально изменила нашу страну и мир в XX веке, но ее уроки актуальны и сегодня, на том сложном этапе развития, которые переживают Россия и современный глобальный мир.

Литература

[Булдаков, Леонтьева, 2015](#) – *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917 гг. М.: Новый хронограф, 2015. 721 с.

[Голдин, 2017a](#) – *Голдин В.И.* 1917 год в России: размышления в канун столетия // 1917 год в России, в судьбах регионов, страны и мира: взгляд из XXI века. Архангельск: САФУ, 2017. С. 10–48.

[Голдин, 2017b](#) – *Голдин В.И.* Китайская мозаика. Китайская Народная Республика в начале XXI века. Архангельск: САФУ, 2017. 253 с.

[Голдин, 2018](#) – *Голдин В.И.* Российская революция на весах истории: размышления после юбилея // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*. 2018. № 3. С. 15–25.

[Зайков и др., 2016](#) – *Зайков К.С., Калинина М.Р., Кондратов Н.А., Тамицкий А.М.* Стратегические приоритеты научных исследований России и зарубежных государств в арктическом регионе // *Арктика: экология и экономика*. 2016. № 3 (23). С. 29–37.

Зайков и др., 2017 – Зайков К.С., Калинина М.Р., Кондратов Н.А., Тамицкий А.М. Инновационный вектор экономического развития северных и арктических территорий России и стран Северной Европы // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2017. Т. 10. С. 59–77.

Колоницкий, 2018 – Колоницкий Б.И. Юбилейный год и историки революции // *Российская история*. 2018. № 1. С. 181–187.

Красин, 2017 – Красин Ю.А. Величие и трагизм советского «эксперимента» // *Политические исследования*. 2017. № 1. С.10–23.

Крестьянство и казачество, 2017 – Крестьянство и казачество в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект. М.; Саранск, 2017. 1048 с.

Круглый стол, 2017 – Круглый стол «1917 год: революция и современность» // *Социс*. 2017. № 9. С. 22–39.

Липина и др., 2017 – Липина С.А., Зайков К.С., Липина А.В. Внедрение инновационных технологий как фактор экологической модернизации арктических регионов России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2017. Т. 10. С. 164–180.

Липина, Зайков, 2015 – Липина С.А., Зайков К.С. Приоритетные направления и возможности сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона // *Арктика и Север*. 2015. № 21. С. 33–41.

Миронов, 2017 – Миронов Б.Н. Рабочие в революции 1917 г.: субъект истории или пушечное мясо? // *Социс*. 2017. № 2. С. 26–35.

Оганисьян, 2017 – Оганисьян Ю.С. Реальный социализм. Выход из тени // *Свободная мысль*. 2017. № 5. С. 171–183.

Петров, 2017 – Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 года: современные историографические тенденции // *Российская история*. 2017. № 2. С. 3–16.

Распоряжение Президента России, 2017 – Распоряжение Президента России о подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/>

Россия в 1917 году, 2017 – Россия в 1917 году: Энциклопедия. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 1095 с.

Русская революция, 2017 – Русская революция 1917 года: власть, общество, культура. В двух томах. М.: Политическая энциклопедия, 2017. Т. 1. 743 с. Т. 2. 591 с.

Февральская революция, 2017 – Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб.: ЛЭТИ, 2017. 380 с.

Шелохаев, Соловьев, 2018 – Шелохаев В.В., Соловьев К.А. Февральская революция в тени Октября (историографические итоги и исследовательские задачи) // *Российская история*. 2018. № 1. С. 161–171.

David-Fox, 2017 – David-Fox M. Toward a Life Cycle Analysis of the Russian Revolution // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol.18, No. 4, Fall 2017, pp.741–783.

Kritika, 2017 – *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol.18, No.2, Spring 2017, pp.336–417.

Smith, 2017 – Smith S.A. Russia in Revolution. An Empire in Crisis, 1890 to 1928. Oxford: University Press, 2017. 445 p.

References

Buldakov, Leont'eva, 2015 – Buldakov V.P., Leont'eva T.G. (2015). Voina, porodivshaya revolyutsiyu. Rossiya, 1914–1917 gg. [War that born the revolution, Russia, 1914–1917]. М.: Novyi khronograf. 721 p. [in Russian]

Goldin, 2017a – Goldin V.I. (2017). 1917 god v Rossii: razmyshleniya v kanun stoletiya // 1917 god v Rossii v sud'bach regionov, strany i mira: vzglyad iz XXI veka [1917 in Russia: considerations on the eve of centenary // 1917 in the fates of regions, country and world: glance from 21st century]. Arkhangel'sk: NArFU. pp. 10–48. [in Russian]

Goldin, 2017b – Goldin V.I. (2017). Kitaiskaya mozaika. Kitaiskaya Narodnaya Respublika v nachale XXI veka [Chinese mosaic. The Chinese People's Republic in the beginning of 21st century]. Arkhangel'sk: NArFU. 253 p. [in Russian]

Goldin, 2018 – Goldin V.I. (2018). Rossiiskaya revolyutsiya na vesakh istorii: razmyshleniya posle yubileyu [Russian revolution on the scales of history: considerations following the centenary]. Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”, Nr 3, pp. 15–25. [in Russian]

Zaikov i dr., 2016 – Zaikov K.S., Kalinina M.R., Kondratov N.A., Tamitskii A.M. (2016). Strategicheskie prioritety nauchnykh issledovaniy Rossii i zarubezhnykh gosudarstv v arkticheskom regione [Strategic priorities of scientific research of Russia and foreign countries in the Arctic region], *Arktika: ekologiya i ekonomika*, Nr 3 (23), pp. 29–37. [in Russian]

Zaikov i dr., 2017 – Zaikov K.S., Kalinina M.R., Kondratov N.A., Tamitskii A.M. (2017). Innovatsionnyi vektor ekonomicheskogo razvitiya severnykh i arkticheskikh territorii Rossii i stran Severnoi

Evropy [Innovative vector of economic development of northern and arctic territories of Russia and the countries of Northern Europe]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, Vol 10, pp. 59–77. [in Russian]

Kolonitskii, 2018 – Kolonitskii B.I. (2018). Yubileinyi god i istoriki revolyutsii [The year of Jubilee and historians of revolution], *Russian history*, Nr 1, pp. 181–187. [in Russian]

Krasin, 2017 – Krasin Yu.A. (2017). Velichie i tragizm sovetskogo «eksperimenta» [Majesty and tragedy of the Soviet “experiment”]. *Polis. Political studies*, Nr 1, pp. 10–23. [in Russian]

Krest'yanstvo i kazachestvo, 2017 – Krest'yanstvo i kazachestvo v usloviyakh revolyutsii 1917 g. i Grazhdanskoi voyny: natsional'no-regional'nyi aspekt [The peasantry and the Cossacks in the conditions of the 1917 revolution and the Civil War: the national-regional aspect]. M.; Saransk, 2017. 1048 p. [in Russian]

Kruglyi stol, 2017 – Kruglyi stol «1917 god: revolyutsiya i sovremennost'» [Round table «1917: revolution and present day»]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, Nr 9, pp. 22–39. [in Russian]

Lipina i dr., 2017 – Lipina S.A., Zaikov K.S., Lipina A.V. (2017). Vnedrenie innovatsionnykh tekhnologii kak faktor ekologicheskoi modernizatsii arkticheskikh regionov Rossii [Introduction of innovative technologies as a factor of ecological modernization of Arctic regions of Russia]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, Vol. 10, pp. 164–180. [in Russian]

Lipina, Zaikov, 2015 – Lipina S.A., Zaikov K.S. (2015). Prioritetnye napravleniya i vozmozhnosti sotrudnichestva Rossii so stranami Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona [Priorities and opportunities of cooperation between Russia and the Asian-Pacific states]. *Arktika i Sever*, Nr 21, pp. 33–41. [in Russian]

Mironov, 2017 – Mironov B.N. (2017). Rabochie v revolyutsii 1917 g.: sub'ekt istorii ili pushechnoe myaso? [Workers in revolution of 1917: subject of history or cannon fodder?]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, Nr 2, pp. 26–35. [in Russian]

Oganis'yan, 2017 – Oganis'yan Yu.S. (2017). Real'nyi sotsializm. Vykhod iz teni [Existing socialism. Exit from shadow]. *Svobodnaya mysl'*, Nr 5, pp. 171–183. [in Russian]

Petrov, 2017 – Petrov Yu.A. (2017). Rossiya nakanune Velikoi revolyutsii 1917 goda: sovremennye istoriograficheskie tendentsii [Russia on the eve of Great revolution of 1917: modern historiographical tendencies]. *Rossiiskaya istoriya*, Nr 2, pp. 3–16. [in Russian]

Rasporyazhenie Prezidenta Rossii, 2017 – Rasporyazhenie Prezidenta Rossii o podgotovke i provedenii meropriyatii, posvyashchennykh 100-letiyu revolyutsii 1917 goda v Rossii [President of Russia decree on preparing and carrying out actions devoted to the Russian revolution of 1917 centenary]. [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/53503> [in Russian]

Rossiya v 1917 godu, 2017 – Rossiya v 1917 godu: entsiklopediya [Russia in 1917]. Moscow: Political encyclopedia, 2017, 1095 p. [in Russian]

Russkaya revolyutsiya, 2017 – Russkaya revolyutsiya 1917 goda: vlast', obshchestvo, kul'tura. V dvukh tomakh [Russian revolution of 1917: power, society, culture. In two volumes]. Moscow: Political encyclopedia, 2017, V.1, 743 p., V.2, 591 p. [in Russian]

Fevral'skaya revolyutsiya, 2017 – Fevral'skaya revolyutsiya 1917 goda: problemy istorii i istoriografii [February revolution of 1917: problems of history and historiography]. Saint Petersburg: LETI, 2017, 380 p. [in Russian]

Shelokhaev, Solov'ev, 2018 – Shelokhaev V.V., Solov'ev K.A. (2018). Fevral'skaya revolyutsiya v teni Oktyabrya (istoriograficheskie itogi i issledovatel'skie zadachi) [February revolution in the shadow of October (historiographical itogi and research tasks)], *Rossiiskaya istoriya*, Nr 1, pp. 161–171. [in Russian]

David-Fox, 2017 – David-Fox M. (2017). Toward a Life Cycle Analysis of the Russian Revolution, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol.18, Nr 4, Fall 2017, pp. 741–783.

Kritika, 2017 – Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, Vol.18, Nr 2, Spring 2017, pp. 336–417.

Smith, 2017 – Smith S.A. (2017). Russia in Revolution. An Empire in Crisis, 1890 to 1928. Oxford: University Press, 2017, 445 p.

Столетие 1917 года в России: уроки истории и современность

Владислав Иванович Голдин ^{a, *}

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена столетнему юбилею Российской революции 1917 года и изучению ее современного понимания и исторических уроков. Автор анализирует дискуссии, тенденции и результаты исследования главных проблем революционного процесса 1917 года в период столетия. В современной литературе существует весь спектр политических взглядов, мнений, суждений и разнообразие интерпретаций и оценок. В статье исследуются дискуссии об истоках и

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.i.goldin@yandex.ru (В.И. Голдин)

причинах Российской революции, ее главных рубежных событиях, в первую очередь Февраля и Октября 1917 года, и даются современные интерпретации и объяснения. Автор характеризует значение Российской революции для судеб России и мира в XX веке. Статья раскрывает результаты, проблемы, противоречия и достижения советской эпохи в сравнении с современной ситуацией в России, оценивает судьбы социализма в современном мире, исторические уроки революционного процесса в России для современности.

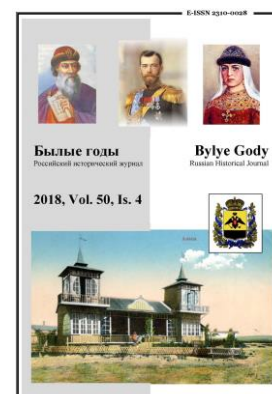
Ключевые слова: 1917 год в России, Российская революция, истоки, причины, историческое значение, социализм, реформы и революции, уроки истории.

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1774-1783. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1774
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Strategy of Economic Adaptation of Unauthorized Migrants in the Altai Region during the Period of Stolypin Reforms

Viktor N. Razgon ^{a, *}

^a Altai State University, Russian Federation

Abstract

In the article, based on the analysis of the materials of the agricultural census of 1917, the strategy of economic adaptation of unauthorized migrants in the Altai District during the Stolypin reforms is disclosed.

One of the elements of this strategy was a more extensive economic use of arable land (mostly leased) compared to old residents and legal migrants. If the old residents half the arable land were left under the reservoir and the fallow, which in general corresponded to the traditional for Siberia system of agriculture, more than 2/3 of the arable land was occupied by unauthorized migrants under crops.

The strategy of economic adaptation of unauthorized settlers included active occupation of handicrafts that were scarce in Siberia (tailors, shoemakers, carpenters, etc.), as well as the use of such a method of survival in new natural and geographical conditions and the accumulation of funds as hiring for work in households of old-timers.

The author have come to the conclusion, that although the strategy of unauthorized migrants was dominated by the motives of survival, the growth in the economic capacity of their farms, as the residence time increased, indicates a positive dynamics of the process of their integration into a new habitat.

Keywords: peasantry, migrations, Stolypin reforms, adaptation, Siberia, Altai region.

1. Введение

К самовольным (непричисленным) переселенцам в исторической литературе относят мигрантов, переселившихся в Сибирь в обход официальных правил (без оформления необходимых документов на месте выхода, предварительного зачисления наделов на переселенческих участках или получения приемных приговоров от старожильческих обществ) и не получивших земельных наделов. В официальных документах они именовались «непричисленными», «неприписными», «безнадельными». Часть таких переселенцев устраивалась в старожильческих селениях в качестве «полетовщиков», другие арендовали или самовольно захватывали пустующие участки земли.

Алтайский округ являлся основным районом водворения направлявшихся в восточные регионы страны самовольных переселенцев, которых привлекало плодородие алтайских черноземных почв. По данным на середину 1910 г., из общего числа осевших в восточных регионах самовольных переселенцев 2/3 (224 тыс. из 335 тыс. душ м.п.) приходилось на Томский переселенческий район (Белянин, 2011: 102), в котором 97 % самовольцев поселилась на землях Алтайского округа (Шкунов, 1911: 126).

Реализация столыпинской политики массовых переселений в Сибирь привела к увеличению в регионе массы самовольных мигрантов. Так, из 80736 семейств непричисленных переселенцев, учтенных в 1910 г. в Томском переселенческом районе, 55270 семей (68,5 %) являлись переселенцами 1906–1909 гг. (Шкунов, 1911: 126).

При проведении землеустройства Алтайского округа (1899–1915 гг.) 198039 переселенцев (душ м.п.), непричисленных к крестьянским обществам получили земельные наделы, но оказались без

* Corresponding author

E-mail addresses: vrazgon@rambler.ru (V.N. Razgon)

надела в ходе землеустройства 165969 душ м.п. ([Цифровые данные, 1916: 164](#)). Наличие в Алтайском округе большого количества непричисленных переселенцев обуславливалось постоянным пополнением этой категории мигрантов за счет притока в регион новых крестьян-мигрантов, привлекаемых благоприятными природными условиями для занятия земледелием. Расширению этой категории переселенцев в столыпинский период способствовали меры переселенческого ведомства по усилению контроля за ходом переселений посредством ограничения выдачи ходатайских свидетельств ([Разгон и др., 2013: 52–54](#)). Для самовольных переселенцев отказ от легального поселения на переселенческих участках в пользу водворения в старожильческие селения, пусть и на положении непричисленных, был обусловлен преимуществами, которые предоставляло переселение в населенные пункты с уже сложившейся инфраструктурой: возможность съема жилья, заработка, наличие социально-культурных объектов (школ, церквей и пр.). Многие самовольные мигранты селились в старожильческих обществах в надежде на получение земельных участков в процессе проводившегося в Алтайском округе землеустройства, направленного на отграничение крестьянского землепользования от кабинетских земель.

Изучение хозяйственной адаптации самовольных мигрантов на Алтае дает возможность не только конкретизировать и углубить представление о переселенческой политике правительства, реализуемой в период столыпинских реформ, но и оценить возможности адаптации в Сибири той части переселенцев, которая испытывала наибольший дефицит государственной поддержки, будучи лишенной льгот на проезд, возможности получения ссуд и земельных наделов. Данная категория мигрантов в наименьшей степени ориентировалась на меры государственного протекционизма, демонстрируя жизненную и хозяйственную самостоятельность, но вместе с тем испытывала наибольшие проблемы в социализации и хозяйственной адаптации в местах нового поселения.

2. Материалы и методы

Хозяйственная адаптация самовольных мигрантов в Алтайском округе исследуется автором на основе анализа сведений, содержащихся в базе данных «Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г.», сформированной на основе информации, извлеченной из подворных анкет сельскохозяйственной переписи 1917 года ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#)). База данных включает сведения о 13138 крестьянских домохозяйствах, отобранных на основе случайной 5-процентной выборки из 262760 хозяйств Барнаульского, Змеиногорского и Бийского уездов, подворные анкеты которых сохранились в фонде Алтайской земской управы государственного архива Алтайского края ([ГААК. Ф. 233](#)). Сохранившиеся анкеты охватывают более 2/3 (71,9 %) от общего числа учтенных в результате переписи 1917 г. крестьянских хозяйств Алтайской губернии (365594 тыс.). Хозяйства столыпинских переселенцев составили около 20 % от общего числа попавших в выборку хозяйств (2714 из 13138), что примерно соответствует удельному весу мигрантов столыпинского периода в общей численности крестьянского населения региона. Являющаяся объектом исследования в данной статье категория самовольных (непричисленных) переселенцев представлена в базе данных 491 хозяйством. База данных содержит также информацию о 4072 старожильческих хозяйствах и 4850 хозяйствах переселенцев, водворившихся в Алтайский округ в 1861–1906 гг.

Для структуризации информации, содержащейся в подворных анкетах сельскохозяйственной переписи 1917 г., применялись методы и технологии баз данных. База данных «Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г.», в основу структурирования которой была положена структура подворной анкеты, состоит из 19 таблиц, содержащих многоаспектную информацию о демографическом и экономическом состоянии крестьянских домохозяйств.

Для определения экономического состояния хозяйств самовольных переселенцев, форм и способов их адаптации к условиям хозяйствования в новой среде обитания, оценки результативности адаптационного процесса ко времени революции 1917 г. на основе информации, содержащейся в базе данных, автором использовались методы компьютеризованного статистического анализа.

Наличие в базе данных информации о крестьянских хозяйствах различных поселенческих групп предоставляет возможность для широкого применения сравнительно-исторического метода. Его использование позволило выявить особенности развития хозяйств самовольных переселенцев, определить специфику их адаптационной стратегии.

3. Обсуждение

В дореволюционный период проблемы крестьянской колонизации Сибири наиболее активно обсуждались в работах представителей либерального направления историографии, подвергавших критике переселенческую политику царского правительства с позиций необходимости рационализации колонизационного процесса ([Кауфман, 1908](#)), и авторов, критиковавших столыпинскую переселенческую политику с народнических позиций ([Огановский, 1914](#)).

В советский период важный вклад в изучение истории крестьянских переселений в Сибирь внесли Л.Ф. Скляров ([Скляров, 1962](#)), В.А. Степунин ([Степунин, 1962](#)), А.В. Минжуренко ([Минжуренко, 1982](#)), И.В. Островский ([Островский, 1991](#)), Е.И. Соловьева ([Соловьева, 1991](#)) и другие авторы. В историографии утверждается тезис о провале столыпинской переселенческой политики, а наличие в

Сибири большого числа непричисленных переселенцев, не имевших земельных наделов, рассматривалось как один из важных аргументов для доказательства этого тезиса (Алферов, 1958: 9–11).

В 1990–е – начале 2000–х гг. происходит смещение акцента в исследованиях от характерного для предыдущего историографического этапа преимущественного внимания к переселенческой политике правительства к изучению проблемы адаптации переселенцев в Сибири, в том числе и на Алтае. В работах историков и этнологов исследуется адаптация различных этнических групп в рамках переселенческого социума (Липинская, 1996; Гончарова, 2006; Коровушкин, 2006), характеризуются влияние природно-географических и социально-психологических факторов на процесс хозяйственной и социокультурной адаптации (Чуркин, 2006), механизмы и стратегии адаптации переселенцев (Шелегина, 2001; Ноздрин, 2007; Разгон и др., 2013). В статье Д.Н. Белянина характеризуется численность, состав и правовое положение переселенцев Западной Сибири, имевших статус «непричисленных» мигрантов. Автор приходит к выводу, что наличие в регионе большого числа таких переселенцев было не свидетельством «провала» столыпинской политики переселений, а отражением стремления крестьян-мигрантов к поселению не в тех местах, где им предписывалось переселенческим ведомством, а в наиболее плодородных местностях Сибири, и прежде всего на Алтае (Белянин, 2011). М.К. Чуркин в статье о социально-психологических типах переселенцев в Сибири относит самовольных мигрантов к категории переселенцев, наиболее подверженных воздействию адаптивных барьеров и имевших крайне ограниченные адаптационные возможности (Чуркин, 2013: 26–27).

В литературе специально не рассматривалась проблема хозяйственной адаптации самовольных переселенцев в Сибири на основе анализа материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г.

4. Результаты

Согласно сведениям, содержащимся в базе данных, безнадельными являлись 19,7 % от всех зафиксированных в ходе сельскохозяйственной переписи 1917 г. хозяйств столыпинских переселенцев, проживавших в Алтайском округе, тогда как среди переселенцев второй половины XIX века доля безнадельных хозяйств была в два раза ниже – 9,6 %.

Приток в Алтайский округ большого количества самовольных мигрантов, не имевших права на получение земельных наделов, обусловил широкое распространение среди столыпинских переселенцев потребительской аренды земли. Непричисленные переселенцы арендовали землю у крестьян-старожилов, наделенных землей переселенцев и из фонда кабинетских земель. К аренде земли прибегали 70 % безнадельных хозяйств столыпинских переселенцев, которые арендовали в среднем по 8,2 дес. на хозяйство. Безнадельные составляли 42,8 % от общего числа арендовавших землю хозяйств столыпинских переселенцев, и на их долю приходилось около 40 % всей арендуемой мигрантами этого периода земли (Таблица 1).

Как видно из данных Таблицы 1, аренда из-за нужды, обусловленная отсутствием собственной наделной земли, среди столыпинских переселенцев получила значительно более широкое распространение, чем среди двух других поселенческих групп алтайского крестьянства – старожилов и переселенцев достолыпинского времени (вторая пол. XIX в. – 1906 г.), у которых на долю безнадельных хозяйств приходилось соответственно лишь 3,9 % и 16,5 % всей арендуемой крестьянами этих поселенческих групп земли.

Таблица 1. Аренда земли безнадельными хозяйствами в сравнении по различным поселенческим группам крестьян Алтайского округа (Крестьянские хозяйства..., 2009)

Поселенческие группы крестьян	Хозяйства, арендовавшие землю, процент от общего числа хозяйств данной поселенческой группы	Доля безнадельных в составе арендующих хозяйств, %	Арендовано безнадельными хозяйствами земли, % от общего фонда земель, арендованных крестьянами данной поселенческой группы
Столыпинские переселенцы	32,2	42,8	38,2
Переселенцы второй пол. XIX в. – 1906 г.	34,7	19,6	16,5
Старожилы	26,0	5,9	3,9

Анализ сведений, содержащихся в базе данных, показывает, что аренда земли непричисленными переселенцами в Алтайском округе имела преимущественно земледельческий характер: 2/3 арендуемых земель использовались ими под пашню, а остальные – под сенокосы и приусадебные участки. Более 2/3 всех семей непричисленных переселенцев (68,2 %) имели посеы на арендованных землях, средний размер которых составлял 4,4 дес.

Следовательно, преобладающая часть не получивших земли самовольных мигрантов стремилась использовать средства, вырученные от продажи земли и имущества на родине или заработанные на новом месте водворения продажей своих рабочих рук, для аренды земельных участков под земледелие. Это давало переселенческим семьям возможность не только прокормиться, но и получить формальные основания (ведение сельского хозяйства и домообзаводство) для причисления к сельскому обществу и наделения землей в ходе проводившегося в округе землеустройства.

Для мигрантов, решавших проблему хозяйственного обустройства в Алтайском округе, земледелие в целом было приоритетным, по сравнению с животноводством, хозяйственным занятием, дававшим возможность в силу быстрой оборачиваемости вкладываемых в эту отрасль капиталов в более короткий срок прирастить вложенные средства и создать тем самым основу для дальнейшего роста производственной базы хозяйств, в том числе и наращивания поголовья скота. На ментальном уровне императивы такого хозяйственного поведения крестьян-мигрантов могли также определяться «голодным» характером землепользования основной массы переселенцев на родине, ставшим главной побудительной причиной к переселению, стремлением воспользоваться открывавшимися в многоземельной Сибири перспективами роста благосостояния на основе расширения запашки земель.

Стремилась арендовать землю под посевы даже те переселенческие хозяйства, которые не имели средств производства, необходимых для ее обработки: почти 2/3 более трети хозяйств самовольных столыпинских переселенцев (62,4 %), у которых при проведении сельскохозяйственной переписи 1917 г. были зафиксированы посевы на арендованной земле, не имели собственных плугов, а 19,5 % – рабочего скота.

Анализ содержащихся в базе данных сведений, позволяющих оценить интенсивность хозяйственного использования пахотных земель различными категориями крестьян Алтайского округа, показывает, что непричисленными переселенцами пахотные земли использовались с большей хозяйственной нагрузкой, чем переселенцами, наделенными землей, и старожилами (Таблица 2).

Таблица 2. Распределение пахотных земель по категориям использования в сравнении с различными поселенческими группами крестьян Алтайского округа, в % (Крестьянские хозяйства..., 2009)

Категории использования пахотных земель	Непричисленные столыпинские переселенцы	Столыпинские переселенцы в целом	Переселенцы второй пол. XIX в.-1906 г.	Старожилы
Посев	71,7	52,9	45,9	45,2
Залежь	23,3%	41,4	46,4	46,6
Пар	5,0%	5,7	7,7	8,2

Если старожилы и переселенцы достолыпинского периода большую часть пахотной земли оставляли под залежь и пар, что в целом соответствовало традиционной для Сибири паро-залежной системе земледелия, то у непричисленных столыпинских переселенцев под посевами было занято более 2/3 (71,7 %) пашни, что свидетельствовало об их стремлении к гораздо более экстенсивному использованию пахотных земель в сравнении с крестьянами других групп. Выявленное отличие в соотношении площади засеваемых и залежных земель можно квалифицировать как проявление одного из элементов адаптационной стратегии самовольных мигрантов столыпинского периода, стремившихся к максимальному вовлечению в хозяйственный оборот арендованной земли с тем, чтобы получить в течение как можно более короткого срока средства, необходимые для дальнейшего хозяйственного и бытового обустройства.

Конечно, такое использование непричисленными переселенцами арендованных пахотных земель в известной мере имело хищнический характер, поскольку не сопровождаемое затратами на улучшение качества обрабатываемой земли (внесение удобрений и пр.), неизбежно приводило к снижению плодородия почв. Однако такой тип хозяйствования для непричисленных переселенцев имел вынужденный характер, порождаясь стремлением ускорить процесс хозяйственного и бытового обустройства в условиях отсутствия у них собственных земельных наделов.

О преобладании в хозяйственной практике самовольных мигрантов мотива выживания свидетельствуют данные Таблицы 3, отражающей результаты распределения хозяйств различных поселенческих групп алтайского крестьянства по размерам посевов. Они показывают практически

полное отсутствие среди них крупнопосевных хозяйств (с посевом от 12 до 25 дес.) и хозяйств, занимавшихся земледелием с предпринимательскими целями (с посевом более 25 дес.), и, наоборот, наличие значительно большей, чем среди других групп крестьянства, доли беспосевных хозяйств и хозяйств с посевом до 4 дес. (бедняцких). Средний размер посева на одно хозяйство у безнадельных мигрантов составлял 4,0 дес., тогда как у получивших земельные наделы переселенцев столыпинского периода он был в 2,4 раза больше – 9,7 дес.

Таблица 3. Группировка хозяйств алтайских крестьян, принадлежавших к различным поселенческим группам, по размерам посева (*Крестьянские хозяйства..., 2009*)

Группы хозяйств по размерам посева	Безнадельные Столыпинские переселенцы	Столыпинские переселенцы с наделами	Переселенцы второй пол. XIX в. –1906 г.	Старожилы
Беспосевные	31,8	5,5	8,3	12,4
С посевом:				
До 4 дес.	42,7	28,3	25,9	36,7
От 4 до 12 дес.	22,3	41,5	40,4	38,3
От 12 до 25 дес.	2,6	18,9	19,7	10,9
Более 25 дес.	0,6	5,8	5,7	1,7
Итого:	100	100	100	100

Стратегия хозяйственной адаптации самовольных мигрантов включала также активное занятие промыслами как источником получения средств, необходимых для хозяйственного и бытового обустройства. Анализ содержащихся в базе данных сведений о промысловых занятиях показывает, что в различных видах промыслов принимало участие 14,2 % всех трудоспособных (в возрасте от 16 до 60 лет) самовольных мигрантов, переселившихся на Алтай в столыпинский период, тогда как среди причисленных переселенцев этот показатель составлял лишь 4,7 %. При этом у непричисленных переселенцев была более высокой доля промысловиков, которые участвовали в промыслах как наемные работники: 64,5 % против 54,4 % у легальных мигрантов. Наиболее распространенными промыслами самовольных переселенцев были отнесенный программой переписи к разряду промысловых занятий наем на сельскохозяйственные и «черные» работы (соответственно 38,0 % и 5,8 % от общего числа лиц, у которых в ходе переписи были зафиксированы промысловые занятия), портняжный (7,8 %), сапожный (6,0 %) и плотницкий (5,9 %) промыслы (*Таблица 4*).

Таблица 4. Распространенность различных видов промыслов у самовольных мигрантов столыпинского периода в сравнении с легальными переселенцами и старожилками (*Крестьянские хозяйства..., 2009*)

Название промыслового занятия	Безнадельные столыпинские переселенцы	Столыпинские переселенцы с наделом	Старожилы	Название промыслового занятия	Безнадельные столыпинские переселенцы	Столыпинские переселенцы с наделом	Старожилы
Сельхоз-работник	26,4	38,3	24,0	Пимокат	2,2	1,5	0,4
Пастух	6,7	4,0	1,5	Кузнец	1,9	8,7	3,4
Черно-работчий	5,8	0,7	5,2	Маслодел	1,5	1,7	0,6
Батрак	3,0	1,0	1,1	Овчинник	1,5	1,0	-
Поденщик	1,9	0,3	1,1	Бондарь	1,5	1,7	0,6
Портной	7,8	2,2	1,2	Слесарь	1,5	1,0	0,6

Сапожник	6,0	4,7	2,5	Печник	1,1	0,5	0,1
Плотник	5,9	8,7	7,6	Пчеловод	0,4	0,2	12,6
Мельник	2,6	0,5	3,2	Рыбак	0	0	4,3
Торговец	2,6	1,5	2,3	Охотник	0	0,2	2,6
Столяр	2,2	2,2	0,6	Др.занятия	17,9	18,6	24,4
Учитель	2,2	0,8	0,1	Всего:	100	100	100

Следовательно, стратегия хозяйственной адаптации самовольных переселенцев периода столыпинских реформ включала широкое использование такого наиболее доступного способа получения средств для существования и хозяйственно-бытового обустройства в новой среде обитания как продажа труда членов их семей, нанимавшихся для работы в хозяйства старожилов и на действовавшие в сельской местности промышленные заведения (мельницы, маслодельни, кожевни и пр.).

Анализ промысловых занятий самовольных мигрантов показывает также довольно значительное представительство в их среде лиц, являвшихся носителями дефицитных для сибирского региона профессий – портной, сапожник, плотник, столяр, учитель и др. Видимо, многие из обладателей этих профессий переселялись в Сибирь не для занятия земледелием, а в надежде на более успешное развитие своих промыслов и профессиональных занятий в условиях более низкоконтурной, по сравнению с регионами Европейской части страны, экономической среды. Об этом может свидетельствовать то обстоятельство, что многие из них вообще не обзаводились посевами (переписью не зафиксированы посеы у 25 % семей непричисленных переселенцев, главы которых занимались портняжным промыслом, у 31 % семей кожевников, 50 % мельников, 67 % маслоделов и т.д.), либо арендованные земельные участки возделывались трудом членов семьи, в то время как домохозяйства всецело сосредотачивались на своих профессиональных ремесленных занятиях.

Некоторые имевшие промысловые занятия непричисленные переселенцы были зарегистрированы в ходе переписи как владельцы промышленных и торговых заведений. Так, М.С. Попов, переселившийся в 1907 г. из Пермской губернии, основал в с. Волчиха Покровской волости Славгородского уезда кожевенное заведение, для работы в котором нанимал 5 рабочих. Переселившийся из Херсонской области предприниматель А.Я. Бахман открыл на хуторе в Киргизской волости Змеиногорского уезда маслобойный завод, мигрировавший в 1907 г. из Костромской губернии А.Н. Бухалов содержал в с. Усть-Чарышское Пристанской волости Бийского уезда пимокатную мастерскую, переселенец из Вятской губернии Д.И. Чурин – овчинную мастерскую в с. Ильинское Песчанской волости Бийского уезда и т.д. Были среди непричисленных переселенцев и держатели торговых заведений: выходец из Тамбовской губернии А.Е. Нестеров открыл лавку в с. Усть-Чарышское, переселенец из Полтавской губернии Т.И. Рубченко – в с. Усть-Порозинское Чарышской волости Змеиногорского уезда, мигрировавший из Вятской губернии Ф.П. Чудиновских – в с. Черемушкино Талицкой волости Барнаульского уезда. М.С. Попов, указанный выше как владелец кожевенного завода в с. Волчиха, содержал в этом селе и мануфактурный магазин ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

Сведения, содержащиеся в [Таблице 4](#), свидетельствуют о слабой вовлеченности столыпинских переселенцев (как самовольных, так и легальных) в такие традиционные для Сибири промыслы, как пчеловодство, охота и рыболовство, что характеризует их недостаточную «вживаемость» в новую природно-географическую среду обитания. У старожилов этими видами промыслов занимались 19,5 % зарегистрированных переписью промысловиков, а у столыпинских переселенцев – лишь 0,4 %.

Таблица 5. Экономические показатели хозяйств самовольных мигрантов в зависимости от времени поселения ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Экономические показатели	Время поселения	
	1907–1909 гг.	1910–1914 гг.
Средний посев на 1 хоз-во, дес.	4,8	3,7
Беспосевных хоз-в, в %	26,9	32,5
Голов рабочего скота на 1 хоз-во	2,2	2,0
Хозяйств без рабочего скота	32,0	39,5
Хозяйств, имевших плуги, в %	28,7	22,3
Голов КРС на 1 хоз-во	3,5	3,0
Хоз-в, не имевших КРС, в %	34,0	38,0
Коров на 1 хоз-во	1,9	1,7
Бескоровных хозяйств, в %	26,3	31,8
Овец на 1 хоз-во	7,6	7,3
Хоз-в, не имевших овец, в %	75,4	84,7

Самовольные мигранты, не сумевшие закрепиться в Сибири, составляли основную массу возвращавшихся на родину обратных переселенцев (*Записка председателя...*, 2011: 12–13). Вместе с тем анализ данных, отражающих изменение экономической мощности хозяйств самовольных мигрантов с увеличением времени их проживания в местах нового поселения (*Таблица 5*), свидетельствует о положительной динамике процесса их интеграции в новую среду обитания и хозяйственной деятельности. Различные показатели, отражающие уровень хозяйственной состоятельности самовольных мигрантов, водворившихся в Алтайский округ в 1907–1909 гг., в период наиболее интенсивных миграций, на 10–25 % превосходили соответствующие показатели хозяйств мигрантов 1910–1914 гг.

5. Заключение

Таким образом, проведенный на основе первичных материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. анализ экономического поведения самовольных мигрантов, прибывавших в период столыпинских реформ в Алтайский округ, позволяет выделить следующие важнейшие элементы их адаптационной хозяйственной стратегии:

- активная аренда сельскохозяйственных угодий у старожилов и из фонда кабинетских земель;
- более экстенсивное, по сравнению с легальными переселенцами и старожилами, хозяйственное использование пахотных земель за счет расширения посевов и сокращения залежи и пара;

- активное использование такого источника получения средств, необходимых для выживания, аренды земли и дальнейшего хозяйственного и бытового обустройства, как наем на работу в хозяйства старожилов;

- ориентация части самовольных мигрантов на адаптацию в новой среде обитания за счет доходов от дефицитных в Сибири ремесленных занятий и промыслов (портняжный, сапожный, плотницкий и пр.).

В хозяйственной деятельности основной массы неприсланных переселенцев доминировали мотивы и устремления, направленные на выживание в новой среде обитания, вместе с тем в состав этой категории мигрантов входили и некоторые зажиточные элементы, представленные владельцами промышленных и торговых заведений, открываемых в сельской местности; а также профессиональные ремесленники, переселявшиеся в Сибирь в расчете на успешную деятельность в условиях более низкоконтурной, чем на родине, экономической среды.

Хотя именно самовольные мигранты составляли основную часть обратных переселенцев, потерпевших неудачу в попытках адаптироваться в новых природно-географических и социальных условиях, анализ изменений в уровне материальной обеспеченности хозяйств самовольных мигрантов, происходивших с увеличением времени их проживания в новых местах поселения, позволяет говорить о положительной динамике в хозяйственной адаптации этой категории переселенцев. Возможности для успешной адаптации самовольных мигрантов существенным образом повышались в случае наделения их землей в ходе проводившегося в Алтайском округе землеустройства.

Литература

- Алферов, 1958** – Алферов М.С. Крестьянство в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1958. 68 с.
- Белянин, 2011** – Белянин Д.Н. «Неприсланные» переселенцы Западной Сибири в 1906–1914 гг. // Вестник Томского университета. Сер. История. 2011. № 2(14). С. 102–105.
- Гончарова, 2006** – Гончарова Т.А. История Нижнего Притомья в контексте межэтнической коммуникации (XVII – начало XXI вв.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2006. 226 с.
- ГААК** – Государственный архив Алтайского края.
- Записка председателя...** – Записка председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. Барнаул: СЛОВО, 2011. 139 с.
- Кауфман, 1908** – Кауфман А. Земельный вопрос и переселение // Сибирь: ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 79–140.
- Коровушкин, 2006** – Коровушкин Д.Г. Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии, 2006. 200 с.
- Крестьянские хозяйства...** – Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г. [Электронный ресурс]: база данных / Сост. В.Н. Разгон, Д.В. Колдаков, К.А. Пожарская. Электрон. дан. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). № госрегистрации 2009620044.
- Липинская, 1996** – Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XX века. М.: Наука, 1996. 296 с.
- Минжуренко, 1982** – Минжуренко А.В. Внутринадельное размежевание в переселенческих поселках Западной Сибири в годы столыпинской аграрной реформы // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX в. – 1917 г.). Красноярск, 1982. С. 40–54.

Ноздрин, 2007 – Ноздрин Г.А. Сроки и механизмы адаптации переселенцев Сибири в конце XIX – начале XX века // *Адаптационные механизмы и процессы в традиционных и трансформирующихся обществах*. Вып. 2. Новосибирск, 2007. С. 20–38.

Огановский, 1914 – Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Т. III: Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. I: Население. Переселенческий вопрос. Саратов, 1914. 321 с.

Островский, 1991 – Островский И.В. Аграрная политика в Сибири в период империализма. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1991. 308 с.

Разгон и др., 2013 – Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул: Азбука, 2013. 347 с.

Скляр, 1962 – Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. 586 с.

Соловьева, 1991 – Соловьева Е.И. Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма (историография и источники изучения проблемы // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: НГПИ, 1991. С. 3–26.

Степынин, 1962 – Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. 561 с.

Цифровые данные, 1916 – Цифровые данные по учету сельского населения при поземельном устройстве Алтайского округа. Барнаул: Издание Алтайского землеустройства, 1916. 173 с.

Чуркин, 2006 – Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.

Чуркин, 2013 – Чуркин М.К. Адаптивная ситуация, барьеры и стратегии поведения переселенцев черноземного центра Европейской России (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Сибирские исторические исследования*. 2013. № 1. С. 18–30.

Шелегина, 2001–2002 – Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв.). М.: Логос, 2001–2002. Вып. 1–2.

Шкунов, 1911 – Шкунов М. Заселение Алтайского округа // *Вопросы колонизации*. 1911. № 9. С. 91–127.

References

Alferov, 1958 – Alferov M.S. (1958). Krest'yanstvo v Sibiri v 1917 g. [The peasantry in Siberia in 1917]. Novosibirsk. 68 p. [in Russian]

Belyanin, 2011 – Belyanin D.N. (2011). «Neprichislennye» pereseleny Zapadnoj Sibiri v 1906–1914 gg. ["Unaccounted" migrants of Western Siberia in 1906–1914]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. № 2 (14), pp. 102–105 [in Russian]

Churkin, 2006 – Churkin M.K. (2006). Pereseleniya krest'yan chernozemnogo centra Evropejskoj Rossii v Zapadnyu Sibir' vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migracionnoj mobil'nosti i adaptacii [Resettlement of peasants of the black earth center of European Russia in Western Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries: determining factors of migration mobility and adaptation]. Omsk: Publishing house of the Omsk State Pedagogical Institute. 376 p. [in Russian]

Churkin, 2013 – Churkin M.K. (2013). Adaptivnaya situaciya, bar'ery i strategii povedeniya pereselencev Chernozemnogo centra Evropejskoj Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Adaptive situation, barriers and strategies of behavior of the resettlers of the black earth Center of European Russia (the second half of XIX –beginning of XX century)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. № 1, pp. 18–30 [in Russian]

Cifrovye dannye, 1916 – Cifrovye dannye po uchetu sel'skogo naseleniya pri pozemel'nom ustrojstve Altajskogo okruga [Digital data on the calculation of rural population in the Altay region's land survey]. Barnaul, 1916. 173 p. [in Russian].

ГААК – Gosudarstvennyi arkhiv Altajskogo kraja [State Archive of the Altai Territory].

Goncharova, 2006 – Goncharova T.A. (2006). Istoriya Nizhnego Pritom'ya v kon-tekste mezhehtnicheskoy kommunikacii (XVII – nachalo XXI v.) [History of Lower Pritom in the context of interethnic communication (XVII – beginning of the XXI century)]. Tomsk: Publishing house of Tomsk University. 226 p. [in Russian]

Kaufman, 1908 – Kaufman A. (1908). Zemel'nyj vopros i pereselenie [The Land Question and Resettlement]. *Sibir: Its Current State and Needs*. St. Petersburg, pp. 79–140 [in Russian]

Korovushkin, 2006 – Korovushkin D.G. (2006). Oчерki etnokul'turnoj adaptacii pozdnyh pereselencev v Zapadnoj Sibiri [Essays on the ethnocultural adaptation of late settlers in Western Siberia]. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archeology and Ethnography. 200 p. [in Russian]

Krest'yanskije hozyajstva... – Krest'yanskije hozyajstva Altajskoj gubernii v 1917 g. [Peasant farms in the Altai province in 1917] [Electronic resource]: data base. Comp. V.N. Razgon, D.V. Koldakov, K.A. Pozharskaya. Barnaul: Altai State University, 2009. CD-ROM. State registration number 2009620044 [in Russian].

Lipinskaya, 1996 – Lipinskaya V.A. (1996). Starozhily i pereselency: Russkie na Altae. XVIII – nachalo XX veka [Old residents and migrants: Russians in the Altai. XVIII – the beginning of the XX century]. Moscow: Nauka. 296 p. [in Russian]

Minzhurenko, 1982 – Minzhurenko A.V. (1982). Vnutrinadel'noe razmezhevanie v pereselencheskih poselkakh Zapadnoj Sibiri v gody stolypinskoj agrarnoj reformy [Land demarcation in the resettlement settlements of Western Siberia during the Stolypin agrarian reform]. *Agrarnye otnosheniya i zemel'naya politika tsarizma v Sibiri (konets XIX v.–1917 g.)*. Krasnoyarsk, pp. 40–54 [in Russian]

Nozdrin, 2007 – Nozdrin G.A. (2007). Sloki i mekhanizmy adaptacii pereselenцев Sibiri v konce XIX – nachale XX veka [Terms and mechanisms for the adaptation of Siberian migrants in the late XIX – early XX century]. *Adaptatsionnye mekhanizmy i protsessy v traditsionnykh i transformiruyemykh obshchestvakh*. Issue 2. Novosibirsk, pp. 20–38 [in Russian]

Oganovskij, 1914 – Oganovskij N.P. (1914). Zakonomernost' agrarnoj ehvolucii. T. III: Obnovlenie zemledel'cheskoj Rossii i agrarnaya politika. Vyp. I: Naselenie. Pereselencheskij vopros [Regularity of agrarian evolution. T. III: Updating agricultural Russia and agrarian policy. Issue I: The population. The resettlement question]. Saratov. 321 p. [in Russian]

Ostrovskij, 1991 – Ostrovskij I.V. (1991). Agrarnaya politika v Sibiri v period imperializma [Agrarian policy in Siberia during the period of imperialism]. Novosibirsk: Publishing house of Novosibirsk University. 308 p. [in Russian]

Razgon et al., 2013 – Razgon V.N., Khramkov A.A., Pozharskaya K.A. (2013). Stolypinskie migranty v Altaiskom okruge: reselenie, zemleobespechenie, khozyajstvennaya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya [Stolypin migrants in the Altai region: resettlement, land provision, economic and socio-cultural adaptation]. Barnaul: The ABC, 348 p. [in Russian]

Shelegina, 2001–2002 – Shelegina O.N. (2001–2002). Adaptatsiya russkogo naseleniya v usloviyah osvoeniya territorii Sibiri (Istoriko-etnograficheskie aspekty. XVII–XX vv.) [Adaptation of the Russian population in conditions of development of the territory of Siberia (Historical and ethnographic aspects, XVII – XX centuries)]. M.: Logos. Issues 1–2. [in Russian]

Shkunov, 1911 – Shkunov M. (1911). Zaseleeniye Altajskogo okruga [Population of the Altai Region]. *Voprosy kolonizacii*. № 9, pp. 91–127 [in Russian]

Sklyarov, 1962 – Sklyarov L.F. (1962). Pereselenie i zemleustrojstvo v Sibiri v gody stolypinskoj agrarnoj reformy [Resettlement and land management in Siberia in the years of the Stolypin agrarian reform]. L.: Leningrad University Publishing House. 586 p. [in Russian]

Solov'eva, 1991 – Solov'eva E. I. (1991). Vliyanie pereselenij na social'no-ehkonomicheskoe razvitiye Sibiri v ehpohe kapitalizma (istoriografiya i istochniki izucheniya problem) [Influence of resettlements on the social and economic development of Siberia in the era of capitalism (historiography and sources of the study of the problem)]. *Vliyanie pereselenij na social'noe i ehkonomicheskoe razvitiye Sibiri v ehpohe kapitalizma*. Novosibirsk: Publishing house of the Novosibirsk State Pedagogical Institute, pp. 3–26 [in Russian]

Stepynin, 1962 – Stepynin V.A. (1962). Kolonizatsiya Enisejskoj gubernii v epokhu kapitalizma [Colonization of the Yenisei province in the era of capitalism]. Krasnoyarsk. 561 p. [in Russian]

Zapiska predsedatelya... – Zapiska predsedatelya Soveta ministrov i Glavnoupravlyayushchego zemleustrojstva i zemledeliem o poezdke v Sibir' i Povolzh'e v 1910 g. [Memorandum by the Chairman of the Council of Ministers and the Chief Executive of Land Management and Agriculture on his trip to Siberia and Volga region in 1910]. Barnaul: SLOVO, 2011. 139 p. [in Russian]

Стратегия хозяйственной адаптации самовольных переселенцев в Алтайском округе в период стольпинских реформ

Виктор Николаевич Разгон^{а,*}

^аАлтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе анализа материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. раскрывается стратегия хозяйственной адаптации самовольных переселенцев в Алтайском округе в период стольпинских реформ.

Одним из элементов этой стратегии было более экстенсивное хозяйственное использование пахотных земель (в основном арендованных) по сравнению со старожилами и легальными

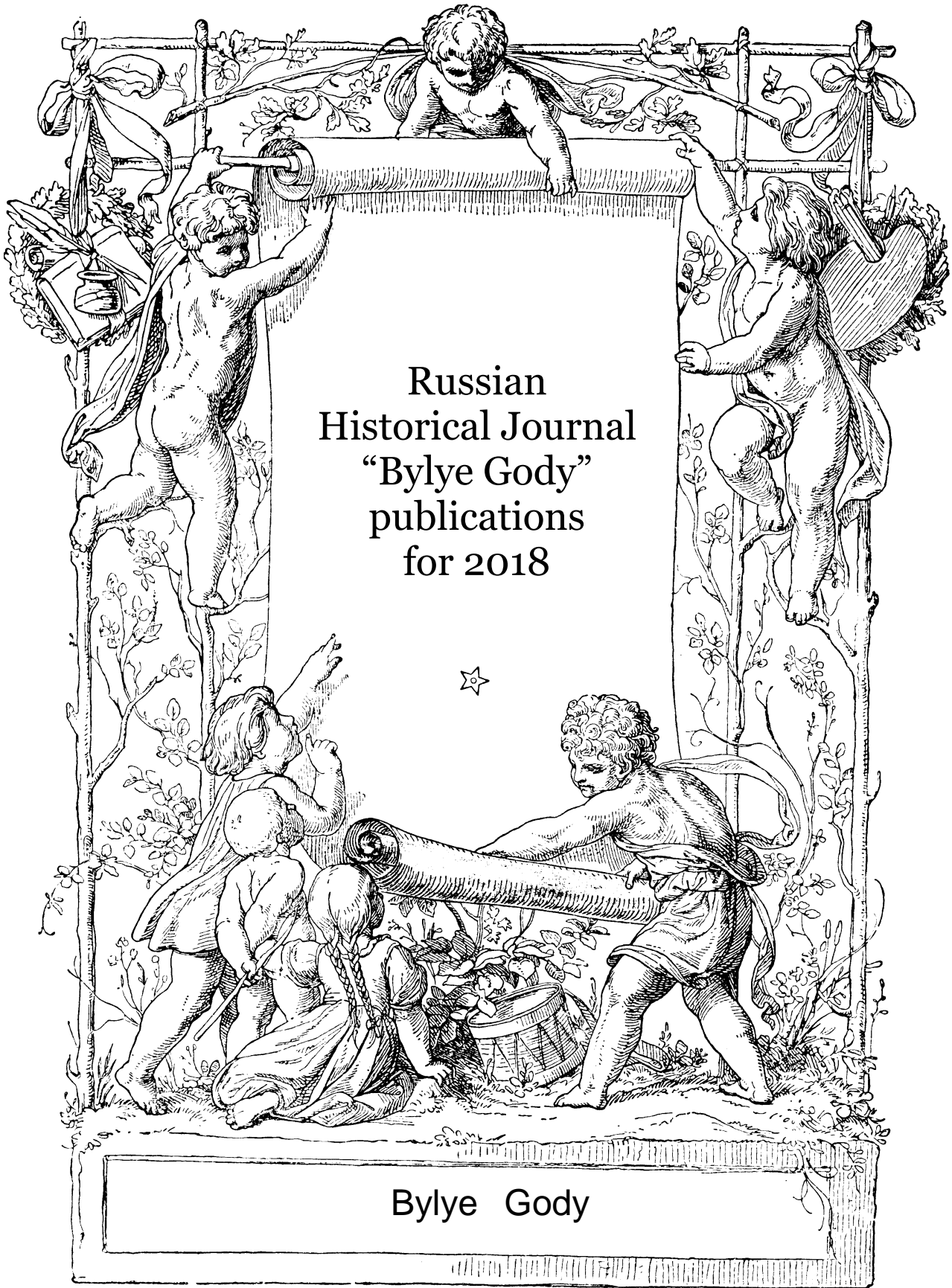
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vrazgon@rambler.ru (В.Н. Разгон)

переселенцами. Если старожилы половину пахотной земли оставляли под залежь и пар, что в целом соответствовало традиционной для Сибири системе земледелия, то у самовольных мигрантов под посевами было занято более 2/3 (71,7 %) пахотных земель. Стратегия хозяйственной адаптации самовольных переселенцев включала активное занятие дефицитными в Сибири ремеслами (портняжным, сапожным, плотницким и др.), а также использование такого способа выживания в новых природно-географических условиях и накопления средств для дальнейшего хозяйственного и бытового обустройства, как найм для работы в хозяйствах старожилов.

Автор приходит к заключению, что, хотя в экономической стратегии самовольных мигрантов доминировали мотивы выживания, рост мощности их хозяйств с увеличением времени проживания свидетельствует о положительной динамике процесса интеграции в новую среду обитания.

Ключевые слова: крестьянство, миграции, столыпинские реформы, адаптация, Сибирь, Алтайский округ.

Russian
Historical Journal
“Bylye Gody”
publications
for 2018

Bylye Gody

Russian Historical Journal “Bylye Gody” publications for 2018

Bylye Gody. 2018. № 47 (1)

ARTICLES AND STATEMENTS

"Circassian" Helmets with Plated Mailaventails of the Late Middle Ages and Early Modern Times L.A. Bobrov, A.V. Salnikov	5
To the Issue of the Urban Culture of the Steppe Region in the XVIII–XIX centuries G.S. Sametova, M.A. Alpysbes	34
Guardsman of Anna Ioannovna – Artist of Elizabeth Petrovna – Researcher of Catherine II: the Life and Scientific Legacy of Friedrich Plenisher S.V. Berezniyskiy, I.I. Halechko, P.V. Primak	44
Concerning the Iranian Influence on the Georgian Military Organization (According to the example of «Morighe Lashkari» or «Morighe» – second half of XVIII c.) N. Ter-Oganov	53
The Highland's Socio-Cultural Heritage in the Context of Scientific Comprehension of the Historical Imperatives of the Scottish Society's Political Development. Part 1 P.A. Merkulov, E.A. Turin, E.N. Savinova, N.G. Akatova	60
The Role of Cyrillo-Methodian Cult in the Slovak National Revival in the Context of Contacts with the Eastern Slavs M. Hetényi, P. Ivanič	70
Asymmetric Conflicts of Global Powers and Formation of the National Identity in Comparative View of Postcolonial Studies S.G. Malkin, S.O. Buranok, D.A. Nesterov	79
The Circassian Aristocracy in the late XVIII – the first half of XIX centuries: the Social Structure of Society A.A. Cherkasov, M. Smigel, S. Bratanovskii, A. Valleau	88
On the Emperor's Service: the Supreme Administration of Taurida Governorate in the first half of the XIX century A.A. Nepomnyzhchy, A.S. Kravchuk	97
The Evolution of Mechanisms of Interaction Between State and Society in the Sphere of Preservation of Historical-Cultural Heritage in the Russian Empire V.A. Livcov, V.I. Filonov, A.S. Pozhidaev, K.S. Nilaeva	107
The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part I I.A. Ermachkov, L.A. Koroleva, N.V. Svechnikova, J. Gut	120
The Influence of the French Conservatives to the Reception of the Image of Napoleon I in Russia (on the Example of the Study of the Epistolary Heritage of Joseph de Maistre) R.A. Arslanov, E.V. Linkova, V.M. Kozmenko	130
Excerpts on the History of Swiss Migration to the Northern Black Sea Region at the beginning of the 19th Century: (Documents about the Group of Settlers of Major Caspar Escher in the Russian Historical Archives) S.G. Kashchenko, I.S. Ivanova, E.S. Kashchenko	143
The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the beginning of the 19th Century: Part II G. Rajović, D.O. Ezhevski, A.G. Vazerova, M. Trailovic	153

The Maps of the XIX century as a Source of Historical Toponymy of Kazakhstan D.E. Zhumekenova, T.S. Sadikov	161
Slave Trade and Slavery in the Central Asian Outskirts of the Russian Empire (XVIII–XIX centuries) Y.A. Lysenko	172
The Kazakh Nobility in the Formation of the State Institutions of the Russian Empire in Semirechye T.M. Khazretali, M. Girtilioglu, Y.K. Omarbayev, A.S. Adilbayeva	183
Dostoevsky’s Seminal Trauma as a Blueprint for National Mythology A. Geifman	193
The Northern Caucasus in 1844–1881 years: Economic Aspects of Russian Politics in the Region Y.Y. Grankin	199
Charitable Associations of Tomsk Province in 1844–1917 V.P. Zinovyev, V.I. Zinovyeva, S.S. Fominykh	208
The Role of Children and Youth Academic Literature in Shaping the Image of Siberia in the Minds of the Population of the XIX century V.N. Cherepanova, I.A. Filippova	217
The Struggle for Literacy in the Russian Troops in the late 1850s – early 1860s O.V. Natolochnaya, B.A. Bulgarova, M.A. Bragina	225
The Ethno-Religious Aspect of the Educational Policy of the Russian Empire in the second half of XIX – early XX century (on the Example of the Muslim Education System of Western Siberia) P.K. Dashkovskiy, E.A. Shershneva	232
Projects for the Administrative Transformation of Military Governors in the Trans-Baikal Transbounder Area (second half of the XIX century) O.A. Malygina, R.A. Evtchov	242
Sub Specie Aeternitatis? The Transformation of the Religious Historical Memory of the Peasantry of the Central Black Earth Region in the Post-Reform Period E.V. Belyaev, A.A. Linchenko	251
The Manufacturing Industry of Turkestan in the Pre-Revolutionary period: the Historiographical Aspect T.A. Tulebaev, M.S. Nogaibaeva, B. Sailan, K.E. Abykenova	261
The Imperial Judicial and Legal System in the Steppe Region in the second half of the XIX century: Features of Formation and Functioning I.V. Anisimova, E.M. Gostyusheva	271
Interim Committee on Revision of the Cossack Statutes: Organization, Structure, Activity (1865–1872) A.A. Volvenko	280
Muhajirun – the Reasons and Scales of Resettlement of Mountaineers of the Northwest Caucasus S.J. Suschiy, A.M. Mamadaliev, S.F. Artemova	292
Problems and Ways of Development of the Siberian Region in Light of the Liberal-Westernizing Media (on the example of Analysis of Materials of the Journal «Herald of Europe»: 1866–1918) I.V. Pivovarova, Y.V. Putilina, J.V. Zubarev	302
Socio-Historical Portrait of the Kazakh Volost Rulers of the Steppe Region, the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries) A.A. Bimoldanova, T.T. Dalayeva, M.G. Bekmagambetova	310

Historical Experience of Government Management of the Business Industry of Central Black Earth (the second half of the XIX – beginning of the XX centuries) N.A. Dushkova, V.A. Grigorova, A.V. Perepelitsyn	319
Anonymous Sources of the Conflict in the East Siberian Provincial Administration in the 1870s S.K. Cherepanov, D.N. Gergilev, A.G. Gryaznukhin	328
Reorganization of the Private Baltic Foundry, Mechanical and Construction Plant into a State-Owned Enterprise in the late 19th century D.G. Kovalevsky, E.D. Tverdyukova	339
Development of National Education in the Cities of Western Siberia: From Initial to General Education (1880–1917) A.B. Khramtsov	349
Russification – Pro et Contra: Polemic in the Russian Conservative Thought in the late XIX century M.N. Krot, N.V. Dmitrieva	360
Structure and Dynamics of Employment of Young People of the Working Class in the Province of Tobolsk in the late XIX century O.V. Ustinova, S.F. Farakhutdinov	370
The Revolution of 1905 in Irkutsk and Criminality A. Ivanov, A. Danchevskaya	383
The Historical Image of a Russian Tourist in the French Resort of Biarritz at the beginning of the 20th century I.V. Maslova	393
Pages of History of Imperial Russian Military and Historical Society N.B. Akoyeva, N.G. Denisov, L.A. Karapetyan	402
Unknown N. Matveev – From the History of Vladivostok “Yellow Press” in the beginning of XX century V.L. Agapov, T.V. Prudkoglyad, D.A. Butyrin	411
The Role of the Journal «Izvestia of the Ministry of Foreign Affairs» (1912–1917) in Forming the Ideas of the Russian Society about China Y.G. Blagoder	422
Russian Prisoners of the First World War in the Camps of the Austro-Hungarian Empire G.K. Kokebayeva, R.S. Myrzabekova, M.S. Myrzabekov	430

Bylye Gody. 2018. № 48 (2)

ARTICLES AND STATEMENTS

Oirat Helmet of the XVII – mid-XVIII centuries from the Akmola Regional History Museum L.A. Bobrov, A.K. Kushkumbayev, A.V. Salnikov	443
Results of Interdisciplinary Research of Hillfort «Toyanov Gorodok» E.V. Vodyasov, O.V. Zaitceva	456
The Highland’s Socio-Cultural Heritage in the Context Of Scientific Comprehension of the Historical Imperatives of the Scottish Society’s Political Development. Part 2 P.A. Merkulov, E.A. Turin, E.N. Savinova, N.G. Akatova	465

To the Scientific Organizations Funding History in Russia: Academic Privilege for Calendars Issue (1728–1865) A.Y. Skrydlov	474
Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia XVIII – beginning of XX century S.V. Lyubichankovskiy, K.G. Akanov	484
Geographical Factors of Formation of Agriculture in the Baikal Region in the XVII–XIX centuries M.V. Ragulina, N.V. Rogovskaya, M.A. Grigorieva, N.A. Ippolitova	496
The Historical and Ethno-Demographic Situation Of Kyrgyz Nation in Kazakhstan M.T. Raimbekova, G.S. Bedelova	505
Novo-Nakhichevan Magistrate: Origin, Structure, Functions L.V. Batiev, S.S. Kazarov	518
Formation and Operation of Customs Agencies in Crimea at the Initial Stage (1783–1822) N.D. Borshchik, E.V. Latysheva, D.A. Prohorov	528
Eastern Georgia and the Protectorate of the Russian Empire (1783-1801): Terms, Features and Outcomes of Political Interaction A.T. Urushadze, A.A. Cherkasov, A. Valleau	538
A Historical Example of the Formation of Unique Technical Competencies in Military Affairs. The Establishment of Aeronautical Intelligence in the XIX – early XX centuries A.I. Kashirin, A.S. Semenov, V.V. Strenalyuk	549
The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part II I.A. Ermachkov, L.A. Koroleva, N.V. Svechnikova, J. Gut	558
Letters as a Source of Propaganda during the Kakheti Uprising of 1812 G. Rajović, D.O. Ezhevski, A.G. Vazerova, M. Trailovic	570
The Development of School Education in the Turgay Region in the second half of the nineteenth century G.U. Karpykova, B.M. Utegenova, S.O. Ospanov	576
From the Russian Pre-revolutionary Historiography of the Great Silk Road O.H. Mukhatova, N.N. Kurmanalina, I.S. Dulatova	588
The Imperial Russian Technical Society Activities, Aimed at the National Industry Development (the second half of XIX – beginning of XX centuries) A.F. Smyk, E.I. Makarenko	598
Features of Migration Processes and their Influence on the Formation of the Working Class in Russia in the second half of XIX – early XX centuries O.V. Ustinova, V.E. Dudin	610
Formation and Development of the Social Control System in the Steppe Krai in the second half of the XIX – early XX century I.V. Anisimova	618
Seamen in the Gasp-Tekinskoy Expedition Y.F. Katorin, A.P. Nyrkov, V.B. Karataev	628
The Problem of Nihilism on the Pages of the Regional Church Periodicals (based on the Materials of the Editions of the Taurian Diocese of the 1870–1890s) A.E. Kotov, V.V. Kalinovskiy	639
Imperial, Soviet, and Post-Soviet Modernization B.N. Mironov	647

Migration of Russian Peasants to the East Regions of Kazakhstan at the late XIX – beginning of the XX century (the Historic Significance) G.M. Karasayev, K.A. Yensenov, A.M. Auanasova, K.J. Nurbai	677
The Role of the Merchant Class in the Development of the Provincial City of Akmolinsk (the second half of the XIX – the beginning of the XX th centuries) G.A. Alpyspaeva, S.N. Sayahimova	688
Siberian Mayors and Heads: Legal Status, Structure and their Contribution to Development of the Region (1870–1917) A.B. Khramtsov	699
Changes in Cultural Strategy and Cultural Policies in Slovakia in the 20th Century and at the Beginning of the 21st Century: Museums and Other Memorial Institutions in a Socio-Political Context P. Tišliar, J. Dolák, L. Kačírek	709
Migration Problems in Survey of Liberal Press the second half of XIX – early XX centuries V.N. Cherepanova, I.A. Filippova, V.S. Molchanova	719
The Problems of Socialization of the Convicts in Old Resident Community in the Yenisei Region of Siberia in the XIX century L.J. Anisimova, B.E. Andusev, E.A. Akhtamov	728
The Role of Church Intellectuals in Preserving the National Memory in the Arkhangelsk Governorate in the 19th and early 20th centuries I. F. Vereshchagin, A.M. Tamitskiy, N.M. Terebikhin	736
Formation of Ideas about the Siberian Region Pedagogical Press of the late XIX – early XX centuries (on the example of the journal "Russian School") I.V. Pivovarova, Y.V. Putilina, Y.V. Zubareva, A.M. Mamadaliev	750
The Discussion between Central and Regional Authorities on the Topic of the Affiliation of Muslim Schools in Turkestan (the late half of the 19th – the beginning of the 20th centuries) Y.A. Lysenko	759
Historical Experience of Organization and Activity of Tomsk Agricultural Colony for Minors T.A. Kattsina, N.V. Pashina	768
Russia and China on the Way to the Alliance of Civilizations, the end of the XIX – early XX centuries (on the example of Printed Publications) G.K. Mukanova	776
The Opinion of M.N. Muravyov and V.N. Lamzdorf on the Cultural and Historical Tasks of Russia in the Far East V.V. Suvorov	786
Opinions about the First 1897 General Population Census in the Russian Empire Expressed in Regional Periodicals and Records Management Documents E.A. Brukhanova, N.V. Nezhentseva	794
M.A. Reisner and the Provincial Aspect of Academic Conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University S.F. Fominykh, A.O. Stepnov	804
Settlers from Belarus early in the Yenisei Province: the Imperial Strategy and the Siberian Reality of the twentieth century A.P. Dvoret'skaya, M.D. Severyanov, L.N. Slavina, S.V. Kukhta	817
The Role of the Russian Orthodox Church in the Vocational Rehabilitation of Disabled People during the First World War (Demonstrated by the Example of Tomsk Province) A.S. Kovalev, N. Novosel'tsev, O.I. Savin	828

The Black Sea Province in the First World War: A Historiographical Review L. G. Polyakova, L.L. Balanyuk	839
The Don Branch of the Committee of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna N. Rylova, V. Lobova	850
Merchant Tyumen during the First World War: based on the Materials of the Time Edition "Siberian Trade Newspaper" I.V. Stavetskaya	861
The Bessarabian Question in 1917–1918: the Relations of Romania, Bessarabia and Ukraine S.I. Degtyarev, V.M. Zavhorodnia	872

Bylye Gody. 2018. № 49 (3)

ARTICLES AND STATEMENTS

Stabbing Long-Shafted Pole Weapons of the Crimean Tatars and Nogais in 1440s – 1650s. (According to the Written Sources) L.A. Bobrov, A.A. Sheykhumerov, A.V. Salnikov	884
Difficulties Interpreting of Written and Archaeological Sources of Information of Ferrous Metallurgy of the Kuznetsk Tatars R.A. Martyushov, Y.V. Shirin	915
The Ob Ugrians-Muslims: Historical and Psychological Factors of the Islam Penetration in the Traditional Culture O.N. Naumenko, E.A. Naumenko	931
The War as “Challenge” of Socio-demographic Modernization in Russia during the 18 th – the early 20 th century K.V. Samokhin	940
Material Support of the Clergy of the Tobolsk North in the XVIII – early XX centuries Olga P. Tsys’	949
Sacheverell Case as a Clash of Religious and Political Interpretations of the Glorious Revolution in England in the early XVIII century L.V. Sidorenko	959
The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842) S.V. Dzhundzhuzov, S.V. Lyubichankovskiy	970
Activity of V.N. Tatishchev on the Arrangement of the Kalmyks when he was a Governor of Astrakhan and the Head of the Kalmyk Commission (1741-1745) B.K. Salaev, D.A. Suseeva, T.S. Esenova	980
Birch Bark Tobacco Boxes of the XVIII-XIX centuries of Turkic People in the Taiga Region of Chulym (the South of Western Siberia) O.B. Belikova	992
Topography of the Ruthenian Population in Slovakia in the 18 th century through the first half of the 20 th century P. Tišliar, B. Šprocha	1009

The Policy of the Tsarist Authorities to Involve Mingrelia in the Political and Legal Space of the Russian Empire (1774–1857) V.G. Ivantsov, Yu.N. Makarov, L.G. Zimovets, N.A. Shevchenko	1019
Reasons for Leaving the Church Service by Clergy in the second half of the XVIII – early XIX centuries (on the Example of the Tobolsk diocese) A.V. Spichak	1028
General Ermolov and His Role in the Evolution of Public Health Service in the Caucasus I.A. Ermachkov, L.A. Koroleva, N.V. Svechnikova, J. Gut	1037
«Petersburg Historical School» XVIII – early XX century: Historiographical Context and Research Methods A.Yu. Dvornichenko, E.A. Rostovtsev, D.A. Barinov	1046
State Youth Policy in Pre-Revolutionary Russia: from Social Stratification of Society to Full Social Regulation P.A. Merkulov, A.L. Eliseev, D.V. Aronov	1061
Confessional State Policy of Alexander I V.S. Khizhnyak, M.A. Lipchanskay, M.N. Laydasheva-Ilicheva	1074
The «Great Game» in Turkestan in the First Half of the XIX century: the Geopolitical Interests of the Parties E.V. Kryzhko, P.I. Pashkovsky, S.I. Natalevich	1084
To the Issue of the Imam Shamil's Campaign to Kabarda in 1846 year D.V. Ovsjannikov	1092
Crown Gypsies of Bessarabia and Russia's State Policy (1828–1836) V.N. Shaidurov	1101
Features of Wedding Traditions and Rituals in the Territory Siberian Region in the XIX – Early XX Centuries Yu.V. Putilina, O.V. Ustinova, O.V. Natolochnaya	1111
The Plague in the Caucasus, 1835–1839: Features of Detection and Counteraction G. Rajović, D.O. Ezhevski, A.G. Vazerova, M. Trailovic	1119
«The Last Frontier of the Russian Civilization»: the Economic and Demographic Aspects of the Territorial Integrity of the State in the Far North-East T.I. Troshina, N.S. Avdonina, M.Yu. Zadorin	1125
Financial Support of Gendarmerie Supervision over the Gold Mining Industry in Siberia in the Middle of the 19th Century P.P. Rumyantsev	1140
Features of the Land Policy of the Tsarist Administration in Semirech'ye in the second half of XIX century L.A. Bissembayeva, B.S. Aimbetov, B.T. Zhubanyshov, B.K. Omarova	1149
From the History of the Development of Controlled Aerostats (Airships) in the XIX – early XX centuries V.B. Karataev, P.Yu. Grosheva, L.V. Shkvarya	1159
"The Case of the Loss of the Russian Peasant Settlers in the Steppe Region of Religious and Moral and National Character": the Position of the Russian Orthodox Church (end of XIX – beginning of XX centuries) Yu.A. Lysenko	1166
Russia and Austria-Hungary: Non-Political Dialogue of Two Empires in the last third of the XIXth – the beginning of the XXth century I.V. Kryuchkov, N.D. Kryuchkova	1175

Agriculture in the North Caucasus in late 19 th – early 20 th century: Evolutional Challenges V.N. Ratushnyak, T.V. Ratushnyak	1186
Salary as a Source of Material Security of Parish Clergy of the Central Black Earth in the second half of the XIX century – early XX century S.A. Ikonnikov	1195
Reconstruction of the Order's Numbers of the Votkinsk Plant's Shipbuilding Workshop on 1865-1902 N.W. Mitiukov, A.N. Loshkarev, D.V. Matveev	1203
Coverage of the Siberian Theme on the Pages of Historical Magazines of the second half of the XIX – early XX centuries (on the example of the magazine " Russian Antiquity») I.V. Pivovarova, Yu.V. Putilina, Y.V. Zubareva, A.M. Mamadaliev	1216
Persian-Citizen Population of the Terek region in the Socio-Economic and Cultural Processes of the second half of XIX – early XX centuries S.A. Khubulova, L.Ch. Khablieva, Z.E. Dzottoeva, S.S. Magamadov	1224
Volga Germans: Famous and Influential People in the Saratov Region of the early XX century I.N. Litvinova, O.A. Karagodina	1237
Musical and Educational Activity of E.G. Gorodetskaya in Irkutsk in the Context of Development of the National System of Musical Education (1901–1917) I.A. Kolokolnikov, Y.A. Petrushin	1248
"We Have Not Done Anything": The First Stage of Work on the Official History of the Don Cossacks (1902-1908) A.Y. Peretyatko	1258
The Russian Intelligentsia's Search for New Forms of Creative Expression during the Inter-Revolutionary Period (1905-1917) T.V. Gryaznukhina, A.G. Gryaznukhin, D.N. Gergilev, L.F. Malyutina	1270
Development of Out-of-school Education in Western Siberia at the beginning of the XX century Elena M. Redkina, A.B. Khramtsov	1278
«Little Speransky» of Siberia: on the Activities of Yakutsk, Yenisei Governor Ivan Kraft from 1906 to 1914 T.G. Karchaeva, E.N. Garin, M.D. Severyanov	1287
Enlightening Activities of the Tsarist Government in Semirechye in the early XXth century (According to the Documents from the Fund of the Head of the Semirechye Region's Resettlement Administration) O.H. Mukhatova, G.B. Tleubekova, N.N. Kurmanalina	1296
Steamers of the Izhevsk's Plants on the 1910-s N.W. Mitiukov, S.L. Bautina, S.I. Adinyaev	1307
Milan Štefanik and Formation of Czech and Slovak Legions in the USA B.V. Kolesnikov, O.Yu. Redkina	1321

Bylye Gody. 2018. № 50 (4)

ARTICLES

Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries A.A. Cherkasov, V.G. Ivantsov, M. Šmigel', S.N. Bratanovskii	1334
--	------

Early Muslims in the Tomsk Ob Region: Hypotheses and Discussions E.V. Vodyasov, O.V. Zaitceva	1347
Mountaineers and Cossacks of the North Caucasus in the History of Russia's Time of Troubles of the late XVI – early XVII centuries A.A. Kudrjavcev	1354
Evolution of Kalmyk Law into a Combined Law System of the Russian Government in the 17th – 18th centuries K.N. Maksimov	1366
Handicraft Activities in the Life-Support System Structure of the Siberian Village of the XVII–XVIII centuries (according to the Archaeological Materials of the Omsk Irtysh Region) L.V. Tataurova	1376
The Relations between the Kalmyks and the Peoples of the North Caucasus in the Context of Military-Political Contacts in the middle of the 17th century V.T. Tepkeev, G.M. Borlikov	1388
Transformation of Caste Consciousness of Siberian Gypsies in XVIII – at the beginning of XX centuries as a Factor of Their Cultural Socialization O.N. Naumenko, E.A. Naumenko	1397
Sacral Geography of Priirtysh Region in the Works of Russian Researchers M. Rakhimov, N. Shayakhmetov, K. Battalov	1406
From the History of the Study of Ancient and Medieval History of the Lower Volga Region in the XVIII – XIX centuries A.S. Skripkin	1417
The Formation of Primary Education in Eastern Siberia: the Example of Shushenskaya Volost V.G. Sedel'nikov, V.N. Tuguzhekova, N.J. Artamonova, V.N. Asochakova	1427
Integration of Kalmyks into the Russian Society of the XVIII century and Relations of Kalmyks, Russians and Other Ethnos during the Existence of the Kalmyk Khanate within Russian Empire (based on Unpublished Materials stored in the National Archives of the Kalmyk Republic) B.K. Salaev, D.A. Suseeva, T.S. Esenova, N.S. Dzhambinova	1436
The Role of Marine Fisheries Research Expeditions of the 18th–19th centuries in Establishing Russian Political and Legal Presence in the Arctic K.S. Zaikov, A.A. Cherkasov, G. Tianming, N.V. Loukacheva	1456
S.N. Glinka and His Works on the History of the Armenian People in Russian And Armenian Historiography S.M. Sayadov	1471
„Do They All Perform Their Service Dutifully, and Can We Rely on Them in Future?": Methods and Techniques of Manpower Recruitment in Russia In the 1780-1790-ies (by the Example of the Central Urals) A. Plate	1483
The Tactics and Strategy of General G.Kh. Zass in the Caucasus G. Rajović, D.O. Ezhevski, A.G. Vazeroва, M. Trailovic	1492
Ethno-Cultural Aspects of the Russian-British Rivalry in Turkestan in the XIX century K.E. Mamutova, A.V. Kostromitskaya, E.V. Kryzhko, P.I. Pashkovsky	1499
Socio-Economic Situation and Legal Status of Georgian Jews in the XVIII century N. Ter-Oganov	1507
«Deputative Missions» of the Kazakh Khans, Sultans and Family Governs in the Court of the Russian Emperors in the first half of the 19th century Y.A. Lysenko	1518

The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research S.I. Degtyarev, V.M. Zavhorodnia, L.G. Polyakova	1530
A Reflection of the Process of Learning of Russian Liberalism of the Sixth Century in Contemporary Researches (Analytical Review of the Historiography of Russian Liberalism) R.A. Arslanov, E.V. Linkova, E.A. Solovyev	1538
The Schism in Decembrist Movement M.S. Belousov	1552
Sanitary Provision in the Caucasus during the Russian-Persian War of 1826–1828 I.A. Ermachkov, L.A. Koroleva, N.V. Svechnikova, J. Gut	1566
Distance and Distance Chiefs of the Kazakhs of the Orenburg Province (1830–1860) G.S. Sultangalieva, Z.K. Dyussebekova	1575
Perspectives of Russian Grain Exports in 1846 (based on the Printed Output of the Imperial Agricultural Society of Southern Russia and the Imperial Free Economy Society) V.N. Borisenko, O.Yu. Plenkov, E.G. Shchemeleva, Y.I. Kuznetsova	1584
«Vladikavkaz Diocesan Lists» and as a Source on the History of Public Life in the Terek Region in the second half of the XIX – early XX centuries S. Khubulova, B. Koibaev, Z. Sosranova, Al. Tsarikaev	1592
"The Resources of Cold" in Economic and Socio-Cultural Practices of Rural Communities of Yakutia. The second half of XIX – early XX centuries A. Suleymanov	1601
Formation of the System of School Education of the Kazakh Society of Central Kazakhstan in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries B.T. Tuleuova, L.K. Shotbakova, G.M. Smagulova	1612
Rion Rowing Flotilla of 1854–1856: Pages of History V.B. Karataev, S.I. Adinyaev, S.F. Artemova	1625
The Choice of the Way to the Future: to the History of the Don and Orenburg Cossack Hosts as Polygons for Military and Economic Reforms in 1860–1870 A.Y. Peretyatko	1632
Merchants' Hotel Businesses as a Part of Urban Everyday Life in the Towns of the Orenburg Governorate during the Post-Reform Period K.A. Abdrakhmanov	1644
"Other Slavs": Images of "Western Slavdom" in the Views of Russian National-Conservative Panslavists in the 70s–80s of the XIX century A.A. Linchenko	1656
"Resettlement Fact" – As Seen by the Eyes of Peasants (adapted from Peasants' Letters): Latter half of XIX – early XX centuries Y.V. Putilina, V.N. Cherepanova, I.A. Filippova, V.S. Molchanova	1666
The History of the Russian Region in the Context of Regional Geography (Popular Scientific Geographical Literature of the late 19 – early 20 centuries about Don) N.A. Mininkov, L.V. Mininkova	1674
On Certain Questions Concerning Education in Jadidist Schools in the Kazakh Steppe (the late 19th – the beginning of the 20th centuries) K.M. Murzakhodzhayev, Z.M. Tulibayeva	1684
The Development of Butter Production in the Regions of Western Siberia at the beginning of the 20th century P.A. Sungurov	1695

The System of Cossack Land Ownership and Land Use and Its Reformation in the Early Twentieth Century V.P. Trut	1703
The Issues of Defense, Internal Governance and the Status of the Chinese Eastern Railway in Government Policy at the beginning of the 20th century D.G. Yanchenko	1712
Russian Conservatism of the beginning of the 20 th century: Between Dogma, Illusion and Reality K.N. Tarasov, E.Yu. Mokerova, E.N. Nemchaninova, E.V. Bykova	1725
On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905 A.M. Mamadaliev, A.V. Venkov, N.V. Miku, A. Médico	1734
The Liberal Intelligentsia between the Autocracy and the Revolution: I.V. Baev on the Crisis of Power in Russia in 1917 S.V. Darchieva, A.V. Darchiev	1744
The Centenary of the Great Upheavals in the Mirror of the Latest Russian Historiography A.Yu. Dvornichenko, A.E. Kotov	1752
Hundred Years of 1917 in Russia: Lessons of History and Present Day V.I. Goldin	1766
Strategy of Economic Adaptation of Unauthorized Migrants in the Altai Region during the Period of Stolypin Reforms V.N. Razgon	1774
Russian Historical Journal “Bylye Gody” publications for 2018	1784